

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ**

*К 110-летию со дня рождения
академика Д. С. Лихачева*

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЛИХАЧЕВСКИЕ
НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ**

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

**ИЗБРАННЫЕ ДОКЛАДЫ
(1995–2015)**

**Санкт-Петербург
2015**

ББК 72

М43

Составитель и научный редактор

А. С. Запесоцкий, председатель Оргкомитета Чтений с 1993 г.,
член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, председатель Исполкома Конгресса
петербургской интеллигенции, ректор СПбГУП

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой
программы «Культура России (2012 – 2018 годы)»

Международные Лихачевские научные чтения. Глобализация и диалог
М43 культур. Избранные доклады (1995 – 2015) / сост. и науч. ред. А. С. Запесоцкий. — СПб. : СПбГУП, 2015. — 880 с.

ISBN 978-5-7621-0824-9

Публикуются избранные доклады участников Международных Лихачевских научных чтений, с 1993 года ежегодно организуемых в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов. С 2001 года Чтения проводятся в соответствии с Указом Президента РФ В. В. Путина «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева». Среди соучредителей данного научного форума — Российская академия наук, Министерство иностранных дел России, Конгресс петербургской интеллигенции.

Чтения посвящены актуальным проблемам мирового развития. С одной стороны, это процессы глобализации и расширения взаимодействия культур, народов, государств, с другой — новое осмысление национальных интересов государствами и обществами, поиск ими своего места в глобализирующемся мире и ответов на вызовы и угрозы, которые несет в себе мировая трансформация. Доклады участников посвящены различным аспектам становления глобальной культуры, тенденциям развития мировой экономики и права, глобализации образования и трудовых отношений, современным средствам массовой информации. Особое внимание уделено исследованию роли и места России в современном мире.

Авторы сборника — выдающиеся отечественные и зарубежные ученые, руководители академических институтов и научно-исследовательских центров, известные государственные и общественные деятели, дипломаты, журналисты, представители творческой интеллигенции.

ББК 72

ISBN 978-5-7621-0824-9

© Запесоцкий А. С., составление, 2015
© СПбГУП, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

А. С. Запесоцкий , <i>председатель Оргкомитета Чтений с 1993 г., член-корреспондент РАН, ректор СПбГУП</i> ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР (Предисловие).....	18
Д. С. Лихачев , <i>академик РАН, Почетный доктор СПбГУП</i> ВЕЛИКАЯ КУЛЬТУРА ПРИМИРИТЕЛЬНА ПО СВОЕЙ СУТИ Чтения, 22 – 23 мая 1997 г.	22
I. ПРОЦЕСС ГЛОБАЛИЗАЦИИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ	
Ш. Азиз , <i>премьер-министр Пакистана (2004–2007), министр финансов (1999–2007)</i> СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ XV Чтения, 14 – 15 мая 2015 г.	26
А. А. Акаев , <i>иностраннный член РАН, Президент Киргизской Республики (1990–2005)</i> ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ И БИФУРКАЦИЯ В ЭКОНОМИКЕ ЕВРОСОЮЗА XV Чтения, 14 – 15 мая 2015 г.	31
К. Н. Брутенц , <i>вице-президент Российской внешнеполитической ассоциации, первый заместитель заведующего международным отделом ЦК КПСС (1986–1991), доктор исторических наук, профессор</i> ПОДЪЕМ АЗИИ И ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ X Чтения, 13 – 14 мая 2010 г.	38
Ольесь Бузина , <i>писатель, журналист, историк (Украина)</i> УКРАИНА: ТРЕУГОЛЬНИК МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПРОТИВОСТОЯНИЙ IX Чтения, 14 – 15 мая 2009 г.	41
Полад Бюль-Бюль оглы , <i>министр культуры Азербайджана (1988–2006), Чрезвычайный и Полномочный Посол Азербайджанской Республики в РФ, доктор искусствоведения, профессор</i> АЗЕРБАЙДЖАН НА ПЕРЕПУТЬЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ IX Чтения, 14 – 15 мая 2009 г.	46
Ежи Й. Вятр , <i>министр образования (1996–1997), депутат сейма Республики Польша (1991–1997, 2001), доктор социологии, профессор</i> НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ XV Чтения, 14 – 15 мая 2015 г.	50
Г. М. Гатиллов , <i>заместитель министра иностранных дел РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол</i> О НЕКОТОРЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВАХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ XV Чтения, 14 – 15 мая 2015 г.	55

А. А. Громыко , <i>член-корреспондент РАН, профессор факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова</i> ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК СРЕДСТВО КОММУНИКАЦИИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ, ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ XIII Чтения, 16 – 17 мая 2013 г.	62
А. А. Гусейнов , <i>академик РАН, директор Института философии РАН, Почетный доктор СПбГУП</i> «СВОИ» И «ЧУЖИЕ» В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ XIV Чтения, 15 – 20 мая 2014 г.	66
О НАЦИИ КАК ИДЕЕ И ИСТОРИЧЕСКОМ ЯВЛЕНИИ XV Чтения, 14 – 15 мая 2015 г.	72
М. С. Гусман , <i>первый заместитель генерального директора Информационного агентства России «ТАСС», доктор политических наук, профессор</i> СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ XV Чтения, 14 – 15 мая 2015 г.	79
Петр Дуткевич , <i>директор Центра управления и государственной политики, профессор Карлтонского университета (Оттава, Канада), доктор философии</i> РЫНОК, МОДЕРНИЗАЦИЯ И ДЕМОКРАТИЯ. РАЗМЫШЛЕНИЯ О МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЯХ XII Чтения, 17 – 18 мая 2012 г.	84
ПЯТЬ МЫСЛЕЙ НА ТЕМУ МЕЖДУНАРОДНОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ XV Чтения, 14 – 15 мая 2015 г.	96
Т. И. Заславская , <i>академик РАН</i> ВРЕМЕНА И ЭПОХИ НЕ ВЫБИРАЮТ Чтения, 22 – 23 мая 1997 г.	100
К МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ Чтения, 21 – 22 мая 1998 г.	102
И. Т. Касавин , <i>член-корреспондент РАН, заведующий сектором социальной эпистемологии Института философии РАН</i> ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ: В ПОИСКАХ ОБЛАСТИ РАЦИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА X Чтения, 13 – 14 мая 2010 г.	106
Ганс Кёхлер , <i>президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), профессор Университета Инсбрука, доктор философии</i> МИРОВОЙ ПОРЯДОК И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС XV Чтения, 14 – 15 мая 2015 г.	109
Гжегож В. Колодко , <i>вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003), доктор экономических наук, профессор</i> К ЛУЧШЕМУ БУДУЩЕМУ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ XV Чтения, 14 – 15 мая 2015 г.	118
В. А. Конев , <i>заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, доктор философских наук, профессор</i> ДВА ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВА СОВРЕМЕННОСТИ: ВЫЗОВ ГОСПОДСТВА И ВЫЗОВ СВОБОДЫ XV Чтения, 14 – 15 мая 2015 г.	123

В. Г. Костомаров , президент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина, академик РАО ЯЗЫК В СООТНОШЕНИИ КУЛЬТУРЫ И ЦИВИЛИЗАЦИИ III Чтения, 22 – 23 мая 2003 г.	127
С. В. Лавров , министр иностранных дел РФ, член Совета безопасности РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол ЧЕРЕЗ АКТИВАЦИЮ МНОГОСТОРОННИХ УСИЛИЙ — К СОЗДАНИЮ ГАРМОНИЧНЫХ ОСНОВ МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ IX Чтения, 14 – 15 мая 2009 г.	134
В. А. Лекторский , академик РАН, академик РАО, заведующий сектором теории познания Института философии РАН ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ XV Чтения, 14 – 15 мая 2015 г.	140
Ли Цзинцзе , президент Китайской ассоциации по изучению России, Восточной Европы и Центральной Азии, академик Академии общественных наук КНР ЗАЙМСТВОВАНИЕ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ: НЕЛЬЗЯ ДОПУСКАТЬ ОТКЛОНЕНИЙ КАК «ВЛЕВО», ТАК И «ВПРАВО» VII Чтения, 24 – 25 мая 2007 г.	143
Ли Шеньмин , вице-президент Академии общественных наук КНР ПУСТЬ РОЗА И ФИАЛКА РАСЦВЕТАЮТ РАЗНЫМИ ЦВЕТАМИ (О равноправном диалоге и равноправной коммуникации между цивилизациями и культурами) XIII Чтения, 16 – 17 мая 2013 г.	148
Е. А. Лукашева , член-корреспондент РАН, заведующая сектором прав человека Института государства и права РАН ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ: ИНТЕГРАЦИЯ КУЛЬТУР И ЕЕ ПРЕДЕЛЫ X Чтения, 13 – 14 мая 2010 г.	152
Хуан А. Марк , Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в РФ (2008–2011) МИР УЖЕ НИКОГДА НЕ БУДЕТ ПРЕЖНИМ: ГРЯДУТ БОЛЬШИЕ ПЕРЕМЕНЫ XV Чтения, 14 – 15 мая 2015 г.	155
В. М. Межуев , главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор ДИАЛОГ КАК СПОСОБ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ XII Чтения, 17 – 18 мая 2012 г.	161
Мигель А. Моратинос , министр иностранных дел и международного сотрудничества Королевства Испания (2004–2010), Почетный доктор СПбГУП СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ. СОПРОТИВЛЕНИЕ ПРОТИВ ВЫЗОВА. ВРЕМЯ ДЕЙСТВОВАТЬ XV Чтения, 14 – 15 мая 2015 г.	172
В. В. Наумкин , член-корреспондент РАН, директор Института востоковедения РАН ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ И САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ XIII Чтения, 16 – 17 мая 2013 г.	178

НАЦИЯ-ГОСУДАРСТВО, ЦИВИЛИЗАЦИЯ И КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ XIV Чтения, 15 – 20 мая 2014 г.	185
Винсент делла Сала , профессор политических наук Университета Тренто (Италия) ЕВРОПА — МЕРКУРИЙ, РОССИЯ — ПЛУТОН: СЛОЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ XV Чтения, 14 – 15 мая 2015 г.	195
Мехди Санаи , Чрезвычайный и Полномочный Посол Исламской Республики Иран в РФ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ: ИЗМЕНЕНИЯ В ПОНЯТИЯХ И ОСНОВАХ XIV Чтения, 15 – 20 мая 2014 г.	200
Жак Сапир , профессор экономики Высшей школы социальных наук (EHESS, Париж), директор Центра исследований индустриализации CEMI-EHESS КРИЗИС ГЛОБАЛИЗАЦИИ. НОВЫЙ КОНТЕКСТ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК XV Чтения, 14 – 15 мая 2015 г.	210
А. В. Смирнов , член-корреспондент РАН, заместитель директора Института философии РАН КАК РАЗЛИЧАЮТСЯ КУЛЬТУРЫ? VIII Чтения, 22 – 23 мая 2008 г.	216
ТИПОЛОГИЯ КУЛЬТУР И КАРТИНА МИРА IX Чтения, 14 – 15 мая 2009 г.	221
Ю. Н. Солонин , декан философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета (1989–2010), доктор философских наук, профессор ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ РАЗМЫШЛЕНИЙ X Чтения, 13 – 14 мая 2010 г.	236
В. С. Степин , академик РАН, руководитель Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, Почетный доктор СПбГУП НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ: ПРОБЛЕМА СТРАТЕГИЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ XV Чтения, 14 – 15 мая 2015 г.	240
Мегавати Сукарнопутри , Президент Индонезии (2001–2004) НЕОБХОДИМО ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВСЕХ НАЦИЙ И ГОСУДАРСТВ VIII Чтения, 22 – 23 мая 2008 г.	245
Эль Хасан бин Талаль , коронованный принц Иорданского Хашимитского Королевства ДОСТОИНСТВО И СПРАВЕДЛИВОСТЬ: ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА IX Чтения, 14 – 15 мая 2009 г.	248
М. Л. Титаренко , академик РАН, директор Института Дальнего Востока РАН ЕВРАЗИЙСТВО КАК ПАРАДИГМА СОСУЩЕСТВОВАНИЯ И РАСЦВЕТА МНОГООБРАЗИЯ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ XI Чтения, 12 – 13 мая 2011 г.	255
РОССИЙСКОЕ КИТАЕВЕДЕНИЕ КАК ФАКТОР ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ XIII Чтения, 16 – 17 мая 2013 г.	265

П. П. Толочко , <i>иностраный член РАН, директор Института археологии Национальной академии наук Украины, академик НАН Украины</i> ИМПЕРИИ КАК ВЕРШИНЫ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ XIII Чтения, 16 – 17 мая 2013 г.	272
ЕВРОИНТЕГРАЦИОННАЯ ДРАМА УКРАИНЫ XV Чтения, 14 – 15 мая 2015 г.	279
Ж. Т. Тощенко , <i>член-корреспондент РАН, заведующий кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета</i> ТРАВМА КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ВАРИАНТ В РАЗВИТИИ МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ (Полемиические заметки) XV Чтения, 14 – 15 мая 2015 г.	285
В. Т. Третьяков , <i>декан Высшей школы (факультета) телевидения, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова</i> МОНОЛОГ С ПОЗИЦИИ СИЛЫ (К когнитивному диссонансу европейской цивилизации добавились этический и эстетический) XIII Чтения, 16 – 17 мая 2013 г.	292
Ташансу Тюркер , <i>директор Исследовательского центра по изучению Евразии, России и Восточной Европы (Турция)</i> ИСТОРИЯ НАЦИИ: ВЛИЯНИЕ ЗАПАДА НА РОССИЙСКУЮ И ТУРЕЦКУЮ ИМПЕРИИ XV Чтения, 14 – 15 мая 2015 г.	294
В. А. Черешнев , <i>председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям, академик РАН, директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, Почетный доктор СПбГУП;</i> В. Н. Расторгуев , <i>профессор кафедры философии политики и права МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук</i> ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ: ДИАЛОГ ПОЛИТИКИ И НАУКИ XIV Чтения, 15 – 20 мая 2014 г.	300
А. О. Чубарьян , <i>академик РАН, директор Института всеобщей истории РАН, Почетный доктор СПбГУП</i> РОССИЯ И ЕВРОПА: ВЗАИМНЫЕ ОБРАЗЫ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ, ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ТРАДИЦИИ IX Чтения, 14 – 15 мая 2009 г.	304
ОТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ К ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ X Чтения, 13 – 14 мая 2010 г.	313
МИРОВАЯ ИСТОРИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ XI Чтения, 12 – 13 мая 2011 г.	314
А. В. Яковенко , <i>заместитель министра иностранных дел России (2005–2011), Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Великобритании</i> РОССИЙСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ VI Чтения, 26 – 27 мая 2006 г.	316
КУЛЬТУРА, МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ XII Чтения, 17 – 18 мая 2012 г.	323

II. ДИАЛОГ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

- Л. И. Абалкин**, академик РАН, директор Института экономики РАН (1986–2005),
заместитель Председателя Совета Министров СССР (1989–1991)
ПОИСК ПУТЕЙ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
IX Чтения, 14 – 15 мая 2009 г. 331
- ГЛОБАЛИЗАЦИЯ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА И КУЛЬТУРА
X Чтения, 13 – 14 мая 2010 г. 334
- ВЗАИМОПОНИМАНИЕ КУЛЬТУР — ОСНОВА ПРОГРЕССА
XI Чтения, 12 – 13 мая 2011 г. 337
- А. А. Авдеев**, министр культуры РФ (2008–2012)
КУЛЬТУРА В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА И ЕЕ РОЛЬ
В СТАНОВЛЕНИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ДИАЛОГА
X Чтения, 13 – 14 мая 2010 г. 338
- Иммануил Валлерстайн**, профессор социологии
Йельского университета (США), доктор философии
ДИАЛОГ В МНОГОКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ
VIII Чтения, 22 – 23 мая 2008 г. 343
- Александра Гамильтон**, Ее Светлость герцогиня Аберкорнская (Великобритания),
Почетный доктор СПбГУП
ДИАЛОГ КУЛЬТУР
XIII Чтения, 16 – 17 мая 2013 г. 346
- М. К. Горшков**, академик РАН, директор Института социологии РАН
КУЛЬТУРА КАК ПРОСТРАНСТВО ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ
XIV Чтения, 15 – 20 мая 2014 г. 350
- Д. А. Гранин**, писатель, Герой Социалистического Труда,
Почетный доктор СПбГУП
РАЗМЫШЛЕНИЯ О ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР
XI Чтения, 12 – 13 мая 2011 г. 363
- А. А. Гусейнов**, академик РАН, директор Института философии РАН,
Почетный доктор СПбГУП
О ЧЕМ МЫ ГОВОРИМ, КОГДА ГОВОРИМ О ДИАЛОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
VII Чтения, 24 – 25 мая 2007 г. 366
- А. С. Запесоцкий**, член-корреспондент РАН,
ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов
ИСТОРИЧЕСКИЙ СПОР МЕЖДУ КАПИТАЛИЗМОМ
И СОЦИАЛИЗМОМ КАК ДИАЛОГ КУЛЬТУР
XI Чтения, 12 – 13 мая 2011 г. 373
- И. Т. Касавин**, член-корреспондент РАН, заведующий сектором
социальной эпистемологии Института философии РАН
ФИЛОСОФИЯ И ЛИТЕРАТУРА: ДИАЛОГ ДИСКУРСИВНЫХ КУЛЬТУР
XII Чтения, 17 – 18 мая 2012 г. 383
- Ганс Кёхлер**, президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия),
профессор Университета Инсбрука, доктор философии
ДИАЛОГ МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ И КУЛЬТУРАМИ:
ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПРЕДПОСЫЛКИ
ДЛЯ «МИРОВОГО ПОРЯДКА»
XIII Чтения, 16 – 17 мая 2013 г. 389

ЦИВИЛИЗАЦИИ МЕЖДУ КОНФЛИКТОМ И ДИАЛОГОМ: ВОСПРИЯТИЕ И РЕАЛЬНОСТЬ В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ XIV Чтения, 15 – 20 мая 2014 г.	396
В. А. Конев , заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, доктор философских наук, профессор ПРОСТРАНСТВО ВСТРЕЧИ КУЛЬТУР XIV Чтения, 15 – 20 мая 2014 г.	405
А. Б. Куделин , академик РАН, директор Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН ИЗ ИСТОРИЙ ИСЛАМО-ХРИСТИАНСКОГО ДИАЛОГА («Авраамический» монотеизм в интерпретации средневековых мусульманских богословов) XIV Чтения, 15 – 20 мая 2014 г.	409
С. В. Лавров , министр иностранных дел РФ, член Совета безопасности РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА XII Чтения, 17 – 18 мая 2012 г.	419
В. А. Лекторский , академик РАН, академик РАО, заведующий сектором теории познания Института философии РАН КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ: ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ДИАЛОГ XIII Чтения, 16 – 17 мая 2013 г.	425
ГУМАНИЗМ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР XIV Чтения, 15 – 20 мая 2014 г.	428
Его Королевское Высочество Майкл , принц Кентский (Великобритания), Почетный доктор СПбГУП ДИАЛОГ КУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ XII Чтения, 17 – 18 мая 2012 г.	435
Федерико Майор , генеральный директор ЮНЕСКО (1987–1999) ВМЕСТО КОНФРОНТАЦИИ ТРЕБУЮТСЯ ДИАЛОГ И ОБЪЕДИНЕНИЕ VIII Чтения, 22 – 23 мая 2008 г.	440
ДИАЛОГ И АЛЬЯНС ЦИВИЛИЗАЦИЙ IX Чтения, 14 – 15 мая 2009 г.	441
В. И. Матвиенко , губернатор Санкт-Петербурга (2003–2011) ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ IX Чтения, 14 – 15 мая 2009 г.	443
МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЙ ПЕТЕРБУРГ: СОВРЕМЕННЫЙ ОПЫТ ДИАЛОГА КУЛЬТУР XI Чтения, 12 – 13 мая 2011 г.	450
В. В. Миронов , член-корреспондент РАН, декан философского факультета, заведующий кафедрой онтологии и теории познания МГУ им. М. В. Ломоносова ДИАЛОГ КУЛЬТУР ИЛИ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЙ МОНОЛОГ? XIV Чтения, 15 – 20 мая 2014 г.	453

- Н. Н. Моисеев**, *академик РАН*
 ГУМАНИЗМ — ЗАСЛОН ПРОТИВ НАДВИГАЮЩЕГОСЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
 Чтения, 21 – 22 мая 1998 г. 462
- В. В. Наумкин**, *член-корреспондент РАН,
 директор Института востоковедения РАН*
 МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ДИАЛОГ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ
 IX Чтения, 14 – 15 мая 2009 г. 467
- А. Д. Некипелов**, *академик РАН, вице-президент РАН (2001–2013),
 директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова,
 Почетный доктор СПбГУП*
 ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И РЕФОРМЫ
 Чтения, 20 – 21 мая 1999 г. 476
- Е. И. Пивовар**, *член-корреспондент РАН,
 ректор Российского государственного гуманитарного университета*
 РОССИЙСКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ
 И ГЛОБАЛЬНЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ XX ВЕКА
 IX Чтения, 14 – 15 мая 2009 г. 479
- М. Б. Пиотровский**, *член-корреспондент РАН,
 директор Государственного Эрмитажа*
 КУЛЬТУРА ДОЛЖНА ОБЪЕДИНЯТЬ ЛЮДЕЙ
 VI Чтения, 26 – 27 мая 2006 г. 487
- ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ
 VII Чтения, 24 – 25 мая 2007 г. 489
- Абдулвахаб М. Аль-Раухани**, *глава Центра стратегических исследований
 (Республика Йемен), Посол Йемена в РФ (2003–2007)*
 ГУМАНИТАРНОЕ ПАРТНЕРСТВО В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР
 IX Чтения, 14 – 15 мая 2009 г. 494
- В. С. Степин**, *академик РАН, руководитель Секции философии,
 социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН,
 Почетный доктор СПбГУП*
 ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР И ПОИСК НОВЫХ СТРАТЕГИЙ
 ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ
 IX Чтения, 14 – 15 мая 2009 г. 503
- В. А. Тишков**, *академик РАН, академик-секретарь
 Отделения историко-филологических наук и член Президиума РАН,
 директор Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН*
 ДИАЛОГ КУЛЬТУР И НОВЫЕ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
 XIV Чтения, 15 – 20 мая 2014 г. 514
- П. П. Толочко**, *иностраннный член РАН, директор Института археологии
 Национальной академии наук Украины, академик НАН Украины*
 О ПРОБЛЕМЕ ВНУТРИКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА
 X Чтения, 13 – 14 мая 2010 г. 526
- Турки аль-Фейсал**, *Его Королевское Высочество, принц (Саудовская Аравия)*
 ДИАЛОГ, ВЕДУЩИЙ К СОСУЩЕСТВОВАНИЮ
 ВСЕХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ КУЛЬТУР
 XIII Чтения, 16 – 17 мая 2013 г. 531

III. ЭКОНОМИКА И ПРАВО В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

- О. Т. Богомолов**, академик РАН
ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРА
V Чтения, 19 – 20 мая 2005 г.535
- Н. С. Бондарь**, судья Конституционного Суда РФ,
доктор юридических наук, профессор
КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ
СОВРЕМЕННОГО ГЛОБАЛИСТСКОГО МИРА
X Чтения, 13 – 14 мая 2010 г.541
- Шломо Вебер**, научный руководитель Лаборатории исследования
социальных отношений и многообразия общества
Российской экономической школы;
Виктор Гинзбург, профессор экономики Европейского центра перспективных
экономических исследований при Брюссельском свободном университете
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ, КУЛЬТУРА И ЭКОНОМИКА
XIII Чтения, 16 – 17 мая 2013 г.548
- Г. А. Гаджиев**, судья Конституционного Суда РФ,
доктор юридических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ
И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР
IX Чтения, 14 – 15 мая 2009 г.556
- О ЮРИДИЧЕСКОМ И ФИЛОСОФСКОМ СМЫСЛЕ УТВЕРЖДЕНИЯ
«ЗАПАД ЕСТЬ ЗАПАД, ВОСТОК ЕСТЬ ВОСТОК»
XV Чтения, 14 – 15 мая 2015 г.560
- С. Ю. Глазьев**, академик РАН, советник Президента РФ В. В. Путина
ЕВРАЗИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
XII Чтения, 17 – 18 мая 2012 г.563
- Р. С. Гринберг**, член-корреспондент РАН,
директор Института экономики РАН
НЕВЫУЧЕННЫЕ УРОКИ
IX Чтения, 14 – 15 мая 2009 г.570
- М. И. Клеандров**, член-корреспондент РАН,
судья Конституционного Суда РФ
ПРАВОСУДИЕ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ
КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ КУЛЬТУРЫ
XIII Чтения, 16 – 17 мая 2013 г.587
- Г. Б. Клейнер**, член-корреспондент РАН, заместитель директора
Центрального экономико-математического института РАН
А. СМИТ, Т. ВЕБЛЕН, В. ВЕРНАДСКИЙ, Д. ЛИХАЧЕВ:
ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ЗЕРКАЛЕ ЭКОНОМИКИ
XIV Чтения, 15 – 20 мая 2014 г.596
- А. Г. Лисицын-Светланов**, академик РАН,
директор Института государства и права РАН
РОЛЬ ПРАВА В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР
X Чтения, 13 – 14 мая 2010 г.602

НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ XV Чтения, 14 – 15 мая 2015 г.	604
Д. С. Львов , академик РАН, академик-секретарь Отделения экономики РАН (1996–2002) ЭКОНОМИКА И ЖИЗНЕННЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА VI Чтения, 26 – 27 мая 2006 г.	608
А. Д. Некипелов , академик РАН, вице-президент РАН (2001–2013), директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, Почетный доктор СПбГУП ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ IX Чтения, 14 – 15 мая 2009 г.	617
Г. М. Резник , президент Адвокатской палаты г. Москвы (2002–2015), вице-президент Федеральной палаты адвокатов, Почетный доктор СПбГУП ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ДОСТОИНСТВО ЛИЧНОСТИ — ОСНОВА МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ VI Чтения, 26 – 27 мая 2006 г.	622
ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: УРОКИ КОМПАРАТИВНОСТИ XV Чтения, 14 – 15 мая 2015 г.	624
Т. Я. Хабриева , академик РАН, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА XII Чтения, 17 – 18 мая 2012 г.	631
Ю. С. Шемшученко , иностранный член РАН, директор Института государства и права им. В. М. Корецкого Национальной академии наук Украины (Киев), академик НАН Украины; А. В. Кресин , ученый секретарь, старший научный сотрудник Института государства и права им. В. М. Корецкого НАН Украины СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ И РОЛЬ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ X Чтения, 13 – 14 мая 2010 г.	635
Е. Г. Ясин , научный руководитель Государственного университета — Высшей школы экономики, доктор экономических наук, профессор КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ VIII Чтения, 22 – 23 мая 2008 г.	643
IV. ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ И КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ	
Ф. М. Бурлацкий , политолог, публицист, доктор философских наук, профессор ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ IX Чтения, 14 – 15 мая 2009 г.	647
Г. А. Гаджиев , судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП РУССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ КАК ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ XIII Чтения, 16 – 17 мая 2013 г.	649

ИСТОРИЧЕСКИ СОСТОЯВШИЙСЯ ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК ОСНОВА ПРАВА РОССИЙСКОГО НАРОДА БЫТЬ САМИМ СОБОЙ XIV Чтения, 15 – 20 мая 2014 г.	655
Д. А. Гранин , писатель, Герой Социалистического Труда, Почетный доктор СПбГУП ВЫДЕРЖИТ ЛИ РОССИЯ ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ? IX Чтения, 14 – 15 мая 2009 г.	662
Р. С. Гринберг , член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН «УСКОЛЬЗАЮЩИЙ» МИР И РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА XV Чтения, 14 – 15 мая 2015 г.	665
Ю. В. Зобнин , заведующий кафедрой литературы и русского языка СПбГУП (1993–2008; 2010–2011), доктор филологических наук, профессор «КОГДА НАРОДЫ, РАСПРИ ПОЗАБЫВ...»: «РУССКИЙ ПРОЛОГ» К ФИЛОСОФИИ ГЛОБАЛИЗМА (Предварительные заметки) XI Чтения, 12 – 13 мая 2011 г.	671
А. А. Кокошин , академик РАН, академик-секретарь Отделения общественных наук РАН, руководитель Центра исследований военно-политических проблем России Института социально-политических исследований РАН О «БРЕНДЕ» РОССИИ В «ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР» В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА IX Чтения, 14 – 15 мая 2009 г.	676
А. П. Марков , профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ КАК СМЫСЛ И СУДЬБА «РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ» XV Чтения, 14 – 15 мая 2015 г.	683
В. И. Матвиенко , губернатор Санкт-Петербурга (2003–2011) ПЕТЕРБУРГ В МИРОВОЙ КУЛЬТУРЕ X Чтения, 13 – 14 мая 2010 г.	690
А. Д. Некипелов , академик РАН, вице-президент РАН (2001–2013), директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, Почетный доктор СПбГУП АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК XI Чтения, 12 – 13 мая 2011 г.	694
Ю. С. Осипов , академик РАН, президент Российской академии наук (1991–2013) РОССИЙСКАЯ НАУКА КАК ДИАЛОГ КУЛЬТУР IX Чтения, 14 – 15 мая 2009 г.	698
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР X Чтения, 13 – 14 мая 2010 г.	703
А. М. Панченко , академик РАН РУССКИЙ ГОРОД И РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ: РЕЛИГИОЗНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ Чтения, 22 – 23 мая 1997 г.	710

- Б. Д. Парыгин**, *заведующий кафедрой социальной психологии СПбГУП (1992–2004), доктор философских наук, профессор*
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ДУХОВНОЙ ЭВОЛЮЦИИ РОССИИ
Чтения, 21 – 22 мая 1998 г.712
- Н. Я. Петраков**, *академик РАН, директор Института проблем рынка РАН (1990–2014)*
ОПОРА НА ИНТЕЛЛИГЕНЦИЮ — ЗАЛОГ ВЫХОДА РОССИИ ИЗ КРИЗИСА
I Чтения, 24 – 25 мая 2001 г.715
- Н. А. Платэ**, *академик РАН, вице-президент РАН (2001–2007), Почетный доктор СПбГУП*
АКАДЕМИЯ НАУК И РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА
V Чтения, 19 – 20 мая 2005 г.717
- Е. М. Примаков**, *академик РАН, президент Торгово-промышленной палаты РФ*
РОССИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
IX Чтения, 14 – 15 мая 2009 г.724
- Александр Рар**, *директор Центра им. Бертольда Бейца при Германском совете по внешней политике (DGAP)*
РОССИЯ — ЕВРОПА, НО НЕ ЗАПАД
XII Чтения, 17 – 18 мая 2012 г.730
- Э. А. Рязанов**, *кинорежиссер, сценарист, народный артист СССР, Почетный доктор СПбГУП*
ИНТЕЛЛИГЕНТ НЕ МОЖЕТ НАПИСАТЬ ДОНОС
I Чтения, 24 – 25 мая 2001 г.737
- А. А. Собчак**, *мэр Санкт-Петербурга (1991–1996), доктор юридических наук, профессор*
НОВАЯ РОССИЙСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ —
ПРАВОВАЯ ОСНОВА ПОСТРОЕНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
Чтения, 24 – 25 мая 1995 г.738
- ПЕТЕРБУРГ — КУЛЬТУРНЫЙ И ДУХОВНЫЙ ЦЕНТР РОССИИ И ЕВРОПЫ
Чтения, 23 – 24 мая 1996 г.740
- Ж. Т. Тощенко**, *член-корреспондент РАН, заведующий кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета*
ФЕНОМЕН «СОВЕТСКОЕ» В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
VII Чтения, 24 – 25 мая 2007 г.743
- Н. П. Шмелев**, *академик РАН, директор Института Европы РАН (1999–2014)*
QUO VADIS, РОССИЯ?
X Чтения, 13 – 14 мая 2010 г.746
- РОССИЯ: ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ БУДУЩЕГО
XI Чтения, 12 – 13 мая 2011 г.752
- В. Л. Янин**, *академик РАН, заведующий кафедрой археологии исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, Почетный доктор СПбГУП*
ИНТЕЛЛИГЕНТ — ЭТО КУЛЬТУРНЫЙ ГЕНОФОНД НАЦИИ
I Чтения, 24 – 25 мая 2001 г.763

У. ГУМАНИТАРНАЯ КУЛЬТУРА, НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ

- Реза Давари Ардакани**, президент Академии наук Исламской Республики Иран,
доктор философии, профессор
ЧТО МОЖЕТ ФИЛОСОФИЯ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ?
XV Чтения, 14 – 15 мая 2015 г. 764
- Ю. Н. Афанасьев**, ректор Московского государственного
историко-архивного института (1986–1991), доктор исторических наук,
профессор
О ГУМАНИЗАЦИИ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ
Чтения, 20 – 21 мая 1999 г. 772
- А. С. Запесоцкий**, член-корреспондент РАН,
ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов
ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУРЫ: ПРОИЗВОДСТВО СМЫСЛОВ
И УПРАВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫМИ ПОТОКАМИ
XIII Чтения, 16 – 17 мая 2013 г. 778
- М. С. Каган**, доктор философских наук,
профессор кафедры культурологии СПбГУП (2000–2006)
О ПОНЯТИИ «ГУМАНИТАРНАЯ КУЛЬТУРА» И РОЛИ ГУМАНИТАРНОСТИ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
Чтения, 23 – 24 мая 1996 г. 789
- ПРИНЦИПЫ ГУМАНИТАРНОСТИ В КУЛЬТУРЕ XXI ВЕКА
Чтения, 24 – 25 мая 2000 г. 791
- С. П. Капица**, доктор физико-математических наук, профессор
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ
Чтения, 22 – 23 мая 1997 г. 793
- В. В. Кожин**, писатель, литературовед, историк,
кандидат филологических наук
О ПРОТИВОРЕЧИИ ЖИЗНИ И СОВРЕМЕННОЙ ПЕДАГОГИКИ
Чтения, 23 – 24 мая 1996 г. 794
- ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
КАК ФУНДАМЕНТ БУДУЩЕЙ КУЛЬТУРЫ
Чтения, 20 – 21 мая 1999 г. 796
- И. С. Кон**, академик РАО, доктор философских наук, профессор
ГУМАНИТАРНАЯ КУЛЬТУРА: ИННОВАЦИИ И ТРАДИЦИИ
IV Чтения, 20 – 21 мая 2004 г. 799
- В. М. Межуев**, главный научный сотрудник Института философии РАН,
доктор философских наук, профессор
ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ
XIII Чтения, 16 – 17 мая 2013 г. 802
- Н. Д. Никандров**, президент Российской академии образования (1997–2013),
академик РАО
ИДЕИ И МИФЫ КАК СРЕДСТВА ВОСПИТАНИЯ
XI Чтения, 12 – 13 мая 2011 г. 806
- Б. Д. Парыгин**, заведующий кафедрой социальной психологии СПбГУП (1992–2004),
доктор философских наук, профессор
ГОТОВА ЛИ ЛИЧНОСТЬ К САМОИДЕНТИФИКАЦИИ?
VIII Чтения, 22 – 23 мая 2008 г. 814

- Б. В. Раушенбах**, академик РАН
ГУМАНИТАРНАЯ КУЛЬТУРА НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ
Чтения, 23 – 24 мая 1996 г. 817
- Н. Н. Скатов**, член-корреспондент РАН,
директор Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН (1987–2005)
УНИВЕРСИТЕТ И КУЛЬТУРА
Чтения, 21 – 22 мая 1998 г. 818
- ПРЕОДОЛЕНИЕ КРИЗИСА КУЛЬТУРЫ —
РЕШАЮЩИЙ ФАКТОР ВЫЖИВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
VIII Чтения, 22 – 23 мая 2008 г. 820
- В. С. Степин**, академик РАН, руководитель Секции философии,
социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН,
Почетный доктор СПбГУП
ФИЛОСОФИЯ И УНИВЕРСАЛИИ КУЛЬТУРЫ
Чтения, 21 – 22 мая 1998 г. 823
- В. А. Черешнев**, председатель Комитета Государственной Думы РФ
по науке и наукоемким технологиям, академик РАН,
директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН,
Почетный доктор СПбГУП
ДОЛГ УЧЕНОГО И ГРАЖДАНСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ
VI Чтения, 26 – 27 мая 2006 г. 825
- VI. ИСКУССТВО И ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**
- М. К. Аникушин**, скульптор, академик Академии художеств СССР,
народный художник СССР, Почетный доктор СПбГУП
ЦЕННОСТИ ПЕРЕОЦЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ, ЕСЛИ ОНИ ПОДЛИННЫЕ
Чтения, 22 – 23 мая 1997 г. 827
- Н. П. Бехтерева**, академик РАН, научный руководитель
Центра «Мозг» АН СССР (с 1990 г.), Института мозга человека РАН (с 1992 г.),
Почетный доктор СПбГУП
НАУКА О МОЗГЕ ЧЕЛОВЕКА К КОНЦУ XX СТОЛЕТИЯ
И ВОСПИТАНИЕ НРАВСТВЕННОГО ЧЕЛОВЕКА
Чтения, 21 – 22 мая 1998 г. 829
- А. А. Вознесенский**, поэт, Почетный доктор СПбГУП
СТРАНА ПРЕОДОЛЕЕТ КРИЗИС,
КОГДА ПРОЧТЕТ «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»
I Чтения, 24 – 25 мая 2001 г. 833
- Д. А. Гранин**, писатель, Герой Социалистического Труда,
Почетный доктор СПбГУП
РАЗМЫШЛЕНИЯ
VIII Чтения, 22 – 23 мая 2008 г. 834
- Высокопреосвященнейший **Иоанн**, митрополит
Санкт-Петербургский и Ладожский (1990–1995)
О РОЛИ ЦЕРКВИ В ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОМ
ВОСПИТАНИИ НАРОДА
Чтения, 24 – 25 мая 1995 г. 838

З. Я. Корогодский , художественный руководитель Ленинградского ТЮЗа (1962–1986), народный артист РСФСР, заведующий кафедрой режиссуры и актерского искусства СПбГУП (1993–2004), профессор ВОСПИТАНИЕ ПРОФЕССИЕЙ II Чтения, 23 – 24 мая 2002 г.	841
А. Б. Куделин , академик РАН, директор Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ЗАПАДА И ВОСТОКА В XIX ВЕКЕ И ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ «МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА» XII Чтения, 17 – 18 мая 2012 г.	844
К. Ю. Лавров , актер и режиссер, художественный руководитель Большого драматического театра им. Г. А. Товстоногова (1989–2007), народный артист СССР, Почетный доктор СПбГУП ПОИСК ДУХОВНОЙ ИСТИНЫ Чтения, 21 – 22 мая 1998 г.	860
А. П. Петров , народный артист СССР, председатель правления Ленинградского отделения Союза композиторов РСФСР (1964–1991), Почетный доктор СПбГУП УЧИТЬСЯ У КЛАССИКОВ Чтения, 22 – 23 мая 1997 г.	863
М. М. Плисецкая , прима-балерина Большого театра СССР (до 1990 г.), народная артистка СССР ПУТЬ К ПРАВДЕ ТВОРЧЕСТВА, ПРАВДЕ ЖИЗНИ Чтения, 21 – 22 мая 1998 г.	865
М. Л. Ростропович , народный артист СССР, Почетный доктор СПбГУП КРАСОТА ДЕЙСТВИТЕЛЬНО СПАСЕТ МИР Чтения, 24 – 25 мая 1995 г.	867
Г. В. Свиридов , композитор, народный артист СССР, Почетный доктор СПбГУП ОСНОВА РУССКОЙ МУЗЫКИ — ГЛУБОЧАЙШЕЕ НРАВСТВЕННОЕ НАЧАЛО Чтения, 23 – 24 мая 1996 г.	869
О НАЗНАЧЕНИИ ИСКУССТВА В РОССИИ Чтения, 22 – 23 мая 1997 г.	870
Б. Я. Эйфман , художественный руководитель Санкт-Петербургского государственного академического театра балета, народный артист России, Почетный доктор СПбГУП ПЕТЕРБУРГСКИЙ БАЛЕТ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР XI Чтения, 12 – 13 мая 2011 г.	871
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.	876

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

1. О ДАННОЙ КНИГЕ

Предлагаемый вниманию читателя сборник выпущен к 110-летию со дня рождения великого русского культуролога, академика Дмитрия Сергеевича Лихачева¹ и содержит избранные доклады 23 ежегодных научных форумов, прошедших в соответствии с его инициативой в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов начиная с 1993 года.

Лихачевские чтения каждый раз посвящаются актуальным проблемам мирового развития. С одной стороны, это процессы глобализации и расширения взаимодействия культур, народов, государств, с другой — новое осмысление национальных интересов государствами и обществами, поиск ими своего места в глобализирующемся мире и ответов на вызовы и угрозы, которые несут в себе трансформации мирового порядка. Доклады участников посвящены различным аспектам становления глобальной культуры, тенденциям развития мировой экономики и права, глобализации образования и трудовых отношений, современным средствам массовой информации. Особое внимание уделено исследованию роли и места России в современном мире.

Всего Оргкомитет Чтений за это время опубликовал 3253 доклада участников из 48 стран мира. Они содержатся не только в ежегодных сборниках, но и на университетском сайте «Площадь Лихачева» (<http://www.lihachev.ru>).

В данную книгу вошли 162 доклада, представленные в разные годы 114 авторами. Среди авторов сборника:

— 49 членов Российской академии наук и Российской академии образования, в том числе: Д. С. Лихачев, Президент РАН Ю. С. Осипов, вице-президенты А. Д. Некипелов и Н. А. Платэ, председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке В. А. Черешнев, академики Л. И. Абалкин, А. А. Акаев (Киргизия), Н. П. Бехтерева, О. Т. Богомолов, С. Ю. Глазьев, М. К. Горшков, А. А. Гусейнов, Т. И. Заславская, А. А. Кокошин, А. Б. Куделин, В. А. Лекторский, А. Г. Лисицын-Светланов, Д. С. Львов, Н. Н. Моисеев, А. М. Панченко, Н. Я. Петраков, Е. М. Примаков, Б. В. Раушенбах, В. С. Степин, М. Л. Титаренко, В. А. Тишков, Т. Я. Хабриева, А. О. Чубарьян, Ю. С. Шемшученко (Украина), Н. П. Шмелев, В. Л. Янин и др.;

— выдающиеся деятели культуры и искусства, представители творческой интеллигенции: М. К. Аникушин, А. А. Вознесенский, Д. А. Гранин, К. Ю. Лавров, А. П. Петров, М. М. Плисецкая, Э. А. Рязанов, М. Л. Ростропович, Г. В. Свиридов, Б. Я. Эйфман и др.;

— известные российские государственные деятели, дипломаты: С. В. Лавров, министр иностранных дел РФ, А. А. Авдеев, министр культуры РФ (2008 — 2012), главы Санкт-Петербурга А. А. Собчак (1991 — 1996) и В. И. Матвиенко (2003 — 2011), судьи Конституционного Суда РФ Н. С. Бондарь, Г. А. Гаджиев и М. И. Клеандров, заместители министра иностранных дел РФ Г. М. Гатиллов и А. В. Яковенко, первый заместитель заведующего международным отделом ЦК КПСС (1986 — 1991) К. Н. Брутенц и др.;

¹ Современную характеристику вклада Д. С. Лихачева в науку см.: Янин В. Л. Век Лихачева // Проблемы сохранения и изучения культурного наследия: к 100-летию академика Д. С. Лихачева : материалы науч. сессии Отд-ния ист.-филол. наук РАН, Москва, 20 декабря 2006 г. М., 2006. С. 7 — 9 ; Запесоцкий А. С. Дмитрий Лихачев — многогранность научного наследия // Там же. С. 26 — 37.

— крупнейшие зарубежные ученые: Реза Давари Ардакани, президент Академии наук Ирана, Ли Шеньмин, вице-президент Академии общественных наук КНР, академик Ли Цзинцзе (Китай), профессора Иммануил Валлерстайн (США), Жак Сапир (Франция), Петр Дуткевич (Канада), Ганс Кёхлер (Австрия), Винсент дела Салла (Италия), Ташансу Тюркер (Турция) и др.;

— известные зарубежные государственные и общественные деятели, дипломаты: Ш. Азиз, премьер-министр (2004 – 2007), министр финансов (1999 – 2007) Пакистана, Полад Бюль-Бюль оглы, посол Азербайджана в РФ, Ежи Вятр, министр образования (1996 – 1997), депутат сейма (1991 – 1997, 2001) Польши, Александра Гамильтон, Ее Светлость герцогиня Аберкорнская (Великобритания), Гжегож Колодко, вице-премьер, министр финансов Польши (1994 – 1997, 2002 – 2003), Его Королевское Высочество Майкл, принц Кентский (Великобритания), Федерико Майор, генеральный директор ЮНЕСКО (1987 – 1999), Хуан А. Марк, Посол Испании в РФ (2008 – 2011), Мигель А. Моратинос, министр иностранных дел Испании (2004 – 2010), Абдулвахаб М. Аль-Раухани, посол Йемена в РФ (2003 – 2007), глава Центра стратегических исследований (Йемен), Мехди Санаи, Посол Ирана в РФ, Мегавати Сукарнопутри, президент Индонезии (2001 – 2004), Эль Хасан бин Талаль, коронованный принц Иорданского Хашимитского Королевства, Турки аль-Фейсал, Его Королевское Высочество, принц (Саудовская Аравия) и др.

Составившие сборник доклады сгруппированы в шесть разделов:

- Процесс глобализации и национальные интересы;
- Диалог культур в условиях глобализации;
- Экономика и право в контексте мирового культурного развития;
- Цивилизационное и культурное пространство России;
- Гуманитарная культура, наука и образование;
- Искусство и духовные ценности в современном мире.

Можно полагать, что представленные здесь тексты ведущих докладчиков Международных Лихачевских научных чтений создадут дополнительные возможности для ученых, государственных и общественных деятелей, вузовских педагогов, работников СМИ в осмыслении проблематики многогранных процессов глобализации.

2. О ЛИХАЧЕВСКИХ ЧТЕНИЯХ

Основные черты современных Международных Лихачевских научных чтений были заложены в начале 1990-х годов¹. Тогда, на самом раннем этапе преобразования Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, его первым Почетным доктором стал академик Д. С. Лихачев (19 мая 1993 г.).

Приход выдающегося ученого в СПбГУП не был случаен. Пушкинский Дом, основное место его работы на протяжении большей части жизни, сокровищница отечественной филологической науки, представлял для Дмитрия Сергеевича уникальные возможности исследований в сфере медиевистики и общения с крупнейшими специалистами в области отечественной словесности.

Но логика научных интересов всю вторую половину XX века неуклонно выводила его к горизонтам масштабного, целостного осмысления культуры, ее роли и места в жизни человечества. И к 1990-м годам Д. С. Лихачеву были необходимы уже систематические контакты не только с филологами и историками, но и с философами, культурологами, социологами, искусствоведами, экономистами, юристами и др. Университет давал такую возможность в наиболее удобной форме — за счет высокой концентрации специалистов разных отраслей знания, объединенных не только

¹ См.: *Запесоцкий А. С. Диалог культур и партнерство цивилизаций : VIII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 22 – 23 мая 2008 г. // Вестник РАН. 2009. Т. 79, № 8. С. 744 – 747.*

административными и пространственными рамками единого учреждения, но и постоянной совместной деятельностью по производству универсального знания, интегрированного логикой учебных программ и тенденциями развития гуманитарных наук. Дмитрию Сергеевичу предстояло создать на завершающем этапе своей биографии, может быть, один из самых важных научных документов его жизни — «Декларацию прав культуры». Для этого требовался научный коллектив единомышленников, была необходима соответствующая среда общения.

Кроме того, Лихачев был разочарован вектором постсоветских реформ в стране. В деятельности СПбГУП он видел одну из возможностей перемен к лучшему в плане гуманизации российского общества, модернизации науки и образования.

Решающее значение в формировании содержательных характеристик Лихачевских чтений имела личность Дмитрия Сергеевича как их инициатора и его стремление преодолеть все более углубляющуюся дифференциацию фундаментального знания за счет интеграции академической науки с университетским универсализмом.

Не будет большим преувеличением сказать, что вся история академической гуманитарной науки XX века лежит в русле дифференциации знания, сопровождаемой многочисленными яркими прорывами на стыке наук и сравнительно редкими успехами в построении масштабных, интегративных по сути теорий.

Это точно подметил академик В. Л. Янин, размышляя о научном пути самого Д. С. Лихачева: «Время энциклопедистов пережило свой предзакатный всплеск в XVIII веке... Что касается гуманитарной области, то она только внешне долго демонстрировала уже утраченное единство... Столкновение результатов, добытых в рамках специальных дисциплин, постоянно обнаруживало необходимость их корректировки, поскольку ограничение круга источников рамками однородного материала в любом случае ведет и к ограниченности результата их исследования. Мысль о том, что истина надежнее всего добывается на стыке наук или научных дисциплин, неизбежно приходит в голову в процессе уже назревшей интеграции наук, идущей на смену почти исчерпавшей себя дифференциации. Д. С. Лихачев являет собой пример одного из главных основоположников интеграции гуманитарной науки»¹.

Не случайно Дмитрий Сергеевич предложил ректорату СПбГУП приурочить ежегодные Дни науки к Дням славянской письменности и культуры (24 мая). Таким образом, в их концепцию изначально был заложен символический смысл обращения к культурным корням, также позволивший данным научным дискуссиям постепенно стать знаковым явлением. Тогда же было решено ежегодно включать в повестку встреч наиболее значимые и актуальные темы, связанные с противоречивыми тенденциями в развитии мировой цивилизации, процессами глобализации, ролью гуманитарной культуры и образования в современном мире, проблемами диалога культур, нравственности и т. д.

Другой важный принцип Чтений — собирать не столько специалистов в области конкретного знания, сколько крупных, выдающихся мыслителей, способных понять стержневые проблемы развития человека и мира. Участниками Чтений стали уникальные личности, профессионализм которых сочетается с масштабным видением реальности, умением по-особому проникнуть в суть вещей, поставить свои профессиональные проблемы в широкий контекст развития культуры.

23 мая 2001 года Указом Президента РФ В. В. Путина № 587 «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева» Дням науки в СПбГУП был придан государственный статус Международных Лихачевских научных чтений. Вскоре к их проведению подключились РАН и Министерство иностранных дел РФ.

Чтения на сегодня являются именно такими, какими их хотел видеть Дмитрий Сергеевич, — свободными от административного и политического давления, чьих-либо конъюнктурных интересов. Получая значительную государственную под-

¹ Янин В. Л. Изучение трудов Д. С. Лихачева станет продолжением его жизни // Запесоцкий А. С. Культурология Дмитрия Лихачева. СПб.: СПбГУП, 2007. С. 10–11.

держку, Чтения не утратили изначально присущей им независимости от государства, представляют собой важный элемент гражданского общества. Помимо влияния академических и университетских традиций, это определяется и независимостью СПбГУП как учреждения общественной организации — Федерации независимых профсоюзов России.

Сегодня это крупнейший в мире ежегодный научный форум в гуманитарной сфере. В последнее десятилетие в нем каждый год участвует около 1500 человек из более чем 30 стран мира. В том числе выдающиеся, ярчайшие мыслители современности.

В Чтениях традиционно принимают участие сотни лучших студентов, школьников из стран ближнего зарубежья, которым предстоит в будущем принять знамя служения идеалам науки, духовности, нравственности — идеалам Дмитрия Лихачева.

Оргкомитет Чтений выражает глубокую признательность Федеральному агентству по печати и массовым коммуникациям за поддержку издания этой книги в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012 – 2018)» и выражает уверенность в том, что данная публикация работ наших выдающихся современников будет способствовать дальнейшему развитию гуманитарных наук, что сделает наш непростой мир лучше.

Материалы Чтений неизменно вызывают широкий международный интерес и получают значительный резонанс в научном сообществе, они представляют политикам, общественным деятелям, творческой интеллигенции благодатную почву для размышлений о судьбах России и мира, о смысле своего профессионального призвания и долга. Публикуемые здесь материалы отличаются высоким интеллектуальным уровнем, нравственным пафосом и чрезвычайной актуальностью обсуждаемых проблем, они утверждают миссию гуманитарного знания как важнейшей составляющей духовной культуры.

Александр Запесоцкий,

*председатель Оргкомитета Чтений с 1993 года,
член-корреспондент РАН, ректор СПбГУП*

Д. С. Лихачев¹

ВЕЛИКАЯ КУЛЬТУРА ПРИМИРИТЕЛЬНА ПО СВОЕЙ СУТИ²

Наша страна живет сегодня без какой-либо осознанной перспективы своего развития — особенно в области культуры.

Между тем Россия — великая страна. Великая не своими территориями, не военной славой, даже не промышленностью и сырьевыми запасами, а прежде всего своей тысячелетней культурой, давшей миру бессмертные произведения литературы, архитектуры, музыки, изобразительного искусства. Эта «великость» России не может вызывать враждебности к ней. Напротив: великая культура примирительна по своей сути.

Отсюда ясно: если Россия не стремится стать чем-то вроде объединения восточных эмиратов, а желает и впредь быть страной подлинно великой и «желанной» для всего человечества, она должна прежде всего развивать, поддерживать свою культуру. Мало-помалу стал меняться ассортимент книг на уличных лотках. «Чтива» по-прежнему полно, но все больше появляется серьезной литературы. Не только художественной — и научной, и философской. Частные издательства печатают труды Карсавина, Лосского. Издательство «Северо-Запад» начало реализовывать большую программу по выпуску отечественной и мировой классики. Стихотворения Блейка и Киплинга увидели свет двуязычным изданием — английский оригинал параллельно с русским переводом. О чем все это говорит? О том, что издатели, встав на ноги, могут позволить себе жить не одним лишь сегодняшним днем, вкладывать капитал в долгосрочные предприятия. Мы видим воочию: есть люди, желающие и умеющие работать на благо нашей культуры, располагающие для этого определенными материальными возможностями. Тем важнее определить, за что взяться в первую очередь.

¹ Дмитрий Сергеевич ЛИХАЧЕВ (1906 — 1999) — первый Почетный доктор СПбГУП. Выдающийся российский ученый-гуманитарий, культуролог, общественный деятель. Академик Российской академии наук, доктор филологических наук, профессор, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии РФ. Автор 1460 публикаций по широкому кругу проблем теории и истории русской и мировой культуры, в том числе трудов, посвященных культуре Древней Руси, культурологии русской цивилизации XVIII — XX веков — «Культура как целостная среда», «Петербург в истории русской культуры», «Русская культура в современном мире», «Экология культуры» и др. Активный защитник культуры, нравственности и духовности.

Возглавлял Отдел древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН (1954 — 1999). Председатель правления Российского фонда культуры (1986 — 1993). С 1971 по 1993 год — председатель редколлегии серии «Литературные памятники». Принимал активное участие в сохранении и реставрации различных культурных объектов Санкт-Петербурга и пригородов.

Иностранный член академий наук Австрии, Болгарии, Великобритании, Венгрии, Италии, Сербии, Соединенных Штатов Америки. Член старейшего общества США — Философского. Награжден орденами Ленина, Святого апостола Андрея Первозванного, Большой золотой медалью им. М. В. Ломоносова и многими другими орденами и знаками отличия. Под его руководством учеными СПбГУП разработана «Декларация прав культуры».

² Доклад представлен на Международную научно-практическую конференцию «Гуманитарная культура как фактор преобразования России» (1997 г.).

Мы вообще как-то растерялись в последнее время: какую же все-таки цель ставит перед собой среднее образование? Долгие годы ответ был ясен: школа готовит молодых людей к поступлению в высшие учебные заведения. В другое время на свой лад пытался ответить на тот же вопрос тогдашний глава Ленинградского обкома партии Романов — среднее образование при нем было ориентировано на овладение рабочими профессиями, «обычную» школу заметно потеснили различные ПТУ. Система эта провалилась: нельзя же в самом деле чуть ли не с младенчества «привязывать» еще далеко не сложившегося человека к профессии! Какова же задача школы сегодня? Может быть, она как раз в том и состоит, чтобы растить интеллигентных людей любой профессии, даже ручного труда?

Чтобы решить задачу, надо ее сначала поставить. Точно сформулировать. Потом искать пути решения. Искать новое. И «хорошо забытое старое». Нам есть что вспомнить. Даже известные «суды» над литературными героями, практиковавшиеся в школе двадцатых годов, далеко не всегда были так уж смешны и нелепы. Я уж не говорю о том, что нам предстоит «реабилитировать», вслед за генетикой и кибернетикой, еще одну репрессированную науку: педологию. Педологов разогнали, потому что их идеи приходили в конфликт с официальной идеологией.

Культура не может существовать без дотаций со стороны государства. Она дает свой невидимый «доход» в виде уважения со стороны других государств, роста нравственности, любви к своей стране, упорядочения общественной жизни.

А главное — управление страной становится более умным, ибо умным народом легче управлять умно: увеличивается предсказуемость. Когда говорят, что каждый народ достоин своего правительства, то понимать это следует не в том смысле, что народ сам себя как бы наказывает своим правительством, а в том смысле, что стране с низкой культурой необходимо особое управление (сильные карательные органы, особое законодательство, предусматривающее преступления, немыслимые в культурном обществе, сложные системы голосования и т. д.).

Культура — понятие сложное, многослойное. Культура пронизывает все стороны жизни страны: это и поведение на улице, и система хранения и изучения культурных ценностей, и отношение к наукам, особенно фундаментальным, и уровень телевизионных передач, и, конечно, литература и искусство. Различные элементы культуры развиваются неравномерно. Если в так называемой «высокой» культуре мы находимся на уровне высших мировых достижений, то в культуре бытовой, повседневной отстаем от многих цивилизованных стран.

Тип культуры и сложившиеся географические границы — разные вещи. Те же японцы свою современную культуру строят по европейскому образцу. Разумеется, сохраняется много национальных черт. Но их университеты — это учебные заведения европейского типа. Я бы сказал, в Европе сложилась определенная модель «университетской цивилизации», распространившаяся затем и в Азии, и в Америке. Отличительная черта этой модели — способность вбирать в себя, осваивать достижения других культур и цивилизаций. Недаром слово «университет» родственно слову «универсум» — мир, Все-

ленная. На необъятных просторах России университеты располагались не столь густо, как в Западной Европе, зато у нас возникло нечто свое, специфическое — Академия наук. Европейские академии — это совсем другое. А наша представляла собою тоже своеобразную модель мира. В ее подразделениях изучались и изучаются, в числе других предметов, и азиатские культуры. В России сложились замечательные школы арабистики, тюркологии, угрофинноведения, китаеведения, гебраистики. В этом, и только в этом, смысле мы — «евразийцы». И нашу академию мы, безусловно, должны хранить и беречь.

Но культура не сосредоточена только в университетских и академических центрах. Культуру нельзя развивать, ориентируя ее на два или три гигантских города, слабо связанных со всей остальной страной. Должно быть приостановлено разбухание таких городов, как Москва и Петербург, еще и потому, что в их «каменных джунглях» антикультура растет быстрее, чем собственно культура.

Должен сказать, что я возлагаю большие надежды на малые российские города. В небольших городах люди живут теснее друг к другу, они менее испорчены, здесь лучше сохраняются традиции. И, что очень важно, здесь виднее, кто есть кто.

В больших городах труднее складывается общественное мнение о человеке, его репутация. Где и как это мнение складывается? Разумеется, в общественных организациях прежде всего. И, разумеется, в условиях полной свободы высказываний — устных и печатных. Нельзя не радоваться тому, что общественная жизнь в последнее время заметно оживилась и в малых городах. Таких как, например, Старая Русса с ее конференциями, посвященными Достоевскому, имеющими уже международный резонанс. Или совсем маленький Мышкин на Ярославщине, где в уютной и красивой Опоччинской библиотеке собираются завязые мышкинцы, чтобы справить юбилей кого-либо из русских писателей, посмотреть новую тематическую выставку, познакомиться с новыми книгами. В этом маленьком городке тщательно оберегают его историческое лицо от натиска современной безликой архитектуры. Там есть единственный в мире Музей мыши — милая столица мышинового царства, охотно посещаемая и взрослыми, и детьми. Запасы духовности в нашей провинции по-прежнему велики. И чувства юмора — тоже.

Я давно пропагандирую идею создания цепочки небольших городов между Москвой и Петербургом, связанных скоростной магистралью. Идея скоростной магистрали принята, а цель, ради которой она предполагалась, забыта. А состояла она в том, что жители небольших городов, располагающихся вдоль скоростного пути, не будут чувствовать себя в отрыве от большой культуры, смогут ездить в Москву или Петербург в театры, музеи, даже работать и учиться в этих городах, не теряя вместе с тем связи с природой, друг с другом. Специалисты говорят, что технически такая идея вполне осуществима.

Наконец, не следует забывать, что наряду с городской в России всегда существовала и деревенская, крестьянская культура. На долгие годы мы как бы забыли о ней. Лишь в самое последнее время появились ученые,

которые обратили внимание на культуру крестьянства: не на этнографические и фольклорные ценности, а на культуру в широком смысле слова, культуру труда в первую очередь. А прочный гражданский мир возможен только на основе культуры. Многие наши трагические конфликты в значительной мере происходят от бескультурья. От несдержанности в выражениях. От неумения выслушать оппонента, убедить его. Выработать, если надо, условия компромисса. Высокая культура примирительна по своей сути. И в этом смысле она с лихвой окупает любые затраты.

I. ПРОЦЕСС ГЛОБАЛИЗАЦИИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

Ш. Азиз¹

СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ²

Борьба с мировым терроризмом является одним из наиболее серьезных вызовов, с которыми сегодня столкнулось мировое сообщество. Процессы, происходящие в Леванте, Африке и даже в Европе, отражают проблемы, масштаб которых поражает.

Впервые мы наблюдали захват территорий негосударственными организациями. Они легко преодолевают границы, эксплуатируют ресурсы, собирают налоги, используют новейшие технологии и Интернет как средства распространения пропагандистских материалов, общения и вербовки.

В глобализованном мире подобные конфликты достигают беспрецедентных масштабов. Террористические организации проникли глубоко внутрь сообществ, заручившись их поддержкой и вербуя новых участников в Великобритании, Германии, Канаде, Австралии, убеждая молодежь отдавать свои жизни на Ближнем Востоке.

Необходимо объединить международные усилия в борьбе с терроризмом, особенно в области разведки. Только общими усилиями мы сможем дать достойный отпор новой угрозе.

Терроризм и экстремизм являются факторами депривации, которая проявляется в различных формах: в недостатке прибыли, отсутствии возможности выразить свое мнение, слабом соблюдении прав человека, несовершенствах в области разрешения споров. Экстремисты пользуются тем, что некоторым людям трудно найти свое место в обществе, и убеждают их в том, что их жизнь обретет смысл после вступления в террористическую организацию.

Когда состояние депривации достигнет стадии, на которой людям кажется, что их не слышат, они становятся наиболее восприимчивыми к идеям экстремизма. Мы должны помнить, что в некоторых случаях проблемы зарождаются дома, в их странах.

Необходимо выявить истоки проблемы экстремизма. До сих пор мы рассматривали ее только с точки зрения безопасности. Это ошибочно, потому

¹ Политический деятель. Премьер-министр Пакистана (2004 – 2007), министр финансов (1999 – 2007). Удостоен звания «Министр финансов года» за 2001 год по версии журналов “*Еuro Money*” и “*The Bankers*”.

(Должности авторов даны на момент представления докладов на Лихачевские научные чтения.)

² Доклад представлен на XV Международные Лихачевские научные чтения (2015 г.).

что экстремизм зарождается в сознании людей. Если мы хотим предотвратить распространение экстремизма, то должны создать безопасную обстановку в мире (в материальном, политическом и культурном отношении). Необходимо продемонстрировать, что вложения в дело сохранения мира окупаются. Нужно содействовать продвижению инклюзивной политики — возвращать недовольных членов в общество. Борьба с экстремизмом начинается с общественных изменений — создания новых рабочих мест, доступности образования, обеспечения социального равенства и справедливости. Представители гражданского общества и общественные лидеры должны активно работать в этом направлении, чтобы люди прислушались к их словам.

Проблема экстремизма затрагивает не только молодежь, которая подвержена влиянию экстремистских идей. Мы должны также обратить внимание на людей, которые состояли в экстремистских организациях, но желают вернуться к нормальной жизни. Необходимо создать специальные программы, которые включали бы реабилитацию, по истечении которой бывшие члены радикальных организаций смогли бы вновь стать полноценными членами общества.

Современный мир постоянно сталкивается с новыми угрозами — терроризм, безопасность, ядерное оружие, кибератаки и природные катастрофы. Эти вызовы могут уничтожить надежды на мир и прогресс в будущем. Лидеры стран, особенно развивающегося мира, должны быть компетентны и дальновидны, чтобы достойно ответить на эти угрозы.

К сожалению, в современном мире не хватает ярких лидеров. Мы можем наблюдать это повсюду: способные руководители существуют, но их недостаточно. Многие политики зачастую настолько заняты следующей предвыборной кампанией, что у них не остается времени на создание долгосрочного стратегического плана.

Настоящие лидеры заботятся о преемственности и оставляют после себя компетентных сторонников. Такие лидеры оставят свой пост по окончании срока полномочий, но народ будет уверен, что может жить и развиваться самостоятельно. Настоящие лидеры должны быть людьми квалифицированными, честными и открытыми. Прямота — важнейшее качество лидера. Хорошие руководители берут на себя ответственность за ошибки своей команды. Они сосредоточены и должны уметь достойно реагировать как на успех, так и на проблемы.

Стратегические лидеры понимают, что иногда им придется принимать независимые решения. Как правило, такие действия не приносят славы, их достижения будут признаны спустя многие годы. Часто реформы и изменения, представляющиеся оптимальными для страны в данный период, непопулярны среди современников. Более того, признание обычно достается последующим руководителям. Например, экономические реформы германского канцлера Герхарда Шредера были крайне непопулярны в период его руководства, но помогли Германии выстоять во время мирового финансового кризиса. Он продемонстрировал качества лидера, хотя его партия и проиграла выборы, что, на мой взгляд, не имеет значения, если веришь, что действуйешь во благо своей страны.

Этот пример напомнил об экономических проблемах, с которыми сталкивается современный мир, — мировом финансовом кризисе, последствия которого ощущаются до сих пор.

В период выхода из кризиса мы столкнулись с финансовой «турбулентностью», снижением производства и общественными проблемами такого масштаба, которого не было со времен Великой депрессии. Кризис также поставил ряд задач перед политиками. В частности, в еврозоне он привлек внимание к структурным и институциональным проблемам. Кризис — время трудностей, но также и время перемен и новых возможностей.

Природа рынка предполагает, что подъемы и спады будут происходить всегда, важно выработать устойчивость к приближающимся кризисам и быть готовым быстро реагировать на них. Политики должны заручиться поддержкой населения, чтобы действовать подобным образом, потому что меры, которые необходимо принять, часто бывают жесткими. Мировые экономики должны быть более адаптируемыми и конкурентоспособными. Бюджетная реформа позволит странам жить по средствам. Увеличившийся негибкий общественный сектор необходимо сократить, не забывая о социальных нуждах малообеспеченных слоев населения.

Экономическая трансформация посредством структурных реформ и действий сильного дальновидного лидера является ключевым пунктом в обеспечении экономического роста. Всеобъемлющая структурная реформа, включающая дерегулирование, либерализацию и приватизацию, позволит создать благотворную почву для роста.

Кроме того, необходима хорошо продуманная, прозрачная регуляция. Регулирующий орган не только диктует условия, но и сотрудничает, обеспечивает будущий рост и жизнеспособность индустрии. Такие органы должны поддерживать инновации, работая совместно с финансовыми организациями.

Любой стране, развивающейся или развитой, время от времени необходимы реформы. Это продолжительный эволюционный процесс, адаптирующий страну к окружающей обстановке. Однако в данной статье рассматривается только взаимосвязь между ростом и рисками в развивающихся странах.

Одна из проблем, с которой в настоящее время сталкиваются политики, — необходимость поощрять рост и следить за тем, чтобы он происходил умеренно. Экономист Томас Пикетти предупредил об опасности быстрого увеличения пропасти между богатыми и бедными. Если мы не предпримем должных мер, социальные последствия будут катастрофическими.

Особое внимание необходимо обратить на перестройку международной финансовой модели. Новые организации не должны быть заложниками старых методов.

Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) предоставляет возможность построить образцовую организацию XXI века в своем регионе. Он послужит дополнением к таким уже существующим банкам, как Азиатский банк развития и Всемирный банк. АБИИ не должен быть стеснен исторически сложившимися правилами, как произошло в случае с Бреттон-Вудскими организациями: старые методы подавляют возможность адаптироваться к современному миру. Необходимо учиться на прошлых ошибках

и создавать новую модель управления. Например, современной организации не нужно иметь постоянный совет директоров — АБИИ необходимо обратить внимание на то, как функционирует современный деловой мир, в котором технологии помогают контактировать с членами совета, где бы они ни находились. Руководство должно быть снабжено достаточными полномочиями для обеспечения эффективного функционирования организации. В отношении назначений АБИИ должен быть меритократической организацией, которая продвигает только самых лучших, основываясь на их заслугах.

Мировой однополярный порядок, существовавший со времен холодной войны, начал меняться. В качестве еще одной мировой силы проявил себя Китай. Желание других стран сотрудничать с Азиатским банком инфраструктурных инвестиций свидетельствует о том, какую значительную роль играет Китай.

Это вовсе не означает, что уже существующие мировые силы утратили свою власть. США демонстрируют пример открытости и использования новых перспектив. Мир может многому научиться, глядя на то, как эта страна приняла иммигрантов, открыв двери всем, кто был способен трудиться, надеясь на улучшение жизненных условий. США продолжают оставаться важным мировым игроком, даже тяжеловесом, и пользоваться влиянием в международных организациях. На мировой арене достаточно места (более чем для одной силы), особенно если учесть новые вызовы, с которыми мы сталкиваемся.

Некоторые заинтересованные стороны болезненно воспринимают возрождение Китая. Мы должны рассматривать Китай как страну, предоставляющую новые возможности, а не угрозу. Китай продолжает развиваться, и его потребительские расходы растут — он может стать рынком для остального мира. Китай также может быть ценным партнером в борьбе с возникающими проблемами и за достижение мира и гармонии.

К возникновению нового баланса сил нужно подходить здраво. Вместо того чтобы воспринимать друг друга как соперников, ключевые игроки должны сфокусироваться на достижении соглашений на высшем уровне. Мультиполярный мир гораздо лучше, чем униполярный.

Необходимо устанавливать новые связи. Таким образом мы сможем гарантировать мир и смягчить негативные последствия кризисов. Кроме того, необходимо совместно разрабатывать вопросы, представляющие общий интерес. Мы должны воздерживаться от выработки стратегий, которые ведут к отчуждению или могут негативно настроить другие мировые силы. Вместо того чтобы пытаться уравновесить новые мировые силы, нужно сосредоточиться на кооперации. Такие инициативы, как Трансатлантическое торговое-инвестиционное партнерство, должны быть инклюзивными.

Проблемы, возникающие внутри Европы, также необходимо решать. В долгосрочной перспективе ни одной из европейских стран невыгодно соперничать с другой. Европа должна сотрудничать с Россией и предпринимать усилия по обеспечению мирной обстановки, Россия в свою очередь также должна стремиться к сотрудничеству с Европой и построению новых связей. Отношения между странами должны развиваться в обстановке уважения к суверенности друг друга. Укрепление сотрудничества нивелирует

враждебность и будет выгодно как России, так и странам Евросоюза. В долгосрочной перспективе безопасность, стабильность и процветание всей Европы могут быть достигнуты, если заинтересованные стороны будут работать вместе.

Одна из сфер сотрудничества США, Китая и России — глобальные угрозы: терроризм, безопасность, распространение эпидемий, природные катастрофы и изменение климата. Здесь необходимо уделить особое внимание рискам, а дружественные отношения между вышеперечисленными странами будут только способствовать этому. Сотрудничество между странами поможет справиться с возникающими проблемами.

Использование мировых ресурсов важно для развития. В период индустриальной революции ресурсы были ключевым звеном, позволившим достигнуть экспоненциального экономического роста в индустриальных странах. Это повторяется сегодня на новых рынках. Но мировые ресурсы ограничены, а связанная с этим угроза окружающей среде значительна. В отчете ООН об изменении климата указывается, что средняя температура повысилась на 1–2 °С по сравнению с эпохой индустриальной революции, изменения претерпела и погода. Эксперты ООН полагают, что, если выбросы углерода не будут приостановлены, мировая температура поднимется еще на 2 градуса в течение ближайших 20–30 лет. Это будет иметь катастрофические последствия для окружающей среды, погоды и экосистемы.

Инвестиции в альтернативные источники энергии — шаг в правильном направлении. В этой сфере Германия является мировым лидером. Как правило, экология требует больших инвестиций и развитой экономики, что для многих стран проблематично. Гидроэлектростанции являются наиболее дешевым источником энергии, но их использование ограничено географически и зачастую имеет негативные последствия для окружающей среды. Источники ветряной и солнечной энергии экономичнее в использовании, но до сих пор требуют значительных вложений. Затраты на выработку солнечной энергии уже были снижены (по закону Суонсона ожидается резкое снижение стоимости солнечных батарей при условии, что их производственные мощности удваиваются каждые три года).

Мы отметили некоторые новые вызовы, с которыми сталкивается современный мир: распространение международного терроризма, сектантства, увеличение числа государств с разваливающейся экономикой. Отдельная страна не справится с этими вызовами самостоятельно. Мультилатеральные решения — единственная возможность решения сложных проблем.

Такие мультилатеральные организации, как ООН, Евросоюз, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, Организация исламского сотрудничества и другие, могут сыграть важную роль в предотвращении потенциальных кризисов. Международный валютный фонд и Мировой банк могут помочь развивающимся странам решить экономические проблемы. Однако эти организации нуждаются в реформах. Кроме того, развивающиеся страны должны стремиться к прогрессу, потому что в конечном счете их успех зависит только от них самих. Сейчас подходящий момент для лидеров проявить себя, а для стран — объединиться и начать, не принося в жертву свои национальные интересы, решать сложные проблемы, с которыми мы сталкиваемся.

А. А. Акаев¹

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ И БИФУРКАЦИЯ В ЭКОНОМИКЕ ЕВРОСОЮЗА²

Мировая экономика в 2013–2014 годах замедлила ход, снизив темпы роста до 3,3 с 3,5 %, достигнутых в 2012 году. Прогнозы экспертов на 2015 год диаметрально противоположны: оптимисты полагают, что она вновь ускорится, повысив темпы роста до 4 % и более, а пессимисты ожидают, что, напротив, замедление продолжится, и темпы роста понизятся до уровня 3 % и менее. Показано, что неопределенность в ближайших перспективах развития мировой экономики связана главным образом с ростом геополитической напряженности в мире. Не случайно Всемирный экономический форум в Давосе назвал 2015-й годом геополитических рисков. Действительно, в 2014 году геополитические конфликты начали оказывать наибольшее негативное влияние на мировую финансовую и экономические системы. Оно может быть усилено очередной волной кризиса мировых финансовых рынков. Существуют также риски того, что глобальный спрос окажется недостаточным для роста потенциального мирового выпуска.

Оптимистически настроенные эксперты основываются на том, что американская экономика, которая в последний год набрала устойчивый ход и высокие темпы роста, достигающие потенциальных 3 %, может теперь сыграть роль основного локомотива для мировой экономики наряду с экономикой Китая и потянуть за собой страны Евросоюза, Японию и другие государства, имеющие с США тесные и значительные по объему торгово-экономические отношения. Что же касается второго локомотива — экономики Китая, то она уверенно продолжает рост относительно высокими темпами — свыше 7 % в год. Оптимизма добавляет снижение цен на нефть и другие сырьевые ресурсы, которое послужит дополнительным стимулом для роста мировой экономики.

С другой стороны, экспортно-ориентированные экономики развивающихся стран в целом имеют тенденцию к замедлению. В большинстве стран с развитой экономикой все еще сохраняются значительные разрывы между потенциальным и фактическим объемом производства. Среди развитых стран уверенно растут только экономики США и Великобритании, которые мало зависят от роста экспорта своих товаров. Они растут за счет спроса на внутреннем рынке, который ранее стимулировался центробанка-

¹ Президент Киргизской Республики (1990–2005), президент Академии наук Киргизской Республики (1988–1990). Главный научный сотрудник Института математических исследований сложных систем МГУ им. М. В. Ломоносова (с 2005 г.), иностранный член Российской академии наук, академик Академии наук Киргизской Республики, доктор технических наук, профессор. Автор более 250 научных работ, изобретений и учебных изданий по прикладной математике, математической экономике, оптическим компьютерам и информационным технологиям. Политические и философские взгляды изложены в работах «Трудная дорога к демократии: памятное десятилетие», «История, прошедшая через мое сердце», «Думая о будущем с оптимизмом», «На благо народа», «Кыргызская государственность и народный эпос "Манас"» и др. Действительный член Нью-Йоркской академии наук. Награжден орденом «Знак Почета», медалью Пушкина. Лауреат золотой медали Н. Кондратьева, золотой медали В. Леонтьева, золотой медали и ордена В. Вернадского.

² Доклад представлен на XV Международные Лихачевские научные чтения (2015 г.).

ми за счет обильного «количественного смягчения». Экономика еврозоны, которая могла бы сыграть ключевую роль в устранении неопределенности, все еще пребывает в стагнации, а экономика Японии, которая шла на подъем в 2012–2013 годах, в 2014 году испытала повторную рецессию. К тому же еврозона вползает в дефляцию. В декабре 2014 года индекс потребительских цен впервые за последние пять лет снизился на 0,2 %, а в январе 2015-го дефляция составила 0,6 %. В довершение всех проблем жестокие террористические акции в Париже в начале 2015 года омрачили всеобщее континентальное спокойствие. Большинство экспертов ожидает, что в 2015 году обострится угроза международного терроризма и радикального экстремизма. Все это, безусловно, окажет негативное влияние на инвестиционную активность в еврозоне, а следовательно, и на дальнейший экономический подъем. Поэтому пессимисты полагают, что застой в еврозоне — главная угроза для дальнейшего восстановления мировой экономики.

Растущие геополитические риски создают дополнительные осложнения для ускорения роста мировой экономики. Действительно, экономика еврозоны находится в весьма уязвимом нестабильном состоянии, склонном к потере устойчивости под влиянием небольших шоков спроса. Кардинальных реформ не проведено. Большинство государств еврозоны обременены непомерными долгами. Более того: остался неизменным долговой характер европейской модели экономики: долги по-прежнему гасятся за счет новых займов. Безработица все еще остается на высоком уровне, в целом по еврозоне она составляет 11,4 %, причем среди молодежи — 24 %! Внутренний спрос в еврозоне восстанавливается крайне медленно из-за политики жесткой экономики, проводимой Евросоюзом.

Экономический рост в еврозоне в 2014 году был вялым и составил всего 0,8 %. В настоящее время экономика еврозоны находится в неустойчивом равновесии, когда благоприятная геополитическая ситуация и отмена экономических санкций против России могут способствовать дальнейшему ее подъему и устойчивому росту. В противном случае экономика еврозоны может погрузиться в повторную рецессию. Таким образом, 2015 год для экономики еврозоны является годом бифуркации, когда в зависимости от геополитического выбора Евросоюза она может пойти по восходящей траектории или же по нисходящей — к существенному спаду. Как известно из теории нелинейной динамики, в окрестности точки бифуркации резко усиливаются малые флуктуации внешнего воздействия. Поэтому для выбора одного из двух сценариев развития достаточно небольшого шокового воздействия.

В 2015 году внешнюю политику и геополитику безопасности Евросоюза будут определять ситуации на Украине и в связи с усилением угрозы «Исламского государства» (ИГИЛ) на Ближнем Востоке. Очевидно, что в 2015 году радикализация ближневосточного региона только усилится. Сегодня тысячи боевиков-исламистов из европейских стран уже воюют на стороне ИГИЛ, еще тысячи стремятся попасть туда, но потом они будут непременно возвращаться в страны происхождения, импортируя терроризм и радикализацию мусульманского населения в Европе. Украинский политический кризис в 2014 году привел к резкому обострению отношений России и Запада. США и большинство стран Евросоюза объявили масштабные финансовые

и экономические санкции против России. Россия также была вынуждена принять экономические санкции в качестве ответной меры. В европейских экспертных кругах признается, что взаимные санкции Евросоюза и России наносят ощутимый урон как экономике России, так и экономике еврозоны, поскольку Россия для Евросоюза является третьим крупнейшим торговым партнером.

По оценкам экспертов, только германский экспорт в Россию в 2014 году сократился на 26,1 %, то есть более чем на четверть. Так, например, видный французский экономист профессор Жак Сапир приводит следующие оценки потерь роста из-за санкций: 0,5 процентных пункта (п. п.) ВВП в Германии; 0,25 % п. п. ВВП во Франции; 0,8 п. п. ВВП в Венгрии и до 1 п. п. ВВП в Польше [1]. Отдельные эксперты оценивают потери роста экономик Германии и Франции соответственно в 1 и 0,5 % ВВП. Если учесть, что прогноз темпов экономического роста в Германии и Франции в 2015 году, по данным OECD, составляет соответственно 1,1 и 0,8 %, то очевидно, что сохранение взаимных санкций приведет к спаду темпов экономического роста Германии и Франции до нескольких десятых долей п. п. ВВП. В подобной ситуации может начаться отток капитала из еврозоны в США, где уже идет уверенный экономический рост. В результате темпы роста в странах-локомотивах еврозоны — Германии и Франции — могут упасть практически до нуля, что неминуемо приведет экономику еврозоны к повторной рецессии уже в 2015 году.

Выбор сегодня за Евросоюзом. Большинство членов ЕС считают нынешнюю конфронтацию Запада с Россией неконструктивной, более того — угрожающей стабильности и безопасности в Европе, помехой для урегулирования последствий кризиса на Украине. США уже сполна воспользовались созданным ими же политическим кризисом на Украине и решили свою ключевую задачу, подтолкнув к противостоянию и геополитическому конфликту Евросоюз и Россию. Похоже, что искать выход из украинского кризиса США предоставят Европе. А в Евросоюзе уже набирают силу сторонники курса на стабилизацию отношений с Россией. Именно это побудило политических лидеров Евросоюза канцлера Германии Ангелу Меркель и президента Франции Франсуа Олланда выступить с мирной инициативой по урегулированию конфликта на Украине дипломатическим путем, посредством переговоров. Они также выступили против поставки американского боевого оружия на Украину. Все это означает, что Евросоюз взял курс на разрядку геополитической напряженности и стабилизацию отношений с Россией.

Поскольку оснований для оптимизма в деле улучшения российско-американских отношений в ближайшие годы не предвидится, то Евросоюз мог бы продемонстрировать способность самостоятельно, совместно с Россией, начать деэскалацию украинского конфликта путем прекращения войны и определения статуса регионов на юго-востоке страны, что оказало бы оздоровляющее влияние на региональную и глобальную безопасность. В свою очередь, Евросоюз получил бы в лице России важного союзника в борьбе с усиливающимся международным терроризмом. Россия также могла бы содействовать активному участию Ирана в разрешении конфликтов в Сирии и Ираке, а также в борьбе с ИГИЛ. Все это могло бы помочь мировому сообществу.

ществу стабилизировать ситуацию в ближневосточном регионе. Цена такого сценария развития событий весьма велика. Отмена взаимных санкций Евросоюза и России, как следствие плодотворного сотрудничества в указанных направлениях, позволит экономике еврозоны сохранить восходящий тренд и в ближайшие годы перейти на траекторию долгосрочного устойчивого роста, а экономика России может избежать глубокой рецессии. Выиграет также мировая экономика в целом.

Таким образом, 2015-й — это год бифуркации в динамике развития экономики еврозоны и всей мировой экономики, которая будет определяться геополитической ситуацией в мире. Если политические лидеры ведущих мировых держав придут к компромиссному согласию по основным кризисным проблемам, найдут пути к разрядке нынешней геополитической напряженности и отменят взаимные санкции, тогда экономика еврозоны, а за ней и мировая экономика продолжат подъем. Иначе велика вероятность того, что экономика еврозоны не только продолжит стагнацию, но может скатиться в рецессию, что приведет к существенному замедлению мировой экономики.

Экономика Евросоюза

Кризис экономики еврозоны был в первую очередь долговым. Общий государственный долг стран еврозоны в момент кризиса составлял свыше 7 трлн долларов США, или 84 % совокупного ВВП. Суммарный госдолг пяти наиболее нестабильных должников (Греция, Ирландия, Испания, Италия и Португалия) составил 3,2 трлн евро. Объем госдолга этих стран по отношению к их ВВП колебался от 90 до 160 %, тогда как Маастрихтским договором для стран — членов еврозоны установлен предел, равный 60 % ВВП. Более того, при создании Евросоюза страны-участницы подписали Пакт о финансовой стабильности и экономическом росте, которым было установлено, что дефицит бюджета каждой из них не должен превышать 3 % ВВП, госдолг — 60 % ВВП, а инфляция не должна превышать самый низкий уровень, наблюдаемый среди стран — участниц союза более чем на 2 %. Эти требования весьма разумны: например экономики практически всех динамично растущих развивающихся стран отвечают указанным критериям. Что же касается стран еврозоны, то в 2011 году только Финляндия удовлетворяла указанным требованиям, большинство же членов Евросоюза их нарушали.

Отдельные страны еврозоны, включая лидеров — Германию и Францию, нередко уклонялись от выполнения Маастрихтских требований, касающихся ограничений по размеру госдолга и дефициту бюджета. А такие государства, как Греция, Ирландия, Испания, Италия и Португалия, которые систематически допускали большие дефициты бюджета, в первую очередь оказались перед угрозой банкротства. Они же втянули в долговой кризис всю еврозону.

Единственный маастрихтский критерий, который выполняется всеми странами, — ограничение по уровню инфляции. Более того, многие эксперты опасаются, что еврозона может скатиться в дефляцию. Действительно, инфляция в 18 странах, составляющих ядро еврозоны, в 2014 году составила всего 0,8 %, а на периферии отмечаются дефляционные тенденции, которые

могут привести экономики периферийных стран к стагнации по японскому сценарию. В связи с этим глава ЕЦБ Марио Драги объявил о планах масштабного вливания ликвидности с начала 2015 года путем приобретения гособлигаций бедствующих стран Евросоюза для того, чтобы разогнать инфляцию. Таким образом, ценовая стабильность превратилась в проблему для еврозоны, поскольку в таких условиях население не склонно тратить деньги, а инвесторы — вкладывать в реальную экономику.

Экономика еврозоны пребывала в режиме спада и стагнации в 2011 — 2012 годах, и только в 2013-м ей удалось начать восстановление благодаря возросшему внутреннему спросу и улучшению ситуации на внешних рынках. Однако внутренний спрос восстанавливается очень медленно из-за политики жесткой экономии, проводимой Евросоюзом. Экономике еврозоны сегодня недостает стимулирующих программ. Еврозоне нужен динамичный экономический рост, который решит проблемы дефицита бюджета, госдолга и занятости.

Для смягчения негативных эффектов долгового кризиса Евросоюзом был создан Европейский фонд финансовой стабильности EFSF (European Financial Stability Facility). Начальный объем ресурсов EFSF составил 440 млрд евро. Фонд стал механизмом разрешения наиболее острых кризисных ситуаций. Фактически его задача заключалась в том, чтобы дать странам, не способным обслуживать свои долги, возможность перекредитоваться под льготные проценты. Первым делом фонд выдал гарантии по кредитам Ирландии и Португалии в объеме 43,7 млрд евро, а Греции — часть льготного кредита на 109 млрд евро. Благодаря созданию этого фонда Евросоюзу удалось оказать реальную помощь ряду государств, находившихся на грани банкротства.

Однако выяснилось, что данный механизм не решает проблемы чрезмерно большого госдолга. Например, несмотря на драконовские программы экономии и реструктуризацию долга, госдолг Греции в 2013 году составил 160 % ВВП, тогда как до кризиса 2008 года он был на уровне 110 %. Дефицит бюджета в 2013 году составил 7 % ВВП. Греция получила льготных кредитов свыше 300 млрд долларов, а частные инвесторы списали часть долга на 100 млрд евро. Таким образом, простое увеличение объема льготных кредитов, выдаваемых Греции, уже не может решить проблемы ее госдолга. Каждый новый льготный кредит лишь увеличивает размер долга. Это означает, что экономика Греции будет оставаться в течение многих лет неконкурентоспособной.

В спасении единой валюты еврозоны, а также европейской банковской системы исключительно позитивную роль сыграл Европейский центробанк (ЕЦБ). Экс-президент ЕЦБ Жан Клод Трише был первым, кто после кризиса принял решение о выкупе трансформированных акций в обмен на денежную эмиссию в пользу банков. Бен Бернанке в США последовал его примеру. Благодаря этому крупные банки сохранили платежеспособность. В самом разгаре кризиса ЕЦБ скупил долги Греции, Португалии и Ирландии почти на 80 млрд евро и объявил о многомиллиардных списаниях по ценным бумагам, покупать которые уже никто не хотел. После второй волны мирового финансового кризиса, начавшегося 3 августа 2011 года, когда ситуация вокруг евро становилась все более драматичной, ЕЦБ начал массовую скупку гособлигаций Италии и Испании.

Таким образом, ради спасения евро ЕЦБ взял на себя функции, не предусмотренные ни в одном из его уставов: он разрабатывал программы сокращения расходов для стран-должников, таких как Греция, Ирландия и Италия; предотвращал банкротство крупных банков; поддерживал курсы облигаций ряда государств — членов еврозоны. Естественно, все это вызвало критику и недовольство со стороны государств-кредиторов, которые считают, что ЕЦБ обязан только обеспечивать стабильность единой валюты и неизменность цен. С другой стороны, например, Италия по объему непогашенных гособлигаций в то время занимала третье место в мире. Без действенной помощи со стороны ЕЦБ этот долговой рынок мог просто рухнуть. Если бы это случилось, то последствия не только для еврозоны, но и всей мировой экономики могли стать катастрофическими. Сегодня можно с уверенностью говорить о том, что Жан Клод Трише в кризисных условиях действовал весьма решительно и мудро. Комфортная мягкая монетарная политика ЕЦБ, насытившая еврозону ликвидностью, стала решающим вкладом в восстановление экономического роста. По-видимому, единственной крупной ошибкой господина Трише стало повышение процентной ставки в 2011 году до 1,5 с 1 %, которое оказалось преждевременным. Он признал свою ошибку и в 2013 году понизил ставку рефинансирования до 0,5 %.

Итак, ожидания полноценного восстановления роста экономики еврозоны в 2014 году не оправдались. Экономический рост составил всего 0,8 %. Причина, по мнению экспертов МВФ, в том, что, несмотря на заметное улучшение состояния балансов банков, долговая нагрузка корпоративного сектора и домохозяйств остается высокой, что препятствует наращиванию спроса и объема инвестиций в реальный сектор экономики. Одной из причин стало также снижение фактических темпов роста экономики Германии до 1,5 % вместо ожидаемых 1,9 %. Следует отметить, что в годы кризиса Германия оставалась единственной страной, экономика которой продемонстрировала относительно устойчивый рост, несмотря на рецессию в еврозоне в целом. Что же касается второй экономики еврозоны — Франции, она показала еле заметный рост в 2014 году, равный 0,4 %.

Существенную роль в замедлении экономики еврозоны сыграло геополитическое противостояние Запада и России, вызванное политическим кризисом на Украине, следствием которого явилась война экономических санкций. Взаимные санкции Евросоюза и России привели к резкому сокращению товарооборота между ними. Россия для Евросоюза является одним из крупнейших торговых партнеров с товарооборотом 326 млрд евро в 2013 году. Многие европейские компании были вынуждены либо переориентировать, либо сворачивать товарные потоки в Россию в связи с санкциями Евросоюза. Введенный Россией встречный запрет на импорт продуктов питания больно ударил по многим отраслям экономики еврозоны, особенно тех стран, которые закачивали значительные инвестиции в сельское хозяйство именно под поставки в Россию. Восстановление экономики еврозоны оказалось слишком хрупким, чтобы выдержать ухудшение внешнеэкономических условий. К тому же сохраняющаяся геополитическая напряженность не стимулирует европейских бизнесменов инвестировать, несмотря на то что у них имеются свободные мощности.

Новый глава Еврокомиссии Жан Клод Юнкер предложил трехлетний стимулирующий инвестиционный план объемом 315 млрд евро, который будет основан на гарантиях и небольшом стартовом капитале из средств Европейского инвестиционного банка (ЕИБ). Основной объем средств для реализации плана должен поступить из частных источников. Инвестиционный фонд планирует привлечь крупные банки, имеющие опыт реализации инфраструктурных проектов. Предполагается, что инвестиции пойдут в проекты, способствующие ускорению темпов экономического роста, прежде всего в инфраструктурные проекты, которые подвергнут тщательному отбору. Еврокомиссия рассчитывает таким образом создать свыше 1 млн рабочих мест. Учитывая, что правительства стран еврозоны ограничены в возможностях инвестирования, поскольку они используют имеющиеся средства в первую очередь на сокращение госдолга и дефицита бюджета, новый инвестиционный план может способствовать восстановлению экономического роста еврозоны.

Как мы видим, новые лидеры Евросоюза понимают, что для скорейшего выхода из кризиса требуется активный рост инвестиций, а вовсе не режим жесткой экономии. Выше уже было сказано о вкладе экспансионистской денежно-кредитной политики ЕЦБ в восстановление экономического роста. Но он уже исчерпал свои возможности. Поэтому теперь ответственность за дальнейшее ускорение экономического роста ложится на правительства стран Евросоюза, на политических лидеров. Евросоюзу потребуется экспансионистская налогово-бюджетная (фискальная) политика стоимостью в 300 млрд евро ежегодно, чтобы обеспечить экономический рост на уровне 1,5–2 % в год. Однако без российского рынка, без налаживания товарооборота с Россией инвестиционный план Юнкера вряд ли даст желаемый эффект. Поэтому первой задачей политических лидеров Евросоюза является преодоление геополитической напряженности в отношениях с Россией и скорейшая отмена экономических санкций.

В заключение приведу слова Дж. Стиглица: «Кризис, я надеюсь, приведет к изменениям и в области политики, и в сфере идей. Если мы примем правильные решения, причем целесообразные не только с политической, но и с социальной точки зрения, то сможем сделать менее вероятным наступление следующего кризиса и, возможно, даже ускорить внедрение реальных инноваций, которые будут способствовать улучшению жизни людей во всем мире. Если же принятые нами решения будут неправильными, мы получим еще более разделенное общество и экономику, еще более уязвимую перед очередным кризисом и менее оснащенную для того, чтобы справиться с вызовами XXI века» [2]. Остается надеяться, что политические мировые лидеры прислушаются к голосу Дж. Стиглица и в этот ответственный момент примут правильные геополитические и геоэкономические решения на благо всего мирового сообщества.

Литература

1. Сапир Ж. Россия: уроки кризиса / Ж. Сапир // Эксперт. — 2015. — № 4. — С. 18–21.
2. Стиглиц Дж. Крутое пике: Америка и новый экономический порядок : пер. с англ. / Дж. Стиглиц. — М. : Эксмо, 2011.

К. Н. Брутенц¹

ПОДЪЕМ АЗИИ И ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ²

Характерной чертой российской общественной мысли (впрочем, это скорее общемировое явление) была, думается, недооценка роли цивилизационного фактора как на внутренней сцене — в развитии различных стран, так и на внешней — во взаимоотношениях между ними. Сейчас внимание к данному фактору заметно растет, и не только в силу логики научного познания. К этому подталкивает реальность.

В международных политических и экономических отношениях ныне происходит крутой поворот. Он характеризуется вступлением в игру целой группы держав, прежде всего в Азии, с потенциалом глобального влияния, крупными изменениями в балансе сил на арене целых континентов и в планетарном масштабе, вовлечением в историческое творчество сотен миллионов людей, известным ограничением возможностей международных олигархов. По сути можно говорить о начавшейся радикальной реструктуризации международных отношений, вступлении в новую эпоху и, больше того, заре великой геополитической революции.

Трансформация Китая и Индии уже сама по себе преобразила Азию. Кстати, оказалось, что Наполеон был не очень далек от истины, когда говорил о Поднебесной: «Там лежит гигант. Пусть спит. Когда проснется, он сотрясет мир». В самом деле, Китай стремительно набирает силу и уже стал признанным локомотивом мировой экономики.

Все это знаменует фундаментальную перемену в исторической парадигме: Азия возвращается в центр мировой истории и свое будущее отныне будет определять сама. Такова одна из важнейших примет нового мирового порядка. С этой точки зрения тем более деструктивны сохранившиеся стереотипы отношения к Азии (это, к сожалению, относится и к России), в которых недооценка ее креативных возможностей соседствует с высокомерием и негативной предрасположенностью.

Между тем XXI век — это время новой встречи Запада и Востока в самом широком смысле. В ушедшем столетии распад колониальных империй, изгнание колонизаторов были равносильны отрыву, пусть частичному, Востока от Запада. Сейчас они встречаются вновь, но положение принципиально иное: это встреча не колонизатора с колонизируемым, то есть поработавшего Запада с поработаемым Востоком, а стремительно развивающегося Востока с Западом, который пытается отстоять свое привилегированное положение. Кроме того, они встречаются в радикально изменившихся условиях — условиях глобализации.

¹ Вице-президент Российской внешнеполитической ассоциации, доктор исторических наук, профессор.

С 1961 года работал в аппарате ЦК КПСС, первый заместитель заведующего международным отделом ЦК КПСС (1986 – 1991). С 1991 года — советник Президента СССР М. С. Горбачева. Автор публикаций на общественно-политические темы: «Освободившиеся страны: некоторые проблемы и перспективы», «Освободившиеся страны в 70-е годы», «О внешнеполитической концепции России в Азиатско-Тихоокеанском регионе», «Тридцать лет на Старой площади», «Внешняя политика России: новый этап?», «Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке», «Закат американской гегемонии».

² Доклад представлен на X Международные Лихачевские научные чтения (2010 г.)

Эту встречу осложняют многие факторы: непреодоленная психология превосходства и патернализма, которая накладывается на гегемонистский курс США, тянущих за собой других натовцев; стремление Запада модернизировать Восток по своему образу и подобию; цивилизационные различия и решимость «восточников» отстаивать свою национальную и цивилизационную идентичность; отсталость, нищета и ксенофобские настроения на Востоке и Западе; подъем политического ислама и многое другое. И все же определяющую роль в позиции Азии сыграют ее заинтересованность во взаимовыгодном сотрудничестве, растущая внешнеполитическая зрелость азиатских государств и понимание своей ответственности за обеспечение адекватного ответа на глобальные вызовы.

Принципиальный исторический вопрос состоит в том, сумеет ли Запад строить отношения с Востоком на новой основе — равноправия и почтения к его специфике, уважительного отношения к его цивилизационным основам, признания необходимости культурного взаимодействия и т. д. Найдет ли Запад такую основу, дружественный *modus vivendi*³ — жизненно важный вопрос для него самого.

Восхождение Азии окончательно выбивает почву из-под европо- и американоцентристского концептуализма и означает для них нечто вроде *coup de grâce*⁴. Но это отнюдь не является достаточным основанием для конструирования философии азицентризма, прогнозов о том, что XXI век станет азиатским, что начинается «мировой порядок с центром в Азии» и т. п. Иначе говоря, теперь создается псевдонаучный флюс⁵ обратного порядка. И среди выступающих с подобными утверждениями такие известные политические аналитики, как Ж. Аттали, Г. Киссинджер, З. Бжезинский и многие другие.

Однако время таких подходов и концепций безвозвратно прошло. Мир уже небывало многообразен, а станет еще многообразнее благодаря постепенному выходу из политического анабиоза все новых действующих лиц. XXI век будет полицентрическим, если угодно, концентрическим. Любые центристские теории жизни и развития нашей планеты противоречат целостной парадигме мировой истории.

В достижениях азиатских стран значительную роль сыграли, как это уже стал признавать и Запад, цивилизационные факторы. Например, в том же Китае. Еще недавно утверждалось (в частности, Максом Вебером), что конфуцианство — барьер на пути модернизации. На деле же в китайском «чуде» огромную роль сыграл громадный цивилизационный задел, в который органично входит конфуцианство, до сих пор серьезно влияющее на образ мыслей и стереотип поведения китайцев. Речь идет о высокой трудовой этике, трудолюбии (как необходимом условии выживания), дисциплине и уважении к старшим (что предполагает определенное отношение к власти наряду с принципом управления на основе сложившихся традиций, этических норм и презумпции «человечности»). Характерно и то, что открытые в 78 странах центры, призванные «объяснять» сегодняшний Китай, названы центрами Конфуция.

³ *Modus vivendi* (лат.) — образ жизни, способ существования. — *Примеч. ред.*

⁴ *Coup de grâce* (фр.) — удар милосердия, которым добивали тяжело раненного, уже не оказывающего сопротивления противника, чтобы прекратить его мучения. — *Примеч. ред.*

⁵ Флюс (от нем. Fluß) — поток, течение. — *Примеч. ред.*

Как известно, влияние конфуцианства выходит далеко за границы Китая. В целом в азиатском цивилизационном коде имеют немалое значение следующие компоненты конфуцианского кредо: верность традициям, человеколюбие, чувство долга, уважение к старшим, соблюдение правил общественных, внутрисемейных и групповых отношений, верность таким ценностям, как иерархия, долг, консенсус, подчинение интересов личности интересам группы, клана¹. Модернизация реализовалась и реализуется, опираясь в значительной степени на этот цивилизационный код.

Я, разумеется, не имею в виду, что коллективистские начала отсутствуют в западной культуре, а индивидуалистическое начало — в восточной. Речь идет лишь о выраженности, интенсивности соответствующих компонентов.

Новая роль Азии в мире, надо думать, приведет (и уже ведет) к повышению ее культурно-цивилизационного влияния. Расширенная и укрепившаяся азиоцентристская культурная идентичность — неизбежный спутник подъема Азии, и это будет иметь глубокие последствия.

Запад, думается, только выиграл бы от обогащения некоторыми ценностями и уроками китайской и индийской цивилизации, вклад которых уже присутствует в копилке европейского цивилизационного богатства. Воздействие некоторых сторон восточной культуры (разумеется, в модифицированном и модернизированном виде) было бы небесполезно для излишне коммерциализированных, рационалистических, индивидуалистических и духовно обедняемых западных обществ. Может быть, Азии, Востоку, перенимая достижения Запада и соединяя их со своими, предстоит внести незаменимую лепту в поиски некоего промежуточного идеала, доказать, что достижения западного общества отнюдь не конечный пункт развития человеческой цивилизации.

Как бы то ни было, уже сейчас видно, что Восток (в данном случае я имею в виду прежде всего Восточную Азию, но это относится и к более широкой группе развивающихся стран) переживает модернизацию отнюдь не на путях так называемой вестернизации, переноса институтов и ценностей Запада, а сохраняя и даже укрепляя свою идентичность, что не мешает использовать и перенимать его достижения. Оказалось, что вопреки утверждениям западных идеологов такой перенос совсем не обязательный ключ к вступлению в современность.

Но, конечно, речь идет не о каком-то одностороннем процессе, а о диалоге цивилизаций, в котором обе стороны «слышат» и взаимообогащают друг друга.

Экономический рывок, произошедший в ряде стран Азии, имел социально-культурные и психологические последствия, которые получили общеазиатский резонанс. Произошел серьезный сдвиг в сознании народов региона. Заметно поднялась планка самооценки и по большей части преодолено представление о превосходстве Запада. Отголоском этого является то, что в Азии заговорили об «азиатской» идее, азиатском самосознании, имея при этом в виду, что именно с ними неразрывно связана бурная экономическая динамика азиатских стран. Причем растущая популяризация и популярность тезисов об «азиатской» идее и азиатской модели служат своего

¹ Подробнее об этом см.: *Гаджиев К.* Вестернизация или особый путь модернизации? // *Полис.* 2008. № 4. С. 148 – 163.

рода спусковым крючком для роста национального самосознания народов региона. Это создает потенциал и для развития национализма.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что равноправный и взаимообогащающий диалог цивилизаций — это актуальнейший вопрос сегодняшнего дня и всей нашей эпохи. Но огромную, если не решающую роль предпосылки такого дружественного диалога играет формирование политических основ равноправных отношений и сотрудничества между Востоком и Западом.

Олесь Бузина¹

УКРАИНА: ТРЕУГОЛЬНИК МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПРОТИВОСТОЯНИЙ²

Тема Лихачевских научных чтений — «Диалог культур и партнерство цивилизаций». Но я хотел бы обратить внимание на тот аспект диалога, о котором часто забывают, когда говорят о культуре. Диалог может вестись не просто на повышенных тонах, но с оружием в руке и представлять собой обмен угрозами и воинскими кличами.

Слово «культура» ассоциируется у людей с такими образами: университет, профессор с чеховской бородкой, писатель, выводящий буквы гусиным пером на листе бумаги, или режиссер, репетирующий новую пьесу. Но это высшая точка культурного процесса. В толще этой пирамиды кипят страсти, совершаются преступления и течет настоящая, а не бутылочная кровь.

До того как писатель начал творить, он мог быть мобилизованным доктором, чудом избежавшим расстрела, как это случилось с киевлянином Михаилом Булгаковым. А известный режиссер — военным служащим петлюровской армии. К примеру, такой факт есть в биографии Александра Довженко, что не афишировалось в советскую эпоху. Кстати, если бы эти деятели культуры (оба — уроженцы Украины) встретились в 1919 году на поле боя, то были бы вынуждены воевать друг против друга, так как находились в противоборствующих политических лагерях, выяснявших взаимоотношения силой оружия.

Украина является уникальной страной. И уникальность ее состоит не в политических мифах, что украинцы — потомки трипольской цивилизации или что Киевская Русь — исключительно «древнеукраинское государство», которые настойчиво внедряет в массовое сознание современная украинская власть. Это лишь запоздалый (почти на сто лет) местный вариант общеевро-

¹ Писатель, журналист, историк (Украина). Работал в газетах «Киевские ведомости», «2000»; журналах «Друг читателя», «Лидер», «Натали», «Эго», «XXL». Вел авторскую колонку в газете «Сегодня». Был ведущим программы «Тееп-лига» на телеканале «Интер» (Киев). Автор многих книг, в том числе: «Вурдалак Тарас Шевченко», «Тайная история Украины — Руси».

² Доклад представлен на IX Международные Лихачевские научные чтения (2009 г.).

пейского националистического мифотворчества, противостоявшего великим имперским мифам Австрии, Германии и России.

Уникальность Украины заключается в другом — в том, что эта страна возникла на стыке трех цивилизаций: русской православной, западноевропейской католической и восточной мусульманской; в том, что военные репортеры и деятели культуры этой территории «межцивилизационных битв» создают шедевры, обогащающие мировую культуру.

«Тарас Бульба» Н. В. Гоголя, изданный в Санкт-Петербурге в 1835 году, и роман «Огнем и мечом» польского писателя Генрика Сенкевича, вышедший в 1882 году, являются культурной фиксацией этого противостояния. Характерно, что снятые недавно по этим произведениям фильмы вновь спровоцировали на Украине идеологический конфликт. Прорусский лагерь украинских критиков воспринимает фильм польского режиссера Ежи Гофмана как выражение западной пропаганды. В противовес ему «Тарасу Бульбе» Владимира Бортко пытаются навесить ярлык российского пропагандистского трэш-фильма.

Украинцы же, потерпев фиаско в создании собственного монументального кино (пример тому — «провал» в прокате фильма «Мазепа» Юрия Ильенко), сняли сериал «Роксолана» на восточную тему — об украинке, попавшей в турецкий плен и ставшей султаншей. Этот сериал — о контакте православной и мусульманской цивилизаций — был закуплен и Россией, и Турцией.

Если ознакомиться с современными украинскими учебниками, изданными после 1991 года, то можно обнаружить там множество фантастических историй: о стране с придуманным задним числом названием Киевская Русь; о «государстве» Украина, якобы потерявшем после Переяславской рады независимость; о русском царе Александре II, будто бы запретившем украинську мову.

Но в этих учебниках отсутствует ответ на вопрос, когда и почему появилась Украина. Есть страна, у которой не имеется достоверной биографии, только легенда, как у разведчика-нелегала.

Самый старый миф гласит, что Украина — единственная наследница Киевской Руси. Профессиональные историки знают, что термин «Киевская Русь» абсолютно книжный и условный, как «Византия». Он утвердился только в начале XIX века после выхода в свет трудов Н. М. Карамзина. По словам современного киевского историка Алексея Толочко, «государства под названием Киевская Русь на самом деле никогда не существовало. Современники называли страну, в которой жили, "Русская земля" или просто "Русь"».

По моему мнению, лучше было бы называть эту распавшуюся в XIII столетии средневековую державу так, как она сама себя именovala. Это было бы более корректно. Тем более что истоки этой страны находятся не в Киеве, а в Ладого, где высадились шведские викинги, которых местное финское население называло руотси.

Теперь рассмотрим карту современной Украины и наложим ее на карту Древней Руси периода расцвета. Они пересекаются только в узком месте. Большая часть древнерусских земель ныне находится на территории России и Белоруссии. А подавляющая часть Украины — это вообще не Русь,

а Половецкая земля — Дикое Поле, куда ходил в «степь неизвестную» на кочевников князь Новгород-Северский из поэмы «Слово о полку Игореве».

Как известно, князь в походе потерпел неудачу и с горя женил сына на дочери хана Кончака, к которому попал в плен. Следовательно, внуки Игоря были уже полуазиатами, ведь половцы — типичные монголоиды. Некоторые древнерусские города в результате наступления половцев опустели: их жители-славяне ушли на север. Освободившуюся территорию заселили степняки. Полезно иногда читать летописи, например запись Повести временных лет о 1159 году. Тогда поговорили между собой князь Киевский Изяслав и князь Черниговский Святослав. Святослав на упрек собрата в жадности ответил, что он — человек смиренный и готов удовлетвориться всего Черниговом с семью другими городами, в которых, по его словам, живут «псары да половцы».

Из его слов следует, что половцы активно переселялись на пограничные с Русью территории. Им нужно было каким-то образом общаться с княжескими псарями, значит, они осваивали славянский диалект, принимали христианство. Именно благодаря половцам у будущих украинских красавиц появились воспетые в песнях карие очи и черные брови, но сохранилось белое личико.

Среди населения Древней Руси светловолосых людей — типичных европеоидов — было намного больше, чем среди современных украинцев. Сейчас об этом в шутку говорят: «Татарин погулял». Но процесс смешения с монголоидными степняками начался задолго до монголо-татарского нашествия. Можно с уверенностью говорить, что значительная часть современных украинцев — это результат славяно-тюркского смешения.

Даже кобза — якобы типично украинский музыкальный инструмент — имеет половецкое происхождение. По-тюркски он назывался *koriz*. Прототипы данного музыкального инструмента в большом количестве представлены в захоронениях кочевников домонгольской эпохи, расположенных на юге Украины.

Начиная со времен киевских князей на западе католическая Европа вела наступление на Русь. Оно переросло в возникновение особого греко-католического региона современной Украины — Галиции — православного по обряду и католического по догматам и сути. Крупнейший город этой исторической области — Львов — «колыбель национализма» и «украинский Пьемонт». В XVI веке он был последним оплотом православия и русского духа в Западной Руси. Когда в 1596 году после Брестской унии православная церковь Украины и Белоруссии признавала своим главой Папу Римского, единственными, кто остался верен православию, были Львовская и Перемышльская епархии.

Греко-католиками русские львовяне стали только в конце XVII столетия, уже после восстания Хмельницкого, когда епископ Иосиф Шумлянский, бывший польский кавалерист, достигший определенных высот церковной карьеры, по желанию польских властей втайне от своей паствы перешел в униатство.

До Первой мировой войны большинство галичан даже не подозревали, что являются украинцами. Как и во времена Древней Руси, местное население называлось русинами и считало себя частью русского народа, оторван-

ного от единого целого. Сыном русина именовал себя даже Иван Франко, которого в настоящее время считают классиком украинской литературы. В 1904 году по заказу редакции Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона Франко написал для этого многотомного издания статью «Южно-русская литература» — о том, что сегодня мы называем украинской литературой. Франко, хотя и жил во Львове, знал русский язык, как и остальные образованные львовяне. Писать по-русски ему нравилось. В одном из писем петербургскому профессору С. А. Венгеру, работавшему в редакции Брокгауза и Ефрона, Франко спрашивал, нельзя ли ему еще что-нибудь написать на русском языке для петербургских изданий.

Чтобы окончательно лишить население Галиции исторической памяти, правительство Австро-Венгрии, получившее эту провинцию в конце XVIII века после очередного раздела Речи Посполитой, решило проводить особую политику. Австрийцы объяснили русинам, что они должны либо объявить себя особой национальностью, либо готовиться к неприятностям. Что это за неприятности, стало ясно, когда началась Первая мировая война. Галичан, считавших себя русскими, правительство Франца Иосифа отправляло в концлагерь Талергоф на перевоспитание. Тем не менее многие галичане остались москвофилами, а в промежутке между Первой и Второй мировыми войнами во Львове вышло несколько выпусков «Талергофского альманаха», в котором были собраны воспоминания узников этого концлагеря, созданного задолго до Майданека и Заксенхаузена.

Австрийцы пытались перевоспитывать и уроженцев той части Украины, что входила в Российскую империю, людей, которые служили в царской армии и попали в плен. Но процесс «украинизации» малороссов протекал тяжело. Даже начальник австрийской контрразведки Макс Ронге был вынужден признать в мемуарах: «Были, правда, и такие русские украинцы, которые мечтали об освобождении и присоединении к центральным державам, но это были единицы, не имевшие никакого влияния на общую массу. Среди пленных украинской национальности их пропаганда не могла добиться успеха. Эти пленные интересовались социалистическими идеалами, но ни в коей мере не национальными».

Привить национальные идеалы украинцам удалось только советской власти, присоединившей к Украинской Советской Социалистической Республике индустриальный Донбасс, Новороссию и Крым и проводившей в 1920-х годах жесткую политику украинизации. Мнение тех, кто хотел бы оставаться частью триединого русского народа, при этом не учитывалось. Более того: высказывание подобного мнения было чревато репрессиями. Ведь концепция триединства русских являлась основой идеологии Белой армии, проигравшей в Гражданской войне.

В слове «Украина» заключен изменчивый характер страны — дух пограничного состояния, двуязычия, двоеверия и многовекторности, которые при президенте Леониде Кучме считались основой дипломатии официального Киева. Тем не менее именно эту двойственность и «окраинность» официальный Киев всегда пытался отрицать.

Например, бывший президент Украины Л. Кучма потратил много сил, доказывая, что Украина не Россия, даже написал книгу. При этом он сам плохо

владеет украинским языком. Особенно не нравилось Леониду Даниловичу, что этимология слова «Украина» связана с «окраиной».

Между тем западноевропейские путешественники утверждали, что Украина — это именно пограничье. «Страна эта называется Украиной, то есть пограничьем», — писал венецианский посол Альберто Вимина Богдану Хмельницкому. «Страна, где обитают казаки, называется Украиной, что означает "окраина"», — вторил его современник француз Пьер Шевалье, написавший «Историю войны казаков против Польши». Вольтер в «Истории Карла XII» нарисовал несколько гротескную, но, по сути, верную картину этой территории и ее политической системы: «Это земля запорожцев — самого странного народа на свете. Это шайка русских, поляков и татар, исповедующих нечто вроде христианства и занимающихся разбойничеством...»

Украина осталась бы такой (трудноуловимым в истории понятием, как Сербская Краина), если бы не победоносные войны Екатерины II, окончившей с Крымским ханством и Королевством Польша. (Кстати, Крымское ханство не ограничивалось территорией полуострова. В него входили и обширные степи, расположенные ныне в Одесской, Херсонской, Николаевской, Донецкой и Харьковской областях.) Нравится это кому-то или нет, но «матерью» современной Украины была проклинаяемая сегодня в Киеве Российская империя.

Когда сегодня, проезжая по Крыму, я вижу минареты в татарских селах, то воспринимаю это как «дыхание» мусульманского юга. Когда во Львове захожу в греко-католический Собор святого Юра, то воспринимаю его как зримый знак нависшей над Украиной «длани» Запада. В Киеве, проходя через ворота Киево-Печерской лавры, возвращаюсь на святую Русь.

Эти три вектора по-прежнему определяют настоящее и будущее Украины и ее культуры — страны, где сошлись в конфликте три цивилизации. Только на вершинах цивилизаций возможно их мирное взаимопроникновение.

Российскому философу и дипломату Константину Леонтьеву турки казались милыми людьми именно потому, что его контакт с Турцией происходил на верхних уровнях: он имел дело с окультуренными, образованными турками — такими же, как он, дипломатами, а не башибузуками.

В украинском народном творчестве символом такого «культурного» контакта стала дума о казаке Байде, повешенном в Стамбуле на крюк за отказ изменить православной вере. Контакт обернулся не интеллектуальной беседой, а кровавой трагедией.

Русский император Александр I и его брат великий князь Константин могли быть полонофилами, так как другом юности первого из них был князь Адам Чарторыйский, а второй женился на полячке. Однако последствием полонофильской политики августейших братьев, даровавших Речи Посполитой Конституцию в то время, когда остальная Российская империя ее не имела, стало Варшавское восстание 1794 года. Подавлять его пришлось украинскому фельдмаршалу Паскевичу, воспринимавшему поляков как противников по Наполеоновским войнам, с которыми он воевал почти десять лет.

Особенность (не хочу использовать часто употребляемое слово «трагедия») Украины заключается в том, что контакт цивилизаций происходит

здесь на нижнем уровне и участвуют в нем в основном солдаты, гайдамаки, казаки и прочий лихой народ, который водится на любой пограничной территории. Поэтому в произведениях, вдохновленных этим, по выражению Гоголя, «заколдованным местом», так много вурдалаков, виев и встающих из гробов мертвецов. Территория битв трех цивилизаций может порождать только таких персонажей — гротескных и боевых, характеризующих образ врага.

Полад Бюль-Бюль оглы¹

АЗЕРБАЙДЖАН НА ПЕРЕПУТЬЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ²

Уважаемые дамы и господа, дорогие друзья! Имя и наследие нашего великого современника Дмитрия Сергеевича Лихачева, который был носителем высоких, духовно просветленных идей, вновь собрали нас вместе.

Готовясь к этой встрече, я попытался осмыслить, что значимого, сущностного произошло за минувший с последней встречи год и как то, что прожито нами за этот отрезок времени, соотносится с критериями этого всемирно чтимого гуманитария?

Очевидно, что по насыщенности событиями прожитый год был богат и неоднороден. По-прежнему угрозой для человечества продолжали оставаться природные катаклизмы, приносящие боль, страдание, голод и разруху. Не утихло милитаристическое бряцание оружием, не остановлены длящиеся десятилетиями войны. Более того: за этот год на авансцену событий выдвинулись новые противостояния, в том числе в рамках постсоветского пространства. Это привело, в частности, к новому резкому обострению отношений в сложном Кавказском регионе. Да и сами войны, поменяв профиль, трансформировались в экономические, информационные, кибернетические, виртуальные и т. п.

Тем не менее нельзя не видеть того, что на фоне усилившихся тенденций конфронтации и даже вопреки им наблюдалось более сильное, чем ранее, желание жить сообща, основанное на понимании исторической предопределенности, и как следствие — суммировать мировой потенциал

¹ Министр культуры Азербайджана (1988 – 2006), Чрезвычайный и Полномочный Посол Азербайджанской Республики в РФ, доктор искусствоведения, профессор, народный артист Азербайджанской Республики.

Автор крупных симфонических и эстрадных произведений, камерно-инструментальной музыки, мюзиклов, вокально-симфонических композиций, музыки к кинофильмам и драматическим спектаклям.

Руководитель авторской группы Национального доклада по культурной политике Азербайджана, подготовленного в рамках Проекта STAGE Совета Европы. Член Совета по гуманитарному сотрудничеству государств — участников СНГ, Постоянный представитель Азербайджана и член правления Международного фонда гуманитарного сотрудничества стран СНГ. Действительный член Международной гуманитарной академии «Европа – Азия» и Национальной творческой академии Азербайджана.

² Доклад представлен на IX Международные Лихачевские научные чтения (2009 г.).

на общее созидание. Можно полагать, что в настоящее время, после вхождения в риторику мировой политики новой обнадеживающей терминологии, изменится и характер ее практики. Дав старт новой «перезагрузке» в международных отношениях, мировая политическая практика как бы сменила матрицу своих стратегий, обрела более доверительный тон. Преведний, силовой код управления миром уступил место коду разума, исторической целесообразности. А это уже немало.

И все же среди множества переживаемых ныне проблем главной по своей необратимой жесткости стал глобальный экономический кризис. Его воздействие на мировые процессы можно сравнить с разрушительным землетрясением или цунами. Отголоски кризиса, повергшего в шок экономику даже наиболее развитых стран, были отрезвляющими. Они наглядно показали, что сегодня ни в одной отдельно взятой стране, существующей в отрыве от всех остальных, не может быть расцвета и благоденствия. Кризис убедил мировых лидеров в том, что будущее человечества — в его совместном развитии. Эту идею подтвердил недавно проведенный в Лондоне саммит «Большой двадцатки».

Думаю, что в своих дальнейших прогнозах о характере межкультурного диалога мы должны исходить из этих неоднозначных реалий.

Но можем ли мы, исходя из пережитого за прошедший год опыта, утверждать, что современные глобальные перемены идут на пользу мировой культуре? Станут ли они импульсом для ускорения процесса сближения культур, нахождения новых нестандартных способов ведения диалога?

Дать однозначный ответ на этот вопрос непросто. С позиций актуальной в настоящее время культурной самоидентификации народов результаты наших общих стараний выглядят порой как двуликий Янус. Наверное, поэтому мир, раздираемый множеством противоречий, условно разделен на глобалистов и антиглобалистов.

С одной стороны, по мере процессов глобализации происходит некое унифицирование, системная стандартизация культурного компонента. Сегодня суммарный культурный потенциал стран включает, помимо интеллектуального и духовного капитала народов, такие общезначимые гуманитарные параметры, как уровень жизни, права и свободы граждан, их образовательный ценз, информированность, открытость социума, спектр культурных потребностей разных слоев населения. Многие народы вслед за интеллектуальной элитой своих стран высказывают опасение, что ускоренные темпы глобализации поглотят последние слабо стимулируемые отголоски самобытности и уникальности духовной культуры и ее главного носителя — родного языка. Они вполне резонно не хотят быть объектом подобного нивелирования и воспринимают глобализацию как асфальтный каток, который подминает под себя плодородный слой живой земли.

Но, с другой стороны, глобализация активно сопровождается многочисленными миграционными потоками, вливанием в экономику супердержав новых трудовых ресурсов из других стран мира. В силу этого по своему главному посылу глобализация призвана ослабить масштабы наблюдаемой ксенофобии, воспитывать в людях национальную и конфессиональную толерантность, создавать (или хотя бы пытаться создать) предпосылки равных возможностей для всех и каждого. Но этот позитивный аспект остается пока

в тени устрашающих картин всеобщей и унылой «уравниловки», конкуренции в сфере занятости и разделения социальных благ.

Ученые пытаются найти универсальное обоснование понятию «диалог культур» и полярному ему выражению «столкновение цивилизаций». Пока консенсус по этому вопросу не найден, вполне естественно, что у каждого из нас имеется собственное суждение, характеризующееся множеством нюансов. Например, я затрудняюсь воспринимать глобальный диалог цивилизаций в качестве некой философской субстанции. Для меня это живое, вполне осязаемое и ощущаемое явление. Вложенный в данный термин смысл подразумевает каждодневное осознанное движение навстречу друг другу отдельных людей, целых народов и сообществ, их взаимопроникающее общение.

Этимология слова «диалог» предусматривает факт общения как минимум двоих людей. И везде, где присутствуют более двух персон, исподволь происходит встречный и обоюдно интересный обмен культурной информацией.

Не только на престижных форумах, в официозе всех уровней, но и на каждой приватной встрече, при каждом дружеском рукопожатии или творческом обмене мнениями создается та атмосфера, в которой есть место диалогу культур и надежда быть услышанным, понятым, принятым.

Принято считать, что глобализация в сегменте культуры не должна означать триумф одной национальной культуры над другой. Напротив, она призвана создавать условия для обретения каждой локальной культурой собственной ниши в поликультуре мира, должна вести к множественности выбора предлагаемых путей развития. У глобализации единая шкала гуманитарных ценностей и идеалов, равные оценочные критерии. И она изначально исключает всякую культурную гегемонию или экспансию.

Я остаюсь убежденным сторонником идеи самоценности каждой из субкультур, не деля их на большие и малые, близкие и далекие, родственные или чужие, но при условии обязательного сохранения общности культурной ауры Евразийского пространства, в контексте целостной канвы культуры мира. Сейчас, как никогда ранее, стало очевидным, что этнокультуры, даже самые развитые из них, получившие статус цивилизационного пласта, не могут существовать изолированно от внешнего мира.

На мой взгляд, рационально рассматривать проблемы диалога культур в контексте комплекса геополитических, экономических, социальных реалий, с учетом широкого спектра национальных приоритетов, межнациональных, межконфессиональных отношений и иных интересов.

В связи с этим уместно привести мнение Тайлера Коуэна, автора книги «Творческое уничтожение: как глобализация изменяет мировые культуры». Он полагает, что будущее культур связано с их обязательно совместным развитием. А те культуры, которые пытаются законсервироваться, развиваться в отрыве от мировых тенденций, будут неизбежно устаревать и могут вообще исчезнуть. При этом он обращает особое внимание на то, что в современном мире наблюдается беспрецедентное смешение культур, яркие проявления которого основаны на «сплаве» прошлого и настоящего, традиций и инноваций, академического и этнофольклорного.

Вероятно, что в подобном восприятии культурного многообразия есть свое рациональное зерно. А как обстоят дела с обменом культур в действительности? Всегда ли в современном мире глобализация несет для культуры только абсолютный позитив? И где та разделительная черта, за которой наступает подмена экспорта культуры «высокой пробы» сиюминутно модным эрзацем, за которым закрепилось название «масскультура».

Согласно статистике в 2002 году мировой культурный экспорт составил порядка 60 млрд долларов США. Данные более позднего периода пока официально не обнародованы, но уже известно, что в последующие пять лет этот показатель вырос почти вдвое. Вдумаемся в эти внушительные цифры. Они превращают продукт духовной культуры в объект хорошо организованной мировой индустрии, делают его единицей глобальной торговли и массового сбыта. За ними стоят миллионы находящихся в мировом обороте книг, иной печатной и аудио- и видеопродукции, произведений всех родов изобразительного искусства, театрально-зрелищной, радио-, теле-, кино- и фотоиндустрии, антиквариата и т. д. (Здесь не учитывается то, что стало широко доступным в мировой виртуальной паутине, на всевозможных цифровых носителях.)

Столь масштабный, практически неподконтрольный объем культурного обмена можно сравнить с неподвластным человеку круговоротом воды в природе. В подобной ситуации отделить зерна от плевел, искусство от суррогата, сущностное от наносного, рациональное от иррационального — задача крайне сложная, почти невыполнимая, но тем она значимее, весомее.

Видимо, потому так значимы и востребованы народами усилия ЮНЕСКО по сохранению целостности мирового культурного наследия во всех его значительных проявлениях. Гуманитарная политика ЮНЕСКО по защите подлинных шедевров культуры, которую можно считать «паспортизацией мировой духовности», заслуживает серьезного отношения.

Подкреплю последнее положение конкретными примерами из культурной практики своей страны. Азербайджан являет собой культурный «перекресток», где на протяжении истории соприкасались этносы и религии, уживалась высокая сакральность духовных идей. Именно это предопределило характер среды, в которой сложились нация, ее язык и культурная составляющая.

Наша страна традиционно была экспортером не только энергоресурсов, столь важных для жизни человека, но и многих духовных новаций. В культурной практике Азербайджана справедливо многократно повторяется слово «первый». Первое на всем мусульманском Востоке прозаическое произведение, первый профессиональный театр западного образца, а также станковая живопись, академические западные музыкальные жанры: опера, балет, симфоническая музыка — были созданы именно в нашей стране.

Такая изначальная открытость миру, достаточно высокая степень адаптации к прогрессивным тенденциям и новациям позволили Азербайджану уверенно войти в мировые цивилизационные процессы, стать сегодня точкой опоры на геополитическом и культурном векторе «Восток — Запад».

Концептуальным стержнем новой культурной политики страны остается приверженность традициям культурного многообразия. Ощущая себя ча-

стицей Европы, обширного евразийского пространства, тюркского ареала и Кавказского региона, мы отводим особое место многоплановости международных связей.

Не случайно столица Азербайджана — город Баку — первой среди столиц стран СНГ была выбрана местом проведения Международной конференции министров культуры европейских стран под эгидой Евросоюза и Европарламента. В Баку также был проведен Международный форум «Расширение роли женщин в межкультурном диалоге». Эту актуальную тематику, но уже под углом зрения современной молодежи обсуждали в Баку участники Международного молодежного форума.

Кроме того, Организация «Исламская конференция», которая в настоящее время объединяет 57 мусульманских стран мира с населением около 1,2 млрд человек, избрала в 2009 году город Баку столицей исламской культуры. Это для Азербайджана большая честь, факт признания особой роли нашей страны в развитии исламской цивилизации, являющейся одним из важных слагаемых мирового духовного наследия.

Все сказанное дает основания утверждать, что опыт Азербайджана, открытого одновременно и Западу, и Востоку, имеющего доступ к лучшим достижениям мирового духовного наследия, может служить моделью для решения проблем диалога культур и партнерства цивилизаций.

Такой межкультурный диалог позволяет народам лучше узнать и познать друг друга. Он создает возможность открыто и уверенно отстаивать свои взгляды, сотрудничать, сообща создавать архитектуру культуры будущего. Ведь именно культура хранит традиции, создает новые ориентиры и ценности, способствует тому, чтобы умолкло оружие и наступили мир и процветание.

Мы, живущие сегодня, всего лишь трансляторы духовного капитала человечества его прямым адресатам — поколениям будущего. В выполнении этой высокой миссии искренне желаю всем больших успехов.

Ежи Й. Вятр¹

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ²

Двадцать пять лет назад конец холодной войны в корне изменил характер международных отношений. В ходе холодной войны идеологическое противостояние было доминирующим фактором в международных

¹ Министр образования Польши (1996 – 1997), депутат сейма Республики Польша (1991 – 1997, 2001), доктор социологии. Автор научных работ по социологии политики, в т. ч. монографии «Социология политических отношений». Почетный ректор Европейской высшей школы права и управления в Варшаве, почетный профессор Варшавского университета, почетный сенатор Университета Люблины, почетный доктор Днепропетровского национального университета им. Олеся Гончара. Удостоен ордена Возрождения Польши II степени.

² Доклад представлен на XV Международные Лихачевские научные чтения (2015 г.).

отношениях. Холодная война по своей сути была, если использовать слова бывшего президента США Джорджа Буша-старшего, «борьбой за душу человечества»¹. Это был мировой конфликт, основанный на борьбе за основополагающие ценности. Каждая сторона была верна своей системе ценностей и намеревалась сделать свою систему ценностей и институтов всеобщим мировым образцом. Идеологическая природа холодной войны не отменяла конфликтов национальных интересов, но делала их второстепенными по отношению к фундаментальному идеологическому противостоянию между сверхдержавами и международными союзами, сформировавшимися вокруг них.

Это была новая уникальная ситуация, во всяком случае, для международных отношений нового времени. В течение многих веков, как минимум начиная с конца европейских религиозных войн XVI и XVII веков, международные отношения основывались на национальных интересах суверенных государств. Из этого правила было только два кратковременных исключения: войны между революционной Францией и коалицией европейских монархий в последнем десятилетии XVIII века и Вторая мировая война. После окончательной победы над Наполеоном Бонапартом Европа вернулась к ситуации, когда национальные интересы каждого государства, а не идеологии, определяли взаимоотношения между ними. Появление нацистской Германии с ее программой «нового мирового порядка», основанной на превосходстве германской расы, снова выдвинуло идеологию в центр мировой политики. Тем не менее победа над нацистской Германией и ее союзниками не устранила фундаментальное идеологическое противостояние. Вскоре победившие державы оказались втянутыми в борьбу за будущее человечества. В годы холодной войны интенсивность идеологической конфронтации менялась, но только после ее окончания международные отношения смогли вновь приобрести свой традиционный характер, основанный на конфликтах национальных интересов, а не на основополагающих ценностях.

Теперь хотелось бы пояснить свою позицию, обратив внимание на два вопроса. Во-первых, новый характер международных отношений не означает, что идеологических различий между государствами, таких как их системы ценностей и идеи о правильном управлении страной, нет. Такие различия существуют, но ни одна сторона не стремится навязать свою идеологию остальной части мира. Во-вторых, есть одно существенное исключение из в основном неидеологического характера современной международной политики. Это роль исламского фундаментализма. Его способность определять политику некоторых отдельных государств придает международным отношениям заметную идеологическую окраску. Однако, к счастью, исламский фундаментализм смог стать основной идеологией лишь в небольшом количестве государств, ни одно из которых не способно установить свою власть на более широком пространстве.

Конец идеологической конфронтации не избавил нас от конфликтов между государствами, но изменил их характер и перспективы разрешения. В этом отношении мир вернулся в то состояние, в котором пребывал в течение веков: скопление государств, имеющих свои интересы. Понимание ха-

¹ *Leffler M. P. For the Soul of Mankind: The United States, the Soviet Union, and the Cold War.* N. Y., 2007. P. 3.

рактера международных отношений, сложившихся после холодной войны, необходимо для качественного предсказания будущего развития и для стратегического *планирования*.

Теория и практика национальных интересов

Идея национального интереса исходит из политической мысли европейского абсолютизма, где она была сформулирована как «причина государства» ("raison d'etat" во французской терминологии Жана Бодена, 1530 – 1596, и кардинала Армана де Ришелье, 1585 – 1642). Их предшественником был Никколо Макиавелли (1469 – 1527), который видел истинную задачу принца в следовании интересу государства. Томас Гоббс (1588 – 1679) объединил поддержку абсолютной власти монарха с верой в то, что его моральный долг — служить интересу государства.

Политические перемены, начатые Английской и Французской революциями, а также американской Войной за независимость, привели к пересмотру концепта суверенности. Новая идея национальной суверенности пришла на смену прежнему концепту суверенности правителей. Это изменение отразилось в использовании нового термина — «национальный интерес».

Идея национального интереса происходит из *политического*, а не из *культурного* понимания нации. Эрнест Ренан (1823 – 1892) во Франции и Макс Вебер (1864 – 1920) в Германии определяли нацию как политическое сообщество людей, имеющих намерение сформировать государство. Следовательно, я определил национальный интерес как интерес государства, способного гарантировать безопасность своих граждан, дающего им право решать свою судьбу и контролирующего территорию, населенную значительным большинством тех, кто считает себя членами этой нации¹.

После Второй мировой войны американские теоретики школы политического реализма Ганс Моргентау (1904 – 1980), Джордж Ф. Кеннан (1904 – 2005), Генри Киссинджер (род. в 1923 г.) и Збигнев К. Бжезинский (род. в 1928 г.) основывали свои интерпретации мировой политики на концепте национального интереса. Когда они писали в годы холодной войны, то старались освободить международные обсуждения от высокого языка идеологии и основать интерпретацию мировой политики на традиционной идее национального интереса. Они выдвинули шесть предположений о характере мировой политики².

Во-первых, они считали, что политические взаимоотношения определяются объективными правилами, исходящими из человеческой природы.

Во-вторых, они предполагали, что политики действуют в соответствии с национальным интересом, определяемым как безопасность, основанная на власти.

В-третьих, они допускали, что смысл национального интереса нестабилен, но его суть остается неизменной: это выживание как минимальное требование.

¹ *Wiatr J. J. Polski interes narodowy: refleksje o historii i wspo czesno ci.* Warszawa, 2012. S. 30.

² Эти предположения наиболее ясно сформулированы Гансом Моргентау, и их разделяют другие политические реалисты. Ср. его книги: "Politics Among Nations" (Нью-Йорк, 1948) и "In Defense of National Interest" (Нью-Йорк, 1951).

В-четвертых, они отвергали применимость всеобщих моральных норм к действиям государства.

В-пятых, они также отвергали предположения об универсальности морали и постулировали, что другие нации следует судить так же, как мы судим свою собственную.

В-шестых, они постулировали автономию политической сферы в том смысле, что политические действия нужно судить по политическим, а не по моральным критериям.

Этот отказ от морализации часто воспринимался как доказательство того, что реалисты поддерживают использование аморальных методов в следовании национальному интересу. Я не разделяю такую точку зрения. Реалисты отказались от соблазна использовать мораль в качестве оружия в конфликтах между государствами. Поскольку ни одно государство не ведет свою политику в идеальной гармонии со всеобщими моральными нормами, реалисты требовали относиться к другим так же, как мы относимся сами к себе. В контексте холодной войны такой подход имел большое значение, поскольку предлагал некоторую степень непредвзятости в оценке поведения соперников.

Реалисты сыграли значительные роли в американской внешней политике в ходе холодной войны, особенно Генри Киссинджер и Збигнев Бжезинский во времена правления Никсона — Форда и Картера соответственно. Во многих случаях они смогли разработать компромиссные решения определенных конфликтов. Они бы не смогли этого сделать, если бы не нашли понимающих и стремящихся к сотрудничеству партнеров на советской стороне. Когда мы смотрим на теоретическое положение в международной политике Советского Союза и большинства других социалистических государств того времени, то видим парадокс. На уровне теории международные отношения интерпретировались полностью в идеологическом ключе (как конфликт между социализмом и капитализмом), но на уровне практики политический реализм преобладал по обе стороны великого противостояния. Однако даже в ходе холодной войны некоторые ученые попытались вывести идею национального интереса в основное русло политического анализа в социалистических странах. Одним из них был мой друг, с которым мы общались многие годы, Федор Михайлович Бурлацкий (1927 — 2014), чьи идеи о международной политике были очень близки реалистичному подходу¹.

После холодной войны

Перед концом холодной войны произошел пересмотр международных отношений и отказ от полностью идеологической перспективы. Особую важность имел концепт новой международной политики, разработанный последним главой СССР Михаилом Горбачевым. Его акцент на общих интересах человечества и отказ от идеи международной политики как продолжения классовой борьбы послужили теоретической заготовкой для нового неидеологического подхода к мировой политике.

Важнейшим последствием окончания холодной войны стал тот факт, что современные конфликты (кроме конфликта с исламским экстремизмом)

¹ Бурлацкий Ф. М. О политической науке. М., 2014. С. 131 — 141.

не отражают идеологических различий, но касаются национальных интересов — так, как политические лидеры понимают эти интересы.

В наше время есть три основных типа международных конфликтов, вытекающих из национальных интересов.

Во-первых, во многих частях мира мы видим территориальные конфликты — борьбу за контроль над спорными территориями (например, между Китаем и Вьетнамом за спорные острова на востоке Тихого океана).

Во-вторых, есть конфликты, касающиеся суверенитета, наиболее сложным из которых является израильско-палестинский конфликт.

В-третьих, существуют конфликты, касающиеся сфер влияния ведущих мировых держав. Этот тип конфликтов имеет особенно важное значение, поскольку в них участвуют государства с существенным военным и политическим потенциалом. Таким образом, они заслуживают особого внимания.

В первые годы после окончания холодной войны многие теоретики мировой политики предсказывали, что господство США будет продолжаться большую часть первой половины XXI века. Фатальная ошибка американской войны против Ирака привела к резкому приближению предполагаемого окончания господства США¹. Быстро растущая власть Китая, неуклонный рост таких держав третьего мира, как Индия и Бразилия, новая роль Европейского Союза в мировой политике и, что не менее важно, пробуждение России после того, как она потеряла свою международную позицию в последнем десятилетии XX века, — все это наиболее важные факторы, приведшие к краху "Pax Americana" — мирового порядка, основанного на господстве США в мировой политике.

Современный мир не идеален, как не был идеален никакой другой. Мы наблюдаем конфликты сильнейших держав за сферы влияния. В идеальном мире мы могли бы мечтать о ситуации, в которой все крупные державы добровольно откажутся от своих амбиций, чтобы каждый мог создать или поддержать свою сферу влияния. Но мы не живем в идеальном мире. Поэтому должны учиться жить с конфликтами, возникающими из-за преследования национальных интересов, в особенности национальных интересов сильнейших.

Есть два наиболее важных урока, которые мы можем извлечь из прошлого опыта.

Во-первых, нужно стараться избежать катастрофы. Все стороны должны избегать соблазна довести свои интересы до максимума. Если они попытаются получить слишком много, то неизбежно подвергнут опасности жизненно важные интересы других, провоцируя опасность конфронтации. Компромисс — основа успешной политики.

Во-вторых, выбирая пути защиты своих национальных интересов, государства — особенно сильнейшие из них — должны искать способы, совместимые с перспективой будущего компромисса.

Язык ненависти, часто используемый правительствами во времена конфликтов, оказывает пагубное действие на будущий компромисс, так как создает враждебный образ противника. Это особенно важно в мире, хорошо помнящем идеологическую враждебность холодной войны. Мы больше

¹ См.: Brzezinski Z. K. Second Chance: Three American Presidents and the Crisis of American Superpower. N. Y., 2007.

не живем в мире, где международная политика подчиняется идеологическому противостоянию между двумя враждебными блоками. Вместо этого мы живем в мире, где легитимные национальные интересы могут и должны продвигаться реалистичным образом, то есть с пониманием того, что ни у кого нет монополии права, и где нет альтернативы взаимопониманию и кооперации.

Г. М. Гатилов¹

О НЕКОТОРЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВАХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ²

Международные отношения продолжают пребывать в состоянии повышенной нестабильности и турбулентности. Их характерной чертой является то, что к застарелым конфликтам добавляются новые опасные очаги напряженности. Отмечаются признаки наличия глубоких системных проблем в организации как европейской, так и мировой безопасности. Все более явными становятся противоречия между потребностью в коллективных, партнерских действиях в целях выработки адекватных ответов на общие для всех вызовы и стремлением некоторых государств к доминированию, попытками навязать свою волю другим странам, обеспечить свои интересы и безопасность за счет других участников мирового процесса. Сохраняются высокие риски межконфессиональных, межрелигиозных и межцивилизационных разломов.

Еще шесть-семь лет назад одной из острейших глобальных проблем являлся мировой финансово-экономический кризис. Внимание едва ли не большей части государств мира было направлено на поиск путей выхода из него, преодоления его последствий. Это, в свою очередь, подталкивало многие страны к выработке согласованных решений на более широкой основе.

Постепенно события стали приобретать другие, более зловещие и опасные очертания. Начали сотрясаться государственные, политические, общественные основы, традиции и уклады многих стран. Наиболее ярким проявлением этого процесса стали события, получившие название «арабская весна». Многие на Западе вначале призывали не преувеличивать угрозу экстремизма и терроризма, утверждали, что она потом сама собой сойдет на нет, что главное в тот период — добиться смены режимов М. Каддафи и Б. Асада (и это, кстати, провозглашалось уже после силовой смены режима С. Хусейна в Ираке). Однако вслед за событиями в Ливии и особенно в Сирии стало очевидно, что «весна» закончилась.

¹ Заместитель министра иностранных дел Российской Федерации, Чрезвычайный и Полномочный Посол. Специалист в области многосторонней дипломатии. Автор ряда публикаций, в т. ч.: «“Голубые каски” ООН на службе мира», «Итоги “большого слета” на Генассамблее ООН», «Итоги форума ООН в Дохе», «О некоторых международных аспектах диалога культур в условиях глобализации», «Формула урегулирования в Сирии» и др. Награжден орденами Дружбы и Почета.

² Доклад представлен на XV Международные Лихачевские научные чтения (2015 г.).

Сейчас мы видим, куда привели те благие намерения. Огромные территории на Ближнем Востоке, в Африке, афгано-пакистанском регионе становятся неподконтрольными легитимным властям. Экстремизм «выплескивается» в другие части света, включая Европу: многим памятли недавние события вокруг парижского еженедельника «Шарли Эбдо», подвергнутого атаке террористов, а также нападение экстремистов на синагогу и кафе в Копенгагене.

Обостряется риск попадания оружия массового уничтожения к негосударственным субъектам. Приобретает взрывоопасный характер положение с ближневосточным урегулированием, в других зонах региональных конфликтов. Серьезную обеспокоенность у нас вызывает происходящее в Йемене, суверенитет, единство и территориальную целостность которого мы всегда и последовательно поддерживали. Важно, чтобы все стороны йеменского конфликта и их внешние союзники незамедлительно прекратили все формы боевых действий и отказались от попыток добиться своих целей с оружием в руках. Убеждены, что урегулировать имеющиеся в Йемене глубинные противоречия можно только на основе широкого национального диалога.

Россия с самого начала процесса перемен на Ближнем Востоке призвала не отдавать его на откуп экстремистам, создать единый фронт противодействия растущей террористической угрозе. Мы выступали за продвижение назревших реформ через общенациональный диалог, поиск мира и согласия между всеми конфессиональными группами, включая различные течения ислама и христианства; предупреждали не следовать искушению брать в союзники практически любого из тех, кто объявил себя противником Б. Асада, будь то «Аль-Каида», «Джабхат ан-Нусра», другие подобные структуры, включая «Исламское государство» (ИГ), которые сегодня в фокусе внимания.

Угрозы терроризма и экстремизма, представляя собой сегодня наиболее острые глобальные вызовы, требуют комплексного подхода, если цель заключается в искоренении их причин, а не в реакции на последующие симптомы.

В плане правового обеспечения антитеррористической деятельности, предупреждения терроризма на международном и национальном уровнях за последние полтора десятка лет продуманы и в основном решены едва ли не все главные проблемы. Работают 19 универсальных профильных антитеррористических, секторальных конвенций и протоколов, согласована уникальная Глобальная контртеррористическая стратегия, органично соединяющая цели «жесткого» и «мягкого» антитеррора с функциями преодоления условий, способных питать терроризм. Выработаны ключевые антитеррористические резолюции Совета Безопасности (СБ) ООН № 1373, 1540, 1566, 1624. Ведется системная и активная деятельность Контртеррористического и санкционных комитетов СБ ООН.

Правовое поле антитеррора укрепляется и механизмами противодействия новым формам террористических угроз, в частности таким, как пресечение активности так называемых иностранных боевиков-террористов (Резолюция СБ ООН № 2178). Документ указывает, что пресечение террористической идеологии и пропаганды должно включать и меры по борьбе

с террористами-боевиками, проходящими военную подготовку в зонах конфликтов и затем возвращающимися в страны происхождения или проживания. Это важно, поскольку данные лица часто выступают носителями самого «эффективного средства» подобной пропаганды и мобилизации новых сторонников. И это далеко не полный перечень сделанного — полезного и своевременного.

Дополняют такую международную ооцентричную систему антитеррора региональные инициативы — договоры и организационные решения. Ключевой международно-правовой инициативой для России является Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (2005), впервые криминализировавшая такую деятельность, как публичное подстрекательство к терроризму. Документ вступил в силу в 2007 году, является частью и российского законодательства, послужив, кстати, эффективным инструментом для совершенствования российских антитеррористических законов. Конвенция прошла в Совете Европы доскональную правочеловеческую экспертизу, признается образцом баланса и взаимодополняемости между задачами защиты общества и государства от терроризма и задачами защиты индивидуальных прав и свобод человека.

Одной из причин быстрого распространения террористической угрозы является низкий уровень массового сознания современных людей, которое в течение долгого времени совершенно ничем не укреплялось, а, наоборот, ослабевало. Более того, продолжают ослабевать духовные устои и нравственные ценности современных обществ, как традиционные религиозные ценности, так и цивилизационные, культурные. Порой весьма просто и быстро такие ценности подменяются упрощенными и агрессивными, а подчас просто несуразными сентенциями радикалов. В связи с этим актуальной является задача не дать джихадистам завладеть умами и душами молодых людей, вербовать их в свои ряды. Поддерживаем инициативы христианских и мусульманских лидеров в регионе, направленные на то, чтобы единым фронтом выступить против попыток экстремистов любых мастей осквернять и извращать высокие нравственные принципы великих мировых религий.

Однако возникает дилемма. Как получается, что при столь мощном потенциале международного сотрудничества происходит столь быстрое распространение экстремистских идей и нарастание террористических угроз? Причина кроется в том, что многое, с таким трудом созданное за последние полтора десятка лет в этой сфере, просто не работает (во всяком случае, так, как должно и задумывалось). У многих появилась уверенность, а на самом деле, как выясняется сейчас, просто иллюзия, что перед лицом общего смертельного врага — глобального терроризма — все государства забудут свои недопонимания и противоречия и объединятся, по-партнерски, честно и открыто, без «двойных стандартов» выведут противодействие терроризму за пределы узко и традиционно жестко понимаемых национальных интересов.

Пресловутые «двойные стандарты», деление террористов на «плохих» и «хороших» — эти и другие разногласия сохраняются, а по некоторым параметрам даже усиливаются. И Россия, кстати, лучше многих других, в том числе и на собственном опыте, это знает: в 1990 — 2000-х годах на Северном

Кавказе на нашу страну были предприняты атаки едва ли не самых боеспособных отрядов международного терроризма.

Ни раньше, ни сейчас наши зарубежные коллеги, подписанты самых продвинутых антитеррористических соглашений, не помогли нам в борьбе с терроризмом, направленным преимущественно против России. И сейчас базирующиеся на Западе интернет-сайты орудовавших на Северном Кавказе террористических организаций по-прежнему ведут экстремистскую пропаганду в поддержку ИГ и «ан-Нусры», содействуя и прославляя тех, кто обезглавливает на камеру европейских и американских граждан.

По прошествии стольких лет и событий в преодолении «двойных стандартов», честно говоря, верится с большим трудом. Особенно в условиях, когда основные российско-западные форматы антитеррористического сотрудничества — за редким исключением ООН и ОБСЕ — были свернуты за последний год по инициативе западных коллег. Напомню: заморожено антитеррористическое сотрудничество по линии «Восьмерки», Совета Россия — НАТО, находятся в подвешенном состоянии наши консультации по контртерроризму с Европейским Союзом, а также большинство двусторонних российско-западных механизмов контртеррористического сотрудничества.

В результате имеющей место рассогласованности в вопросах антитеррористического сотрудничества сегодня важно не забывать, что таких проблем часто не бывает у террористических группировок. Они либо взаимодействуют, либо в их среде «побеждает сильнейший», который и забирает всю добычу.

Тем не менее, Россия готова продолжать прилагать усилия, стремиться к установлению сотрудничества, предлагать работать открыто и по партнерски. Сконцентрируем внимание на тех форматах, которые были и остаются для нас самыми перспективными, — ШОС (Шанхайская организация сотрудничества), ОДКБ (Организация Договора о коллективной безопасности), СНГ (Содружество Независимых Государств), АТЭС (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество); потенциально — БРИКС и «Двадцатка», само собой разумеется, ООН и, насколько возможно, ОБСЕ (Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе).

Существует общее понимание того, что идеологическое укрепление современного международного терроризма, пополнение его рядов за счет все более агрессивных радикалов сегодня происходит преимущественно под исламистскими, извращенными религиозными лозунгами. Но не только, как мы теперь видим из происходящего на Украине. Украинские события показывают, что радикализация возможна и опасна также и под другими идеологическими постулатами, хорошо усвоенными официальным Киевом, — ультранационалистическими и нацистскими. Результат, к сожалению, получается тот же: гибель гражданского населения, дестабилизация социально-экономической и политической жизни государств и регионов, смещение законных правительств, ущемление прав национальных меньшинств. И все это — насильственными методами, граничащими с террористическими, иногда и смахивающими на них.

Мы заинтересованы в восстановлении мира в соседней стране. Это должны хорошо понимать все, кто хотя бы немного знаком с историей глубочайших, братских и родственных связей между нашими народами.

Путь к политическому урегулированию известен. Еще год назад Киев взял на себя обязательство в Женевском заявлении России, Украины, США и ЕС начать широкий общенациональный диалог с участием всех регионов и политических сил Украины в целях осуществления конституционной реформы. Его выполнение позволило бы всем украинцам договориться, как жить дальше в соответствии со своими традициями и культурой. Тогда не получилось.

Еще один шанс появился по итогам достигнутого 12 февраля 2015 года в Минске нового комплекса договоренностей, одобренного Резолюцией Совета Безопасности ООН. Необходимо обеспечить их реализацию в полном объеме, включая проведение конституционной реформы, в рамках которой должны быть обеспечены законные права и интересы граждан на востоке Украины. На сегодняшний день отмечается прогресс в выполнении одобренного в Минске комплекса мер. Те, кто не замечает этого и требует поставлять оружие на Украину, берут на себя ответственность за срыв мирного урегулирования. Они руководствуются чем угодно, только не интересами украинского народа, не интересами спасения жизни людей.

Приоритетного внимания требует острейшая гуманитарная ситуация в Донбассе. Для обеспечения базовых прав его жителей правительство Украины должно снять введенную им фактическую блокаду этого региона, восстановить экономические связи, социальные платежи, банковские услуги, свободу передвижения людей между Донбассом и другими районами страны. Соответствующие положения закреплены и в Минских соглашениях. Рассчитываем, что работающие на Украине правозащитные и гуманитарные структуры ООН, так же как и миссия ОБСЕ, МККК (Международный комитет Красного Креста), будут добиваться скорейшего решения этих задач.

Большой спектр работы по разрешению новых глобальных проблем предусматривается и рамками глобальной повестки дня в области развития, которая будет утверждена 25 – 27 сентября 2015 года в Нью-Йорке в ходе саммита ООН на юбилейной 70-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. Этот документ обозначит стратегию и параметры межгосударственного сотрудничества в ООН в социально-экономической сфере на период до 2030 года. Концепция повестки предполагает акцент на ликвидации бедности и переходе к устойчивым моделям производства и потребления на основе баланса экономического, социального и экологического факторов. Предстоит большая работа по преодолению наиболее острых вызовов и угроз в развивающихся странах, таких как крайняя нищета, голод, социальное неравенство, материнская и младенческая смертность, инфекционные болезни, ограничения в доступе к образованию и др.

Значительным потенциалом в плане решения социально-экономических вопросов обладают гибкие сетевые форматы, ориентированные на продвижение совпадающих интересов стран-участниц. Философия коллективной работы лежит в основе нашего председательства в ШОС и БРИКС. В рамках БРИКС речь, в частности, идет о продвижении проектов создания нового банка развития и пула условных валютных резервов, а также о согласовании стратегии экономического партнерства и «дорожной карты» инвестиционного сотрудничества. Планируется подписать соглашение о культурных свя-

зях, открыть новые направления взаимодействия, в частности в том, что касается учреждения Совета регионов БРИКС. Набирает силу работа по линии гражданских обществ стран этой «пятерки». В апреле 2015 года в Москве был проведен Гражданский форум БРИКС.

Среди новых вызовов и угроз, особо остро заявивших о себе в последнее время, следует выделить проблему защиты религиозных меньшинств, в первую очередь христиан. Сегодня все большее число христиан, измеряемое миллионами, подвергаются преследованиям, издевательствам и дискриминации, становятся жертвами бесчеловечных расправ. Речь прежде всего идет о Ближнем Востоке — колыбели христианства и в целом человеческой цивилизации, откуда в столь массовом масштабе наблюдается исход приверженцев христианской веры. Этот процесс может иметь самые негативные последствия в плане его влияния на структуру арабских обществ, сохранение исторического и духовного наследия, значимого для всего человечества. Следует умножать усилия мирового сообщества с целью прекратить преследования христиан, как и последователей любых других религий.

К сожалению, христиане подвергаются гонениям не только на Ближнем Востоке. Это происходит и на Украине, где вслед за антиконституционным переворотом была развязана братоубийственная война. Национал-радикалы взяли курс на нагнетание межрелигиозной розни. Уничтожаются православные храмы и монастыри, священники и верующие подвергаются запугиваниям и издевательствам. Только на юго-востоке Украины полностью разрушены десять храмов, еще семидесяти нанесен серьезный ущерб. Три православных священника убиты. Многие священнослужители бежали в Россию, спасаясь от угроз экстремистов.

Христиане испытывают проблемы и в ряде западных государств, где порой становится неполицорректным обозначать принадлежность к христианской религии. Некоторые даже начинают стесняться христианских ценностей, составляющих основу европейской цивилизации. Размываются понятия морали и традиционной национальной, культурной и религиозной идентичности.

В связи с этим сложно не разделить мнение тех наблюдателей, которые считают трагедию с немецким пассажирским самолетом во французских Альпах и предполагаемую роль одного из летчиков в ней «оборотной стороной той полной нравственной автономии, которая старательно культивируется в наши дни на Западе, когда отдельно взятый человек без опоры на Бога и традиционные ценности общества решает для себя лично, что хорошо, а что — нет».

Отдельные уроки истории свидетельствуют, что отказавшаяся от своих нравственных идеалов цивилизация утрачивает духовную силу. Все мы должны помнить об этом, особенно в нынешнем году, когда отмечается 70-летие Победы в Великой Отечественной и Второй мировой войнах, унесших десятки миллионов жизней людей всех национальностей и вероисповеданий. Наш общий долг — ради будущих поколений не предать подвиг победителей, бескомпромиссно противодействовать попыткам разжигания вражды и ненависти.

Нельзя не видеть, что тормозом в деле налаживания коллективных усилий по поиску адекватных ответов на глобальные вызовы является весьма

противоречивая позиция наших западных коллег. Часто они используют любые инструменты, дабы, что называется, «продать» выгодные для себя решения, заставить партнера изменить свои подходы к той или иной проблеме, уступить давлению. Полагаю, мы достаточно уступали с 1991 года. Таких масштабных шагов навстречу Западу, какие сделали мы, до сих пор не предпринимала ни одна страна в мире за всю историю человечества. Осознания этого на Западе пока нет. Но оно есть у нас. Мы придерживаемся этого принципа и чувствуем, что стоим на верных позициях. Мы любим и, главное, умеем жить в мире. Нам не нужны потрясения. Однако они нужны тем, кто привык жить не по средствам, решать свои проблемы за счет других стран.

Видимо, мы стоим на пороге того времени, как и несколько десятилетий назад, в эпоху советско-американских телемонов, когда разъяснить эти непреложные и такие простые истины людям других культур, прежде всего Запада, может и должно гражданское общество России, простые люди, объединенные этой благородной целью. Поэтому мы приветствуем их усилия. Призываем смелее участвовать в разных международных мероприятиях, общаться с представителями других культур, цивилизаций и стран, разъяснять им, что думают, чем живут граждане России, почему поступают так, а не иначе, в чем причины наших поступков. Такая прямая народная дипломатия, кстати, весьма эффективна.

Как не вспомнить, что в 1933 году Соединенные Штаты сами закрывались от нас «железным занавесом», потребовав в качестве условия установления дипотношений с Советским Союзом гарантии невмешательства во внутренние дела США. Тогда они опасались наших идей. Сегодня нам незачем бояться идей из-за океана. Мы этим уже «переболели» и видим всю их искусственность и иллюзорность. Пусть в соревновании, битве идей победит более справедливая, правдивая, востребованная временем и чаяниями людей. Не сомневаюсь, что наши идеи — начиная от традиционных ценностей и заканчивая тем, как нужно себя вести в мировых делах, — будут востребованы и в американском, и в любом другом западном обществе.

Еще Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя» в феврале 1877 года писал, «что тех, кто кричит о "русском захвате" и "русском коварстве", в образе России смущает скорее нечто правдивое, бескорыстное, честное, — они предчувствуют, что ее невозможно подкупить и никакой политической выгодой не завлечь в корыстное дело». Это хорошие, правильные слова, они как нельзя лучше отражают суть и характер русского человека. Это и есть наша правда, и мы не собираемся от нее отказываться.

А. А. Громыко¹

ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК СРЕДСТВО КОММУНИКАЦИИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ, ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ²

Глобализация и глобальное управление — явления многогранные, тесно между собой связанные. Их изучение еще только начинается. Особенно большого внимания требует к себе теория глобализации и глобального управления.

Что способствует успеху глобального управления? На мой взгляд, приверженность историческому цивилизационному наследию, особенно опыту двух мировых войн XX столетия. В чем состоит опыт Второй мировой войны?

В России неслучайно так широко празднуют победу советского народа в Великой Отечественной войне. Разве при этом мы отмечаем только военную победу союзников над фашизмом? В первую очередь, конечно, ее, память о миллионах павших на полях сражений жжет наши сердца. Победа советского народа не ограничилась, однако, только военной победой. Большим успехом стало создание в 1945 году нового мирового порядка. Была создана ООН, ее Устав оформил договорно-правовые основы международных отношений.

Утверждалась истина, многими новоявленными политиками еще не понятая и не усвоенная, — мировой порядок и стабильность могут существовать только в рамках правопорядка. Такие политики и обслуживающие их элиты, в том числе ученые с высокими званиями, уже основательно подзабыли уроки страшной войны середины XX века. Они мыслят историю как непрочную цепь из эпох, когда новое обязательно означает разрыв с опытом прошлого. Такой подход к международным отношениям, когда при оценке политики, ее целей и возможностей с легкостью используют лишь потенциал баланса самых разных сил, ведет к росту в мире турбулентности и неопределенности. Возникают международные конфликты, выдвигаются территориальные претензии одних государств к другим, предпринимаются интервенции одних стран и целых коалиций с целью свержения неугодных режимов, наращиваются усилия по вмешательству во внутренние дела суверенных государств. Постепенно в конфликтах малой и средней силы «вызревает» опасность третьей мировой войны.

Разве в таких условиях возможно глобальное управление мировыми делами, в том числе в сфере экономики и финансов, социальных отношений? Ответ очевиден — невозможно.

¹ Профессор факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук. Автор более 30 книг: «Африка в мировой политике», «Маски и скульптура Тропической Африки», «Братья Кеннеди», «Новое мышление в ядерный век», «Андрей Громыко. Полет его стрелы» и других, а также более 300 статей в научных изданиях. Президент движения «За укрепление мирового демократического правопорядка и в поддержку ООН». Член Академии наук Королевства Марокко, Малагасийской академии наук, член Европейской академии наук и искусств, почетный доктор Лейпцигского университета. Награжден орденами Октябрьской Революции, Дружбы народов. Лауреат Государственной премии СССР, премии им. В. В. Воровского.

² Доклад представлен на XIII Международные Лихачевские научные чтения (2013 г.).

Где же точки опоры, прочные стержни, используя которые можно уберечь международный мир от соскальзывания в пучину вечных раздоров? Такие опоры, к счастью, есть. Их нам оставили выдающиеся государственные деятели, создатели мирового правопорядка второй половины XX века. Не всем это нравится. Сегодня в мире мы наблюдаем тревожную картину.

В стремлении выйти из правового поля демократических принципов и норм сторонники права силы столкнулись с ситуацией, когда основные принципы международного права закреплены в Уставе ООН. Их авторы — советские, американские и британские политики и дипломаты. Международное сообщество государств в течение почти 70 лет, несмотря на все попытки ослабить и даже ликвидировать ООН, объявить ее чуть ли не банкротом, выражает этой универсальной организации свое доверие и возлагает на нее основную обязанность в деле сохранения мира на земле. Серьезные политики видят в ООН якорь мировой стабильности.

Устав ООН — не единственный документ, где закреплены основные принципы международных отношений. Другим их источником является судьбоносная Декларация о принципах международного права. Она была принята XXV сессией Генеральной Ассамблеи ООН 24 октября 1970 года. Декларация содержит семь основных принципов:

- неприменение силы или угрозы применения силы;
- мирное разрешение международных споров;
- невмешательство в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государства;
- обязанность государств сотрудничать друг с другом в соответствии с Уставом ООН;
- равноправие и самоопределение народов;
- суверенное равенство государств;
- добросовестное выполнение государствами обязательств, принятых ими в соответствии с Уставом ООН.

Нормы и правила международного права, в том числе его «сердцевины» — Устава ООН, могут и будут видоизменяться, но при этом они не должны под маской «реформ» проводить реформацию ООН. Пренебрежение принципами Устава ООН под предлогом его «улучшения» приведет к разрыву с опытом и исторической памятью предыдущих поколений.

В современных международных отношениях проявляются две основные силы «глобального управления». Это, во-первых, право силы, которое своими корнями уходит в толщу тысячелетий и для многих выглядит незыблемым. И, во-вторых, сила права, возможности которого далеко не исчерпаны. Эта ситуация отражается в международном праве, ее важнейшим достижением стало создание ООН. Это было делом очень трудным, разрушить ООН будет также нелегко, а вот воссоздать ее невозможно. При ослаблении ООН, тем более ее разрушении, многополюсная система даст глубокие трещины и расколется на противостоящие друг другу враждебные геополитические блоки.

Нельзя не видеть, что на международной арене регулярно сбиваются и разрушаются точки опоры мирового порядка, утвердившегося после 1945 года. Политические элиты ряда стран упорно идут на применение военной силы в обход Совета Безопасности ООН, нередко используя для это-

го дипломатию двойных стандартов. У мировой общественности пропадает вера в то, что во внешней политике «добро побеждает зло» и человечество вступает в эпоху глобального гражданского сотрудничества, когда эмпатия, способность сопереживать другим, укрепляется. В таких условиях из состояния высокой турбулентности мировое сообщество рискует быть втянутым в пучину социального хаоса. Это уже происходит. Похоже, что от новых социальных, политических и военных потрясений мир людей уже никто и ничто не спасет.

Такой взгляд может показаться неоправданным. Однако подобное мнение высказывается многими серьезными исследователями, в том числе на Западе, например английским ученым В. Хаттоном: «Наименее развитый мир считает, — отмечает он, — что его проблемы: явная нищета, отставание в экономическом развитии, рост народонаселения и преступности — это наследие западного капитализма и несправедливой организации мировых дел. Эти взгляды широко распространены в Китае, арабском мире и в Африке. Многими овладевает чувство бессилия... от того, что они не более чем пешки на глобальной шахматной доске...»¹ Встает вопрос о платформе всеобщей безопасности, в первую очередь для России. Что надо защищать и от кого? Где критерии безопасности? На фоне смешных разговоров о том, что «нам никто не угрожает» и Россия уже стала частью «цивилизованного мира» и ей не нужны сильные государство и армия, в средствах массовой информации нагромождаются непродуманные схемы, разработчики которых забывают об основах ялтинского соглашения, установившего порядок, при котором человечество сумело уцелеть и избежать третьей мировой войны.

Именно в Уставе ООН наиболее четко сформулированы принципы выживания человечества. На их основе глобальное управление только и возможно. Без сохранения и следования этим принципам оно не состоится. В условиях конфликта цивилизаций окажется неэффективной борьба с разрушением экологии Земли, смертельно опасным для такого хрупкого существа, как человек. Международные конфликты не оставят времени и сил для эффективного использования сельскохозяйственных земель и обеспечения людей пресной водой. Останутся нерешенными проблемы глобальной демографии и миграции, искоренение терроризма, пиратства и наркотрафика. В условиях международных конфликтов деструктивные процессы на мировой арене приобретут масштабы неуправляемого кризиса, который выйдет за пределы экономики и финансов. И никакие новые форматы коалиций сильных государств и даже военно-политические союзы этот кризис не остановят. В условиях накопления и использования оружия эффективно глобального управления быть просто не может. Право силы возьмет верх над силой права, и ООН, скорее всего, будет разрушена. До недопустимых пределов ослабнет международное право. Если «политические элиты» этой опасности не почувствуют, то международное сообщество обречено из состояния усиливающейся неопределенности перейти в мир крупных социальных конфликтов.

На первый план выйдет глобальный социальный конфликт, снова наберут силу враждующие идеологии, о которых сегодня предпочитают не говорить.

¹ Hutton W. Them and Us. Changing Britain — Why We Need a Fair Society. L. : Abacus, 2011. P. 292 — 293.

Такое состояние международной среды вполне вероятно, более того, его можно предвидеть. Это будет реальный вызов глобальному управлению, каким мы его сегодня знаем. Процесс изменения глобальных сил идет полным ходом. Его можно определить как "shift of power" («перелив сил»).

Глобальное управление сегодня развивается в условиях, когда оно осуществляется как *политическими, так и экономическими субъектами*. Они создают несущую конструкцию глобализации, в том числе опираются на новые точки роста и развития мировой экономики и политики. Этот процесс создания новой архитектуры международных отношений по историческим меркам только начался. Основными субъектами мироустройства XXI века станут как устоявшиеся государства, так и международные организации, возникшие после Второй мировой войны. Этот процесс в основном развивается эволюционно, но для мирового сообщества он будет болезненным, наполненным многочисленными рисками.

Для многих государств и сегодня право силы (во всех ее проявлениях) остается важным средством внешней политики. Войны, однако, становятся рискованным делом, встречают растущее осуждение. И все же силовые акции в мировых делах ведутся все более изощренно, с помощью средств массовой информации, им предшествуют пропагандистские кампании. Для обеспечения успеха используется дипломатия, в том числе и многосторонняя.

Управление миром людей (global governance), конгломератом цивилизаций, утвердившихся на Земле, зависит от воплощения в жизнь идей *нового политического мышления*. Оно возникло в середине XX века и воплотилось в Манифест Рассела — Эйнштейна. Именно они провозгласили святую истину — или мы уничтожим ядерное оружие, или оно уничтожит нас. Полвека международные отношения, даже в условиях идеологического противоборства, развивались под влиянием этой идеи. Несколько поколений политиков и дипломатов создавали условия, при которых человечеству удалось избежать новой мировой войны, возможно, своего самоуничтожения. Опасность большой войны мировое сообщество все же не миновало. Атомное оружие остается на вооружении многих стран. Оно медленно, но расплзается. Положить конец гонке ядерных вооружений не удастся.

Итогом второй половины XX столетия стало заметное влияние на мировую политику силы права. Именно международное право является опорой процессов демократизации на глобальном уровне. Все, кто сегодня выступает за демократию, не могут не распространять ее принципы на международные отношения. Последние должны быть демократичными, а не деспотичными.

В случае разрушения ООН, какой мы ее знаем, глобальное управление не сможет определять легитимность международных акций. В этих условиях оно отчасти сохранит свое влияние в экономической и финансовой областях. В остальных это влияние будет подорвано. В мировой среде число конфликтов разных уровней увеличится.

Выскажу надежду (даже уверенность) на то, что научные дискуссии о «глобальном управлении и вызовах XXI века» не только затронут, но и дадут ответы на вопросы о путях укрепления в международных отношениях позиций России. Возможности России в глобальном мире в условиях роста дефицита управляемости и возникающего в ряде регионов хаоса обсужда-

ются давно, но при этом слишком много вопросов остается без ответа. Последствия глобализации пока оцениваются в самых общих чертах, особенно деятельность транснациональных корпораций. Да, они используют достижения науки и техники для создания новых производств в развивающихся странах, сохраняют или даже увеличивают нормы своей прибыли. Все это так. Эта ситуация позволяет использовать возможности глобального управления на благо людей. Сегодня, однако, эта надежда испытывается на прочность.

У тех, кто в условиях глобализации успел и нашел для себя выгодное место, нередко возникает желание сохранить его всеми средствами, в том числе с помощью «новых подходов». Следует помнить о том, как много нелепого делается людьми только из-за стремления создать что-то «новое», когда в этом нет необходимости.

А. А. Гусейнов¹

«СВОИ» И «ЧУЖИЕ» В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ²

Первый вопрос, который следует обсудить в связи с заявленной темой, состоит в следующем: «Как она коррелирует с теорией диалога культур в глобализирующемся мире, которая является концептуальной основой Лихачевских чтений?». Совершенно очевидно, что одно несовместимо с другим.

Диалог культур представляет собой такую форму их взаимодействия, которая не ставит под сомнение различия между ними, не снимает их, не разводит по ценностному критерию, а, напротив, санкционирует, признает в качестве блага, нормы совместной жизни в современном мире. Сам смысл диалога состоит в том, чтобы располагать культуры в плоскости сотрудничества, а не конфронтации. Что касается оппозиции «свои — чужие», то это древнейший принцип разделения и противопоставления людей по признаку их групповой принадлежности. Она, конечно, является формой общественной связи, но такой, которая дана в качестве акцентированного, направленного противостояния. По сравнению со многими далекими, неведомыми объединениями людей, с которыми и к которым может не быть вообще какого бы то ни было отношения, как если бы они не существовали вовсе, «чужие» имеют то преимущество, что выделены в качестве объекта противостояния, борьбы. «Чужие» — те, с которыми мы не хотим быть вместе

¹ Директор Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. книг: «Социальная природа нравственности», «Золотое правило нравственности», «Великие моралисты», «Язык и совесть», «Философия, мораль, политика», «Античная этика», «Негативная этика», «Великие пророки и мыслители. Нравственные учения от Моисея до наших дней». Ответственный редактор ежегодника «Этическая мысль», журнала «Общественные науки» (на англ. яз.), член редколлегии журналов «Философские науки», «Вопросы философии». Вице-президент Российского философского общества. Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники. Почетный доктор СПбГУП.

² Доклад представлен на XIV Международные Лихачевские научные чтения (2014 г.).

и по отношению к которым изгнание, изоляция, возведение границы, стены являются самыми гуманными способами действия; они нам нужны, чтобы противостоять им.

«Свои» и «чужие», которым нет места в теориях диалога культур, вдруг появляются тогда, когда разные культуры встречаются не в научных дискуссиях, а за пределами наших текстов и академических аудиторий, на улицах наших городов. Например, взять самый наглядный и вполне российский случай: эти объекты встречаются в качестве коренных жителей и иммигрантов. Они часто вступают в конфронтацию именно как группы людей, различающиеся по определенному культурному признаку. Речь в данном случае не идет о том, что конфликтующие группы изначально маркируют друг друга как «своих» и «чужих», а о том, что культурные различия (язык, обычаи и т. п.) становятся основой такого маркирования. Это как бы вторичные, производные, культурно мотивированные «свои» и «чужие». В Москве в последнее время принято шумно праздновать, в том числе уличными шествиями, завезенный из Ирландии День святого Патрика, и это воспринимается москвичами, в том числе националистически мыслящими, вполне нормально. А случающийся время от времени в общественных местах танец лезгинка вызывает возмущение. Не от ценностной ли маркировки культуры идет это различие?

Следовало бы задуматься, нет ли в концепциях диалога культур какого-то серьезного упущения, не позволяющего схватить во всей полноте реальный процесс их взаимодействия, не исключающего, в частности, использование культурных различий в качестве аргумента для человеческих противостояний.

Философско-культурологические теории, ориентированные в своих нормативных выводах на объединяющие людей общегуманистические принципы диалога, рационального дискурса, толерантности, содержат собственные ограничения. В них нет изначального универсализма, что делает их этически уязвимыми. Они все, как правило, предполагают согласие, взаимность в качестве некой аксиомы человеческого существования. Их универсализм является вторичным, он обусловлен принятием самого исходного принципа, который должен этот универсализм гарантировать. Они не дают ответа на вопрос, как строить диалог, оставаться в рациональном дискурсе, быть толерантными с людьми, которые не признают этих принципов и настроены на противоположный, разделяющий, воинственный тип отношений. Не удивительно поэтому, что авторы и приверженцы таких концепций нередко приходят к выводам, которые никак не согласуются с их общегуманистическим пафосом, оправдывая, например, варварские бомбардировки Югославии или утверждая, что воюющих с Израилем палестинцев нельзя считать другими, то есть теми, кто достоин диалога и т. д. Проявляют ли эти авторы в данном случае простую человеческую слабость, вступая в виде индивидов в конфликт с самими собой в качестве мыслителей, или сами концепции обрекают их на такие исключения?

Диалог культур, как уже отмечалось, признает многообразие и разнообразие культур как факт, благо, адекватную и благотворную форму развития человека и общества. Это базовая идея данной концепции. Понятое в таком качестве культурное много- и разнообразие исключает взгляд на него

изнутри одной культуры — взгляд, в рамках которого как раз оказывается не только возможным, но и неизбежным группирование людей по культурным признакам с целью их членения на «своих» и «чужих». Культурное многообразие предполагает некую транскультурную точку отсчета, которая является нейтральной по отношению ко всем встречающимся и вообще возможным культурам и более высокой, чем каждая из них в отдельности и все они вместе. Что это за точка отсчета и есть ли она в наших концепциях диалога культур? Мне кажется, это один из самых слабых (чаще всего замалчиваемых) и требующих разработки пунктов в этих концепциях.

Существенно важно подчеркнуть, что мы говорим не вообще о диалоге культур, а о диалоге культур в глобализирующемся мире. На этот второй, исключительно важный конкретно-исторический аспект (что речь идет именно о глобализирующемся мире) обращается, как я думаю, недостаточно внимания. Если говорить о глобализирующейся перспективе всерьез и ответственно, то это означает, что мир как человеческий дом становится единым и никто в нем не является, не может быть чужим, и, что особенно важно подчеркнуть, где бы реальный живой человек ни находился, он находится в своем доме и не может по этому критерию быть подвергнут дискриминации. Что такое глобальность в финансовом или технологическом плане — это более или менее ясно и очевидно. Доллар имеет силу во всех уголках мира. И все уголки мира охвачены Интернетом. Однако мир един, и все обитающие в нем люди являются его хозяевами не потому, что он опутан Интернетом и долларами. Наоборот, его удастся охватить едиными технологическими и финансовыми сетями по той причине, что он един и принадлежит всем обитающим в нем людям. Теоретическое признание этой важнейшей констатации обязывает дополнить понимание диалога культур как минимум двумя разъясняющими моментами.

Во-первых, теория диалога культур предполагает и включает в качестве своей аксиологической предпосылки признание самоценности человека как человека в лице каждого индивида, признание этого до всех его культурных определений и отличий, а соответственно и признание его права на культурное развитие и оформление в том виде и направлении, которые он сам находит правильными и нужными. Вчера мы могли думать, что точка зрения христианского священника выше позиции языческого шамана, и на этом основании истреблять язычество и язычников. Вчера мы могли думать, что научный взгляд на мир несовместим с религиозным мракобесием, и на этом основании истреблять и само это мракобесие, и его упорствующих носителей. Все это считалось вехами восходящего, прогрессивного развития. Сегодня мы тоже можем думать так, но это уже не может быть основанием для того, чтобы дискриминировать, ставить под вопрос легитимность тех людей и верований, которые нам кажутся отсталыми, примитивными, может быть, даже недостойными, как иногда выражаются, высокого звания человека, не может быть основанием для того, чтобы ставить под вопрос само их право иметь собственные (с чьей-то точки зрения отсталые) верования и обычаи.

В свете глобального взгляда на мир и человеческое существование приобретает актуальность общая ценностная установка греческих софистов, которые, как известно, впервые противопоставили человеческие установления

(нормы, государственные законы, обычаи — то, что в последующем получило обобщенное название культуры) и природу. Они не просто развели природу и культуру как две качественно различные реальности человеческого существования. Софисты возвысили природу, поставили ее выше культуры, считая, что она, природа, одна для всех людей, объединяет их, в то время как установления культуры варьируются от народа к народу, от поколения к поколению и разделяют людей¹. Эта мысль о том, что природное единство людей выше их культурных различий, наполняется в свете глобализации новым, более глубоким и теперь уже вполне историческим смыслом. Она уже сама становится принципом культуры.

Но что это значит и как выразить, закрепить в культуре, в нашем понимании жизни эту простую мысль, что наш единый мир, единый теперь уже не в гениальных прозрениях философов, а в реальном опыте все расширяющейся и углубляющейся глобализации, что он принадлежит всем живущим в нем людям, с их живыми телами, прошлым и будущим, памятью и надеждами? Существует, на мой взгляд, только одна возможность для того, чтобы закрепить эту мысль в культуре, а именно принять ее в качестве безусловной истины и императива действия. Собственно, это уже было сделано, когда было сказано: «Прощайте врагов ваших» и выдвинут идеал ненасилия в качестве единственно возможной линии поведения, снимающей губельное для человеческого существования разделение людей на «своих» и «чужих». Речь идет об изначальном и абсолютном запрете на насилие в отношениях между людьми, запрете на него в каких бы то ни было формах и без каких бы то ни было исключений. Это и есть конкретное и точное признание того, что наш единый мир принадлежит всем живущим в нем людям.

Только при такой предпосылке, которая означает, что в глобализирующемся мире нет «чужих» и культурные различия, которые вторичны по отношению к различающимся в этом аспекте индивидам, не могут быть основанием для их маркирования в качестве «чужих», что они не могут стать «чужими», ибо в качестве просто людей уже являются «своими», только при такой предпосылке и при таком расширении концепция диалога культур получает надежную опору и оказывается изначальным и принципиально универсальной. Действительно становится теорией именно диалога культур. Так понятая концепция диалога культур уже не может быть смущена или бессильна перед вопросом: «Как быть в ситуациях людей и позиций, которые не признают самой идеи диалога культур?», ибо возможность существования таких людей и позиций и их право быть теми, что они суть, и занимать те позиции, которые они занимают, уже входит в саму эту концепцию. Только на основе и в контексте ненасилия как первого и абсолютного человеческого приоритета диалог культур из вынужденного и терпимого феномена превратится в желанное и радостное состояние и будет застрахован от трансформации культурных различий в противостояние «своих» и «чужих».

Второй момент, связанный с расширением и обогащением теории диалога культур, касается новых оснований и форм обитания людей в мире. Глобальный мир, если мы принимаем это определение не как фразу, а как обязывающую характеристику современного этапа развития общества, принадлежит всем обитающим в нем людям. Это означает, что везде, где бы они

¹ См.: Гусейнов А. А. Античная этика. М., 2011. Гл. «Софисты».

ни были, они будут на своем месте. Но тем не менее люди и в отдельности, и складывающимися между ними группами занимают каждый раз какое-то определенное место и не могут сразу находиться везде, ибо людям необходимо располагаться так, чтобы всем нашлось место. Здесь возникает противоречие между, с одной стороны, вновь складывающимся глобальным видением и глобальным статусом мира и, с другой — традиционным принципом закрепления людей за определенными территориями, в результате чего некоторые территории считались и считаются священными, одухотворяются в качестве культуротворящего источника жизни народов. Зримых проявлений этого противоречия достаточно много: признаваемое большинством государств право людей свободно покидать традиционные территории, которое не дополняется столь же широкой обязанностью принимать их; особый, уже сегодня во многом транснациональный и трансгосударственный статус прав человека; массовый и многовекторный характер миграционных процессов и др. Противоречия эти свидетельствуют о том, что сегодня мы находимся еще не в глобальном мире, а в мире, который направляется к нему и в котором идет поиск новых форм обитания человека.

Проблемы, возникающие в связи с массовой миграцией людей, хорошо иллюстрируют переходный (в направлении к глобальному миру) характер нашего времени. Прежде всего следует заметить, что миграция — это знамение времени, которое объясняется не только экономическими причинами, хотя они и являются самыми броскими. Воспрепятствовать ей с целью остановить, заблокировать, отменить в принципе невозможно. Правда, это и не нужно, но если бы даже было нужно, то все равно невозможно. Эмигрируют не только из стран третьего мира в развитые страны: массовое, подчиняющееся уже не моральным императивам, а социологическим законам передвижение людей имеет место также и в самих развивающихся, и в развитых странах между собой. К примеру, в России на слуху прибывающие к нам миграционные потоки. Но мы забываем об огромном числе россиян, переселившихся в другие (большой частью европейские) страны. В миграционных потоках большую роль играют, конечно, гуманитарные и культурные предпочтения, но более важно понять, что сама принимающая массовый характер решимость мигрировать, со сравнительной легкостью покидать «свои» территории является совершенно новым по сравнению с предшествующими столетиями и первостепенным по своему культурному значению и гуманитарному настрою феноменом. Это, конечно, выражение, знак глобализирующегося мира, и для его осмысления требуются новые понятия. В связи с этим представляется интересной мысль известного социолога Зигмунда Баумана, предлагающего традиционную метафору почвы (земли) заменить метафорой якоря¹. Тем самым подчеркивается, что человек не покидает «свою» почву (землю, территорию), чтобы поселиться на «чужой», он в другом месте бросает якорь. Современный житель Земли больше напоминает путешественника или моряка, бороздящего моря и океаны, чем привязанного к полю крестьянина.

Еще одна линия размышлений по поводу нашей социогуманитарной лектики и ее уточнения связана с необходимостью глубже осознать и технологически более четко провести предложенное Максом Вебером различие

¹ См.: Бауман З. Прощание с миром своих и чужих // Вокруг света. 2011. № 12.

между целерациональными и ценностно-рациональными действиями. Разумеется, перемещения людей в мире, складывающиеся миграционные потоки не могут не регулироваться, но это регулирование должно быть целерациональным (управленческим, техническим), касающимся его законодательного оформления, создания приемлемых условий и т. д. Но оно не может затрагивать культурных аспектов, быть формой культурной дискриминации, ограничивать свободу культурного самовыражения людей — напротив, должно способствовать тому, чтобы создавать необходимые для этого дополнительные условия.

В связи с общественными обсуждениями и реакциями на проблемы миграции не могу избежать одного замечания. В нашей стране почти не слышно голосов в защиту мигрантов (в особенности из среднеазиатских стран) в связи с их бесправным положением, не звучат даже робкие протесты против гонений, психологического прессинга, унижений, которым они подвергаются со всех сторон; практически никакой благодарности за огромный, тяжелый и грязный труд, который они берут на себя, никакого сочувствия их обреченности жить вдали от своих семей; внимание акцентируется главным образом на отрицательных сторонах, проблемах и неудобствах, сопряженных с их пребыванием. Даже со стороны социалистов и левых сил крайне не редки голоса против эксплуатации труда мигрантов. Не знаю, когда еще русская публичная мысль и журналистика были столь эгоистичными, жестокими и бессердечными. В связи с этим по контрасту и в укор нам хотел бы привести выдержку об иммигрантах в Европе из прочитанной недавно (в январе этого года) в Афинском университете лекции французского философа Алена Бадью: «Французский премьер-министр — социалист сказал в начале 1980-х годов: "Иммигранты — это проблема". Нужно поставить это высказывание с головы на ноги: "Иммигранты — это возможность". Масса иностранных рабочих и их детей свидетельствуют в наших старых и измученных странах, что у мира есть молодость, есть продолжение, есть бесконечное число новых возможностей. Благодаря иммигрантам и будет создана политика будущего. А без них мы так и погрязнем в нигилистическом потребительском и полицейском порядке. Нами тогда и начнут понукать юные лепеновцы в обнимку с полицаями. Приезжие могут научить нас становиться иностранцами для самих себя, смотреть на себя со стороны и не слишком очаровываться длинной историей западных белых людей, которая подходит к концу и больше ничего не порождает, кроме чисток и войны. Не будем ждать нигилистической катастрофы нашей "гарантированной безопасности", будем приветствовать подлинный коммунизм, всегда юный, будем ждать завтрашнего дня, который придет к нам как желанный иммигрант»¹. Если даже Бадью преувеличивает и ошибается, то, согласитесь, нам, философам и интеллектуалам, лучше преувеличивать и ошибаться в ту сторону, что и он, чем в противоположную.

¹ Бадью А. Коммунизм приезжего: афинская лекция // Гефтер : интернет-журнал. 2014. 31 марта.

О НАЦИИ КАК ИДЕЕ И ИСТОРИЧЕСКОМ ЯВЛЕНИИ¹

Предлагаемые заметки являются приглашением к дискуссии и претендуют лишь на одну из точек зрения в ней.

Несомненный, во многих своих проявлениях очевидный факт общественного развития в современном мире состоит в том, что глобализация и универсализация в одних сферах человеческой жизнедеятельности сопровождаются нарастающей локализацией и конфликтностью в других сферах. Если исходить из того, что цивилизация — это «тело» общества, его материальная сторона, а культура — его «душа», идейно-смысловая сторона, то можно сказать: универсализация касается цивилизационного аспекта общества, а локализация — его культурного аспекта. По сути дела, речь в конечном счете идет именно о конфликте цивилизации и культуры. Человечество по своим экономическим и технологическим показателям, уровню производительных возможностей подошло к той стадии, когда оно способно преодолеть исторически обусловленную разобщенность и перейти к формированию единого цивилизационного пространства. Процессы глобализации как раз ведут в направлении единой цивилизации, охватывающей все человечество. В то же время в области культуры общий вектор развития имеет противоположную направленность, здесь мы наблюдаем очевидное нарастание непонимания, отчужденности, воинственных противостояний. Складывается впечатление, что человечество цивилизационно готово стать единым, а культурно — нет.

Разумеется, цивилизационный аспект жизнедеятельности не существует вне, помимо культурного. Речь идет не только об общем соответствии между типом цивилизации и типом культуры, которое не без конфликтов и противоречий достигается в пределах больших исторических эпох. Взятая в своем непосредственном выражении цивилизационная деятельность также протекает в определенном интеллектуальном и аксиологическом обрамлении, предполагает и формирует обслуживающую ее человеческую культуру. В этом смысле глобализация, распространяющаяся на все континенты и народы, и для того, чтобы она могла распространяться на них, сопровождается и дополняется соответствующей культурой, необходимой и достаточной для протекания этих процессов. Таковыми являются, например, идеология, психология и даже этика потребительства, своего рода fast food культуры. Этот непосредственно включенный в практику глобализации суррогат культуры, конечно, не снимает и не смягчает отмеченный разрыв между цивилизацией и культурой, а сам становится дополнительным источником культурных напряжений и противостояний в мире.

Когда мы говорим о нарастающей изоляции и углубляющихся конфликтах в области культуры, в особенности на стыке различных исторически сформировавшихся типов культур, то речь идет о культурах в их относительной или абсолютной самостоятельности по отношению к экономическим и технологическим аспектам общества; о культурах в том виде, в каком они воплощены в соответствующих религиях, искусствах, философиях, нравственных практиках, национальных традициях и тому подобном и имеют для людей самоценное значение. Существует много свидетельств роста

¹ Доклад представлен на XV Международные Лихачевские научные чтения (2015 г.).

культурного самосознания в его акцентированно самобытном выражении, являющегося негативной реакцией на культурные стандарты глобализации. Среди них можно назвать, например, возвращение религии в публичное пространство, рост влияния так называемых консервативных идеологий, возрождение традиционных форм поведения. Одним из свидетельств этого, а тем самым и одним из показателей расхождения между цивилизацией и культурой в современном мире является рост национального самосознания, национализма, национально ориентированных общественных и политических движений. Особого размышления в этом отношении заслуживает опыт Европы.

Новоевропейская цивилизация, которая сегодня играет ведущую роль в цивилизованном выравнивании современного мира, принесла с собой идею национального государства. Национальное государство — это европейское, а если говорить более детально, то западноевропейское изобретение. Именно Европа своей невероятно успешной и в то же время глубоко трагичной судьбой последних двух столетий продемонстрировала необыкновенную продуктивную мощь национально организованной формы общественного бытия и испытала все сопряженные с этим смертельные опасности. Сегодня Европа стремится прорвать ставший для нее узким горизонт национального государства и сформировать (отчасти даже сформировала) политико-юридическое и финансово-экономическое пространство, которое соответствует общей тенденции, ведущей к единой цивилизации. Однако, как ни странно, это не исключило, а в известном смысле даже обострило национальное самосознание европейских народов, разбудило «спящих собак» этничности.

Судьба национальной идеи в современном мире, в особенности ее противостояние культурно-нивелирующим тенденциям складывающейся глобальной цивилизации, позволяет по-новому взглянуть на феномены нации и национализма в историческом процессе. Здесь хотелось бы обратить внимание на два момента.

1. В нашей литературе, как и в общественном сознании, существуют два разных понимания природы нации. В одном варианте она понимается как этнокультурная общность, принадлежность к которой определяется рождением и воспитанием. Другая точка зрения рассматривает нацию как политическую общность, принадлежность к которой определяется гражданством. Эти концептуальные подходы, на мой взгляд, односторонни и абстрактны. Это не значит, что они ложны. Нет, они именно односторонни. Они представляют собой разное понимание нации, выражающее взгляды и пристрастия тех, кто дает такие определения, но не суть нации в ее полноте. Это приблизительно так, как если бы, желая определить человека, одни говорили бы, что он есть разумное существо, а другие возражали бы, что он есть существо общественное (социальное). На самом же деле человек разумен в качестве социального существа и социален в качестве существа разумного. То же самое относится к отмеченным различиям в определении нации. В действительности нация представляет собой этнокультурную общность, которая получает продолжение и завершение в форме национального государства и благодаря этому становится нацией.

Чтобы понять это единство культурной и политической составляющих нации, следует иметь в виду, что нация возникает как преодоление сослов-

ного разделения общества. Национальное государство соответственно является постсословным, то есть демократическим. Государство только в качестве национального становится демократическим.

Сословное государство характеризовалось тем, что господствующие в нем сословия были культурно, ментально отделены от угнетенных сословий, противостояли им. Общество в ту феодальную эпоху было полубра-зованным. Образование являлось привилегией так называемых благородных сословий, а низшие сословия составляли необразованную и бесправную массу подданных. Государственное устройство, политика и в значительной степени политический класс в сословно организованном обществе были отделены от этнокультурной основы подавляющего большинства подданных государства. Линии социально-статусных размежеваний были также в целом и линиями культурных размежеваний. Становление нации и формирование национального государства означали преодоление данного разрыва, и само это преодоление было его важнейшим элементом. Народ становился нацией по мере того, как государство становилось национальным, создавая единое пространство для развития национальной культуры, интеллектуального и человеческого роста своих граждан.

Каждый человек принадлежит определенной этнокультурной общности, это от него так же мало зависит, как факт его рождения и то, в какой семье и культурной среде он родился и вырос. Этнонациональная принадлежность человека — это его судьба. Этничность свою, как и свое тело, человек не выбирает. Это не значит, конечно, что этничность представляет собой биологический феномен. Это лишь значит, что человек есть социальное существо и свою первичную групповую принадлежность он наследует. Этническая принадлежность человека аналогична его биологической определенности только в том, что и то и другое он приобретает еще до того, как получает возможность выбирать. Иное дело — гражданство, которое в значительной мере является делом выбора. Однако человек становится гражданином не в качестве абстрактной единицы, а в своей этнонациональной определенности. Особенность национального государства и одновременно критерий того, что оно действительно является национальным и в этом смысле соответствует своему понятию, состоят в том, что оно позволяет гармонически сочетать предзаданную этнонациональную идентичность человека с его гражданской идентичностью. И оно остается национальным в той мере, в какой умеет это делать. (Особый вопрос: как достигается такое сочетание? Опыт свидетельствует, что оно может достигаться разными путями — от возведения этничности в политический принцип до такого полного отделения одного от другого, когда само гражданство становится своего рода новой этничностью, дополняющей первичную этничность, какой бы она ни была.)

Словом, современная демократия, а соответственно и понятие национального государства, которое является синонимом демократического, включает свободу этнокультурного развития народов как естественной основы индивидуальных свобод. Уместно заметить: именно потому, что нация существует в единстве государственно-политических и этнокультурных аспектов, соединяет в себе идею гражданства и идею этничности, всегда сохраняется опасность универсально-космополитических и националистических, шовинистски-почвеннических извращений в ее понимании.

2. Нация, будучи постсословной формой человеческого общежития, начала не только политическое равенство, трансформацию общества из полуобразованного состояния в образованное и просвещение народа, возвышение патронируемых подданных в самостоятельных граждан. Она вместе с тем противостояла разделяющей сословной идеологии и представляла собой новую форму духовной общности. Нация всегда несет определенную идею. Без идеи нации нет самой нации. Нацию можно и следует понимать как определенную форму духовной общности и соответственно как определенную ступень духовного возвышения общества. В этом смысле важно подчеркнуть, что нация является не только постсословным, но и пострелигиозным образованием.

Нация представляет собой пострелигиозное образование не только в хронологическом, но и в собственно историческом смысле. Она находится также в ряду духовных форм и претендует на то, чтобы быть более высокой, объединяющей народ и одухотворяющей ее силой, чем религия. Одной из самых драматичных, пожалуй, самой драматичной линией становления европейских наций было противостояние церковно-папскому универсализму и борьба за сплочение, единство народа против разделяющих его религиозных различий, за учреждение секулярного публичного пространства государства. Одна из доказанных и выстраданных опытом европейского развития в Новое время истин состоит в том, что национальное единство выше и важнее не только классово-политических, но и религиозных различий. Эта же истина получает подтверждение в области межгосударственных отношений: теперь уже оказывается, что национальные различия важнее, намного более существенны и значимы, чем религиозное единство. Общий характер и схемы взаимодействия между господствующей религией и формирующимися нациями, которые продемонстрировала европейская история, подтверждаются также на опыте других регионов, в частности современного мусульманского Ближнего Востока.

Какой более высокий духовный смысл несет нация, в чем заключается ее идея? Выраженная в предельно общем и кратком виде, она заключается в справедливости. Национальная стадия исторического развития одновременно означает принципиально новую, более высокую стадию общественной справедливости. Справедливость, совпадающая с идеей нации в своей антисословной направленности, означает демократическое жизнеустройство общества (то, что в знаменитом лозунге Французской революции 1789 г. выражено словами «свобода» и «равенство»), а в своей антиклерикальной направленности — служение народу (то, что в том же лозунге выражено словом «братство»). Эти два аспекта национальной идеи связаны между собой самым тесным образом: служение народу вместо служения Богу означало готовность найти земное решение человеческих упований, которые как раз увязывались с демократическими формами жизни.

Понимание нации как духовной общности переходит в более высокое понимание человеческого достоинства и справедливости, обеспечивая тем самым гражданское единство и внерелигиозную сплоченность общества. Такое понимание имеет особенно важное значение в том отношении, что оно оставляет открытой перспективу внационального взгляда на мир, предохраняя тем самым от националистической зашоренности сознания. Национальное самосознание опирается на осознание ценности национального бы-

тия. Это своего рода аксиома, выражающая факт принадлежности человека к определенной нации и позволяющая, даже обязывающая его выделять ее в своих ценностных приоритетах среди всех других наций, подобно тому как он выделяет своих родителей среди всех остальных людей. Вместе с тем желание блага своему народу и стремление внести свой вклад в его приумножение предполагают знание того, в чем заключается это благо. Это означает, что национальные проблемы можно правильно понять только в более широком, чем сама нация, исторически развивающемся контексте человеческой и исторической справедливости.

Взгляд на нацию как одновременно исторический и духовный феномен напрямую связан с пониманием патриотизма. Патриотизм как любовь к Отечеству включает привязанность ко всему своему, родному — к языку, природе, воспоминаниям детства, памяти предков и т. п. Одновременно и даже прежде всего он нацеливает на то, чтобы подчинить личные интересы общественным («жила бы страна родная, и нету других забот!»), понятым именно как благо своего народа и государства. Патриотический строй мыслей и чувств выходит в жизни человека и общества на первый план тогда, когда речь идет о взаимоотношениях, сотрудничестве, конкуренции, конфликтах с другими народами и государствами. Патриотизм выражает жизненную позицию, исходящую из убеждения, что Родина (Отечество) — выше всего. Он соединяет, сплачивает людей в пределах Отечества и в то же время неизбежно (по крайней мере до некоторой степени) ментально замыкает их в этих пределах, обособляя тем самым от представителей других отечеств. В этой двойственности заложена возможность различных теоретических и идеологических толкований патриотизма, в результате чего патриотизм, призванный сплачивать людей, становится источником раздоров между ними.

В истории России то или иное понимание патриотизма (своего и чужого, самобытности и универсальности, традиций и заимствований и т. д.) было одним из основных предметов идейных и практических противостояний в обществе. Тема эта в русском исполнении настолько большая и сложная в своих конкретных решениях и нюансах, насколько и острая, даже кровавая в своих практических следствиях. В общем и целом в данном вопросе выделяются два полярных подхода, каждый из которых называет свой взгляд на патриотизм истинным, а противоположный — ложным.

Один из этих подходов, который идейными противниками был клиширован как слепой и казенный, акцентирует внимание на самобытности России. Он исходит из того, что у России свой особый путь и иноземные, прежде всего западные, заимствования для нее губительны, что ее беды начались с реформ Петра I, свернувшего страну с ее собственного оригинального пути на путь заимствований западных образцов. Представители этого направления считают, что свое лучше чужого лишь потому, что оно свое. Их отношение к истории, традициям и быту народа является не критическим, и потому их патриотизм считается слепым. А одну из счастливых особенностей своего народа они видят в покорности государству, стоящему на страже общего блага, и потому патриотизм их именуется казенным. В самом общем философско-методологическом плане данный подход получил выражение в концепции локальных культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского, согласно которой не существует общих закономерностей и единой линии

развития народов, а каждый из них в своей типологической определенности равен самому себе. В конкретной нравственно-политической направленности патриотизм в данном случае отождествляется с национализмом и реализует себя в противостоянии буржуазно-индивидуалистической Европе.

Другой подход, который его идейными противниками обозначается как универсалистский, космополитичный, антинациональный, исходит из убеждения, что нация не является последним словом истории и ее судьбу надо рассматривать в более широкой, чем сама нация, духовной и исторической перспективе. Суммируя кратко, его можно свести к следующим положениям.

Нельзя любить Родину с закрытыми глазами: патриотизм не исключает, а предполагает и требует критического отношения к наличному состоянию народа и государства, уровню их политического, интеллектуального, нравственного развития.

Никто не имеет патента на патриотизм, тем более правящие круги, которые склонны злоупотреблять патриотическими чувствами ради охраны и укрепления своего привилегированного положения.

Патриотизм — это не национализм, он предполагает и требует уважительного отношения к другим народам и государствам, заимствования всего передового, ценного из их опыта и достижений.

Второй подход, на мой взгляд, исходит из более адекватного понимания нации как исторического и духовного феномена, чем первый.

Ниже приведу ряд цитат В. С. Соловьева в надежде, что он может стать одним из в высшей степени полезных заочных участников нашей дискуссии. Его позиция может быть сегодня особенно актуальной в том, что касается национализма, имея в виду, что сегодня об этом стали говорить без негативной коннотации¹.

«Ставя, в силу национального принципа, служение *своей* (курсив мой. — А. Г.) народности как *высшую цель*, каждый народ тем самым обрекает себя на нравственное одиночество...» (с. 280).

«...принцип национальностей может представляться в другом виде: он может являться не как выражение народного эгоизма, а как требование международной *справедливости*, в силу которой *все* народности имеют *равное* право на самостоятельное существование и развитие» (с. 280).

«Для того чтобы народ был достойным предметом веры и служения, он сам должен верить и служить чему-нибудь высшему и безусловному: иначе верить в народ, служить народу значило бы верить в *толлу людей*...» (с. 281).

«Но чтобы патриотические заботы о народной самостоятельности были плодотворны и безупречны, необходимо помнить две вещи: во-первых, что самостоятельная народность все-таки не есть высшая и окончательная цель истории, а есть лишь средство или ближайшая цель; а во-вторых, что к достижению этой ближайшей цели ведет отнюдь не возбуждение национального эгоизма и самомнения, а, напротив, пробуждение национального самопознания, то есть познания себя как служебного орудия в совершении на земле Царствия Божия» (с. 284).

¹ Цитаты взяты из работы «Национальный вопрос в России» по изданию: Соловьев В. С. Сочинения : в 2 т. М. : Правда, 1989. Т. 1 : Философская публицистика. (В скобках по тексту указаны страницы этого издания.)

«Вы говорите: служа своему народу, мы тем самым служим и человечеству. С таким же правом можно сказать, что служа самому себе, я служу своей семье, служа своей семье — служу своему народу и т. д., и в результате выйдет, что я могу ограничиться служением самому себе. Но *каким* служением? Все это только игра слов; дело же зависит от того, *в чем и как* я служу себе и другим» (с. 307).

«...у целого народа не только есть совесть, но иногда эта совесть в делах национальной политики оказывается более чувствительною и требовательною, нежели личная совесть в житейских делах» (с. 328).

«Помимо внешних благ, о которых должно заботиться государство, народ наш хочет еще совсем другого. Он хочет *правды*, то есть согласия между действительною жизнью и той истиной, в которую он верит» (с. 331).

«Внутреннее противоречие между требованиями истинного патриотизма, желающего, чтобы Россия была как можно лучше, и фальшивыми притязаниями национализма, утверждающего, что она и так всех лучше, — это противоречие погубило славянофильство как учение...» (с. 444).

«Вместо того чтобы настаивать на русском пути и русских началах, как будто русское и хорошее значили одно и то же, — следовало точнее и последовательнее отделить в русской действительности и русской истории белое от черного, нисколько не смущаясь тем, что белый цвет одинаково бел для всех народов земли» (с. 475).

«...различия между *национальностью* и *национализмом*, — ведь это то же самое, что различие между *личностью* и *эгоизмом*» (с. 516).

«...*народность* и *национализм* две вещи разные (так же как *личность* и *эгоизм*)...» (с. 592).

«...отречение от своего национального эгоизма вовсе не есть отрицание своей народности...» (с. 592).

«Человечество представляется нам чем-то отвлеченным — пусть так; но ведь и нации сложились на глазах истории, и тысячу лет тому назад "Франция", "Германия" должны были представляться такими же отвлеченными терминами, как теперь "человечество"» (с. 602).

«*Какому* национальному делу служили, *чье* национальное самосознание выражали апостолы, мученики, наконец, великие учителя церкви?..

Это обстоятельство лучше всего уясняет нам великую разницу между *народностью* как положительною силой в живых членах единого человечества, и *национализмом* как началом отделения частей от целого — началом, отрицающим человечество и губящим самую народность. Только понимая и принимая это различие, можно выйти из темной и удушливой сферы национального *самодовольства* на открытый и светлый путь национального *самосознания*» (с. 603 — 604).

«Народность *сама по себе* есть лишь ограниченная часть человечества, могущая стоять в том или другом отношении к абсолютному идеалу, но ни в каком случае не тождественная с ним; поэтому когда такой частный факт берется как он есть и возводится в высший принцип, когда отдельному народу приписывается исключительная и неотъемлемая привилегия или монополия на абсолютную истину, тогда он из преимущественного носителя и служителя всечеловеческого идеала превращается в безусловный довлеющий себе предмет нашего служения, то есть в *идола*, поклонение которому основано на лжи и ведет к нравственному, а затем и материальному крушению» (с. 628 — 629).

М. С. Гусман¹

СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ²

Нам предстоит обсудить широкий круг вопросов, чрезвычайно важных для развития мирового медийного сообщества. Я предлагаю сегодня обратить особое внимание на те тенденции, которые определяют наше настоящее и будущее в профессии.

Информационное пространство в условиях глобальной информатизации

В основе всех эволюционных изменений окружающего мира лежат информационные процессы. Информатизация тесно связана причинно-следственными связями с процессом глобализации. Среди различных процессов, протекающих в рамках и под влиянием глобализации, информационная глобализация в настоящее время является одним из наиболее показательных интеграционных процессов, включающих развитие коммуникаций, создание глобальных информационных сетей, компьютеризацию многих сфер жизнедеятельности человека.

Глобальная информатизация общества — объективный процесс, который во всевозрастающей степени становится основой и главным стержнем как научно-технического, так и экономического, социального, культурного развития. Информатизация выступает и как научно-технический процесс, и как процесс исторический и социальный. Соответственно общество в процессе информатизации качественно меняется не только в техническом, но и в социальном и духовном отношении. Результатом этих изменений является переход человечества к построению информационного общества.

Это построение, в свою очередь, вызывает качественные изменения структуры и характеристик информационного пространства. Уровень развития последнего решающим образом влияет на основные сферы общества — социально-политическую, экономическую, общественную, индивидуальную. От этого уровня сильно зависят поведение людей, формирование общественно-политических движений, социальная безопасность.

Информационное пространство фактически стерло границы между странами, что является одним из главных стимулов глобализации и одновременно результатом этого процесса.

¹ Первый заместитель генерального директора Информационного агентства России «ТАСС», доктор политических наук, профессор, заслуженный работник культуры РФ. Автор и ведущий телевизионного цикла «Формула власти» (с 2000 г. более 250 эксклюзивных интервью с мировыми лидерами и коронованными особами). Автор книг: «Формула власти. 55 интервью в золотом галстуке» (2005) и «Формула власти. ...и еще 60 интервью в золотом галстуке» (2010), «Формула власти. ...и еще 65 интервью в золотом галстуке» (2015), многих сценариев к телевизионным фильмам и программам. Вице-президент Европейского альянса информационных агентств, представитель РФ в Межправительственном комитете ЮНЕСКО по вопросам информации и коммуникациям (IPDC). Лауреат Государственной премии РФ и премии Правительства Москвы в области журналистики. Награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» IV степени, Дружбы, Почета и др.

² Доклад представлен на XV Международные Лихачевские научные чтения (2015 г.).

Информационное пространство приобретает сегодня в информационном обществе глобализующегося мира качество трансграничности. Ярким примером действия интеграционных процессов и глобальной информатизации является процесс создания объединенной Европы. Интенсивные интеграционные процессы, происходившие в Западной Европе, в том числе в сфере экономики, были бы невозможны без современных методов и средств коммуникации и информации, надежной дистанционной передачи больших массивов информации. Развитие новых средств и методов передачи информации позволяет говорить о возникновении нового феномена, определяемого как европейское информационное пространство, неотъемлемой частью которого является российское информационное пространство. Объективной реальностью стало и глобальное мировое информационное пространство.

Информационное общество в процессе построения формирует качественно новое пространство деятельности — информационную сферу. Такие свойства информационной сферы, как глобальность, беспрецедентная оперативность распространения информации, фактическое отсутствие для этого ранее обычных государственных границ, предопределяют изменения в инструментарии современной геополитики. Одним из таких важнейших инструментов в современном мире является арсенал сил и средств информационного воздействия. Информационное пространство сначала связало, а теперь начинает главенствовать над всеми сферами деятельности личности, общества и государства. Виртуальная среда утрачивает роль посредника и становится одним из главных источников влияния на реальность. Уровень развития информационных технологий, систем коммуникаций, в том числе внешних, становится важнейшим в ряду компонентов, определяющих влияние и возможности государства.

Будущий геополитический облик мира, вероятно, будет определен на основе нового передела зон влияния, в первую очередь в информационной сфере. Используя нарастающий отрыв в своем развитии, некоторые регионы мира будут стремиться навязать всем остальным участникам мировых процессов роль обеспечивающих регионов. Внутри общества будет нарастать расслоение по такому же принципу. Все эти процессы формируют то, что можно назвать геополитикой информационного общества.

Для информационного пространства характерно четкое различие таких понятий, как «информация» и «знание», которые в обыденном сознании являются по сути синонимами. На практике же в современном информационном пространстве информация начинает рассматриваться как ресурс — некое «сырье» для «производства знаний». При этом, в отличие от классической естественно-научной парадигмы, знание в информационном пространстве не рассматривается как нечто незыблемое, фундаментальное и постоянное (не зависящее от изменяющейся ситуации). В современном информационном обществе основным признаком знания является контекстуальность, то есть зависимость от многих факторов.

Интерактивный тип коммуникаций в информационном пространстве предопределяет целенаправленное активное отношение к информации, организацию информационного обмена между субъектами. Идея интерактивности означает отказ от понимания коммуникации в терминах отношений

«субъект — объект». Инициатор сообщения является таким же полноправным участником коммуникации, как и получатель сообщения.

Информация играет одну из главных ролей в нашей жизни. В настоящее время она является не только способом получения сведений, воспринимаемых мозгом через органы чувств, но и способом получения выгоды, обмена знаниями и самосовершенствования. Таким образом, информация порождает новые общественные отношения, выступая в них главным элементом.

Современные медиа: глобальные тенденции трансформации и перспективы

В новых условиях начинают меняться роль и статус СМИ.

Согласно действующему законодательству Российской Федерации на СМИ возлагается обязанность информирования граждан о деятельности ветвей и структур государственной власти. Законы, указы и постановления государственных органов власти вступают в силу только после их опубликования. Таким образом, СМИ являются посредником в установлении общественных связей между государственной властью и населением, а также обладают монопольным правом на получение и распределение информации о деятельности органов государственной власти.

В результате внедрения в деятельность государства и общества новых технологий органы власти получают новый оперативный канал прямого общения с гражданами, подконтрольный только государству, и необходимость использования традиционных СМИ в качестве трансляторов информации отпадает. Таким образом, СМИ все больше лишаются уникальной возможности монопольного получения, распределения информации, поступающей из систем государственной власти.

Вторая особенность воздействия современных коммуникаций на политику СМИ — появление у них конкурента, обладающего правом последней инстанции на точность и объективность информации, доводимой органами власти до населения.

Особого внимания заслуживает процесс постепенной концентрации власти в СМИ, чему способствуют объективные экономические и технические причины. Доступ к СМИ и воздействие на них облегчаются тем, что они в большей степени выступают не как чисто информационно-передаточное звено, а как творец информации, политики и идеологии. Отличить продукцию СМИ от отображаемого явления становится трудно. То, что реально происходит, становится «общественным событием» только через свое отображение, предоставляя тем самым возможность вносить в это отображение широкий набор «корректив», в том числе и скрытного целеназначения.

Специфика деятельности СМИ в условиях рыночной конкурентной среды (максимизация прибыли, стремление к монополии, реализация установок владельцев и т. д.) состоит в уходе от нормальной, обычной жизни, что затрудняет адекватное отражение действительности, и в выпадении истинных глубоких причин и процессов. Эти принципы являются основными причинами вовлечения СМИ в информационно-психологические конфликты и манипулирование сознанием.

Размышляя сегодня об информации, нельзя не коснуться и еще одного вызова. Это вызов традиционным СМИ со стороны так называемых новых СМИ, социальных медиа. Многие считают, что происходящая сегодня интернетизация — самая крупная революция в информационной истории человечества даже по сравнению с изобретением печатного станка.

Развитие Интернета и цифровых технологий привело к тому, что новости перестали быть прерогативой только лишь профессионалов. Отныне создавать и публиковать контент может любой обыватель, имеющий в руках фотоаппарат, мобильный телефон, веб-камеру и выход в Сеть. Отрицать эффективность и влияние на общество гражданской журналистики уже невозможно. Однако эффекты от этого явления могут быть самыми разными.

Разговоры о гибели старых СМИ идут уже не один десяток лет. Новые поколения потребителей информации выдвигают свои требования, формируют новые подходы, стирая границы между творцом и потребителем. Однако традиционные СМИ сильны, востребованы, развиваются, становятся более гибкими и восприимчивыми к новым технологиям. Каждый участник рынка сегодня стремится не только не отстать от глобальных информационных процессов, работая с новыми информационными форматами, но и поддержать спрос на качественные традиционные медиапродукты и каналы их распространения. Для этого современному специалисту необходимо в первую очередь внимательно следить за современными реалиями медиаространства.

Мы ясно видим следующую тенденцию. Возрастание доступности информации за счет серьезного технологического скачка и широкого распространения Интернета создает вокруг потребителя огромное медиополе, то есть значительно расширяет выбор источников и каналов доставки необходимой ему информации. Проблемой для зрителя, читателя и просто потребителя становится информационная перегрузка, проблема выбора источника информации, способного дать ее в удобной, максимально емкой форме.

Кроме того, множество новых СМИ и высокая конкурентная борьба между ними снижают качество выпускаемого медиапродукта. У потребителя отсутствует уверенность в достоверности и объективности получаемой информации. С одной стороны, существует незыблемое право на свободу выбора информации, с другой — это право подчас вступает в противоречие с правом на достоверность информации.

В этих условиях главными конкурентными преимуществами традиционных медиа становятся достоверность источников информации, традиция глубокого и объективного анализа, собственный уникальный контент, высочайший профессионализм и часто — подвижническое служение журналистскому долгу. Меняются формы подачи информации на более современные, налицо тенденция симбиоза профессиональных и социальных СМИ. Неизменным же для любых информационных источников и ресурсов должно оставаться следование главным принципам нравственности, свободы слова, честности, профессионализма. Они позволяют сегодня традиционным средствам массовой информации сохраняться и развиваться в сторону персонализации для потребителя, который ищет защиты от гигантского

объема обрушивающейся на него информации, ждет умного и грамотного собеседника, способного интересно рассказать ему ту или иную историю. Думается, что профессиональные СМИ будут продолжать играть важную роль в мире.

Я также хотел бы в очередной раз обратить внимание на вопрос о культуре потребления массовой информации. На фоне активного проникновения традиционных медиа в цифровую среду и участвующих переходов некоторых изданий из печати в Интернет разработка этого вопроса становится ключом к выживанию для многих редакций. Стоит ли воспитывать в потребителях, годами получавших информацию в Сети бесплатно, привычку платить за качественный контент или надо искать пути перестройки экономики собственного издания в соответствии со сложившейся культурой виртуального пространства — это вопросы, на которые рано или поздно придется ответить каждому.

Сегодня невозможно обойти вниманием и тему информационной безопасности. Совершенно очевидно, что существующая модель управления цифровым информационным пространством начинает отходить от стандартов и идеалов свободного распространения информации. Назревает глубокий кризис в данной области. Многочисленные вбросы, хакерские атаки и массовые слежки подрывают демократические ценности и общепринятые этические нормы, а значит, встает вопрос о выработке тонкого международного механизма управления этими процессами. Мировое сообщество начинает осознавать необходимость тщательной регуляции потенциально опасного контента, с помощью которого возможны эскалация международных конфликтов и дестабилизация внутренней ситуации в стране, а также пропаганда терроризма и экстремизма.

Цифровой мир стремительно движется вперед, и наша профессиональная обязанность — не стоять на пути этого движения, а направлять и контролировать его, изучать новые угрозы и искать методы их предотвращения. Все возникающие перед нами проблемы стоит рассматривать как новые перспективы и возможности для модернизации, обновления и развития.

Петр Дуткевич¹

РЫНОК, МОДЕРНИЗАЦИЯ И ДЕМОКРАТИЯ. РАЗМЫШЛЕНИЯ О МЕЖДУЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЯХ²

Кому нужна демократия?

Кажется очевидным, что демократию в Европе любят все: главы государств, политики, общественные организации, деловые круги и, безусловно, народ. Кто сегодня будет утверждать, что демократия — это плохо? Те, кто называют свою систему «демократической», считаются «цивилизованными» и «похожими на нас», в отличие от «нецивилизованной» части (фактически составляющей большинство) мира. Демократия стала мерилом, которым измеряется все происходящее в политике. Это своего рода западная либеральная религия. Но, как это часто случается с религией, по замечанию Джонатана Нитцана, чем сильнее вера, тем меньше вопросов. Именно поэтому я начал с вопроса о том, кому нужна демократия. Далее поговорим о том, каким образом демократия начала превращаться в своего рода «товар» и как влияет этот процесс на соотношение сил в политической системе Восточной Европы (которые представлены ключевыми векторами развития: рынок — общество — межгосударственные отношения). В заключение рассмотрим, как заставить «демократию» работать как в социальной, так и в рыночной сфере.

В своем докладе я не ставлю цель уточнить содержание определения демократии, это уже сделано; достаточно сказать, что демократия в том виде, в каком она существует сегодня, имеет множество граней и понятие демократии намного сложнее, чем это кажется на первый взгляд³. Многие

¹ Директор Центра управления и государственной политики Карлтонского университета (Канада), доктор философии, профессор политологии. Автор и редактор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Евразийская интеграция — взгляд изнутри» (в соед.), «22 идеи как исправить мир: беседы с известными мировыми мыслителями» (соед.), «Новые технологии в общественном управлении в отражении канадского и российского опыта» (соед.), «Демократия против модернизации, дилемма для России и мира» (соед.), «Россия — проблемы преобразования» (соед.), «Ювенальное правосудие в России» (в соавт.), «Новая Европа: влияние первого десятилетия. Варианты моделей» (соед.). Член Валдайского клуба. Награжден орденом Дружбы (Россия). Удостоен премии Посольства Канады в РФ за выдающийся и продолжительный вклад в российско-канадские отношения, премии за передовой опыт исследований от Карлтонского факультета общественных дел.

² Доклад представлен на XII Международные Лихачевские научные чтения (2012 г.).

³ Из огромного количества работ, посвященных определению данного термина, наиболее полезными можно считать следующие: *Archibugi D.* The Global Commonwealth of Citizens: Toward Cosmopolitan Democracy. Princeton, 2008; *Becker P., Heideking J., Henretta J. A.* Republicanism and Liberalism in America and the German States, 1750 – 1850. Cambridge, 2002; *Birch A. H.* The Concepts and Theories of Modern Democracy. L., 1993; *Dahl R. A.* Democracy and its Critics. Yale, 1991; *Idem.* On Democracy. Yale, 2000; *Diamond L., Marc P.* The Global Resurgence of Democracy. Baltimore, 1996; *Halperin M. H., Siegle J. T., Weinstein M. M.* The Democracy Advantage: How Democracies Promote Prosperity and Peace. L., 2005; *Held D.* Models of Democracy. Stanford, 2006; *Inglehart R.* Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton, 1997; *Lijphart A.* Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries. Yale, 1999; *Putnam R.* Making Democracy Work. Princeton, 2001; *Sen A. K.* Democracy as a Universal Value // Journal of Democracy. 1999. Vol. 10, № 3. P. 3 – 17; *Whitehead L.* Emerging Market Democracies: East Asia and Latin America. Baltimore, 2002.

зависит от смысла, который мы вкладываем в это слово¹. Одно из возможных определений ставит во главу угла системные гарантии свободы от посягательств политической власти, творящей произвол. При таком подходе мы движемся в привычном направлении исследования гарантий прав граждан с либерально-индивидуалистических позиций. С другой точки зрения демократия рассматривается как специфическая форма правления (управления гражданами). Однако согласно третьей трактовке демократия анализируется исключительно с точки зрения экономического развития. И действительно, в контексте классической либеральной традиции демократия неотделима от рыночной капиталистической системы². Но даже среди этих разных точек зрения существует основополагающее понятие, что демократия как проект, идея или факт — вещь хорошая и, несмотря на ее несовершенство, альтернативы ей нет.

Начнем с того, как разные стороны понимают потребность в «демократии» и как этим понятием манипулируют, когда приходится на практике определить интересы и потребности отдельной личности и всего коллектива. Главные субъекты этого процесса — «люди» и правящие группы региона. Рассмотрим, чего они ждут от демократии.

1. Первая группа: народ (граждане Восточной и Центральной Европы)

Я полностью признаю ценность прав личности, в частности, когда их ущемляют и отказывают в их предоставлении. Но в рамках дебатов о том, как понимать и чем измерять демократию, существует еще один серьезный и недооцениваемый аспект, о котором напоминает Иммануил Валлерстайн в своей книге «Закат американского могущества». Возможно, для большинства населения в Восточной Европе, а также во многих переходных обществах качество управления и политического процесса измеряется иначе³. У большинства людей, вовлеченных в процесс социально-экономических перемен, политические приоритеты и ценности сосредоточены прежде всего на: а) перспективах своего материального благополучия и благополучия своих детей (и опасениях последствий увеличивающегося материального неравенства); б) коррупции и, наконец, в) возможности быть равноправными гражданами внутри государства (путем устранения источников дискриминации, основанных на возрасте, недееспособности, половой, этнической принадлежности и т. д.). Самым распространенным требованием демократизации «среднего человека» является в значительной мере требование более справедливого распределения доступа к здравоохранению, образованию, источникам дохода, экономической и личной безопасности. Нет ничего

¹ Иммануил Валлерстайн предлагает рассматривать демократию с точки зрения «среднего» гражданина, а не представителя элиты (см.: *Wallerstein I. The Decline of American Power. N. Y. ; L., 2003. P. 150*).

² В данном подходе я обращаюсь к наиболее интересным в последние годы идеям, высказанным в работах: *Olson M. Dictatorship, Democracy, and Development // The American Political Science Review. 1993. Vol. 87, № 3 (Sept.). P. 567 – 576 ; Ha-Joon Ch. Bad Samaritans. L., 2008 ; Wolin Sh. S. Democracy Incorporated: Managed Democracy and the Specter of Inverted Totalitarianism. Princeton, 2008.*

³ Гражданские свободы последовательно рассматриваются как социально значимые, желательные и важные. Например, последние 15 лет более 55 % россиян поддерживают «демократию».

странного в том, что люди беспокоятся о себе и своих семьях, что они хотят прожить жизнь в добром здравии, дать образование детям, чтобы расширить их возможности в жизни, и переживают за стабильность своих доходов. На всех этих фронтах мы видим разнородную картину в странах Восточной Европы, в России — массовое отступление в 1991 — 2001 годах; слабое и неравномерное улучшение с 2001 по 2011 год. Неравное участие в «переходной ренте» представляется главной причиной растущей пропасти между демократически избираемой элитой и общественностью. В этом же глубинные причины роста новой разновидности радикального популизма¹.

Таким образом, граждане активно поддерживают демократию, но выгоды от нее воспринимают скорее через призму общественной безопасности, системной стабильности и справедливости, а не обеспечения фундаментальных свобод. Демократия рассматривается как инструмент достижения социального достоинства личности, которое обеспечивается приемлемыми условиями жизни и безопасности. Поскольку большинство стран Восточной и Центральной Европы этих целей не достигают, там наблюдаются рост цинизма и отстранение от политики (а значит, и от проекта демократизации как такового)².

¹ Результаты социологического исследования "The Life in Transition Survey II", проведенного в 2010 году Европейским банком реконструкции и развития совместно с Мировым банком, свидетельствуют, что здоровье и образование находятся на первом и втором местах в смысле необходимости получения дополнительного финансирования со стороны государства. Двое из трех опрошенных в 39 тыс. домохозяйств из 34 европейских «переходных» стран ответили, что их правительства должны тратить больше денег на эти две самые важные области — здравоохранение и образование. Например, примерно 40 % албанцев считают образование приоритетным направлением, требующим дополнительного финансирования. 33 % респондентов назвали здравоохранение самой важной статьёй расхода. Во всех остальных трансформирующихся и западных странах, участвовавших в исследовании, первостепенная роль была отведена здравоохранению. Две трети эстонцев, принявших участие в опросе, сказали, что их правительство должно выделять больше денежных средств на системы образования и здравоохранения. Примерно пятая часть считает, что дополнительные средства должны быть выделены на борьбу с бедностью, а около 80 % опрошенных ответили, что необходимо больше тратить на преодоление пропасти между богатыми и бедными. В Польше половина опрошенных желала бы, чтобы правительство выделяло больше дополнительных средств на здравоохранение. Около 25 % предпочли бы, чтобы их правительства сосредоточили свои усилия на образовании, а 12 % хотели бы больше средств на выплату пенсий. В Словакии примерно половина респондентов высказалась в пользу дополнительных расходов на медицинскую помощь, а около 25 % предпочли бы, чтобы их правительство выделяло больше средств на образование. Одна треть словенцев желают, чтобы выделялось больше государственных расходов на здравоохранение, а одна пятая — на образование. Около 15 % словенцев назвали приоритетными направлениями улучшение пенсионного обеспечения и поддержку бедных. Почти треть опрошенных русских высказалась в пользу увеличения финансирования государственной системы здравоохранения. Среди областей приоритетного финансирования были образование, жилье, пенсии, а также поддержка бедных. Согласно последним данным исследования, проведенного Eurobarometer в 2009 году, 44 % европейцев считают, что самым ценным для человека является уважение к его жизни; за ним следует мир (42 %) и права человека (40 %). Согласно результатам этого исследования, другие личные ценности значительно отстают: демократия (24 %), личная свобода (24 %), верховенство закона (20 %) и др. Уважение к человеческой жизни вытеснило такой показатель, как права человека, который в аналогичном опросе 2008 года был указан как самый важный. В августе 2010 года Всероссийский центр изучения общественного мнения провел опрос общественного мнения о том, чего боятся русские и что вызывает их тревогу. Большинство, около 41 % респондентов, беспокоятся по поводу уровня жизни, 28 % обеспокоены состоянием здравоохранения, 26 % беспокоят проблемы молодежи и только 11 % выразили озабоченность по поводу демократии и прав человека. Эмпирическое подтверждение приведенным данным можно найти в обширном исследовании ЕБРР: The Life in Transition Survey I и на сайте: <http://www.ebrd.com/pages/research/publications/special/transitionII.shtml>

² В социологическом опросе "Life in Transition Survey II" по вопросу о предпочтениях в политической и экономической системе говорится следующее: в послекризисный период на-

2. Вторая группа: правящие круги¹

Демократизация в Восточной и Центральной Европе практически означала освобождение — «либерализацию» — узкого круга деловой/политической элиты от почти любого юридического или общественного контроля. Преимущества демократии оказались доступны лишь небольшой группе. Главная проблема внедрения/закрепления демократии в середине и конце 1990-х годов в Восточной и Центральной Европе и России заключалась в том, что лишь немногие смогли в полной мере насладиться плодами нарождающегося демократического общества, создателями которого были такие лидеры, как Лех Валенса, Вацлав Гавел и Борис Ельцин.

«Похищение демократии» осуществлялось довольно просто. Наиболее влиятельные люди того времени покупали доступ к политическому процессу, к распределению/приватизации собственности, средствам

блюдается снижение положительного отношения к демократии во всех европейских странах с переходной экономикой, за исключением Болгарии. Согласно опросу общественного мнения в странах ЕС, проведенному Eurobarometer 72 в октябре и ноябре 2009 года, менее одной трети европейцев испытывают доверие к своим национальным политическим институтам: 29 % доверяют своим правительствам, 30 % из них доверяют своему парламенту, а 65 и 63 % придерживаются противоположного мнения. Примечательно, что уровень доверия упал со времени предыдущего опроса, проведенного весной 2009 года. В Латвии и Литве менее 10 % опрошенных доверяют политическим институтам своих стран. Процент чуть выше (20 %) в Ирландии, Венгрии, Польше, Румынии и Великобритании. Во Франции 73 % населения не доверяют своему правительству и 64 % не доверяют парламенту. Подавляющее большинство (79 %) европейцев не испытывает доверия к своим политическим партиям, что оказывается на три пункта ниже по сравнению с предыдущим исследованием весной того же года. Эти опросы показывают, что растет число людей, неудовлетворенных тем, как работает демократия в их странах. В социологическом исследовании, проведенном осенью 2007 года, был задан вопрос о том, как народ воспринимает демократию в своих странах и в Евросоюзе. По сравнению с предыдущим опросом количество недовольных национальными демократиями возросло. Наиболее недовольны народы Литвы (79 %), Румынии (79 %), Болгарии (77 %), Латвии (76 %) и Венгрии (76 %). Население Скандинавских стран гораздо лучшего мнения о своей национальной демократической системе.

В Дании 91 % населения доволен своими национальными политическими институтами, так же как 81 % шведов, 69 % финнов, 76 % австрийцев и 68 % немцев. "Economist Intelligence Unit" по индексу демократии 2010 года сообщает, что в период между 2008 и 2010 годами оценка демократии снизилась в 19 странах Восточной Европы. Доверие к национальным правительствам среди стран Восточной Европы упало с 38 % в 2006 году до 43 % в 2009-м. Общественное доверие к национальным политическим партиям является особенно низким в 12 странах Восточной Европы (в 10 странах — новых членах Евросоюза, в Хорватии и Македонии), где менее 10 % населения доверяют своим партиям. Лишь одна пятая опрошенных ответили, что они доверяют своему правительству и парламенту. В апреле 2011 года Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) провел опрос об интересе россиян к политике, источниках информации, которые они предпочитают, и о том, говорят ли они о политике с друзьями. По данным этого исследования, россияне становятся все более деполитизированными. За последние шесть лет количество людей, интересующихся политикой, сократилось с 48 до 39 %. В январе 2010 года в рамках общественного опроса в России респондентам был задан вопрос: что, по их мнению, является более важным, демократия или порядок? Большинство — 72 % — считают, что порядок важнее. На вопрос «Что такое порядок?» большинство ответило, что это «политическая и экономическая стабильность государства». Вторым по популярности ответом был «конец борьбе за власть, распад страны», третьим — «социальная защита населения с низкими доходами». В июне 2011 года ВЦИОМ задал вопрос: «Почему, по вашему мнению, люди устали от политики?», и 62 % российских граждан ответили, что они устали от отсутствия реальных действий, а 41 % ответил, что устали от того, что политики обманывают простых людей. Подробную информацию можно найти на сайте: <http://www.newsland.ru/news/detail/id/729820/cat/42>

¹ Определение дано властью преобладающей (власть здесь понимается как установление высшего уровня социального и экономического послушания); в регионах такая власть принимает форму практически безраздельной социально-политической и экономической власти (три в одном).

массовой информации, выборам на всех уровнях, а также к политикам и людям, принимавшим ответственные решения (иными словами, они купили непредставительную долю всех гражданских свобод). Таким образом, избранное меньшинство смогло поставить закон себе на службу, защитить себя и свою собственность и тем самым стать фактическими собственниками государства, а значит, и узким кругом бенефициаров демократии. С политической точки зрения это означало освобождение элиты, состоящей главным образом из видных политиков и бизнесменов, от государства, от исполнительной власти, которую оно олицетворяет, и от остального населения. Россия представляет собой интересный случай, поскольку даже по не слишком взыскательным стандартам Центральной и Восточной Европы конца 1990-х годов «демократизация для немногих» достигла непропорционально большого уровня. Стали скандально возможными покупка выборов или влияние на их итоги. После смены политического руководства в 2000 году (начало восьмилетнего президентства Владимира Путина) позиция Кремля заключалась в разработке гибридной «суверенной демократии»¹. Если расшифровать это понятие, а не судить его, то оно многое может сказать о страхах и целях элиты, как мировой, так и национальной. «Суверенность» при этом подходе означает способность режима (экономическая независимость, военная сила и способность противостоять глобальному давлению и «иностранному влиянию») быть независимым и неподотчетным на международной арене, но также и «независимым» от *собственного населения*.

«Демократия» в данном случае означает открытость для перемен, создание возможностей для правящих кругов управлять посредством реформистских стратегий, получать поддержку со стороны общества (поскольку большинство россиян поддерживает идею демократии), но не слишком большое доверие самому обществу. Создается иллюзия политического плюрализма, но исключается малейшая вероятность превращения политики в заложницу господствующего капитала и одновременно политической воли своих граждан. Таким образом, выборы являются «свободными и демократическими», в то время как их результаты практически находятся под контролем и полностью предсказуемы.

Эти режимы весьма прагматично рассматривают глубоко идеологический термин «демократия», трактуя его как слияние — по меткому наблюдению Ричарда Саквы — веры правящей элиты одновременно в экономический либерализм и политический консервативный авторитаризм².

В своем труде «Общая теория занятости, процента и денег» Джон Мейнард Кейнс отмечал, что в конечном счете людьми правят идеи и вряд ли что-то иное. Но встает важный вопрос: чьи идеи? и кто выигрывает от этих идей? Понятие «демократия» едва ли оспаривается в Центральной и Восточной Европе, но: а) значение демократии и практические последствия ее реализации вызывают раскол в обществе и экономике; вместо того чтобы быть общественно-идейным объединяющим началом, демократия стала ареной внутреннего соперничества по трем направлениям: доступ к либерально-установленным правам, доступ большинства граждан к переосмысленным социально-экономическим коллективным правам и сохранение властных

¹ Коммерсантъ. 2006. 29 июня. URL: http://www.kommersant.com/p686274/r_1.html

² Sakwa R. Putin: Russia's Choice. L., 2007. P. 97.

отношений путем узаконения доступа к власти, собственности и политике стремящейся к ним элиты; б) «настоящая демократия» в странах Центральной и Восточной Европы до сего времени служила меньшинству, которое ею манипулирует; в) подобная демократия узаконила закрепление социально-экономической власти правящей группы с целью создания нераздельной общественной власти и *капитализации демократии*.

С точки зрения политической экономии, а также в соответствии с основной мыслью данной книги (*демократия и модернизация*) мы наблюдаем в Восточной и Центральной Европе процесс переформулировки понятия «демократия» политико-экономической и бюрократической элитой для консолидации в ее руках единой общественной власти. Таким образом, «демократия» обслуживает государство (и его элиту) и становится незаменимым инструментом для его развития, коль скоро она служит «его целям». Итак, мы естественно подходим ко второму вопросу: демократия с какой целью?

Превращение демократии в товар и капитал

Начну с краткого обзора основных точек зрения на анализ связи между демократией и рынком. Затем рассмотрю основное теоретическое положение данной части доклада, которое заключается в следующем: «демократия превращается в капитал посредством превращения в товар». И наконец, коснусь вопроса о связи демократии с властью.

В своей книге «Недобрые самаритяне» Чхан Ха Джун подводит итог дискуссии о связи демократии со свободным рынком, помещая ее в своеобразный треугольник. Он придуман теми, кто полагает, что демократия «необходима для экономического развития, поскольку защищает граждан от произвольной экспроприации собственности правителями»¹; теми, кто считает, что если рынок «пострадает от избытка демократии, последнюю можно принести в жертву во имя защиты свободного рынка»² (в качестве примера можно привести сторонников Чили при Пиночете); и «конструктивистским лагерем», представители которого утверждают, что демократия — естественный побочный продукт рынка, потому что она «производит образованный средний класс, естественно стремящийся к демократии». Несмотря на существенные расхождения в точках зрения, Чхан утверждает, что либералы едины в том, что демократия и экономическое развитие укрепляют друг друга по принципу восходящей спирали взаимной поддержки: демократия поддерживает «свободные рынки и способствует их развитию; со своей стороны, свободные рынки способствуют экономическому развитию, которое еще более упрочивает демократию»³.

По мнению Чхана, в этом кроется главное заблуждение — «что бы ни говорили неолибералы, между демократией и рынком происходит столкновение на фундаментальном уровне. Демократия опирается на принцип «один человек — один голос». Рынок же действует по принципу «один доллар — один голос». Я достаточно широко пользуюсь аргументацией Чхана,

¹ Ha-Joon Ch. Op. cit. P. 171.

² Ibid.

³ Ibid.

поскольку он бросает вызов сразу двум школам мысли: неолиберальной идее с ее операционной парадигмой и тем (остальным), кто критикует ее. На мой взгляд, «демократия не связана естественным образом» с рынком и не имеет какой-то специфической «внутренней ценности» (как полагает лауреат Нобелевской премии Амартия Сен), которая должна быть одним из критериев оценки и/или развития¹. По моему мнению, новая мутация «демократии» в Центральной и Восточной Европе точно отражает ее исторический архетип, возвращаясь к своим корням после многовекового развития в других местах. По сути, современная демократия в Центральной и Восточной Европе стала одомашненным (но по-прежнему полезным, если не незаменимым) элементом рынка с вытекающими отсюда глубокими социальными, политическими и экономическими последствиями (они будут рассмотрены далее).

Однако прежде чем мы придем к этому заключению, нам необходимо обратиться к работе Карла Поляни «Великая трансформация». Основополагающий тезис этой работы заключается в следующем: «Для функционирования индустриального общества необходимо, чтобы все факторы производства продавались»². Иными словами, чтобы рыночная система функционировала, все, что может быть превращено в товар, должно быть превращено в товар с учетом его стоимости, устанавливаемой рынком посредством сделок. Все продается и все покупается — свободный рынок полностью преобразил общество: теперь уже не экономика является «неотъемлемой частью» прочих общественных связей, а общественные связи становятся неотъемлемой частью экономической системы³. Глобализация (или, скорее, интернационализация до мирового размаха) увеличила масштабы и глубину этого процесса; по своей сути глобализация — это превращение общественных отношений в товар в масштабах всего мира.

Демократия и демократические институты действуют в этих рамках (или, если хотите, в рамках рыночной экономики). В таком случае возникает вопрос: учитывая, что все отношения в обществе в какой-то степени превращены в товар, может ли сама демократия быть товаром? Здесь можно выделить два подвопроса: каким «товаром» может стать демократия и можно ли демократию «рассматривать как товар» в реальных рыночных условиях? Первый ответ, с моей точки зрения, вытекает из присущей рынку тенденции превращать в товар все, включая нормы здравоохранения, права человека, систему социального обеспечения, окружающую среду, а также саму демократию. В реальных рыночных условиях 1990-х годов демократия в Центральной и Восточной Европе и в России стала товаром подобно всему прочему («нечто», что можно купить и продать на «демократичном рынке»). Повторю: покупая доступ к политическому процессу, собственности, средствам массовой информации, покупая выборы или влияя на них на любом уровне, приобретая политиков и людей, от которых зависит принятие важных решений, влияя на суды и полицию (другими словами, покупая гражданские свободы), избранная горстка людей *де-факто* способна превратить государство в свою *собственность* и наслаждаться плодами демократии. Иными словами, все аспекты либеральной демократии были разбиты на лоты и проданы,

¹ Sen A. Op. cit.

² Polanyi K. The Great Transformation. Boston, 2001. P. 43.

³ Ibid. P. 60.

вследствие чего вся демократическая система, какой мы ее знаем, была превращена в товар, и сейчас происходит товаризация демократии.

Я назвал этот процесс *превращением демократии в товар*¹. В связи с этим можно было бы возразить, даже если это не единственный случай в истории, что купля и продажа демократии (ее институтов и прав) является отклонением, вызванным или высоким уровнем коррупции политических и социальных слоев, или деформацией того или иного режима (главным образом авторитарного). По моему мнению, хотя в подобных аргументах есть доля правды, в них недооцениваются тесные связи, которые существуют между «свободным рынком» и «демократией». Ниже я попытаюсь доказать, что демократия сначала органично встраивается в рыночную систему, затем превращается в товар и становится младшим братом-близнецом свободного рынка (а значит, делается незаменимой для современного государства и, в более широком смысле, для развития/модернизации). Чтобы это сделать, я проанализирую *демократию как товар* в более широком (рыночном) контексте: капитал — рынок — общественные отношения.

В недавно изданной книге Шимсона Бихлера и Джонатана Нитцана «Капитал как власть» авторы убедительно говорят об отношениях между капиталом и властью. Я в какой-то степени позаимствую их аргументы в процессе доказательства того, что «демократия — это товар»². Начну с достаточно пространной, но полезной цитаты из этой книги: «Власть капиталистического толка рассчитывается с точки зрения цен и капитализации, действуя через все более охватывающую систему ценообразования <...> Капитализация уменьшает конкретную траекторию предполагаемого роста доходов <...> Обратите внимание, что это не "экономическая власть". Это и не "политическая власть", которая каким-то образом искажает экономику. Вместо этого мы здесь имеем дело с *организованной властью в целом*. Многочисленные властные институты и процессы — от идеологии через культуру к организованному насилию, религии и закону; национальность, пол, международные конфликты, трудовые отношения, производство и инновации — все это факторы дифференциации и непостоянства доходов. Когда эти доходы с их непостоянством дисконтируются в капитальную стоимость, лежащие в их основе властные институты и процессы *становятся* частью капитала. А поскольку капитал — это товар, который можно покупать и продавать на финансовых и фондовых рынках, его относительная стоимость представляет собой *товаризацию власти*. С этой точки зрения мы уже не можем говорить о соотношении "экономической эффективности" и "политической власти" или разграничивать такие понятия, как "экономическая эксплуатация" и "политическое угнетение". Вместо этого налицо единый процесс

¹ Безусловно, эти явления не являются специфическими для отдельно взятого региона: купка выборов (см. недавно принятое Верховным судом США крайне важное решение по делу «Граждане США против Федеральной избирательной комиссии (558US 08-205)», в котором говорится, что корпоративное финансирование независимого политического вещания во время выборов не может быть ограничено), влияние на политиков (в 2008 г. лоббирование в США было приравнено к налогооблагаемому бизнесу стоимостью в 4 млрд долларов); отдельные политики превращают в товар места в Сенате США (скандал по делу Рода Благовевича, экс-губернатор штата Иллинойс приговорен к 14 годам тюремного заключения за коррупцию, торговлю государственными должностями за престижные места в других областях. — *Примеч. пер.*) и др.

² Nitzan J., Bichler Sh. Capital as Power. A study of order and creorder. L., 2009.

накопления капитала / становления государства — процесс реструктуризации, посредством которого *власть накапливается подобно капиталу*¹.

Таким образом, по аналогии, демократия как «фиктивный товар» или «товаризованная нетоварная продукция» суть неотделимая часть капитала, а значит, неотделимая часть рынка и, следовательно, неотделимая часть государства — рыночного механизма. Другими словами, демократия — это не только инструмент легитимизации для властной элиты (то есть ее второстепенная задача); главная ее задача состоит в том, чтобы служить капиталу и государству, обеспечивая капиталу имущественные права, стабильность и легитимность. В этом смысле рынок уже не может развиваться без определенного уровня демократии; долгосрочная модернизация не может быть осуществлена без определенного уровня демократизации системы. Вот почему демократия как идея и демократия как практика стали частью «организованной власти в целом», как отметили Нитцан и Бихлер.

А сейчас проведу *анализ демократии как власти*. Обобщая все вышесказанное, ответчу на вопрос, поставленный в начале данной части: для чего нужна демократия? «Капитализация демократии» делает ее неотъемлемой частью долгосрочного капиталистического развития, поскольку демократия представляет собой чудодейственное средство, особенно для рынков стран Центральной и Восточной Европы (модернизация, рост, развитие и т. д.). Поясню. Бурные годы преобразований с начала 1990-х до конца десятилетия породили классический набор рынков (финансовый, товарный, рынок труда и информации). Здесь переплетаются два важных момента. Во-первых, в силу довольно неэффективной работы институтов и государства (а значит, и судебной-исполнительной власти) имущественные права (столп рыночного развития) являются слабыми и слабо защищены; они нестабильны, и ими манипулируют в политических целях. Во-вторых, в силу специфики приватизационных процессов в странах Центральной и Восточной Европы и России (некоторые называют их «грабительской» или «криминальной» приватизацией, когда гигантские государственные активы были за бесценок отданы нескольким избранным личностям, имевшим доступ к национальным/региональным политическим ресурсам и знавшим о намерениях государственных властей раньше других), они не имеют легитимности в глазах широкой общественности; таким образом, налицо не только ненадежная защита собственности, но и неуважение к чужой собственности со стороны подавляющего большинства населения.

Для бюрократической, политической и деловой правящей элиты стабилизация собственности, легитимация собственного существования и предотвращение социальных волнений (или разговоров о пересмотре итогов приватизации 1990-х гг.) изнутри и снаружи — вопрос жизни или смерти. И здесь на помощь приходит демократия, которая была представлена внутренними и международными элитами как единственно возможное решение социально-экономических проблем периода трансформации. Но из этого средства «от всех болезней» были отобраны и претворены в жизнь (порой небрежно) лишь некоторые его аспекты (или «ингредиенты») — например, «свободные выборы», свобода перемещения и защита частной собственности

¹ Nitzan J., Bichler Sh. Op. cit. P. 9–10.

(в частности, признание всех приватизационных механизмов, даже самых неприглядных). Таким образом, демократия служила крайне важным экономическим рычагом, способствующим формированию рынков и обеспечивающим легитимизацию нового класса собственников¹. В качестве одной из гражданских свобод демократия прежде всего обеспечивала гарантии набора прав на частную собственность и юридические гарантии в виде неотъемлемого процессуального права (и таким образом демократия стала столь же важным инструментом экономического преобразования региона, как и экономическая политика).

¹ Например, в случае с Россией доминантный тип накопления правящей группой Ельцина (1991 – 2000) был обусловлен симбиозом олигархов (большой бизнес, размещенный в России), высших эшелонов государственной (центральной и региональной) бюрократии и кремлевской элиты, что привело к свержению крупными структурами. Механизм накопления был сложным и динамично менялся, отражая внутреннюю (политическую) структуру власти и изменение власти господствующего капитала. Основные противоречия (и меняющиеся интересы, которые отражали динамическую реальность на внутреннем и международном рынке) между политической и бюрократической властью и господствующим капиталом определили динамику всей системы. На первом этапе (в период до ваучерной приватизации 1993 – 1994 гг. и аукционов «акции в залог под кредиты» 1995 – 1996 гг.) доступ к политической власти меняли на прибыль и гарантии предоставления должностей и разрешений (в сфере торговли в ходу были лицензии на импорт и экспорт, все виды разрешений, приватизация недвижимости, предоставление квот и государственных контрактов). Капиталисты в России начали консолидировать свои позиции еще в 1992 – 1993 годах с помощью инновационной стратегии межотраслевых слияний и поглощений под названием ФПГ (финансово-промышленные группы). Они увеличивали свои прибыли, просто не уплачивая налоги, и обезопасили свои доходы — в условиях крайне нестабильной рыночной среды, — переводя деньги за границу и лишая внутренние активы их «реальной» стоимости. Эта схема существенно изменилась с появлением новой движущей силы в виде аукционов «акции в залог под кредиты» — исконно русского изобретения деловой и политической элиты, которая юридически, де-факто передала «семерке доверенных лиц» Кремля (и единственному человеку, который не был банкиром, доверенному лицу Кремля Борису Березовскому) жирный кусок государственного имущества, в том числе ряд подлинных сокровищ российской экономики. На данном этапе логика экспансии капитала заключалась только в одном — «проникнуть и изменить характер самого государства».

Однако олигархи оказались в экзистенциальной дилемме — иметь слабое государство было хорошо для бизнеса (без налогов, коррумпированных чиновников и т. д.), но иметь слишком слабое государство было для бизнеса плохо (их основная проблема заключалась в том, что государство было слишком слабым, чтобы обеспечить безопасность/защиту прибылей господствующего капитала и права собственности). Они разрешили это, казалось бы, глубокое противоречие в истинно гегелевском духе, обратившись к понятию политики. Олигархам «пришлось все взять в свои руки» и заняться политикой. Во время переизбрания Бориса Ельцина (в июле 1996 г.) они оказали ему, гаранту их положения, мощную поддержку в духе лозунга «свистать всех наверх», что способствовало процессу «приватизации государства». Остальное было делом техники. Олигархи скупили национальные СМИ, взяли их под жесткий контроль и начали эффективно использовать, навязывая однобокое объяснение реальности. Они взяли под свой контроль глав регионов. Они укрепили свои позиции в силовых структурах. К моменту финансового кризиса 1998 года операция «приватизация государства» шла полным ходом. Со времен залоговых аукционов «акции в залог под кредиты» и переизбрания Ельцина политика (будучи по-прежнему необходимой) уступила первенство капиталу в процессе накопления. Но российским олигархам все было мало, и уже в середине 1990-х они начали активно искать международную поддержку капитала. Они стремились к возможности иметь транснациональную собственность для того, чтобы, с одной стороны, получить доступ к международному капиталу (чтобы взять больше власти внутри страны), а с другой — обеспечить себе доступ к безопасным инвестициям за рубежом. Продвигая «приватизацию государства», российские олигархи готовились к конкретному шагу: обеспечить себе слияние с международным капиталом и поставить экономику России на коммерческие рельсы. Дважды за последние 15 лет — в 1994 и 1996 годах — можно было купить треть активов России за 3 – 4 млрд долларов.

Ранее я задал вопрос: для чего нужна демократия? Надеюсь, ответ теперь прояснился. Она обеспечивает легитимность прав частной собственности, делает находящиеся у власти еще более могущественными и наделяет граждан фундаментальными правами и свободами (пусть и плохо прописанными), чтобы сделать их «частью процесса» (поскольку «гражданин демократического общества» — это не мятежник, а скорее и в первую очередь вечный потребитель). Следовательно, капитализация демократии означает также включение этого «проекта» в процесс развития и модернизации (теми, кто в данный момент держит этот процесс под контролем)¹. Таким образом, когда демократия превращается в товар, она становится частью процесса капитализации (она сама превращается в своего рода капитал) и, по логике, тоже подвержена процессам накопления, впрочем, не в смысле денег или ценных бумаг, а в смысле аккумуляции власти.

Демократия как власть

Взгляд на демократию с позиций политэкономии — пока еще плохо исследованная тема. А жаль, поскольку под этим углом зрения демократия представляется участницей заговора, суть которого в том, что демократию захватывает рынок/государство, а правящие элиты преобразуют ее в товар, служащий преимущественно интересам государства и частного капитала и являющийся частью единой властной сети. Довольно печальная история у столь красивой идеи и очень гуманного идеала! Но у демократии есть и другой, более позитивный аспект, заключающийся в том, что демократия — особенно в эпоху экономического спада и усиливающейся неопределенности — более желанна для правящих элит, поскольку она может амортизировать некоторые социально-экономические потрясения и дать системе бессрочное обоснование для ее увековечивания².

Таким образом, плюс в том, что фундаментальные права граждан гарантируются в более широком смысле, как неотъемлемая часть стабильности системы. Как отмечает Мансур Олсон, экономическое развитие и демократия требуют наличия одних и тех же предпосылок: «Интересно, что условия, необходимые для обеспечения прав личности, гарантирующих максимально возможное экономическое развитие, — это те же самые условия,

¹ Сами понятия «развитие» и «модернизация» требуют особого внимания, поскольку они кажутся настолько очевидными, что лишь немногие берут на себя труд ближе познакомиться с их истинным смыслом. Нестандартная и проникающая в суть точка зрения изложена в работе: Cowen M. P., Shenton R. W. *Doctrines of Development*. Routledge, 1996.

² Нитцан и Бихлер полагают, что этим процессом руководит процесс накопления: в итоге власть — это уверенность в послушании. Она выражается в том, что правители уверены в покорности подчиненных. Когда эта уверенность твердая, правители начинают активно формировать свое общество. Они рассматривают его траекторию как обычное и естественное явление, а к бунтам, восстаниям — даже революциям — относятся как к простым возмущениям спокойствия. Напротив, когда эта уверенность слабая, правители, как правило, реагируют, а не выступают с инициативами. Социальное развитие теряет свою когерентность, в то время как бунты, восстания и революции вдруг становятся проявлениями системного хаоса. В наше время капитал воплощает в себе основные взаимоотношения между доверием и послушанием. Процесс накопления представляет меняющуюся способность господствующего капитала — а именно ведущих корпораций и ключевых правительственных органов в эпицентре процесса — устанавливать контроль, формировать и преобразовывать общество вопреки оппозиции (*Nitzan J., Bichler Sh.* Op. cit. P. 17).

которые необходимы для обеспечения прочной демократии <...> Та же самая судебная-правовая система, независимая судебная власть и уважение к закону и правам личности, которые нужны для создания прочной демократии, требуются и для гарантии безопасности имущественных и договорных прав. Как вытекает из приведенных выше доводов, единственное общество, в котором созданы все необходимые предпосылки для того, чтобы имущественные и договорные права соблюдались на протяжении многих поколений, — это демократическое общество <...> С другой стороны, большое преимущество демократий — в недопущении чрезмерного социального профицита, которым могло бы пользоваться политическое руководство. У демократий есть еще одна несомненная добродетель: тот же самый акцент на правах личности, который необходим для создания прочной демократии, также необходим для обеспечения прав собственности и соблюдения договоров. Моральные достоинства демократии сегодня признаются почти повсеместно, но ее экономические преимущества и блага недооцениваются и не осознаются»¹.

Другими словами, демократия не есть «необходимая фикция»², как утверждает Славой Жижек. Напротив, она вполне реальная *товаризованная нетоварная продукция* на рынке, которая за счет гарантий прав и свобод, а также за счет легитимации системы помогает ей успешно функционировать благодаря определенному уровню уверенности в послушании.

Выводы

Все более явно становясь служанкой экономической и политической правящей элиты, демократия утрачивает первоначальную привлекательность и широкую социальную поддержку, которая раньше не вызывала сомнений. Это сказывается на основных тенденциях в современной рыночной системе (например, происходит деполитизация экономики, в результате чего снижается уровень ее социальной ответственности и она становится менее отзывчивой; государство все меньше участвует в системе социального обеспечения; система становится менее прозрачной и более авторитарной и т. д.).

Социальные последствия также налицо: от «арабской весны» до всплесков насилия на улицах Лондона, которые проявляются в том, что общество все меньше участвует в процессах управления и чувствует все меньше ответственности. Учащаются вспышки немотивированного общественного гнева, люди проявляют неуважение к закону и нормам, нарушаются права собственности, размывается «либеральное сословие». Позитивные демократические процессы заключаются в том, что демократии идут на колоссальный риск, смещая диктаторов, поднимая вопросы о более справедливом будущем для молодежи, привлекая больше внимания к проблемам защиты окружающей среды, разоблачая инертность элиты и т. д.³

Таким образом, картина вырисовывается тревожная, но не мрачно-унылая. Главный вопрос заключается в том, удастся ли нам заставить демокра-

¹ Olson M. Op. cit. P. 572 – 574.

² Žižek S. The Sublime Object of Ideology. L., 1989. P. 148.

³ Журналистское описание данного процесса можно найти в работе: *Hedges Ch. Death of the liberal class. Toronto, 2010.*

тию «работать», размежевав понятия «демократия» и «рынок» при сохранении свобод и решении социальных проблем? Как это ни удивительно, ответ — положительный: это можно сделать без ущерба для рынка, но «придется изменить существующий порядок вещей во власти и превратить граждан из зрителей в активных участников процесса»¹.

В данный момент мировые и национальные политические элиты еще не готовы для решения этой задачи.

ПЯТЬ МЫСЛЕЙ НА ТЕМУ МЕЖДУНАРОДНОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ²

Каковы основные причины начала распада глобальной системы и какие последствия этого процесса нас ожидают? Вот несколько соображений на эту тему.

1. Управление государством становится все сложнее независимо от общественного устройства — как для демократии, так и для авторитарного режима.

Все труднее облагать налогом богатых, сохранять социальный мир, бороться с терроризмом, объединять иммигрантов, поддерживать средний класс без особых затрат, не допускать забастовок.

Кризис 2008 — 2010 годов вызвал серьезные колебания в мировой экономике и политике. Его последствия до сих пор ощущаются всеми правительствами, потому что им становится сложнее контролировать события, происходящие в их странах. Этим объясняется тот непонятный процесс изменения мировых парадигм, который Зигмунт Бауман охарактеризовал как переход от «межвременья» к «новой норме».

Факторы нестабильности у каждой страны свои, они разные в Египте, Сирии, Франции, России, но их объединяет то, что все основные причины всегда порождаются событиями внутри самого государства. То есть, как правило, то, что мы называем международными проблемами, начинается у нас «дома». Для России, как и для большинства стран, проблемы, которые приходят извне, порождаются общественными проблемами, возникающими в пределах страны. То же самое мы наблюдаем и в Египте, Сирии, на Украине. Люди в странах — членах ОЭСР до 2008 года были уверены в завтрашнем дне, ведь 40 лет у них царил стабильность, была стабильная заработная плата, устойчиво развивались многие сектора экономики и будущее виделось если не лучше, то, по крайней мере, не хуже, чем сегодня. Сейчас это ощущение исчезло.

Почему так происходит?

Есть по крайней мере *два варианта* объяснения этого процесса.

А. Один вариант мы частично позаимствовали из умозаключений Ивана Крастева:

¹ Wolin Sh. S. Op. cit. P. 43.

² Доклад представлен на XV Международные Лихачевские научные чтения (2015 г.).

а) в экономическом смысле начиная с 1917 года (с ситуации в России) и заканчивая 1930-ми общество в целом и в особенности политики перестали надеяться на рынок как на лучший способ вложения инвестиций, в результате появились новые парадигмы. Уверенность в рынке была потеряна, и на ее место пришло доверие к правительству как органу, способному управлять экономикой и решать экономические проблемы. Такие настроения были характерны для Америки времен Рузвельта, сталинской России и нацистской Германии (появление кейнсианской модели);

б) противоположная ситуация сложилась в 1970-х на Западе, когда общество потеряло доверие к правительству как экономическому субъекту, но в то же время вернулась уверенность в рынке (то есть доминировала модель Хайека – Фридмана);

в) затем, в 1980-х годах, с приходом неолиберализма произошел переворот. Теперь на рынке доминировала свобода выбора, что открыло массу возможностей для инноваций, но также делегитимизировало саму идею общественного интереса. Капитализм дал людям богатство выбора во многих областях экономики и в социальной сфере. Но оборотной стороной этого процесса было то, что люди перестали беспокоиться о том, что происходит в обществе, чувство гражданского долга было сведено к минимуму. Все преследовали лишь свои личные интересы, общественные же нужды отошли на второй план.

В результате люди потеряли веру и в рынок, и в государство, поскольку недоверие к рынку не сопровождалось растущей уверенностью в государстве. Следующий шаг должен был привести к потере уверенности в рынке и, следовательно, к либеральной демократии.

На мой взгляд, таким образом мы вошли в период стратегической нестабильности, которую можно определить как неспособность к управлению на разных уровнях (используя старые методы управления).

Б. Зигмунт Бауман, известный макросоциолог, предложил другое объяснение. Если вкратце, то его аргументом является то, что даже крупные державы очень ограничены в возможности управлять, потому что мир находится в состоянии «межвременья». Так называемое «межвременье», согласно Бауману, — это обновленная версия модели, предложенной Антонио Грамши, в которой старые методы больше не работают, а новые и более подходящие еще не изобретены.

Межвременье было спровоцировано прогрессирующим разделением действующей силы (исполнительной власти) и политики (законодательной власти). Таким образом, получился разрыв между задачами и инструментами их исполнения, в результате исполнительные органы власти стали практически неконтролируемыми, а законодательные лишились необходимой опоры. Политика была по-прежнему направлена внутрь государства, в то время как мировая ситуация ставила более глобальные и межтерриториальные задачи. Далее Бауман утверждает, что наша взаимозависимость уже вышла на глобальный уровень, тогда как наши возможности ограничены внутренним управлением. И эта проблема глобальности задач и недостатка инструментов для их решения усугубляется с каждым днем.

Позвольте мне объединить оба подхода в один в свете их влияния на мировую политику.

Скажем вкратце: мы все еще лишены инструмента, который подходил бы для управления новыми политическими и экономическими явлениями на глобальном уровне, поэтому мы по-прежнему используем устаревшие инструменты, годные лишь для территориального этнического государства. Разрыв между законодательной и исполнительной властью приводит к тому, что становится все сложнее управлять при таком разбросе интересов и мнений. Исполнительные органы, кодексы законов и юридические процедуры еще не адаптированы к сложившейся ситуации.

2. Здесь возникает главная проблема власти.

Сначала я дам определение этой проблемы, а потом проанализирую ее. Понятие исполнительной власти многогранно и может иметь множество определений. Для определения понятия «власть» я буду опираться на три основные характеристики: власть — это уверенность в повиновении (теория Ницана и Бихлера), власть — способность действовать (следуя политическим решениям — теория Баумана) и власть — воплощение *внутренних проблем* государства (когда правительство пытается переложить внутренние проблемы государства на внешнюю политику. Ярким примером могут служить США, печатающие деньги).

1) *Позиция Баумана заключается в том, что разрыв между политикой и властью растет; я считаю, что мы имеем дело с двумя глобальными изменениями: одно — географическое (региональное — западно-юго-восточное) изменение власти, второе заключается в том, что в связи со всеми перемещениями у власти не осталось костяка, который был бы способен регулировать ее действия. Другими словами, власть все более и более лишена политического контроля.*

2) Сейчас неоспоримые лидеры во всех сферах — от религии до правительства и от вооруженных сил до финансовых институтов — все больше убеждаются в том, что они очень ограничены в своих действиях по отношению к власти. *Стало легче прийти к власти, сложнее ею пользоваться и намного легче ее потерять* (Мойзес Наим).

3) Во многих отношениях эти изменения во власти хороши. Общество стало более свободным, появилась свобода выбора. Избирателям есть из кого выбирать.

4) Но не стоит изображать все в розовом свете. Кризис власти становится очень ощутимым, когда дело доходит до решения серьезных мировых проблем, таких как глобальные угрозы. Есть большое количество вопросов, которые требуют коллективных международных действий. Это означает, что необходимо сотрудничество стран и объединение их политик на международном уровне. А это в последние годы оказывается все более сложно, а зачастую и просто недостижимо.

Ранее я сказал, что «власть все больше выходит из-под политического контроля». Исходя из этого,

3. Понятие суверенитета также подвергается серьезным изменениям.

Сначала я дам своего рода разъяснение понятия «суверенитет». «Суверен» — государство, которое управляет «доминирующим рационализмом своего развития». «Суверенные государства» в состоянии установить особый тип экономического рационализма, который вписывается

в их текущий этап развития. При этом более слабые страны заимствуют модель рационализма у более сильных. Это создает особое понимание рыночных, общественных и политических взаимоотношений на мировой арене, порождая определенные явления в обществе, такие, например, как споры о «малых государствах», «неолиберализме», «демократии», «свободной торговле». В обществе появляются определенные стандарты, установленные крупными странами, что приводит к некоторой асимметрии рационализма.

Внедрение рационализма есть фактическое подчинение, поскольку «доминирующий рационализм» служит главным образом тем, кто внедрил его в собственных интересах, и таким образом он искажает внутренние потребности государства, которое его заимствует. Другими словами, при заимствовании рационализма может возникнуть проблема глобальной совместимости заимствуемых стандартов с исторически сложившимися нормами заимствующего государства. Другим последствием «асимметрии рационализма» является то, что ориентация на чужие стандарты искажает внутреннюю систему государства, мешает государству преследовать собственные интересы и определять свое место на международной арене.

Мы можем прийти к выводу, что разделение понятий внутреннего и внешнего суверенитета становится устаревшим. Сейчас это единое понятие, главное значение которого заключается в том, что правительства государств *должны работать 24 часа в сутки, 7 дней в неделю, чтобы поддерживать суверенитет своего государства. А теперь настало время представить еще одну идею.*

4. Правильное понимание власти, суверенитета и либеральной демократии дает возможность предвидеть дальнейшее развитие.

1) Либеральная демократия не гарантирует стабильности правительству, так как на выборах даже самое демократичное правительство может быть свергнуто обывателями; таким образом, системный порядок разрушен, но...

2) Слишком сильный внутренний суверенитет может привести к образованию суверенитета правительства по отношению к своему народу.

Наконец, потенциальная реакция развивающихся экономических систем и «малых государств» не соответствует модели «Запад против остальных», она напоминает модель «мир за пределами Запада».

Если не брать во внимание формальный выбор (*либерализм или конфликт*), мы видим, что развивающиеся страны начинают строить «мир за пределами Запада», «обходя» существующий международный порядок. Все отчетливее прослеживается, что новые державы медленно, но неуклонно усиливают связи между собой во всех областях. Таким образом, они ослабляют узел галстука, который связывает их с либеральной международной системой, сосредоточенной на Западе. То, что происходит сейчас, является совместным усилием новых держав в построении параллельной многосторонней системы, которая обходит либеральный порядок и может привести к изменению мира, существующего сегодня.

Это является тревожным сигналом для многих людей, главным образом из-за привлекательности существующего либерального порядка и рисков, которые таит в себе неопределенность дальнейшего развития событий.

Также любопытен тот факт, что «остальные» предлагают *процесс* вместо *модели*. Вопрос не в том, могут ли эти новые институты «заменить» элементы мирового порядка, а скорее в том, будут ли они развиваться на том же уровне и в том же направлении спустя несколько лет.

5. Наконец, финальное замечание по многополярному миру.

Создание нового мирового порядка, о котором так много говорили 25 лет тому назад, не привело к успеху. После распада СССР США оказались не в состоянии управлять мировыми процессами. Справедливости ради нужно сказать, что многополярный мир, к которому так стремились, сегодня не обещает порядка, гармонии и равновесия. И это порождает целый ряд проблем, которые мы пока не готовы решать.

Т. И. Заславская¹

ВРЕМЕНА И ЭПОХИ НЕ ВЫБИРАЮТ²

Процесс преобразования оказался настолько сложным и имеющим столько компонентов, что совершенно невозможно, например, приклеить какому-то человеку, а тем более социальному слою ярлык сторонника или противника реформ. Ведь человек может, скажем, поддерживать введение частной собственности, но быть противником конкретных форм приватизации. Он может быть идейным сторонником либерализации экономики, но не принимать тех методов, которыми пользовалась «команда» Гайдара.

Одни считают, что реформы идут слишком быстро, другие — что слишком медленно, третьи — что необходимо усилить социальную защиту. Тысячи подобных позиций, проявившихся затем в реальной жизни, вносили свои коррективы в те упрощенные представления, которые господствовали во второй половине 1980-х годов.

Кстати, уже тогда я говорила, что деление общества по критерию отношения к переменам будет происходить не по социальным группам, а внутри каждой из них, что и произошло. Просто каждая из этих групп будет в разной пропорции делиться на поддерживающих перемены и их противников. А само разделение будет определяться, если так можно выразиться, ресурсом адаптации к новым, в общем-то более суровым условиям. Ведь рынок жесток.

¹ Российский социолог, экономист, политолог, академик РАН, доктор экономических наук, профессор. Автор около 170 научных работ, включая 15 монографий, в т. ч.: «Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция», «Социальная траектория реформируемой России» (в соавт.), «Современное российское общество. Социальный механизм трансформации» и др.

² Доклад представлен на Международную научно-практическую конференцию «Гуманитарная культура как фактор преобразования России» (1997 г.).

В сущности, за последние годы произошла подлинная перестройка социально-профессиональной структуры общества, явно направленная в рыночную сторону. Наиболее перспективны два типа социальных групп. Первый объединяет прямых носителей рыночного начала: крупных, средних и мелких предпринимателей, работников торговли и сервиса.

Ко второму относятся группы, обладающие дефицитными на современном рынке труда профессиональными качествами (это высшая интеллигенция, рабочая элита, работники силовых структур). Их труд пользуется высоким спросом и хорошо оплачивается, что облегчает адаптацию к новым условиям и способствует притоку активных представителей смежных групп в эту сферу деятельности.

С моей точки зрения, результаты трансформации можно охарактеризовать следующим образом. Во-первых, либерализовался и демократизировался сам процесс формирования социальной структуры. Во-вторых, она стала более подвижной и дифференцированной, типы социальных статусов — более многообразными. В-третьих, во много раз выросла открытость элиты и субэлитарных групп. Вот вам характерный пример: госдачи номенклатуры прятались за высокими заборами, а коттеджи «новых русских» красуются на виду у всех.

Но здоровая тенденция социальной дифференциации сопровождается, к сожалению, углублением статусного разрыва между элитой и основной частью общества. Благосостояние большинства групп населения резко снизилось, а система социальной защиты фактически пребывает в коллапсе. В результате вместо ожидавшегося социального партнерства демократической власти с народом произошло дальнейшее усиление антагонизма «верхов» и «низов».

В-четвертых, возник новый элемент социальной структуры — слой предпринимателей-собственников и менеджеров (бизнес-слой). Обладая значительной социальной энергией и существенным экономическим статусом, этот слой потенциально способен содействовать эффективному развитию реформ. В то же время нынешние условия его функционирования нельзя назвать благоприятными.

Еще одна любопытная тенденция: усиливается прямая зависимость нашего социального статуса от социокультурных факторов — качества образования, уровня квалификации, профессионального опыта, что связано с процессами приватизации в экономике и становлением свободного рынка труда (конкуренция!). Например, опросы последнего времени фиксируют у молодежи интерес к повышению образования и квалификации, к сложной, но хорошо оплачиваемой работе. Ситуация противоречива. Общее направление трансформации социальной структуры носит, на мой взгляд, прогрессивный характер. Но позитивные сдвиги пробивают дорогу через тернии негативных. Социальная цена реформ оказалась крайне высокой. И теперь задача состоит в том, чтобы максимально использовать достигнутые положительные результаты и нейтрализовать отрицательные. Причем главное — решить проблему адаптации различных групп населения к новой социальной реальности.

К МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ¹

Период крутых общественных изменений, переживаемый нашим обществом с середины 1980-х годов, в течение первых нескольких лет носил название «перестройки». После распада СССР и смены правящей элиты этот термин сначала уступил место «реформам», а еще позже — «переходу» (без указания откуда — куда). И только в последние годы был найден термин, наиболее точно выражающий суть и особенности происходящего в России процесса — «социальная трансформация». Наша цель — определить сущность социальной трансформации постсоциалистических обществ.

Под социальной трансформацией общества понимается обусловленное внешними факторами и (или) внутренней необходимостью ускоренное (происходящее в исторически краткие сроки) качественное изменение социальной природы или социетального типа общества. Движущими силами этого процесса служат, с одной стороны, правящий слой с примыкающей к нему высшей бюрократией, а с другой — социально зрелые, дееспособные и активные представители массовых общественных групп, в первую очередь — средних слоев. Социальная трансформация является, на наш взгляд, скорее стихийным, чем планируемым и управляемым процессом.

Главными чертами, отличающими «трансформацию» от «перестройки», «перехода», «реформ» и других сходных понятий, служат: 1) направленность на изменение не отдельных характеристик, а сущностных черт, определяющих социетальный тип общества; 2) существенная зависимость результатов процесса от деятельности и поведения не только правящей верхушки, но и массовых общественных групп; 3) неизбежность общественной анемии, вызываемой интенсивным разложением старых общественных институтов, опережающим создание новых; 4) снижение управляемости, усиление стихийных элементов общественного развития, обуславливающее возможность как ускоренного развития, так и деградации общества; 5) непредсказуемость окончательных результатов процесса. Сочетание этих признаков достаточно характерно для большинства постсоциалистических стран, и в первую очередь — для России.

Социальная трансформация (преобразование, перерождение) общества представляет собой гораздо более глубокий, сложный и менее изученный процесс, чем целевое реформирование тех или иных институтов. Чтобы конкретизировать представление о сущности трансформационного процесса, необходимо определить, в изменении каких элементов или характеристик общества он проявляется, в чем выражаются его результаты и по каким критериям их можно оценивать.

Понятие «социетальный тип общества» синонимично понятию «общественное устройство», эмпирическим референтом которого служит система общественных институтов. Исходя из этого, надо признать, что содержанием трансформационного процесса является качественное изменение институциональной структуры общества. Однако речь идет не о всей структуре,

¹ Доклад представлен на Международную научно-практическую конференцию «Гуманитарная культура как фактор преобразования России» (1998 г.).

а лишь о нескольких наиболее важных институтах, качество и характер которых определяют тип данного общества. К числу таких институтов мы относим: власть, собственность, гражданское общество, права и свободы человека.

Оценить качество названных институтов можно с помощью соответствующих типологических показателей (таких как прочность, демократичность и эффективность власти, развитость и защищенность частной собственности, многообразие структур гражданского общества, широта и надежность прав человека и пр.). Прямыми результатами социальной трансформации общества служат качественные сдвиги в типобразующих институтах, которые определенным образом соотносятся с потребностями общества. Здесь возможны разные ситуации: от полного или частичного совпадения до противоположности и антагонизма.

Но преобразования общественных институтов сами по себе служат довольно поверхностным показателем итогов социальной трансформации. Более глубинным (хотя на первый взгляд косвенным) результатом этого процесса является преобразование социально-групповой структуры общества.

В связи с этим необходимо заметить, что институциональная и социально-групповая структуры представляют собой различные, но неразрывно связанные «проекции» более сложного и многомерного феномена — социальной структуры общества. При этом институциональная структура ближе к поверхности общественной жизни, носит более явный характер и потому более управляема, а социально-групповая структура, напротив, более скрыта, латентна, требует специальных методов изучения и не приемлет прямых мер управления.

Преобразовать социально-групповую структуру можно только через реформирование соответствующих институтов. Зато каждое серьезное изменение институтов сопровождается соответствующим сдвигом в социально-групповой структуре общества. В этом смысле институциональную структуру можно назвать «ведущей», а социально-групповую — «ведомой». Однако из сказанного не следует, что первая структура в каком-то смысле приоритетна по сравнению со второй. С точки зрения социальных итогов трансформации положение скорее обратное: критериями их качества служат в первую очередь сдвиги в социально-групповой структуре.

Важнейшим типологическим качеством последней служит характер социальной стратификации, то есть разделения общества на иерархические слои, различающиеся уровнем социального статуса. Критериями стратификации индивидов и групп служат: политический потенциал, выражающийся в объеме властных и управленческих функций; экономический потенциал, измеряемый собственностью, доходами и благосостоянием; культурный потенциал, отражающий уровень урбанизации, социализации, образования, профессионализма субъектов; а также социальный престиж, концентрированно отражающий все эти признаки в сочетании с качеством жизни. Названные критерии образуют относительно независимые «оси» стратификационного пространства.

Характеристиками, на основе которых могут оцениваться качественные сдвиги в стратификации, служат изменения: а) общего типа стратификационной модели — от пирамидального, свойственного авторитарным

обществам, до веретенообразного (с массивным средним слоем), типичного для современных западных обществ; б) степени дифференциации статусов общественных групп, социальной поляризации общества; в) сравнительной роли политического, экономического, культурного и социального потенциалов в определении интегрального статуса групп; г) конкретного социального содержания каждого из этих потенциалов; д) социально-демографического и качественного состава групп, занимающих высшее и низшее положения на стратификационной шкале; е) механизмов и интенсивности восходящей и нисходящей социальной мобильности, открытости «верхов» общества для выходцев из «низов».

Наиболее глубинными характеристиками социальных итогов трансформации, на наш взгляд, являются направления социокультурных сдвигов, опосредуемых изменениями институциональной и социально-групповой структур. Именно они служат фундаментальным критерием оценки того, куда ведет трансформационный процесс — к процветанию и модернизации общества или к его деградации и упадку.

Движущими силами трансформации общества в той или иной мере являются все его структурные элементы. Однако формы, интенсивность и эффективность их участия в этом процессе различны. Интенсивность и направления трансформационной активности (деятельности и поведения) общественных групп определяются, во-первых, имеющимися у них возможностями воздействия на трансформационный процесс, существенно зависящими от положения на стратификационной шкале; во-вторых, улучшением или ухудшением их статуса в последние годы (принадлежностью к «выигравшим» или «проигравшим»); в-третьих, особенностями социокультурных характеристик (ценностей, потребностей, взглядов и установок).

Систему социальных субъектов (классов, слоев, общественных движений, организаций), различающихся содержанием трансформационной активности и функциями в инновационном процессе, можно назвать трансформационной структурой общества. Мы используем это понятие на правах гипотезы, в основе которой — предположение о том, что множество «проекции» социальной структуры, порождающих разнотипные субъекты трансформационной активности, взаимосвязано и при достаточном обобщении образует целостную макроструктуру, отражающую не что иное, как движущие силы трансформационного процесса.

В социальном механизме, регулирующем и направляющем этот процесс, социальная структура выполняет две противоположные функции. Действительно, улучшение или ухудшение качества этой структуры служит критерием результатов общественной трансформации. Но вместе с тем ее качество определяет движущие силы трансформационного процесса, социально-инновационный потенциал общества, его способность к самореформированию. В действительности, однако, здесь нет противоречия, так как итоги каждого цикла трансформационного процесса становятся исходными условиями следующего цикла.

Тесную связанность стратификационной и трансформационной «проекции» социальной структуры вряд ли надо доказывать: структура трансформационной активности верхних и нижних социальных слоев различается

очень резко. Но эта связь не является абсолютной, поскольку представители каждого слоя, в свою очередь, различаются мерой участия в трансформационном процессе и содержательной направленностью деятельности. В связи с этим представляется важным изучить особенности и оценить качество каждой из названных «проекций» социальной структуры, а также проанализировать их соотношение.

Необходимо также говорить, чем социальная трансформация общества отличается от таких употреблявшихся прежде понятий, как «развитие», «перестройка», «переход», «реформирование». Какие черты делают понятие «трансформация» более подходящим для современной России?

Общественное развитие представляет собой органический или близкий к органическому процесс, протекающий в исторически долгие сроки и базирующийся на заложенной в самом объекте типовой социогенетической программе. Развитие ведет к усложнению структуры и расширению функций объекта, то есть, как правило, носит прогрессивный характер.

Под «перестройкой» имеют в виду сознательно инициируемый исторически краткий процесс с ясно поставленной конечной целью, предполагающий лишь частичное изменение тех или иных элементов общества, не ведущее к сущностному преобразованию последнего. Движущей силой перестройки является сильный правящий слой, уверенный в своем положении и обладающий значительной полнотой власти.

Понятие «переход» не слишком удачно применительно к переменам, происходящим в постсоциалистических обществах. Оно предполагает, во-первых, четкое разделение общественных групп на «ведущих» и «ведомых»; во-вторых, ясное понимание «ведущими» группами как исходного положения, так и цели движения; в-третьих, наличие общественного согласия по вопросу об этой цели. Кроме того, понятие «переход» больше подходит к смене этапов экономической политики, технологического развития и прочим, то есть к частным элементам общественного развития, чем к изменению социетального типа общества.

Целью «реформ» служит изменение таких характеристик общества (или отдельных сфер его жизнедеятельности), которые, будучи достаточно важными и глубокими, не затрагивают его природы или социетального типа. Коллективный субъект этого процесса, как правило, ограничен «командой реформаторов», в то время как активность остальной части общества ограничивается адаптацией к изменениям. Существенная черта реформаторской деятельности — наличие ясной цели, поэтапной программы действий, продуманного механизма внедрения инноваций.

И. Т. Касавин¹

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ: В ПОИСКАХ ОБЛАСТИ РАЦИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА²

Современная техногенная цивилизация нуждается в адекватном решении ряда глобальных проблем экологии, демографии, бедности, терроризма и пр. Согласно мнению В. С. Степина, есть два сценария в поиске такого решения. Первый основан на доминирующих ценностях современности, или приоритетах: технологического прогресса по отношению к экологии, научной рациональности по отношению к традиции, личности по отношению к обществу, формального закона по отношению к личности, максимизации продукции и потребления по отношению к ресурсам и т. п. Такое решение приведет к еще большему обострению проблем техногенной цивилизации и в итоге — к катастрофе.

Второй сценарий предполагает радикальную смену ценностных приоритетов. Необходим анализ ее условий, вариантов и возможных последствий, который в целом способен стать предпосылкой сравнения двух типов ценностного дискурса в науках, с одной стороны, и в теологии — с другой. Такому выяснению условий возможности сравнения и взаимодействия этих типов дискурса и посвящен данный доклад.

Можно ли вообразить себе что-то вроде независимого пространства, где элементы культур отбираются для конструирования новых культурных систем? Есть ли где-нибудь такое интеркультурное пространство типа нейтрального языка наблюдения, над которым размышляли члены Венского кружка и который мог быть использован для сравнения разных культур и рационального культурного выбора? В действительности можно представить только два места, где культурные смыслы играют реальную и активную роль: это собственная культура или инокультурное пространство. Их различие очевидно: в первой мы живем, а второе для нас — лишь концептуальная и эмоциональная конструкция. Культура, к которой мы принадлежим, делает наше знание культурно обусловленным и тем самым неадекватным. Согласно мнению А. Шюца³, объективно и научно можно изучать только чужую культуру. Чужак, посторонний рассматривается как единственная личность, которая в состоянии адекватно анализировать и понимать всякую культурную систему.

¹ Член-корреспондент РАН, заведующий сектором социальной эпистемологии Института философии РАН, доктор философских наук, профессор. Автор свыше 290 научных работ, в т. ч. книг: «Теория познания в плену анархии», «Рациональность в познании и практике», «Познание в мире традиций», «Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания», «Традиции и интерпретации. Фрагменты исторической эпистемологии», «Анализ повседневности», «Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка». Главный редактор журнала Института философии РАН «Эпистемология и философия науки», главный редактор Энциклопедии эпистемологии и философии науки.

² Доклад представлен на X Международные Лихачевские научные чтения (2010 г.).

³ Schutz A. The Stranger // Schutz A. Collected papers. The Hague, 1964. Vol. II.

Если мы собираемся предпринять сознательную и рациональную попытку в направлении культурного синтеза, то должны выйти за пределы всех локальных культурных приверженностей и действовать так, как если бы мы были совершенно нейтральны по отношению к любым нормам, идеалам и ценностям. Однако это совершенно невозможно, ибо такая стратегия немедленно обнаруживает свою вполне определенную культурную нагруженность, а именно приверженность идеалам научной объективности, заимствованным из мировоззренческой парадигмы классической науки.

И одновременно наше понимание собственной культуры представляет собой конструкцию в не меньшей мере, чем образ чужой культуры. Картина собственной культуры сильно нагружена непосредственными жизненными впечатлениями, которые обычно весьма локальны и являются не более чем фрагментами данной культуры. В то же время в современном глобализирующемся мире лишь немногие культуры выступают совершенно чуждыми друг другу. Мы все иностранцы, почти везде — гласит известная немецкая поговорка. Мы постигаем различные культуры с помощью средств массовой коммуникации, путешествий, путем личного общения; мы живем почти везде.

Итак, пытаясь понять различные культурные детерминанты, образующие условия рационального дискурса о культуре, мы можем провести различие по крайней мере между тремя разными уровнями.

Первый из них — это уровень конкретных жизненных впечатлений, изучения родного языка, долгосрочных отношений с людьми (родителями, родственниками, одноклассниками, учителями, объектами малой родины — домом, местностью). Здесь в основном имеет место практическое, неосознаваемое, эмоциональное овладение культурой. На втором уровне (путешествия, общение с иностранцами, изучение иностранных языков) индивид приобретает знание инокультурной реальности, в которой привычные решения обычных проблем имеют очень ограниченный характер. Слова здесь обладают необычным значением, отношения между людьми выглядят странно, социальное окружение ведет себя непредсказуемым образом. Это уровень проблематизации здравого смысла и обыденной реальности, который дает возможность расширить культурные знания индивида или сформировать картину чужой культуры, полную непонимания и даже страха.

Когнитивная установка впервые появляется именно на этом уровне благодаря дистанции от непосредственного культурного фундамента. И вся ситуация укрепляет критические и рациональные способности индивида, в то время как эмоциональная установка ограничивает взаимопонимание разных культур. Однако по-настоящему возможной когнитивная установка оказывается только на третьем уровне, а именно на уровне научного и философского исследования культуры. Здесь разные культуры изучаются как равноправные части «третьего мира», в терминологии К. Поппера¹. Эта сфера объективного знания, доступного и ценного для всякой зрелой личности, демонстрирует плюрализм культурных универсалий. Рациональный диалог культур имеет место именно в этой межкультурной сфере реальности.

¹ Popper K. *Objective Knowledge. An Evolutionary Approach*. Oxford, 1972.

Особое место занимает философ в диалоге о ценностях, который разворачивается между наукой и теологией. Задача философии — рефлексия по поводу универсалий культуры. Универсалии — центр мировоззрения. Рефлексия предполагает дистанцию. Критическая позиция ученого-гуманитария — на перекрестке культур. Позиция философа — на стыке культурных времен, на рубеже эпох. Это, в частности, предполагает равно нейтральное отношение к ценностным основаниям и науки, и теологии, каждая из которых не в состоянии задать глобальные мировоззренческие ориентиры для будущей цивилизации.

Идеология и массовое сознание конструируют социальные ценности, формируют их систему, будучи при этом не заинтересованными в их критическом анализе. Идеологическая стратегия состоит в оправдании своих ценностей и опровержении чужих. И только философ выходит за пределы всякой ценностной системы, пытаясь сохранить политическую и ценностную нейтральность. Он — последний человек, который будет создавать ценностные смыслы, коль скоро он знает с самого начала об их неясности и противоречивости. Конечно, как эмпирический индивид на первом и втором уровне культурной динамики он может предпочитать и даже формировать определенные ценностные смыслы, отвергая другие. Здесь он может использовать кумулятивный метод или метод парадигмального сдвига. Но подлинное назначение философа, следуя Л. Витгенштейну, не знание, но деятельность.

Философ твердо знает, что он ничего точно не знает; будущее остается непредсказуемым, результаты человеческой деятельности не совпадают с поставленными целями. Единственной позицией в диалоге, которую он может ответственно занимать, является создание условий диалога путем демонстрации ограниченности всех участвующих сторон и тем самым обеспечение консенсуса. Нейтральность обеспечивает дистанцию. Философ может попытаться встроить критически анализируемые ценности в более широкий контекст интеллектуальной или высокой культуры. И одновременно дистанция позволяет видеть горизонт, хотя это телескопическое зрение препятствует различению деталей. Балансируя между двумя этими интенциями и все время переключаясь с одной на другую, философ действует согласно принципу дополнительности для асимптотического приближения к общим ценностным основаниям.

Ганс Кёхлер¹

МИРОВОЙ ПОРЯДОК И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС²

Эволюция мирового порядка

Когда в начале 1990-х годов закончилась так называемая холодная война, мир с нетерпением ожидал появления *нового* и *мирного* мирового порядка³. Существовала надежда на то, что соперничество между двумя сверхдержавами, которое принято называть «конфликтом между Востоком и Западом», перерастет в стабильную систему сотрудничества между всеми государствами на равноправной основе и на основе общих целей.

Однако предрекаемый «золотой век» «либеральной демократии» и «мира» быстро превратился в фата-моргану, когда стало понятно, что одна сторона в прежнем конфликте, считавшая себя победительницей в мировой борьбе за власть, стремилась к тому, чтобы единолично определять основные принципы мирового порядка, в том числе принципы прав человека и верховенства закона. В последующие годы большинство государств — членов Организации Объединенных Наций оспаривали право этой сверхдержавы на политическое и идеологическое превосходство. Фрэнсис Фукуяма провозгласил «конец истории»⁴, подразумевающий принятие в мировом масштабе так называемой доктрины победителя, однако его заявление оказалось преждевременным.

Внезапное исчезновение мирового баланса между странами после распада Советского Союза и окончания действия Варшавского договора привело к возникновению *гегемонистских устремлений*, когда страна — мировой лидер — взялась представлять свои *национальные интересы* так, как если бы она представляла *всеобщие интересы* человечества⁵. В новом однополярном

¹ Президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), профессор Университета Инсбрука, доктор философии. Автор более 30 научных публикаций, в т. ч.: «Феноменологический реализм: избранные эссе», «Демократия и международное правовое государство. Предложения по альтернативному мировому порядку», «Концепция гуманитарного вмешательства в контексте современной политической власти», «Глобальная справедливость или глобальная месть? Международное криминальное законодательство на распутье», «Мусульмано-христианские связи в Европе. Прошлое, настоящее, будущее», «Совет Безопасности как исполнитель справедливости?» и др. Награжден Почетной медалью Австрийского общества вузов, Почетной медалью Международного бюро мира (Женева, Швейцария), Большой медалью Давида Непобедимого Армянской академии философии и др. Почетный доктор Государственного университета Минданао (Филиппины) и Армянского государственного педагогического университета.

² Доклад представлен на XV Международные Лихачевские научные чтения (2015 г.).

³ Об анализе термина «новый мировой порядок» и его идеологических причинах см.: Кёхлер Г. Демократия и новый мировой порядок // Вопросы международных отношений. Вена: Междунар. организация за прогресс, 1993. Т. 19.

⁴ Фукуяма Ф. Конец истории? // The National Interest. Т. 16 (лето 1989 г.). С. 3 — 18; Он же. Конец истории и последний человек. Нью-Йорк; Торонто: Freepress and Maxwell Macmillan, 1992.

⁵ Американский политический комментатор Чарльз Краутхаммер с особым одобрением раскрывает смысл такого имперского понимания роли мирового гегемона: «У Америки должно быть свое независимое мнение по поводу собственных интересов и интересов всего земного шара» (Краутхаммер Ч. Еще раз об однополярном моменте // The National Interest. 2002 — 2003. Зима. С. 16).

мире¹ отсутствие системы сдержек и противовесов в межгосударственных отношениях привело к глубокой дестабилизации международной системы, представляемой Организацией Объединенных Наций, и к своеобразной юридической анархии, в результате которой роль этой международной организации была сведена к бездействующему наблюдению за односторонними действиями страны-гегемона. Военные агрессии против Югославии в 1999 году и против Ирака в 2003-м — только два примера того, как система коллективной безопасности, основанная на балансе сил между постоянными членами Совета Безопасности ООН, подверглась эрозии и в конечном счете была разрушена в интересах лишь *одного* государства — члена Совета Безопасности². Такое развитие событий стало очевидным в 1991 году во время войны против Ирака в Персидском заливе, когда Соединенным Штатам удалось использовать свое влияние с целью создания коалиции против Ирака и выдвинуть особую ближневосточную политическую доктрину «Новый Ближний Восток»³.

Эти шаги, официально предпринятые так называемыми международными коалиционными силами на основе принятой Советом Безопасности ООН резолюции⁴, включали экономические санкции против всего гражданского населения, приведшие к гибели миллиона мирных жителей⁵. Во время интервенции НАТО в Ливию в 2011 году снова стало понятно, что в отсутствие необходимых инструментов сдерживания такое стремление к власти практически не знает границ.

В образовавшейся обстановке гегемонизма сама *законность* использования вооруженных сил от имени Совета Безопасности ООН была поставлена под сомнение и даже проигнорирована, а система коллективной безопасности была признана недействующей. Это произошло главным образом из-за *нарушения* положений гл. 7 Устава Организации Объединенных Наций, допущенного *основным и самым мощным* участником событий, действующим на основании собственных стратегических интересов. В таких обстоятельствах эта ведущая страна пользуется любой возможностью использовать мандат Совета Безопасности на применение военной силы как удобный шанс выдвинуть на передний план свои стратегические интересы.

¹ Более подробно см. (помимо прочих работ): Брукс С., Уолфорд У. Американское превосходство в перспективе // *Foreign Affairs*. 2002. Июль-авг. Т. 81, № 4. С. 20–33.

² См.: Кёхлер Г. Куда идете, объединенные нации? // *Foreign Affairs*. 2002. Июль-авг. Т. 81, № 4. С. 20–33; *Мировой порядок: видимое и реальность*: сб. ст. / под ред. Д. Армстронга. Нью-Дели: Manak, 2009. С. 189–204 (подробнее гл. II, с. 192 и др.).

³ Об этой концепции см. также: Кюннер Дж. Т. Новый Ближний Восток: докл. Ист. ин-та для преподавателей при Исслед. ин-те внешней политики США // *The Newsletter of FPRI's Marvin Wachman Fund for International Education*. 2005. Т. 10, № 1. URL: www.fpri.org/footnotes/101.200501.kuehner.newmiddleeast.html (сайт Исслед. ин-та внешней политики США).

⁴ Подробнее о маргинализации ООН в решении этого конфликта см.: *Иракский кризис и Организация Объединенных Наций: политика силы против международного верховенства права: меморандумы и декларации Междунар. организации «Прогресс» (1990–2003)*. Исследования в области международных отношений, XXVIII / ред. Г. Кёхлер. Вена: Междунар. организация «Прогресс», 2004.

⁵ См. также: *Несанкционированные страдания: оценка роли санкций Организации Объединенных Наций в области прав человека в отношении Ирака*: докл. Исслед. группы Гарварда / Центр по изучению социально-экономических прав. 1996. Май. URL: www.cesr.org/downloads/Unsanctioned%20Suffering%201996.pdf

Практика проведения силовой политики в условиях *военной* однополярности стала самой серьезной угрозой принципу национального суверенитета и, в частности, принципу *суверенного равенства* стран, закрепленному в ст. 2 (1) Устава ООН. Эта ведущая страна все больше пытается скрыть свои национальные интересы за завесой таких *всеобщих ценностей*, как демократия, права человека и главенство закона, хотя и интерпретирует эти ценности сугубо по-своему¹.

Это, в свою очередь, вызвало противодействие со стороны членов международного сообщества, которые сопротивляются тому, что их отодвигают на задний план, и заявляют о своих национальных интересах². Прикрываясь принципом «либерализации» торговли, страна-гегемон также проводит хищническую политику экономической глобализации исходя из собственных стратегических интересов. В ответ на эти всеобъемлющие притязания на мировое господство были созданы новые формы межправительственной кооперации, такие как БРИКС (куда входят Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка) или Шанхайская организация сотрудничества.

Наступившая мировая напряженность после холодной войны также стала результатом возрастающего *противоречия* между однополярностью в военно-политической сфере и многополярностью в социокультурной (или цивилизационной)³. То, что Сэмюэль Хантингтон назвал «столкновением цивилизаций»⁴, также частично является результатом этой напряженности и стремления ведущей державы к установлению культурного (и идеологического) превосходства над остальным миром⁵.

Таким образом, новый баланс сил будет неотъемлемым компонентом *политики национальных интересов*, которая не должна приводить к мировой диктатуре и постоянным конфликтам. Соблюдение национальных интересов должно осуществляться в рамках *сотрудничества* и на основе *взаимности*, что соответствует принципу суверенного равенства стран, провозглашенному Организацией Объединенных Наций. Это понятие не соответствует стабильному мировому порядку, если его интерпретировать в абсолютном смысле, исключая или, более точно, поглощая интересы других стран, стремящихся к мировому влиянию. Политика национальных интересов не должна оставаться *сферой исключительных интересов* страны или стран, выступающих в данный момент с лидерских позиций.

¹ Еще во время Второй мировой войны генерал Шарль де Голль отмечал тенденцию маскировать под идеализмом стремление к власти в заявлениях Президента США: "Je écoute Roosevelt me décrire ses projets. Comme cela est humain, l'idéalisme y habille la volonté de puissance" (*Голль Ш. ге. Военные мемуары // L'Unité. 1942 – 1944. Париж : Librairie Plon, 1956. Т. 2. Вып. 1. С. 238*).

² Это также отмечает Чарльз Краутхаммер, который, рассуждая о Соединенных Штатах, признает, что «наш исторический опыт гегемонизма таков, что он неизбежно создает противодействующую коалицию более слабых стран...» (*Краутхаммер Ч. Указ. соч. С. 8*). Однако он ошибается, когда утверждает, что подобного «противодействия» в однополярной среде не произошло после событий 11 сентября 2001 г. (Там же).

³ Более подробно см.: Кёхлер Г. Смещение баланса сил и будущее суверенных государств // *Bulletin 2010 : всемир. общественный форум «Диалог цивилизаций»*. М., 2009. С. 129 – 142.

⁴ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // *Foreign Affairs*. 1993. Лето. Т. 72, № 3. С. 22 – 49.

⁵ См. также: Кёхлер Г. Цивилизация как инструмент мирового порядка? Роль цивилизационной парадигмы и отсутствие баланса сил // *Цивилизации и мировой порядок: геополитические и культурные различия / под ред. Ф. Даллмайера, М. А. Каяпинара, И. Яйладжы. Сер. "Global Encounters: Studies in Comparative Political Theory"*. Lanham ; Boulder ; N. Y. ; Toronto ; Plymouth (UK) : Lexington Book, 2014. С. 19 – 33.

Необходимость этого еще более очевидна в свете заявлений, сделанных после 11 сентября 2001 года, согласно которым США объявляются «единственной мировой державой, способной установить баланс сил в любом регионе»¹, и «для сохранения и поддержания однополярности, о чем заявляется совершенно открыто и беззастенчиво, США должны сохранить свое неоспоримое господство в обозримом будущем»².

Национальный интерес в многополярном мире

Как в теории, так и на практике не существует четкого определения понятия «национальный интерес», несмотря на его огромную роль в отношениях между государствами. Хотя в соответствии с основными принципами международных отношений национальный *интерес* обычно определяется с точки зрения «власти»³ (или, точнее говоря, как интерес сохранения власти), что превращает его в «вечную норму, в соответствии с которой следует оценивать и направлять политическую деятельность»⁴, это понятие следует рассматривать исходя из его значимости для различных сфер деятельности государства (экономической, социальной, культурной, военной и т. д.), чтобы лучше понять динамику межгосударственных отношений и правильно определить глобальные проблемы современности. Помимо четкости определения, каждое государство должно играть с открытыми картами и однозначно определить и обозначить *параметры*, которые очерчивают сферу его национальных интересов. Это одно из важнейших требований *компетентной* внешней политики, которая сама по себе может сделать государство авторитетным членом международного сообщества. Только когда одни государства позволят другим компетентно просчитывать свои действия, станет возможен стабильный мировой порядок.

Определение национальных интересов государства должно быть четким и полным⁵. *Политика* проведения национальных интересов должна быть прозрачной, и все государства сообщества должны быть осведомлены о ее основных принципах. Естественно, в центре такого определения будут *национальная безопасность* и ее обеспечение, чтобы граждане и общество могли реализовать свои цели в социальной, экономической и культурной областях, и поэтому в определении должна содержаться четкая иерархия интересов (ценностей)⁶.

¹ Краутхаммер Ч. Указ. соч. С. 15.

² Там же. С. 17.

³ Моргентхау Г. Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир. 4-е изд. Нью-Йорк : Alfred A. Knopf, 1966 (гл. «Реалистическая теория международной политики», «Шесть принципов политического реализма», принцип 2) ; Он же. В защиту национального интереса. Нью-Йорк : Alfred A. Knopf, 1951.

⁴ Politics among Nations. С. 9.

⁵ Если необходимо точное определение, см., например: Мискел Дж. Национальные интересы: благородные цели или броские фразы? Ньюпорт : Naval War College, 2002.

⁶ В качестве примеров см. концепции национальной безопасности США и России, которые были объявлены в начале тысячелетия. Президент США отметил в качестве «жизненно важных» для США «интересы, которые непосредственно связаны с выживанием, безопасностью и жизнеспособностью нашего народа» (Клинтон Б. Стратегия национальной безопасности в эпоху глобализации. Вашингтон : Белый дом, 2000. Дек. С. 4). В заявлении о принципах, опубликованном в том же году, Российская Федерация определила национальные интересы страны как «совокупность сбалансированных интересов личности, общества и государства в экономи-

Следовательно, «национальный интерес» является *многоаспектным* понятием, которое необходимо описывать только в рамках конкретной организационной структуры и с учетом конкретной исторической обстановки. Поскольку на карту поставлено самосохранение государства как коллектива граждан, национальные интересы имеют долгосрочный характер. *Международный* аспект, заключающийся в обороне государства, вытекает из того, что все суверенные субъекты должны определять свою роль и действовать в согласии с другими суверенными субъектами. Государство не может делать это в гордом одиночестве. Установленный законом «суверенитет» и статус суверенного равенства сами по себе не смогут защитить государство от потенциально враждебных намерений других государств или от неблагоприятных последствий реализации своих интересов. В наш век глобальной взаимозависимости это особенно актуально.

Кроме того, как говорилось выше, в эпоху глобализации обоснованное определение понятия «национальный интерес» возможно лишь на основе принципа взаимности, то есть при разработке государственной доктрины необходимо принимать во внимание *взаимозависимость* действий суверенных государств и учитывать интересы друг друга. Это особенно важно в отношении глобальных экологических проблем (в плане экологии мы все находимся «в одной лодке») и ядерного потенциала, разрабатываемого явно или тайно рядом ведущих мировых держав.

Региональные конфликты, независимо от того, где они происходят — на Ближнем Востоке, в Центральной Азии или Европе, — также существенно усложняют понятие *национальных* интересов, если учитывать их взаимосвязь с интересами *международного* уровня (с точки зрения мира и стабильности как в региональном, так и в глобальном масштабе). Примером этого являются события на Украине и вокруг нее.

Однако в эпоху глобализации важнейшая проблема заключается в том, следует ли включать в определение понятия «национальный интерес» всеобщие (или универсальные) интересы, которые являются общими для всех. Другими словами, является ли *общее благо* (не только граждан одного государства, но и международного сообщества) определяющим элементом национальных интересов?

Вопрос становится еще более сложным, когда речь заходит о реальной политике. Готовы ли суверенные государства включить в определение национального интереса пункт о всеобщем благе, если международное сообщество фактически является многополярным, в то время как в ситуации отсутствия политического равновесия (в контексте однополярного мира, в котором все зависят от «милости» одной державы¹) наблюдается противостояние всех

ке, внутренней, политической, социальной, международной, информационной, военной, экологической безопасности» (Концепция национальной безопасности Российской Федерации : утв. Указом Президента № 24 от 10 января 2000 г. Гл. II). Структурные различия см. также: Россия и национальные интересы США: какое дело американцам? : докл. специальной группы по изучению национальных интересов России и США / Центр по исследованию проблем национальных интересов и Белферский центр по науке и международным отношениям. Вашингтон, 2011. Окт.

¹ Доклад, выполненный Комиссией по национальным интересам США, — это пример откровенно однополярной модели, оправдывающей притязания этой страны (США) на мировое господство (См.: Национальные интересы Америки: отчет Комиссии по национальным интересам США. Вашингтон, 2000. Июль).

и каждого, упорное отстаивание каждым государством своих интересов, стремление добиться благосклонности гегемона за счет остальных?

Понимание национального интереса как основанного на принципах *взаимности* является наиболее релевантным в военной области, точнее, в вопросах, относящихся к защите государственных интересов страны и прежде всего ее выживанию. В этом смысле национальная безопасность является *необходимым условием* для реализации государственных интересов в прочих областях — политике, социальной сфере, экономике, культуре. В эпоху оружия массового уничтожения, особенно ядерного, война перестает быть, как сказал Клаузевиц, продолжением политики другими средствами¹ и становится способом *всеобщего уничтожения* — «уничтожения по взаимному согласию»². Во всех ситуациях, когда решается вопрос сохранения человечества, национальный интерес надлежит реализовывать по *включающему*, а не *исключающему* принципу, то есть уважая права других стран на основе взаимности. Это является самой сутью сосуществования государств.

В ситуации, когда оружие массового уничтожения становится основным средством гарантии национального интереса, *исключающий принцип*, ставящий во главу угла интересы отдельной страны в ущерб интересам других стран, будет изначально *нерациональным*. Выход США в 2002 году из Договора ПРО³ является наиболее ярким примером *исключающего, одностороннего* понимания национальных интересов, что само по себе становится угрозой миру и безопасности на планете⁴.

Необходимость во «включающей» и всесторонней интерпретации национального интереса также проявляется в *глобальных проблемах окружающей среды* и в вопросах *мировой экономики и финансов*. Разрушительная природа одностороннего и нескоординированного подхода проявилась помимо прочего в экономике и политической нестабильности, вызванной мировым финансовым кризисом 2008 года, и в неспособности сообщества государств выработать эффективные меры решения экологических проблем, ставших результатом либо непреднамеренного, либо преднамеренно игнорируемого воздействия промышленного производства и потребления.

В современной обстановке гегемонизма высокомерное утверждение и никем не сдерживаемое осуществление национальных интересов вызвало хаос в политически нестабильных регионах, таких как Ближний Восток и Центральная Азия, и привело к *нестабильному мировому порядку*. Вследствие дисбаланса в международных отношениях страна, наиболее сильная

¹ “So sehen wir also, daß der Krieg nicht bloß ein politischer Akt, sondern ein wahres politisches Instrument ist, eine Fortsetzung des politischen Verkehrs, ein Durchführen desselben mit anderen Mitteln” (Карл фон Клаузевиц) (*Vom Kriege*. Hinterlassenes Werk; ungekürzter Text. Новое изд. Берлин : Ullstein, 1998. С. 44).

² Это выражение предложено американским математиком и стратегом Джоном фон Нойманом в 1950-х годах. Чтобы оценить это понятие в контексте предотвращения войны, см.: Шермер М. Поможет ли уничтожение по взаимному согласию предотвратить ядерную войну? // Scientific American. 2014. 1 июня. Т. 310. Вып. 6. URL: www.scientificamerican.com/article/will-mutual-assured-destruction-continue-to-deter-nuclear-war/

³ Договор между СССР и США был подписан в 1972 году. В 1997-м был принят Меморандум о понимании, определявший, что в соответствии с этим договором правопреемниками по нему являются Белоруссия, Казахстан, Российская Федерация и Украина.

⁴ Критику этого см.: Цзинь-донь Янь. Бомба Буша: резонанс в Азии // Asia Times Online. Гонконг, 2002. 8 янв. URL: www.atimes.com/China/DA08Ad01.html

в военном плане, всегда испытывает соблазн вмешаться в дела даже самых отдаленных регионов и континентов, находящихся за пределами «естественной сферы влияния». В этих условиях одна страна, такая как США, все чаще определяет свои национальные интересы в глобальном, всеобъемлющем смысле, не обращая внимания на интересы более слабых стран. Гегемон не признает географических границ, утверждая свою власть.

Не случайно Североатлантический блок (НАТО), созданный в годы холодной войны как инструмент *коллективной обороны*, пересмотрел свою задачу после ее окончания. Когда в 1990-е годы США вышли на мировую арену как единственная сверхдержава, НАТО объявил весь земной шар территорией своих действий, ознаменовав тем самым переход от *оборонной* политики к наступательной¹. Изначально задачей этой организации было оказание помощи странам — членам блока в случае нападения на них (см. ст. 5 договора по НАТО от 1949 г.)². Этот мандат (применительно к территориям стран — участниц блока) основывался на принципе коллективной самообороны в соответствии со ст. 51 Устава ООН и служил дополнением к организационной системе коллективной безопасности³.

После исчезновения биполярного баланса сил этот подход был забыт. Вместо него в новой военной доктрине НАТО возникло понятие «ведение военных действий на территориях стран — не членов блока» и «кризисные ответные операции, не подпадающие под ст. 5»⁴. Этот шаг ожидаемо привел интересы стран — членов НАТО к конфликту с национальными интересами безопасности многих стран — не членов НАТО, особенно тогда, когда этой организации было поручено проводить операции в ходе так называемой глобальной войны с терроризмом, объявленной администрацией США в 2001 году⁵. Проблема еще более усложнилась в результате расширения блока и исчезновения его вечного соперника — блока стран Варшавского договора⁶. Поскольку НАТО все чаще стало проводить военные операции

¹ Новую оборонную доктрину НАТО см.: Концепция стратегического альянса, одобренная главами государств и правительств, принимавших участие во встрече Совета НАТО в Вашингтоне : пресс-релиз NAC-S(99)65. 1999. 24 апр. URL: www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_27433.htm

² Североатлантический блок. Вашингтон, 1949. 4 апр.

³ «Настоящий Устав ни в коей мере не затрагивает неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение на члена Организации, до тех пор пока Совет Безопасности не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности».

⁴ Ст. 52 Стратегической концепции альянса (1999).

⁵ Более подробно см.: Кёхлер Г. Глобальная война с терроризмом и метафизический враг // Глобальная война с терроризмом и вопрос мирового порядка: исследование международных отношений / под ред. Г. Кёхлера. Вена : Междунар. организация за прогресс, 2008. Т. 30. С. 13 — 35.

⁶ Это стало одной из основных причин все более усиливающейся геостратегической напряженности в Евразии. Один американский комментатор привлек внимание к вопросу ответного удара (полностью игнорируемого страной, стремящейся к роли мирового гегемона): «Как бы отреагировали Соединенные Штаты на вторжение России в Западное полушарие?» (Тэйлер Дж. Клокочущий гнев по поводу путинской России // The Atlantic. 2014. 22 сент. URL: www.theatlantic.com/international/archive/2014/09/russia-west-united-states-past-future-conflict/380533/). Анализируя первые годы после окончания холодной войны, следует привести слова Джорджа Кеннана, который настойчиво предупреждал об опасности и последствиях расширения НАТО: «Я считаю это началом новой холодной войны... я полагаю, что это трагическая ошибка. Для этого нет никаких причин. Никто никому не угрожал. От этого расширения наши отцы-основатели перевернутся в могилах» (Фригман Т. Международные отношения; теперь слово от X // New York Times. 1998. 2 мая. URL: www.nytimes.com/1998/05/02/opinion/foreign-affairs-now-a-word-from-x.html).

за пределами территорий стран-участниц, причем без соответствующего одобрения со стороны ООН (такие как в Югославии и Косово в 1999 г. И в Ливии в 2011 г.)¹, осуществление коллективной безопасности от лица стран — членов блока стало широко восприниматься как угроза самой безопасности государств в районах проведения операций и, как следствие, безопасности всего мира.

Эскалация напряженности на Ближнем Востоке, в Северной Африке, на Кавказе и в Восточной Европе, включая вооруженный конфликт на Украине, — это прямой результат гегемонистской политики, равносильной экспорту национальных интересов ведущей державы в отдаленные районы земного шара. Такая имперская политика «ограничения» других стран после окончания холодной войны неизбежно приведет к усилению национальных интересов тех стран, чье влияние и власть по стратегической логике мирового гегемона необходимо «ограничить» в их же географических регионах. При таких обстоятельствах у этих стран нет выбора, поскольку нет иного рационального ответа на это грубое осуществление реальной политики (а на деле — политики силы). Провозглашение универсальных ценностей (принципов), определяемых одной страной-гегемоном, которой должны подчиниться остальные, неубедительно для более слабых стран и не может быть оправдано с моральной точки зрения. Никакой идеализм перед лицом монополии на власть невозможен.

Урок, извлекаемый из такого развития событий в разных регионах земного шара, причем не только в названных регионах, но и на Филиппинах и побережье Южно-Китайского моря, заключается в том, что утверждение национальных интересов (особенно самыми сильными странами) совместимо с миром на планете при условии мирового баланса сил, то есть в рамках принципа *взаимозависимости и взаимограничения*, который изначально реализовывался с помощью вето, правом на которое обладают члены Совета Безопасности. Несмотря на то что такая система всегда работала не идеально, она внушала доверие и была эффективной, пока существовал паритет между Соединенными Штатами и Советским Союзом. При режиме взаимного контроля этих двух великих держав национальные интересы слабых стран не сбрасывались со счетов, эти страны также имели определенную возможность маневра между двумя мировыми соперниками, а Устав ООН с его принципом суверенного равенства достаточно строго соблюдался.

Проблема национального интереса схожа с проблемой определения и осуществления *национального суверенитета*. Для того чтобы последний способствовал сохранению мира, он должен быть реализован на основе *взаимности*, а не на абсолютном праве беспрепятственного самоутверждения за счет каких-либо членов мирового содружества стран². В последнем случае суверенитет будет *взаимно исключаящим* и, следовательно, будет приводить

¹ О сомнительной законности военных операций стран НАТО (под явным предводительством США) в Ливии см.: Меморандум президента Международной организации за прогресс о Резолюции Совета Безопасности ООН 1973 года (2011) и об осуществлении «вооруженного вторжения коалиционных сил» под предводительством США и НАТО / Международная организация за прогресс. Документ P/22680с. Вена, 2011. 26 марта. URL: www.i-p-o.org/IPO-Memorandum-UN-Libya-26Mar11.pdf

² Более подробно см.: Кёхлер Г. Суверенитет и демократия против политики силы // Current Concerns. Цюрих, 2013. 22 нояб. № 34. С. 18–25 (Прил.)

к постоянным конфликтам и состоянию, которое удачно передает немецкий термин из области международных отношений — *Souvernitätsanarchie* (анархия в отношениях между суверенными государствами)¹.

Сама система коллективной безопасности, прописанная в Уставе ООН, рассчитана на неисключающее понимание суверенитета и национальных интересов. Полномочия Совета Безопасности, которыми он наделен в соответствии со ст. 7 Устава ООН, будут бессмысленными и противоречивыми, если каждое государство получит возможность реализовывать свой суверенитет в *абсолютном* смысле, в том числе развязывать войну по собственному усмотрению². Иной подход, основанный на толковании суверенных прав в смысле *изоляции* (мировоззрение, лежащее в основе односторонней доктрины и гегемонистской стратегии стран), не только несовместим с системой коллективной безопасности ООН, но и в конечном счете *контрпродуктивен*, поскольку создает угрозу безопасности каждого государства, которую этот суверенитет призван защищать. В этом смысле он также будет и *нерациональным*, за исключением случаев, когда существует только одно государство, некий левиафан, которому человечество вряд ли захочет подражать, особенно в эпоху глобализации. Принимая во внимание множество стран, которым суждено сосуществовать на планете с ограниченными ресурсами, национальные интересы страны можно реализовывать только в том случае, если в стратегический и внешнеполитический расчет будут приняты еще более сложные взаимосвязи этой страны в сфере экономики, социальной жизни, культуры и обороны.

Заключение

Возникающая международная система *многополярна*, и складывающийся баланс сил потребует, чтобы каждая страна обсуждала свои национальные интересы на переговорах с другими странами, стремящимися к власти и влиянию на *региональном* и *мировом* уровне. В условиях глобальной взаимозависимости это и есть единственная *реальная политика*, способная обеспечить возможность стабильного мира³, в отличие от идеалистической политики и притязаний на некое идеологическое превосходство, характерных для тех, кто считает себя арбитром и даже «регулирующим» в каждом регионе⁴. Как правильно подметил Эндрю Моравчик, «нежелание принять многополярную природу мировой политики является серьезной интеллектуальной ошибкой», которую в какой-то момент могут совершить мировые державы, обладающие военным превосходством⁵. *Скоординированный*, а не *изолированный* подход к определению и реализации национальных

¹ Более подробно об этом понятии в контексте мирового порядка после 11 сентября 2001 года см.: Кёхлер Г. Политика мировых держав // The Global Community: Yearbook of International Law and Jurisprudence. 2009. Т. 1. С. 182 и др.

² Право развязывать войну было отменено пактом Келлога – Бриана в 1928 году. Положения этого пакта стали основным условием, включенным в ст. 2 (4) Устава ООН.

³ Тэйлер Дж. Указ. соч.

⁴ Краутхаммер Ч. Указ. соч. С. 15.

⁵ Моравчик Э. Миф об однополярности в мире после холодной войны : уроки силы, преподанные США и Европой // Китай и глобальные институты / Принстонский ун-т, США. 2006. Дек. URL: www.princeton.edu/~amoravcs/library/unipolarity.doc

интересов будет лучшим средством против возрождения имперских претензий отдельной страны. Такой стране будет все труднее скрывать свои устремления под видом *универсальных ценностей*.

Где и когда ни возникал бы вопрос об *общем благе*, определение и политика осуществления национальных интересов не должны вступать в противоречие со «стремлением к соблюдению общемировых интересов»¹. Как утверждает Томас Кристенсен, такой универсальный *многосторонний* подход лучше простой *двусторонней* утилитарной стратегии и курса в отношениях между отдельными странами, которые заверяют, что готовы «уважать ключевые интересы друг друга»², но впоследствии могут изолироваться от других, что в конечном счете будет угрожать их безопасности.

Гжегож В. Колодко³

К ЛУЧШЕМУ БУДУЩЕМУ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ⁴

Мы живем в эпоху глобализации. Глобализация — это динамичная система, которая постоянно функционирует, принося как положительные, так и нежелательные результаты. Поэтому оценивать глобализацию нужно через призму сальдо этих результатов и их влияния на развитие в длительной перспективе. Если сальдо положительное и способствует экономически, социально и экологически сбалансированному развитию, тогда следует встать на сторону глобализации и использовать ее для совместного созидания лучшего будущего.

Насколько продуктивными с точки зрения хозяйственной динамики могут быть определенные взаимосвязи, иллюстрируют несколько сравнительных оценок. Оказывается, что росту торгового оборота при равных условиях способствуют общий язык (на 42 %), принадлежность стран к одному торговому блоку (на 47 %), общая валюта (на 114 %), общее колониальное прошлое (на 188 %)⁵. И хотя подобные оценки следует воспринимать сдержанно, тем не менее они весьма красноречивы. Внешняя торговля, международный

¹ Кристенсен Т. Необходимость развивать взаимовыгодные интересы в отношениях между США и КНР : спец. отчет 269. Вашингтон : Ин-т мира США, 2011. Апр. С. 2.

² Там же.

³ Вице-премьер, министр финансов Польши (1994 – 1997, 2002 – 2003), директор Исследовательского института “TIGER” (Transformation, Integration and Globalization Economic Research) Университета Козьминского (Варшава), доктор экономических наук, профессор. Автор 49 книг и более 400 статей, изданных на 26 языках, в т. ч.: «Мир в движении», «Глобализация, трансформация, кризис — что дальше?», «От шока к терапии. Политическая экономия постсоциалистических преобразований», «Куда идет мир: политическая экономия будущего» и др. Член Европейской академии искусств, наук и гуманитарных исследований. Почетный доктор десяти иностранных университетов.

⁴ Доклад представлен на XV Международные Лихачевские научные чтения (2015 г.).

⁵ Ghemawat P. World 3.0: Global Prosperity and How to Achieve It. Cambridge, Mass. : Harvard Business Review Press, 2011.

обмен, экономическая интеграция, координация политики — все это факторы экономической экспансии, факторы роста.

Сравним страны с точки зрения их вовлеченности в глобализацию. Рассмотрим пример со значительными геополитическими последствиями — две крупные страны — Россию и Китай. В 1990 году Россия — тогда основа распадающегося Советского Союза — производила в три раза больше, чем Китай. Через 20 лет проведения принципиально разных курсов участия в глобализации результат таков: Китай производит примерно в пять раз больше, чем Россия. Кроме глобализации, были и другие факторы, в частности разные курсы системных реформ, но ее значение не стоит сбрасывать со счетов.

В целом в мире сложилась неоднозначная ситуация. В течение одного поколения интенсивной глобализации ряд развивающихся стран существенно сократил разрыв с богатыми странами мира. Развивающиеся страны сумели эффективно воспользоваться благами, которые предоставляет международная торговля, и привлечь иностранный капитал (то есть сбережения тех, кто живет в других странах) в виде прямых инвестиций (в настоящее время это главный трансфер современных технологий и повышения качества управления). Но, к сожалению, существует немалая группа стран, которые не умеют или не могут обратить глобализационные процессы в свою пользу.

Во всемирном масштабе баланс глобализации положительный. Легко заметить различие экономической динамики на протяжении четверти века, предвалявшей кризис 2008 — 2013 годов: динамика была более высокой в так называемых развивающихся странах. В годы кризиса различия в темпах роста усугубились и были не в пользу богатых стран.

Процессы региональных интеграций, как и глобализация, необратимы. Углубление проходящего процесса региональной интеграции повышает шансы прогрессивной глобализации, позволяет достичь длительного, динамичного и сбалансированного социально-экономического развития. Это еще одна причина, по которой преодоление кризиса, раздирающего Евросоюз, имеет ключевое значение. На нынешнем этапе развития цивилизации Евросоюз — не 1/14 и не 1/5 часть света, а гораздо больше. Для того чтобы в других его частях процессы региональной интеграции получили развитие, политическая, культурная и экономическая основа Европы должна преодолеть серьезные проблемы.

Приняв во внимание не очень большой разрыв между высокоразвитыми экономиками и странами, переживающими постсоциалистическую системную трансформацию, особенно европейскими, можно утверждать, что у последних более высокие шансы достичь эмансипации, чем у отсталых стран из других частей мира¹. Особенно многообещающими выглядят перспективы тех стран, которые интегрируются с развитыми экономиками в рамках Евросоюза. Полная интеграция, проявляющаяся прежде всего в институциональной общности, — это хороший способ исправить недостатки и сократить разрыв в уровне развития.

Отсюда следуют определенные выводы: интеграцию сейчас можно рассматривать как инструмент эмансипации и в других регионах мира:

¹ Колодко Г. В. От шока к терапии. Политическая экономия постсоциалистических преобразований. М., 2000.

в Латинской Америке, странах Карибского бассейна, в Африке южнее Сахары и Северной Африке, на Ближнем Востоке и в Южной и Юго-Восточной Азии. Чем больше экономики будут интегрироваться на региональном уровне, тем легче смогут они повысить свою конкурентоспособность и тем выше будут темпы их роста и соответственно уровень социально-экономического развития.

Глобализация — открытый процесс, который будет продолжаться столько, сколько будет существовать наша цивилизация. Она не имеет конца и необратима. Однако глобализация показала, что может двигаться вспять. Ровно сто лет назад мир чуть не сорвался в бездну. В течение последующих трех поколений произошли две мировые войны, а между ними — Великая депрессия 1929 — 1933 годов, еще одна война — холодная — с последующим четким разделением мировой экономики на два мира (уже упоминавшихся) плюс «третий мир», мечущийся между ними. Это свидетельствует об отрицании либерализации и интеграции, а не об ее усилении.

Прогрессивный курс глобализации подстерегают многие серьезные опасности. Особого внимания заслуживает сосуществование трех феноменов: глобализации, государства и демократии. Некоторые исследователи говорят о парадоксе глобализации¹ или внутренних неразрешимых противоречиях.

Охватывая общемировые явления и процессы, глобализация вместе с тем затрагивает национальные экономики и отдельные государства. Государство, как правило, формировалось в рамках национальных или — в некоторых случаях — многонациональных структур, когда объединенные в его границах народы уживались под одной крышей. Недавно определенные признаки государственности стали приобретать наиболее развитые в институциональном плане интеграционные объединения, лучшим примером этого является Европейский Союз. Что касается демократии, третьего элемента упомянутой триады, то она функционирует (лучше или хуже) в рамках национальных государств и продолжает поиск конфигураций в межгосударственных договорах. Когда речь идет о мире в целом и обо всем человечестве, то демократия в данном случае — дело будущего. Уже существует в значительной степени интегрированное глобальное хозяйство, но мы еще не готовы к мировому сообществу и не создали для себя планетарного государства.

Европейский кризис проиллюстрировал, как трудно решать экономические проблемы в условиях демократии, выходящей за рамки и границы национального государства: насколько трудно не утратить популярность и шансы на переизбрание в своей стране только потому, что помогаешь другому государству, как можно на родине оказаться предателем, а там (за физически невидимой, но психологически и политически существующей границей) — злодеем.

Не существует другого разумного выхода из нынешнего витка истории, кроме как перенести значительную (и при этом постоянно увеличивающуюся) долю решений на наднациональный уровень, а если получится, то и на глобальный. Иначе говоря, политики должны постепенно перестать быть исключительно национальными, все больше становиться наднацио-

¹ *Rodrik D. The Globalization Paradox: Democracy and the Future of the World Economy. N. Y. ; L. : W. W. Norton, 2011.*

нальными и глобальными политиками. Все рассуждения можно свести к вопросу: как направлять глобализацию? Не управлять, не править, потому что это невозможно, а именно направлять, то есть придавать спонтанным экономическим процессам такое направление, чтобы их результаты служили широкому кругу людей. Для этого необходимо глобальное регулирование, субъектом которого должен стать глобальный регулятор, или согласованный план действий национальных регуляторов.

Миссия, которую предстоит выполнить управлению глобальной экономикой, кажется ясной. Мир, человечество, экономика, культура останутся неоднородными — этот факт следует понять и принять. Но нельзя игнорировать динамичный процесс изменений. Для того чтобы избежать опасных столкновений, его надо направлять. Интеграция предоставляет шанс не только для интенсификации регионального сотрудничества в целях развития, но и для совершенствования институциональной и политической координации в общемировом масштабе. Функционирование рядом друг с другом более десятка региональных интеграционных группировок приводит в движение трехступенчатый процесс координации решений. Они принимаются на национальном, региональном и глобальном уровнях. Сначала решения должны быть приняты в рамках национальной экономики. Таких правил и политических решений больше всего, хотя в будущем их количество сократится и будет «подпитывать» два следующих уровня.

В целях интеграционного объединения вырабатываются следующие решения. Имеет место обратная связь, поскольку, с одной стороны, определенные решения, применяемые в одной из стран, могут вдохновить все объединение, а с другой — организация, объединяющая разные государства, требует от всех своих членов предпринять определенные шаги. Глобальные положения в свою очередь оговариваются интеграционными образованиями. Предположим, существующие региональные образования в институциональном и политическом плане не менее развитые, чем Евросоюз. В такой ситуации основные вопросы, касающиеся действующих правил и желательных норм и стандартов, могут быть оговорены в кругу десяти (и более) региональных партнеров. В известной степени автоматически, после принятия решения властями регионального объединения, они должны быть обязательны для исполнения «внизу», то есть на национальном уровне (что имеет место в отношении растущего количества дел в ЕС). Но возможно и другое направление действий — создание механизма переноса решений, выработанных на региональных форумах, «вверх», на обязательный для принятия всем миром глобальный уровень.

В будущих механизмах координации институтов и политики принятие решения сначала потребовало бы соответствующих согласований в рамках отдельных интеграционных группировок, а потом — перехода на глобальный уровень «соглашения соглашений». Вместо механизма «все со всеми» — в стиле мало что решающих, затянутых во времени, а порой и бесконечных дебатов ооновских организаций или бреттон-вудских образований (Международного валютного фонда и Всемирного банка), происходит переход к механизму «интегрированные с интегрированными».

Постепенный перенос механизмов, координирующих функционирование мирового хозяйства, с межгосударственного уровня на межрегиональный,

отчетливо проявляется в различных сферах экономической деятельности. Примеров тому достаточно много: выработка и соблюдение норм, регламентирующих выброс в атмосферу парниковых газов, координация политики в области миграции рабочей силы, защита интеллектуальной собственности.

Такое будущее возможно и желательно, но пока его нельзя назвать неизбежным. Более того, если в Евросоюзе произойдет большой институциональный кризис, желаемое будущее на долгое время станет невозможным. Но если ЕС преодолеет трудности, постепенно другие регионы мира будут учиться на его решениях. Потребность других интеграционных образований в использовании проверенных образцов вызвала к жизни Варшавскую инициативу. Это произошло в то время, когда Польша, много получившая от процесса региональной интеграции, осуществляла председательство в ЕС. Проект предполагал оказание широкой технической помощи в вопросах интеграции и развития, особенно для эмансипирующихся экономик¹. Необходимо расширить эту инициативу.

Глобализация имеет далеко идущие последствия для определения роли государства в хозяйственной деятельности. Некоторые авторы даже утверждают, что глобализация не может существовать без государства и вместе с тем не может ужиться с ним. Это новый парадокс?

Современный лессеферизм (его взлет и падение) ставит мир перед лицом новой большой проблемы: что произойдет после того, как неолиберализм скомпрометировал себя? Если разобраться в сути споров, ведущихся в европейской семье, то это был не спор о нескольких миллиардах евро, а глубокие расхождения по вопросам ценностей. И не столько между национальными государствами, сколько между разными идеологами и группами интересов, которые пытаются защитить отдельные руководители государств и главы правительств, прикрываясь заботой о национальных интересах. Это настоятельно требует, поскольку фактический конфликт групповых интересов может (но не обязан) обусловить ухудшение международной ситуации в то время, когда не только инструментом политики, но и одной из высших ценностей должно быть сотрудничество над границами.

Современный кризис — это кризис идей и идеологий, крах, казалось бы, незыблемых систем ценностей, что влечет за собой потерю пути и ориентации, без которых невозможно путешествовать по изменяющемуся миру. Идеино-культурный кризис будет продолжаться еще долго. Может быть, вновь появится какой-нибудь классик, который спросит: «За что боремся? Куда идем?» Такие вопросы, начиная с важных (цели хозяйственной деятельности в последующие годы), продолжая значимыми (направления и способы укрепления региональных интеграционных связей) и завершая фундаментальными (в каком направлении будет развиваться мир), задавать необходимо.

¹ Kolodko G. W. The Warsaw Initiative // Roubini Global Economics. 2011. May 9th. URL: <http://www.economonitor.com/blog/2011/05/the-warsaw-initiative>

В. А. Конев¹

ДВА ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВА СОВРЕМЕННОСТИ: ВЫЗОВ ГОСПОДСТВА И ВЫЗОВ СВОБОДЫ²

Среди многочисленных вызовов современности можно особо выделить два действительно глобальных, которые условно обозначены как вызов господства и вызов свободы. Первый вызов обращен к народам и государствам, второй — к конкретному индивиду.

Отношения господства как доминирования того или иного народа (или государства) над другим народом (или государством) были ведущим типом отношений в истории. Войны и имперские устремления определяли главные события мировой истории. Но до XX века в эти отношения, хотя они и были распространены по всей ойкумене, вовлекались, как правило, народы и государства, соседствующие друг с другом. Сфера господства была ограничена техническими возможностями распространять свое влияние на определенное географическое пространство. Ойкумена была расцвечена как лоскутное одеяло локальными сферами влияния. Топология господства зависела от географии и техники преодоления пространства.

Тогда, когда существенно изменилась транспортная инфраструктура, позволившая быстро (иногда почти мгновенно) перемещать людей, вещи, информацию и капиталы в любую географическую точку, не могли не измениться и отношения господства. В условиях транспортной и информационной глобализации локальный тип господства стремится трансформироваться в глобальный. История международных отношений XX века показала, что войны стали *мировыми*, что *мировой* порядок требует усилий, если не всех, то всех экономически и политически влиятельных государств. Поэтому после Первой мировой войны создается Лига наций — первая попытка регулирования глобального порядка, оказавшаяся неудачной, а после Второй мировой — Организация Объединенных Наций, которая благодаря принципу единогласия пяти великих держав (СССР, Китай, США, Англия, Франция) сумела создать достаточно благоприятные условия для стабилизации мирового порядка.

В этих условиях отношения господства модифицировались в отношения уравнивания сил, что выразилось в «мирном сосуществовании двух социально-экономических систем» и возникновении двухполярного мира. Однако «мирное сосуществование» основывалось отнюдь не на сотрудничестве и диалоге, а на изоляции систем друг от друга и на противостоянии сил.

Известные события конца 1980-х — начала 1990-х годов (обсуждение причин которых не является предметом данного доклада) ликвидировали один из полюсов противостояния, тем самым разрушив ситуацию сосуществования в условиях «равновесия сил» и снова открыв простор для возрождения

¹ Заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор 270 научных и учебных публикаций, в т. ч. книг: «Критика опыта сознания: Самарские семинары по трактату М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского "Символ и сознание"», «Метрика пространства человеческого бытия», «Три постулата философии ценностей» и др.

² Доклад представлен на XV Международные Лихачевские научные чтения (2015 г.).

на мировой арене отношений господства. Но теперь уже лидером, утверждающим свое господство, становится только один полюс. В течение последних десятилетий, опираясь на очевидное превосходство в креативных секторах экономики, благодаря развитию современных наукоемких технологий Соединенные Штаты Америки к своему военному потенциалу добавили информационный потенциал господства, позволяющий незаконно контролировать мировые потоки информации. Опираясь на эти ресурсы, США, как показывают события последнего года, стремятся установить свою гегемонию в международных отношениях.

Этот вызов реставрации отношения господства — подчинения в геополитическом масштабе ставит перед народами и государствами задачу — найти адекватный данному вызову ответ. Совершенно очевидно, что таким ответом со стороны Российской Федерации (а именно наша страна стала главным объектом атаки со стороны США при стремлении установить свою геополитическую гегемонию) не может быть возвращение к ситуации холодной войны середины XX века и попыткам создать некий противостоящий США военно-политический центр. Реальная глобализация всех сфер жизни современного общества просто не допускает возможности проведения линий изоляции. Вероятно, единственно возможный ответ в этой ситуации — необходимость осознания народами и государствами солидарной ответственности за все последствия их действий. Как этот ответ воплотить в жизнь — это дело политиков, конкретных людей и элит, принимающих государственные решения. Но ясно одно, что такой ответ должен основываться на новых отношениях политики и этики, на обязательном включении этики в политику. О настоятельной необходимости этого включения свидетельствуют последние события на юго-востоке Украины.

И здесь я хотел бы обратиться ко второму глобальному вызову современности, который был назван вызовом свободы. Если отношения господства складывались прежде всего в сфере взаимодействия общественных групп различной природы, то отношения свободы выстраивались в действиях конкретных личностей. При всем многообразии толкований этого понятия «свобода» всегда рассматривалась как характеристика действия человека, указывающая на то, что источник этого действия укоренен в человеке, который действует. Свобода выражается в способности человека самостоятельно принимать решения, в возможности проявления свободной воли. Свободное действие человека порождает особую зону внутри общественных отношений, которая освобождает человека от существующих в социальной среде зависимостей и противопоставляется отношениям господства. Эта зона и является областью отношений свободы.

В чем смысл отношений свободы?

Отношения свободы — это отношение человека к самому себе, отношения, в которых утверждается личностный статус индивида и его индивидуальность. В этом случае происходит изоляция индивида от окружения, так как индивидуальность как неделимость основана на том, что личность, обладающая уникальностью и неповторимостью, не делит ни с кем и ни с чем свой мир, свою сущность. Монада (а это и есть полная онтологическая природа индивидуальности) не имеет ни окон, ни дверей, открытых в мир вне ее. Она является самодостаточным бытием. Но тогда неизбежно возникает

коллизия между социальностью, общностью и индивидуальностью, отдельностью, отделенностью от общего. Отношения свободы, рождающие индивидуальность, всегда были вызовом социальному, которое основывалось на общем и типичном. Разрешением этой коллизии, ответами на вызов свободы оказывались найденные культурные формулы — человек и Судьба, человек и Бог, человек и Разум: "Sapere aude!" — имей мужество пользоваться собственным умом, как определил Кант сущность Просвещения. Эти культурные формулы задавали условия определения личности и ее траектории жизни при признании неизменности и независимости от конкретного человека второго члена оппозиции — Судьбы, Бога, Разума. В отношении именно этого второго члена оппозиции выстраивалась всякая оценка свободного деяния человека.

Просвещенческая культура, выросшая из ренессансного признания значимости интересов и привязанностей человека, закрепившая его право на личную инициативу и способность самостоятельного постижения истины, в конечном счете в индустриальном обществе закрыла человека экраном вещей, знаков и институций. Общество и культура модерна подчинили человека дисциплине труда, языка и тела. Отчуждение, доведенная до кафкианского абсурда рациональность бюргерского существования обезличивают человека, и человеку, осмысленному в границах труда, жизни и языка и растворенному в них, грозит исчезновение, «как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке» (М. Фуко).

Кардинально меняется ситуация в современных условиях. Индивидуальность ворвалась в жизнь: каждый человек стремится культивировать ее в себе даже тогда, когда этот культ становится модой; каждый старается обустроить жизнь по-своему даже тогда, когда она выстраивается из стандартных вещей. И если волны времени смыли общий профиль человека, начертанный универсальной рукой Просвещения на песке истории, то вместо него перед взором каждого вдруг объявилось огромное количество лиц — селфи (*selfie*), которые моментально рисуются с помощью различных гаджетов на виртуальном полотне Инета. Пусть это модное увлечение, пусть это «пена» на поверхности жизни, но, как утверждали диалектики, и «пена есть выражение сущности». А сущность в том, что индивидуальность не только стала ценностью, но и получила возможность заявить о себе в культурном пространстве.

Современная эпоха отнюдь не отказывается от призыва Канта. Напротив, именно "*sapere aude!*" становится лозунгом нынешней эпохи. Но теперь личное, а не публичное применение разума завоевывает сферу мысли. Современная эпоха перестала быть монологичной, когда в культуре звучал только один голос — голос разума, и истина для всех была одна. Наша эпоха — это эпоха диалога и плюрализма. Парадоксальность нынешнего времени в том, что, несмотря на рост цивилизационной стандартизации, экономической и информационной глобализации, в культуре утверждается приоритет случая, игры, ситуативности и индивидуализации. В этих условиях *sapere aude* открывается другой стороной — стремись *понимать* (*sapere* = быть мудрым, понимать). В нашу эпоху мыслить самостоятельно значит видеть и понимать разнообразие, понимать *смысл*, который у одной и той же истины может быть различным. Утверждается логика смысла, которая управляет сферой

личностного применения разума. Если мысль классической эпохи *modern age* нашла отражение в «Науке логики» Гегеля, то мысль современного состояния культуры ищет свое отражение в «Логике смысла» Делеза.

В таком случае возникает новая культурная формула, задающая условия определения личности и траекторию ее жизни — человек и Смысл (человек в ситуации конкретного события). Но смысл всегда событийен, конкретен, он принадлежит индивидуальному сознанию, инициирует личностное действие в *этой* ситуации и конфигурирует сферу свободного действия. И тогда возникает вопрос: если современный человек (человек постиндустриального общества и времени глобализации) определяется своим отношением к смыслу (тем, что и как он принимает и понимает), а смысл не является постоянным (как постоянными были Судьба, Бог и Разум), более того, смысл конституируется самим человеком в конкретной ситуации, то есть ли какой-то объективный, универсальный критерий приемлемости смысла, а следовательно, какой-то объективный, универсальный противовес свободе?

Чем и как общество может ответить на вызов свободы?

Этот вызов с особой остротой ощущается нашим обществом, в котором за последние два-три десятилетия произошли кардинальные изменения во всех сферах жизни — в политике, экономике, социальных отношениях, культуре, образовании, настроениях и ожиданиях, быту и повседневном укладе жизни, ценностных ориентациях и предпочтениях. К тем условиям индивидуальной свободы, которые создает современное цивилизационное развитие, в нашей стране добавились условия переходного периода, когда разрушены опоры старого порядка и еще не созданы основания нового. Когда вихри свободы с особой силой обрушиваются на человека, тогда-то и возникает ощущение, что нет никакой другой опоры, кроме самого мнения человека, его собственных предпочтений, его воли. «Я так думаю!», «Это мое мнение!», «У каждого своя точка зрения!», «Я так хочу!» и так далее — вот наиболее частые аргументы в устах современного молодого поколения. И это, конечно, несомненное достижение современного общественного развития. Но здесь же таится и опасность...

Где основания мнения, возможно ли их согласование, имеет ли воля ограничение?

Такое основание — в самой свободе. Свобода мнения и свобода действия — это последний предел того и другого. *Но тогда именно предел ставит границу свободе.* Свобода основана на *опыте предела*. Поэтому культивирование свободы — это формирование в человеке опыта предела.

Идея предела и трансгрессии рождена культурой постпросвещения и активно осмысливается современной философией в различных ее проявлениях, испытывается современным искусством, практически осваивается службами чрезвычайных ситуаций и т. п. Это тема особого рассуждения, но применительно к обсуждаемой здесь проблеме нужно сказать, что опыт предела — это собственно культурный опыт.

Пространство культуры — это пространство различий, пространство своеобразия, пространство произведений, а не набор тиражированных продуктов. Поэтому освоение культуры — это не просто приобщение к тому или иному содержанию культурных феноменов и артефактов, а овладение самой архитектурой культурного пространства, основанного на грани-

це, на различии и различении. Не искусство само по себе, не религия сама по себе, даже не моральные ценности как таковые, а именно культура, искусство как культура, религия, мораль в их культурном самоопределении; не добро, не красота, а мера, вкус — вот что порождает опыт предела, опыт дозволенного.

Человек как «существо преступающее», по выражению С. С. Хоружего, постоянно нуждается в опыте предела. Вхождение в культуру в современных условиях — это обязательное включение, как выражался В. С. Библер, в горизонтальные и вертикальные связи культур. Культура только тогда становится для меня ясной и, очевидно, только тогда раскрывает весь свой потенциал, когда оказывается в диалоге с другими культурами. На границах культур лучше всего видятся их возможности. Поэтому подлинное овладение своей культурой не может не быть и признанием ценности других культур.

Именно поэтому в конечном счете ответ как на вызов господства, так и на вызов свободы связан с пониманием значимости культуры как таковой, с постоянным обращением к ней и ее потенциалу при принятии решений — и политических, и личностных.

В. Г. Костомаров¹

ЯЗЫК В СООТНОШЕНИИ КУЛЬТУРЫ И ЦИВИЛИЗАЦИИ²

Совет Европы рекомендует развивать *плюрилингвализм* отдельных людей и *мультилингвализм* их сообществ³. Многоязычный человек, скажем, француз, обычно свободно говорит по-английски и может обратиться несколько обиходных фраз к своему собеседнику на его языке, будь то немец, испанец, итальянец, швед, даже грек и турок или русский (ибо популярен туризм в Грецию и Турцию, а «новые русские» наводнили Европу). Плюрилингвализм существен в гуманистическом отношении, воспитывая гражданскую демократическую толерантность: человек, научившийся ценить несколько разных языков, легче преодолевает и шовинизм, и ксенофобию. На стремлении к многоязычию сказывается и возраст: в молодости

¹ Академик РАО, президент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва), доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор свыше 700 публикаций, в т. ч. 14 монографий: «Культура речи и стиль», «Русский язык на газетной полосе», «Русский язык среди других языков мира», «Жизнь языка: от вятичей до москвичей», «Рассуждение о формах текста в общении», «Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа», «Наш язык в действии: очерки современной русской стилистики», «Стилистика» и др. Главный редактор журнала «Русская речь», член редколлегии журнала «Русский язык за рубежом». Награжден медалью Пушкина. Лауреат Государственной премии СССР, премии Президента РФ в области образования.

² Доклад представлен на III Международные Лихачевские научные чтения (2003 г.).

³ European Year of Languages 2001. Strasbourg, 2001.

хочется уметь спросить «Как тебя зовут?» на разных языках, а свежая память позволяет этого добиться.

Если индивид объясняется на десятке языков, то уровень владения каждым из них — это ясно априори — не может быть одинаково высоким. Содержательной основой коммуникации тут оказываются элементы общеевропейской или даже всемирной *цивилизации*. Несмотря на способность как-то объясниться, прочесть вывеску, объявление, даже газету, эти десять языков, как подсказывает немецкий термин "Fremdsprache", остаются «чужими». Овладевая новой внешней формой, получая возможность переходить от одного кода к другому, человек ничего не прибавляет к своей духовности. В этом, видимо, и состоит цель утилитарных проponentов концепции плюрилингвализма — обеспечить общение на *для всех одинаковой* содержательной основе.

Однако нередко случается, что человек по некоей важной причине выбирает для себя на определенный, обычно продолжительный, период жизни какой-то один иностранный язык и вживается в него настолько, что перестает воспринимать его как чужой. Он начинает постигать духовность другого народа, понимать, ценить соответствующую *культуру*. Он в известной мере отождествляет себя с народом, носителем полюбившегося языка и культуры. Когда одновременно с изучением языка соизучается произведенная и выраженная на этом языке культура, язык становится своим, то есть осваивается, присваивается или, если воспользоваться громоздким варваризмом, интериоризируется.

В таком случае следует говорить о феномене *биллингвизма* (или в духе терминотворчества Комитета образования Совета Европы *биллингвализма*, или в согласии с русской традицией *двуязычия*), под которым понимается овладение и владение вторым языком как родным. Это бывает характерно и для многоязычного (плюрилингвистического) человека, объясняющегося на десятке иностранных языков, но полно владеющего лишь одним из них. Двуязычие тесно увязывается с бикультуризмом: овладевая вторым языком на паритетных началах с родным, человек проходит и вторую аккультурацию и даже приобретает способность иначе мыслить.

Если русский глубоко освоил два неродных языка, например овладел «на равных» английским и французским, то надо говорить по отдельности о его французско-русском и англо-русском двуязычии, а не о триязычии (трилингвализме). Кстати, русского, способного объясниться не на многих, но лишь на одном языке, которого он по-настоящему не знает, следовало бы именовать плюрилингвалистичным, а не биллингвалистичным. Важна глубина владения языками, а не их число.

Англомания русского дворянства, когда Степа и Катя именовались Стивом и Кити, или русофильство немцев, когда было модно приписать себе отчество (Райнер Осипович), обычно сопровождаются оценочными оборотами. При одержимости одним языком обратной стороной дела бывает инстинктивный, а потому упорный отказ от другого иностранного языка. Впрочем, биллингвализм отнюдь не обязательно препятствует плюрилингвализму, что доказывают многочисленные полиглоты. Общественное сознание ценит углубленность выше поверхностности, но в то же время полагает, что много лучше одного. Наконец, если франкомания, англомания или аме-

риканомания превращается в «чужебесие», то под ударом может оказаться родная культура и родной язык. Правда, это уже иная тема — переход на другой язык, другую ментальность, культуру, образ жизни, как то часто наблюдается в эмигрантских, особенно смешанных семьях, или повальная увлеченность общества в целом каким-то чужим языком, чужой культурой и ее языком.

Лингвистическая философия не знает окончательных приговоров: психомыслительная деятельность человека, с опорой на язык или невербальная, остается тайной. Общую теорию можно выстраивать, лишь опережаясь изучая конкретные факты. Рассмотрим два конкретных случая двуязычия.

Давид Иванович де Будри, который был профессором французской словесности в Царскосельском лицее, не мог нахвалиться своим воспитанником: «Он проникателен и даже умен. Крайне прилежен, и его приметные успехи определяют ему место среди первых по французскому языку»¹. Федор Матвеевич Гауеншильд, профессор немецкой словесности в том же лицее, напротив, давал самые отрицательные отзывы: «Кажется, он никогда не занимался немецким до поступления в лицей и, кажется, не желает делать этого и сейчас... Мало успехов, не прилежен»²; он даже подавал жалобу на своего ученика самому министру просвещения. В Табели об успехах 1812 года даны также полярные отзывы: относительно немецкого языка — «нимало не успевает», относительно французского — «2-й ученик» (первым был «всегда первый из первых» будущий министр иностранных дел и канцлер Российской империи светлейший князь Александр Михайлович Горчаков).

Лицейст Пушкин, а это именно он заслужил процитированные отзывы, блистал на уроках французского, имел от соучеников прозвище Француз, с малолетства писал по-французски стихи, в бытовом и ученом разговоре часто сбивался на французский, вел на нем переписку и по вопиющему контрасту еще лепил слова на немецком. Понятно, что благосклонный к нему де Будри отмечал выдающуюся одаренность Пушкина, но и отнюдь не расположенный к нему Гауеншильд не отрицал такой одаренности, а отставание объяснял исключительно нежеланием: «С огорчением вижу, что этот ученик, одаренный в высшей степени проникательностью и памятью, упорствует в равнодушии к моему предмету... Если бы он захотел на это (на изменение отношения к немецкому языку. — В. К.) решиться, он сделал бы успехи самые быстрые, будучи очень одаренным проникательностью и памятью»³.

Причиной успехов Пушкина во французском языке явилась, несомненно, его приверженность французской культуре и литературе; ее не поколебало даже нашествие Наполеона. О его любви к французской словесности вспоминал товарищ поэта по лицу С. Д. Комовский: «Ему стоило только прочесть раза два страницу какого-нибудь стихотворения, и он мог уже повторить оное наизусть без малейшей ошибки. Будучи еще двенадцати лет, он не только знал на память все лучшие стихотворения французских

¹ Жизнь Пушкина, рассказанная им самим и его современниками. М., 1988. Т. 1. С. 151.

² Там же. С. 152, 155.

³ Там же. С. 152, 154.

поэтов, но даже сам писал довольно хорошие стихи на этом языке. Упражнения в словесности французской и российской были всегда любимыми занятиями Пушкина, в которых он наиболее успевал. По другим же предметам всегда находился в числе последних воспитанников второго разряда и при выпуске из Лицея получил чин 10-го класса»¹.

Причиной неуспеха в немецком языке у человека, имеющего ярко выраженные способности к языкам, явилось отсутствие интереса к немецкой культуре: «Немецкий язык не полюбился Пушкину. Несмотря на то что лицейстов обязывали говорить по-немецки, несмотря на пример и внушения Дельвига, он почти вовсе не знал этого языка»².

Рассмотрим другой исторический случай. Побывав весной 1899 и летом 1900 года в России, Райнер Мария Рильке всей душой увлекся ею. В письме к Л. О. Пастернаку от 5 февраля 1900 года он писал: «А теперь, прежде всего, доложу Вам, что Россия для меня оказалась отнюдь не преходящим событием, и я, начиная с августа прошлого года, почти исключительно занят тем, что изучаю русскую историю, искусства и культуру и, не на последнем месте, Ваш прекрасный, несравненный язык. Я еще не говорю, но все же без труда читаю ваших великих (столь великих) поэтов! И какая же это радость читать в оригинале стихи Лермонтова или прозу Толстого! Что за наслаждение!»³

Характерно, что Рильке изучает русскую культуру преимущественно по-немецки, но только русский язык дает ему возможность этой культурой наслаждаться. Во время второго посещения России он пишет письма уже по-русски, а вернувшись в Германию, раздражается огромным письмом на русском к писательнице С. Н. Шиль (1861 – 1928): «Многоуважаемая милая София Николаевна! Не испугаетесь: это я! Я начинаю писать вам на русском языке. Сказал: начинаю, потому что не известно, могу ли я продолжать в этом роде до самого конца». Рильке смог, осилил огромный текст. Позже он писал и другим адресатам, нередко перемежал письма на родном немецком языке обширными русскими вставками, например: «Как трудно для меня, что я должен писать на том языке, в котором нет имени того чувства, которое сейчас главное чувство моей жизни: "тоска". Что это: Sehnsucht?.. Bangigkeit, Kummer des Herzens bis Langeweile... По-моему, ни одно из десяти слов не дает смысл именно тоски. А ведь это потому, что немец вовсе не тоскует, и его Sehnsucht вовсе не то, а совсем другое сентиментальное состояние души, из которого никогда не выйдет ничего хорошего. Но из "тоски" родились величайшие художники, богатыри и чудотворцы русской земли»⁴.

В поэзии Райнера Осиповича (так он сам себя называл и настаивал, чтобы так звали его и друзья) многое вдохновлено и прямо посвящено России, в его стихах немало русских слов и словосочетаний. Наконец, он сочинил на русском языке несколько стихотворений, поэтическая ценность которых очевидна: «Теперь молчание свое слышу я. / Оно растет, как в ночи страх: / Темнеет, как последний "ах" / Забытого умершего ребенка»⁵. Риль-

¹ Жизнь Пушкина... Т. 1. С. 190.

² Бартечев П. И. О Пушкине. Страницы жизни поэта. М., 1992. С. 784.

³ Rilke und Russland. Briefe, Erinnerungen, Gedichte. Berlin ; Weimar, 1986. № 26 — Пер. авт.

⁴ Ibid. № 112. S. 291.

⁵ Rilke R. M. Gedichte. Moskau, 1981. S. 494.

ке делает громадные успехи в освоении чужого языка исключительно потому, что его до глубины души покорила русская культура. Он наслаждался русским языком, пытался сделать его поэтическим средством самовыражения, потому что его захватила российская духовная жизнь рубежа XIX — XX веков.

Из анализа двух приведенных примеров¹ вытекает вывод, который может быть, конечно, оспорен как единственное и безусловное условие двуязычия. Сильнейшим мотивом усвоения иностранного языка до степени билингвализма является (нередко опережающая изучение языка) влюбленность в национальную культуру, которая сложилась и выражается посредством этого языка. Если этого мотива нет, если вместо любви — безразличие и тем более ненависть, человек не научится языку, даже под угрозой наказания. В лучшем случае он овладеет речевым механизмом, имя которому — плюрилингвализм.

Человек, способный на каком-то иностранном языке поздороваться и снять номер в гостинице, вряд ли получает прирост в своей духовности. Он остается чужд стоящей за этим языком национальной или, как сейчас у нас чаще говорят, этнической культуре. Само явление плюрилингвализма возникает на базе наднациональной цивилизации. Ключевые понятия *культура* и *цивилизация* заслуживают подробного рассмотрения. Они то сливаются, то противопоставляются; традиционно их различают немцы, закрепляя за цивилизацией достижения в политической и социальной жизни, в экономике, технологии, точных науках, а за культурой — духовную жизнь, искусство, религию. Иногда и культуру, и цивилизацию оценивают в равной мере положительно, иногда же цивилизацию проклинают; уже В. фон Гумбольдт неодобрительно противопоставлял цивилизации «органичную культуру».

Сила культуры — в одухотворенности, без нее она обращается, по мнению одного философа, «в изощреннейшую технику — в цивилизацию: полезную, удобную, аморальную, пустую... Торможение воображения... угрожает заменой культуры техникой цивилизации, прикрываемой великими лозунгами человеческого оптимизма и самодовольства, а также сопровождающей эту цивилизацию великой суетой в пустоте, за которой неминуемо следует ощущение бессмысленности существования со всеми вытекающими отсюда последствиями: усталостью, поисками опьянения, скрытым страхом, нравственным безразличием и прочими продуктами цинизма и свирепости»².

Приверженцы космополитизма и глобализации не видят перспектив для национальных культур отдельных стран и народов и провозглашают триумф их слияния в единой без- или наднациональной цивилизации. Оптимальный человек будущего рисуется как высоко цивилизованная, равноудаленная от всех национально-культурных корней, свободная личность «открытого общества» без эмоциональной родины и других «пережитков».

Различие между культурой и цивилизацией проявляется в их отношении к развитию человечества. Цивилизация вплетена в прогресс, а к культуре

¹ В связи с ними не могу не вспомнить еще и моего покойного друга Милосафа Бобовича, который, прочитав на фронте «Войну и мир» Л. Толстого по-сербски, по его словам, понял, что «не может жить, не перечитав Льва Толстого по-русски»; как вы знаете, он стал выдающимся профессором русской литературы.

² *Голосовкер Я. Э.* Логика мифа. М., 1987. С. 116 — 117.

понятие прогресса вряд ли однозначно применимо. Подлинный факт культуры (совершенная скульптура, художественное произведение, ритуал и т. д.) не подвержен старению. Культура определяется традициями и вкусом. Культура — это когда человек изменяет себя, цивилизация — когда он что-то меняет *для себя*. Факты цивилизации преходящи и, сыграв свою роль в улучшении жизни, постоянно и бесконечно заменяются более удачными, совершенными, экономичными. Цивилизация, особенно наглядно в достижениях техники, синонимична обновлению, модернизации.

Любопытно, что факты цивилизации достаточно часто становятся фактами культуры, но лишь тогда, когда теряют свою функциональную значимость и только напоминают, скажем, о приоритете нации в их изобретении. Если они остроумны или ценны в историческом и эстетическом отношении, то их сохраняют в качестве музейных экспонатов, назидательных памятников былого искусства и экономических свершений. На Елисейских Полях в Париже, наверное, многие видели Музей автомобилей. Первые французские, немецкие, итальянские машины, пройдя этап насмешек, на фоне нынешнего общечеловеческого их совершенства вдруг оказались, когда ими нельзя всерьез пользоваться, памятниками национальных культур.

Вся культура, искусство, музыка, театр, беллетристика существуют как бы ради самих себя; цивилизация, техника, экономика, торговля, в значительной части наука — ради полезности, ради практических, повседневных удобств жизни. Это и проясняет превращение отдельных фактов цивилизации в культурные, когда они оказываются функционально превзойденными, теряют свою роль в прогрессе. Если они остроумны или ценны в историческом и эстетическом отношении, то их сохраняют в качестве музейных экспонатов, назидательных памятников былого изобретательства и экономических свершений.

Цивилизация пронизана рационализацией и интеллектуализацией, она с очевидностью облегчает практическое существование, производство, быт. Однако только культура с ее природной, воздействующей на подсознание иррациональностью ведет к истинному «наслаждению» (вспомним Рильке!), приближает нас к познанию сокровенного смысла жизни. Именно поэтому говорят о вечности искусства, о непреходящей ценности совершенных произведений музыки, живописи, поэзии. Важные цивилизационные оценки логико-понятийной определенности, математического анализа, утилитарной пользы, экспериментальной проверки здесь неприменимы.

Особо следует вновь подчеркнуть этническую обусловленность культуры, в отличие от цивилизации, тяготеющей к выходу из своих национальных рамок, к унификации достижений, в какой бы стране они первоначально ни появились, то есть к универсализации, интернационализации, глобализации.

В предлагаемом различии культуры и цивилизации нет романтики иррационального, субъективного, как нет и попытки умалить значение объективного, материалистического. Во многих узлах цивилизация, тяготеющая к глобализации, и культура, держащаяся за этническую самобытность, переплетаются, дополняют друг друга, обеспечивая нормальную жизнь ойкумены — с ее вечным противоборством исторически усиливающихся интернациональных связей и этнических, религиозных, языковых, многих иных своеобразий. Культура рождает духовность, без которой жизнь че-

ловека лишается смысла, как бы благополучна она ни была в материальном отношении. Цивилизация же всегда ведет к секуляризации: даже будучи многоконфессиональной и не отрицая Бога, она не признает понятия греха и на практике атеистична, вплоть до десакрализации религиозных ценностей и сакрализации таких своих идолов, как эзотерика и сатанизм, секс, деньги, насилие, цинизм.

В последнее время на передний план выходит и такая имманентная «черта» цивилизации, как культ аморальной вседозволенности, неумеренной жажды нивелировать культуры во имя доходности. Наряду с призывом агрессивной рекламы "Just Do It", по всему миру наблюдается распространение якобы всеобщей «массовой культуры» американского замеса. Глобализация все более синонимизируется с американизацией; она, как заметил лидер движения евразийцев философ А. Дугин в беседе на «Радио России» 27 марта 2002 года, противостоит диалогу всех культур.

Представляется, что в этой разногласии мнений некоторый порядок может навести различие плюрилингвализма и билингвализма. Первый можно связать с цивилизацией и даже с бурно развивающимся глобализмом, а второй — с этническим своеобразием, с богатством национальных культур. В таком понимании культура сопряжена с билингвализмом, а цивилизация — с плюрилингвализмом.

Наступление на национальные культурные ценности ведется даже тогда, когда они никак не мешают ускоряющемуся продвижению катка глобализации. Об этом свидетельствуют, в частности, попытки заменить все системы письменности, в том числе кириллицы, одной-единственной — латиницей.

В конце лета 2001 года ряд газет как по сигналу выступил с инициативой заменить латиницей традиционную русскую кириллическую «гражданку». Член Российской академии наук С. А. Арутюнов, например, писал в «Независимой газете» от 7 августа 2001 года: «Глобализация и компьютеризация нашей жизни в конечном итоге приведут к тому, что в нынешнем столетии на латинский алфавит перейдет и русская письменность. Кириллица устарела уже и для славянских языков. Даже в Болгарии, на родине кириллического алфавита, и то сейчас звучат голоса о необходимости перехода на латиницу. Препятствует тому идея русской великодержавности. Идея какой-то особенности России, особенности русского пути, евразийства и т. д. Это вредная идея, реакционная. Россия должна интегрироваться в Европу. И одним из необходимых условий этого, по моему глубокому убеждению, является перевод письменности всех народов России на латинский алфавит». Автор упрекает русский народ в отсталости: «К сожалению, судя по настроению некоторых, русский язык перейдет на эту графику, видимо, одним из последних, что приведет лишь к тому, что другие, неславянские, народы России будут опережать русский народ в своем цивилизационном развитии». Заведующему отделом Кавказа в Институте этнологии РАН, каковым является автор, резоннее было бы начать с требования латинизации армянской или грузинской письменности, но ни армяне, ни грузины этого отнюдь не хотят. Явно предпочитают оставаться в своей традиционной культуре греки, евреи, арабы, японцы, китайцы и многие другие.

Не вдаваясь в полемику (исчерпывающую отповедь адвокатам глобализации дали академик О. Н. Трубочев, В. М. Алпатов и др.), скажем лишь, что

неумеренность цивилизации или глобализации в, строго говоря, безразличных для нее вопросах представляет собой реальную угрозу для национальных культур. Покушение на тысячелетние традиции тем более бессмысленно, что именно прогресс цивилизации способен решить (да и уже решил!) возникающие технические проблемы. Культура не должна приспосабливаться к технике, а техника действительно должна ей служить.

С. В. Лавров¹

ЧЕРЕЗ АКТИВАЦИЮ МНОГОСТОРОННИХ УСИЛИЙ — К СОЗДАНИЮ ГАРМОНИЧНЫХ ОСНОВ МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ²

Современный мир стоит перед лицом глобальных вызовов. Одним из самых серьезных является опасность возникновения новых разделительных линий, теперь уже не по идеологическому, а по культурно-цивилизационному признаку. В эпоху глобализации соперничество идеологий уступило место конкуренции систем ценностей и моделей развития. И здесь уместны такие категории, как сосуществование и синтез, а не доминирование и ассимиляция. Одной из характерных особенностей современного мира является возрастание роли религиозного фактора в международной жизни. Приоритетной задачей становится недопущение конфронтации цивилизаций через налаживание конструктивного диалога представителей различных культурных и религиозных традиций.

Нынешний глобальный финансовый кризис делает очевидным то, на что эксперты указывали уже многие годы. Западная модель светского либерализма, проповедующая безудержное потребительство, не способна дать реалистичный ответ на ключевой вопрос мирового развития: как обеспечить в дальнейшем гармоничное развитие человечества, в том числе в условиях исчерпаемости природных ресурсов и деградации окружающей среды. Это объективно создает спрос на альтернативные модели, в основе которых, по нашему убеждению, должны лежать проверенные временем традиционные нравственные ценности. Нынешний глобальный финансово-экономический кризис дает все основания поставить вопрос и об обновлении западной модели, включая перебалансировку между действием рыночных сил и участием государства в экономике. Допускаю, что речь может идти и о новой парадигме экономического роста. В любом случае глобализация делает императивом необходимость интеграции мер по решению общемировых проблем в национальные стратегии развития.

¹ Министр иностранных дел Российской Федерации, член Совета безопасности РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол. С 1972 г. работает в системе МИД СССР и России. В 1994 — 2004 гг. — постоянный представитель РФ при ООН и представитель РФ в Совете Безопасности ООН. Автор ряда научных работ, в т. ч.: «Попытка заглянуть в послевоенное будущее», «Несколько штрихов к международному портрету Москвы», «Россия и Индия. Взаимовыгодное сотрудничество и стратегическое партнерство» и др.

² Доклад представлен на IX Международные Лихачевские научные чтения (2009 г.).

Попытки представить дело так, как будто в мире лишь одна «подлинная» цивилизация — западная, только провоцируют проявления нетерпимости и ксенофобии, дополнительно дестабилизируют современные общества. Важно понимать, что масло в огонь межцивилизационных противоречий объективно подливают не только разного рода экстремисты-маргиналы, но и все, кто руководствуется идеологизированными подходами в международных делах, будь то на Западе или на Востоке.

Россия никому не навязывает свою позицию. Но наше понимание того, в каком направлении должна развиваться международная жизнь, основано на анализе, верность которого подтверждает развитие событий, и глубокой убежденности в необходимости сопрягать подходы к актуальным внешнеполитическим проблемам с ценностями основных мировых религий, составляющими, на наш взгляд, духовно-нравственную основу общечеловеческой солидарности. Не признавая этих универсальных принципов, трудно добиться справедливого решения насущных вопросов мирового развития на подлинно коллективных и правовых началах, создать атмосферу взаимопонимания в отношениях между государствами. Опора на общий нравственный знаменатель помогает в укреплении межцивилизационного согласия, выстраивании критериев соблюдения гражданских прав и свобод в контексте ответственности личности перед обществом. Без этого нам не обеспечить предсказуемость и доверие в международных делах, нынешнее состояние которых характеризует «кризис доверия» в самом широком смысле этого понятия.

Важнейшей задачей нашей деятельности на этом направлении является формирование благоприятных политико-дипломатических условий для налаживания широкого межконфессионального диалога, который способствовал бы нейтрализации попыток политизировать религиозный радикализм и нахождению оптимальных путей урегулирования конфликтов, имеющих межконфессиональную подоплеку.

Россия — страна с многовековым опытом мирного сосуществования многочисленных народов и этносов, культурных и религиозных традиций. В таком качестве Россия поддерживает все инициативы, направленные на укрепление межцивилизационного согласия, начиная с одобренной Генеральной Ассамблеей ООН в 1998 году резолюции об объявлении 2001 года Годом диалога между цивилизациями под эгидой ООН. Совместно с традиционными российскими конфессиями и отечественными неправительственными организациями (НПО) мы активно работаем на различных диалоговых площадках, стремясь сфокусировать внимание международного сообщества на необходимости выстраивания партнерства цивилизаций и учета религиозного фактора в мировой политике.

Этапным событием в этой работе стало проведение в июле 2006 года в Москве по инициативе Русской православной церкви Всемирного саммита религиозных лидеров. Он имел большое значение для лучшего понимания настроений в мировом религиозном сообществе и сыграл важную роль для закрепления России на одной из ведущих позиций в деле развития диалога цивилизаций, особенно его межрелигиозного измерения. Участниками саммита было достигнуто общее понимание того, что пора переходить к конкретным действиям по укреплению межцивилизационного согласия, в том

числе на ооновской «площадке». Рассчитываем, что очередной саммит религиозных лидеров, который пройдет осенью этого года в Баку, станет успешным продолжением московской встречи.

В сентябре 2007 года в ходе 62-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Россия выдвинула инициативу о создании под эгидой ООН Консультативного совета религий — диалогового форума, предполагающего регулярные встречи представителей наиболее важных конфессий мира по вопросам международной повестки дня, включающим вероисповедный и ценностный компоненты. В сферу компетенции Совета входила бы экспертная работа по вопросам: межрелигиозного диалога и диалога с нерелигиозными мировоззрениями; борьбы с диффамацией религий, проявлениями нетерпимости и ксенофобии; защиты мест религиозного поклонения и святынь; содействия урегулированию региональных конфликтов, имеющих религиозную составляющую. Наша инициатива не претендует на подмену механизмов, уже действующих на межцивилизационном поле, не посягает на чьи-либо прерогативы, не преследует цель создать для кого бы то ни было доминирующие позиции в межрелигиозном диалоге.

В качестве первого шага в реализации данной идеи с генеральным директором ЮНЕСКО К. Мацуурой достигнута договоренность о создании Группы высокого уровня по межрелигиозному диалогу под его эгидой, которая призвана стать «площадкой» консультаций религиозных лидеров по межцивилизационной проблематике. Группа будет заниматься содействием межкультурному диалогу через образование, науку, культуру и СМИ в соответствии со Среднесрочной стратегией ЮНЕСКО на 2008 — 2013 годы.

С российскими идеями созвучна инициатива короля Саудовской Аравии Абдаллы о налаживании постоянного прямого взаимодействия иерархов ведущих мировых конфессий, в том числе в целях выработки рекомендаций, которые могли бы стать предметом обсуждения в ООН.

В рамках ООН российские делегации принимают активное участие в работе таких постоянно действующих механизмов, как Трехсторонний форум по международному сотрудничеству на благо мира (объединяет представителей государств, учреждений ООН и неправительственных организаций) и Министерские встречи по межрелигиозному сотрудничеству на благо мира. В сентябре 2007 года на 62-й сессии Генассамблеи ООН Россия вошла в число соавторов резолюции «Диалог высокого уровня по межрелигиозному и межкультурному сотрудничеству в интересах мира», подтвердившей актуальность активизации межрелигиозного диалога, востребованность вклада мировых религий в решение глобальных проблем. Наши представители участвовали в Мадридском конгрессе межрелигиозного диалога (он был открыт в июле 2008 г.). В ходе состоявшегося в ноябре 2008 года в рамках Генассамблеи ООН заседания Высокого уровня по межцивилизационной тематике мы выступили соавторами резолюции «Поощрение межрелигиозного и межкультурного диалога, понимания и сотрудничества во имя мира». В этой резолюции по нашей инициативе закреплено положение, рекомендуемое государствам — членам ООН рассмотреть идеи, выдвинутые в рамках Диалога высокого уровня, включая наши предложения, связанные с институционализацией межрелигиозного диалога в формате Всемирной организации в целом и созданием Консультативного совета религий в частности.

Россия также поддерживает многостороннее взаимодействие в рамках созданного в 2005 году под эгидой Генерального секретаря ООН «Альянса цивилизаций». Видим в Альянсе весомый потенциал мобилизации коллективных усилий государств и гражданского общества в интересах преодоления межкультурных, межрелигиозных и межэтнических противоречий. Как член Группы друзей Альянса, Россия участвует в мероприятиях Альянса, включая его форумы (Мадрид, 15 – 16 января 2008 г.; Стамбул, 6 – 7 апреля 2009 г.). В МИДе России разработан Национальный план по развитию отношений с Альянсом, назначен специальный представитель по взаимодействию с ним.

Россия поддерживает усилия ЮНЕСКО в сфере межкультурного диалога, включая инициативу создания региональных коалиций городов против расизма. В мае 2009 года в Санкт-Петербурге пройдет сессия руководящего комитета Европейской коалиции городов против расизма (ЕКГПР), в которую входят более 80 городов из 17 стран. Заинтересованность во вступлении в ЕКГПР проявляют многие российские города (Ростов-на-Дону, Оренбург и др.).

Кроме того, по линии ЮНЕСКО Россия приветствует организацию сети «породненных» кафедр по межкультурному диалогу в высших учебных заведениях всего мира, объявление 2010 года Годом сближения культур, проведение в России в ноябре этого года Институтом философии РАН совместно с Комиссией Российской Федерации по делам ЮНЕСКО серии мероприятий на тему «Философия в диалоге культур», возрождение Международного Дельфийского движения, призванного способствовать сохранению и популяризации культурного разнообразия в сфере музыкального, танцевального, изобразительного и других видов искусств. В сентябре прошлого года в Саратове под эгидой ЮНЕСКО были проведены Вторые всемирные Дельфийские игры, в которых приняли участие делегации 61 страны.

В продвижении приоритетов в междивизиационном диалоге нами задействуются возможности Совета ООН по правам человека (СПЧ). В вступлении председателя Отдела внешних церковных связей Московского патриархата митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на дискуссии по теме «Межкультурный диалог по правам человека», проведенной в рамках 7-й сессии СПЧ в Женеве 18 марта 2008 года, был подробно изложен подход Русской православной церкви к толкованию и применению прав человека через призму требований общечеловеческой морали. Нет сомнений в том, что с избранием митрополита Кирилла Святейшим Патриархом Московским и всея Руси эта актуальнейшая тема будет и далее активно продвигаться в междивизиационных дискуссиях.

Другим важнейшим направлением усилий российской дипломатии в вопросах укрепления междивизиационного согласия является расширение взаимодействия с исламским миром, как в рамках двусторонних отношений с мусульманскими государствами, так и по линии Организации Исламская конференция (ОИК), включая Исламскую организацию по образованию, науке и культуре (ИСЕСКО). Важно, что Россия и дружественные нам страны мусульманского мира выступают как партнеры по многим актуальным проблемам современности. Это было подтверждено в ходе саммита ОИК

в марте 2008 года в Дакаре. В июле 2008 года начало работу постоянное представительство Российской Федерации при ОИК в Джидде.

Не вызывает сомнений, что достижение прочного всеобъемлющего урегулирования ближневосточного конфликта позволило бы снизить остроту межкультурных трений прежде всего между исламским миром и Западом, стало бы важнейшим вкладом в укрепление не только региональной, но и глобальной стабильности. Россия предпринимает активные усилия с целью содействия продвижению к миру на Ближнем Востоке.

Межкультурный диалог находится в центре внимания работы созданной по нашей инициативе Группы стратегического видения (ГСВ) «Россия — исламский мир». В ее формате в 2008 году в Москве состоялись две международные конференции на темы «Россия — исламский мир» и «Ислам победит терроризм». В заключительном документе 4-го заседания ГСВ в Джидде в октябре 2008 года выражена поддержка российской инициативы по созданию под эгидой ООН Консультативного совета религий.

Россия, чья культура является неотъемлемой частью общеевропейской культуры, в рамках Совета Европы стремится внести свой вклад в процесс строительства «Большой гуманитарной Европы». В мае 2008 года Комитетом министров Совета Европы (КМСЕ) был одобрен текст «Белой книги по межкультурному диалогу» Совета Европы, в которой сформулирована долгосрочная стратегия деятельности в этой области. Важно, что основная часть поправок российской стороны в итоговом тексте «Белой книги» была учтена. В частности, по нашему предложению был включен раздел, посвященный религиозному измерению межкультурного диалога. Широкий резонанс получило выступление Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на сессии Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) в Страсбурге в октябре 2007 года.

По российской инициативе в рамках КМСЕ принято решение о ежегодном проведении конференций по религиозному измерению межкультурного диалога. Первая такая встреча состоялась в апреле 2008 года с участием представителей Русской православной церкви в Страсбурге, вторая планируется на весну этого года. Убеждены, что для сегодняшней многоконфессиональной Европы особенно актуально осознание пагубности воинствующего секуляризма, разрушающего вековые нравственные устои и духовные корни европейцев и одновременно провоцирующего исламский радикализм. Ведь основные ценности христианской морали во многом понятны и мусульманам, а их игнорирование, нередко демонстративное, напротив, лишь усугубляет отчужденность целого сегмента европейского сообщества и усиливает его враждебность к западной цивилизации.

Россия активно участвует в обсуждении межкультурной тематики в рамках Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Мероприятия проходят в различных форматах — в виде докладов Постоянному совету трех личных представителей Действующего председателя по противодействию различным формам нетерпимости, в рамках деятельности Представителя ОБСЕ по свободе СМИ, регулярных дискуссий на эту тему в ходе заседаний Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ. Такая работа ведется в тесном взаимодействии с Отделом внешних церковных связей Московского патриархата, российских профильных

ведомств. В прошлом году к ней подключились Генеральная прокуратура и МВД России. В ходе 16-го заседания Совета министров иностранных дел ОБСЕ в Хельсинки в декабре 2008 года российская сторона поддержала резолюцию «О вкладе ОБСЕ в становление Альянса цивилизаций», в которой государства-участники подтвердили необходимость содействия взаимопониманию между странами и народами, принадлежащими к различным культурным и религиозным традициям, а также поручили Генсекретарю ОБСЕ вести мониторинг за эволюцией Альянса.

Межцивилизационная проблематика открывает широкие возможности для участия в международном диалоге и перед неправительственными организациями. Весомый вклад в поощрение контактов представителей интеллектуальной, политической, культурной, духовной и деловой элит со всех континентов вносит созданный по инициативе российской общественности Мировой общественный форум «Диалог цивилизаций», который в 2006 году был зарегистрирован в Вене в качестве международной неправительственной организации. Заметным событием международной жизни стали ежегодные заседания форума на острове Родос, в ходе которых в неформальной обстановке обсуждаются вопросы защиты духовных и культурных ценностей человечества, содействия формированию более справедливого и демократического миропорядка.

Россия намерена и впредь активно содействовать утверждению в мировой политике и международном общественном мнении императива сохранения культурно-цивилизационного разнообразия как основы гармоничного мирового развития. Будем делать это как индивидуально, так и совместно с партнерами, со всеми, кому небезразлично культурное и духовное наследие человечества. Рассматриваем нашу работу на данном направлении как один из существенных элементов формирования полицентричного мироустройства, обеспечения равной безопасности и равного доступа всех государств к преимуществам глобализации в экономической, информационной и других областях.

В. А. Лекторский¹

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ²

Хорошо известен тот факт, что интенсивно идущий процесс глобализации создает серьезные вызовы национально-государственным интересам. Ведь глобализация включает несколько компонентов. Во-первых, это распространение на все регионы мира современной рыночной экономики, сопровождаемое появлением транснациональных корпораций, которые сегодня управляют многими экономическими процессами в мире, не считаясь при этом с существующими национально-государственными границами. Во-вторых, это повсеместное проникновение во все страны мира современных коммуникационных технологий: телевидения, Интернета, мобильной связи. И то и другое порождает всемирную массовую культуру, которая, как может показаться, успешно вытесняет традиционную, развивающуюся как раз в рамках национальных государств.

Некоторые теоретики считают, что в процессе глобализации должна исчезнуть национально-государственная идентичность, что будущее человечества связано с отрицанием наций и национальных государств, что понятие государственного суверенитета канет в Лету, а индивидуальная идентичность в дальнейшем будет опираться либо на глобальную коллективность (космополитизм), либо на отдельные случайно создаваемые и быстро распадающиеся сетевые сообщества. Другие теоретики — постмодернисты — идут еще дальше: с их точки зрения, сегодня вообще теряет смысл понятие любой человеческой идентичности, как индивидуальной, так и коллективной, можно говорить о «размытой» идентичности, полиидентичности, уничтожении каких бы то ни было границ между отдельными индивидами и отдельными коллективностями. Ясно, что с этой точки зрения вопрос о защите национально-государственных интересов является бессмысленным.

Между тем он исполнен глубокого смысла, особенно сегодня.

Конечно, в рамках рыночной экономики можно эффективно решать многие экономические проблемы. Безусловно, что новые коммуникационные технологии и новейшие технологии НБИК (нано-, био-, информационные,

¹ Заведующий сектором теории познания Института философии РАН, академик РАН, академик РАО, доктор философских наук, профессор. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Философия в современной культуре», «Субъект, объект, познание», «Эпистемология классическая и неклассическая», «Трансформации рациональности в современной культуре», «Философия в контексте культуры», «Философия, познание, культура», «Познание и сознание в междисциплинарной перспективе» в двух частях (ред.), «Проблема сознания в междисциплинарной перспективе» (ред.) и др. Главный редактор и один из авторов книжной серии из 21 книги «Философия России второй половины XX в.». Председатель Международного редакционного совета журнала «Вопросы философии», член редколлегии журнала «Эпистемология и философия науки». Член Международного института философии (Франция), иностранный член Центра философии науки Питтсбургского университета (США), член Международной академии философии науки (Бельгия). Почетный профессор Института философии Китайской академии социальных наук, почетный член Национальной академии наук Республики Казахстан. Награжден орденом «Знак Почета», орденом М. В. Ломоносова, медалью Института философии РАН «За вклад в философию».

² Доклад представлен на XV Международные Лихачевские научные чтения (2015 г.).

когнитивные) создают новое пространство для человеческого развития, предоставляют принципиально иные возможности для выхода за рамки культурной изоляции. Но вместе с тем процесс глобализации в том виде, в каком он осуществляется сейчас, несет угрозу не только существующим национальным государствам, но и самому человеку. Глобализация разрушает не только межгосударственные границы, но и жизненный мир человека, не только человека той или иной культуры, но и человека вообще. Имеется в виду не только то, что относится к специфическим особенностям той или иной культуры, но и то, что является инвариантными характеристиками всех культур, сколь бы они ни отличались друг от друга: речь идет о таких ценностях, как свобода, забота о ближнем, взаимопонимание и др. Глобальная технологизация всех социальных и культурных отношений угрожает самому бытию человека.

Растущая включенность человека в глобальную информационно-коммуникационную сеть — это не только возможность установления контактов с другими людьми и культурами, но и растущая сеть зависимостей. Расширяются возможности для манипуляции сознанием, управления человеком, производства дезинформации в больших масштабах.

В связи с развитием информационных, биологических и нанотехнологий появляется возможность серьезной модификации телесных качеств человека, воздействия на его мозг и психику. С одной стороны, это открывает новые возможности, с другой — не может не влиять на культуру, так как во всех существующих культурах образ человека предполагает те его телесные и психические характеристики, которые сложились исторически.

Сообщества, возникающие в рамках глобальных информационных сетей, в ряде отношений отличаются от тех, которые существуют на основе традиционных культур. Сетевое сообщество может мгновенно возникнуть и столь же быстро распаться. Оно не привязано ни к какой территории и не опирается на устойчивую традицию. Отношения между такими сообществами не имеют иерархического характера, а их совокупность не может быть представлена в качестве системного целого. Поэтому включенность в подобные сообщества и привязанность к одной из существующих культур, опирающихся на исторические традиции и предполагающих пространственную локализацию, вступают в серьезное противоречие.

Рыночная экономика продемонстрировала и продолжает демонстрировать свою эффективность в глобальном масштабе. Но поскольку развитие современных технологий и лежащей в их основе науки происходит сегодня в рамках такого рода экономики, то и наука, и технологии приобретают некоторые характеристики, которые не были им свойственны в традиционной культуре и которые в каком-то смысле «расчеловечивают» и науку, и технологии. О возможном опасном для человека использовании современных технологий уже говорилось. Что же касается науки, то она в условиях современного потребительского общества (которое глобализация и пытается распространить на всю планету) приобрела характер так называемой технoнауки: лишь то знание ценится и поощряется, которое может породить технологии. А с помощью последних можно произвести товар на продажу. Само знание превращается в товар, а ученый — в поставщика услуг. Это очень серьезно влияет на этос науки. Если она работает на крупные корпорации,

то знание, добытое учеными, становится собственностью этих корпораций со всеми вытекающими отсюда последствиями — вплоть до засекречивания методов получения тех знаний, которые могут быть использованы при создании новых технологий. Возникает так называемый когнитивный капитализм, появляются новые типы ученых, невозможные ранее, например ученый-менеджер.

В 1940-е годы известный американский социолог науки Р. Мертон на основании изучения деятельности отдельных ученых и научных коллективов сформулировал четыре особенности научного этоса: универсальность, коллективизм, культивируемый научный скептицизм и запрет на плагиат. В течение многих десятилетий казалось, что выделенные Мертоном характеристики научной деятельности — безусловные черты того, что мы считаем наукой.

Между тем в науке, развивающейся в условиях современной глобальной рыночной экономики, это во многом уже не так. Если научное знание — собственность корпораций, то очевидно, что об универсальности знания, его коллективности во многих случаях уже нельзя говорить. Критицизм в этом случае тоже не может практиковаться в той форме, в какой это можно было делать раньше. К счастью, не вся наука превратилась в технонауку и отнюдь не все научное знание стало собственностью корпораций. И особенности научного этоса, определенные Мертоном, все еще работают во многих научных исследованиях. Но сама тенденция превращения науки как одного из высших культурных достижений человечества в простой способ зарабатывания денег, конечно, связана с распространением рыночных отношений на все сферы человеческой жизни, что и происходит сегодня в процессе глобализации.

Что же может противодействовать этому процессу, а точнее, той форме глобализации, которую она приобрела сегодня (ибо глобализация может осуществляться и в других формах)?

Противостоять расчеловечиванию человека и культуры мы сможем только в том случае, если сумеем сохранить традиционные человеческие ценности и вместе с тем адаптировать их к современным реалиям, в том числе к вызовам, которые созданы развитием науки и технологий. А традиционные ценности существуют и транслируются от поколения к поколению в рамках существующих национальных культур. Эти культуры отличаются друг от друга. Понимание мира и человека в них неодинаково. Но всем им свойственны некие общие представления, которые сегодня ставятся под вопрос глобальными вызовами. Разнообразие традиционных культур — не недостаток, а условие выживания и дальнейшего развития человечества.

Вообще гомогенность (к которой ведет практикуемая сегодня глобализация) — путь в тупик, ибо, как хорошо известно, развитие, эволюция возможны только при условии разнообразия, так как разные формы могут обнаружить разные ресурсы на том или ином витке дальнейшего развития, и то, что сегодня кажется наиболее перспективным, может не оказаться таковым на новом этапе.

Существующие культуры сегодня вынуждены реагировать на вызовы глобализации и адаптироваться к ним путем саморазвития. Может оказаться, что у разных культур ресурсы подобной адаптации будут различными.

Так, например, некоторые традиционные способы организации работы в Китае и Японии оказались хорошо коррелирующими с современными формами работы сетевых предприятий. Я думаю, что культивировавшиеся в русской культуре внепрагматические ценности могут сыграть положительную роль в поисках выхода из тупика «когнитивного капитализма». Наиболее трагичным окажется положение тех культур (и связанных с ними государств), которые не смогут найти в себе ресурсы для адаптации к современной ситуации и для саморазвития. Они могут потерять свою идентичность — как культурную, так и государственную.

Итак, защита человека сегодня означает охрану и развитие традиционной культуры, а последнее предполагает защиту национальной идентичности, значит, национальных интересов.

Последние, конечно, включают защиту геополитических и экономических интересов страны, развитие экономики, здравоохранения, нахождение страной своего места в международном разделении труда, сотрудничество с разного рода международными экономическими и политическими организациями, укрепление обороноспособности и многое другое. Страна не может находиться в изоляции. Для того чтобы сохранить свою национальную идентичность, она должна развиваться, а значит, адаптироваться к существующим мировым и политическим реалиям, точнее, не просто адаптироваться, а давать свой ответ на глобальные вызовы, следовательно, меняться, развиваться самой. Но все это невозможно без сохранения и развития культуры, ибо именно она и есть то, что лежит в основе национально-государственной идентичности. Без собственной культуры все остальное (политические и экономические связи, государственные и общественные институты) не обеспечит сохранение национальной идентичности. А это значит, что защита национальных интересов невозможна без развития образования, науки и искусства. Экономически развитая страна, потерявшая свою культуру, лишается национальной идентичности, а значит, и национальных интересов.

Ли Цзинцзе¹

ЗАИМСТВОВАНИЕ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ: НЕЛЬЗЯ ДОПУСКАТЬ ОТКЛОНЕНИЙ КАК «ВЛЕВО», ТАК И «ВПРАВО»²

Согласно традиционному историческому материализму человеческое общество развивается следующим образом: общество первобытного коммунизма, рабовладельческое, феодальное, капиталистическое и социалистическое (коммунистическое) общество. Когда капиталистическое общество

¹ Президент Китайской ассоциации по изучению России, Восточной Европы и Центральной Азии, член Национального политического консультативного комитета КНР, академик Академии общественных наук КНР.

² Доклад представлен на VII Международные Лихачевские научные чтения (2007 г.).

развивается до определенной степени, на смену ему неизбежно приходит социалистическое (коммунистическое). А когда именно происходит такая замена? По мнению К. Маркса и Ф. Энгельса, «общество обладает слишком большой цивилизацией, имеет слишком много жизненных средств, располагает слишком большой промышленностью и торговлей. Производительные силы, находящиеся в его распоряжении, не служат более развитию буржуазных отношений собственности; напротив, они стали непомерно велики для этих отношений, буржуазные отношения задерживают их развитие <...> буржуазные отношения стали слишком узки, чтобы вместить созданное ими богатство»¹. Это означает, что лишь тогда, когда в капиталистический строй не будут вмещаться создаваемые им материальные и духовные ценности, его заменит другой социальный строй, то есть социалистический; но в то же время лишь тогда, когда социализм создаст более высокую производительность труда и более передовую духовную культуру, он сможет и будет в силах заменить капитализм.

Однако до Октябрьской революции Россия была отнюдь не такой развитой капиталистической страной, какую представляли себе Маркс и Энгельс. Хотя капитализм в тогдашней России и получил определенное развитие, однако в целом ее можно было отнести к числу аграрных стран. Что касается ряда стран, ставших социалистическими после Второй мировой войны, в том числе и Китая, то ни одна из них не прошла этапа развитого капитализма, многие даже находились на докапиталистической стадии.

Таким образом, революции в России, Китае и некоторых других странах, произошедшие в первой половине XX века, не соответствовали теории Маркса и Энгельса. Однако как следовало поступать коммунистам после прихода к власти? По мнению В. И. Ленина, прежде всего следовало захватить государственную власть, а потом создавать материальные и культурные предпосылки социализма. Ленин даже поднял вопрос изучения и заимствования капиталистических ценностей на высоту определения перспектив и судеб социализма; он подчеркивал, что «превратить всю сумму накопленного капитализмом богатейшего, исторически неизбежно-необходимого для нас запаса культуры и знаний и техники — превратить все это из орудия капитализма в орудие социализма»².

Однако в отношении капиталистической культуры и проблемы взаимосвязи социализма и капитализма Россия, Китай и другие социалистические государства отклонились от указанной концепции Ленина и совершили ряд ошибок левого толка как в теоретической сфере, так и в конкретной политической практике. Эти ошибки сводятся главным образом к следующему.

1. Бездумное отождествление противоречий между социализмом и капитализмом с противостоянием и противоборством стран с различным социальным строем.

2. Рассмотрение законов исторического развития человеческого общества, связанных с окончательной заменой капитализма социализмом, как безальтернативной связи стран с различным социальным строем: либо победители, либо побежденные.

3. Упрощение классификации многообразного мира — как социалистического, так и капиталистического; уверенность, что есть лишь белое и чер-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 430.

² Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1962. Т. 36. С. 382.

ное. Категорическое отрицание капиталистической цивилизации, рассмотрение ее в качестве огромного зла.

С диалектической точки зрения взаимосвязь между социализмом и капитализмом — это взаимосвязь между новым и старым, при которой нельзя быть полностью «за» или «против», допускается взаимное сосуществование одобрения и отрицания. Социализм отрицает лишь ту часть капитализма, которая утратила жизненную силу, преобразует и заимствует все его жизнеспособные аспекты, превращает последние в органическую составную часть и основу собственного развития. Новое и старое — это единство противоположностей. Однако противоположность не означает антагонизм. Бездумно рассматривать отношения между социалистическими и капиталистическими странами как классовую борьбу, как отношения между жизнью и смертью; это типичное проявление метафизики. Жаль, что подобная метафизика долгое время играла решающую роль в мировом социалистическом движении.

Очевидно, что разработанная руководством социалистических стран в соответствии с указанной концепцией внешняя политика не могла правильно выстраивать отношения с капиталистическими странами. На протяжении длительного времени коммунисты были обеспокоены тем, что расширение обмена и сотрудничества с капиталистическими странами наносит ущерб государственному суверенитету и способствует проникновению западной идеологии. Поэтому в течение десятилетий все социалистические страны крепко «запирали двери» и фактически отказались от политики открытости внешнему миру. Не говоря уже о том, чтобы осознанно учиться у капитализма.

Как показывает практика, подобная политика приводит к ограничению свободы действия и к собственному ослаблению. В конечном счете коммунисты СССР и Восточной Европы не сохранили собственной «чистоты» и утратили статус правящей партии. КПК избрала путь реформ и открытости внешнему миру, заимствует лучшее в культуре всего человечества, в том числе и культурные достижения развитых западных капиталистических стран. Таким образом наша страна получает быстрое развитие, а КПК сохраняет лидирующие позиции.

Самыми важными событиями конца XX века в человеческом развитии стали распад СССР и резкие перемены в Восточной Европе. В значительной степени это похоже на процесс заимствования западной цивилизации. Поэтому можно сказать, что распад СССР и перемены в Восточной Европе изменили не только политическую карту мира, но и само распространение мировой культуры и цивилизации. Процесс социальных преобразований в указанных странах пока еще не закончен. Однако уже сегодня очевидно, что произошел ряд огромных и необратимых изменений.

Во-первых, произошел отказ от модели советского социализма, для которой характерны единственная партия, единая идеология и единая собственность; признана необходимость учебы у развитого западного капитализма; сделан выбор направления развития.

Во-вторых, в сфере политической системы — переход от так называемого тоталитаризма к демократической республиканской форме правления. В некоторых странах все еще сохраняются явные следы старой системы, а сама

форма и практическое содержание демократической республиканской формы правления не в полной мере соответствуют друг другу.

В-третьих, в сфере экономической системы — переход от единой собственности и централизованной плановой экономики к многообразию форм собственности и рыночной экономике, хотя многие страны по-настоящему еще далеки от последней.

В-четвертых, в сфере культуры и идеологии — отрицание руководящего места и роли марксизма-ленинизма, осуществление плюрализма в данной сфере.

В-пятых, в области внешней политики — отказ от конфронтации, стремление к сотрудничеству с Западом; ряд стран через участие в НАТО и ЕС присоединились к Западу.

В последнее десятилетие XX века в упомянутых странах произошли огромные изменения, большинству из них пришлось заплатить за это высокую цену. Например, в России, если сравнивать 1990 и 1998 годы, ВВП снизился на 50 %, а уровень жизни населения — на 40 %, налицо ослабление совокупной мощи государства. Среди 27 государств только отдельные страны Восточной Европы быстро встали на путь устойчивого развития, пережив относительно меньше трудностей.

Если проводить дальнейшее исследование, то можно заметить, что для стран, которые раньше других преодолели кризис и вышли на путь уверенного развития, характерны следующие черты: во-первых, они в силу исторических традиций и культуры схожи с Западной Европой; во-вторых, там были проведены реформы в той или иной степени без резких изменений, в результате чего появились определенные факторы рыночной экономики. В остальных странах, которые еще переживают различные трудности, данные условия как раз отсутствуют. Очевидно, это объясняет ту правду, которой обычно пренебрегают политические деятели: заимствуя зарубежные ценности, следует учитывать собственные условия и реалии.

Умение учиться у других стран и народов, заимствовать и воспринимать все достижения человеческой цивилизации — символ и источник непрерывного развития и процветания того или иного государства. Однако при учебе у зарубежных стран необходимо учитывать собственные исторические традиции и культуру. Все зарубежные социальные строи и культуры возникают и развиваются в специфических условиях; даже если они и совершенны, то ни в коем случае нельзя перенимать их механически. Еще две с половиной тысячи лет назад китайские мудрецы приводили в пример мандарины: их нельзя насильственно пересаживать, иначе плоды будут несъедобными, — чтобы люди не занимались механическим заимствованием. Дело в том, что в Китае мандарины, плоды которых сладкие, обычно растут к югу от реки Хуанхэ, но если посадить их к северу от реки, то плоды будут иметь резкий запах и будут непригодны для еды. Причина в том, что на разных берегах реки — разные условия. Эта история учит нас тому, что при заимствовании опыта за границей нельзя механически перенимать его и игнорировать собственные конкретные условия, иначе могут исчезнуть даже прежние преимущества.

Человечество идет из вчерашнего дня в сегодняшний и дальше — к будущему. Вчерашний, сегодняшний и завтрашний дни тесно связаны между

собой, их нельзя произвольно делить. В отношении исторической культуры люди могут осуществлять преобразования, творить, но нельзя ее разрывать на отдельные фрагменты или ликвидировать какие-то части. Кто попытается разорвать и ликвидировать собственную национальную историческую культуру, тот подвергается суровому наказанию. «Культурная революция» в Китае дает яркий тому пример. В ходе реформ в СССР и Восточной Европе также можно найти массу подобных примеров.

Если считать отказ социалистических стран от капиталистических ценностей ошибкой левого толка, то можно рассматривать болячки «демократической наивности» как правоуклонистские ошибки. В определенное время такая болезнь охватила многие страны. «Больные» полагают, что западная демократическая система несет с собой благоденствие, что с ней все пойдет на лад. В течение многих лет пропагандируется теория о том, что «демократия непременно дает развитие», это уже стало своего рода законом. Однако люди не могут доказать его правильность на практике. Согласно имеющимся данным, 62 % стран мира заявляют о том, что у них существует демократическая система, но лишь совсем немногие из них достигли настоящего развития и процветания. В то же время налицо и совсем другие примеры: многие страны и регионы, где не реализуется западная демократическая система, за короткий срок осуществили индустриализацию и модернизацию, значительно сократили разрыв с развитыми странами. Конечно, такое сравнение проводится не для того, чтобы утверждать, будто демократия — вещь плохая, никуда не годится. Наоборот, настоящая демократия — это общее чаяние всего человечества. Несомненно, что рано или поздно все страны мира встанут на путь демократизации в той или иной форме. Однако демократия как в качестве идеологии, так и в качестве системы является продуктом развития экономических основ и производительных сил общества. В рамках политической системы демократию следует создавать на соответствующей экономической основе, а соответствующая политическая культура дает конкретные гарантии. Только таким образом демократия может продолжить свое существование и эффективно функционировать. Западная демократическая политическая система соответствует имеющимся экономическим основам и культуре. Она формируется и развивается в течение длительного исторического периода. Попытка перенять такую систему за один день, без соответствующей экономической основы и политической культуры, — не только фантастика, но и авантюра.

С конца 1970-х годов Китай начал проводить политику реформ и открытости внешнему миру. Победа над капитализмом и его замена уже перестали быть задачами КПК — последняя выступает за многообразие человеческой цивилизации и взаимные заимствования социализма и капитализма.

Многообразие цивилизаций различных стран — основная черта человеческого общества и в то же время движущая сила прогресса человеческой цивилизации. Следует уважать историческую культуру, социальный строй и модели развития всех стран, признавать многообразие нынешнего мира. Разные цивилизации и разное общественное устройство стран мира должны долгое время сосуществовать, чтобы в процессе конкуренции и сопоставления заимствовать друг у друга все полезное и совместно развиваться на основе того, что есть у них общего, при сохранении различий. За прошедшие

двадцать с лишним лет Китай достиг заметных успехов в ходе проведения политики реформ и открытости — это результат заимствования западной капиталистической цивилизации и сохранения собственных культурных традиций и национальных особенностей. Поэтому Китай называет свой социализм «социализмом с китайской спецификой».

Вступив в новый век, российская элита вновь обратилась к «русской идее», потом возникла дискуссия о суверенной демократии. Из дискуссии видно, что Россия придерживается ценностных представлений всего человечества и идет по пути демократизации и рыночных отношений. Наряду с этим наш великий сосед подчеркивает, что необходимо исходить из собственных культурных традиций и национальных особенностей при заимствовании достижений капиталистической цивилизации. России надо избавляться от ошибок левого толка, допущенных во времена СССР, а также правоуклонистских ошибок, сделанных в 1990-х годах. Словом, заимствуя достижения капиталистической цивилизации, менее развитым странам нельзя допускать отклонений как «влево», так и «вправо».

Ли Шеньмин¹

ПУСТЬ РОЗА И ФИАЛКА РАСЦВЕТАЮТ РАЗНЫМИ ЦВЕТАМИ

(О равноправном диалоге и равноправной коммуникации между цивилизациями и культурами)²

Международный финансовый кризис не только не закончился, но и продолжает углубляться. Дело в том, что этот процесс является кризисом международной экономики капиталистических стран, всей их системы ценностей. Этот кризис носит глобальный характер. Вспышка была неизбежна, так как правительства много лет боролись с симптомами кризиса, отодвигая его начало, из-за чего теперь за три-пять лет его преодолеть невозможно. Очевидно, что глобализация, поддерживаемая неолиберализмом, подвергнется пересмотру в мировом масштабе. В мире возрождаются силы, придерживающиеся левых идей.

В такой важный момент мы собрались здесь для обсуждения вопросов равноправного диалога и коммуникации между цивилизациями и культурами, что имеет весьма большое теоретическое и практическое значение.

Человеку повезло — он родился в сложных условиях на маленькой планете, путешествующей по бескрайним просторам Вселенной. В определенных геологических, географических, этнических, экономических, политических,

¹ Вице-президент Академии общественных наук КНР. Автор более 10 научных публикаций, в т. ч.: «Забота о народе, забота о партии», «Живя в мире, думать об опасности (исторические уроки краха СССР)», «Китайская внешнеполитическая стратегия в условиях глобализации», «Биография Ван Чжэнь» (в 2 т., в соавт.) и др. Президент Китайской политологической ассоциации, вице-президент Всекитайской академической социалистической ассоциации, глава Всекитайской экспертной комиссии по международным проблемам.

² Доклад представлен на XIII Международные Лихачевские научные чтения (2013 г.).

культурных и других условиях возникли различные цивилизации и культуры. В течение почти 6 тыс. лет человеческой истории появились 26 типов цивилизации. В современном мире существуют примерно 63 религии, 190 государств, 6700 языков, более 2 тыс. наций. Разнообразные культуры и цивилизации в мире в течение веков создавались разными странами, народами и нациями и наследовались из поколения в поколение. Это достояние всего человечества, нам надо дорожить им и укреплять диалог и коммуникацию между различными культурами и цивилизациями на благо народов разных стран.

Однако в 1990-е годы после окончания холодной войны в истории человечества появилась «единственная сверхдержава». Глобализация экономики, которой способствовала эта сверхдержава в условиях научно-технической революции, значительно продвинула экспансию международного монополистического капитала в глобальном масштабе. Из-за этого все большее число стран, регионов и народов включаются в систему мировой экономики, центром которой является эта единственная сверхдержава. В нынешнем мире глобализация экономики отнюдь не является простым экономическим процессом. В то же время глобализация осуществляется таким образом, что держава путем экономической экспансии вынуждает принимать ее культурные ценности и политические идеи. Осознание этого помогает нам понять основные причины гегемонизма в политике и культуре, а также способствует более глубокому пониманию значения политической многополярности и разнообразия культур и цивилизаций в мире.

Каковы подходы к пониманию различных цивилизаций и культур? На рубеже веков в рамках западных политических теорий было выпущено много монографий и проповедей, содержащих прогнозы будущего человечества, в том числе и такие известные, как «Столкновение цивилизаций» и «Конец истории». Однако на фоне международного финансового кризиса позиции авторов этих работ сильно пошатнулись. Даже автор теории «конца истории» был вынужден признать, что история не заканчивается на капиталистической системе и капиталистическими ценностями.

Однако мы также должны ясно видеть, что *идеология гегемонии является доминирующей в современном мире*. Сегодня более 90 % новостей в потоке глобальной информации находятся под контролем западного мира, возглавляемого Соединенными Штатами Америки. Доля кино и телевидения, производимых в США, составляет всего 6,7 % на мировом рынке, доля американских фильмов заняла более 50 %, доля телевидения США заняла более 70 % на мировом рынке. В 1985 году объем телевизионной и аудиовизуальной продукции занимал 11-е место в национальной экономике США, в 1994-м — 6-е; экспорт телевизионной и аудиовизуальной продукции был на 2-м месте, уступая только экспорту самолетов. В 2000 году объем телевизионной и аудиовизуальной продукции США, поставляемой на экспорт, сравнялся по стоимости с экспортом аэрокосмической промышленности, заняв 1-е место в структуре экспорта США. В 2010 году доля индустрии культуры США достигла 43 % общемировой, а доля индустрии культуры КНР не превысила 4 % — меньше одной десятой доли США. Доля индустрии культуры в ВВП в США достигла 25 %, в Японии этот показатель составляет 20 %, в КНР — всего 2,5 %. Около 80 % глобального ресурса Интернета принадлежат США,

более 80 % электронных баз данных находятся под контролем США, почти все правила для Интернета были разработаны в США. В Китае более 560 млн пользователей Интернета, но информация, размещаемая гражданами Китая в Сети, составляет 0,1 % всего потока информации. США назвали Интернет «полем боя» наряду с землей, морем, воздушным и космическим пространством, и это еще нагляднее демонстрирует их культурную гегемонию. По существу, США выполняют функцию полиции «скоростной информационной дороги» глобального Интернета, пытаясь допускать в виртуальную реальность только ту информацию, которая соответствует ценностям западного мира, возглавляемого США. Не только самые популярные интернет-сервисы, но и наиболее известные в мире радиостанции, газеты, журналы, а также университеты, исследовательские и консалтинговые учреждения, которые косвенно представляют услуги для Запада, находятся под контролем США.

Финансовая, техническая и военная гегемония США служит основой их культурной гегемонии. Можно сказать, что финансовое превосходство выступает концентрированным проявлением экономического господства международного монополистического капитала, военное господство выступает концентрированным проявлением политической гегемонии, культурная гегемония выступает концентрированным проявлением идеологической, а техническое превосходство обеспечивает экономическую, политическую и культурную гегемонию. Если рассматривать финансовое, техническое и культурное господство как проявление мягкой силы, то военную гегемонию — как жесткую силу. Тотальная гегемония — финансовая, техническая, культурная, военная — служит новой характеристикой нынешнего периода мирового империализма.

В области культуры и цивилизации проникновение западного мира во главе с США в страны третьего мира главным образом заключается в следующих моментах:

- 1) критикуемой идеологией выступает марксизм, а также патриотизм; не прекращаются попытки заменить патриотизм «общечеловеческой концепцией ценностей»;
- 2) пропаганда свободной рыночной экономики и частной собственности;
- 3) подрыв формы правления, партийной системы и власти в других странах;
- 4) отрицание истории цивилизации и стран, добившихся успеха;
- 5) в области теории международных отношений — отрицание государственного суверенитета, насаждение идеи конфликта цивилизаций и общих концепций культуры и ценностей.

Один из мудрейших людей в истории человечества К. Маркс отметил, что человек восхищается изменчивостью и сокровищами природы, но не требует, чтобы роза и левкой улаждали наше обоняние одинаковым ароматом. Почему же люди зачастую требуют, чтобы культуры и цивилизации, которые имеют материальную и духовную составляющие с богатым содержанием, принимали одну и ту же форму? Разные культуры и цивилизации имеют различные характеристики, как камень обладает формой, а вода — свойством преломления света, и это рождает совершенную красоту. Если стачивать углы камня и лишить воду способности преломлять лучи, то кому

будут интересны такие пейзажи, которые раньше были разнообразными и красочными?

Хочу высказать следующие идеи:

— *во-первых, необходимо уважать и поддерживать право выбора социального строя и пути развития разных стран.* Социальный строй и путь развития представляют собой ядро и сущность культуры и цивилизации страны, служат основой, которой подчиняются другие формы проявления культуры, цивилизации и духа данной страны. Если какая-нибудь замечательная культура и цивилизация лишаются присущего им способа жизни и производства, экономического и политического строя, то сколько бы денег ни вкладывалось в сохранение этой культуры и цивилизации, они по сути теряют свою энергию и жизнеспособность. Многообразие культур и цивилизаций следует уважать и беречь наряду с сохранением разнообразия экономических укладов и путей развития. Надо уважать политическую многополярность, противостоять экономической и политической гегемонии в мире;

— *во-вторых, надо поддерживать равноправный диалог разных культур и цивилизаций.* Каждое государство и национальность имеют свою культурную традицию и модель развития. Все страны и нации вносят свой вклад в общую историю человеческой цивилизации, насчитывающую несколько тысячелетий. Носители культур и цивилизаций — различные по размерам государства и нации, культуры которых развивались в разное время, но это не значит, что возможно их разделение на хорошие и плохие, высокосортные и низкосортные;

— *в-третьих, следует поддерживать взаимный обмен и обогащение разных культур и цивилизаций.* Этот обмен должен быть взаимно интересным и равноправным, мы можем многому научиться друг у друга и перенять те или иные ценности. Посредством взаимных обменов каждая культура и цивилизация наполняется новым содержанием и позволяет мирно и разумно обеспечивать общее процветание и развитие;

— *в-четвертых, надо относиться к родной культуре с любовью и уважением, укреплять свои корни и сохранять истоки.* Гегемонистская культура существовала в прошлом, существует сегодня, будет существовать еще какое-то время и даже, наверное, будет развиваться. Поэтому все государства и нации, особенно те, у которых слабое преимущество в мировом сообществе, должны прежде всего сохранять и продвигать свою замечательную культуру. Культуры и цивилизации имеют богатое и глубокое содержание. Было бы неправильно делать выводы об отсталости или прогрессивности культуры только на основе развития материальной базы, науки и техники. Развивая свою национальную научную и массовую культуру, каждая страна и народ должны обеспечивать ее жизнеспособность.

Е. А. Лукашева¹

ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ: ИНТЕГРАЦИЯ КУЛЬТУР И ЕЕ ПРЕДЕЛЫ²

В нашу эпоху нет более острой темы и для познания, и для жизни, чем тема о культуре и цивилизации, об их различиях и взаимоотношениях. Это тема об ожидающей нас судьбе. А ничто так не волнует человека, как судьба его.

Н. Бердяев

Современный мир развивается под воздействием двух процессов — глобализации и самоутверждения цивилизаций. Эти процессы, как два мощных потока, иногда плавно и гармонично соединяются. Но, пересекаясь на крутых порогах, они создают турбулентные завихрения такой силы, которая может привести, а подчас и приводит к социальным катаклизмам, ставит человечество на грань катастрофы. Это естественные последствия теории «неравноценности» цивилизаций, превосходства европейской культуры, теорий «догоняющих» цивилизаций, главная задача которых состоит в том, чтобы повторить путь развития европейской цивилизации, безоговорочно принять ее ценности. В последние десятилетия европоцентристское видение мира преодолевается благодаря цивилизационному подходу. Он разрушает однообразные представления о мироустройстве, однолинейности, одномерности его развития, раскрывает своеобразие и неповторимость жизнеустройства народов различных социокультурных общностей, стремящихся к сохранению своей идентичности. В то же время такой подход позволяет увидеть те общечеловеческие обретения, которые создают условия для взаимодействия цивилизаций, их диалог помогает не только понять иные системы бытия народов, иные способы их самоорганизации, но и уважать их.

Гуманистический смысл цивилизационного подхода состоит в том, что он снимает вопрос об иерархии цивилизаций, выстраивании их по ранжиру, делении на передовые и отстающие. В глобализирующемся мире это очень важно, поскольку диалог цивилизаций должен опираться на принципы равенства, партнерства, взаимообмена, недопустимости давления культур более сильных цивилизаций, навязывания инородных эталонов, стандартов и ценностей цивилизациям, не подготовленным к подобным инновациям.

Насильственно навязанные чужеродные ценности или бездумно заимствованные эталоны, сформировавшиеся в иной культуре, плохо прижи-

¹ Член-корреспондент РАН, заведующая сектором прав человека Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Общая теория прав человека», «Права человека» (учебник для вузов), «Права человека как фактор стратегии устойчивого развития», «Права человека: итоги века, тенденции, перспективы», «Права человека и процессы глобализации современного мира», «Человек, право, цивилизация: нормативно-ценностное измерение» и др. Лауреат юридической премии «Фемида».

² Доклад представлен на X Международные Лихачевские научные чтения (2010 г.).

ваются на неподготовленной почве, разрушают привычные общественные связи, дезориентируют людей, вносят хаос в устоявшееся развитие. XX век показал разрушительные результаты попыток США и Советского Союза вторгнуться со своими рецептами государственных преобразований в традиционные общества Африки. И на нынешнем этапе мирового развития сохраняется давление сильных цивилизаций на развивающиеся общности. Скрытая сторона глобализации — это стремление высокоразвитых стран нивелировать религиозные, культурные, нравственные устои цивилизации, последовательное игнорирование национальных интересов, норм и традиций, стремление ограничить суверенитет государства, подогнать все цивилизационные структуры под европоцентристскую модель.

Следует напомнить глубокую мысль С. Хантингтона о том, что «Запад — странное, хрупкое, ни на что не похожее образование, которому ни в коем случае нельзя придавать статус общечеловеческого. Западный путь развития никогда не был и не будет общим путем для 95 % населения Земли. Запад уникален, а вовсе не универсален»¹.

К восприятию новых для данной цивилизации ценностей другой культуры общество должно быть подготовлено. Процессы взаимообмена и взаимодействия в современном мире идут постоянно, но их нельзя подталкивать, насильственно ускорять, поскольку, как свидетельствует исторический опыт, это ведет к «расщеплению» культуры (А. Тойнби), разлому, а иногда и гибели цивилизаций.

Для взаимодействия цивилизаций, их диалога необходимо представлять несущую конструкцию «цивилизации»: нормативную, социокультурную систему регуляции, включающую религию, религиозно-нравственные учения, право, мораль, политику, формы государственности, обычаи, традиции, этикет. Нормативность — это универсальное свойство самоорганизации любой общности, системы, цивилизации. Элементы, включенные в соционормативную систему, воздействуя на сознание, поведение, деятельность людей, создают определенный порядок общественных связей, предотвращают хаос и произвол.

Социокультурная система любой цивилизации содержит перечисленный выше каталог элементов. Однако их содержание многообразно, и это определяет различный характер, «стиль» цивилизаций. Стиль маркируется общепринятыми, выработанными веками, тысячелетиями правилами, нормативами, ценностями, значениями, символами, которые выражают своеобразие и специфику жизнеустройства цивилизаций, или «суперсистем», и передаются из поколения в поколение. Социокультурный комплекс позволяет рассматривать культуру как всеобъемлющее понятие во всех сложных проявлениях и взаимодействиях входящих в нее элементов: а) системы эталонов, ценностей, символов; б) деятельности людей, регулируемой и самоорганизующейся посредством таких нормативов; в) предметов и объектов бытия, являющихся результатом этой деятельности.

Полиформизм, как учение о многообразии культур, их способности реагировать на внешние вызовы или потребности внутреннего устройства, позволяет исследовать внутреннее движение социокультурных систем, определять основные направления и принципы взаимодействия культур и цивилизаций.

¹ Huntington S. West is Unique, and not so Universal // Foreign Affairs. 1996. Apr. 8.

Диалог цивилизаций должен быть ориентирован на то, что элементы, включенные в социокультурную систему, обладают различной степенью и возможностью трансформации в контактах с инокультурными системами. Наиболее устойчивые — религия, мораль, традиции, верования, обычаи, обыкновения. Право, формы государственного устройства, технические и экономические стандарты обладают высокой подвижностью, динамизмом, способностью передачи и приживаемостью.

Наиболее крупные «осевые» цивилизации выросли из основных мировых религий, давших импульс развитию всех основных элементов социокультурной регуляции. Понять суть культуры той или иной цивилизации можно, лишь оценив взаимовлияние и взаимодействие всех элементов, включенных в эту культуру. Отсюда вытекают различия в основных понятиях культуры: добра и зла, воздаяния за добрый проступок и наказание за грех, свободы и равенства, значимости права в воздействии на поведение человека по сравнению с другими видами нормативного регулирования, положения женщины и т. д. При одном и том же наименовании категорий они несут совершенно иную идеологическую и смысловую нагрузку.

То, что очевидно человеку восточных цивилизаций, бывает трудно постижимо для тех, кто находится в иной культуре. Равно как многие ценности и символы западной цивилизации неприемлемы для иных культур. Американский правовед Г. Дж. Берман справедливо отмечает, что в прошлом человек Запада уверенно нес свой закон по всему миру, однако в современных условиях человек Востока и Юга предлагает иные альтернативы¹.

Взаимодействие и взаимообмен в сфере культуры — важный шаг на пути сближения цивилизаций. Но это долгий и трудный путь, на котором очень непросто преодолевать традиционные барьеры и устоявшиеся верования.

В связи с этим важно ответить на вопросы — достижима ли цель формирования глобальной культуры, ее универсализации, и нужно ли к этому стремиться?

Думаю, что взаимодействие культур, преодоление культурных барьеров очень важно для объединения людей в решении основных вопросов мироустройства. Такое объединение должно основываться на общепризнанных ценностях, таких как:

- признание и соблюдение принципов, провозглашенных в Уставе Организации Объединенных Наций;
- утверждение веры в основные права человека, достоинство и ценности личности;
- признание верховенства права, свободы, справедливости;
- признание равенства культур различных цивилизаций;
- уважение к человеку, воспитанному в иной социокультурной общности;
- осознание необходимости бережного отношения к окружающей среде;
- взаимообмен культурными ценностями, инновациями в науке, технологиях, производстве;
- недопустимость насильственного навязывания эталонов и ценностей «сильных цивилизаций» иной социокультурной среде;

¹ Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1994. С. 48.

— соблюдение честных «правил игры» в мирохозяйственных взаимосвязях, исключающих использование рабочей силы и природных богатств странами «золотого миллиарда» в ущерб народам развивающихся стран;

— объединение усилий для борьбы против любых экстремистских проявлений, препятствующих сохранению нормальной жизнедеятельности людей, стран, цивилизаций.

Это далеко не полный набор принципов интеграции культур. Однако создание глобальной культуры малоперспективно. Необходимо учитывать процесс «социоутверждения» цивилизаций, их стремление к сохранению своей самобытности, присущих данной цивилизации ценностей и традиций. Несоединимое (а оно есть в каждой цивилизации) трудно подчинить глобальным процессам. Глобальная культура — это обеднение многоцветной картины мира. Объединяясь в важнейших вопросах миропонимания, цивилизационные культуры должны сохранять свою неповторимость, самобытность, своеобразие.

Хуан А. Марк¹

МИР УЖЕ НИКОГДА НЕ БУДЕТ ПРЕЖНИМ: ГРЯДУТ БОЛЬШИЕ ПЕРЕМЕНЫ²

Мы живем в период перемен, происходящих во всех сферах нашей жизни — от общения до охраны здоровья. Наша повседневная жизнь резко отличается от той, которую вели наши родители. То же самое происходит и в глобальном масштабе: стремительно сменяют друг друга, расцветают и увядают нации, регионы и мировые силы. СМИ извлекают выгоду из особенностей времени, потому что не бывает недостатка тем для обсуждения. Хотя, как правило, фокус внимания СМИ сосредоточен на частном, а не на общем: пресса стремится обсудить малейшее свидетельство успеха или неудачи в эволюции стран и регионов. На мой взгляд, гораздо интереснее обсудить общие тенденции, которые, как сейсмические волны, сотрясают более глубокие слои и являются причиной сильных трансформаций на поверхности.

Эта тема настолько обширна, что ее можно обсуждать достаточно долго, анализируя перемены, которые происходят на наших глазах. Но так как все собравшиеся здесь являются экспертами в сфере международных

¹ Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в Российской Федерации (2008 — 2011). В 1989 — 1993 гг. — постоянный представитель Европейской комиссии при Комитете по поддержке организации по сотрудничеству и экономическому развитию. Работал генеральным директором Института Иbero-американского сотрудничества Испанского агентства по международному сотрудничеству, советником посольства Испании в Великобритании (1996 — 2001) и Мексике (2001 — 2004). Посол — постоянный представитель Испании в Организации Объединенных Наций и международных организациях в Женеве (2004 — 2008). Автор книги «Жди меня в Гаване», ряда публикаций по проблемам современных международных отношений.

² Доклад представлен на XV Международные Лихачевские научные чтения (2015 г.).

отношений, я ограничусь лишь тем, что назову изменения в сфере политики, которые, по моему мнению, заслуживают рассмотрения.

Основной интерес представляет то, как развиваются четыре региона, в которых сосредоточены основные мировые силы: США, Китай, Евросоюз и Россия. Разумеется, в мире существуют и другие влиятельные государства, например Индия, а также перспективные регионы (Латинская Америка, Средний Восток и страны Персидского залива), но я хотел бы сосредоточиться на четырех вышеупомянутых регионах, так как перемены, происходящие в них, влияют на остальной мир.

На США, Китай, Европейский Союз и Россию приходится 80 % мирового валового продукта; в четырех регионах сосредоточен основной мировой военный потенциал, 90 % всех изменений в мире происходит здесь. Но впечатляет не это, а то, как по-разному меняются эти регионы.

Рассмотрим Соединенные Штаты Америки. США — удивительно сбалансированная страна. Ее политическая и экономическая системы ориентированы на проблемы, которые тревожат население: улучшение материальных условий, свобода, безопасность и новые возможности. Страна прекрасно адаптируется к переменам, происходящим вокруг. Слабость США заключается в относительно низкой для супердержавы XXI века численности населения: 300 млн человек недостаточно для ведущей мировой державы. Поэтому США для удержания главенствующей позиции в мире приходится устанавливать альянс с другой мировой силой. Проблема состоит в том, что США трудно вступить в такой альянс. Союз со странами Латинской Америки едва ли возможен. Европа могла бы подойти в качестве союзника, но для многих американцев Старый Свет является символом прошлого и отжитого. Решение этого вопроса до сих пор не найдено, а без ответа туманным остается и будущее.

Теперь рассмотрим Китай. Здесь к будущему готовятся и смотрят в завтрашний день с уверенностью. Изменения, происходящие здесь, можно назвать фантастическими. Они происходят вследствие комбинирования трех факторов: быстрый рост доходов на душу населения (380 долларов США в 1992 г. и 7200 — в 2014-м), крупный рынок (1,5 млрд людей, эффективно политически организованных) и политика «Одна семья — один ребенок», обеспечивающая новое поколение достаточной родительской опекой в процессе социализации в новом обществе. Эти три фактора обеспечивают каждому китайцу твердую уверенность в завтрашнем дне и, без сомнения, превратят Китай в ведущую мировую державу в ближайшие 25 лет. Это повлияет и на остальной мир.

Я считаю, что Китай может столкнуться с проблемами через 50 лет, когда политика «Одна семья — один ребенок» приведет к спаду численности населения (с 1,5 млрд до 1,3). Но до этого момента в Китае будет складываться общество нового образца с большим количеством профессионалов во всех областях. На данный момент численность молодого населения Китая (10 — 22 года) составляет 200 млн человек. Каждая семья стремится к тому, чтобы ребенок достиг успеха, потому что, во-первых, от этого зависит его будущее (ребенок больше не будет находиться под опекой государства) и, во-вторых, будущее его семьи (так как на государственную опеку приходится рассчитывать все меньше, ребенку в будущем придется обеспечивать своих родителей).

Итак, в современном Китае проживают 200 млн человек, активно готовящихся к будущему. Для нового поколения трансформации из крестьянина в архитектора, врача или юриста не будут удивительными. Разумеется, жизнь гораздо сложнее, чем теория, некоторые не достигнут успеха, но я хотел бы обратить внимание на цифры. Из 200 млн около 25 % не станут успешными профессионалами, однако в Китае в ближайшие 15 лет появятся 150 млн первоклассных специалистов. Для сравнения: в США численность молодого населения составляет 35 млн.

Современные условия таковы, что молодое поколение подвергается гораздо меньшему давлению (причины этого разнообразны, начиная с того, что устройство системы дает людям право на ошибки, и заканчивая личными причинами и поэтому менее определяющими), вследствие чего примерно половина молодых людей предпочтет профессиональной карьере другие сферы деятельности. Оставшиеся 17 млн молодых людей в США станут квалифицированными специалистами, но и из них лишь половина будет стремиться к профессиональному успеху. Сравнение цифр дает впечатляющие результаты: через 15 лет на американском рынке труда появятся в лучшем случае 9 млн новых профессионалов, на китайском же — 175 млн. Учитывая процесс глобализации и возможность свободного перемещения, последствия такого перевеса не останутся незамеченными.

Теперь рассмотрим Европейский Союз. Для европейского пространства характерен баланс: более 500 млн человек живут организованно, пользуясь такими современными благами, как жилье, транспорт, образование, здравоохранение, социальные службы и т. д. Но будущее Европы представляет проблему. Благодаря развитию здравоохранения здесь значительно выросла средняя продолжительность жизни. В некоторых странах ЕС эта цифра составляет более 80 лет. При сохранении текущей тенденции к росту средняя продолжительность жизни в Евросоюзе достигнет 85 лет. К этому фактору можно добавить отсутствие эффективного реального общеевропейского правительства, уменьшение численности молодого населения, огромные затраты на поддержку существующих учреждений, жесткое трудовое законодательство, устанавливающее 65 лет как средний пенсионный возраст, а также общественное недоверие к инновациям и быстрым изменениям (чего нет в США). Все вышеперечисленное неблагоприятно сказывается на перспективах Европы.

Многие могут возразить, что такая мрачная оценка является преувеличением, и указать на существующие сильные стороны: современную политическую структуру ЕС, успех системы образования, разнообразие индустрии, научный потенциал и т. д. Все это имеет место и делает ЕС процветающим регионом. Но я хочу обратить ваше внимание на то, что может произойти в ближайшие 20 лет: затраты будут огромными, уровень дохода будет снижаться, а такая комбинация в условиях высоких стандартов и требований к уровню жизни может быть очень неблагоприятной. Я опасюсь, что малочисленное молодое население не захочет брать на себя ответственность, а значит, к 2030-м годам она ляжет на плечи государства. Нельзя забывать, что за привилегии придется кому-то платить. Таким образом, в будущем ЕС столкнется с серьезной проблемой, решать которую нужно с создания эффективного общеевропейского правительства. После его создания необходимо

разработать меры, для того чтобы Европа оставалась процветающим регионом и в будущем. Одно из направлений развития, геополитическое, имеет непосредственное отношение к России (я вернусь к этому вопросу после характеристики страны).

Итак, Россия. Эта страна видела немало грандиозных исторических событий; страна, спасающая мир от нацизма. Уже хотя бы по этой причине мы находимся в долгу перед ней. Кроме того, Россия продемонстрировала, что коммунизм, каким бы привлекательным он ни казался в теории, на практике является неуспешным способом организации современных обществ. Коммунизм принес стране несчастье вместо ожидаемого прогресса, тиранию и контроль вместо свободы и благополучия. Можно возразить, что Россия делала это для себя, а не для других. Благодаря ей мы имеем два положительных явления к концу XX века: победу над нацизмом и отказ от экспериментов с коммунизмом.

Проблемы современной России частично связаны с этими двумя историческими эпизодами. Стране пришлось взять на себя роль супердержавы, которую она старается сохранять, несмотря на то что к такой роли, по сути, не готова и выгоды от нее не получает. Для национального эго идея супердержавы является привлекательной и вызывает поддержку у населения. Но в современных условиях важно быть реалистами и формулировать политические амбиции так, чтобы их результаты приносили выгоду людям. Россия в XX веке достигла удивительных результатов в своем развитии, пережила грандиозные события, но много людей были принесены в жертву: 25 млн человек были убиты нацистами, 23 млн стали жертвами сталинских репрессий.

В конце прошлого века Россия вступила на новый путь — свободы и модернизации. Проблема России заключается в том, что для нее открыты большие возможности, но при этом страна нуждается в новой экономической системе, чтобы воспользоваться этими возможностями и извлечь из них долгожданную выгоду. У России есть много преимуществ: высокий научный потенциал, огромный запас природных ресурсов, русский язык является общеупотребительным на огромной территории, национальное самосознание. Важно также отметить такие проблемы, как низкая средняя продолжительность жизни (всего 59 лет для мужчин), снижение численности населения (с 148 млн до 129, предсказанных к 2035 г.) и неудачные последствия диверсификации экономики. Российские компании имеют значительное мировое влияние только в нефтегазовом и товарном секторах. Для страны таких масштабов, богатой природными ресурсами, обладающей научным потенциалом, население которой способно и образованно, достижения весьма посредственны.

В современном мире преимущества могут вызвать проблемы, которые, в свою очередь, могут стать источником новых решений. В случае с ЕС и Россией очевидно, что, несмотря на неблагоприятные перспективы, совместными усилиями они могут достичь грандиозного успеха.

Начнем с ЕС. Региону необходим многосторонний внешний проект, способный вдохновить людей на работу во имя всеобщего блага. В ином случае Европу ждет откат назад. Объединение сил с Россией позволило бы создать большой внутренний рынок, хорошо интегрированную экономическую си-

стему на основе избытка сырья в высокотехнологичных сферах индустрии (аэрокосмическая, фармацевтическая, компьютерная и т. д.), а также вдохновить молодое поколение. Объединение научного потенциала также очень важно, наука — ключевой фактор, который нужно учитывать тем, кто хочет процветать в эпоху глобализации в XXI веке.

Если Россия изберет путь объединения с ЕС, ей придется диверсифицировать экономику за счет малого и среднего бизнеса. Последствия этого (в понятиях покупательской способности населения, занятости и новых перспектив на рынке труда) не останутся незамеченными. Научный потенциал также сыграет большую роль. Анатолий Чубайс однажды сказал: «У нас, россиян, хорошо получается переводить деньги в науку, но переводить науку в деньги нам пока не удастся», имея в виду трудности интеграции науки в сферу гражданской индустрии. Россия сможет быстро перенять умение малого и среднего бизнеса в ЕС сотрудничать с университетами и научными сообществами.

В общем, ЕС и Россия могут стать успешными партнерами. Россия — огромная страна, но процессы модернизации всегда начинались с Запада, через Санкт-Петербург и Москву. Отсюда инновации и новые традиции проникали в глубь России. Некоторые считают, что сейчас будущее России нужно связывать с Азией и сотрудничать с азиатскими соседями. Те, кто придерживается этого мнения, забывают о том, что азиатская часть России, хотя и огромна по площади, малонаселенная (на территории, составляющей 70 % от общей площади, проживает менее 20 % населения). Это усложняет укрепление связей и поиск новых партнеров в Азии. В дополнение к этому существует множество других факторов в поддержку европейского партнерства: близость, социальная и историческая общность.

Объединив силы, Евросоюз и Россия создадут пространство свободы и процветания на огромной территории с населением более чем 800 млн человек. Это составляет всего лишь половину населения Китая, но пространство потенциального российско-европейского альянса будет отличаться большей социальной целостностью. Численность населения на этом пространстве будет в три раза выше, чем в США. Шансы российско-европейского региона стать ведущей мировой силой очень велики.

Главная проблема заключается в том, чтобы правильно политически сбалансировать регион, не позволяя отдельным группам стран доминировать. Как организовать политическую систему, выгодную всем жителям региона? Пример желательной организации — США, которые, хотя и называются союзом штатов, в действительности являются союзом граждан. Американцы хотят называться американцами, потому что для них существует ряд общих вопросов, делающих сосуществование в союзе привлекательным и выгодным. В США взаимоотношения строятся между американскими гражданами и государством, а не между гражданами отдельных штатов и государством. Итак, вопрос заключается в том, как на этой большой территории, которую я называю «Большая Европа» (то есть ЕС и Россия), создать политическое пространство, единый политический организм, выгодный всем гражданам. Это сложная, но ключевая задача, решения которой должны требовать у политиков жители Евросоюза и России. Если это является ахиллесовой пятой Европы, значит, тем больше усилий нужно вложить в решение этой проблемы.

Создание Большой Европы может вызвать тревогу у многих слоев населения. Во-первых, небольшие европейские страны, наученные горьким опытом, будут опасаться того, что крупные политические объединения могут подавлять их потенциал. Многие из этих стран входят в состав ЕС, где находят защиту благодаря уважению организации к идее консенсуса. Такие страны не будут заинтересованы в новом проекте, если он будет воплощаться в жизнь под старым лозунгом о централизации. Я считаю, что в этом они абсолютно правы. Невозможно организовать новое пространство, пользуясь старыми методами. Нам необходимо построить Европу XXI века, где управление находится в руках граждан, а отдельные государства являются всего лишь образованиями, решающими локальные вопросы во благо всеобщего процветания. О политическом пространстве, возглавляемом четырьмя или пятью крупными государствами, не может быть и речи. Необходимо продумать политическое пространство с общими ключевыми правилами, обуславливающими стабильное развитие на всей территории.

Также следует уделить внимание вопросу, какое влияние в мире может иметь новый регион. Его геостратегические позиции будут очень сильны. Позиция Большой Европы в Совете Безопасности ООН будет очень заметна, общая армия региона — невероятно впечатляющей, научный потенциал — исключительным. Многие полагают, что таким образом может возродиться старая имперская Европа. Действительно, крупные объединенные силы имеют тенденцию вмешиваться в дела других государств. Многочисленные примеры можно найти в деятельности всех супердержав. Крупные политические образования всегда распространяли свое влияние вовне. Иногда им приходится это делать, так как они считают, что ответственны за порядок (в случае с США, присоединившимися к Европе в борьбе против нацизма), иногда их цели более сомнительны (вторжение США в Ирак). Европейцы устали от того, что их государства ввязываются в войны, и приветствовали проект создания Европейского Союза, так как его воплощение принесло расширение политического пространства без реальной возможности внешнего военного вмешательства. Проблема состоит в том, что и проект Большой Европы был разработан подобным образом. Европе придется воссоздать себя. Я считаю, что единственным решением могут быть четкое понимание опасностей «имперской модели» и организация нового пространства таким образом, чтобы оно служило прежде всего гражданам, а не нациям.

Вопрос, как новое пространство воспримут другие страны, также важен. Существующие мировые силы могут с недоверием отнестись к появлению нового геополитического пространства. В нашу задачу входит воплощение нового проекта, невзирая на недоверие. От нового проекта зависят наше будущее, процветание и возможность с уверенностью смотреть вперед, вместо того чтобы готовиться к выживанию. Необходимо самостоятельно выбрать свою судьбу, пока за нас этот выбор не сделали другие. Нам придется превратить проблемы в возможности, а трудности — в решения.

Ни в коем случае нельзя игнорировать текущий украинский кризис. В данный момент ситуация очень напряженная, но я уверен, что мы сможем не только разрешить украинский конфликт, но и создать новый канал связи между Россией и ЕС. Кризис может являться предвестником новых достижений. После Первой мировой войны была создана первая всемирная

организация — Лига Наций. Нельзя забывать о том, что после Второй мировой войны начался процесс создания Евросоюза и бывшие враги стали партнерами. Люди, пережившие войны и потерявшие близких, не были готовы поверить в то, что такое партнерство основано на искреннем желании мира. Но они видели, что у представителей их наций появилось по крайней мере больше возможностей для построения мирного будущего. По моему мнению, украинский кризис является гораздо менее значительным, чем мировые войны, и мы можем разрешить его таким образом, чтобы это положило начало новой эре отношений между Россией и ЕС, в которой мы будем называть себя одним словом «Европа».

Нужно понять, что если мы не начнем принимать правильные решения, нас ждет провал. В контексте глобального соревнования с постоянно возникающими новыми зонами сосредоточения капитала и общественных изменений, происходящих благодаря технологическим инновациям, у европейцев нет права на ошибку. России следует отказаться от старого образа действий в сферах влияния, а ЕС нужно перестать видеть в России опасность или ненадежного партнера. Перестав верить в факторы, задерживающие наше развитие, мы сможем наметить новые цели. Украинский кризис усугубляет наше недоверие друг к другу и препятствует возможности построения общего будущего. Давайте воспользуемся возможностью и извлечем пользу из этой трудной ситуации, сделав ее решение первым шагом на пути к созданию новой Большой Европы — общего проекта, который сможет показать миру, что одна из старейших мировых цивилизаций, европейская, также является и ведущей цивилизацией современности.

В. М. Межуев¹

ДИАЛОГ КАК СПОСОБ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ²

Принимая в целом идею диалога как наилучшего способа межкультурного общения, необходимо более внимательно разобраться в природе этого типа коммуникации. Здесь не все так ясно, как может показаться на первый взгляд. Что следует понимать под диалогом? Какой именно тип общения заслуживает такого названия? Любая ли культура приемлет диалог и готова к нему? И что вообще нужно сделать, чтобы такой диалог мог состояться? Не ставя перед собой задачи пересказа и комментирования всех существующих

¹ Главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч. книг: «История, цивилизация, культура: опыт философского истолкования», «Современное знание о культуре», «Маркс против марксизма. Статьи на непопулярную тему», «Культура и история (проблема культуры в философско-исторической теории марксизма)», «Идея культуры. Очерки по философии культуры», «Между прошлым и будущим. Избранная социально-философская публицистика» и др., учебных изданий: «История культурологии», «Философия культуры. Эпоха классики», статей по философии культуры и философии истории; философии политики.

² Доклад представлен на XII Международные Лихачевские научные чтения (2012 г.).

ющих на этот счет мнений и суждений, попытаюсь изложить собственную точку зрения с учетом, разумеется, того, что уже сказано другими.

Если понимать под диалогом весь спектр взаимоотношений между людьми — от конфронтации до сотрудничества, — то проблемы просто нет. Во все времена они как-то сосуществовали и взаимодействовали друг с другом — вступали между собой в договоры и соглашения, обменивались товарами и дарами, заимствовали друг у друга полезные для себя изобретения и знания. Но можно ли все это назвать диалогом? Ведь до сих пор если он и происходил где-то, то только в пределах одной цивилизации, а именно западной. Сама идея диалога родилась на Западе и является западной. Первыми о диалоге заговорили греки. Все известные мне концепции диалога (от М. Бубера до М. Бахтина и Ю. Хабермаса) ограничиваются, как правило, социальным и духовным горизонтом Запада, ибо только здесь существуют условия, необходимые для вступления в диалог. Что это за условия?

Главным среди них является отказ его участников от предварительного знания истины. Диалог возникает в режиме незнания истины, ее сокрытости от человека. Слова Сократа «я знаю только то, что ничего не знаю» формулируют исходное условие для вступления в диалог. Согласно тому же Сократу, истина рождается в споре. О том, что известно заранее, не спорят. Мудрецы и пророки Востока, которым истина была дарована свыше, не вступали между собой в диалог и потому легко уживались с тиранами и деспотами, отказывавшими другим в праве на собственное мнение. Восточная мудрость, существовавшая в форме пророчества, откровения, боговдохновенного знания, если и нуждалась в диалоге, то только с Богом. И только греки поняли, что истина есть результат сложного и длительного процесса познания, требующего участия в нем разных людей. Никто в этом процессе не обладает монополией на истину. Любая претензия на нее может быть тут же оспорена и опровергнута противоположной стороной.

Собственно это и стало причиной рождения философии. В отличие от мудреца философ не знаток истины, а ее друг, ищущий путь к ней в процессе взаимного обмена мнениями. В диалоге все равны перед истиной. Он не терпит никакой иерархии званий, положений и авторитетов. Даже диалог учителя с учеником предстает в форме не поучения, наставления или назидания, а доказательного разговора, обсуждения, беседы, получившей название сократического диалога. Отсюда другое условие диалога — наличие свободных людей, способных мыслить самостоятельно, посредством своей, а не чужой головы.

Диалог вместе с тем — не просто обмен словами, но такой, который принимает форму систематически развернутого, доказательного рассуждения. Он предполагает общение рационально мыслящих людей, ставящих своей целью поиск истины, которая им неведома, но существование которой не вызывает у них сомнения. Отказ от поиска истины также лишает диалог всякого смысла.

В любом случае диалог есть общение людей, живущих в ситуации свободы. Только для свободных людей диалог становится нормой их социальной и духовной жизни. Сама форма диалогического мышления возникла в период существования греческого полиса — первой и самой ранней формы демократии. Как пишет исследователь древнегреческой мысли Ж.-П. Вер-

нан, в полисе «знания, нравственные ценности, техника мышления выносятся на площадь, подвергаются критике и оспариванию. Как залог власти, они не являются более тайной фамильных традиций; их обнародование влечет за собой различные истолкования, интерпретации, возражения, страстные споры. Отныне дискуссия, аргументация, полемика становятся правилами как интеллектуальной, так и политической игры. Постоянный контроль со стороны общества осуществляется как над творениями духа, так и над государственными учреждениями. В противоположность абсолютной власти царя закон полиса требует, чтобы и те, и другие в равной степени подлежали "отчетности"... Законы больше не навязываются силой личного или религиозного авторитета: они должны доказать свою правильность с помощью диалектической аргументации»¹. Истина перестала быть монополией религиозных сект и особой касты мудрецов. «А это значит, что в поиске истины могут участвовать все и что она, как и политические вопросы, подлежит всеобщему обсуждению»².

Поскольку диалог не просто досужий разговор на любую тему, а путь к истине, он подчиняется определенным правилам и законам мышления, которые способны привести дискутирующие стороны к обоюдному согласию. Нельзя достигнуть согласия, если в слова и понятия вкладывается разный смысл, если люди противоречат сами себе, не способны обосновать защищаемый ими тезис. Правильность мышления и речи обеспечивается логикой — формальной и диалектической. Не входя здесь в обсуждение вопроса о различии между ними, отметим, что диалектика, несомненно, родилась из потребности ведения диалога, позволяющего согласовывать взаимоисключающие позиции. Для Платона и Аристотеля умение вести диалог, принимать участие в обсуждении намного важнее полученных при этом результатов. А искусство вести диалог и есть диалектика.

Недостаток диалектики состоит, однако, в том, что, будучи ориентирована на получение какого-то конечного знания (у Гегеля оно получило название даже абсолютного), она снимает первоначальную оппозицию тезиса и антитезиса в некотором заключительном синтезе. В итоге диалектика оказывается логикой тождества, равенства разума с самим собой, исключающего возможность дальнейшего существования оппонирующих друг другу субъектов. Такая логика приводит к утрате отдельным индивидом статуса самостоятельно мыслящего субъекта, к его растворению в безличном сверхиндивидуальном разуме и, следовательно, к невозможности дальнейшего ведения диалога. Логика в любом случае предполагает наличие трансцендентального или абсолютного субъекта, диктующего частным индивидам всеобщие и обязательные для них правила и законы мышления³. Диалог

¹ Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. М., 1988. С. 70 — 71.

² Там же.

³ Как отмечает автор главы «Культура как диалог» в книге «История культурологии» А. П. Огурцов, «трансцендентальной философии, включающей в себя неокантианство, символическую философию Э. Кассирера, трансцендентальную феноменологию Гуссерля, с ее допущением "единого, гомогенного субъекта знания и познания", противостоит диалогическая философия, представленная в начале XX века М. Бубером и Ф. Эбнером, в России — А. Майером и М. М. Бахтиным и нашедшая свое продолжение в философии диалога культур В. С. Библера и теории коммуникативного действия и разума Ю. Хабермаса и К. О. Апеля. В отличие от трансцендентальной философии диалогическая философия исходит из разнородности и множественности субъектов познания» (Огурцов А. П. Культура как диалог // История культу-

в итоге превращается в монолог возвышающегося над всеми субъекта, лишённого каких-либо индивидуальных отличий и характеристик.

Хотя в художественном произведении диалогом называется любой вид словесного общения между его персонажами, автор этого произведения не обязательно мыслит диалогически (в отличие, например, от Достоевского в его интерпретации М. М. Бахтиным). Диалог есть общение не просто «говорящих голов», но именно «разнородных субъектов», придерживающихся разных взглядов и мнений. Мнений много, а истина одна. Диалог и есть способ согласования частных мнений по поводу того, что считать истиной. Но как сделать так, чтобы согласие сохраняло индивидуальное своеобразие каждого из участников диалога в случае, если они представляют разные культуры? Ведь у каждой культуры своя логика, не сводимая к другой.

Попытку сочетать идею диалога культур, идущую от М. М. Бахтина, с диалектикой Гегеля предпринял в свое время В. С. Библер, предложив переименовать диалектику в диалогистику¹. «Диалогика — логика диалога двух и более логик». Если диалектика «предполагает развитие *одной*, данной логики — самотождественной», то диалогика есть «общение логики и логики», не совпадающих одна с другой, выходящих на «грань с другой логикой, с другой всеобщей культурой»². Диалектика — это логика диалога, диалогика — диалог разных логик. Если Бахтин, от которого отталкивался Библер, в вопросе о диалоге культур мыслил, по мнению последнего, в русле все же одной логики, а именно новоевропейской, отдавая тем самым дань монологизму, то для Библера любая логика существует в ситуации самоотрицания, перехода в какую-то иную логику, уже известную или еще неизвестную.

Диалогу культур Библер придал характер совершающейся на наших глазах драмы, перенеся ее внутрь культуры XX века. Все мы — участники этой драмы. Культура — это то, что происходит с нами сейчас, способ нашего собственного бытия, который может быть только диалогом со всеми, кто был до нас. Нельзя включиться в диалог, не будучи «самодетерминирующимся» существом, личностью, способной в процессе самоуглубленной рефлексии перерешить свою судьбу, взглянуть на себя другими глазами (глазами других), создав в результате новый мир, новое бытие. Комментируя эту позицию, С. Неретина и А. Огурцов пишут: «Наше время, как подчеркивает и определяет Библер, есть время переориентации разума с идеи понимания мира как предмета познания (идея Нового времени) на идею взаимопонимания, которая может быть действенной лишь при условии самоуглубления индивида, полностью преобразующего все его бытие, его мышление, его логику, его этику»³.

В своих работах В. С. Библер поставил вопрос о необходимости преобразования классической логики разума («логики культуры»), ограниченной преимущественно сферой познания и получившей завершенное выражение

рологии: учебник для системы послевузовского профессионального образования / под ред. А. П. Огурцова. М. : Гардарики, 2006. С. 318).

¹ См.: Библер В. С. От наукоучения — к логике культуры. Два философских введения в XXI век. М. : Политиздат, 1991.

² Библер В. С. Диалектика и диалогика // Архэ. Ежегодник культурологического семинара. М., 1998. Вып. 3. С. 14–15.

³ Неретина С., Огурцов А. Время культуры. СПб., 2000. С. 258.

в «Науке логики» Гегеля, в логику общения разных культур («культуру логики»), как они предстают в их «произведениях». Мы живем в мире не познанного, а произведенного бытия, причем произведенного по разным, не совпадающим друг с другом логическим основаниям. Бытие человека есть не то, что создано им раз и навсегда, но что постоянно пересоздается человеком в ходе его общения с произведениями разных времен и народов, с их творцами и героями. Это и есть мир культуры, не подпадающий под действие какой-то одной логики. Так, логика постмодерна — не логика эпохи модерна. Если последняя одержима пафосом *обобщения*, подведения всего и всех под общий знаменатель, то вторая — пафосом *общения* разнородных, разнокачественных миров и смыслов, ставящих индивида перед необходимостью собственного свободного выбора. В напряженном противостоянии логики познания и логики общения — вся драма современной истории. Как она может разрешиться? На этот вопрос, как считает Библер, нет пока окончательного ответа, он лишь провоцирует на поиск такого решения.

Другим направлением в разработке проблемы диалога стала герменевтика, которую трактуют обычно как искусство понимания в противоположность логике объяснения. В герменевтике диалог предстает в качестве не логической, а психологической процедуры, позволяющей сохранять индивидуальные особенности участвующих в этом диалоге субъектов. Диалог в его герменевтической интерпретации сводится к пониманию других, к умению слышать и истолковывать то, что они говорят, вникать в смысл и значение чужих слов, действий и мыслей. Но и герменевтика не смогла решить до конца проблему диалога, вывести его за пределы «герменевтического круга», когда одно отсылает к другому без надежды найти между ними хоть какое-то опосредующее и связующее звено.

Своеобразной попыткой истолкования герменевтики в качестве условия человеческой коммуникации стала теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Усилия немецкого философа направлены на поиск такой техники публичной дискуссии, которая приводила бы общественность к взаимопониманию и согласию по ключевым вопросам жизни. Этому противостоит постмодернистская концепция языковой коммуникации (сошлюсь на книгу Ж.-Ф. Лиотара «Состояние постмодерна»), согласно которой она состоит не в поиске согласия, а, наоборот, в подрыве всякой устойчивой структуры, в искоренении любого «метаповествования», в расширении зоны «нестабильности» и «паралогизмов». Сам язык является здесь ареной схваток, войны и противостояния, средством не объединения, а разъединения людей.

Как же все-таки понимать диалог? Люди всегда общались между собой посредством устной или письменной речи, однако, как уже говорилось, не всякая речь есть диалог. Диалог — не просто способность сообщать что-то другим о себе или, наоборот, выслушивать, что они сообщают о себе (то и другое есть разновидность монолога), но такая форма общения, которая подразумевает *разговор с другими о себе*, точнее, о том, что имеет к нам прямое отношение. Желая понять себя, разобраться в себе, мы ведь обращаемся не только к себе, но и к тем, кто жил до нас или живет рядом с нами. Диалог рождается из потребности увидеть себя таким, каким мы существуем не только в собственном воображении, но и в сознании других, то есть

из стремления понять, что думают о нас другие. Короче говоря, он возникает из потребности в *самосознании*, которое без посредства других оборачивается всего лишь самонимением, часто весьма предвзятым и потому ошибочным. По словам В. С. Библера, «самосознание и есть "воззрение" на меня (на мое "Я", а не на отдельные мои поступки и желания) с высот (или низин) бытия иных людей или вещей, причем бытия целостного и онтологически значимого»¹.

Во все времена зеркалом для человека служил другой человек. В отличие, однако, от обычного зеркала этот «другой» обладает сознанием и речью. Увидеть себя в этом зеркале можно, лишь внимательно вслушиваясь в чужую речь, пытаясь уловить в ней то, что имеет отношение к тебе. С этой точки зрения не всякое общение с другим является диалогом. Встречаясь с незнакомым человеком, мы обычно задаем себе вопрос «*кто он?*» и пытаемся дать на него собственный ответ. Подобную процедуру, в которой вопрошающий является субъектом, а тот, о ком вопрошают, — всего лишь объект, называют *объяснением*; она широко распространена в науках, имеющих дело с неодушевленными объектами. Но если другой наделен собственным сознанием и речью, ему можно задать вопрос «*кто ты?*», внимательно вслушиваясь в ответ. Это и есть герменевтическая процедура *понимания*, широко распространенная в гуманитарных и исторических науках. Здесь объектом является тот, кто задает вопрос, а субъектом — кто на него отвечает. Но и это еще не диалог в точном смысле этого слова. Последний начинается с обращенного к другому человеку вопроса «*кто я?*», продиктованного желанием посмотреть на себя со стороны, увидеть себя глазами другого. Данную процедуру Бахтин называл творческой герменевтикой, рождающей в процессе *интерпретации* высказанного или написанного другим текста новый смысл.

Спрашивая других о себе, индивид вступает с другими в *человеческое отношение*, ибо относиться к другим по-человечески — значит видеть в них свое отражение — не в смысле, конечно, простого подобия, копии, *повторения* себя, а в смысле своего *продолжения* и *дополнения*. Вне такого отношения индивид — всего лишь природное тело, но еще не общественное существо. Любое «я» существует при наличии других «я», причем каждый является «я» в той мере, в какой служит для других подтверждением их «я». Здесь каждый существует в качестве субъекта не сам по себе, а в отношении к другому. Отношение, в котором один уподобляется субъекту, а другой — объекту, не является человеческим отношением, а значит, и диалогом. В отличие от просто разговора диалог всегда есть диалог двух субъектов, в котором субъективность одного существует посредством не отрицания, а утверждения субъективности другого.

В этом смысле диалог несовместим с отношениями типа «субъект — объект». Любая объективация есть выпадение из диалога и, следовательно, из мира человеческих взаимоотношений. Все, что движется в логике объективации (овеществления, отчуждения), к диалогу не способно. Вещи — в виде природных или искусственных образований — в диалог не вступают, в него вступают только люди и лишь в качестве взаимно опосредующих друг друга субъектов. Поэтому правильнее говорить

¹ Библер В. С. От наукоучения — к логике культуры. С. 323.

не о диалоге культур (или цивилизаций), а о диалоге людей, представляющих разные культуры.

Любая система отношений, получающая безличную форму объективированных экономических, политических или идеологических институтов, исключает из себя диалог. Человек предстает в них как объект управления и манипулирования со стороны разного рода властных структур, но не как самостоятельно мыслящий субъект. Даже обретая глобальный характер, подобная система предпочитает решать свои проблемы посредством не диалога между ее агентами, а их прямого подчинения отдаваемым сверху командам и распоряжениям. Но как в таком случае возможен диалог в современном — предельно рационализированном и институализированном — обществе?

Необходимость диалога часто выводят из образующего человечество многообразия видов — племен, народов, наций и цивилизаций. Но любое ли множество нуждается в диалоге? Растительный и животный мир также образован множеством видов, являет собой видовое многообразие, но никакого диалога там не наблюдается. Что же отличает человеческое множество от растительного и животного?

Таксономической единицей человеческого рода является все же не вид, а *индивид*. Только у индивида рождается сознание своей принадлежности не только к своему виду, но и к роду и, следовательно, возникает потребность в общении с представителями иного вида. Диалог тем самым — способ не межвидового, а *межиндивидуального* общения. Виды в диалог не вступают. Для вида все другие виды либо не существуют, либо воспринимаются как чуждые и даже враждебные ему. Поэтому то, что сегодня называют дружбой народов, — не совсем точное понятие. Дружат не народы, а люди, представляющие разные народы, но только в случае обретения ими своей индивидуальной идентичности, выводящей их за пределы своей этнической группы и позволяющей приобщиться к ценностям более высокого порядка.

Вот почему простая классификация культур по разным видам еще не содержит в себе вывода о возможности диалога между ними. Так, например, О. Шпенглер, создавший классификационную таблицу мировых культур, которые он уподобил живым организмам, исключил такую возможность, ограничившись констатацией существующих между ними сходств и различий. Да и вся антропологическая наука, работающая на материале дописьменных (этнических, или народных) культур, лишенных индивидуального авторства, являющихся продуктом коллективного творчества, ничего конкретно о происходящем между ними диалоге не сообщает.

Диалог возникает не по причине наличия разных культур, а в силу существования ее особого типа, в котором рождается сознание *общечеловеческого родства*. Подобное сознание отсутствовало на более ранних ступенях культурного развития, когда индивид еще не отличал себя от своего вида, полностью сливался с ним. Ведь люди не сразу догадались, что все они братья по разуму или чему-то еще. И только после того, как индивид осознал себя автономной личностью, свободной индивидуальностью, у него возникло сознание своей причастности ко всему человеческому роду, а значит, к людям иной крови, религии, культуры и даже расы. Сознание общечеловеческого

родства и рождает потребность в диалоге, причем не только внутри своей культурной группы, но и с представителями других групп.

Цивилизация, чьим базовым принципом является свободная индивидуальность, превращает диалог в основную форму межлического общения. В этом смысле правильнее говорить не о диалоге цивилизаций, а о *цивилизации диалога*. Такая цивилизация, на мой взгляд, и заслуживает названия *универсальной цивилизации*, способной объединить людей в общемировом масштабе. Здесь каждый независимо от своего происхождения и места проживания обретает право включиться в диалог со всеми, в ком видит необходимое дополнение к собственной жизни. И чем больше диапазон этой жизни, тем шире круг участников диалога.

Универсальная цивилизация предполагает, таким образом, не ликвидацию разных культур, а свободный доступ к каждой из них со стороны тех, кто того пожелает. Она делает подвижными границы не между культурами, а между людьми, которые получают право свободно перемещаться из одного культурного пространства в другое, подобно тому, как мы сегодня переезжаем из одной местности в другую. Универсальность этой цивилизации состоит, следовательно, в том, что она связывает людей не какой-то одной общей для всех культурой, а правом каждого индивида свободно избирать свою культурную идентичность, его открытостью, толерантностью к самым разным культурам. Диалогические отношения — это всегда отношение равенства между культурами, в силу которого любая из них имеет шанс стать «моей культурой», а граница между тем, что я считаю своей культурой в отличие от чужой, обуславливается исключительно моим личным свободным выбором.

Но не является ли подобное предположение чистой утопией? Так уж повелось, что все положительное и внушающее надежду мы называем утопией. Сегодня мало кто сомневается в происходящей на наших глазах экономической и информационной глобализации. Она не всем нравится, но ведь никто не оспаривает реальность этого процесса. Почему же надо считать утопией ту модель глобализации, которая исходит не только из экономических, но и из культурных оснований, понимает ее как состояние, при котором все люди планеты получают равные возможности в своем праве пользоваться плодами любой национальной культуры? Разве не очевидно, что развитие сегодня идет именно в этом направлении?

Многие современные исследователи у нас и за рубежом сходятся во мнении, что в ходе происходящей глобализации культура постепенно выходит за рамки национальных границ, перестает функционировать исключительно в национальной форме. Сошлюсь на два таких мнения. Одно из них принадлежит немецкому социологу У. Беку, согласно которому мы живем в мире, превратившем представление о замкнутых национальных пространствах в фикцию. В этом мире «ни одна страна или группа стран не может отгородиться друг от друга»¹. В таком обществе приходится заново переосмысливать «самоочевидности западной модели», ставить вопрос о том, как могут воспринимать себя в нем люди и культуры. Ведь глобализация действительно «имеет в виду процессы, в которых национальные государства и их сувере-

¹ Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. М., 2001. С. 25.

нитет вплетаются в паутину транснациональных акторов и подчиняются их властным возможностям, их ориентации и идентичности»¹. Она ставит под сомнение важнейшее представление эпохи модерна, согласно которому общества после распада империй могут существовать только в границах национальных государств. Глобализация рушит эту связь, создавая между национально-государственными и транснациональными акторами и процессами новые взаимоотношения. В контексте происходящих перемен нельзя считать современной ту политику, которая во имя ложно понятого патриотизма или национализма отгораживается от мира, пытается изолироваться от него, мыслит себя вне логики общемирового развития. В том же духе высказывается и наш отечественный философ В. С. Малахов — известный специалист в области национальных отношений. В своей книге «Государство в условиях глобализации» он пишет: «В современном обществе производство, распределение и потребление культурных продуктов все более решительно выходят за пределы национальных границ... Глобальному спросу соответствует глобальное предложение. Фирма-производитель того или иного культурного товара ориентируется на потребителя далеко за пределами государства, где находится ее штаб-квартира»².

Глобализация отрицает не уже существующие и давно сложившиеся национальные культуры, а возможность дальнейшего развития культуры исключительно в национальной форме. В мире глобальных трансформаций индивид, вовлеченный в транснациональные сети, уже не может замыкаться в границах только своей национальной культуры. В результате возникают новые локальные общности, которые разделены между собой по границам, не совпадающим с национальными. Они объединяют людей не по их национальной принадлежности, а по общности их культурных предпочтений, выходящей за рамки какой-то одной нации. Так, поклонники музыкальной попсы и классической музыки существуют во всем мире, образуя культурные общности, одновременно глобальные и локальные. Современные средства связи позволяют людям находить своих культурных единомышленников во всем мире, объединяться с ними по признаку не национального, а культурного родства. Глобализация, иными словами, создает не национальную, а глобальную локальность, которая одновременно и связывает людей в планетарном масштабе, и различает их в зависимости от сделанного ими культурного выбора.

Для обозначения этого нового типа культурной общности был изобретен особый термин — «глокализация», образованный из слов «глобализация» и «локализация». В научный оборот его ввел английский социолог Роланд Робертсон с целью фиксации происходящих в глобальном мире двух взаимосвязанных процессов — гомогенизации и гетерогенизации. По своему смыслу данный термин направлен против тех концепций глобализации, которые исходят из логики становления унифицированной мировой системы транснациональных связей, исключающей все различия и несходства. Под «мировой системой» в них понимается либо капиталистическая система, образцом для которой служат развитые страны Запада, прежде всего США, либо глобальные информационные сети, находящиеся под контролем над-

¹ Бек У. Указ. соч. С. 26.

² Малахов В. С. Государство в условиях глобализации. М., 2007. С. 206.

национальных органов власти. Против унифицирующей направленности этих концепций и выступил ряд видных западных социологов, противопоставив им концепцию культурной глобализации, отрицающую возможность полного преодоления в глобализирующемся мире культурной разнородности. В плане культуры, по их мнению, глобализация не подавляет, а сохраняет и даже актуализирует ее локализацию, хотя не по национальным, а по каким-то иным признакам.

Глокализация, в отличие от экономической и социологической теории глобализации, пытается осмыслить этот процесс в понятиях теории культуры. Для теоретиков данного подхода главным следствием культурной глобализации является рождение новых локальностей, которые уже не совпадают с традиционными — местными, региональными, национальными, этническими и прочими — формами культурной самоидентификации людей. То, чему люди отдают предпочтение, порой значит для них больше, чем их национальные обычаи и привычки. Фирмы, реклама, торговые организации, работающие на массового потребителя во всем мире, менее всего озабочены национальным составом своих клиентов. И те, кому удается выйти за рамки национальной клиентуры, выигрывают в конкуренции с другими. В ходе культурной глобализации национальные символы становятся элементом свободного общения людей в транснациональном масштабе. Глобализация из всего состава национальной культуры отбирает только то, что стало ценностью для людей, представляющих самые разные культуры, что обрело в каком-то смысле значение общечеловеческой ценности. Культурный выбор, не ограниченный местными и региональными барьерами, становится главным условием включения индивида в глобальную культурную связь.

Право каждого на такой выбор, по нашему мнению, есть базовое условие существования культуры в глобальном масштабе. Только оно способно обеспечить культурное равенство людей в планетарном масштабе. Ни одна из существующих национальных культур не является образцом для других национальных культур, равно как не может считаться современной, будучи наглухо отгорожена от них. Глобализацией в сфере культуры следует считать, видимо, не возникновение какой-то одинаковой и обязательной для всех культуры, а такой способ ее функционирования, который позволяет каждому жителю планеты пользоваться благами и достижениями любой национальной культуры. В глобальном мире спрос на культуру не может быть ограничен никакими национальными барьерами и целиком диктуется личными пожеланиями, потребностями и запросами индивида.

Но как в таком случае должна строиться культурная политика современного государства в отношении собственной культуры? Своеобразной формой решения национальной проблемы в культуре стала пропагандируемая сегодня на Западе (особенно в США) политика мультикультурализма, целью которой является сохранение с помощью государства культурных особенностей и традиций малых этнических групп. Такая политика вызывает ответную критику со стороны тех, кто идею искусственного сохранения малых групп противопоставляет идею равного участия в публичной жизни всех членов общества, независимо от их этнической принадлежности. Это позволяет любой культуре на равных правах конкурировать с другими. Культурная идентичность в современном обществе, согласно такому подходу, долж-

на строиться не на обязательных предписаниях, регламентирующих жизнь индивида в группе, а на его свободном культурном выборе. Такая свобода дает возможность постоянно реконструировать социальную реальность, изменять образующие ее смыслы, значения и цели. Социальный конструктивизм применительно к культуре, по мнению американского культуролога Сейлы Бенхабиб, означает, «что культура групп людей не является данностью, а формируется и меняется с течением времени через обычаи. Культуры не выступают целостностями с четко обозначенными границами; они представляют собой смысловые сети, вновь и вновь переопределяемые через слова и дела своих носителей»¹.

Но тогда движениям за сохранение традиционной — религиозной и любой другой — культурной идентичности, пытающимся «заморозить во времени и пространстве границы, разделяющие группы людей и культуры»², следует противопоставить демократически-эгалитарную политику, означающую не только сохранение культуры меньшинств посредством вмешательства государства, но и расширение демократического участия людей в процессе межкультурного диалога и общения. Подобное участие ведет к появлению новых культурных групп и их инкорпорированию в гражданское общество. «В отличие от мультикультуралиста, — пишет Бенхабиб, — теоретик демократического направления признает, что в зрелых обществах политическое инкорпорирование новых групп приведет, скорее, к гибридизации культурного наследия на обоих полюсах. Современные люди могут выбрать, поддерживать ли им свои культурные традиции или разрушить их... Короче говоря, демократическое инкорпорирование и сохранение преемственности культур могут и не быть взаимоисключающими. Если все же выбирать между ними, то я поставила бы распространение демократического участия и равенство выше сохранения культурных особенностей»³.

Следует согласиться с тем, что демократия в сфере культуры — это прежде всего право человека на свободный выбор своей культурной идентичности, не нарушающий при этом свободы выбора других. В противоположность мультикультурализму с его искусственной консервацией образа жизни культурных меньшинств, культурная демократия дает каждому индивиду, а не только народу в целом право на свободное культурное самоопределение. Главное, чтобы реализация этого права диктовалась не соображениями ложно понятой этнической солидарности, идеологическим принуждением со стороны государства или определенной группы, а личным решением самого индивида. Никого нельзя заставить жить в той или иной культурной среде без его на то личного согласия. И сама культура, чем дальше, тем больше, будет развиваться в направлении уже не столько национальных, сколько индивидуальных различий и особенностей, питающихся культурными достижениями всех народов мира.

¹ Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2003. XXXV.

² Там же.

³ Там же. LI — LIII.

Мигель А. Моратинос¹

СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ. СОПРОТИВЛЕНИЕ ПРОТИВ ВЫЗОВА. ВРЕМЯ ДЕЙСТВОВАТЬ²

По прошествии 25 лет с момента падения Берлинской стены в мире все еще преобладает невозможность прогнозирования и нерешительность, порожденные противоречивыми тенденциями и сложными преобразованиями. Если эпоха после холодной войны была ознаменована резким сокращением количества войн (по данным Центра системного мира, 2013), то сейчас гражданские войны, массовые убийства и повторяющиеся случаи жестокости, подогреваемые проповедями религиозного фанатизма, представляют собой значительную угрозу принципам и механизмам системы коллективной безопасности, созданной более полувека назад после Второй мировой войны. По мере того как ставится под сомнение уместность международных организаций, занимающихся поддержанием мира и безопасности, односторонние военные интервенции супердержав и провальные миротворческие операции также ослабляют многосторонний режим, отчаянно пытающийся самореформироваться. Аналогичным образом многие секторы международного сотрудничества пострадали от отсутствия многостороннего консенсуса.

Что касается проблем глобального правления, то здесь есть два основных препятствия, с которыми столкнулись ключевые международные игроки, особенно после сентября 2001 года. Во-первых, должно ли международное сообщество вмешиваться, если какие-то страны не могут или не хотят защищать собственное население? Во-вторых, каким должен быть коллективный ответ на преступления транснациональных террористов?

В рамках первого пункта Организация Объединенных Наций (2005) инициировала принцип «обязанности защищать» (R2P) после отчета Международной комиссии по вопросам интервенции и государственного суверенитета (ICISS, 2001). Достаточно провокационным образом Комиссия ввела концепцию суверенитета в виде «обязанности». Отныне жизнестойкость государств должна оцениваться не по их намерению контролировать территорию или различные природные ресурсы, но в первую очередь по их способности и решимости защищать собственное население. Государство, у которого это не получается, теряет право на суверенитет, а в отдельных случаях, в частности при совершении массовых убийств, осуществляется международное вмешательство с целью защиты находящегося в опасности населения. В ряде стран, где происходили ожесточенные военные столк-

¹ Дипломат, юрист и политик, министр иностранных дел и международного сотрудничества Королевства Испания (2004 – 2010). Награжден орденами Сербского флага I степени (Сербия), Креста земли Марии 1-го класса (Эстония), королевским орденом Карла III (Испания), гранд-офицер ордена Трех звезд (Латвия), кавалер королевского ордена Изабеллы Католической, рыцарь ордена «За гражданские заслуги» и др. Почетный доктор университетов Гранады, Мальты, Бен-Гурион и Аль-Кудс (Израиль). Почетный доктор СПбГУП.

² Доклад представлен на XV Международные Лихачевские научные чтения (2015 г.).

новения, был реализован принцип R2P с тем, чтобы легализовать военное вмешательство непосредственно под эгидой ООН или третьей стороны: Кот-д'Ивуар (Резолюция Совета Безопасности ООН № 1975, 2011), Ливия (РСБ ООН № 1970 и 1973, 2011), Центральноафриканская Республика (РСБ ООН № 2127, 2013).

После резолюций в отношении Ливии членов Совета Безопасности обвинили в том, что они просто использовали принцип R2P в качестве инструмента для смены режима, искажая само понятие и угрожая его легитимности. Неуверенность мирового сообщества и его неспособность вмешаться в войну в Сирии в 2011 году — это превосходная иллюстрация двусмысленности концепции R2P и неустранимых препятствий при установлении функциональной системы коллективной безопасности. Если несколько стран в одностороннем порядке решат вмешаться в дела Сирии, помогая деньгами или оружием той или иной стороне, в надежде изменить ход войны, такой тип вмешательства не приведет к долговременному миру. Только скоординированное международное вмешательство посредством сотрудничества между государствами, неправительственными и международными организациями способно помочь гражданским обществам пережить военный конфликт и предусмотреть реконструкцию и стабилизацию. Поощрение какой-либо из сторон в войне влечет за собой многочисленные риски утраты международной легитимности.

Современное глобальное правление нуждается в установлении более четких границ для антикризисного управления и международного вмешательства. В этом плане стратегические интересы не всегда противоречат этическим ценностям. Напротив, стратегические интересы набирают силу и обеспечивают легитимность операций по установлению мира и безопасности. В конце концов, выстраивание коалиции для борьбы с глобальным гипертерроризмом, особенно с «Аль-Каидой» и ИГИЛ («Исламское государство», действующее в Ираке и Сирии), столкнется с теми же вопросами: как стабилизировать политические системы, реконструировать сообщества и поддержать безопасность при разумных затратах? Помимо многостороннего сотрудничества, как можно раньше должны быть привлечены международные организации, чтобы обеспечить эффективность и легитимность на более длительный срок.

В сфере мира и безопасности уже начиная с конца 1945 года по всему миру работают исследовательские и аналитические центры, обрабатывающие статистические данные по эволюции вооруженных конфликтов. Изучая данные, накопленные за многие годы Центром системного мира, можно увидеть, как резко сократилось количество войн между государствами за 70-летний период времени. Если возникают новые типы конфликтов, то есть внутрисостоятельные или общественные, включающие яростное противостояние по этническому признаку или широкомасштабное массовое насилие, то стоит обратить внимание на то, что общее количество жесточайших политических конфликтов постепенно снижается после окончания холодной войны. Оказывается, войны по большей части концентрируются в определенных регионах, обладают специфическими и повторяющимися характерными особенностями и включают некоторое количество «частных субъектов», которые вызывают к новым дипломатическим стратегиям

(не только военным), дающим возможность находить общий язык с самыми разнообразными субъектами, государственными и частными.

Ознакомление с этой научной и экспертной информацией могло бы помочь дипломатам и руководителям справиться с усиливающейся сложностью и возрастающей неопределенностью. Современные конфликты по сути отражают хрупкость государств и сообществ. В своем стремлении укрепить глобальную стабильность дипломаты должны знать, как обращаться с хрупкими государствами, сообществами в переходный период, как справляться с постконфликтными последствиями и гражданскими волнениями.

В отчете «Обязанность защищать» (R2P), выпущенном в 2001 году Международной комиссией по вопросам интервенции и государственного суверенитета (ICISS), основное внимание было уделено предотвращению конфликтов как приоритету для будущих дипломатических стратегий. Под председательством Гарета Эванса и Мохамеда Сахнуна ICISS предложила радикально изменить понятие государственного суверенитета. Отвечая на вопрос Генерального секретаря ООН Кофи Аннана о том, как следует поступать международному сообществу, когда происходит или назревает грубое нарушение прав человека, авторы отчета отмечали, что суверенитет влечет за собой не только права, но и обязанности, в частности обязанность государства защищать свой народ от серьезных нарушений прав человека. Теперь уже речь шла не о праве на вторжение или вмешательство во внутренние политические дела других стран, а об «обязанности защищать» граждан и отдельных лиц во всем мире от массовой жестокости и вымогательств. Более того, отчет ICISS декларировал, что если государство «не может или не хочет» защищать свой народ, то эта обязанность должна быть делегирована международному сообществу.

Стратегия обязанности защищать выстроена на трех основных элементах: обязанности предотвращать, обязанности реагировать и обязанности реконструировать. По сути, принцип R2P расширил защиту отдельных лиц от доконфликтного периода (предотвращение) до постконфликтных попыток реконструкции и примирения. Всесторонний подход к управлению и урегулированию конфликтов доказал центральную роль превентивной дипломатии.

На мой взгляд, это и есть ключевой аспект. Сегодня особенно важной становится роль дипломатии в отношении конфликтов и на дипломатов возлагается особая задача усиления превентивных действий и решения проблем путем постоянных переговоров. В условиях нарастающей нестабильности XXI века существенным вкладом дипломатии должно стать в первую очередь поддержание переговоров открытым путем. Сохранение пространства для договорных стратегий по каждому сектору международного сотрудничества окажется исключительно благотворным для глобальных игроков и в то же время укрепит статус дипломата, наделив его действия еще большей легитимностью. В эпоху все возрастающей неопределенности дипломаты должны создавать стимулы для переговоров. Креативность и новаторство требуются для того, чтобы усадить за стол переговоров совершенно разных политических игроков. Такие стратегии подразумевают способность адаптации к быстро меняющимся обстоятельствам и готов-

ность к кризисам, сотрясающим политические институты и гражданские сообщества по всему миру.

Итак, несмотря на то что кризисы пошли на убыль и способность к контролю над ними усилилась, масштабные кризисы все еще продолжаются. Таким образом, роль дипломатии становится более решающей, чем когда бы то ни было, и сводится к удержанию кризисов под контролем, к тому, чтобы побудить глобальных игроков найти решение и озвучить его. В глобализованном мире, где современные информационные технологии позволяют главам государств и правительствам взаимодействовать непосредственно, где все министерства — от министерства финансов до министерства по проблемам окружающей среды — имеют собственных специалистов по ведению переговоров и где регионы и города вовлечены в дипломатическую деятельность, традиционные дипломаты, видимо, рискуют оказаться невостребованными. Но во всех случаях роль дипломатии существенна.

Позвольте сослаться на два масштабных кризиса, имеющих место в наши дни. Эти кризисы заслуживают особого внимания, а ключевые политические игроки должны предпринять все усилия для их нейтрализации. Я имею в виду кризис на Ближнем Востоке в самом широком смысле этого слова, а также украинский кризис.

Начнем с ближневосточного кризиса. На сегодня имеются четыре сценария кризиса: проблема Палестины, война в Сирии, дестабилизация Ирака и переговоры с Ираном. Думаю, все могут согласиться с тем, что Ближний Восток пребывает в конфронтации с новой парадигмой. Со времени Версальского договора 1919 года, когда было подписано соглашение Сайкса — Пико, мы никогда не наблюдали более сильных волнений в этом регионе. Мы погружаемся в конвульсивный и фрагментированный сценарий в ходе общего процесса появления новых игроков и новой повестки дня. Таков общий каркас всей ситуации, которая отражает четыре упомянутые выше проблемы.

Что касается израильско-палестинского конфликта, здесь мы сталкиваемся с процессом стагнации. Метод двухгосударственного решения имеет последнюю возможность воплотиться в реальность. Выборы в Израиле, разногласия на палестинском политическом фронте и крайне слабая вовлеченность международного сообщества приводят нас к негативным и пессимистическим оценкам. Тем не менее основные игроки, такие как США, Евросоюз, Россия, и некоторые арабские страны должны отреагировать на этот переломный момент. Возможно, настало время для новой политической инициативы, которая должна постараться внедрить то, что я называю «методом двойной колеи». То есть Палестина должна быть признана западным миром, а Израиль — арабскими и мусульманскими странами. Это станет до некоторой степени осуществлением арабской мирной инициативы. Если мы, международное сообщество, проявим политическое мужество, чтобы продвигаться в данном направлении, то сможем в конечном счете установить первый уровень стабильности на Ближнем Востоке.

Что касается сирийского кризиса, самое время положить конец войне и жестокому насилию. Более чем когда-либо здесь нам нужна дипломатия. Мы должны призывать к урегулированию путем переговоров, поскольку стали свидетелями того, что не существует военного решения сирийского

кризиса. Если так, почему бы нам не призвать к Женеве-3, с новым кругом полномочий и новыми участниками, включая Иран? Госсекретарь США Джон Керри заявил, что в конечном счете мы должны договориться с президентом Башаром аль-Асадом. Давайте сделаем это, чтобы найти компромисс, защитить тысячи жизней и избавить сирийский народ от бесконечных страданий. Если мы преуспеем в этом, то получим дополнительные шансы на успешную борьбу с радикальным «Исламским государством» и выйдем на второй уровень стабильности в этом регионе.

Экспансия и радикализация так называемого ИГИЛ связана с двумя предыдущими проблемами, хотя оно было создано после вторжения в Ирак. Сегодняшний вызов гораздо более серьезен, чем просто внутренняя борьба в границах Ирака. Это не просто проблема борьбы с терроризмом. Это одна из главных угроз на международной повестке дня, и реагировать на нее надо соответственно, прибегая к политическому и дипломатическому механизму. Это не значит, что мы не должны использовать военную силу для сдерживания этого движения, но важнее то, чтобы арабские страны вместе с Россией, Европейским Союзом и Турцией призывали к новой стратегии для нейтрализации этой все возрастающей угрозы.

Наконец, регион, сопротивляющийся новому соотношению сил, — Иран. Эта страна, которая в последние десятилетия была исключена из формальной региональной роли, могла бы быть признана в качестве нового регионального игрока. Переговоры по ядерному вооружению связаны с новой ответственностью этой страны за различные кризисы в регионе. Ее влияние в секторе Газа и связь с Хамасом содействовали бы объединенному правлению в Палестине. Ее тесные отношения с правительством Башара аль-Асада будут весьма важны для позитивного выхода из сирийского конфликта. Наконец, крайне необходимо привлечь Иран на нашу сторону, чтобы сразаться с ИГИЛ. Это необходимо, и мы должны это сделать, пока не поздно.

Эти четыре сложные проблемы лежат в основе кризиса, развернувшегося на Ближнем Востоке. И мы не должны прятаться, а должны действовать креативным и решительным образом. Время не работает на нас, но пока еще оно у нас есть. Давайте проявим мужество, будем смело действовать, чтобы контролировать этот кризис, прежде чем он выйдет за рамки и безграничный очаг жестокости и разрушения укоренится на долгое время в ключевом геостратегическом регионе мира.

Обратимся к кризису на Украине. Это очень болезненный конфликт в центре Европы, который углубляет линию раздела между Россией и европейскими странами. Это очень плохо по многим причинам. Первое. Поскольку Россия является частью Европы, то ее отделение от остальных европейских стран повлечет тяжелые последствия во многих сферах деятельности — от культурных аспектов до экономики этой зоны. Второе. Кризис возрождает российский изоляционизм и топит мечту России выступать в качестве супердержавы, чтобы вновь обрести зону влияния. С моей точки зрения, это тоже плохо, так как Россия нуждается в своих ресурсах, чтобы продвигаться вперед в XXI столетии. Так много предстоит сделать в процессе модернизации страны — от дорог до автострад, от аэропортов до новых высокоскоростных поездов, от закрытия старых загрязняющих природу пред-

приятий до открытия новых высокотехнологичных, — поэтому нельзя терять время и тратить силы впустую. Огромен список срочных и сложных задач, которые должны быть решены, чтобы обеспечить населению высокие жизненные стандарты, коих оно заслуживает. И поэтому, я считаю, не следует перенаправлять ресурсы, вкладывая их в вооруженные силы и оживляя нереалистичные модели.

Нынешняя ситуация печальна и плоха, поскольку Россия и Европа должны быть вместе и должны объединять силы, чтобы избежать упадка в новой глобальной эре с вновь возникающими державами. Этот конфликт задерживает наше взаимодействие. Мы, Россия и ЕС, должны вернуть ситуацию к исходному состоянию. В последние месяцы Евросоюз предпринял некоторые попытки, чтобы остановить эскалацию напряженности. Я знаю, что Брюссель отдает себе отчет в том, что кризис не может принести ничего хорошего никому из нас. Некоторые эксперты идут дальше: они полагают, что кризис должен заставить всех игроков переосмыслить будущее в новом свете. Сразу после урегулирования должна быть запущена новая схема в наших отношениях. Нам придется вместе подумать, как преобразовать такую динамику отрицательных воздействий в новое креативное восстановление дружеских отношений, которое принесет нам блистательный совместный проект. Этот проект должен стать, как некоторые говорят, «Большой Европой», а я определяю его как создание общего пространства для гармоничного развития наших сообществ.

Мы должны создать пространство с твердым намерением содействовать организации сообществ, предприятий, приумножению совместных инвестиций во всем мире. Вы можете сказать, что я лишь мечтаю, что все движется в совершенно ином направлении. Я отвечаю: если вы сохраните невозмутимость и всерьез задумаетесь над тем, что мы, ЕС и Россия, приобретаем и что теряем от этого конфликта, то поймете, что очень скоро мы окажемся в большом проигрыше, тогда как остальные — в крупном выигрыше. Почему мы должны позволить другим воспользоваться нашей глупостью, когда мы все не глупы? Из гордости? Из-за инертности? Из-за того, что никто не в состоянии быть достаточно скромным, чтобы поменять свои решения? Давайте реагировать! Мы — умные народы, цивилизованные нации, мы способны поставить рассудок выше страстей и таким образом превратить мрачную ситуацию в новый оптимистичный период истории. Давайте сделаем ставку на то, чтобы стать коллективно мудрыми и повернуть вспять нынешнюю ситуацию.

Как приняться за дело? Есть возможность назначить группу мудрых людей с огромным опытом в сфере международных отношений от четырех сторон — России, Украины, ЕС и Соединенных Штатов, — чтобы отыскать путь для установления твердого мира и бесповоротно разрядить напряженность. После этого один представитель от России и один от ЕС должны представить план общего будущего. Мы должны быть проникательными, верить в силу идей и положительных проектов. Даже более сложные мечты стали реальными.

Вспомните Мартина Лютера Кинга и ситуацию с расистскими сообществами в США в 1960-е годы и взгляните теперь на президента Обаму и НАТО и на то, как расистские сообщества живут в спокойной атмосфере

в США. Вспомните кровопролитие, затопившее Европу в 1940-е годы, и посмотрите, как оказалось возможным восстановление дружественных связей между Францией и Германией и как у них получилось создать новое общее пространство — ЕС. Или вздумайтесь, каким образом Германия вновь стала единым государством, в то время как многие считали, что пройдет еще много времени, прежде чем их страна окажется объединенной. И поэтому я не вижу причин, почему мы не можем повернуть кризис в мирное русло, которое нас объединит.

Если мы достигнем этого, то будущее старой Европы станет еще более ярким и не лишенным надежды и здравого честолюбия. Молодые поколения станут обладателями великого политического проекта, а общество извлечет пользу из лучших перспектив, равно как и экономика станет сильнее, подкрепленная новыми, более широкими возможностями.

Сейчас наступил момент, когда надо мыслить масштабно и разумно. Мы, жители старого континента, не должны считать, что будущее уходит в сторону Азии, а мы пребываем в фазе упадка. Мы вновь должны объединить усилия и сконцентрировать нашу энергию на реализации крупного проекта мира и процветания. Нашим приоритетом должны стать наши граждане, и мы должны добиться результата в соответствии с их ожиданиями. Ничто не потеряно, все можно использовать во благо, если мы умны и активны. Давайте начнем действовать!

В. В. Наумкин¹

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ И САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ²

Пятый глобальный форум «Альянса цивилизаций», состоявшийся в Вене 27–28 февраля этого года, особо отметил важность культурного разнообразия как универсальной ценности мирового сообщества и одной из движущих сил глобального развития. Напомню в связи с этим ту непреложную истину, что большинство государств мира этнически и конфессионально неоднородны и регулирование разнообразных культур является важнейшим вопросом для всех государств. Признание культурных различий меж-

¹ Научный руководитель Института востоковедения РАН, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор. Директор Института востоковедения РАН (2009–2015). Заведующий кафедрой региональных проблем мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. книг: «История Востока», «Сокотрийцы», «Ислам и мусульмане: культура и политика», «Ближний Восток в мировой политике и культуре», «Красные волки Йемена», «Island of the Phoenix», «Абу Хамид аль-Газали: Воскрешение наук о вере», «Radical Islam in Central Asia: between Pen and Rifle», «Арабский мир, ислам и Россия: прошлое и настоящее» и др. Главный редактор журнала «Восток (Oriens)». Председатель редакционного совета журнала «Восточный архив», член редсоветов многих журналов. Ряд книг переведен на иностранные языки. Награжден орденом Дружбы, а также зарубежными и общественными наградами, в том числе орденом Почета Совета муфтиев России. Лауреат премии В. В. Посуляка за достижения в области международной журналистики.

² Доклад представлен на XIII Международные Лихачевские научные чтения (2013 г.).

ду людьми в качестве важного компонента цивилизационной среды и обеспечение равных возможностей для всех групп в социально-политической жизни — это задачи, от решения которых зависит успешное функционирование государств. При этом в эпоху мощных вызовов, которые бросает нам глобализация, особое значение приобретает самоидентификация культурно-цивилизационных сообществ.

Начав с России, замечу, что в нашем сегодняшнем дискурсе мы никак не можем выкарабкаться из заржавевших оков извечной борьбы между почвенниками и западниками. (Разве что об «азиатском» выборе речь тогда не шла.) Но эта борьба и в прошлом не была столь уж непримирима. В XIX веке отношение к загранице (точнее к Западу) было у всех представителей русской интеллектуальной элиты неоднозначным. Великий Пушкин писал в возрасте 32 лет в письме Чаадаеву по-французски: "Je vous parlerai la langue de l'Europe; elle m'est plus familière que la nôtre" («Буду с Вами говорить на языке Европы: он мне более привычен, чем наш»). Не случайно Достоевский пронизательно заметил, что «Пушкин лишь один из всех мировых поэтов обладает свойством перевоплощаться вполне в чужую национальность». Живи оба гения сегодня, от некоторых наших коллег и тому, и другому как следует бы досталось. Напомню, что, по Достоевскому, которого трудно упрекнуть в космополитизме, «назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное». Приведу еще одну его весьма известную фразу: «стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только стать братом всех людей». Но Андре Жид, говоря о Пушкине, писал, что он является «самым национальным из всех предшествовавших ему писателей» и что напрасно искать у него то, что «привыкли рассматривать как специфически русское: беспорядок, сумеречность, гиперболы, неурядицу. В большей части пушкинских произведений все — ясность, равновесие, гармония». Эта и есть та часть нашего наследия, которая тянет нас в Европу, в европейскую культуру.

Но и Европа уже в обозримом будущем может стать если не преимущественно, то в значительной мере мусульманской. Так что и европейскому полюсу нашего противоположения не избежать цивилизационного разлома. Европейские баталии вокруг укрывающих женщину покрывал — тревожный сигнал. Но ксенофобский призыв одного премьер-министра одной из германских земель — "Kinder statt Inder" («Больше детей, но не индийцев») — вряд ли найдет отклик в семьях коренных европейцев. Швейцарская атака на минареты (к счастью, не нашедшая поддержки в Европе) была сигналом не менее тревожным. Подрывают веками господствующее в нашей стране межконфессиональное и межнациональное согласие и наши фундаменталисты, националисты и ксенофобы (процитирую одного известного журналиста из уважаемой газеты: «не дай бог закричать на всю ивановскую здесь, на Ивановской горке, когда-нибудь какому-нибудь муэдзину»).

Именно с мусульманским миром сближает нас роль религии, проявляющаяся не в растущей религиозности — она у нас не так уж высока и, как во многих других частях мира, повально редуцируется до обрядности, — а в растущей роли церкви. Именно церковь сегодня выступает последовательной защитницей нашей идентичности и цивилизационной особенности

(«ни Запад, ни Восток»), она наиболее решительно выступает против переноса на российскую почву европейского понимания свободы и прав человека, видя в этом понимании вседозволенность и отход от человеческой морали. Достаточно сказать об ее отношении к гомосексуализму. Ислам, как известно, относится к этому явлению наиболее непримиримо, что оказывает влияние на мусульманское население нашей страны. Однако именно в некоторых мусульманских странах гомосексуализм был всегда распространен больше, чем в особенно либеральных в этом отношении европейских государствах нашего времени. В конце концов, шедевры средневековой арабско-персидской поэзии были созданы и в таком жанре, как *гульман* («мальчики») — стихах, в которых поэты воспевали прелести юных объектов своей однополой любви. Замечу, что при частых призывах к необходимости соблюдения неких целомудренных основ нашей цивилизации понадобилось много времени и еще больше скандалов, прежде чем наши законодатели приняли необходимо жесткие законы против педофилов. В борьбе против этого ужасающего зла именно Запад был лидером.

Конечно, Россия давно стала государством культурного разнообразия, и навязывание стандартов одной цивилизационной модели (сколь бы успешной и привлекательной она ни казалась) всему населению обречено на неудачу. Культурное разнообразие есть несомненное достоинство и благо, кроме того, оно дает немалые преимущества для вхождения в процесс глобализации. Но приведу один пример того, как вхождение в различные культурно-политические форматы, предопределяемое цивилизационным полиморфизмом (и соответственно культурной амбивалентностью), создает напряженности, требующие решений. Имеется в виду то, что наша страна, закономерно позиционируя себя как государство, одновременно принадлежащее и Западу, и Востоку, действует в конфликтующих между собой форматах. В докладе об исламе, исламизме и исламофобии в Европе, подготовленном Комиссией по культуре, науке и образованию (Могенс Йенсен) и одобренном на июньской сессии ПАСЕ 2010 года, говорится (п. 4), что Ассамблея «сожалеет о попытках государств — членов Организации Объединенных Наций инициировать под эгидой ООН противодействие так называемой диффамации религий, в частности ислама, поскольку такие попытки отражают в большей степени теократические, нежели демократические стандарты». Напомню, что ведения кампании против диффамации религии требует от нашего государства Русская православная церковь. Эту позицию поддерживает и определенное число официальных лиц. Можно ли на самом деле считать, что она отражает «теократические стандарты»? И в какой мере демократические стандарты требуют столь жесткого претворения в жизнь принципа отделения государства от религии (см. там же, п. 5)? Кстати, далеко не во всех странах Евросоюза этот принцип последовательно соблюдается. В Дании пасторы являются фактически государственными служащими. В этом скандинавское государство оказывается похожим на не полностью светскую Турцию, где имамы назначаются государством.

Вообще-то азиатский полюс вынесенного в название нашего форума противоположения неоднороден. Азиатская действительность многолика и чрезвычайно разнообразна. Сингапурская модель у нас в последнее время рассматривается чуть ли не как апогей успешного развития по за-

падному пути, но многие стандарты демократии там отсутствуют. Пример свободы прессы в этой части света дает не Сингапур (где ее нет), а мусульманский несекулярный Пакистан. А применяемая в Сингапуре к преступникам порка ратановыми розгами напоминает скорее афганскую модель, нежели гуманные системы развитых стран, которым по части экономического развития Сингапур действительно не уступает. В этой части непривлекательность сингапурской модели очевидна, а привлекательных элементов немало и у других азиатских стран разного уровня развития, к примеру у Монголии. Те же высокие темпы роста, открытость, плюс та же, что и в Пакистане, свобода прессы. Но при этом именно в Пакистане можно встретить наиболее вопиющие примеры религиозного мракобесия. Так, часть деобандийских улемов (мусульманских богословов радикально фундаменталистского направления) выступила некоторое время назад с призывом ввести запрет на телевидение, поскольку любое телевидение неизбежно становится орудием растления нравов. Следуя этому призыву, часть местной молодежи устроила на улицах публичное уничтожение телевизоров. Казалось бы, смешно представить, что нечто подобное может произойти у нас или в странах Евросоюза, хотя иногда самые неожиданные предположения становятся явью.

Но все-таки куда же движется Россия? В Азию, куда, похоже, постепенно перемещается центр экономической жизни планеты и где все больше государств входят в число наиболее богатых стран мира, или в стареющую Европу, которая не может существовать без привлечения все возрастающего числа азиатских и африканских рабочих? Разумом в Азию, душой в Европу? Или наоборот? Правы ли те, кто считает необходимым создать свое устройство жизни и даже свою, отличную от всех других политическую систему (об этом не так давно ярко писал Виталий Третьяков), основанные на исконно национальных ценностях и традициях? Но, может быть, нам сначала стоит разобраться в этих ценностях и традициях, поддержав то, что действительно отвечает интересам обеспечения достойной жизни для наших сограждан, и, отвергнув то, что мешает нам развиваться, быть привлекательными и успешно конкурировать с другими нациями?

Думаю, нам не следует ставить самих себя перед надуманным выбором. К сожалению, нас не ждут с распростертыми объятиями ни на Западе, ни на Востоке. Единственно возможный путь для самодостаточной, но живущей в глобализованном мире России — двигаться вперед, сохраняя свою цивилизационную идентичность и заимствуя лучшее в опыте других.

Обратившись к внешнему миру, отмечу, что в современных обществах наблюдаются две противоборствующие тенденции: растущая роль религии в их жизни и секуляризация. Столкновение между этими двумя тенденциями, особенно болезненное в случае, когда разделяющая их линия разлома проходит между различными этноконфессиональными группами, рождает конфликты. Поэтому, согласно М. Кенигу и П. де Гучтенеюре, «важнейший вопрос заключается в том, как в процессе политического регулирования религиозного многообразия соблюсти право личности на религиозную свободу, признавая в то же время религиозные идентичности в публичной сфере».

Некоторые аналитики зашли так далеко, что возлагают вину на существующий и даже углубляющийся раскол между миром веры и миром атеизма

за обострение напряженности между культурами, служащее препятствием для усилий по взаимному узнаванию и сближению. Ожесточенная борьба между сторонниками религиозного и светского государства на Ближнем Востоке в результате «арабской весны» ясно демонстрирует необходимость осознания возможных угроз, коренящихся в этом конфликте ценностей.

Демократический ответ на вызов религиозного разнообразия в конечном счете заключается в обеспечении разумного плюрализма, что, однако, не означает, что он в равной степени удовлетворяет все социально-политические силы, прибегающие к религии для продвижения своих целей. Явкратце коснусь такой общепринятой черты религиозного плюрализма, как толерантность. Даже в обществах, которые довольно далеко продвинулись по пути демократических преобразований, можно нередко услышать критику толерантности как инструмента размывания религиозной идентичности. Концепция толерантности сталкивается с идеей исключительности отдельной религии. Споры о том, верят ли представители различных авраамических религий в одного и того же бога, может ли адепт другой веры достичь спасения, не говоря уже о позиции, которую следует занять по отношению к неверующим и отступникам, носят весьма ожесточенный характер и пока что не привели к сближению позиций.

Когда мы затрагиваем тему взаимосвязи между религией и этничностью, значение приобретает вопрос о том, что те или иные группы считают основным маркером идентичности. Один из представителей Русской православной церкви Владимир Легойда полагает, что религия, будучи сокровенной частью человеческой жизни, является одновременно могучей социальной силой ввиду того, что «она есть то, что философы называют идентичностью человеческого предела». В то же время в России наблюдается разрыв между культурно-религиозной и чисто религиозной идентичностью. Иными словами, люди, причисляющие себя к отдельной конфессиональной группе, в реальной жизни не руководствуются догматами, в которые они на первый взгляд веруют. Часто их религиозность сводится к соблюдению обрядов — и нередко не всех из них. Но, по мнению директора департамента Минрегиона России Александра Журавского, в России как светском государстве религиозная принадлежность не может быть доминантной идентичностью, превалировать должна лишь гражданская идентичность. В Татарстане, где растет роль ислама, подавляющая часть татарской интеллигенции все еще считает, что этничность должна преобладать над религиозностью. Вышеназванный аналитик, подобно многим другим, считает, что проблемы, стоящие перед Россией в этой сфере, вызваны появлением нетрадиционных форм ислама, нехарактерных для России, в традиционном контексте. Борьба между суннитским ханафитским и тарикатистским исламом, которые традиционны для нашей страны, с одной стороны, и приверженцами «чистого ислама», салафитами — с другой, принимает иногда довольно острый характер. Естественно, это создает серьезную проблему для менеджмента этого аспекта культурного многообразия, в котором трудно не сделать ошибок. Разумеется, демократические институты в таких ситуациях обеспечивают наилучшие условия для взвешенного решения проблем. Но, как уже говорилось, даже в обществах с хорошей демократической репутацией наблюдаются процессы, которые вряд ли способствуют нахождению опти-

мальных форм регулирования культурного многообразия. Я имею в виду элементы дискриминации по отношению к мусульманским общинам, которые можно заметить в политике ряда правящих партий в некоторых европейских государствах.

В связи с этим можно обратиться к опыту Индии. Как утверждает Гурприт Махаджан, способность Индии сохранить мультикультурную демократию «чаще всего относят за счет (1) наличия полной сил демократии; (2) толерантности доминирующей культуры». Я не уверен в том, уместен ли термин «доминирующей» в контексте тезиса о толерантности, но для поддержания межкультурного мира она очевидно должна проявляться всеми культурами, представленными в обществе. Но если нетолерантность проявляется носителями культуры большинства, не подлежит сомнению, что носители культуры меньшинства ответят им тем же. Вообще говоря, я также не уверен в том, что цивилизации могут подразделяться на толерантные и нетолерантные. Представители многих из них склонны применять тезис о толерантности как раз к собственной цивилизации, подчеркивая, что ей присуще это качество. К сожалению, однако, в истории всех культур были периоды — у кого длительнее, у кого короче, — когда отношение к людям чужой этничности или веры никак не соответствовало канонам терпимости.

В нашем глобализированном мире вопрос культурной идентичности стал чрезвычайно сильным императивом, так как приверженность к своему языку, религии и другим маркерам этой идентичности (независимо от того, унаследованы ли они с точки зрения символической антропологии или сконструированы) рассматривается как определяющий фактор, гарантирующий сохранение этноконфессиональных групп. Предрассудки, мифы, ошибочное восприятие, а также страхи и чувство угрозы порождают национализм, ксенофобию, исламофобию, антисемитизм, враждебность ко всему непохожему.

В связи с этим можно вспомнить, что в XXI веке две мировые войны и две великие революции в России и Китае показали хрупкость не только мировой политической системы, но и мира в целом. «Мы, цивилизации, теперь осознаем, что мы смертны», — констатировал французский поэт Поль Валери. Политики и экономисты к концу XX века открыли для себя, насколько ограничены имеющиеся в их распоряжении инструменты для разрешения конфликтов и преодоления угроз, возникающих в мире.

Оказалось, что принадлежность к определенной цивилизации никак не гарантирует гармоничного развития общества, так как внутри общества и внутри отдельных индивидов таятся деструктивные элементы варварства. Становится все более очевидно, что нужно подавлять не отличные от своих цивилизационные принципы, а элементы варварства, дремлющие в мире.

Прекращение идеологической и отчасти межгосударственной конфронтации в конце XX века вызвало кризис идентичности у широчайших масс людей. Состояние их умов во всевозрастающей степени требует самоидентификации, и мир совершил прыжок вспять, вернувшись к своим первозданным основам — религии и культуре. Но этот процесс потенциально влечет за собой угрозу распада мира на дискретные религиозно-культурные блоки, не готовые к сближению и гармоничному сотрудничеству. Некоторые аналитики пророчат наступление «периода интенсификации культурных войн».

Этого, однако, можно избежать. Необходима готовность как национальной власти, так и интеллектуальной элиты к диалогу и сотрудничеству. И если раньше цивилизационные принципы обеспечивали условия и возможности для принятия политических решений, в настоящее время решения, принимаемые политиками, должны служить целям защиты отличных друг от друга цивилизаций и сотрудничества между ними.

Сила все еще остается основным аргументом в политике, но ее значение как фактора мировой стабильности и устойчивости все более сокращается. Мир един, все в нем взаимосвязано. Вражда и нетерпимость в условиях глобализации перестают быть частными явлениями, они вольно или невольно приобретают глобальный контекст, вырастая в угрозу всему миру. Отношения между цивилизациями никак не могут сводиться к противостоянию и конфликту. Напротив, они давно уже развиваются как взаимодействие в областях «высокой» культуры и благосостояния, как знакомство друг с другом, признание и обмен достижениями. Не столкновение цивилизаций угрожает миру, но ослабление цивилизационных принципов в современной жизни различных народов.

Отвечая в Вене на 5-м Глобальном форуме «Альянса цивилизаций» гарвардско-пекинскому профессору Ту Вэймину, который высказал общепринятую мысль о том, что сегодня мы живем в эпоху «растущего разнообразия культур», я возразил, что на самом деле в наши дни мы являемся свидетелями *уменьшения* разнообразия культур. Некоторые малые и слабые культуры уже почти исчезают, маргинализируются или теряют важнейшие основы своей идентичности под влиянием глобализации, ряд других чувствуют себя уязвимыми, их выживанию угрожает наступление более сильных культур посредством агрессивного проецирования своих ценностей и культурных продуктов или прямой интервенции. Это может углубить опасные раздоры и легко превратиться в источник конфликтов. Нашей целью в рамках «Альянса цивилизаций», на мой взгляд, должна быть защита всех культур с тем, чтобы позволить носителям малых и слабых культур почувствовать себя уверенными, свободными от страха потерять свою идентичность.

В этом ответе я также подчеркнул, что одним из стержней защиты культурного многообразия, развития демократии и разумного управления должно быть наше уважение меньшинства. Меньшинства по взглядам и мнениям, этничности, религии, культуре. Уважение ко всей непохожести. Уважение к слабым. При этом, конечно, всячески должна быть поддержана идея значимости межкультурного диалога, что было лейтмотивом многих выступлений. В то же время я поставил вопрос о необходимости и, возможно, приоритетности диалога *внутри одной культуры*, учитывая, что сегодня мы являемся свидетелями растущей напряженности главным образом в рамках одной культуры, одной религии, одного общества. Например, относительно интерпретации такой универсальной ценности, как права человека. В связи с этим можно упомянуть продолжающиеся в европейских обществах горячие дебаты о регистрации однополых браков или праве однополых семей на усыновление детей. Или еще более ожесточенные дебаты внутри мусульманских обществ по вопросу *такфира*, предполагаемого права группы верующих подвергать других анафеме. Не стоит и говорить о том, насколько серьезно эти общества страдают от межрелигиозных вооруженных стол-

кновений, иногда в форме отвратительных зверств, жестокого подавления и кровавых конфликтов. Необходимость борьбы с экстремизмом остается условием успешного строительства нового международного порядка, основанного на упомянутых выше широко разделяемых ценностях, поддерживаемых Альянсом.

Всеобщая декларация ЮНЕСКО гласит, что культурное многообразие «столь же необходимо для человечества, как и разнообразие видов для природы». Социальная справедливость и гармония, демократия и разумное управление обеспечивают наилучшие условия для его сохранения и развития.

НАЦИЯ-ГОСУДАРСТВО, ЦИВИЛИЗАЦИЯ И КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ¹

Цивилизационная тематика в свете происходящих в современном мире трансформационных процессов становится все более востребованной, интересной как для авторов — исследователей и публицистов, так и для читателей. Вопросы культурно-цивилизационной идентичности, характера взаимоотношений между ценностями различных регионально-культурных кластеров, путей эволюции нации-государства в условиях нарастающей глобализации приобретают все большую остроту и требуют научно-теоретического осмысления.

Россия, особенно в последние годы президентства В. В. Путина, все в большей мере позиционирует себя как государство со своей особой цивилизацией. Это, однако, не останавливает традиционную историческую борьбу в нашем обществе между почвенниками (или славянофилами) и западниками, как бы они себя в разные эпохи ни называли: проблема идентификационного выбора и сегодня остается актуальной. Мы являемся свидетелями того, как иногда противостояние сторонников конфликтующих между собой концепций российской идентичности приобретает весьма острый характер, выплескиваясь на экраны телевизоров, на страницы газет и журналов.

Некоторые идеологи «неопочвенничества» и «патриотического национализма», критикуя политику властей, требуют противопоставить нас в цивилизационном отношении Западу, чуть ли не вновь отгородиться от него с помощью «железного занавеса». Всегда концептуально мыслящий генерал Л. Г. Ивашов выдвигает проект Евро-Азиатского цивилизационного союза (современного аналога славянофильского проекта) на основе развития Шанхайской организации сотрудничества «как баланса и альтернативы Западу и транснациональному сообществу»².

Гораздо более резок депутат Государственной Думы от «Единой России» и член ее политсовета Е. А. Федоров, который говорит о российской власти (к верхушке партии которой он сам принадлежит), что она «управляется через механизмы коррупции, именно поэтому коррупция сегодня — не-

¹ Доклад представлен на XIV Международные Лихачевские научные чтения (2014 г.).

² *Ивашов Л.* России нужен собственный геополитический проект // Академия геополитических проблем. 2012. 10 июля.

решаемая проблема. Решать ее нам запретили американцы»¹. Он считает, что в России сейчас сложилось двоевластие: «с одной стороны, ставленники сионистской оккупационной администрации (правительство), а с другой — президент Путин, опирающийся на поддержку части народа и некоторых разумных людей»².

Либералы-«неозападники» тоже критикуют власть, но они недовольны иным. Политолог из Московского центра Карнеги Л. Ф. Шевцова считает, будто философия российской идентичности при Путине — всего лишь «модель властвования». Эта модель, по ее мнению, «предполагает противодействие влиянию Запада как внутри российского общества, так и на постсоветском пространстве», и в ее рамках обосновывается претензия России «на роль защитника традиционных моральных ценностей от западного упадничества и деградации»³.

Кстати, именно тезис о моральной деградации Запада лежит в основе неприятия его культурной экспансии со стороны защитников цивилизационной самобытности и в исламском мире, также выстраивающем свои модели развития в остром противоборстве сторонников конфликтующих концепций.

Является ли извечный спор сторонников разных моделей развития России свидетельством так и не изжитого ею до сих пор конфликта идентичности или неотъемлемой чертой ее цивилизационной двуликости?

Замечу, что с идентификационным вызовом в той или иной мере сталкиваются все общества. Приведу в пример не так давно появившийся в Западной Европе тезис о «Еврабии»⁴ (Eugabia), в котором отразились страхи европейцев перед возможной цивилизационной трансформацией Европы под натиском не поддающейся ассимиляции волны мигрантов из государств арабского Востока и мусульманского мира. Параллельно этому возник термин «Лондонистан», отражающий весьма распространенное (в том числе и в России) мнение о том, что британская столица стала центром деятельности подпольных джихадистских групп всех мастей. Появилась и теория «арабо-исламского заговора», имеющего целью подорвать Европу. Теория, как заметил Али Аллави (в недавнем прошлом иракский министр, ныне — американский профессор), ничуть не менее абсурдная, чем «Протоколы сионских мудрецов».

Россию не поразил вирус исламофобии, так как в течение столетий наша многонациональная и поликонфессиональная страна являет собой впечатляющий пример сожителства, культурного взаимообогащения и уважительного отношения друг к другу многих этнических и конфессиональных групп в рамках единого общественного организма. Однако острый конфликт между Западом и исламским миром, волны исламского экстремизма, затронувшие и российские регионы, а также масштабные и неуправляемые миграционные процессы все же ухудшили климат в отношениях между этими группами. Сторонники евразийского выбора вроде бы должны выстраивать

¹ Знание — власть. 2012. № 25.

² Русское агентство новостей. 2013. 25 окт.

³ Шевцова Л. Русская матрица: искусство перевоплощения // Московский центр Карнеги. 2013. Ноябрь. С. 2.

⁴ О ней, в частности, подробно пишет А. Аллави: *Allawi A. The Crisis of Islamic Civilization*. New Haven ; L. : Yale University Press, 2009. P. 182 — 185.

мосты между Россией и исламским миром (и в самом деле, не с Китаем же нам объединяться), но и они, а не только националисты, которые вообще негативно относятся ко всем «чужим», нередко проявляют предвзятое отношение к мусульманской цивилизации как таковой.

Однако и в рамках этого дискурса приверженцы «неопочвенничества» склонны винить во всех бедах мира Запад, и в первую очередь США. Отвечая в эфире «Голоса России» на вопрос о деятельности исламских террористов на территории Сирии, руководитель Санкт-Петербургского отделения Российского института стратегических исследований, специалист по Древнему Востоку А. Л. Вассоевич утверждает, что «радикальные исламистские группировки управляются Соединенными Штатами Америки»¹. Обуреваемый благородными помыслами разоблачить фундаменталистов, петербургский профессор не только приписал США создание «Аль-Каиды» (что лишь отчасти не лишено оснований), но и оказал большую честь британской разведке, сообщив, что именно она (а не шейх Мухаммад Абд аль-Ваххаб, как мы наивно полагали) создала ваххабизм в XVIII веке. Кстати, заметим, что в 1920-е годы, как свидетельствуют наши внешнеполитические архивы, российская дипломатия с симпатией отнеслась к саудовской экспансии. Но, естественно, не из-за любви к ваххабизму, а потому, что видела в недждийском пуританском движении силу, независимую от колониалистов и поставившую задачу объединить Аравию в рамках единого самостоятельного государственного образования.

В письме российскому представителю в Хиджазе К. А. Хакимову народный комиссар по иностранным делам СССР Г. В. Чичерин писал: «Наши интересы в арабском вопросе сводятся к объединению арабских земель в единое целое». Он писал в связи с этим о возможности турецко-ваххабитского сближения (как актуален этот тезис сегодня!) «в некое мусульманское движение, направленное против западного империализма»². При этом поначалу вовсе не исключалось, что Ибн Сауд может оказаться «английским ставленником», но все же в качестве такового Москва не без оснований видела противника Ибн Сауда — мекканского шерифа Хусейна. Позднее, после взятия ваххабитами Мекки и Медины, Чичерин пишет советскому послу в Тегеране: «Одним из средств давления на Ибн Сауда является руководимая ныне Англией в мусульманских странах кампания против ваххабитов за якобы произведенные ими разрушения в Мекке и Медине. Стремясь изолировать Ибн Сауда... английские агенты используют фанатизм мусульманских масс против ваххабитов, чтобы ослабить Ибн Сауда и заставить его пойти на соглашение с Хиджазом и на английские предложения»³.

Королевство Саудовская Аравия, которое первым официально признал именно СССР, а вовсе не Великобритания, впрочем, по сути не было нацией-государством, будучи созданным на религиозной основе (в сочетании с родоплеменной). Еще одним редким примером подобного образования после Второй мировой войны явился Пакистан, где даже официальным языком был провозглашен не панджабский, на котором говорит самая крупная ав-

¹ России нужно быть готовой к любым нестандартным решениям ее геополитических партнеров // Голос России. 2014. 14 янв.

² Чичерин — Хакимову, 1 ноября 1924 г. АВГР. Ф. 0127. Оп. 1. П. 1. Д. 5. Л. 31.

³ Документы внешней политики СССР. М., 1961. Т. 8. С. 61.

тохтонная этническая группа, а урду — язык мусульманских переселенцев из Индии. Что же касается Саудовской Аравии, то все эти годы там идет процесс складывания национальной идентичности на основе странно звучащего маркера — «саудовец», по имени правящего клана.

Кстати, в 1920-е годы, в период активного советского нациестроительства в Средней Азии, местные руководители не только благосклонно отнеслись к появлению там салафитского проповедника по прозвищу аш-Шама ат-Тарабулси («Сириец из Триполи»), но и помогали ему агитировать против местных суфиев¹. Это объяснялось тем, что в то время именно местные «традиционные» суфийские шейхи были для власти основным противником в борьбе за умы местных мусульман, а салафизм, или ваххабизм, никакой реальной угрозы представлять не мог.

Со временем ситуация сильно изменилась. Одной из неотъемлемых черт ситуации в мире, особенно в последние полтора десятилетия, стал острый конфликт между Западом и исламским миром. Конфликт, в котором одни авторы склонны видеть исключительно цивилизационные, другие — политические корни.

Можно согласиться с тем, что водоразделом между цивилизациями Запада и исламского мира является роль религии в обществе и государстве и отношение людей к ее роли. Однако нужно иметь в виду, что, во-первых, и в лоне западной цивилизации выделяются страны с достаточно высоким уровнем религиозности, хотя и со светской системой государственности, как, например, США. А во-вторых, и в исламском мире были «приливы» атеистической мысли (особенно в 1920-е гг., в значительной мере под влиянием Октябрьской революции в России и созданных на Востоке коммунистических партий) и появлялись режимы, построенные на секулярных принципах (Турция при Ататюрке и его последователях, Тунис при Бургибе). Египтянин Исмаил Мазхар (1891 — 1962) основал в Каире издательство «Дар аль-Усуль» для пропаганды атеизма, им были опубликованы в переводе ненавистная исламистам работа Чарлза Дарвина «Происхождение видов» и не менее чуждая для них книга Бертрانا Рассела «Почему я не христианин».

Еще один активный пропагандист атеизма, получивший образование в МГУ, Исмаил Адхам (1911 — 1940) создал в этих целях ассоциацию сначала в Турции, затем в Египте. Он утопился в Средиземном море, оставив записку, в которой просил кремировать его тело и не хоронить на мусульманском кладбище. С конца 1920-х годов и в 1930-е годы снова стала возрастать тяга к исламу, а атеистическая и секуляристская пропаганда — терять популярность. Египетский интеллектуал, выпускник Сорбонны Мухаммад Хусейн Хейкал (1889 — 1956), начавший с публикации трехтомного исследования о Ж.-Ж. Руссо, теперь прославился изданной в 1935 году и ставшей классической работой «Жизнь Мухаммеда»². Еще более резкий разворот в сторону ислама в тот же период совершил начавший с воспевания английских поэтов-романтиков Аббас Махмуд аль-Аккад (1889 — 1964), среди уче-

¹ См. об этом подробнее: *Naumkin V. Radical Islam in Central Asia: between Pen and Rifle. Boulder : Rowman and Littlefield, 2005. P. 40 — 41.*

² См.: *'Abd Al-Rahim Muddathir. The Human Rights Tradition in Islam. Westport : Connecticut ; L. : Praeger Perspectives, 2005. P. 118 — 119.*

ников которого был самый, пожалуй, известный проповедник радикального исламизма, казненный в Египте в правление Г. А. Насера Сейид Кутб (1906 — 1966), начинавший, подобно его учителю, как поэт и литературный критик. Его труды до сих пор являются одним из источников вдохновения для многих современных джихадистов.

В работах современных исламских мыслителей можно обнаружить полемический дискурс, вполне сопоставимый с российскими спорами между западниками и почвенниками. Махмуд Хайдар, рецензируя книгу Таха Абд ар-Рахмана о духе «исламской модерности» (*рух аль-хагаса аль-исламийя*), обращает особое внимание на проводимое им различие между двумя категориями исламских авторов. Это, во-первых, «авангардисты», которые замещают традиционные исламские концепты современными западными: вместо *шура* — *демократия*, вместо *умма* — *государство*, вместо *ростовщичество* — *прибыль* и т. д. Во-вторых, это их антиподы — «традиционалисты», которые отвергают перенесенные с Запада концепты в пользу традиционных исламских: не *секуляризм* (*'ильманийя*), а знание мира (*аль-'ильм би-г-гунья* — арабский термин, имеющий общий корень с термином *секуляризм*, но почерпнутый из изречения пророка Мухаммеда «Вы больше знаете о вашем мире» — «Антум а'ляму би-умур дуньякум»), не *религиозная война* — *аль-харб аг-гинийя*, а *открытие* (арабский термин *фатх*, который используется применительно к средневековым арабо-мусульманским завоеваниям)¹. Хорошо известны не стихающие споры вокруг совместимости исламских вероучительных норм с демократическими ценностями. Ислам и демократия — эта тема активно обсуждается на многих конференциях и симпозиумах, на встречах религиозных деятелей, экспертов и политиков. Согласно одной точке зрения сама постановка вопроса о возможности совместить ценности исламской цивилизации с демократическими принципами в корне неверна, так как она демократична по своей сути и не нуждается в заимствовании каких бы то ни было ценностей из других систем. Сторонники иной точки зрения обвиняют исламские общества в авторитаризме, попрании прав человека и отсутствии свобод и т. п. Есть и сторонники концепции конвергенции.

Приведу в связи с этим пример, касающийся Всеобщей декларации прав человека 1948 года. В ее создании от арабского мира тогда непосредственно участвовал известный в то время ливанский политический деятель христианин Шарль Малик (во время гражданской войны 1975 — 1990 гг. он был «идеологическим наставником» Ливанских сил — правой христианской милиции)². Лишь позднее в исламском мире возникло неприятие отдельных положений Декларации, в частности ст. 18, гарантирующей свободу выбирать веру и менять ее, что противоречит базовым положениям шариата. В результате в рамках Организации Исламская конференция (ОИК) была разработана на основе Всеобщей декларации Каирская декларация прав человека, которая была принята на саммите ОИК в Каире в августе 1990 года (напомню, что Россия имеет статус наблюдателя в этой структуре, которая теперь называется Организацией исламского сотрудничества). Нетрудно догадать-

¹ Хайдар М., *Рух аль-Хагаса аль-Исламийя*. Аль-Фаслийя: Иран ва-ль-'Араб // Iranian-Arab Affairs Quarterly. 2012. Iss. 28. P. 161.

² Allawi A. Op. cit. P. 189.

ся, что с принятием Каирской декларации базовые противоречия с нормами шариата, прежде всего положений ст. 18, были устранены.

Но насколько непримиримы концепции прав человека в шариате и в большинстве государств мира? Можно ли сегодня вообще говорить об абсолютной универсальности какой-либо концепции в этой сфере? Можно ли предположить, что в обозримой перспективе модернизационный процесс в исламе приведет к отказу от запрета на переход мусульманина в другую веру?

Успех этого процесса во многом будет зависеть от того, как будут складываться в дальнейшем отношения между различными культурами и цивилизациями. По Иану Н. Питерсу¹, можно говорить о трех глобализационно-культурных парадигмах, или перспективах: о культурном дифференциализме, или продолжающихся различиях; культурной конвергенции, или растущей похожести (*sameness*); культурной гибридации, или постоянном смешении. Ключевым здесь является отношение к культурно-цивилизационным различиям: приведет ли глобализация к их нивелированию, стиранию путем поглощения одних другими, гомогенизации (конвергенции), будут ли они, напротив, укреплены, увековечены (дифференциализм, лежащий в основе теории «столкновения цивилизаций» Сэмюэля Хантингтона) или же будет идти процесс их смешивания (гибридизация). Следует заметить, что дискурс, основанный на этой известной еще в XIX веке концепции гибридации, получил на Западе развитие именно в литературе, посвященной феномену миграции. Этот дискурс представляет собой антидот «эссенциализма», «фетишизма границ» и «культурного дифференциализма расистских и националистических доктрин»², ключевыми понятиями которого являются этничность и идентичность. Гибридизация в определенном смысле может трактоваться как потенциальная утрата и того, и другого. Фетишизации межкультурных границ противопоставляется тезис об их неизбежной эрозии. Характерные для концепции гибридации ключевые понятия — «смешение», «синкретизм». Ее сторонники анализируют такие процессы, как креолизация, метисизация, а также ориентализация западного общества. В данном контексте мусульманский Восток здесь выполняет функцию агента гибридации.

Вспоминается один почти забытый сегодня факт. Османские султаны сохраняли название Константинополь наряду с турецким Стамбул вплоть до 1930 года, когда бинимия была упразднена и столица Турции стала именоваться исключительно Стамбулом. Мне кажется, что сохранение старого названия объяснялось желанием османских султанов как бы перенести на себя величие имперской византийской столицы, показать себя наследниками ее культуры. Двойная идентификация здесь работала на имидж державы. В какой-то мере этому подходу можно уподобить озвучиваемое ныне рядом видных российских историков новое прочтение взаимоотношений между русскими княжествами и Золотой Ордой.

Но можно ли говорить в этом контексте о цивилизационном сближении, к примеру, арабов и евреев — носителей двух близких друг другу по духу ав-

¹ Pieterse I. N. *Globalization and Culture: Global Mélange*. Lanham : Rowman and Littlefield, 2009. P. 44.

² Ibid. P. 55, 102.

раамических религий? Сегодня подобная возможность, как мне кажется, блокируется нерешенностью арабо-израильского конфликта и продолжением израильской оккупации палестинских территорий. Палестинцы, утрачивая веру в возможность создания собственного государства, все чаще обращаются к идее создания единого демократического арабо-еврейского государства. Однако они осознают, что альтернативы концепции двух государств все равно не существует и разговоры о едином государстве обречены на то, чтобы остаться разговорами.

В то же время эта концепция получает поддержку со стороны ряда отдельных западных критиков Израиля, которых становится все больше, в том числе и среди еврейской общины США. Даже критическая реакция западных лидеров на резкое высказывание турецкого премьера Эрдогана, сравнившего сионизм с фашизмом, хотя и не заставила себя ждать, все же была относительно мягкой. Напротив, именно после этого Обама выдал из Нетаньяху извинение за нападение на турецкую флотилию, направлявшуюся в Газу, в результате которого погибли 9 турецких граждан. Мое внимание обратила на себя опубликованная в «Нью-Йорк таймс» статья профессора философии из Массачусетского университета в Амхерсте Джозефа Левина. Автор подвергает сомнению привычную интерпретацию отрицания права Израйля на существование как проявление антисемитизма. Он пишет: «Моя точка зрения состоит в том, что *необходимо* подвергать сомнению право Израйля на существование и что поступать таким образом вовсе не означает проявлять антисемитизм». Но добавляет: «если речь идет о его существовании *как еврейского государства*». По мнению Левина, за евреями безоговорочно должно быть признано право жить на земле предков, но оно все же не влечет за собой право на «еврейское государство». Кстати, в XIII – XIX веках, когда евреи вели борьбу за эмансипацию, сломав стены гетто, они считали антисемитизмом любое отрицание своего права быть лояльными гражданами того европейского государства, в котором они проживали. Дж. Левин призывает не подменять понятие народа в гражданском смысле понятием, основанным на этничности (что вполне напоминает дискуссии, ведущиеся сегодня в нашей стране по поводу «российской нации»). Народ в этническом смысле, подчеркивает Левин, должен иметь общий язык, культуру, историю и привязанность к общей территории, что делает применимость этого понятия к евреям трудным. Народ в гражданском смысле объединен общим гражданством и проживанием на имеющей очерченные границы территории. Однако 20 % жителей Израйля — не евреи, а большая часть мирового еврейства не живет в Израйле. В гражданском смысле следовало бы говорить об израильском государстве, а не о еврейском.

Не буду приводить все непривычные для западного дискурса и вызывающие раздражение в Израйле рассуждения Левина на эту тему. Упомяну лишь его вывод, состоящий в том, что исключение из полноправного вхождения в народ Израйля его нееврейских граждан (в основном палестинцев) нарушает демократический принцип равенства всех его граждан. Левин говорит о «неизбежном конфликте между понятиями еврейского государства и демократического государства». Недавно в Израйле стали негодовать по поводу исключения ультраортодоксальных партий из правящей коалиции, замечает автор, но никто там даже не замечает того, что ни одну арабскую

партию никогда не приглашали войти в правительство. Замечу, что авторов подобных высказываний в Израиле обычно клеймят как *self-hating Jews*, то есть «ненавидящих самих себя евреев»¹. Кстати, к числу подобных причисляются такие известные личности, как Джордж Сорос, Вуди Аллен, Ури Авнери, Сэнди Бергер и другие, подвергающие Израиль критике за те или иные аспекты его политики. Это проявление все того же кризиса идентичности, а также и характерного для израильского истеблишмента «менталитета окруженности», который отмечают многие авторы.

Нельзя не согласиться с исследователями, отмечающими типологическую близость позиций живущих в Израиле палестинских арабов и *мизрахим* — евреев, вышедших из стран Ближнего Востока и Северной Африки. И те и другие считают себя «жертвами ашкеназийского сионизма», подвергаясь дискриминации, которая превращает их — хотя и по-разному — в маргиналов. Как заключает Аталия Омер, если палестинские арабы строят свой протест на парадигме прав человека, «аргументация *мизрахим* возводит систематическое неравенство, характерное для израильского "государства", к его эксклюзивистскому, этнореспубликанскому пониманию "нации"»².

Кризис идентичности неразрывно связан с устойчивостью современной системы наций-государств. В последние десятилетия, как известно, распался целый ряд таких государств в различных регионах мира (СССР, Югославия, Чехословакия, Судан), образовались новые. Феномен «арабской весны» заставил некоторых экспертов и политиков заговорить о кризисе постколониальной конфигурации Ближнего Востока³, или о конце системы Сайкс — Пико, созданной после Первой мировой войны. Историки вспоминают, насколько произвольно и в какой спешке в офисах французских и британских колонизаторов чертились границы между частями отвоеванных у Османской империи арабских вилайетов. На некоторых международных конференциях тема «конца системы Сайкс — Пико» стала названием секций (например, на весьма авторитетном Стамбульском форуме 2013 г.).

На том же форуме годом ранее один известный турецкий автор, говоря о причинах «арабской весны», в качестве одной из них называл то, что арабские страны будто бы не знали своей национальной государственности, а были созданы «из осколков Османской империи». В этом утверждении он странном образом проигнорировал тот факт, что, к примеру, протяженная египетская государственность, несмотря на периоды иностранного господства, насчитывает, в отличие от Турции, несколько тысячелетий. Безусловно, за этим высказыванием стоит популярный сегодня в Турции неоосманнистский дискурс, который, в свою очередь, также свидетельствует о том, что постимперская национальная государственность Турции еще не вполне укоренена в сознании турок. Я думаю, что политика Анкары в отношении сирийского кризиса была отчасти продиктована и тем, что часть турец-

¹ См.: *Siniver A. Israeli Identities and the Politics of Threat: A Constructivist Interpretation // Ethnopolitics. 2012. Mar. Vol. 11. Iss. 1. P. 35 – 36*

² *Omer A. When Peace Is Not Enough: How the Israeli Peace Camp Thinks about Religion, Nationalism, and Justice. Chicago : The University of Chicago Press, 2013. P. 268.*

³ См., например: *Ayad C. La fin d'un Ordre Colonial // Le Monde. 2013. 15 Febr.*

кой политической элиты склонна рассматривать Сирию именно в качестве вышеупомянутого «осколка» как минимум одной из составляющих «стратегической глубины».

Французский аналитик, экс-посол Жан-Поль Филью считает, что система постколониальных границ и очерченных ими государственных образований изжила себя¹. В странах самого Ближнего Востока подобный дискурс встречается не реже. А иранские исследователи Сейед Абдулали Гавам и Мохаммад Гейзари вообще заявляют о том, что сама концепция нации-государства, подобно идеологии национализма, на Ближний Восток была импортирована с Запада².

Отмечу, что уже упоминавшийся Иан Н. Питерс полагает, что лишь эпоха с 1840 по 1960 год была эпохой «наций», и «темной стороной нациестроительства были маргинализация, изгнание, экспроприация, угнетение иностранцев, а также политика национальных чисток. Турция (армяне и другие), Германия (евреи), Уганда (индийцы), Нигерия (ганцы), Болгария (этнические турки), Индия (мусульмане) являются знакомыми примерами... но это лишь верхушка айсберга»³. В последние же десятилетия «пафос наций-государств» несколько поубавился и ему на смену приходят «глобализация, регионализм и эпоха этничности». Становится общепризнанной роль диаспор, «национальные» идентичности видятся как смешанные, сохранение культурного разнообразия становится общепризнанным императивом.

Тем не менее именно отношение к иммигрантам стало одной из линий водораздела между сторонниками различных моделей развития России, однако здесь националисты и западники нередко объединяются в стремлении ограничить приток «чужих» в страну. И это притом, что речь идет о наших бывших соотечественниках по Советскому Союзу. Вообще всякие ограничения на перемещения людей представляют собой сопротивление глобализации, в которой из трех потоков свободного глобального циркулирования (капиталов и товаров, информации, людей) лишь два первых никто не может остановить (экономический и культурный протекционизм в целом не имеет успеха). Уместно упомянуть здесь, что Дани Родрик пишет о «трилемме» несовместимости гиперглобализации, демократии и национального самоопределения исходя из того, что первая глобальна по сути, вторая является уделом государств, а самоопределение национально по определению⁴.

Еще в XVIII веке Эрнест Ренан говорил о «нации» как о «ежедневном плебисците»⁵. Знаменитый французский философ, бесспорно, имел в виду то, что единство и сплоченность нации были обеспечены лишь постольку, поскольку принадлежащие к этому сообществу люди в это верили.

¹ См.: *Filiu J.-P.* The Arab Revolution — Ten Lessons from the Democratic Uprising. Oxford : Oxford University Press, 2011.

² *Ghava S. A., Gheisari M.* Nationalism and Nation-State Building in the Middle East // Middle East Studies Quarterly, 71 / Center for Scientific Research and Middle East Strategic Studies. 2013. Vol. 19, № 4. P. 11 – 36.

³ *Pieterse I. N.* Op. cit. P. 34 – 35.

⁴ См.: *Rodrik D.* The Globalization Paradox: Democracy and the Future of the World Economy. N. Y. : W. W. Norton, 2011.

⁵ *Renan E.* Qu'est-ce qu'une nation? P. : Ancienne Maison Michel Lévy Frères, 1882.

В связи с часто обсуждаемой темой о высоком уровне насилия, непосредственно связанной с проблемами меж- и внутриконфессиональных, межнациональных отношений, идентификационного выбора и судебных наций-государств в контексте «арабской весны», замечу, что и за пределами арабского и исламского мира можно найти немало примеров ожесточения. Американский автор Кристофер Хитченс с долей язвительности пишет, что не может отказать далай-ламе «в некотором обаянии и привлекательности», но то же самое можно сказать и об английской королеве, что, однако, никому не запрещает подвергать критике принцип наследственной монархии. «Точно так же первые иностранные визитеры в Тибет откровенно ужаснулись феодальному подчинению и страшным наказаниям, с помощью которых население удерживали в состоянии рабства у паразитической монашеской элиты»¹. Этот же автор обращает внимание на то, что и среди приверженцев таких вроде бы мирных религий, как индуизм и буддизм, есть немало убийц и садистов. Такие факты действительно широко известны. Прекрасный остров Цейлон оказался сильно разрушенным благодаря насилию и репрессиям в ходе длительного вооруженного конфликта между буддистами и индуистами, напоминает Хитченс. Даже замена буддистами-сингалами названия острова на Шри-Ланку (точнее на «Сри-Ланку»), что означает по-сингальски «Священный остров», оттолкнула находящихся в меньшинстве индуистов-тамиллов, предпочитающих называть его по-своему — Илам². В то же время дискриминация тамиллов ни в коей мере не является оправданием широко используемого ими способа мести за обиды — террористических актов смертников или в основном смертниц³.

В сегодняшней Бирме, также переименованной в Мьянму (точнее в Мьянмар), несмотря на начавшийся процесс демократизации, жестоким преследованиям подвергается мусульманское меньшинство — рохинджа (их численность — до 800 тыс. человек), в результате чего власти этой страны и ее буддийская община (особенно араканцы, живущие бок о бок с мусульманами) стали объектом непримиримой критики со стороны практически всего исламского мира, вплоть до призывов к джихаду со стороны отдельных радикальных групп. В сегодняшней Африке некоторые приверженцы христианских сект повинны в жестоких убийствах мусульман.

Все вышесказанное делает межцивилизационный диалог неоспоримо важным инструментом предотвращения перерастания враждебности, порожденной идентификационным кризисом этносов, конфессий, обществ и государств эпохи гиперглобализации, в кровопролитные войны.

¹ *Hitchens C. God is not Great: How Religion Poisons Everything*. N. Y. ; Boston : Twelve, 2009. P. 200.

² *Ibid.* P. 199.

³ Их готовило повстанческое движение «Тигры освобождения Тамил-Илама».

Винсент делла Сала¹

ЕВРОПА — МЕРКУРИЙ, РОССИЯ — ПЛУТОН: СЛОЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ²

Во время военных действий в Ираке в 2003 году между Европой и Соединенными Штатами Америки возникли разногласия. Тогда Роберт Каган написал свою знаменитую ныне книгу, в которой утверждал, что Соединенные Штаты прибыли с Марса, а Европа — с Венеры. Мифические фигуры олицетворяли собой предпочтение Европы действовать мирными методами урегулирования конфликтов между субъектами в международной системе, в отличие от Соединенных Штатов, которые придерживались классического типа международной политики, определенных властных отношений.

Мы можем использовать эти мифические фигуры, чтобы дать представление о том, как каждая сторона рассматривает другую и может ли это приблизить к точке непримиримых разногласий, которые могут привести к нестабильности в Европе и за ее пределами. Мой доклад будет сфокусирован прежде всего на том, каким образом ЕС видит себя в качестве глобального игрока и каковы общепринятые и распространенные мнения о России в разных частях Европы.

Я надеюсь, что мои комментарии помогут пролить свет на то, как Европейский Союз видит и формирует себя, как действует и как это может повлиять на отношения с Россией. Я не буду говорить о том, как другие страны, например Россия, интерпретируют ЕС, предоставляю это экспертам, которые знают факты лучше меня. Моя цель — проиллюстрировать, каким образом ЕС презентует себя как новый вид политической структуры; показать, что такое видение ЕС по определенным внутренним причинам является одним из препятствий в работе с остальными странами мира, что часто приводит к опасной ситуации недопонимания друг друга.

В римской мифологии Меркурий рассматривается не только как бог торговли и финансовой выгоды, но и как бог красноречия. Проворный и ненавязчивый, он стремится получить прибыль от все большего количества обменов, которые предположительно всем несут пользу. Плутон — темная фигура, бог подземного мира и хранитель подземных сокровищ, медленно реагирующий на изменения в мире. Я бы сказал, что эти две модели очень хорошо показывают, как ЕС воспринимает себя в мире и как видит Россию. Возможно, они также помогут понять, как Россия видит Европу, но я оставлю это тем, кто знает Россию намного лучше меня.

Смысл, который занимает центральное место в идентификации ЕС, — это именно то, что Энтони Гидденс называет онтологической безопасностью, так как ЕС представляет собой новый вид политического актора, который, по словам Жана Монне, одного из отцов-основателей Евросоюза, предназначен для замены современного государства-нации. Это государственное устройство определено не в рамках стратегического использования мощно-

¹ Профессор политических наук кафедры социологии и социальных исследований Университета Тренто (Италия). Автор публикаций по политэкономии, европейской интеграции и демократической законности.

² Доклад представлен на XV Международные Лихачевские научные чтения (2015 г.).

сти, а в рамках этических ценностей и решения общих проблем. Оно не может не нести на себе бремя времени, фактов, истории и даже географии. Как утверждает Юрген Хабермас, «сообщества судьбы» собрались вместе для выполнения общей миссии. Напротив, ЕС представляет собой структуру, которая не гонится за политической властью, но ищет рациональные решения коллективных проблем для плодотворного сотрудничества. Катализатором этого процесса является общий интерес всех государств — членов Союза, которые стремятся к расширению торговли и созданию единого экономического пространства. Поскольку экономические системы стали более интегрированными, им необходимо решать множество вопросов — от изменения климата до движения к социальной сплоченности.

Независимо от цели ЕС рассматривает себя как модель для решения политических проблем современного мира. Он считает национализм искусственным барьером для решения проблем, а не средством влияния на граждан. Это история, которая наделяет ЕС идентичностью. Как и всем политическим системам, Евросоюзу нужны основания, чтобы придать своим действиям легитимность. Правда эта история или нет — неважно, важнее, насколько это очевидно и приемлемо для граждан. Это основание придает ЕС как игроку на международной арене признаки «исключительности». Есть также правовая основа для этой позиции внешней политики — это ст. 21 Договора о Европейском Союзе, в которой указано: Союз на международной арене должен руководствоваться в своих действиях принципами, которые вдохновили его собственное творение, развитие и расширение и которые он стремится упрочить в мире: демократия, верховенство закона, универсальность и неделимость прав человека и его основных свобод, уважение человеческого достоинства, принципы равенства и солидарности, а также уважение принципов Устава ООН и международного права.

Договор гласит, что ЕС должен построить отношения с третьими лицами, которые разделяют эти ценности, так как это необходимо для объединения под властью закона, что способствует расширению демократии, помогает в ликвидации бедности, гарантирует устойчивое развитие мира. Что нам дает представление о ЕС в качестве игрока, который опирается только на взаимную выгоду и дипломатию для решения обычных проблем? Все это коренится в самой идее его создания и смысле существования. Рядовой обыватель видит создание ЕС не как результат холодной войны, вынудивший поделить Европу на сферы влияния, а как желание извлечь уроки из истории. Это научило таких политических лидеров, как Конрад Аденауэр, Роберт Шуман и Альчиде Де Гаспери, смотреть на национализм и стандартные понятия суверенитета и власти как на несоответствующие современному миру.

Фактически, держась за эти догмы, понимание мира просто оказалось ненужным ограничением и бременем, которое предотвратило поиск эффективных решений проблем граждан. Прагматизм и податливость, то есть быстрая смена позиции, должны были стать качествами нового принципа в послевоенную эпоху, а также инструментами, которые должны были принести мир и стабильность континенту, разоренному по крайней мере тремя главными войнами, произошедшими между 1870 и 1945 годами. Ключевым было использование постепенно нарастающей экономической

взаимозависимости для установления нового порядка в мире. Эта прагматическая, гибкая модель управления, согласно фактам, несла ответственность за обеспечение беспрецедентного процветания в Европе и давала понять, что даже большинство укоренившихся геополитических и геостратегических конфликтов могут быть решены посредством действия закона, взаимного интереса и объединенного суверенитета.

Эти постулаты всегда сталкивались с внутренними трудностями и напряженными отношениями в пределах ЕС, прежде всего потому, что существовали отличия во внешней политике ЕС и самих государств-членов. Очевидно, что после холодной войны Великобритания и Франция были участницами многих военных вмешательств — от Косово до Ливии и Сирии. ЕС может быть и Венерой, и Меркурием, но некоторые его государства-члены действовали, преследуя свои стратегические интересы и (или) используя военную силу для так называемых гуманитарных вмешательств. Еще более важно для описания Евросоюза, что большинство его государств — члены НАТО. С точки зрения ЕС действия государств-членов во внешней политике могут быть далеки от европейского уровня и преследовать национальные цели и интересы. Однако они также неотделимы от ценностей и политики ЕС, поскольку государства все более вовлечены в общую внешнюю политику и политику безопасности, которая отражает обязательства, принятые Лиссабонским договором. Это сложное взаимодействие сильно запутывает многих граждан Евросоюза, а тех, кто находится за его пределами, — еще больше. Судя по всему, это также дает повод для некоторых весьма противоречивых действий, которые идут вразрез со многими основополагающими принципами послевоенной международной системы, такими как, например, неприкосновенность государственного суверенитета.

Для ЕС как Меркурия прежде всего важно найти пути к взаимной выгоде для всех сторон, используя для достижения этой цели красноречие и смекалку, а не власть. Евросоюзу необходимо составить описания других игроков международной системы, которые представляют ЕС иначе. Поэтому сравнение Соединенных Штатов с Марсом, которое сделал Роберт Каган, было хорошо воспринято в Европе, так как выделяло их в трансатлантических отношениях как более аргументированного и разумного партнера, искавшего решения проблем, а не просто использовавшего власть. Европа любит презентовать себя как глобального игрока, который ищет пути к миру и дипломатии, в то время как другими странами в XXI веке движет жажда удовлетворения собственных интересов.

Отношения Европейского Союза как игрока, опирающегося на правила, с Россией всегда стимулировала самоидентичность, дающая основания для установления нового порядка. Как утверждают многие ученые, ЕС во время холодной войны создал «риторическую провокацию», то есть его картина мира и процветания, возникшая вследствие поиска экономической взаимозависимости как способа регулирования даже глубоко засевших разногласий, фактически означала, что он не в состоянии помочь, но после падения Берлинской стены был настроен на расширение в сторону Центральной и Восточной Европы. Он не был нацелен на расширение сферы влияния или поиск своего рода геостратегического баланса. По словам лидеров ЕС, это являлось простым, логическим следствием привлекательности постмодер-

нистского подхода к управлению. Евросоюз расширял не границы, а идею и модель. Кроме того, в мобильной модели ЕС важные исторические события, такие как переход к рыночной экономике и либеральному демократическому строю с международными обязательствами, не были бессмысленными. Либерально-демократические государства не существуют за счет интересов других игроков, потому что не считают себя обособленными. По факту они — часть продолжающегося и, возможно, необратимого процесса расширения и углубления взаимозависимости.

Решение о расширении в Восточную и Центральную Европу в 2004 году было принято десятилетием ранее. Конец холодной войны помог положить начало этому процессу, мир пришел в Европу, и больше не возникали политические и геополитические конфликты, которые невозможно было бы решить при новой форме правления, основанной на политических постулатах. ЕС представлял собой систему будущего и основу нового миропорядка на территории от Ирландского моря до, по крайней мере, Урала. Расширение было отмечено почти как естественное развитие, которое не меняло, не затрагивало любой геостратегический баланс и не угрожало безопасности пограничных государств.

Европейская политика соседства (ENP) и связанное с ним Восточное партнерство (EP) были выработаны в пределах ЕС вновь не в качестве стратегического шага, а как средство для продвижения демократии и помощи пограничным государствам в экономическом переходе. Так как захват сферы влияния никогда не был частью официальной концепции Евросоюза, попытка установить отношения с такими государствами, как Украина и Грузия, рассматривалась просто как следование принципам ЕС: использование собственного влияния для распространения демократии и рыночного капитализма как способа установления нового международного порядка, основанного на законе, а не на ресурсе власти. Для других игроков ЕС кажется либо очень наивным, либо очень циничным, используя риторику и концепцию «нормативной» или «этической» власти, маскировать стратегические интересы.

В соответствии с таким подходом Евросоюз рассматривает себя в качестве порядочного, нравственного игрока, а Россию — как темного игрока, которым движет основной инстинкт. Напряженность в отношениях достигла кульминации в 2013–2014 годах по вопросу государств, которые участвовали в переговорах по присоединению к Евразийскому союзу и, возможно, подписывали договоры о сотрудничестве с ЕС. Несмотря на устоявшиеся убеждения, все это не было направлено на ослабление традиционного влияния России в регионе, хотя трудно было предположить, что она не расценит это как угрозу. Договоры о сотрудничестве предписывали участие государств в широком диапазоне реформ, чтобы скорректировать их национальное законодательство к стандартам Евросоюза, что положит начало процессу преобразования, который расширит влияние ЕС не только в регионе, но и в пределах мирового сообщества.

Это был традиционный метод, который использовал Евросоюз для интеграции в конце столетия, и это является причиной видения себя в качестве Меркурия. Может быть, в 2015 году эта ситуация покажется иной, но тогда ЕС полагал, что работа по интеграции с такими государствами, как Украина,

свободна от любых геостратегических соображений и не угрожает стратегическим интересам России. Именно эта неспособность нравственного игрока видеть реальность вне собственной идентичности стала ошибкой Евросоюза, поскольку события на Украине обернулись неконтролируемым бедствием. Казалось, что для протестующих на Майдане модель ЕС — это модель будущего, луч солнца в темном царстве для тех, кто видел «конец истории». Эта же концепция приводит нас к выводу, что любая страна, так же как и Россия, которая наблюдает со стороны за стратегическими интересами ЕС и политической власти, остается пойманной в ловушку истории.

Я уверен, что собственные установки ЕС также заманивают Россию в ловушку, а схемы мышления являются одновременно и рычагами, и ограничениями. Но кризис на Украине вызвал у Евросоюза вопрос о том, насколько его самоидентичность верна. Очевидно, что государства — члены ЕС не настолько близки к Меркурию, как сам Евросоюз, и совершают поступки, опираясь на стратегические линии, рассчитывая отстаивать национальные интересы в той же мере (если не в большей), в какой они продвигают постмодернистское видение нового порядка. Проблема для ЕС заключается в том, что большая часть его самоидентичности, или, как мы ранее говорили, онтологической безопасности, зависит от действий, базирующихся на представлениях о Меркурии. Наиболее гибкий стратегический игрок искал бы способы уладить споры с Россией, отталкиваясь от того, были ли под угрозой жизненно важные интересы, а не принципы. Евросоюз этого сделать не может (что не относится к его государствам-членам), так как если он отказывается от принципа, основанного на правилах нового порядка, сразу возникнет вопрос о необходимости его существования.

Таким образом, Россия и ЕС пойманы в ловушку истории, которая определила основных игроков и установила границы возможных решений. Я считаю, для того чтобы выйти из кризиса, обеим сторонам следует осознать общий миф о своих отношениях, что позволит поддерживать их онтологическую безопасность и даст им возможность скоординировать общие и различные интересы. Для того чтобы это свершилось, ЕС должен найти способ понять свою концепцию самоидентичности, осознать, что он — стратегический игрок, и принять это как данность. Это послужит фундаментом для поиска точек соприкосновения в решениях конфликтов с другими партнерами. Если он останется погруженным в концепцию самоидентичности, то он будет не Меркурием или Венерой, а двуликим Янусом.

Мехди Санаи¹

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ: ИЗМЕНЕНИЯ В ПОНЯТИЯХ И ОСНОВАХ²

Впервые годы после распада Советского Союза споры о глобализации достигли своего апогея. Прежде всего понятие «глобализация» возникло под влиянием волнений, связанных с распадом Советского Союза. Прошло время, и было переосмыслено мнение относительно становления единой культуры в мире. Ранее казалось, что распространение технологий создало определенные сходства, однако они не смогли уничтожить существующие различия и разнообразие и создать определенный вид единой культуры. В то же время акцент на этих различиях и (или) попытки использовать принуждение для оформления этого процесса усугубили перемены, происходившие в мире.

В качестве примера можно отметить, что усилия некоторых сильных стран после распада биполярного мира привели к тому, что вопрос о глобализации превратился из исключительно социально-культурного в политический, привлекающий к себе внимание деятелей, определяющих политику. Кроме того, политика и экономика, будучи связаны друг с другом, усилили эти различия, как и экономические и политические кризисы в мире, оказывая влияние на миграцию, давление на представителей всех меньшинств. Таким образом, сформировалось определенное стремление иметь культурные различия, включая расовые, религиозные и национальные. Его амплитуда менялась от положительного к отрицательному значению — и это только часть проделанной работы. В данном докладе объясняется взаимодействие понятий «глобализация» и «мультикультурализм», а также место политики, экономики и технологий в этих процессах.

Преамбула

С помощью понятия «глобализация» можно определить изменения, которые происходили в мире во второй половине XX века и свидетелями которых мы были. В это время уменьшилось значение отдельных стран, народов и местного законодательства и утвердились законы и процессы мирового масштаба. Этот процесс оказал влияние на сферы внутренней политики, местные экономики и традиционные культуры. В частности, можно отметить столкновение глобализации с культурами и оказание влияния на их значение в обществах.

Вместе с тем взаимосвязь между глобализацией и культурой представляет собой нечто большее, чем то, о чем сказано выше. Конечно, эта взаимосвязь

¹ Чрезвычайный и Полномочный Посол Исламской Республики Иран в РФ, кандидат политических наук. Директор Группы исследования России Тегеранского университета (2005 – 2013), депутат меджлиса Исламского совета (2008 – 2013). Автор книг «На Великом шелковом пути», «Право и политика в Исламе» (учебник), «Ирано-российские отношения» (в соавт.), «Возрождение ирано-исламской цивилизации», «Отношения Ирана и Центральной Азии», научных статей. Почетный член Союза писателей России, член Казахской академии общественных наук.

² Доклад представлен на XIV Международные Лихачевские научные чтения (2014 г.).

не является неким императивом. Необходимо обратить внимание на то, что значение мультикультурализма возникает из разнообразных аспектов глобализации и включает идеи от наличия в мире различных культур до наличия различных культур внутри обществ. Таким образом, становится все труднее говорить о суверенитете одной мировой культуры. В докладе представлена попытка дать ответ на вопрос, какие факторы и в каких процессах укрепляют мультикультурализм в глобализирующемся мире (предполагая, что технологии, политика и экономика в противоречивых процессах укрепляют мультикультурализм).

Глобализация и культура

Прежде чем говорить о мультикультурализме, необходимо обратить внимание на источники этого явления и их связь друг с другом, то есть на связь глобализации и культуры. Глобализация предполагает усиление указанных наднациональных факторов в политике всех стран и мировых делах. Однако это явление имеет более широкие аспекты. На самом деле указанное изменение преобразовывает также связь человека с окружающей средой. По мнению Джона Томлинсона, движение из ограниченного взгляда в сторону открытого взгляда означает не только переход от местного порядка к глобальному, но и усиление влияния коммуникаций, транспорта и, как следствие, усиление взаимозависимости между людьми. В качестве примера: расширение коммуникации и средств связи, а также увеличение транспортных сетей, помимо возможности установления дальних связей, также создало различного рода политические и культурные союзы¹.

В то же время, помимо представления о взаимозависимости, ученые делают акцент на усилении состояния глобальной взаимозависимости, развитии существующих связей между различными частями мира. Глобализационные процессы развиваются в различных областях (посредством обмена товарами, инвестициями, услугами, знаниями, модой и даже организованной преступностью и др.). Усиление взаимозависимости и проявление глобальной взаимозависимости в мире привели к росту транснациональных телевизионных каналов, которые размывают границы, возникшие в результате разделения районов по национальному, племенному, этническому и другим признакам. Если рассматривать глобализацию не как превращение мира в единое однородное целое и мировое единство, а как распространение чего-либо в мировых рамках, то в этом случае мы получим умеренную глобализацию².

Снижение контроля со стороны государств за своими гражданами является результатом глобализации (в данном значении). Неизбежный контроль в экономической области осуществляется посредством увеличения иностранных инвестиций на международном уровне. Однако контроль не ограничился сферой экономики и распространился на сферу культуры. С увеличением количества спутниковых телевизионных каналов, интернет-

¹ Tomlinson J. *Globalization and Culture*. Cambridge, 1999. P. 30.

² Мошин Алямгори Джахангир. Глобализация как момент новой цивилизации // Культура в век глобализации: вызовы и возможности : сб. ст. / сост. М. Тоухид Фам. Тегеран, 1382. С. 26 – 27.

провайдеров и «приватизацией» культуры снизился контроль за культурой со стороны государства. Достаточно часто и в большом количестве идет обмен различными политическими и культурными посланиями между обществами. Однако все эти изменения не означают формирования единой мировой культуры¹.

Второе последствие глобализации — усиление связи между отдельным государством и миром в целом. Любое событие, произошедшее в одной точке мира, может стать известным на всей планете и, таким образом, усилить социальные связи в мире. В то же время глобализация и укрепление мировых социальных отношений приближают отдаленные точки друг к другу, поэтому любое событие, происходящее вдали, мгновенно оказывает влияние на другие, как будто это событие произошло здесь². Однако глобализация оказывает противоречивое влияние на хрупкий баланс, существующий между человеком, народом и миром. Из-за транснациональных сил, с одной стороны, изменился баланс между государством и народами, с другой — был нарушен баланс между человеком, государством и народом. Таким образом, сепаратистские тенденции, этноцентризм и стремления этноса также нанесли ущерб государственному суверенитету.

По мнению Гидденса, процесс глобализации не противоречит рациональным тенденциям и стремлениям, сама глобализация является противоречивым явлением³. Процесс глобализации проявляется, в частности, в том, чтобы люди сильнее ощущали различия, чтобы стали к ним более чувствительными. Такая реакция может иметь спорное толкование, поэтому не нужно акцентировать внимание на интеграционных аспектах глобализации, так как можно не заметить ее дезинтеграционные аспекты. Например, глобализация культуры не смогла уничтожить понятие границы в реальном мире, наоборот, она способствовала возникновению многочисленных конфликтов в различных точках мира в целях укрепления действующих границ и (или) создания новых. Личность во многих случаях получила реалистичное значение.

Необходимо обратить внимание на то, что между процессом глобализации и культурой устанавливается связь в широком понимании этого слова. Если учитывать различия и разнообразные формы их распространения, можно выделить три типа связи между культурой и глобализацией (или реакции культуры на этот процесс):

1) культурная совместимость. Эта реакция на глобализацию состоит в пассивности к метаморфозам. В данном случае культуры обычно бездействуют и, принимая новую культуру, утрачивают свои особенности. Такая реакция считается результатом экономической глобализации посредством гегемонии капиталистического порядка и транснациональных компаний;

2) культурный партикуляризм — другой вид связи между глобализацией и культурой. В отличие от культурной совместимости или становления единой культуры, некоторые теоретики убеждены, что культурная реакция не становится пассивной по отношению к процессу глобализации. В большинстве случаев реакция культур на процесс глобализации сопровождается

¹ Моши Алямгори Джахангур. Указ. соч. С. 27–28.

² Гидденс Э. Последствия модернизации / пер. Мохсена Саласи. Тегеран, 1377. С. 3.

³ Giddens A. *Beyond Left and Right* Blackwell. Cambridge, 1996. P. 48.

сопротивлением и даже напряженным противостоянием, которое обычно проявляется в форме использования отличительных элементов культуры, таких как язык, религия, этнос и национальность. Иначе говоря, процесс глобализации, который объединяет различные аспекты жизни современного общества, укрепляет и возрождает культурные различия;

3) смешение и изменение культур — третий вид реакции на процесс глобализации. На самом деле нельзя рассматривать мир только как арену борьбы или пассивности разнообразных культур. Процесс глобализации с точки зрения культуры (то есть с наличием культурной глобализации) ставит в один ряд культуры и самоидентичность, результатами чего являются релятивизм, сосуществование и конкуренция. Этот вид реакции обычно называют гибридизацией (изменение и наступление). Существует мнение, что культуры в процессе глобализации не исчезают и не возвращаются к своим корням, но, смешиваясь друг с другом, продолжают свою жизнь¹.

Поясняя вышеизложенное, можно сказать, что жизнь отдельных народов, культурные реалии даже сегодня продолжают играть важную роль в обществах, в условиях глобализации это будет продолжаться. Томлинсон в книге «Глобализация и культура» (со слов Роланда Робертсона) говорит о локализации². Эта двойственность скрыта в понятии глобализации. На самом деле происходит глобализация различных обществ. Однако в то же время происходит локализация глобализации, то есть общества, в которые проникла глобализация, «переваривают» ее внутри, другими словами, локализация «переваривает» глобализацию. Однако собственный дискурс в большей степени показывает культура. Арджун Аппадурай, характеризуя глобализацию, отделяет друг от друга политическую, экономическую и культурную сферы, а затем выделяет пять областей: этнос, технологии, финансы, связь и идеологию. В сфере этноса он выделяет туристов, эмигрантов, беженцев и другие социальные группы, которые находятся в движении. Сфера технологий возникает на основе взаимодействия между новыми и старыми технологиями, развития технологий связи и взаимодействия людей и коммуникаций. Сфера финансов свидетельствует о свободном движении капитала вне контроля государств.

Среди выделенных наиболее сложными являются сферы связи и идеологии. В сфере связи Арджун Аппадурай выделяет способность передавать информацию, которая в период глобализации культуры является важным фактором. Сфера идеологии по причине идеологизированности также обладает элементами власти и сопрягается с осью «государство — народ». Аппадурай убежден, что каждый человек, этнос, общество и государство по-разному трактуют глобализацию, и не ясно, насколько такие определения соответствуют реальному понятию «глобализация». Таким образом, глобализация значительно локализована. Люди и общества не воспринимают пассивно глобализацию, но, различно понимая ее, они могут показать ее реальность в различных проявлениях³.

¹ Гольмахаммади Яхйаи. Глобализация и культура // Культура в век глобализации: вызовы и возможности : сб. ст. / сост. Мохаммад Тоухид Фам. Тегеран, 1382. С. 82 — 89.

² Tomlinson J. Op. cit. P. 2.

³ Appadurai A. Disjuncture and Difference in The Global Culture Economy // Theory Culture and Sociology. 1990. № 7. P. 295 — 310.

Вопреки теориям о чистоте сообщений, мощности передатчика и пассивности получателя сообщения, рецептивная теория (и определяющее значение принимающего сообщения) предполагает, что глобализация не обязательно сопровождается культурной экспансией производителей культурных текстов и сообщений. Потому что, во-первых, сообщения и тексты передаются в условиях, содержащих противоположные элементы; во-вторых, получатели сообщений не проявляют пассивности по отношению к ним и не обязательно при расшифровке этих текстов остаются заложниками исходных шифров; в-третьих, в мире, осуществляющем преобразования в рамках его идеологических понятий с претензиями на объективность, искренность и правдивость и уходом от «зашоренности», акцентом на различия, усиление «маргиналов» считается определяющей особенностью нового диалога, создаются условия для ухода от уничтожения легитимности в политической сфере, и в результате открывается путь для различных «голосов»¹.

Стало очевидно, что в процессе глобализации возникает возможность для сопротивления и усиления напряженности, а также смешения культур. Таким образом, мы возвращаемся к исходному пункту. Разве возникла одна мировая культура? Ульф Ганнерс писал: «В настоящее время существует одна мировая культура. Однако лучше удостовериться в значениях этого высказывания... Не существует какого-либо единого, абсолютного и полного значения этого высказывания. Возникновение такого не представляется возможным. Однако мир превратился в сети социальных связей, и между различными районами движется поток значений, а также людей и товаров»².

Глобализация и мультикультурализм во взаимодействии с технологиями

Наверное, можно говорить о том, что глобализация находится в долгу перед технологиями. Они оказали сильное влияние на все сферы современной жизни. Более всего это воздействие сказалось на эволюции средств массовой информации. СМИ, помимо культуры, оказывают влияние на политику и экономику³. Рассматривая их влияние на культуру, следует отметить, что технологии, коммуникации, средства массовой информации и культура связаны друг с другом. По мнению Гарольда Инниса, западная цивилизация находится под сильным влиянием коммуникаций⁴. Глобализация и коммуникации тесно связаны друг с другом. Маршалл Маклюэн устанавливает связь между СМИ и глобализацией путем смешивания двух понятий через посредника — «мировую деревню». Многие исследователи рассматривали связь между глобализацией и средствами массовой информации. Большинство теоретиков уверены, что с практической точки зрения (средств информа-

¹ *Mohipzage X.* Процесс глобализации, женщины третьего мира и гегемония западного феодализма // *Культура в век глобализации: вызовы и возможности* : сб. ст. / сост. М. Тоухид Фам. Тегеран, 1382. С. 331 – 332.

² *Hannerz U.* Cosmopolitans and Locals in World Culture // *Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity* / ed. M. Featherstone. L., 1990. P. 237.

³ *Paqжаи.* Культура, проявление глобализации: состояние человечества и информационной цивилизации. Тегеран, 1382. С. 115.

⁴ Там же. С. 116.

ции и коммуникаций) глобализации не существует. Терхи Рантанен выделяет следующую роль средств информации и коммуникации в глобализации — они объясняют глобализацию как процесс, в ходе которого посредством времени и пространства создаются мировые экономические, политические, культурные и социальные связи в виде соответствующих процессов¹. Терри Флоу считает, что средства массовой информации играют центральную роль в глобализации по трем причинам. Во-первых, многие СМИ по сравнению с прошлыми временами осуществляют свою деятельность в мировом масштабе. Во-вторых, инфраструктура мировых средств связи облегчает мировые информационные потоки. В-третьих, мировые СМИ играют ключевую роль в том, каким образом мы увидим события, происходящие в различных точках мира, в том числе в развивающихся близких по духу общественно-политических блоках².

Электронные средства массовой информации способствуют разрушению времени и пространства. Этот процесс привел к формированию новых явлений, например партнерской журналистики, онлайн-социума и транснациональной организованной деятельности через онлайн-каналы. Революция ИСТ привела к изменению среды средств информации и созданию новых средств, например локальных информационных каналов, основанных на цифровых технологиях³. В то же время все предпосылки, ведущие к глобализации, до настоящего времени не обусловили формирования единой мировой культуры и даже усилили проявления мультикультурализма.

Связь между глобализацией и мультикультурализмом очень сложная. В условиях мультикультурализма народ принадлежит многим различным культурам, культурные различия существуют в той степени, в которой они проявляются между различными государствами, а также внутри одной страны между различными районами, этническими группами, городами и деревнями⁴. В реальности мировые потоки мыслей, представлений людей, укладов жизни изменили многие общества в сторону присутствия в них разнообразных культур, ситуации сосуществования и смешения культур.

Один из ярких примеров сосуществования и культурного смешивания — жизнь людей и отдельных групп, которые по различным причинам покинули свою родину и вынуждены жить на новых территориях. Эти люди вынуждены идти на уступки и сосуществовать с новыми культурами, однако они сохранили память о своей принадлежности к родине. На практике они, не ассимилируя полностью культуру своего нового общества и не противопоставляя ее своей, возрождают первичную культуру, учатся жить в условиях двух культур⁵.

Можно привести много примеров существования мультикультурализма и смешения культур, которые объясняют возможность культурного плюрализма. Сегодня безграничность социальных институтов и культурных

¹ *Rantanen T.* The Media and Globalization. L., 2005. P. 4–8.

² *Movius L.* Cultural Globalization and Challenges to Traditional Communication Theories // PLATFORM: Journal of Media and Communication. 2010. № 2 (1). Jan. P. 8.

³ *Ibid.* P. 9.

⁴ *King A.* Architecture, Capital and the Globalization of Culture // Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity / ed. M. Featherstone. L., 1990. P. 409.

⁵ *Hall S.* The Question of Cultural Identity // Modernity and its Future / eds. S. Hall, D. Held, A. McGrew. Cambridge, 1996. P. 310.

ориентиров обусловила присутствие различных культур в среде городских, местных, национальных и региональных социальных групп, а транснациональная и трансрегиональная миграция сделала неизбежным сосуществование и смешение культур в крупных городах мира¹. Однако необходимо обратить внимание на то, что если миграционные процессы происходят только на уровне одной национальности, этноса, религиозной группы, то осложняется ситуация взаимодействия внутри общества и между этими культурными группами. Но если миграция происходит внутри различных групп, то процесс сосуществования будет мирным.

Инновационные мировые интернет-каналы распространились на весь мир (в отличие от прежних цивилизаций, которые возникли в особой географической зоне мира) и задействовали все человечество. Обострение глобализационных процессов усилило давление на связь между образующими единицами и сделало ее более сложной и запутанной. Многие полагают, что результат будет неизменным. Если в определенном процессе повсеместно используется английский язык и если допустить, что все могут на нем говорить, то это не означает, что мир стал однородным. Возникнет совершенно новый мир, в котором, возможно, будет то же количество культур, а может быть, и больше. Потому что культура — это не только народовластие, наука и инвестиции, но и литература, традиции, нравственность, обучение, воспитание, семья. Глобализация коренным образом не изменяет и не уничтожает человечество, которому каждая культура дает свой особый ответ.

Возможно, в процессе глобализации технологии выступают в качестве способа действий. То есть в процессе использования технологий формируется определенный менталитет: якобы глобализация развивается, усиливается ее стремление не замечать границы и претерпевать изменения в рамках одной мировой культуры. В любом случае такая точка зрения в большой степени упрощает вопрос. Стремление к использованию новых технологий, особенно в области связи, хотя и размывает границы и расстояния, однако единая культура в мире еще не стала доминирующей, а в некоторых случаях это стремление вызвало обратный эффект.

Глобализация и мультикультурализм: действие экономики и политики

Глобализационные процессы распространены в экономической и политической сферах. В настоящей статье рассматриваются действия экономики и политики в проявлении мультикультурализма, и в этом понимании стержнем рассмотрения является одна из культурных реакций на глобализацию — культурный партикуляризм. Прежде всего партикуляризм проявляется в этноцентризме, национализме и религиозных явлениях. Этнический и национальный партикуляризм слишком завуалированы и взаимосвязаны.

Несколько слов об этническом партикуляризме. Социологи XX века описывали этническую и расовую сущность как вид исторической отсталости, которая по сравнению с коммунизмом и либерально-демократически-

¹ *Albrow M. Travelling Beyond local cultures // The Globalization Reader / eds. F. Lechner, J. Boli. 2000. P. 119–122.*

ми институтами нежизнеспособна и должна исчезнуть¹. Однако события конца XX века подтвердили неправильность этих прогнозов. Так, мировое сообщество в III тысячелетии (по христианскому летоисчислению) столкнулось с многочисленными этническими движениями и распрями, которые распространились на территориях неразвитых обществ Африки и Азии, а мировой прогресс, который, казалось, решил проблему национализма и этнического сепаратизма, столкнулся с фактами насилия на почве этноцентризма. Статистические данные свидетельствуют, что многие страны мира являются многонациональными, в них проживают две и более социальные этнические группы, которые конкурируют между собой, используя мирные или насильственные способы для достижения власти с целью получения независимости, автономности и (или) ассимиляции для достижения лучшего положения в обществе.

С исторической точки зрения национализм насчитывает более двухсот лет, его можно назвать самой мощной силой в современном мире. Это явление, так же как и этноцентризм, в связи с доминированием идеологии марксизма, либерализма и теории модернизации проявлялось таким образом, будто оно в ходе изменений, совершенствования и обновления общества постепенно растворялось и исчезало. Тогда как выдающийся теоретик национализма Энтони Смит считает, что сепаратистские движения в Канаде, Шотландии, Британии, Испании и других регионах Запада приводят к дискредитации общих положений об обновлении и демократии. Смит уверен в том, что гнет, националистические и этнические движения в Восточной Европе, России, на Ближнем Востоке, Индийском полуострове и в других регионах еще раз поставили национализм в центр мировых проблем². Гидденс, рассматривая недавние факты подъема национализма в рамках локальных националистических движений, полагает его продуктом новых возможностей, которые порождаются в процессе глобализации для воспроизводства локальной идентичности³. В некоторых работах также говорится о третьей волне, или третьем виде национализма, который сформировался после окончания холодной войны и имеет сходство с предыдущими формами национализма, но в то же время отличается от них. В предыдущих типах национализма делался акцент на национальных политических движениях, имеющих элементы интернационализма, также существовали либеральные и антиимпериалистические течения. Современный национализм имеет антилиберальные, шовинистические и монополистические черты. Другими словами, третья волна национализма основывается на установлении идентичности и различии разьединений⁴. Все названные факты свидетельствуют о том, что последние десятилетия XX столетия сопровождались поступательным проявлением и распространением культурного партикуляризма.

Другой вопрос, связанный с культурным партикуляризмом, — религиозный фундаментализм, который не ограничивается одной мировой религией и с географической точки зрения является крайне разнообразным. Суще-

¹ *Ezman M. Ethnic Politics // The Social Science Encyclopedia / eds. A. Kuper, J. Kuper. L., 1999. P. 260.*

² *Hutchinson J., Smith A. Introduction // Nationalism / eds. J. Hutchinson, A. Smith. Oxford, 1994. P. 10–11.*

³ *Giddens A. Beyond Left and Right Blackwell. Cambridge, 1998. P. 31–32.*

⁴ *Holton R. Globalization and the Nation-State. L., 1998. P. 136.*

ствуует большое разнообразие принципов и особенностей фундаментализма, но некоторые его элементы можно найти во всех движениях религиозного фундаментализма. В общем, фундаментализм является своего рода социально-религиозной реакцией на абстрактные угрозы, навязываемые процессом глобализации, он не принимает его и предлагает свое видение идеального общества.

Учитывая вышесказанное, можно рассмотреть усиление процесса мультикультурализма. Произошло усиление процесса глобализации в сфере экономики в виде прямых иностранных инвестиций и (или) создания денежно-финансовых рынков, а также в материальной сфере. Например, был сформирован мировой рынок рабочей силы, по сравнению с предыдущими эпохами миграция увеличилась и стала более сложной (исходя из этого некоторые исследователи называют нынешний век «веком миграции»¹). В общем, имеет место миграция, характеризующаяся различными целями. Однако важная ее составляющая связана с глобализацией, то есть миграция преследует экономические цели. Такой вид миграции можно наблюдать прежде всего в промышленных и нефтеносных странах региона Персидского залива, тогда как количество мигрантов в других развивающихся странах значительно не увеличилось. В любом случае экономическая глобализация состоит из мирового движения товаров, услуг, информации и рабочей силы. Увеличение количества мигрантов в мире необходимо расценивать как часть этого процесса.

О прозрачности политических границ свидетельствуют национальные экономики. Миграция как часть экономики хотя и связана с мультикультурализмом, но не является сложной. В общем, все мигранты входят в многочисленные этнические или религиозные группы. Как уже было сказано, распространение глобализации (по многим причинам, которые были отмечены выше) обусловило культурное смешение и (или) даже культурный партикуляризм, даже в рамках религиозного фундаментализма. В то же время в некоторых странах с течением времени по экономическим причинам проявился другой вид партикуляризма, который имел националистический подход и в политическом плане больше тяготел к правому экстремизму. Принципиальным фактором, свидетельствующим о политических и экономических проблемах в этих странах, считается наличие мигрантов и меньшинств (в таких странах имели место протесты, даже сопряженные с насилием и террором). Подобное положение характерно для промышленно развитых стран, где наиболее сильно проявляются многочисленные различия между мигрантами и коренным населением в нескольких сферах, например одновременные различия в религии, этносе и др. На уровне политики эта проблема проявилась в некоторых европейских странах в связи с возникновением и усилением правых радикалов. И даже в такой стране, как Норвегия, произошли случаи, сопряженные с насилием и террором. Ограничивая действие миграционных законов, политические деятели, возможно, провоцируют возникновение проблем. Конечно, различие в реакциях в первую очередь скажется на мигрантах. Реакцией на эти устремления будут максимальное культурное сопротивление и стремление сохранить условия мульти-

¹ *Sutcliffe B.* Freedom to move in the Age of Globalization and Progressive Economic Policy. Cambridge, 1998. P. 325.

культурализма в усредненной форме. В то же время это ставит под сомнение глобализацию и связанные с нею интеграционные процессы и в указанных условиях вызывает одобрение и долговечность двух реакций — культурного партикуляризма и мультикультурализма.

Выводы

Это исследование — прежде всего попытка найти ответ на вопросы, которые возникли в ситуации мультикультурализма в последние десятилетия XX и начале XXI века. Учитывая многочисленные важные факторы, способствующие проявлению мультикультурализма, мы рассмотрели влияние фактора технологий, а также политики и экономики на процесс глобализации до достижения этапа мультикультурализма. В результате изучения глобализации и мультикультурализма было определено, что в первой фазе технологии способствуют усилению процесса глобализации, но тем не менее данный фактор не приближает создание определенной мировой культуры — культуры, которая до сегодняшнего дня так и не проявилась. Наоборот, данный фактор в совокупности со значением глобализации в условиях, которые были описаны выше, укрепил мультикультурализм. Эта фаза заканчивается реакцией на глобализацию культуры (культурными метаморфозами и излишним сопротивлением). Кроме того, во время экономических и политических кризисов в мире все меньшинства испытывали определенное давление, что обусловило продолжение их реакции. Таким образом, сформировалось определенное стремление к культурным отличиям по расовым, религиозным и национальным признакам, его амплитуда колебалась от положительных значений до отрицательных. В общем, это тоже оказало влияние на процесс глобализации. Сегодня это влияние находится на том уровне, когда невозможно с уверенностью сказать, что глобализация является фактором формирования единой мировой культуры, причем это характерно и для развитых обществ. Поэтому сегодня, по прошествии времени и после разрушения оптимистичных представлений, иное рассмотрение мультикультурализма не является необычным.

Таким образом, с начала распространения глобализации основные теории, определяющие ее значение, претерпели коренные изменения. Культурные метаморфозы и сопротивление — две идеи, которые определенное время формировали две распространенные реакции на глобализацию и были представлены в литературе, столкнулись с проявлением мультикультурализма, которое выросло из понятия глобализации.

Бесспорно, что процесс глобализации связан с тем, каким образом народ создает культуры, традиции и местную идентичность в рамках всеобъемлющей глобализации. Процесс глобализации в период уничтожения идей и источников возрождает свою традиционную идентичность, а также создает новые источники, при этом каждый человек может использовать свои возможности и источники для реконструкции своей национальной идентичности. Идентичность, создаваемая таким образом, вопреки идентичности, созданной в традиционном обществе, является флюидной. Флюидность общественной жизни предотвращает отрицание и закрывает путь к фундаментализму. В конечном счете, сохраняя подобные условия и возможности, можно думать о глобальном и жить в локальном масштабе.

Жак Сапир¹

КРИЗИС ГЛОБАЛИЗАЦИИ. НОВЫЙ КОНТЕКСТ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК²

В начале XXI века экономическая глобализация переживает регресс. История и политика вновь выдвигаются на передний план. Это означает возвращение на мировую арену государств, считавшихся ранее слабыми, и отступление рынков, которые считались всеведущими. Такая глобализация обусловила противоречивые мнения: одни ее превозносят, другие ругают. Сегодня, когда она «отступает», некоторые видят в этом регресс, а другие приветствуют как прогресс.

Однако в отступлении глобализации не следует видеть проблему. Миру известно много периодов подъема и спада. Миф о *dois commerce*, подменяющий военные конфликты, устарел. Во все времена военные корабли предшествовали торговым. Господствующие державы постоянно пользовались силой, открывая новые рынки и изменяя условия в свою пользу.

I. Новый экономический контекст

Результатом кризиса стали дискредитация *финансиализации* (процесса перевода банковских кредитов в акционерно-облигационную форму) и необходимость реформ. Современный кризис обострил эту проблему. Однако отмена международного валютного и финансового порядка, навязанного США, началась в 1998 году. Ранние кризисы породили стратегии, которые обусловили нынешний кризис. В то же время последствия кризиса 1997–1999 годов оказались недостаточными для принятия структурных решений.

Тем не менее можно утверждать, что вопрос контроля за потоками капиталов представляет собой причину конфликта между правительствами, желающими прибегнуть к таким механизмам, и США³. Защита экономического суверенитета государств несовместима с целями американской политики. Роберт Вейд (Robert Wade), один из крупных специалистов по промышленным стратегиям азиатских стран⁴, отождествляет контроль за движением

¹ Профессор экономики Высшей школы социальных наук (EHESS, Париж), директор Центра исследований индустриализации SEMI-EHESS, визит-профессор кафедры общей экономической теории Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Сталинизм и нацизм — сравнение двух диктатур» (в соавт.), «Экономические изменения в СССР в 1941–1985 гг.», «Работа и рабочие в СССР», «К экономической теории неоднородных систем — опыт исследования децентрализованной экономики», «Российская трансформация — 20 лет спустя» (в соавт.). Консультант Министерства иностранных дел и Министерства обороны Франции. Член редакционных коллегий ряда научных журналов Франции.

² Доклад представлен на XV Международные Лихачевские научные чтения (2015 г.).

³ См.: *Cohen B. J. Contrôle des capitaux : pourquoi les gouvernements hésitentils? // Revue économique. 2001. Mars. Vol. 52, № 2. P. 207–232.*

⁴ Il faut ici citer son remarquable ouvrage R. Wade // *Governing the Market. Economic Theory and the Role of Government in East Asian Industrialization. Princeton (N. J.) : Princeton University Press, 1990.*

капиталов с будущими конфликтами между США и странами, которые желают сохранить суверенитет своей экономической политики¹.

Можно ли регламентировать финансовую глобализацию?

Современный кризис, наступивший после многих других, вызвал к жизни новые попытки урегулирования рынков. Однако до настоящего времени эти усилия были малоуспешными, за исключением ужесточения правил, касающихся «налогового рая», а также желания ограничить некоторые виды доходов. Более 20 лет назад Международная организация комиссий по ценным бумагам (l'International Organization of Securities Commissions, IOSCO) определила список целей и принципов регулирования рынков². В исследовании 2007 года, предшествовавшем началу кризиса, отмечались границы этой регламентации³. Пруденциальное регулирование на финансовых рынках обрело возрастающее значение с начала 1980-х годов.

Предполагается, что текущая рыночная стоимость, на которую ссылается пруденциальное регулирование, поможет стабилизировать рынок и его дальнейшее развитие. Она возникнет лишь в том случае, когда рынок стабилен, в противном случае невозможно установить текущую рыночную стоимость. Условием стабильности рынка является то, что ценные бумаги торгуются по текущей рыночной стоимости. Доверие, определяющее эту стоимость, предполагает, что ценные бумаги реализуются на рынке, который может функционировать только исходя из их текущей рыночной стоимости⁴. Такая логика цикличности рассуждений типична для либеральной мысли неоклассического толка. Тавтологический характер «текущей рыночной стоимости» был показан несколько десятилетий назад Э. Шаллем⁵.

К возврату запретительной регламентации?

Международный валютный фонд (МВФ), который невозможно заподозрить в экономической неортодоксальности, отмечает, что текущая рыночная стоимость ведет к возрастанию рисков финансовой нестабильности⁶. Это приводит к пересмотру идеи пруденциальной регламентации, возникшей из вакуума, порожденного постепенным исчезновением внешних регламентаций рынка⁷.

Пруденциальная регламентация регулярно терпела неудачи во время кризисов, которые следовали друг за другом начиная с 1987 года. То же самое

¹ Wade R. The Coming Fight Over Capital Controls // Foreign Policy. Hiver 1998/1999. Vol. 113. P. 41 – 54.

² IOSCO // Resolution on the Regulation of Securities Market. Madrid, 1983. Avr. ; IOSCO // Objectives and Principles of Securities Regulation, Madrid, 1998. Sept. ; OICV – IOSCO // Methodology for Assessing Implementation of the IOSCO Objectives and Principles of Securities Regulation. Madrid, 2003. Oct.

³ Carjaval A., Elliot J. Stengths and Weaknesses in Securities Market Regulations: A Global Analysis // IMF Working Paper. Washington (D. C.) : FMI, 2007. Nov.

⁴ См.: Brian E., Walter C. Puissance de calcul et conditions de prévision // Critique de la valeur fondamentale / dir. E. Brian, C. Walter. Springer, 2007. P. 165 – 182.

⁵ Challe É. Valeur fondamentale et efficacité informationnelle // Critique de la valeur fondamentale / dir. E. Brian, C. Walter. Springer, 2007. P. 26 – 54.

⁶ Containing Systemic Risks and Restoring Financial Soundness // Op. cit. P. 64. Box 2 – 4, et p. 65.

⁷ Sapir J. L'illusion prudentielle (Ch. 8) // Nouvelles normes financières — S'organiser face à la crise / C. Walter (sous la direction de). P. ; Berlin ; Heidelberg ; N. Y. : Springer-Verlag France, 2010. P. 161 – 188.

мы наблюдали и в разгар кризиса, в сентябре-октябре 2008 года. Тогда власти финансовых рынков Лондона решили временно запретить продажу ценных бумаг на срок без покрытия (*short selling*). Те же действия были предприняты Государственной комиссией по ценным бумагам и фондовому рынку (SEC) на Уолл-стрит¹.

В этом случае следует критически отнестись к комплиментарным высказываниям Мишеля Альета (Michel Aglietta) и Лорана Берреби (Laurent Berrebi) по отношению к американской пруденциальной регламентации в 2007 году². Эти авторы возвели американский пример в ранг нормы, которой должна следовать Европа³. Встает вопрос: какие причины способствовали возникновению кризиса? Излишнее доверие к функционированию финансовых рынков — в неподобающих условиях — в силу пруденциальной регламентации возникает на основе глобального доверия. Не случайно Мишель Альета полагает, что уже с начала 1990-х годов финансовая глобализация является «вынужденной авантюрой»⁴.

Рыночная дисциплина имеет смысл, если она применяется на равных ко всем акторам рынка. Если быть реалистом (считающим, что равенство на рынке — это миф), то следует отказаться от принципа рыночной дисциплины как регулятора рынка. Действительно, история спекуляций и кризисов, начиная с «тюльпанового безумия» до современного кризиса⁵, демонстрирует тщетность использования рыночной дисциплины как спасительной формы. В теоретических работах показана важность риска заражения, а также то, что это происходит вопреки всевозможным пруденциальным регламентациям. Если рынок можно рассматривать как механизм, позволяющий диверсифицировать риски⁶, возможность заражения выражается с особой вирулентностью, даже если некоторые авторы склонны смешивать диффузию с заражением⁷. О заражении можно говорить, когда вследствие шока возникает внезапная положительная корреляция между различными инвестициями. Если бы это возвращение имело негативный характер или было ориентировано на снижение, можно было бы говорить о процессе, описанном Хайманом Минским как "*debt-deflation*"⁸.

Необходимо обратиться к так называемой запретительной регламентации, ограничивающей свободу финансовых инноваций и субъектов рыночной экономики. Только такая регламентация способна нивелировать неопределенность ситуации, сложившейся на рынке. Должен быть поставлен

¹ См.: Kennedy S. SEC Bans Short Selling Hundreds of Financial Stocks. Regulator Says Ban Is Needed to Protect Market Integrity; Banking Stocks Soar // Marketwatch.com. 2008. 19 sept. URL: <http://www.marketwatch.com/News/Story/sec-bans-short-selling-hundreds/story.aspx?guid=%7BFF3CA343%2D2485%2D4B0C%2DB971%2D7FBFA0AD4611%7D>

² Aglietta M., Berrebi L. Désordres dans le capitalisme mondial. Odile Jacob, 2007. P. 121.

³ Ibid.

⁴ Aglietta M., Brender A., Couderc V. Globalisation financière: l'aventure obligée. Economica, 1990.

⁵ Crises financières / dir. J. Gravereau, J. Trauman. Economica, 2001.

⁶ Herring R., Santomero A. What is Optimal Regulation? / Pennsylvania Financial Institution Center, Philadelphie (Pa.). Université de Pennsylvanie, 2000.

⁷ Allen F., Gale D. Financial Contagion // J. of Political Economy. 2000. Vol. 108, № 1. P. 1 – 33 ; Nier E., Yang J., Yorulmazer T., Alentorn A. Network Models and Financial Stability // J. of Economic Dynamics and Control. 2007. Vol. 31. P. 2033 – 2060.

⁸ Minsky H. P. The Financial Instability Hypothesis: Capitalist Processes and the Behaviour of the Economy // Financial Crises: Theory, History and Policy / dir. C. Kindleberger, H. Laffargue. Cambridge : Cambridge University Press, 1982.

вопрос о несовместимости такой регламентации с финансовой глобализацией в том виде, в каком она развивалась в течение последних сорока лет. Может быть либо то, либо другое, но не оба явления одновременно.

II. Кризис глобализации

Современный кризис показал границы не только финансовой глобализации, но и международной валютной системы. Мы живем в рамках системы эталонного доллара, который сам находится в кризисе. В то же время начиная с 2009 года мы удостоверились в невозможности использования евро как альтернативной валюты в рамках учреждений экономического и валютного союза. Структурный кризис евро преимущественно связан с условиями, в которых происходило его введение, но также и с непреодолимой ограниченностью институтов, его обеспечивающих¹. Действительно, экономики имеют тот уровень инфляции, который соответствует их производительным, финансовым и социальным структурам; попытка подняться над этим уровнем может привести к длительному кризису в экономике и обществе². Необходимо размышлять о постоянстве различных уровней инфляции в разных странах. Итак, единая валюта требует общих границ, что обуславливает важные различия между уровнями конкурентоспособности (с учетом временного фактора).

В то же время происходит возникновение механизмов ренационализации как финансовых, так и товарных потоков³. Показатели свидетельствуют, что наступил кризис глобализации, который вернет государствам, по крайней мере тем, кто вовремя определит наиболее важные проблемы, существенную власть над международной экономикой.

Кризис финансовой глобализации

Некоторые авторы считают, что американский дефицит может быть компенсирован накоплениями азиатских стран⁴. В так называемой Бреттон-Вудской системе II дефицит был вполне обоснованным, при этом она рассматривалась как стабильная. Это положение недавно подтвердил ряд авторов в своих работах⁵. Известен тезис об излишке накоплений или *global saving glut*, популяризированный Бенем Бернанке⁶, президентом американской Федеральной резервной системы, а также Лоуренсом Саммерсом (Lawrence Summers⁷). Действительно, системе изначально была присуща нестабильность, выразившаяся в быстром распространении так называемых

¹ Sapir J. Faut-il sortir de l'Euro. Le Seuil ; P., 2012 ; *Idem*. Les scénarii de dissolution de l'Euro (avec P. Murer et C. Durand) // Fondation ResPublica. P., 2013. Sept.

² Akerlof G. A., Dickens W. I., Perry G. I. Options for Stabilization Policy // Brookings Institution Policy Brief. 2001. Févr. № 69.

³ Sapir J. La démondialisation. Le Seuil ; P., 2011.

⁴ Dooley M. P., Folkerts-Landau D., Garber P. An Essay on the Revived Bretton Woods System // NBER Working Papers Series. Cambridge : National Bureau of Economic Research, 2003. № 9971.

⁵ Dooley M. P., Folkerts-Landau D., Garber P. Bretton Woods II Still Defines the International Monetary System // NBER Working Papers Series. Cambridge : National Bureau of Economic Research, 2009. № 14731.

⁶ Bernanke B. The Global Saving Glut and the U. S. Current Account Deficit : remarques // Federal Reserve Board. 2005. 10 mars.

⁷ Summers L. H. Reflections on Global Current Account Imbalances and Emerging Markets Reserve Accumulation // Jha L. K. Memorial Lecture, Reserve Bank of India. 2006. Mars.

«вредных» долгов, которые благодаря финансовой глобализации получили развитие в различных банках и финансовых учреждениях планеты. Другие авторы высказывали тревогу начиная с 2005 года¹.

Гипотеза излишка накоплений опиралась на критикуемую теорию кредитных ресурсов, бессодержательность которой показал Кейнс (Keynes) в 1937 году². Отнюдь не являясь механизмом стабилизации финансовой глобализации, кредитные ресурсы привели к росту нестабильности. Решения, которые могут быть приняты в рамках финансовой глобализации, лишь ускорят кризис³. Кризис доллара в данных условиях будет нарастать.

Сегодня евро и доллар поддерживают друг друга, причем евро находится на крайней линии защиты доллара. Если евро обрушится, доллар столкнется с международной спекуляцией. Решение, поддерживаемое европейскими и некоторыми американскими экономистами⁴, будет заключаться в замене доллара на евро как основную валюту международной системы. Многие руководители, в частности французские, придерживаются этой идеи. Но такое решение имеет призрачные последствия, что подтверждает кризис, начавшийся в сентябре 2009 внутри еврозоны. Нынешний кризис породил устойчивое сомнение в будущем и надежности евро. Действительно, евро в лучшем случае выступало эквивалентом (с точки зрения обменного курса) «золотого эталона». Но это не обеспечивало приспособляемости, которую гарантирует сохранение национальных валют, позволяющее девальвировать валюту, когда экономика страны сталкивается со структурными трудностями.

Чтобы состояться как валюта международного резерва, нужно нечто большее, чем относительно однородная экономика (чего нет в зоне евро). Сила доллара связана с особым положением США с геостратегической точки зрения. Европа и зона евро не могут заменить США в этой роли и не имеют на это средств, даже если бы они это планировали. Следовательно, еврозона не сможет долгое время оставаться в своих границах.

Финансовая глобализация сегодня достигла своих пределов. Она ставит задачи не только перед правительствами стран, но и перед общественным мнением и организованными общественными силами (профсоюзами, ассоциациями). Либо надо довольствоваться второстепенными изменениями, чтобы дать шанс финансовой либерализации⁵, и тогда ее «смертоносная» сила приведет к серии кризисов, все более усиливающихся и разрушительных для общества. Либо принимается решение об ограничении драстичским образом финансовой глобализации. Процесс деглобализации в данном случае может быть только политическим и волюнтаристским. Конечно, меры, с помощью которых он будет воплощаться, не должны быть технически связанными (когерентными)⁶. Впрочем, ограничения финансовой

¹ Roubini N., Setser B. Will the Bretton Woods 2 Regime Unravel Soon? The Risk of a Hard Landing in 2005 – 2006. N. Y. : Mimeo : New York University, 2005.

² Keynes J. M. Alternative Theories of the Rate of Interest // Economic J. 1937. Vol. 47, № 4.

³ См.: Bibow J. Insuring Against Private Capital Flows: Is It Worth the Premium? What Are the Alternatives? // International J. of Political Economy. 2008. Sept. Vol. 37, № 4. P. 5 – 30.

⁴ Chinn M., Frankel J. Why the Euro Will Rival the Dollar // International Finance. 2008. Vol. 11, № 1. P. 49 – 73.

⁵ Aglietta M. Comprendre la crise du crédit structuré // Lettre du CEPII. 2008. Févr. № 275.

⁶ См.: Goodhart C., Avinash P. How to Avoid the Next Crash // Financial Times. 2008. 30 jan.

глобализации уже появляются (спонтанно и неорганизованно) во многих частях света¹. Но следует привести их в соответствие.

Таким образом, возникает вопрос: может ли деглобализация стать фактом одной страны или она должна стать фактом группы стран, пытающихся организовано и согласованно освободиться от этой системы? Упорядоченную деглобализацию можно осуществить только в рамках группы стран. Но деглобализация может быть и неупорядоченной. Инерция и отсутствие воли у партнеров предоставляют стране право проанализировать свое положение. Государство также может предпринять ряд инициатив, чтобы вынудить своих партнеров либо принять ситуацию, эффективность которой намного ниже по сравнению с первоначальным положением страны, либо последовать ей.

Конец торговой глобализации

Торговая глобализация тоже достигала сегодня допустимых пределов. Это очевидно с экологической точки зрения (природе нанесен урон, вызванный логикой глобального развития, которому мы следовали примерно двадцать лет) и с точки зрения экономического и социального развития.

С экономической точки зрения торговая глобализация оказалась неспособной помочь развивающимся странам, более того, она привела к глубокому социальному регрессу в развитых странах. Эта политика «делает более бедными бедняков богатых стран и более богатыми богачей бедных стран».

Настало время вернуться к скоординированной национальной политике, которая способна одновременно обеспечить развитие и социальную справедливость². Такая политика уже разрабатывается в некоторых странах. В этом отношении запаздывание европейского континента может быть охарактеризовано как трагическое. Под предлогом строительства Европы, политически «распыленной» и неспособной реализовывать реальную промышленную и социальную политику, мы отказались от проведения такой политики. Но, как напоминает Дани Родрик (Dani Rodrik), проблема заключается не в том, почему проводится такая политика, а в том, как она реализуется³. Такая политика обязана быть глобальной и включать вопросы обменного курса и подготовки и развития инфраструктур.

Сегодня можно констатировать, что по большинству этих пунктов Евросоюз, судя по тому как он функционирует, оказывается препятствием. Именно Евросоюзу мы обязаны политикой открытости, ускорившей структурный кризис в нашей промышленности начиная с 1990-х годов. Сегодня есть возможность изменить эту политику. Но если сопротивление окажется слишком сильным, необходимо решиться на ренационализацию нашей экономической системы. Действия на европейском уровне предоставили бы

¹ Voir: *Gallagher K. P., Coelho B. Capital Controls and 21st Century Financial Crises: Evidence from Colombia and Thailand // PERI Working Paper Series. Amherst (Ma.) : University of Massachusetts Amherst, 2010. Jan. № 213.*

² *Sapir J. Le protectionnisme et la fureur de ses ennemis // Chang H.-J., Halimi S., Lordon F., Ruffin F., Sapir J. Le Protectionnisme et ses ennemis / éd. Les Liens qui Libèrent. P., 2012. P. 55 – 72 ; Sapir J. Retour vers le futur: le protectionnisme est-il notre avenir? // L'Economie Politique. 2006. 3ème Trimestre. № 31.*

³ *Rodrik D. Industrial Policy: Don't Ask Why, Ask How // Middle East Development J. 2008. P. 1 – 29.*

нам максимум возможностей, но при этом не следует исключать действий на национальном уровне, если не удастся достигнуть соглашения с нашими партнерами. Феномен торговой глобализации достиг своих пределов, как социальных, так и экологических, и сегодня становится угрозой для части правящих классов в некоторых странах.

В настоящее время мы наблюдаем процесс дезинтеграции экономического порядка, который создавался начиная с 1971 до конца 1990-х годов. Такая дезинтеграция может происходить хаотичным образом (впрочем, так она и начиналась). Но она также может быть результатом согласованных действий при условии признания, что США следует координировать экономическую политику. Необходимо осознать нынешний кризис и его последствия в полной мере и вернуть США контроль над экономическими структурами¹.

А. В. Смирнов²

КАК РАЗЛИЧАЮТСЯ КУЛЬТУРЫ?³

Словосочетание «диалог культур», которое еще три-четыре десятилетия назад было необычным, сегодня превратилось в штамп. О диалоге культур говорят, как если бы его принципиальная возможность была несомненной и все дело заключалось в том, чтобы устранить разного рода досадные препятствия, в основном субъективного плана (нежелание сторон вступить в диалог и вести его конструктивно), на пути его осуществления.

Задача этого рассуждения — проблематизировать данное понятие и очертить подход к решению задач в этой области. Нумерация отдельных шагов рассуждения позволяет более объемно представить его ход и логику.

1. «Диалог культур» как понятие предполагает наличие культур и их различие. Эта констатация была бы тривиальной, если бы не был так труден ответ на два вопроса: 1) что такое культура и 2) как различаются культуры?

Если трудность ответа на первый вопрос очевидна, то не так обстоит дело со вторым. Обычно решение полагают само собой разумеющимся: культуры различаются в силу *содержательных* расхождений. Сравнивая две культуры по линии тех или иных элементов, структур или подструктур, мы указываем на различия содержательного плана между ними. Мне представляется,

¹ Sapir J. L'économie est-elle une anti-politique? // Cahiers d'économie politique. 2004. Automne. № 47. P. 111 – 126.

² Заместитель директора, заведующий сектором философии исламского мира Института философии РАН, член-корреспондент РАН, доктор философских наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Логика смысла. Теории и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры», «Логико-смысловые основания арабо-мусульманской культуры: семиотика и изобразительное искусство», «Мистическая философия и поиск истины», «О подходе к сравнительному изучению культур» и др. Ответственный редактор книжной серии Института философии РАН «Философская мысль исламского мира». Главный редактор «Философского журнала».

³ Доклад представлен на VIII Международные Лихачевские научные чтения (2008 г.).

что такое решение недостаточно. Вот почему именно второй вопрос стал темой этого доклада.

Однако дело в том, что найти удовлетворительный ответ на второй вопрос («Как различаются культуры?») можно, только ответив на первый («Что такое культура?»).

2. Нет двух похожих культур, как нет двух похожих людей. Но само это утверждение означает, что культуры принципиально схожи, иначе не было бы смысла их различать: мы же не говорим, к примеру, что люди и камни различны (такое утверждение истинно, но имеет мало смысла).

Коротко говоря: различие культур предполагает их существенное совпадение как культур. Нам не обойтись без того, чтобы обратиться к вопросу о том, что такое культура «как таковая».

3. Можно говорить о двух стратегиях выстраивания ответа на этот вопрос. Обозначим их как универсалистскую и партикуляристскую.

С одной стороны, культура — это попросту все в том мире, который создает и в котором живет человек. Поэтому культуру трактуют как совокупность результатов материального и духовного производства.

Вместе с тем культуру понимают как только часть целостности, составляющей человеческий социум. Такое понимание связано с аксиологически нагруженным противопоставлением культурного — бескультурного (или высоко- и низкокультурного) внутри социума или между социумами.

Таким образом, любое явление человеческого социума принадлежит культуре (в том смысле, что оно «затронуту» культурой, культурно обусловлено) — и вместе с тем мы не можем все в человеческом мире отождествить с культурой.

4. Интересным представляется решение этой проблемы, которое разрабатывает академик В. С. Степин. Он предлагает считать культуру своеобразным «генетическим кодом» социального организма. Эта биологическая метафора удачна: она показывает, что все культуры — именно культуры (как и люди — люди благодаря общности генома), но вместе с тем различны (ведь один и тот же геном может быть «реализован» по-разному).

Вот почему все в человеческом мире принадлежит культуре, как и в организме человека все в конечном счете определяется генами, и в этом смысле культура — весь наш мир. Вместе с тем гены — только микроскопическая часть организма, и в этом смысле культура — лишь часть человеческого мира.

Добавлю, что эта метафора удачно объясняет и органичную целостность культуры. Я имею в виду то, что было уловлено еще Н. Я. Данилевским и О. Шпенглером: очень тесная, удивительная связь и взаимная согласованность, «пригнанность» различных сегментов культуры, не объединяемых генетически и каузально. Эта идея была подтверждена и многочисленными исследованиями на материале так называемых «восточных» культур. Востоковедение достигло в прошедшем веке огромного прогресса, и немало его представителей присоединилось к названному выводу.

5. Итак, теоретические построения, основанные на понятии категорий культуры (А. Я. Гуревич), универсалий культуры (В. С. Степин), схватывают нечто существенное. Зададим теперь следующий вопрос: насколько хорошо эта интуиция (и соответствующая ей метафора) работает не в тех случаях, когда мы говорим об одной культуре (или, как мы считаем, о культуре

«как таковой»), а тогда, когда перед нами стоит задача сравнительного исследования культур?

Мы таким образом попробуем примерить ответ, найденный для нашего первого вопроса («Что такое культура?»), ко второму вопросу («Как различаются культуры?»).

6. Может ли очерченная идея найти плодотворное применение в сравнительных исследованиях культур?

Основное соображение, не позволяющее безоговорочно дать положительный ответ на этот вопрос, заключается в следующем. Как свидетельствуют такие исследования, набор фундаментальных категорий, ключевых понятий в каждой культуре свой. Мы не можем а priori номинально задать такой список (неважно, закрытый или открытый) и с ним подходить к изучению культуры, наполняя его каждый раз, для каждой культуры своим содержанием.

Между тем такая стратегия сравнительно-культурных исследований настолько распространена, что представляется многим едва ли не самоочевидной. В самом деле, какие могут быть возражения против программы номинально-содержательного сравнения культур? Повторю, она сводится к априорному заданию номинального списка сравниваемых категорий или их сочетаний и выяснению содержательных различий между их «реализациями» в двух сравниваемых культурах. При этом непременно предполагается, даже если это не проговаривается явно, что такое сравнение выясняет существенные черты и существенные различия или совпадения сравниваемых культур.

7. Конкретизируем высказанное соображение.

Объектом сравнительных исследований выступают культуры, различающиеся между собой в большей или меньшей степени. Понятие «степень различия» вряд ли может быть строго задано в контексте данного рассуждения (но не в принципе!), однако для нас будет достаточно одного едва ли оспариваемого наблюдения. Суть его такова: с наиболее кардинальными различиями мы столкнемся, сравнивая либо (1) какую-либо из «восточных» культур с «западной», либо (2) одну из «восточных» культур с другой. (Заметим в скобках, что из этого вытекает принципиальное и до сих пор не вполне осознанное значение востоковедения для выяснения вопроса о том, что такое культура и как культуры могут различаться.) Поскольку второй тип сравнительных исследований до сих пор не развернут, обратимся к опыту и результатам первого.

Суммирую их в следующих пунктах.

Первое. Изучая другую культуру, мы будем встречать в ней такую трактовку понятий, номинально как будто совпадающих с привычными нам, которая заставит признать за номинальным совпадением полное смысловое расхождение — такое, которое поставит под вопрос саму возможность номинального их отождествления.

Второе. Мы будем встречать в других, изучаемых культурах *непереводимые* (а значит, не попадающие в этот список: он ведь всегда черпается из «фоновой» культуры, то есть той, к которой принадлежит исследователь и с которой сравнивается «чужая» культура) и вместе с тем ключевые понятия. Это означает, что лежащий в основе сравнения и априорно предпосылаемый

ему номинальный список ключевых категорий культур принципиально неполон, и неизвестно, является ли такая неполнота лишь «шероховатостью» исследовательского процесса, которой можно пренебречь, или составляет фатальный сбой этого процесса.

Наконец, третье. Мы никогда не можем исключить опасность *незамечания* тех категорий, которые для исследуемой культуры существенны или даже фундаментальны, но «не видны» нам как представителям другой культуры и не каталогизируются нами, не попадают в нашу сетку категорий и поэтому в принципе не могут содержаться в нашем априорном списке.

Контрастное *расхождение* содержания ключевых понятий сравниваемых культур, их *непереводимость* и *незамечание* их терминологического статуса в изучаемой культуре — три главных подводных камня на пути безоглядно-оптимистичного утверждения о сравнимости культур.

8. Таковы принципиальные проблемы, свидетельствующие, что биологическая метафора культуры как «генома» социума работает лишь до определенной степени. Дело в том, что мы не можем положить социум под микроскоп и найти там искомый «объект» — его геном, культуру. Вопрос о его выделении (каталогизации) и интерпретации встает потому, что инструмент такого анализа (наш разум, наша аналитическая способность), играющий в данном случае роль микроскопа, *не нейтрален* в отношении рассматриваемого «объекта».

Микроскоп, с помощью которого мы открываем гены (в прямом, биологическом смысле этого слова), не является частью живого организма и не создан исследуемыми с его помощью генами. В отличие от этого, инструмент изучения культуры и проведения сравнительно-культурного исследования принадлежит нашей (то есть одной из сравниваемых) культуре и определен ее «генами». Это воздвигает существенную границу применимости биологической метафоры (в других отношениях очень удачной).

9. Таково первое обстоятельство, побуждающее к дальнейшему продумыванию идеи культуры как «генома», то есть идеи более или менее исчерпывающей заданности культуры набором ее более или менее фундаментальных категорий. Оно связано с невозможностью задания списка таких категорий в общем случае для культуры «как таковой».

Но есть и другое обстоятельство. Набор универсалий, или категорий, «генов» культуры должен быть определенным образом структурирован. Универсалии не просто рядоположены, они не просто каталогизированы или заданы списком, а культура — не просто разъяснение этих отдельных рядоположенных категорий (так толковый словарь разъясняет термины словника). Никак нет: такие категории «завязаны в узел», и узел этот выстроен по определенным законам взаимодействия.

Именно незнание законов взаимодействия категорий, незнание строения этого «узла» в другой культуре (в своей помогает интуитивное узнавание, поскольку здесь мы сами — часть ткани изучаемой культуры) и является источником трудностей в познании чужой культуры. Вот почему познание своей культуры и чужой — вещи принципиально разные: во втором случае мы не имеем подсказки интуиции, осуществляющейся незаметно для нас самих.

10. Главным вопросом сейчас является вопрос о том, *что* именно и *как* именно выстраивает этот узел.

Иначе говоря, что превращает набор универсалий (категорий) культуры в смыслопорождающий механизм; что заставляет этот набор *двигаться* по законам внутреннего взаимодействия? Что вдыхает жизнь в инертный набор (список) универсалий и делает его текстом (в семиотическом смысле) культуры?

11. Фундаментальную роль в этом играют два «механизма»: (1) противоположения-и-объединения и (2) соотношения части-и-целого. Они «отвечают» за то, как различены и как сочленены, соотношены категории культуры.

Здесь я могу только заявить этот тезис. Его подробная разработка и результаты применения в сравнительном изучении культур даны в других моих работах.

12. Таков первый принципиальный вывод: «набор» категорий культуры неоднороден (и уже в силу этого не является всего лишь «набором»). В нем имеются особые *категории высшего порядка*, отвечающие за целостную организацию всех категорий в некий функционирующий «механизм», завязывающие их в «узел». (Конечно, и «механизм», и «узел» здесь — не более чем метафоры.)

Такие категории я называю *метакатегориями культуры*. Они представлены понятиями, задающими два отношения: противоположение-объединение и целое-часть.

13. Второй принципиальный вывод состоит в том, что эти «механизмы» противоположения-и-объединения, соотношения части-и-целого вариативны. Их вариативность означает, что они могут функционировать по-разному в разных культурах. Сохраняя номинальное тождество, они оказываются, таким образом, несовместимыми.

Определение вариативности этих механизмов, раскрытие ее содержания и влияния на выстраивание смыслового тела культур дано в других моих работах.

14. Сказанное разъясняет причину отмеченных выше трудностей в сравнительном изучении культур (см. п. 6–7).

Различия между культурами могут быть вызваны разным содержательным наполнением одного и того же набора универсалий (категорий) культуры. Такое различие я называю *содержательным*.

С другой стороны, различия между культурами могут быть вызваны вариативностью названных двух «механизмов», то есть различием в их функционировании. Это более глубокий и интересный тип различия. Я называю его *логико-смысловым*. Это различие является более глубоким потому, что логико-смысловые механизмы «отвечают» за целостное функционирование смыслового тела культуры, они завязывают набор категорий культуры в особый «узел» и заставляют его работать как смыслопорождающую «машину».

Выделение и разведение этих двух типов различий позволяет достичь существенного прогресса в понимании культуры и, следовательно, в организации эффективного диалога с ней.

15. Заметим, что логико-смысловое различие влечет различие содержательное (но не наоборот). Логико-смысловое различие разделяет далеко не все культуры. Именно там, где речь идет о действительном *контрасте* (сравнение «восточных» культур между собой или их сравнение с «западной»

культурой), мы имеем наибольшие шансы встретить именно этот тип различия.

Если между двумя сравниваемыми культурами имеется логико-смысловое различие, то его влияние скажется в содержательном наполнении любых категорий, понятий и терминов. Вместе с тем можно выделить основные сферы, в которых наиболее ярко проявится эффект логико-смыслового различия и где он будет, вероятно, наиболее заметен и весом. Это понимание отношения «я» к «другому», а значит, этика, политика, организация власти и т. д., отношение к миру, понимание цели жизни, соотношения между земным и потусторонним. При исследовании философии и других областей знания, опирающихся на категориальные системы, логико-смысловое различие повлечет различие в выстраивании систем категорий и их содержательном наполнении.

Если две сравниваемые культуры различаются не только в содержательном, но и в логико-смысловом плане, их сравнение не может быть корректным без учета логико-смысловых различий.

ТИПОЛОГИЯ КУЛЬТУР И КАРТИНА МИРА¹

Построение любой типологии основывается на нехитрой мысли о том, что объект типологизации обнаруживает как сходства, так и различия. Объяснить, как строится типология культур, можно, растолковав, что такое культура и как культуры различаются.

Слово «культура» можно понимать в очень и очень разных смыслах, и вряд ли кто-то станет утверждать, будто обладает единственно верным и точным пониманием этого термина. Ученый или философ принимает то или иное определение культуры исходя из потребностей своего поиска и исходных интуиций. Я понимаю культуру как способ смыслополагания.

Что означает слово «смысл» в контексте этого определения? Я понимаю его не в соответствии с разведением понятий «значение» и «смысл», которое сложилось в XX веке, и не в плане придания особого звучания этому слову, когда под осмысленностью понимают причастность некоему высшему, выходящему за рамки повседневности смыслу. Напротив, «смысл» для меня — понятие самое обыденное и вместе с тем универсальное. Смысл — это та среда, в которую погружено наше сознание; осмысленность — это все то, с чем «работает» наше сознание и что составляет его содержание. Если так, то стремление к осмысленности — наиболее фундаментальное стремление человека. Без этого нет нашего сознания, а значит, нет и нас.

Что такое «картина мира» и какое отношение это понятие имеет к типологии культур? Если понимать под «миром» универсум, все то, с чем может иметь дело наше сознание, то картина мира — это полотно осмысленности, в пределах которого оно движется. Из этого определения вытекает отношение понятия «картина мира», как оно понимается здесь, к принятому в философии и лингвистике его употреблению.

¹ Доклад представлен на IX Международные Лихачевские научные чтения (2009 г.).

Как правило, говорят о языковой картине мира и о научной картине мира. Под первой понимают то структурирование мира, которое предзадано сознанию человека его родным языком, прежде всего арсеналом формальных средств данного языка. В этом, наиболее принятом толковании понятие «языковая картина мира» восходит к идеям Гумбольдта и гипотезе Сепира — Уорфа. Под научной картиной мира понимают совокупность научных теорий, взятых в их мировоззренческом аспекте и определяющих в массовом сознании наиболее общие представления об устройстве мира. Научная картина мира — это не сама наука, а лишь то представление о выводах науки, которое сложилось в сознании людей и носит более или менее популярный характер.

Различие между языковой и научной картинами мира, лежащее на поверхности и бросающееся в глаза, заключается в том, что первая стихийна, тогда как вторая отрефлектирована. Ведь родной язык невозможно выбрать и невозможно сменить: языковая картина мира, формируемая в сознании носителя языка, предзадана ему. Исходным постулатом современной лингвистики служит представление о языке как о естественном феномене, подчиняющемся естественным (а значит, объективным, не зависящим от наших волевых усилий) законам, и в данном отношении это представление оправдано. В отличие от этого, наука как источник научной картины мира не предзадана ни обществу, ни индивиду; ни как таковая, ни в ее конкретном варианте.

Если владение языком служит критерием принадлежности к человеческому роду, то наличие науки в обществе или причастность к ней индивида не играет такой роли. Далее, научная картина мира, если она вообще имеется, может кардинально измениться на протяжении одного поколения; языковая картина мира, хотя и модифицируется с развитием языка, не претерпевает столь радикальных трансформаций при жизни одного человека. В отличие от языковой, научная картина мира формируется благодаря сознательным усилиям и общества в целом, которое решает, что наука нужна для него, и научного сообщества, которое производит научные знания, и сообщества популяризаторов, ответственных за «растекание» этих знаний по стратам общества, и каждого отдельного индивида, который с большей или меньшей готовностью впитывает их и тем самым формирует собственную научную картину мира.

То, о чем я буду говорить здесь, близко к такому пониманию термина «картина мира», хотя и не совпадает с ним полностью. Основное отличие заключается в том, что разделение и соотношение двух уровней (стихийно-языкового и теоретически-отрефлектированного), а также сами эти уровни будут интересовать меня в аспекте смыслополагания. Главным станет вопрос о том, каким образом фундаментальное (обще)человеческое стремление к осмысленности реализуется на этих двух уровнях построения целостного полотна осмысленности — стихийном, предзаданном человеку и отрефлектированном, созданном благодаря его сознательному и целенаправленному усилию и подчиненном логическому упорядочиванию. Первый уровень будем называть языковым, второй — логико-философским, поскольку философское понимание целостности мира и фундаментальных принципов его устройства лежит в основе отрефлектированной картины мира.

Осмысленность означает связность. Это положение — ключевое для нашего дальнейшего движения. Связность непосредственно связана с единством. Конечно, «единство» — очень неопределенное и потому богатое понятие: единство можно мыслить совершенно по-разному, и нам еще предстоит столкнуться с этим. Понятия связности и единства вкупе, как мне представляется, хорошо передают исходное, интуитивное представление человека о мире. Я бы сказал, что для человека характерно стремление к формированию полотна осмысленности мира как связного и единого. В глубине души, в глубине нашего существа мы стремимся представить мир как монистичный.

В каком смысле? Не в том, конечно, что каждое утро, вставая с постели и нащупывая тапочки, формулируем для себя эту идею как задание на сегодня. Дело в другом. Мы ощущаем, что не можем представить мир расколотым на не сообщающиеся части, на никак не связанные одна с другой области. Это верно и для временного, и для пространственного аспектов. Не может быть, что зеленое сегодня станет красным завтра, как не может быть, что в другой части мира вещи будут падать вверх, а не вниз. Я намеренно привожу наивные примеры; читатель легко может выстроить более сложные. Но именно наивные, наименее обдуманые представления показывают фундаментальность предчувствования осмысленности как связности и единства мира.

И открыв для себя однажды, что уличное движение бывает не только правосторонним, но и левосторонним, то есть столкнувшись с существенными различиями в устройстве законов, управляющих поведением мира, мы поспешим интерпретировать такие различия не как принципиально несводимые и раскалывающие мир на изначально разным образом устроенные части, а напротив, как варианты некоего инварианта, не противоречащие, невзирая на все различия между ними, глубинному единству мира. Даже говоря об эволюции Вселенной и соответственно физических законов, ею управляющих, мы представляем этот процесс как закономерный, устанавливая для себя единство и связность его частей. Иначе — бессмыслица кафкианского типа, где может происходить все; иначе — «зона» Стругацких — Тарковского, которую в самом деле и представить-то невозможно, поскольку она отрицает всякую связность и всякое единство.

Итак, при всем своем разно- и многообразии мир ведет себя неким устойчивым образом, и эта устойчивость предчувствуется нами как связность и единство полотна осмысленности мира, которое мы и называем «картиной мира». Такова интенция. Каков же результат, достигаемый на двух уровнях ее осуществления, предзаданном нам и складывающемся стихийно — и целенаправленно создаваемом, логически упорядоченном, и отрефлектированном, то есть на языковом и логико-философском уровнях, примерно соотносимых с тем, что называют языковой и научной картинами мира?

Прежде чем отвечать на этот вопрос, определим объект исследования. Я буду говорить о двух крупных культурных ареалах — о Западе и арабском мире. Насколько выводы, сделанные на основе арабского материала, приложимы к родственным семитским языкам и основанным на них культурам, прежде всего к ивриту и еврейской культуре, остается открытым вопросом. Распространима ли сама методология рассуждения (а не просто его выво-

ды) на другие языки и культуры за пределами названных двух, составляет куда больший вопрос. Я не буду далее специально оговаривать это ограничение: формулируя общие утверждения, я делаю их только для указанных двух языково-культурных ареалов.

Начнем с языкового уровня. Язык предлагает нам не монистичную (построенную по принципу единого начала), а сегментированную картину мира. Я имею в виду тот фундаментальной важности факт, что язык осуществляет *категориальное структурирование мира*. В нашем распоряжении имеются категории имени (существительного, прилагательного), глагола, наречия, числительного и др.

Mutatis mutandis это справедливо для арабского или иврита, как и для русского, английского, греческого и прочих европейских языков. Верно, что система категорий не во всех языках одинакова, однако она, во-первых, приблизительно совпадает, а во-вторых, непременно присутствует. Это значит, что язык сегментирует мир, разрезая его на *несообщающиеся* части. Имя существительное ни при каких условиях не может превратиться в глагол. Иначе говоря, имя не может занять то место, которое в высказывании занимает глагол, тогда как оно может занять место другого имени.

При замене одного имени на другое мы получаем осмысленную, хотя, может быть, ложную фразу; при замене имени на глагол или наоборот мы получаем не ложную и не истинную, а бессмысленную фразу. *I walk up the drive* и *I walk up the lane* равно осмысленны, хотя могут быть не равно истинны; но из двух фраз *I drive a car* и *I lane a car* только первая осмысленна. Это фундаментальной важности свойство языка отражает тот факт, что вещи-субстанции действуют, но сами не являются действиями; и, напротив, действия, наблюдаемые в мире, не являются вещами-субстанциями. То же относится и к прочим категориям.

Обратим внимание на Аристотелеву систему десяти логических категорий. Их смысл в том, что они устанавливаются, во-первых, субъект-предикатное разделение; во-вторых, разделение между девятью категориями, которые могут служить предикатами, то есть сказываться о субъекте. И наконец, в-третьих, эти категории не сводятся, как говорит Аристотель, в единое понятие, они не имеют рода, сами будучи родами бытия.

Первое и третье обстоятельства заинтересуют нас чуть позже, а сейчас обратим внимание на второе. Категориальное деление, подчеркнутое Аристотелем, фиксирует сегментированность мира, его разрезанность на дольки, разделенные перегородками, которые непроницаемы для того, что находится внутри такого сегмента. Представитель каждой категории принадлежит исключительно ей, без всякой надежды найти прямой контакт с представителем другой категории, поскольку смысл категориального деления — именно в том, чтобы обнаружить нередуцируемые различия между классами слов. Вот почему какое-либо прямое приравнивание категорий невозможно по самой их сути. Нет возможности приравнять разные категории и через что-то общее для всех них: категории — высшие роды, над ними нет никакого объединяющего их рода.

Итак, категориальное деление является фактом. И в данном случае не имеет значения, насколько конкретный вид категориальной системы привязан к конкретному языку; важно лишь, что категориальное членение в принципе имеет место.

Взятый изолированно, этот факт должен свидетельствовать, что на языковом уровне мы не достигаем искомой цели создать связанное полотно осмысленности мира. Язык лишь по видимости служит инструментом связанного описания мира; на деле он описывает мир, выделяя в нем несводимые один к другому аспекты: аспект действия; аспект субстанциальности; аспект числа и т. п.

Обратим теперь внимание на третье обстоятельство. Все категории, сегментирующие мир, являются родами бытия, а значит, говорят о чем-то едином. В самом деле, единство бытия служит настолько глубоким философским убеждением, что оно редко проговаривается. Представление о единстве бытия отражает наше фундаментальное стремление к связанному осмыслению мира, эту интенцию нашего сознания. Но, как видим, такое стремление не может быть реализовано — постольку, поскольку категории несводимы в нечто единое, а различия между ними нередуцируемы.

Это обстоятельство, открытое Аристотелем, сохраняет свою значимость и за пределами западной мыслительной традиции. Арабский язык предполагает несколько иную систему категорий, нежели созданная Стагиритом, — но он ее тем не менее предполагает, с теми же последствиями для построения связанной картины мира, что были выяснены, и это самое главное. Для рассматриваемых культурно-языковых ареалов категориальная сегментация мира и вытекающая из нее бессвязность полотна языкового осмысления мира служат несомненным фактом.

Язык — теоретическая конструкция; в реальности мы всегда имеем дело не с языком, а с речью. *Связная речь* — это речь сказывающая; а сказывание — это формирование субъект-предикатных конструкций. Иначе говоря, связанная речь — это последовательность связанных предложений, а связанное предложение — такое, в котором есть подлежащее и сказуемое, или, если использовать логические термины, субъект и предикат. Я не говорю, что связанная речь исчерпывается этим; я говорю, что без этого нет связанной речи.

Вот где решение проблемы сегментированности мира, которую мы замечаем в языке: речь связывает сами по себе бессвязные сегменты-категории, и такое связывание — это построение субъект-предикатных конструкций. Предикация — узловой пункт; она служит установлению монизма картины мира.

Каким же образом? Пришло время обратить внимание на первое из обстоятельств, отмеченных при рассмотрении Аристотелевой системы категорий.

Оказывается, десять категорий неравноправны; они имеют разный вес. Лишь одна из них — то, о чем сказывается; остальные — то, что сказывается. Так разрешается затруднение: монизм мира — это монизм субъекта, подлежащего. То, о чем мы говорим, *едино*. Едино не в том, конечно, смысле, что это нечто одно; едино не арифметически. Едино именно в том смысле, какой подсказан Аристотелевой категориальной системой: едино потому, что все, о чем мы можем говорить и что служит подлежащим в предложениях нашей связанной речи, принадлежит одной категории — той, что мы называем «субстанция».

Высказанное утверждение о разрешении проблемы монизма мира благодаря открытию предикационного механизма, преодолевающего категори-

альную множественность и сегментированность, — это утверждение слишком оптимистично, чтобы быть верным. Так предполагается, так должно быть; и традиционная логика, созданная Аристотелем, основывается на этом предположении. Сделаем вид, будто и мы согласны с этим, оставив в стороне очевидный вопрос, заданный еще в Античности: как может быть, что в субъекте собираются предикаты, *разнородные* по отношению друг к другу и *инородные* по отношению к самому субъекту? Как получается, что разнородность и инородность, зафиксированные и настойчиво подчеркнутые категориальным делением, вдруг становятся неважными, коль скоро мы решаем, что девять категорий-акциденций — лишь характеристики единственной категории, составляющей «что» мира, категории, в которой вся эта разнородность как будто преодолевается, становясь не более чем аспектом, описанием субстанции? Я подчеркиваю, что затруднение это — принципиальное; однако мы не будем здесь развивать эту мысль.

Вместо этого обратим внимание вот на что. Язык дает возможность построить высказывания, в которых подлежащим будет вовсе не вещь-субстанция, а процесс. Например, я могу сказать: «прибытие поезда откладывается», «введение конвертируемости рубля невозможно по причине кризиса». «Прибытие», «введение» и тому подобные слова, обозначающие *процессы*, являются с точки зрения языка настоящими подлежащими и играют эту роль ничуть не хуже, чем ее сыграли бы «поезд» или «рубль». Но в отличие от «поезда» и «рубля», «прибытие» и «введение» — не субстанции. С точки зрения Аристотелевой логики это означает, что они не могут быть *настоящими* подлежащими, то есть не могут выполнять функцию субъекта — носителя предикатов. На эту роль подходит только субстанция, и никакая другая категория, — говорит нам Аристотель.

Налицо конфликт между возможностями, предоставляемыми языком, и их реализацией в той картине мира, которую мы, следуя за аристотелевской мыслью, принялись выстраивать, стремясь к ее монизации. Логически верная, подчиненная рефлексии и претендующая на научную точность картина мира *беднее*, нежели та, которой мы обладаем на языковом уровне, причем беднее не в каком-нибудь второстепенном аспекте, а именно *логически*. Как раз на логическую точность претендует научная картина мира — но эта точность достигается только за счет урезания логических возможностей, предоставленных на уровне языковой картины мира.

Я подчеркиваю слово «логический», и цель дальнейшего рассуждения — продемонстрировать его оправданность. Верно, что оно употреблено сейчас, так сказать, авансом; но это важно сделать, чтобы показать, насколько не совпадает выстраиваемая здесь позиция с общепринятой. Ведь логик или философ языка, да что там — любой студент скажет: языковые формы выражения избыточны в сравнении с логически правильными. Сказать «вечерняя звезда» и «утренняя звезда» — значит указать на один и тот же объект, но выразить это разными словами; смысл различен, значение — одно и то же. Сказать «прибытие поезда откладывается» и «поезд прибывает поздно» — значит указать на одно и то же событие. Естественный язык просто-напросто слишком богат, скажет логик.

Пестрящее обилие языковых форм предстает как досадная помеха, мешающая выбрать единственно правильную форму — ту, что соответствует

подлинному устройству мира. А мир устроен как собрание вещей-субстанций, обладающих качествами и распределенных в пространстве и времени. Именно поэтому логически правильным будет субъект-предикатное высказывание, в котором подлежащее представлено именем существительным, указывающим на субстанцию («поезд»), а вовсе не на процесс («прибытие»). Мы можем придумать много фраз, синонимичных высказыванию «прибытие поезда откладывается», и их количество будет ограничено лишь нашей фантазией и богатством языка.

Более того, мы можем высказать эти фразы не на одном, а на разных языках. И все это многообразие языковых представлений избыточно в том смысле, что подлинность мира представлена одной-единственной фразой («поезд прибывает позже»). Логически правильная форма сводит к единству не только разнообразие выражений одного языка, но и межъязыковое многообразие, а значит, служит основанием для межъязыкового перевода. Остается лишь нащупать эту глубинную структуру, чтобы понять, к чему сводить многообразие поверхностных структур.

Этот стремительный бросок от Аристотеля к Н. Хомскому спрямил многие изгибы, но не исказил главного: для западной мысли характерна *субстанциальная картина мира*. Мир предстает здесь как совокупность вещей-субстанций. Именно так понятые вещи составляют «что» мира и обосновывают его единство, тогда как разнообразие и многоцветье мира, его «как» представлено свойствами, качествами, отношениями между этими вещами. На этой основе выстроена аристотелевская физика, объяснявшая в Античности и Средневековье строение мироздания; от этой основы не отказалась и нововременная наука.

Конечно, мы не можем не видеть, что вещи, понятые как субстанции, действуют или описываются числовыми параметрами; но мы замечаем это после того, как установили примат субстанциальности. Я хочу сказать, что многое в мире не будет укладываться — либо вовсе, либо без существенных искажений — в субстанциальную картину мира, однако это не заставит нас отказаться от нее и от соответствующей ей логики. Математика, изобретенная греками и развитая западной традицией, *не* стоит на фундаменте логики. Это служит помехой ее логическому осмыслению, не дает схватить ее единство (хотя совершенно не мешает ей развиваться), — но не приводит к отказу от оснований субстанциальной картины мира и к созданию полноценной логики, которая могла бы стать фундаментом математики.

Другой пример. Камнем преткновения для западной философии всегда служило осмысление процесса. Процессуальность не укладывается в субстанциальную картину мира, поскольку не может быть адекватно схвачена в ней. Дело в том, что истинность в субстанциальной картине мира связывается с вневременным состоянием вещи, с ее абсолютной вынесенностью из потока изменений. Западная философия потому и остается лишь рядом примечаний на полях сочинений Платона, что им выражено это понимание, составившее фундамент всего гигантского здания не только философии, но и, шире, мыслительной традиции Запада.

Погруженное в поток времени изменяется, а значит, не тождественно самому себе, то есть неистинно, следовательно, не может служить субъектом в субъект-предикатных конструкциях, описывающих подлинность

мира (вспомним закон тождества), а значит, исключено из связной научной речи. Это — аксиома, задающая дихотомию временного-вневременного как изменчивого-постоянного, неистинного-истинного, чувственного-разумно-постигаемого.

Раз так, процесс, протекающий во времени, просто не может быть причастен истинности, он не может быть схвачен через такое понимание истины. А потому мы либо вслед за Аристотелем сведем процесс к фиксации отдельных состояний вещи, не меняя субстанциальную картину мира, где становление превратится в загадочный перескок от потенциальности, представляющей собой одну вещь-субстанцию, к актуальности, являющейся фактически другой вещью-субстанцией; либо вслед за Делезом, толкующим в своей «Логике смысла» стоиков, признаем иррациональность процесса и намеренно пойдем по пути его *бессвязного* описания.

Подведем итог сказанному. Язык не дает возможность построить связную картину мира, поскольку, во-первых, фактом категориального деления фиксирует сегментированность мира; а во-вторых, закрепляет эту сегментированность тем, что позволяет использовать в речи едва ли не любую из категорий в качестве подлежащего. Решительный шаг к связности совершается в философской логике, которая пробивается к монистическому видению мира через утверждение о том, что лишь одна из категорий представляет «что» мира и служит подлинным субъектом субъект-предикатных конструкций.

Различение двух способов построения картины мира — стихийно-языкового и отрефлектированного — это различение плюрално-сегментированного и монистического видения мира. Но вот что важно заметить: переход от плюралности к монизму происходит за счет ужимания много- и разнообразия возможностей, предоставленных нам на языковом уровне, и отсеечения всех вариантов построения осмысленной картины мира в пользу единственного, избираемого в качестве истинного. А истина *едина*, как един мир, поэтому такое ужимание трактуется как благотворное избавление от размытости языковой стихии в пользу твердости и четкости научного познания, руководствующегося только интересами истины.

Здесь — поворотный пункт нашего рассуждения. Это связано вот с чем: ужимание языкового многообразия в пользу субстанциально-логического монизма следует расценивать *не* как переход от неопределенно-размытого состояния к ясно-фиксированному. Напротив, его приходится трактовать как *урезание* возможностей осмысления, представленных на уровне языка и исчезающих на уровне логически выстроенной монистической картины мира.

Этот момент очень важен, поэтому хочу остановиться на нем. Речь идет об урезании *логических* возможностей. Это значит, что построить логически связную монистическую картину мира можно *разными* способами, а отнюдь не единственным, представленным опытом создания субстанциальной картины мира. Собственно, это должно было бы быть довольно очевидным, поскольку, во-первых, на такую возможность недвусмысленно намекает язык; а во-вторых, субстанциальная картина мира не способна исчерпать мир и оставляет за своими границами то, что не может быть в ней осмыслено (два примера были приведены выше). Альтернативная картина мира, таким

образом, не просто возможна (подсказка языка), но и необходима (неисчерпанность мира в субстанциальной картине мира).

Помимо логических возможности и необходимости, отметим и настойчивые попытки западной мысли отказаться от субстанциализма и выстроить альтернативное видение мира. Учения такого типа называют по-разному, в том числе и «философия процесса». Я имею в виду прежде всего построения А. Бергсона и А. Н. Уайтхеда. Обратим, однако, внимание вот на что: несмотря на как будто радикальный разрыв этих мыслителей со всей предшествующей западной традицией, он остается скорее декларацией, поскольку не меняет наиболее фундаментального факта: дихотомии «бытие-становление» как задающей различие вневременного и временного, а значит, неизменного и меняющегося.

«Философия процесса» переустанавливает акценты, не вторгаясь в эту схему по существу, и, по большому счету, пытается лишь убедить нас в том, что истину надо связывать с временным, а не вневременным. Явно незначительный успех в философии (отсутствие сильной школы и существенной разработки этих идей) — и серьезный отклик в научной мысли XX века: популярность идей эволюции и коэволюции, историчности, процессуальности.

Наблюдается разрыв между очевидной потребностью в новой, несубстанциальной картине мира и ее явно недостаточной выстроенностью. Трудность здесь в том, что необходимо сменить самый глубинный фундамент, — а сделать это сложнее всего. Прибавим к этому наблюдавшееся до сих пор отсутствие сведений о реальном опыте построения иной, несубстанциальной картины мира. Смысл моего рассуждения — в том, чтобы эту лакуну восполнить.

Прежде чем приступить к этому, отмечу одно обстоятельство. Целенаправленно построенная на началах философской логики, созданная для того, чтобы соткать единое полотно осмысленности, субстанциальная картина мира в принципе не справляется с этой задачей. Вероятно, того же можно ожидать и от альтернативной картины мира: она также будет упускать определенные аспекты мира, в том числе и те, что удачно схвачены субстанциальной картиной мира. В этом смысле язык более универсален, чем логико-философская картина мира: он содержит в себе намек на разные варианты построения монистических картин, ни одна из которых не может вместить все аспекты мира.

Такие логико-философские картины альтернативны и именно поэтому множественны. Оказывается, что логико-философская картина мира культурно зависима, тогда как языковая картина мира универсальна, — вывод, который покажется парадоксальным сознанию, привыкшему связывать универсальность с наукой, а культурную специфику — с языком.

Картина мира, альтернативная субстанциальной, развита классическим арабским мышлением. Она построена на интуиции процесса, поэтому я называю ее *процессуальной картиной мира*. Рассмотрим ее на стихийно-языковом и логико-философском (отрефлектированном) уровнях.

Арабский язык предлагает своему носителю категориальное членение мира и в этом смысле не отличается от русского и других европейских языков. Система категорий имеет свои особенности, но они для нас в данном

случае не важны. Отметим только, что в арабском есть категория, называемая *масдар* — буквенный «исток». В русском ей приблизительно соответствует отглагольное существительное (например, «хождение», «сидение», «говорение»), в английском — герундий. Рассмотренный в составе формальных средств арабского языка *масдар* не обнаруживает существенных особенностей, разительно отличающих эту категорию от тех, что встречаются в европейских языках. Мне важно подчеркнуть это, поскольку *масдар* как раз и выражает *процесс* — то, что лежит в основании арабской языковой и логико-философской картин мира.

Связь языка и мышления — один из излюбленных вопросов прошедшего века, и коль скоро мы говорим о соотношении языковой и научно отрефлектированной, целенаправленно выстроенной логически упорядоченным мышлением картин мира, этот вопрос не мог не возникнуть у читателя. Вот почему я хочу еще раз отметить, что арабский язык как таковой, то есть как именно язык, не обнаруживает в себе ничего, что с необходимостью предполагало бы процессуальную, а не субстанциальную картину мира. Более того, с точки зрения своих формальных средств этот язык не обнаруживает даже сколько-нибудь заметной склонности к формированию процессуальной картины мира.

Такая склонность обнаруживается не в арабском языке, а в речи на арабском языке. Это вещи, конечно, связанные, но вместе с тем совершенно различные, и различие это имеет прямое отношение к мышлению. Обычная речь спонтанна: мы ведь не можем сказать, что имеется некий сознательно применяемый нами механизм по формированию нашей речи, который был бы отличен от самой речи, каким служит, к примеру, перо для письма. И тем не менее некий «механизм», несомненно, действует, поскольку «на выходе» мы имеем то, чего не имеем «на входе»: в речи на арабском языке обнаруживается ярко выраженная склонность к процессуальному осмыслению мира, отсутствующая в арабском языке.

В самом общем виде это выражается в том, что *отглагольная лексика* в хорошем (то есть созданном прирожденным носителем) арабском тексте составляет неизмеримо более значительную долю, чем в тексте на русском, английском или французском языках. Под отглагольной лексикой подразумевается *масдар* «исток» (≈отглагольное существительное), *'исм фа'ил* «имя действующего» (≈действительное причастие) и *'исм маф'ул* «имя претерпевающего» (≈страдательное причастие), как эти категории именуются арабской грамматикой. Я указываю в скобках условное соответствие терминам русской грамматики только для ориентира, вовсе не предполагая их эквивалентность; как увидим, эквивалентность-то как раз отсутствует.

Наблюдение о преобладании отглагольной лексики в арабском тексте принадлежит не мне, а моему учителю, выдающемуся арабисту В. С. Сегалю. В ходе обучения арабскому, а затем в процессе устной и письменной переводческой работы мне не раз приходилось убеждаться в точности этого наблюдения и, более того, в его практической пользе (оно помогает правильно понимать текст). Арабисты, с которыми я обсуждал этот вопрос, не выдвигали возражений, и я думаю, что статистическая обработка текстов на арабском и каком-либо из европейских языков выявит уверенные числовые закономерности, подтверждающие это.

Рискну предположить, что львиная доля стандартных «корявостей» русско-арабского перевода, стабильно наблюдаемых у студентов и начинающих (или плохих) переводчиков, объясняется простой вещью: носитель русского языка неосознанно пытается воссоздать на арабском языке *естественную* для него субстанциальную картину мира, используя пласт неотглагольной лексики и строя фразы соответствующим образом. Корявость таких переводов — это не неправильность (они могут быть абсолютно правильными с точки зрения грамматики и, следовательно, понятными), а их несоответствие процессуальной картине мира, предполагаемой арабской языковой привычкой (то есть привычкой к построению речи).

Более того, я думаю (да простят меня иранисты), что в классические времена великолепно писавшие по-арабски иранцы, не просто включенные в традицию классической арабоязычной науки, но и в значительной мере создавшие ее, строили свои тексты не так, как их строили арабы, и это «не так» объясняется контрастом субстанциальной и процессуальной картин мира, характерных для носителей персидского и арабского языков. Эта особенность текстов, созданных иранцами, безошибочно чувствуется при арабско-русском переводе: как бы ни были они сложны, эти тексты обычно гладко укладываются в естественный строй русского языка, в отличие от арабских, требующих отказа либо от гладкости русского языка ради адекватной передачи их строя (я имею в виду процессуальность), либо от попыток отразить процессуальность ради гладкости русского перевода.

Итак, отглагольная лексика преобладает в арабском тексте. Но это означает не только ее изобилие, то есть не просто перераспределение пропорций в ее пользу за счет снижения частотности лексики других категорий. Это было бы слишком просто. Говоря о преобладании отглагольной лексики, я подразумеваю также и то, что она замещает лексику других категорий. Это *замещение* представляет собой куда более значительное явление, нежели простое количественное *вытеснение* других категорий.

Повторюсь: ни замещение, ни вытеснение не означают, что замещаемые и вытесняемые категории исчезают из языка. Вовсе нет. Я говорю только о речи, но не о языке. Рассматривая арабский язык, мы не смогли бы заметить обе эти крайне важные закономерности, замещение и вытеснение. Дело не в языке и его формальных средствах, а в том «механизме», который формирует речь. Эта область ускользает из виду в рассуждениях вроде тех, на которых построена гипотеза Сепира — Уорфа. Отсюда и неустрашимая шаткость утверждений о зависимости мышления от языка, равно как и неубедительность противоположной позиции. А дело в том, что напрямую язык и мышление соотносить нельзя, несмотря на многочисленные свидетельства их взаимной согласованности; можно и нужно говорить о соотношении речи и мышления. А речь — это не язык; речь — это язык + механизм порождения связной речи.

Слово «связность» здесь — ключевое; именно связностью речь отличается от языка. Можно было бы сказать, перефразируя известное выражение, что в речи нет ничего, чего не было бы в языке, кроме связности. В том-то и вопрос, как возникает связность и откуда она берется; но прежде того — *что такое связность*. Лингвистика не отвечает на этот вопрос; она изучает в лучшем случае следы связности, которые обнаруживает как синтаксис

предложений. Не отвечает на него и философия, погруженная в рассмотрение языка, а не речи; речь если и становится предметом анализа, то скорее в своих маргинальных проявлениях, а не в этом узловом, центральном пункте — в вопросе о связности.

Вернемся к замещению. В арабской речи два из трех представителей отглагольной лексики — имя действующего лица и масдар — замещают глагол. Не буду утверждать, что этот список полон; однако об этих двух типах замещения можно говорить уверенно.

Первый тип замещения заключается в том, что *'исм фа'ил* «имя действующего лица» употребляется вместо *фи'л* «глагола». Это замещение встречается повсеместно в устной и письменной речи, оно характерно и для классического арабского языка, и для современных разговорных диалектов. Сохраняя свою устойчивость на протяжении почти полутора тысяч лет и пережив естественную эволюцию языка (я имею в виду современные диалекты, далеко отошедшие от классического арабского), этот тип замещения доказал свою неслучайность.

Он, конечно, указывает на механизм завязывания речи, обеспечивающий ее связность, и мы попытаемся ниже высветить эти следствия. Но прежде надо сказать, в чем он заключается. Его суть проста: там, где мы употребили бы глагол, арабоязычный оратор употребит имя действующего лица. Например, уходя утром на работу и прощаясь с домашними, мы говорим по-русски: «я ушел», — а по-арабски: *'ана захиб*. Когда нас кто-то настойчиво зовет, мы отвечаем: «иду!», — а по-арабски скажем: *джа'у* (или в полной литературной форме: *'ана джа'ин*). И так далее: арабист легко умножит подобные примеры.

В чем же разница между русскими и арабскими фразами? На первый взгляд, она невелика: вместо глагола в арабской фразе употреблено то, что арабская грамматика называет «имя действующего лица». Этот факт будет расценен лингвистом в большинстве случаев (если не всегда) как свидетельство склонности носителей арабского языка выбирать одну из языковых форм вместо другой. Ведь все дело в том, что по-арабски можно употребить и глагол. Мы могли бы перевести эти фразы на арабский слово в слово, используя словарные эквиваленты для местоимения и двух глаголов. Грамматика это позволяет, и такие фразы не являются неправильными. Арабский язык, таким образом, позволяет сказать ровно то же, что сказано по-русски, и если в арабской речи эта форма замещается другой (не глагольной), то это свидетельствует лишь о *случайных* с точки зрения лингвистики предпочтениях носителей языка.

Но давайте приглядимся повнимательнее к тому, что сказано по-арабски. Мы так и не перевели эти две фразы на русский; попробуем же понять, что сказано в этих арабских фразах буквально.

Что может быть проще буквального перевода? Вопрос риторический: открой словарь да подставь эквиваленты. Однако я утверждаю, что фразы *'ана захиб* и *'ана джа'ин* и им подобные *непереводимы на русский язык*.

Почему? Это вытекает из простого наблюдения: *захиб* и *джа'ин* являются именами действующего лица для глаголов *захаба* «уходить» и *джа'а* «приходить», а в арабском имя действующего лица, равно как и имя претерпевающего, не указывает на время ни прямо, ни косвенно, поскольку не указывает

на совершенность или несовершенство действия. Словарь скажет нам, что арабскому имени действителя соответствует в русском действительное причастие — но это не так. «Уходящий» альтернативно «ушедший»: одно по импликации указывает на настоящее, другое — на прошедшее, и это верно для любого причастия, действительного или страдательного. Именно указания на время, ни прямого, ни по импликации нет в арабских именах действителя и претерпевающего. Причастия в русском языке «принадлежат» глаголу, а в арабском — масдару, и разница здесь все та же: масдар, в отличие от глагола, не указывает на время.

Непереводимость этих (и им подобных) фраз заключается, следовательно, вот в чем: эти арабские фразы не указывают на время. В русском языке мы не можем построить «эквивалентную» фразу, которая не указывала бы на время. В английском указание на время будет встроено в связку; так же и во французском.

Подчеркну еще раз: арабский язык позволяет (то есть обладает для этого достаточными формальными средствами) выстроить речь так, чтобы указание на время имелось. В самом деле, если арабоязычному оратору надо указать на время, он без труда построит естественную фразу на арабском языке, в которой такое указание будет содержаться. Но если такой специально выраженной потребности нет, указание на время исчезнет, — и это позволено арабским языком, хотя не допускается русским, английским или французским.

Мы можем теперь дополнить наши наблюдения о соотношении языка, речи и мышления. Арабский язык не предопределяет использование в арабской речи связных фраз (типа рассмотренных), не указывающих на время, но лишь предоставляет такую возможность. Русский, английский, французский не предоставляют своему носителю такую возможность вовсе. На русском и арабском можно было бы высказываться эквивалентно, поскольку и там и здесь можно строить речь с указанием на время. Оказывается, однако, что речь носителей арабского языка устроена так, что эквивалентность в принципе отсутствует, если носитель языка не испытывает необходимости в специальном указании на время.

Почему же это так важно? Вот почему: процесс для арабского языкового мышления не связан с изменением. Впрочем, это свойство не только арабского языка: мы легко поймем, о чем идет речь, вспомнив слова вроде «хождение» или «говорение». Но роль таких слов в русской речи — совсем не такая, как в арабской. В субстанциальной картине мира неизменность и истинность связаны вовсе не с процессами, а с вневременным состоянием вещи-субстанции, которое исключает любую длительность, вынесено за ее пределы. В отличие от этого, процесс — это длительность; но такая длительность, которая не предполагает изменения.

Вот почему арабская речь избегает, где только возможно, указания на время: для завязывания этой речи важно сохранить процессуальность. Связка в арабском — не глагольная, а местоименная, она также не передает значение времени.

Процесс устойчив во времени; протекая во времени, он не изменяется. В этом его отличие от действия: действие, совершаясь, предполагает постоянное изменение. Процесс в арабском выражается масдаром, действие — гла-

голом. Вот почему отглагольная лексика — масдар и его два «подопечных», имя действителя и имя претерпевающего, — вытесняет лексику других категорий и замещает глаголы: на уровне речевой практики процессуальность доминирует. Процесс — это своего рода устойчивая «стяжка» между действующим и претерпевающим, располагающаяся «между» ними и фиксирующая их связанность.

Рассмотрим замещение второго типа: масдар вместо глагола. Я имею в виду обороты вроде *гарбу-ха 'иййа-ху*. Обычно их переводят, используя глагол: «тот факт, что она ударила его...» Мы могли бы передать арабскую фразу и буквально: «ударяние его ею». «Ударяние» — процесс, в отличие от действия «ударил». В арабском мы не знаем, сколько длился (или все еще длится) процесс «ударяния» и сколько, следовательно, действий «ударяния» было совершено, то есть сколько ударов было нанесено: может быть, один, а можем быть, много. В этом смысле русское «ударяние» точно передает то, что сказано по-арабски, — но мы так не говорим. А по-английски можно передать то же вполне естественно для этого языка: *Her beating him...*, продолжив и получив нормальное предложение.

Для этого типа замещения контраст между арабским и европейскими языками не абсолютен, он может быть более или менее заметен. Это подтверждает высказанную выше мысль: язык более универсален, чем логико-философская монистическая картина мира, поскольку содержит в себе возможности, избыточные для построения того или иного варианта монистической картины мира и потому урезаемые в ней.

Процессуальность, склонность к которой обнаруживает арабская речь и удобные средства выражения которой предоставляет арабский язык (именно в этом может быть замечен его контраст с европейскими языками), проявляется и на уровне теоретического мышления. Здесь придется сказать об этом очень кратко, пунктиром обозначив только некоторые яркие моменты. Подробную разработку этих вопросов заинтересованный читатель найдет в других моих работах.

Если для мышления, движущегося в рамках субстанциальной картины мира, мир состоит из вещей-субстанций, то для мышления, видящего мир процессуально, он складывается из вещей-процессов. Под словом «вещь» я понимаю нечто устойчивое, то, о чем можно говорить как о равном себе и истинном. Именно процесс обладает такими характеристиками для классического арабского теоретического мышления. Внимание сосредоточено на исследовании процессуального перехода между двумя сторонами процесса, исходной (инициализирующей) и результирующей; эти две стороны и представлены в языке категориями имени действующего и имени претерпевающего. Так устроено практически все здание ранней, еще не подвергшейся тотальному влиянию греков и потому автохтонной мутазилитской мысли, прежде всего в области философии.

Интереснейшие построения, приведшие к созданию атомистической теории времени и пространства, имеют эту архитектонику и только в силу этого оказываются в ней абсолютно логичными — и потому несовместимыми с построениями на аналогичные темы, выполненными в Античности в рамках субстанциальной картины мира (я имею в виду аристотелевскую концепцию времени и пространства). На этом же основании стоит физи-

ка мугазилитов и их этика. Примеры можно продолжить, выходя за пределы философии и проникая в другие сферы классической арабской культуры. Определяющее влияние процессуальной картины мира обнаруживается во всех ее областях, включая невербальные.

Субстанциальная картина мира плохо справляется с осмыслением процессуальности. Для процессуальной картины мира должно быть верно обратное: в ней должно плохо удаваться отражение субстанций. Я приведу лишь один, но очень яркий пример, подтверждающий это.

Общим местом историко-философской арабистики служит утверждение о том, что арабы, имея в своем распоряжении тексты Платона, не восприняли платоновский идеализм. Они прошли мимо него, как если бы его не было. Пока в науке были позволительны неполиткорректные высказывания, это объясняли философской невосприимчивостью арабов; позже перестали как-либо объяснять, поскольку другой причины просто не видели. Между тем причина проста: платоновский идеализм — это самый фундамент субстанциальной картины мира, и для арабов с их процессуальным мышлением его действительно все равно что не существовало.

В своей знаменитой статье Л. Массиньон красочно описывает отличие арабского мировосприятия от греческого, полагая его прежде всего в отсутствии какого-либо представления об устойчивости вещей и мира в целом. И ученый прав — постольку, поскольку сам он, вслед за греками, ищет и находит устойчивость только как субстанциальную, а с такой устойчивостью у «автохтонных исламских философов» (выражение Массиньона) и в самом деле были большие проблемы. Но Массиньон совершенно неправ — постольку, поскольку не видит, что арабское мышление процессуально и обнаруживает устойчивость не в субстанции, а в процессе. Мир устойчив для него как процесс, а не как субстанция.

Пришло время подвести итог. Понимание культуры как способа смыслополагания позволяет дотянуться до наиболее фундаментального пласта — того «механизма», который отвечает за формирование осмысленности, понимаемой прежде всего как связность и единство. Культуры различны во многих отношениях, едва ли не бесчисленных; однако наиболее фундаментальное различие — в работе этого «механизма». Оно разделяет далеко не все культуры. Мы не испытываем существенных неудобств в том, чтобы говорить о «западной культуре» или «западной мысли».

При всех гигантских различиях во времени и пространстве между тем, что относят к «Западу», единство этого культурного ареала невозможно отрицать. Думается, его основание — тот фундаментальный механизм смыслополагания, который приводит к формированию субстанциальной картины мира. Точно так же для арабского (возможно, шире — семитского) культурного ареала его глубинное, фундаментальное единство обеспечивается функционированием механизма смыслополагания, результатом которого становится процессуальная картина мира.

Ю. Н. Солонин¹

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ РАЗМЫШЛЕНИЙ²

1. Мой доклад был написан на основе впечатлений от научных сочинений Д. С. Лихачева. Его научные труды не ассоциируются с признаком научности, который обыденное сознание соотносит с научным жанром. Труды Д. С. Лихачева отличаются легкостью, ясностью, органичной простотой изложения, что можно наблюдать, читая или изучая их. Ясная мысль и адекватная ей словесная форма; незатемненная последовательность мысли и текста, прозрачность аргументации; полное безразличие к словесной или умственной виртуозности, устранение всяких эффектов вроде эпатирующих метафор и сравнений; отсутствие патетики, нарочитой фасцинации и бесконечного цитирования, отсылок к неведомым текстам и недоступным источникам. Этот тип научной прозы, как и прозы вообще, демонстрирует уже утерянные навыки кларизма языка эпохи классицизма, французской литературной школы и ее рецепции в литературе пушкинского времени.

В русской научной литературе подобный научный стиль нередко характеризует работы, что удивительно, крупнейших отечественных натуралистов (в частности, Д. И. Менделеева) или записки путешественников и этнографов. Всякий имеющий отношение к научному делу знает, как трудно дается такое мастерство, не принижающее сложности научной проблемы.

Второе впечатление от прочтения научных трудов Д. С. Лихачева связано с невольным признанием необходимости введения в текст новых научных понятий и определений, которые ученый считает нужным использовать для развития концептуального содержания теории или объяснения. И будучи введенными, они «врастают» в научный язык и становятся общепринятыми. Но все же Д. С. Лихачев стремится избегать перенасыщенности текста абстракциями и сухими дефинициями, предпочитая описательные приемы (дескриптивность). В качестве примера можно проследить судьбу термина «экология культуры».

Научное лидерство Д. С. Лихачева — интереснейшая сторона его наследия как ученого. Мышление такого рода вообще редкость, а в настоящее время даже уникальность. Предположу, что его корень — в признании естественной зависимости научного текста от предмета, порождающего его.

¹ Декан философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета (1989 – 2010), доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор книг: «Какая философия нам нужна?», «Предмет философии и обоснование науки», «Наука как предмет философского анализа», «Парадигмы исторического мышления XX века: очерки по современной философии культуры». Был членом Совета Федерации Федерального собрания РФ (представитель от Хабаровского края), первым заместителем председателя Комиссии Совета Федерации по вопросам развития институтов гражданского общества, членом Комиссии Совета Федерации по образованию и науке, членом Комиссии Совета Федерации по информационной политике. Председатель Санкт-Петербургского философского общества (с 1992 г.), вице-президент Российского философского общества (с 1997 г.), член редколлегии ряда научных журналов.

² Доклад представлен на X Международные Лихачевские научные чтения (2010 г.).

2. Я, профессионально занимаясь философией и принадлежа к сократо-кантовской линии, для которой существенно не утверждение, а вопрошание, сомнение, критико-аналитическое проникновение в структуры содержания, разделяю позицию интеллектуального дистанцирования от тех научных ситуаций, в которых проблемы представляются решенными, но при ближайшем отстраненном рассмотрении предстают в противоположном виде. Так, когда каждый учебник по теории культуры начинается с известия о наличии не одного признанного, а нескольких сотен равноценных определений культуры, здравый смысл подвергается испытанию. Интеллектуальный дискомфорт усиливается, когда оказывается, что автор произвольно объявляет себя сторонником одного из них и весь дальнейший текст ориентирует на разработку этого условно избранного понятия. Возникает вопрос: читатель имеет дело с теорией культуры, относящейся к некоей реальной достоверности (даже при признании отвлеченности такой связи), или перед ним условная интеллектуальная конструкция произвольного типа?

3. Итак, возникает проблема: возможна ли теория культуры в том понимании, которое принято в научном (образованном) обиходе, — что всякая теория нечто говорит о реальности, в данном случае культурной. Постановка вопроса настолько тривиальна, а он настолько покрыт «плесенью» времени, что это сразу же навевает скуку.

Но скуку вызывает вообще всякий призыв к методологической проработке проблемы, следованию правилам методологической культуры, к ясности и определенности выражаемого. К сожалению, мы живем во времена методологического нигилизма. Времена, когда разработка методов познания признавалась определяющей в возможности обретения знания и даже предвляла научные революции, видимо, находятся далеко в прошлом. Отсутствуют и признаки появления новой методологической парадигмы, возможно, потому что еще не очерчены отвечающие ей онтологические представления о мире. Системный подход во всех модификациях, в том числе синергетической, вероятно, достиг пределов своих эвристических возможностей. Но именно он питал великие методологические программы XVII — XX веков. Альтернативная ему целостная интерпретация реальности находится пока в эмбриональном состоянии и представлена отдельными фрагментами в гуманитарном знании и естественных науках.

Но этим фактом не оправдывается пренебрежение методологической культурой, которое сегодня стало типичным. Иногда создается впечатление, что возникновение научного текста имеет источником не объективное содержание проблем из мира культурных процессов и предметностей, а рождается силами произвольно конструирующего воображения. Эти силы породили беспредельный космос культурологической литературы, но научное продвижение оказалось минимальным.

4. Я не ставлю цель определить причины вырождения методологической культуры. Ограничусь общим указанием на его связь с тем методологическим переворотом, который был осуществлен на рубеже XIX и XX веков и привел к резкому размежеванию двух типов науки и знания по различению их предметных сфер, противопоставлению познавательных установок. Этот хорошо известный факт в сообществе гуманитариев получил одобрение, поскольку оценивался как утверждение суверенности гумани-

тарного знания. Но следует обратить внимание на то, что при всей важности этого обстоятельства возникла дивергенция наук, вызывающая сожаление. Гуманитарии резко отвергли методологический опыт точных наук и стали бороться со всякого рода проявлениями сциентизма в своей сфере. С болезненной подозрительностью выслеживалось все то, что можно было истолковать как «натуралистический редукционизм» в подходе к культурным сущностям или заимствование из арсенала естественно-научных понятий. Принцип единства знания, не отвергаемый напрямую, оказался, однако, в забвении. Тем не менее в природе любого знания, если оно определяется как научное, всегда имеются внутренние центростремительные импульсы, объединяющие различные его части в единый познавательный комплекс. Один из импульсов — невольная тяга к понятийной строгости и определенности на основе типов рациональности, которые не рождены в одной из частей знания и навязываются другим, подобно известному в прошлом «принципу физикализма».

5. Центральная проблема современной культурологии — процесс глобализации. Действительно, развитие цивилизации не только размывает экономические и политические границы, ставя под вопрос будущее национальных суверенитетов в различных аспектах, охватывает мир единой информационно-коммуникационной сетью и системой энергетического обеспечения, подчиняет технологические комплексы различных регионов единым стандартам и нормативам, но и проникает во внутреннюю природу культурных процессов и затрагивает корни их возникновения. В XIX веке, в период бурного развития индустриальной фазы капитализма и всеобщей торговли, когда стала складываться система международного разделения производительных сил человечества, возникали теоретические представления о необходимости координации и региональной кооперации всех участников мирового процесса. Утверждалось, например, что «сама природа постепенно ведет нации к совершеннейшей ассоциации» (Ф. Лист). Рассматривались возможность мирового федеративного устройства государств и народов, интернационализация основных форм жизни, свободный обмен ценностями. При этом считалась сама собой разумеющейся свобода вхождения в такие ассоциации, сохранение своей культурной и этнической идентичности и своеобразия и национально-исторической самобытности.

В настоящее время подобные теории расцениваются либо как романтические иллюзии, либо как первичное осмысление нарождающегося глобализационного процесса. Возможно, это так. Но современные подходы имеют специфическую слабость: они оперируют понятиями, содержание которых затемнено или крайне неопределенно. Это касается в первую очередь базовых понятий, к которым, кроме глобализации, следует отнести понятия глобальной цивилизации, глобальной культуры, диалога культур и конфликта цивилизаций. Очевидно, перечень неполон. Неясно, о каких сферах общественных процессов идет речь. То, что представляется несомненным относительно материальных сторон развития в целом, вызывает сомнения, когда речь заходит о культуре. Именно здесь мы видим корень основных сложностей. Универсализация культур, духовных процессов и соответствующих им форм не представляется необходимой с такой очевидностью, как процессы первого рода. Повсеместно фиксируются тенденции деградации

традиционных источников возникновения и поддержания культурных ценностей, создавших историческое многообразие человеческих культур. Набирает силу новый механизм производства ценностей техногенной природы (взамен старого). Примером являются всевозможные вариации медиакультуры. Если традиционные культурные ценности рождались стихийно и анонимно, складываясь в течение длительного времени и характеризовали состояние человека и обществ, то медиаценности создаются по законам техногенного общества, имеют фиксированные центры, как потребительский массовый продукт, постоянно требуют обновления и в этом случае представляют непрерывный процесс. Это различие определяет различие экзистенциального статуса человека различных типов культур.

Следует признать, что культурологи еще далеки от тщательной и детальной проработки структуры глобализационных тенденций, установления детерминационных отношений между различными сферами глобализационных процессов и их механизмами. Вместо этого господствует феноменалистский подход, удовлетворяющийся более или менее приемлемым описанием того, что доступно методологически неискаженному наблюдению.

Бесспорная истина, что новому предмету или новой сфере исследования должна отвечать подобающая ему теоретико-методологическая установка, далека от всеобщего признания. Это особенно проявляется в теоретически бесплодном дискурсе, посвященном проблеме диалога культур или цивилизаций. Является ли диалог особой сферой устойчивого межкультурного взаимодействия или ситуативно возникшей необходимостью, реализуемой в бесчисленных форумах, конференциях, встречах? Если это процесс, то какова его конечная цель? Еще меньше ясности в вопросе о том, кто является субъектом таких диалогов. Что должно определять в культурном или ином отношении лиц или институты, которым доверена миссия проведения такого диалога. Мы должны понимать, что существуют различия между взаимодействием людей, активных носителей индивидуальных пристрастий и ценностных ориентаций, объективных ценностей и культурных форм, репрезентирующих различные культурные типы, и их создателей — народов и обществ.

В. С. Степин¹

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ: ПРОБЛЕМА СТРАТЕГИЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ²

Глобализацию обычно определяют как усиление взаимосвязей и взаимозависимости различных стран и регионов планеты. Интегративные процессы постепенно объединяют взаимодействующие компоненты в целостную систему. В процессе глобализации возникают объединения государств с различной степенью интеграции (ВТО, ШОС, БРИКС, СНГ, ЕАЭС, ЕС и др.). И по мере усиления интеграции в них все отчетливее проявляется фундаментальная закономерность сложных систем: компоненты (части), включаемые в систему, становятся лишь относительно автономными. Воспроизводство системы определяется параметрами порядка, выражающими особенности целого, что накладывает ограничения на воспроизводство и функционирование включенных в него частей (подсистем и их компонентов).

Все эти системные особенности интеграционных процессов являются объективной основой обострения проблем суверенитета и национальных интересов в глобализирующемся мире. Чем сильнее интеграция, тем в большей мере требуется согласование национальных интересов. А это предполагает выявление в них общего содержания, которое и обеспечивает возможности согласования различающихся интересов.

Как известно, интересы детерминированы ценностями. Структура интересов соответствует структуре ценностей, которая, в свою очередь, определяется взаимодействием уровней их системной иерархии — личностными, групповыми (корпоративными), кастовыми, классовыми, этническими, национальными. Национальные интересы и ценности выступают своего рода фундаментом для всех остальных уровней.

¹ Руководитель Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, заведующий кафедрой философии науки и философии культуры МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор. Автор более 700 научных работ, в т. ч. 28 монографий: «Становление научной теории», «Философская антропология и философия науки», «Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации», «Философия науки и техники», «Эпоха перемен и сценарии будущего», «Теоретическое знание» (2000, пер. на исп. яз. — *Stiopin V. S. El Saber Teorica. Estructura, Evolucion Historica*, 2004; на англ. яз. — *Stepin V. Theoretical Knowledge*. Springer, 2005), «Философия науки: общие проблемы», «Цивилизация и культура», «Научное познание в социальном контексте», «История и философия науки», «Человеческое познание и культура», «Философия и методология науки», «Философская антропология и философия культуры» и др. Президент Российского философского общества. Иностраннный член национальных академий наук Белоруссии, Украины, действительный член Международного института (академии) философии (Париж), действительный член Международной академии философии науки (Брюссель), почетный доктор Университета г. Карлсруэ (ФРГ), почетный доктор Новгородского государственного университета, Ростовского государственного университета, почетный профессор Института философии Академии общественных наук КНР (Пекин), почетный профессор Белорусского государственного университета (Минск). Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники. Награжден орденами Дружбы народов, «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Почетный доктор СПбГУП.

² Доклад представлен на XV Международные Лихачевские научные чтения (2015 г.).

Но это не предельное основание ценностной структуры современных обществ. Существует еще более фундаментальный уровень ценностной иерархии, который определяет взаимоотношение национальных интересов. На стадии современной глобализации этот уровень представлен жизненными смыслами и ценностями техногенного типа цивилизационного развития. Исторически он возникает в результате трансформаций культур, традиционных обществ, которые при всем их многообразии имели общие черты, позволяющие рассматривать их как различные варианты традиционалистского типа цивилизационного развития.

Я уже не раз писал в своих работах об отличительных признаках этих двух возникших в истории человечества типах цивилизационного развития. Эти признаки коренятся в особенностях мировоззренческих универсалий культуры, ее фундаментальных категориальных смыслах, выражающих понимание человека, его деятельности, природы, общества и личности, традиций и инноваций, рациональности, власти.

В техногенных обществах эти понимания не только отличаются от доминирующих мировоззренческих смыслов традиционалистского типа развития, но и во многом альтернативны им. Только в техногенной цивилизации приоритетным становится идеал креативной деятельности, понимание природы как закономерно упорядоченного поля объектов для преобразующей деятельности, как бесконечного резервуара ресурсов, обеспечивающего технологический прогресс.

В отличие от традиционных культур, в техногенной цивилизации инновации имеют приоритет перед традициями, рациональность выступает главным способом организации различных форм деятельности с акцентом на научную рациональность, обеспечивающую знание законов, в соответствии с которыми преобразуются природные и социальные объекты. Формируется идеал автономной и суверенной личности в противовес традиционалистскому идеалу личности как жестко связанной с принадлежностью к определенной корпорации (клану, касте, сословию). Власть понимается не только как власть человека над человеком (что присуще и традиционалистским обществам), но прежде всего как власть над объектами, природными и социальными. Отсюда ставшие почти символическими в техногенной культуре идеи господства человека над природой, контроля над социальными ситуациями, процессами и институтами, которые также предстают как объекты технологического манипулирования.

Эта система ценностей продуцирует ряд других особенностей техногенной культуры. Она выступает своего рода ядром генома техногенного типа развития, основой его культурно-генетического кода.

Техногенный тип развития в значительно большей степени, чем традиционалистский, унифицирует общественную жизнь. Наука, образование, технологический прогресс и расширяющийся рынок порождают новый образ мышления и жизни, преобразуя традиционные культуры.

По мере развития техногенная цивилизация оказывала все большее давление на традиционные общества. Многие из них были поглощены ею в процессе колонизации, другие ступили на путь модернизационного развития. Они заимствовали технику, технологии, систему образования, а вместе с тем и определенные фрагменты техногенной культуры, которые трансплантировались в традиционалистские культуры, вызывая их изменения.

Таков был, например, путь России, которая прошла через несколько модернизационных эпох, основанных на трансплантации западного опыта (реформы Петра I, Александра II, большевистская революция и ускоренная индустриализация Советской России в первой половине XX в.).

Модернизация определила переход от традиционалистского к техногенному типу развития и для многих других современных обществ (Японии, Китая, Индии, ряда стран Латинской Америки и арабского мира).

Во второй половине XX века техногенный тип цивилизационного развития был представлен не только странами Запада, сформировавшими на собственной основе в ходе своей истории ценностную матрицу этого развития, но и странами, заимствовавшими в процессе модернизации ряд ключевых компонентов этой матрицы и соединившими его с рядом пластов своей традиционной культуры, с некоторыми ее смыслообразами, символами, идеями и паттернами.

В конце XX столетия модернизационные процессы перерастают в глобализацию. Техногенная культура внедряется практически во все регионы мира, прежде всего через технико-технологическую экспансию и мировой рынок. Ядро ее культурно-генетического кода породило особое отношение к научно-технологическому прогрессу и экономическому росту. Они воспринимаются как высшие ценности и цели, обеспечивающие улучшение качества жизни людей. Это отношение к экономике и научно-технологической деятельности включено в систему национальных интересов всех стран — участниц глобализации. Индикатором успеха предлагается считать рост потребления.

В цепочке ценностей «новые технологии — экономический рост — увеличение потребления» последнее звено рассматривается в качестве приоритетного компонента. В явной или неявной форме все акторы глобализации принимают эту ценностную цепочку как выражение общечеловеческих ценностей и необходимую основу интеграционных процессов.

Но дело в том, что общечеловеческие ценности, как правило, функционируют в виде идеала, осуществление которого предполагает его конкретизирующую интерпретацию. Именно различие интерпретаций служит основой столкновения интересов. Во всех мировых религиях можно обнаружить нравственные принципы общечеловеческой значимости, но они жестко сцеплены с определенными интерпретациями, что всегда порождало разногласия и столкновения вплоть до ожесточенных религиозных войн.

В общем виде идеал роста потребления на путях научно-технологического прогресса и экономического развития принимался в техногенной цивилизации разными идеологическими доктринами — от либеральных концепций капитализма до коммунистических идей переустройства социальной жизни. Вместе с тем этот ценностный инвариант конкретизировался в альтернативных интерпретациях (доминирующей ценности свободного рынка, с одной стороны, командно-плановой экономики — с другой). Соответственно обозначились разные стратегии практического воплощения провозглашаемого идеала.

Социальная практика формирования общества потребления в развитых странах Запада свидетельствовала об успехах выбранной ими стратегии развития. Это послужило для них основанием позиционировать себя в качестве

образцов по отношению к другим странам глобализирующегося мира. Привычная еще с эпохи модернизаций роль ментора, обогнавшего другие страны в цивилизационном развитии, стала воспроизводиться в новой социально-исторической ситуации конца XX — начала XXI века. Эта позиция в последние годы открыто провозглашается США, претендующими на всеобъемлющий контроль за процессами глобализации. Но между эпохами догоняющих модернизаций XIX — первой половины XX века и современностью есть ключевое различие. То, что в XIX веке находилось в зачаточном состоянии, во второй половине XX столетия отчетливо проявилось в глобальных кризисах, порожденных техногенной цивилизацией.

Распространение оружия массового уничтожения, экологический и антропологический кризисы породили ранее немислимую, а сегодня реальную угрозу деградации биосферы и самоуничтожения человечества. Так в структуре ценностей обозначился еще один, самый глубинный уровень, который ранее не попадал в сферу рефлексии, а полагался неявно, само собой разумеющимся. Этот уровень конституирован двумя высшими ценностями — сохранение биосферы и сохранение человечества. Именно эти ценности безоговорочно имеют общечеловеческий статус.

Но тогда необходимо соотнести с ними те стратегии экономического, технологического развития и установку на рост потребления, которые позиционированы развитыми странами Запада в качестве выражения общечеловеческих ценностей. Увеличивают ли они либо уменьшают вероятность обострения глобальных кризисов?

На эту тему я уже высказывался в своих публикациях и в выступлениях на предыдущих Лихачевских чтениях при обсуждении современных проблем диалога культур. Поэтому изложу соответствующие соображения в конспективной форме.

В современном экономическом развитии доминирует принцип «чем больше мы потребляем, тем это лучше для экономики». Рост потребления связан с повышением спроса, который, в свою очередь, стимулирует экономический рост. Современная экономика функционирует как развивающаяся система с обратными связями. В ней важнейшую роль играют механизмы формирования потребительского спроса. Исторически возникли два ключевых механизма, обеспечивающих решение этой задачи. Первый из них связан с расширением и интенсификацией рекламы и периодической сменой моды на определенные товары.

Еще в середине XX века один из исследователей потребительского спроса американский экономист и социолог В. Лебов писал, что реклама и пропаганда рынка в СМИ должны приучать людей активно потреблять и изнашивать вещи, выбрасывать даже сравнительно новые и годные к потреблению предметы, заменяя их еще более новыми и модными, и все эти процессы обновления потребляемых вещей должны протекать с ускоренной быстротой. Сегодня эти установки реализовались в обществе потребления и постепенно становятся обыденностью рыночных отношений в их расширяющихся масштабах. Известный футуролог, психолог и социолог Эрвин Ласло отмечал, что современная цивилизация за последние 50 лет потребила столько же товаров и услуг (по стоимости в неизменных ценах), сколько все предыдущие

поколения, вместе взятые¹. Понятно, что такая система экономики может развиваться, только поглощая все большее и большее количество природных ресурсов и увеличивая загрязнение окружающей среды.

Второй механизм повышения спроса связан с расширением практики дешевого кредитования. Это жизнь в рассрочку, в долг.

Во второй половине XX века широкие масштабы приобрело кредитование не отдельных лиц, а корпораций и стран. Расширяющийся обмен валют и биржевые спекуляции превратили деньги в особый товар. Возник посредник в обмене этого нового товара — мировая валюта. Им стал доллар США. И тогда изготовление этого нового товара стало источником прибыли. США, увеличивая эмиссию доллара и выпуск государственных бумаг, получили возможность кредитовать сами себя, постоянно наращивая уровень потребления. Возник феномен супердержавы, обладающей огромной военной мощью, которая живет в рассрочку. Долг США сегодня превышает 17 трлн долларов. Тем не менее это государство продолжает политику увеличивающегося бюджетного дефицита, наращивая расходы и обеспечивая рост потребления.

Но жить в долг — значит жить за счет будущих поколений. Э. Ласло в своей книге «Макросдвиг» рассматривает принцип «чем больше мы потребляем, тем лучше живем» как путь к экологической катастрофе. Он отмечает, что новые стратегии развития цивилизации должны быть связаны с отказом от этого принципа. Но тогда возникает новый вопрос: каковы возможности столь радикальных перемен?

Здесь нужен специальный анализ тех изменений в структуре современной экономики, которые вносят экономика знаний, рост информационного потребления и возможности новых технологий. Важно также определить возможности изменения структуры финансового рынка на путях международного контроля за мировой валютой, перехода к такому виду мировой валюты, которая, будучи наднациональной, одновременно не является валютой одной отдельно взятой страны.

Пока трудно сказать, каковы перспективы такого сценария и как именно он может осуществиться. Но что можно бесспорно зафиксировать, так это рассогласование доминирующих сегодня стратегий экономического развития и роста потребления с задачами преодоления глобальных кризисов. Отсюда следует, что эти стратегии, выраженные в форме национальных интересов ведущих мировых держав, не имеют достаточных оснований для своего позиционирования в качестве общечеловеческих ценностей.

Современные глобальные кризисы, порожденные техногенной цивилизацией, требуют пересмотра прежних стратегий развития. Это, в свою очередь, предполагает критический анализ базисных ценностей техногенной культуры и обнаружение точек роста новых ценностей. С этих позиций вполне вероятно, что в трансформации ценностей и выработке новых стратегий решающую роль могут сыграть те страны, в которых сохранились адаптированные к новым реалиям фрагменты традиционных культур.

Новая система ценностей, скорее всего, сформируется в диалоге культур, и это является дополнительным позитивным аргументом в пользу идеи полицентризма глоболизирующегося мира.

¹ Ласло Э. Макросдвиг. М., 2004. С. 70.

Мегавати Сукарнопутри¹

НЕОБХОДИМО ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВСЕХ НАЦИЙ И ГОСУДАРСТВ²

Прежде всего позвольте мне выразить благодарность за приглашение принять участие в VIII Международных Лихачевских научных чтениях. Для меня большая честь выступить на этой конференции по теме «Диалог культур и партнерство цивилизаций». Тема нашего форума имеет большое, я бы сказала, стратегическое значение по двум причинам. Во-первых, за последние несколько лет среди ученых, политиков, общественных деятелей было много дискуссий о причинах и последствиях конфликта цивилизаций. Толчком к обсуждениям и спорам стала книга Сэмюэля П. Хантингтона «Столкновение цивилизаций». Эта конференция может способствовать правильному решению данной проблемы и позволит найти пути снижения негативных последствий конфликта цивилизаций. Во-вторых, глобализация в сфере информации и коммуникаций помогла начать интенсивное взаимодействие и общение между народами и странами. Все мы сталкиваемся с положительными и отрицательными результатами глобализации, ставшей неотъемлемой частью нашей жизни.

Как уже было сказано ранее, в результате глобализации обмен информацией между нациями возрос многократно. Глобализация оказала сильное влияние на изменения в экономике, политике, стратегии развития. Один из главных вопросов, стоящих перед нами: насколько теперь глобализация повлияет на создание общественной системы, основанной на принципах справедливости, честности, сохранения мира? На данный момент существуют страны с богатыми природными ресурсами, но низким уровнем жизни населения. И наоборот, есть государства, где природные ресурсы истощены, но уровень жизни высок. Существуют и страны, занимающие промежуточную позицию по этим показателям. И все эти нации взаимодействуют в современном мире.

Неотъемлемой частью глобализации стала, с одной стороны, конкуренция. С другой — мы все ощущаем потребность в сотрудничестве. Конкуренция будет существовать еще долгое время, необязательно в теперешнем виде, она может принимать разные формы. Но будем надеяться, что в будущем ее формы будут не столь жесткими и позволят создать условия для мирного сосуществования в обществе. Если мягкие формы конкурентной борьбы действительно будут существовать, это позволит смягчить и острый конфликт цивилизаций. Если же изменения в видах конкуренции приведут к ее резким и жестким формам, столкновение цивилизаций также усилится во много раз и проявит себя в еще большем числе сфер деятельности.

Точно так же дело обстоит с сотрудничеством. Взаимовыгодное сотрудничество между странами в будущем поможет укрепить мир во всем мире.

¹ Президент Индонезии (2001 – 2004), председатель Демократической партии борьбы Индонезии. Награждена орденом «Звезда Республики Индонезия» I и II степени, орденом «Звезда Махапутра» I степени. Почетный доктор МГИМО.

² Доклад представлен на VIII Международные Лихачевские научные чтения (2008 г.).

Если же сотрудничество только увеличит разрыв между странами и усилит неравенство, то и потенциал столкновения цивилизаций возрастет.

Таковы причины конфликта цивилизаций.

Безусловно, каждая страна по-своему принимает участие во всемирном взаимодействии наций, возникшем в результате глобализации. Эти характерные для каждой страны особенности общения проистекают из культурных ценностей, присущих данной нации. Кроме того, ценности есть показатель уровня развития цивилизации. Например, в Индонезии фундаментальными ценностями, законами национальной философии и идеологии являются пять принципов, называемых «Панчашила».

Вот эти принципы: вера в Бога; вера в справедливость; национальное единство Индонезии; политика умеренной демократии; всеобщая социальная справедливость. Эти пять принципов были определены и сформулированы одним из отцов-основателей нации и первым президентом доктором Сукарно, также известным как Бунг Карно.

Принципы «Панчашила» особенно ценны и важны для нас, если учитывать географическое и демографическое положение Индонезии. С географической точки зрения Индонезия представляет собой архипелаг, состоящий из более 22 тыс. больших и малых островов. Это самый большой архипелаг в мире. Демографической особенностью Индонезии является то, что мы представляем собой смешение разных культур, народностей, религий. Вышеупомянутые принципы являются нашими основными ценностями в условиях глобального мира. Президент Бунг Карно как-то заметил, что «Панчашила» есть вклад Индонезии в дело развития мирового сообщества и поддержания мира на планете. Тому есть две причины.

Во-первых, мы внедряем в жизнь систему пяти принципов, полностью осознав наше многообразие культур, этносов, наций, невзирая на нашу непохожесть друг на друга. Поэтому мы считаем, что и все страны мира могут успешно общаться и мирно взаимодействовать, несмотря на существующие различия. Одно из условий этого — продолжительный диалог и партнерство мировых культур и цивилизаций. Диалог и партнерство чрезвычайно важны, так как мы понимаем, что каждая страна и народ имеют как положительные, так и отрицательные стороны. Признание этого необходимо для успешного и плодотворного сотрудничества в мире.

Во-вторых, «Панчашила» — открытая форма идеологии и философии. Пять принципов как система философских ценностей могут по-разному применяться в жизни общества, а особенности их применения следует выработать путем диалога и партнерства.

Влияние глобализации сегодня огромно. Например, в результате создания биотоплива возникла нехватка пищевых продуктов. Полагают, что биотопливо есть альтернатива нефти, запасы которой стремительно сокращаются, а цены возрастают. Известно также, что истощение нефтяных запасов может стать причиной войн и трагедий. Однако уменьшение продовольственных запасов может вызвать более масштабные конфликты. Как глобальный мир, диалог и партнерство народов и стран могут решить эту проблему? Если продовольственный кризис будет длиться долго, культуры и цивилизации придут в упадок. Решать эту проблему можно только сообща, а именно поставить одним из вопросов диалога и партнерства возможность

дальнейшего существования человечества. То же самое касается и эффекта глобального потепления, оказавшего сильное воздействие на все сферы человеческой жизни. Глобальное потепление влияет на производство пищи, а также на чистоту воздуха и воды.

В связи с этим диалог и партнерство культур и цивилизаций чрезвычайно востребованы. Следует отметить, что нехватка продовольственных и энергетических запасов и глобальное потепление — это не просто экономические проблемы, но, что более важно, проблемы существования человечества. Поэтому диалог между народами и партнерство между странами вовлекут в свой процесс и страны с богатыми природными ресурсами, но низким уровнем жизни населения, и государства, где природные ресурсы истощены, но уровень жизни высок, и страны, занимающие промежуточную позицию по обоим показателям.

Взаимодействие всех наций и государств необходимо, чтобы противостоять проблемам, касающимся всего человечества. Под взаимодействием я понимаю процесс, имеющий несколько аспектов: во-первых, признание и терпимость к различным формам культур, а также право каждой нации выбирать свой путь жизни и развития общества процветания и довольства. Право выбирать свой путь не означает отрицать или отвергать пути развития других наций. Каждый способ развития имеет право на существование и должен учитывать и соотноситься со способами развития прочих наций во всемирном масштабе. Признание и терпимость только усилятся посредством диалога культур и партнерства цивилизаций. Во-вторых, постоянный процесс адаптации и изменения, так как каждая страна и народ имеют свои положительные и отрицательные черты. Постоянное изменение даст возможность каждой культуре способствовать развитию человечества и решать стоящие перед нами вопросы.

Адаптация же нужна, поскольку мир изменяется быстрыми темпами в связи с ростом населения, увеличением потребностей, усилением конкуренции и тому подобным, что требует способностей приспосабливаться к произошедшим изменениям.

В связи с вышеизложенным можно сделать вывод: чтобы существование мира было успешным, нациям необходимо иметь точки соприкосновения, то есть нужно взаимодействие. Диалог культур и партнерство цивилизаций не смогут проявить себя, если будет существовать разделение на высших и низших. Несмотря на разные экономические и социальные условия в мире, все мы сталкиваемся с одинаковыми проблемами. Сокращение продовольственных запасов, глобальное потепление, истощение запасов нефти, удорожание топлива и тому подобное касаются всех. Поэтому нам следует забыть о дискриминации, ведя диалог между странами. Равенство будет способствовать плодотворному партнерству. Если показать, что позитивные результаты взаимодействия реальны и достижимы, то нации и народы будут более восприимчивы к процессу диалога культур и партнерства цивилизаций.

Эль Хасан бин Талаль¹

ДОСТОИНСТВО И СПРАВЕДЛИВОСТЬ: ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА²

Третий мир — это мой первый мир, наиболее обездоленная и опасная, но в то же время и наиболее многообразная и динамичная часть мира. Регион, откуда я родом, — Ближний Восток — воплощает в себе эти качества как никакой другой. Возможно, вследствие трудностей, которые кажутся непреодолимыми, в обсуждениях проблем Ближнего Востока употребляется все больше аббревиатур, цель которых — определить общую динамику региона: БВСА (Ближний Восток и Северная Африка), ЗАСА (Западная Азия и Северная Африка), САБВ (Северная Африка и Ближний Восток), БВСАЦА (Ближний Восток, Северная Африка и Центральная Азия) и т. д. Регион простирается от Марракеша до Бангладеш, от Касабланки до Калькутты. В настоящее время в этом регионе ведутся по меньшей мере три войны; число беженцев — рекордное за всю историю человечества. Здесь находятся самые засушливые районы, а также самые богатые — не только запасами нефти, которые иногда кажутся скорее проклятием, чем благом, но и нереализованным человеческим потенциалом, и именно в этой области нам необходимо приложить усилия, чтобы вселить в людей надежду на лучшую жизнь.

Термин «безопасность человека» призван сделать центром борьбы за безопасность не государство, а личность, чтобы сосредоточиться на свободе для человека, а не на страхе и нужде. Я хотел бы отклониться от привычного противопоставления безопасности в смысле *защиты государства* и безопасности в смысле *личного права* и рассматривать этот вопрос более широко, включая всю гамму межличностных, общественно ориентированных и культурно обусловленных отношений, возникающих между личностью и государством. Эта точка зрения знакома мне лучше других, и она, я уверен, дает нам возможность подготовить и осуществить эффективные коллективные действия, направленные на обеспечение безопасности человека.

Страшные стихийные бедствия, произошедшие недавно в Китае и Мьянме, дали нам представление о тех трудностях, с которыми мир будет продолжать сталкиваться. Они напомнили о нашей общей уязвимости и единой человеческой природе и в то же время сделали очевидной необходимость перевести понятие безопасности человека из концептуальной в практическую плоскость при осмыслении вопросов ответственности и суверенитета. Мне кажется бесспорным, что мы должны рассматривать значение безопасности в более широком контексте, что безопасность человека

¹ Коронованный принц Иорданского Хашимитского Королевства. Председатель и попечитель Форума арабской мысли, основатель Исламской академии наук — международной неправительственной организации, содействующей сотрудничеству ученых исламских стран. Основатель и вице-председатель Фонда межрелигиозных и межкультурных исследований и диалога (Женева). Глава Хашимитского агентства чрезвычайной помощи, Центра развития образования, Института дипломатии в Иордании и Международного университета Аль аль-Байт в Мафраке. Автор семи книг, в т. ч.: «Исследование проблем Иерусалима», «Палестинское самоопределение», «В поиске мира», «Христианство в арабском мире» и др.

² Доклад представлен на IX Международные Лихачевские научные чтения (2009 г.).

теперь должна включать императив *выживаемости человека и его жизнестойкости*.

Нарушения равновесия между нациями — рост населения, нищета, нехватка продовольствия и природных ресурсов, проблемы экологии, миграции, энергетики, финансовой стабильности и культурного понимания — являются центральными вопросами безопасности.

Позвольте мне объяснить, что я имею в виду, с помощью краткого обзора условий современного мира.

Безопасность населения

Сегодня население мира составляет 6,6 млрд человек, и оно увеличивается на 220 тыс. человек каждый день. Рост мирового населения — наряду с повышением зарплат, покупательной способности и потребления в странах с формирующейся экономикой — увеличил потребность в продовольствии, товарах, нефти и других ресурсах. Если к 2050 году в мире будет жить 9 млрд человек, то все они должны иметь право на безопасность, достаточное количество природных ресурсов и достойный уровень потребления в расчете на одного человека.

Продовольственная безопасность

Около двух десятков государств с формирующейся экономикой на Юге достигли экономического роста и стали более зависимы друг от друга; но более бедные страны развивающегося Юга все так же зависят от спроса Севера, как и 30 лет назад. Миллиард человек все еще живет в крайней бедности, 70 % из них — в Африке. Невыносимые лишения продолжают причинять страдания жителям многих стран Азии и Латинской Америки. Три четверти всех бедняков живут в сельской местности, где на продовольствие расходуется более половины семейных доходов.

Как вам хорошо известно, причинами растущего неудовлетворенного спроса на продовольствие являются:

- неурожаи;
- недостаток пресной воды и плодородной почвы;
- увеличение цен на семена и удобрения;
- использование продовольственных культур в качестве биотоплива;
- расширение пастбищных участков, необходимых для производства мясной и молочной продукции (вместо выращивания злаков для людей);
- повышение цен на нефть и транспортировку;
- субсидии, выделяемые сельскому хозяйству и нарушающие беспрепятственную торговлю;
- ограничения на экспорт продовольствия.

Предложение не в состоянии идти в ногу со спросом. Поставки продовольствия и медикаментов снижаются, в то время как цены растут, что означает для сотен миллионов людей плохое питание и голод, приводит к экономическому спаду и социальным беспорядкам. Сегодня понятно, что вода и еда, необходимые для жизни, являются правами человека, отражающими личное достоинство, общие нужды и благосостояние человечества.

Ресурсная безопасность

Невозобновляемые природные ресурсы также истощаются с огромной скоростью. По мере того как население, промышленное производство и потребление продолжают расти, все больше капитала и энергии необходимо для производства продовольствия и для разведки, добычи и переработки оставшихся ресурсов. Инвестиции в основном выделяются на сельское хозяйство и добычу невозобновляемых природных ресурсов, представляющие собой решающий фактор в удовлетворении человеческих потребностей, но увеличение финансовых спекуляций на рынке продовольствия и природных ресурсов также истощает финансовые ресурсы, которые в противном случае были бы направлены на промышленное производство и увеличение объема основного капитала.

Нерациональное использование инвестиций, которое усугубляется несправедливыми условиями торговли, снижает качество жизни и безопасность населения по всему миру. Очевидно, что непропорциональное распределение мировых ресурсов оказывает огромное влияние на безопасность человека. Каждый из нас должен иметь право на необходимый запас товаров, в основе этого права лежит наша взаимозависимость, интересы нашего будущего и благосостояние наших потомков.

Экологическая безопасность

Потепление и экстремальные климатические условия также оказывают огромное влияние на безопасность человека. Многие люди — особенно бедняки в некоторых наиболее густонаселенных и наименее промышленно развитых районах — страдают от неблагоприятных факторов:

- недостатка питьевой воды и орошения;
- нехватки сельскохозяйственной продукции;
- растущего дефицита природных ресурсов;
- исчезновения живой природы, создающей благоприятную среду обитания;
- распространения инфекций, переносчиками которых являются москиты и другие насекомые;
- ухудшения здоровья;
- экономических потерь, вызванных ураганами, торнадо и циклонами;
- нестабильности объема производства и торговли;
- распространения бедности.

Негативное влияние климатических условий на питание и вообще на жизнь человека, наряду с жесткой конкуренцией за скудные ресурсы, провоцируют войны за территории, продовольственные и водные ресурсы, на почве общественных и культурных различий, родовых и религиозных противоречий. Нерешенные территориальные конфликты, фундаментальные проблемы идентичности и перемещения народов ведут к межрелигиозным и этническим столкновениям, массовой миграции и распространению инфекционных заболеваний. Следует уделить особое внимание здоровью, благосостоянию и правам тех, кто вынужден покинуть свои дома и населенные пункты из-за дестабилизации обстановки. Мы привыкли думать о мигрантах и беженцах как о людях, спасающихся от политических конфликтов,

но все чаще они становятся жертвами изменения климата. В настоящее время мы зачастую являемся свидетелями такого рода социальных проблем, причиной которых стало глобальное потепление, и перемещения больших групп людей в различных районах Центральной Азии, Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки.

Экологическая стабильность, в том числе защита беженцев — это неотъемлемое право человека, которое следует из нашей приверженности человеческому достоинству, связи со всей живой природой и ответственности перед Землей.

Энергетическая безопасность

В мире усиливается озабоченность по поводу того, достаточно ли запасов нефти, чтобы удовлетворить будущие энергетические потребности человечества. Как известно, энергетический сбой в одном регионе мира немедленно отражается на ценах и энергетической безопасности других регионов. Угрозы национальной безопасности, которые возникают вследствие зависимости от импортируемой нефти, наряду с жесткой конкуренцией за стратегические ресурсы полезных ископаемых вполне могут привести к дальнейшему истощению природных ресурсов, продолжению глобального потепления и в целом экономической нестабильности, в особенности в самых бедных регионах. Все эти факторы могут стать причинами всплеск экстремизма и терроризма, особенно там, где повышение стоимости энергоносителей непосредственно сказывается на питании человека; именно поэтому расширение юридических прав и возможностей бедняков путем предоставления им доступа к правосудию, закону, а также обеспечения их имущественных, трудовых и предпринимательских прав сегодня так важно.

Доступ к надежным источникам экологически чистых видов энергии является сегодня неотъемлемым правом человека, в основе которого лежит обязанность мирового сообщества обеспечить бедным возможность удовлетворить их материальные нужды, способствовать экономической производительности и добиться приемлемого качества жизни людей повсюду.

Финансовая безопасность

Повышение спроса на продовольствие, энергоносители и другие ресурсы стало причиной значительного уменьшения предложения. Хотя страны с формирующейся экономикой и развивающиеся страны уже на протяжении нескольких лет обретают финансовую независимость, они все еще тесно связаны с США в сфере денежной системы. Если производители нефти и государства, чьи валюты «привязаны» к доллару США, решат, что в перспективе ценность доллара неустойчива, они могут перевести свои резервы в другие валюты. Соединенные Штаты будут вынуждены: 1) сократить дефицит платежного баланса за счет существенного снижения стоимости доллара; 2) увеличить объем своих свободных капиталов либо путем значительного урезания потребительских и общих расходов, либо путем резкого сокращения бюджетного дефицита.

Эти два способа финансового регулирования — особенно наряду с продолжающимся ростом цен на продовольствие, товары и энергоносители — стали бы началом ударной волны, которая пронесется по всему миру. Она явилась бы причиной колебаний обменного курса, неустойчивости валют, дестабилизации потоков мирового капитала, беспорядочных операций по долговым платежам и усилению протекционизма. Национальные бюджеты, торговый баланс, экономический рост, рабочие места, доход и политическая стабильность испытали бы на себе ее пагубное влияние.

Поэтому финансовая безопасность сегодня крайне важна для всех, а особенно для бедных. Наша покупательная способность, которая непосредственно влияет на возможность кормить свои семьи, оплачивать счета, откладывать и вкладывать деньги, — обязательная социальная норма. Право на стабильные валюты — как выражение наших коллективных культурных ценностей, средств к существованию и самоуважения — особенно важно в период изменений.

Культурная безопасность

Деньги, энергоносители, природные ресурсы и материалы являются необходимыми, но не исчерпывающими факторами человеческой жизни. Культурная безопасность, важный, но нередко забываемый фактор безопасности человека, представляет собой базис, на основе которого следует понимать все остальные формы безопасности. Человек не может чувствовать себя защищенным без взаимопонимания и культурной целостности — это реальность, которая становится все более очевидной в развивающемся и развитом мире. Стремительные культурные перемены и «культурная агрессия», обусловленные глобализацией и миграцией, сделали межличностные и межнациональные отношения натянутыми. Надежная безопасность человека и нации возможна только при условии практического подхода, в рамках которого культура понимается как ключевой компонент человеческого опыта и политического диалога.

Превентивная безопасность

Существует еще один компонент безопасности человека, тесно связанный с другими. В государстве, где возможны геноцид, этнические чистки и другие преступления против человечества (а таким может стать любое государство), существует очевидная необходимость защитить людей от зверств раньше, чем они будут совершены. Концепция государств, на которые возлагается «обязанность защищать» граждан всех стран, в последние годы обсуждается Организацией Объединенных Наций в ответ на эскалацию насилия; эта идея остается более эмоционально и идеологически окрашенной, чем обычно свойственно подобным проблемам. Я придерживаюсь мнения, что давно уж пора разрешить этот спор.

Вопрос сегодня состоит в том, является ли вмешательство в дела государства моральным долгом международного сообщества или нарушением суверенности государства; и все же не существует веских причин против разделенного суверенитета, что отражало бы реалии взаимозависимого мира.

Превентивные меры безопасности требуют, чтобы мы подготовились к возможным местным и региональным конфликтам с целью защиты людей, над которыми нависла угроза, и это становится решающим фактором, когда мы сталкиваемся с мрачной перспективой массового голода, масштабного экологического кризиса и конфликтов за обладание все более скудными природными ресурсами, такими как нефть и вода в некоторых регионах. Право на предупредительные меры безопасности является результатом нашей коллективной ответственности, заключающейся в гарантии политической стабильности, защиты незащищенных, обеспечения совершенствования человека на основе уникальной ценности каждого.

Государственная и торговая безопасность

Наконец, два последних фактора безопасности человека, которые, как вы, возможно, ожидали, я должен был назвать первыми. Но я не считаю, что их необходимо подчеркивать; они и так общеизвестны. Я говорю о государствах, которые обязаны обеспечивать политическую безопасность людей, находящихся в пределах их границ. И, конечно, о свободных рынках, в том числе о рынке труда, производства и финансовом рынке, которые представляют собой жизненно важную основу экономической безопасности. Государства и рынки являются краеугольными камнями современной цивилизации, и я бы, наверное, не смог перечислить их многочисленные достоинства в деле предоставления необходимых товаров и услуг потребителям и защиты благосостояния граждан.

Но я также считаю, что мы переоцениваем их значение для безопасности человека. Конечно, так как они существуют практически всюду, есть тенденция полагать, что только правительства и рынки являются единственными оплотами безопасности человека. Конечно, большинство из нас привыкли видеть мир именно таким, что я считаю крайне ограниченной точкой зрения.

Во время своих путешествий я обсуждаю со многими людьми те глобальные трудности, с которыми мы сталкиваемся, и мне становится все более ясно, что существует мало политических или коммерческих решений, которые обеспечат общую безопасность человечества. Нам отчаянно недостает стратегического планирования и сотрудничества ради будущего планеты.

Я буду откровенен. Настоящей проблемой сегодня представляется не то, являются ли рынки саморегулирующимися или они нуждаются в государственном управлении. Настоящей проблемой является то, что национальных государств и рынков недостаточно для решения множества проблем, которые выходят за пределы национальных границ, — проблемы мирового голода, истощения природных ресурсов, экономических спадов, неравенства в материальном положении, глобального потепления, загрязнения окружающей среды, инфекционных заболеваний, межкультурных конфликтов и терроризма.

Общее достояние человечества

Сегодня, как никогда раньше, я уверен, что должен быть третий сектор народной воли — мощная сила, направленная на обеспечение безопасности

человека и сотрудничества по всему миру. Ответственность и полномочия должны перейти от правительств вниз — к индивидуумам, общественным организациям и гражданскому обществу — и вверх — к международным и региональным организациям и системам. Я также уверен, что вместе, как граждане мира, мы должны сегодня противостоять множеству проблем, которые влияют на нашу жизнь независимо от территориальных границ и вызывают общую озабоченность; проблем, которые правительства и рынки не способны решить.

Настоящие проблемы состоят в следующем:

— государства не отказываются от своего суверенитета с целью более эффективного сотрудничества друг с другом, а решения, движущей силой которых является рынок, неспособны решить системные проблемы по всему миру;

— для экономического и социального развития, экологической гармонии и мира необходимо новое равновесие между общими интересами государств, рынков и людей;

— вопросы, имеющие отношение ко всему человечеству, должны быть поставлены в одну многостороннюю повестку дня, их необходимо обсуждать с участием представителей каждого сектора — правительства, бизнеса и гражданского общества;

— все представители должны немедленно начать *программу глобальных действий*, которая обеспечит победу над бедностью, надлежащее обеспечение продовольствием, справедливое распределение природных ресурсов и товаров потребления, чистую окружающую среду, защиту мигрантов и беженцев, надежные и доступные энергоносители, стабильную покупательную способность и общий мирный климат;

— этот план общих действий также необходимо рассматривать как пробный шаг по направлению к геополитическим преобразованиям и глобальным экономическим изменениям, что приведет к большей международной сплоченности и созданию глобального правительства.

В настоящее время я возглавляю группу представителей высокого уровня, которая называется Совет интеграции и является консультативным органом по международному переговорному процессу. Мы начали программу международного партнерства под названием «Коалиция для всего человечества», чтобы привлечь группы гражданских обществ и отдельных людей по всему миру к разработке плана общих глобальных действий.

Уважаемые коллеги, в 60-ю годовщину Декларации прав человека ООН давайте признаем, что принцип «Достоинство и справедливость для каждого» может основываться только на человеческой цивилизации, функционирующей как единое целое, и поэтому вопрос об *иностранном вмешательстве против суверенитета государства* — это совершенно неверное противопоставление. Дать возможность каждому в этом мире жить без страха и нужды, развивать свой потенциал в здоровой и благоприятной среде означает, что личные права, права государств и международные права должны рассматриваться как неделимое и динамичное единство, а не как источник поляризации и конфликта.

Как человеческие существа, мы естественным образом живем в настоящем и будущем, а не только в настоящем. Если кто-то лишился пропитания,

воды или крова, то этих людей можно снова обеспечить средствами для добычи еды, воды и крова. Но если человек потерял надежду и ценности, то удовлетворение материальных потребностей не вернет ему будущего. Надежду можно вновь зажечь только восстановив утраченные ценности.

Когда мы говорим, что заботимся о безопасности человека, то имеем в виду, что хотим облегчить ситуацию путем создания системы, которая обеспечила бы будущее в виде все лучших условий в настоящем. Последствием наших действий должно стать улучшение качества жизни и обретение надежды.

М. Л. Титаренко¹

ЕВРАЗИЙСТВО КАК ПАРАДИГМА СОСУЩЕСТВОВАНИЯ И РАСЦВЕТА МНОГООБРАЗИЯ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ²

Разразившийся в конце первого десятилетия XXI века мировой финансово-экономический кризис приобрел системный характер. Он обнажил несостоятельность основных тезисов сторонников либерализма, стремившихся заставить весь мир поверить во «всемогущество» рынка, якобы способного «самостоятельно», без всякого вмешательства государства обеспечить экономический рост и процветание. Теперь правительства ведущих западных стран не жалеют сил и средств, чтобы не допустить глубокого спада своих экономик и ускорить темпы восстановления.

Кризис продемонстрировал ограниченность западной модели и опасность политики «всеобщей вестернизации» для стран, принадлежащих к иным культурам. Серьезные проблемы в мировой экономике стали стимулом для переосмысления тезиса о «всеобщности» западных ценностей. Кризис напомнил человечеству, что драматические конфликты двух последних десятилетий коренятся не только лишь в сфере военных и политических интересов. Натовские бомбежки Югославии, вторжение западных войск в Афганистан и Ирак, постоянная угроза силового решения Западом своих споров с Ираном и КНДР — все эти очаги напряженности возникли в том числе по причине нежелания и неспособности Запада уважать цивилизационные и культурные ценности других стран, их образ жизни и путь развития.

¹ Директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. 11 монографий: «Россия и Восточная Азия», «Россия лицом к Азии», «Китай: цивилизация и реформы», «Россия: безопасность через сотрудничество: Восточноазиатский вектор», «Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии» и др. Многие работы переведены на иностранные языки и изданы в Китае, Японии, США, Республике Корея, Германии, Вьетнаме, Индии и других странах. Почетный профессор ряда университетов и академий наук Китая, США, Кубы, Республики Корея, Вьетнама и Турции. Награжден орденами «Знак Почета», Почета, «За заслуги перед Отечеством» IV степени, Святого благоверного князя Даниила Московского I степени. Лауреат Государственной премии РФ (2010) и премии РАН им. Е. В. Тарле.

² Доклад представлен на XI Международные Лихачевские научные чтения (2011 г.).

Звучавшие на Западе утверждения о возможности создания глобальной стабильности в условиях моноцентричного мира при доминировании одной сверхдержавы сопровождались рассуждениями о неизбежности и естественности столкновения западных и восточных систем ценностей и цивилизаций. Эти теоретики и вдохновленные ими политики были твердо убеждены в неоспоримом всестороннем превосходстве и универсальном совершенстве евро-атлантической и американской цивилизаций, отождествляя их с мировой цивилизацией. События в Ираке и Афганистане показали, что западная коалиция может силой оружия свергнуть неудобную ей власть в другой стране. Однако ей не удается и вряд ли удастся заставить местных жителей принять принесенную на иностранных штыках западную модель политического устройства.

Кризис позволил по-новому взглянуть на тенденции мирового развития. Успешное развитие Китая и Индии в условиях глобальной экономической нестабильности стало еще одним напоминанием о том, что западная модель не является универсальной. В современном мире возрастает роль крупных восточных локальных цивилизаций (русской, китайской, индийской, японской, тюркской, персидской и др.), все они были фундаментом, на котором в прошлых тысячелетиях складывалась мировая цивилизация. Еще в 1960–1980-е годы экономический успех Японии и четверки «маленьких тигров» (Гонконг, Сингапур, Южная Корея, Тайвань) дал стимул для изучения специфики «восточно-азиатской модели» и ее преимуществ. Впоследствии тема множественности путей развития на время ушла на второй план — торжество Запада после распада СССР породило иллюзию всемогущества евро-американской модели, тогда как азиатский финансовый кризис 1998 года поставил под сомнение жизнеспособность «экономических чудес» Восточной Азии. Однако ныне Китай, сохранивший в условиях мирового кризиса беспрецедентно высокие темпы роста, демонстрирует, что достижение целей развития и модернизации более не привязано к копированию западных рецептов.

Кризис напомнил и о том, как тесно связаны между собой страны современного мира. В одиночку справиться с проблемой такого огромного масштаба невозможно. Уроком кризиса должно стать утверждение идеи необходимости сотрудничества между всеми странами и народами для совместного преодоления тяжелых разрушительных последствий кризиса. Та выдающаяся роль, которую играют Китай, Индия и некоторые другие неевропейские страны в поддержании развития мировой экономики, убедительно показала важность и необходимость налаживания конструктивного диалога цивилизаций Запада и Востока.

Российская и русская культура, творчески заимствуя и развивая многие достижения западных и восточных культур, выработала систему цивилизационных ценностей, способную во взаимодействии с другими восточными цивилизациями стать конструктивной альтернативой агрессивной и разрушительной идеологии всеобщей вестернизации. Эта система ценностей способна внести вклад в гармонизацию мира, создание условий для сохранения и расцвета многообразия культур и цивилизаций, развития конструктивного диалога между ними. Ныне эти ценности находят современное воплощение в концепции *нового евразийства*, которая формируется в России и некоторых странах бывшего Советского Союза.

В течение последнего столетия Россия неоднократно сталкивалась с серьезнейшими вызовами. В одних случаях она оказывалась серьезно ослабленной, в других — у нее появлялся шанс для поиска новых путей возрождения, собирания заново своего народа и своих земель. Чтобы преодолеть эти смертельные вызовы, народы России понесли громадные жертвы. Так было в годы Первой мировой войны и последовавших затем Октябрьской революции и Гражданской войны. Возникший после Революции 1917 года Советский Союз построил новое мощное государство. В начале 1940-х годов фашистская Германия бросила СССР смертельно опасный вызов. Народы советской страны, воодушевленные героизмом и самоотверженностью русского народа, вышли победителями в Великой Отечественной войне, спасли человечество от фашистской чумы и помогли разгромить японский милитаризм.

На волне эйфории после распада СССР (1991) Запад объявил себя «победителем» и де-факто предъявил России ультиматум. Один из главных идеологов борьбы с Россией как субъектом мировой истории З. Бжезинский в своих сочинениях подробнейшим образом излагал претензии и требования Запада к России, формулировал правила «цивилизованного поведения», которым, по его мнению, Россия должна следовать. Он с особым удовольствием рисовал сценарии, схемы и географические карты новых стран, на которые, по его расчетам, должна была распасться единая российская держава¹. Пространство Евразии, где находился Советский Союз и которое ныне является местоположением России, Бжезинский назвал «главным геополитическим призом для Америки»².

Распад Советского Союза, колоссальное давление Запада на Россию, его откровенное и циничное вмешательство во внутренние дела суверенного Российского государства, настоящая культурная экспансия массовой культуры привели к опасному размыванию государственной и цивилизационной идентичности России и ее граждан. Ныне перед нашей страной остро стоит вопрос: «Что есть Россия и каков путь ее развития?»

Найти ответ можно лишь на пути творческого осмысления нашей многовековой истории и извлечения уроков из прошлого, объективного анализа благоприятных и неблагоприятных внутренних и внешних условий развития нашей государственности и цивилизации. На повестке дня стоят задачи осознания евразийской геополитической и цивилизационной реальности России в контексте определения стратегии подъема страны, развития ее экономики и культуры.

Эти задачи должны быть реализованы в условиях *поддержания добрых отношений сотрудничества и взаимодействия со всеми государствами Запада и Востока в условиях глобализации*. Принципы нового евразийства должны стать методологической и идейной основой долгосрочной стратегии развития и обустройства России как единого многонационального государства, неотъемлемой частью ее внешнеполитической доктрины. Они являются краеугольным камнем обеспечения безопасности нашей страны, сохранения ее территориальной целостности, укрепления суверенитета

¹ См.: Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1998. С. 64, 108–148, 239–240; Он же. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. М., 2006.

² Бжезинский З. Великая шахматная доска. С. 43.

и авторитета на международной арене. Нельзя не согласиться с выдающимся русским ученым, теоретиком нового евразийства Л. Н. Гумилевым: «Скажу Вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство»¹.

Один из основоположников евразийства 1920 – 1930-х годов — князь Н. С. Трубецкой — характеризовал сущность евразийства как отражение общности судеб народов, населяющих Евразию: «В евразийском братстве народы связаны друг с другом не по тому или иному одностороннему ряду признаков, а по общности своих исторических судеб. *Евразия есть географическое, экономическое и историческое целое. Судьбы евразийских народов переплелись друг с другом.* Прочно связались в один громадный клубок, который уже нельзя распутить...»² (курсив мой. — М. Т.). Следование этим принципам в наши дни при поддержании отношений со странами ближнего и дальнего зарубежья на уровнях государственной и народной дипломатии обеспечит для России благоприятные внешние условия. Это будет российский вклад в построение полицентричного мира и развитие конструктивного междивизиационного диалога в противовес различным доктринам «столкновения цивилизаций» и «конца истории».

Этот же вопрос стоял в дискуссиях и политическом противоборстве западников — сторонников европеизации России — и славянофилов, а затем почвенников-государственников, подчеркивающих особый уникальный характер русской культуры как симбиоза, синтеза многих культур и исторического опыта многих народов, исторически проживавших или проживающих на территории России и по соседству с ней. Ныне же речь идет прежде всего о конвергентном сочетании и синтезе самобытной русской славянской культуры с воспринятым от Византии вместе с христианством мощным пластом гуманитарной и политической культуры, а также с культурами угро-финских, тюркских и татаро-монгольских народов, через которые Россия опосредованно восприняла также фрагменты материальной и политической культуры Китая и Индии³.

Говоря о самоидентичности России и ее народов, нельзя не учитывать геополитических факторов. Ведь 2/3 территории России — это Сибирь и Дальний Восток. Помимо русских и близких к нему других славянских народов, в России проживает еще более 100 крупных наций и народностей, в том числе десятки коренных народов Сибири и Дальнего Востока, которых уже никак нельзя «пристегнуть» к Европе.

Азиатские страны и народы относят Россию к европейской культуре, а европейцы, особенно западные, рассматривают Россию преимущественно в азиатском ключе. Ни одна из этих точек зрения не дает полного представления об идентичности российской, особенно русской культуры. Игнорирование евразийской сущности геополитического положения России и ее цивилизационной идентичности, доминирование евроцентризма в идеологии и политике, попытки представить всю территорию России как пространство «большой Европы» — все это порождает противоречия

¹ Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М., 1993. С. 31.

² Трубецкой Н. С. Европа и человечество. София, 1920.

³ Подробнее см.: Титаренко М. А. Россия лицом к Азии. М., 1998. С. 5–10; Там же: гл. «Новое евразийство и азиатский аспект». С. 13–79.

в развитии страны и ведет к непрерывным колебаниям в ее политике, подрывает межнациональную сплоченность русских и других народов России, к размыванию идентичности культуры и ослаблению положения страны на мировой арене.

Внутренняя политика Российского государства со времен Петра I не отличалась последовательностью в решении вопросов геополитической и цивилизационной идентичности. Стремясь добиться прогресса в модернизации России, Петр I толкал ее в Европу. В советское время В. И. Ленин и ряд его ближайших последователей неизменно призывали бороться с азиатскими компонентами русской культуры и российского менталитета. Это привело к доминированию европоцентризма и принижению исконно русских, славянских корней российской цивилизации. В практической политике российских властей европоцентризм получил конкретное экономическое и политическое оформление. Его проявлениями стали:

— концентрация всех средств и стратегических целей развития страны в европейской части;

— превращение богатых ресурсами огромных восточных регионов в своеобразную колонию европейской части страны. Усилия по развитию и подъему Сибири и Дальнего Востока не соответствовали потенциалу и возможностям этого региона;

— развитие восточной части страны стало односторонним, сырьевая направленность региональной экономики стала доминирующей. В 1930-е годы в этой части страны возникли такие гиганты индустрии, как Кузнецкий металлургический комбинат, ряд машиностроительных предприятий появились на Дальнем Востоке, в Восточной и Западной Сибири. В годы Великой Отечественной войны Сибирь получила перемещенные из европейской части крупные промышленные предприятия и объекты. Однако в тот период в освоении региона значительную роль играл принудительный труд заключенных.

Необходимо напомнить, что еще в середине XVIII века основоположник российской науки, образования и реформатор русского языка М. В. Ломоносов впервые комплексно сформулировал три стратегические задачи, которые должно решить Российское государство, чтобы обеспечить устойчивое и нормальное развитие.

Во-первых, «российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и в Америке»¹.

Во-вторых, «когда ему... желаемый путь по Северному океану на восток откроется, тогда свободно будет укрепить и распространить российское могущество на востоке, совокупляя с морским ходом сухой путь по Сибири на берега Тихого океана»².

В-третьих, одной из ключевых задач российской власти великий ученый считал «сбережение» и «приумножение российского народа» не менее чем по 1 млн новорожденных в год. Одновременно М. В. Ломоносов придавал важное значение налаживанию добрых отношений сотрудничества русского населения с коренными народами Сибири и Дальнего Востока.

¹ Ломоносов М. В. Записки по русской истории. М., 2003. С. 392.

² Там же. С. 388.

Выдвинутая великим русским ученым триединая задача освоения Сибири и Дальнего Востока, развития Северного морского пути как канала связи России с Азией, а также приращения российского народа до сих пор не утратила своей актуальности. Выдающийся ученый и патриот России Д. И. Менделеев, который разделял стратегическую концепцию Ломоносова, полагал, что если Россия будет следовать этим путем, то к концу XX века ее население составит не менее 500 млн и наша страна станет процветающим благополучным государством, пользующимся всемирным уважением. И в последующие времена выдающиеся умы России неоднократно подчеркивали исключительную важность развития и освоения Сибири, особо указывая на необходимость осознания политиками и всей российской элитой евразийского географического положения России, на важность международного сотрудничества с дальневосточными соседями в освоении Сибири и Дальнего Востока.

Важную роль они уделяли необходимости укрепления взаимодействия и взаимопонимания с Китаем, налаживанию с ним союзнических отношений. В «Заветных мыслях» Д. И. Менделеев сделал особый акцент именно на важности российско-китайского сотрудничества и его непреходящем значении для создания благоприятных условий соразвития наших стран. Ученый провидчески указывал, что «...всегда бывший оригинально самостоятельным *Китай может вырасти еще более сильно*, и нам это будет тем более пригодно, чем больше мы сдружимся с китайцами к тому времени»¹ (курсив мой. — М. Т.). Касаясь значения сотрудничества двух стран для мирового устройства, Д. И. Менделеев отмечал: «Союз России с Китаем будет предтечей общего мирного союза уже по той причине, что в нем было бы более трети всех людей и он не мог бы быть иным, как чисто мирным и охранительным, тем более что у обоих союзников целая бездна настоятельных внутренних потребностей и столько ресурсов, сколько нет ни в одной паре остальных государств, а показывать кулаки оба таких союзника, как Россия с Китаем, и не хотят, и не привыкли»².

Национальное самосознание граждан России и его суперэтнуса — русских — не может не учитывать также и того непреложного факта, что русская и российская цивилизации сложились, развиваются и проявляют свое животворное действие на том геополитическом пространстве, где пересекаются и взаимовлияют друг на друга великие мегацивилизации: великорусская, славянская, византийская, романо-германская, угро-финская, мусульманская, китайская, индийская, тюркско-монгольская, а также цивилизации более сотни малых коренных народов, живущих в бассейне Волги, на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке и в северных регионах. История последних двух столетий свидетельствует, что любые попытки российской политики действовать, склоняясь в одну сторону, будь то в сторону Европы или Востока, неизбежно ведут к раскачке фундамента общества и подрывают основы культурной идентичности народов, лишают страну гибкости в принятии ключевых решений о своем будущем. Лишь осознание неразрывной целостности двух важнейших сторон государственной идентичности, то есть западной и восточной, позволяет России уверенно и стабильно двигаться вперед.

¹ Менделеев Д. Заветные мысли. М., 1995. С. 375.

² Там же. С. 376.

В конце XX века российская культура и цивилизация были принижены до такой степени, что на политическом уровне была поставлена задача «вхождения в мировую цивилизацию». Фактически это означало отрицание существования собственной культуры. Данный путь вел к глубокому размыванию национальной идентичности, утрате русской культурой консолидирующей притягательной силы, фрагментации российской цивилизации и отчуждению от нее нерусских этносов, разрушению русского языка и засорению его вульгаризмами и англицизмами. В первое пятилетие после распада СССР российская политика приобрела уродливую и односторонне прозападную ориентацию в экономической, гуманитарной и других сферах. Постепенное выправление этого опасного одностороннего крена началось с кратковременного премьерства Е. М. Примакова, затем эти процессы получили постепенное развитие в течение восьми лет президентства В. В. Путина. Позитивным итогом этого курса стало укрепление внутренней стабильности в России и ее международного положения — это наглядное свидетельство конструктивного характера евразийской ориентации.

Автору в своих статьях и монографиях неоднократно доводилось спорить с российскими вестернизаторами и зарубежными проводниками идеологии всеобщего озападнивания. Главный тезис сводится к тому, что для внутреннего и международного благополучия России необходимо последовательно придерживаться принципа равновесности, равнозначности внимания как западному, так и восточному азимутам внутренней и внешней политики. Другими словами, нужно неуклонно следовать евразийской геополитической идентичности России, символичному выражению в двуглавом орле нынешнего государственного герба.

Еще во второй половине 1990-х годов в книге «Россия лицом к Азии» автор решительно оспаривал тезисы тех, кто усердно хоронил Россию, делил ее территорию на различные уделы, отрицал самобытность российской цивилизации, рассматривал вестернизацию России как неизбежное и необходимое включение страны в некую «мировую цивилизацию». «Иного не дано», — провозглашали они, поскольку, по их словам, мир стоит перед лицом столкновения цивилизаций. Автор же утверждал, что иное дано: «Оно заключается в возрождении России через возрождение национально-самосознания ее граждан, всех ее народов и наций, в укреплении на такой основе их сотрудничества, взаимопонимания и дружбы с целью концентрации своих усилий на развитии экономики, культуры и образования, науки Отечества. Иное состоит в неустанном заботливом пестовании отечественных корней культуры, ибо только тогда воспрянувшая демократическая Россия предстанет не жалким слепцом Запада, не его заурядным эпигоном, а солидным, заслуживающим уважения партнером других стран, будь то Европа или Азия, Африка или Америка»¹.

Прошедшие годы подтвердили обоснованность высказанной веры в силы нашего народа, нашего Отечества. В заявлениях занявшего ныне пост премьера России В. В. Путина и в выступлениях президента Д. А. Медведева по-

¹ Титаренко М. Л. Указ. соч. С. 6. Дальнейшее развитие и обогащение эти идеи получили в книгах: Титаренко М. Л. Китай: цивилизации и реформы. М., 1999; Он же. Россия: безопасность через сотрудничество: Восточноазиатский вектор. М., 2003; Кузык Б. Н., Титаренко М. Л. Китай – Россия 2050: стратегия соразвития. М., 2006; Титаренко М. Л. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М., 2008.

следовательно проводится идея о том, что «...Россия сегодня — глобальный игрок. И, понимая свою ответственность за судьбы мира, мы хотим участвовать и в формировании новых правил игры, причем не из-за пресловутых "имперских амбиций", а именно потому, что обладаем и соответствующими публичными возможностями, и соответствующими ресурсами»¹.

Идея евразийской идентичности геополитического положения России и ее цивилизации имеет основополагающее значение для здорового развития страны, для обеспечения ее целостности и внутренней стабильности. Идея евразийства учитывает исторические корни и внутренние автохтонные и внешние цивилизационные компоненты, в результате синтеза которых сложилась русская культура, ставшая стержнем российской культуры. Благодаря высокому авторитету она стала двигателем подъема и расцвета культур малых народов, населяющих Россию, а русский язык — мостом общения национальных языков, национальных культур всех народов России с мировой цивилизацией, с мировой культурой. Забвение об этом приводит к разрыву трансляционных связей этих малых культур, малых народов с мировой культурой, замедляет ее развитие. Представители элит этих культур будут вынуждены сознательно или бессознательно искать замену русской культуре и русскому языку. И это будет толкать их в сторону евроамериканской массовой культуры, поощрять принятие английского языка в качестве главного инструмента взаимодействия с мировой культурой. Таким образом, игнорирование евразийской сущности русской и российской культуры приведет к подрыву единства и разрушению цивилизационного «обруча» России.

Любая стратегическая концепция развития России в целом и ее отдельных регионов должна учитывать евразийскую сущность нашей цивилизации. Планы экономического и социального развития Российской Федерации до 2020 года и региональные программы развития должны учитывать евразийскую сущность России. Это означает, что планы возрождения и развития должны строиться по принципу единой шахматной доски, единого взаимосвязанного государства и вместе с тем в полной мере учитывать специфику и компенсировать чрезмерно усилившуюся нагрузку на восточные регионы страны, суровость среды обитания их жителей.

Концепция развития России как евразийской державы требует серьезного реформирования нынешней системы управления экономикой и глубоких изменений форм и методов управления регионами из центра. Жесткий политический моноцентризм, необходимость которого продиктована огромными пространствами, наличием местного сепаратизма и ролью региональных факторов, должен сочетаться с учетом географического, культурного, социального своеобразия регионов. В экономическом плане он должен раскрывать значительный потенциал региональной самодеятельности, обеспечивать права регионов на творческое самосовершенствование, на адаптацию поступающих из центра общих указаний к местным условиям.

Вместе с тем серьезной проблемой является чрезмерное подчеркивание специфики мелких регионов, что привело к созданию слишком большого

¹ Выступление Д. А. Медведева 7 июня 2008 г. на XII Петербургском международном экономическом форуме. URL: http://www.kremlin.ru/appears/2008/06/07/1200_type63377type82634type122346_202221>shtm

количества региональных административно-экономических субъектов. Их в России было до недавнего времени 89. Стоит задача укрупнения регионов, которую нынешнее руководство страны начало постепенно решать. Крупные региональные центры, объединенные тесными экономическими связями и финансовыми рычагами регулирования, должны обладать собственными административными и финансовыми возможностями для решения общерегиональных и местных проблем. Как показывает нынешний опыт России, чрезмерная концепция административных и финансовых рычагов в одном центре ведет к обнищанию регионов, созданию квазиколониальных отношений между центром и регионами.

Подлинное решение задач развития России как евразийской державы требует серьезного реформирования административно-экономической системы и ее структур. Опыт экономического подъема развитых стран Запада, США и Японии дает пример разделения функций управления процессами развития экономики между столицей и региональными центрами. В Америке политические и экономические центры разделены (Нью-Йорк, Филадельфия, Атланта — на восточном побережье; Чикаго, Детройт, Канзас-Сити — в центре страны; Сан-Франциско, Лос-Анджелес, Сан-Диего — на западном побережье). В Китае политическим и экономическим центром является Пекин, однако он делит экономические рычаги управления с такими крупнейшими экономическими и культурными центрами, как Шанхай, Шэньян, Харбин, Чанчунь, Тяньцзинь, Чунцин, Ухань, Гуанчжоу, Тайюань, Сиань, Урумчи. В Японии помимо столицы Токио центрами экономического развития являются Осака, Киото, Саппоро, Ниигата. В Германии экономические рычаги распределены между Берлином, Гамбургом, Франкфуртом, Мюнхеном, Дюссельдорфом, Кельном, Лейпцигом и т. д.

В России абсолютно доминирующим центром не только в политическом, но и в экономическом и других аспектах является Москва — в столице концентрируется основная денежная масса, там сосредоточены крупнейшие банки. Другие крупные регионы, даже именуемый «второй столицей» Санкт-Петербург, де-факто играют второстепенную роль. Значение крупных уральских и сибирских центров в основном ограничивается чисто экономическими возможностями в той или иной сфере. Банки в Сибири и на Дальнем Востоке, в силу ограниченности финансовых ресурсов, не могут играть должную роль в инвестиционном стимулировании социально-экономического подъема этих регионов. Для более эффективного решения задач социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока в перспективе стоило бы подумать о создании трех общерегиональных центров экономического и политического регулирования — в Западном, Восточном и Дальневосточном регионах. Координатором такой работы должен стать высокоавторитетный государственный деятель в ранге первого вице-преьера.

В США, Японии, Австралии, Канаде, некоторых латиноамериканских странах имеются специальные государственные структуры и министерства, регулирующие развитие отсталых регионов — к примеру, в Японии длительное время был министр по развитию Хоккайдо. Ныне в России создана структура представителей президента в регионах. Это шаг в правильном направлении, который требует дальнейшего совершенствования и развития как в административно-политическом, так и в финансовом плане.

Некоторые принадлежащие к стану вестернизаторов критики концепции евразийства как современной парадигмы развития России ссылаются на исторический пример течения евразийства, возникшего после Первой мировой войны и носившего откровенно антизападнический характер. Однако необходимо подчеркнуть, что у парадигмы современного российского евразийства нет жесткой привязки к прозападной или проазиатской ориентации:

1) главная особенность нового евразийства — признание специфичности географического, международного положения и исторического происхождения российской цивилизации, основой и стержнем которой является русская культура, а языком общения — русский язык;

2) и евразийство 1930-х годов, и современное евразийство признают горизонтальный полицентризм, взаимодействие и взаимодополняемость культур, отношений их взаимного влияния и взаимной учебы. Согласно евразийству, отношения между всеми культурами строятся по горизонтали на основе принципов соборности, равноправия, симфонизма и признания уникальности культур даже самых малых этносов;

3) евразийский принцип взаимоотношения культур строится на гармоничности их взаимодействия. В этом плане евразийство совпадает с конфуцианским подходом к культурному развитию, провозглашающим «гармонию без навязывания единства» («хэ эр бутун»), диалектику взаимодействия противоположных явлений в культуре и их синтеза в форме тезисов о «слиянии двух различий в единое» («хэ эр эр и») и «раздвоении единого» («и фэнь вэй эр»);

4) евразийству присущ ряд закономерностей становления культур на основе принципов синтеза, взаимного влияния и взаимной учебы, синергетизма соразвития. По своей структуре оно является многослойным полиэтническим полицивилизационным единством, обеспечивающим сосуществование различных этносов и различных культур в рамках одного государства (империя, федерация, конфедерация и пр.). Евразийство по своей сущности содержит компоненты, которые присущи многим культурам. В этом смысле термин «евразийство» неточен, поскольку он привязывает суть этих отношений к евразийскому местоположению;

5) евразийство, в отличие от евроцентризма, исходит из равноправия и горизонтальной структуры взаимоотношений между различными культурами, в то время как евроцентризм исходит из вертикальных взаимоотношений культур, признания одной культуры высшей, других — низшими. Евроцентризм рассматривает ассимиляцию других культур и вымирание уникальных малых культур как естественное и неизбежное явление. Лозунги российских либералов-вестернизаторов, по сути своей, означали отказ от русской и российской культуры, ее ассимиляции западноевропейскими и американскими странами. Они наносили удар не только по культуре, но и по внутренней стабильности России как целостного государства, допускающая ее превращение в конфедерацию или даже распад на десятки новых государственных образований. Подобные идеи, получившие распространение в 1990-е годы, на деле поощряли развитие местничества и сепаратизма, выступали прикрытием для подрыва единства России.

Евразийство выступает альтернативой европоцентризму и вульгарному западничеству не только при решении внутренней задачи консолидации России как единого многонационального государства, но и в международном плане. Евразийство противодействует нивелированию национальных культур и отвергает концепцию однополярности, оно создает идейно-теоретические, политические и цивилизационные (прежде всего цивилизационно-культурные) основы создания полицентричного мира и процветания мировой цивилизации как симфонии многообразных культур.

Только Россия, основывающаяся на евразийской парадигме, способна решить проблемы возрождения, сохранения своей территориальной целостности, подъема культур всех населяющих ее народов и расцвета русской культуры, стержень единства и взаимодействия цивилизаций.

Только Россия, базирующаяся на евразийской парадигме, способна играть важную роль и взаимодействовать в рамках таких международных структур, как ШОС, РИК и БРИК, вести диалог в рамках АТЭС, регионального форума АСЕАН по безопасности и форума «Азия – Европа», активно участвовать в совещаниях по взаимодействию и мерам доверия в Азии и Восточноазиатских саммитах. Лишь на платформе евразийства российская дипломатия сможет наиболее продуктивно работать в рамках ШОС и АТЭС и вносить свой вклад в преодоление разделительных линий в Азиатско-Тихоокеанском регионе и налаживание равноправного сотрудничества в рамках «Большой двадцатки».

Только Россия как евразийская держава способна добиться признания равноправия и взаимовыгодности ее суверенных отношений с Европейским Союзом и США, наладить отношения с новыми растущими экономиками, интегрироваться в региональные структуры.

Евразийская Россия никому не навязывает свои взгляды и свой образ действий. Наша страна открыта для конструктивного диалога с представителями культур Запада и Востока. Сохранение и развитие Россией евразийской идентичности будет способствовать внутренней консолидации страны, укреплению ее территориальной целостности, сделает ее надежным и перспективным партнером для всех стран мира.

РОССИЙСКОЕ КИТАЕВЕДЕНИЕ КАК ФАКТОР ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ¹

1. Российское китаеведение ведет начало с основания Русской духовной миссии в Китае, образованной с согласия русского императора Петра I и китайского императора Кань Си в 1711 году. Таким образом, изучение Китая в России систематически ведется в течение 300 лет. В настоящее время российское китаеведение объединяет около 1,5 тыс. специалистов различных направлений — лингвистов, экономистов, историков, филологов, политологов, археологов, математиков, астрономов. За эти три столетия российские ученые внесли огромный вклад в объективное и всесто-

¹ Доклад представлен на XIII Международные Лихачевские научные чтения (2013 г.).

роннее изучение Китая, распространение среди общественности страны знаний об истории, о достижениях в области экономики, науки, культуры, искусства в соседней стране. Характерной чертой российского китаеведения является глубокое уважительное отношение к истории и традициям китайского народа.

2. XVIII – XIX века были периодом становления и подъема российского китаеведения. Главными направлениями в этот период были изучение китайского языка, китайской культуры, традиций, истории и содействие деловым торгово-экономическим контактам между Китаем и Россией. В середине XIX века усилиями великих российских ученых Н. Я. Бичурина, В. П. Васильева и С. М. Георгиевского, митрополита Кафарова (Палладия) сложилась именно российская школа китаеведения, главной особенностью которой является комплексный подход к объекту изучения, особое внимание к исследованию первоисточников. Изучение началось с составления словарей китайского языка и изучения нравственных начал китайского народа (И. К. Рассохин, А. Л. Леонтьев, XVIII в.). Первым произведением — переводом китайских первоисточников на русский язык — был «Канон трех иероглифов» — «Сань цзы цзин» — «Свод нравственных правил».

3. Основателем лучших научных традиций российского китаеведения является великий китаевед Н. Я. Бичурин (в монашестве — Иакинф) — автор многих уникальных трудов по истории, этнологии, экономике, философии, литературе Китая, которые сохраняют свое познавательное значение до сих пор. Он является составителем наиболее полного словаря и автором транскрипции китайского языка, которая наиболее адекватно передает звуковую гамму пекинского диалекта китайского языка и сохраняется в России по настоящее время.

4. Характерно, что позиции российского китаеведения XIX века нередко серьезно расходились с официальной позицией царского правительства. Так, российские китаеведы сочувственно относились к восстанию тайпинов, осуждали участие России в подавлении боксерского восстания (ихэтуаней) и экспансионистские акции царского правительства в отношении Китая.

История российского китаеведения XIX века также связана с именами таких выдающихся ученых, продолжателей дела Бичурина, как В. П. Васильев, С. М. Георгиевский, К. А. Скачков, П. С. Попов, П. И. Кафаров. Выдающаяся заслуга Кафарова и Попова заключается в том, что ими подготовлен и издан уникальный энциклопедический словарь китайского языка в двух томах.

Выдающимся достижением этого периода является «История китайской литературы», подготовленная профессором В. П. Васильевым, перевод классиков китайской философии — Конфуция, Мэн-цзы, Хань Фэй-цзы и др. В этот же период началось изучение китайской религии, особенно буддизма.

Ученик В. П. Васильева С. М. Георгиевский выпустил в середине 1880-х годов фундаментальные труды «Важность изучения Китая» и «Принципы жизни Китая», которые советский синолог А. А. Петров называл «лучшей книгой по идеологии Китая». В трудах Георгиевского впервые был подвергнут критике тезис об «исторической окаменелости» Китая, а также тезис Гегеля о том, что Китай стоит «на самой низшей ступени самопознания всемирно-

го духа», и тезис Канта о том, что «Небесная империя стоит на весьма низкой ступени развития».

5. В первой половине XX века изучение Китая в России было теснейшим образом связано с глубоким интересом общественности нашей страны к жизни народа соседней страны, его самоотверженной борьбе за независимость, социальному прогрессу и сопротивлению японской агрессии. Заслужившей советских китаеведов было то, что их опыт становился источником выработки политики государства на китайском направлении, политики активной поддержки борьбы китайского народа за свое освобождение, за утверждение независимости. Воплощением такого подхода стал выход в 1940 году под редакцией академика В. М. Алексеева сборника «Китай», в котором приводились энциклопедические сведения по всем основным аспектам жизни Китая — от археологии и истории до философии и очерков хода антияпонской войны.

6. С начала движения 4 мая 1919 года и в ходе антияпонской войны сложились тесные контакты между лучшими представителями советской и китайской интеллигенции, сформировался полноценный культурный диалог между российской и китайской цивилизациями. Его выдающимися участниками с китайской стороны были писатели и политики Лу Синь, Цюй Цюбо, Мао Дунь, Го Можо, Лао Шэ, философы Ян Санжэнь и Хоу Вайлу, артист пекинской оперы Мэй Ланфань и другие, а с российской стороны — писатели Горький, Маяковский, Островский, Фадеев, Симонов, китаисты академик В. М. Алексеев, журналист В. Н. Рогов, С. Л. Тихвинский, Н. Т. Федоренко, многие российские китаеведы — дипломаты А. С. Панюшкин, А. А. Петров и другие выдающиеся деятели российской культуры. Именно этот диалог китайской и российской культур содействовал формированию открытости китайской культуры, стал мощным фактором обменов и взаимной учебы.

7. В середине XX века после образования КНР развитие китаеведения в СССР получило новый мощный импульс. В те годы тысячи китайских студентов учились в советских вузах, российские студенты учились в Китае. Так сформировался диалог на уровне страноведов и русистов. Следует отметить, что в сложные драматические годы развития Китая, связанные с так называемой великой «пролетарской революцией», главной тенденцией российского китаеведения по-прежнему оставалось обстоятельное комплексное изучение истории культуры Китая, китайского языка, истории КПК и внешней политики КНР. В 1970-е годы был издан учебник по истории Китая. Тогда же вышел целый ряд книг по истории революционного движения 1920—1940-х годов в КНР, истории КПК, исследования взглядов Кан Ювэя, перевод трудов легистов «Шаньшу», а также Мао Цзэдуна, Пын Бая, Чэнь Дусю, Ли Дачжао, Цюй Цюбо, Лю Шаоци, Чэнь Юня и другие исследования по философии Лао-Цзы, Конфуция, Мо Ди и его последователей, Шан Яна, Ханьфэйцзы, Чжуан-цзы, Сюнь-цзы. В Улан-Удэ сложилась школа по изучению чаньбуддизма и тибетского ламаизма.

В 1972—1973 годах вышли два тома — «Антология древнекитайской философии» и «Антология философии эпохи Хань». В эти же годы вышли перевод и исследование трудов Сунь Ятсена, осуществленный академиком С. Л. Тихвинским, а также «Антология философии Китая XIX века», велась интенсив-

ная подготовка Большого китайско-русского словаря в четырех томах. Эта работа была удостоена Государственной премии. В XX веке в СССР вышли многочисленные переводы классиков китайской художественной литературы и поэзии Цюй Юаня, Бой Цзюйи, Ли Бо, Ли Цзиньчжао, Тао Юаньмина, новеллы Пу Сунлина, романы «Троецарствие», «Сон в красном тереме», «Речные заводи», «Путешествие на Запад», сборники китайских сказок, мифов, древних преданий, поговорок и т. д.

В Институте востоковедения АН СССР регулярно проводились многоплановые, многодневные научные конференции на тему «Государство и общество в Китае». В Институте Дальнего Востока (ИДВ) АН СССР проходили многочисленные научные конференции по экономике, культуре, истории современного Китая. В конце 1980-х годов ИДВ положил начало традиционным международным конференциям под общим названием «Китай, китайская цивилизация и мир», которые продолжаются и по сей день. В 2011 году такая конференция была посвящена теме «Вековой путь Китая к прогрессу и модернизации (К 100-летию Синьхайской революции)». На этой многодневной конференции было заслушано более 100 научных сообщений.

8. Нынешний невиданный подъем Китая начался с проведения политики реформ и открытости с конца 1970-х годов. Российскими учеными-китаеведами опубликованы сотни трудов и научных докладов, посвященных изучению различных аспектов развития Китая, издано более 100 трудов, которые охватывают различные аспекты опыта китайских реформ и политики открытости, в том числе серия трудов о развитии китайской промышленности, сельского хозяйства, транспорта, о правовом обеспечении политики реформ и инвестиционном климате, месте и влиянии китайской экономики в мировой экономике, а также многочисленные труды о советско-китайских отношениях.

В это же время выдающийся российский китаевед Р. В. Вяткин осуществил перевод многотомного труда Сыма Цяня «Исторические записки» («Ши цзи»). В 1994 году российские китаеведы издали экспериментальный уникальный труд — энциклопедический словарь «Китайская философия», который положил начало 15-летней работе, завершившейся изданием 6-томной энциклопедии «Духовная культура Китая». Этот труд в 2010 году был удостоен Государственной премии. Следуя примеру выдающегося английского синолога Нидема, эта энциклопедия дает целостную картину истории становления и развития пятитысячелетней духовной цивилизации Китая, раскрывает истоки жизненности и способности к самообновлению этой великой культуры великого народа.

Важным новым моментом является то, что именно в годы «культурной революции» в Китае в СССР началось издание Антологии китайской классической литературы в 40 томах. До распада Советского Союза вышло 15 томов, которые включали переводы произведений Го Можо, Мао Дуня, Лао Шэ, Ба Цзиня, Дин Линь, Чжао Шули, Ай Цина, а также классические романы. Это издание охватывает всю трехтысячелетнюю китайскую литературу. С большим удовлетворением можно доложить участникам конгресса, что все основные классические памятники китайской литературы, искусства и истории в настоящее время переведены на русский язык.

9. Российские синологи придерживаются той точки зрения, что стержнем и методологической основой становления китайской цивилизации и духовности является китайская философия: учение об изменении, о взаимодействии пяти первоэлементов и противоположных сил «Ян» и «Инь», а также учение о гуманности, мудром управлении, этических основах отношений в обществе и семье, о формах познания, о закономерностях «Дао» и «Дэ» и взаимоотношениях человека и природы, учение о гармонии и благоденствии. Многие из этих идей сохраняют свое влияние и по сей день, например учения о «сяокан», о пяти первоэлементах, об «Инь» и «Ян» и т. д. Поэтому, как было показано выше, особое внимание российские китаеведы уделяли и уделяют изучению философских памятников и памятников, связанных с духовной культурой Китая. И здесь можно смело сказать, что абсолютное большинство классических памятников доцинского периода, а также философские труды многих мыслителей Ханьской, Танской, Сунской, Юаньской, Миньской, Циньской династий и современного Китая также переведены на русский язык.

10. Наметившийся подлинный диалог между российской и китайской цивилизациями способствовал росту в России глубокого интереса к китайской культуре и ее опыту духовного и физического совершенствования. Показателем этого является широкое распространение китайского языка. Почти в 100 университетах и институтах России в последние годы созданы факультеты или отделения китайского языка. Возникло немало средних школ и лицеев, в которых изучают китайские оздоровительные системы цигун, тайцзицюань, кунфу и т. п.

В России в настоящее время функционирует более 20 крупных центров изучения современного Китая. Ведущим среди них является Институт Дальнего Востока РАН, в котором более 100 научных сотрудников-китаистов занимаются комплексным изучением истории, экономики, политики, культуры, философии Китая. За 50 лет своего существования Институт подготовил более 500 фундаментальных трудов о китайской культуре, истории, экономике, политике, философии.

Под руководством академика С. Л. Тихвинского вышло 11 томов документов по истории российско-китайских отношений, начиная с 1686 года и по настоящее время. Работа по изданию этих документов продолжается. Со старокитайского взньяна, маньчжурского, тибетского, старомонгольского языков переведены и прокомментированы тысячи важных документов. Это огромный труд. Ныне под руководством С. Л. Тихвинского наши сотрудники вместе с сотрудниками других китаеведческих центров России завершают работу над фундаментальным трудом — 10-томной «Всеобщей историей Китая с древнейших времен до наших дней», который призван удовлетворить огромный интерес российской общественности к истории нашего великого соседа.

При поддержке наших немецких и китайских друзей российские китаеведы в конце 1990-х годов и в начале XXI века издали уникальный 7-томный труд «ВКП(б), Коминтерн и Китай», в котором опубликован огромный комплекс документов из совершенно секретных архивов Политбюро ЦК КПСС и Коминтерна. Главные редакторы и составители этого издания: профессор ИДВ РАН М. Л. Титаренко, А. М. Григорьев, А. И. Картунова, К. В. Шеве-

лев и профессора Свободного университета Берлина Го Хэйюй, М. Лейтнер, профессор Берлинского университета им. Гумбольдта Р. Фельбер. Публикация этих документов позволила прояснить немало неясных моментов из истории китайской революции, истории советско-китайских отношений и международных отношений на Дальнем Востоке в целом.

На основании изучения 400-летней истории двусторонних отношений российские ученые пришли к выводу, что коренные национальные интересы России и Китая не противоречат друг другу, они часто совпадают или параллельны друг другу. Наши страны могут совместно развивать экономики, взаимно обогащать культуры, поддерживать друг друга на международной арене. Выход отношений России и Китая на уровень всеобъемлющего стратегического взаимодействия и доверительного партнерства создает условия для дальнейшего развития и подъема российского китаеведения с опорой на тесное сотрудничество ученых двух стран.

В России высоко ценят ту роль, которую играют китайские русисты в укреплении взаимопонимания между нашими странами. Российские ученые поддерживают отношения с соответствующими китайскими институтами и университетами. Наше сотрудничество в области науки, следуя духу времени, переходит на новый этап осуществления крупных совместных проектов. Создан Российско-китайский центр изучения экономики и мировой политики между ИДВ РАН и Университетом Цинхуа (содиректор с китайской стороны — профессор Ван Ци). Успешно функционирует такой же центр по изучению приграничного сотрудничества между Россией и Китаем при Цзилиньском университете в г. Чаньчуне (содиректор центра — профессор Чжу Сянпин). Мы высоко ценим усилия русистов Сычуаньского университета иностранных языков, которые в 2010 году провели первую международную научную конференцию «Российское китаеведение». Китайские коллеги в Сычуаньском университете взяли на себя организацию перевода 6-томной энциклопедии «Духовная культура Китая».

Изучение Китая в России и изучение России в Китае — это два синергетически влияющих друг на друга процесса, которые служат углублению взаимопонимания и взаимовыгодного сотрудничества между нашими народами и странами.

Главным выводом, который напрашивается после изучения этих многотомных документов по многовековой истории российско-китайских отношений, является тезис о том, что наши народы все эти годы стремились найти взаимоприемлемые основы и взаимовыигрышные нормы мирного сосуществования, платформу сотрудничества, добрососедства и дружеского взаимодействия. Конечно, в этой многовековой истории были, к сожалению, и драматические периоды, и горькие страницы. Но не все были главной ведущей тенденцией. Изучение Китая российскими китаеоведами создает прочную базу для формирования отношений всеобъемлющего доверительного партнерства между нашими странами, для поддержания конструктивного межцивилизационного диалога. Интерес к современному Китаю в России в значительной мере связан с тем, что наши страны объединяет общность или близость стратегических интересов. И Россия, и Китай идут по пути модернизации и подъема. Эту общность интересов хорошо охарактеризовал президент В. В. Путин, который заявил, что наша зада-

ча — «поймать ветер китайских реформ в паруса России» с тем, чтобы стимулировать всестороннюю модернизацию нашей страны. «Россия, — подчеркнул В. В. Путин, — желает видеть могучий процветающий Китай. Мы уверены, что Китай имеет аналогичное желание видеть Россию сильной процветающей страной».

11. Одна из задач, стоящая перед российским китаеведением, состоит в том, чтобы сделать знание истории Китая, его традиций основой для понимания опыта китайских реформ и его политики мирного развития и повышения.

Наши исследования показали, что развивающаяся российская евразийская идентичность во многом близка к конфуцианским подходам культурного развития. Наши исследования специфики и духовной культуры Китая показали особое значение в истории развития китайской культуры тезиса о «гармонии без навязывания единства» («хэ эр бу тун»), а также диалектику развития о «слиянии двух различий в единое» («хэ эр эр и») и «раздвоение единого» («и фэн вэй эр»).

Российские китаеведы своими исследованиями стремятся создать максимально благоприятные предпосылки для укрепления взаимопонимания и доверия между нашими народами. В связи с этим нам нередко приходилось оказываться под серьезным прессом общественного мнения, когда в 1980 — 1990-е годы в России получила широкое распространение «концепция страха», так называемый прогноз о неизбежности распада Китая, а также концепция некой «китайской угрозы». Российские ученые в своих исследованиях объективно, на фактах, показали несостоятельность этих утверждений.

Российские ученые составили собственные прогнозы, которые были основаны на позитивной оценке перспективы длительного устойчивого роста китайской экономики, а также на признании заинтересованности Китая в проведении политики мира и добрососедства.

В труде Б. Н. Кузыка и М. Л. Титаренко, вышедшем в 2006 году, — «Китай — Россия 2050: стратегия соразвития», показана общность интересов и стремление России и Китая к построению справедливого общества на основе стратегии соразвития. Эта разработка российских китаеведов послужила научной основой политических решений о выработке совместных программ подъема Сибири и районов Дальнего Востока и китайского Дунбэя.

В связи с этим в России с глубоким вниманием изучают опыт современной политики реформ и открытости. Среди российских китаеведов существуют различные точки зрения, однако доминирующей остается мысль об исключительной ценности китайского опыта и его большом международном значении.

Для российской общественности успешный опыт и уроки межкультурного диалога и межкультурных обменов между Россией и Китаем имеют большое значение для становления и укрепления евразийской идентичности российской цивилизации и противодействия попыткам с помощью вестернизации выхолостить самобытность русской культуры.

П. П. Толочко¹

ИМПЕРИИ КАК ВЕРШИНЫ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ²

Когда в 1991 году распался Советский Союз, ликованием так называемой демократической общественности (мировой и отечественной) не было предела. Многим тогда казалось, что с уходом с исторической арены последней империи мир наконец обретет более справедливое обустройство. При этом понятие «империя» в политологической пропаганде стало отождествляться с чем-то не вполне естественным в истории мирового развития.

Наверное, подобную эйфорию испытывали варвары, сокрушившие Рим, или европейские крестоносцы, уничтожившие Византию. Возможно, также полагали, что совершили благие деяния, хотя в действительности в обоих случаях обрушили историческое развитие, нанесли ему невосполнимый урон.

Дело в том, что империи во все времена были не просто закономерными стадиями государственного развития, но еще и закономерно прогрессивными, выведшими человечество на пик его культурной эволюции. Разумеется, это не были миры всеобщего благоденствия. Все империи представляли собой мощные военно-бюрократические образования, всегда экспансивные по отношению к другим странам и народам и существовавшие за счет жестокой эксплуатации своих подданных, как в колониальной периферии, так и в метрополии. Конечно, они не пользовались особой любовью у покоренных народов, но были именно теми государственными структурами, которые позволяли аккумулировать экономические ресурсы больших пространств и обращать их на культурное развитие в самом широком значении этого понятия. И не случайно многие империи со временем становились цивилизациями.

Особенно показательным примером этому является Античность, ставшая, по существу, фундаментом нынешней европейской цивилизации. Человечество и сегодня восторгается афинским Акрополем или римским Колизеем, не задумываясь над тем, сколько в них рабского пота и крови. Греция и Рим были крупными рабовладельческими империями древности, подчинившими себе огромные пространства. Греция обладала бассейнами двух морей — Средиземного и Черного, а владения Рима простирались до Атлантического

¹ Директор Института археологии Национальной академии наук Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор исторических наук, профессор. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. 25 книг: «Древний Киев», «Древняя Русь», «Древнерусский феодальный город», «Историчні портрети» («Исторические портреты»), «Русские летописи и летописцы X – XIII вв.», «Володимир Святий — Ярослав Мудрий» («Владимир Святой — Ярослав Мудрый»), «Від Русі до України» («От Руси к Украине»), «Древнерусская народность, воображаемая или реальная», «Власть в Древней Руси X – XIII вв.», «Украинцы в России» и др. Председатель Украинского общества охраны памятников истории и культуры, член Академии Европы (Лондон), член-корреспондент Центрального немецкого института археологии. Лауреат Государственной премии УССР в сфере науки и техники, Государственной премии Украины, премии НАН Украины им. М. С. Грушевского, премий Макариевской и Александра Невского (Россия). Награжден орденом князя Ярослава Мудрого III – V степени, орденами «Знак Почета», Дружбы (Россия).

² Доклад представлен на XIII Международные Лихачевские научные чтения (2013 г.).

океана. Жизненные ресурсы этих территорий направлялись в метрополии, овесящаясь там в великолепных дворцах и храмах, предметах искусства, школах, обустроенной инфраструктуре.

Однако, паразитируя на покоренных народах, Греция и Рим не только брали, но и отдавали. Регионы их присутствия вовлекались в единую социально-экономическую и военно-политическую систему, окрашивались в культурные цвета империй. Разумеется, речь идет о провинциальных вариантах греческой или римской культур, но и в этом случае население подвластных областей многое приобретало. Варвары становились, если можно так выразиться, немного греками и римлянами. И не случайно европейские народы, которые оказались в имперской орбите античных государств, в последующие периоды постоянно опережали в развитии своих соседей, чья судьба миновала судьба быть покоренными.

Сказанное о Греции и Риме справедливо и по отношению к империям Средневековья. Известно, сколь велика была культурно-историческая миссия Византийской империи, явившейся наследницей античной цивилизации. Она объединила десятки европейских и азиатских народов и была наиболее развитой страной средневекового мира. Несомненно, цивилизацией христианско-православной.

Составной частью византийского содружества наций являлась Киевская Русь. Она также была империей и также выполняла важную культурно-историческую миссию на огромных пространствах Восточной Европы. Благодаря ей многие народы (угро-финские на северо-востоке и тюркские на юге) приобщились к христианской традиции в ее византийско-русском православном варианте и в конечном счете приняли участие в сложении общерусского культурного пространства.

Для стран средневековой Европы важнейшим условием экономического и культурного развития явилось образование Священной Римской империи.

В Новое время имперский статус имели Великобритания, Франция, Австрия, Россия, Турция и некоторые другие страны. Исследуя становление, развитие и упадок этих империй, историки оценивают их преимущественно с точки зрения гуманизма и справедливости, указывая на их авторитарный и эксплуататорский характер, а также на шовинистическую сущность по отношению к покоренным народам. Некоторые из названных империй удостоились весьма нелестных оценок. Особенно досталось России, получившей определение «тюрьмы народов», а также ее преемнику — Советскому Союзу, к которому был приклеен ярлык «империи зла».

Оба определения никакого отношения к реальной действительности не имели. Это были продукты чистой идеологии, стремления западной пропаганды опорочить конкурента и тем самым ослабить его. Во время правления президента США Рейгана, которому якобы принадлежит сомнительная честь изобретения одного из приведенных эпитетов, Советский Союз, вошедший в стадию застоя, никакой империи зла собой не представлял. Такое определение больше подходило к самим США. Это на их совести истребление индейских аборигенов Северной Америки, тогда как в России и Советском Союзе не было потеряно практически ни один малый народ. Это их военные базы находились на всех материках. И, наконец, это они, а не Россия вели и ведут перманентные войны в разных регионах мира¹.

¹ Американский писатель Гор Видал саркастически называл эти войны США «вечными», ведущимися «ради вечного мира».

Сказанное, впрочем, не дает оснований ни идеализировать, ни демонизировать имперский путь развития. Необходимо отдавать отчет, что становление империй всегда сопряжено с насилием. В той или иной степени сильный распространяет власть на слабых, не сообразуясь с их жизненными интересами и традициями. В Новое время власть европейских империй (Испанской, Британской, Французской и др.) распространилась на народы Африки, Индокитая, Южной и Северной Америки. Часто с трагическими последствиями для местного населения, как это имело место с народами и культурами Южной и Северной Америки. Благодаря распространению власти европейских стран на другие материки в их закрома потекли богатства со всего мира, обеспечив им бурное технологическое и культурное развитие.

Аналогичное ускорение обрела и Россия, и также в значительной степени потому, что овладела огромными пространствами и природными ресурсами в азиатском регионе. Вспомните пророчество М. Ломоносова, что «богатство России будет прирастать Сибирью».

Хорошо это или плохо? Наверное, и то, и другое. Однако вряд ли продуктивно рассуждать о возможных лучших альтернативах. История не знает сослагательного наклонения. Было именно так, и только свершившаяся реальность подвластна нашему анализу. Если говорить о цивилизационных обретениях, то необходимо признать, что именно имперский путь развития обеспечивал человечеству максимальный прогресс. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить о таких имперских (и цивилизационных) символах Нового времени, как Лувр, Эрмитаж, дворцовые и храмовые комплексы Санкт-Петербурга, Парижа, Вены, Будапешта, Лондона и др. В каждом из них воплощены высшие мировые достижения в архитектуре и искусстве.

Однако, как и в далеком прошлом, в Новое время также приобретали не только метрополии. Многие получала и имперская периферия. Она втягивалась в государственные правоотношения европейского типа, обретала социально структурированные сообщества и собственные управленческие бюрократические аппараты. В ряде случаев приобщалась к европейской христианской вероисповедальной и цивилизационной традиции. Не случайно после крушения классической имперско-колониальной системы многие народы Азии, Африки и Южной Америки оказались подготовленными к независимому государственно-политическому саморазвитию.

Разумеется, Россия и ее преемник Советский Союз не были исключением из правил. Хулители этих имперских образований, усердно трудившиеся над развалом «последней империи», называли Советский Союз неестественным, тоталитарным и экономически неэффективным образованием, в котором Россия только тем и занималась, что эксплуатировала и угнетала национальные окраины, удерживая их в колониальном статусе.

Что-то из сказанного справедливо, но в целом внедрявшийся в сознание людей зловещий образ Советского Союза ничего общего с реальностью не имел. Ведь именно это имперское государство оказалось способным создать мощную индустрию, передовую науку, высокую культуру, выстоять и победить в смертельной схватке с немецким фашизмом и, в конечном счете, первым отправить человека в космос. Определенно, все это требовало огромного напряжения сил всего общества, что было невозможно без жест-

кой централизации системы управления и экономического отчуждения, одинаковых на всем государственном пространстве.

В отличие от многих империй, в Советском Союзе по существу не было метропольного центра и колониальной периферии. Все это из области идеологической пропаганды. Индустриализацией были одинаково охвачены все регионы страны. В некоторых национальных республиках, как, к примеру, на Украине, уровень развития промышленности и сельского хозяйства был даже выше, чем в самой России. После развала Советского Союза Украина, по оценкам многих зарубежных специалистов, входила в десятку наиболее развитых европейских стран¹.

Все союзные республики являлись национальными государственными образованиями, в которых были подготовлены собственные управленческие кадры, национальная научная и творческая интеллигенция, достаточно четко определены административные границы. С распадом Советского Союза они в одночасье стали суверенными государствами, по существу на той же национально-территориальной основе и с той же национальной администрацией. Первые секретари центральных комитетов коммунистической партии легко превратились в президентов суверенных государств.

Возникает вопрос. Если государства-империи являются закономерными этапами в развитии человечества, к тому же демонстрирующими необычайную культурно-историческую эффективность, то почему они неизменно терпят крушение? Ответ на него одновременно прост и сложен.

Прост, если исходить из общих законов диалектики. Ничто в этом мире не бывает вечным, в том числе и форма государственной организации общества. На ее жизнеспособность влияет множество факторов, как внешних, так и внутренних.

Внешние факторы — это жесткое, а часто и жестокое противостояние с аналогичными имперскими образованиями, стремящимися избавиться от конкурента. В давние периоды — посредством войн, в новые — войн и идеологических диверсий. В наше время наглядным примером этому может служить распад Советского Союза. Конечно же, он «умер» естественной смертью. Ему помогли «умереть», в том числе и США. В этом они признались устами государственного секретаря А.-Ф. Даллеса и президента Б. Клинтона. Первый, как известно, для разложения СССР предложил культивировать в нем национализм, ненависть к русскому народу, способствовать созданию хаоса и неразберихи, а другой подытожил проделанную работу, сказав, что «расшатал идеологические основы СССР, мы сумели бескровно вывести из войны за мировое господство государство, составлявшее основную конкуренцию Америке». Поразительно, но выстоявшая в «горячих» войнах со странами Антанты и гитлеровской Германией Российская империя, трансформировавшаяся в СССР, не выдержала конкуренции в войне холодной, идеологической.

Внутренние факторы — это естественное старение имперских систем, подтачиваемых в том числе и извечными размышлениями интеллектуальных элит над вопросом разумности существующего государственного мироустройства. Их оппозиционное недовольство, как правило, всегда нахо-

¹ В настоящее время уровень ее совокупного производственного потенциала не превышает 70 % от того, что был в 1990 году.

дило сочувствие и материальное стимулирование со стороны конкурентных стран. Нередко такая кооперация приводила к революционным взрывам, сокрушавшим империи, как это случилось с царской Россией и цесарской Австро-Венгрией. Правда, быстро выяснялось, что «новый мир» ничуть не лучше «старого» и никакого пресловутого освобождения народов от имперской тирании не происходило. Все заканчивалось банальной сменой правящих элит¹.

Теперь попробуем разобраться, в чем сложность ответа. Думается, она в том, что в реальной жизни крушение терпели империи, но не имперская идея. В действительности имперский феномен никогда не уходил с исторической арены. Испытав поражение в одном регионе, он проявлялся в другом. Нередко одна имперская система сменялась другой практически на той же территории. Как Османская мусульманская, пришедшая на смену Византийской православной. Еще более показательный пример являет нам отечественная история, когда коммунистический Советский Союз сменил капиталистическую Российскую империю, сохранив все ее территориальное наследие.

И конечно, в этом меньше всего повинен субъективный фактор. Неизмеримо больше здесь объективной закономерности. Человеческий опыт, раз осознав, что прогрессивное развитие невозможно в условиях разобщенности, уже не мог отказаться от создания больших государственных образований. Не мог в прошлом и не может в наше время. Рассуждения о гибели «последней империи», коей был Советский Союз, являются не чем иным, как криводушным фарисейством. Особенно когда они звучали из уст американских и западноевропейских государственных деятелей и идеологов. Ведь сами-то они жили в империях.

Без каких-либо натяжек под это определение подходят США, наиболее мощная страна в мире. Они, как в свое время Великобритания, являются владыками морей и океанов. И можно сказать, что на подконтрольных им территориях также не заходит солнце. Имперским образованием является и Европейский Союз, имеющий надгосударственные управленческие органы, единую валютно-денежную систему, унифицированные вооруженные силы и военный блок в лице НАТО. Стоит ли доказывать, что столь мощный в экономическом и военном отношении союз способен не только оказывать существенное влияние на развитие европейского континента, но и навязывать свою глобализационную волю народам других регионов. Нередко, к сожалению, и посредством военной силы².

Однако же и слухи о гибели «последней империи», выражаясь словами классика, оказались сильно преувеличенными. Россия продолжает оставаться великой державой и без отделившихся от нее территорий. К тому же ло-

¹ По существу, идеологическая война против России продолжается и поныне. Запад и США финансируют сотни общественных институций России, которые под видом борьбы за демократию объективно подрывают государственное единство страны.

² Как считает профессор славистики Лозаннского университета Э. Надточий, «в рассуждениях борцов с агрессией проклятого НАТО содержится очевидная ошибка: они все еще живут в мире "публичного европейского права" неких "суверенных государств". А <...> мир этого права давным-давно умер, и живем мы во всемирном мегаполисе, где порядок поддерживает всемирная полиция». Вот только не объяснил лозаннский профессор, кто уполномочил США и НАТО исполнять роль всемирного полицейского.

гика исторического развития на постсоветском пространстве неизбежно приведет к его экономической, политической и военной реинтеграции. Разумеется, на новых началах. Это объективный процесс, хотя еще и не до конца осознанный новыми элитами постсоветских стран. Над ними довлеет синдром неожиданно обретенной суверенности, хотя она в условиях глобализации является весьма относительной. Поэтому они, если рассчитывают на успешное развитие своих стран и благополучие народов в нынешнем агрессивно-конкурентном мире, вынуждены будут идти по пути реинтеграции или интеграции с другими объединениями — так, как это сделали страны Восточной Европы и прибалтийские республики, быстро сдавшие свои суверенности Европейскому сообществу и НАТО.

По существу, процессы, аналогичные европейским, определились уже и на постсоветском пространстве, подтверждением чему стало создание Таможенного союза между Россией, Белоруссией и Казахстаном. На очереди вхождение в него Киргизии и других стран.

Как известно, приглашение войти в ТС получила и Украина, однако ее политическое руководство не спешит его принять. Будто бы из-за опасения потерять свой суверенитет и вновь оказаться в имперском образовании во главе с Москвой. Удивительно, но аналогичные соображения напрочь отпадают, когда речь заходит о возможной интеграции Украины в Европейский Союз. В империи во главе с Брюсселем согласны быть и без суверенитета. Правда, туда Украину не только не приглашают, но и откровенно дают понять, что в обозримое историческое время вообще не примут. Стоит ли доказывать, что стояние в одиночестве на историческом распутье хуже, чем движение в любом направлении? Тем более в восточном, где сосредоточены все основные цивилизационные и экономические интересы Украины. С одной Россией она имеет товарооборот в два раза больший, чем со всеми странами ЕС.

Разумеется, объединенная Европа и США не хотят возрождения Российской империи, даже в ее новых конфедеративных формах. Предпринимаются различные попытки помешать этому процессу, свидетельством чему является заигрывание с Украиной, Грузией, Молдовой и другими постсоветскими странами. В них устраиваются, в значительной степени на американские деньги, так называемые «цветные революции», приводятся к власти лояльные Западу и, естественно, антироссийские политические режимы.

И тем не менее, несмотря на активное противодействие, объединительные процессы на постсоветском пространстве необратимы. И нет сомнений, что в итоге они приведут к созданию мощного политического и экономического объединения во главе с Россией. Разумеется, с наднациональными органами управления, которые будут действовать на основе консенсуса и располагаться необязательно в Москве. Есть основания полагать, что к Евразийскому союзу, после долгого и безответного стучания в европейскую дверь, вынуждена будет присоединиться и Украина. Может показаться парадоксальным, но такое развитие событий не столько в интересах самой России или огромного евразийского региона, сколько в интересах всего мира, поскольку определенно сообщит ему большую стабильность¹.

¹ К такому выводу пришел в последнее время, в частности, Збигнев Бжезинский. Говоря о взаимоотношениях Украины и России, он отметил, что они могут быть добрыми соседями. В противном случае европейский континент разбалансируется и потеряет равновесие.

Говоря о современных империях, мы должны отдавать себе отчет в том, что они не похожи на своих предшественниц. В большей мере это проявляется в их внутренней полицентричной структуре, обретающей конфедеративные формы, а также в лучшей сбалансированности экономических интересов стран, образующих эти неоимперии. Что касается их отношения к внешнему миру, то здесь принципиальных изменений не произошло. Как и прежде, они экспансивны и диктуют свою глобализационную волю слабым.

Примеров этому множество. Наиболее свежий — так называемая «арабская весна». Инспирированная США и Североатлантическим альянсом, она ввергла народы арабского Востока в пучину хаоса и гражданского противостояния. Внешне это представляется как забота о свободе и демократии арабов, в действительности преследуется цель стратегического господства и беспрепятственного доступа к энергетическим ресурсам региона. Как это раньше имело место в Ираке, на Балканах, в Афганистане.

Можно сокрушаться по этому поводу, обвинять названные имперские образования в экспансионизме и эгоизме, но нельзя не признать тот очевидный факт, что благодаря именно этим особенностям они являются локомотивами мирового цивилизационного прогресса. И, конечно же, без мобилизации сил и ресурсов многих стран и народов, в том числе и посредством военного принуждения, достичь такого положения было бы невозможно.

Из сказанного не следует, что США и Европейский Союз будут править миром вечно. Придет время, и они так же уйдут с мировой арены, как и их более ранние предшественники. Европейский Союз уже трещит по швам. Явно не в лучшую стадию развития входят и США. В наше время процесс старения империй проходит неизмеримо быстрее, чем в прошлом.

Но это не значит, что на данном этапе и завершится имперский путь развития мира. На смену развалившимся придут новые империи. Они уже складываются. На пространстве бывшей Российской империи и Советского Союза это Евразийский союз. На Дальнем Востоке — Китай, который, несомненно, является мировой экономической империей. Не исключено, что со временем обретет имперские очертания АСЕАН. Рано или поздно по пути консолидации пойдут и страны мусульманского мира. Причем «помогут» им в этом США и ЕС. Проводя там политику «разделяй и властвуй», они наглядно показывают, сколь губительна для этих стран политическая разобщенность.

Таким образом, мировое развитие всегда определялось и будет определяться процессами глобализации, а следовательно, и образованием империй как наиболее эффективных форм организации государственной жизни, безусловно, несовершенных, но лучших исторический опыт не придумал.

ЕВРОИНТЕГРАЦИОННАЯ ДРАМА УКРАИНЫ¹

Необходимо признать, что в глобальном соревновании за Украину между Россией и США — ЕС победа осталась за евро-американцами. Они были более последовательны в подготовке на Украине своих сторонников, тогда как Россия уповала преимущественно на традиционное этническое родство русских и украинцев, полагая, что оно и без дополнительных стимулов будет нерушимым и никуда эти украинцы не денутся. Такое представление оказалось глубоко ошибочным.

Лавры евроинтегратора в западный мир, несомненно, увенчают пятого президента Украины П. Порошенко, но если быть справедливым — придется признать, что посильную лепту в этот процесс внесли и четыре его предшественника. Только на заре своей государственной суверенности Украина заявила о внеблоковом статусе. Затем постепенно и независимо от политического окраса президентских команд стала все реже вспоминать о своей декларации. Во времена президентства Л. Д. Кучмы Верховная Рада приняла закон об основах внешней политики, в котором курс на сближение с ЕС и НАТО был объявлен одним из важнейших государственных приоритетов. Правда, в нем оговаривалось, что наряду с этим Украина остается верной и стратегическому партнерству с Россией.

После так называемой «оранжевой революции» конца 2004 — начала 2005 года и прихода к власти президента-западника В. А. Ющенко о положении стратегического партнерства с Россией забыли, но зато в пользу вхождения Украины в ЕС и НАТО была развернута беспрецедентная агитационная кампания. Объявили даже всеукраинский натовский всеобуч. По распоряжению Министерства образования и науки Украины новый учебный год (2008) в общеобразовательных школах начался с единого урока, посвященного Североатлантическому альянсу. По всему чувствовалось, что «оранжевыми» властями выполнялось негласное обещание американским и натовским чиновникам подготовить Украину к определенному сроку к членству в НАТО.

По существу, мало что изменилось в вопросе о европейской интеграции и во время правления президента В. Ф. Януковича. В полном согласии с оппозицией власть развернула активную пропаганду европейских ценностей и образа жизни. Дружно убеждали народ в том, что с подписанием ассоциации он обретет все возможности, которыми обладают европейцы. На обоснованные предостережения ведущих украинских и российских экономистов (В. Мунтян, С. Глазьев, В. Геец и др.) о том, что Украина в случае включения ее в европейскую систему политических и хозяйственных отношений потеряет основные технологические производства, превратится в рынок сбыта европейских товаров, а также в резервуар дешевой рабочей силы, старались не обращать внимания. Как и на предупреждения России о невозможности сохранения с Украиной нынешнего уровня экономической кооперации в случае подписания Соглашения об ассоциации с ЕС.

В. Янукович и его окружение прозрели только за несколько дней до Вильнюсского саммита, где должно было состояться подписание этого соглашения. То ли не читали раньше многостраничного его текста, то ли были не-

¹ Доклад представлен на XV Международные Лихачевские научные чтения (2015 г.).

внимательны к его содержанию, то ли, что более реально, до последних дней надеялись на многомиллиардную помощь Европы. Полагали, и, надо сказать, не без основания, что отрыв Украины от России стоит того, чтобы быть хорошо оплаченным.

Оказалось, однако, что европейский золотой дождь над Украиной проливаться и не собирался. Кроме демократических европейских ценностей, ничего более существенного ей обещано не было. Команда В. Януковича решила отложить подписание соглашения на некоторое время, пока не будут более четко определены объемы и условия экономической помощи от ЕС, а главное — статусность зон свободной торговли с Россией и Западом.

Но США и ЕС ждать уже не хотели. Совместно с украинской оппозицией, ими же и вскормленной, они устроили в центре Киева так называемый евромайдан. С его трибуны евро-американские чиновники призвали украинцев к свободе и демократии, а фактически к восстанию против законной власти. По существу, Майдан, центр управления которым, как теперь выяснилось, находился в посольстве США на Украине, на долгие месяцы стал альтернативной властью. Ярким примером этому может служить синхронный штурм 12 областных администраций, последовавший 23–24 января 2014 года, девять из которых оказались в руках майдановцев. После оставления Киева президентом В. Януковичем в ночь с 21 на 22 февраля 2014 года власть полностью перешла в руки Майдана. Именно с его одобрения Верховная Рада утвердила временное правительство и временного президента Украины. Правда, суверенные действия Майдана были весьма относительными. Судя по телефонному разговору посла США на Украине Д. Пайетта и помощника госсекретаря В. Нуланд, именно США принимали решение, кто должен возглавить новую власть в Киеве. Не случайно и. о. премьер-министра А. Яценюк был немедленно принят президентом США Б. Обамой.

После этого никаких препятствий к подписанию Соглашения об ассоциации с ЕС не стало. Уже 21 марта 2014 года А. Яценюк в присутствии лидеров 28 государств — членов ЕС поставил под ним свою подпись. Правда, только под его политической частью, но это уже было и не столь существенно. Всем стало ясно, что за политической ассоциацией неизбежно последуют и все остальные: экономическая, военная и др. 27 июня 2014 года президент Украины П. Порошенко подписал полностью все Соглашение. 16 сентября 2014 года его синхронно ратифицировали Европарламент и Верховная Рада Украины.

Конечно, это были юридические формальности. Фактически уже после государственного переворота Украина рассматривалась США и европейским сообществом как союзная им страна, властям которой они стали оказывать не только экономическую, но и военную помощь, в том числе и для ведения войны с собственными регионами — Донецкой и Луганской областями. Примечательно, что решение и. о. президента Украины А. Турчинова о начале так называемой антитеррористической операции было принято в дни визита в Киев директора Центрального разведывательного управления США Д. Бреннана. Вслед за ним последовали наставнические визиты в Киев вице-президента США Д. Байдена, сенатора Д. Маккейна, помощника госсекретаря В. Нуланд. О том, что именно США были «посредником» при смене власти на Украине, признался в конце января 2015 года президент Б. Обама.

Навязчивое американское наставничество привело к тому, что в стране фактически было введено внешнее управление. В министерствах были учреждены должности иностранных советников, а вскоре, после очередного визита в Киев Д. Байдена, П. Порошенко и вовсе объявил о «своей» инициативе назначить на некоторые министерские должности специалистов из других стран, мотивировав это тем, что они не будут связаны на Украине ни родством, ни кумовством. Ну а то, что они связаны «кумовством» с Вашингтоном и Брюсселем и их участие в управлении неизвестной им страной начисто лишит ее суверенной конфиденциальности, его никак не озаботило. Поразительно, что «рулить» Украиной приглашаются даже люди, преступившие закон в собственной стране и находящиеся в розыске по линии Интерпола.

Можно сказать, что у США и ЕС с Украиной начался медовый месяц. Однако, если продолжить этот метафорный ряд, придется признать, что брак неравный и заключен не по любви, а скорее по расчету, причем обоюдному. США и ЕС полагают, что получают дополнительный рынок сбыта своих товаров и дешевую рабочую силу, а Украина надеется без приложения собственных усилий обрести европейские стандарты жизни. Именно этим власти объясняют своему народу столь неестественный мезальянс.

«Что мы можем получить от России? — вопрошают они. — Там такая же бедность, как и у нас, и такая же коррупция. А вот у богатых Европы и США, являющихся образцами свободы и демократии, мы можем обогатиться принципиально иными цивилизационными и технологическими ценностями».

Как говорится, дай Бог. Но только как бы не просчитаться. Ведь точно такие же расчеты строили Болгария, Румыния и некоторые другие новые члены ЕС, которые радикального улучшения жизни так и не обрели. Да и многие другие страны сообщества, такие как Греция, Кипр, Португалия, не могут похвалиться таким уровнем развития и жизни, как в Германии, Франции или Великобритании. Отчего же для Украины будут созданы особые условия, позволяющие ей встать в ряд наиболее развитых стран?

Недавно мне довелось прочитать книгу известного украинского экономиста П. Гайдуцкого «Незалежна економіка України» (2014). Две ее главы посвящены проблемам интеграции Украины в евразийское и евросоюзное сообщества. Несмотря на евроинтеграционный пафос автора, не скрывающего своих симпатий к ЕС, фактологический материал заставляет тем не менее усомниться в безусловности такой ориентации. Оказывается, что товарооборот с Евросоюзом в 2014 году все еще меньший (31,4 %), чем с Таможенным союзом (33,3 %). При этом отрицательное сальдо внешней торговли Украины с ЕС возросло в 8 раз и составило 10,5 млрд долларов. Что касается торговли продукцией АПК, то Украина имеет положительное сальдо с Таможенным союзом (2 млрд долларов), тогда как с ЕС — только 0,8 млрд. В торговле продукцией машиностроения с Таможенным союзом Украина имеет положительное сальдо 4,8 млрд долларов, а с ЕС — отрицательное в размере 7,2 млрд долларов¹.

Автор приводит и другие содержательно близкие показатели, которые свидетельствуют, что интеграция в ЕС на безальтернативной основе гро-

¹ Гайдуцкий П. Незалежна економіка України. Киев, 2014. С. 472 — 477.

зит Украине серьезными экономическими трудностями. Разумеется, все это знает и президент П. Порошенко, поэтому и заявил перед подписанием экономической части Соглашения с ЕС, что интеграция с Европой не должна исключать нормальных экономических отношений с Россией и другими странами Таможенного союза. Вот только удастся ли это?

Одним из неоспоримых аргументов в пользу евроинтеграции является якобы «извечная европейскость» украинцев. Но это скорее свидетельство исторического невежества новых руководителей Украины. Во-первых, в стране проживают не только украинцы, а во-вторых, даже и они больше евразийцы, чем европейцы. Разумеется, это не приговор и ничего плохого в этом нет. В продолжение тысячелетий цивилизационная граница между Европой и Азией проходила не столько по Уралу, сколько по линии разграничения степи и лесостепи. В исторически обозримое время в лесостепи жили восточные славяне, в степи — гунны, авары, печенег, торки, половцы, монголо-татары. Большинство этих народов сегодня нет на исторической карте, но они не исчезли с лица земли без следа, а растворились в восточнославянском, а позже и в украинском этносах. Это заметно по антропологическому облику населения современной Украины, языку, культуре, стереотипам поведения и др.

Сказанное не означает, что Украина не может интегрироваться в Европу. Конечно, может. Но, выстраивая планы на будущее, новым ее поводырям необходимо осознавать, что значительная часть населения Украины не готова отречься от своего прошлого, не может принять формулу «одно государство — один народ — один язык». Пренебрежение интересами второй по численности этнической группы населения Украины — русской (и шире — русскокультурной), по существу, и стало причиной гражданско-го конфликта на юго-востоке страны.

Далеко не второстепенную роль здесь играет и религиозный фактор. Многие украинцы, исповедующие православную веру и являющиеся верными Украинской православной церкви Московского патриархата, не могут смириться с тем, что их церковь подвергается гонению как церковь чужой страны. И только потому, что она пребывает в каноническом единстве с Русской православной церковью. Ни греко-католики, ни католики, ни многие другие конфессии, имеющие свои сакральные и управленческие центры за рубежом, не рассматриваются как верные чужих церквей. Стоит ли доказывать, что столь несправедливое отношение к основной церковной конфессии не может не порождать в обществе серьезных противоречий?

Разумеется, сотрудничество Украины с Западом не только возможно, но и необходимо. Важно только, чтобы оно не вело к новому цивилизационному выбору Украины, как об этом неустанно заявляют евроинтеграторы. Это означало бы фактическую утрату украинцами, большей их частью, культурно-исторической идентичности. В дискуссиях на эту тему от новых этноидеологов постоянно слышатся успокоительные заверения, что ни они, ни Запад такой цели не преследуют, да это и невозможно в принципе.

Но как сказать. Наверное, и во времена Брестской церковной унии 1596 года православных русинов Галичины также уверяли, что этот церковный акт ничем не угрожает их вероисповедальной идентичности. Тем не менее значительная часть населения исторической Киевской Руси, столетия-

ми исповедовавшая православие и находившаяся в каноническом единстве с Константинополем, в одночасье превратилась в католиков и стала окормляться римским престолом. По существу, тогда на Украине произошел цивилизационный разлом, разделивший некогда единый этнос на два — родственные по языку, но различные по цивилизационной принадлежности. Негативные последствия брестского церковного переворота, осуществленного Римом и Варшавой, Украина ощущает до сих пор.

Определившись со столь радикальным выбором в пользу интеграции с США и ЕС, нынешние власти (как и их евро-американские наставники), думается, не отдавали себе отчета, на что обрекали Украину. Оказалось, на гражданское межкультурное противостояние и даже на утрату целостности страны. И как бы кто ни обвинял в этом Россию, надо признать, что механизм распада был запущен Майданом, так заботливо взлелеянным США и их европейскими союзниками.

К сожалению, ничего нового здесь нет. Украина не первая и, наверное, не последняя в ряду стран, «осчастливленных» американской свободой и демократией. И не было еще случая, когда бы американское вмешательство заканчивалось где-либо миром и процветанием. Наоборот, везде неутраченные гражданские войны и распад государств, а еще десятки и сотни тысяч беженцев. Из-за войны на юго-востоке край покинули около 1 млн граждан, в основном это женщины и дети. Большая их часть бежала в Россию, меньшая — в материковую Украину. Когда и как они вернуться к своим пепелищам, не знает никто.

И, конечно, не надо обманываться: США и Запад воспылали такой любовью к Украине вовсе не из гуманистических соображений. Она им нужна в первую очередь как форпост против России, территория, на которой они собираются разместить свои военные базы. А о том, что будет именно так, говорит опыт истории. По существу, нет ни одной страны, вошедшей в ЕС или НАТО, где бы не было их военного присутствия. Будет оно и на Украине. Тем более что новоизбранный президент уже попросил об этом Б. Обаму. Но вызов, как известно, всегда порождает ответ. И нетрудно предположить, чьим и каким он будет. Определенно это в интересах старых и новых членов ЕС и НАТО. В случае военного конфликта с Россией не они первыми окажутся на передовой. Но почему Украину должна устраивать такая перспектива?

Наблюдая за тем, с каким упоением новые украинские руководители ведут Украину на Запад, невозможно отрешиться от мысли, что делается это не столько в интересах своей страны, сколько в пику России. При этом режут, что называется, по живому как в экономической, так и в гуманитарной сфере. Есть что-то противоестественное в разрыве вековых отношений, а тем более в противостоянии Украины и России, особенно учитывая историческое прошлое наших народов. Общей их родиной была Киевская Русь. Затем более 300 лет украинцы и русские жили в единой стране, которую вместе же и создавали. В нашей общей истории все настолько тесно переплетено, что мы просто не в состоянии без нравственных потерь разделить это наследие между украинцами и русскими.

Здесь нет места подробному экскурсу в историю (этой теме я посвятил отдельную монографию «Украинцы в России в XVII—XX вв.», 2013), поэто-

му остановлюсь только на особенностях этнического развития двух народов. Политически они, безусловно, разные, поскольку живут в отдельных государствах, разговаривают на разных, хотя и близких, языках и имеют разное гражданство. Но этнически являются, по существу, единым народом. И дело не только в том, что оба проросли из общего корня и имеют своим предком древнерусскую народность. Может, более существенным здесь является их позднейшая смешанность, обусловленная межэтническими брачными связями и широкой взаимной переселенческой подвижностью. Не уверен, что есть точная статистика того, сколько украинцев проживают в России и русских на Украине, но определено их десятки миллионов. А людей со смешанной русско-украинской этничностью — и того больше. Несколько изменив известный афоризм, можно сказать: «Поскребите хорошо русского и вы обнаружите в нем украинца» или «Поскребите хорошо украинца и вы обнаружите в нем русского».

Может ли сказанное быть залогом того, чтобы нынешние два восточнославянских народа жили в дружбе и согласии? Теоретически ответ здесь очевиден: конечно, может. Но практически так получалось не всегда. Вот и сейчас восточнославянское единство переживает серьезное испытание. Новая политическая элита Украины, экономически и политически интегрированная с Западом, не только спровоцировала кризис в отношениях с Россией, но и разрушила хрупкий межэтнический и межкультурный мир внутри страны — страны, которая в современных границах не представляет собой органического этногеографического и культурного единства. По существу, она — административно-территориальное образование, сформированное в советское время. В этот период в ее состав вошли Новороссия, Галичина, Закарпатье, Буковина и Крым. За небольшой по историческим меркам срок совместного проживания они не смогли стать Украиной в культурно-историческом смысле, чего не понимали украинские националистические элиты, затеявая очередной майдан. К сожалению, не хотят понимать и теперь. Упорно настаивают на незыблемости унитарной формы Украинского государства. Между тем мирное будущее Украины возможно только в условиях федеративного государственно-территориального устройства.

Если исходить не из временных и конъюнктурных соображений — наличия у политико-экономической элиты Украины счетов в европейских банках и «хатынок» на лазурных берегах, а из долговременных и прагматичных для всего украинского народа, то разрыв Украины с Россией представляется драматической ошибкой. Украина идет в союз, обладающий высокими технологиями, но практически исчерпавший свои природные ресурсы и очень перенаселенный, который при этом стремительно меняет свою цивилизационную сущность. Уже сейчас некоторые его страны на четверть состоят из переселенцев из мусульманского мира, не поддающихся европейской аккультурации. И, судя по всему, процесс этот будет продолжаться. Нет никаких сомнений, что он захватит и Украину.

Прогнозы ведущих украинских и российских экономистов относительно технологического будущего Украины в составе европейского сообщества также далеко не радужны. Она, скорее всего, утратит статус индустриальной державы, потеряет машиностроительные отрасли, превратится в рынок сбыта европейской продукции и резервуар дешевой рабочей силы для стран ЕС.

Наверное, можно жить и так. И все же интеграция с Россией, обладающей несметными природными ресурсами и необъятными жизненными пространствами, для Украины была бы более приемлемой альтернативой. При умной кооперации страна могла бы стать фактическим пайщиком всех этих богатств. Как известно, на нефтяных и газовых промыслах России и сейчас работает большое количество украинцев. К тому же существенной долей Украины в этом общем пае была бы ее газо- и нефтетранспортная инфраструктура. Вместе бы добывали и продавали. И не было бы никаких обходных газопроводов, как «Северный поток» по дну Балтийского моря, «Голубой» и «Турецкий» — по дну Черного.

Нет сомнений, что тесное сотрудничество с Россией и другими странами постсоветского пространства помогло бы Украине сохранить и развить такие отрасли промышленности, как космическая, авиационная, судостроительная. Необъятный рынок России мог бы стать залогом успешного развития сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности Украины. К сожалению, в нынешних условиях о евразийской интеграции Украины можно говорить только как об утраченной возможности. Но, хотелось бы верить, утраченной не навсегда.

Ж. Т. Тощенко¹

ТРАВМА КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ВАРИАНТ В РАЗВИТИИ МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ (Полемические заметки)²

Развитие мировой цивилизации на современном этапе столкнулось с феноменом, еще слабо изученным и малоизвестным, который мы называем травмой. Дело в том, что в мире происходят значительные, значимые и знаковые события, которые невозможно определять и квалифицировать в прежних понятиях, описывающих и отражающих происходящие изменения. То, что произошло в 2000—2010-е годы в Тунисе, Египте, Ливии, Ираке, Сирии, Афганистане, выпадает из общепринятой и понятной логики общественного развития. Не менее впечатляющи и события, происшедшие во многих бывших союзных республиках Советского Союза, ныне — независимых государствах. Особенно это касается событий в Грузии, Молдавии, Киргизии, а сегодня на Украине. Не избежала такой участи и Россия, модель развития которой «можно представить в виде велосипеда, в котором руль —

¹ Заведующий кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии РАН, главный редактор журнала РАН «Социологические исследования», член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 650 публикаций, 19 монографий и 5 учебников, в т. ч.: «Парадоксальный человек», «Социология труда», «Тезаурус социологии», «Вехи социологии» (отв. ред.), «Кентавр-проблема (опыт философского и социологического анализа)», «Политическая социология» (отв. ред.), «Социология управления», «Фантомы российского общества» и др.

² Доклад представлен на XV Международные Лихачевские научные чтения (2015 г.).

социалистический, а педали — капиталистические»¹. Однако, несмотря на существенные различия, все эти страны объединяет одно — они пережили или переживают большие потрясения.

Но как охарактеризовать эти социально-политические катастрофы? Есть ли у них нечто общее при всем разнообразии происходящих процессов? Для их анализа недостаточно использовать наработанные и даже устоявшиеся понятия «эволюция» и «революция», при помощи которых описывались и интерпретировались происходящие изменения в зависимости от их характера. *При трактовке этих катастроф в названных странах с позиций двух основных путей развития — революции и эволюции — все же невозможно охватить и объяснить все многообразие реально происходящих своеобразных процессов и событий. Поэтому, на наш взгляд, нужно использовать понятие «травма» как некий специфический, промежуточный вариант между двумя названными путями.* Ведь нередко в этих странах складывалась ситуация, когда изменения происходят, а отнести их к революционным преобразованиям затруднительно. Но и считать их эволюционными тоже весьма спорно, ибо они частично демонстрировали постепенное, поступательное движение при решении основополагающих вопросов общества.

Характеризуя новую трактовку особого состояния общества, стоит напомнить, что понятие «социальная и культурная травма» в научную литературу впервые ввел П. Штомпка, анализируя проблемы развития. Описывая всю совокупность изменений, происходящих в большинстве стран, он рассматривает *травмы* как социальные трансформации, в основе которых лежат «длительные, непредвиденные, отчасти неопределяемые, имеющие непредсказуемый финал процессы, приводимые в движение коллективным агентством (агенсу) и возникающие в поле структурных опций (ограниченных возможностей действия), унаследованных в результате ранних фаз указанных процессов»².

Он подчеркивал, что при анализе травмы надо уделять внимание «коллективному агентству — активной движущей силе социального изменения, присущей человеческим коллективам», а также «признанию структурного и культурного давления агентства, имеющего доступ к ограниченному фонду структурных и культурных ресурсов»³.

На наш взгляд, эту трактовку происходящих изменений можно расширить до понятия «травма общества», если иметь в виду противоречивый, турбулентный и деформированный характер общественных процессов, когда анализ происходящих изменений в мире и в конкретных обществах имеет огромный смысл с точки зрения объяснения сущности, понимания и использования понятия «травма». Соглашаясь с основными объяснениями П. Штомпки, нам хотелось бы уточнить применение этого понятия, предложить иное его объяснение или, вернее, объяснить иной подход.

Прежде всего рассмотрим некоторые сущностные характеристики травмы как социального феномена, данные современными исследователями при анализе социальных катастроф ныне существующего мира.

¹ Лившиц В. Н. Системный анализ рыночного реформирования нестационарной экономики России: 1992 – 2013. М.: Ленард, 2013. С. 202.

² Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социол. исследования. 2001. № 1. С. 6 – 7.

³ Там же. С. 7.

Слово «травма» происходит от древнегреческого «рана». В современной медицинской и психиатрической литературе этот термин понимается не только как рана на теле, но и как рана в сознании в результате эмоционального шока, который нарушает «осознание времени, себя и мира»¹. Постепенно при изучении травмы стали обращать внимание на ее социальное содержание. Современные ревизии классического определения социальной травмы связаны с изучением тяжелых форм депрессии, порождаемой кризисом в европейском обществе².

Социальная трактовка травмы была использована при исследовании проблем коллективной идентичности, в том числе религиозной и этнической³. При изучении происходящих в западных обществах потрясений Н. Смелзер определял культурную травму как «захватывающее и подавляющее событие, которое подрывает один или несколько ключевых элементов культуры или культуру в целом»⁴. Д. Александер утверждает, что некоторые события в современном мире сами по себе травматичны, то есть являются непосредственными причинами деформирующего эффекта⁵.

Травматическое воздействие на судьбы народов, их национальное самосознание описал З. Бауман⁶. Р. Айерман писал, что некоторые события, такие как, например, политические убийства, могут создавать условия для появления социальной травмы⁷.

Что касается отечественных исследователей, то, не употребляя данный термин, о травмирующих аспектах писали О. Т. Богомолов, С. Ю. Глазьев, В. Л. Иноземцев, М. Ф. Делягин, Р. С. Гринберг (в экономике), Ю. А. Красин⁸, В. К. Левашов, В. В. Федоров (в политике), М. К. Горшков, Ю. А. Левада, В. А. Ядов (в социальной сфере), В. А. Межуев, О. Н. Смолин, А. С. Запесоцкий (в сфере культуры).

Исследователи состояния, тенденций и проблем развития стран в современном мире применяют несколько подходов к интерпретации травмирующих процессов и явлений.

Во-первых, используется понятие «цветные революции», которые называются по-разному — «арабская весна», «оранжевая» или «тюльпановая революция», «революция роз» и т. п. По сути, они означают кардинальные качественные изменения, смену господствующего строя методами мобилизации «групп давления», осуществляющих агрессивные действия вплоть до открытых форм насилия⁹.

Во-вторых, источники травмированного развития видятся в действиях *экстремистских религиозных и националистических сил*, которые под флагом защиты этнических и конфессиональных ценностей стремятся навязать

¹ Caruth C. Trauma. Explorations in Memory. Baltimore, 1995.

² Habermas J. Legitimation crises. Boston : Beacon Press, 1975.

³ Narrating trauma: on the impact of collective suffering. Boulder : Paradigm Publisher, 2011.

⁴ Smelser N. J. Psychological trauma and cultural trauma // Cultural trauma and collective identity / [Alexander J. C. et al.]. University of California Press, 2014. P. 38.

⁵ Cultural trauma and collective identity / [Alexander J. C. et al.]. University of California Press, 2014.

⁶ Bauman Z. Modernity and the Holocaust. Ithaca : Cornell University Press, 1989.

⁷ Eyerman R. Social theory and trauma // Acta sociologica. 2013. Vol. 12, № 1.

⁸ Красин Ю. А. Политическое самоопределение России: проблемы выбора // Полит. исследования. 2003. № 4. С. 124.

⁹ См., например: Кара-Мурза С. Г. Экспорт революции. Ющенко. Саакашвили. М., 2005.

их, не считаясь с интересами и устремлениями других, не менее значимых, но менее активных общественных групп¹.

В-третьих, эти травмы объясняются *вмешательством внешних сил*, которые стремятся навязать путем скрытого или косвенного воздействия свои представления о путях развития этих стран, нередко механически перенося свои представления без учета их исторических и культурных особенностей, что приводит к дезорганизации государственной и общественной жизни².

Если обобщить теоретическое осмысление и практическую интерпретацию неоднозначных и противоречивых турбулентных процессов в названных странах Европы, Ближнего Востока и Северной Африки, то мы можем сказать, что эти процессы привели к возникновению и закреплению *новых травмирующих черт (характеристик) общества и его культуры*, отличающих их от предшествующих состояний на предыдущих этапах их развития и функционирования.

Во всех названных странах травма проявилась в том, что *ни в одной из них не была четко сформулирована стратегия действий по преобразованию государства и общества*. Люди не понимали, какое общество должны строить после происшедших потрясений (войн, переворотов).

В этих условиях стал возрождаться образ того, что было утрачено, но стало цениться по-другому исходя из новых реалий. Большинство людей в этих странах сначала поверили обещаниям построения такого общества, которое будет реализовывать идеи справедливости.

Однако реальная жизнь быстро охладила эти мечтания — идеи западной демократии в национальном исполнении дискредитировали себя еще быстрее по сравнению с тем, как это случилось с идеями на предшествующем этапе развития³.

Практически в каждом из обществ травмы происходило *игнорирование исторического опыта или манипулирование историей развития своего народа*. Развилась и окрепла различные формы манкуртизма, игнорирования исторических и национальных традиций. Появились «труды», исчисляющие историю, например, украинского народа со времен фараонов или появления древних укров из арийских племен Индии, русских — с появления их на исторической арене еще до нашей эры, или легенды об исключительной роли мусульманства⁴.

Во всех этих странах с учетом особенностей каждой из них произошла *dezориентация и дезорганизация общественной жизни*. Практически ни в одной из анализируемых стран не было выдвинуто отчетливой долгосрочной программы преобразования. Очевидно, что после турбулентных событий в каждой из них в 2000 – 2010-е годы при ожидании позитивных сдвигов происходили нежелательные изменения: расхищение националь-

¹ См., например: Барсамов В. А. Этнонациональная политика в борьбе за власть: стратегия и тактика в период общенациональной смуты. М., 2001 ; Тощенко Ж. Т. Этнократия: история и современность. М., 2003 ; Он же. Теократия: фантом или реальность. М., 2009.

² Подробнее об этом см.: Брутенц К. Обреченная политика // Международная жизнь. 2015. Март ; Брутер В. И. Украина и политика абсурда // Россия в глобальной политике. 2014. Т. 12, № 1.

³ Волков А. И. Идеи правят миром // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. Научные записки и очерки / рук. проекта и ред. О. Т. Богомолов. М., 2008. С. 56 – 57.

⁴ Национальные истории в постсоветском пространстве / под ред. К. Айермахера, Г. Бордюгова. М., 1999.

ного богатства и сосредоточение его в руках сравнительно небольшой группы лиц, рост коррупции и безработицы, раскол общества на бедных и богатых, приоритет наживы, потеря возможности социальной защиты, несоблюдение принципов справедливости. Общественному сознанию в этих странах, в том числе и в России, была нанесена колоссальная травма, поскольку произошла потеря прежних ориентиров, а новые не могли сформироваться¹.

В этой ситуации реальные процессы, происходящие в общественном сознании в этих странах, демонстрируют еще одну важную травмирующую особенность: оно становится *злободневным*, остро, но не всегда адекватно реагирующим на происходящее в жизни. Долгое время люди жили ожиданием того, что коррупционные и другие негативные процессы будут обузданы, что новые перемены обязательно сделают жизнь лучше. Но шли годы, а вместо позитивных сдвигов люди получили не только консервацию прошлого, но и оскорбительную для них ситуацию, сопровождающуюся обогащением причастных к власти людей и массовым обнищанием народа. Тем самым создаются условия для того, чтобы пассивное ожидание перемен переросло в активный общественный протест, который далеко не всегда приводит к власти силы, ратующие за интересы народа.

Тревожность людей в обществах травмы имеет под собой основания, ибо они убеждены, что как ранее существовавшая, так и ныне существующая политическая власть не отражает позиции большинства населения, а ориентируется на интересы двух групп — государственной бюрократии и богатых слоев населения. Такая оценка не могла не сказаться на снижении доверия к политическому строю и основным политическим институтам. Анализ данных показывает, что травма начинается с негативной оценки деятельности политического руководства, многократно превосходящей процент позитивных оценок.

В политических концепциях есть такая аксиома: «*Народ нельзя обмануть. Если же это случается, то ненадолго*». Посулы «цветных» или иных революций сначала были встречены с одобрением и вдохновением (большинство населения признавало, что «так жить нельзя»). Но люди довольно быстро осознали порочность и гибельность предложенных преобразований, что привело к политической смерти многих «творцов» реформ.

Современному общественному сознанию в этих странах во все большей мере присуща и такая характеристика, как *критичность*. Люди не желают мириться с бедностью, просчетами, коррупцией, хищениями, преступностью, существование которых многие политики пытаются объяснить объективными причинами. Продолжает оставаться высоким уровень отвержения преобразований в экономической и социальной жизни. В условиях восхваления псевдорыночных преобразований, торжества коррупционных схем и теневых (криминальных) методов работы не уменьшаются и даже растут негативные оценки социально-экономической ситуации, ее последствий для общественной и личной жизни. Применительно к России это раскрыто в ряде социологических исследований².

¹ Сомов В. А. Феномен советскости: историко-культурный аспект // Социол. исследования. 2015. № 2.

² Российское общество и вызовы времени / М. К. Горшков [и др.]. М., 2015.

Травма наносится и потому, что ожидания при начале обещанных реформ в реальности не оправдались. Анализ положения в травмированных странах показывает, что складывается весьма противоречивая, парадоксальная картина. С одной стороны, на первых этапах происходил рост доверия к некоторым обещаниям и даже преобразованиям. С другой стороны, одновременно ухудшались оценки изменений с точки зрения влияния этих же параметров на жизнь людей. Особенно поразительно то, что некоторые показатели (безработица и уровень благосостояния) практически не только не изменились, а даже ухудшились. Исследователями отмечается увеличение нищеты и бедности после так называемых революций и в Египте, и в Ираке, и в Ливии, не говоря уже об Афганистане и ряде новых независимых государств — Украине, Грузии, Молдавии.

Эти данные характеризуют еще одну особенность травмы общества, связанную с суждением людей о том, отвечают ли встряска (революции, перевороты) их интересам, ожиданиям, насколько они совпадают с официальными заявлениями. Травма общества проявляется и в том, что в общественном сознании растет сумятица, которая позволяет людям переходить от одной позиции к другой даже под впечатлением случайных обстоятельств. Причем, несмотря на разнообразие мировоззренческих убеждений, люди, оценивая перспективы развития своей страны, продолжают надеяться на стабильную жизнь. Это наглядно демонстрирует анализ мнений людей как по основополагающим проблемам, так и по проблемам повседневной жизни, которыми они руководствуются при принятии решений текущего и перспективного характера¹.

Из травмирующих составляющих в рассматриваемых странах следует отметить еще и тот факт, что продуктом систематического обмана, резко изменившихся условий жизни стали такие черты травмы общественного сознания, которые невозможно игнорировать при оценке его состояния и тенденций: *увеличение влияния изоляционизма и национализма, уменьшение влияния гуманизма и терпимости.*

Анализ травм общественного развития позволяет сделать еще один вывод: в этих турбулентных условиях резко увеличивают свой вес и воздействие на общество различные амбициозные и реваншистские силы, рвущиеся к власти, для которых два основных ориентира — рынок и демократия — являются лишь прикрытием эгоистических групповых целей. Для этого, по словам Шумпетера, используются различного рода утверждения, к примеру, что Россия, как и весь мир, «переживает очередной этап созидательного (?) разрушения»².

Таким образом, среди новых явлений на современном этапе развития приобрели особую значимость и четкую определенность такие черты в жизни ряда обществ, как травмированность, выражающаяся в расколе, раздвоении, противоречивости и конфликтности развития.

В заключение следует отметить, что именно такое затруднение отразила дискуссия о том, что же произошло в России на рубеже 1980 — 1990-х годов. Многие политики, ученые, журналисты, используя некую совокупность дан-

¹ Левага Ю. А. Ищем человека. Социологические очерки. 2000 — 2005. М., 2006.

² Цит. по: Делягин М. Крах оптимистических иллюзий и отправной пункт экономического оздоровления // Российский экономический журнал. 2014. № 1. С. 22.

ных, настаивают, что произошел слом социалистического строя и начался процесс возвращения в испытанное и проверенное опытом человечества капиталистическое устройство общества (см.: Гайдар, Мау, Кох¹ и др.).

Другие представители этих же социальных групп, опираясь на опыт новой России, не менее убедительно доказывают, что имеет место пусть сложный и трудный, но эволюционный процесс развития страны (Бузгалин², Иноземцев³). На наш взгляд, не происходит ни того, ни другого. Россия представляет собой травмированное общество, которому присущи противоречивые, взаимоисключающие ориентации и установки. На наш взгляд, развитие российского общества характеризуется половинчатой и непоследовательной реставрацией части социалистических традиций и норм жизни, сочетающейся с модификацией, но не отказом от принципов рыночного либерализма и попытками следовать по пути, по которому идет «европейская цивилизация», однако с учетом особой евразийской ориентации.

Все это позволяет сделать вывод, что травмированность в обществе возникает тогда, когда «появляется форма дезорганизации, смещения, несогласованности в социальной структуре или культуре, иными словами, когда контекст человеческой жизни и социальных действий теряет гомогенность, согласованность и стабильность, делаясь другим, даже противоположным, культурным комплексом»⁴. Именно эта ситуация породила такие многочисленные необычные социальные феномены, как парадоксальность, кентавризм, различные формы этнократии и теократии.

¹ Авен П., Кох А. Революция Гайдара. История реформ 90-х из первых рук. М., 2013.

² Бузгалин А. В., Колганов А. И. Полемические заметки о целевых акцентах альтернативной социально-экономической стратегии // Социол. исследования. 2014. № 1, 3. С. 120 – 130.

³ Иноземцев В. Л. Потерянное десятилетие. М., 2013.

⁴ Штомпка П. Указ. соч. С. 8.

В. Т. Третьяков¹

МОНОЛОГ С ПОЗИЦИИ СИЛЫ (К когнитивному диссонансу европейской цивилизации добавились этический и эстетический)²

XX век — век массовой культуры, что предсказал и объяснил еще Х. Ортега-и-Гассет в «Восстании масс».

Более того, если глазами сегодняшнего читателя посмотреть на эту книгу, то мы увидим, что он предсказал там и то, чему, в частности, я хочу посвятить свое выступление, — массовую политику.

Приведу только одну цитату из «Восстания масс».

«Тирания интеллектуальной пошлости в общественной жизни, быть может, самобытнейшая черта современности, наименее сопоставимая с прошлым. Прежде в европейской истории чернь никогда не заблуждалась насчет собственных "идей" касательно чего бы то ни было. Она наследовала верования, обычаи, житейский опыт, умственные навыки, пословицы и поговорки, но не присваивала себе умозрительных суждений — например, о политике или искусстве — и не определяла, что они такое и чем должны стать. Она одобряла или осуждала то, что задумывал и осуществлял политик, поддерживала или лишала его поддержки, но действия ее сводились к отклику, сочувственному или наоборот, на творческую волю другого. Никогда ей не взбрело в голову ни противопоставлять "идеям" политика свои, ни даже судить их, опираясь на некий свод "идей", признанных своими. Так же обстояло с искусством и другими областями общественной жизни. Врожденное сознание своей узости, неподготовленности к теоретизированию воздвигало глухую стену. Отсюда само собой следовало, что плебей не решался даже отдаленно участвовать почти ни в какой общественной жизни, по большей части всегда концептуальной.

Сегодня, напротив, у среднего человека имеются самые неукоснительные представления обо всем, что творится и должно твориться во Вселенной. Поэтому он разучился слушать. Зачем, если все ответы он находит в самом себе?»

С появлением и бурным расцветом телевидения, превратившегося в тотальную систему информирования (дезинформирования) аудитории и влияния на нее, массовая культура получила: 1) хрустальный дворец для своего бытования и 2) глобальную систему распространения своего продукта.

Но сама по себе массовая культура была бы не страшна, если бы ей противостояли классические институты восходящего развития общества, а именно: традиционные религии (хранители моральных устоев и запретов);

¹ Декан Высшей школы (факультета) телевидения, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова. Автор и ведущий программы «Что делать?» (телеканал «Культура»). Автор ряда научно-публицистических и учебных работ, в т. ч. книг: «Русская политика и политики в норме и в патологии: взгляд на события российской жизни, 1990 — 2000», «Нужен ли нам Путин после 2008 года?» (сборник статей), «Как стать знаменитым журналистом: курс лекций по теории и практике современной русской журналистики». Лауреат премии ТЭФИ, премии «Золотое перо» Союза журналистов России, кавалер Золотого Почетного знака «Общественное признание».

² Доклад представлен на XIII Международные Лихачевские научные чтения (2013 г.).

традиционная семья; классическая система образования; высокая культура; классическая наука и профессиональная открытая политика.

Но все это сегодня либо слабее массовой культуры, помноженной на технологическую мощь телевидения, либо включено в орбиту массовой культуры.

С помощью телевидения массовая культура загнала высокую культуру и классическое искусство в информационное гетто.

Традиционные религии (кроме ислама) третируются массовой культурой и массовой политикой и отступают. Им уже не удастся быть хранителями традиционных моральных ценностей. Более того, массовая культура породила новую языческую религию — секулярно-сектантское многобожие маргинальных тоталитарных меньшинств, в принципе отрицающее единую мораль.

Традиционная семья отстывает и рушится. И уж точно не она теперь определяет педагогические нормы и систему воспитания подрастающего поколения.

Система массового образования, плодотворная и прогрессивная на первом этапе своего существования, отказавшись в угоду массовости, а следовательно, и упрощения от классических программ и методов образования, превратилась в систему воспроизведения профанных знаний и квазинаучных истин (массовой науки).

К концу XX века почти повсеместно (на Западе точно, в России в том числе) появилась и массовая политика, то есть демонстративно публичная, театрализованная (маскультовая) политика, в которой максимальный популизм формы (включая избирательные процедуры) оторвался от максимальной закрытости принятия важнейших решений. Чем больше нынешняя политика является политикой для масс (массовой политикой), еще точнее — политикой удовлетворения сотен маргинальных общественных групп, тем больше она отрывается (в своих главных решениях) от настоящих коренных интересов этих масс, общества в целом. Абсолютная театральность современной политики полностью смыкает ее с массовой культурой.

Внешне кажется, что все в современном обществе ведут диалог друг с другом: массовая культура — с высокой культурой, классические религии — с атеистами, элиты — с массами и т. д. А на самом деле массовая культура во всех своих проявлениях (включая массовую науку и массовую политику) подавляет всех, кроме самой себя, участников этого псевдиалога. Фактически это давно уже не диалог, а монолог массовой культуры (и всего остального массового), причем монолог с позиции силы.

Не только когнитивный диссонанс, но и этический и эстетический диссонансы.

Европейская (христианская) цивилизация уже находится в глубочайшем институциональном и сущностном кризисе и усилиями своего ядра — западноевропейских стран — стремительно направляется к границе своего распада.

Ташансу Тюркер¹

ИСТОРИЯ НАЦИИ: ВЛИЯНИЕ ЗАПАДА НА РОССИЙСКУЮ И ТУРЕЦКУЮ ИМПЕРИИ²

Цель этого доклада состоит в сравнении представлений об империи и нации в Турции и России в период с начала XIX до начала XX века, когда восприятие этих понятий формировалось новой политикой. Таким образом, могут быть сделаны определенные выводы касательно современного самовосприятия и проблем демократии обеих стран с их отличительными особенностями.

С начала XIX века Османская империя вступила в эпоху упадка, и представители интеллигенции, наряду с правящей государством элитой, хорошо осознавали сложившуюся ситуацию. Осознание процесса падения империи спровоцировало несколько попыток важных реформ, которые не были связаны с модернизацией или вестернизацией, а, напротив, предпринимались с целью борьбы с Западом, а также для защиты государства и сохранения статус-кво. Известно, что такое положение дел сохранялось почти до конца XIX столетия с одним-единственным изменением: произошло осознание не только технического, но и глобального превосходства Запада, что привело к более значительным реформам с начала XIX века. Следует отметить, что истинная цель этих реформ заключалась в защите государства.

Именно в такой обстановке и проводились реформы. Вполне естественным было то, что первоначально они были ориентированы не на всеохватывающую вестернизацию, а на нужды империи и вынужденную борьбу с кризисом в ней. Лишь в период правления султанов Селима III и Махмуда II область действий реформ начала расширяться, а затем изменилась и их направленность. Длительный процесс преобразований, известный сегодня как вестернизация, начался немного позднее. Несмотря на то что начался он с коренных изменений в государственном и общественном строе империи, большое влияние на общество оказало формирование интеллектуальной элиты, способной понять западную культуру. Основание «Терджюме Одасы» (дословно: Палата переводчиков) в 1821 году является поворотным моментом, так как поколение молодых людей, занимающихся в переводческом центре, глубоко осваивало не только иностранные языки, но и западную культуру. Процесс реформирования начался по большей мере благодаря османской интеллигенции.

Связь между реформами и понятиями «империя» и «нация» прослеживается в процессе национального пробуждения. Первоначально оно являлось движением, спровоцированным представителями христианской общины, а позднее было выявлено у мусульман нетурецкого происхождения. Турки-османы были озабочены главным образом идеей о спасении империи.

¹ Директор Исследовательского центра по изучению Евразии, России и Восточной Европы, адъюнкт-профессор, доктор факультета политологии в Университете Анкары (Турция). Сфера научных интересов: история Оттоманской и Российской империй, современная иностранная политика России и Турции. Автор научных публикаций по истории Оттоманской и Российской империй и вопросам современной международной политики.

² Доклад представлен на XV Международные Лихачевские научные чтения (2015 г.).

Понятие национализма не существовало в традиционной структуре этого государства, которое основывалось на системе миллетов с религиозными группами, владеющими разными языками и отличающимися этническим происхождением. Каждая община существовала автономно при условии сохранения лояльности по отношению к центральной власти империи. На протяжении XIX века развитие национального мышления происходило быстрыми темпами, что в конце концов привело к распаду Османской державы. В такой ситуации главной заботой османских интеллектуалов стал поиск альтернативы идеям национализма, так как увлечение ими препятствовало достижению основной цели по спасению государства. Представители османской интеллигенции не только смогли утвердить идеологию тюркизма, но и стали в ряды сторонников имперского порядка, чтобы противостоять национальной идентификации.

При изучении западных и противостоящих им концепций нетрудно заметить, что для османской интеллигенции систематическое развитие соответствующего антизападного идеала было запоздалым и слабым по той причине, что концепция вестернизации стала ослабевать и скептическое представление о западничестве, присущее многим основоположникам реформ, препятствовало разработке альтернативного подхода и в какой-то степени ослабляло его. Тем не менее сама обстановка вынуждала искать возможности сочетания западных ценностей с традиционными нормами и способствовала развитию идей, защищающих империю.

Значимость идеологии османизма при таких обстоятельствах увеличивалась. Смешение западных понятий «родина» и «патриотизм» с традиционными представлениями о верности и справедливости должно было оправдать попытку создания единой османской нации. Неудачу этой попытки нельзя объяснить поверхностным подходом к такому начинанию. Вполне понятно, что при выборе такой политики сила государства играет решающую роль, однако в XIX веке Османская империя уже не владела такой силой.

Эпоха реформ Танзимата была наиважнейшей в османизме. Представления о роли правителя и верности султану — ключевые понятия в традициях империи — были уменьшены бюрократической элитой; понятие «верность» было заменено понятием «родина». Согласно идеологии «новых османов» само понятие «родина» должно было дополняться понятием «равные права и свободы граждан». Несмотря на то что предположение об участии государства во всех уровнях управления на первый взгляд могло показаться несерьезным, в дальнейшем оно обеспечило устойчивость империи.

Следующий вклад идеологии «новых османов» состоял в упомянутом альтернативном подходе к Западу. Первое систематическое изложение было связано с «Ислахат ферманы» (Декрет о реформах, 1856) как свидетельством вмешательства Запада. Однако суть оппозиционности определялась скорее требованием сопротивления вмешательству, которое в рамках понятия «патриотизм» можно было бы интерпретировать как требование сохранения независимости государства. Именно здесь концепция османизма дала трещину. В связи с этим немусульманские элементы считались проводниками влияния Запада. Именно из-за внешнего вмешательства в первом внутреннем конфликте концепция османизма понесла урон. В результате численность немусульманских элементов в империи уменьшилась, а последователи

имперской идеи стали относиться к исламу как к новому критерию идентификации. Данная идеология, представленная как панисламизм, должна рассматриваться как специфический вариант западной идеологии. Теряя свое значение как религия и трансформируясь в показатель идентификации, ислам мог способствовать утверждению влияния идей Запада.

Концепция панисламизма не столько оспаривала идеологию османов, сколько поддерживала его. Идея спасения государства приобрела новую форму заботы о том, что осталось позади, и, с одной стороны, необходимо было учитывать принцип исламской идентификации, а с другой — постараться не оттолкнуть немусульманские элементы. При своей утопичности исламская идентификация считалась альтернативой национализму. Исходя из предположения о том, что подчеркивание различий противоречит постулатам ислама, она призывала к единению всех мусульман. Возрастает значимость идеологии тюркизма во время развития националистических настроений среди арабов, особенно среди албанцев.

Само понятие «тюркизм» появилось в Османской империи явно после обретения каждой этнической группой своего национального сознания и впервые стало использоваться в XX веке. Оставаясь частью исламизма, данная идеология не была точно сформулирована ни в период Балканских войн, ни в период Первой мировой войны. Как и в исламизме, начальная часть «пан» термина «панисламизм» не означала действительно иного его значения. Внутреннее отражение этого понятия выявилось после создания Турецкой Республики при систематическом сравнении с термином «вестернизация». Тюркизм и западничество выступали как разные формы современного национализма. В связи с этим отказ от начальной части «пан» способствовал утверждению представления о независимой турецкой нации среди других современных наций. Идеология тюркизма продолжала придерживаться принципа «гражданской общности» в противовес принципу «гражданской особенности» (основная черта национализма). В этом смысле современная Турецкая Республика и курс кемализма являются смешением двух понятий «родина» и «нация». Организация государства и общества на основе этой модели показывает, что сторонники тюркизма придерживались прозападной позиции, однако опасались диктата со стороны Запада. Кроме того, они понимали необходимость вестернизации, но хотели сделать акцент на роли турецкой нации и опирались на принцип гражданства.

При изучении ситуации в России первое важное отличие от Османской империи состоит в постоянном преумножении могущества государства. К усилению российской державы привело освоение западного опыта в ходе реформ Петра I. В течение XIX века без участия России невозможно было решить ни одного вопроса, связанного с Европой. И снова сравнивая с ситуацией в Османской империи, Россия укрепила центральную власть и устранила противников самодержавия. Помимо экономического роста, в это время также наблюдался значительный прогресс в сфере просвещения и культуры. Развитие дворянской элиты происходило посредством создания научных и образовательных учреждений, что значительно повысило потенциал государства.

Для предмета настоящего исследования важно выделить первую черту, свойственную интеллектуалу в великой России и заключающуюся

в уверенности в своих силах. В то время как османская интеллигенция занималась поисками способов по спасению империи, представители российской интеллигенции могли обратиться к решению более широкого круга проблем. Другая особенность российского интеллектуала была связана с его происхождением. В Османском государстве интеллигент был выходцем из бюрократической среды, в России же в большинстве случаев он имел дворянское происхождение. Рассмотрение вышеупомянутых реформ Петра I, и особенно их кульминации в период правления Екатерины II, позволяет увидеть еще одну важную особенность. Она заключается в том, что реформы в России начали осуществлять твердо и решительно, в отличие от непоследовательной и нерешительной модернизации в Османской империи.

С начала XIX века ситуация в России охарактеризовалась системной и глубокой оппозицией Западу, чего прежде не происходило в Османской империи. Антизападное отношение в России было выражено в постановке вопроса: «Кто мы против Европы?» и отразилось в появлении русской идентификации. Она отражала сущность явления, которое может быть названо «ранним консерватизмом».

С другой стороны, в этот же период появляется «ранний либерализм», сформировавшийся в 1825 году по стопам движения декабристов, в основе которого лежала концепция, поддержавшая процесс вестернизации России и выступившая за создание новой системы общественных отношений и западных ценностей. Необходимо принять к сведению, что использование разработанных на Западе понятий «родина» и «патриотизм» предполагает также и обращение к теме политической борьбы. Проведен анализ, как сопутствующие современному понятию «родина» политические требования относительно ограничения самодержавной власти становятся постоянными положениями политики.

Верным будет утверждение, что эта концепция схожа с идеологией османизма, так как на основе разбираемого понятия выстраиваются в обеих странах как заимствованная на Западе модель организации власти, так и курс на объединение всего населения. В России такой либерализм пришел в полное противоречие с негативным восприятием Западом. Основные свидетельства этому обнаружались в ходе дискуссий 1840-х годов. Эти дискуссии, известные как спор западников и славянофилов, привели к тому, что западники выдвинули свои положения раннего либерализма, однако приверженцы раннего консерватизма сделали шаг вперед в определении русской идентичности, и именно эта концепция стала более последовательной — в ней русская идентичность представлена как переходная от национальной идентичности к цивилизованной. Если постараться передать более полное определение, то эта концепция выступает как вид национального самовосприятия, которое отрицает понятие каких-либо границ и включает имперские элементы. Другая особенность, присущая этой концепции, позволяет понять, что она предполагает аполитичность, а не выступления против абсолютизма.

Изменение указанной позиции вылилось в потерю веры русских просвещенных аристократов в Европу. Это разочарование, четко проявившееся у Герцена, нашло свое выражение в идее о необходимости придать поли-

тический характер русской идентичности. Как раз именно то, что западник пришел к выводу о несостоятельности западной точки зрения, значительно увеличило веру и убеждение в противостоящую западному миру русскую идентичность.

Политизация подобных убеждений реализовалась благодаря Данилевскому, который переосмыслил понятие панславизма в России и объединил немецкую философию с революционализмом французов. В своих соображениях, высказанных в труде «Россия и Европа», он, предвосхищая Шпенглера и Тойнби, обосновал понятие цивилизации и сформулировал тезис о превосходстве славянорусской цивилизации над западной. В рамках этого союза в качестве центра следует поставить русскую общность как самую мощную силу данной цивилизации, хотя это положение касается союза славян. В связи с этим следует отметить, что из членов названного союза равноправных братьев именно Россия призвана в качестве старшего брата или даже отца создать подобный союз и политически преобразовать мир в новую высшую цивилизацию. Именно противостояние Западу является основным мотивом в рассуждениях автора, а концепт о границе не обозначается в дискуссии. Согласно данной концепции, большое количество людей, живущих за пределами России, тоже были ее частью, и все они были способны это доказать.

Во времена правления Александра III ввиду некоторых волнений эта политика перестала быть агрессивной, и внимание властей было обращено на внутреннюю ситуацию в государстве. Несмотря на сохранение прежней тройственной формулы «Православие, самодержавие и народность», являющейся смыслом официальной идеологии в начале столетия, одновременно резко активизировался курс на русификацию. В эпоху подъема национализма традиционной идеологии тройственной формулы было очень тяжело удерживать империю от распада.

В политике и обществе ориентация на понятие «родина» сохранялась, а также в качестве основной уже была принята идея, что Россия отличается от Запада, и это отличие всеми разделялось. Это означает, что была подорвана сила всех тех, кто защищал понятие «родина» западными средствами. Распространялись и другие идеи, как правило, делавшие упор на русскую идентичность.

Отдельного внимания заслуживает позиция, представленная одним из последних защитников имперского политического мышления — К. Н. Леонтьевым, представителем имперского космополитизма, основанного на традициях Византии и Рима. По его мнению, необходима была альтернатива для противостояния Западу, и ею могла быть византийская модель. Поддерживая идею славянского союза, Леонтьев выступал не за сам союз, а за новую систему, которая не была бы в своей основе западной. Леонтьев полагал, что славян не за что любить, разве что за новую незападническую систему. Цивилизационная полемика повлияла на всех русских интеллектуалов, даже анархистов. Один из них — Бакунин — полагал, что социализм может быть построен общинами, которые не развращены западной цивилизацией.

В дальнейшем при всех спорах все же сохранялась тенденция к превращению Российской империи в Русскую державу (территориальное расположение — этническое обозначение / российский — русский). Однако с ней

покончил ленинизм, проводивший политику, в основе которой лежало понятие «родина», и выдвинувший проект союза наций на базе еще более высокого, классового понимания общности в виде пролетарского интернационализма. Эта идеология основывалась на праве наций на самоопределение в форме отдельных государств. Тем не менее в ней на первый план вместо понятия «нация» вновь было выдвинуто понятие «родина». Спустя столетие реализовался замысел инициаторов движения декабристов, которые в начале XIX века добивались его осуществления в рамках «раннего либерализма». Начался период, отмеченный тесной связью понятий «гражданство» и «социализм» и ведущей ролью коммунистической партии.

При сравнении двух стран в качестве ключевых слов, определявших противостояние двух начал, выступали: традиционная империя, модернизм, родина, реакция против реформ, нация. Хотя обе державы, каждая по-своему, представляли традиционную империю, но в начале XIX века они уже различались по уровню политического могущества. В то время как Османской империи, раньше пережившей свой классический период, модернизация была навязана, Россия в процессе модернизации стала подлинной империей. Этот процесс Османская империя пережила в очень облегченной форме, Россия — в очень жесткой. Из-за этого антизападные настроения в Османском государстве были столь же слабыми, сколь в России они были сильными. В подобных условиях османский духовный мир еще был полон чувства имперского превосходства, в России же очень рано зародилось национальное сознание. У османов на первом плане был имперский статус, в России упор делался на «русскую идею». С распадом Османской державы на этом географическом пространстве утвердилась западная модель государственной организации, а в России противостояние Западу только усилилось, потребовав выработки альтернативной модели.

Если обратиться к нынешним временам, то и в России, и в Турции дискуссии о «родине» и «нации» до сих пор актуальны. Со временем раскроется, какое из этих понятий займет ведущее место в обеих странах при влиянии культуры вестернизации, демократии и отношений с Западом, а также исторических событий этих стран.

**В. А. Черешнев¹,
В. Н. Расторгуев²**

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ: ДИАЛОГ ПОЛИТИКИ И НАУКИ³

Убить человека биологически может несоблюдение законов биологической экологии, убить человека нравственно может несоблюдение законов экологии культурной. И нет между ними пропасти, как нет четко обозначенной границы между природой и культурой.

Д. С. Лихачев. Экология культуры

Само упоминание о глобальных проблемах давно превратилось в универсальный и почти ритуальный прием, широко используемый в различных сферах деятельности, и прежде всего в сфере публичной международной политики, средствах массовой информации и масштабных научно-исследовательских программах для обоснования актуальности тех или иных проектов или акций, требующих транснациональной кооперации. Для того чтобы убедиться в справедливости этого вывода, достаточно бегло просмотреть тематику международных встреч за последние два-три десятилетия, в том числе и саммитов лидеров ведущих стран мира. С каждым годом все очевиднее становится общая тенденция выделения тех или иных глобальных проблем как ключевых и сквозных тем, позволяющих не только выстроить

¹ Председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям, директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор. Автор и соавтор многих научных открытий и изобретений, более 700 научных работ, в т. ч. 34 монографий, 14 книг: «Иммунофизиология», «Альфа-фетопротеин», «Иммунологические и генетические факторы нарушения репродуктивной функции», «Биологические законы и жизнеспособность человека. Метод многофункциональной восстановительной биотерапии», «Физиолого-гигиеническая концепция спелео- и солелечения», «Социально-демографическая безопасность России», «Демографическая политика страны и здоровье нации» и др.; двух руководств по изучению комбинированных радиационных поражений и по клинической иммунологии; 6 учебников; 11 учебных пособий для вузов. Президент Российского научного общества иммунологов. Главный редактор «Российского иммунологического журнала» ("Russian Journal of Immunology"), «Вестника Уральской медицинской академической науки», вестника УрО РАН «Наука. Общество. Человек», журнала «Иммунология Урала». Награжден орденами Дружбы, «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени. Лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники (2006) и премии Правительства РФ в области образования (2012). Почетный доктор СПбГУП.

² Профессор кафедры философии политики и права МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, почетный работник высшего образования РФ, государственный советник 3-го класса. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. 20 монографий и учебных пособий: «Единство и преемственность сознания», «Концептуальный поиск: традиции, новаторство, ответственность», «Творчество и догматизм», «Природа самоидентификации: русская культура, славянский мир и стратегия непрерывного образования», «Колодцы мира. Экологическая доктрина России: от замысла к пилотным проектам», «Философия и методология политического планирования» и др. Заместитель председателя Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия. Заместитель главного редактора журнала «Трибуна русской мысли». Награжден орденами ООН — Авиценны и «Единение». Лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники.

³ Доклад представлен на XIV Международные Лихачевские научные чтения (2014 г.).

внутреннюю логику переговорного процесса применительно к конкретной ситуации, но и обозначить преемственность такого рода встреч и дискуссий на длительный период.

Отчасти благодаря этому многолетнему «проговариванию» темы в режиме политического диалога на высшем уровне при теневом участии аналитиков и экспертов в настоящее время сложилось несколько упрощенное, но устоявшееся и доступное, а потому и вполне адекватное представление о наборе отличительных качеств, характеризующих глобальные проблемы. Это представление не является собственно научным знанием и не претендует на открытие тайн мироздания, что могло бы позволить решить проблемы, но позволяет выделить их в особый раздел на фоне всех прочих бесчисленных проблем. А этот шаг — минимальное условие для поиска возможных решений. Главное отличие глобальных проблем — особый характер угроз, которые их порождают (проблема — знание о незнании) и могут причинить непоправимый урон человеческой цивилизации в целом.

Они совершенно не поддаются минимизации в рамках традиционных методов управления рисками на национальном уровне, поскольку не признают никаких границ — ни географических, ни государственных и административных, ни междисциплинарных, возникающих при первых же подходах к их осмыслению, ни социальных. Глобальные проблемы не ведают ни сословных или классовых, ни возрастных или расовых, ни идеологических или религиозных отличий. Соответственно они не имеют обычной «территориальной прописки», национальности и гражданства, но жестко требуют (в идеале) межгосударственной кооперации, доверия и взаимоуважения между народами, государствами и цивилизациями. В реальности, разумеется, все обстоит «с точностью до наоборот». Имущественный и технологический разрыв, идущий, к примеру, по разделяющей линии «север — юг» или по «оси зла», сводит межгосударственную кооперацию к непроходимой пропасти между странами. То же происходит и с доверием между народами, которое в последние годы сведено к выбору очередного объекта для «миротворческих миссий». В результате попытки минимизации последствий глобальных проблем оборачиваются производством новых проблем, тоже глобальных.

Существует и другая, позитивная, сторона глобализации: благодаря самому факту выделения глобальных проблем в особый класс в международной политике последних лет прослеживается несомненная эволюция, которую можно назвать эволюцией политической культуры. Намечается переход от традиционных методов закрытого «диалога посвященных» и соответственно от решения текущих задач в узком кругу руководителей стран и дипломатов (чаще всего такие решения носят спонтанный характер) к открытому и научно обоснованному обсуждению консолидированных стратегий долгосрочного и сверхдолгосрочного развития. Заметим, что неизбежный для политического дискурса схематизм, и даже некоторый примитивизм, научного обоснования глобальных проблем на «политических площадках» (документы, принимаемые на этом уровне, рассчитаны на восприятие публичных политиков и широкую аудиторию, а не на узких специалистов) не препятствует сближению позиций основных политических акторов.

По этой причине даже вполне обоснованная критика со стороны научного сообщества по отношению к общему уровню политического диалога

и «околополитических» дискуссий, страдающих выраженным эклектизмом и доминированием политической целесообразности над поиском истины, не всегда соответствует требованиям корректности, поскольку не учитывает специфики политической деятельности. Аналогичный вывод можно сделать и о критике итоговых политических документов, зачастую не отвечающих даже элементарным требованиям логики. Дело в том, что особенности реальной политики не могут служить основанием для принижения значимости политических решений, принимаемых на основании компромиссов, в условиях постоянного дефицита времени и достоверной информации. С другой стороны, слишком очевидный и заметный разрыв между принципами политической целесообразности и научной состоятельностью принимаемых решений, связанных с преодолением или минимизацией угроз, подрывает так называемую научную легитимность политики и снижает доверие гражданского общества к усилиям правительств и надгосударственных организаций по снижению глобальных рисков. Об этом аспекте глобальных проблем мы говорили на прошлых чтениях («Цивилизационные, политические и экологические риски нашего времени»).

В чем-то похожая ситуация складывается и в научной сфере. Иллюстрацией могут служить монографии или рефераты докторских и кандидатских диссертаций по самому широкому спектру дисциплин. Значительная часть этих научных текстов никоим образом не связана с исследованием реальных глобальных проблем, но начинается с ритуального заявления о том вкладе, который авторы вносят в их решение. К сожалению, при этом не наблюдается никакого реального воздействия на механизмы подготовки и принятия коллективных решений по глобальным проблемам, а также сколько-нибудь заметного прироста знаний об их природе и генезисе. Таким образом, речь идет о девальвации самой идеи выделения и специального научного изучения глобальных проблем, а дискуссии в этом случае превращаются в собрания единомышленников преимущественно алармистского или антиглобалистского толка. Диалоги такого типа, с одной стороны, поддерживают общественный интерес к глобальной проблематике, но с другой — переводят даже качественную научную или политическую аналитику на уровень «информационного шума» или циклических массмедийных событий-двойников, сопровождающих, как тень, встречи лидеров ведущих стран.

Но на фоне отмеченных негативных тенденций следует выделить несомненные позитивные результаты, значимость которых трудно переоценить. Среди наиболее значимых тенденций последнего времени — активизация интереса политиков, ученых и широкой общественности к глобальным социальным и экологическим последствиям принимаемых политических решений, включение в повестку дня вопросов, связанных с глобальной ответственностью. Причина такого интереса заключается в том, что почти все проблемы, относимые сегодня к разряду глобальных, являются либо экологическими, либо социальными, либо социально-экологическими. Во всяком случае не вызывает сомнения наличие экологического и социального измерений у каждой из таких проблем, даже если эта связь сразу не обнаруживается. Соответственно даже ритуальный характер ссылок на глобальные проблемы позволяет решить триединую задачу, которая сводится к методологическим и политическим установкам, изменяющим направленность

научной политики во многих странах мира и характер международного сотрудничества почти во всех областях.

О какой триединой задаче идет речь? *Во-первых*, о повышении значимости социально-экологической тематики в политике и науке. *Во-вторых*, о системном подходе к определению приоритетов в реальной международной политике и междисциплинарных научных исследованиях. *В-третьих*, о максимально возможном сближении позиций мирового научного сообщества и политических элит различных стран.

Такое сближение позиций на международной арене обусловлено тем фактом, что национальные политические элиты несут огромную долю ответственности (а при наличии соответствующих правовых норм — и персональной ответственности) за ближайшие и отдаленные последствия своей деятельности для сохранения мирового и национального природного и культурного наследия, а следовательно, и ответственности за поддержку исследовательских программ, обеспечивающих поиск путей решения глобальных проблем. Эта триединая задача вполне органично вписывается в деятельность многих престижных международных организаций, структур и масштабных инициатив.

Сердцевину стратегии долгосрочного социально-экономического развития любой крупной страны, не говоря уже о России, должна составить детально проработанная концепция государственной поддержки фундаментальной науки и фундаментального образования. Это позволит обеспечить преимущество в развитии научной и образовательной инфраструктуры в России, а также конкурентоспособность отечественной науки и высокую степень участия российских ученых в международных исследовательских и внедренческих проектах, направленных на осмысление и решение глобальных проблем. Очевидные трудности и противоречия, возникающие в процессе реформирования в сфере научной и образовательной политики, во многом обусловлены тем фактом, что наша страна выходит из зоны исторического безвременья, возвращая навыки долгосрочного и самостоятельного стратегического прогнозирования и планирования.

А. О. Чубарьян¹

РОССИЯ И ЕВРОПА: ВЗАИМНЫЕ ОБРАЗЫ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ, ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ТРАДИЦИИ²

В общем комплексе проблем, связанных с местом России в Европе, важное место принадлежит тем стереотипам, которые влияют на образ России за рубежом. Часто их смысл состоит в том, чтобы отрицать или преуменьшать тот вклад, который Россия вносила и вносит в формирование и эволюцию общеевропейского культурного и политического пространства. Поэтому остается весьма важной и актуальной задача преодоления этих клише и стереотипов, непосредственно связанная с вопросом о межкультурном диалоге в Европе, принципах и формах образования и эволюции общеевропейского культурного пространства.

Реальные исторические события, отставание и отчуждение России от Европы в XIII – XVI веках, принадлежность России и к Европе, и к Азии в сочетании с геополитическими и иными интересами западного мира влияли на отношение европейцев к России и привели к формированию устойчивых стереотипов и даже мифов, которые в значительной мере воздействовали на политическое мышление и политическую культуру европейцев, на их обыденное массовое сознание, особенно в XX столетии.

Значительное число современных специалистов — историков и литературоведов, этнологов и психологов, политологов и социологов — занято изучением отношения Запада к России и на уровне элит, и в массовом сознании. Исследования на эту тему облегчаются тем, что в нашей стране за последние 10 лет были в большом количестве изданы или переизданы различные записки путешественников, воспоминания и труды о России, которые были опубликованы в Европе в течение XV – XIX веков. Упомянутые исследования

¹ Директор Института всеобщей истории РАН, президент Государственного академического университета гуманитарных наук, академик РАН, доктор исторических наук, профессор. Автор более 350 научных работ, в т. ч. 9 монографий: «Брестский мир. 1918», «Европейская идея в истории», «Российский европеизм», «Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 — июнь 1941 года», «XX век: взгляд историка» и др. Монографии А. О. Чубарьяна изданы во Франции, Англии и Германии. Автор и ответственный редактор VI тома «Истории научного и культурного развития человечества» (издание ЮНЕСКО). Главный редактор «Всемирной истории» (в 6 т.). Главный редактор серии «История Европы», ряда ведущих отечественных и международных изданий по всеобщей и европейской истории: «Россия и Балтия», «Цивилизации», «Международного журнала социальных наук», международного журнала «Cold War History», журнала Международной ассоциации институтов истории стран СНГ «Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ». Сопредседатель комиссий историков России и Австрии, России и Германии, России и Литвы, России и Румынии, России и Украины. Председатель Национального комитета российских историков. Президент Международной ассоциации институтов истории стран СНГ. Член Норвежской королевской и Шведской королевской академий наук. Награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени, орденом Почета, орденом Почетного легиона (Франция), Офицерским крестом (Германия), орденом Святого Макария II степени (РПЦ), Григория VI (Ватикан). Лауреат премии Президиума РАН им. Е. В. Тарле за монографию «Канун трагедии. Сталин и международный кризис». Почетный доктор ряда российских и иностранных университетов и академий. Почетный доктор СПбГУП.

² Доклад представлен на IX Международные Лихачевские научные чтения (2009 г.).

ведутся не только в Москве и Петербурге, но и во многих российских региональных центрах и университетах.

В мировой науке уже много лет обсуждается проблема «образ другого», включающая и вопросы теории, и раскрытие механизмов формирования таких образов, причем как на материалах той или иной страны, так и с точки зрения отношений между народами, населяющими разные страны. Применительно к теме «Россия и Европа» можно сказать, что созданные и распространенные на Западе представления о России и русских оказывают существенное влияние не только на отношение стран и народов Европы, европейской общественной мысли к России, но в большой мере влияют и на дискуссии внутри страны на тему принадлежности к Европе, ибо всякое неприятие, критика или осуждение России порождают недовольство и даже протесты в стране и дают дополнительные аргументы тем, кто предостерегает нас от слишком тесных связей с Западной Европой и убеждает в глубоком различии путей развития России и Запада.

Стереотипы такого рода часто весьма устойчивы, они передаются из поколения в поколение и весьма непросто уходят из политики и сознания. Базируясь часто на действительных фактах и проявлениях, они в то же время становятся основой для формирования целой системы мифологических концепций и представлений. Система образов, часто становящихся устойчивыми стереотипами, причем в большинстве своем негативными, влияет на весь комплекс взаимоотношений между странами и народами Европы, включая и культурно-психологическую сферу.

Для того чтобы понять реальное содержание образов России, причины их мифологизации и распространения, следует обратиться к истории их возникновения и к тем модификациям, которые они претерпели на протяжении многовековой истории взаимосвязей России и Западной Европы.

В древний период для многих авторов, живших в западной части Европы, население, находившееся далеко на востоке, ассоциировалось, как правило, с кочевническим миром, с теми «дикими» и «варварскими» племенами, которые представляли угрозу для европейцев. Славянский этнос часто противопоставлялся классическим западноевропейским стандартам. И даже процесс крещения, христианизации Руси и широкие династические связи русских князей с западноевропейцами мало изменили бытующие представления о людях, живших в «русских степях». (В то же время необходимо признать, что в реальности древняя и средневековая Русь развивалась действительно по византийскому образцу.) В XVI – XVII веках Россия постепенно выходила на авансцену европейской жизни, втягиваясь в соперничество европейских держав и на Балтике, и на южных окраинах. На севере Россия соперничала с Ливонским орденом, а на юге вела длительные войны с турками.

В XVII веке связи Руси с Западной Европой становились все более активными и в политической, и в экономической областях. Поставки русского хлеба в 1630-х годах во многом позволили стабилизировать ситуацию с продовольствием во Франции и Голландии. В Англии Кромвель и его соперники стремились заручиться поддержкой Москвы. В ряде стран Западной Европы обсуждались идеи о возможности освоения российского рынка. Именно в XV – XVII веках в Западной Европе появились первые обстоятельные

записки дипломатов, торговцев и путешественников, которые закладывали определенную традицию в описании русских и их государства¹. Эти записки привлекали внимание и многих российских исследователей, особенно в XIX – XX веках². Появление записок о далекой Московии явилось следствием значительного интереса в политических и общественных кругах Европы к далекой и во многом неведомой стране. Кардинал Ришелье во Франции, английская королева Елизавета I и Кромвель, испанский король Филипп II проявляли живой интерес к Московии, стремясь использовать ее в своих политических и экономических интересах.

Но и в духовной сфере Западной Европы был заметен интерес к России. О ней упоминали Шекспир и Рабле, Сервантес и другие великие писатели той эпохи, ученые Жан Бодэн, Томас Мор, Мишель Монтень и др. В европейских проектах и трактатах XV – XVII веков также нередко были упоминания о России или Московии.

Возросший интерес к России во многом стимулировал поездки в Московию официальных лиц и торговцев, литераторов и архитекторов, простых путешественников. В нашем распоряжении имеются записки и воспоминания немцев, французов, англичан, шведов, итальянцев, австрийцев, голландцев, поляков. В совокупности они составили обширную литературу, богатейшие материалы, которые служили, может быть, основным источником информации о России. Подавляющее большинство этих сочинений было издано в Западной Европе, затем переведено на русский язык и стало достоянием исследователей и широкой общественности и в европейских странах, и в России.

Естественно, сочинения западноевропейцев о России по-разному оценивались в российской историографии. Для одних историков это был, прежде всего, важный источник знаний по истории того времени, в котором наибольшую ценность имели многочисленные факты и описания государственного устройства России, ее географии, природы, климата, уклада жизни и настроений людей. Другие выделяли политическую и религиозную пристрастность авторов, критиковали их за тенденциозность и негативные оценки, дававшиеся стране и народу. Остановимся на некоторых наиболее существенных записках, которые оказали влияние на представления о России, формирование ее образа в официальных кругах и общественном мнении стран Западной Европы.

Прежде всего следует упомянуть записки венецианского дипломата Амброджо Контарини, посетившего Москву в конце 1476 — начале 1477 года. Контарини прибыл с официальной миссией, встречался с Иваном III, великой княгиней Софьей Палеолог и во многом способствовал зарождению русско-итальянских отношений. Наибольший интерес вызвало в то время

¹ *Контарини А.* Рассказ о путешествии в Москву в 1476 – 1477 гг. // Барбаро и Контарини о России. Л., 1971; *Герберштейн С.* Записки о московских делах. СПб., 1908; *Горсей Дж.* Записки о Московии XVI века сэра Джерома Горсея. СПб., 1909; *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи и Великого княжества Московии // Россия начала XVII в. : записки капитана Маржерета. М., 1982; *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию и обратно. СПб., 1906; *Невилль Ф. де ла.* Записки о Московии 1689. М., 1996; *Реляция Петра Петрея о России начала XVII в.* М., 1976.

² О взаимоотношениях России и Запада и записках зарубежных авторов о России см.: *Лимон Ю. А.* Россия в западноевропейских сочинениях XV – XVII вв. // Россия XV – XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 3 – 16.

сочинение Сигизмунда Герберштейна. Он родился в Каринтии и с детства общался со славянами, что определило его благожелательное отношение к славянскому миру и Московии. Он также выполнял в Московии официальную миссию: габсбургский император хотел втянуть Русь в борьбу с турками и восстановить хорошие отношения между Русью и Польшей, и Герберштейн вел переговоры на эти темы. Он дважды посещал Московию, в 1517 и в 1526 годах, и встречался с великим князем Василием Ивановичем, со многими представителями русской знати. Вернувшись в Европу, он написал книгу «Записки о московских делах», которая была издана в 1549 году. Это сочинение сыграло весьма значительную роль в информировании европейцев о жизни в далекой и для многих неведомой России.

Русь XVI века описана в сочинении Герберштейна достаточно полно и объективно. Автор дал географическое описание, рассказал об истории возникновения Древнерусского государства (о древних племенах — живших на этой территории и пришедших извне), государственном строе (включая описание церемонии коронации великого князя), соседях Московии — Литве, Польше, Белоруссии, Украине, о семейных делах российского великого князя, быте, нравах знати и простых жителей. Сочинение Герберштейна открывало для Европы Русь XV века; оно сыграло значительную роль в представлениях на Западе о России в тот период, когда она постепенно становилась весьма существенным элементом европейской международной жизни.

В XVI веке количество записок и иных свидетельств о России возросло. В тот период особую активность развивали англичане. Из значительного числа записок стоит выделить Джерома Горсея. Он не был официальным представителем, а впервые прибыл в Москву в качестве приказчика-практиканта английской Московской компании.

В XVII веке наиболее известным сочинением стали записки капитана Маржерета. Он был одним из первых французов, который не просто посетил Россию, но и поступил на русскую службу. Находясь до этого во Франции, Маржерет принимал участие в религиозных войнах на стороне протестантов. Затем он воевал против турок на Балканах, служил в войске польского короля. В 1600 году Маржерет завербовался на службу в Россию; при этом сначала он воевал против Лжедмитрия I, а с приходом последнего в Москву перешел к нему на службу. В 1611 году он участвовал в подавлении восстания москвичей против поляков, в поджоге и разграблении Москвы. До этого Маржерет, находясь в Париже, написал книгу о России.

Сочинение Маржерета отражает противоречивость фигуры самого автора, которая повлияла и на содержание его произведения. С одной стороны, в книге содержится масса информации о государственной власти в России, о Боярской думе, приказах, военных силах России, финансовой системе. С другой — авантюризм автора, его участие в борьбе против русских во многом определили его явную тенденциозность, враждебность по отношению к России и к русским. Если личность Маржерета вызывала явное неприятие и осуждение, то его сочинение впоследствии оценивалось неоднозначно. Оно содержало массу сведений и продолжало наметившуюся линию на предоставление западному читателю информации об устройстве, жизни и быте русского государства и его жителях в XVII столетии. Книга Маржерета со-

держала значительное число критических выпадов против уклада жизни русских, их характера и наклонностей, против государственной политики русских правителей и вносила свой «вклад» в формирование стереотипных представлений о России.

Упомянем еще одно сочинение XVII века, принадлежащее немцу Адаму Олеарию, изданное под названием «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно». Адам Олеарий родился в 1599 году в бедной семье, но получил образование и научную степень в одном из лучших университетов Германии. Благодаря поистине энциклопедическим знаниям он был включен в состав посольства, которое князь Шлезвиг-Голштинии Фридрих III решил направить в Москву в 1633-м, а затем в 1635 году — снова в Москву и в Персию. Итогом посольских миссий стали получение обширной информации о России и ее распространение в Европе. Большую роль в этом сыграла книга Олеария о России, которую он написал и издал в 1634 и 1636 годах. В 1643 году он снова посетил Россию.

В сочинении Олеария освещается множество самых разных сторон российской жизни. Он писал о том, что русские доброжелательно относятся к иностранцам. «У них, — пишет автор, — нет недостатка в хороших головах для учения. Между ними встречаются люди весьма талантливые, озаренные хорошим разумом и памятью»¹. В сочинении Олеария есть значительное число и критических оценок. Будучи протестантом, он не принимал многих православных норм и установлений.

* * *

Наступил XVIII век, который благодаря реформам Петра I коренным образом изменил положение России в Европе. Для России XVIII века характерна не только внутренняя политическая консолидация и впечатляющая международная деятельность, но и бурное развитие наук, образования. Принципы и формы европейского Просвещения получали широкое распространение и в России — с учетом российских традиций и особенностей жизненного уклада. В Европе в XVIII столетии уже смотрели на Россию как на сильного и опасного конкурента. На этой основе начали формироваться и новые представления. Прежние идеи о русских людях как о невежественных и невоспитанных не исчезли, но модифицировались в точку зрения, что хотя в России и начались реформы, все равно она сильно отстает от европейских стандартов.

Следует учесть, что к этому времени на Западе шел процесс формирования сословно-представительной системы (уже функционировали французские Генеральные штаты и английский парламент); развивалось то, что получило название «просвещенный абсолютизм». Западная Европа вошла в век Просвещения. Всего этого Россия еще не знала, и поэтому западно-европейская элита, хотя и с определенными вариантами, продолжала говорить об отсталых народах и архаическом государственном и политическом устройстве, о «диких нравах» и необразованности русских. Правда, в Западной Европе было уже немало людей, которые видели Россию в ином

¹ См.: Мезин С. А. Взгляд из Европы. Французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003.

свете — как развивающуюся страну, быстро выходящую на европейский уровень. Они отмечали, в частности, рост в России числа способных и образованных людей.

В то же время именно в XVIII веке, во времена Екатерины II, ряд известных французских просветителей, прежде всего Вольтер и в меньшей степени Д'Аламбер и Дидро, преклонялись перед императрицей и ее политикой; они не сомневались в успехах российской культуры и росте образованности русского общества. Несомненно, эти французские просветители во многом способствовали популяризации России и пробуждали к ней интерес во Франции и во всей Европе. Но, к сожалению, их блестящие труды не отражали мнения большинства (например, Ж.-Ж. Руссо), и в Европе продолжал распространяться образ отсталой и необразованной России.

Для общей характеристики образа России в европейских представлениях XVIII и XIX веков отметим два сочинения, которые могут служить некими символами образа России на Западе Европы. Оба принадлежали французам. Первое сочинение было написано французским аббатом Ш. д'Отерошем («Путешествие в Сибирь»), совершившим путешествие в Россию в 1761 году¹, причем он посетил не только Петербург и Москву, но доехал до Тобольска. Второе сочинение широко известно; написанное в середине XIX столетия, оно принадлежит маркизу де Кюстину, труд которого на многие десятилетия закрепил определенный образ России среди европейских элит и в массовом обыденном сознании.

Французский аббат Ш. д'Отерош по указанию французского короля Людовика XV совершил поездку в Россию для того, чтобы информировать монарха о том, что происходит в далекой и загадочной стране. Автор скрупулезно записывал все детали своего путешествия, включая мельчайшие подробности. В итоге записки аббата, опубликованные во Франции в 1762 году, оказались резко антирусскими. Он не скрывал своего пренебрежения к России и русскому народу. В уничижительных выражениях описывал государственное устройство России, ее быт и нравы. Автору не понравилось в России практически почти ничего. Он обращал внимание на разные стороны русской жизни — на плохие дороги и дома, на внешний вид русских крестьян; у него вызывал неприятие и раздражение даже облик русских женщин. Весь пафос труда французского аббата был направлен на доказательство того, что Россия и ее народ представляли собой варварскую страну, не имеющую ничего общего с просвещенной и цивилизованной Европой. Книга не имела широкого распространения во Франции, а тем более в остальной Европе, но она шла в русле взглядов тех авторов, которые стремились создать негативный образ России в Европе.

Сочинение д'Отероша стало известным в значительной мере потому, что книга попала в Россию и Екатерина II ознакомилась с ней. Реакция императрицы была мгновенной и необычайно острой: она была возмущена и оскорблена. Вскоре здесь была издана книга под названием «Антидот» —

¹ См.: L'Impératrice et l'Abbé. Présenté par Hélène Carrère d'Encausse de l'Académie française. P., 2003 ; о книге Ш. д'Отероша см.: Элькина И. М. Французские просветители и книга Шаппа д'Отероша в России // Вестник Московского университета. Сер. 9. 1973. № 6. С. 77–81 ; Она же. Шапп д'Отерош и его книга «Путешествие в Сибирь» // Вопросы истории СССР. М., 1972. С. 361–388.

ответ на сочинение французского аббата. В течение многих десятков лет велись дискуссии об авторстве «Антидота». Естественно, с самого начала не вызывало сомнений то, что Екатерина II была полностью осведомлена о содержании книги. Постепенно среди тех, кто исследовал эту проблему, все более утверждалось мнение, что автором «Антидота» была сама императрица. В вышедшей недавно во Франции книге под названием «Императрица и аббат» известный французский историк, постоянный секретарь Французской академии наук Элен Каррер д'Анкокс убедительно обосновала авторство Екатерины II.

Автор «Антидота» опровергал нападки аббата, защищая Россию, ее строй и место в Европе. Особое возмущение вызвали грубые нападки д'Отероша на народ. Екатерина II не оставила камня на камне от утверждений аббата о дикости и необразованности русского народа. Смысл «Антидота» состоял в доказательстве равноправности России среди европейских держав, в ее движении по «просвещенному пути». Одновременно автор стремился обосновать своеобразие русского народа, отличительные черты духовного облика, уклада жизни и характера русских людей.

* * *

XIX век, казалось бы, должен был внести существенные перемены в европейские представления о России и русских. После Отечественной войны 1812 года и восстания декабристов тема «Европа и Россия» стала все чаще звучать и даже преобладать в общественных дискуссиях, что получило наиболее яркое выражение в спорах западников и славянофилов. Русская культура стала неотъемлемой частью европейской культуры и получила всеобщее признание. После того как Европа познакомилась с творчеством Пушкина и Достоевского, Толстого и Тургенева, идеи о русской культурной и цивилизационной отсталости должны были постепенно измениться, но в действительности они продолжали распространяться в кругах европейских элит. Разумеется, Россия продолжала отставать в своем политическом устройстве и в демократических реформах от многих других стран Европы, но реформы, проводимые в начале XIX столетия, обещали дальнейшие перемены в российском развитии.

В XIX веке во Франции была издана еще одна книга, оказавшая значительное влияние на формирующиеся западные стереотипы относительно России. Это была «Николаевская Россия»¹, которая вышла в 1843 году и сразу же вызвала огромный интерес. Она принадлежала перу французского маркиза Астольфа де Кюстина. Для середины XIX века общий тираж книги в 200 тыс. экземпляров был невиданным явлением.

Де Кюстин — сын известных французских роялистов, казненных в пору робеспьеровского террора, ехал в Россию, как он сам говорил, в поисках новых аргументов против «представительного правления». Но в итоге его книга, написанная в резких антирусских тонах, заложила основу для последующих негативных стереотипов, утвердившихся в сознании многих деятелей в Западной Европе. Одно из основных утверждений состояло в доказательстве крайней отсталости России, ее «рабского строя», «дикого» государственного

¹ Кюстин А. ге. Николаевская Россия / La Russie en 1839. М., 1990.

и общественного устройства. Де Кюстин реалистично описал российские порядки того времени. Его рассказы о безудержном произволе чиновников и таможенников (при пересечении границы), об их неуважении к закону и нормам, уже установленным по всей Европе, также отражали действительное положение дел. Весь этот пафос французского аристократа не был неожиданным для русской общественности. Российские писатели и публицисты говорили о том же; российские авторы критиковали самодержавие (насколько это было возможно в условиях жесточайшей цензуры), говорили о бедственном положении крестьянства, находившегося в крепостной зависимости, что было глубоким анахронизмом в условиях тогдашней Европы. Однако не этот пафос де Кюстина вызвал возмущение в России. Главное состояло в том, что он перенес свое осуждение российских порядков на весь народ. Де Кюстин пытался доказать, что отсталость и раболепие, дикие нравы — все это было заложено в русских людях с глубокой древности.

Между тем 1830 — 1840-е годы в России были временем Пушкина и Лермонтова, и для просвещенного европейца было непростительно не замечать этого. Отождествление народа, общества и власти свидетельствовало об узости взглядов де Кюстина и его подходов к анализу российской жизни. Блестящая литература и публицистика, в том числе и явно оппозиционная к властям, опровергали идеи автора.

Российская общественность негативно восприняла книгу де Кюстина. Официально она была запрещена. Власти инициировали выпуск нескольких изданий, подвергающих критике де Кюстина. Среди них были: книга Н. И. Греча, который резко осудил француза и при этом восторженно писал о российских порядках и императоре Николае I; сочинение Я. И. Толстого — корреспондента Министерства народного просвещения (агента III Отделения), также резко бичующее де Кюстина; книга советника Министерства иностранных дел К. К. Лабенского — также с критикой сочинений де Кюстина.

Книга де Кюстина встретила осуждение и российской передовой общественности. А. И. Герцен и Ф. И. Тютчев, А. И. Тургенев и П. А. Вяземский негодовали после ее издания, о чем говорили в петербургских салонах. «Я не знаю ни одного дома, где бы не было сочинения Кюстина о России», — вспоминал А. И. Герцен в 1851 году¹. Ф. И. Тютчев писал об умственном бесстыдстве и духовном растлении авторов, подобных де Кюстину.

Но спустя несколько лет и особенно после выхода раболепной книги Греча тот же А. И. Герцен писал: «рабский, холопский взгляд и дерзкая фамильярность», «цинизм раба, потерявшего всякое уважение к человеческому достоинству», «Греч предал на позор дело, за которое поднял подлую речь». Своим отрицанием всем известных фактов Греч, по мнению Герцена, достигает обратного результата: он лишь усугубляет силу обличения Кюстина². А. И. Герцен и некоторые другие представители российской литературной и публицистической интеллигенции резко критиковали самодержавие и преследование свобод в России, но сохраняли резко отрицательное отношение к русофобии де Кюстина.

¹ Герцен А. И. Полное собрание сочинений и письма. Т. 6. С. 364.

² Там же. Т. 3. С. 314 — 315.

К сожалению, некоторые идеи и «аргументы» де Кюстина используются в истории XX века и в наши дни. Между тем именно в XX столетии усилились связи России с другими странами Европы, с их общественностью и правящими кругами. На западе континента постоянно возрастал интерес к российской науке, литературе и искусству. В последние годы в России были изданы переводы многих известных западных философов, деятелей культуры. Русский авангардизм занял ведущее место в европейском модерне. Василий Кандинский, основавший в 1911 году школу «беспредметного искусства», получает (правда, уже позднее, в 1925 г.) профессию в Веймаре. В России выступало множество западных артистов и музыкантов. Эти явления служили ярким подтверждением слов Достоевского, что «у русского человека два отечества: Россия и Европа» и что всякий образованный русский думает прежде всего о Европе¹.

После распада Советского Союза, перехода России на путь либеральной рыночной экономики и глубоких демократических преобразований фактически отпали главные аргументы тех представителей общественности Западной Европы, кто говорил о несовместимости российских порядков с европейскими демократическими нормами и принципами. Тем самым постепенно создавались условия для отхода Западной Европы от старых антирусских и антисоветских стереотипов. И действительно, они сильно трансформировались, хотя, к сожалению, не исчезли из европейских представлений о России. Сохраняются обвинения России в тенденции к авторитаризму, в нарушении прав человека, время от времени возрождаются старые антирусские стереотипы. Видимо, действуют сильная инерция прошлого, давление клише, сформированных много веков назад и не уходящих из представлений определенных западных элит.

Устойчивость негативных стереотипов базируется на традициях и исторической памяти о многовековом прошлом; на все той же идее, что Россия принадлежит и к европейской, и к азиатской цивилизациям, и, наконец, на том, что в российской действительности, традициях, культуре и менталитете заложены те признаки и особенности, которые отличают нашу страну от классической Европы, придают своеобразие российской политической и общественной мысли, культуре и системе ценностей. Понимание этой специфики отнюдь не устраняет ясного понимания непреложного факта принадлежности России к общеевропейскому культурному пространству. Диалог культур и цивилизаций в различных сферах, затрагивающий разные слои общества, служит сегодня важным средством преодоления негативных образов и стереотипов, утверждению в элитах и массовом сознании идей терпимости и уважения к «другим» ценностям, что в более широком плане изменит систему образов «других».

¹ Многие факты и слова Достоевского взяты из статьи: *Степун Ф. А.* Россия между Европой и Азией // *Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн.* М., 1993. С. 326 – 327.

ОТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ К ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ¹

В последние годы широкое распространение получила концепция глобальной истории. Ей было посвящено специальное заседание Международного комитета исторических наук. Выходят журналы, посвященные этой концепции, публикуются монографии и статьи.

В связи с этим формируются и новые дефиниции всемирной истории и глобальной культуры. Например, всемирная история трактуется не как сумма национальных историй, а как самостоятельная сфера исследований, отражающая всемирность исторического процесса и тотальность мировой культуры. И все это анализируется в рамках общего процесса глобализации.

Особый интерес вызывает эволюция взаимоотношений национальных историй и всемирной истории. Развитие концепции национальных историй началось еще в XIX веке, когда в Европе неуклонно шел процесс укрепления национальной государственности, и получило новый стимул после успехов деколонизации, когда на авансцену мировой жизни вышли многие десятки государств Африки и Азии.

Существенный дополнительный стимул получила идея и проблематика национальной истории после распада СССР, когда бывшие советские республики стали независимыми государствами и едва ли не главной задачей их новых элит стало формирование своих национальных историй. В течение последних 20 лет историки, политологи, культурологи этих стран вместе с представителями политических элит приложили немало усилий, чтобы сформировать и обосновать концепцию своей национальной идентичности и национальной истории.

Отражением всех перечисленных явлений стало то, что в последние несколько лет во многих странах приобрела популярность проблема национальной идентичности. Ей посвящается значительное число научных конференций и круглых столов. Столь усиленное внимание к вопросам национальной идентичности вызвало дополнительный интерес к исследованиям национальных историй.

Соответственно налицо и возрастание роли культурной идентичности и автономии. Один из примеров этого — ситуация в рамках Европейского Союза. Отцы-основатели Союза когда-то мечтали о едином государстве и прочих аспектах объединения. Успехи европейской интеграции в последние годы, казалось, подтверждали эту тенденцию. Но оказалось, что страны — члены Европейского Союза отнюдь не намерены отказываться от своей национальной культурной автономии и идентичности. Наоборот, мы являемся свидетелями бурного развития и популяризации национальных культур, включая язык, историю, литературу, искусство и т. п.

Подводя некоторые итоги, можно сделать вывод, что ныне в мире и соответственно в науке (в исторических исследованиях, культурологии, политологии и т. п.) идут параллельные процессы: универсализация, значительное внимание к глобальной истории, пониманию мира (в том числе и его истории) в его целостности, к глобализации культуры и прочего — и одновременно рост национального самосознания, поиски национальной идентичности

¹ Доклад представлен на X Международные Лихачевские научные чтения (2010 г.).

и резко возросший интерес к национальной истории. Видимо, все это будет развиваться в направлении синтеза национального и интернационального; важно, чтобы национальные истории и особенности национальной культуры не входили в противоречие с тенденцией к глобализации, универсальности, всемирности. Именно в этом плане можно оценивать повышенный интерес к проблемам диалога культур и цивилизаций, межкультурным коммуникациям, пониманию национальной истории и культуры как органической составной части мировой истории и культуры.

МИРОВАЯ ИСТОРИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ¹

В мировой истории культура занимает приоритетное место. Она пронизывает различные эпохи и события. Идет ли речь о политической или экономической истории, социальной или международной, мы постоянно выделяем культурологический аспект. Конечно, особое значение проблемы культуры приобретают в духовной сфере. Идеологические процессы и интеллектуальная жизнь, история литературы и искусства — это в значительной мере культурное развитие.

Столь многоплановое и широкое распространение культуры явилось одной из причин того, что в науке существует множество определений понятий «культура» и «цивилизация».

Универсальное значение культуры в эволюции общества и жизни людей было основополагающим принципом в творчестве Д. С. Лихачева, в его подходе к истории общества, анализу различных сторон человеческой жизни и человеческого бытия.

В последние годы все большее распространение получает тема диалога культур и цивилизаций. Главное здесь заключается в том, что диалог — не изобретение ученых-историков или культурологов. Это было реальное историческое явление, ведущее свое начало с самых древних времен.

Диалог культур составляет ядро цивилизационного единства мира, взаимосвязанности континентов, регионов, стран и народов. В диалоге культур и цивилизаций прослеживается всемирность человеческой истории, универсализм и единство мира. Давно бытует формула, что единство мира (или, например, Европы) реализуется через его многообразие, в том числе через взаимодействие различных культур, укладов и цивилизаций.

В древности этот диалог выражался во взаимовлияниях племен и народов, их обычаях, нравах, языках и пр. Уже многие годы ученые оперируют понятием «контактные зоны», которые формировались в различных частях мира, как правило, на пересечении разных племен и народов. Такие зоны представлены вокруг Средиземного и Черного морей, в балтийском регионе применительно к Европе, на Ближнем Востоке — в Азии и др. Именно в контактных зонах сталкивались и взаимодействовали разнообразны культуры, происходила их ассимиляция или отторжение.

¹ Доклад представлен на XI Международные Лихачевские научные чтения (2011 г.).

Своеобразие роли культуры в истории человечества состоит в том, что она в большинстве случаев содействовала сближению народов и стран, снимала напряжение, позволяла устранять или минимизировать конфликты.

Яркий пример диалога культур — эпоха Просвещения, совпавшая по времени с формированием национальных государств. В этих условиях аморфная и универсальная культура приобрела национальные черты. Соответственно мировая культура становится суммой и синтезом национальных культур. «Национализация» культуры явилась закономерным историческим этапом в XVIII — XIX веках. Она стала важным фактором формирования национальной идентичности стран и народов. Оказывая позитивное воздействие на отмеченные процессы, «национальная культура» одновременно явилась питательной почвой для идей национальной идентичности и национального превосходства.

В этих сложных и противоречивых условиях возрастает значение диалога культур и цивилизаций. Этот диалог происходит как в рамках одного многонационального государства, так и между различными странами. Диалог выражается в сопоставлении культурных достижений, взаимных проникновениях культуры, синтезе культурных процессов.

Особое значение диалог культур и цивилизаций приобретает во время напряженных отношений между странами и народами. В этом контексте мы обратим внимание на XIX век и особенно на XX столетие.

В XIX веке взаимовлияние культур стало одним из самых значимых процессов, причем в большей мере это касалось России и Европы. Европейские страны как бы открывали для себя великие творения русской литературы, музыки и живописи. Влияние Достоевского и Тургенева, Чехова и Толстого, Чайковского и других представителей русской культуры на европейскую культуру стало одной из преобладающих тенденций развития Европы. В свою очередь многие российские молодые художники и артисты начинали свой творческий путь в Италии, Франции, Германии и т. д.

Говоря о диалоге культур, мы не можем игнорировать опыт XX столетия. В 1920 — 1930-х годах и послевоенный период продолжался процесс возрастания роли культуры, соответственно усиливалось значение диалога культур и цивилизаций. Особый смысл этот диалог приобрел в условиях глобализации, когда быстро и многопланово расширились взаимосвязи стран и континентов.

XX век — это время кардинальных перемен на африканском континенте, обретение независимости десятками государств Африки и Азии. Соответственно резко возросло значение культурного диалога внутри африканского континента и связей Европы и США с африканскими странами.

Интерес историков и представителей других гуманитарных специальностей к так называемой «глобальной истории» органически связан и с пониманием роли культуры и цивилизационных процессов в раскрытии смысла и значения «глобальной истории».

В последнее время активно обсуждается еще одна проблема. Речь идет о мультикультурализме, особенно применительно к европейским странам. Недавние шокирующие заявления лидеров Англии, Франции и Германии о фактическом провале попыток формирования мультикультуралистского единства в этих странах вызвали волну дискуссий и заявлений.

Последние годы деятельности Евросоюза наглядно показали, что все государства, входящие в Европейский Союз, хотят сохранить свою национальную, прежде всего культурную, идентичность, прилагают усилия для сохранения собственной культуры, истории и языка. Однако возникли серьезные проблемы в связи с существованием внутри ряда европейских государств национальных диаспор, исповедующих другую религию и придерживающихся иного уклада жизни. Практика показала, что процесс включения этих диаспор в культуру стран их проживания оказался чрезвычайно трудным. В этих условиях именно диалог культур и цивилизаций в странах Евросоюза приобретает особое значение.

В этом контексте Россия иллюстрирует пример развития мультикультурализма. Взаимодействие различных культур и национальных идентичностей при гибкой и сбалансированной политике властей может способствовать развитию российского единства и общероссийской культуры и идентичности. Однако это не означает, что и в многонациональной России нет серьезных и трудных проблем в сфере национальных отношений.

Опыт стран Европы, в особенности России, ситуация на других континентах обуславливают новое значение и придают новый импульс диалогу культур и цивилизаций, ставят его в центр многих политических и этнических процессов и побуждают ученых в различных частях мира усилить внимание к научной разработке проблем взаимовлияния культур и цивилизаций.

А. В. Яковенко¹

РОССИЙСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ²

Прежде всего хотел бы поблагодарить организаторов VI Международных Лихачевских научных чтений за приглашение принять в них участие.

Тема нашей встречи исключительно актуальна. Весьма символично, что она вписана в контекст празднования юбилея такого замечательного человека, как Дмитрий Сергеевич Лихачев.

Сформулированные им «девять заповедей гуманизма» заслуживают того, чтобы их напомнить применительно к теме чтения: не прибегать к убийству и не начинать войн; не считать свой народ врагом других народов; не красть

¹ Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии (с 2011 г.), доктор юридических наук (международное право), профессор. С 1976 года работал на различных дипломатических должностях в центральном аппарате МИД России и за рубежом. Заместитель министра иностранных дел России (2005–2011). Автор ряда книг по международному космическому праву, а также более 200 публикаций по международным отношениям и вопросам внешней политики, науки, образования, культуры. Действительный член РАЕН, член Российской академии космонавтики, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан, член Совета РАН по космосу, Международного института космического права (IISL, Париж), Международной академии астронавтики (IAA, Париж), почетный профессор Эдинбургского университета (Великобритания).

² Доклад представлен на VI Международные Лихачевские научные чтения (2006 г.).

и не присваивать себе плодов труда своего ближнего; стремиться лишь к правде в науке и не использовать ее во вред кому бы то ни было или в целях собственного обогащения; уважать идеи и чувства других людей; уважать своих родителей и предков, сохранять и уважать их культурное наследие. Как культуролог, он выступал последовательным противником всякого рода культурной исключительности и культурного изоляционизма.

Глубина и значение этих мыслей находят практическое подтверждение в современных условиях. Не случайно Президент Российской Федерации В. В. Путин на Первом форуме творческой и научной интеллигенции государств-участников СНГ 15 апреля сего года подчеркнул: «Идеи этого величайшего мыслителя и гуманиста сейчас, как никогда, актуальны... Сегодня, когда миру реально угрожает идеология экстремизма и террора, ценности гуманизма остаются одним из принципиальных средств противодействия этому злу».

За полтора десятилетия после окончания холодной войны в мире произошли масштабные перемены. По мере своего внутреннего укрепления Россия вновь превращается в значимый самостоятельный фактор мировой политики. Это полностью отвечает ее национальному и историческому предназначению. Уже в силу своего уникального геополитического положения в Европе и Азии Россия призвана внести важный вклад в решение крупнейшей общемировой задачи эпохи глобализации — укрепление единства и вместе с тем сохранение многообразия человеческой цивилизации. Именно обусловленная историей и географией способность России содействовать поддержанию межкультурного согласия, утверждению принципов толерантности и взаимного уважения во многом определяет востребованность ее активной роли в международных отношениях на современном этапе. Нередко можно слышать завуалированные призывы к нам «самоопределимся» на стороне западной цивилизации в ее, как многие полагают, неминуемом конфликте с исламом. На это мы пойти не можем. Это противоречило бы интересам ее внутреннего развития как многонационального и межконфессионального общества, а также укрепления международного положения России.

Россия не может принимать чью-либо сторону в развязываемом, в том числе вследствие экстремистских проявлений, провокаций и нарушений международного гуманитарного права, межкультурном конфликте глобального масштаба. Не намерена Россия занимать и позицию стороннего наблюдателя. Единственно допустимый для нас подход — осуществление инициативной внешнеполитической линии, направленной на поддержание международной стабильности и снижение напряженности в интересах выхода на устойчивые и приемлемые для всех варианты переговорного урегулирования имеющихся конфликтов и кризисных ситуаций. А они, к сожалению, имеют межкультурное измерение, будучи сосредоточены в регионе Ближнего и Среднего Востока. Россия готова играть роль «моста», каким она и была на протяжении практически всего своего существования. Иными словами, Россия не может и не будет играть роль «фронтального государства» в новой холодной войне — теперь уже между цивилизациями, хотя, наверное, правильнее было бы говорить, что цивилизация у нас одна.

В этой работе важную роль призваны сыграть наши академические и общественные круги, институты гражданского общества. Хотелось бы особо отметить вклад Группы стратегического видения «Россия — исламский мир» под председательством Е. М. Примакова. Весьма перспективной является ее инициатива о создании при Генеральном секретаре ООН консультативного совета из представителей различных цивилизаций. Этот совет мог бы готовить рекомендации о том, как улаживать имеющиеся этноконфессиональные проблемы, религиозно-цивилизационные противоречия, как не допустить новых стен и разломов в мире.

В эпоху глобализации интересы любой страны, в том числе России, невозможно ограничить только прилегающими районами. Мы активно выстраиваем отношения с государствами всех континентов не ради «демонстрации флага», а для того, чтобы прагматично, на реалистичной основе искать формы сотрудничества, которые помогут решению общенациональных задач, укрепят безопасность страны, повысят конкурентоспособность экономики, обеспечат России достойное место в международном разделении труда. Наша внешняя политика многовекторна, но эта многовекторность не направлена на разыгрывание одних партнеров против других. Для нас каждый вектор самоценен. Более того, жизнь показывает, что чем прочнее наши отношения с одними партнерами, тем устойчивее они с другими.

Нынешний этап мирового развития связан прежде всего с процессами глобализации, которая, с одной стороны, требует от международного сообщества объединения усилий в противодействии новым вызовам и угрозам, а с другой — несет опасность для национальной самобытности, культурно-цивилизационного многообразия мира, свободы личности. На руку террористам и экстремистам любых мастей играют те, кто исповедует жесткие идеологизированные подходы к международным делам, стремится решить проблемы на путях выравнивания всех стран, если можно так сказать, под одну гребенку. Убеждены, что бездумное тиражирование какой-либо одной системы ценностей или модели развития не сделает мир счастливым. Напротив — это скорее дестабилизирует обстановку в соответствующих странах и регионах. Весь наш исторический опыт говорит в пользу эволюции, а не революции, чреватой потрясениями, длительной аберрацией в естественном ходе развития общества и государства.

Не следует противопоставлять интересы личности общему благу, абсолютизировать права и свободы в ущерб ответственности человека за его поступки, забывать про нравственную природу человека, ставить демократию над стабильностью и наоборот. Демократические ценности реализуются в каждой стране с учетом ее традиций и культуры. И история это доказывала не раз. Видимо, пора встать на почву здравого смысла и отказаться от любой монополии, в том числе от монополии на трактовку прав и свобод.

Когда мы говорим о глобализации, то зачастую имеем в виду прежде всего ее экономические и технологические аспекты. Это — свободный перелив капитала, децентрализация производства и рынков, более активные контакты между людьми. Действительно, прилетая в крупный аэропорт, не всегда сразу можно понять, в какой стране ты находишься, — вокруг одинаковые рекламные плакаты, примерно тот же ассортимент сервисных услуг. В то же время нельзя не видеть, что плюсы научно-технологического развития стали

причиной углубления неравенства государств в доступе к высоким технологиям и их использовании в целях устойчивого развития. Это может привести к консервации на десятилетия отставания большой группы развивающихся стран, прежде всего африканских, которые пока не способны на равных участвовать в современных глобализационных процессах.

Но, конечно, издержки глобализации этим не ограничиваются. С уходом в прошлое идеологической конфронтации мир не стал более безопасным. В этом уже все убедились. На первый план вышли вызовы и угрозы нового поколения — международный терроризм, трансграничная оргпреступность, наркотрафик, демографические дисбалансы, экологическая деградация, климатические деформации, пандемии и многое другое. Наряду с появлением новых «горячих точек» остаются нерешенными конфликты, возникшие еще во времена холодной войны. Обостряются проблемы распространения оружия массового уничтожения. Все больше дает о себе знать истощение невозобновляемых ресурсов. Нет оправдания выпадению разоруженческой темы из глобальной повестки дня.

Особую опасность несут в себе региональные конфликты. Причем это относится не только к человеческим жертвам и разрушениям. В последнее время мы стали свидетелями исчезновения целых пластов исторических и культурных ценностей в таких странах, как Афганистан и Ирак. Этот урок должен быть усвоен всеми — никакие проблемы, даже самые сложные, не могут быть решены военными средствами. Любое применение силы, тем более неоправданное, равнозначно гуманитарной катастрофе. Это в полной мере относится к ядерным проблемам Ирана и Корейского полуострова. Их не решить санкционными методами. Единственно возможный путь — политико-дипломатическое урегулирование на путях вовлечения в международное сотрудничество, а не изоляции, прямого диалога между основными антагонистами. Никакие соображения идеологического порядка не должны стать препятствием для мирного решения кризисных ситуаций.

Весь ход событий в мире в последние годы указывает на то, что попытки справиться с современными угрозами путем односторонних действий не состоятельны. Это разновидность изоляционизма. Россия, как и подавляющее большинство других государств, считает, что будущий миропорядок должен основываться на коллективных механизмах решения мировых проблем. Будет ли это называться многополюсной системой или как-то иначе — суть от этого не меняется. Главное — чтобы такая система имела как можно больше точек опоры. Это стало бы гарантией ее устойчивости. В этом было бы и проявление подлинной общечеловеческой солидарности как отличительной черты современной мировой политики.

Сегодня практически сошла на нет дискуссия об однополюсном или многополюсном мире. Видимо, потому что потеряли смысл схоластические дискуссии об очевидном. Вместе с холодной войной в прошлое уходит практика так называемых фиксированных альянсов, им на смену приходят многообразные форматы по интересам, своего рода дипломатия с изменяемой геометрией. Глобализация начинает приобретать, если можно так сказать, «азиатское лицо» — это подъем Китая, Индии, стран АСЕАН. Появилась и новая аббревиатура — БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) — самые быстро растущие и перспективные экономики мира.

Нельзя забывать, что две трети территории России приходятся на Азию, с которой нас объединяют общие исторические судьбы, неделимые интересы безопасности и социально-экономического прогресса. Наша триединая цель в Азии — безопасность, стабильность, развитие. Мы активно развиваем отношения с азиатскими государствами, участвуем в масштабных действиях, крупных многосторонних объединениях. Это же относится к другим регионам мира — Европе, странам Персидского залива, Северной и Латинской Америке, Африке.

Необходимо искать платформу для широкого согласия по максимально широкому кругу вопросов и взаимодействия между основными игроками на мировой арене, включая страны «восьмерки», Европейский Союз, США, Китай, Индию, Японию, ключевые страны Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки. В ее основе должны быть прежде всего взаимное доверие, уважение и учет интересов друг друга при решении международных проблем. Конечно, наши интересы не могут совпадать во всех вопросах. Но там, где они совпадают, необходимо развивать сотрудничество, что мы и делаем. И здесь уместно вспомнить точное высказывание Дмитрия Сергеевича Лихачева: «Народы — это не окруженные стенами сообщества, а гармонично согласованные между собой ассоциации».

Другое направление поисков более надежного, предсказуемого международного управления связано с совершенствованием механизмов многостороннего сотрудничества. Наиболее универсальным из них, несомненно, является ООН. Эта организация обладает уникальной легитимностью и опытом деятельности на глобальном и региональном уровнях. Важно добиваться того, чтобы ООН была в состоянии более эффективно реагировать на кризисы, чтобы были установлены более четкие критерии применения принудительных мер, включая силовые, по решению Совета Безопасности ООН.

Россия исходит из того, что, разрабатывая критерии, в соответствии с которыми Совет Безопасности ООН при определенных условиях обязан дать согласие на применение силы, необходимо избегать механических подходов. Каждую ситуацию следует рассматривать конкретно, с учетом ее специфики. Здесь нет и не может быть какого-то универсального рецепта, простых, арифметических решений. Важно, чтобы решение о вмешательстве мирового сообщества в тот или иной кризис, особенно когда речь идет о так называемом «превентивном вмешательстве», принималось на основе проверенных, неопровержимых фактов, а не домыслов и голословных обвинений. От того, как удастся справиться с этой проблемой, во многом будет зависеть способность мирового сообщества создавать партнерские, равноправные многосторонние механизмы нового мироустройства.

Одну из ключевых ролей в сохранении культурного многообразия мира в эпоху глобализации играет ЮНЕСКО. В преамбулу и некоторые статьи Декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии, принятой в 2000 году, включены предложенные российской стороной формулировки, основанные на идеях Д. С. Лихачева. В частности, понимая под культурным разнообразием «неповторимость и многообразие особенностей, присущих группам и сообществам, составляющим человечество», декларация провозглашает своей основной целью «гарантировать свободное распространение идей словесным и изобразительным путем, добиваясь, чтобы все культуры

могли бы быть объектом самовыражения и распространения». Залогом культурного разнообразия названы «свобода выражения мнений, плюрализм средств информации, равный доступ к возможностям для художественного творчества, к научно-техническим знаниям». За каждым человеком признается право на самовыражение и творчество на любом языке, в частности на своем родном. При этом подчеркивается, что, придерживаясь своих культурных традиций, каждый человек не должен наносить ущерб основным правам других людей. Эти принципы закреплены в принятой в октябре прошлого года ЮНЕСКО при активном участии России Конвенции о культурном разнообразии.

В связи с этим нельзя не обратить внимания на вопиющие нарушения прав русскоязычного населения в странах Балтии. Например, в Латвии и Эстонии введено в оборот понятие «негражданин», абсолютно не вписывающееся ни в общемировые юридические нормы, ни в систему права на пространстве Евросоюза. Россия не предъявляет к Латвии и Эстонии каких-либо за пределами требований. Речь идет о необходимости соблюдения этими государствами универсально признанных восьми стандартов в сфере прав человека, в частности по защите прав нацменьшинств.

Вопреки заверениям наших европейских партнеров вступление Латвии и Эстонии в Европейский Союз, к сожалению, принципиально не изменило ситуацию. Более того, попустительствуя тем, кто недобросовестно подходит к выполнению обязательств, вытекающих из элементарных международных норм, заметно девальвируются те самые «общие ценности», о которых так много говорят в Евросоюзе.

Важным направлением строительства нового мироустройства является дальнейшее укрепление международного права. Россия не рассматривает его как раз и навсегда установленную догму. Так же как и национальное законодательство, международное право должно следовать за жизнью. Много споров вызывает сопряженный с темой «гуманитарных интервенций» вопрос о соотношении государственного суверенитета и необходимости реагировать на кризисы в тех или иных странах. Над поиском верного международно-правового ответа надо работать. Но в любом случае, занимаясь международным нормотворчеством, следует исходить из того, что пока действуют общепринятые международные нормы, их нужно неукоснительно соблюдать.

Фундаментальные принципы внешней политики России остаются неизменными. Это еще раз нашло свое подтверждение в Послании Президента России В. В. Путина Федеральному собранию Российской Федерации. Россия будет и дальше строить свою внешнюю политику, как подобает сильному, миролюбивому и ответственному участнику мирового сообщества, действуя через диалог и развитие партнерства, а не конфронтацию даже при возникновении самых сложных международных проблем или вопросов в межгосударственных отношениях. Вместе с другими государствами Россия будет вносить конструктивный вклад в повышение управляемости мировых процессов, формирование более справедливой, безопасной и устойчивой системы международных отношений.

Такая политика отвечает не только интересам России, но и, по большому счету, всего международного сообщества. Этим объясняется и растущая

востребованность инициативной роли российской дипломатии в мировых делах. Подтверждением может служить, в частности, избрание России в состав вновь созданного Совета ООН по правам человека. Доверие партнеров к России определяется в том числе и культурной составляющей нашей истории, учитывающей разнообразие и богатство мировых культур, восприимчивость к интересам и особенностям других наций.

Человечество вновь оказалось на водоразделе. С одной стороны, силы, которые требуют отказа народов от своей истории, культуры и духовности, поскольку культурно-цивилизационные различия якобы лежат в основе всех противоречий между государствами. С другой — те, кто отстаивает свою национальную самобытность перед натиском глобализации. Россия как многоконфессиональное и многонациональное государство, испокон веков существовавшее на стыке цивилизаций, вновь призвана сыграть решающую роль в выстраивании сбалансированной и устойчивой архитектуры международных отношений.

И здесь, как никогда, актуальна идея о совместимости духовных ценностей различных цивилизаций и народов. Дмитрию Сергеевичу принадлежат слова: «Национальные черты нельзя преувеличивать, делать их исключительными. Национальные особенности сближают людей, заинтересовывают людей других национальностей, а не изымают людей из национального окружения других народов, не замыкают народы в себе». Сказано, по-моему, исключительно емко и точно. Думаю, надо верить в способность народов к созидательному взаимодействию и надеяться на то, что конструктивный межцивилизационный диалог, взаимообогащение культур на принципах признания равенства культурных и этнических ценностей, недопущения любых форм ксенофобии, толерантности способны восторжествовать, заложив тем самым прочную основу стабильности в мире и устойчивого развития человечества.

По большому счету перед нами стоит задача найти правильный баланс между требованиями глобализации и стремлением стран и народов оставаться самими собой. Как сделать так, чтобы уникальность мировых культур не была смыта техногенной волной стандартизации и унификации? Мы ждем соответствующих предложений и от участников нынешнего форума, готовы внимательно их рассмотреть и активно продвигать на международном уровне. Лихачевские чтения уже заложили хорошую основу для такой дискуссии, и мы желаем им успешной работы.

В этом году Россия председательствует в «Группе восьми», Комитете министров Совета Европы, Организации Черноморского экономического сотрудничества, Арктическом совете. Цель наших дипломатических усилий — создание максимально благоприятных внешних условий для развития страны. Этого можно добиться прежде всего за счет активного развития отношений со всеми странами. Мы хотим, чтобы наши люди чувствовали себя в безопасности в любом уголке мира. Основой для этого стало бы реальное продвижение в выстраивании устойчивой системы международного права приоритета многосторонности в решении важнейших проблем современности. В этом — наш главный национальный интерес. В этом мы видим и непреходящее значение интеллектуального и духовного наследия Д. С. Лихачева.

КУЛЬТУРА, МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ¹

Нынешняя комплексная трансформация мира была запущена с окончанием холодной войны, но подготовлена процессами, которые развивались с 1960-х годов и на Востоке, и на Западе. Наше время — время больших вопросов. Если мы ими не зададимся, то не поймем, что происходит в мире и международных отношениях.

Культура — первооснова национального бытия, скрытая пружина исторического процесса. Для меня убедителен культурологический метод О. Шпенглера в его «Закате Европы». Опыт правления администрации Дж. Буша заставил даже З. Бжезинского апеллировать к его выводам и поставить вопрос о необходимости выработки международным сообществом общего видения современной эпохи. О справедливости того, что история — это реализация конкретного культурного типа, мироощущения, говорит и известная русская поговорка: «Посеешь характер — пожнешь судьбу». Соответственно осмысление внутреннего состояния России, международного положения и внешней политики надо начинать с культуры.

Прежде всего, глубоко убежден, что у России столь же великое будущее, сколь и история, которую (сошлюсь на мнение А. С. Пушкина в его письме П. Я. Чаадаеву) «нам дал Бог». Наверное, она не могла быть иной, так как нет в истории ничего случайного. История сама выбирает «своих героев» и пути реализации замысла, заложенного в гене национального характера.

Французская революция, которая продолжила дело, начатое реформами Кольбера, дала выход энергии, копившейся во французском обществе со второй половины правления Людовика XIV. Сходная энергия копилась и в российском обществе, во многом «дремавшем» большую часть XVII века.

В ответ на вызов петровской модернизации Россия, как сказал Герцен, ответила гением А. С. Пушкина и всей русской культурой XIX века, особенно литературой. Во внешнеполитическом плане Россия вернула свой долг Европе той решающей ролью, которую сыграла в поражении Наполеона. Это позволило всем народам Европы самостоятельно и органично развиваться.

Нам есть чем гордиться в национальном характере, как об этом недавно напомнил президент РФ Д. А. Медведев. В числе прочего это широкий взгляд на вещи. Кто-то называет это холистико-диалектическим, дедуктивным методом, способностью к глобальному, целостному анализу проблем. Возможно, что эта широта нашей натуры в равной мере объясняет отрицательное и положительное в нашем историческом бытии. Объясняет, в числе прочего, культурную глубину, когда многого не видно «на поверхности». Сюда я бы отнес внутреннюю свободу, которой жили многие в советское время и без которой не существовало бы современной России.

Феномен великой русской литературы — это тоже вопрос о нашей роли в истории. Высказывается мнение, что всемирными по праву могут считаться лишь английская и русская литературы, хотя это и звучит несправедливо по отношению к М. Сервантесу и М. Прусту, да и ко многим другим.

¹ Доклад представлен на XII Международные Лихачевские научные чтения (2012 г.).

Трудно приуменьшить значение явлений культуры как емких, внушенных вдохновением характеристик состояния общества. С российской литературой XIX века все понятно. Одним Н. В. Гоголем все сказано. Но если взять западную культуру, в частности американскую, то трудно не заметить произведений-пророчеств, авторы которых предвидели итог процессов, выявив их суть на начальном этапе. Это и «Тихий американец» Г. Грина, и «Доктор Стрейнджлав» С. Кубрика, и повесть «Над пропастью во ржи» Дж. Сэлинджера. Особо отмечу рассказ С. Моэма «На задворках империи», который убедительно иллюстрирует издержки эгалитаризма как элемента социальной инженерии. Из него можно заключить, что Британскую империю спасало деликатное отношение к традиционному обществу в колониях в духе просвещенного аристократизма: все люди разные и имеют право быть таковыми.

О. Шпенглер неслучайно усматривает истоки проблемы западной цивилизации в ее культурном упадке. В этом плане для него рубеж — искусство барокко и европейская музыка XVIII века, то есть культура того времени, когда она еще черпала вдохновение в христианстве. Эту тоску по искусству XVIII века испытывал И. С. Тургенев.

Ведущий литературный критик русского зарубежья Георгий Адамович писал в своем сборнике «Одиночество и свобода»: «То, что нехотя, хмуро, угрюмо Запад постепенно выпускает из рук, Россия должна бы когда-нибудь вернуть в преображенном виде, умудренная всем своим опытом, научившаяся многому такому, чего он и вообще никогда не знал».

Русская литература как бы подхватила эстафету у европейской, и в этом ее всемирно-историческое значение. Приведу слова Николая Бердяева, который писал: «Достоевский и есть та величайшая ценность, которой оправдывает русский народ свое бытие в мире, то, на что может указать он на Страшном суде народов».

В своей Пушкинской речи Ф. М. Достоевский пришел к мысли о «всемирной отзывчивости России», ее «всечеловеческом» призвании. Основываясь во многом на «Маленьких трагедиях» — этом мини-Шекспире, он усмотрел надежду на восстановление единства европейской цивилизации, отнюдь не противопоставляя Россию Европе. Наоборот, Россия должна помочь «разрешить европейские противоречия уже окончательно».

Как еще объяснить исключительную чуткость русской литературы к состоянию не только своего, но и европейского общества в целом? Ее предчувствие не только нашей революционной катастрофы, но и катастрофы Европы, каковой стала Первая мировая война, подведшая черту под беззаботной Belle époque и первым этапом глобализации? Россия вместе со всеми вступила в «сумеречный» этап развития Европы. Причем межвоенный период — в силу несостоятельности всей европейской политики и неспособности европейской мысли дать ответы на вызовы времени — можно считать начальным этапом холодной войны с ее «санитарными кордонами», выборочными (по классовому признаку) гарантиями безопасности.

Эта чуткость к судьбам Европы нашла отражение и в развитии русской политической и философской мысли после катастрофы 1917 года. Думаю, без этого интеллектуального вклада было бы трудно понять происходящее сейчас, когда завершается довольно целостный исторический цикл, началом

которого послужила Первая мировая война. Его смысл хорошо передают следующие строки Анны Ахматовой из ее «Поэмы без героя»:

Как будто перекрестилась
И под темные своды схожу.

Они были написаны в августе 1941 года, но начало схождения Европы «под темные своды», конечно, связано с Первой мировой. В частности, интерес представляют теории и суждения таких выдающихся умов самой разной, в том числе консервативной, идейной ориентации, как Василий Розанов, Константин Леонтьев и Питирим Сорокин, причем предсказания последнего, которые оправдываются в наши дни, были сформулированы уже в 1960-х годах.

В. Розанов в своем «Апокалипсисе нашего времени» (1918) писал: «Глубокий фундамент всего теперь происходящего заключается в том, что в европейском (всем, и в том числе русском) человечестве образовались колоссальные пустоты от былого христианства; и в эти пустоты проваливается все: троны, классы, сословия, труд, богатства...» К. Леонтьев считал, что европейское общество после Французской революции вступило в этап «вторичного упрощения», который неизбежно завершится катастрофой. Эта идея во многом созвучна аристократической критике демократии А. Токвиля. По крайней мере, ее трудно сбросить со счетов, если проанализировать нынешнее состояние европейского общества и европейской демократии, а также политических элит, допустивших нынешний кризис.

Будучи основателем современной социологии, П. Сорокин считал, что миссия человека на Земле не ограничивается потребительством. На его взгляд, Европа и Запад в целом приближаются к распаду «чувственного» социокультурного уклада. Именно на этой основе он предсказал крах коммунизма в Советском Союзе, поскольку тот вступил на такой же путь развития, как и Запад. Можно по-разному относиться к этим идеям, но точность содержащихся в них предсказаний, наверное, говорит о том, что что-то в ныне происходящем они объясняют. Тем более что иных внятных объяснений пока никто не дает.

Мыслить категориями особого, неевропейского пути России значило бы отказываться от нашей собственной истории, которая представляла собой сложный процесс взаимовлияния между Россией и европейским Западом. По общему признанию, творчество А. С. Пушкина было не только самобытным и выражавшим народный дух — он в большой мере находился под влиянием европейской культуры.

Очевидно, что русская культурная матрица совместима с ценностями европейской цивилизации, если не отрывать ее от христианских корней. Всегда, когда того требовали исключительные обстоятельства, в эпохи реформ и суровых испытаний, российское общество выдвигало людей самого разного звания, которые реализовывали ценности развития, обновления и индивидуальной ответственности. При этом они брали на себя ответственность за судьбы страны. Так было при Петре I и Екатерине II, в борьбе с Наполеоном и Гитлером, в Первую мировую войну, когда руководство Генштаба сделало все, чтобы не дать сорвать объявленную мобилизацию и начать бое-

вые действия в Восточной Пруссии, тем самым сорвав «план Шлиффена». И в «оттепель» с ее научно-технологическими прорывами, рывком к свободе творчества и общественной жизни.

Думаю, никто не возьмется утверждать, что все наши достижения в истории не опирались на национальную культурную традицию, что нечто иное лежало в основе возрождения страны. Кем бы мы были сейчас, если бы не имели доступа к русской классической литературе? Но в той мере, в которой мы отличались от западноевропейцев в культурном отношении, мы оказались способны противостоять нашествию Наполеона и гитлеровской агрессии. Приведу цитату из Федора Ивановича Тютчева, который был не только поэтом и философом, но и дипломатом. В своем неоконченном трактате «Россия и Запад» он писал: «Русский народ является христианским благодаря той способности к самоотречению и самопожертвованию, которые составляют как бы основу его нравственной природы».

* * *

Невозможно рассматривать современную цивилизацию в отрыве от ценностей традиционного общества, которые, казалось бы, она должна была разрушить. Мы убеждены, что нужен общий ценностный знаменатель для современного мира, потому выступаем в ООН, в том числе в Совете по правам человека, за углубление понимания таких традиционных ценностей, как достоинство, свобода и ответственность, которые разделяются всем человечеством. Об этом сейчас все чаще говорят и в Великобритании.

Давайте задумаемся над тем, что ни Реформация, ни Революция, ни Просвещение, ни материализм, ни социализм не уберегли Европу от катастроф, прежде всего трагедий XX века, которые Россия была обречена разделить с Западом. С либеральным капитализмом произошло то, что буквально отвечает законам физики: пресловутая «протестантская этика» износилась до дыр, и рухнуло все здание, фундаментом которого она служила.

Еще Ф. И. Тютчев писал, что «Реформация с водой выплеснула и "ребенка" — само христианское учение». Отсюда лежал прямой путь к революции, которая, когда «берется созидать, всякий раз неизбежно впадает в утопию». Таким образом, получается, что своим революционным опытом Россия приобщилась и к протестантскому наследию Западной Европы.

Повсюду в мире усиливается роль религии. Почему? Одна из причин, как указывают многие авторы, — освобождение церкви и других религиозных институтов от контроля властей, что позволяет им вырабатывать собственную «политическую теологию». Это в полной мере отражает и российскую реальность, объясняя укрепление роли РПЦ и других основных конфессий в общественной жизни страны. Экс-госсекретарь США М. Олбрайт посвятила этой теме одну из своих книг, сквозной тезис которой — о том, что Западу необходимо «обратиться к столь же глубоким вопросам», к которым обращаются другие культуры и цивилизации, имея в виду такие «трансцендентные вопросы», как «история, самобытность и вера», притом что «каждая религия указывает путь к покаянию и общей позиции». Нам это понятно, но было бы хорошо, если бы это понимали другие: без покаяния не может

быть спасения. Так же как без катарсиса, коррекции не может быть возобновления роста в экономике.

Идеологическое противостояние времен холодной войны можно рассматривать как способ поддержания доминирования европейской цивилизации в мировых делах в соответствии с требованиями того исторического периода. Более того, между двумя лагерями, взявшими на вооружение различные ветви европейской политической мысли, всегда существовал общий мироощущенческий знаменатель, как его определил П. Сорокин.

* * *

Модернизация возможна на основе традиционной высокой культуры, и никак иначе. Более того, она только укрепит данную основу, как это видно из нашей истории последних трех столетий. Но опять же, модернизация модернизации рознь. Для России это не вестернизация. Мы заимствуем часть общего наследия европейской цивилизации — ту часть, которая отсечена временем не без нашего участия и исторического опыта. Более того, сейчас Запад сам переживает трансформационный момент, акцентирующий устойчивость именно европейской модели развития. Предшествующие модернизации приближали нас к Европе, но и сама Европа менялась.

Раз уж я упомянул Дж. Сэлинджера, то стоит сказать о воздействии на его творчество дзен-буддизма — не потому ли оно столь пронзительно и исполнено предощущений, близких к пророческим? Как бы то ни было, речь идет о заимствовании Западом позитивных элементов восточной культуры. Это также говорит в пользу того, что в современном мире, уставшем от идеологий и их борьбы, необходимы конвергенция, синтез и сплав. А это, в свою очередь, невозможно без ухода от узких идеологизированных категорий и выхода на иной, давно утерянный уровень обобщения и осмысления действительности.

На глубинное единство европейской цивилизации указывают элементы конвергенции, которые регулярно наблюдались в истории XX века. Это и реформы Ф. Д. Рузвельта, и весь межвоенный период, и союзнические отношения в ходе Второй мировой войны, и разрядка, и наконец нынешний период, когда Россия безоговорочно приняла фундаментальные ценности рыночной экономики и широкопредставительной демократии. Многие усмотрят проявление национализма и славянофильства в мысли Ф. И. Тютчева о том, что Россия «самим фактом своего существования отрицает будущее Запада», но это было бы несправедливо по отношению к такой личности, философскую глубину которой высоко ценили Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой. Общим для него и славянофилов была как раз борьба против цензуры. Если возвратиться к его мысли, то он имел в виду как раз раскол Европы и наличие в ней Восточной Европы — «законной сестры христианского Запада».

Можно много говорить о состоянии современного российского общества. Хотел бы обратить внимание на следующую констатацию в статье Маши Липман из Московского центра Карнеги в газете "Moscow Times": «Русские сегодня пользуются фактически безграничными индивидуальными свободами. Люди с энтузиазмом занимаются своими частными делами,

не особенно обращая внимание на сферу политики». Не будем забывать, что мы смогли свободно вздохнуть во всех отношениях только к середине нулевых годов этого века. Напомню о том, что Франции потребовалось два поражения в войнах со всей Европой и Пруссией, чтобы прийти к более или менее демократической форме правления. А Европе для подлинно широкопредставительной демократии понадобились две мировые войны. Глубоко убежден, что людям требуется некоторое время, чтобы назаиматься личными делами. То же, впрочем, можно сказать и о государствах, и тут Россия не на плохом счету. Если бы и наши партнеры ставили перед собой такую задачу, то не было бы и нынешнего глобального кризиса, от которого страдают все.

Как отмечал президент РФ Д. А. Медведев на торжествах в Санкт-Петербурге 3 марта 2011 года, модернизация и прогресс всегда направлены на расширение пространства свободы в обществе и в международных отношениях. С остальными странами Евроатлантики нас объединяет и кризис демократии. Почему бы сообще не поискать способы вдохнуть в нее новую жизнь, в том числе на путях прямого участия граждан в управлении страной, как это происходит сейчас во Франции и России, заимствующих американскую практику праЙмериз?

Нам не обойтись без того, чтобы сообще осмыслить опыт XX века во всей совокупности его трагедий и причинно-следственных связей, начиная с катастрофы Первой мировой войны. Трудно не согласиться с теми, кто считает, что без коллапса прежней западной цивилизации и кризиса западного общества не выплыли бы на поверхность в большой политике деятели типа Гитлера и Сталина. Тогда будут оправданы все наши общие и отдельные жертвы, включая человеческую цену промышленной революции, но более всего — то, через что мы все прошли в XX веке. Это стало бы важнейшим элементом кристаллизации общего духовного наследия Европы.

* * *

Если европейская цивилизация нуждается в новом переформатировании, слава богу, в условиях куда менее катастрофичных, но по-своему беспрецедентных, то требуется интеллектуальная и политическая открытость, отсутствие которой со стороны наших партнеров лежит в основе всех недоразумений и проблем евроатлантической политики последних двух десятилетий.

Действительно, почему бы не взять за ориентир неоклассический синтез идей 1960-х годов? Этот период был не только плодотворным в идейно-интеллектуальном отношении. Как мне кажется, он был рубежным в развитии Европы и мира, США и Советского Союза. Урегулирование Карибского кризиса внесло ясность в реалии стратегической стабильности. Все последующее развитие в русле милитаризации экономики, внешней политики и международных отношений было инерционным и неплодотворным. По большому счету, это была потеря времени, хотя и этот опыт не пропал даром. Без опыта Карибского кризиса не было бы «мирной речи» Дж. Кеннеди в 1963 году. К сожалению, и в Вашингтоне, и в Москве возобладали силы ортодоксии, которые убрали со сцены Дж. Кеннеди и Н. Хрущева. Именно в том периоде

инерционной политики коренятся советский застой и нынешний кризис либерального капитализма.

Когда мы говорим о горчаковском сосредоточении России, то имеем в виду полное подчинение внешней политики задачам комплексной модернизации страны. Так было в период великих реформ Александра II. Так же формулируется фундаментальная цель российской дипломатии президентом Д. А. Медведевым. Вот почему важно многовекторное позиционирование России, которое столь же прагматично и отвечает тенденциям современного мирового развития, сколь и продиктовано нашим «всечеловеческим» (panhuman) мироощущением и нашей культурой. Поэтому присутствие России в «Восьмерке», в «Группе двадцати» и в БРИКС естественно и необходимо.

В современных условиях не может быть речи о какой бы то ни было полной или даже частичной изоляции или самоизоляции любой страны. Этого нет в природе, и этого нет в нашей внешнеполитической философии, которая провозглашает открытость внешнему миру и для международного сотрудничества, готовность к прагматическому и равноправному взаимодействию со всеми без исключения государствами.

Сейчас, когда Европа в связи с ситуацией в Северной Африке и на Ближнем Востоке с энтузиазмом занимается тем, что после 1918 года не является ее ампула, ее «чашкой чая», как говорят англичане, приходится только сожалеть об этом. Поддерживая миф о своем силовом потенциале, Европе приходится жертвовать куда более важным и существенным на нынешнем историческом этапе — моральным авторитетом, потенциалом «мягкой силы». Ко всем относится предупреждение Лесли Гелба о том, что в наше время «экономика — а не военная сила — в центре геополитики».

Одна из проблем наших отношений с Западом — то, что стратегическое мышление партнеров фактически берет за точку отсчета 1945 год, то есть ограничено узкими историческими рамками холодной войны, которая, убежден, была искривлением пространства и времени в истории и теперь искусственно сужает интеллектуальный горизонт современного международного дискурса. И здесь тоже только сообща, преодолев инстинкты и интеллектуальную инерцию того периода, мы можем воссоздать способность европейской цивилизации проводить «большую стратегию» в мировых делах.

По-настоящему Большая Европа сможет вносить куда более эффективный вклад в решение глобальных проблем и урегулирование региональных конфликтов, в частности арабо-израильского, где посредничающий «квартет» как раз и представляет такую Европу в составе США, Евросоюза и России. Поэтому главный вопрос, он же и главный культурный вопрос нашей внешней политики, сводится к выяснению отношений между различными частями исторической Европы, и прежде всего — между Западом и Россией. Уверен, что разрешение этого многовекового спора за общее наследие Европы определит будущее европейской цивилизации в глобализирующемся мире.

Важно сознавать не только свои проблемы, но и проблемы партнеров, дабы видеть то общее, что может составить позитивную, объединительную повестку дня в европейской и глобальной политике. Не менее важно и то, что

в условиях быстро меняющегося мира бессмысленно цепляться за статус-кво. Вопрос в другом — как трансформировать систему глобального управления, чтобы она отвечала новым реалиям, включая многополярность.

Восстановление политического единства европейской цивилизации должно помочь обеспечить ее конкурентоспособность и в конечном счете выживаемость в современном мире. Можно понять состояние растерянности на Западе. Ничто не угрожает западному образу жизни, кроме собственных ограничителей, как их вскрыл глобальный кризис. Надо привыкать к тому, что системы ценностей и модели развития становятся предметом конкуренции. Об этом пишет Фрэнсис Фукуяма, в частности, в своей статье в журнале "Foreign Affairs", отмечая, что новые быстро развивающиеся экономики заявляют о себе не только в сфере экономики, но и на интеллектуальном уровне. Наверно, прав Эрик Райнерт, утверждая, что требуется новая политика девелопментализма. Как отмечал президент Д. А. Медведев, государство — не цель развития, а его инструмент.

В корне ошибочен, да и противоречит современному контексту тезис о присоединении России к Западу, как если бы Россия вступала в колхоз, оставляя за воротами свою историю и культуру. Если трезво посмотреть на то, в каком состоянии находится Запад, то очевидно, что речь должна идти о встречном движении. Подходящим инструментом является и идея модернизационных партнерств, поскольку они призваны приводить нас к общему состоянию на уровне не только экономических интересов, но и институтов, и всякого рода норм. Напомню, что в сентябре 2011 года на встрече в Москве президент России Д. А. Медведев и премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон подписали Декларацию о партнерстве на основе знаний для модернизации.

Поэтому мы выдвигаем такие инициативы, как заключение Договора о европейской безопасности и создание совместной ЕвроПРО, которые призваны разрядить ситуацию в европейских делах, устранить препятствия, по большей части относящиеся к прошлому, для совместных действий в интересах обеспечения общего будущего. Как и Гаагские мирные конференции 100 лет назад, эти идеи говорят столь же о нашей внешней политике, ее позитивной заряженности, сколь и о культуре, которая за ними стоит.

Культура не раз спасала нас и сделала такими, каковы мы сегодня. Разумеется, модернизация будет вести к некому усреднению русской души, сокращению разрыва между Обломовым и Штольцем. Но это не значит, что мы должны отказаться от своей идентичности. Ключевым фактором будут инвестиции в человека и физическую инфраструктуру. В этом случае, как допускает в своем прогнозе британская "Pricewaterhouse Coopers", к 2050 году Россия может оказаться шестой по размерам экономикой мира. Обольщаться не следует, но надо сознавать, что таким потенциалом Россия обладала всегда, доказав это в лучшие годы Советского Союза и в период, непосредственно предшествовавший Первой мировой войне. Убежден, что именно такая Россия — находящаяся на подъеме — нужна Европе и миру.

II. ДИАЛОГ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Л. И. Абалкин¹

ПОИСК ПУТЕЙ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ²

Проблемы и вызовы для современного человечества. Современное состояние мирового сообщества в начале XXI века радикально отличается от прошлого. Это касается как технологических, так и информационных систем. Характеризуется оно и поиском нового миропорядка. Закончилось экономическое и идеологическое противостояние двух мировых систем. Вместе с тем развернулась ожесточенная борьба между сторонниками одной супердержавы и многополярного мира. Исход этой борьбы пока еще не решен.

Сохраняется угроза разрастания числа государств, обладающих ядерным оружием. Обостряется противостояние Севера и Юга, не преодолена массовая бедность, весьма опасны последствия демографического и экономического кризиса. Все это — исторические вызовы нового века, и решение каждого из них требует совместных действий и огромных усилий.

К числу ключевых и, пожалуй, чрезвычайно трудных задач относится налаживание диалога культур и партнерства цивилизаций. Вглядываясь в далеко не ясное будущее мирового развития, нельзя упрощать проблемы и искать легких решений. Здесь нужен качественно новый подход. Необходимо еще осмыслить историю развития человеческой цивилизации и природу самого человека.

Человек является единственным биосоциальным существом. Анализ удивительных достижений науки и производства, культуры и искусства, губительных и беспощадных войн, противоречий и перспектив современного мира невозможен при игнорировании этой двойственной природы человека.

¹ Академик РАН, директор Института экономики РАН (1986 – 2005), заместитель Председателя Совета Министров СССР (1989 – 1991). Главный редактор журнала «Вопросы экономики» (1992 – 2011), доктор экономических наук, профессор. Автор около 800 научных публикаций, 24 книг, в т. ч.: «Политическая экономия и экономическая политика», «Хозяйственный механизм развитого социалистического общества», «Заметки о российском предпринимательстве», «Конечные народно-хозяйственные результаты (сущность, показатели, пути повышения)», «Новый тип экономического мышления», «Россия: поиск самоопределения». Вице-президент Вольного экономического общества России и Международного союза экономистов. Почетный профессор университета Тсинхуа в Пекине, член Нью-Йоркской академии наук, академий наук Белоруссии и Грузии. Награжден орденами «Знак Почета», Дружбы народов, «За заслуги перед Отечеством» IV и III степени. Лауреат премии Фонда содействия отечественной науке в номинации «Выдающиеся ученые».

² Доклад представлен на IX Международные Лихачевские научные чтения (2009 г.).

По своей биологической природе человек остается таким же зверем, каким он был в момент своего зарождения. Он физически слаб, не защищен от внешнего мира, склонен к агрессии и насилию, лишен способности к сохранению себя как рода.

Что касается становления человека как социального существа, то это сложный, измеряемый тысячелетиями поиск механизмов формирования неписаных и писаных правил, законов и норм. Сюда относятся табу и религиозные заповеди, современные конституции и международное право, культура и нравственность. Они в совокупности формируют уникальный механизм передачи социальной памяти, присущей человеку.

Однако сказанное не исключает того, что человек как был, так и остается биосоциальным существом. Ему нужен враг или, как будет показано далее, партнер для диалога. Во всей мировой истории войны, как это известно специалистам, были неотъемлемой частью развития общества. Так было и в последние два с лишним века, начиная с Великой французской революции и до наших дней. За этим стояли политические, идеологические, религиозные и экономические причины.

Природа цивилизаций и их столкновение. Сегодня некоторые из этих причин отошли на второй план, им на смену пришло противоборство цивилизаций. В вышедшей в конце прошлого века книге Сэмюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» сказано: «Конфликт XX века между либеральной демократией и марксизмом-ленинизмом представляет собой не менее чем мимолетный и противоисторический феномен, по сравнению с постоянными антагонистическими отношениями между исламом и христианством». Такая постановка вопроса уже многие годы вызывает споры и настойчиво обсуждается до сих пор.

Чтобы понять сказанное, необходимо обратиться к самому понятию цивилизации. Это достаточно сложное и многомерное явление. Здесь трудно дать единое определение. Поэтому и дальнейшие рассуждения не однозначны, а лишь раскрывают основы и многофакторность данного понятия.

Родоначальник теории цивилизаций Николай Данилевский в своей книге «Россия и Европа» писал, что «цивилизация есть понятие более обширное, нежели наука, искусство, религия, политическое, гражданское и общественное развитие, взятые в отдельности, ибо цивилизация все это в себе заключает». Цивилизация неотделима от сложившихся на протяжении веков культуры, традиций, системы ценностей и духовного склада населения. В своей работе «Философия неравенства» Николай Бердяев писал: «В нацию входят не только человеческие поколения, но также камни церковей, дворцов и усадеб, могильные плиты, старые рукописи и книги. И, чтобы уловить волю нации, нужно услышать эти камни, прочесть истлевшие страницы».

Вычеркнуть все это из исторической памяти — значит забыть историю, стать манкуртами. А человек, лишенный памяти, не имеет будущего.

При весьма примитивном, но довольно широко распространенном понимании прогресс вообще ассоциируется лишь с одной его формой, господствующей на Западе. Среди них различные концепции, которые исключают из остального прогресса все остальные регионы земного шара, в том числе Китай, Индию и исламские страны, только на том основании, что там иной,

отличный от европейской или американской, тип цивилизации со своими самобытными ценностями, нормами и традициями.

Об ошибочности подобных воззрений писал Арнольд Тойнби в своей книге «Постижение истории»: «Тезис об унификации мира на базе западной экономической системы как закономерном итоге единого и неразрывного процесса развития человеческой истории приводит к глубочайшим искажениям фактов и к поразительному сужению исторического кругозора».

Не монолог, а диалог. Поиск путей, ведущий к сближению цивилизаций, требует не жесткого монолога о том, как надо жить другим, а диалога и взаимопонимания. Он требует отказа от поиска врага. Хотя как на Западе, так и в России политические лидеры, а с ними и массовое общественное сознание, вновь ищут образ врага. Это, к сожалению, является не надуманной дилеммой, а реальным фактом.

Мы стоим перед необходимостью выработки новой парадигмы общественного мышления и революционного обновления культуры человеческих отношений. Только на такой основе может быть решен вопрос о противостоянии цивилизаций. Он в принципе не может быть решен силой. Не может он решаться и путем навязывания одной цивилизацией своих ценностей другой. Путь к решению проблемы — в признании равноценности и самодостаточности цивилизаций, в отказе от их деления на высшие и низшие, в готовности понимать, уважать и признавать чужие права.

Исторический шанс, которым располагает современное общество, состоит именно в диалоге различных цивилизаций. В многомерном и многослойном мире неприемлемо навязывание всем цивилизациям каких-то универсальных ценностей. А попытки навязать их толкают человечество к неизбежной катастрофе.

Теория конвергенции. Мощный толчок к поиску общего в различных социально-экономических и идеологических системах дала теория конвергенции. Ее авторами были Ян Тинберген и Джон Кеннет Гэлбрейт, а также Питирим Сорокин и Андрей Сахаров. Эта теория стала новой парадигмой общественного мышления, основой нового миропонимания, отразившей глубокие изменения в обществе.

Теория конвергенции основана на аккумуляции всего лучшего, что было отобрано в ходе развития человеческого общества. Она включала соединение мощной силы рыночных регуляторов с их системой обратных связей, развитие движущей силы конкуренции и гражданского общества с плановыми началами, в том числе с программированием и прогнозированием.

Отличительной чертой теории конвергенции являлось то, что она в принципе не отождествлялась с поиском некой универсальной модели общественного устройства. Построение подобной модели — чем многие занимаются как на Западе, так и в России — это типичный пример монополизма в науке, вредный для самой науки и опасный для практики.

Новый этап в теории конвергенции непосредственно связан с разработкой моделей социально-экономического развития с учетом цивилизационных особенностей отдельных регионов или стран. Он открывает путь не к монологу, а к диалогу цивилизаций и их партнерству. Но такой путь —

это не итог, а начало длительной и сложной дороги, на которой немало серьезных преград.

Теория социальных альтернатив и будущее. В течение длительного времени в Институте экономики РАН разрабатывалась теория социальных альтернатив. В соответствии с ней будущее человечества не задано однозначно. Оно всегда многовариантно. От научной элиты и представителей культуры во многом зависит то, какой вариант станет реальностью.

Будет ли это господство одной супердержавы или взаимодействие, основанное на взаимопонимании, учитывающее особенности традиций и культуры цивилизаций? Ключевое слово здесь — взаимопонимание. Это крайне сложно сделать, но необходимо. Христиане должны понять ислам, а последователи последнего — христиан; представители китайской цивилизации должны понять буддизм, а буддисты соответственно — ценности китайской цивилизации.

Все сказанное требует преодоления консерватизма современного мышления, отказа от навязывания учеными и политиками универсальных подходов. Не меньшую опасность представляют и стереотипы массового общественного сознания, внедряемые различными средствами информации.

Бороться с подобными явлениями, как показывает опыт, вряд ли возможно. Скорее всего, речь идет о необходимости коренной внутренней перестройки гуманитарной науки и политики, в том числе и такого ее рычага, как управление общественным мнением. Этот путь потребует огромных усилий и времени, по крайней мере до конца нынешнего столетия. Раньше не получится.

Если говорить о масштабах перемен, то они равнозначны тем, которые повлекли за собой обладание человека огнем. Предстоит, если обратиться к мифологии, второе открытие ящика Пандоры, в котором, помимо выпущенных бед и несчастий, осталась *надежда*.

Это будет революционным поворотом в сознании людей. Через культуру, через проникновение в сущность и природу человека такой поворот открывает путь в завтрашний день. Тогда и произойдет диалог культур и взаимодействие цивилизаций.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА И КУЛЬТУРА¹

В современном мире проходит ряд радикальных перемен. И одной из ведущих тенденций является экономическая, социальная и научно-техническая глобализация. Ее различные аспекты были и остаются предметом споров и дискуссий. Серьезные аргументы высказывают как сторонники глобализации, так и антиглобалисты.

Подтверждением этих различий явился и симпозиум, проведенный в 2009 году в Институте мировой экономики и международных отношений

¹ Доклад представлен на X Международные Лихачевские научные чтения (2010 г.).

РАН. По теме глобализации докладчиком выступил доктор экономических наук В. Л. Иноземцев. Однако дискуссия к единому мнению не привела. Никакого сближения позиций не происходит.

В чем здесь причина? Чтобы подойти к ответу, начну с примера из своей молодости. Мой однокашник по аспирантуре защищал в начале 1960-х годов диссертацию. На совете ему был задан вопрос: «Является научно-техническая революция бедой или благом для рабочего класса?» Время, когда проходила защита, показало тогда актуальную тему.

Мой коллега отвечал вначале как-то неуверенно, и ему повторили вопрос. Тогда он вспомнил методологию и четко сформулировал ответ, почти по К. Марксу. Машина, как объективная данность, увеличивает объем производства, насыщает рынок товарами, повышает производительность труда. Выступать против машин — значит плевать против ветра. Так, кстати, поступали луддиты, боровшиеся против машин «вообще».

Но машина не только объективная данность. Ее использование связано с социально-экономической формой применения. И в условиях того времени она имела капиталистическую форму: привлекала к работе женщин и детей, калечила их здоровье, удлиняла рабочий день. Вот почему следует бороться не с машиной, а с формами ее применения. А она носила в то время капиталистический облик.

По мере становления гражданского общества, формирования социального государства, массового рабочего движения эти противоречия начали сниматься. Появились новые законодательные акты, запрещалось применение детского труда, сокращалась продолжительность рабочего дня. Это происходило в наиболее развитых странах, в том числе и в России. Сегодня, если говорить о «золотом миллиарде» жителей планеты, капиталистический облик применения машин ушел из жизни.

А теперь вернемся к поставленному вопросу. Главная причина антагонизма между глобалистами и антиглобалистами состоит в методологическом бескультурье. Неумение разглядеть двойственность глобализации: ее объективную основу и социально-экономическую форму. А последняя в большинстве своем носит империалистический облик. Такова сегодня реальность, и игнорировать ее недопустимо.

Большинство этой двойственности не замечает. Настроения людей питаются современными средствами массовой информации. Им важно схватить что-то острое, привлечь внимание читателей, накалить страсти. Судьбы людей и общественных движений в современном мире не интересуют средства массовой информации. А они сегодня являются первой властью. Что касается научной проработки, то это дело профессиональных исследователей, хотя и среди них сохраняются противоречия.

И вот здесь возникает вопрос о демократии и культуре. Не может быть единой модели демократии для различных стран мира. Попытка навязать такой подход, который пытаются применить США при всем их могуществе, не может подходить для Китая и Индии, для исламских государств.

Культура является не чем-то изолированным, а вплетена в ткань социальной жизни. Это общественная форма жизни со своими традициями, ценностями, менталитетом граждан.

В 2000 году Э. Я. Баталов в своей статье «Русская идея и американская мечта» писал: «Американская мечта проникнута духом национального превосходства, избранности и проистекающего отсюда мессианизма. Янки убеждены, что Соединенные Штаты — “Град на холме”, путеводная звезда, по которой должны сверять свой исторический маршрут другие народы, а Америка имеет моральное право при необходимости корректировать его».

В отличие от глобализации, культура по своей природе национальна. В свое время Л. Н. Гумилев раскрыл примитивность рассуждений о создании единой мировой культуры. Он убедительно показал, что «общечеловеческая культура, одинаковая для всех народов, невозможна». «Известно, — писал он, — что жизнеспособна и успешно функционировать может лишь система достаточно сложная. Общечеловеческая “культура” возможна лишь при предельном упрощении (за счет уничтожения национальных культур). Предел упрощения системы — ее гибель».

Мир культуры многоцветен, и в этом его достоинство. Знакомство с чужой культурой обогащает кругозор человека, сближает его с другими странами, формирует взаимоуважение между народами. Это путь к широкому мировоззрению.

Очень близка и понятна мысль академика Д. С. Лихачева о том, что именно культура «делает людей, населяющих определенное пространство, из простого населения народом, нацией. В понятие культуры должны входить и всегда входили религия, наука, образование, нравственные и моральные нормы поведения людей и государства».

Поэтому понятно, что для столь важного сегодня самосознания духовной уникальности России их корни следует искать в прошлом, ушедшем, но бессмертном. Во многом забытом, но крайне актуальном.

В 2000 году на состоявшейся в Москве конференции Римского клуба принц Иордании аль-Хасан бин Талал остановился на проблеме сочетания глобализации и культуры. Он отмечал, что «чем быстрее мы будем двигаться в сторону универсализации, тем сильнее проявятся культурные различия. Поэтому нельзя говорить о глобализации как ведущей тенденции мира и одновременно забывать культурные, религиозные и исторические ценности, унаследованные от прошлого. Учет национальных особенностей моей или иной страны — традиционный подход, и он будет оставаться в инструментарии ученых до тех пор, пока будут существовать различия не только для мира, но и для отдельного человека».

Важно подчеркнуть, что преобразования в культуре сложнее, чем в технике или даже в экономике. Техника и экономика являются вторичными по отношению к культуре. Не все согласны с таким выводом, но он органически вытекает из всей истории прогресса общества.

Однако, когда мы анализируем этот аспект, возникают не очень оптимистические воспоминания. Причем для культуры в самом ее широком понимании, что наводит на достаточно грустные размышления. Они усиливаются серьезными провалами в современном духовном положении россиян, культура и нравственный облик которых уступают прошлому.

История показывает, что в смутное время (а именно таким оно выглядит сегодня) находились решения для культурного прорыва. Хотелось бы надеяться, что и в наши дни оно совершится.

ВЗАИМОПОНИМАНИЕ КУЛЬТУР — ОСНОВА ПРОГРЕССА¹

В условиях глобализации все более развитым становится многообразие культур. Как писал академик Д. С. Лихачев, именно культура «делает людей, населяющих определенное пространство, из простого населения народом, нацией. В понятие культуры должны входить и всегда входили религия, наука, образование, нравственные нормы поведения людей и государства».

В понятие культуры как целостной системы входят и другие ее элементы. Это архитектура и живопись, старые рукописи и могильные плиты. Как писал в своей книге «Философия неравенства» Н. А. Бердяев, «в нацию входят не только человеческие поколения, но также камни церквей, дворцов и усадеб, могильные плиты, старые рукописи и книги. И чтобы уловить волю нации, нужно услышать эти камни, прочесть истлевшие страницы».

Об этом надо задумываться всегда, но особенно — тогда, когда осуществляются радикальные реформы образования, готовятся кадры для завтрашнего дня. Молодым людям необходимо впитывать духовные ценности — достижения культуры, знание языка и истории своей страны и мирового сообщества. Без этого прогресс в принципе невозможен.

Глобализация с ее многочисленными инструментами не только расширяет многообразие культур, но и облегчает доступ к ним. Можно сравнительно свободно получать информацию, причем речь идет о культуре не только больших народов, но и малых, уникальных в языке, архитектуре, нравственности, в духовной сфере и даже в продолжительности жизни. Поэтому любые попытки установления замкнутости, языковых барьеров (в отдельных странах или группе связанных языком стран) ведут к изоляционизму, мешают взаимопониманию народов и тем самым опять-таки тормозят (или отбрасывают назад) общественный прогресс. Многочисленные примеры последних лет — положение россиян в Прибалтике, беспорядки в Пакистане и Индии, бунты в Париже с поджогом автомобилей, революционные события на севере Африки — дают крайне тревожную информацию о положении дел в мировом сообществе. Дальнейший ход событий пока не поддается анализу.

В основе исследования путей общественного прогресса лежит взаимопонимание культур, их обогащение как двигатель этого прогресса. И как бы мы ни понимали сами культуры, здесь не может быть навязывания единообразия.

Человеческое общество устроено достаточно сложно, при его описании и исследовании мы широко используем синтезирующие понятия. Но из них в принципе нельзя выводить практические рекомендации. Они оказываются мертворожденными.

Возьмем отношение к такому понятию, как демократия или демократическая организация общества. Нам хорошо известны попытки принудить или навязать (причем здесь нет преувеличения) единую «для всех стран» демократию. Они полностью провалились, хотя это еще не осознали

¹ Доклад представлен на XI Международные Лихачевские научные чтения (2011 г.).

авторы проекта. Нельзя строить демократию по единой модели для Китая и Японии, Швеции и Франции, стран исламского мира и, естественно, для России.

То же относится и к понятию прогресса, который имеет разные ценности в различных цивилизациях. То, что в одних является благом, в других воспринимается как зло и порок. И попытка навязывать, то есть делать это извне, воспринимается как тупиковый путь. Никакому народу нельзя навязать такой подход. Люди различны, и в этом состоит богатство современного мира.

Беспристрастный анализ тенденций мирового развития дает основания полагать, что в ближайшие пять столетий (если не произойдет какой-либо катастрофы) сохранятся различия между нациями и цивилизациями. Они являются продуктом длительного исторического развития и не уходят со сцены по воле людей, государств или их сообществ. При всех универсальных способностях человек не в состоянии творить свое будущее, определяемое длительными мегатрендами исторического развития.

Но то, что реально возможно и осуществимо, — развивать взаимопонимание культур. Именно оно является главным и, вероятно, единственно верным подходом на пути к процветанию человеческого сообщества.

А. А. Авдеев¹

КУЛЬТУРА В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА И ЕЕ РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ДИАЛОГА²

В последние десятилетия значение культуры необычайно возросло. Об этом свидетельствуют частые дискуссии о сохранении культурного наследия, бурное развитие культурологии, работа по совершенствованию законодательства о культуре и многое другое. Можно констатировать, что идеи, высказанные когда-то Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, получают свое воплощение и развитие.

Мы постоянно задаемся вопросом о том, что может культура и в каком состоянии она находится. Поэтому сегодня нужно вспомнить фундаментальные идеи российских ученых, живших в России или уехавших за рубеж, например Питирима Сорокина, труды которого издаются в мире огромными тиражами. Я хочу лишь напомнить о его важной идее переходности в культуре, когда одна система ценностей распадается, а другая возникает и находится в стадии становления. Еще одна идея — о том, что состояние культуры (а вовсе не экономика, как мы привыкли считать) вызывает большинство

¹ Министр культуры РФ (2008 – 2012). С 1968 года — на дипломатической службе. Был атташе Посольства СССР в Алжире, первым секретарем посольства СССР во Франции, в разные годы — Чрезвычайным и Полномочным Послом в Люксембурге, Болгарии, Франции. Работал заместителем министра внешних сношений СССР, заместителем министра иностранных дел РФ, первым заместителем министра иностранных дел РФ. Награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» IV степени, Дружбы, Почета.

² Доклад представлен на X Международные Лихачевские научные чтения (2010 г.).

противоречий, катастроф, имеющих место в государственной, общественной и частной жизни. По моему мнению, эти идеи, высказанные 70 лет назад, сегодня как никогда актуальны.

В какой бы ситуации ни находилась культура, мы приблизились к тому состоянию, когда большинство вопросов социальной жизни невозможно разрешить без учета культуры. Некоторые ученые объясняют возрастание роли культуры уменьшением важности идеологии. Думаю, этот тезис — особенно актуальный для нашей страны — требует расшифровки.

Упразднение идеологии, которая имела место в СССР, поставило перед обществом важнейшую задачу — найти средства для обеспечения духовного единства людей, того, что в науке называют культурной идентичностью. Эта проблема в последние годы стала весьма актуальной для гуманитарных наук. Идентичность — потребность человека ощущать себя частью сообщества. В условиях распада советской империи эта потребность особенно обострилась. Духовное единство — фактор психологический, а не экономический, поэтому раньше (но не сейчас) мы мало обращали на него внимания.

Как бы мы ни оценивали упраздненную идеологию, она тем не менее действовала как объединяющая сила и на определенном этапе способствовала выживанию государства в непростых исторических условиях. Российская цивилизация с помощью идеологии объединяла десятки этносов на наднациональной основе. Это была уникальная историческая ситуация, уже ушедшая в прошлое.

Для нашей науки, долгое время исходившей из марксистской ориентации, а следовательно, из экономического фактора при объяснении общественных явлений, функция идеологии как наднациональной основы единства была неявной. Когда идеология упраздняется, возникает серьезная проблема общественной интеграции — первостепенная проблема для выживания любого сообщества. Я вовсе не призываю вернуться к прежней идеологии. Речь идет о том, что функции, которые она раньше выполняла, теперь должны осуществляться другим институтом.

Это обстоятельство было давно отмечено социологической наукой: любая попытка ликвидировать социальную структуру обречена на провал, если не обеспечить ей альтернативы для выполнения важнейших социальных функций. Что это за альтернатива? Полагаю, что место идеологии в обеспечении солидарности общества все более закрепляется за культурой.

Но отсюда вытекают важные следствия. Если за единение отвечает культура, то идеологическое стирание различий во имя солидарности уже не действует. Современность живет идеей, что культура не одна, культур много. И поэтому теперь — во имя единства — мы должны принимать во внимание этнические, национальные, конфессиональные и другие особенности населяющих Россию народов. Все они помогают увидеть в российской цивилизации не только общее, но и различное, чего еще недавно, казалось, не было или что не играло существенной роли. Если различия не принимаются во внимание, возникают обиды, конфликты, противостояния и то, что нас сегодня особенно беспокоит, — националистические настроения, терроризм и экстремизм, возникающий на религиозной почве.

Так, констатируя повышение роли культуры в современном обществе, мы естественно приближаемся к центральной проблеме данных научных Чтений — диалогу. Современность — это время, когда активизируется культурный потенциал каждой социальной группы: и здесь невозможно без диалога. Диалог — новая основа для взаимодействия и между народами, и между цивилизациями; это средство раскрытия их культурного потенциала. Для многонациональной России это особенно актуально.

Конечно, установлению диалога способствуют процессы демократизации и либерализации, сегодня получающие развитие в России. Однако пока нельзя утверждать, что культура на современном этапе уже в полной мере доказала, что она способна осуществлять эти функции. Может быть, настоящий период — это лишь начало трудного пути, по которому мы должны двигаться. Это обстоятельство наводит на мысль, что под культурой нужно понимать более широкий круг явлений, чем обычно подразумевается. Культуру нельзя свести только к искусству. У нас, практиков и организаторов этого процесса, есть большая просьба к представителям гуманитарных дисциплин: продолжать исследовать этот вопрос.

Когда мы говорим о повышении роли культуры, замене ею идеологии, необходимости диалога, то не должны ограничиваться только Россией времени распада старой политической системы, конца XX века. Россия — это важное звено в мировом культурном процессе. Возникновение большевистской идеологии во многом было обусловлено переходом человечества от доиндустриальной цивилизации к индустриальной; в России этот переход был запоздалым. Распад традиционного общества привел к «омассовлению» всех проявлений общественной жизни. Беспрецедентная в истории «смута» привела к решению вопроса коллективной солидарности на наднациональной и надличностной основах.

Сегодня мир находится в ситуации нового перехода — к постиндустриальной цивилизации. И вновь становится актуальной проблема коллективной солидарности, причем для всех народов и цивилизаций. Европейская и американская гуманитарная наука в XX веке с неменьшей остротой поднимала проблемы общественной идентичности, в том числе проблему глобализации, вызывающую наибольшие дискуссии.

Прежде всего необходимо признать, что глобализация — это необходимый и органичный для истории процесс, начавшийся не сегодня и не вчера. Одни исследователи связывают начало его отсчета с эпохой завоевательных походов Александра Македонского или возникновения христианства, а другие — с эпохой образования Римской империи или открытия Америки Колумбом. В любом случае процесс, который мы называем глобализацией, не нов. В настоящее время он имеет интенсивный характер в результате стремительного развития новых информационных и коммуникационных технологий.

Многие видят опасность глобализации в том, что она стремится вернуть всех к наднациональному единству, характерному для эпохи тоталитарных режимов. Благодаря распространению западных стандартов жизни, в том числе на товары широкого потребления и условия повседневного быта (главной силой и потребителем этого распространения признается международный туризм), происходит стирание различий во внешних проявлениях

жизни, а именно их мы называем культурой в широком смысле слова. Унификация и разнообразие, конечно, противоположны друг другу. Но действительно ли глобализм в таком понимании представляет фатальную угрозу культуре?

Быт — самый консервативный хранитель культурных традиций, но в нем тоже есть творческое начало. Творчество заключено в свободном выборе способа жизни: в том, как обставить свое жилище, какой приготовить ужин, как одеться и т. д. Свобода выбора — безусловная и несомненная ценность демократического общества. Но свобода заключается также и в том, чтобы отказаться от традиции, которую человек и сообщества признают нежизнеспособной. В современном мире (это отчетливо видно на примере России) мы все больше сталкиваемся с тем, что результатом свободного выбора является предпочтение западных стандартов жизни, прагматических ценностей быта, которые несет глобальный рынок (через рекламу, гипермаркеты и т. д.). В трудные 1990-е многие иностранные туристы, посещавшие Россию, желали увидеть знаки советской эпохи, уже тогда превращавшейся в туристскую экзотику. Для местных жителей глотком свежего воздуха было соприкосновение с глобальным рационализмом, обеспеченностью и прагматикой западного быта, с тем чтобы почувствовать себя частью общей цивилизации.

Я полагаю, что главная опора глобализма — это необразованность или нечувствительность людей в культурном отношении. Человек, чувствительный к культуре, всегда задает себе вопрос о смысле любого явления, в том числе того, которое подается как последняя новинка западной цивилизации. Изменение культуры быта (если оно происходит в обществе свободно, в сторону большей прагматизации) само по себе не страшно. Но глобализм станет настоящей угрозой, если угаснет национальное гуманитарное образование, в котором важную роль должно играть образование в сфере искусства. Именно в нем залог того, что в обществе сохраняется способность производить уникальные культурные ценности, залог уважения к культурным традициям, умения узнавать и сохранять ценности, неподвластные времени.

Объединение разных культур в единую сферу коммуникации — благородная цель. Именно ее мы должны преследовать в процессе глобализации. Но драматизм современной эпохи состоит в том, что реальная глобализация не отвечает этой цели. Почему сегодня стало возможным такое отклонение? На мой взгляд, это отклонение связано с отсутствием диалога между цивилизациями. Отсутствие диалога ведет к конфликтам.

Почему сегодня разные народы трудно понимают (вернее, не принимают) друг друга? Конечно, этот вопрос возникает не только по отношению к современности, но и к истории (к античной проблеме варварства и эллинизма и т. д.). Немецкий историк Эрнст Трельч писал, что великие культуры Запада, ислама, Китая и Индии понимают лишь самих себя, пользуясь контрастами как средством для самопонимания, то есть он отмечает монологичность великих народов.

То обстоятельство, что мировое взаимодействие цивилизаций происходит по принципу монолога, а не диалога, в начале XX века пытался осмыслить еще один знаменитый немец — Освальд Шпенглер. Мы уже успели

забыть, что Первая мировая война, на взгляд современников, была реакцией на очередной интенсивный виток глобализации — как вестернизации. Рубеж XIX — XX веков, казалось, свидетельствовал о наступлении оптимистической эпохи, реализации классических идей гуманности и свободы, наследником которых мыслит себя Запад. Казалось, мир был как никогда един. Не находимся ли мы сегодня в аналогичной ситуации?

Ученые писали, что XIX век был временем перехода человечества к новому единому миру. Но почему этот процесс с благородными целями объединения завершился ужасающим конфликтом и разрушениями? Может быть, дело в том, что глобализация, которая должна была развертываться в форме диалога, где каждая цивилизация сохраняет свой голос и свободу выражения, в реальности осуществлялась монологически? Мы всегда должны помнить об опасности: монологичность международной культурной политики чревата имперскими установками, которые могут породить конфликты.

Следует затронуть вопрос о связи процессов глобализации с идеологией либерализма в западноевропейском или американском прочтении: противоречит ли эта идеология историческому опыту России? Собственно это вопрос о способности или неспособности русских к либерализации, построению гражданского общества, демократическим ценностям. В связи с этим я приведу высказывание русского философа Ф. А. Степуна, которое он произнес в середине 1920-х годов в Берлине, в период вынужденной эмиграции: «В идее демократии как таковой нет ничего претящего русскому духу. Быть может, даже наоборот. Быть может, как раз в России заложена возможность подлинно духовно углубленного демократизма».

Однако если от политических моделей вновь обратиться к культуре, то необходимо сделать вывод, что лишь на основе культуры могут быть достигнуты истинное самовыражение каждого народа и диалог между разными цивилизациями. Любое блокирование процессов развития национальных культур чревато конфликтами.

Деятельность людей культуры, ученых преследует благородную цель — погружение в уникальный культурный мир каждого народа, его изучение и пропаганду. Мы должны пробить брешь в тех ментальных барьерах, которые сопутствуют монологизму великих культур. Именно это обстоятельство должно способствовать укреплению диалога, сопровождающего глобализационные процессы. В этом залог успеха движения человечества к единству, являющегося в наше время универсальным мировым процессом. Эту миссию мы, люди культуры, ощущаем со всей ответственностью.

Иммануил Валлерстайн¹

ДИАЛОГ В МНОГОКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ²

Все государства предоставляют территорию для проживания народам с разным культурным происхождением. Некоторые страны более единообразны в этом отношении, то есть в них одна группа населения представляет большинство, а другие культурные группы относительно малочисленны. В некоторых странах отсутствует такая многочисленная группа, и население состоит из небольших разнокультурных групп. Политика государств с этими двумя типами демографического состава, конечно, различна. Но в каждой стране есть потенциальная возможность существования многонационального общества.

В современном мире каждая страна пытается стать страной единой нации. Это значит, что она проводит политику национализма и оказывает давление на всех, кто не приемлет культуры доминирующего типа. Когда доминирующая культура — культура численного большинства, возникает много проблем, но еще больше проблем появляется, если это культура численно меньшинства.

Страна единой нации, безусловно, утопия, на практике ее невозможно достичь, и в мире таких стран не существует. Поэтому основной вопрос внутригосударственной политики можно сформулировать следующим образом: пытается ли правительство подавить культуры недоминирующих наций в угоду господствующей или же создает возможности существования подлинно многокультурного общества? Первый тип называется политикой якобинства, так как именно якобинцы во времена Французской революции сформулировали ее принципы и активно проводили их в жизнь. Они пытались искоренить языковые и культурные особенности национальных меньшинств и заявляли, что между государством и гражданами не должно существовать никаких посредников. Второй тип в наше время называется «создание многонационального или многокультурного государства», что подразумевает признание культурных и политических прав всех народностей страны.

Что же происходит, когда сторонники политики якобинства сталкиваются с теми, кто стоит на принципах политики многокультурности? Если последние подвергаются репрессиям, не достигают поставленных целей, то народы могут начать политику сепаратизма для решения своих задач, считая, что гарантией существования их культуры может быть только создание отдельного государства, где традиции их нации будут доминирующими. Как

¹ Профессор социологии Йельского университета (США), доктор философии. Сфера научных интересов — историческое развитие международного мирового порядка, современный кризис мировой экономики капитализма, принципы получения научных знаний. Автор исследований по проблемам глобализации и геополитики, в т. ч.: "The Modern World-System" (in 3 vol. — 1974, 1980, 1989), "Unthinking Social Science: The limits of Nineteenth Century Paradigms" (1991), "Utopistics, or Historical Choices for the Twenty-first Century" (1998) и ряда других. На русский язык переведены: «Анализ мировых систем и ситуация в современном мире» (2001), «Конец знакомого мира: Социология XXI века» (2003), «После либерализма» (2003), «Миросистемный анализ: введение» (2006) и др.

² Доклад представлен на VIII Международные Лихачевские научные чтения (2008 г.).

мы можем наблюдать повсеместно, подобное развитие событий происходит регулярно, но с переменным успехом.

Для якобинцев сепаратизм — самое страшное. Они заявляют, что требования создать многокультурную форму общества рано или поздно приведут страну к расколу. Их противники придерживаются противоположной точки зрения: формирование многонационального общества есть панацея от всех проблем, так как народности, на которых ранее оказывалось давление, почувствуют удовлетворение от того, что государство пошло им навстречу, и впредь будут выдвигать умеренные сепаратистские требования.

Одним из последствий демократических движений, набирающих все большую силу, стало признание законным требования создать многонациональное общество в пределах одного государства. В последние 30 лет такие призывы подавлялись самым жестким образом, но влияние этих движений постоянно росло. Еще одним источником роста популярности идеи многокультурного общества стало значительное увеличение межгосударственной миграции населения, а особенно технические возможности перемещения людей на большие расстояния, что приводит к смешению сильно различающихся культур в пределах одной страны. Якобинцы выдвигают требование культурной интеграции мигрантов, сторонники многонациональной политики хотят официального признания прав мигрантов на культурную самобытность.

Кроме того, не следует забывать о главной геополитической проблеме — противостоянии Востока и Запада. В современном мире происходит смешение не относительно схожих, а диаметрально противоположных культур. Именно это заставляет некоторых аналитиков говорить о «столкновении цивилизаций». Одно дело — рассуждать о культурных различиях каталонцев и испанцев, и совсем другое — о разнице культур христиан и мусульман в Испании.

Движущей силой таких столкновений является не только различие культур, но и разница во влиянии и силе. Одна из сторон в политическом и военном отношении превосходит другую, и, конечно, слабый всегда считает, что сильный его подавляет. В свою очередь, доминирующая сторона утверждает, что ее противник использует незаконные политические приемы, и сегодня самое популярное обвинение — в участии в террористических актах. Политическая или военная борьба между этими двумя противниками включает еще и морально-этический аспект, что не только способствует усилению политических противоречий, но и позволяет искать поддержку у третьей, незаинтересованной стороны, исповедующей такие же этические принципы.

Диалог и партнерство возможны только при условии равенства во влиянии и силе. Но признание равного статуса с другой стороной снимает вопрос о моральном аспекте борьбы, и, следовательно, в игру вступают политические принципы. Не секрет, что соперники неохотно заключают альянсы. Почему тогда их все же заключают? Вероятнее всего, диалог и партнерство возможны в том случае, если в результате противостояния двух сторон является равенство их политических и военных сил и другого выхода, кроме союза, просто не существует. Именно это произошло в ЮАР и Северной Ирландии.

Таким образом, подлинной причиной возможного диалога и партнерства является фактическое военно-политическое равенство противоборствующих групп, народов, культур, цивилизаций. Не лучше ли сфокусировать наше внимание на том, как этого равенства достичь?

Если одна из двух сторон, участвующих в конфликте, обладает большей силой, то она, скорее всего, не захочет добровольно отказаться от власти и не станет заключать серьезных политических союзов с другой. Общение на равных с более слабой стороной невозможно, разговор может вестись только с позиции силы. Это значит, что путь к партнерству и диалогу лежит через фактическое усиление мощи слабой стороны. И путь этот довольно долг. Он требует, во-первых, повышения политического самосознания. Нация должна сама счесть себя достойной диалога на равных и понять, что положение неравноправия препятствует решению политических и социальных задач, в то время как новые политические условия могут принести реальные изменения. Слабая сторона должна иметь уверенность, что ситуация неравенства может сдвинуться с мертвой точки.

Данный процесс можно назвать активизацией культур малого влияния. Конечно, он пугает доминирующую сторону, которая пытается подавить его. Но это естественно, поскольку доминирующий не чувствует уверенности в своем праве, пока нет хотя бы приблизительного баланса сил с противником. В будущем взаимопонимание между разными нациями будет возможно только в многокультурном обществе. Диалог возможен только между равными, в противном случае он превращается в монолог. Аналогичным образом и партнерство возможно только между равными, иначе оно всего лишь маска, скрывающая господство одной из сторон. Без достижения равенства поиск взаимопонимания между культурами — безнадежная утопия.

Диалог возможен только между равными. Но равенство между культурами возникает тогда, когда тот, кто слабее, видит неравенство и сильный тоже видит и признает это. Важен диалог не только между государствами, но и внутри государства.

Проиллюстрирую это примерами. Сегодня было сказано, что происходит экономическое выравнивание в определенном масштабе, и это правильно. Если рассмотреть пять крупнейших стран — США, Бразилию, Россию, Индию, Китай, то совершенно ясно, что за последние 10 лет произошло относительное снижение экономической и политической роли США и относительное усиление Бразилии, Индии, России и Китая. Выравнивание имеет место на мировом уровне. Но если измерить величину внутреннего неравенства в этих странах за тот же период, то мы увидим его резкое возрастание, а также и то, что другие страны не охвачены этими изменениями.

Вот еще два примера — процессы, которые происходили в последние несколько лет. Один — диалог между государствами, другой — внутри государства. На международном уровне за последние два года провели переговоры шесть стран: обе Кореи, Китай, Япония, США и Россия. Это были шестисторонние переговоры по корейской проблеме. В итоге ничего не произошло, и в этом успех шестисторонних переговоров. Несколько лет назад ситуация казалась чрезвычайно напряженной — на грани возможных военных конфликтов. Но ничего не случилось, поскольку состоялся некий диалог. Он не привел к глубокому взаимопониманию, но, тем не менее, напряженность снизилась.

Почему это так? Ясно, что основным фактором усиления Северной Кореи стало не ядерное оружие, а усиление по другим направлениям. Страна старается преодолеть отрицательные явления, применяет различные формы новой политики, и это приводит к укреплению Северной Кореи. Именно это и повлияло на результаты диалога.

И возьмите другой случай — в Ливане, где произошел наиболее серьезный за последние 25 лет конфликт. В последние 2–3 недели, когда «Хезболла» стала участвовать в военных действиях в Бейруте, конфликт стал особенно острым. Результат: два дня назад было принято очень важное соглашение. В первый раз оно было заключено между всеми политическими силами. Вождь друзов, главный оппонент «Хезболлы», сказал: «Мы вступаем в соглашение, которое нам не нравится. Но мы присоединяемся к нему, потому что альтернативы этого соглашения приводят к гражданской войне». Никто в Ливане сейчас не может выиграть в гражданской войне, потому что произошло усиление «Хезболлы». Самые слабые политические группы в Ливане — шииты, но они тоже смогли получить определенную возможность влиять на решения, которые принимаются другими группами. Таким образом, мы видим укрепление, улучшение де-факто политической ситуации в Ливане. Я полагаю, что это достаточно долгосрочное политическое решение. После 30 лет нестабильности будет достигнута стабильность.

Оба этих случая иллюстрируют необходимость развивать международные и внутригосударственные диалоги. Более слабая сторона набрала силу и вступила в диалог. И получила положительный результат.

Александра Гамильтон¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР²

Для меня большая честь быть приглашенной на Родину, чтобы внести посильный вклад в этот очень важный диалог, происходящий в одном из университетов Санкт-Петербурга на очередных Лихачевских чтениях. Дмитрий Лихачев всю свою жизнь олицетворял собою дух диалога России со всеми культурами и с каждой культурой в отдельности.

Мои корни по материнской линии — здесь, в России, так как и царь Николай I, и Александр Сергеевич Пушкин — мои прапрапрадеды. Мои предки по отцу — из Перу. Я родилась в Аризоне, а детство провела в Англии, где вышла замуж за Джеймса, герцога Аберкорна, в 1966 году, после чего в возрасте 20 лет переехала в Северную Ирландию. Таким образом, я сама — своего рода диалог культур.

¹ Ее Светлость герцогиня Аберкорнская (Великобритания). Поэтесса, прямой потомок великого русского поэта А. С. Пушкина и императора Николая I. Учредитель премии «Пушкинский приз» для юных писателей Великобритании. Автор сборника поэм «Перо Жар-птицы» на английском и русском языках. Лауреат Царскосельской художественной премии (2000). Почетный доктор СПбГУП.

² Доклад представлен на XIII Международные Лихачевские научные чтения (2013 г.).

История, которую мне хотелось бы рассказать, началась в первые годы после моего замужества, когда Северная Ирландия, казавшаяся на первый взгляд безоблачным и прекрасным местом, была ввергнута в 30-летний религиозно-политический конфликт, познала смерть и разрушения. Тогда не только Ирландия оказалась разделенной на две юрисдикции — Северную Ирландию, подчиняющуюся британскому правительству, и Республику Ирландию со своим правительством в Дублине; это было время предельного расхождения между Римско-католической церковью и церковью протестантской, в результате чего дети обучались в отдельных школах.

В то время не существовало никакого диалога культур: единственный способ, при помощи которого какая-либо группировка могла заявить о себе, была пуля или бомба. Злоба, ненависть, страх извергались в самом чудовищном виде, принося с собой потери и скорбь, овладевшие всем потрясенным обществом. Даже сам воздух, которым мы дышали, был загрязнен отчаянием и неверием, превращавшими сказочное царство в кошмар, где, перефразируя ирландского поэта У. Б. Йейтса, «хлынул темный от крови поток».

Ужасная тяжесть этой обстановки буквально настигла меня дома, когда мою юную дочь стали мучить ночные кошмары, в которых наш дом захватывали террористы. Безусловно, ее страхи глубоко меня беспокоили, но я задумалась также и над тем, сколько же детей в Северной Ирландии страдают, наверное, от столь же непомерных страхов и тревог. Я размышляла о том, как это повлияет на их будущую жизнь, если сейчас не предпринять никаких мер; а если оставить все как есть, то не приведет ли это к новым бомбам и пулям? Но что мы могли сделать, чтобы положить конец этой ненависти и жестокости? Или, уточняя и осознавая свою ответственность, что могла сделать лично я?

Ответ пришел в 1987 году, в 150-ю годовщину со дня смерти Пушкина, когда Лутон Ху, дом моей бабушки в Англии, на один уик-энд стал местом чествования жизни и творчества великого русского поэта. Люди разных судеб и различных идеологий — представители советского режима того времени, эмигранты, спасшиеся от революции, их дети, внуки и внучки — все объединились ради краткой волшебной возможности насладиться красотой пушкинских слов. Те русские, которые до этого считали друг друга смертельными врагами, обрели общую почву. Во время этого уик-энда поэзия и музыка сделали то, чего за 70 лет не удалось добиться дипломатии.

Меня сразу осенило: если уж Пушкин примирил русских, придерживавшихся разных убеждений, то он или его дух мог бы воспламенить такую же искру и в Ирландии. Я подумала о том, возможно ли такое, чтобы дух его поэзии сплотил детей Ирландии, воспитанных в разных традициях, из северной и южной части страны, из городских и сельских школ; можно ли таким творческим способом помочь им выразить свои мысли и чувства, свои надежды и страхи, свою внутреннюю жизнь. Кроме всего прочего, такой внутренний диалог должен начаться внутри нас, прежде чем он охватит мир в целом.

Вскоре мне стало ясно, что я смогла бы найти способ познакомить с «духом Пушкина» школьников 9 и 10 лет по всей Ирландии, детей, которые, скорее всего, никогда и не слышали об этом необыкновенном человеке и не читали рассказов и пьес, принесших ему известность. Как бы то ни было,

Ирландия — тоже страна устной традиции, страна сказок, мифов и легенд. Значит, рассказ о том, как Пушкин, будучи совсем мальчиком, сидит у печи и слушает свою обожаемую няню Арину Родионовну, рассказывающую ему русские сказки, видимо, нашел бы глубокий отклик у детей Ирландии.

В 1987 году я учредила детские Пушкинские премии, приглашая к участию детей из начальных школ, чтобы те написали свои истории. Проект был направлен на познание мира с помощью воображения — как мира природы, так и мира, созданного человеком. Мы возлагали надежды на то, что дети, опираясь на собственный опыт творческого вдохновения и работая в классах вместе с писателями и поэтами, сами начнут становиться «сотворцами».

С самого начала мы вновь и вновь становились свидетелями того, как отыскание собственного «голоса» способно восстановить естественное доверие детей, принося с собой обновленное чувство мотивации и жажды учиться, что так поразило чиновников от образования. «Искра» вспыхнула, и дети теперь осмысливают данное им от рождения право становиться настоящими людьми, гражданами мира, способными обрести голос, творчески выражающий их мысли и чувства, и одновременно научиться слушать друг друга и принимать иные точки зрения. Фактически они открывают для себя то, что величайшее на свете искусство — это «искусство жить подлинной жизнью».

Я глубоко убеждена, что дети — наш драгоценный дар. Именно от них и от тех, кто ответствен за их воспитание, зависит, насколько всеобъемлющим будет этот диалог. Я уверена также, что еще одно погружение в процессе творчества в царство символического воображения откроет нам универсальный язык. То есть язык сердца, который звучит в нас вне зависимости от нашего происхождения, цвета кожи или веры.

Работая с творчеством Пушкина, с «духом» его поэзии здесь, в Ирландии, на протяжении более 25 лет, мы помогаем детям и учителям воплотить в жизнь воображение, чтобы отыскать созидательный, а не деструктивный путь для выражения своих упований и опасений. Искра творческого духа пробуждалась в классах в ходе работы с писателями, поэтами, художниками, защитниками окружающей среды. Я свидетель того, в какой степени высвобождение образности дает детям возможность видеть, чувствовать и понимать позиции других людей. Обучая таким образом сострадательному воображению, Пушкинский фонд выстраивает мосты через столетние культурные барьеры для более глубокого осознания нашей общей человечности.

В последние годы я пользовалась привилегией наблюдать целительную силу действия такого диалога во время двух знаменательных исторических событий. В 1998 году меня вместе с матерью, дочерью и сестрой пригласили для участия в церемонии захоронения останков царя Николая II и его семьи в Петропавловской крепости. И когда мы стояли там, рядом с катафалком, особое впечатление на нас произвели слова президента Б. Н. Ельцина, переведенные синхронно. Он сказал, что если бы этот отрезок истории не был завершен с достоинством, душа России никогда не вернулась бы к ее народу. Я убеждена, что академик Лихачев, человек, который глубоко понимал целительную силу символического воображения, был среди инициаторов этого выдающегося события.

Свидетелем еще одного знаменательного события я стала в 2011 году, когда королева Англии с историческим визитом посетила Ирландию. Будучи воплощенным символом суверенности Британии, она обратилась к президенту Мэри Макэлис, представлявшей древнюю суверенность Ирландии, на ирландском языке, что стало поворотным пунктом во взаимосвязях между двумя народами; это подчеркнуло их равноправие на гораздо более значимом уровне, чем на уровне формальных средств дипломатии. Не только речью на банкете в честь королевы в Дублинском замке, но также и присутствием в «Саду Памяти», где она почтила память погибших в сражениях за свободу Ирландии, она сумела обратить столетия ненависти и горечи в новую форму братства и общего будущего. Мы с мужем присутствовали на вечере, устроенном в честь королевы в Конференц-центре, когда все собравшиеся встали, самым трогательным образом выразив ей признательность, чего невозможно было даже представить себе в предшествующие десятилетия.

Я верю в то, что эти события были пронизаны глубоко человеческим духом Пушкина, поэтому мне хотелось бы подробнее остановиться на тех днях, когда маленький Пушкин, 9 лет от роду, сидел у печи и восхищался сказкой, которую рассказывала ему няня Арина. Будто слышится исходящий из мерцающего пламени голос Жар-птицы: «Соберись с духом! Я вернулась после долгого изгнания — времени, когда человечество вынуждено было на опыте познать самые мрачные из вообразимых теней. Я обогнула Землю и стала свидетелем опустошения и разрушения чудес мира Природы и культурных творений человечества — вплоть до страданий от потери самой человеческой жизни. Но помни, что тьма и свет всегда нераздельны, и знай, что ты ответствен не только за добро, но и за зло, уже свершившееся. Хотя трудно забыть самую тяжкую боль, в не меньшей мере ты должен быть готов к сопереживанию. Красота всего мира, которую ты ищешь, — в моем оперении. У меня свое перо для каждого народа на планете, который стремится стать частью "Университета Вселенной" — места учения, к которому тянется внутренний мир каждого юного существа. Внутренний мир — это пространство, где пребывают земля, воздух, огонь и вода — четыре основных элемента человечества. Так что обрати внимание и послушай плач Ребенка. Ибо Ребенок есть семя обновления будущей жизни на Земле».

Я убеждена, что нынешнее время — это время, когда мы отчетливо слышим голос Жар-птицы, который эхом отзывается в плаче ребенка. Возможно, если мы все наше внимание обратим на этот плач и откликнемся на него из глубины сердец, на свет родится новая творческая форма демократии — внутренняя демократия равновесия между умом и сердцем, когда тень бессознательного, скрытая в каждом человеке, будет трансформироваться по мере соединения со светом и разумом сознания.

Этот голос — также и голос души, голос нашей общей человечности, и вещает он на символическом языке воображения: том языке, который настоятельно необходим, чтобы состоялся воистину преображающий нас диалог культур.

Ибо в творчестве другого великого поэта, Райнера Марии Рильке, мы находим такие строки:

Мы только голос. Кем воспета даль,
где сердца всех вещей единый звон?
Его удар внутри нас разделен
на ровный пульс. Великая печаль
и радость сердца велики для нас,
и мы от них бежим, и каждый час
мы — только голос.
Лишь внезапный миг —
в нас сердца гул нежданно возник,
и мы — весь крик.
И лишь тогда мы — суть, судьба и лик¹.

М. К. Горшков²

КУЛЬТУРА КАК ПРОСТРАНСТВО ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ³

Реальная жизнь социума располагает огромным духовно-ценностным потенциалом культуры, который реализуется не сам по себе, а благодаря системе ее социального воспроизводства. В современных условиях эта система представляет собой массовое, основанное на новейших информационных технологиях производство символической продукции⁴. В сущности, речь идет о культурной индустрии, которая подчиняется не столько имманентным законам развития культуры, сколько диктату рынка, где не только «спрос рождает предложение, но и предложение рождает спрос». То есть не сама культура как поле реализации человеческих сущностных сил, а система ее социального воспроизводства становится рычагом манипуляции массовым сознанием, средством осуществления геополитических интересов — по крайней мере, камуфлирующим дизайном старой как мир политико-экономической экспансии.

Поэтому ставку на культуру все в большей степени делает не только современная экономика, основой которой становится развитие творческих

¹ Перевод В. Г. Куприянова.

² Директор Института социологии РАН, академик РАН, доктор философских наук. Автор более 300 научных трудов, в т. ч. монографий: «Общественное мнение: история и современность», «Российское общество в условиях трансформации: мифы и реальность (социологический анализ). 1992 — 2002», «Молодежь России: социологический портрет» (в соавт.), «Непрерывное образование в контексте модернизации» (в соавт.), «Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики)», «Россия и Китай: изменения в социальной структуре общества»; учебного пособия «Прикладная социология: методология и методы» (в соавт.) и др. Член Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации Федерального собрания РФ, член Коллегии Министерства регионального развития РФ, член Союза писателей России, член Международной социологической ассоциации, Член Европейской социологической ассоциации. Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, серебряной медалью им. П. П. Сорокина.

³ Доклад представлен на XIV Международные Лихачевские научные чтения (2014 г.).

⁴ Бурье П. Рынок символической продукции // Вопросы социологии. 1993. № 1/2. С. 49 — 62.

индустрий, но и политика. Ведь культура закладывает в человеке ценностно-смысловую парадигму постижения мира, осознания своего места в нем и тем самым становится способом преобразования действительности. Поэтому она представляет собой мощный ресурс социального развития. «Именно культура, а не политика, — считает Д. П. Мойнихэн, — определяет успех того или иного общества»¹.

Сама природа культуры диалогична, поэтому культурные различия изначально не могут быть источником конфликта — только инструментом в руках тех, кто его затевает в своих интересах и отношения к культуре не имеет. Конечно же, диалог — форма внутреннего саморазвития культуры. Например, в российской культуре — да и в любой другой — этот диалог никогда и не прекращался: между традицией и новаторством, поэтом и издателем, западниками и славянофилами, интеллигенцией и властью, между национальными языками, культурами. Более того, этот диалог был не только фактором самоосознания российской культуры, но и внутренним механизмом ее саморазвития.

Внешний диалог в процессе взаимодействия культур — такой же естественный и продуктивный механизм развития любой культуры, укрепляющий ее целостность. Диалог культур представляет собой «технология» гораздо более глубинной тенденции — возрастания целостности человечества, несмотря на различия культур, систем ценностей и стилей жизни. Этот «закон всемирного взаимоотяготения» может в полной мере заработать благодаря механизмам глобализации и новейшим информационным технологиям, если они будут подчинены цели очеловечивания мира, а не обслуживанию интересов «золотого миллиарда».

О чем, в сущности, идет речь? А о том, что между культурами, безусловно, могут быть и есть различия. Но между ними не может и не должно быть конфликтов. Разные культуры не иерархизированы, как экономики по уровню ВВП, чтобы соревноваться друг с другом, а одинаково ценны для человечества, как бы ни отличались друг от друга своими «заслугами» и особенностями. Однако их качественное своеобразие исключает аннигиляцию и предполагает взаимообогащающий синтез. Поэтому понятие «конфликт» к взаимодействию культур если и применимо, то только как обозначение способа обновления культуры. Подобная способность к обновлению делает культуру по определению бесконфликтной, если речь идет о расширении — и даже заимствовании! — способов и практик утверждения человеческого в человеке и в окружающей его действительности. Природа культуры такова, что чем более отличны культуры друг от друга, тем более они интересны друг другу. Форма их отношений — взаимообогащающее взаимодействие. Поэтому широко используемое понятие «толерантность» скорее применимо к физическим объектам или системам принуждения и подчинения, но отнюдь не к культурам, которые самой природой своей призваны не просто «терпеть» друг друга, а продуктивно реагировать, даже если друг друга отторгают. Таким образом, культурное пространство не конфликтногенно. Конфликтуют не культура с культурой, а культура с невежеством, лишенным миссии очеловечивания мира.

¹ Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М. : Моск. шк. полит. исслед., 2002. С. 11.

Агрессия против другой культуры рождается не в каморке поэта или студии художника, а в кабинетах «сильных мира сего». Поэтому сводить к «конфликту культур» кровавые конфликты от Косово до Киева означает или политическую наивность, или пропагандистский камуфляж вполне прозаических и не имеющих отношения к культуре интересов, когда культура становится разменной монетой в геополитической игре и превращается из способа гуманизации действительности в утилитарное средство создания «условий, необходимых для процветания наших интересов и ценностей», как заявлено в «Национальной стратегии для нового столетия», принятой США в 1997 году.

В геополитических конфликтах культуры используются как знамена и символы. Не случайно бывший американский военачальник А. Хейг в начале 1990-х годов произнес знаменательную фразу: «Россия проиграла войну символов». Две супердержавы воевали — или противостояли, как хотите, — не только в корейском небе, горах Афганистана и глубинах Мирового океана, но и на киноэкране, в музыкальном эфире, на арт-выставках и печатных страницах, потому что любые символы — слова и краски, звуки музыки и архитектурные формы — несут не только эстетическую, но и огромную ценностно-смысловую нагрузку.

В условиях глобализации подобное противостояние только усилилось благодаря все более напористому и последовательному проведению в жизнь геополитических интересов Запада. Инструментом обеспечения этих интересов стала универсализация западной культурно-ценностной парадигмы в качестве обязательного «художественного сопровождения» глобализации. Поэтому в 1990-е годы многие политические деятели и интеллектуалы в нашей стране и на Западе ожидали, что Россия, как и другие страны, без особых проблем встроится в рамки утвердившейся либерально-демократической модели и, как выразился в связи с этим Х. Тиммерман, тем самым «станет такой, как мы»¹.

Однако диалог с российской культурой, как и с другими культурами мира, превратился в североатлантический монолог, что подтверждается транснациональным доминированием Запада в культурно-информационной сфере (телевидение, кино, Интернет)². В информационное поле Запада русская культура как духовная целостность и как один из уникальных способов постижения человеческого мира не допускается. Продолжают действовать те же механизмы, которые не допускали ранее и не допускают поныне обнародования российской версии политических событий. Но если такого рода «диалог» направлен не на обмен ценностями, а на «обращение в свою веру» населения другой страны, носителей другой культуры, то это не диалог, а, по выражению В. Распутина, «культурная интервенция», рассчитанная на сбой в генотипе отечественной культуры.

¹ Тиммерман Х. Европа и ее восток с геополитической точки зрения // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 10. С. 106.

² В России это особенно проявилось в 1990-е годы, когда из 100 с небольшим самых важных авторов только около 10 % имели отношение к России (причем любой — царской, советской или новой), количество голливудских кинолент в российском прокате доходило до 90 с лишним процентов, а все популярные ток-шоу на отечественных каналах были, по сути, кальками западных.

Наверное, такая формулировка возмутит тех оппонентов, которые считают, может быть даже вполне искренне, что «наша задача, — как полагает С. Линдсей, — отнюдь не в том, чтобы изменить саму культуру. Цель в том, чтобы создать условия, способствующие формированию “конкурентных” компаний, ибо они выступают главными двигателями экономического роста и, в конечном счете, социального прогресса»¹. Однако есть «эксперты», которые считают, что на пути создания таких компаний встает... национальная специфика российской культуры как главный тормоз либеральных социально-экономических преобразований, а неспешный ход модернизации российского общества объясняют «культурной блокировкой» (А. Аузан).

Доказательство несостоятельности такого рода положений не входит в круг обсуждаемых на данной конференции тем, да и вообще вряд ли требуется. Конкурентоспособность компаний, социальных институтов, типов личности зависит не только и не столько от степени лабильности (изменчивости), но и от внутренней стабильности национального культурно-ценностного кода, который лежит в основе любой цивилизации. Поэтому подлинные конкурентные преимущества цивилизации дает ее специфика, которую давно сформулировал Л. Вовенарг: «Чтобы сравняться с другими, надо быть самим собой».

Больше всего следовало бы обсуждать, в том числе и в ходе наших дискуссий, как выявить эти преимущества, как превратить нашу культурную специфику в фактор ускорения российской модернизации. Только в диалоге с другими культура осознает себя и находит способы самообновления, обеспечивающие социокультурное ускорение модернизации. Но в том-то и проблема, что ни диалога, ни взаимообогащения культур не происходит. Вместо этого — социальная поляризация, раздвоение культуры на «рублевую» и «рублевскую», вслед за тем — партикуляция и последующий разрыв целостности социокультурного пространства страны, который, как показали события на Украине, после определенной бифуркационной точки становится необратимым и может привести к ее распаду. Это вполне соответствует определенным геополитическим интересам, которые к культуре никакого отношения не имеют. Культуры призваны не воевать, а взаимодействовать, обогащая друг друга и повышая свой созидательный потенциал.

Современная же реальность такова: культурно-информационная экспансия — агрессивная и зачастую во многом успешная — стремится доказать преимущества привносимых в «традиционные общества» ценностей либерализма и демократии. На самом деле она чем более агрессивна, тем в большей степени проявляет глубокий внутренний кризис культурного бытия западного человека. Это конвульсивная и саморазрушительная агония культуры, которая вместо Бога водрузила в центр человеческого мира золотого тельца, подменила ценность человека его ценой, сделала его не целью развития, а средством, сместила смысл жизни с духовного на материальный и даже телесный уровень человеческого существа, а свободу совести превратила в свободу от совести.

Подобные исторически чуждые нам «ценности» внедряются в массовое сознание народов России, разрушая культурные основы российской

¹ Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. С. 8.

цивилизации, фундамент духовного мира личности. В нашей духовной традиции человек жил во имя человека, своего Отечества, а «я» органично сочеталось с «мы». В подтверждение этого М. Е. Салтыков-Щедрин писал: «Нет опасней человека... который равнодушен к судьбам родной страны, к судьбам ближнего, ко всему, кроме судеб пущенного им в оборот алтына».

Такого рода фундаментальные константы лежат в основе каждой цивилизации и составляют генотип национальной культуры как их ценностное ядро. Для россиян этими константами являются добро как нравственный императив, правда как единственная истина, красота как внутренняя установка при восприятии мира.

Подобная нравственная парадигма — отнюдь не национальная прерогатива, она имеет общечеловеческий характер и составляет основу для диалога культур во времени и пространстве. Еще Платон говорил: «Стараясь о счастье других, мы находим свое собственное». Но этой великой — для всех времен и народов! — истине противоречит сама природа такого общественного уклада, где «человек человеку — волк» и где нравственно оправдан любой способ достижения собственного благополучия. Развитие такого уклада ведет к крайнему индивидуализму, а «между соборной личностью и индивидом духовная пропасть, через которую нет моста»¹. Если мы будем не способны преодолеть эту пропасть на основе диалога культур, человечество ждет катастрофа.

Однако не все в реальной жизни подчинено повороту влево или вправо «вашингтонского рубильника». В условиях глобализации интенсивный диалог культур «обнажил существенные различия в картинах мира, менталитете отдельных народов, ценностях, целях и других аспектах социального и культурного бытия». Он привел к всплеску самосознания в каждой культуре, стимулировал процесс их национального и цивилизационного самоопределения. В этих условиях еще более явственно «заработал» закон самосохранения культуры, кристаллизации ее качественной специфики в меняющемся мире. А способом проявления данного закона стало не только повышение внутренней творческой отдачи каждой национальной культуры, повышение значимости традиционных форм культурной жизни, но также их обновление — тем более интенсивное, чем стремительнее меняются условия человеческого бытия и чем более соприкасаются и взаимодействуют различные культуры.

Надо констатировать, что события последней четверти XX века способствовали росту самосознания российской культуры, усилению «способности русской культуры обогащаться за счет чужих культур и трансформации своей, старой...»² Одна из удивительных особенностей отечественной культуры — «восприимчивость и понимание своего и чужого как своего»³ — во все не означает отказа от национального своеобразия и утрату социокультурной идентичности. Какими бы противоречивыми и болезненными ни были «дрейф ценностей и трансформация культурного поля» в стране, системообразующая основа сохраняется, хотя формы организации социально-эко-

¹ Кара-Мурза С. Г. Покушение на Россию. М. : Русский Дом, 2003. С. 10.

² Лихачев Д. С. Русское искусство: от древности до авангарда. СПб. : Искусство — СПб., 2009. С. 19.

³ Там же. С. 20.

номической, политической и социокультурной жизни эволюционируют в сторону «модернизированной демократии». Другой вопрос, что темпы такой вялотекущей, подспудной модернизации не соответствуют запросам времени. Но при оценке целесообразности путей модернизирования России следует определиться с ответом на вопрос: модернизация для России или Россия для модернизации? Второстепенный придаток в международном разделении труда, обеспечивающий бесперебойный и безропотный трансфер углеводородов и миллиардных прибылей в «метрополию», или полноценный участник мирового цивилизационного процесса, обеспечивающий материальное и духовное благосостояние народа прежде всего за счет своего человеческого и духовного потенциала? В сущности, это две разные России, две разные культуры...

В новом историческом контексте второго десятилетия XXI века культурно-историческая самобытность России воспринимается уже не как «недоразумение» или «проклятие», а как непреходящая базовая ценность. В настоящее время почти половина наших сограждан (47 %), безусловно, согласны с тезисом о том, что России подходят не либерализм, индивидуализм и западная демократия, а чувство общности, коллективизм и жестко управляемое государство. Тех же, кто это утверждение отвергает, оказалось в целом почти в два раза меньше — четверть опрошенных. Правда, преобладание сторонников российской самобытности начинается с определенного возрастного рубежа — примерно с 30 лет, в младших же возрастных когортах они количественно уступают «западникам»: например, среди самых молодых соответствующее соотношение составляет 31 % против 41 %. В то же время почти треть (28 %) пока не может четко определиться по этому вопросу.

Представление о реальной динамике ценностей дает автопортрет современного россиянина, «написанный» самими респондентами в ответах на вопрос, как изменились люди и их отношения за последние 15–20 лет. Около 80 % опрошенных указывают на рост агрессивности; почти 3/4 — на падение уважения к старшим; более 70 % обращают внимание на недоброжелательность, рост неискренности между людьми, эрозию альтруистической мотивации; 67 % — на неуважительное отношение к женщине и исчезновение такого психологически важного для россиян и русской культуры качества, как душевность; 68 % — на рост цинизма. Ныне россияне, по их собственному признанию, стали менее патриотичными (64 %), менее честными (70 %), менее верными принципам товарищества (47 %). Свыше 37 % наших сограждан отмечают ослабление ответственности россиян перед семьей. Даже такие качества, которые должны были, казалось бы, только усилиться в условиях демократии (трудолюбие, способность к сотрудничеству, ум, образованность), в самооценках респондентов тоже снизились. Только усиление активности, целеустремленности, инициативности отметило относительное большинство — 41 % опрошенных, но при этом 34 % указали на ослабление данных качеств.

На первый взгляд это можно оценить не только как приговор времени и новым социальным реалиям, но и как признание смены традиционного для России гуманистического, солидаристского вектора духовно-культурного развития. Но нельзя забывать о том, что негативные оценки говорят не столь-

ко о реальном положении дел, сколько о той нравственной «планке», с высоты которой даются такого рода оценки. Фактически это свидетельствует о приверженности большинства респондентов той традиционной культурной парадигме, с позиции которой и оценивались изменения в нравственности. Для большинства наших сограждан по-прежнему актуальны традиционные ценности и смыслы, нормы обыденного поведения. А обеспокоенность (каждый третий опрошенный) состоянием морально-нравственного климата в обществе — признак того, что общество и его граждане остро чувствуют их необходимость. Более того, сегодня значимость и актуальность большинства традиционных моральных норм заметно выше, чем в начале века, и тем более — по сравнению с 1990-ми. Тогда многие россияне отказались от лишнего «морального бремени», а игнорирование традиционных моральных предписаний стало даже экономически и социально выгодным, а в обществе из всех человеческих способностей больше всего стала цениться только одна — покупательская. Тогда же проявилось сравнительно новое для России явление — нравственный релятивизм или мультиморальность, когда люди, существуя в рамках своей моральной матрицы, признают право других людей придерживаться их собственных моральных принципов.

Конечно же, за последние 15 лет в сознании россиян произошел весьма ощутимый сдвиг в сторону характерных для мировоззрения модерна норм. Сильнее стали убеждения, что человек должен иметь право отстаивать свои взгляды, даже если большинство придерживается иного мнения (лишь 9 % с этим не согласны), что каждый гражданин в любой ситуации имеет право отстаивать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций (доля несогласных — 18 %) и что настоящая демократия невозможна без политической оппозиции (доля несогласных — 15 %). Весьма заметно сократилась доля сторонников всевластия государства, легитимности его права влиять на правосудие и ограничивать свободу прессы. Применительно к молодежи до 25 лет можно говорить о максимальной распространенности модернистских воззрений, в то время как в более старших возрастных когортах доминируют характерные для традиционалистского сознания внешний локус-контроль, патерналистские ожидания и т. д.

Однако процесс этот крайне противоречив, непоследователен и даже хаотичен. Он зависит от ряда факторов, как ситуативных, так и сущностных, вытекающих из особенностей российской цивилизации. В настоящее время россияне характеризуются крайней неоднородностью по типу мышления, нормам, установкам и ценностям. Это проявляется в несовпадении — иногда вопиющем — отношения к достижительным ценностям, к ориентации на эффективность, инициативу, конкурентность, к индивидуалистическим установкам, мотивации успеха и т. д. Ценностный разрыв даже среди представителей одной социальной группы достигает такой степени, что можно говорить о хаотичном состоянии нравственного сознания россиян. Но социологическая наука свидетельствует, что базовые ценности россиян обнаруживают удивительную стабильность. В 1989 году главной целью подавляющего большинства опрошенных было сделать счастливым любимого человека, опросы последних лет показывают, что главным для большинства наших сограждан является забота о своей семье, что подавляющее количество людей хотели бы жить в обществе, где государство

гарантирует социальный мир, справедливость и безопасность каждому. Так что провести над российской цивилизацией опыт духовно-нравственной «генной инженерии» не так-то просто. Мы не можем жить поодиночке — мы, тысячелетиями выживавшие благодаря общности, ощущавшие в локте друга свою защищенность и значимость. Война всех против всех для России неестественна, наша страна выжила благодаря братству и доброте, духовности и любви — несмотря на вопиющие отступления от этих принципов. Россияне никогда не смиряются с тем, что прав только сильный, достоин уважения только достигший высокого поста, счастлив только богатый...

Опыт сближения с Западом на основе диалога культур оказался для россиян разочаровывающим, а надежды, которые возлагались на этот процесс, — преувеличенными. И российское общество ответило на это разочарование неоконсервативной волной, лейтмотивом которой стал отход от западнических увлечений периода становления демократии. К концу 1990-х годов произошла фундаментальная переоценка ценностей. Причем не столько на уровне идеологии, сколько на уровне подсознательных переживаний и глубинной смысловой структуры картины мира. Самобытность России, которая раньше казалась недостатком, теперь выступила в качестве достоинства. Социологическая диагностика эмоциональных реакций наших респондентов на различные понятия показывает, что в настоящее время общественное сознание консолидируется вокруг российских ценностей. В связи с этим прежде всего надо отметить большую эмоциональную значимость самого понятия «Россия», а также тесно связанного с ним понятия «русский». То, что эти понятия воспринимаются россиянами с большей теплотой, чем, допустим, «Америка», «Европа», «Евросоюз» или «Азия», может показаться вполне естественным. Но еще в 2000 году слово «Россия» вызывало у россиян положительный эмоциональный отклик чаще, чем у немцев слово «Германия» (у 94 и 85 % респондентов соответственно). По сравнению с 2000 годом снижается частота положительных откликов на слово «Европа». И хотя у молодежи к началу XXI века она достигла 90 % и практически вплотную приблизилась к результатам, которые дало «измерение» эмоциональных ассоциаций с понятием «Россия», результаты исследования показывают, что именно молодежь негативнее всего реагирует на все, что связано с концептом глобализации.

В свете диалога и конфликта культур обращает на себя внимание неблагоприятный баланс эмоциональных реакций наших сограждан на понятие «Запад». Это слово позитивно воспринимают менее половины опрошенных, а негативно — чуть более половины. Перепад между этими двумя цифрами невелик, но он носит устойчивый характер. Демонстрирует поляризацию взглядов нормативно-ценностная система россиян и в экономической плоскости — к рынку тяготеют 42 % россиян, к плановому хозяйству — 53 %. Однако наиболее устойчиво тяготение россиян к смешанной экономике с доминирующей ролью государства и государственной собственности. По мнению большинства, под контролем государства, а не бизнеса должны находиться все стратегические отрасли экономики, социальная сфера, призванная обеспечивать здоровье и благополучие нации. Существенно отличается от западного отношение россиян к частному предпринимательству и вообще

к деньгам. Достаточно привести не вполне социологическое, но удивительно точное свидетельство Марины Цветаевой: «Сознание несправедливости денег в русской душе неистребимо». Возможно, поэтому нынешняя толерантность по отношению к малому и среднему бизнесу сочетается у россиян с полным неприятием крупного бизнеса, которому нет места в доминирующей нормативной модели экономического развития. В парадигме российской культуры только государство является реальным «хозяином» всего национального богатства.

Камнем преткновения в отношениях Запада и России стала социальная справедливость, которая за века угнетения превратилась у нас из принципа организации общественной жизни в основополагающую ценность общественного бытия — тем более значимую, чем менее соответствует ей реальность. Наиболее остро россиянами воспринимается неравенство доходов. Поэтому доминирующей социальной установкой в российском самосознании является мнение о том, что человек должен иметь только те доходы, которые заработаны честным трудом, — так считает 71 % россиян. В полтора раза — с 44 до 60 % — увеличилось за последние 15 лет число тех, кто считает государство обязанным отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельного человека. При этом понимание свободы у россиян не совпадает с характерным для обществ модерна толкованием: для 60 % россиян (в 1993 г. — для 67 %) свобода — это возможность быть самому себе хозяином («воля») и лишь для 40 % — набор определенных политических прав и свобод.

Отражает ли подобное соотношение незавершенность процессов социокультурной модернизации в российском обществе или ее принципиальную незавершенность, покажет время. Общество с приоритетом индивидуальной свободы (то есть американскую модель развития общества) предпочитают в настоящее время 33 % россиян, в то время как в обществе социального равенства хотели бы жить две трети всего населения России. Интересно, что для большинства наших сограждан свобода все годы реформ была важнее, чем материальное благополучие. Однако за последние 15 лет вполне прозаические ориентации населения выросли фактически в 1,5 раза — в ущерб ценности свободы. А ведь это — лакмусовая бумажка демократических настроений.

Конечно, система жизненных ценностей значительно различается в разных по возрасту и уровню благосостояния группах. И тем не менее во всех группах существует общий каркас основных ценностей, который не только выполняет интегрирующую роль в обществе, но и позволяет говорить о том, что ценностная система россиян весьма устойчива и далека, например, от идеала «американской мечты».

В целом ни о каком «победном» шествии ценностей индивидуализма в российском обществе говорить пока не приходится, хотя отношение к индивидуализму у россиян весьма толерантное и понятие «индивидуализм» вызывает положительные ассоциации у 61 % из них. Вступление в жизнь новых поколений усиливает эту тенденцию, но за последние 10 лет государственный интерес как главенствующий в нынешних условиях отмечают почти в два раза больше респондентов. Подобные подвижки дают основания для гипотезы о смещении центра тяжести нравственного сознания рос-

сиян в сторону неиндивидуалистических ценностей. Государство и те общности, к которым принадлежат опрашиваемые, осознаются ими как гаранты их собственной безопасности. Традиционалистская модель очень устойчива, и легитимность интересов отдельной личности весьма проблематична, а ведь именно из нее вытекает лежащая в основе современных демократий идея прав человека.

Все это разочаровывает тех, кто пытается представить российскую культуру консервативной и поэтому «сжигающей» перед собой мосты в будущее. В России же консерватизм — это, как писал Н. Бердяев, «борьба вечности со временем, сопротивление нетленности гниению».

Противоречие между традицией и модернизацией существует по определению. В России остроту этого противоречия усиливает фундированность (историческая, культурная, психологическая) — традиция, которая делает возможной только системную модернизацию, охватывающую все сферы и аспекты общественной жизни. А главное — она должна носить социокультурный характер, учитывающий специфику ценностной основы российского общества. Но традиция оживает не тогда, когда консервируется, а когда умножается и развивается. Обновление духовно-культурной парадигмы, в рамках которой жили многие поколения россиян, возможно лишь путем продуктивного диалога с другими культурами — в том числе с западной. Варианты «замещения» культуры, «не подходящей» для модернизации или «трансплантации» новой культуры в российскую действительность, обречены. Это показала попытка унификации культур в рамках процедуры глобализации, которая привела к обратному — укреплению традиции в национальных культурах.

Вряд ли продуктивной формой развития культурного взаимодействия будет и модный на Западе мультикультурализм. Такая механическая мозаика разных культур, склеенная толерантностью, оказалась несостоятельной даже на Западе отнюдь не из-за несовершенства практики его реализации. В основании этого лежит методологическая несостоятельность, непонимание сущности культуры, в том числе национальной. Разные культуры не могут сосуществовать, не соприкасаясь, наподобие независимых индивидов в обществе, как это видится в рамках либеральной социальной парадигмы. Культуры не могут не взаимодействовать в ценностно-смысловой плоскости и не «разговаривать» между собой на «своем» языке, то есть не общаться путем диалога. В фазу конфликта такой диалог переводится благодаря социальным, экономическим, политическим деструкциям, которые превращают этот диалог в монолог, а культура используется как средство для достижения «внекультурных» целей — геополитических, политических, экономических.

После распада СССР главным объектом деструктивного влияния Запада стала общенациональная идентичность России, которая является универсальным показателем состояния общества и к кризису которой привел цивилизационный сбой в 1990-е годы. Квинтэссенция этой идентичности — национальная идея — обозначает общесоциальный вектор развития страны от прошлого к будущему. Трансформации идентичности российского общества определяют способность страны отвечать на многочисленные вызовы современного мира, осуществлять полноценную культурную,

экономическую, социальную и политическую модернизацию; определяют перспективы становления в России структур гражданского общества, эффективность функционирования политических институтов, характер механизмов представительства интересов и политического участия, а в конечном счете — социальный климат общества. На глобальном уровне сохранение российской идентичности способствует успешному интегрированию России в мировое сообщество и ее позиционированию на международной арене. На личностном же — утверждению жизненных ориентиров, формированию чувства защищенности в рамках «своего» общества, подавлению тревоги и фрустрации. И это не случайно, ибо только при условии прочной национальной солидарности, ощущения самотождественности, имея возможность отнести себя к какой-то системе, направляющей его жизнь и придающей ей смысл, человек не рискует остаться в одиночестве перед натиском бури глобализации и раствориться в ней. В противном случае человек «теряет себя», поскольку идентичность есть основа онтологической безопасности и непрерывности его бытия. Человеку нужна идентичность, как «для всякого плода нужна своя почва, свой климат, свое воспитание» (Ф. М. Достоевский).

Многочисленные исследования разных лет убедительно доказали, что формирование российской идентичности осуществляется в сложном, противоречивом контексте культурно-цивилизационных взаимодействий, динамичных социально-экономических преобразований, распада многонационального государства и обусловленной им необходимости привыкания к новым границам и территориальным очертаниям, обновленной идеологической системы координат и деформировавшегося образа «мы», встраивания в новую систему отношений, освоения новых социальных смыслов и значений, переосмысления этнического состава населения, политического устройства, рождающихся и отмирающих ценностей, изменяющейся структуры общества. Немалое влияние на становление российской идентичности оказали конфликт и конвергенция культур.

Представление о России как об уникальной цивилизации, соединяющей в себе европейские и азиатские начала, одной из характеристик которой является мирное содружество множества национальностей и религий, когда ни одна из них не ущемляется и не вводится в стандартизованные культурные и цивилизационные рамки, понимание российского народа как исторического целого и гражданской нации отмечались неоднократно, в том числе президентом РФ В. В. Путиным¹.

¹ См., например: *Путин В. В.* Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. № 7 (5493). 23 янв.; *Абдулатипов Р. Г.* Российская нация: этнонациональная и гражданская идентичность россиян в современных условиях. М.: Науч. книга, 2005; *Авксентьев В. А.* Социокультурная идентичность в XXI веке: выбор российской перспективы // Проблема субъектов российского развития: материалы Междунар. форума «Проекты будущего: междисциплинарный подход», Звенигород, 16–19 октября 2006 г. / под ред. В. Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2006; *Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра* / рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробичева. М.: Рос. полит. энцикл., 2013; *Губогло М. Н.* Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003; *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа / сост., послесл. и коммент. С. А. Вайгачев. М.: Книга-Сервис, 1991; *Ильин И. А.* Наши задачи. Историческая судьба и будущее России: в 2 т. М.: МП «Рарог», 1992. Т. 1; *Кортунов С. В.* Национальная идентичность. Постигание смысла. М.: Аспект-Пресс, 2009; *Тишков В. А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003; и др.

Учитывая многоаспектность подхода к интерпретации современной идентичности россиян, можно утверждать, что она представляет собой «сложный конгломерат новой российской, ностальгической советской, социальной, региональной, локальной, этнокультурной, религиозной идентичностей. Естественно, все политические, социально-культурные, экономические трансформации общества находят отражение в государственно-гражданской идентичности, поэтому по изменениям в ней судят о направлениях в развитии социума, но и она сама, ее характер, масштабность, интенсивность, способствует ориентации и мобилизации людей, становится социальным ресурсом в общественном развитии»¹.

Сегодня внимательный наблюдатель без особого труда заметит, что психологическую атмосферу российской общественно-политической жизни во всевозрастающей степени определяют крепнущее чувство самостоятельности, растущая уверенность в себе, сопровождаемые стремлением дистанцироваться от Запада. Определившись со своими целями и интересами и более отчетливо осознав собственную самостоятельность, российское общество фактически утратило психологическую потребность в том, можно сказать, «надрывном» антизападничестве, которая имела место в прежние годы. В настоящее время лишь около четверти наших сограждан придерживаются той точки зрения, что европейские страны заинтересованы в преодолении Россией накопившихся социально-экономических проблем. Еще меньшее число (приблизительно один человек из пяти) соглашается с тем, что европейцы стремятся к всестороннему и равноправному сотрудничеству с Россией. А вот довольно много россиян убеждены в совершенно обратном: около половины из них полагают, что Европа видит в усилении России угрозу и потому не желает ее действительного подъема, а почти 2/3 убеждены в том, что ее интерес к России ограничивается исключительно природными ресурсами.

Что же касается факторов, сдерживающих взаимное сближение, то среди основных из них россияне называют следующие: стремление Евросоюза навязывать России свое понимание демократии, а также нарастание угрозы со стороны НАТО. Отмечаются и нежелание Евросоюза допускать российский бизнес на свои рынки, и стремление Запада переписать историю Второй мировой войны, поставить под сомнение решающий вклад СССР в победу над фашизмом.

В начале 2000-х годов количество «еврооптимистов», связывающих будущее России с ее вступлением в объединенную Европу, заметно превышало количество не видевших в этом особого смысла «евроскептиков» — в соотношении 42 на 30 %. К настоящему периоду картина заметно изменилась: противники объединения с Евросоюзом составляют около 50 %, в то время как доля «еврооптимистов» упала до 30 % россиян. Без сомнения, вмешательство Евросоюза и США в события, происходящие на Украине, эту тенденцию только усиливает. Если до этого какая-то часть российского общества еще сомневалась в характере политического отношения европейского сообщества к постсоветской России, росту ее международного авторитета и влияния на мировую политику, то теперь для подавляющего большинства россиян «маски сброшены».

¹ Дробижева А. М. Процессы гражданской интеграции в полиэтническом российском обществе (Тенденции и проблемы) // Общественные науки и современность. 2008. № 2. С. 68 – 77.

При этом важно отметить, что события на Украине, как и любая другая «цветная революция», основаны на социокультурных технологиях и только подтверждают гипотезу об экспансии ценностей как скрытой доктрине глобализма. Суть ее составляет разрушение культурного кода или генотипа культуры как способ лишения ее возможности консолидироваться и мобилизовать внутренние ресурсы для ответа на новые вызовы XXI века. Такая стратегия «перереформирования» культуры и деструкции ее исторических основ направлена на лишение социальной общности конкурентных преимуществ. Она направлена на утилизацию национальных культур и провоцирование конфликтов между ними, унификацию мира по американскому лекалу и не имеет ничего общего с демократией.

Эти события ставят вопрос об альтернативе нынешней глобализации, направленной на использование уникального богатства национальных культур и стилей жизни, утверждение единства человеческого рода как «цветущей сложности» (К. Леонтьев).

Многонациональный российский народ заинтересован в успешной модернизации российского общества, которая имеет судьбоносное значение для выживания страны в современном мире. Ведь речь идет о формировании конкурентоспособного общества, которое будет в состоянии выйти на передовые позиции в мире и обеспечить высокие показатели благосостояния граждан — и материального, и духовного. Но современная российская модернизация должна иметь не только системный характер, подразумевающий качественное обновление всех сфер общества, всех уровней организации государственной и общественной жизни. Она состоится, если сохранит внутреннюю природу того, что называется Россией, то есть национально-культурную традицию. Как отмечал Д. С. Лихачев: «Исторический путь России свидетельствует о громадных запасах не только материальных благ, но и духовных ценностей...»¹

Фактически Россия превратилась сегодня для человечества в показательную площадку решения этой проблемы, где столкнулись прошлое с будущим, коллективистская система — с индивидуалистической моралью и где идут поиски продуктивного выхода в соответствии с российским видением мира и нашим национальным характером. Что при этом будет доминировать: острый конфликт, ожесточенная борьба культур или диалог социокультурных воззрений? От этого в определяющей степени и будет зависеть, каким на ближайшие десятилетия окажется вектор развития духовного облика человеческой цивилизации.

¹ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 31.

Д. А. Гранин¹

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР²

При размышлении о диалоге культур мне симпатично обращаться к той жизни, в которой я жил и живу. В данном случае речь идет, во-первых, об истории нашей советской жизни. Наша история показала, что мы создали многонациональную культуру из собрания культур разных народов — кавказских, народов Дальнего Востока, Прибалтики, Украины, Молдавии и др. Разные истории со своими сложностями и трагедиями. Я соприкасался большей частью с литературой. Поэзия, допустим, наших малых народов дала много замечательных авторов. Поэзия Дагестана дала нам Расула Гамзатова, фигуру огромного поэтического дара, который, как всякий большой талант, оказал влияние на культуру своего народа. Он сразу вывел ее на международный уровень, поскольку его стихи получили международную известность, переводились на множество языков. На его тексты создавались прекрасные песни. Я могу назвать еще нескольких поэтов: Мустай Карим — представитель башкирской культуры, Давид Кугультинов — калмыцкой культуры, Кайсын Кулиев — балкарской культуры.

Это созвездие больших поэтов и прозаиков появилось не случайно. Оно появилось, потому что было очень плодотворное, подлинное содружество русской культуры с национальными культурами республик. Сформировалась замечательная школа переводов, что много значит для поэзии, литературы. Так возникла возможность общения. Хорошей культурной традицией были декады той или иной национальной культуры, проводимые в различных уголках страны. Благодаря русской переводческой школе, например, представители прибалтийских культур были введены в европейскую культуру. Блестящие переводы произведений Ю. Марцинкявичюса, М. Служкиса и других писателей и поэтов сделали эти имена и их труды знаменитыми, ввели в обиход европейской культуры. Не случайно столько хороших творцов родилось в литературе, поэзии, прозе, кино, театре, изобразительном искусстве. Я помню, какая великолепная литовская живопись выставлялась в нашем городе, в Ленинграде. Я помню, насколько интересные были работы. Все это по-настоящему сближало народы. Национальные культуры не разобщают, а наоборот, сближают нации. Расул Гамзатов или Кайсын Кулиев заняли свое место в русской литературе, русской культуре и русской жизни.

¹ Писатель, Герой Социалистического Труда, соучредитель Конгресса петербургской интеллигенции, Почетный гражданин Санкт-Петербурга. Автор книг: «Искатели», «Иду на грозу», «Эта странная жизнь», «Клавдия Вилор», «Блокадная книга» (в соавт. с А. Адамовичем), «Картина», «Зубр», «Бегство в Россию», «Вечера с Петром Великим», «Священный дар», «Интелгенды», «Д. А. Гранин — Университетские встречи. 33 текста», «Причуды моей памяти», «Как работать гением», «Место для памятника», «Скрытый смысл», «Все было не совсем так» и др. Член Общественной палаты РФ. Лауреат Государственных премий СССР и России, премии Президента РФ в области литературы и искусства, Правительства Санкт-Петербурга в области литературы, искусства и архитектуры, премии Гейне. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Дружбы народов, «За заслуги перед Отечеством» III степени, крестом за заслуги I класса — Офицерский крест (ФРГ), орденом Святого апостола Андрея Первозванного и др. Почетный доктор СПбГУП.

² Доклад представлен на XI Международные Лихачевские научные чтения (2011 г.).

Эти писатели участвовали во всех наших литературных событиях, что воспринималось вполне естественно. Это не были литературные туристы.

То же самое, благодаря нашей переводческой школе, происходило и с европейской литературой. Должен сказать, что как ни парадоксально, но именно благодаря «железному занавесу» мы очень горячо интересовались, что же за этим «железным занавесом» происходит. Какие там выходят книги, какая литература, что там творится, какие исторические, публицистические, философские работы появляются? И оказалось, что когда «железного занавеса» не стало и мы поехали в Европу, то выглядели очень образованными и сведущими людьми; не менее, а то и более сведущими, чем многие западные интеллектуалы. Это был интересный, взаимообогащающий культурный процесс. Я думаю, что такие фигуры, как Вячеслав Всеволодович Иванов, Сергей Аверинцев, Мераб Мамардашвили и другие, естественно вошли в обиход европейской интеллектуальной жизни. Связь разных культур, разных народов, разных национальных традиций помогает обогащать жизнь каждого из нас и мировую культуру. Показательна история нашей переводной литературы. В наш обиход так же, как на Западе, вошли Борхес, Фолкнер, Сэлинджер и др. Они вошли в число наших писателей. Я бы даже рискнул сказать — в состав нашей российской библиотеки. Нам не так важно, итальянская это литература или французская, Моравиа или Сартр, — это прежде всего наш культурный обиход. И осмысление их произведений происходило так же интенсивно, как и осмысление творчества многих отечественных писателей. Наш интеллигентный читатель — это читатель всемирной литературы. Так же у нас существует и всемирное кино. У нас существует всемирная музыка. Твердо могу сказать: нет в нашей культуре явлений национализма, замкнутости и закрытости. Диалог культур, познание другой культуры, безусловно, позволяют полнее понять свою культуру.

Я не знаю, откуда берутся и чем питаются суждения о враждебности культур. Это было в фашистской Германии, когда лучшие писатели, такие как Томас Манн или Стефан Цвейг, вынуждены были эмигрировать. Спесивость в культуре характерна для тоталитарных режимов фашиствующего типа. Должен сказать, что и у нас был тоталитарный режим, но мы, однако же, можем похвастаться тем, что в течение этого тоталитарного режима мы имели возможность знакомиться и общаться с западноевропейской, американской литературой, поэзией, наукой. И оказалось, что наша литература — советская — за 70 лет своей истории создала замечательные произведения во всех жанрах. Не случайно мы сейчас с таким удовольствием смотрим старые фильмы, устраиваем выставки старых художников, поем советские песни. Высокая классика не стареет.

Когда исчезло понятие «советский человек», на смену ему пришло разделение народов на адыгейцев, черкесов, калмыков, украинцев, евреев, молдаван и т. д. Это спровоцировало националистические настроения. И это во многом результат, по-моему, жажды власти национальных элит. Они хотели быть не просто *pri* советской культуре, они хотели быть самостоятельными хозяевами. Все произошедшее породило ряд не очень приятных явлений.

Российская история, по сути, представляет собой длительный диалог культур, диалог народов и конфессий. Такой диалог культур представляет собой и история Петербурга. Хочу отметить, что большую роль в диало-

ге культур сыграла петербургская школа перевода. У нас были замечательные переводчики с английского, французского, немецкого. Одним из ярких представителей этой школы был Ефим Григорьевич Эткинд. Кроме того, следует вспомнить Б. Лившица, В. Адмони и других замечательных мастеров и теоретиков перевода. Иосиф Бродский много переводил. Пушкин подчеркивал, что переводчики — «почтовые лошади цивилизации». Очень многое зависит от качества перевода, он может погубить произведение или же вдохнуть в него новую жизнь. Переводы — вещь капризная. К слову, у российских переводчиков не получаются, например, переводы Байрона. Плохо с переводами некоторых произведений Гёте. Есть неподатливые авторы. Кстати, тот же Пушкин остается неподатливым для многих языков. Брался за него Набоков и очень хорошие литераторы — не получается. Это серьезнейшая проблема. Раньше у нас были курсы переводчиков, семинары переводчиков, поездки переводчиков, обмен опытом. Сейчас все это практически прекратилось. На наших глазах нарушаются, слабнут культурные связи. У нас была школа переводов прибалтийских литератур — с литовского, латышского, эстонского языков. Важно не лишиться традиций. Боюсь, что в наше время выход на международную арену прибалтийских поэтов и прозаиков сильно затруднен. И это губительно прежде всего для маленьких народов.

Роль Петербурга в культурном диалоге трудно переоценить. В нашем городе проходили международные конгрессы писателей, деятелей культуры, кинофестивали, фестивали драматургов. Петербургский драматург Александр Володин — драматург международного класса. В городе работало немало крупных художников и композиторов: А. Петров, С. Слонимский и др. Это композиторы, которых Запад знает и музыку которых слушает. Мы можем считать, что Петербург остается одним из крупных международных культурных центров.

К сожалению, существует общий процесс — во многом мировой — кризисных явлений в искусстве, культуре. Кризисное явление есть в экономике. Но есть кризисные явления и в искусстве. В течение многих лет у нас не появилось шедевров киноискусства мирового масштаба. Есть потуги, есть за явления. Но шедевра не выходит. «Оскар» наши кинематографисты не получают. Все-таки существуют те или иные международные премии, которые худо-бедно, более-менее точно определяют уровень таланта и достижений. «Оскар» у нас не было давно. У нас очень бедный список Нобелевских премий по литературе. После Бродского и Солженицына новых лауреатов так и не было.

К сожалению, надо признать: мы не умеем ценить свои таланты. Мы боимся современных поисков. К примеру, наши музыканты уезжают на Запад, получают там признание, и лишь после этого мы начинаем им рукоплескать. Так было со А. Шнитке, С. Губайдуллиной, Р. Щедриным. Так происходит не только с композиторами, но и с пианистами, дирижерами, скрипачами. Они уезжают от нас, потому что не могут добиться здесь успеха. Возьмем Петербург — огромный пятимиллионный город. А в нем всего 4–5 концертных залов, один настоящий академический оркестр (в двух вариантах). Мы перестали приглашать к себе музыкальных знаменитостей Запада. Все ссылаемся — нет денег, платить нечем. Это неправда. Наши меломаны готовы

платить любые деньги, лишь бы слушать настоящую исполнительскую музыку. Советский Союз пользовался особым интересом со стороны западной культуры. Сейчас мы стали обычной отсталой капиталистической страной. Замечу, что американский Белый дом, президент США приглашают к себе скрипачей, пианистов, устраивают вечера. Не потому, что американские политики такие уж ценители музыки, а потому, что это принято. Главное — потому, что это признак уважения к культуре своей страны. Мы же не умеем ценить своих мастеров.

Хочу сказать, что сейчас существует много разных культур, много определений культуры, искусства. На мой взгляд, искусство — это то, что становится открытием; то, что волнует; то, что может отпечататься в душе. Недавно я посмотрел британский фильм «Король говорит!». Очень простой сюжет, все наивно, очень хорошо сделано, хорошо играют актеры. И столько правды, чувства! Или фильм «Спаси рядового Райана» — фильм, который меня захватил. Он о главном — спасти человека. Что может быть более дорогим и важным в жизни? Спаси жизнь другого человека. У нас была война более тяжелая и страшная, чем у американцев. А фильма мы такого не сделали — столь гуманной наполненности. Да, у нас были замечательные кинокартины — «Отец солдата», «Летят журавли». Но много лет уже не появляется достойного фильма о войне. А американцы взяли и сделали такой фильм. И там нет восхваления их армии. «Король говорит!» — не восхваление английской монархии. Это история человека, который нашел в себе силы одолеть свое заикание и выступить. Это — про человека. А у нас? Почему мы в течение 80 лет не можем сделать хороший легковой автомобиль? Все делаем: танки, самолеты, ракеты, а автомобиль не можем. Потому что не о человеке думаем. Для человека мы ничего не умеем делать. Раньше не хотели, а сейчас уже не умеем. То же самое относится и к искусству, культуре. Главное в искусстве, культуре — мысль о человеке.

А. А. Гусейнов¹

О ЧЕМ МЫ ГОВОРИМ, КОГДА ГОВОРИМ О ДИАЛОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ²

Когда мы в речи употребляем понятие цивилизации (культуры), говорим о взаимодействии (диалоге, сотрудничестве, соперничестве, конфликте и т. д.) цивилизаций, то надо иметь в виду, что это — абстракция высокого уровня, обобщенная характеристика множества эмпирических объектов. Она наполняется строгим содержанием только в рамках и как момент определенных систематизированных теорий и учений, как, например, у Тойнби, Шпенглера, Моргана — Энгельса. За этими пределами она приобретает приблизительный, смутный, фигуральный, а часто и вовсе превращенный

¹ Директор Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП.

² Доклад представлен на VII Международные Лихачевские научные чтения (2007 г.).

смысл. Цивилизация, как и культура (если говорить о последней в значении, которое соразмерно цивилизации), не имеет субъектности, не существует как эмпирический объект. Она не существует как нечто отдельное — то, что самостоятельно функционирует и поддается строгой фиксации, укладывается в рамки определенной целеорганизованной деятельности, словом, как то, на что можно указать пальцем. Это некий условный, идеально обозначенный результат, который складывается из действий огромного, практически не поддающегося исчислению количества людей и их объединений, а также многообразных, не поддающихся счету проблем, форм деятельности, событий.

Мы рассуждаем о диалоге цивилизаций, а я спрошу: где и как встречаются цивилизации, где они сталкиваются лицом к лицу именно как цивилизации? Нигде они в таком качестве не встречаются. И никто не назовет такого места. Этнографы установили, что некоторые соседствующие между собой архаические племена разделялись территорией, которая никому из них не принадлежала. Она была нейтральной, ничейной. На ней представители разных племен вступали в контакт друг с другом и могли практиковать формы поведения, которые были запрещены внутри племени. Современные цивилизации не могут функционировать как целое, подобно древним племенам, и между ними нет нейтральной («ничейной») территории. Они проникают, перетекают друг в друга столь многообразно и глубоко, что между ними невозможно прочертить разделительные линии.

Мысль, которую я хочу выразить, состоит в следующем: взаимодействуют не цивилизации, а люди (индивиды, народы, государства), принадлежащие к разным цивилизациям. И, как правило, едва ли не на 99,9 % они взаимодействуют не по поводу своих цивилизационных различий, а из-за конкретных проблем, которые их волнуют и для решения которых они вступают в контакт друг с другом. Если принять эти простые и, я бы сказал, самоочевидные утверждения, то снимаются многие проблемы и трудности, которые кажутся неразрешимыми на уровне метафизических образов и логических формул.

Взять, к примеру, набивший оскомину вопрос о том, могут ли сойтись Восток и Запад? Куда им сходитьсь? Они уже давно сошлись. Разве сотни миллионов людей не колесят с Востока на Запад и с Запада на Восток, движимые разными, вполне благими целями и интересами?! Разве европейские города не изобилуют восточными ресторанами, а восточные города разве игнорируют европейскую кухню? Разве не миллионами, десятками, сотнями миллионов исчисляется количество людей Запада и Востока, которые вступили в браки друг с другом, образовав тем самым семейные союзы — самые тесные, интимные союзы, какие только существуют среди людей?! Разве восточные и западные страны отказываются торговать друг с другом?! Много ли осталось западных языков, на которые не переведена «Тысяча и одна ночь», и восточных языков, на которые не переведены Гомер, Шекспир, Толстой? Кто за последние два столетия из великих духовных лидеров Запада не тянулся душой к Востоку и кто из великих деятелей Востока не приобщался к культуре Запада? Разве не «Западно-восточный диван» был поэтической вершиной Гёте и разве не Конфуций, Коран и другие источники восточной мудрости были настольными книгами позднего Толстого? Разве

Махатма Ганди и Хо Ши Мин не обучались в Европе и, что еще более важно, не прошли школу европейского интеллектуализма? Разве мало, наконец, людей, событий, вещей, про которые мы вообще не знаем, куда они относятся — к Востоку или Западу? Где родилось христианство — на Западе или Востоке? Кому принадлежит Аристотель — европейскому Западу или мусульманскому Востоку? Куда отнести Россию — к Западу или Востоку? А иудаизм — это Восток или Запад? Можно задавать еще много таких риторических вопросов. Но и тех, что прозвучали, достаточно, чтобы убедиться, насколько надуманными, спекулятивными, далекими от реальности являются рассуждения, которыми пытаются непреодолимо разделить или даже противопоставить Восток и Запад. Они и не могут не быть такими, ибо оперируют абстракциями типа Востока и Запада, словно речь идет об эмпирических объектах, в результате чего эти абстракции превращаются в фантомы. А фантомы они и есть фантомы, они для того и предназначены, чтобы пугать людей.

Цивилизации (культуры) в их эмпирической реальности представлены очень многими людьми и их объединениями, общностями. Возникает вопрос: есть ли среди них те, кто особым образом персонифицирует цивилизацию, имеет несомненное или хотя бы преимущественное право представлять ее, говорить от ее имени? Нет таких лиц, будь то отдельные индивиды или их группы. Прежде всего таких лиц нет потому, что цивилизация представлена не только очень многими, но еще и очень разными людьми. Разными также и в том, как они понимают суть своей цивилизации и ее интересы. К примеру, кто сегодня может держать речь от имени исламской цивилизации? Религиозные деятели? Но они представляют различные ветви религии и по-разному понимают ее роль в современном мире, не всегда могут подняться над религиозно-мотивированной, часто кровавой враждой в самом мусульманском мире. Не говоря о том, что и исламская цивилизация сегодня не является сплошь религиозной. Политические лидеры, главы государств? Но государства исламского мира враждуют между собой не меньше, чем с западными государствами. Многие из них ближе к США и европейским государствам, чем к своим соседям. Мыслители, философы? Они говорят слишком тихим голосом, чтобы представлять кого-то. Некоторые политики и СМИ на Западе изображают дело таким образом, будто некоторые культивирующие террор движения в исламском мире представляют сам этот мир. На самом деле они являются маргинальными и занимают в исламском мире такое положение, что имеют право выступать от его имени не больше, чем ультранационалистические, неонацистские группы в европейских странах от имени последних.

Словом, нет конкретных лиц или групп людей, устами которых глаголила бы истина цивилизации (культуры), будь то исламская, европейская или какая-либо другая. И тогда, когда некоторые из них это делают — и делают, к сожалению, слишком часто, — они выходят за пределы своей компетенции и становятся на путь безответственных суждений, демагогии. Можно, конечно, утверждать, что каждый человек, поскольку он принадлежит к той или иной цивилизации, несет ее в себе и, следовательно, имеет право говорить от ее имени. Но это как раз и значит, что никто не имеет особого, преимущественного права делать это. Кроме того, цивилизационная идентич-

ность — некая родовая характеристика индивидов, которая не существует отдельно от их частных, персональных характеристик. Поэтому право каждого из них говорить от имени своей цивилизации не больше права всех остальных не принимать такие суждения всерьез.

Цивилизации в их реальности представлены не только многими и разными людьми, но и многочисленными и различными проблемами. И среди них нет (или почти нет) проблем, которые были бы, что называется, чистым воплощением цивилизационного своеобразия. Каждая из них имеет конкретную природу и, соответственно, требует конкретных средств решения. Миграция — у нее свои закономерности, свои способы решения. Оружие массового уничтожения — эта проблема решается уже другими способами. Энергетика — тут своя специфика. Ни одна из такого рода содержательных проблем не замкнута на цивилизационное своеобразие. Ни одна из них не соединяет и не разъединяет людей по критерию их общецивилизационной, религиозной, этнокультурной принадлежности. Совершенно неверно трудности, коллизии, возникающие в ходе решения конкретных проблем, в которые вовлечены представители разных цивилизаций (культур, религий, этносов), привязывать к этим различиям, делать выводы из них, поднимать на уровень цивилизационного противостояния. Типичным примером такой подмены частного общим являются попытки замкнуть действия «Аль-Каиды» и других аналогичных террористических групп на ислам, замкнуть до такой степени, что начинают говорить об особой жестокости ислама и выводить саму эту террористическую деятельность из ислама. Такой ход рассуждения является логически ошибочным, ибо ясно, что мусульмане не обязательно являются террористами и террористами становятся не только мусульмане. Он является также фальшивым и социально деструктивным, ибо прикрывает действительные причины терроризма, а тем самым препятствует эффективной борьбе с ним. Террористы сами апеллируют к исламу, изображают себя его воинами; они в этом случае злоупотребляют религией, прикрываются ею, и когда люди, которые борются с террористами, рассуждают так же, они фактически смыкаются с ними.

В многообразии коммуникативных и предметных ситуаций современного человека, рассмотренных сквозь призму цивилизационно-культурных различий, есть, по крайней мере, две (а может быть, и всего две) ситуации, которые напрямую связаны с этими различиями и в существенной мере детерминируются ими. Они имеют дело с цивилизационно-культурной символикой. Во-первых, с именами, предметами, местами, которым придается сакральное значение и которые в рамках определенной культуры и для ее представителей считаются священными. Во-вторых, с внешними формами поведения и быта, которые подчеркивают цивилизационно-культурную принадлежность индивидов. Иллюстрациями этих ситуаций, получившими в последнее время широкую известность, стали в первом случае так называемый карикатурный скандал, во втором — дело о платках. Это ситуации, в которых люди сталкиваются именно как представители определенных цивилизаций, культур и применительно к которым можно было бы говорить о несовместимости цивилизаций, культур, если бы они не имели приемлемого для всех сторон решения. На самом деле они имеют решение — решение трудное, которое требует усилий,

компромиссов, воспитания, формирования культуры диалога и толерантности, но тем не менее оно есть.

Конфликты, связанные со священной символикой, решаются в рамках правильно выстроенной этики межличностных отношений, приемлемой для всех людей, независимо от цивилизационно-культурной принадлежности.

Цивилизационная идентичность входит в личностное ядро индивида и составляет один из важнейших элементов его персональности. Религиозно-культурные, этнонациональные символы цивилизационной идентичности сливаются с личностным «я» до такой степени полно, что их нельзя оторвать друг от друга без того, чтобы не деформировать каждую из сторон этого двуединого комплекса. Ведь нечто является святым до тех пор, пока есть люди, которые считают это святым. И люди являются теми, кем они являются, до тех пор, пока они считают нечто святым и несут это нечто в своем сердце. Поэтому оскорбить святыню — значит оскорбить человека, для которого она является таковой. Мусульмане возмутились карикатурами на пророка Мухаммеда, потому что почувствовали себя оскорбленными. И дело тут не в их особой ментальности. Точно так же оскорбились бы и христиане (и оскорблялись!) несколько столетий назад, столкнувшись с чем-то подобным по отношению к своим религиозным символам. Лет десять-двадцать назад многие в России возмутились тем, что один из известных литераторов написал о Пушкине без привычного и должного почтения к поэту; они возмутились по той причине, что считают Пушкина национальным символом. Вполне нормальная и здоровая реакция нормальных и здоровых людей в ответ на личное оскорбление.

Проблемы, трудности, коллизии, возникающие между людьми в связи и на стыке их цивилизационных различий (религиозно-культурные и этнонациональные символы — наиболее яркий показатель этих различий), могут быть успешно решены, если рассматривать их по преимуществу и прежде всего в аспекте морального достоинства личности. Символы цивилизационной идентичности могут быть, разумеется, рассмотрены с гносеологической, социологической, политической и иных точек зрения. Но при этом необходимо в первую очередь учитывать, что какие-то люди связывают с ними личное достоинство, и проявлять в обращении с ними ту степень почтения и уважительности, которая в рамках этической корректности поведения проявляется одним человеком по отношению к другому, даже тогда и прежде всего тогда, когда выражается несогласие с ним по какому-либо поводу.

Несколько иначе решаются коллизии, связанные с цивилизационно-обусловленными внешними формами поведения, не имеющими столь всеобщего и сакрального характера, как религиозные и национальные символы.

Типичным случаем такого рода является так называемое дело о платках. Речь шла о том, могут ли французские школьники носить в школе демонстративные знаки своей конфессиональной принадлежности (мусульманки — платки, христиане — большие кресты поверх одежды, иудеи — кипы). Французское общество и законодательство ответили «нет». И это решение, на мой взгляд, можно считать образцовым. Его суть состоит в том, чтобы разграничить сферы приватной и публичной жизни в современном демокра-

тическом обществе. Провести такую границу по многим причинам, не в последнюю очередь по чисто техническим, становится сегодня все труднее, тем не менее она сохраняется, она есть. И если понимать различие приватного и публичного в его собственно ценностном содержании, то оно даже возрастает. Человек может молиться любым богам и ходить в свои храмы тогда и в том виде, в каком он находит нужным и принято в соответствующей среде, но в светском государстве гражданские институты являются внеконфессиональными. Приватные сферы — сферы, куда мы уходим, поскольку мы разные. Публичное пространство — пространство, в которое мы вступаем, поскольку у нас есть нечто общее.

Публичное поведение в том, что касается внешнего вида, манер, фигур речи, становится в настоящее время все более вариабельным, индивидуализированным. В демократическом обществе нет жестких рамок регуляции того, что считалось приличным и допустимым, как это было и имеет место в обществах традиционных, сословных. Но тем важнее внутренние механизмы взаимоуважительности, одним из важнейших среди которых является толерантность к людям других убеждений и верований.

Толерантность часто трактуется по преимуществу или даже только как терпимость к иным взглядам, как признание другого и стремление понять его. Такое понимание, конечно, отражает суть дела. Но оно упирается в вопрос, как далеко может простираться наша терпимость и что делать в случаях, когда она сталкивается с позицией, отрицающей саму толерантность. На него, насколько я могу судить, нет ответа, по крайней мере нет ответа на уровне всеобщей формулы, общепризнанного правила. И вряд ли он возможен. Для того чтобы избежать возникающей трудности, надо от позитивной формулировки толерантности (быть терпимым к инаковости — убеждениям, верованиям других) перейти к ее негативной формулировке: не навязывать другим своей инаковости (своих убеждений, верований). В рамках такой формулировки вопрос о том, до каких пределов быть толерантным, отпадает, она позволяет принять толерантность в качестве категорического (абсолютного) принципа общественного поведения. Из него вытекает, что убеждения и верования есть мое личное (частное, приватное) дело. Я не навязываю их другому и вступаю в общественные отношения с другим по тем вопросам, которые нас объединяют. Тем самым я признаю за другим право иметь собственные убеждения и верования, в том числе и те, которые для меня неприемлемы, с моей точки зрения ложны. В данном случае меня может и должно волновать только то, чтобы он не выносил свои взгляды и верования за порог своего «дома» (своей конфессиональной, этнической среды и т. д.), чтобы они не мешали мне и ему ходить по общей улице, быть гражданами одного государства, жителями одной планеты.

Вообще надо заметить: универсальные моральные принципы, заключенные в позитивные формулировки, не поддаются однозначной трактовке в качестве конкретных поступков. Такая однозначность и безусловность возможна только применительно к универсальным запретам. Толерантность как универсальный принцип поведения не составляет в этом отношении исключения. Возьмем, к примеру, заповедь о любви к ближнему. Что делать, как вести себя, какие в тех или иных ситуациях совершать поступки человеку, который искренне хочет следовать данной заповеди? Ответ на этот

вопрос каждый раз является конкретным и зависит от конкретного индивида. И еще не факт, что будет найден адекватный ответ. Сколько детей загублено из-за слепой любви к ним со стороны родителей?! Сколько преступлений совершено якобы во имя любви к Отечеству?! Совсем другое дело, когда эта же заповедь формулируется в качестве запретов: «не убий», «не совершай насилия над другими». В этом случае ясно, как себя вести, какие поступки совершать (точнее, какие не совершать) человеку, который стремится действовать в духе данного требования. По крайней мере в рамках индивидуально-ответственного поведения ясно, какие практические выводы вытекают из него. То же самое в случае толерантности. В позитивной формулировке (быть терпимым к неприемлемым для тебя взглядам другого) остается неясным, как и что для этого надо делать и до какой степени один должен терпеть со стороны другого вещи, которые, с его собственной точки зрения, являются нетерпимыми. Если же понимать толерантность как требование не навязывать другому своих неприемлемых для него взглядов, то неопределенность, недвусмысленность исчезают.

Диалог культур нельзя понимать как локализованную и обозримую сумму действий, поддающихся в совокупности целенаправленному контролю. Его также нельзя замыкать на людей, по своему формальному или неформальному статусу призванных говорить от имени той или иной культуры (священнослужителей, писателей, министров культуры и т. п.) или сводить к мероприятиям, которые прямо обсуждают судьбы культуры, хотя, разумеется, и позиции этих людей, и эти мероприятия очень важны. В современном мире, в котором люди, страны и народы связаны между собой повседневно и многообразно, диалог культур представляет собой процесс, разворачивающийся на всех уровнях человеческих контактов и общественной активности, во всех сферах жизни. И — это, пожалуй, самое главное — он протекает по законам массовых процессов, сознательное воздействие на которые является ограниченным и эффективно может осуществляться по преимуществу через институционально-нормативные ограничения. Суть такого рода ограничений, имеющих в основном этическую и этико-юридическую природу, состоит в том, чтобы очертить само пространство диалога культур, а если говорить более конкретно — задать в предельно общем виде такие параметры, которые самой области межкультурных взаимодействий придают культурный статус. Это достигается главным образом через ряд небольших по количеству, но категорических по силе запретов. Чтобы взаимодействия культур развивались в режиме диалога, надо заблокировать пути конфронтации между ними. Здесь можно назвать, по крайней мере, три взаимосвязанных запрета, которые являются несомненными и имеют безусловный, категорический смысл.

Первым запретом, блокирующим конфронтации культур, должен стать отказ от самой идеи конфронтации на культурной основе. Это означает, что культурные особенности и различия не могут быть оправдывающими основаниями каких бы то ни было насильственных действий.

Далее, исходя из презумпции равенства культур необходимо вынести за скобки диалога, вообще исключить из публичного дискурса сопоставление и особенно противопоставление культур по ценностным критериям, наложить запрет на слова, действия, любые иные символически-знако-

вые проявления, которые могут восприниматься какой-либо культурой как оскорбительные. Включить какую-либо тему в повестку дня диалога — значит, проблематизировать ее, подвергнуть сомнению, поставить под вопрос. Поэтому, в известном смысле утрируя, но тем самым обнажая суть проблемы, можно сказать: диалог культур может охватить все темы, кроме мировоззренчески-ценностных оснований самих этих культур.

Наконец, еще один категорический запрет является необходимым условием, дающим зеленый свет диалогу культур, — это отказ от абсолютистских претензий, от того, чтобы заявлять собственную культуру как адекватное или более полное, чем другие культуры, воплощение тех высших истин и целей, на постижение и достижение которых они ориентированы. Говорят, что скромность украшает человека. Культуру она тоже украшает.

Очевидные в своей гуманистической направленности и общепризнанные в своей категоричности запреты создают лишь условия для диалога культур. Они очерчивают самые общие рамки, внутри которых только и может состояться продуктивное, каждый раз конкретное, неисчерпаемо многообразное взаимодействие людей и решение проблем на стыке разных цивилизаций и культур.

А. С. Запесоцкий¹

ИСТОРИЧЕСКИЙ СПОР МЕЖДУ КАПИТАЛИЗМОМ И СОЦИАЛИЗМОМ КАК ДИАЛОГ КУЛЬТУР²

I

Спустя 20 лет после распада СССР и мировой социалистической системы представляется очевидным, что исторический спор между капитализмом и социализмом не закончен. Напротив, он обрел интереснейшее продолжение в жизни многих стран мира от Китая и Южной Кореи до Европейского Союза и Канады.

¹ Ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Заместитель председателя Совета ректоров Санкт-Петербурга. Председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции.

Автор свыше 2200 публикаций. Член редколлегии журналов «Педагогика», «Вопросы культурологии», «Литературная учеба», «Партнерство цивилизаций», «Философия и культура», «Филология: научные исследования», «Педагогика и просвещение», «Философская мысль», «LITERA», «Современное образование», «Симург» (Азербайджан).

Награжден орденом Дружбы, медалями «За спасение утопающих», «В память 300-летия Санкт-Петербурга». Кавалер медали К. Д. Ушинского, Золотой медали Российской академии образования. Награжден Почетной грамотой Министерства культуры Республики Болгария, медалями "SIMURG" Ассоциации культуры Азербайджана и «Академик Сапаргалиев» (Казахстан).

Лауреат премий Правительства РФ (2007) и Правительства Санкт-Петербурга (2010) в области образования и Горьковской литературной премии. Почетный доктор университетов США, Ирландии, Украины и Польши. Академик Академии наук и искусств (Париж), Европейской академии наук и искусств (Зальцбург).

² Доклад представлен на XI Международные Лихачевские научные чтения (2011 г.).

При изучении культуры данный спор может быть представлен как непрерывный диалог между двумя культурными комплексами. Один из них развивается вокруг идеи личной выгоды человека, побуждающей его к упорному труду и предприимчивости, основан на конкуренции и апеллирует к первобытным животным, биологическим инстинктам человека. Другой основан на концепции общественного блага и апеллирует к гуманитарной сущности Человека, его духовно-нравственному отличию от животного.

В книге Ф. Б. Власова «Эволюция нравственного сознания и социально-экономическое развитие»¹, недавно выпущенной нашим Университетом, дается интересный очерк того, как эти культурные комплексы вызревают в историческом развитии Европы, начиная с XVI – XVIII веков, в капитализм и социализм. Однако культурные корни капитализма и социализма нетрудно проследить и во временной толще тысячелетий жизни разных стран и континентов — они присутствуют в различных вариантах во всех традиционных религиях и национальных культурах.

В XX веке капитализм и социализм размежевались как две автономные, конкурирующие, а во второй половине столетия — и враждебные системы, своего рода альтернативные типы цивилизационного развития. При этом социалистическая система культивировала в себе изоляционизм, стремилась игнорировать достижения капитализма и постепенно пришла в упадок. В итоге ее погубило перерождение в ультрасоциализм: полное отрицание роли и потенциала рыночных механизмов, абсолютизация государственного регулирования и подавление частного интереса в пользу общественного блага. Капиталистическая система, напротив, тщательно изучала достижения социализма и постепенно внедряла их в собственную культуру, в итоге оказавшись эффективнее. Но социализм как явление мирового культурного развития при этом не исчез.

Теперь диалог между капитализмом и социализмом протекает в рамках единой глобальной культуры, по-своему затрагивая каждую из развивающихся в условиях глобализации национальных культур.

II

Одним из наиболее интересных и перспективных для человечества продуктов этого диалога является, по моему мнению, концепция социального государства. Возрастающий сегодня в различных отраслях научного знания интерес к проблематике социального государства связан, безусловно, с потребностями практики, обусловлен логикой исторического развития.

В глобальном пространстве деятельности элит, управляющих функционированием различных государств, все больше укрепляется, складывается понимание того, что устойчивое развитие и обретение конкурентных преимуществ не может быть обеспечено лишь опорой на частный экономический интерес, на стремление предпринимателя к максимизации прибыли. Все большее значение приобретает вовлечение в процессы развития широких масс населения, мотивация которых к деятельности далеко не исчерпывается материальным стимулированием. Вместе с тем выявившаяся

¹ Власов Ф. Б. Эволюция нравственного сознания и социально-экономическое развитие / науч. ред. М. С. Мотышина. СПб. : СПбГУП, 2011. (Новое в гуманитар. науках ; Вып. 51).

в XX веке неэффективность ультрасоциалистических моделей построения государства и его жизнедеятельности стимулирует общее движение в русле теории конвергенции. Движение к теории конвергенции стало в последние годы господствующим течением мировой экономической мысли¹. К числу редких оплотов сторонников ныне устаревшего ультралиберализма можно отнести так называемую Чикагскую школу, в России — исследовательские центры Минэкономразвития. Все прочие в основном заняты поиском социально-экономического устройства, нейтрализующего недостатки и синтезирующего достоинства либеральной и социалистической моделей². Социальное правовое государство находится в фокусе этих поисков.

В то же время в мировой практике все более утверждается взгляд на экономическое развитие как относительную ценность — ценность средства, а не конечного результата. Экономическое развитие — не самоцель. Эта истина выстрадана тысячелетиями исканий философской, в более широком контексте — гуманитарной мысли человечества: богатство ценно лишь в той мере, в которой оно способствует социальному прогрессу, духовно-нравственному развитию общества и человека: «Все прогрессы — реакционны, если рушится человек»³, — как писал почетный доктор нашего Университета Андрей Вознесенский. Процветающая экономика является не целью человеческого существования, а всего лишь одним из условий развития человека, выявления и реализации его гуманитарного потенциала, гуманитарной сущности. Это положение также фокусирует внимание исследователей на теории и практике строительства социального правового государства.

В современной России существуют и локальные причины особого интереса к данной проблематике. В первую очередь — это крах ультралиберальной социально-экономической формации, сменившей в нашей стране ультрасоциалистическую и показавшей за последние 20 лет свою катастрофическую неэффективность⁴.

Сокрушительный провал рыночных реформ в России обернулся не только экономической пробуксовкой, деградацией собственно производственной сферы. Разрушаются основные подсистемы жизнедеятельности: вооруженные силы и органы охраны правопорядка, судебные структуры, медицина и здравоохранение, образование, сфера массовых коммуникаций и т. д. Катастрофическим образом падает качество питания населения. Безостановочно развиваются социальные болезни: алкоголизм, наркомания, проституция и т. д. Практически все области социально-экономической практики испытывают острейший кадровый голод. Стремительно падает профессионализм, в особенности — квалификация чиновничества. Корруп-

¹ См., например: *Абалкин А. И.* Размышления о досрочной стратегии, науке и демократии // Вопросы экономики. 2006. № 12. С. 16–17; *Чеберко Е. Ф., Бобров А. В.* Совершенствование управления государственным сектором экономики. СПб.: Изд-во СЗАГС, 2005. С. 18–21; и др.

² *Богомолов О. Т.* Уроки глобального и российского кризиса // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов / Отд-ние обществ. наук РАН; рук. междисциплинар. проекта и науч. ред. О. Т. Богомолов; зам. рук. междисциплинар. проекта Б. Н. Кузык. М.: Ин-т экон. стратегий, 2010. С. 10–36.

³ *Вознесенский А. А.* Оза: тетрадь, найденная в тумбочке дубненской гостиницы // Вознесенский А. А. Рубанок носорога: избр. произв. о современной культуре. СПб.: СПбГУП, 2008. С. 54.

⁴ Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. М.: Ин-т экон. стратегий, 2010.

ция пронизала деятельность госаппарата. Экономика России все больше сводится к «распиливанию» бюджетов различных уровней между чиновниками и субъектами хозяйственной деятельности, реализации пресловутых технологий «отката». Все это — расплата за абсолютизацию фактора частного интереса, принятие правящим слоем идеологии главенства индивидуального успеха, материальной выгоды над нравственностью, справедливостью, честностью, общественным благом.

Отсюда — и особый интерес в России к поиску «третьего пути» как «золотой середины» между ультрасоциалистической и ультралиберальной социально-экономическими формациями. Отсюда же и осознание важности нахождения разумного и эффективного баланса между частным и общественным интересами, поиск, поддержание и «шлифовка» которого в мировом сообществе все в большей мере возлагается на социальное государство. Как отмечает Е. А. Лукашева, «принцип социального государства в той или иной форме выражен в конституциях Германии, Франции, Италии, Португалии, Турции, Испании, Греции, Нидерландов, Дании, Швеции и других государств»¹. Согласно нашей Конституции социальным государством должна быть и Россия.

Характеризуя концепцию социального государства, Е. А. Лукашева пишет: «...оно должно соблюдать баланс между свободной экономикой и определенными способами воздействия на распределительные процессы в духе справедливости, "выравнивания социальных неравенств". Отказываясь от роли "ночного сторожа" и стремясь обеспечить всем гражданам достойный уровень жизни, государство не должно переступить черту, за которой начинается грубое вмешательство в экономику, подавление инициативы и свободы предпринимательства. Проявляя заботу о повышении статуса граждан, государству необходимо соблюдать меру, которая воспрепятствовала бы освобождению индивида от личной ответственности за свою судьбу и судьбы своих близких. Стремясь создать "общество всеобщего благосостояния", государство не может использовать административно-командные средства. Его задача — применять такие экономические методы, как налогообложение, бюджет, создание социальных и экологических программ»².

И далее: «Поиск такого баланса, который позволил бы сочетать непрерывный рост экономики с расширением социальных функций государства, — одно из наиболее важных направлений общественной мысли в современном мире, когда новые ситуации и гуманитарные идеалы не могут найти опоры в существовавших ранее доктринах. Отсюда и вытекает необычный интерес к данной проблеме в современной науке, где наряду с приверженностью к неолиберальным концепциям отношений государства и гражданина в условиях рынка четко обозначаются подходы, основанные на стремлении утвердить в обществе принципы справедливости. Последние выдвигают теоретическое обоснование курса социальных реформ, социальных программ государства, "социального качества жизни", которые способствовали бы гуманизации отношений в современных государствах, утверждению нравственных начал»³.

¹ Цит. по кн.: Права человека и правовое социальное государство в России / Е. А. Лукашева [и др.]; отв. ред. Е. А. Лукашева. М.: Норма, 2011.

² Там же.

³ Там же.

Характерно и неслучайно, что по мере общественного развития героический образ предпринимателя, капиталиста-первопроходца, столь талантливо воспетый Джеком Лондоном и Теодором Драйзером, тускнеет вслед за такими субъектами героической истории, как цари и полководцы. Так же как в последние десятилетия теряют свою привлекательность и образы вождей-революционеров. Ни те, ни другие, ни третьи не могут быть героями в эру социального государства.

К тому же выясняется, что способность к частной коммерческой инициативе, предпринимательству — это специфический и редко встречающийся вид человеческой одаренности, безусловно необходимый для экономического развития, но уже и не самый значительный, а лишь стоящий в ряду прочих. Принципиально важно, что в структуре постиндустриального общества ученые, инженерно-технические работники, деятели культуры и искусства, работники СМИ, врачи, школьные учителя и вузовская профессура, судьи, военные и тому подобные образуют огромные, доминирующие по численности социально-профессиональные категории, деятельность которых по своей природе весьма далека от предпринимательской. Экономическая эффективность в подобной деятельности не может быть главным мерилом успеха, а любые попытки поставить личную выгоду во главу угла, сделать целью деятельности приводят к катастрофическим деформациям.

И чем больше роль этих категорий участников социально-экономического развития, тем важнее социальная функция государства, осуществляющего распределение доли валового национального продукта, собираемого им с субъектов хозяйственной деятельности. Тем важнее распределение концентрируемой государством части совокупного богатства страны на основе политики, признаваемой обществом справедливой. В большинстве ведущих экономик мира доля валового национального продукта, собираемого государством с участников экономической деятельности в виде налогов и распределяемого через бюджетные механизмы, давно превышает 50 % ВВП. Здесь все более отчетливо вырисовывается и новая функция государственных, научных и общественных институтов — по выработке справедливой государственной политики в данной сфере. Справедливость в данном случае выступает и как нравственная, гуманитарная категория, и как рациональное условие устойчивого, успешного функционирования экономики. Соответствующие задачи возникают и в области права. Справедливость становится условием эффективности и должна получить надлежащее правовое обоснование.

Социальное государство может быть представлено в связи с этим как результат и перспектива мирового культурного развития. Его формирование обусловлено историей человечества как процессом непрерывно усложняющейся человеческой деятельности, в ходе которой формируется все более многообразная и разветвленная, сложно сбалансированная система социальных институтов, находящих свое обоснование и оформление в праве. Но человеческой деятельности всегда предшествуют цели, а цели соотносятся с ценностями. Ценности составляют ядро, своего рода фундамент человеческой личности. С ними человек сопоставляет цели своей деятельности. То есть ценности как бы «санкционируют» в механизме деятельности выбор тех

или иных целей¹. Таким образом, на практике реализация концепции социального государства сопряжена с утверждением в общественном сознании определенной системы ценностей.

III

По мере мирового исторического развития в человеческой деятельности постепенно происходит перенос центра тяжести с ценностей материального характера, призванных в первую очередь обеспечить биологическую жизнедеятельность человека, на ценности духовные. И даже богатство как ценность все меньше связывается в общественном сознании с удовлетворением биологических потребностей, «мигрируя» вместе с такой ценностью, как власть, в группу «статусных» признаков, обеспечивающих общественное признание. Однако в развитых обществах со стремлением к богатству и власти все более активно конкурируют альтруизм, совесть, социальная ответственность и тому подобный набор качеств, основанных на гуманистических ценностях, «вскормленных» всей историей духовного возвышения человека. Вопрос о приоритете гуманистических ценностей имеет огромную традицию в российском обществе и остро ставится его столпами в современных условиях².

Таким образом, само появление социального правового государства как нового типа государственного устройства можно рассматривать как реализацию определенной исторической закономерности. С одной стороны, оно более эффективно экономически — за счет рационального перераспределения общественного богатства в пользу нерыночных по своей природе сегментов общественного производства, без которых рыночная экономика функционировать не может. С другой стороны, социальное государство является новой правовой формой реализации меняющихся качеств человека, воплощающихся в первую очередь в гуманитарных ценностях его существования. Человеческое начало взращивается в современном человеке все больше, и социальное государство соответствует этой новой ситуации.

Созревание идеи социального правового государства особо рельефно прослеживается в общем контексте западноевропейского культурного развития под влиянием российской революции 1917 года. Опасаясь столь масштабных потрясений, правящие круги стран Западной Европы, к примеру, приняли на вооружение идею социального партнерства между государством, профсоюзами и работодателями. Была создана Международная организация труда, распространившая по всему миру идеи трипартизма и внедрившая механизмы их реализации³. Первоначально это выглядело как стремление «бросить кость» угнетенным, эксплуатируемым массам трудящихся. Но весьма быстро сострадание, самоограничение, гуманизм ре-

¹ См., например: *Степин В. С.* Философия в эпоху перемен // Вестник Моск. ун-та. 2006. № 4. Сер. 7 : Философия. С. 18.

² См., например: *Гранин Д. А.* «Мне лично нужны простые человеческие ценности» // Книга знаний : беседы с выдающимися мыслителями нашего времени / [идея проекта и реализация К. фон Барлэвен, Г. Наумова ; пер. с фр. Г. Наумовой]. М. : Прогресс-Традиция, 2010. С. 148 – 167.

³ См., например: *Международная организация труда: Конвенции. Документы. Материалы : справ. пособие / [сост. и авт. предисл. и вступ. ст. З. С. Богатыренко]. М. : Дело и сервис, 2007.*

ально вошли в состав базовых ценностей общества, стали культивироваться как общеевропейские ценности. Они же в существенной степени легли в основу европейской государственной интеграции от национальных государств к ЕС¹.

Для современного Запада стало аксиомой и основой практической государственной деятельности положение о том, что далеко не все дееспособные члены общества могут и должны быть вовлечены в конкуренцию; что рост производства невозможен без соответствующего совершенствования социальной инфраструктуры и решения социальных вопросов; что одна из функций государства — постановка в общественных интересах границ для «свободного», безудержного обогащения; что экономика не может быть полностью подчинена идеологии частной выгоды: «Союз старается обеспечить устойчивое развитие Европы на основе сбалансированного экономического роста и стабильности цен, наличие в высокой степени конкурентоспособной социальной рыночной экономики, стремящейся к полной занятости и социальному прогрессу, а также высокий уровень охраны и повышения качества окружающей среды. Он способствует научно-техническому прогрессу. Он борется с социальной изоляцией и дискриминацией, содействует социальной справедливости и социальной защите, равенству женщин и мужчин, солидарности поколений и охране прав ребенка»². В ходе развития этих представлений имела место эволюция от идеи минимальных социальных гарантий и стандартов к идее универсальной социальной защиты граждан, была сформулирована концепция социального качества.

Выяснилось, что справедливость как нравственная категория имеет исключительное значение для развития экономики, а вопрос о назначении государства становится все больше вопросом смысла жизни: потреблять материальные блага или с их помощью творить в себе Человека.

IV

В силу исконно европейского характера российской культуры подход к строительству социального государства, реализуемый в Евросоюзе, представляется весьма привлекательным для адаптации к отечественным реалиям. Но механическое перенесение этого опыта на российскую почву, разумеется, не представляется возможным. И дело здесь не только в необходимости учета особенностей российской культуры. Западная Европа шла к данному типу социально-экономической и общественно-политической формации эволюционно. Наша же страна пережила в 1917 и 1991 годах два губительных в своем радикализме перелома.

В связи с этим сопоставление нашей страны со странами Восточной Европы мало что дает — они после распада социалистического лагеря избрали путь потери национального суверенитета, механического принятия стандартов ЕС, что для России по многим причинам неприемлемо. А вот учет опыта

¹ Договор, устанавливающий Конституцию для Европы / пер. и примеч. А. О. Четверикова // Конституция Европейского Союза: договор, устанавливающий Конституцию для Европы (с комментарием). М.: ИНФРА-М, 2005. Ст. 1–2. Ценности Союза. С. 99.

² Там же.

других стран, переживших серьезные катаклизмы и нашедших свой путь уверенного развития, может быть весьма поучителен. В первую очередь речь идет о Республике Корея и Китае.

Освобождение Кореи произошло в 1945 году. После чего был сделан мощный рывок от отсталости, феодализма. Страна вошла в число государств с динамично развивающейся экономикой. Путь этот был нелегок: республика прошла через 45-летний период авторитаризма и жестких военных диктатур. Правление военных было длительным, антидемократическим и в то же время весьма успешным в социально-экономическом отношении.

Корея дала ответ на вопрос: должна ли модернизация начинаться во всех сферах социально-экономической жизни одновременно либо какие-то сферы должны быть опережающими?

Напомним, что Михаил Сергеевич Горбачев начал перестройку в СССР во второй половине 1980-х годов с духовно-нравственной сферы, «даровав» в ней обществу свободу. Одновременно была провозглашена задача ускорения за счет научно-технического прогресса. Но технологическая модернизация провалилась, а демократизация и гласность привели к развалу общества и государства. Примерно в то же время власти Китая подавили протестное движение на площади Тяньаньмэнь и приступили к модернизации экономической жизни страны под полным контролем сфер идеологии и морали со стороны коммунистической партии. В России же времен Ельцина была провозглашена свобода нравов, государство устранилось от поддержки общественной морали. Культура советского времени была отвергнута, традиционная народная культура оказалась практически полностью вытеснена подражаниями западной поп-культуре.

Вопреки заверениям современных западных теоретиков об однозначной связи развития демократии с прогрессом в экономике, экономический взлет современной Кореи не был связан с демократией, произошел в условиях тоталитарного режима, военной диктатуры и явился следствием разумной государственной политики. Правда, эта политика была выработана не сразу.

Как известно, в России существовали «славянофилы» и «западники». Кореяне с начала 80-х годов XIX века создали два течения общественной жизни, очень похожие на российские, — юсэн и кэхва. Приверженцы учения юсэн, разновидности конфуцианства, выступали против реформ. Они полагали, что исконная, традиционная культура Кореи выше всех на свете, что Запад тлетворен, что нельзя отступать ни на шаг в защите своей культуры от внешних влияний. Они боролись против сторонников кэхва — модернизации Кореи. Одни считали, что путь нации к величию лежит через развитие национальной экономики за счет национального капитала, но западным путем, другие требовали пробуждения национального самосознания за счет обращения к культурным корням.

Эпоха японского колониального господства прервала эти споры с 1910 до 1945 года. Придя к власти, первый президент страны Ли Сын Ман пообещал превратить Корею в плавильный тигель, где соединятся в единое целое учения Конфуция и Христа. Но столкнулся с трудностями определения ценностных ориентиров нации.

С 1948 по 1960 год весьма жесткая политика государства в области культуры была ориентирована на западные образцы. Культурное сотрудниче-

ство с США способствовало ускоренному приобщению к западной культуре. Был достигнут большой прогресс в укреплении материальной базы учреждений культуры и искусства, подготовке кадров работников культуры, развитии различных профессиональных объединений интеллигенции. Вместе с тем имели место и негативные тенденции: в страну хлынул поток низкопробной массовой культуры Запада, в упадок стала приходить традиционная национальная культура.

В период правления Ли Сын Мана были отработаны механизмы жесткого государственного контроля над всеми сторонами социально-экономической жизни, действующие до настоящего времени. Пришедший к власти в 1960 году Пак Чжон Хи был убежден, что чрезмерное поклонение чуждой культуре наносит непоправимый вред нации, что западные ценности могут быть привнесены в Корею, только пройдя фильтры ее собственного национально-культурного опыта. Он поставил решение экономических проблем на основу корейского исторического наследия, укрепляя национальную этику. «Линия Пак Чжон Хи» означала коренную модернизацию экономики в опоре на традиционные ценности корейского народа. И реализовывалась эта линия методами диктатуры.

В 1966 году в стране был принят ряд важных нормативных актов, ограничивающих негативное влияние чуждых культурных ценностей через кинематограф, рекламу и др. С другой стороны, государство тогда приняло ряд материальных и моральных мер, нацеленных на подъем народного творчества, художественных ремесел. Характерно, что для деятелей искусств, вносивших наибольший вклад в развитие национальной культуры, специальным указом президента было введено почетное звание «Человек — живое сокровище культуры». Огромное внимание стало уделяться объектам материальной культуры Южной Кореи, развитию культуры в провинции. Таким образом, новое в жизни страны стало развиваться в разумном балансе с поддержкой фундаментальных традиционных ценностей общества.

Президент Чон Ду Хван, пришедший к руководству страной в 1979 году, продолжил эту линию. Дальнейший рост экономики, обогащение граждан оказались подчинены традиционной конфуцианской этике: культ долга, семьи, отношения к предкам, сыновней почтительности, подчинения государству и начальнику и другие — все это, помноженное на использование реальных технологических достижений Запада и экспортно ориентированную экономику, и составило основу феноменального расцвета Республики Корея.

Экономические успехи достигались одновременно с ростом национального самосознания корейцев. Росла зрелость общества. В 1988 году в стране прошли демократические выборы. Нравственное обновление и прогресс в культуре открыли дорогу свободе слова и творчества, подъему творческой интеллигенции. В настоящее время корейцы считают, что страна сильна прежде всего своим духовным потенциалом, ее развитие зависит в первую очередь от нравственного здоровья нации. Возможно, что это и есть главный урок, который Республика Корея преподнесла современному миру.

Сегодня миллионы людей в нашей стране задают себе вопрос: почему в Китае реформы удались, принесли блестящие результаты, а в России провалились? В связи с этим следует отметить, что Китай, в отличие от России, осуществляет экономические преобразования не в интересах узкой группы

людей (захвативших власть в 1991 г.), а в целях повышения благосостояния всего населения, страны в целом. Речь идет о долговременном (приблизительно с 1977 г., после смерти Мао Цзэдуна), постепенном и осторожном внедрении рыночных механизмов в социалистическую систему хозяйствования, сопровождающемся остановками и корректировкой маршрута в сложные моменты развития. Как отмечает А. В. Кива, при этом реализуется принцип: «...реформы ни в коем случае не должны ухудшать жизнь народа, напротив... жизнь улучшается. Это и делалось на практике. Если, например, за первые 10 лет реформ экономика выросла более чем в 3 раза, то примерно во столько же раз повысилось и благосостояние граждан»¹.

Обстоятельно анализируя данный опыт, автор справедливо констатирует: «...закономерность такова, что именно там, где умело сочетаются экономические и социальные начала, имеет место и быстрый прогресс. "Экономическое чудо" в Германии создавалось под лозунгом блестящего экономиста и управленца Л. Эрхарда: "Благосостояние — для всех!" Примерно на тех же принципах выросло и "экономическое чудо" в Японии, в которой и сегодня децильный коэффициент (1:4) — один из самых низких среди развитых стран. У нас он официально 1:16, неофициально — 1:30, а в Москве — 1:100»².

Внимание к социальным вопросам проявляется в последние годы и правящей элитой США, оплота либеральной культуры. Последний экономический кризис побудил ведущих американских теоретиков (уровня нобелевских лауреатов Д. Стиглица, П. Кругмана и др.) поставить вопрос о переосмыслении центральных разделов экономической науки (в ее современном англосаксонском понимании). Констатируются фундаментальные изъяны в американской модели капитализма и необходимость усиления государственного регулирования экономики. Намечена и новая стратегия движения вперед, основанная на масштабных инвестициях собранных государством с налогоплательщика средств в непроизводственные сферы.

В связи с этим характерны высказывания президента США Барака Обамы: «Мы дадим людям работу на строительство школ, лабораторий, библиотек...»³ Это — инвестиции в уровень образования, развитие интеллектуальных способностей граждан. Выступая в Национальной академии наук, он заявил: «Сегодня наука больше, чем когда-либо раньше, нужна для нашего благосостояния, нашей безопасности, нашего здоровья, сохранения нашей окружающей среды и нашего качества жизни».

Таким образом, практически все ведущие державы мира, способные проводить самостоятельную политику (от Китая до США), по-разному, с учетом исторических особенностей своего развития ищут сегодня свои модели гармоничного государственного, экономического и социального устройства. Спор между капитализмом и социализмом принимает в этих странах характер конструктивного диалога. Очевидно, что в данном направлении должна быть откорректирована и стратегия дальнейшего развития России.

¹ Кива А. В. Китай и Россия: разные модели реформ — разные результаты // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. С. 354.

² Там же.

³ Цит. по ст.: Богомолов О. Т. «Российскому работнику недоплачивают в 2,5 раза» / интервью с академиком Олегом Богомоловым // Солидарность. 2009. № 41 (4 нояб.). URL: http://www.solidarnost.org/thems/politEkonomiya/politEkonomiya_6486.html (дата обращения: 13.04.2011).

И. Т. Касавин¹

ФИЛОСОФИЯ И ЛИТЕРАТУРА: ДИАЛОГ ДИСКУРСИВНЫХ КУЛЬТУР²

Культура, в отличие от иных сфер человеческого бытия, есть место мирного сосуществования, взаимодействия и конкуренции образов, ценностей, идей. Этот «третий мир», если использовать термин Карла Поппера, или мир культуры, существует в форме музея, библиотеки, театра, интеллектуального сообщества, герои которых постоянно вспоминают, цитируют, окликают друг друга. Предельный случай такого героя — это, по словам Иосифа Бродского, «поэт, то есть человек, легко впадающий в зависимость от порядка чужих слов, чужих размеров»³, человек, всегда готовый «поклониться тени»⁴, или, как выразился Исаак Ньютон, «стоящий на плечах гигантов».

И потому диалог, как полагал М. Бахтин, — универсальная форма бытия культурной, гуманитарной мысли, погруженной в текст, это форма ее творческого, динамического бытия. Текст есть тем самым не чисто лингвистическое, но значительно более широкое понятие, включающее субъект. «За любыми актами общения прослеживается наличие текста как основной и, видимо, высшей содержательной единицы общения. Важной особенностью текста является то, что любой текст всегда имеет более одного владельца, всегда находится в *совместном* владении двух или большего числа индивидов живущего поколения, что и позволяет тексту переживать своих владельцев, существовать неопределенно долго, постоянно и преемственно изменяясь в актах общения»⁵. Как сказал Х. Л. Борхес, книги подобны образам, которые кажутся живыми, но не ответят нам, если мы их о чем-то спросим. Чтобы исправить этот недостаток, Платон придумал диалог.

Итак, М. Бахтин показывает, что текст по природе диалогичен, и эта диалогичность имеет открытый характер: смысл текста не ограничен замыканием текста на себе самом (в противоположность установкам семиотики и структурной лингвистики). Более того, диалог не ограничен и парой «автор — читатель», но предполагает предшествующих (и последующих). Как пишет М. Бахтин, «не может быть изолированного высказывания. Оно всегда предполагает предшествующие и следующие за ним высказывания. Ни одно высказывание не может быть ни первым, ни последним. Оно только звено в цепи и вне этой цепи не может быть изучено»⁶. Так текст смыкается со своей противоположностью — дискурсом.

История культуры вела человека от мифа к литературе и далее — к философии и науке. И каждая из этих форм культуры включалась в диалог

¹ Заведующий сектором социальной эпистемологии Института философии РАН, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор.

² Доклад представлен на XII Международные Лихачевские научные чтения (2012 г.).

³ Бродский И. Примечание к комментарию // Бродский И. Соч. Екатеринбург, 2003. С. 776.

⁴ «Поклониться тени» — так назвал И. Бродский свое эссе, в котором он отдал поэтический долг английскому поэту Уистену Хью Одну (см.: Бродский И. Поклониться тени // Бродский И. Соч. Екатеринбург, 2003).

⁵ Там же. С. 83.

⁶ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 340.

с другими. Философия и наука, философия и литература, философия и религия попеременно становились то полюсами, то дополняющими друг друга частями. Каждую из этих пар характеризует своя особенность, производная от позиции рефлексии. Пусть ученый, литератор, священник сами скажут, чем им мила философия. Я же скажу за философа. Наука вызывает у философии ажиотаж аналитического, обоснованного, исследовательского мышления. Религия держит философию в напряжении абсолюта. А литература учит философию создавать мифы, архетипы и творить их не путем натужной и эзотерической рефлексии, а играючи, изящно, красиво, увлекательно.

«Хотите быть философом — пишите романы», — говорили философы-экзистенциалисты. Во многом популярность и Хайдеггера, и Сартра обязана стилю, языку их произведений, их литературному таланту. Глубокий смысл содержался в присуждении философам Нобелевской премии по литературе. И это не просто форма: быть может, литература сделала для человеческого познания не меньше, чем гуманитарные науки, философия в том числе, и в этом смысле она есть подлинная база философской антропологии. А последняя, в свою очередь, смыкается с онтологией творчества как тайны и призвания человека, соревнующегося с создателем. Отсюда ход к метафизике литературного дискурса, метафизике письменного стола и библиотеки как образов пространства и времени творческого процесса, к аналогиям между письмом и сном, творчеством и сном, к таким понятиям, как мечта, чудо и легенда.

Существует очень много примеров использования литературы в философском дискурсе — как объекта исследования; как дескриптивно-феноменологического, нарративного, диалогического, утопического метода; как формы обоснования или иллюстрации идеи. Отдельно скажу об эпистемологии, в которой сегодня «натуралистический тренд», редуцирующий ее к науке, противостоит мифопоэтическому дискурсу в стиле Р. Рорти или П. Фейерабенда. Как только были преодолены известные демаркации науки и метафизики, контекста открытия и контекста обоснования, набор эпистемологических ресурсов резко расширился. Наука, строгое рассуждение вообще ограничены в достижении результатов; именно поэтому использование «нестрогих», литературно-художественных способов выражения, литературно-культурной фактуры восполняет лакуны в реконструкции познавательных ситуаций, анализе творчества, выдвигании творческой идеи.

То, как литература — в снятом, скрытом виде — проникла в самую сердцевину философского мышления, иллюстрирует идея «универсалий культуры», казалось бы, рожденная самим рефлексирующим разумом. Однако это было рефлексией по поводу литературы и во многом рефлексией с использованием литературных же методов. Х. Л. Борхес представлял себе все интеллектуальное развитие человечества как бесконечные интерпретации и комментарии по поводу одной или нескольких метафор: «Быть может, всемирная история — это история различной интонации при произнесении нескольких метафор»¹. Метафора, достигшая уровня архетипа, стала главным способом трансцендирования за пределы эмпирической реальности и в этом смысле — основным способом философского мышления.

¹ Борхес Х. Л. Сочинения : в 3 т. Рига, 1994. Т. 2. С. 15.

Когда некоторому элементу специфической культуры придается столь общий и абстрактный смысл, что возникает возможность отрыва ее от локальной культуры и истории, то возникает универсалия. М. Элиаде говорит в связи с этим о культурном символизме как «скважине» в трансцендентное, как продукте *процесса исторической универсализации*¹.

И К. Хюбнер², и В. С. Степин³ обращают внимание на две стороны культурной универсалии — концептуальную и экзистенциальную. Это, если хотите, две версии фундаментальной реальности — объективно-отстраненная, научно-аналитическая, с одной стороны, и человекообразная, эмоционально нагруженная — с другой. Отсюда берут свое начало и два способа выражения как трансцендирования — логический и художественный, проблематизация и мифологизация. Философия проблематизирует действительность и знание о ней, литература строит миф о действительности и знании, хотя здесь дело только в акцентах. Литература тоже проблематизирует, но *иначе*; философия тоже мифологизирует, но *иначе*.

Вообще и творчество, и его истолкование — это стремление сказать нечто *иначе, инаковость мышления и высказывания*. Человек с самого начала своего несовершенного бытия столкнулся с тем, что его представления и слова не дают выхода из складывающейся ситуации. Крушение Вавилонской башни привело его к необходимости все время подгонять свои обозначения к новым обстоятельствам, выражать иначе то, что он уже знает, но что в данной ситуации *не подходит*. Отсутствие однозначной связи между объектом, смыслом и словом — источник всякой попытки иносказания. *Иносказания* не просто как намек, эвфемизма, смены интонации, но как *универсального механизма создания текста, взаимодействия текста и контекста в дискурсе*. С изобретением этого механизма уже не стало текста, который бы не явился иносказанием того, что сказано ранее, и о том, о чем сказано по-другому; и нет отныне объекта, о котором может быть сказано только так, а не иначе.

В чем вечная проблема несоизмеримости языка и мира? В мире, требующем изменения, или в языке, вынуждаемом к иносказанию? Жизнь не удовлетворяется повторением пройденного, она требует модификаций, отклонений от правил, нарушения стандартов. И здесь же — всякое изменение мира не приводит в точности к поставленным целям, а потому нуждается в оправдании этого несоответствия с помощью языковых приемов. Если нельзя изменить мир в желаемом направлении или вообще его изменить, то можно, по крайней мере, выразиться иначе, чем уже было сказано.

Вспомним: «Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду». «Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших».

¹ «Образы — это “скважины”, ведущие в надисторический мир. И это не единственное их достоинство: благодаря им различные “истории” получают возможность общаться между собой... Благодаря христианизации божества и святилища всей Европы получили не только общие имена, но в каком-то смысле обрели свои собственные архетипы и, следовательно, универсальные ценности» (Элиаде М. Миф о вечном возвращении. М., 2000. С. 244 — 245).

² См.: Хюбнер К. Религиозные аспекты экзистенциального анализа у Хайдеггера // Религия, магия, миф: современные философские исследования. М., 1997.

³ См.: Степин В. С. Мировоззренческие универсалии как основание культуры // Универсалии восточных культур / отв. ред. М. Т. Степанянц. М., 2001.

Вот так — «А Я говорю вам...», — упорно повторял Иисус в своей парефразе пророков, обличая не столько дела, сколько сознание и язык, а именно мысли, чувства, способы выражения. Отныне несоответствие мира и языка — вина человеческого бытия, гневливого, вождедеющего, всеузывающего к Богу. Вина порождает страх. Страх требует отчуждения вины от человека, освобождения от ответственности. Но вина, как трагическое напряжение духа, рождает и духовность, а духовность вновь вспоминает о вине и готова к покаянию. *Духовность, находящаяся в страхе, скрывается от самой себя, она играет; играющая духовность ищет и находит формы своего выражения — в иносказании, сочинительстве, творчестве.*

Ситуации иносказания — это перекрестки культуры, акты созидания культурных объектов, новые интонации в произнесении метафоры, как сказал бы Х. Л. Борхес. Вся литература — это архетипические метафоры и интонации. И среди них три главных — мечта, чудо, легенда, фиксирующие трансцендентальные аспекты бытия. Теперь об этом подробнее.

Мечта — это прогноз без оснований.

Мечтать можно лишь о невозможном. Все возможное следует просто планировать и осуществлять. Если мы пытаемся осуществить мечту как таковую, то получаем утопию. Обломов мечтал о всеобщем благе людей — о вещи, заведомо невозможной, но он был достаточно умен для того, чтобы не стремиться к ее достижению. Мечта выполняет регулятивную функцию; она служит ориентиром для планирования и прогноза, задавая им «сверхзадачу», обеспечивая *пространство творчества и временной горизонт рефлексии*. Реализованная мечта — противоречие в себе, это — чудо.

«Не забудьте, что мнящаяся нам невозможность вещи — первая примета ее естественности, само собой разумеется — в мире ином»¹, — писала М. Цветаева. И у нее же: «Письмо как некий вид потустороннего общения менее совершенно, нежели сон, но законы те же. Ни то, ни другое — не по заказу: спится и пишется не когда *нам* хочется: письму — быть написанным, сну — быть увиденным»².

Чудо — это закон невозможного.

Чудо являет собой пример не только ограниченности человеческого знания о будущем, но и границы понятия причинности и закономерности вообще. Так, совпадение двух и более независимых друг от друга причинно-следственных цепочек во времени есть постоянно повторяющийся факт, не укладывающийся в понятие закономерности как того, что противостоит случайности. Это есть столкновение разных, несоизмеримых миров.

Чудо эфемерно и мимолетно; как только оно произошло, это уже не чудо, а продукт действия некоторых законов. Поэтому чудо не есть причина некоторых событий, его нельзя использовать, из него нельзя извлечь полезных результатов. Чудо есть пример *абсолютной беспространственности и безвременья*: в «момент чуда» время останавливается, а пространство сжимается до математической точки. Непосредственное переживание чуда исчезает почти сразу, единственный его свидетель и способ фиксации — память легенды.

Легенда — это память о небывшем.

¹ Цветаева М. Письма к А. Штейгеру // Опыты. Нью-Йорк, 1955. № 5. С. 47.

² Цветаева М. Стихотворения и поэмы. Л., 1990. С. 542, 547.

Чудо представляет собой прасобытие, лежащее в основе всякой легенды. Легенда же — литературная версия чуда, предназначенная для его частичного воспроизводства при необходимости, своего рода «карманная магия», напоминающая людям о сакральности бытия. Одновременно с этим легенда есть рефлексивное развертывание, разработка онтологии, производной от чудесного прасобытия. Однако легенда не является сообщением о случившемся, это просто способ его языкового бытия, несущий в себе элементы чудесного. Именно благодаря ему легенда реализуется в классических и настольных книгах, необъяснимо и упорно читаемых от поколения к поколению. Легенда обеспечивает непрерывность сакрального пространства и времени, она питает мечту и замыкает собой кольцо сакрального бытия. А что же философия, ведущая диалог с литературой? Где ее архетипы?

Вопрос — символ философии.

Неустанная миграция философского ума, его неуспокоенность, неудовлетворенность наличным проявляется в особом методе мышления. Философия может быть понята как теоретическое выражение природы человека вообще, поскольку ему свойственно удивляться, сомневаться, ставить под вопрос все что угодно. Здесь уместно вспомнить принцип герменевтического первенства вопроса (Г.-Г. Гадамер). Вот еще несколько отсылок к авторитетам.

Михаил Бахтин: «Смыслом я называю ответы на вопросы. То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла».

Поль Рикер: «Великий философ — это тот, кто открывает новый способ спрашивать».

Вернер Гейзенберг: ученого в философии «интересуют прежде всего постановки вопросов и только во вторую очередь ответы. Постановки вопросов кажутся ему весьма ценными, если они оказываются плодотворными в развитии человеческого мышления. Ответы же в большинстве случаев носят преходящий характер, они теряют в ходе времени свое значение благодаря расширению наших знаний о фактах».

Робин Коллингвуд: «Вы никогда не сможете узнать смысл сказанного человеком с помощью простого изучения устных или письменных высказываний, им сделанных... Чтобы найти этот смысл, мы должны также знать, каков был вопрос (вопрос, возникший в его собственном сознании и, по его предположению, в нашем), на который написанное или сказанное им должно послужить ответом».

Что же есть вопрошание само по себе — спросим, используя сократический метод. Подвергнуть вопрос вопросу, поставить вопрос под вопрос — все это процедуры возведения вопроса в степень. Мы делаем это для того, чтобы понять истоки человеческой способности ставить вопросы; не объяснить этот феномен научно, но осознать смысл этой способности в контексте человеческого бытия.

С вопросом человек отправляется в странствие, с вопросом встречаются странника и ищут у него ответа. Вопрос — языковое проявление динамичности бытия, его миграционной природы. «Откуда ты это знаешь?» — тот самый первый вопрос.

Вопрос — проявление недостаточности знания, в основе которого лежит недостаточность бытия. Вопрос — это звук, который издает Ничто, как

сказал бы Хайдеггер, если бы его спросили. А может, он так уже и сказал. Нарушение порядка природы, сбой в человеческой деятельности или общения приводят к вопросу о причинах. Почему же именно мне так не повезло? В этом смысле первый вопрос обращен к себе и только потом — к другому. Однако этот первый вопрос — бессловесный, невысказанный, бесформенный, вопрос-протест, раздражающийся еще животным нутряным криком, но уже переходящим в задумчивый стон. Однако то, что может быть спрошено, должно быть спрошено ясно, как сказал бы другой философ (или уже сказал, это не важно).

«Кому выгодно?», «Кто виноват?», «Что делать?», «Быть или не быть?» — вопросы, задающие параметры индивидуальной судьбы и перспективу нации и государства. Уголовные процессы и революции, личные трагедии и трещины мира, проходящие через сердце поэта, — вот следствия этих вопросов. То обстоятельство, что на один и тот же вопрос можно дать разные и даже взаимоисключающие ответы, являет собой потрясающую поливариантность, характерную именно для человека, для его мобильного бытия и абстрактного мышления. Истина и заблуждение, доказательство и опровержение, гипотеза и факт, проблема и догма — эпистемологические полюсы человеческой проективности, бытия под вопросом.

Вопрос, пробуя на ощупь границы бытия, одновременно задает их. Вопрос как форма требовательной власти, как спрос; ответ как форма непокорной ответственности, как небезответность. Тяжесть неизбежных вопросов с самого рождения несет на себе человек; это признак силы и слабости человека, мера субъективной открытости миру и непостижимости этого мира. Младенец в чреве матери, свернувшийся в защищающе-осторожном вопрошании. Сгорбленный старик с клюкой в форме вопроса, словно из загадки сфинкса, разгаданной Эдипом. Что осталось позади? Что ждет впереди? «Мыслитель» Родена сидит сгорбившись, как вопросительный знак. Бытие начинается с вопроса и заканчивается им.

Мы определили литературу как конструирование архетипов мечты, чуда, легенды. Философия получила свою дефиницию как особый способ вопрошания. Он состоит в концептуализации человеческого бытия как трансцендирования путем мысли, слова, поступка. Пусть литература, творя архетипы, пробует на прочность границы бытия. Философия же проблематизирует возможность архетипа как такового. И в этом их единство — вопреки очевидности.

Ганс Кёхлер¹

ДИАЛОГ МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ И КУЛЬТУРАМИ: ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ «МИРОВОГО ПОРЯДКА»²

I

В современную эру глобализации диалог между различными и потенциально противоречивыми мировоззрениями и системами ценностей, воплотившимися в мировых цивилизациях, совершенно необходим для установления глобального мира. Встреча культур и цивилизаций³ на основе транскультурного философского познания истоков нашего «жизненного мира»⁴ обрела новое значение в качестве элемента мирового порядка. Особенно в крупных поликультурных государствах или объединениях государств (таких как Европейский Союз) диалог культур стал существенным элементом социальной и политической сплоченности и стабильности.

Ввиду неравной международной расстановки сил в военной, политической, экономической и социальной сферах особое значение приобретает базовый принцип конструктивного и устойчивого диалога культур и цивилизаций, именно диалога, который ведется *на равных*. Соответственно герменевтика культуры должна быть недискриминационной, то есть рассматривать культуры и цивилизации, фактически не являющиеся идентичными, как проявления всеобщего духа человечества⁵.

Диалог — основная черта интеллектуальной самореализации человека, как индивидуальной, так и коллективной. Таким образом, его следует рассматривать *всеобъемлюще* и *многомерно*, но ни в коем случае не абстрагироваться от реалий жизненного мира (включая его политические и социально-экономические измерения). В то же время диалог не будет конструктивным и, следовательно, окажется безуспешным в рамках реальной политики, если одна из сторон попытается извлечь выгоду из собственного превосходства на данный момент истории в экономической, социальной или военной области.

¹ Президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), профессор Университета Инсбрука, доктор философии.

² Доклад представлен на XIII Международные Лихачевские научные чтения (2013 г.).

³ В данной статье цивилизацию мы рассматриваем как обобщенное понятие, в рамках которого культура относится к категории специальных понятий, и оба они связаны с восприятием человеком мира («жизненного мира») как такового. В этом смысле цивилизация может иметь определенные формы культурного самовыражения в различные исторические периоды и в рамках разнообразного лингвистического, этнического и политического окружения. О концептуальном различии между культурой и цивилизацией см. также: *Huntington S. The Clash of Civilization // Foreign Affairs. 1993. Summer. Vol. 72. № 3. P. 24.*

⁴ Здесь этот термин понимается в феноменологическо-герменевтическом смысле, в этом значении его ввел в научный оборот Эдмунд Гуссерль. См., например, главу «Феноменология жизненного мира» в книге: *Köchler H. Phenomenological Realism. Selected Essays. Frankfurt am Main : Peter Lang, 1986. P. 42 и др.*

⁵ Ср.: *Köchler H. The Clash of Civilizations Revisited // Civilizations — Conflict or Dialogue? : Studies in International Relations, XXIV / ed. H. Köchler, G. Grabher. Vienna : International Progress Organization, 1999. P. 15 — 24.*

Что касается глобального порядка, то здесь имеются комплексная взаимосвязь, подлинная *взаимозависимость*, которая с позиции философии цивилизации и, в частности, философской герменевтики должна осознаваться следующим образом:

а) с одной стороны, диалог цивилизаций — это основное требование для установления глобального мира и стабильности, поскольку он способствует построению *справедливого* мирового порядка, то есть воспринимаемого народами мира как *справедливый*;

б) с другой стороны, справедливый и сбалансированный мировой порядок является фундаментальной предпосылкой для *диалога*, так как встреча цивилизаций не происходит в политическом и социально-экономическом вакууме.

«Интерактивный круг диалога», как можно было бы назвать это отношение взаимозависимости, не является результатом и признаком логического противоречия. Структурно он подобен взаимозависимости, возникающей в процессе акта человеческого понимания (*Verstehen*), которое Ганс-Георг Гадамер в своей работе «Истина и метод» описал как «герменевтический круг»¹. Всякая форма культурной или цивилизационной герменевтики должна учитывать эту взаимозависимость.

Когда в 1990-е годы столкновение цивилизаций впервые было определено как главная угроза глобальному порядку, почти все, включая сторонника этой парадигмы Сэмюэля Хантингтона, одобрили ориентацию не на конфронтацию, а на диалог как основу прочного мира между народами². Этот консенсус (хотя и поверхностный) прослеживается в современных глобальных дебатах по поводу диалога, которые проходят в форме торжественных обращений и лозунгов, дипломатических инициатив, конференций на высшем уровне, — все посвящено этой благородной цели, против которой никто не осмеливается протестовать. Политически это выразилось в том, что Генеральная Ассамблея ООН провозгласила 2001-й Годом диалога цивилизаций и учредила (в 2005 г.) так называемый «Альянс цивилизаций» при совместной инициативе премьер-министров Испании и Турции.

Однако в большинстве случаев не учитывались условия сотрудничества, на которых диалог должен основываться, чтобы стать эффективным и значимым. Именно здесь вступает в действие *философия диалога* как рефлексия и коррективы инструментализации цивилизационных и культурных различий для последующих (политических) целей.

Попытаемся коротко определить принципы и обязательные условия, которые необходимо соблюдать, чтобы диалог цивилизаций действительно мог стать устойчивой характерной особенностью международных отношений.

1) Равенство цивилизационных (культурных) «жизненных миров» с учетом систем ценностей в нормативном смысле. Это исключает любую форму высокомерия со стороны одной цивилизации (культуры) по отношению к другой. Таким образом, суверенное равенство есть не только атрибут госу-

¹ Gadamer H.-G. Hermeneutik I: Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik. 5th ed. Tübingen : J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1986. (Английская версия: Truth and Method / trans. by G. Barden, J. Cumming. L. : Sheed and Ward, 1975.) См. также: Köchler H. Zum Gegenstandsbereich der Hermeneutik // Perspektiven der Philosophie. 1983. Vol. 9. P. 331 – 341.

² См. ero opus magnum: Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N. Y. : Simon & Schuster, 1996.

дарств как субъектов международного права, но и принцип, который можно использовать при описании неотъемлемого права на цивилизационную и культурную идентичность.

2) Осознание «диалектики» культурного самопонимания и самореализации. Цивилизация (культура) способна себя понять и таким образом реализовать свою идентичность, если она соотносится с «иной» посредством независимого выражения определенных картин мира и систем ценностей, то есть представлений о мире, которые являются не просто ответвлением конкретной (унаследованной) цивилизации. Процесс цивилизационной или культурной самореализации структурно идентичен тому, как у отдельного человека возникает самосознание: рефлексия означает, что субъект наблюдает себя из внешней перспективы, делая себя объектом восприятия («диалектика субъекта и объекта»)¹. Согласно философии мышления, начиная с Иоганна Готлиба Фихте и Иммануила Канта, *индивидуальное* самосознание представляет собой синтез в диалектическом процессе, где его определяет себя (*de-finitio* в смысле определения границ) по отношению к «иному». То же применимо и к *коллективному* самосознанию цивилизации или культуры. Только если последняя способна взглянуть на себя с точки зрения «иной», она достигает статуса зрелости (в смысле своего внутреннего развития, но не в плане внешней оценки!), что позволяет ей преодолеть страх перед иным как «чужеродным» и, таким образом, участвовать в глобальном взаимодействии («диалоге») с другими цивилизациями.

3) Признание метанорм в качестве основания диалога. Извлеченные из нормативного равенства цивилизаций (см. пункт 1), эти нормы на метауровне логически предшествуют материальным нормам и должны поддерживаться всеми партнерами, принявшими на себя существенные обязательства по налаживанию диалога. Толерантность и взаимность (взаимоуважение) — два примера такого рода метанорм; под ними следует понимать формальные (в отличие от материальных) ценности, которые определяют взаимодействие между цивилизациями в целом и не являются предметом обсуждения. Именно они являются «условиями возможности» (*Möglichkeitsbedingungen*) для любого такого процесса, позволяющими отдельной цивилизации реализовывать свою специфическую, то есть материально выраженную, систему ценностей². Будучи вследствие своей общей (формальной) природы квазитрансцендентальными предпосылками в кантовском смысле, они не могут быть атрибутом одной отдельной цивилизации: их статус транскультурный.

4) Способность выходить за пределы герменевтического круга цивилизационного самоутверждения. Чтобы позиционировать себя в качестве истинного участника глобального взаимодействия между культурами и цивилизациями, конкретное цивилизационное или культурное сообщество должно выйти за пределы того, что Ганс-Георг Гадамер называл "*Wirkungsgeschichte*" («история воздействий»), имея в виду исключительное влияние

¹ Подробнее см.: *Köchler H. Die Subjekt-Objekt-Dialektik in der transzendentalen Pänomenologie: Das Seinsproblem zwischen Idealismus und Realismus. (Monographien zur philosophischen Forschung, Vol. 112.) Meisenheim a. G. : Anton Hain, 1974.*

² Подробнее см.: *Köchler H. Cultural-philosophical Aspects of International Cooperation : Lecture held before the Royal Scientific Society. Studies in International [Cultural] Relations. Vienna : International Progress Organization, 1978. Vol. II.*

соответствующих автохтонных традиций сообщества на формирование социально-культурной идентичности¹. В силу продолжительного влияния на глобальный порядок ссыла на европоцентризм как основную особенность формирования коллективной идентичности Запада может адекватно проиллюстрировать эту герменевтическую дилемму. За многие столетия народы западной цивилизации привыкли пропагандировать свою картину мира, систему ценностей и стиль жизни перед лицом остального мира. Этот процесс часто сопровождался стратегией, направленной на переформирование идентичности других культур и цивилизаций. На этом фоне международные культурные обмены нередко становились «встречей с самим собой» или «цивилизационными монологами» главного действующего лица. Однако цивилизация сумеет понять себя и определить свое место в глобальном царстве идей лишь в том случае, если она будет способна приблизиться к картинам мира, которые развились независимо от нее, особенно к тем, которые еще не сформировались в рамках данной цивилизации. Такова сущность диалектики цивилизационного самопознания или самоидентификации (см. пункт 2): *definitio* означает способность видеть то, что находится за границами (цивилизации), и понимать собственную цивилизацию или культуру с учетом другой, в то же время сохраняя и развивая целостность собственной позиции.

II

Философия диалога в соответствии с четырьмя принципами и требованиями самопознания и самореализации, которые мы обозначили выше, может помочь в политике управления цивилизационным и культурным многообразием как на глобальном, так и на региональном и внутреннем уровнях. Необходимо, чтобы в сфере политики было признано имеющееся многообразие цивилизаций и культур и приняты во внимание четкие правила, гарантирующие уважение к *праву на многообразие*. Любое отклонение от данного принципа представляет собой повод для конфликта и, возможно, угрозу политическому порядку, а в отдаленной перспективе — самому сохранению государственного образования.

Время для провозглашения или восстановления «монокультурной реальности» давно прошло, причем не только для Европы, которая сама привела в действие механизм «мультикультурного развития» сначала посредством колонизации, а позже — через экономически направляемую иммиграционную политику и глобализацию экономики. Эти исторические процессы активировали культурную динамику, которую невозможно остановить, равно как и процесс индустриализации нельзя повернуть вспять ради ностальгического возрождения доисторического единства с природой.

Ответственная политика призвана создавать организационные рамки, в которых определенные и часто отдаленные (не только географически) культурные и цивилизационные идентичности могут развиваться и взаимодействовать, *не угрожая* стабильности соответствующей системы и не отдаляя страну от остального мира. Одновременность существования *отдельных*

¹ Gadamer H.-G. Op. cit.

цивилизаций, при том что каждая пребывает в *иной* фазе развития идентичности и в то же время в *одном и том же* месте, одном и том же *λόγος*'е, есть экзистенциальный вызов, который люди, принимающие решения, не могут не учитывать, если не хотят быть «наказанными историей».

Тем, кто вовлечен в *риторику* и *политику* мирного партнерства цивилизаций (это подавляющее большинство стран — членов ООН, прежде всего стран, составивших «Альянс цивилизаций»), нужно напомнить о философских принципах диалога, которые не допускают политики «двойных цивилизационных стандартов». *Равенство* цивилизационных средств выражения неизбежно влечет за собой *их взаимное признание*. То, на что претендуют сами государства (в рамках национального суверенитета), они должны признать и для других. Применение принципа обоюдности к проблемам общинной идентичности означает, что государства должны воздерживаться от провозглашения цивилизационного превосходства или гегемонии. Чтобы заслужить доверие и устойчиво развиваться, политика глобального диалога — внутри или вне ООН — должна руководствоваться этими принципами.

Мультикультурная реальность, ставшая свершившимся фактом во многих государствах, которые обычно идентифицировали себя как национальные, повергла их в глубокий кризис идентичности. Если новая реальность не будет признана на глобальном уровне, мир будет развиваться в направлении постоянной конфронтации по цивилизационным аспектам. Соответственно те, кто пропагандирует цель диалога на *международном уровне*, чтобы выглядеть правдивыми и последовательными, должны делать это и внутри страны, то есть признавать равные права культурных и религиозных меньшинств в *собственных* странах. В эпоху глобальной взаимозависимости понятия «мир в доме» и «мир во всем мире» существенным образом связаны.

Ностальгия по монокультуре, таким образом, должна уступить место *межкультурной открытости* и *цивилизационной любознательности* — это обеспечит долговременную жизнеспособность и успех государства (включая экономическую конкурентоспособность) в условиях сложной взаимозависимости между сферами культурного многообразия на местном, региональном и глобальном уровнях. Согласно диалектике самопознания (см. пункт 2), это ни в коем случае не исключает утверждения конкретной национальной и культурной идентичности.

Устойчивая политика диалога должна основываться на подлинном уважении к системам ценностей других культур. Эта позиция закреплена во Всеобщей декларации прав человека (индивидуальных и коллективных), которые сообщество наций неоднократно подтверждает начиная с 1948 года. Хотя и не находясь в противоречии со специфическими ценностями, присущими каждой цивилизации, основные права формируют *систему метаценностей*, которые являются общей почвой для диалога. Как отмечалось выше, фундаментальные ценности, такие как свобода, толерантность и другие, выражающие сущность человеческого достоинства, представляют собой нормы, возникающие на основе *взаимности*. В западной цивилизации эти нормы восходят, вероятно, к трансцендентальной философии Канта, в частности к его понятию автономного субъекта, и могут быть объяснены при помощи

его *категорического императива* ("Handle so, daß die Maxime deines Willens jederzeit zugleich als Prinzip einer allgemeinen Gesetzgebung gelten könne" — «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой, ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом»)¹. Эти нормы представляют собой *conditio sine qua non* (непременное условие) для пользования конкретными и специфическими правами, которые имеют и защищаются во всех культурах и цивилизациях. В этом смысле они не являются исключительными нормами, навязанными одной стороне другой на дискриминационном основании. Однако, как верно отметили участники конференции 2001 года в Киото, посвященной диалогу цивилизаций, чтобы развивать глобальный этос как основу мирного сосуществования, «необходимо достичь консенсуса по поводу того, какие нормы являются универсальными и какие нормы являются культурно-специфическими»².

В соответствии с этим нормативным подходом, который выдвигает на передний план обычные нормы второго уровня (так называемые метанормы) в качестве условия принятия множественности нормативных систем первого порядка, практика цивилизационного диалога должна быть *всесторонней* (в плане глобального охвата *всех цивилизаций*) и в то же время *инклюзивной* (поскольку она интегрирует экономический, социальный и политический уровни). Для этого необходимо, чтобы ни одна цивилизация в одиночку не старалась представить себя в качестве глобального «блюстителя стандартов»³. В вышеупомянутой Киотской конференции был сделан акцент на необходимости «тщательно сдерживать, политически или экономически, попытки тех кругов, которые находятся у власти, глобализировать специфические системы ценностей»⁴. На конференции прозвучал призыв к «уважительному диалогу между представителями различных цивилизаций», было подчеркнуто, что «ни одно суждение о нормах других культур не должно выноситься, пока аналогичные нормы в собственной культуре не будут подвергнуты критическому анализу»⁵.

Заключение.

Универсальная цивилизация и подлинное значение глобальности

Диалог между цивилизациями и культурами в его герменевтическом понимании может помочь раскрыть истинное значение «универсальной цивилизации». По своей природе диалог как поиск взаимного понимания основывается на открытости по отношению к различным проявлениям сущности человечества, как в синхроническом плане, так и в диахроническом. На протяжении истории человечество проявляло себя в многообразии жизненных

¹ Kant I. Kritik der praktischen Vernunft / ed. J. Kopper. Stuttgart : Philipp Reclam Jun., 1966. § 7. S. 53.

² Международная конференция по диалогу цивилизаций (Университет ООН в сотрудничестве с ЮНЕСКО. Токио, Киото, 31 июля — 3 августа 2001 г.) : отчет. § 32. С. 8.

³ См. также: Köchler H. Civilization as Instrument of World Order? The Role of the Civilizational Paradigm in the Absence of Balance of Power // IKIM Journal of Islam and International Affairs / Jurnal Islam dan hubungan antarabangsa IKIM. 2008. Vol. 2, № 3. P. 1 — 22.

⁴ Международная конференция по диалогу цивилизаций (Университет ООН в сотрудничестве с ЮНЕСКО. Токио, Киото, 31 июля — 3 августа 2001 г.) : отчет. § 33.

⁵ Там же.

миров¹ и конкретных горизонтах понимания² — этот процесс продолжается и в наше время и в целом может быть охарактеризован термином «глобализация». Несмотря на заверения сторонников идеи западного превосходства в ситуации, возникшей после завершения холодной войны, история еще не закончилась³.

Ввиду всеобщего характера истории цивилизаций⁴ и одновременного существования множества цивилизационных горизонтов для диалога требуется подлинно *космополитическая* позиция. Она предполагает осознание того, что сохранение культурной и цивилизационной идентичности возможно без исключения «иной» культуры и что эта идентичность обусловлена самим пониманием других цивилизаций и толерантностью по отношению к ним.

Более глубокое значение глобализации выражается термином «*глобальность*» цивилизации. Сущность глобальности заключается в позиционировании собственного культурного и цивилизационного самосознания как неотъемлемой части *определенного* сообщества и в то же время в идентификации собственного жизненного мира в рамках универсальной культуры путем взаимодействия с другими цивилизациями на основе равенства и взаимного уважения. Такое отношение в силу герменевтической необходимости дает возможность каждому члену цивилизации ценить *общее* духовное наследие человечества.

Глобальность, понимаемая в этом смысле, не идентична экономической *глобализации* или ошибочно отождествляется с ней. Последняя навязывает «коммерческие» ценности практически во всех сферах жизни; для нее характерна ориентация на социокультурное *единообразие*, подчиняющее все сферы жизни диктату экономики, в частности необходимости эксплуатации всех наличных ресурсов, материальных и человеческих, с целью получения материальной выгоды.

Несмотря на то что сторонники этого направления развития описывают глобализацию как непреодолимый и неостановимый процесс, лежащий в основе довод неубедителен с философской точки зрения. Рациональное зерно этого процесса основано на допущении того, что только беспрепятственное экономическое и технологическое развитие, не ограниченное этическими соображениями или уважением к культурным различиям,

¹ В контексте данного анализа мы понимаем этот термин в значении, описанном Эдмундом Гуссерлем в его феноменологии «жизненного мира» (*Lebenswelt*). См.: *Husserl E. Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie. Eine Einleitung in die phänomenologische Philosophie* / ed. W. Biemel // *Husserliana*. 2nd ed. Den Haag : Martinus Nijhoff, 1962. Vol. VI.

² По поводу герменевтического концепта “*Verständnishorizont*” (горизонт понимания) см. анализ автора: *Köchler H. Philosophical Foundations of Civilizational Dialogue. The Hermeneutics of Cultural Self-Comprehension versus the Paradigm of Civilizational Conflict. Third Inter-Civilizational Dialogue*, University of Malaya, 1997. “*Civilizational Dialogue: Present Realities, Future Possibilities*”. Kuala Lumpur, 15 – 17 September 1997. I.P.O. URL: www.i-p-o.org/civ-dial.htm

³ *Fukuyama F. The End of History? // The National Interest*. 1989. Summer. Vol. 16. P. 3 – 18 ; *Idem. The End of History and the Last Man*. N. Y. : Free Press : Maxwell Macmillan International ; Toronto : Maxwell Macmillan Canada, 1992. По поводу философской критики см. работу автора: *Köchler H. Democracy and the New World Order. Studies in International Relations*, XIX. Vienna : International Progress Organization, 1993.

⁴ По поводу западной точки зрения см. прежде всего: *Toynbee A. A Study of History*. L. ; N. Y. : Oxford University Press, 1948 – 1961.

раскроет потенциал человеческой расы и гарантирует процветание *для всех* на долгое время.

Находясь в противоречии с этой позицией, ее партикуляристской перспективой, основанной на превосходстве экономики над прочими сферами жизни, проект диалога цивилизаций, по сути, сам по себе *универсалистский*, представляет *глобальность* в ее исходном значении — как систему открытого, практически безграничного взаимодействия на основе взаимного уважения во всех культурах и цивилизациях. Такая форма универсализма не должна смешиваться с культурным или этическим релятивизмом, поскольку она базируется на *общих* культурных и цивилизационных ценностях, разделяемых всеми представителями человечества.

Такой подход устраняет любую форму эксклюзивизма и односторонности. Этос цивилизационного диалога совместим лишь с многосторонним подходом в сферах культуры и политики. Подлинный и устойчивый диалог между культурами и цивилизациями, возможно, окажется единственной жизнеспособной альтернативой разъединяющим силам экономической глобализации и лежащей в ее основе тенденции к социокультурной слабости, а в глобальном масштабе — к постоянной конфронтации¹.

ЦИВИЛИЗАЦИИ МЕЖДУ КОНФЛИКТОМ И ДИАЛОГОМ: ВОСПРИЯТИЕ И РЕАЛЬНОСТЬ В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ²

I

Глобализация как тенденция, или глобальность как факт международных отношений, характеризуется возрастающей взаимозависимостью всех географических регионов и постоянным взаимодействием на всех уровнях общественной жизни вне зависимости от национальных границ³. Движущая сила этой динамической реальности⁴ — это «экономическое соревнование без границ». Эта ситуация получила развитие, если вообще не была инициирована вследствие окончания конфликта между Востоком и Западом, а именно коллапса биполярного порядка, который разделил мир по идеологическим линиям и на военные альянсы. Процесс значительно ускорился благодаря быстрому развитию и распространению коммуникационных

¹ О применении парадигмы «столкновения цивилизаций» к глобальной системе см. лекцию автора: *The Dialogue of Civilizations and the Future of World Order. Foundation Day Speech, 43rd Foundation Day, Mindanao State University, Marawi City, Autonomous Region of Muslim Mindanao, Philippines, 1 September 2004.*

² Доклад представлен на XIV Международные Лихачевские научные чтения (2014 г.).

³ О природе глобализации см.: *Köchler H. Philosophical Aspects of Globalization — Basic Theses on the Interrelation of Economics, Politics, Morals and Metaphysics in a Globalized World // Globality versus Democracy? The Changing Nature of International Relations in the Era of Globalization / ed. H. Köchler. Vienna : International Progress Organization, 2000. P. 3 — 18.*

⁴ Данное явление вовсе не ново. Тенденции в сторону глобализации существовали и в предшествующие века в связи с попытками колониальных и имперских держав практически открыть для международной торговли все известные регионы Земли. Однако с точки зрения количества и интенсивности глобализация XX — XXI веков представляет собой новый феномен.

технологий, прежде всего благодаря Интернету. Однако нельзя отрицать и то, что более сложное экономическое взаимодействие сопровождалось тенденцией к культурному единообразию в отношении как языка или «образа жизни», так и общественных привычек в целом.

В своей «Глобальной программе для диалога между цивилизациями» Генеральная Ассамблея ООН очевидным образом пыталась противостоять ходу униформизации, которая является неотъемлемой чертой экономической динамики глобализации. Понимая, что глобализация влечет за собой «более значительную взаимосвязанность между людьми и возросшее взаимодействие между культурами и цивилизациями»¹, страны — члены ООН обозначили также и угрозу со стороны единообразия, с чем столкнулись мировые культурные и цивилизационные традиции, подчеркнув, что «глобализация — это не только экономический, финансовый и технологический процесс, способный принести ощутимую пользу, но... он также представляет собой угрозу для сохранения и должного почитания богатого интеллектуального и культурного многообразия человечества и цивилизации»².

Двойственная природа глобализации выражается в том, что существуют многочисленные группы людей, принадлежащих к различным культурным и (или) цивилизационным традициям³, которые стремятся взаимодействовать с другими группами в глобальном масштабе, но в то же время стараются *сохранять* свою национальную, этническую, культурную и цивилизационную идентичность. Динамика этого процесса привела к тому, что метафорически можно описать как «расщепление культурного осознания». Оно характеризует то затруднительное положение, с которым сталкиваются многочисленные сообщества в сегодняшних условиях «глобальной деревни».

Позиции, очерченные динамикой глобализации, в какой-то степени отражают это расщепленное осознание.

С одной стороны, глобализация вне экономической необходимости (что определяется как «соревнование без границ») влечет за собой базовую заинтересованность и «деловую» позицию по отношению к различным языкам, системам ценностей и образу жизни, что может породить толерантность к другим цивилизационным проявлениям (в ряде случаев и на поверхностном уровне). Как верно заметил Куронг Шен, «прогресс глобализации утвердил основной контекст и основную тему» для глобального диалога цивилизаций⁴.

С другой стороны, динамика глобализации порождает некую противоположную тенденцию по отношению к *единообразию*, или «униформизму»,

¹ Генеральная Ассамблея ООН, 56-я сессия. Программа: 25, A/RES/56/6. Резолюция принята на 43-м пленарном заседании 9 ноября 2001 года.

² Там же.

³ Термин «цивилизация» используется здесь в более общем смысле, как ее определял, например, С. Хантингтон. Согласно этому определению цивилизация означает «культурную общность наивысшего ранга, как самый широкий уровень культурной идентичности людей. Следующую ступень составляет уже то, что отличает род человеческий от других видов живых существ» (Huntington S. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. Summer 1993. Vol. 72/3. P. 24). В контексте данного отчета мы понимаем «культуру» как субкатегорию цивилизации.

⁴ Shen Q. Dialogue among Civilizations: Implications for International Relations // Xandai Guoji Guangxi. Contemporary International Relations. [Современные международные отношения] / Пекин : Китайский ин-т современных междунар. отношений, сентябрь 2001 г. (пер. с кит.).

на простом основании *эффективности* (хотя могут встретиться и другие основания, более связанные с соображениями власти и привилегии). Эта позиция формируется за счет былой тенденции по отношению к интеллектуальной открытости и уважению к другим цивилизациям.

Будь то появление *одного* языка, наподобие *lingua franca* (в ущерб различным культурным традициям), или распространение единообразных образа жизни и общественных тенденций, связанных с преобладающим социокультурным окружением языка, тенденция в направлении единообразия явно не отвечает принципам диалога между культурами и цивилизациями: она склонна порождать или усиливать *господствующие* структуры на глобальном уровне.

Опасность, связанная с этой общей тенденцией, одной из самых спорных характеристик глобализации, была надлежащим образом обозначена Группой видных деятелей, назначенной Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций с целью выработки рекомендаций для диалога между цивилизациями. В своем итоговом отчете эти эксперты высказали беспокойство, что «процесс глобализации без диалога может усилить вероятность господства»¹.

Реакции на тенденцию к единообразию характеризуются стремлением заново подтвердить значение национальных культур, традиций и систем ценностей. Часто это сопровождается глубоким недоверием и иногда даже агрессивной позицией по отношению к «чужеродным» культурам и образу жизни, которые в процессе глобализации могут выдвинуться на первый план. Общественное отторжение новых форм космополитизма, привносимых глобализацией, не должно заставить врасплох кого бы то ни было. До известной степени, как в случае с индивидуальным субъектом, динамика *коллективного субъекта* развивается по схеме *actio—reactio* (лат. «действие — противодействие»), когда каждая сила инициирует контрсилу в результате попыток субъекта сохранить свою идентичность². Этот процесс следует принимать во внимание, если имеется намерение понять кризис культурной или цивилизационной идентичности, с которым столкнулись многие сообщества в результате как никогда быстро протекающего процесса глобализации.

Это подводит нас к *политическому* измерению. На цивилизационном уровне нельзя более игнорировать четкие факты отношений между державами. Будь то распространение определенных идей в сфере прав человека и демократии или попытка навязывания общественных тенденций, характерных для преобладающей экономической системы, такие концепции и привычные действия составляют часть рассуждения о легитимации, при помощи которого доминирующая держава принимает меры к тому, чтобы поддержать свои претензии на глобальное лидерство, постулируя для себя некую форму цивилизационного превосходства. И это применимо ко всем сферам взаимодействия между государствами, включая войну. Не только в новейшей истории мы находим, как спорные вопросы ценностей и цивилизационной идентичности служат оправданием для использования силы.

¹ Диалог между цивилизациями. Основные положения публикации Группы видных деятелей, назначенной Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций по случаю Года диалога цивилизаций ООН (2001). URL: www.un.org/Dialogue/summary.htm

² О различных аспектах этой динамики см.: Cultural Self-Comprehension of Nations / ed. H. Köchler. Tübingen ; Basel : Erdmann, 1978.

Цивилизационное оправдание неизбежно и с еще бóльшим упрямством провозирует такие конфликты.

В плане отношений между державами сегодняшняя, хотя и преходящая *однополярность* обладает потенциалом для пробуждения пока еще дремлющих цивилизационных конфликтов или для дальнейшего их разжигания там, если невозможно сдерживать их посредством традиционных мер политики и дипломатии. Как в изобилии продемонстрировала Новейшая история, восприятие или постулирование цивилизационных конфликтов в транснациональной области (как, например, в отношениях между исламом и Западом), хотя и проистекающих до известной степени из конфликтных ситуаций на местном и региональном уровнях, способно само по себе усугубить существующие этнические и (или) религиозные конфликты. Конфликт в Сирии — подходящий пример.

В начале XXI века, когда, как кажется, идеологическое соперничество между Востоком и Западом пошло на убыль, в парадигме «столкновения цивилизаций» возникает *новый риск* для глобального порядка, который становится средством «постидеологического» оправдания международных конфликтов¹. Если цивилизационная парадигма используется как прикрытие в погоне за политикой национальных интересов (со стороны доминантной глобальной державы или региональных держав), то повседневные конфликты могут приобрести квазиметафизическое измерение, что значительно затруднит разрешение конфликта в соответствии со схемой *actio—reactio* общественных отношений, о которой говорилось выше.

Вглядываясь в историю международных отношений, мы можем припомнить, что эра глобальной биполярности (которая превалировала на протяжении всего периода холодной войны) характеризуется «столкновением идеологий», а именно между капитализмом и социализмом. Хотя развернулись региональные конфликты, которые в большинстве своем велись как опосредованные войны в контексте противостояния супердержав, две соперничающие державы существенным образом сдерживали друг друга. Такая расстановка сил сводилась к своего рода *взаимному устрашению*, что и предотвратило открытую войну между двумя конкурирующими державами.

Антагонистическая схема биполярной эры вовсе не исчезла из однополярной расстановки сил настоящего времени. На смену соперничеству идеологий пришел риск конфликта между цивилизациями, по крайней мере, в восприятии влиятельных кругов международного сообщества. В плане глобального порядка проблема заключается в том, действительно ли, и если да, то в какой степени, *восприятие создает реальность*, то есть кажущееся столкновение между цивилизациями становится чем-то вроде самореализующегося пророчества. Краеугольный вопрос по поводу будущего мирового порядка заключается в том, каким образом можно разорвать такую взаимозависимость между восприятием и реальностью.

В однополярном окружении, таком как сейчас, характеризующемся отсутствием баланса сил, защитники международной *Realpolitik* могут

¹ Общий анализ последствий диспутов о цивилизациях для международных отношений см.: *Civilizations — Conflict or Dialogue? Studies in International Relations*, XXIV / eds. H. Köchler, G. Grabher. Vienna : International Progress Organization, 1999.

не устоять перед искушением прибегнуть к конфронтационной парадигме для выдвижения особенных политических, экономических и военных целей. Многочисленные взывания к идее Хантингтона о «столкновении цивилизаций» после трагических событий 11 сентября 2001 года¹ являются живейшим доказательством данной тенденции. Дисбаланс в современной глобальной системе способен усилить, а в определенных ситуациях даже создать цивилизационные антагонизмы, которые в противном случае подчинились бы идеологическому соперничеству между двумя или более борцами за глобальную власть.

Политические и военные действия, которые *оправдываются* (участниками) или *объясняются* (обозревателями) со ссылкой на идею Хантингтона, действительно способны превратить кажущееся столкновение цивилизаций в транснациональную реальность. То, что может просуществовать в качестве простого восприятия, обернется политической реальностью, если прибегать главным образом к идеологической интерпретации и (или) легитимации событий. Основной пример общего политического воздействия такой взаимозависимости с серьезными последствиями для глобального мира — это отношения между мусульманским регионом и Западом².

Следует различать два аспекта в отношении схемы *actio—reactio*, лежащие в основе взаимозависимости восприятия и реальности.

1. Восприятие угрозы может «обозначаться» как необходимость мобилизации общества в пользу определенной политической программы, отстаивания национальных интересов страны лицом к лицу с соседями и (или) прочими странами. Такая программа может также включать и использование военной силы. Последняя будет оправдываться в качестве меры узаконивания самообороны, чтобы сделаться приемлемой в глазах своего и международного сообщества. В данном контексте понятие «столкновение цивилизаций» может стать частью рационального обоснования интересов, в противном случае не заявленных. Это особенно актуально в отношении достаточно расплывчатого понятия «превентивной самообороны» (что как раз и произошло с вовсе не удивительным *ренессансом* в современной расстановке сил).

2. Второй аспект относится к антагонистическому действию со стороны тех, кто идентифицируется государством(ми) или группами, описанными в п. 1, как представляющие угрозу национальному и в конечном итоге международному миру и безопасности. Противодействие может включать:

а) подтверждение этими странами и (или) сообществами (группами) своей идентичности перед лицом доминантной культуры или цивилизации (что можно назвать «*реактивным самоутверждением*»);

б) «целевые» страны или сообщества, предпринимающие действие, понимаемое как самооборона, против тех международных сил, которые воспринимаются в качестве сил, распространяющих доминантную цивилизацию во имя продвижения своих национальных интересов.

¹ Его работа была впервые опубликована в 1993 году. В историческом аспекте, следует заметить, этот термин впервые использовал Бернард Льюис: Lewis B. The roots of Muslim rage // The Atlantic Monthly. 1990. Vol. 266. Sept. P. 60.

² Ср.: Köchler H. Muslim-Christian Ties in Europe: Past, Present and Future // IKIM Journal. Kuala Lumpur, Malaysia, 1999. Vol. 7, № 1. P. 97—107.

Связанный с глобальным порядком риск кроется в такой взаимозависимости, становящейся порочным кругом *восприятия угрозы* (то есть диагноза угрозы), с одной стороны, и *мер обороны* против воспринимаемой угрозы — с другой, в силу чего последнее может действительно превратить угрозу в реальность, что приведет даже к более мощному противодействию и дальнейшему укреплению существующих стереотипов врага. Таким образом, парадигма столкновения цивилизаций может стать самореализующимся пророчеством, «непреднамеренным последствием» конфликтов интересов, в иных случаях поддающихся урегулированию.

На этом стыке истории мир сталкивается с абсолютно реальным риском вхождения в цикл *усиливающих друг друга стереотипов врага* (или восприятия угрозы) и связанных с этим «оборонительных» действий вдоль цивилизационных линий. Возрастающее отчуждение между Западом и мусульманским миром (будь то вдоль описанных влиятельными аналитиками цивилизационных «линий разлома» на Ближнем и Среднем Востоке, в Центральной Азии и Юго-Восточной Азии или внутри все более и более мультикультурных сообществ на самом Западе) — это еще один показатель данной тенденции.

II

Следует вновь оценить шансы для справедливого и стабильного глобального порядка на этом достаточно гнетущем фоне отношений *восприятия и реальности*, иными словами, цикла восприятия угрозы и вызванного им оборонительного действия. Один из вопросов, которые следует задать, — действительно ли и каким образом искренний диалог между цивилизациями способен разомкнуть этот цикл межцивилизационных противоречий (в местах, где они уже начались и дестабилизируют региональный порядок) или помешать ему стать реальностью на глобальном уровне?

Многое будет зависеть от того, каким образом *динамика глобализации*, которая до сих пор представлялась установившимся фактом международных отношений, будет протекать в долгосрочной перспективе. Давайте припомним: в контексте глобальности цивилизационная многополярность стала частью повседневной жизни в основном благодаря быстрому развитию коммуникационных технологий¹. В какой степени эта (многополярная) социальная и социокультурная реальность, являющаяся следствием динамики процесса глобализации, имеет отношение к международной политике, которая в основном определяется «национальными интересами» и стремлением к сохранению и укреплению власти?

Способна ли глобализация «нейтрализовать» эти реальности и связанные с ними конфронтационные парадигмы или по крайней мере «абсорбировать» их в более широкий контекст экономических интересов, вездесущность и всепроникающая природа которых составляют основную характеристику глобализованного мира? Можно ли реально надеяться

¹ О социокультурных и политических последствиях см.: Köchler H. The New Social Media and the Changing Nature of Communication: Anthropological and Political Implications // News and Views: The J. of the International Academy for Philosophy (New Series). 2012. Vol. 4, № 2–3 (32–33). P. 42–64.

на то, что силы глобализации вне экономической необходимости постепенно трансформируют отчужденность между цивилизациями и культурами в сторону системы, основанной на *сотрудничестве*? (Одного только рационального анализа и морального увещевания в данном случае, разумеется, совершенно недостаточно для установления различия.)

Более того: можно ли преодолеть напряженность между *однополярностью* в смысле отношений держав и *многополярностью* (или *биполярностью* — в особенных региональных расстановках сил) в смысле цивилизационных идентичностей при помощи этой самой динамики глобализации, в противовес и несмотря на тенденцию к культурному единообразию (что может в свою очередь стимулировать программу господства и что, без сомнения, использовалось для этой цели в прошлом)? По своей природе процесс глобализации открыл *космополитичное пространство* для экономического, социального и культурного взаимодействия — достижение, которое нельзя перечеркнуть. Оно создало новую общественную реальность на транснациональном уровне с далекоидущими последствиями для регионального и внутреннего порядка, где бы то ни было.

В этом отношении следует уделить внимание *нормативному аспекту* международной системы. Возможно ли, чтобы в конечном счете был достигнут *синтез* между антагонистическими силами цивилизационного самутверждения при помощи *рационального консенсуса* на нормативном уровне? Способны ли силы, представляющие различные цивилизации, прийти к согласию в отношении минимального свода норм, которые регулируют их сосуществование, таким образом на основании *взаимности*, оставив всякую попытку превратить друг друга в мишени для «миссионерских» стратегий и тактик? В данном контексте взаимосвязанные ценности свободы и толерантности фигурируют в качестве центральных элементов свода метанорм, который следует понимать как *conditio sine qua non* для самореализации каждой цивилизации¹. Такое соотношение между нормами и метанормами (последние составляют предварительное условие для реализации первых) структурно подобно тому, что лежит в основе доктрины мирного сосуществования между нациями (государствами) с различными идеологиями (что превалировало на ранней стадии биполярной эры).

Нормативные суждения по данным направлениям могли бы сделать *программу глобального диалога* убедительнее одних только политических аргументов, которые в силу своей природы всегда останутся «оппортунистическими» и связанными с более или менее переходным состоянием. Выполнение программы диалога является квинтэссенцией не только для самореализации каждой цивилизации (в смысле коллективной идентичности), но также и для коллективного выживания всех наций. Только это поможет избежать бесконечной конфронтации — бесконечного «столкновения цивилизаций» в хантингтоновском смысле, что в конечном счете привело бы к провалу усилий по самосохранению всех цивилизаций и наций.

¹ Подробности об этих нормативных взаимоотношениях см.: *Köchler H. Cultural-Philosophical Aspects of International Cooperation* : lecture held before the Royal Scientific Society, Amman-Jordan [1974]. Vienna : International Progress Organization, 1978. В основном глава III "In search for what is common to all systems" ["В поисках того, что свойственно всем системам"].

Группа видных деятелей, назначенная ООН в 2000 году, незадолго до роковых событий 11 сентября, обозначила другой важный аспект межцивилизационных отношений, а именно то, что «диалог между теми, кто воспринимает многообразие как угрозу, и теми, кто видит в нем инструмент усовершенствования и роста, является насущной необходимостью»¹. Этой ссылкой на своего рода двойной лик цивилизации (что касается отношения к оценке многообразия) эксперты заостряют наше внимание на фундаментальной проблеме, с которой столкнулось сегодняшнее международное сообщество, а именно как предотвратить ситуацию, когда парадигма «столкновения цивилизаций» становится самореализующимся пророчеством.

Частично из-за отсутствия стабильного баланса власти на глобальном уровне народы, социальные и этнические сообщества многих регионов мира оказываются под угрозой разделения по культурным или цивилизационным линиям. Отчужденность между социальными и культурными группами внутри и между регионами усугубляется и далее в силу бесконтрольной динамики конфликта интересов, споров о проблемах суверенитета, экономических прав и тому подобного в еще более сложной взаимосвязи внутренних, региональных и глобальных событий. Хотя спорные вопросы культурной и цивилизационной идентичности не всегда становятся первопричиной такой конфронтации, они зачастую используются в качестве *средства распространения* таких конфликтов, действуя таким образом наподобие увеличительного стекла. Социальные перевороты, которые обычно сравнивают с «арабской весной», — еще одно свидетельство данной тенденции.

В то же время где-то рядом с этим конфликтным контекстом культура или цивилизация возвращается как инструмент или крайняя мера, чтобы противостоять тому, что многие называют утратой социальной идентичности в результате глобализации и связанной с ней тенденцией к единообразию.

Что касается цивилизационной идентичности, то можно различить две усиливающие друг друга тенденции:

а) цивилизационная идентичность переосмысливается как компенсация того, что многие воспринимают как утрату или угрозу своей социальной идентичности в результате тенденции к единообразию образа жизни, которую несет в себе глобализация;

б) в то же время эксплуатируются спорные вопросы цивилизационной идентичности с целью оправдания самоутверждения страны или народа в связи с политическими спорами, конфликтами экономических интересов и тому подобным, которые первоначально были инициированы по желанию соответствующих сторон не только с целью самосохранения, но и в силу тенденции усиления своей власти над конкурентами. Это, так сказать, «идеологический» аспект глобализации.

Структурная динамика глобализации может стать фактором преодоления этих противоречий, хотя в некоторых отношениях, как отмечено выше, она и сама способна вызывать конфликты в соответствии со схемой *actio—reactio* цивилизационного самоутверждения. (Это означает, что тенденция в сторону глобального единообразия встречает сопротивление в виде все более усиливающегося акцента на особенной культуре или цивилизации.)

¹ Группа видных деятелей, назначенная Генеральным секретарем ООН по случаю Года диалога цивилизаций ООН. Основные положения см.: Диалог между цивилизациями.

Однако единственным противоядием для принимающего угрожающие размеры «столкновения цивилизаций» на глобальном уровне станет политика, пропитанная духом *просвещения* в подлинном, философском смысле. Только она будет стимулировать взаимопонимание и взаимоуважение между цивилизациями и станет, по сути дела, систематической и всеобъемлющей *политикой диалога*, поддерживаемой всеми членами международного сообщества. Генеральная Ассамблея ООН довольно точно определила это базовое требование глобального мира как «процесс, идущий *внутри* цивилизаций и *на их стыке*, который основан на всеобщем участии и коллективном желании учиться, открывать для себя и изучать концепции, выявлять сферы общего понимания и основные ценности и сводить разные подходы в единое целое с помощью диалога»¹.

Цивилизация лишь тогда достигнет зрелости, если займется *поглощающим* диалогом (в отличие от оппортунистического и политически ангажированного), то есть если она окажется способной соотносить себя с иными цивилизациями и взаимодействовать с ними *продуктивным* способом, на основе *обоюдности*. В соответствии с *диалектической* природой человеческого сознания цивилизация способна полностью осмыслять и таким образом определять себя, когда она устанавливает собственные параметры, но не отвергая *alter ego* сосуществующих цивилизаций².

Только таким способом члены международного сообщества станут неуязвимыми для многочисленных соперничающих стереотипов, распространяемых теми, кто пытается одолеть своих конкурентов в глобальной борьбе за экономическое и политическое влияние. *Взаимное уважение* между цивилизациями воплощает истинное Просвещение, которое является не просто наследием европейского XVIII века, но составляет часть всеобщей истории, включающей *все* цивилизации и религии. Благодаря такому отношению появляется возможность установления «вечного мира» в том его значении, которое истолковал И. Кант в своем классическом труде³.

Целесообразно допустить, что *знание* и *толерантность* в отношении других цивилизаций (что вытекает из предыдущего) сделают менее вероятной убежденность в том, что «восприятие действительно становится реальностью». Таким образом, парадигма столкновения цивилизаций ограничится сферой *идеологических построений*, к которой она изначально и принадлежала. Эта доктрина, будучи отпрыском идеологической борьбы предшествующих десятилетий, не только противоречит полноценной реализации культурного потенциала каждой нации. Она между тем широко используется в политических дебатах на местном и региональном уровнях, а также в качестве инструмента ради продолжающейся в настоящее время борьбы

¹ Цит. по: <http://daccess-ddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N01/475/44/PDF/N0147544.pdf?OpenElement>. См. также: Köchler H. Unity in Diversity: The Integrative Approach to Intercultural Relations // UN Chronicle. 2012. Vol. XLIX, № 3. P. 7 – 10.

² Более подробно см.: Köchler H. Philosophical Foundations of Civilizational Dialogue. О выводах с точки зрения теории сознания см.: *Idem*. Die Subjekt-Objekt-Dialektik in der transzendentalen Phänomenologie: Das Seinsproblem zwischen Idealismus und Realismus : monographien zur philosophischen Forschung. Meisenheim : Anton Hain, 1974. Vol. 112.

³ Kant I. Zum ewigen Frieden. Ein philosophischer Entwurf [1795]. Hamburg : Felix Meiner, 1992. Английское издание: Perpetual Peace: A Philosophical Essay / translated with an introduction and notes by M. C. Smith. Bristol : Thoemmes Press, 1992.

за глобальную власть, инициированной внезапным коллапсом биполярной системы.

В «глобализованном» окружении XXI века диалог между цивилизациями сделался важнейшим недостающим звеном для достижения всеобщего мира. Ввиду деструктивных возможностей, накопленных не только традиционными соперниками в борьбе за глобальную власть, государствами, но также и негосударственными акторами, диалог становится основным вопросом совместного выживания. Цивилизационный диалог воплощает те самые нормы управления связями между нациями, которые в предшествующую эпоху и в ином контексте идеологического противостояния были представлены доктриной *мирного сосуществования между народами*.

Почетная обязанность философии — разъяснять *общую систему* ценностей, которую мы разделяем со всеми цивилизациями и осознание которой есть неперемное условие для существования и самореализации каждой цивилизации на основе взаимного уважения. Нельзя жить в мире, если не принимать *обоюдность* права на выражение своей культурной идентичности без вмешательства или запугивания. Именно простая ценность взаимности лежит в основе устойчивого диалога между цивилизациями и, как следствие, справедливого и стабильного глобального порядка.

В. А. Конев¹

ПРОСТРАНСТВО ВСТРЕЧИ КУЛЬТУР²

Человек всегда находится в пространстве культуры. Именно «бытие-в-культуре» порождает тот исходный экзистенциал «бытие-в-мире», который рассматривается в аналитике Dasein Хайдеггера. Нужно сначала быть в культуре, чтобы иметь тот или иной мир и то или иное его понимание. Мир человека изначально есть мир, данный ему культурой. Быть в пространстве культуры — это исходное положение человека. А если это так, то априорным началом всякого человеческого действия будут требования архитекторики культурного пространства к организации этого действия.

Культурное пространство — пространство упорядочивания значимых (осмысленных) действий человека. Метрика этого пространства — не мера длины, а указание на различие культурных значений. Таким указанием, а тем самым и формой структурирования культурного пространства выступает граница, линия раздела, предел. Различение значимого и незначимого (в его культурно завершенном виде — различие *sacrum/profanum*) является автохтонным культурным значением. Зарождение культурного мира вытекало из установления этого различения, а утверждение этого различения означало установление культурного мира. Проведение границы (разграничение), осмысление ее, соблюдение или нарушение превращает действия

¹ Заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

² Доклад представлен на XIV Международные Лихачевские научные чтения (2014 г.).

человека в собственно человеческие, или культурные, действия. Граница (разделение, предел) придает культурному пространству особую силу — не силу гравитации (*gravitas*, *-atis* — тяжесть), свойственную физическому пространству, а силу волюнтации (*voluntas*, *-atis* — воля), силу воления, желания, силу утверждения — отрицания.

Отмеченная особенность культурного пространства превращает всякую ситуацию действия человека в особую ситуацию, ситуацию встречи, которая исходно несет в себе смысл различия, смысл схода, съезда или слета движущихся в противном направлении (см. толкование слова «встреча»: В. Даль «Толковый словарь живого великорусского языка», т. 1). Встреча — культурное событие, в результате которого человеку открываются новые культурные значимости, расширяется его культурный горизонт. Особый культурный вес события встречи был обнаружен философией диалога (Ф. Розенцвейг, М. Бубер, Е. Левинас, М. Бахтин и др.). Но представители философии диалога больше внимания уделяли процессу и опыту диалога, в котором участники открывали свое лицо друг другу (причем, как правило, именно «другой» открывается «мне», так как «я» — не просто местоимение первого лица единственного числа, но первое, исходное лицо диалога). Сама ситуация встречи в этом случае оставалась в тени. Однако диалог не только реализует встречу, но и определяется ситуацией встречи, что предполагает ее самостоятельное рассмотрение.

Встреча как феномен социальной и культурной жизни человека разнообразна по формам своего проявления. Встречи могут быть на уровне личностей или на уровне социальных институций (различные совещания или переговоры), встречи могут быть с произведениями или памятниками культуры, памятными местами. Встречи могут быть решающими (судьбоносными) и обыденными, знаковыми и незаметными, мимолетными и продолжительными и т. д. Но общим моментом всякой встречи является ее пространственная структура. Встреча не только предполагает место, в котором она будет происходить, но и особое положение ее участников относительно друг друга. В последнем случае положение характеризуется не параметрами физического пространства, а параметрами пространства культурного. Поэтому встреча в конце концов всегда оказывается встречей, культурно детерминированной, так как, во-первых, она всегда происходит в пространстве культуры, а во-вторых, всегда выступает как встреча культур, воплощенных в субъектах встречи.

Различенность культурного пространства, которая задается линией определенности, идеей (*гр.-греч. ιδέα* — вид, наружность), изначально предполагает, что любое культурное образование обладает индивидуальностью (конечно, степень развитости индивидуального начала может быть различной), а потому в пространство встречи всегда входят социально и культурно определенные субъекты. Встреча не происходит на пустом месте и с безликими участниками. Пространство встречи конституируется различием и определенностью участников встречи — чтобы встречаться, нужно быть кем-то. И эта определенность дается культурой. Но сама определенность не становится основанием встречи, для этого необходим непосредственный контакт субъектов встречи, их сход, соприкосновение в реальном месте и времени вещей. А это уже сфера цивилизации, если принять в качестве сущностного

различия культуры и цивилизации шпенглеровское разделение (культура — сфера духа и ценностей, а цивилизация — мир значимых, но обездушенных вещей). Тогда можно постулировать, что исходные причины встречи укоренены в цивилизационных (социальных, политических, экономических) условиях человеческого бытия, в тех интересах и желаниях, которые ими порождаются. А культура (мир определений и ценностей) становится тем пространством, в котором происходит встреча.

Если цивилизационная составляющая встречи направляет интенции ее участников (интересы, установки, желания, ожидания), то культурная составляющая определяет ее характер. И существенным моментом в этом случае выступает культура как багаж, как опыт, имеющийся у субъектов встречи. Здесь становится важной ситуация «в начале...». Начало встречи — не то, что тот или иной ее участник предпринимает «сначала», а то, что участники выделяют как свои ресурсы в том начале (культурном), с которым они приходят на встречу, какой значимый для них потенциал культуры они выносят на поле встречи. Эта критическая позиция в отношении собственного начала, то есть собственной определенности, как культурной, так и цивилизационной, является тем началом, которое, по известному выражению, уже половина дела и является необходимым гарантом эффективности встречи. В ходе критической работы не только выявляются основания определенности своей позиции в пространстве встречи, но и оцениваются степень различия и имеющиеся совпадения с позицией контрагента встречи. Эта экспозиция встречи и создает возможность диалога между ее участниками.

Если онтологической основой диалога выступает пространство встречи, то его онтическим проявлением оказывается язык. Если архитектоника культурного пространства, в котором происходит встреча, определяется границей, то меткой границы выступает язык (граница национальной культуры — язык нации, граница искусства — язык искусства, граница художественного направления — язык и стиль этого направления, и т. д.). Поэтому диалог, в котором реализуется встреча, всегда требует общего для ее участников языка, который маркирует границы, различающие участников встречи. Если диалог реализует встречу субъектов, принадлежащих к одной культуре (одной области культуры), то, несмотря на различие их позиций, они являются носителями одного языка, который дает им возможность вступать в диалог. Иная ситуация случается, когда происходит встреча субъектов разных культур, пользующихся разными языками (национальными, профессиональными, образными и т. п.).

Культуры обнаруживают свою особенность и самобытность во время встречи с другой культурой. Когда-то встреча разных культур заканчивалась уничтожением одной из культур (так погибли многие исторические культуры). Современное цивилизационное развитие, характеризующееся глобальными экономическими, политическими и социальными связями, втягивает в единую историческую орбиту народы и регионы разных культур. Столкновение культур в условиях зарождения и укрепления единого цивилизационного основания истории становится неизбежным. Об этом свидетельствуют неудачи политики мультикультурализма в ряде стран Западной Европы, об этом остро и болезненно напоминают процессы на постсоветском пространстве. Как возможен диалог культур в условиях их абсолютной

приверженности своей самобытности? Как возможно взаимопонимание культур при абсолютном культивировании каждой культурой границ своих ценностных утверждений? Думаю, что в условиях реального мультикультурализма современной цивилизации диалог между культурами возможен благодаря языку самой культуры.

Любая культура культивирует свои ценности, свои идеалы, сохраняет и воспроизводит опыт жизни и отношений между людьми, накопленный данным народом. Все ценностные культурные программы нацелены на культивирование определенного видения мира, определенного личностного развития, определенной архитектоники смыслового пространства жизни человека. Программы, ценностное и смысловое пространство одной культуры не могут быть приняты человеком, выросшим и впитавшим в себя мир другой культуры. Диалог на языке ценностей, идеалов и смыслов при встрече представителей разных культур вряд ли возможен. В этих условиях важно понять, что культура не просто культивирует определенного человека, а несет в себе функцию провокации действия, призыва к действию. А этому служат универсальные для всех культур модусы субъективности, своеобразные способы формирования направленности действия человека. Они всегда присутствовали в культуре, но если для всех существовавших ранее исторических типов культуры модусы субъективности дополнялись еще и указанием на прямые образцы субъективности (идеалы личностного развития), на которые и ложилась основная тяжесть «программирования» субъективности, то в современных условиях противостояния культур именно модусы субъективности несут в себе программу субъективного начала.

К таким модусам субъективности относятся, например, культурные представления о «мы», «он», «я», «ты», которые указывают на носителя активности. Эти модусы субъективности формируются как выражение абстрактного содержания универсальных культурных форм, которые используются всеми культурами для представления своего содержания — форм демонстрации, императивных форм, аксиологических форм и форм-принципов.

В любой современной культуре представление о каждом из этих модусов субъективности и их взаимодействии существенно трансформируется. «Мы» традиционной культуры и общества со стабильной социальной стратификацией сменяется спонтанным и подвижным «мы», крайним выражением которого является флешмоб — мгновенная толпа. Такое «мы» выстраивается из «я», которое сознательно и специально подчиняет себя некоему общему делу, часто не имеющему никакой конкретной общественной цели. Свой статус имеют «мы» социальных сетей Интернета, «мы» фанатов и т. п. Особое содержание приобретает субъективность первого лица — «я». Если для культур модерна «я» было результатом выбора, то для постпросвещенческой культуры «я» выявляет себя скорее в демонстрации, чем в выборе, это подиумное «я». А «ты» — это не тот, за кого отвечают («мы в ответе за тех, кого приручили»), а тот, кто увлекается «я», кто входит в сферу влияния «я».

Понимание функционирования в культуре этих и других подобных модусов субъективности (модусов чувственности, модусов значимости и др.) позволяет увидеть, как в тех или иных конкретных культурных условиях утверждаются определенные типы поведения людей. А это создает основа-

ния для взаимопонимания культур, так как подобные механизмы работают в любой культуре.

Пространство встречи культур — это место и время столкновения и сопоставления ценностей и смыслов. Чтобы событие встречи стало диалогом, взаимопониманием культур, а не их взаимоуничтожением, необходимо готовить пространство встречи. Поскольку культурное пространство основано на разграничении, различении, то культивирование в культуре критического осмысления содержания, способного всегда соотносить любые культурные смыслы с их границами, делает культуру открытой по отношению к иным содержаниям, открытой на встречи. Поскольку культурное пространство обладает интенциональной силой (силой актуальности, энергичностью), то культивирование в культуре готовности к изменениям, инновациям создает возможность видеть в другой культуре истоки возможных инноваций. Наконец, поскольку идея встречи несет в себе не только смысл различия, но и смысл соединения субъектов встречи ради общего дела, то таким общим делом разных культур современности может стать утверждение цивилизационного единства человечества как базиса их различия.

А. Б. Куделин¹

ИЗ ИСТОРИИ ИСЛАМО-ХРИСТИАНСКОГО ДИАЛОГА («Авраамический» монотеизм в интерпретации средневековых мусульманских богословов)²

В 1896 году русский религиозный философ В. С. Соловьев опубликовал очерк «Магомет, его жизнь и религиозное учение», в котором он, по словам одного из исследователей, «попытался найти глубинные основания для восстановления духовного единства авраамических религий»³. В связи с этим коротко напомним основные звенья построения В. С. Соловьева.

В своем очерке, в частности в главе V «Сущность Ислама. Вера Авраамова. Отношение к другим монотеистическим религиям», русский мыслитель подчеркивает, что Мухаммад, опираясь на «слово Божие», осуждает «всякую религиозную исключительность» и требует «одинакового признания всех исторических различных проявлений истинной религии»: «Скажи: мы верим в Бога, в то, что Он послал нам, что Он открыл Аврааму, Измаилу, Исааку,

¹ Директор Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, академик РАН, член Президиума РАН, профессор кафедры арабской филологии Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор филологических наук. Автор более 200 научных исследований, в т. ч. монографий: «Классическая арабо-испанская поэзия (конец X — середина XIII в.)», «Средневековая арабская поэтика (вторая половина VIII — XI в.)», «Арабская литература: поэтика, стилистика, типология, взаимосвязи». Председатель редакционного совета журнала «Восточная коллекция», редакционных коллегий книжных серий «Литературные памятники» и «Памятники письменности Востока» РАН. Член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. Лауреат премии РАН им. А. Н. Веселовского.

² Доклад представлен на XIV Международные Лихачевские научные чтения (2014 г.).

³ Журавский А. В. Христианство и ислам: социокультурные проблемы диалога. М., 1990. С. 43.

Иакову и двенадцати коленам, мы верим в священные книги, полученные с неба Моисеем, Иисусом и пророками, мы не полагаем между ними никакого различия — мы Ему предали себя» (Коран, сура III, 78)¹.

Согласно Корану в исламе, продолжает В. С. Соловьев, «совершенно особенное значение должен был иметь... отец всех верующих, Авраам», поскольку «это имя связывало новую религию с прочими современными Мухаммаду "народами писаний", то есть христианами, иудеями, сабиями». Проповедуя арабам истину единобожия, Коран, отмечает В. С. Соловьев, считает «представителем этой истины в древности» не Измаила, а Авраама: «Авраам не был национальным пророком, он не был послан специально к арабам; они почитали его вместе с другими народами, с иудеями и христианами». Русский философ также подчеркивает значимость и следующих двух положений в мусульманской концепции «авраамического» монотеизма: 1) «Авраам не ставится в ряду прочих пророков, и его религия не признается одной из безразлично равных форм монотеизма, а выставляется как безусловная норма для других монотеистических религий»; 2) «Мухаммад нигде не выставляет учение Корана как высшую ступень религиозного развития; признаваемое им превосходство этого учения, равно как и веры Авраамовой, с которой оно безусловно тождественно, состоит не в большей полноте или высшем развитии религиозной истины, а единственно только в том, что здесь эта истина остается в своей первоначальной чистоте и простоте»².

Написанию очерка «Магомет», свидетельствовавшему об эволюции взглядов В. С. Соловьева на «развитие христианских представлений об исламе»³, предшествовала большая подготовительная работа по изучению исламоведческих трудов, европейских переводов Корана. В списке сочинений по интересовавшей русского мыслителя теме нет исследований о трудах средневековых мусульманских богословов, в которых давалась бы исламская интерпретация «авраамического» монотеизма⁴. Подобных исследований в то время просто не существовало. Между тем позиция мусульманских теологов в данном случае, несомненно, важна. Попытаемся хотя бы частично заполнить указанную лакуну.

Многие существенные элементы концепции «авраамического» монотеизма раскрываются при интерпретации мусульманскими богословами элементов «чудесного» в различного рода средневековых сводах сообщений о пророке Мухаммаде. Обратимся в связи с этим к «Жизнеописанию пророка» (*ас-Сира ан-набавийя*) двух авторов — Ибн Исхака (ум. в 767 г.) и Ибн Хишама (ум. в 833 или 828 г.).

В «Жизнеописании» содержится, по нашим подсчетам, более 120 эпизодов с элементами чудесного. Значительная часть элементов чудесного

¹ Для того чтобы убедиться, насколько точны были основания построений В. С. Соловьева, приведем цитату из Корана в общепризнанном современном переводе академика И. Ю. Крачковского: «Скажи: "Мы уверовали в Аллаха и в то, что ниспослано нам, и что ниспослано Ибрахиму, и Исма'илу, и Исхаку, и 'Исе, и пророкам от Господа их. Мы не различаем между кем-либо из них, и Ему мы предаемся"» (Коран / пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. 2-е изд. М., 1986).

² Соловьев В. С. Магомет. Его жизнь и религиозное учение. СПб., 1902. С. 26–34 и др. Подробную характеристику взглядов В. С. Соловьева по этому вопросу см.: Журавский А. В. Указ. соч. С. 43–46.

³ Так, первым подступом к теме явилась публикация В. С. Соловьева «Три силы» (1877) (подробнее см.: Журавский А. В. Указ. соч. С. 43, 45 и др.).

⁴ Соловьев В. С. Указ. соч. С. 5–6.

в «Сире», что совершенно естественно, имеет непосредственное отношение к главе мусульманской общины. Рассмотрим несколько эпизодов из труда Ибн Исхака и Ибн Хишама.

В первых двух дело идет о чудесной способности пророка ислама знать по воле Всевышнего о прошлом и будущем то, что не может быть ведомо простым смертным.

Первый эпизод связан с обращением в ислам яркого противника Мухаммада 'Умайра ибн Вахба, точнее с чудесными обстоятельствами, которые привели последнего к мысли о необходимости стать мусульманином.

Сын 'Умайра ибн Вахба попал в плен к мусульманам в битве при Бадре. Вскоре после битвы в разговоре с другим мекканцем Сафваном ибн Умайей 'Умайр сказал: «Если бы не долг, который висит на мне и который я не в состоянии заплатить, и не дети, которые, боюсь, пропадут без меня, то я бы, клянусь Аллахом, отправился к Мухаммаду и убил бы его. Ведь у меня и повод есть — мой сын у них в плену». На что Сафван ему ответил: «Я беру на себя твой долг и выплачу его за тебя, а дети твои будут как мои дети. Я позабочусь о них. Все, что будет у меня, будет и у них». На этих условиях 'Умайр согласился отправиться в Медину, и собеседники условились хранить в тайне эту договоренность.

В Медине — вооруженный и опасный враг «посланника Аллаха», но Мухаммад лично распорядился допустить к нему 'Умайра.

Услышав это, 'Умайр воскликнул: «Я свидетельствую, что ты — посланник Аллаха. Мы, посланник Аллаха, считали ложью те вести с небес, что ты возвещал нам, и те откровения, что ниспосылались тебе, однако при этом разговоре присутствовали лишь двое, я и Сафван. Клянусь Аллахом, его содержание сообщить тебе мог только Аллах. Слава Аллаху, который наставил меня на правильный путь, обратив в ислам, и явил мне свидетельство истины»¹.

Во втором эпизоде пророк ислама выступает провидцем, выказывая чудесную способность предвидеть поступки людей в будущем. В битве при Бадре среди плененных курайшитов оказался Сухайл ибн 'Амр, причинивший в свое время много неприятностей мусульманам. За него прислали выкуп, и победители решили сохранить ему жизнь, но чтобы избежать в будущем новых козней Сухайла, 'Умар ибн ал-Хаттаб обратился к пророку ислама с предложением: «Посланник Аллаха! Позволь я вырву Сухайлу ибн 'Амру два передних зуба, тогда язык его будет вываливаться и он не сможет никогда больше разглаговать против тебя в собраниях»².

Пророк ислама не соглашается с ближайшим своим сподвижником, ибо ему известно, что Сухайл находится под высоким покровительством за благочестивые дела, которые тому предстоит совершить в будущем. И действительно, в самом конце «Жизнеописания», после описания смерти Мухаммада, повествуется о том, как Сухайл, обратившийся к тому времени в ислам, активно выступил против поднимавших голову «многобожников»³.

¹ Das Leben Muhammed's nach Muhammed Ibn Ishāk bearbeitet von Abd el-Malik Ibn Hishām / hrsg. F. von Wüstenfeld. Göttingen, 1858 – 1860. Bd. I – II. S. 471 – 474 (пер. с араб. А. Б. Куделина, А. В. Фролова).

² Ibid. S. 462 – 463.

³ Ibid. S. 1022.

Чудесная способность знать то, чего не может знать обычный человек, — один из элементов агиографического облика Мухаммада. Следующий эпизод, в котором говорится о чуде, совершенном пророком ислама, дополняет этот облик. Он является для правоверного наглядным свидетельством того, что Мухаммад был способен по воле Всевышнего совершать чудеса, в частности превратить деревянную жердь в руках доблестного мусульманского воина в разящий меч¹.

О чудесах, совершенных пророком ислама, говорится в разных главах «Сиры». Ограничимся несколькими примерами. Во время сражения, вошедшего в историю под названием «Битва у рва» (627), мусульмане для защиты Медины от мекканского войска вырыли за короткое время ров длиной около 6 км. Выкапывая ров, они натолкнулись на большую скалу, которую нельзя было расколоть на куски. Пророк ислама помолился Аллаху и вылил на скалу ведро воды, отчего она превратилась в песчаную дюну. В те же дни в присутствии Мухаммада пригоршня фиников, а затем и зажаренная овца становятся обильной пищей, которой после тяжелой работы наедается значительное число мусульман-землекопов².

По меньшей мере дважды во время военных походов (Худайбийя, 628 г.; Табук, 630 г.) пророк ислама, по свидетельству «Сиры», чудесным образом добывает воду для своего войска³.

Чудеса в «Жизнеописании», несомненно, служили в глазах непритязательного читателя возвеличиванию ислама и деятельности главы мусульманской общины, придавали им высокое значение непреходящих событий священной истории. Вместе с тем интерпретация этих эпизодов как актов, совершавшихся в соответствии с высоким промыслом Божиим, требовала от взыскующих умов обоснования их высокими теоретическими представлениями о пророческом чуде.

И здесь приходится сразу же оговориться, что у средневековых мусульманских ученых не существовало единой концепции чуда. Не оспаривая в явной форме фактов совершения чудес пророком ислама, засвидетельствованных традицией, одна группа теологов тем не менее недвусмысленно заявляет, что Мухаммад с соизволения Аллаха чудес не совершал и что единственным чудом, к которому он имел отношение, является ниспосланный ему Коран. Другая группа ученых столь же определенно в своих теоретических воззрениях придерживалась иной позиции. И именно эти ученые стали начиная с IX века объединять истории о чудесах, связанных с жизнью Посланника, в произведениях агиографического жанра (*гала'ил*, *а'лам* или *амарат ан-нубувва* — букв.: знаки, признаки пророчества).

Обобщающее изложение позиции первой группы теологов можно найти в труде «Совершенство в коранических науках» известного ученого Джалал ад-Дина ас-Суйути (1445 — 1505).

Ас-Суйути начинает с определения чуда: «Знай, что чудо (*му'джиза*) — это нечто выходящее за грань привычного (*амрун харикун ли-л-'ага*), содержащее вызов, но недоступное соперничеству (*салимун 'ани-л-му'арага*). Оно бывает либо воспринимаемым чувством, либо умопостигаемым»⁴. Далее уче-

¹ Das Leben Muhammed's nach Muhammed Ibn Ishāk bearbeitet von Abd el-Malik Ibn Hishām. S. 452.

² Ibid. S. 671 — 672.

³ Ibid. S. 742, 904.

⁴ Ас-Суйути Джалал ад-Дин. Ал-Иткан фи 'улум ал-Кур'ан : в 2 т. 4-е изд. Каир, 1978. Т. 2. С. 148. Здесь и далее выдержки из труда ас-Суйути в переводе с араб. Д. В. Фролова цит. по: Ас-

ный приводит следующий хадис: «Пророк, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: "Каждый пророк получал нечто, соответствующее ему, во что верили люди. Я же пришел с откровением, которое ниспослал мне Аллах, и надеюсь, что последователей у меня будет больше, чем у них"»¹. А затем рассматривает два его возможных толкования: «Говорили, что смысл этого речения: "Чудеса прочих пророков не пережили их время, и видел их лишь тот, кто жил тогда. Чудо же Корана будет длиться до Дня воскресения. За грань привычного выходят и слог Корана, и его красноречие, и содержащиеся в нем вести о сокрытом..." Говорили еще: "Смысл в том, что очевидные чудеса, бывшие в прошлом, воспринимались чувствами. Их можно было увидеть глазами... Чудеса же Корана видны духовным зрением. Поэтому тех, кто последует за ним, будет больше, ибо видимое глазами не переживает видевших, а видимое очами разума доступно всякому, кто придет после первых, когда бы это ни случилось"»².

Итак, согласно ас-Суйути, чудо как «нечто, выходящее за грань привычного» присуще всем пророкам. Однако чудо Мухаммада «умопостигаемое», а не «воспринимаемое чувством», как у других пророков, а потому и «будет длиться до дня Воскресения», и привлечет к себе больше последователей, чем прочие пророческие чудеса.

Теоретическое построение ас-Суйути завершается рассуждением о том, что ниспосланное пророку ислама писание само по себе является достаточным знаменем для верующих и отменяет необходимость в прочих чудесах: «И еще сказал Всевышний: "Они сказали: 'Если бы ниспосланы были ему знамения (*āyat*) от его Господа!'" . Скажи: 'Знамения (*āyat*) только у Аллаха, а я лишь ясный увещатель'. Разве не довольно им, что Мы ниспослали тебе писание, которое читается им..." (Коран, сура XXIX, 50 – 51). В этих словах Он возвестил, что Писание — из Его знамений, что свидетельство Писания — самодостаточно, что оно заменяет чудеса и знамения других пророков»³.

В своем труде ас-Суйути подвел итоги развития соответствующей отрасли мусульманской науки на протяжении длительного времени. Многие его соображения были высказаны задолго до него, о чем он сам неоднократно говорит в «Совершенстве в коранических науках». Имеющиеся расхождения в трактовке отдельных положений не имеют для нас в данном случае принципиального значения⁴. Главное же состоит в том, что приверженцы

Суйути Джалал ағ-Дин. Совершенство в коранических науках. М., 2006. Вып. 5: Учение о неподражаемости Корана. С. 15.

¹ *Ас-Суйути Джалал ағ-Дин*. Ал-Иткан фи 'улум ал-Кур'ан. Т. 2. С. 149; *Он же*. Совершенство в коранических науках. С. 15.

² *Ас-Суйути Джалал ағ-Дин*. Ал-Иткан фи 'улум ал-Кур'ан. Т. 2. С. 149; *Он же*. Совершенство в коранических науках. С. 15 – 16.

³ *Ас-Суйути Джалал ағ-Дин*. Ал-Иткан фи 'улум ал-Кур'ан. Т. 2. С. 149; *Он же*. Совершенство в коранических науках. С. 16.

⁴ В частности, сходные с ас-Суйути мысли о чуде Корана — как нечто общеизвестное — приводятся, причем не в теологическом, а в филологическом контексте выяснения преимуществ прозы перед поэзией, уже у ал-Марзуки (ум. в 1030 г.): «Чудеса пророков — да будет над ними мир — в их время были из рода того, чем были увлечены их общины в их пору... Таково было чудо Мусы (Моисея) — да будет над ним мир — потому что оно явилось ему во время, бывшее временем чародейства и чародеев, и оно стало чудом такого рода и самым значительным в нем. И таково же было положение 'Исы (Иисуса) — да будет над ним мир — потому что его время было временем медицины, и поэтому его чудо, а именно воскрешение мертвых, было такого

этой позиции выстраивают определенную иерархию пророков и их чудес и что, устанавливая Мухаммада на верхней ступени иерархической лестницы, они так или иначе признают Коран главным и практически единственным чудом пророка ислама¹.

Обратимся теперь к рассмотрению взглядов их оппонентов. Наиболее известные сочинения о чудесах, совершенных пророком ислама, принадлежат 'Абд ал-Джаббару ал-Хамазани (ум. в 1025 г.), Абу Ну'айму ал-Исфахани (ум. в 1038 г.), ал-Маварди (ум. в 1058 г.) и Ахмаду ибн ал-Хусайну ал-Байхаки (ум. в 1066 г.). В труде Ахмада ибн Таймийи (1263 – 1328) содержится обобщение некоторых важных моментов позиции второй группы теологов.

Не претендуя на полноту изложения всех изменений, которые претерпела на протяжении достаточно длительного времени их позиция, наметим лишь важнейшие вехи на пути ее формирования.

В труде «А'лам ан-нубувва» («Признаки пророчества») известного шафиитского богослова-законоведа ал-Маварди (974 – 1058) мы находим описание двух групп чудес: в первой группе речь идет об одном Коране, во второй — о чудесах, совершенных Мухаммадом с соизволения Аллаха.

Коран ал-Маварди характеризует как первое чудо (*му'джиз*), посредством которого Аллах призвал Мухаммада к пророчеству и особые свойства (*непограждаемость*) которого выделяют его среди других посланников и делают Коран самым очевидным из чудес (*айат*) Всевышнего.

Далее ал-Маварди развивает свою мысль. Чудо всякого посланника в наибольшей мере соответствовало представлениям людей его времени о чудесном. Так, Муса (Моисей), который был направлен с миссией в эпоху господства чародейства, своими чудесами — разделением моря и превращением посоха в змею — посрамил всех чародеев. 'Иса (Иисус) был послан в эпоху господства медицины, и исцелением неизлечимых больных и воскрешением из мертвых он привел в изумление всех врачей. Когда же в эпоху господства красноречия был направлен Мухаммад, то ему был ниспослан Коран, подражать которому оказались бессильны и велеречивые риторы, и поэты.

рода и самым значительным в нем. А когда пришло время пророка — да благословит его Аллах и приветствует — время красноречия и ясного изложения, сделал Аллах его чудо родом того, чем были увлечены люди, и самым значительным в этом роде, и он превзошел их в Коране прозаической речью, а не метрической поэзией» (Шарх «Диван ал-Хамаса» ли Аби 'Али Ахмад ибн Мухаммад ибн ал-Хасан ал-Марзуки (? – 421 г. Р. х.) : в 4 т. Каир, 1951 – 1954. Т. 1. С. 19 (вторая пагинация). Перевод цит. по: Куделин А. Б. Понятие «столп поэзии» в средневековой арабской критике / коммент. ал-Марзуки к «Дивану доблести» Абу Таммама. М., 2004. С. 150. Сер. «Памятники литературной мысли Востока»). Не вдаваясь в детальный анализ приведенного пассажа, отметим одну его важную особенность: автор, в отличие от ас-Суйути, не отдает предпочтения ни одному из названных им пророков.

¹ В последнем утверждении они опираются на текст священного писания ислама, где не признаются чудеса Мухаммада, но особый акцент ставится на его «знамениях» (айатах), под которыми понимался факт ниспослания ему стихов Корана (позднее последние и стали называть айатами) (подробнее см.: *Wensinck A. J. Mu'djiza. Et; ср.: Кныш А. Д. Му'джиза. Ислам : энцикл. словарь. М., 1991. С. 168*). Абсолютизация данной точки зрения приводит зачастую к излишне категорическим и далеко идущим, и вследствие этого не всегда точным, заключениям. В качестве показательного примера укажем на труд известного искусствоведа Р. Эттингхаузена. Опираясь на положение, согласно которому Мухаммад рассматривается в Коране как обыкновенный человек, избранный Аллахом для передачи своего послания на землю, ученый утверждает, будто пророк ислама «никогда не строил из себя чудотворца или обладателя сверхъестественных возможностей», что нашло отражение и в мусульманском искусстве (*Ettinghausen R. La Peinture arabe. Genève, 1977. P. 13*).

Свои рассуждения ал-Маварди заключает утверждением, весьма близким к тому, что нам уже известно по труду ас-Суйути: чудо Корана будет более долговечным и найдет больше приверженцев, чем чудеса, о которых свидетельствовали лишь очевидцы и которые не пережили свое время. Поэтому оно и убедительнее, и предпочтительнее других чудес¹.

Однако затем автор «Признаков пророчества» существенно расходится с линией теологов, выстраивавших иерархию «умопостигаемых» и «воспринимаемых чувством» чудес. Рассмотрев признаки *непогражаемости* Корана², ал-Маварди переходит к подробному перечислению разного рода чудесных деяний и событий, связанных с пророком Мухаммадом. Здесь мы находим сообщение (со ссылкой на одного из самых авторитетных суннитских составителей хадисов ал-Бухари [810–870]) и о уже упоминавшихся выше событиях во время подготовки к «Битве у рва»: преодоление с чудесной помощью Мухаммада препятствия в виде скалы, кормление малым количеством еды 600 или 800 землекопов. О последнем ал-Маварди не преминул заметить, что «это подобно чуду 'Исы (Иисуса) с едой»³. Находим мы и другие, также упоминавшиеся чудесные обстоятельства добывания воды в пустынной местности. В одном из таких случаев автор «Признаков пророчества» вновь считает нужным указать на сходство чудесных действий Мухаммада с чудом, совершенным Мусой (Моисеем)⁴.

К сопоставлению с Мусой ал-Маварди прибегает и в рассказе о чуде, совершенном во время похода к оазису Хайбар (628). По свидетельству 'Али ибн Аби Талиба (в будущем четвертого «праведного» халифа), лежащему в основе рассказа, в критический момент похода мусульмане оказались перед вади, бурные потоки которого вырывали деревья с корнями и сотрясали горы. Мусульмане измерили глубину потока, и она оказалась равной 14 человеческим ростам. Пророк помолился и сказал: «Идите во имя Аллаха». Мусульманское войско с лошадьми и верблюдами перешло вади и одержало победу. Ал-Маварди видит здесь сходство с чудом Мусы, разделившим море⁵.

Укажем также на упоминание еще двух случаев, когда ал-Маварди настаивает на сходстве Мухаммада с 'Исой. В первом случае Пророк ислама воскресил из мертвых девочку, во втором — исцелил прокаженного⁶.

Повествуя о чудесах, совершенных Мухаммадом, автор «Признаков пророчества» неоднократно подчеркивает, что подобные действия способен совершить с соизволения Всевышнего только пророк. Так, в частности, он рассказывает, как люди однажды пришли к Мухаммаду жаловаться на плохую воду. Пророк ислама сделал так, что она стала пригодной для питья. Когда же с подобной просьбой обратились к одному из лжепророков, Мусайлиме, то из источника забила горькая вода, подобная ослиной моче. В другом случае некая женщина привела к пророку мальчика со слабыми, выпадающими волосами. Мухаммад погладил его по голове, и после этого у него стали расти

¹ Абу-л-Хасан 'Али ибн Мухаммад ал-Маварди. *А'лам ан-нубувва* (Признаки пророчества). Бейрут, 1989. С. 73–74.

² Там же. С. 74–91.

³ Там же. С. 103–104.

⁴ Там же. С. 106 и др.

⁵ Там же. С. 107.

⁶ Там же. С. 107–108.

здоровые волосы. То же самое попытался проделать и Мусайлима, но мальчик, которого он погладил по голове, навсегда облысел¹.

Приведенных примеров достаточно для формулирования важного вывода. Если при рассмотрении Корана ал-Маварди противопоставляет Мухаммада предшествующим пророкам: чудо священного писания мусульман предпочтительнее недолговечных чудес Мусы и 'Исы, то, перейдя к рассказам о чудесных актах, совершенных пророком ислама, автор «Признаков пророчества» всячески стремится подчеркнуть их принципиальное сходство именно с подобными чудесами Мусы и 'Исы. Иными словами, в новом контексте ал-Маварди воздает должное чудесам, о которых свидетельствовали лишь очевидцы и которые не пережили свое время: Мухаммад не отличается от Мусы и 'Исы — ни в чем им не уступает, но и не превосходит их.

Итак, рассмотрение всего комплекса чудес Мухаммада, зафиксированных традицией, привело ал-Маварди к очевидной антиномии (неравенство — равенство) в выстраиваемой им иерархии пророков и их чудес. Недостатки его подхода, некорректность противопоставления Мусы (Моисея) и 'Исы (Иисуса) Мухаммаду, а все трое принадлежат к пророкам «авраамического» монотеизма², были преодолены в труде «Китаб ан-нубувват» (Книга пророчеств) авторитетного ханбалитского богослова-законоведа Ахмада ибн Таймийя (1263 — 1328)³. Не претендуя на всесторонний и полный анализ этого значительного многоаспектного сочинения, попытаемся коротко охарактеризовать его в интересующем нас плане.

Прежде всего Ибн Таймийя стремится определить понятие «чуда»: «Пророческое чудо непременно должно выходить за грань привычного в том смысле, что оно не является привычным делом для обыкновенных людей». Однако было бы неверным, утверждает Ибн Таймийя, видеть во всяком явлении, выходящем за грань привычного, указание на чудо. Жрецы (*кахины*), маги, врачи, астрологи, богословы, грамматисты знают и совершают такое, что, согласно представлениям и практическим возможностям обыкновенных людей, выходит за грань привычного. Так, если звездочет объявит о времени солнечного или лунного затмения, то люди удивятся этому, поскольку им неизвестно, как он это сделал, но в этом нет ничего от пророческого чуда. Равным образом и труд «Книга» великого грамматиста Сивавайхи (VIII в.), и медицинские познания Гиппократов, и ученость кого-либо из великих мусульманских мыслителей, выходящие за грань возможностей обыкновенных людей, не свидетельствуют об их пророчестве. В данных случаях речь идет о высокой специализации в той или иной области человеческой деятельности, где в принципе возможны сходные результаты у других людей, достигших такого же уровня профессиональной подготовки. В противоположность всем перечисленным случаям одной из важнейших характеристик пророческого чуда является то, что «род людской, за исключением пророков», не может с ним «соперничать».

¹ Абу-л-Хасан 'Али ибн Мухаммад ал-Маварди. Указ. соч. С. 106 — 107.

² Подробнее об этом см.: Гайнутдинова А. Образы пророков в Коране. М., 2002. С. 81 — 141 ; Она же. Пророктология Корана: истории пророков как элемент построения коранического текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. С. 8, 19, 22 и др.

³ Ибн Таймийя наряду с ал-Газали (ум. в 505/1111 г.) и Ибн ал-'Араби (ум. в 638/1240 г.) принадлежит к числу средневековых мыслителей, оказавших наибольшее влияние на современный ислам. Его идеи получили новый импульс в XVIII веке.

Утверждая, что чудеса могут совершаться и повторяться только пророками, Ибн Таймиййа столь же определенно, как и ал-Маварди, проводит и второе разграничение: между пророческими чудесами и чародейскими действиями лжепророков и магов. Чародейство последних только внешне напоминает чудеса; и, напротив, чудеса пророков и посланников, вопреки домыслам их хулителей, имеют мало общего с чародейством¹.

Затем Ибн Таймиййа переходит к сопоставлению чудес пророков «авраамического» монотеизма. Мы помним, что у ал-Маварди Коран в определенных отношениях стоит выше чудес Мусы и 'Исы. Автор «Книги пророчеств» занимает по этому вопросу отличную позицию, которая позволит ему, как мы увидим позднее, преодолеть слабость антиномической концепции ал-Маварди, заявлявшего одновременно о неравенстве и равенстве пророков в плане совершенных ими чудес.

Исходной точкой в построении Ибн Таймиййи является положение: «Чудо любого из пророков — чудо для всех пророков», которое он разъясняет так: если какой-либо пророк осуществил с соизволения Аллаха некое чудо, то не возбраняется другому пророку (напомним, речь идет о пророках «авраамического» монотеизма) совершить подобное же чудо. Так, например, чудо воскрешения из мертвых было присуще как пророкам, бывшим до Мухаммада, так и пророческой миссии самого Мухаммада². Продолжая рассуждать по аналогии, Ибн Таймиййа переходит к обсуждению чудесной неподражаемости Корана в рамках, так сказать, ретроспективного аспекта своей концепции пророческого чуда.

Коран — как священное писание — действительно неподражаем в разных отношениях, и попытки соперничать с этим чудом обречены на неудачу. Однако данное утверждение касается обыкновенных людей и обыкновенных текстов. В отношении же пророков «авраамического» монотеизма, которых именуют также и «пророками писания»³, оно некорректно. Тора, Евангелия и псалмы — в силу того, что они являются священными писаниями, — также не имеют подобий себе, но мусульманам это обстоятельство не может причинить ущерба, поскольку ясно, что пророки «авраамического» монотеизма в равной мере могут быть — и действительно были — причастны к любым чудесам, в том числе и к Священному Писанию. Тора, Евангелия и псалмы, — продолжает Ибн Таймиййа, — являются чудом с точки зрения содержащихся в них представлений и сведений о сокровенном и прочем. Если же кто-то скажет, что они не представляются чудом, подобно Корану, в плане *назма*, то есть особых свойств конструкции их языковых единиц⁴, то такое возможно. Однако даже и в этом случае для решительного суждения по данному вопросу применительно, например, к Торе, следует прежде обратиться к знатокам еврейского языка (*ахл ал-луга ал-'ибраниййа*) и провести соответствующие разыскания. В прочих же отношениях перечисленные писания пророков, несомненно, представляют собой чудо. Для того чтобы окончательно убедить своих возможных оппонентов, Ибн Таймиййа

¹ *Ибн Таймиййа*. Китаб ан-нубувват (Книга пророчеств). Бейрут, 1985. С. 5–7, 19–23, 35, 47, 309 и др.

² Там же. С. 154.

³ Подробнее см.: *Гайнутдинова А.* Указ. соч. С. 81–141.

⁴ О теории *назма* подробнее см.: *Куделин А. Б.* Средневековая арабская поэтика (вторая половина VIII — XI в.). М., 1983. С. 153–155.

приводит последний аргумент, верность которого едва ли решился бы оспаривать кто-то из мусульман. Эти писания — чудо хотя бы по той причине, что в них содержатся — с соизволения Всевышнего — известия о пророчестве Мухаммада задолго до того, как он стал выполнять свою миссию: «Чудеса, совершенные Мусой (Моисеем), ал-Масихом (Христом) и другими, суть чудеса, указывающие на пророчество Мухаммада, поскольку ими они извещают о его пророчестве».

Последние рассуждения важны Ибн Таймийе для итогового вывода о бессмысленности каких бы то ни было предпочтений, когда речь идет о чудесах, совершенных пророками «авраамического» монотеизма, «пророками Писания». «Наша цель здесь, — завершает цепь своих аргументов автор "Книги пророчеств", — состоит не в том, чтобы отдать предпочтение одним пророкам перед другими (*тафдил ба'г ал-анбийя' 'ала ба'г*), а в том, чтобы сказать, что род пророков отличается от прочих людей чудесами и свидетельствами, которые указывают на их правдивость и из которых разумный человек поймет, что подобные чудеса совершались только ими»¹.

Ибн Таймийя явился, быть может, главной фигурой среди теологов второй группы, создававших на протяжении длительного времени теоретически обоснованную и лишённую противоречий концепцию пророческого чуда, зиждящуюся на исламских представлениях об «авраамическом» монотеизме. И именно в свете этой концепции и этих представлений образованные мусульмане, как нам думается, на протяжении длительного времени интерпретируют многочисленные элементы чудесного в сообщениях о Мухаммаде. И именно эти фундаментальные исламские представления об «авраамическом» монотеизме с достаточной полнотой и точностью описал русский религиозный философ В. С. Соловьев. И именно они были в прошлом и продолжают оставаться в настоящем одной из главных основ конструктивного исламо-христианского диалога.

¹ *Ибн Таймийя*. Указ. соч. С. 164–166. Важно еще раз подчеркнуть, что здесь речь идет именно о пророках «авраамического» монотеизма, «пророках Писания». В прочих случаях необходимо, согласно Ибн Таймийе, руководствоваться положением об иерархии пророков и совершаемых ими чудесах, ибо Аллах «отдал предпочтение одним пророкам перед другими (*фаггала ба'га ан-набийин 'ала ба'г*), а коли так, то непременно лучший (*ал-фагил*) должен отличаться способностью совершить такое, на что окажется не способен худший (*ал-мафгул*)» (Там же. С. 327–329).

С. В. Лавров¹

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА²

Трудно переоценить роль Международных Лихачевских научных чтений, проведение которых в Санкт-Петербурге стало доброй традицией в продвижении диалога культур в условиях современного глобализирующегося мира. Усилия вашего форума по распространению идей Дмитрия Сергеевича Лихачева — великого ученого и гуманиста — среди широких кругов российской и зарубежной общественности заслуживают самой высокой оценки. Обсуждаемые на пленарных заседаниях форума предложения и инициативы имеют практическую ценность, помогают повысить эффективность наших действий по выработке подходов, учитывающих настоятельную необходимость укрепления нравственного основания международных отношений.

За прошедшие годы Лихачевские чтения стали важной частью международных дискуссий по стержневым проблемам развития человеческой цивилизации. При этом непреходящее значение имеет тот интеллектуальный фундамент, который в свое время заложил Д. С. Лихачев. Многие из его суждений сегодня не только сохраняют актуальность, но и приобретают новое звучание в условиях модернизации международной повестки дня.

Еще на рубеже 1980 — 1990-х годов Дмитрий Сергеевич — в развитие продвигавшегося им принципа нравственного прогресса человечества — говорил о важности задачи постоянного освоения старых культурных ценностей и продвижения вперед по пути создания новых. «Мы живем, — писал он, — в мире все усложняющихся нравственных проблем, которые ставит перед нами усложняющаяся наука и техника».

С позиций сегодняшнего дня об этом же говорит избранный Президент Российской Федерации В. В. Путин в серии статей, опубликованных в январе-феврале нынешнего года. Речь идет и о серьезном системном кризисе, с которым сталкивается наша цивилизация, и о виртуальных, а не реальных ценностях и активах, отличающих модель, основанную на жизни в долг и проедании будущего, и о морально-правовом вакууме, который образуется в международных отношениях.

Такая «переключка времен» подтверждает мудрость предвидения Д. С. Лихачевым основополагающих тенденций развития культуры.

Не вызывает сомнений, что культура играет важнейшую роль в формировании новых идей, отвечающих духу времени, является одним из драйверов глобального развития, помогает выйти на важные обобщения и выводы в процессе осмысления происходящих сегодня в мире динамичных и глубоких перемен.

Эти трансформации сопровождаются возросшей турбулентностью на глобальном и региональном уровнях. Темпы международной жизни

¹ Министр иностранных дел РФ, член Совета безопасности РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол.

² Доклад представлен на XII Международные Лихачевские научные чтения (2012 г.).

ускоряются. Мы являемся свидетелями крутого поворота в истории, по сути нового этапа мирового развития, способного привести к радикальным изменениям геополитического ландшафта, появлению его неожиданных конфигураций.

На наших глазах формируется новая, более демократическая полицентричная система международных отношений. Россия заинтересована в том, чтобы новая архитектура была справедливой и устойчивой, опиралась на сотрудничество ведущих государств и интеграционных объединений современного мира и предоставляла возможности для развития широкого международного взаимодействия на основе уважения принципов международного права, равноправия и взаимной выгоды. Разумеется, нашим интересам отвечает закрепление России в качестве одного из ведущих центров силы и влияния современного мира. Именно на это, равно как и на обеспечение благоприятных внешних условий для динамичного развития и комплексной модернизации нашей страны, направлены усилия отечественной дипломатии.

Мир сегодня становится все более взаимозависимым — на первый план выходят общие для всех вызовы и угрозы. Распространение оружия массового уничтожения, региональные конфликты и кризисы, международный терроризм, наркоторговля, организованная преступность, энергетическая безопасность, изменение климата, природные и техногенные катастрофы носят трансграничный характер, затрагивают интересы всех государств. Убеждены, что совместная работа в интересах укрепления глобальной безопасности и стабильности, устойчивого развития, урегулирования конфликтных ситуаций, наращивания продуктивного международного партнерства отвечает общим интересам.

Следует учитывать и то, что контуры находящейся в процессе становления полицентричной структуры современного мира все в большей степени определяет конкуренция различных «цивилизационных блоков». Наиболее наглядно это продемонстрировали произошедшие в прошлом году события в ряде стран Ближнего Востока и Северной Африки, которые оказали серьезное воздействие на мировые процессы.

Внимательно следили и продолжаем пристально наблюдать за происходящими на Арабском Востоке трансформациями. С самого начала мы поддерживали стремление народов региона к лучшей жизни, к демократизации политических систем своих государств, к расширению социально-экономических прав. Убеждены, что дружественные нам арабские народы могут и должны определять свою судьбу самостоятельно, с учетом своих цивилизационных традиций, без навязывания извне готовых рецептов и сценариев.

На практике, однако, эти принципы соблюдаются далеко не всегда. Вопиющий пример — действия в отношении Ливии, где мы столкнулись с грубыми нарушениями принципов Устава ООН и резолюций Совета Безопасности. Следование «ливийской модели», иными словами, оказание поддержки одной из сторон в гражданской войне ведет к подрыву региональной и международной стабильности и не отвечает задачам нынешнего этапа мирового развития. Ставка на силу вообще нереалистична — примеры Ирака и Афганистана убедительно свидетельствуют, что силовыми методами добиться решения имеющихся проблем невозможно.

В основе наших подходов к урегулированию любых конфликтов, в том числе и в арабском мире, лежит строгое соблюдение основополагающих принципов международного права, закрепленных в Уставе ООН. Речь прежде всего идет об уважении суверенитета и территориальной целостности государств, недопустимости вмешательства в их внутренние дела, мирном урегулировании споров. Задача внешних игроков — содействовать политическому решению имеющихся проблем через всеобъемлющий диалог между властями и оппозицией.

Такой подход дает результаты. Например, в Йемене мы выступаем в качестве одного из государств-«свидетелей» и гарантов реализации одобренных Советом Безопасности ООН межйеменских договоренностей, позволивших урегулировать ситуацию. Их ядром стала инициатива, предложенная Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива и поддержанная международным сообществом.

В том, что касается сирийского кризиса, Россия делает все возможное для того, чтобы внутренние проблемы этой, как и любой другой страны, решались самими гражданами на путях инклюзивного политического диалога, без подстрекательства извне и тем более военной интервенции. Эту позицию мы твердо отстаиваем на всех международных площадках, включая Совет Безопасности ООН, она зафиксирована в известных пяти принципах, согласованных на моей встрече 10 марта 2012 года в Каире с коллегами из стран ЛАГ. Рассчитываем, что прекращению насилия и урегулированию ситуации будет способствовать миссия спецпосланника ООН/ЛАГ К. Аннана.

Россия неизменно была на стороне независимости и свободного развития народов региона. И сейчас мы стараемся помочь им пройти непростой период глубоких перемен с минимальными потерями — ведь наша страна по своему опыту знает цену войн и революций, измеряемую миллионами невинных жертв и поломанных судеб. Да, реформы практически во всех ближневосточных государствах давно назрели, но их желательно осуществлять ненасильственным, эволюционным путем.

Наша цель — поддержание стабильности и безопасности в непосредственной близости от наших границ, поиск долгосрочных решений конфликтных ситуаций, включая затянувшийся арабо-израильский конфликт, недопущение межконфессионального взрыва на Ближнем Востоке, будь то между мусульманами и религиозными меньшинствами или внутри ислама, между суннитами и шиитами. Мы, разумеется, обеспокоены судьбой проживающих в регионе христиан, включая православные общины.

В связи с этим трудно переоценить важность продвижения процесса демократизации международных отношений, расширения и совершенствования всестороннего межкультурного, межрелигиозного, междоцивилизационного диалога.

Диалог культур — это в первую очередь общение наций и этносов, переключки истории и традиций, взаимообогащение языков и образовательных стандартов. Д. С. Лихачев в свое время отмечал: «Национальное своеобразие сближает нации, а не разъединяет их. Мы отправляемся к другим народам, чтобы увидеть их индивидуальность, "непохожесть" и в этой "непохожести" увидеть вечную красоту». По мере продвижения процессов глобализации

это становится все более очевидным. Сегодня нельзя наращивать межкультурные обмены без учета самобытности народов и конфессий, составляющих единство нашей цивилизации. Забвение этого принципа чревато негативными последствиями.

Работу по продвижению межцивилизационного диалога выстраиваем с опорой на разделяемое большинством наших партнеров на международной арене понимание, что цивилизационное и культурное многообразие современного мира представляет собой не разъединяющий фактор, а ресурс развития. Исходим из того, что уважение к ценностям других культур и цивилизаций позволяет еще более успешно продвигать полноценный и дружественный диалог и сотрудничество со всеми государствами — разумеется, в той мере, в какой к этому готовы наши партнеры, — на основе равноправия и взаимной выгоды. А тем самым предоставляет дополнительные возможности для обеспечения подъема собственной экономики, повышения качества жизни граждан. Поэтому наш курс в международных делах будет и впредь оставаться сбалансированным, активным и созидательным.

Важным инструментом наращивания межкультурного и межцивилизационного диалога является действующий под эгидой ООН «Альянс цивилизаций». В его четвертом форуме, прошедшем в Катаре в декабре прошлого года под девизом «Поддержание развития через межкультурный диалог», приняли активное участие российская делегация и целый ряд — одиннадцать — отечественных неправительственных структур, включая Общественную палату Российской Федерации, Фонд поддержки публичной дипломатии им. А. М. Горчакова, Мировой общественный форум «Диалог цивилизаций». Присутствовали там и представители Русской православной церкви.

Российские НПО впервые выступили в роли организаторов самостоятельных мероприятий в рамках форума: Международный институт П. Сорокина — Н. Кондратьева провел круглый стол на тему «Долгосрочная стратегия глобального устойчивого развития на базе партнерства цивилизаций», а Международный фонд «За выживание и развитие человечества» — презентацию проекта «Поколение 2030», направленного на воспитание детей в духе взаимоуважения культур.

Альянс продолжает привлекать к себе интерес в качестве единственно в своем роде глобального движения, объединяющего усилия по налаживанию гармоничных межкультурных отношений — как по государственной линии, так и с участием гражданского общества. В прошлом году российские делегации приняли активное участие во встречах, проводившихся Альянсом. Среди них — Всемирный форум по межкультурному диалогу (Баку, апрель), международный семинар «Положение христианских общин в исламских государствах» (Флоренция, июнь), организованный совместно с Центром «Север — Юг» Совета Европы Лиссабонский форум по тематике «арабской весны» (ноябрь). По инициативе председателя 66-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Н. Насера и при поддержке Альянса в марте нынешнего года в формате Генеральной Ассамблеи организована дискуссия на тему «Продвижение межкультурного взаимопонимания для построения мирных и гармоничных обществ».

Следующий форум «Альянса цивилизаций» состоится в Вене в начале 2013 года. Период между форумами будет заполнен разного рода молодеж-

ными, женскими и культурными фестивалями, встречами, конференциями. Российские представители намерены в них деятельно участвовать.

Будем продолжать работать в Группе друзей Альянса, используя имеющиеся возможности для продвижения российских подходов к формированию современной парадигмы межкультурного общения, расширения международных контактов структур российского гражданского общества, содействия им в приобретении опыта работы в широком международном формате. Разумеется, исходим из того, что будет сохранен универсальный статус Альянса, а его деятельность будет осуществляться в русле гуманитарного мандата, без политизации и смещения фокуса внимания на взаимоотношения между отдельными группами стран.

Укрепление и совершенствование сотрудничества с институтами гражданского общества — важная часть работы на межкультурном, межкультурном направлении внешней политики России. Здесь важны энергичный, инициативный настрой, стремление к расширению связей с зарубежными партнерами, их активное вовлечение в проводимые мероприятия. Именно в таком ключе ведут свою работу многие российские неправительственные организации.

Высоко ценим деятельность уже упоминавшегося Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций», являющегося крупнейшей международной неправительственной организацией подобного рода с ведущим российским участием. В октябре прошлого года на о. Родос состоялась его 9-я сессия, посвященная морально-ценностному измерению цивилизационного развития в период глобального кризиса, в которой приняли участие около 600 человек из 72 стран. Рассматриваем форум как авторитетную площадку для обмена мнениями по актуальным проблемам современности, поиска ответов на стоящие перед человечеством вызовы, выработку общих ценностных ориентиров.

Востребованы усилия Международного института П. Сорокина — Н. Кондратьева, который на регулярной основе проводит различные мероприятия по вопросам партнерства цивилизаций и их взаимосвязи с целями устойчивого развития, а с января нынешнего года начал издавать международный журнал «Партнерство цивилизаций». Можно лишь приветствовать намерение МИСК принять активное участие в работе неправительственного сегмента Всемирного саммита по устойчивому развитию «Рио + 20» в июне нынешнего года в Рио-де-Жанейро.

Рассчитываем на более весомый вклад российских неправительственных структур в обеспечение межрелигиозного согласия, осуществление проектов, призванных объединять страны и народы. В частности, заинтересованы в активизации участия представителей основных конфессий нашей страны в работе действующего в рамках ООН Трехстороннего форума по межрелигиозному сотрудничеству на благо мира, а также в мероприятиях в рамках Всемирной недели гармоничных межконфессиональных отношений. Считаем важным продолжать продвигать совместными усилиями выдвинутую нами идею образования при Генеральном директоре ЮНЕСКО Группы высокого уровня по межрелигиозному диалогу.

В целом, исходим из того, что роль религиозного фактора в мировой политике, в налаживании межкультурного диалога лишь возрастает.

Миротворческий потенциал ведущих религий становится все более востребованным для предотвращения трений во взаимоотношениях между цивилизациями, преодоления различных форм экстремизма.

А его проявлений меньше не становится. Даже в относительно благополучной Европе мы все чаще наблюдаем случаи антисемитизма, расизма и ксенофобии, в результате которых гибнут люди. Огромный резонанс, который вызвало убийство 19 марта нынешнего года нескольких учеников еврейской школы и раввина во французской Тулузе, свидетельствует о том, что проблема приобретает общеевропейский характер. Это — серьезный повод задуматься, к чему ведет расшатывание нравственных ценностей, общих для всех религий. Из этого же ряда — марши бывших эсэсовцев и неонацистов в некоторых странах — членах Евросоюза, требующие принципиальной оценки — в соответствии с решениями Нюрнбергского трибунала, которые не имеют срока давности.

В свое время Д. С. Лихачев подчеркивал: «О каждом народе следует судить по тем нравственным вершинам и по тем идеалам, которыми он живет. Благожелательность к любому народу, самому малочисленному! Эта позиция самая верная, самая благородная». Об этом неплохо бы помнить тем, кто не осознает всю опасность угроз, связанных с проявлениями радикализма, национализма, межэтнической и межконфессиональной розни где бы то ни было — в Европе, в Африке или на Ближнем Востоке. Все это — явления одного порядка, которые заслуживают самого резкого осуждения.

В современном мире не должно быть места нетерпимости и ущемлению одного из основных прав человека — права на свободу вероисповедания.

Россия будет и впредь всемерно содействовать продвижению широкого межкультурного и междивизиационного диалога. Такая линия основывается на особенностях исторического пути России, который включает многовековой опыт мирного сосуществования различных культурных традиций и совместного развития большого количества народов в рамках единого полиэтнического государства. Выступая в сентябре 2011 года на Мировом политическом форуме в Ярославле, президент Д. А. Медведев подчеркнул, что Российская Федерация — пример уникального социального, культурного и политического многообразия. Наша страна готова к самому широкому взаимодействию с партнерами в интересах поиска оптимальных ответов на вызовы современности, определения наиболее эффективных путей объединения усилий в интересах создания устойчивой международной архитектуры, отвечающей требованиям XXI века.

В. А. Лекторский¹

КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ: ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ДИАЛОГ²

Как могут взаимодействовать друг с другом разные культуры, в основе которых лежат разные способы понимания мира и человека, разные системы ценностей и норм?

Взаимоотношения культур могут пониматься и реализовываться по-разному.

Прежде всего это толерантность. Существуют по крайней мере два способа ее толкования.

1. Толерантность как безразличие к существованию разных ценностей, способов понимания мира и культурных практик, так как эти различия считаются несущественными перед лицом главных проблем, с которыми имеет дело цивилизация. В соответствии с этим пониманием толерантности истинные представления о мире и правила общественной жизни могут быть рационально обоснованы и поэтому должны быть приняты в качестве чего-то несомненного для каждого разумного человека. Но люди имеют также некоторые представления, истинность которых не может быть безоговорочно признана. Это прежде всего специфические для той или иной культуры ценности и представления о мире. Они принимаются на внерациональных основаниях и играют важную роль в самоидентификации.

Что касается истинных утверждений, рационально обоснованных моральных и юридических норм, то нельзя быть толерантными по отношению к тем, кто их не принимает или нарушает. Но даже в этом случае следует учитывать, что истину нельзя навязать путем физического или пропагандистского воздействия. Человек должен согласиться с истинным высказыванием или рациональной нормой поведения только в результате самостоятельных рассуждений. Поэтому нужно пресекать действия, нарушающие разумные нормы общежития, и в то же время терпеть в известных пределах неразумные взгляды. Желательно создать такие условия для тех, кто разделяет неразумные взгляды, при которых они отказались бы от своих взглядов и приняли бы то, что несомненно разумно и обоснованно. Согласно этому пониманию толерантности различие культурных ценностей будет постепенно уменьшаться по мере развития цивилизации — как результат взаимодействия различных культур, необходимость решать общие практические проблемы.

2. Толерантность может быть понята и иначе: как уважение к другой культуре, которую невозможно понять и с которой нельзя взаимодействовать. В соответствии с этим пониманием толерантности специфические ценности и представления о мире той или иной культуры не есть нечто несущественное для человеческой деятельности и развития общества: они определяют пути и способы этой деятельности и развития. Нельзя избежать плюрализма культурных ценностей и представлений о мире, так как они коренятся

¹ Заведующий сектором теории познания Института философии РАН, академик РАН, академик РАО, доктор философских наук, профессор.

² Доклад представлен на XIII Международные Лихачевские научные чтения (2013 г.).

в человеческой природе и связаны с необходимостью самоидентификации. Согласно этому пониманию культуры несоизмеримы. Не существует привилегированной системы взглядов и ценностей. Единственным исключением является идея о том, что все человеческие существа независимо от расы, пола и национальности имеют одинаковые права на физическую жизнь и культурное развитие. Разные культуры не соприкасаются друг с другом, так как существуют в разных мирах.

Итак, одно понимание толерантности исходит из безразличия к другим культурам, другое — из невозможности их понять. Но у этих двух разных пониманий есть нечто общее. Оба они предполагают сохранение существующих культурных различий и не допускают их изменения и развития.

Популярная ныне идея мультикультурализма часто отождествляется с толерантностью. Поскольку стало ясно, что так понимаемые толерантность и мультикультурализм на практике не работают, более того, могут приводить к неприятным социальным последствиям (о чем заявили лидеры Германии и Франции), началась критика того и другого. Но ведь дело в том, что мультикультурализм может быть понят по-разному. Если разные культуры понимаются как замкнутые и не взаимодействующие друг с другом, то мультикультурализм совпадает с простой толерантностью и так же, как последняя, обнаруживает свою ущербность. Но если в идее мультикультурализма подчеркивается открытый характер культуры и предполагаются межкультурное взаимодействие и взаимопроникновение, тогда эта идея понимается не как тождественная простой толерантности, а как идея межкультурного диалога. А диалог выходит за рамки простой толерантности.

Особенность диалога — в том, что в ходе него разные культуры могут развиваться, то есть изменяться, в определенных отношениях.

Диалог предполагает учет точки зрения другого участника. Это не значит некритическое принятие чужой позиции. А только то, что в иной культуре, в другой системе ценностей необязательно видеть нечто враждебное, в ней можно видеть что-то, что может помочь в решении неких общих проблем. В таком диалоге не только отдельные люди, но и культуры могут развить собственную самоидентичность.

В связи с этим я хочу дать два разъяснения.

Первое: культуры в целом не могут вступать в диалог. «Диалог культур» — метафора. Только отдельные люди, группы, сообщества, социальные учреждения могут быть участниками подобного диалога.

Второе: диалог, как правило, ведется не относительно систем ценностей, принципиальных представлений о мире или религиозных догматах. Ибо все это конституирует культурную идентичность и лежит в основе идентичности индивидов, принадлежащих к разным культурам. Поэтому если культура не разрушает сама себя (а это иногда случается), ее базовые ценности не обсуждаются в этом процессе. Например, невозможно вести диалог по поводу религиозных взглядов, которые могут быть связаны с культурной самоидентичностью. Если какая-то религия допускает возможность обсуждения своих догматов с внешней позиции (позиций атеистических или иной религии), она теряет право на дальнейшее существование.

Диалог между разными культурами возможен и может быть плодотворен в контексте решения определенных практических проблем и в связи

с пониманием этих проблем и предлагаемых способов их решения с точки зрения разных ценностей и представлений о мире. Каждая культура имеет собственную перспективу во взгляде на ту или иную проблему. Сравнение этих перспектив возможно и практически плодотворно. При этом способы решения тех или иных общих проблем, предлагаемые в рамках разных культурных перспектив, могут быть не просто разными, но и отличными друг от друга с точки зрения их плодотворности в определенной ситуации. И эта плодотворность к тому же может по-разному оцениваться в связи с изменением ситуации.

Возможны три результата межкультурного диалога:

- а) синтез разных культур или некоторых черт разных культур;
- б) развитие (то есть изменение в некоторых отношениях) одного или обоих участников диалога;
- в) отказ одного из участников продолжать диалог, возникновение и развитие враждебности к другой культуре.

Существует важное условие участия в межкультурном диалоге — это наличие общности между участниками в понимании существующих проблем (хотя разные участники могут видеть разные ракурсы этих проблем), а также определенных экономических и политических условий, дающих возможность всем участникам влиять на процесс и результат диалога. Таким образом, участники диалога имеют равные права. В противном случае все разговоры о мультикультурализме выглядят как лицемерие: они могут быть способом сохранения статус-кво, что оказывается весьма неблагоприятно для развития некоторых культур. Плодотворный межкультурный диалог возможен только в рамках универсальных политических и правовых институтов, в частности Всеобщей декларации прав человека, системы международного права и т. д. Это важные конституенты современного мирового единства.

Но в связи с этим возникают определенные проблемы. Дело в том, что некоторые положения Всеобщей декларации противоречат другим, такие противоречия могут быть между индивидуальными и коллективными правами (например, право индивида на свободное передвижение и право культуры на самосохранение и др.). Международное право до сих пор недостаточно разработано и потому в ряде случаев не может регулировать отношения между странами и культурами. К тому же существует проблема интерпретации положений Всеобщей декларации и пунктов международного права. В некоторых случаях эта интерпретация осуществляется только в соответствии с интересами отдельных стран. Такие случаи подрывают роль декларации и международного права в создании мирового единства и создают препятствия для межкультурного взаимодействия.

В качестве участников диалога подразумеваются разные культуры. Однако эти культуры могут существовать на разных уровнях. Есть национальные культуры, а также культуры этнические, региональные, локальные. Некоторые социальные группы могут рассматриваться как носители собственных субкультур. Индивидуальная идентичность строится на основе принадлежности к нескольким коллективным.

Каждая из культур заслуживает уважения и может быть участником диалога. Но нужно иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, роль культур

разного типа и разных уровней в формировании индивидуальной идентичности различна. К тому же она может меняться в разных конкретных ситуациях. Индивид может одновременно принадлежать к разным культурным идентичностям не только разных уровней, но и одного уровня (быть полиидентичным). Во-вторых (и это особенно важно), смысл диалога не в том, чтобы культивировать и консервировать различия и имеющиеся культурные идентичности, а в том, чтобы создавать условия для их взаимного изменения — в результате чего различия не исчезают, но изменяются (некоторые различия сливаются в единство, вместо некоторых старых различий появляются новые).

В межкультурном диалоге сегодня происходят важные изменения. Речь идет не только о том, что меняются культуры, участвующие в диалоге. Меняется отношение индивида к культуре. Индивид строит свою индивидуальную идентичность на основании некоторых коллективных. Но сегодня (в отличие от того, что имело место в недавнем прошлом) проблема смены индивидом принадлежности к той или иной культурной идентичности стала гораздо проще. Общество становится все более индивидуализированным. Если раньше культуры носили в основном национальный и этнический характер, то сегодня они гораздо разнообразнее. Возникают новые их формы.

Еще одно существенное добавление к сказанному. Было бы неверно считать, что все ныне существующие культуры участвуют или могут участвовать в межкультурном диалоге. На самом деле некоторые из них были отброшены на обочину цивилизационного развития самим процессом глобализации, другие не могут найти своего места в этом процессе. В этом случае нужно говорить не о межкультурном диалоге, а о развитии враждебности одной культуры к другой (другим). Поэтому факты культурного изоляционизма, фундаментализма и национализма тоже могут быть поняты как побочные продукты глобализации.

ГУМАНИЗМ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР¹

Идеал гуманизма, выработанный и взлелеянный в европейской культуре на протяжении столетий, который разделяли и обосновывали крупнейшие философы, писатели, социальные мыслители и который казался неотъемлемым от самого понимания человека, оказался в наши дни перед лицом серьезного вызова.

Беспрецедентный рост новых технологий, взрывающих сами основания человеческого «жизненного мира», ускользание этих технологий от человеческого контроля, глобальное распространение рыночной экономики, базирующейся на соображениях экономической эффективности и отвергающей всякие сантименты («ничего личного»), обострение межкультурных взаимоотношений, выражающееся в том числе и в росте международного терроризма, — все это может привести к мысли о том, что сегодня разгово-

¹ Доклад представлен на XIV Международные Лихачевские научные чтения (2014 г.).

ры о гуманизме не имеют никакого отношения к существующей реальности, что это просто некая риторика, которая не помогает разобраться в существующем положении дел, а уводит от такого понимания. Правда, с другой стороны, современная жизнь преподносит и нечто иное. Это рост социальных движений, апеллирующих к правам человека (несомненному выражению гуманизма), уважению человеческого достоинства, свободе самореализации и самовыражения (именно эти лозунги прокламируют сегодня участники разного рода молодежных движений). Но это также и осознание необходимости специальной гуманитарной экспертизы новых технологий. Это, наконец, существование множества так называемых гуманистических обществ, издающих свои журналы, устраивающих конференции, привлекающих в свои ряды ученых, философов, деятелей культуры.

Так как же относиться к идеалу гуманизма? Должен ли он быть отброшен или сохранен? Если его нужно отбросить, то какое понимание человека и межчеловеческих отношений может прийти ему на смену? Если же речь идет о его сохранении, то можно ли продолжать культивировать этот идеал в неизменном виде или же он нуждается в некоей модификации? Иными словами, как нужно отнестись к одной из старейших ценностей и традиций европейской культуры? Устарела ли она в современной ситуации или же нет? И как относиться к идеалу гуманизма в контексте современных межцивилизационных отношений?

Этот идеал был сформулирован в определенной форме и в определенное время. Это произошло в эпоху европейского Возрождения. Первые гуманисты при этом опирались на некоторые традиции античной философии. Гуманизм как идеал предполагает ценность индивидуальной человеческой жизни, признание достоинства и свободы человека, возможность и необходимость его самосовершенствования. Иными словами, это вера в человека и его возможности, то есть это светский идеал. Хотя первые гуманисты были христианами, религия, с их точки зрения, не сковывает человека и не лишает его автономии (тем не менее многие религиозные мыслители критикуют гуманизм, так как, по их мнению, он несовместим с религиозной верой; есть, правда, в наши дни и «христианский гуманизм», хотя для большинства современных гуманистов их гуманизм тождествен с атеизмом).

Однако изначально в самом идеале гуманизма были заложены возможности такого его понимания, которые при своей реализации выводили за его пределы, то есть вступали в противоречие с той идейной позицией, из которой они, казалось бы, выросли. В наше время это стало особенно ясно.

Например, такая важнейшая черта гуманизма, как ценность каждой человеческой жизни и каждой культуры. С точки зрения гуманизма все люди, независимо от их способностей, талантов и достижений, обладают равным достоинством и равным правом на уважение и свободное развитие. Конечно, хорошо, если человек может самосовершенствоваться и достигать высот в этом процессе. Но даже тот, кто в силу природных, социальных или культурных причин на это не способен, заслуживает признания. Тот, кто оказался в трудной ситуации, заслуживает сострадания. Классическая русская литература — это проповедь сострадания к «маленькому человеку», проповедь любви к униженным и оскорбленным и, конечно, всемирно признанный гуманизм.

Сегодня такого рода гуманизм воплощен в известной Декларации прав человека, принятой Организацией Объединенных Наций в 1949 году и признающей за каждым человеком ряд неотъемлемых прав: на здоровье, безопасность, получение образования, свободу волеизъявления, на достойную жизнь и т. д. После 1949 года ряд международных организаций (в частности, европейское сообщество) приняли документы, которые дополнили перечень индивидуальных и групповых, гражданских, социальных, культурных прав человека.

Следовательно, дело не в том, каких высот в развитии достиг тот или иной человек, каких взглядов он придерживается. Дело не в выстраивании разных культур в определенную шкалу с точки зрения так или иначе понятого уровня их развития, — а ведь человек обладает индивидуальной идентичностью постольку, поскольку он включен в ту или иную культуру. Каждый человек и каждая культура имеют право на уважение и защиту.

Все это, действительно, важно. Несомненно, принятие Декларации прав человека было серьезной вехой в социальной и культурной истории человечества, в истории воплощения гуманистических идеалов. Но в связи с этим возникают непростые проблемы.

Прежде всего нужно обратить внимание на то, что в современных условиях, когда разные культуры пришли к теснейшему взаимодействию, а иногда и к столкновению друг с другом (разные культуры взаимодействовали всегда, но сегодня, в условиях глобализации, уровень этого взаимодействия особенно высок, а степень взаимодействия весьма интенсивна), становится ясно, что между разными правами существуют непростые взаимоотношения: осуществление некоторых из них в ряде случаев сталкивается с попранием других. Так, например, право индивида на свободное передвижение может вступать в противоречие с правом той или иной культуры на защиту — это обстоятельство, в частности, породило серьезные проблемы в современной Европе. В данном случае сам по себе гуманистический идеал не определяет конкретный способ решения жизненной проблемы. А ведь она исключительно остра: человек не существует вне культуры, и разрушение той или иной культуры — это также и конец человека определенного типа.

Кроме того, есть еще одна проблема. В Англии, Франции, Германии, США и других странах западной культуры сегодня существуют устойчивые сообщества представителей неевропейских культур, имеющих такие представления о правах человека и гуманизме, которые весьма отличаются от общепризнанных в странах их нынешнего проживания. В соответствии с господствующими сегодня представлениями о толерантности (считается, что толерантность — реализация одной из важных сторон гуманистического идеала) эти отличные от западных системы ценностей должны уважаться. Но не означает ли это, что в ряде случаев мы, руководствуясь гуманистическими соображениями, вынуждены уважать совсем негуманные ценности?

До недавних пор было признано, что практика взаимоотношений между живущими рядом представителями разных культур должна руководствоваться принципом мультикультурализма. Одно из распространенных его толкований состоит в следующем.

Другая культура должна уважаться, но ее невозможно понять извне и с ней нельзя взаимодействовать. Согласно этому пониманию культуры несоизмеримы. Разные культуры не соприкасаются друг с другом, так как существуют как бы в разных мирах. Вместе с тем не существует привилегированной системы взглядов и ценностей. Единственным исключением является идея о том, что все человеческие существа независимо от расы, пола и национальности имеют одинаковые права на физическую жизнь и культурное развитие.

Этой трактовке соответствует определенная практика. Люди, принадлежащие к иной культуре, чем культура страны их проживания, по сути дела, живут в некоем культурном гетто. Формально они имеют те же права, что и все остальные жители данной страны. Но реально не могут воспользоваться этими правами, так как не приняты господствующей культурой, не интегрированы в нее, не имеют возможности получить такое же образование, как представители господствующей культуры, и поэтому не могут занять достойное положение в обществе. Поэтому все разговоры об уважении каждой культуры и принадлежащих к ней людей оказываются на практике лицемерием, прикрывающим самое негуманное положение дел. Подобная ситуация, естественно, не может устроить обитателей культурных гетто, и они восстают против нее, выступая в то же время против культуры принявшей их страны. Простого сосуществования разных культур не получается. На практике каждая культура пытается навязать остальным свою систему культурных смыслов и ценностей. Поэтому не случайны недавние признания лидеров Франции и Германии в том, что практика мультикультурализма в том виде, в каком он практиковался до недавних пор, провалилась. Лежащая в основе понятого таким образом мультикультурализма идея культурного релятивизма и релятивистского понимания гуманизма оказалась не просто не работающей, но в реальности отрицающей принципы гуманизма.

Тогда как же относиться к гуманизму сегодня? Имеет ли он какой-то смысл в современном мире насилия, жестокости, циничного расчета, конфликта разных культурных смыслов и ценностей?

Ясно, что отказ от гуманизма в той или иной форме — в виде ли идеи трансгуманизма или же в виде попыток навязать в качестве всеобщей какую-то единственную систему ценностей и смыслов — приводит к краху как человека, так и человечества. Сегодня это стало более очевидным, чем когда бы то ни было.

Это не означает, что идеал гуманизма не нуждается в современной интерпретации, которая принимает во внимание сегодняшние реалии и в то же время выявляет непростые взаимоотношения между разными компонентами этого идеала, делающими возможным появление негуманных следствий при вроде бы вполне гуманных намерениях.

Нужно сказать, что исторически культ индивидуальности как неотъемлемая черта гуманистического идеала нередко толковался в духе автономии и «самозамкнутости» индивида. Это характерная черта европейской культуры, которая в течение нескольких столетий оказывала влияние не только на развитие философии, но и на науки о человеке. Ю. Хабермас считает, что всю европейскую философию Нового времени можно понять

как философию индивидуального самосознания. Сегодня ясна ущербность и даже опасность такого понимания. Человек должен быть осмыслен как необходимо включенный в систему отношений с другими в рамках социальных и культурных общностей и как не существующий вне этой системы. А эти отношения строятся не только под углом зрения прав отдельного индивида, то есть с точки зрения того, что другие должны делать по отношению к нему, но также в контексте его обязанностей по отношению к другим и к той или иной коллективной общности, то есть того, что он должен делать для других.

Между прочим, это касается истории интерпретации прав человека. Когда в 1949 году была принята Декларация прав человека, главный упор был сделан на права индивида. Этот акцент соответствовал европейской традиции понимания таких прав. Но вскоре выяснилось, что представления об этих правах в неевропейских культурах существенно отличаются от тех, которые были положены в основу Декларации. Во многих культурах такого рода подчеркиваются прежде всего обязанности человека по отношению к государству, семье, старшим. Права вытекают из этих обязанностей: например, права старших по отношению к младшим как следствие обязанностей первых перед вторыми, так же как и права младших, вытекающие из обязанностей старших, обязанности подданных по отношению к государству и вытекающие из этого их права на государственную защиту (то есть обязанности государства в отношении подданных) и т. д. Главная же особенность таких представлений о правах и обязанностях связана с иным, отличным от европейской традиции пониманием человека, его личности, степени его автономности и свободы, его включенности в социальные структуры.

Какой вывод следует из этого обстоятельства?

Дело не в том, что способ включенности индивида в социальные структуры, характерный для неевропейских обществ, следует признать универсальным. И не в том, что обязанности должны всегда превалировать над индивидуальными правами. И то, и другое должно сочетаться. Дело действительно в другом: в признании того важнейшего факта, что не только индивид нуждается в защите, но и те коллективные (социальные и культурные) общности, к которым он принадлежит и без которых невозможен. Понимание этого выразилось в принятии после 1949 года ряда дополнений к Декларации, в которых речь шла уже о защите прав коллективных общностей (в отношении которых у индивида существуют обязанности).

И в понимании свободы как неотъемлемого компонента гуманистического идеала должны быть сделаны новые акценты. Ранее достижение свободы обычно связывалось с преодолением внешних ограничений человеческой деятельности — со стороны природного и социального окружения. Это приводило, с одной стороны, к идее покорения природы, использования ее в интересах человека, контролирования естественных процессов. Но та же конструктивно-проективная установка применялась и по отношению к социальным процессам. Считалось, что гуманизация общественных отношений связана с их рационализацией, позволяющей контролировать процессы в обществе и конструировать новые формы человеческих взаимоотношений и даже новые типы людей.

Сегодня ясно, что такого рода понимание человека и его отношений к природе и обществу ведет к тупику. Идея «покорения природы» привела к экологическому кризису, идея тотальной рационализации межчеловеческих отношений — к отчуждению человека от государственной машины.

Приходится признать, что отношения с природой должны строиться по образцу своеобразного диалога (идея коэволюции природы и общества) и что идея мультикультурализма имеет смысл только в том случае, если взаимоотношения разных культур мыслятся не как простое сосуществование не взаимодействующих между собой коллективных общностей, а именно как их диалог.

Особенность диалога заключается в том, что в результате него разные культуры и включенные в них люди не консервируются, не застывают в имеющихся у них особенностях, а могут развиваться, то есть изменяться в определенных отношениях. Уважение к другому человеку и другой культуре выражается в том, что они не просто принимаются как некая существующая данность, а включаются в заинтересованный диалог.

Диалог предполагает учет точки зрения другого участника. Это не значит некритическое принятие чужой позиции. А только то, что в иной культуре, в другой системе ценностей не обязательно видеть нечто враждебное, в ней можно видеть что-то, что может помочь в решении неких общих проблем. В таком диалоге не только отдельные люди, но и культуры могут развить собственную самоидентичность.

Диалог между разными культурами возможен и может быть плодотворен в контексте решения определенных практических проблем и в связи с пониманием этих проблем и предлагаемых способов их решения с точки зрения разных ценностей и представлений о мире. Каждая культура имеет собственную перспективу во взгляде на ту или иную проблему. Сравнение этих перспектив возможно и практически плодотворно. При этом способы решения тех или иных общих проблем, предлагаемые в рамках разных культурных перспектив, могут быть не просто разными, но и отличными друг от друга с точки зрения их плодотворности в определенной ситуации. И эта плодотворность к тому же может по-разному оцениваться в связи с изменением ситуации.

Межчеловеческий и межкультурный диалог и есть важнейшая черта современного гуманизма. Я хочу обратить внимание также на то, что компоненты гуманистического идеала находятся между собой в определенном равновесии, иногда довольно хрупком. Культивирование одного из них в ущерб другим может вывести за пределы гуманизма.

Например, ценности свободы и равенства. Не так давно у нас много писали о том, что идеал равенства устарел (упрекая при этом советскую власть в том, что она слишком большое внимание придавала равенству), что главное для развития человеческих возможностей — это свобода. Но ведь свобода необходимо предполагает равенство людей в определенных отношениях. Это прежде всего равенство всех перед законом (равноправие), равенство в моральном смысле (нет «морали господ» и «морали рабов»). Наконец, человек может по-настоящему свободно развиваться только в том обществе, в котором существуют равные исходные социальные условия для развития. Если один человек родился в семье олигарха, а другой имеет

малообеспеченных родителей, то ясно, что исходные социальные условия развития у двух детей будут различными. Первый ребенок может поступить в хорошую школу и престижный вуз, а затем занять привилегированное положение в обществе, а второй, даже в том случае, если он не уступит первому по природным задаткам и трудолюбию, столкнется с большими трудностями и в обучении, и в жизни. О какой же свободе развития можно говорить в данном случае? Но значит ли это, что подобное общество не может считаться гуманным?

Конечно, равенство тоже должно пониматься определенным образом: как не мешающее свободе. Если оно практикуется как всеобщее уравнивание, исключаяющее возможности индивидуального и оригинального развития, оно, очевидно, вступит в противоречие со свободой и приведет к негуманным и даже антигуманным последствиям.

Это касается и других компонентов гуманистического идеала.

Так, например, справедливость может вступить в противоречие с милосердием (первая может быть и довольно жестокой). Ценность ненасилия может оказаться в конфликте с ценностью защиты страны и людей — а это предполагает использование силы.

Развитие общественной жизни не уменьшает количество проблем, а увеличивает их число, социальная жизнь становится все более сложной и рискованной. Те проблемы, которые были решены ранее (или казались решенными), возникают вновь, и нередко в более острой форме. Мы должны трезво понимать, что в каждый данный момент и в данных конкретных обстоятельствах воплощение идеала гуманизма может быть только частичным. Моральная личность берет на себя ответственность за эту неизбежную частичность его реализации. Но ориентация на гуманистический идеал — это единственная возможность сохранения человека и человечности, единственная возможность выстроить между разными культурами отношения диалога и партнерства.

Его Королевское Высочество
Майкл, принц Кентский¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ²

Прежде чем начать разговор на тему международного диалога культур, я хотел бы остановиться на некоторых характерных особенностях глобализации, оказывающих большое влияние на культурную идентичность, на изменения в культуре, а также на экономику культуры и досуга. Далее хотелось бы заострить внимание на том, каким образом культурные связи, индустрия культуры и досуга могут оказывать положительное воздействие на последствия глобальных изменений, которые мы называем «глобализацией».

Энтони Гидденс определил глобализацию как «интенсификацию общемировых общественных отношений, которая связывает удаленные друг от друга местности таким образом, что события в одном месте происходят по образцу событий, случающихся за много миль от этого места, и наоборот» (Giddens, 1990). В этом отношении глобализация — отнюдь не новое явление, так как в течение столетий первопроходцы как национального, так и международного уровня, а также армии империй и завоеватели оказывали влияние — и хорошее, и плохое — на различные области собственной страны, а также на другие регионы мира. Однако если говорить о том, что изменилось за последние 20 лет, то это масштаб, скорость и интенсивность происходящих изменений, а также способ, с помощью которого технологии скоростных коммуникаций повлияли на данный процесс.

Каким же образом заявила о себе глобализация, если говорить о влиянии довольно отдаленных событий на то, что происходит рядом с нашим домом? Хотелось бы заострить внимание на трех основных и весьма простых параметрах: экономическом, общественном и культурном.

Начнем с самого очевидного. Кризис субстандартного ипотечного кредита на американском рынке несколько лет назад вызвал практически всеобщий коллапс фондовых бирж. Чуть ли не за одну ночь компании и биржи во всем мире потеряли миллиарды фунтов условной стоимости, которые все еще не восстановлены. Но что, возможно, еще более важно, так это установление нового экономического мирового порядка, когда проигравшие стали победителями, а победители (главным образом те, чьи финансовые

¹ Член британской королевской семьи, один из потомков российского императора. Ведет обширную благотворительную деятельность. Особое место в его благотворительной работе занимает Россия: в июне 2004 года был основан «Благотворительный фонд принца Майкла Кентского» для финансирования общественно полезных проектов в областях культуры, сохранения исторического и культурного наследия, здравоохранения, образования. Попечитель Института сертифицированных финансовых менеджеров (Великобритания), Российско-Британской торговой палаты, Лондонской школы бизнеса и финансов. Почетный доктор Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. Создатель ряда документальных фильмов, в т. ч.: «Nicholas and Alexandra», «A Royal Family», «Victoria and Albert» и др. Рыцарь-командор Королевского Викторианского ордена, рыцарь Большого креста Королевского Викторианского ордена, рыцарь Справедливости ордена Святого Иоанна Иерусалимского (Великобритания), награжден орденом Дружбы (Россия). Почетный доктор СПбГУП.

² Доклад представлен на XII Международные Лихачевские научные чтения (2012 г.).

системы непосредственно и всесторонне зависели от других) превратились в проигравших. А те глубокие пропасти, в которые в 2009–2010 годах провалились некоторые западные экономики, необходимо обходить стороной. И в то же время глобализация в отношении открытых рынков и свободной торговли между странами продемонстрировала способность быть фундаментом для глобального экономического роста. (Как выразился один широко известный, хотя и неоднозначно мыслящий британский художник Грейсон Перри: «Не могу не думать о том, что экономический кризис может оказаться весьма полезным, для того хотя бы, чтобы слегка смыть систему в унитаз».)

Последствия мирового кризиса, усиленные влиянием глобализации, уже заявили о себе и проявились в таких аспектах, как:

- тенденция к смещению акцентов на национальный суверенитет в экономических отношениях;
- низкая ликвидность для корпораций и частных лиц;
- потребность в сильной национальной идентичности;
- ужесточение конкуренции в борьбе за международные рынки и ресурсы;
- понижение степени доверия между конкурирующими группами.

В социальном аспекте воздействие глобализации, как в буквальном, так и в переносном смысле, оказалось революционным. Тот факт, что общества могут взаимодействовать и имеют возможность отслеживать и принимать участие в событиях, происходящих вдали от них, способствовал произошедшим социальным и политическим изменениям на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Это содействовало также тому, что голос демократии был услышан в такие сжатые сроки, которые немислимы были бы еще несколько лет назад. Использование Facebook и Twitter, а также других социальных сетей в сочетании с быстрым внедрением новинок в области мобильной телефонии, — все это, вместе взятое, дало возможность людям всего мира социально взаимодействовать мгновенно, напрямую и визуально. Здесь, как говорят знатоки социальных сетей, никуда не спрячешься. Сейчас любой путешественник, используя мобильный телефон, может устроить видеоконференцию карманного формата и пообщаться с семьей. Кроме того, наряду с журналистами он может в режиме реального времени посылать репортажи в новостные каналы. Например, один рядовой гражданин недавно рассказал о том, как узнал о движении «Белая лента»: «Я обнаружил информацию о движении "Белая лента" в Твиттере, однако я бы о ней узнал в любом случае, поскольку у меня много друзей "ВКонтакте" (самая большая социальная сеть в России)».

Влияние этих изменений на культуру столь же велико. Язык все еще остается главным средством общения, однако сегодня недостаточно разговаривать только на своем родном языке. Например, в Западной Европе, а также и во многих других регионах английский является общепринятым языком межнационального общения, хотя знания одного этого языка уже недостаточно для сегодняшнего поколения. Необходимо знать по крайней мере еще один язык — например, китайский, — чтобы получить рабочее место на международном рынке труда (где работодатели становятся все более разборчивыми и интернационально-ориентированными в своей политике найма ра-

бочей силы). Как недавно заметил Дэвид Грэддол в своей книге о всемирном английском "English Next" (2006): «Анализ международных поездок указывает на то, что три четверти их происходит между не англоговорящими странами. Это предполагает повышение спроса либо на изучение иностранных языков, либо на расширение использования английского языка в качестве языка межнационального общения».

Доступ к культурному наследию — и к историческому, и к современному — стал моментальным и всеобъемлющим. Мы можем совершить виртуальное путешествие по Британскому музею в Лондоне или по музею Гугенхайма в Бильбао, даже если находимся в другой части света; можем любоваться в онлайн-режиме национальной коллекцией Британского совета, в которой представлено 8500 произведений британского искусства; можем смотреть в местном кинотеатре трансляцию оперного спектакля из нью-йоркского «Метрополитен-опера». Виртуальная реальность превращается во вторую реальность. Грань между настоящей и виртуальной реальностью становится все тоньше, а различия все быстрее стираются. Культурная информация, культурные артефакты и культурные события стали доступны независимо от времени и места их возникновения. Однако точно так же, как экономическая глобализация испытала ощутимую потребность в большей экономической суверенности, культурная глобализация ощутила необходимость в усилении культурной идентичности.

Итак, учитывая все эти новшества, какая же роль выпадает на долю культурных связей и индустрии культуры и досуга?

В первую очередь, что касается культурных связей. Одним из неизбежных последствий глобализации стало растущее недоверие между различными группами мирового сообщества и, следовательно, возникла потенциальная угроза нестабильности и раскола. Несмотря на то что культурные связи не могут решить все проблемы, связанные с глобализацией, они играют очень важную роль во взаимодействии и взаимопонимании разных культур. В качестве иллюстрации: Британский совет — организация, с 1934 года работающая в сфере культурных связей, — накопил сотни примеров, которые демонстрируют преимущества культурных и образовательных программ и программ по обмену. Однако недавно была предпринята попытка подойти к этому вопросу со строго научной точки зрения: было проведено систематизированное исследование, в котором приняли участие 1500 молодых людей из Китая, Индии, Польши и Саудовской Аравии. Цель исследования: более объективно подтвердить то, что участие этих людей в программах по культурным связям с Германией, Францией, Великобританией и США так или иначе повлияло на степень их доверия к жителям и правительству этих стран.

При помощи тщательно разработанной методики исчисления удалось показать, что результаты исследования подтверждают наличие систематической корреляции между участниками программ по культурным связям и возросшим уровнем их доверия к жителям и правительствам иностранных государств. Это стало весомым доказательством целесообразности того, что Джозеф Най назвал «мягкой силой» как наиболее утонченной формой дипломатии (в отличие от «жесткой силы» или тактики принуждения, столь часто ассоциируемой с традиционной внешней политикой). Недавно он

отметил в журнале "Foreign Policy" (апрель 2011 г.): «Лидер в эпоху глобальной информации — не король горы, отдающий приказы, устанавливающие распределение обязанностей в соответствии с иерархической лестницей. Это, скорее, человек, который находится в центре круга или сети: он привлекает и убеждает других присоединиться и помочь».

Конечно, понятие доверия само по себе неоднозначно — оно включает элементы уважения, обязательств и постоянства взаимоотношений на протяжении длительного времени; однако вывод, который Британский совет огласил после проведенного исследования, очевиден: культурные связи выстраивают доверие.

Еще более интересно и в какой-то степени предсказуемо то, что посещение чужой страны напрямую связано с ростом доверия и что здесь наблюдалась корреляция с числом посещений. Результаты исследования однозначно показали наличие положительной связи между степенью приобретенного доверия по отношению к странам, принимавшим участие в исследовании, и желанием дальнейшего взаимодействия с этими странами: это убедительный довод в поддержку культурных связей. Такое доверие к жителям и правительству, а также последующее взаимодействие с ними является ключом к преодолению препятствий, встающих на пути позитивной глобализации.

Теперь обратимся к экономике культуры и досуга, что особенно близко Санкт-Петербургу. Это один из самых мощных инструментов для преодоления некоторых наиболее вредных последствий глобализации. Почему? Потому что, во-первых, это двигатель социальной интеграции (например, выступления оркестра «Западно-восточный диван» под управлением Даниэля Баренбойма в Палестине, а также исполнение концерта для виолончели Дворжака Мстиславом Ростроповичем с Государственным симфоническим оркестром СССР в Лондоне в 1968 г.). Музей Гуггенхайма был открыт в стране басков не случайно; возрождение Новой Голландии в Санкт-Петербурге — программа, которая тоже принята не просто так. Новая Голландия, которая первоначально, в 1721 году, использовалась в качестве первого российского военного порта (а позже как сушильня для лесоматериалов), теперь преобразуется в многофункциональную зону с художественными галереями, площадками для представлений и развлекательных мероприятий, коммерческими участками, жилыми помещениями и торговыми точками, что демонстрирует силу культуры как двигателя социального и экономического возрождения. Таким образом, история повторяется, поскольку Санкт-Петербург и при Петре Великом уже был глобализованным городом, куда стекались архитектурные таланты и профессионалы со всего мира. Город этот, как сказал в 1739 году Франческо Алгаротти, был «огромным окном, недавно открывшимся на севере, через которое Россия смотрит на Европу».

И вновь мы наблюдаем, как глобализация способствует тому, что лучшие профессионалы на всемирном рынке (проект «Новая Голландия» был выставлен на международный тендер) имеют возможность внести положительный вклад в этот важный локальный социокультурный и экономический проект.

Во-вторых, экономика культуры и досуга открывает диалог и доступ к культурным ценностям, преодолевая физические границы: фильмы, книги, видео- и аудиозаписи, — все это дает пищу уму и порождает дискуссии. Например, экономика культуры и досуга использует коммерчески недорогой доступ в Интернет со всеми его преимуществами, когда загрузка книг (через Kindle, Tablets), музыки и фильмов легко осуществима, что делает культуру доступной для любого человека, имеющего выход в Интернет, в любом месте и в любое время. При такой свободе выбора и при таких технологиях качество литературы — художественной и специальной — остается таким же, но сама литература делается более доступной всему миру. И с течением времени эта открытость приведет к еще более расширенному межкультурному взаимодействию и, надеюсь, к большей толерантности и уважению к ценностям других культур.

И в-третьих, экономика культуры и досуга — ключ к экономическому развитию и процветанию на местном уровне. Как подсчитано, на долю индустрии культуры и досуга в Великобритании приходится более 8 % от национального дохода (сравните с 10 % у всемирно распространенной сферы финансовых услуг), здесь задействовано 5 % всей рабочей силы. В начале 2000-х годов экономика культуры и досуга в Великобритании росла с поразительной скоростью — 8 % в год, что сделало ее самым крупным креативным сектором в Евросоюзе и, если говорить о ВВП, вероятно, самым большим в мире. В контексте глобализации интересно порассуждать о том, почему Великобритания оказалась особенно удачливой в данной области, при этом не увлекаясь восхвалением творческих достижений страны (хотя очень хочется!). Я сосредоточу внимание на тесной связи между свободой выражения, культурным творчеством и экономическим успехом. Как и Великобритания, другие общества становятся все более образованными и обеспеченными; новые технологии повсеместно делаются доступнее.

Так почему же Великобритания лидирует в этой сфере? Частично это объясняется высоким спросом на новую культурную продукцию; и конечно, распространение английского языка во всем мире дает нашим учреждениям культуры и досуга большое преимущество. Творчество и новаторство рождаются из желания экспериментировать с «новым», а не прирастать к «старому». То есть учреждения культуры и досуга в Великобритании процветают в силу того, что толерантность и открытость новым идеям и культурам порождают новые мысли, а также в надлежащих условиях создают новые товары и процессы. В не знающем границ виртуальном мире, при наличии соответствующей поддержки и желания, такое может происходить повсеместно. В данном контексте глобализация должна рассматриваться как позитивный процесс.

Почему в мире, где многое доступно на расстоянии, где почти каждый артефакт в любом музее можно виртуально осмотреть, индустрии культуры процветают так, как никогда ранее? Почему, скажем, в 2010 году 5,8 млн человек посетили Британский музей в Лондоне, 5,1 млн — Галерею Тейт и 2,5 млн — Эрмитаж? И почему число посетителей этих культурных учреждений возрастает на 20 % ежегодно? Подозреваю, что ответ кроется в главной теме нашей дискуссии — в глобализации: ведь чем сильнее глобализация навязывает ощущение экономической, социальной и культурной однородности, тем больше людей желают отличать себя и свои культуры от иных.

Федерико Майор¹

ВМЕСТО КОНФРОНТАЦИИ ТРЕБУЮТСЯ ДИАЛОГ И ОБЪЕДИНЕНИЕ²

Переход от культа силы, навязывания чужой воли и насилия к культуре диалога, взаимопонимания, урегулирования конфликтов и миру нашел отражение в следующих международных документах:

- Декларация принципов толерантности (ЮНЕСКО, 1995);
- Декларация и план действий в рамках «Диалога цивилизаций» (Генеральная Ассамблея ООН, 1998);
- Декларация и Программа действий в области культуры мира (Генеральная Ассамблея ООН, 1999).

Ключевое понятие во всех документах — обмен (опытом и знаниями).

Именно таким планировалось развитие по замыслам ООН: всеобъемлющим, эндогенным, устойчивым и... с человеческим лицом!

Пришло время действовать. На заре XXI века человечество столкнулось со множеством кризисов: финансовым, экономическим, экологическим, кризисом культуры и, что самое опасное, с продовольственным кризисом, который требует незамедлительного решения. Провал экономической «глобализации» станет еще более очевидным, если люди, живущие за чертой бедности, мобилизуются перед лицом угрозы голода.

Решение заключается в переходе от экономики войны к экономике глобального развития (инвестициям в энергетические инфраструктуры на возобновляемом топливе, производство продуктов питания, водоснабжение и т. д.). Но это решение станет возможным только тогда, когда причина применения силы превратится в силу причины, когда сила будет заменена словом, конфронтация — диалогом и ее плодом — объединением.

Тем не менее произошло так, что гранты были заменены займами.

Наращивание мощностей происходит за счет эксплуатации (вспомним недавний пример на шахтах в Республике Конго). Общечеловеческие принципы справедливости, свободы, равенства и солидарности нарушаются законами рынка. Система ООН как «система международной демократии» подвергается ревизии со стороны стран «семерки» и «восьмерки» (G-7/G-8), международной плутократии, где Международный валютный фонд и Мировой банк не выполнили своей изначальной миссии, а ВТО была выведена за пределы системы ООН.

В 2000 году все страны — члены ООН подписали Декларацию тысячелетия Организации Объединенных Наций. Но в связи с терактами в США (11 сентября 2001 г.) и вторжением в Ирак, что было в корне неправильно, не удалось начать осуществление этих «целей».

В сентябре 2004 года глава правительства Испании во время своего незапланированного выступления перед Генеральной Ассамблеей ООН призвал объединить усилия против бедности и создать «Альянс цивилизаций».

¹ Основатель и президент Фонда за культуру мира, доктор фармакологии, профессор (Испания), генеральный директор ЮНЕСКО (1987–1999). Автор книг "Scientific Research and Social Goals: towards a new development model" (1982), "Letters to Future Generations" (1999), «L'enseignement superieur au XXIe siècle» (2000), «La fuerza de la palabra» (2005) и др.

² Доклад представлен на VIII Международные Лихачевские научные чтения (2008 г.).

В 2005 году на саммите по «Целям тысячелетия» 15 глав государств и правительств заявили: «Мы подтверждаем нашу позицию по Декларации и Программе действий по культуре мира так же, как и по Глобальной повестке дня "Диалога цивилизаций" и ее программе действий, принятой Генеральной Ассамблеей, и важность различных инициатив в сфере диалога культур и цивилизаций, включая диалог по межконфессиональному сотрудничеству. Мы обязуемся сделать все возможное для продвижения культуры мира и диалога на местном, национальном, региональном и международном уровнях, а также обращаемся к Генеральному секретарю ООН с просьбой найти механизмы ускорения и доведения до конца этих инициатив. В этом отношении мы также приветствуем инициативу "Альянса цивилизаций", объявленную Генеральным секретарем ООН 14 июля 2005 года».

13 ноября 2006 года в Стамбуле в докладе Группы высокого уровня ООН — «Альянса цивилизаций», который был представлен Генеральному секретарю, определены практические меры и даны следующие рекомендации:

- преодоление различий;
- содействие встречам и диалогу;
- в отношении образования: содействие студенческому обмену и доступу в Интернет;
- в отношении СМИ: преодоление стереотипов и непонимания разных культур.

Особое внимание должно быть уделено работе с молодежью.

ДИАЛОГ И АЛЬЯНС ЦИВИЛИЗАЦИЙ¹

На встрече с группой «Альянс цивилизаций» в 2005 году я сказал следующие слова: «Прошу вас не начинать схоластические споры о том, что такое цивилизация, что такое Альянс и т. п. Наша задача — разработать практические шаги по созданию мостов между цивилизациями, сформировать конкретные проекты по взаимодействию культур, наладить конструктивный диалог между религиями...

Все наши многообразные культуры, верования и идентичности составляют наше богатство. Наша сила — в объединении на основе универсальных ценностей. Только при беспристрастном диалоге, взаимодействии и знании друг о друге мы сможем жить в гармонии и мире. Мы должны мобилизовать гражданское общество, чтобы добиваться искоренения причин экстремизма и насилия, чтобы осуществить переход от культуры принуждения к культуре диалога и согласия. Каждый день строить мир и творить альянсы при помощи слов — наша огромная и ближайшая миссия.

Кроме того, мне хотелось бы, чтобы Альянс в рамках ООН стал влиятельной структурой, которая при определенных гарантиях могла бы быстро и эффективно реагировать на любую атаку или провокацию сторонников насилия и конфликтов.

¹ Доклад представлен на IX Международные Лихачевские научные чтения (2009 г.).

Мне хотелось бы, чтобы Альянс вносил свой вклад и в сферу профилактики и лечения болезней, боролся против бедности и пандемий и в целом принимал участие в подготовке адекватных стратегий для ответа на глобальные вызовы, которые не могут больше решаться меньшинством: энергетика, продовольствие, вода... Долгосрочное прогнозирование особенно важно, чтобы избежать «сюрпризов», которые всегда сильнее сказываются на слабых. Альянс действует на благо наиболее уязвимых, детей, молодежи, стариков и инвалидов при постоянном внимании со стороны ответственности.

Одна из функций Альянса — обеспечение всеобщего доступа к образованию, которое способствует развитию творческих способностей каждого человека, дает ему возможность самому найти ответы на многие вопросы мироздания и не подвергаться диктату со стороны других. К образованию, которое не подразумевает пропаганду стереотипов, не искажает историю и подчеркивает многогранность жизни каждого из нас. При этом необходимо взаимодействие между университетами и научными учреждениями, организациями в сфере культуры и спорта, между всеми странами мира, и в особенности между наиболее отдаленными и непохожими друг на друга.

Альянс создается для борьбы со «страхом и нищетой», как сказано в Преамбуле Декларации всеобщих прав человека, посредством доступной и надежной информации и свободы слова, доступности материальных благ и знаний; чтобы была стабильность, безопасность и уважение к человеческому достоинству, чтобы не могла формироваться благоприятная почва для разрушений, радикализма и агрессии. Признание свободы без всяких ограничений может вызвать отрицательную реакцию. Например, когда свобода слова не сопровождается соответствующей мерой сдержанности, есть риск, что реакция со стороны «обиженных» будет непропорциональной. Но и цензура не всегда приводит к решению проблем, его дает скорее спокойный диалог. Именно сейчас крайне необходимо, чтобы все страны, представляющие разные стороны конфликтов, обратились к диалогу и согласию.

Целью Альянса является также укрепление демократических основ, чтобы люди могли свободно осуществлять свои права и нести ответственность за свои действия. Альянс защищает общие ценности и укрепляет наше единство. Определив, что нас объединяет, и оценив, что разделяет, мы неизбежно продвигаемся к общей цели.

Я перечислил лишь некоторые сферы приложения сил Альянса, чтобы показать, насколько велико пространство, в котором мы можем действовать; в котором гражданское общество и представляющие его организации своими ежедневными усилиями будут создавать мирное будущее, где живут свободные люди, независимые от пагубных привязанностей, страхов и предрассудков».

С тех пор как я произнес эти слова, прошло время. Мне приятно узнать, что уже в течение 9 лет в России в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов проходят регулярные международные встречи политиков, ученых, представителей гражданского общества, деятелей культуры, посвященные этой тематике. Я познакомился с материалами этих встреч и убедился, что многие проекты, упомянутые мной в 2005 году, конструктив-

но обсуждаются и решаются на этих мероприятиях. Я искренне надеюсь, что смогу принять участие в юбилейной встрече в 2010 году.

И еще мне кажется очень символичным, что эти мероприятия объединены именем Д. С. Лихачева — великого человека, символизирующего Альянс культур XX века.

В. И. Матвиенко¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ²

Термин «культурная столица» был актуален для Санкт-Петербурга всегда — на протяжении всей его более чем трехсотлетней истории. Славу столицы Российской империи создавали не только правители и политики, но и ученые, художники, люди других творческих профессий — как принадлежавшие к разным слоям городского общества, так и выходцы из крестьянской среды. В Петербурге сформировалось то средоточие мастеров и талантов, художественных школ, та интенсивность творческих исканий, которым могли лишь завидовать другие города России и многие страны мира. При этом немаловажно, что здесь работали и одаренные русские люди, и представители многих народов России, и лучшие итальянские, французские, немецкие, голландские, шведские, британские зодчие, художники, композиторы, балетмейстеры, актеры, врачи, ювелиры, модельеры и т. д.

Сегодняшний Петербург — это город богатого исторического наследия, хранитель шедевров искусства высочайшего мирового уровня, город, питанный и наполненный разнообразными традициями и обычаями — и народными, и профессиональными. Петербург настоящего времени — это город, где живут немногим менее 5 млн человек, и это люди разных поколений, национальностей, религиозных взглядов, мировоззрений и культурных предпочтений. Ежедневно в наш город приезжают десятки, а иногда и сотни тысяч гостей со всей России, из ближнего и дальнего зарубежья, и это тоже признак мультикультурной идентичности Петербурга — перекрестка цивилизаций.

Петербург был построен трудом рабочих рук людей, приехавших сюда из разных областей России, его экономика, общественная и культурная жизнь были созданы трудом жителей города, сохранявших различные этнические традиции. В годы Великой Отечественной войны сопротивление жителей блокадного Ленинграда было частью победы над фашистской агрессией. Сегодняшний Петербург развивается и обновляется, и в этом процессе

¹ Председатель Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации (с 2011 г.). Губернатор Санкт-Петербурга (2003–2011). Работала заместителем председателя Исполкома Ленсовета, избиралась народным депутатом СССР. Была послом в Республике Мальта, Греции. Имеет дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла. Работала заместителем Председателя Правительства Российской Федерации, полномочным представителем Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе. Удостоена многих государственных наград.

² Доклад представлен на IX Международные Лихачевские научные чтения (2009 г.).

сотрудничают коренные жители города и трудовые мигранты, используя опыт исторической «питерской» толерантности. Во многих регионах России существует традиция выделять жителей Петербурга по их особым культурным свойствам, а петербургский стиль общения приводится как пример особой вежливости в общении.

Сфера культуры Санкт-Петербурга представляет огромные, иногда просто уникальные, возможности для диалога культур. Экспозиции и разнообразная выставочная деятельность Эрмитажа, Русского музея, наших многочисленных городских музеев, международные фестивали («Звезды белых ночей», «Площадь искусств», «Балтийский дом») привлекают в наш город и всемирно признанных профессионалов, и простых любителей искусства, а рядовому жителю города позволяют почувствовать себя «человеком мира».

Опираясь на результаты работ ученых различного профиля, можно сказать, что Санкт-Петербургу выпала историческая роль узла контактов большого числа этнических культур, практически всех мировых религий, зоны взаимодействия цивилизаций и одного из главенствующих центров возникновения особого цивилизационного единства, сложившегося в евразийском пространстве, которое мы называем российской цивилизацией.

К рубежу I – II тысячелетий, который рассматривается как время начала существования большинства народов современной Европы, в точке истока Невы находился многонациональный ремесленный и торговый город, называемый в Северной Европе Альдейгьюборг, а в российской истории известный как Старая Ладога. В нем сосуществовали славяне, представители местных финноязычных племен, дружины варяжских воинов. Город возник на пересечении Волжского и Днепровского путей в Северную Европу, Поволжье, Западную Азию. По этим магистралям в Средние века путешественники добирались и до Британских островов, и до могущественных Византии и арабского Халифата. Старой Ладоге, как свидетельствует древнерусская летопись «Повесть временных лет» и подтверждают современные археологические исследования, было суждено стать отправной точкой развития Российского государства. Во многих отношениях Старую Ладогу можно рассматривать как форму города, предшествовавшую возникновению Санкт-Петербурга. Археологические данные позволяют говорить о том, что и ранее невские берега были зоной взаимодействия различных групп древнего населения.

В XIII веке в совместной борьбе княжеских дружин и местного разноязычного населения была отражена рыцарская агрессия, направленная на северо-запад Древнерусского государства и угрожавшая его политической и религиозной самостоятельности. Именно здесь взошла звезда Александра Невского, проявившего себя мудрым политиком в отношениях с монгольскими правителями, чем было положено начало переходу к сложению Московского государства из раздробленной феодальной враждой Древней Руси. Логика войны, во многом определявшая ход истории в это время, не отрицала торговых связей, в которых невские земли, бывшие тогда частью Великого Новгорода, были задействованы на пути к городам северогерманского Ганзейского союза. До начала XVIII века борьба за пограничные земли у Финского залива была частью становления Российского и Шведского госу-

дарств. Утверждение России на землях восточной Прибалтики в XVIII веке не только не означало разрыва с европейской цивилизацией, но, наоборот, сблизило Россию и Европу.

Российская империя выросла из допетровской Руси, которая к этому времени уже была многонациональным государством, расположенным в центре Евразии и достигнувшем берегов Тихого океана. Императором Петром I был поставлен своего рода грандиозный исторический эксперимент, когда новая столица государства была выдвинута в пространство пограничья цивилизаций. Была поставлена и решена задача строительства города, совершенно нового для страны — не только по архитектуре, но и по образу жизни населения. Для России создание столицы на Неве было частью процесса колонизации присоединенных земель даже при наличии здесь старожилов. Вместе с русскими к строительству Санкт-Петербурга привлекались и другие народы, в числе первых переселенцев оказались народы Поволжья, в том числе татары. Естественным было включение в состав города участка с финским населением, тяготевшим собственно к акватории Невы. В городе появилось армянское и грузинское население, еврейские переселенцы. Притом что этнические группы в Петербурге старались жить сообща, примечательно, что в городе так и не сложилась традиция существования закрытыми кварталами типа «чайнатаунов». Логичным было привлечение шведов и немцев на гражданские и военные административные должности или в качестве представителей городских профессий: врачей, аптекарей, пекарей, искусных ремесленников.

Своеобразие петербургского градостроительно-архитектурного облика — как начального периода истории Петербурга, так и последующих лет — проявилось и в том, что в его создании приняли участие зодчие из стран Западной Европы, и в том, что в столице России они создавали лучшие образцы европейской архитектуры. Привлечение иностранцев было частью процесса вхождения формирующегося российского общества в европейское Просвещение, создания передовой науки, возникновения Петербургской академии наук, Академии художеств. В середине XVIII века до 15 % населения Санкт-Петербурга составляли иностранцы, среди которых значительную долю составляли, говоря современным языком, специалисты. С такими европейскими влияниями, как появление в городе иноверческих церквей наряду с православными, можно связать зарождение в Петербурге духа веротерпимости. Еще в Манифесте от 16 апреля 1702 года сообщалось: «...В нашей столице свободное справление веры всех... принуждения над совестями... себе невосприемлем...»

В период правления Екатерины II Санкт-Петербург становится столицей империи, соединившей берега Балтийского и Черного морей, единственным государством, выходящим к берегам северных, южных, западных и восточных морей Евразии. При этом она была гигантской континентальной страной, в различных ландшафтных зонах которой жили сотни разных этнических групп. Существенным шагом к объединению населения империи были меры, принятые в правление Екатерины II, по развитию веротерпимости, давшие существенное расширение прав иноверцам, в том числе приверженцам ислама и иудаизма (в частности, Указ от 17 июня 1773 г. «О терпимости всех вероисповеданий...»). В правление Екатерины II состоялось открытие

в Петербурге первого молитвенного дома для мусульман. И отнюдь не только парадоксом выглядит сакрализация облика императрицы в северном буддизме у бурят и калмыков.

В конце XVIII — первой половине XIX века в Петербург съезжаются вельможи, дворяне, искавшие службы и чинов, и зависевшие от них крестьяне. Население города прирастало за счет представителей лично свободных сословий, оброчных крестьян. Проведенное в первой трети XIX века облегчение положения государственных крестьян, особо затронувшее регионы Прибалтики и Поволжья, дало возможность для увеличения числа выходцев из этих мест среди жителей столицы. В первой половине XIX века население города росло за счет притока представителей лично свободных сословий, оброчных крестьян. В среду города входили отставные чины различного ранга, в том числе и отслужившие в армии мусульмане и евреи. После Крестьянской реформы 1861 года в город направился поток вчерашних крестьян, постепенно освобождавшихся от ограничений по передвижению, жителей европейской части страны с преобладанием русских. В городе выросло число татар, белорусов, эстонцев, евреев и др.

С развитием заводской и фабричной промышленности население Санкт-Петербурга росло и его национальный состав ширился. На рубеже XIX — XX веков город стал крупнейшим университетским центром и первым центром политехнического образования, здесь формировались русская национальная идея и разновидности русской культуры, возник феномен, получивший название Серебряного века российской литературы. В столице представители национальной интеллигенции могли осуществлять свою деятельность более свободно, чем на окраинах империи.

Таким образом, уже в начале XX века Санкт-Петербург стал не только центром российской цивилизации, но и ее настоящим представителем и образцом. Утрата городом столичного статуса в советский период не изменила сути явления. Примечательно, что в разных частях Советского Союза Петербург — Ленинград воспринимался как город, население которого было более близким к населению русской провинции и национальных республик, чем население политической столицы государства, но одновременно как город с передовой культурой, российской и европейской. В XX веке регионы России увеличили свое представительство в населении Петербурга. Особенно интенсивно этот процесс происходил в 1990-е годы. Отчасти поток мигрантов в Петербург из регионов Кавказа и Средней Азии можно рассматривать как восприятие населением этих мест значения Петербурга как сохраняющегося центра не только российского, но и евразийского пространства. Можно также отметить обозначившуюся тенденцию среди представителей ряда национальных образований северных народов России в начале XXI века видеть в Петербурге свою столицу, объединяющую аборигенное население Крайнего Севера.

В чем можно обнаружить феномен российской цивилизации? Во-первых, это исторический союз русского народа с другими группами восточных славян, в частности с народами уральской (особенно финно-угорской группы), алтайской (особенно тюркской группы), кавказской и других языковых семей. Во-вторых, это поле тесного взаимодействия православия с северным исламом (Поволжье, Северный Кавказ и Дагестан, Сибирь)

и северным буддизмом (ламаизмом), а также с рядом локальных религиозных верований. В-третьих, это понимание исторически объединяющей роли российской государственности, учитывающей значение национального фактора. В-четвертых, понимание того, что российская цивилизация является уникальным образованием европейского стиля, но обогащенным вкладом со стороны национальных культур многих народов Евразии и находящимся в постоянном диалоге культурного взаимопонимания с народами Западной, Центральной и Восточной Азии, Тихоокеанского региона. Как геополитическое единство, российская цивилизация занимает срединное положение между центральной Евразией (собственно Евразия от Эльбы до Тихого океана и от Ледовитого океана до Средиземного моря, Персидского залива, Гиндукуша) и так называемой (по выражению П. П. Семенова-Тян-Шанского) русской Евразией (лежащей между Днестром и Енисеем). Понятие «российская цивилизация» указывает и на интеграцию цивилизационных областей, и на целостность возникшей при этом своеобразной полиэтничной общности.

Санкт-Петербургу принадлежит особая роль в пространстве российской цивилизации, определяемая его ролью «культурной столицы» России. Петербург остается «окном в Европу», что в современных условиях означает направленность его научной, технической и художественной мысли на отбор нового, прогрессивного в современном мировом опыте и фильтрацию тех идей, которые противоречат смыслу российской цивилизации, партнерство с зарубежными научными, университетскими центрами, большими музеями, крупными образовательными центрами. За Петербургом исторически закреплена роль проводника в России идей и результатов европейского Просвещения и участие в их создании.

Кроме того, Петербург был и остается центром познания феномена российской цивилизации как целостного явления.

В Петербурге российский ученый и видный государственный деятель Василий Татищев (1686 – 1750) сформулировал задачи изучения населения России как части административной деятельности. В начале XVIII века Петербургская академия наук провела более 50 так называемых академических экспедиций в разные области страны, способствовавших познанию культуры ее многонационального населения. Результатом стало появление в 1776 – 1780 годах первой народоведческой энциклопедии России — труда И. Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов...» По мнению крупного советского этнографа и историка науки С. А. Токарева, сопоставимая по значимости работа К. Черига «Этнография Австрийской монархии» вышла в свет почти на сто лет позднее «Описания...», в 1851 году.

В конце XVIII — начале XIX века из Петербурга отправлялись кругосветные экспедиции, также внесшие большой вклад в российскую науку. Итогом многих событий общественной, политической и научной жизни России первой половины XIX века было зарождение идеи создания в стране всеобъемлющего национального музея. Его прообразом был созданный в Петербурге в 1826 году Румянцевский музей, потом переведенный в Москву, где позднее вокруг него сформировался большой музейный комплекс. В 1845 году по инициативе энтузиастов из ученых, военных, участников

дальних плаваний и при поддержке Императорского двора было создано Русское географическое общество (РГО); в течение последующих лет возникло множество филиалов РГО в разных городах России, являвшихся региональными центрами. Сейчас оно существует под названием «Национальное географическое общество», его центральное бюро продолжает свою работу в Санкт-Петербурге, где находится архив общества за все годы его существования. Уместно вспомнить, что в Петербурге располагаются многие архивы общегосударственного значения, хранилища исторической мысли, в том числе Российский государственный исторический архив, внесенный в 1993 году в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации. В Петербурге продолжают свое славное существование самые первые в России университет и педагогический институт.

Важнейшим инструментом самопознания феномена российской цивилизации являются музеи, важнейшие из которых сосредоточены в Петербурге. Современный Санкт-Петербург обладает колоссальным наследием в этой области. К началу XIX века в Петербурге уже было несколько видов музеев: академический музей с научными и просветительскими целями (Петровская кунсткамера, основанная в 1714 г.), художественная галерея с учебными целями (собрание памятников при Академии художеств, сложившееся в 1758–1765 гг.), новое (относительно галерей Петергофа, Царского Села, Ораниенбаума) дворцовое собрание — Эрмитаж (основано в 1764 г.), военные музеи, учебные музеи (например, Музей моделей сельскохозяйственных орудий и машин, основанный в 1792 году при Вольном экономическом обществе).

Наиболее представительным музеем, сочетавшим научные, хранительские и просветительские функции, в начале XIX века была Петровская кунсткамера. В 1818–1836 годах на базе Кунсткамеры были образованы Азиатский музей, Ботанический, Зоологический, Минералогический, Этнографический и прочие музеи. Азиатский музей (ныне — Институт востоковедения) и Этнографический музей, из которого возник Институт этнографии (ныне — Институт этнологии и этнической антропологии), оформились как крупные центры изучения культуры народов Евразии, ведущие в наше время обширную по географическому охвату исследовательскую работу. Длительным был процесс оформления музеев военной славы России, главными из которых стали Военно-морской музей и Военно-исторический музей артиллерии.

В 1904 году в специально построенном здании был открыт музей А. В. Суворова. XIX век был периодом расцвета музеев, создававшихся при учебных заведениях, службах, ведомствах, и данная традиция получила продолжение в середине XX века, когда возникали музеи на различных предприятиях. В 1907 году при Обществе архитекторов-художников был организован Музей Старого Петербурга, эта дата считается временем основания Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Весь XIX век шло развитие Эрмитажа как крупнейшего хранилища предметов мирового искусства. Создание в Москве Исторического музея было проявлением стремления к осуществлению идеи национального музея, но не самим осуществлением. Итогом стало императорское решение о создании двух музейных комплексов

в Санкт-Петербурге и Москве, наследниками этого решения и частичного его исполнения являются ныне Русский музей и Российский этнографический музей в Петербурге.

Экспозиции Музея цивилизаций предполагают большую аттрактивность, нежели имеющаяся в настоящее время, в силу комплексно-цивилизационного подхода к проблемам этнографии, истории, религиоведения народов России. Создание такого музейного объединения именно в Санкт-Петербурге определяется не только общими практическими и научными задачами, но и тем, что город традиционно является многонациональным. В настоящее время в силу сложной полиэтнической ситуации актуальность создания Музея цивилизаций постоянно возрастает. В основе единого межмузейного комплекса могут находиться этнографические собрания Санкт-Петербурга, дополненные экспонатами, отражающими поликонфессиональную структуру России в прошлом и на уровне историко-этнографической современности.

Создание музейного объединения данного обобщающего типа представляется поэтапным: от комплексных выставок к системным экспозициям и в дальнейшем к созданию единого музейного центра гуманитарного профиля. Такой центр будет экспонировать, хранить и изучать те предметы, которые отражают культурно-историческое единство и этнические особенности народов России.

В нашем городе многое делается для поддержания и развития традиций многонациональности, многоконфессиональности культурной среды. Только в 2008 году прошли масштабная выставка «Многонациональный Петербург: город и люди» и межконфессиональный музыкальный фестиваль, реализован уникальный художественно-биографический проект «Национальность — питерский» и культурно-образовательная программа «Обнимитесь, миллионы (песни, танцы, театр народов России)», традиционно проходит общегородской фестиваль коллективов национально-культурных объединений «Возьмемся за руки, друзья», формируется общегородская Библиотека национальных культур.

У общественности Санкт-Петербурга и городских властей серьезную озабоченность вызывает значительное падение уровня бытовой и общественной культуры жителей города, произошедшее за последние 15–20 лет. Именно поэтому Правительством Санкт-Петербурга разрабатывается городская комплексная социальная программа «Культурная столица», направленная на повышение культуры и социальной ответственности, изменение поведенческих стереотипов жителей Санкт-Петербурга. В числе ее приоритетов и первых шагов по пропаганде стиля поведения истинного петербуржца и внимания к общечеловеческим гуманистическим ценностям этнических культур — развитие традиций культуры поведения с юного возраста, социокультурная адаптация мигрантов, создание и выпуск нескольких вариантов «Азбуки петербуржца» для различных категорий населения.

Диалог культур и конфессий должен продолжаться на почве Санкт-Петербурга не как стихийный диалог цивилизаций, а как стратегия выбора оптимальных способов взаимодействия общественных и этнических групп, народов и стран.

МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЙ ПЕТЕРБУРГ: СОВРЕМЕННЫЙ ОПЫТ ДИАЛОГА КУЛЬТУР¹

Во всем мире сегодня национальные отношения приобретают все большее значение. Нарастающие процессы глобализации отнюдь не умаляют значимость вопросов национальной принадлежности, национальной идентичности, сохранения богатейшего культурного многообразия. Мы с этими проблемами в Петербурге хорошо знакомы и научились их решать. Мы знаем, что сохранение социального мира и согласия возможно только посредством самого широкого диалога культур. Этот диалог предполагает взаимопроникновение и взаимовлияние культурных традиций, служит источником их взаимообогащения и развития.

Само понятие культуры подразумевает наличие некоего «культурного кода», этических, нравственных и духовных традиций, утрата которых равносильна гибели общества. Между тем, сохраняя неизменно свое самобытное ядро, каждая национальная культура постоянно подвергается воздействиям других культур, по-разному их адаптируя. Под влиянием новых культурных трансплантаций традиции переосмысливаются, в них включаются новые жизненные ценности и ориентиры.

Таким образом, диалог предполагает не просто принятие и понимание богатого многообразия различных культур, но и нечто большее. Чтобы постоянно развиваться и совершенствоваться, одна культура нуждается в другой. По мнению многих ученых, таков был опыт великой российской модернизации, осуществленной Петром I. Модернизации удивительно успешной, плацдармом которой был избран Санкт-Петербург. Она позволила России встать в ряд ведущих европейских и мировых держав.

В Петербурге на протяжении столетий жили и трудились представители разных народов и этносов. Наш город формировался как многонациональная и поликонфессиональная столица, население которой отражало всю пестроту этнического состава, многообразие культур и религий Российской империи. Основатель города Петр I сумел собрать в новой столице все лучшее, что было в других странах, создавая условия для интеграции западной и российской культур. В строительстве Санкт-Петербурга участвовали и трудовые мигранты, мастера из российских губерний, и профессионалы-иностранцы. Город вбирал в себя массы людей, различных по своему вероисповеданию, языку, обычаям, которые оставили свой культурный след в его облике, топонимике, традициях. Примечательно, что по данным переписей населения, проводимых в Петербурге в XIX веке, многие иностранцы, приехавшие в Россию, называли родным языком русский. В городе строились храмовые здания и сооружения различных религиозных конфессий, открывались национальные школы, создавались национальные объединения. Петербург не только стал «перекрестком культур» — в городе на Неве сложилась особая, неповторимая полифоническая культура.

Именно в Петербурге на протяжении многих десятилетий формировалась подлинная элита многонациональной России. Здесь учились представители практически всех этносов нашей страны и сопредельных стран.

¹ Доклад представлен на XI Международные Лихачевские научные чтения (2011 г.).

Интеллигенция разных национальностей осознавала себя здесь в качестве ведущей духовной силы своих народов.

Национальные диаспоры Санкт-Петербурга сегодня глубоко интегрированы во все сферы жизни города, они стали неотъемлемым компонентом гражданского общества. В современном пятимиллионном мегаполисе насчитывается около 200 этнокультурных общественных организаций, действует более 300 храмов. Здесь в мире и согласии, в атмосфере взаимного уважения и дружеского общения проживают представители более 140 этносов. В Петербурге открыт Дом национальностей, ставший координирующим центром деятельности национально-культурных объединений.

Вместе с тем усилившиеся повсеместно в мире в конце XX века миграционные потоки ставят перед нами новые задачи в регулировании межнациональных процессов. Практически во всех странах люди становятся все более мобильными, социумы — все менее гомогенными. Если 60 лет назад, в 1950 году, границы государств ежедневно пересекали 70 тыс. человек, то в конце 2000 года эта цифра превысила уже 2 млн. Не остается в стороне от глобальных миграционных процессов и Россия. Сегодня наша страна занимает второе место после США в списке стран, активно принимающих мигрантов. В Россию ежегодно прибывает более 12 млн трудовых мигрантов.

Миграция — важнейший демографический процесс с экономическими, политическими, географическими и иными аспектами. Но это и многогранное социокультурное явление, источник постоянного межкультурного диалога. Следует отметить, что за последнее время поликультурные общества стали реальностью всех без исключения стран и городов мира. Однако одно дело — культурные различия, к примеру, между испанцами и каталонцами в Испании, которые исторически десятилетиями проживали бок о бок друг с другом. И совсем другое — между христианами и мусульманами, представителями европейской и азиатской цивилизаций. Мы хорошо знаем, что в отношениях между столь различными культурами есть определенные стереотипы, мешающие нормальному диалогу.

В разных странах по-разному решают проблемы межкультурного взаимодействия этнических мигрантов и местного населения. Мировой опыт знает целый ряд моделей такого взаимного общения — от сегрегации, то есть раздельного существования культурных групп, до ассимиляции — полного принятия мигрантами ценностей и норм новой среды. Если говорить объективно, ни одна из европейских стран полностью не решила проблему взаимной адаптации иммигрантов и принимающего социума. Вместе с тем европейский опыт был бы нам очень полезен.

Нашему городу изначально присущ дух новаторства и первопроходства. За Петербургом исторически закреплена роль проводника в России идей и результатов европейского просвещения, апробации и воплощения всего нового и прогрессивного. Несколько лет назад мы приняли программу по укреплению и гармонизации межнациональных отношений «Толерантность», которая стала достоянием всех российских регионов и получила признание европейского сообщества. За заслуги в продвижении идей толерантности и ненасилия Санкт-Петербургу присужден почетный диплом премии ЮНЕСКО.

Программа «Толерантность» учитывает запросы и потребности и петербуржцев, и гостей нашего города. На первом своем этапе — с 2006 по 2010 год — она была нацелена на воспитание толерантности на тех гуманистических принципах, которые всегда были присущи нашему городу. Ее второй этап, рассчитанный до 2015 года, направлен на интеграцию «новых жителей» в городское сообщество и приобщение к петербургской полифонической культуре. В разработке новой версии программы приняли участие ведущие специалисты и эксперты в области гармонизации межэтнических отношений, видные деятели культуры, ученые, педагоги. В ней особое внимание уделяется адаптации мигрантов. Кроме того, она содержит ряд мер по решению экономических, социальных и бытовых проблем. В частности, речь идет об обучении русскому языку и детей, и родителей из семей, прибывающих в Петербург на постоянное место жительства из других стран.

Мы четко сознаем, что от успеха программы «Толерантность» зависят имидж Санкт-Петербурга, общественное спокойствие и социальная стабильность. Она охватывает практически все сферы жизни мегаполиса: образование и науку, молодежную политику и безопасность. В межкультурный и межконфессиональный диалог включены школа, семья, общественные организации. Этот диалог ведется на страницах газет, на телевидении, в Интернете.

Явления ксенофобии и национализма получают распространение во многих странах. И мы должны опережающими темпами воспитывать в людях толерантное отношение друг к другу. Президент России Дмитрий Анатольевич Медведев на недавнем совещании о дополнительных мерах по обеспечению правопорядка подчеркнул, что необходимо усилить профилактику экстремизма, правонарушений в молодежной среде. И здесь у нас накоплен немалый положительный опыт. Петербург по праву называют сегодня одним из самых безопасных городов России.

Диалог культур в нашем городе продолжается. Добрососедство и взаимопонимание, взаимоуважение и партнерство — это принципы, продиктованные самой логикой развития Петербурга. Укреплению межнационального мира и согласия служат популярные выставки «Хлеб многонационального города», «Я этим городом храним. Петербургская многонациональная семья». Названия этих выставок говорят сами за себя. Тема межнационального согласия в полную силу звучит на фестивалях «Культурной столице — культуру мира», «Этномеханика». Об особенностях тех или иных культур, национальных обычаях рассказывают многочисленные справочные издания. Выпущен уникальный «Этнокалендарь Санкт-Петербурга», созданы видео- и кинофильмы на тему толерантности, дети «новых петербуржцев» обучаются в полиэтнической школе по инновационным программам. Невозможно представить петербургский календарь культурной жизни без таких ярких национальных праздников, как Сабантуй, Навруз и многих других, ставших брендами Северной столицы.

Полиэтническая и поликонфессиональная культура нашего города стала предметом глубоких научных исследований, темой международных конференций, семинаров, круглых столов.

Многонациональность — судьба Санкт-Петербурга. Но в то же время у каждого горожанина есть и общая «национальность», и называется она «ленинградцы-петербуржцы». Нас всех объединяет любовь к нашему прекрасному городу, его бесценному историческому наследию, взаимная ответственность за его настоящее и будущее.

В. В. Миронов¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР ИЛИ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЙ МОНОЛОГ?²

В настоящее время на всех уровнях культуры происходят глубинные процессы изменений, которые столь существенны, что позволяют говорить о трансформации культуры. Суть ее заключается в переходе от системы локальных культур к становлению нового образования, которое можно обозначить как «глобальная культура».

Локальность культур базировалась на том, что последние выступали как достаточно замкнутые семиотические системы, а значит, были изначально относительно «закрытыми» друг для друга. Локальная культура как семиотическая система представляла собой систему закодированных знаков, значений и смыслов. Смыслы культуры несли на себе печать своего формирования и функционирования в конкретном социокультурном пространстве. Для представителя другой культуры эти коды и смыслы могут показаться непонятными и странными, а для представителя собственной культуры — естественными жизненными установками, о которых он даже не задумывается. Таким образом, познание культуры есть процесс расшифровки ее закодированных смыслов. В качестве центральной системы этих закодированных смыслов выступает текст. Иначе говоря, в определенном смысле мы можем говорить о культуре прежде всего как о тексте, который, как отмечал Ю. М. Лотман, «обладает способностью сохранять память о своих предшествующих контекстах... Сумма контекстов, в которых данный текст приобретает осмысленность и которые определенным образом как бы

¹ Декан философского факультета, заведующий кафедрой онтологии и теории познания МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор научных публикаций, в т. ч.: «Образцы науки в современной культуре и философии», «Философия и метаморфозы культуры»; «Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии», «Университетские лекции по метафизике» (в соавт.), «Онтология и теория познания» (в соавт.), «Философия: учебник для вузов» (в соавт.), «Принципы принятия управленческих решений в системе федеральных органов исполнительной власти (учебно-методическое пособие для госслужащих)» и др. Председатель докторского Диссертационного совета по философским наукам в МГУ им. М. В. Ломоносова по специальностям «Онтология и теория познания», «Логика», «Философия науки и техники». Вице-президент Российского философского общества. Главный редактор журнала «Вестник Московского университета» (Сер. 7. Философия), член редколлегии журналов «Вопросы философии», «Вестник Российского философского общества», «Философские науки». Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степени.

² Доклад представлен на XIV Международные Лихачевские научные чтения (2014 г.).

инкорпорированы в нем, может быть названа памятью текстов»¹. Инструментом кодирования памяти культуры и создания систем текстов выступает живой язык, включающий в себя историю своего создания и функционирования. «Язык — это код плюс его история»², как кратко и емко формулирует это Ю. М. Лотман.

Если мы будем создавать систему на базе некоего искусственного языка (а такие попытки в истории культуры были), то она не сможет функционировать как система, основанная на живом языке, ибо не будет иметь собственной истории. Это может быть удобным для решения некоторых прикладных задач, ибо в такой системе можно добиться однозначности смыслов и значений употребляемых понятий. Соответственно то, что мы называем памятью или культурной памятью, здесь задано искусственным и конечным образом. Но фактически такая искусственная система не имеет «культурной» истории, это «структура без памяти», язык которой может обеспечить точность понимания в виде «чистой передачи» структуры, но всегда будет относительно беден.

В противоположность этому познание культуры как системы живого языка связано не столько с познанием структуры текста (грамматики языка), сколько с проникновением в его внутреннюю смысловую специфику, основанную на истории и особенностях данной культуры. Не случайно необходимость наиболее полного языкового понимания требует погружения в другую культуру.

На основании вышесказанного понятно, что система коммуникации, сопряженная с используемыми и быстро развивающимися технологиями, способна значительно повлиять на функционирование живого языка, во многом определяя смысловые границы конкретной культуры и выступая на определенной стадии фактором разрушения границ между культурами.

Так, например, культура устного периода замыкалась рамками общения внутри племени, очень редко выходила за узкие языковые рамки, фактически не могла распространяться в этой коммуникационной системе. Письменная культура расширяет масштабы коммуникации, хотя по сути она оставалась все той же устной культурой, лишь зафиксированной в виде рукописей.

Культурный взрыв происходит в связи с возникновением книгопечатания, что приводит к возможности значительного расширения пространства коммуникации посредством совершенно новых возможностей распространения текстов. Книгопечатание выводит устную культуру за горизонты фонетического и пространственного ограничения. Однако культура и здесь остается достаточно замкнутой пределами национального языка. Более того, именно в этот момент происходит культурная фиксация языка, обеспечивающая национальную замкнутость. «Книгопечатание превратило национальные языки в средства массовой коммуникации, в замкнутые системы и тем самым создало современный национализм как централизующую силу»³. Таким образом, локальность как семиотическая характеристика становится доминирующим признаком всего периода культуры, в котором доминируют устная и печатная формы фиксации информации и смыслов.

¹ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. М., 1996. С. 21.

² Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 13.

³ Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры. Киев : Ника-Центр : Эльга, 2004. С. 293.

Смысл культуры, зафиксированный в ее системе ценностей и стереотипов, проявлялся и в том, что для человека, находящегося внутри нее, конкретная культура представляла собой застывшую систему. Изменения, происходившие в ней, обнаружить было почти невозможно, так как они выходили за рамки индивидуальной жизни. Ядро такой культуры на протяжении столетий оставалось неизменным, его основное содержание передавалось от поколения к поколению. Именно эта консервативность и элитарность определяли лицо классической культуры. Оценить изменения можно было только «извне» и, как правило, лишь по прошествии длительного времени. Такая культура была основана на эволюционной адаптации новообразований, претендующих на статус культурных ценностей, что обеспечивало ее стабильность за счет безболезненного приспособления к себе новых компонентов и их постепенной модификации.

Диалог между локальными культурами реализовывался внутри особого смыслового пространства, обозначаемого Ю. М. Лотманом как семиосфера (по аналогии с биосферой), в котором роль «живого» элемента выполняет язык или, точнее, языки с их различающимися смыслами и разнообразием социокультурных форм функционирования¹. Культуры пересекались между собой как языковые множества. Область пересечения в редких случаях могла быть большой (гипотетично даже тождественной), но в основном незначительной, чему соответствовало и пересечение смыслов культур. Область тождества выполняла функцию проникновения в область нетождественного, а потому нетривиального и интересного. Парадокс такого диалога заключался в том, что его ценность «оказывается связанной не с той пересекающейся частью, а с передачей информации между непересекающимися частями. Это ставит нас лицом к лицу с неразрешимым противоречием: мы заинтересованы в общении именно с той ситуацией, которая затрудняет общение, а в пределе делает его невозможным»².

Современные изменения, основанные на крупнейших технологических открытиях в области коммуникации, приводят к становлению глобального коммуникационного пространства, которое существенно влияет на функционирование и взаимодействие культур и на диалог между ними. Изменения на всех уровнях культур и диалога культур столь существенны, что позволяют нам говорить о «трансформации культуры».

Понятие трансформации фиксирует момент размывания границ локальных культур и их втягивание (на определенных условиях) в некое глобальное коммуникационное пространство. Но для того чтобы столь разнородные системы культур «втянуть» в такое единое образование, необходим некий новый механизм общения между культурами, который избавляет нас от кодов, необходимости понимать и расшифровывать смыслы другой культуры и т. д. Таким образом, трансформация выступает как направленный процесс внутреннего изменения системы, который реализуется за счет встраивания в нее чужеродных элементов, не разрушающих саму систему, но постепенно заставляющих ее работать иным образом. Это аналогично процессу трансфекции клетки, когда в нее встраивается фрагмент чужеродной ДНК. В этом случае клетка инфицируется, в результате чего запускается механизм ее

¹ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. С. 194.

² Лотман Ю. М. Культура и взрыв. С. 15.

трансформации, приводящей на генетическом уровне к изменению фенотипа. Своеобразным условием инфицирования культуры выступает становящееся глобальным коммуникационное пространство. Через коммуникационное пространство, в которое погружены все культуры, они в буквальном смысле атакуются «медиавирусами»¹. И опять же, по аналогии, наибольший эффект достигается в тех местах, где ослаблен иммунитет системы, то есть ее «культурный иммунитет». Культура получает инфекционное заражение через насаждение в нее культурных стереотипов, которые не вытекают из ее истории и особенностей функционирования.

Под воздействием процесса глобализации происходит трансформация культуры, то есть разрушение культуры как системы разнородных локальных культур и становление глобальной культуры с неизбежным доминированием в ней одной или группы культур. Когда для обозначения этих процессов используют термин «американизация», это не является следствием негативной оценки самих США, а просто отражает факт, что именно та страна, которая доминирует в научно-техническом отношении, в том числе и в сфере информационных технологий, может быть своеобразным культурным донором, распространяющим медиавирусы на все пространство современной культуры.

В результате диалог между культурами начинает осуществляться в иных семиотических условиях, чем это происходило ранее. С одной стороны, благодаря новейшим технологическим возможностям коммуникации практически безгранично расширяется диалоговое пространство культур. С другой стороны, значительно упрощается сам характер общения, который осуществляется по законам и стереотипам, далеко отстоящим от сущности и традиций самих культур.

Современная система массмедиа трансформирует коммуникацию из состояния некоего фона, фиксирующего события, в своеобразный стержень современной культуры, подчиняя и формируя особенности восприятия информации, а значит, безусловно оказывая влияние на механизмы смыслообразования. Например, событием в современном мире может выступать не реальный факт, а его медийная конструкция, даже при отсутствии реального факта как такового.

Культура начинает функционировать по законам коммуникации массмедийного смыслового пространства.

Разрушается система так называемых культурных дихотомий или оппозиций, которые выступали своеобразными стержнями классической культуры. Например, разрушается дихотомия «прикровенность — откровенность». То, что раньше в рамках культурной традиции считалось необходимым скрывать, переходит в свою противоположность, становясь открытым и доступным. Традиционно прикрытые взаимоотношения между людьми и переживания этих взаимоотношений в культурных образах выходят за рамки индивидуальной интимности, происходит деформация в сторону «эротизации культуры» как проявления высшей свободы выбора индивидуального удовольствия.

Наносится удар по принципу завершенности, который господствовал в классической культуре, уступая место клиповому сознанию, основанно-

¹ См.: Рашкофф Д. Медиавирус. М., 2003.

му на поверхностном восприятии фрагментов реальности. Это сопряжено с потерей выявления сущностного и истинного характера явлений. Проблема истины как отражения сущностных характеристик объекта уступает место свободной интерпретации и имитации.

В мире господствуют интегративные языковые тенденции. Одним из результатов этого становится подчинение всех языков тому, который в наибольшей степени способен распространиться в силу политических, научно-технических и других условий. Это способствует расширению псевдокультурного поля общения, диалог в котором осуществляется по принципу познания наиболее доступных, совпадающих или почти совпадающих смысловых структур. В этом коммуникационном поле господствуют общие стереотипы, общие оценки, общие параметры требуемого поведения, ее общедоступные, то есть наиболее простые, компоненты. Кстати, именно этот фактор проявляется и в попытках выработать некоторые глобальные критерии, например научной деятельности, в виде преимущественного цитирования на английском языке, что может выступить долгосрочным фактором, разрушающим национальную культуру.

Нарушается пропорция между высокой и низкой культурой. Последняя становится массовой не только по количеству вовлеченных в нее субъектов, но и по упрощенному качеству потребляемого продукта. В результате доминирующим фактором оказывается не смысл или качество продукта творчества, а система его распространения (тиражирования). В этом смысле массовая культура — это типично низовая культура, но значительно усиленная новейшими средствами аудиовизуального репродуцирования. В этих условиях возникает феномен поп-культуры как доминирование низовой культуры, ставшей массовой по характеру своего производства и потребления, продукты которой широко распространяются благодаря современным средствам коммуникации. Творчество здесь часто подменяется симуляцией такового и направлено на создание псевдообразов, симулякров. Имитация не просто выступает временной подменой реального смысла, реального события, а занимает место этой реальности в сознании общества и человека. Это, в свою очередь, порождает бесконечное приумножение сферы удовольствий и развлечений. Современное общество становится фабрикой развлечений, потребителем продуктов которой становится все общество.

Поп-культура — прекрасная среда для распространения медиавирусов¹. Принципом их распространения является узнаваемость в медиапространстве, на чем и базируется вся поп-культура, будь то узнаваемость поп-звезд или поп-лидеров политики. Влияние поп-культуры на общество именно благодаря новейшим средствам коммуникации и возможностям аудиовизуальных средств безгранично и проникает на все уровни общественного сознания.

Мы начинаем погружаться в «реальность», которая конструируется масс-медиа, современный мир превращается в большое поп-шоу и работает по законам данного жанра. В каком-то смысле происходит погружение общества в современный средневековый карнавал, который вошел в нашу жизнь, в условиях иной информационной среды. Низовая культура становится официально признаваемой как ее превращенная форма, и ее представители удостоиваются высоких званий и наград, становятся героями.

¹ См.: Рашкофф Д. Указ. соч. С. 15.

Условием для нарастания и закрепления карнавала становится Интернет. Общение в Интернете — это виртуальное карнавальное шествие, со всей его атрибутикой. Вместо собеседников — маски, которые позволяют говорить все что угодно, включая оскорбления и пр. Интернет переводит реальную жизнь в виртуальный карнавал, значительно продлевая время его действия. Бесконечное шоу поп-культуры пронизывает жизнь каждого человека, превращая в развлечение всю окружающую действительность. Человек буквально во всем ищет зрелищности, а средства массовой информации помогают их представить в соответствующей яркой форме.

Массовая культура и шоу пронизывают все уровни сознания общества. Проявления этого можно найти и в науке, в виде нарастания имитации научного творчества, фальсификаций научных открытий, скандалов и сенсаций. Это проявляется в философии, ибо последняя является самосознанием культуры, а значит, ее содержание не может быть оторванным от конкретной стадии развития культуры. Проявлением этого становятся популярные образы философии, адаптированные для восприятия массовым сознанием. Далее, как это часто бывает в культуре, происходит метаморфоза (смысловое «оборачивание») и превращенные образы становятся предметом «серьезного» профессионального философского интереса в виде, например, философии Симпсонов или философии доктора Хауса¹. Постмодерн в культуре закрепляет такие имитирующие формы философии.

Я хочу подчеркнуть, сегодня происходит деформация системы права, точнее соотношения национальной и международной систем права. Национальная система права, отражая специфику собственной культуры, одновременно исторически выстраивалась на фундаменте римской, англосаксонской и немецко-австрийской моделей. Однако последние не навязывались национальной культуре, а, напротив, интегрировались с ней, представляя некий синтез данных моделей и национальных особенностей права. Долгий период международное право представляло собой фактически результат договоренностей между соответствующими субъектами права. Тем не менее даже в этой «мягкой» форме общности часто правовые нормативы и параметры могли значительно расходиться с правовой практикой, реализующейся в той или иной культуре. В конкретной культуре если не доминировала, то была всегда значительной частью права, связанная с развитием индивида, особенности которого как личности сформированы данной культурой и соответствующей, выработанной столетиями системой духовных ценностей. Это было необходимо хотя бы для того, чтобы предписываемые к исполнению законы были понятны человеку, который родился и живет в этой конкретной культуре. Именно отсюда возникают и принципы «естественного» права, и понимание того, что в ином государстве или иной культуре законы могут быть иные. Человек принимал как данное тот факт, что в иной культуре он должен был вести себя по-другому. Именно эти факторы лежали в основе фундамента права, обоснование которого до сих пор является одной из самых трудных задач, не только практических, но и теоретических.

Современные модели некоего общего международного права, типа, например, попытки создать единую европейскую конституцию, базируются, как правило, на системе права какой-то отдельной страны, которая опреде-

¹ См.: Миронов В. В. Философия и метаморфозы культуры. М., 2005.

ляется в качестве «цивилизационного лидера». Понятно, что главным цивилизационным лидером объявляются США, поэтому, когда сегодня европейцы с гордостью говорят о том, что они европейцы, они должны понимать, что через определенное время им всем (от итальянца до норвежца) придется называть себя американцами. В этом смысле американская модель права выполняет, используя уже приводимую мною метафору, своеобразную роль культурного вируса, которая изнутри, через введение системы правовых норм, превращает конкретную культуру в иную. Деформация системы права, может быть, один из важнейших факторов трансформации современной культуры.

Основанием для данных процессов является становление транснационального рынка, в который так или иначе втянуты все страны, и это очень удобно для функционирования экономического механизма. Мир становится в этом смысле единым с точки зрения удобства управления такой глобальной экономической системой, но это вовсе не обязательно предписывает симметричное единство и самих культур. Тем не менее это происходит, и происходит не само по себе, а в результате активного «давления» стран-лидеров. Абсолютизируется позитивный характер экономической интеграции, на основании чего отрицается самобытность национальных приоритетов государств и культур, которые должны раствориться в суперглобальной системе. Причем в рамках такого подхода сразу определяются победители, то есть те страны, которым повезло и они успели войти в вагон стремительно уходящего состава глобализации, и проигравшие, которые остались и будут вынуждены выполнять в новом мировом порядке лишь вспомогательную роль. «Поскольку национальная экономика все в большей степени становится лишь ответвлением межнациональных и глобальных потоков, противостоящих национальной социально-экономической деятельности, полномочия и легитимность национального государства ставятся под вопрос: национальные правительства все менее способны контролировать то, что происходит внутри их собственных границ, или самостоятельно удовлетворять требованиям своих граждан»¹.

Именно из этой установки вытекает усиливающаяся в последнее десятилетие политика оправдания вмешательства в суверенные дела стран со стороны «победителей» в этом процессе, и прежде всего США. В то же время мы далеки от мысли так называемых «скептиков», которые считают, что, напротив, в новых условиях никакое единое мировое правительство, контролирующее ход общих процессов глобализации, невозможно, а значит, процессы глобализации не столько объединяют мир, сколько усиливают имеющиеся противоречия, порождая глобальное неравенство и усиливая дезинтегративные процессы, то есть в конечном счете делая тот же вывод, что и оптимисты, о глобальном отделении стран друг от друга.

Изначально международное право возникло как некая вынужденная и исключительная мера правового регулирования, позволяющая дать правовую оценку событиям и индивидам, которые могли формально и не нарушать норм права собственной страны, однако сама эта страна признавалась существующей вне правового пространства или принятых большинством

¹ Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура / Д. Хелд [и др.]. М. : Практика, 2004. С. 5.

стран норм права. Эти процессы начались после Первой мировой войны, но наиболее ярким примером реализации такого права был Нюрнбергский процесс. На данном этапе тем не менее международное право не вмешивалось в дела других государств и выступало в качестве своеобразного геополитического правового регулятора. Принципы международного права базировались, как правило, на международных соглашениях между странами, что являлось средством их легитимации. Сегодня происходит резкое расширение правовых источников международного права, в том числе и благодаря тому, что выделяется группа «цивилизованных стран», которые могут доминировать за счет этого статуса в области международного права. Соответственно эти страны навязывают ту модель права, которая исторически сложилась в данной стране. «Международное право признает дееспособность и принуждение, права и обязанности, которые в ряде важных аспектов ограничивают принцип государственного суверенитета; суверенитет *per se* — сам по себе — не является больше гарантией международной легитимности»¹.

Легитимность подобной трактовки международного права вызывает некоторые сомнения, ибо часто основывается либо на чисто теоретической модели, никак не скорректированной на данную культуру, данное государство, либо просто в ранг международного права вводятся принципы локального государства, претендующего на роль наиболее цивилизованного. Таким образом, речь идет о конструировании модели глобального или даже международного космополитического права, накладывающего ограничения на самые разные государства и правителей, независимо от тех условий, в которых возникло и развивается то или иное государство. «Возникли новые правовые структуры, созданные для того, чтобы сократить и ограничить государственный суверенитет, и разработан ряд основных норм и ценностей, которыми должны руководствоваться все страны во время войны и во время мира... Конечно, основные положения этого права признаются далеко не всеми, но само его существование указывает на развитие поствестфальского порядка — новой глобальной политики, закладывающей новую юридическую основу для налаживания и регулирования отношений между политическими сообществами»².

Совершенно ясно, что такой геополитический диктат, который является не результатом договоренностей, а скорее навязыванием модели, устраивающей группу стран-лидеров, лежит вне прозрачного правового пространства и ждет своей правовой оценки. Более того, сторонники такой модели не понимают, что они открывают ящик Пандоры, ибо провоцируют по аналогии создание иной глобальной модели права, в основе которой могут лежать совершенно иные правовые принципы и нормы.

Даже в европейских странах это вызывает справедливое чувство протеста, причем со стороны профессиональных юристов. Можно показать это на примере правовых трансформаций, которые происходят сегодня в Европейском Союзе и неоднозначно оцениваются правоведами многих европейских стран. Государства, вступившие в ЕС, вынуждены значительным образом корректировать собственную национальную систему права, причем

¹ Глобальные трансформации. С. 76.

² Там же. С. 87.

легитимность этих действий весьма неопределенна. Некоторые правоведы и философы права в связи с этим даже говорят о кризисе самого понятия конституционализма. Дело в том, что конституция любой страны базируется на двух основных идеях: разделение властей и основные права. Эта модель неотделима от национального характера государства. Однако сегодня, в связи с процессами глобализации, происходит новый процесс конституализации международного права как первичного по отношению к национальному. Как отметил в своем выступлении на конференции по современному конституционализму председатель Конституционного Суда Австрии Герхард Холцингер, «под этим имеется в виду растущее ограничение государств вышестоящими обязательными правовыми принципами (*ius cogens*), которые основываются на элементах национального конституционализма, то есть на "общих конституционных преданиях" государств. К этим принципам относятся прежде всего права человека»¹. Пока проект единой конституции для Европы потерпел неудачу, но сами действующие договоры фактически идут именно в направлении единой конституции, так как декларируется примат союзного права перед государственным.

Это уже создало массу проблем правоприменимости. «Право Союза, независимое от национального правопорядка, способно придавать отдельному гражданину права и накладывать на него обязанности. В этом своем свойстве оно должно применяться национальными ведомствами именно в этом качестве. И это так называемое *self-executing*-действие, таким образом, полностью независимо от национального права. Оно наступает, не нуждаясь в конкретизации в национальном праве»².

Деформируется принцип демократичности принятия решения, ибо фактически оно исходит из решений бюрократических органов ЕС. «Демократический принцип затронут в том смысле, что действия Союза не зависят только от воли австрийского народа, более того, могут наступать без или вопреки воле Австрии и тем не менее иметь свои последствия и для Австрии — с преимуществом перед национальным правом»³.

Такое вмешательство не только в суверенитет других стран в качестве государственной системы, но и в культуру как таковую необходимо вызывает и будет вызывать протесты. Таким образом, если одной стороной глобализации выступают интеграционные процессы, то оборотной стороной — процессы дезинтеграции, в частности процессы «национальной дезинтеграции»⁴, которые разрушающе воздействуют на культурные, политические, экономические и даже личностные особенности человека, связанные с процессом потери собственной идентичности.

Одним из следствий глобальной интеграции может стать реализация системного тоталитаризма нового типа с совершенно уникальными возможностями манипуляции над сознанием как отдельного человека, так и общества в целом, при внешней видимости демократического устройства, которую ряд авторов обозначают как «глобальную империю»⁵.

¹ См.: Холцингер Г. Конституционное государство в Европейском Союзе // Современный конституционализм: вызовы и перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 14 ноября 2013 г. СПб., 2013.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См.: Панарин А. С. Глобализация как вызов жизненному миру // Вестник Российской академии наук. 2004. Т. 74, № 7.

⁵ См.: Харгит М., Нерри А. Империя. М., 2004.

В этих условиях возрастает значение философского анализа культуры, так как философия, как отмечает В. С. Степин, «воспроизводит доминирующие смыслы культуры»¹, а значит, осмысление как философская рефлексия над процессами трансформации современной культуры является важнейшей задачей философии. Такого рода исследования культуры не должны носить поверхностный «культурологический» характер, в рамках которого исследователи часто идут по пути интерпретации разнообразных, вновь возникающих культурных феноменов, не выходящих за рамки самих этих феноменов, а должны представлять собой философское размышление над глубинными процессами, которые происходят в современной культуре. Именно философия, с одной стороны, задает общие культурные традиции, выступая фактором сохранения и стабильности культуры, а с другой — всегда стремится «выйти за рамки своей культурной традиции и сконструировать такие смыслы категории, которые адресованы не настоящему, а будущему»².

Этот «философский» выход за рамки устоявшихся традиций особенно важен в так называемые кризисные эпохи, «когда прежняя исторически сложившаяся и закрепленная "категориальная модель мира" перестает обеспечивать трансляцию нового опыта, сцепление и взаимодействие необходимых обществу видов деятельности»³. Представляется, что мы сегодня, безусловно, переживаем такой кризисный этап развития культуры.

В связи с этим философия сегодня может выступать формой наиболее общей и фундаментальной гуманитарной экспертизы, выполняя прогностические функции, сопряженные с реализацией функции предупреждения о тех или иных опасностях, которые сопровождают развитие цивилизации.

Н. Н. Моисеев⁴

ГУМАНИЗМ — ЗАСЛОН ПРОТИВ НАДВИГАЮЩЕГОСЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ⁵

1. Один из самых глубоких мыслителей XX века Нильс Бор сказал однажды, что нельзя с помощью одного языка описать по-настоящему сложное явление. Язык науки — это язык интерпретаций. И каждая из них — элемент той голограммы, которая позволяет понять смысл и содержание происходящего. Осознание непреходящей ценности интерпретаций — это прежде все-

¹ Человек, наука, цивилизация. М., 2004. С. 63.

² Там же.

³ Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб., 2011. С. 209.

⁴ Академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР. Автор 35 монографий, 10 учебных пособий, более 300 научных и научно-популярных статей, в т. ч.: «Мировое сообщество и судьба России», «С мыслями о будущем России», «Быть или не быть... человечеству?», «Судьба цивилизации. Путь разума», «Универсум. Информация. Общество».

⁵ Доклад представлен на Международную научно-практическую конференцию «Гуманитарная культура как фактор преобразования России» (1998 г.).

го осознание ценности духовного мира другого человека, создающего другие интерпретации, это осознание самоценности человека как такового. Это убеждение, что та картина происходящего, которую он воспроизводит, нужна и мне. И это один из принципов гуманизма, рождающего человеческую общность высшего уровня.

«Как много мы знаем и как мало мы понимаем», — знаменитые слова Альберта Эйнштейна говорят о той узости миропонимания, которая является родовой меткой человека. Гуманизм — единственное оружие, способное ее стереть или хотя бы ослабить ее влияние на судьбы нашего биологического вида, вступившего в силу Логике развития Природы на путь восхождения к Разуму.

И сегодня разговор о гуманизме имеет не только общецивилизационное, но и вполне практическое значение. Мне хотелось бы объяснить свое понимание современного состояния общества, показать, что синтез гуманизма и современного естествознания — единственный заслон против надвигающегося тоталитаризма, этого нового варианта средневековья, которое на этот раз с абсолютной достоверностью приведет человечество, а возможно, и всю биосферу, к деградации и гибели.

2. Развитие человечества, цивилизации и духовного мира человека как ее компоненты следует, как и развитие живого вещества, общей Логике развития Природы. Спокойное, если угодно, дарвиновское развитие сменяется периодами катастроф или бифуркаций с полным и принципиально непредсказуемым изменением самого характера эволюционного процесса и принципов, регулирующих жизнь человека.

Сегодня человечество на грани такой перестройки. Много говорят об экологическом кризисе. В Рио-де-Жанейро в 1992 году предложен принцип *sisainable development*, но действительность гораздо трагичнее, чем об этом принято сообщать в официальных документах, которые представляют дело так, как будто бы уже существуют рецепты, позволяющие избежать возможной катастрофы и продолжать совершенствование той техногенной, потребляющей цивилизации, которая и ответственна за те трудности, которые стоят сейчас перед людьми. Вот несколько соображений на этот счет.

10–12 тыс. лет тому назад человечество пережило потрясение, которое принято называть неолитической революцией. Это был не первый кризис в истории становления вида *homo sapiens*. Он был порожден Логикой развития Природы. Но именно он положил начало всем современным цивилизациям и тому миропредставлению, которое лежит сегодня в основе планетарной активности человека.

В начале неолита человечество усовершенствовало свое каменное оружие, создало, в частности, метательное оружие, которое и позволило ему сделаться монополистом в той экологической нише, в которой он жил, и за относительно короткий срок извести всех крупнокопытных — основу своего рациона. Борьба за убывающий ресурс и реальный голод поставили человечество на край гибели. Вряд ли какой-нибудь умный инопланетянин, навестивший Землю, мог бы предугадать, что люди окажутся способными найти тот вариант жизнедеятельности, который позволит человеку выйти из кризиса и продолжать свое восхождение по пути Разума, что они придумают,

как надо обрабатывать землю и разводить скот; создать новую экологическую нишу для своего дальнейшего развития. Вряд ли такой инопланетянин мог бы представить себе, что человечество пойдет по тому пути, по которому оно шло последние 10 тыс. лет.

Важно, что свершилось не предусмотренное предшествующей историей, не предугаданное эволюцией. Это я особенно хочу подчеркнуть.

Люди выжили, и начался новый период «восхождения человека по ступеням Разума»: люди начали создавать вторую природу. Они создали собственность, перестроили весь спектр своих стремлений и, как новое, тоже вряд ли доступное предвидению, создали представление о гуманизме как антиподе тех стремлений, которые сформировали основы присваивающей цивилизации. Еще в античные времена начало возникать понимание ценности другого человека. И не только как носителя возможных материальных благ, но человека как такового, с его собственным духовным миром. Так в недрах присваивающей цивилизации и растущего индивидуализма начало возникать нечто ему противоположное, способное сегодня сделаться опорой будущего. И этот прорыв в будущее сделали не люди мустьерской культуры, постепенно исчезнувшие с лика Земли, а кроманьонцы, жившие в долинах великих рек.

3. Из различных вариантов цивилизационного кода лидером оказалась технотронная цивилизация, обеспечившая все ускоряющийся рост технической и научной оснащенности. В результате этого процесса человек — ныне абсолютный монополист в своей, им же созданной экологической нише, точнее в своей ойкумене, которой стала вся планета. Но биологическое развитие человека прекратилось еще в межледниковье. Поэтому люди живут с генетическими задатками охотников за мамонтами и стремлениями, воспитанными обладанием собственностью. Если следовать той логике антропогенеза, которая определяла все эпохальные события истории становления человека, то следует ожидать наступления трагического кризиса. Человек превратит биосферу в свалку отходов, ресурсы сократятся, и история человечества войдет в состояние бифуркации с непредсказуемым исходом. И не где-то за далеким горизонтом, а в очень недалеких десятилетиях. Человечество может его вообще не пережить.

Другими словами, тот потенциал развития, который был заложен предыдущим неолитическим кризисом, исчерпан. Человека ожидает переход к новому образу жизни с новой структурой ценностей.

Может ли быть иначе? Может ли человек избежать катастрофы и риска быть втянутым в бифуркационный процесс? То есть существует ли надежда перешагнуть через законы той логики развития нашего биологического вида, которую я назвал Логикой развития Природы, но той Природы, в которой роль разума человека была ничтожной?

Лет 25 тому назад я ввел понятие экологического императива как совокупности ограничений, которые человек не имеет права переступать ни при каких обстоятельствах. Нарушение этой запретной черты смертельно опасно!

Сегодня мы уже знаем ряд таких запретов. Недопустима ядерная война, например. Мы знаем также, что биосфера способна, вследствие нашей неграмотности или нашей алчности, потерять устойчивость, ее развитие может пойти в том русле, где человеку просто не найдется места.

Другими словами, мы уже кое-что знаем и уверены в том, что сегодня наука способна или станет способной в ближайшее время определить эту запретную черту. Но где гарантия того, что миллиарды людей будут выполнять выработанную систему запретов? В рамках тех принципов, которые определили контуры нашей современной цивилизации, надеяться на это нельзя!

Значит, человеку предстоит либо втянуться в процесс бифуркации и погибнуть в борьбе за исчезающий ресурс, либо перестроить основы своей цивилизации так, чтобы не допустить катастрофы. И прежде всего перестроить основы своей нравственности. То есть экологический императив неотвратимо требует утверждения императива нравственного. Так есть ли гарантия того, что такая перестройка произойдет или может произойти в тех поколениях, для которых разговор о катастрофе слышится в будущем времени?

4. Ответ на поставленный вопрос не однозначен, тем более что времени остается все меньше и меньше. И понимая, что время теперь работает против нас, попробуем посмотреть, что нас может ожидать в ближайшие десятилетия.

Развитие планетарных событий может иметь несколько сценариев, но наиболее вероятный (я бы назвал его антигуманистическим) почти очевиден. Вероятный сценарий — продолжение того течения событий, которые мы наблюдаем последние десятилетия. Постепенно в мире утверждается режим нового тоталитаризма. Об этом пока не принято говорить вслух, тем более в средствах массовой информации, но это факт.

Возникает мир транснациональных корпораций, и любой стране смертельно опасно оказаться вне системы финансовых и производственных связей. Это обстоятельство имеет разнообразные следствия. Растет торговля, быстро развивается техника, но есть и пугающие следствия: увеличивается разрыв в уровне общественной производительности труда в разных частях планеты. Следовательно, непрерывно растет разрыв в уровне жизни развитых и отсталых стран. Этот факт сам по себе крайне опасен, но он является причиной еще одного явления общепланетарного масштаба.

Поскольку планета постепенно превращается в единую экономическую систему, поскольку не только товары, но и капиталы, и ресурсы могут без особых трудностей перетекать через любые границы, а эффективность их использования в разных странах различна, причем это различие стремительно растет, то возникает естественное направление их движения. В результате не только капиталы и материальные ресурсы покидают бедные страны, но и талантливые люди уезжают в те страны, где их использование более эффективно.

Отсталые страны теряют не только ресурсы, но и генетически ценный материал. Отставание этих стран продолжает нарастать, и каких-либо надежд изменить это положение остается все меньше и меньше. А в отсталых странах живут едва ли не 90 % населения планеты.

Но страны «золотого миллиарда» не могут прожить без черной металлургии, химической промышленности, хранилищ радиоактивных отходов и т. д. Все это постепенно переносится в отсталые страны, обеспечивая демократические порядки и благополучную экологическую обстановку в экологически чистых «деревнях» стран «золотого миллиарда».

Описанная картина и есть та схема нового тоталитаризма, которым зомбированное пятимиллиардное население бедных стран и будет обеспечивать демократическое и экологическое благополучие «золотому миллиарду». Мир уже встал на путь его реализации. Но не менее очевидным представляется и его финал. Новый тоталитаризм сохраняет человека абсолютным монополистом, и тогда, следуя Логике Природы, он неизбежно приведет к его деградации и гибели. Это может произойти и без сполохов ядерной войны. В одном из романов Герберта Уэллса уже было описано нечто подобное.

Не хочу быть оракулом, но определенные черты деградации духовного мира людей, живущих в странах «золотого миллиарда», уже просматриваются. Сценарий «золотого миллиарда» наиболее очевиден и прост: он следует Логике Природы и, следуя той же Логике, приведет человечество к деградации.

5. Может ли человечество пойти по другому пути, может ли реализоваться другой сценарий? Думаю, что может, хотя вероятность его реализации очень невелика и потребует от гражданского общества неординарных усилий. Условно назовем его гуманистическим. Это действительно условное название, но оно отвечает его сути, ибо в основе этого сценария лежит представление о самоценности человека, о цивилизации, ориентированной на сохранение человека. Этот сценарий можно назвать ноосферным. Он отвечает тем представлениям, которые пытались сформулировать Тейяр де Шарден, Вернадский и их последователи. Еще в 1904 году Владимир Иванович Вернадский сказал о том, что человечество становится основной геологообразующей силой планеты и для сохранения самого себя оно будет обязано взять ответственность не только за развитие общества, но и биосферы в целом!

Я попробовал сформулировать главный, как мне казалось, не столько научный, сколько этический принцип: реализация гуманистической идеи ноосферы требует обеспечения коэволюции человека и биосферы. Смысл коэволюции — выработать такое поведение человека, которое обеспечивает развитие биосферы, рост разнообразия ее элементов и, в конечном счете, ее стабильность, то есть способность противостоять катастрофическому развитию событий.

Но гармония с Природой требует гармонии в отношениях людей, начинается с них. Она может быть реализована только в особых условиях существования общества, при особой структуре его социальных отношений, особом спектре стремлений отдельных людей, их гармоничном многообразии!

Мы получаем новый узел проблем, в котором четко выделяются проблемы рациональных знаний и необходимость гуманистического отношения к окружающему. Если угодно, в расшифровке подобных утверждений содержится программа активных действий. Гуманистическая парадигма становится реальной необходимостью. Вероятно, это и есть ключ к будущему. В реализации этой идеи — суть всех усилий, необходимых для обеспечения существования и развития самого удивительного явления Природы — человека. Подобная позиция представляется единственной альтернативой надвигающемуся кризису. Она означает новый гуманистический уровень антропоцентризма — сохранение человека не только ради человека, но и ради

сохранения и развития биосферы, то есть сферы существования и развития жизни.

Но бесконечно трудно ее реализовать. Паскаль однажды сказал, что человеку необходимо научиться не врать себе! Без этого он не сможет найти путь в будущее. А мы этому пока, увы, не научились.

6. Итак, что нас ожидает в достаточно близком будущем? Какой может стать та цивилизация, которая, минуя кризис, сделает новый шаг по пути Разума, мы не знаем. Истина будет раскрываться по мере движения. Но нам известны первые шаги. И главный из них — говорить людям правду. Общество должно знать не только высказывания политиков, для которых экологические проблемы, вопросы морали и нравственности и надпись на знаменах слов «гуманизм и гуманистичность» служат лишь своим политическим и, в конечном итоге, своекорыстным целям. Гражданское общество должно выполнить завет Паскаля!

И вторая задача, аналогичная первой, — образование. На всех уровнях, для всех возрастов — образование! Мы его называем экологическим или ноосферным. Гуманитарии, вероятно, назовут его гуманистическим. Что, в общем, одно и то же! Этого, разумеется, недостаточно. Но абсолютно необходимо!

В. В. Наумкин¹

МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ДИАЛОГ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ²

Данный доклад — лишь размышления по поводу отдельных аспектов диалога, который я считаю возможным назвать межцивилизационным. Этот термин устоялся, вошел в глобальный политический лексикон и, несмотря на большую привлекательность и корректность употребления иной схемы — «одна цивилизация — много культур», вполне допустим как инструмент теоретического дискурса. Конечно, при еще более строгом подходе к терминологии и «цивилизация», и «культура» — абстракции, и в этом смысле прав академик А. А. Гусейнов, говорящий о них как о некоей «обобщенной характеристике множества эмпирических объектов», а сама «цивилизация, как и культура (если говорить о последней в значении, которое соразмерно цивилизации), не имеет субъектности, не существует как эмпирический объект»³.

Взаимодействуют, действительно, не какие-то абстрактные цивилизации, а люди, являющиеся носителями различных культурно-цивилизационных ценностей. Однако идеационные мотивации и культурно-цивилизационный

¹ Научный руководитель Института востоковедения РАН, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор. Директор Института востоковедения РАН (2009 — 2015).

² Доклад представлен на IX Международные Лихачевские научные чтения (2009 г.).

³ Гусейнов А. А. О чем мы говорим, когда говорим о диалоге цивилизаций // Диалог культур и цивилизаций в глобальном мире : VII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 24 — 25 мая 2007 г. СПб., 2007. С. 57.

«фрейминг» поступков не только индивидов, но и гораздо более крупных сообществ людей, таких как нации или государства, зачастую приобретают столь великую силу, что могут выступать, без преувеличения, в роли известного «двигателя истории».

Именно поэтому межцивилизационный/межкультурный диалог в нашу просвещенную, но конфликтную эпоху глобализации стал императивом. Он является важным средством преодоления отчуждения, непонимания, враждебности между людьми, сегодня особенно опасных для судеб мира. Этот диалог является не линейной, а многомерной конструкцией, и он может быть успешным только в том случае, если будет дополнен диалогом внутрицивилизационным, спорами о сути той или иной культуры, ведущимися самими ее представителями. Как мы знаем, эти споры иногда носят более ожесточенный характер, чем споры между представителями различных культур.

Достаточно привести пример дебатов, ведущихся между мусульманскими мыслителями вокруг фундаментальных постулатов вероучения (в частности, по вопросу о понятии джихада), с самого начала своего существования допускавшего разномыслие и разнообразие мнений и толкований. Известно, что межцивилизационные отношения по линии «Запад — мир ислама» в последние годы, в первую очередь в силу политических причин, становились все более напряженными. Появлялись целые проекты, нацеленные на преодоление этого противостояния, но обреченные на немислимые трудности действиями людей, присвоивших себе право выступать от имени религий и культур (джихадизм — с одной стороны, «война против террора» — с другой).

Очевидно, что два момента являются ключевыми для успешного ведения диалога. Первый — желание и умение понять «другого», отказаться от стереотипов и мифических представлений друг о друге. Второй — готовность отказаться от насилия, навязывания своей культуры «другому», толерантность, принятие разнообразия культур как неизбежной данности мира. Коль скоро речь зашла о пресловутом джихадизме, замечу, что представление о том, что мусульмане хотят огнем и мечом распространять свою веру, как раз и является тем злостным стереотипом, который требует решительного преодоления. Но для окончательного и бесповоротного преодоления стереотипов «других» и о «других» сначала необходимо всем — и христианам, и мусульманам — хорошо разобраться в своем собственном доме.

Отношение к иноверцам в Средневековье было непростым. Вспомним, какие небылицы о мусульманах поначалу сочиняли христиане. То, что писали о пророке Мухаммеде, сейчас даже некорректно цитировать. Прославленный христианский богослов, святой Иоанн Дамаскин самым оскорбительным и непозволительным образом отзывался о пророке и Священной книге мусульман¹. Справедливости ради надо сказать, что мусульмане ни тогда, ни сегодня не позволяли себе подобных высказываний в адрес пророков других религий. Конечно, то была эпоха полного отсутствия взаимопонимания между двумя культурами, но арабы-мусульмане (притом что я вовсе не склонен их идеализировать — то была эпоха всеобщей жестокости, же-

¹ См.: Армур Р. Ислам и христианство: непростая история. М., 2004. Гл. 100–101 «О ересях». С. 78.

стоким языком люди говорили с людьми и от имени религии), хотя и вышли из пустыни, все же относились к «другому» с бóльшим пониманием.

О полном нежелании узнать суть новой религии со стороны христиан свидетельствовало объяснение Константином Багрянородным¹ фундаментального мусульманского выражения «Аллаху Акбар»: это будто бы *Alla oua Koubar*, то есть «Бог и Афродита»². Иначе говоря, истовые аравийские единобожники оказывались будто бы язычниками, поклонниками Венеры. Воспоминание об этом осталось в исторической памяти. Не случайно так остро отреагировал мусульманский мир на то, что папа Бенедикт позволил себе процитировать неуважительное и в корне ошибочное высказывание жившего в XIV веке византийского императора Мануила II Палеолога в адрес ислама³. Конфликт удалось погасить, а ранняя эпоха невежества европейцев в отношении ислама сменилась желанием понять, а затем и адекватно оценить. Правда, впереди были еще Крестовые походы и никак не изживаемое навязчивое стремление силой обратить в христианскую веру всех мусульман⁴.

Кстати, именно терпимое отношение средневековых исламских государств к иноверцам (за исключением некоторых отдельных периодов в истории халифата) стало отличительным признаком этой религии, обеспечившим ей высокую привлекательность. Иноверцы принимали ислам вовсе не под угрозой меча: достаточно сказать, что в Иберии в VIII веке, непосредственно после арабского завоевания, насчитывалось лишь несколько тысяч мусульман, а в X веке «практикующие» приверженцы мусульманства составляли уже подавляющее большинство населения⁵.

Конечно, при этом играли роль и экономические, меркантильные соображения: принятие ислама освобождало от *джизы*, специального подушного налога на *ахль аз-зимма* («людей, находящихся под покровительством»), уплата которого гарантировала полную свободу исповедовать свою религию в *гар аль-ислам* («земле ислама»). Кстати, именно этот налог, а также существовавший в отдельные периоды эпохи халифата порядок, требовавший от христиан и иудеев носить отличную от мусульманской одежду (пояс и шапочку), иногда использовались как аргументы теми, кто считал мусульманскую терпимость недостаточной, говоря о дискриминации иноверцев. Но ислам все равно превосходил в толерантности другие религии. Не случайно на территорию халифата из средневековой христианской Испании бежали жестоко преследуемые там иудеи.

Как известно, ислам сурово осуждает вероотступничество: переход из ислама в другую веру карается смертью, равно как и хула на пророка или Коран. Правда, как уже говорилось, разномыслие в средневековом мусульманском мире было удивительным. Христианство же в Средние века

¹ Византийский император Константин VII Багрянородный (905–959) известен широкому кругу российских читателей как человек, ставший согласно изложенной в «Повести временных лет» версии крестным отцом святой равноапостольной княгини Ольги.

² *Meyendorf J. Byzantine Views of Islam // Dumbarton Oaks Papers. Washington, 1964. № 18. P. 118.*

³ Напомним, что Бенедикт XVI выступил в Регенсбургском университете с речью, в которой процитировал это высказывание.

⁴ К примеру, политику насильственного обращения мусульман в христианство проводил папа Григорий IX.

⁵ См. об этом: *Bulliet R. W. Conversion to Islam in the Medieval Period. Cambridge, 1979.*

боролось с ересями самым жестоким образом. В 1209 году, взяв город Берзиер во Франции, крестоносцы сурово расправились с последователями секты катаров — они не без гордости докладывали папе, что перебили 15 тыс. человек. А что уж говорить о пресловутой католической инквизиции, которой, кстати, не было в православии, хотя на наших кострах, бывало, тоже жгли. Когда в 1099 году крестоносцы взяли Иерусалим, «они безжалостно убивали в сущности всех, кого находили, — и мусульман, и иудеев»¹. Арабы в ходе своих завоеваний в отношении «людей Писания» такой жестокости не проявляли.

Хроники пишут, что первые крестоносцы, которых вели на Святую землю фанатики-лжепроповедники, устраивали кровавую резню неверных везде, где могли. А разве нам ничего не напоминает возводимая к Августину концепция «справедливой войны», в соответствии с которой святой благословлял христиан при определенной ситуации брать в руки оружие. Вот папа Урбан и провозгласил «малый джихад» против неверных, то есть крестовый поход. Освободить Святую землю папе понадобилось почему-то через четыре с половиной века владения ею мусульманами.

Как пишет американский историк и богослов Р. Армур, вдохновитель Второго крестового похода, епископ, святой Бернар Клервоский оставлял живущим на Святой земле мусульманам лишь один выбор: обращение в христианство или смерть². Понятно, почему так болезненно был воспринято уподобление экс-президентом Бушем войны в Ираке «крестовым походам». Столь же острую реакцию вызывает в мире ислама и безоговорочная поддержка Вашингтоном Израиля, оккупировавшего землю, которую арабы — и мусульмане, и христиане — считают своей, к тому же обильно политой кровью их предков еще в Средние века.

Это ничуть не оправдывает антисемитских высказываний, нередко раздающихся в мусульманских странах. Они отвратительны. Но исламофобия, поразившая, к сожалению, и некоторых наших сограждан, не менее омерзительна. Вспоминаю чувство изумления, которое возникло у меня при знакомстве с отрицательными высказываниями о палестинцах хорошо известной в нашей стране израильской писательницы Дины Рубиной. Не должен так думать «инженер человеческих душ». После таких мыслей писательские достоинства этого человека меня перестали интересовать.

Но вернемся к диалогу и толерантности как его предпосылке. Показательны дебаты вокруг самого понятия толерантности³, которое, несмотря на свою кажущуюся этическую безупречность, вовсе не пользуется безоговорочной поддержкой со стороны религиозных деятелей различных конфессий. В современном православном дискурсе существует подозрительность, вызванная тем, что это понятие будто бы навязано извне некими враждебными православной идентичности силами, может способствовать размыванию исконных морально-нравственных ценностей и — в случае с Россией — пошатнуть ведущие позиции православия. Иначе говоря, толерантность рассматривается не как религиозно-философское понятие, а как политическая

¹ *Runciman S. A History of the Crusades. Cambridge, 1968. Vol. 1 : The First Crusade and the Foundation of the Kingdom of Jerusalem. P. 287 ; также см.: Армур Р. Указ. соч. С. 124.*

² *Армур Р. Указ. соч. С. 116.*

³ Используемые понятия «толерантность» и «терпимость» не идентичны: терпимость понимается здесь как качество, толерантность — как норма, категория.

категория, отношение к которой непосредственно связано с соперничеством конфессий, обостряемым прозелитизмом некоторых направлений в них.

Проповедь толерантности не всегда находит поддержку среди части мусульманского духовенства. Приведем в пример нападки на российского ученого-исламоведа сирийского происхождения Тауфика Ибрагима, интерпретирующего основные источники исламского вероучения в духе толерантности. Особенно острую реакцию вызвало понимание ученым сути отношения ислама к христианам и иудеям и в первую очередь его тезис о том, что согласно Корану эти «люди Писания» могут, подобно мусульманам, достичь спасения в загробной жизни (более того, Ибрагим распространяет это утверждение частично и на атеистов). Именно этот тезис вызвал наиболее острую реакцию среди части российских мусульманских богословов, один из которых в Интернете обвинил ученого в том, что он является наймитом зарубежных антиисламских сил, поскольку сомневаться в том, что всем немусульманам уготован адский огонь, — преступление. Этот мусульманский богослов вскоре, к сожалению, сам пал жертвой религиозных фанатиков (по версии, озвученной прессой, «ваххабитов», против которых он выступал с не меньшей энергичностью, чем, как ни парадоксально, против ученого, проповедовавшего кораническую терпимость).

В отношении призывов Ибрагима реформировать ислам (а таких попыток, как известно, в истории было немало) российский богослов вынес немолчаливый приговор: «Много было попыток реформировать Ислам и в Египте, и в Пакистане, и в других странах. Не прошло и полвека, как народу стали видны коварные замыслы и ядовитые клыки этих реформаторов». И совсем стандартное в таких случаях обвинение: ученый «помогает тем, кто хочет ослабить Ислам в России»¹. Были и прямые угрозы: если кто разгневет Аллаха, «то Всевышний сделает так, что гнев этих же людей падет на такого человека. Это послужит ему наказанием. Тауфик Ибрагим, Вам нужно осознать это, ведь никто из людей не вечен».

Нет ничего удивительного в полемике, которая разгорелась вокруг ряда наиболее непривычных тезисов Ибрагима, вроде заключения о том, что «...кораническая полемика с определенными догматами христианства и иудаизма не подтверждает тезис о фальсификации библейского текста». В ответ на это один из его критиков ссылается на южноафриканского мусульманского проповедника Дидата, который «грамотно показывает и доказывает, что Библия уже не является оригинальным и неизменным словом Божьим». И опять ученого, истинного знатока священных текстов и мусульманской экзегетики, обвинили во всех грехах: теперь он, оказывается, хочет привести российских мусульман «к синкретизму сирийских алавитов, которые молятся в церквях и причащаются вином»².

Вернемся к критике концепции толерантности отдельными православными священнослужителями, которая отчасти перекликается с высказываниями вышеназванных представителей мусульманского духовенства. Девиз недавнего открытого письма епископа Пермского и Соликамского Иринарха

¹ Рамазанов Курамахаммаг-хаджи. Кому верить: Тауфику Ибрагиму или Корану? URL: <http://www.islam.ru/lib/warning/taibmi>

² Абдуллаков М. К синкретизму алавитов? Куда зовет российских мусульман Т. Ибрагим? URL: <http://www.islam.ru/pressclub/islamophobia/taufiq>

к согражданам и местным властям региона однозначен: «Толерантность — это когда тебя выживают из твоего дома, а ты не сопротивляешься»¹.

Владыка Иринарх утверждает, что когда с Запада «нам пытаются навязать некую толерантность», то есть «вместо любви к ближнему как образу и подобию Божию в межнациональной сфере и вместо культивирования свободы совести в духовной сфере пытаются навязать некую терпимость», тем самым нашему народу хотят привить «приемлемость порока» и даже осуществляют «прямую экспансию против российской государственности». Епископ призвал всех православных граждан не участвовать в конференциях по толерантности, а всю родительскую общественность — требовать запрещения уроков толерантности в школах без согласия родителей. О каком диалоге тут можно говорить!

Конечно, когда под толерантностью понимается терпимость к наркомагии, моральному разложению и прочим болезням цивилизации, я склонен поддержать религиозных деятелей. В этом смысле можно по-разному толковать высказывание священника Георгия Рябых о том, что Россия «не нуждается в заимствовании, в том числе в системе образования, таких понятий, как "толерантность"»². Священник справедливо обратил внимание на то, что во многих докладах и документах, «которые формируются на Западе и содержат жесткую критику России, слово "толерантность" является как раз одним из ключевых». Но повод ли это отказаться от этого важного понятия, которое мы можем понимать в таком смысле, в каком оно и должно пониматься. Вообще, вся эта полемика весьма напоминает историю с многострадальной демократией. А ведь тоже хорошее слово!

Показательно, что беспокойство по поводу нашей российской духовности выражают не только религиозные деятели, но и ученые. Приведем, к примеру, мнение экономиста А. В. Акимова, который считает, что духовность «в настоящее время утеряна или выродилась. Роль православия в качестве духовного наставника невелика, некоммерческое искусство прозябает, низок престиж знаний, если они не приносят дохода, бескорыстие рассматривается общественным сознанием как блажь или неполноценность, трудовая мотивация слаба, престиж труда невелик, если он не приносит высоких доходов, огромное количество бездомных детей при живых родителях³, тяжелое положение стариков при живых детях, чисто формальное социальное обеспечение, безразличие к судьбам бездомных и заключенных со стороны государства и большинства россиян оставляют мало места для иллюзий относительно высокой духовности современного российского общества»⁴.

Иногда высказываются сомнения в целесообразности межрелигиозного диалога вообще, основанные на том, что каждая религия, естественно, потеряет смысл, если откажется от постулата о своем превосходстве над остальными. Тем не менее межрелигиозный диалог существует и постепен-

¹ См.: <http://www.permeparhia.ru/index/php?id=1016>

² Георгий Рябых, иерей. Россия не нуждается в таких понятиях, как «толерантность». URL: <http://www/rusk/ru/newsdata.php?idar=730225>

³ По данным российской прессы, в результате семейного насилия в российских семьях ежегодно погибает не менее 20 тыс. детей.

⁴ Акимов А. В. Цивилизационные аспекты демографических проблем в России. М., 2006. С. 20.

но становится нормой взаимодействия конфессий. Это, однако, не снижает остроты межрелигиозного противостояния, особенно в тех случаях, когда конфессиональные группы населения живут в непосредственном соприкосновении друг с другом. Даже группы, верования которых имеют репутацию терпимых, склонны в этих случаях проявлять агрессивность с применением насилия в отношении инаковерующих. Я имею в виду индуистов Индии — страны, где живет одна из самых многочисленных мусульманских общин в мире (по примерным подсчетам, не менее 150 млн человек), которые повинны в убийствах мусульман и разрушении святынь (это, естественно, не означает, что мусульмане, в свою очередь, не готовы платить индуистам той же монетой).

На мой вопрос о том, почему буддисты отдельных районов Бирмы не проявляют такой терпимости, как буддисты в некоторых других странах Юго-Восточной Азии, один из местных религиозных деятелей ответил, что дело в географической близости Индии и соответственно большем влиянии индуизма, склонного к большей жесткости к иноверцам. Впрочем, и такая буддистская, да к тому же традиционно монархическая страна, как Таиланд, тоже не проявила терпимого отношения к мусульманскому населению южных провинций, что даже стало источником напряженности в отношениях между Таиландом и Малайзией, обвиненной чуть ли не в поддержке сепаратизма. Естественно, речь идет не о самой религии, а о людях, которые проявляют жестокость, совершают насильственные действия от имени религии, не имея для этого никаких оснований.

Чем же так страшна эта толерантность, если ее сторонников бьют со всех сторон? Бьют не только экстремисты, террористы и тому подобные, но и призывающие к добру священники и имамы. Как же быть тогда с диалогом — и межцивилизационным, и межрелигиозным? Конечно, священнослужители не обязательно толерантности противопоставляют нетерпимость, тем не менее найдутся люди, которые сделают из атаки на толерантность именно такой вывод. Но нетерпимости и злобы в нашем обществе и так хватает. Иначе говоря, те, кто призывает к высокой моральности, как раз и бьют по морали. Может быть, дело как раз в извечном соперничестве религий? Нельзя проявлять толерантность даже к приверженцам религий, появившихся из одного и того же авраамического корня, к людям, верующим в одного Бога.

Впрочем, вопрос о том, веруют ли христиане и мусульмане в одного и того же Бога, является одним из наиболее сложных для богословия — и христианского, и мусульманского, а я не хотел бы вторгаться в богословскую сферу. Конечно, православным есть о чем беспокоиться: зона распространения ислама растет, причин тому много, и они не только демографического характера. Грустно, когда на Ближнем Востоке постепенно теряют свою христианскую идентичность традиционно христианские города Палестины Рамалла и Вифлеем, становится меньше христиан в Сирии, Ливане, Иордании. Но, может быть, как раз в этих условиях нам и нужна толерантность?

Еще больше она необходима в традиционно конфликтных отношениях между верой и неверием, религией и атеизмом, религиозностью и секуляризмом. Европа давно дала свой ответ на извечный спор между ними, сделав светский характер своей цивилизации ее краеугольным камнем. Много

атеистов и в нашем обществе, где вера, к сожалению, преследовалась в течение всего советского периода нашей истории — как раз толерантности атеистической власти и не хватало. Сегодня неверие не в моде, стало непривычным открыто исповедовать атеизм, как это делает, к примеру, живущий в Санкт-Петербурге нобелевский лауреат академик Виталий Гинзбург. Однако парадокс состоит в том, что истинно верующих людей совсем немного, и уже привычно стоящие со свечами в руках в церквях руководители ведут себя вовсе не по-христиански.

Третья мировая религия — буддизм — более терпимо относится к секуляризму, чем две другие, возможно, в силу своего *нетеистического* характера. «Для того чтобы проявлять заботу о других, нам необходима определенная энергия, которую мы черпаем в любви и сострадании, — сказал духовный глава буддистов далай-лама в выступлении перед калмыцкой диаспорой США, — это общечеловеческие ценности, которые не имеют прямого отношения к религии. Это то, что я называю “секулярной этикой”»¹. По словам далай-ламы, для того чтобы развивать любовь в человеческом обществе (а именно это является абсолютным императивом для буддистов), можно прибегнуть к трем способам: вышеназванной «секулярной этике»; теистическим религиям (христианство, иудаизм, ислам, признающие личность Бога-творца); нетеистическим религиям (джайнизму и буддизму).

Выступая на VIII Лихачевских научных чтениях, Высокий представитель Генерального секретаря ООН по «Альянсу цивилизаций», экс-президент Португалии Жоржи Сампайю призвал «развивать новые стратегии и принципы межкультурного и межрелигиозного диалога» и правомерно поставил ряд вопросов, касающихся взаимоотношений между обществом, государством и религией, в том числе: «Каково значение взаимоотношений между политическими доктринами, основанными на принципах демократии или религии? Как преодолеть взаимное недоверие между государственными и церковными деятелями и достичь конструктивного диалога?»².

Для адекватного ответа на подобные вопросы очевидным императивом является необходимость организовать процесс интракультурного и межкультурного глобального диалога между культурами, который бы охватывал максимально большое число участников. Ссылаясь на одного из известных авторов, разработывавших теорию диалога, — Макинтайра, Хернан Лопес-Гарай пишет о его идее, «чтобы западные университеты стали живыми моделями — для общества в целом — таких совокупностей, в которых единство жизни коллективно поддерживается через развитие и сохранение традиций морального исследования»³.

Важно то, кто является субъектом межцивилизационного диалога, в котором есть и светская, и религиозная составляющие. Глобализация вносит свои коррективы в сущность и структуру диалога. В числе ученых, кто пытался концептуализировать динамику изменения конфигурации традиционных цивилизаций в современном глобализующемся мире, можно назвать,

¹ Текст выступления Его Святейшества Далай-ламы перед калмыцкой диаспорой США. Филадельфия, 16 июля 2008 г. URL: <http://savetibet.ru/2008/09/26>

² См.: Диалог культур и партнерство цивилизаций : VIII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 22 – 23 мая 2008 г. СПб., 2008. С. 32.

³ Lopez-Garay H. Dialogue Among Civilizations : What for? // Dialogue among Civilizations. N. Y., 2005. Vol. I : Global Scholarly Publications. P. 247.

к примеру, А. И. Салицкого. Он выделяет три «вертикальные цивилизации» в современном мире: политико-идеологическую, деловую и творческую¹.

В русле данных попыток идет дискурс, в рамках которого цивилизационный подход дополняется социальным. К примеру, авторы монографии «Население и глобализация»² пишут о формировании всемирной «социально-демографической пирамиды глобализации». Эта пирамида включает «глобальную элиту»; глобалистскую предэлиту; людей, вовлеченных в процесс глобализации в национальных рамках; людей с достаточно высоким уровнем жизни, получающих доходы в наименее глобализированных секторах национальной экономики; всех остальных (4,5 млрд человек), не выходящих на уровень глобализированной экономики, но опосредованно от нее зависящих.

Но надо заметить, что нынешний всемирный экономический кризис продемонстрировал столь высокую взаимозависимость экономик и социумов различных стран, что такое деление, возможно, нуждается в пересмотре. Если все же принять этот принцип пирамиды, то следует заметить, что предрасположенность к межкультурному диалогу проявляют представители ее верхних слоев. В то же время это могут быть такие люди, которые адекватно представляют ценности и нормы своей культуры, а не космополитически ориентированные интеллектуалы.

Что же касается нашей страны, то особую значимость для ее судьбы имеют традиционные нормы взаимоуважения, взаимодействия, сотрудничества и сплочения, установившиеся во взаимоотношениях между различными религиями, которые исповедуют россияне. Нельзя не согласиться с мнением К. Фролова, который писал в связи с избранием нового Патриарха Московского и всея Руси: «Одновременно Патриарх может призвать к большей социальной и национальной ответственности политический класс, предложить формулу исторического прорыва России. Это формула национальной модернизации на основе традиций и свободы, помноженной на нравственную ответственность каждой личности»³.

¹ См.: Салицкий А. И. Размышления после Родосского форума // Восток — ORIENS. 2004. № 1. С. 173.

² Население и глобализация / под общ. ред. Н. М. Римашевской. М., 2002.

³ Фролов К. Я не хочу, чтобы нашу Русь считали Русью глупой: историческая миссия патриарха Кирилла // Политический класс. 2009. № 1 (49). С. 26.

А. Д. Некипелов¹

ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И РЕФОРМЫ²

Очень часто экономика и господствующая в обществе система ценностей рассматриваются изолированно друг от друга — как «базис» и «надстройка». Явными и неявными сторонниками такой позиции являются многие представители экономической науки. Между тем именно эта позиция в конечном счете лежит в основе пресловутого остаточного принципа финансирования образования, здравоохранения, культуры. Конечно, задачей общей экономической теории не является выявление путей формирования индивидуальных и групповых предпочтений, считающихся экзогенными — заданными извне по отношению к предмету соответствующей науки. Однако без учета данных предпочтений экономическая наука абсолютно бессильна в решении одной из основных задач — определении наиболее эффективного способа размещения имеющихся у субъекта хозяйственной деятельности (индивида, фирмы, общества в целом) ограниченных ресурсов.

Это положение легко проиллюстрировать на модели потребительского выбора, описывающей принятие решения о распределении дохода членом общества. Важнейшей составной частью модели является наличие у каждого потребителя собственной системы предпочтений, аналитически выражаемой через так называемые кривые безразличия. Модель потребительского выбора не объясняет, почему у данного потребителя именно такая форма «кривых безразличия» (это задача не экономиста), но позволяет понять, как изменение вкусов потребителя влияет на набор приобретаемых им товаров и услуг.

Однако общество состоит не только из индивидуальных потребителей. Люди объединяются в разные группы — от семьи до политических партий и движений, общества в целом. Во всех случаях ими движет наличие общих потребностей, интересов, формирующихся на основе ценностей, присущих составляющим группы личностям. Причем групповые (включая общественные) интересы не сводятся «без остатка» к интересам их членов: они представляют собой результат некоторого «усреднения» интересов посредством принятой в рамках данной группы процедуры принятия решений.

Например, предоставление услуг в сфере культуры, образования и здравоохранения можно было бы целиком перевести на рыночную основу. Тогда каждый член общества (или его первичная группа — семья) самостоятельно, в соответствии с упомянутой выше моделью потребительского выбора,

¹ Директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор. Директор Института международных экономических и политических исследований РАН (1998 – 2001), вице-президент РАН (2001 – 2013). Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. книг: «Очерки по экономике посткоммунизма», «Становление и функционирование экономических институтов: от “робинзоны” до рыночной экономики, основанной на индивидуальном производстве», «Центральная и Восточная Европа во второй половине XX века» и др. Член Научного совета при Совете безопасности РФ. Награжден орденами Почета, «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Почетный доктор СПбГУП.

² Доклад представлен на Международную научно-практическую конференцию «Гуманитарная культура как фактор преобразования России» (1999 г.).

определял бы, какую часть своего бюджета он намерен израсходовать на соответствующие услуги. Однако во всех цивилизованных странах некоторые из этих услуг предоставляются бесплатно, а некоторые субсидируются. Почему? Существуют две основные причины, в силу которых общество в данном случае не соглашается с результатами действия рыночного механизма. Во-первых, жить в обществе с высоким уровнем культуры и образования комфортно, но именно этот побочный (однако очень важный) эффект рынок учесть не может. Во-вторых, в масштабах субсидирования соответствующих областей проявляется понимание обществом принципов социальной справедливости (например, бесплатное предоставление базового образования связано со стремлением устранить определяемые материальным достатком семей различия в возможностях получения детьми знаний). Следовательно, проблема заключается во влиянии господствующих в обществе ценностей на размещение имеющихся в его распоряжении ресурсов.

Подобные вторжения в действие рыночного механизма ошибочно трактовать как имеющие неэкономический характер; напротив, рынок в данном случае не может адекватно отразить многообразие индивидуальных и общественных интересов, потому должен быть дополнен мерами нерыночного (но сугубо экономического!) характера в сфере размещения ресурсов.

Но есть ли объективные основы у такого внерыночного вмешательства в аллокацию ресурсов? В условиях рынка, как известно, потребители и производители руководствуются такими сигналами, как цены, издержки, прибыль, процентные ставки, валютный курс, котировки акций и т. п. А на что должно ориентироваться правительство, определяя размер субсидий в сфере культуры?

Ответить на этот вопрос несложно: общество должно стремиться к тому, чтобы отдача от каждого вложенного рубля во всех сферах была одинаковой (тогда не будет необходимости перераспределять ресурсы таким образом, чтобы увеличить общий эффект). Проблема, однако, в том, как привести к общему знаменателю отдачу от различных видов деятельности. Например, что лучше: ввести в строй новый театр или построить больницу? Конечно, по аналогии с моделью индивидуального потребительского выбора можно сослаться на то, что в обществе действует система предпочтений, позволяющая оценивать в терминах «лучше», «хуже» или «одинаково» различные наборы благ и услуг. Но если при исследовании рынка неважно, откуда берутся соответствующие установки, то при анализе принимаемых государством решений нужно определить объем финансирования, который будет соответствовать системе общественных предпочтений.

Для выявления общественных интересов существует политическая система. Если она имеет авторитарный или даже диктаторский характер, то соответствующую функцию берет на себя небольшая каста. В демократической системе эта задача решается при помощи конкуренции политических сил, более или менее полно отражающих интересы различных групп населения. Именно политический процесс дает отвечающую общественным предпочтениям оценку эффективности использования имеющихся ресурсов. Приоритетными становятся области человеческой деятельности, которые с точки зрения общества сегодня финансируются недостаточно.

Конечно, ценностные предпочтения неодинаковы в различных обществах. Тот факт, что при более или менее одинаковой степени удовлетворенности жизнью населения государственные расходы в Соединенных Штатах Америки составляют примерно 30 % валового внутреннего продукта, а в Швеции — 60 %, свидетельствует о значительных расхождениях в отношении жителей этих стран к эффективности рыночного механизма распределения ресурсов. Ценностные предпочтения могут варьировать и в обществе на различных этапах развития, хотя, возможно, существует их устойчивое «ядро». Господствующие в обществе ценностные установки оказывают непосредственное влияние на экономический процесс.

В этом аспекте следует анализировать связь реформ и гуманитарного знания. Реформы, игнорирующие сложившиеся в обществе ценностные установки, которые дает гуманитарное знание, обречены на трудную жизнь, отторжение и деформацию обществом. Российская модель приватизации, в основном базировавшаяся на быстром распределении государственной собственности (рынок сделает все остальное), себя не оправдала, потому что вступила в резкое противоречие с представлениями общества о социальной справедливости.

Таким образом, если экономист-теоретик имеет право рассматривать ценностные установки индивидов, их групп, общества в целом как заданные извне, а поэтому не являющиеся объектом его исследования, то разрабатывающие и осуществляющие экономическую политику обязаны учитывать существующие в обществе настроения, традиции, установки, в том числе нравственного характера. Следовательно, необходима политическая система, позволяющая выявлять социальные предпочтения.

Россия сделала выбор в пользу демократической политической системы, и нет оснований от него отказываться. Однако совершенствовать российскую модель необходимо. Хотя я не сторонник движения «Наш дом — Россия», полагаю, что выдвинутые его представителями предложения о серьезном изменении в разделении властей абсолютно верны. Для того чтобы создать ответственный парламент, более или менее адекватно отражающий спектр общественных интересов и учитывающий реальные возможности страны, необходимо передать ему право формирования исполнительной власти. Только в этом случае можно надеяться на прекращение деструктивной борьбы исполнительной и законодательной властей. Кроме того, в экономической политике будут учитываться интересы населения, а потому отпадает необходимость формирования «особых слоев населения, поддерживающих реформы». Реформы станут органичной составляющей развития общества.

Е. И. Пивовар¹

РОССИЙСКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ И ГЛОБАЛЬНЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ XX ВЕКА²

Феномен зарубежной России XX века характеризуется множеством параметров, среди которых важнейшее место занимает взаимодействие российской эмиграции с культурами различных народов и регионов мира.

Сложность и многообразие этого взаимодействия связаны прежде всего с особенностями самой российской эмиграции: ее социально-профессиональными, образовательными, демографическими характеристиками, способностью воспринимать другие культуры и языки и стремлением к сохранению собственной культурно-языковой идентичности. Другим не менее важным компонентом является культурная специфика принимающих стран, реакция их народов, общественных и государственных структур на российские диаспоры.

В XVIII — начале XX века общение россиян, находившихся за границей, с иностранной, и прежде всего европейской, культурой носило в целом одновекторный, «принимающий» характер: получение образования за рубежом, восприятие художественных влияний, опыта политической борьбы и т. п. Дореволюционная российская эмиграция в Новом Свете частично растворялась в общем «плавильном котле», частично жила замкнутыми религиозными общинами. В то же время примером активного культурного влияния российской диаспоры на общество страны-реципиента в дореволюционный период была деятельность русских колонистов, работавших на КВЖД и в системе выросших вокруг нее административных, экономических, культурно-просветительных структур, а также миссионерская работа Русской православной церкви в Японии, Северной Америке и ряде других стран. Православная составляющая русской культуры распространялась в мире через развитие зарубежных приходов в США, Европе, на Ближнем Востоке. В настоящее время мы наблюдаем возрождение их роли как центров культурного взаимодействия между современной Россией и различными странами мира (Русские подворья в Иерусалиме, г. Бари в Италии и др.). Свою самобытную культуру несли в конце XIX — начале XX века за границу эмигранты из Российской империи в Палестину, беженские волны с Кавказа в Турцию и др.

Глобальный культурный диалог российского зарубежья начинается в послереволюционный период в связи с существенным изменением

¹ Член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (Москва), заведующий кафедрой истории стран ближнего зарубежья МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор. Автор более 200 научных работ: «Советские рабочие и НТР. По материалам автомобильной промышленности СССР», «Наше Отечество. Опыт политической истории», «Материалы по истории диссидентского и правозащитного движения» (в соавт.), «СССР и холодная война» (отв. ред. и соавт.), «Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом», «Теоретические проблемы исторических исследований» (вып. 1 — 5, отв. ред. и автор) и др. Член редколлегии журналов «Вестник МГУ (сер. «История»)», «Отечественная история» и «Вестник архивиста», «Родина». Главный редактор журнала «Вестник РГГУ», главный редактор ежегодника «Исторические записки» Отделения историко-филологических наук РАН.

² Доклад представлен на IX Международные Лихачевские научные чтения (2009 г.).

количественных и качественных параметров эмиграционных потоков из России. После 1917 года картина социально-культурного взаимодействия российского зарубежья с обществами стран-реципиентов приобретает сложный многовекторный характер. За рубежом оказались значительные по численности группы, представлявшие большинство социально-профессиональных страт российского общества: ученые, инженеры, военные, медики, студенческая молодежь и т. п.

Нет необходимости подробно говорить об элитарности российской послереволюционной эмиграции, ее высоком интеллектуальном уровне, творческом потенциале, упорной борьбе не просто за выживание, но и за восстановление утерянного в результате революционных потрясений социального статуса. В то же время хотелось бы еще раз подчеркнуть, что эти качества российской послереволюционной диаспоры в сочетании с многочисленностью и многообразием миграционных потоков и их направленностью в различные страны и регионы мира обусловили возникновение глобального социально-культурного феномена зарубежной России 1920–1930-х годов, значение которого ощущается и в XXI веке.

Культурный диалог российских эмигрантов с обществами стран-реципиентов имел различную интенсивность и тональность звучания в зависимости от условий пребывания в той или иной стране и внутренней специфики региональной диаспоры. Его развитие в наиболее крупных центрах русского зарубежья шло одновременно по нескольким направлениям: искусство, наука, экономика, бытовая культура, язык.

В эпоху классической зарубежной России сохранение бытовой культуры и языка обеспечивалось прежде всего диаспоральным сознанием, которое обусловило осуществление российской эмиграцией комплекса системных мер по передаче языка и языковой культуры детям, высоким образовательным уровнем эмигрантского социума, наличием центров компактного проживания. В ряде случаев в таких общинах наблюдалось явление русификации вовлеченных в их жизнь иностранцев. Так, К. Парчевский сообщал об открытии в 1930-х годах курсов русского языка для француженок — жен русских рабочих в Ла-Рошели¹.

В некоторых странах российские эмигранты выступали в качестве проводников общеевропейской культуры. Хрестоматийными примерами такого рода являются фактическое создание бывшими россиянами армии и ряда административных институтов в Парагвае, становление, практически полностью на основе русской школы, балета на Кубе и т. п.

Культурный диалог между обществами лимитрофных государств и существовавшими здесь российскими диаспорами в межвоенный период определялся в значительной степени традициями дореволюционного времени. Так, несмотря на негативное отношение польских властей и значительной части польского общества к российской эмиграции, особенностью русской художественной и литературной колонии в Польше было тесное общение с польской творческой интеллигенцией, в том числе такими выдающимися деятелями, как Юлиан Тувим и Ярослав Ивашкевич. Творческое взаимодействие с польскими писателями и поэтами, которое осуществлялось в литературных кружках и творческих союзах русской диаспоры, создавало осо-

¹ Парчевский К. К. По русским углам. М., 2002. С. 91.

бую интеллектуально-духовную атмосферу, впоследствии оцениваемую как «феномен славянского контакта» в особой политической ситуации Польши, впервые строящей свое независимое государство¹.

Представляют интерес и данные о российском культурном влиянии в Литве. Эмигрантские источники 1920–1930-х годов и позднейшие научные исследования едины в своем мнении относительно положения русской диаспоры в Литве, которое характеризовалось значительно большей лояльностью местных властей и населения, широкой распространенностью русского языка и культурных традиций при очень низкой общественной активности русского населения. В «Русском календаре» за 1932 год отмечалось: «Русская общественная жизнь в Литве после войны развивалась своеобразными путями, отличными от путей эмиграции и жизни русского меньшинства в других странах Прибалтики... Театр, книги, газеты, журналы, школьное дело, быт и жизнь общества не чуждались русской культуры и языка. При этом носителями русской культуры часто являлись не русские, а литовцы и другие группы населения Литвы»². Современный исследователь истории русской диаспоры в Литве А. Ковтун подчеркивает, что, в отличие от соседних стран Балтии, где русское население сохранило «культурные завоевания, веру в свои силы и в будущее края, жителями которого являлось», русская культура городов Литвы, в частности Каунаса, развивалась в большой степени благодаря участию в культурной жизни края литовцев, евреев, поляков с русскими корнями, «получивших в силу исторических обстоятельств образование в России»³.

В Китае, Африке, других отдаленных уголках мира российские эмигранты, как правило, проявляли активный интерес к культуре, искусству, природе тех стран, где они находились. В литературе и изобразительном искусстве российской эмиграции в Китае наблюдается значительное влияние ориентализма⁴. В то же время историк русской эмиграции в Китае Е. Аурилене отмечает такую черту российской эмиграции (интеллигенции) в Китае, как повышенный интерес к религии, развившийся как элемент противодействия российского менталитета восточной культуре⁵.

Одним из компонентов адаптационного процесса россиян за границей являлась аккультурация — процесс преодоления эмигрантом его осознанного или неосознанного сопротивления переменам в попытке защитить свое культурное своеобразие⁶. Адаптация за рубежом независимо от времени и причин выезда из России означала неизбежную вынужденную или добровольную аккультурацию эмигранта, то есть отказ от некоторых норм и представлений, свойственных его этнокультуре, и освоение культуры принимающего общества⁷. Для определенной части российской эмиграции в межвоенный период была характерна практически полная культур-

¹ Булгаков В. Ф. Словарь русских зарубежных писателей. Нью-Йорк, 1993. С. 209.

² Русская общественная жизнь в Литве // Русский календарь. Каунас, 1932. С. 1–2.

³ Ковтун А. Возвращенные сюжеты: русские Каунаса (1918–1940) // Диаспоры. М., 2004. № 2. С. 157.

⁴ Мелихов Г. В. Белый Харбин. Середина 20-х. М., 2003. С. 268.

⁵ Аурилене Е. Русская эмиграция в Китае: в поисках будущей России // Вестник Евразии: независимый науч. журн. 2002. № 4 (19). С. 20.

⁶ Левин З. И. Менталитет диаспоры (Системный и социокультурный анализ). М., 2001. С. 109.

⁷ Там же. С. 108.

ная и языковая ассимиляция не только в Европе и США, но и в более чуждых для россиян в культурном отношении регионах. Так, бывший министр финансов колчаковского правительства И. А. Михайлов, ставший главным советником японцев в Харбине по русским делам, полностью перенял китайские манеры — от еды до жизненной философии¹.

В отличие от советской культуры, эмигрантское культурное влияние было во многом созвучно европейскому миру, хотя оно и воспринималось по-разному в разных сегментах иностранного социума в зависимости от его ментально-психологической и политической специфики. Так, Франция, США, Англия оказались чрезвычайно восприимчивы к таким явлениям, как русский балет, музыка, живопись, причем это не следует рассматривать только как моду в рамках массовой культуры. Через универсальный язык звука и пластики происходило «сцепление» эмоций и идей российского и иностранного культурного пластов, вслед за которым шли более конкретные культурные и интеллектуальные влияния. В 1923 году газета «Россия» по случаю выхода в свет номера журнала "The Slavonic and East European Review", в котором описывались очередные триумфы русских артистов, с некоторой иронией писала: «Беглая Россия понемногу заражает Европу каким-то особым русским влиянием, вплоть до славянофильства. Началось с балета, пришло к Достоевскому, к Блоку, дойдет, пожалуй, и до русского общественного сознания»².

Событиями значительного масштаба в культурной жизни Праги и Белграда становились выставки русского искусства или какого-либо одного художника, например Бориса Григорьева, работы которого имели большой успех у пражской публики в 1926 году³.

Перечень наиболее значительных выставок, состоявшихся в Национальном музее Франции в 1947 — 1970-х годах, среди которых: М. Шагал (1947), О. Цадкин (1949), А. Ревзнер (1956), В. Кандинский (1957), Ж. Липшиц (1959), Н. Гончарова и М. Ларионов (1963), свидетельствует не только о том, что российские художники-эмигранты на равных входили в художественную жизнь послевоенного Парижа, но и о долговременности влияния русского искусства, органичного вошедшего в мировое художественное пространство XX и XXI веков⁴.

С одной стороны, изобразительное искусство, музыка, балет явились универсальной формой обращения российской эмиграции к мировому сообществу, ее манифестацией, фактором конкретного, прямого влияния на мировую культуру. С другой стороны, российская художественная и музыкальная элита легко включалась в международную творческую жизнь во Франции, США, Великобритании.

В Югославии и Болгарии в 1920 — 1930-е годы работало несколько талантливых русских архитекторов, деятельность которых способствовала развитию градостроительного искусства этих стран⁵.

¹ Балмасов С. С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. М., 2007. С. 124.

² Россия. Нью-Йорк, 1923. № 7.

³ Еленев Н. А. Русское изобразительное искусство в Праге // Прага. Русский взгляд. Век семнадцатый — век двадцать первый. М., 2003. С. 166.

⁴ См.: Ершов В. Ф. Российская художественная эмиграция во Франции в 1920 — 1930-е гг. М., 2008.

⁵ Кагиевич А. Деятельность русских эмигрантов-архитекторов в Югославии между двумя мировыми войнами // Архитектурное наследие русского зарубежья. Вторая половина XIX — первая половина XX века. СПб., 2008. С. 255.

Всемирную известность получили и созданные российскими эмигрантами в 1920 — 1930-е годы ансамбли народной песни и танца, среди которых первое место, вероятно, следует отдать казачьему хору С. А. Жарова. Показательно, что в 1981 году Жаров был торжественно введен в Русско-американскую палату славы, созданную Конгрессом русских американцев «для чествования выдающихся русских деятелей, внесших значительный вклад в науку, технику, литературу и общественную жизнь США»¹.

Более сложным был путь русской зарубежной литературы, которая должна была или замкнуться в рамках диаспоры, или «заговорить» на иностранных языках. Важнейшую роль в распространении политического, философского и литературного влияния сыграли периодические издания эмиграции, часть которых выпускалась на языках принимающих стран, и публикации переводов произведений российских авторов в иностранной прессе. Именно произведения, опубликованные в периодической печати, стали основанием для присуждения И. Бунину в 1933 году Нобелевской премии по литературе.

В связи с этим хотелось бы отметить, что эмигрантская художественная литература и публицистика сыграли важную роль в понимании российского зарубежья мировым сообществом, признании ее проблем и потребностей, ее права на участие в общественно-политическом и культурном диалоге. Она оказывала влияние на формирование за рубежом образа советской России, стремясь определенным образом воздействовать на общественное мнение в странах проживания.

В 1920-е годы российская эмиграция выступала в роли пропагандиста за рубежом русской классики — творчества А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. М. Достоевского и многих других писателей, поэтов, композиторов.

Существенным элементом развития культурного диалога было восприятие и преломление русским обществом, а затем и эмиграцией западной культуры, которая возвращалась европейскому и американскому обществу через публикации в иностранной прессе, публичные выступления, монографии российских ученых, художественную литературу. Выросшая на образцах европейской философии и общественной мысли российская политическая оппозиция и интеллектуальная элита принесли в Европу множество оригинальных влияний, от русского марксизма и троцкизма до философских исканий С. Н. Булгакова, С. Л. Франка, Н. О. Лосского, Л. Шестова, Н. А. Бердяева², произведений В. В. Набокова и А. И. Солженицына и т. п.

В годы Второй мировой войны печатное слово российской эмиграции внесло важный вклад в международное антифашистское движение, призывая к оказанию помощи СССР и скорейшему открытию Второго фронта.

Для Франции и славянских стран Европы в 1920 — 1930-е годы было особенно характерно создание совместных «предприятий» с русскими эмигрантами: институтов, обществ, клубов. Если во Франции это была, как правило, инициатива научных кругов или творческой интеллигенции,

¹ Русский американец. Нью-Йорк, 1995. № 20. С. 112.

² О влиянии Н. Бердяева на французскую культуру см.: Аржановский А. Между историей и памятью: Николай Бердяев, русский мыслитель во Франции // Культурное наследие русской эмиграции: 1917 — 1940. М., 1994. Кн. 1.

то в Чехословакии и Югославии инициатива по организации подобных центров нередко исходила от государства¹.

Некоторые образовательные и просветительные центры, созданные преимущественно трудами российских эмигрантов, стали очагами международного культурного общения и влияния. Так, иностранные студенты обучались на Русском юридическом факультете в Праге². Решающий вклад внесли российские эмигранты в создание таких учреждений, как Славянская библиотека МИД Чехословакии³ и библиотека SLAVICA в Финляндии⁴.

Активность русских ученых, инженеров, военных за рубежом диктовалась, с одной стороны, потребностью выживания, социально-экономической адаптации, с другой — желанием реализовать себя в профессиональной сфере, что было связано с деятельностью в иностранной языковой и культурной среде. Российские эмигранты, адаптируясь в мире зарубежной науки и бизнеса, приносили в них традиции отечественной высшей школы, корпоративной культуры, в ряде случаев способствовали формированию очагов российской диаспоры, как, например, это происходило на заводах И. И. Сикорского в Стратфорде (США).

В 1920 — 1930-е годы отчетливо обозначилось становление русского научного влияния в Америке. С. П. Тимошенко отмечал, что «основательная подготовка в математике и основных технических предмета давала нам громадное преимущество перед американцами, особенно при решении новых, нешаблонных задач»⁵. Он же свидетельствовал о том, что российской научной элите в США пришлось много работать над усовершенствованием технического образования в Америке. «Обдумывая причину наших достижений в Америке, я прихожу к заключению, что немалую роль в этом деле сыграло образование, которое нам дали русские высшие инженерные школы», — писал он⁶.

В межвоенный период возникли центры профессионального общения российских ученых-историков в Нью-Йорке, Чикаго, Бостоне, Калифорнии, которые работали в постоянном контакте с местной университетской средой, начали сотрудничать с Американской исторической ассоциацией и другими центрами гуманитарной науки в США. Лидеры исторической науки русского зарубежья в Америке М. Ростовцев, А. Васильев, Г. Вернадский, М. Карпович в течение многих лет вели преподавательскую и исследовательскую работу в университетах США⁷.

¹ См.: Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Прага, 1995; Русская эмиграция в Югославии: сб. М., 1996; *Иванович М.* Русская эмиграция на Балканах. 1920 — 1940. М., 2005; и др.

² Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (Гражданские беженцы, армия. Учебные заведения) : учеб. пособие для студентов / Е. И. Пивовар, Е. Н. Евсеева, В. Ф. Ершов [и др.]. М. ; Геттинген, 1994. С. 100.

³ *Йиржи В.* Фонды русского зарубежья в пражской Славянской библиотеке // Зарубежная Россия 1917 — 1939 гг. СПб., 2000. С. 417 — 418.

⁴ *Йоффе-Кемплайн Э.* SLAVICA — уникальная русская библиотека в Финляндии // Русская мысль. 1997. № 4185.

⁵ Цит. по: *Борисов В. П.* Америка мне определенно не нравилась // Российская научная эмиграция: двадцать портретов / под ред. Г. М. Бонгард-Левина, В. Е. Захарова. М., 2001. С. 121.

⁶ Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века : энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С. 625.

⁷ *Петров Е. В.* Культуррегерская миссия русских историков-эмигрантов в США // Российские соотечественники в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Перспективы сотрудничества : ма-

Российская эмиграция стала одним из главных стимулов развития международной русистики, не только подтверждая значение русской культуры и языка, но и предоставляя колоссальный по объему и глубине материал для изучения, а также непосредственно участвуя в развитии русистики и советологии, переплетение которых создало в результате образ России XX века в глазах иностранного сообщества¹. Конкретным примером такой деятельности является Американская ассоциация развития славяноведения — организация, фактически координировавшая советологические исследования в США, председателем которой был Г. В. Вернадский — представитель русской научной эмиграции послереволюционной волны.

Таким образом, зарубежная русская литература, философия, искусство в XX веке стали одним из элементов духовно-культурного пространства иностранной интеллектуальной элиты в различных регионах мира, вошли в обитую многообразных мировых культур.

Характерное для российского зарубежья стремление к сохранению собственной культурной идентичности обусловило особую активность эмигрантов в данном направлении: русские школы, библиотеки, издательства, театры создавались ими упорно и самоотверженно в Париже, Берлине, Праге, Харбине, Сан-Франциско. В то же время вынужденное пребывание за границей способствовало удовлетворению того живого интереса к европейской литературе и искусству и стремления к культурному универсализму, которые существовали в российском образованном обществе в дореволюционный период. В 1920–1930-е годы российские профессора читали, а российские студенты слушали лекции в Сорбонне на французском языке, в Пражском университете — на чешском, в Софийском — на болгарском. Учащиеся русских школ и народных университетов совершали экскурсии в Лувр, по замкам Луары и т. п. Разумеется, ассимиляционные процессы, особенно в молодых поколениях эмиграции были неизбежны и достаточно интенсивны, но одновременно в условиях российского зарубежья развивался особый поликультурный мир, сочетавший языковые, ментальные, поведенческие характеристики русского зарубежья и иностранных обществ. В наши дни можно наблюдать некоторых представителей третьего и четвертого поколений российского зарубежья, родившихся за границей, окончивших европейские и американские университеты, но говорящих по-русски без акцента и даже сохраняющих некоторые элементы внешнего имиджа своих российских предков (например, вернувшийся на родину в 1990-е гг. представитель семьи Мамонтовых — достаточно успешный предприниматель и обладатель окладистой купеческой бороды).

Российская эмиграция 1920–1930-х годов создала своего рода плацдарм, опыт культурного взаимодействия с иностранными сообществами, на который опирались последующие миграционные волны. Политическая и религиозная эмиграция из СССР 1950–1980-х годов была нацелена на активное освоение западного общественно-культурного пространства. При этом фактически сохранялась прежняя траектория адаптационного процесса: успешное вхождение в иностранную культурную среду музыкантов,

териалы III Междунар. науч.-практ. конф. Владивосток, 2003. С. 216; см. также: Рибер А. Изучение истории России в США // Исторические записки. М., 2000. № 3 (12). С. 65–105.

¹ См.: Болховитинов Н. Н. Русские ученые-эмигранты (Г. В. Вернадский, М. М. Карпович, М. Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005.

артистов балета, художников (Р. Нуреев, М. Ростропович, Э. Неизвестный и др.), ориентация на русскоязычный мир писателей, политиков, мыслителей, быстрая ассимиляция экономических эмигрантов.

Там, где концентрация российского влияния была особенно высокой, например во Франции, тема русского зарубежья стала самостоятельным направлением в национально-исторической науке и культурологии. Причем в 1990-е годы под влиянием новых явлений в политическом и культурном облике самой России и ее движения навстречу русскому зарубежью эту проблематику «открыли» для себя многие страны — Финляндия, Австралия и другие, не говоря уже о бывших социалистических государствах (Чехии, Югославии, Болгарии), где тема русского зарубежья, так же как и в России, стала активно развиваться после отмены идеологических запретов.

В Японии интеллектуальная элита уже в начале XX века проявляла значительный интерес к русской культуре, особенно к творчеству Льва Толстого и других классиков. Впоследствии этот интерес выразился в создании научных и общественно-культурных центров, занимающихся историей и культурой российского зарубежья на Дальнем Востоке — «Россия и Япония» (1978) и Японской ассоциации по изучению восточной ветви русского зарубежья (1995).

В рамках разговора о взаимодействиях российской, европейской и американской культурных элит следует упомянуть о создании русскими эмигрантами собственной системы образов стран и культур, которые были частично восприняты иностранным обществом, как, например, феномен Америки в произведениях Юрия Иваска¹.

В постсоветский период российские диаспоры в дальнем зарубежье в целом утратили роль политической оппозиции своей метрополии. В то же время их роль как проводников российской культуры, участников диалога России с мировым сообществом продолжает сохраняться и развиваться, принимая новые формы и направления.

По меткому замечанию русского австралийца Марка Стеммера, у российской эмиграции «...есть талант: принимая культуру европейских стран, сохранять в то же время свое русское наследие. Это позволяет им любить обе страны: и страну проживания, и родину»². Это свойство позволяет российским диаспорам быть коллективными «послами доброй воли» России в глобализирующемся мире, неотъемлемой частью которого она является.

¹ См.: *Доронченков И. А.* Европа, Соединенные Штаты, Мексика в «культурной топографии» Юрия Иваска // *Зарубежная Россия 1917–1939 гг.* : сб. ст. СПб., 2000.

² *Стеммер М.* Что значит быть русским за границей // *Мы в России и зарубежье* : православный общественно-политический журнал молодежи России и русского зарубежья. 2006. № 4 (43). С. 38.

М. Б. Пиотровский¹

КУЛЬТУРА ДОЛЖНА ОБЪЕДИНЯТЬ ЛЮДЕЙ²

Мы все хорошо знаем, что в последнее время из официальных документов исчезло слово «культура». Культура не упомянута ни в национальных проектах, ни в последнем послании Президента Федеральному собранию РФ. Я считаю, что в этом наша вина: мы, работники учреждений культуры, все вместе не можем донести до тех, кто выбирает сегодняшние приоритеты, то значение, которое имеет культура — как не наследуемая память поколений; как то, что отличает человека от животного, одну нацию от другой; как то, что может помочь нам решить многие социальные проблемы.

Когда речь идет о проблемах глобализации, нередко обсуждают два схожих феномена — цивилизацию и культуру. Я думаю, что удобнее всего под словом «культура» подразумевать различные культуры, живущие в некоем взаимодействии, а цивилизацию понимать как общечеловеческое явление, существующее на Земле, в рамках которого происходит взаимное влияние или — иногда — борьба различных культур. В этом смысле цивилизация очень сильно зависит от того, как будет проходить глобализация.

Напомню, что глобализация — явление не новое. В разные века было много примеров глобализации в виде распространения определенных понятий и критериев на значительную часть мира. Глобализация осуществлялась по торговым маршрутам (достаточно вспомнить Великий шелковый путь или Путь ароматов) и объединяла гораздо больше стран, чем принято считать сегодня. Европа в XVIII веке была объединена родственными отношениями правителей, и эти связи были гораздо крепче, чем в современном Европейском союзе.

Также не надо забывать, что у глобализации много направлений. Например, для антиглобалистов один из ее символов — несчастные рестораны «Макдоналдс», которые везде крушат и уничтожают. Но ведь точно так же по всему миру распространились суши-бары, и суши — это такой же элемент культурного влияния, как дзен-буддизм и восточные единоборства.

Так что процессы идут разные, и при этом должен происходить динамичный диалог культур, которые могут людей соединять, а могут и разделять. Надо помнить о том, что культура может не просто разъединять народы, а стать страшным оружием в противопоставлении их друг другу. Если

¹ Директор Государственного Эрмитажа, член-корреспондент РАН, академик Российской академии художеств, доктор исторических наук, профессор, председатель Конгресса петербургской интеллигенции. Автор более 250 научных работ, в т. ч. книг: «Исторические предания Корана», «Коранические сказания», «Сверхмузей в эпоху крушения империи (музей как фактор эволюции)», «Мусульманское искусство: между Китаем и Европой», «Предание о химйаритском царе Ас'аде ал-Камиле», «Южная Аравия в раннее Средневековье. Становление средневекового общества», «Взгляд из Эрмитажа», «Обретение двух святых. Футух аль-харамайн» и др. Член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ, член Совета по науке и образованию при Президенте РФ. Председатель Союза музеев России, главный редактор журнала «Христианский Восток». Награжден орденами Почета, «За заслуги перед Отечеством» III, IV степени, многочисленными зарубежными орденами. Лауреат премии Президента РФ в области культуры и искусства. Почетный гражданин Санкт-Петербурга.

² Доклад представлен на VI Международные Лихачевские научные чтения (2006 г.).

же культура объединит людей в динамичном диалоге (а именно так и должно быть), то значительная часть отрицательных, примитивных сторон глобализации просто отомрет. Причем диалог культур, на мой взгляд, более продуктивен, чем диалог религий, о котором сейчас много говорят.

Между религиями есть границы, которые очень трудно, если вообще возможно, преодолеть. Например, христиане, мусульмане и иудеи могут договариваться, поскольку в этих религиях есть схожие догмы, в частности единобожие. Но с их точки зрения догмы, скажем, индуизма — «неправильные», и этот барьер преодолеть невозможно.

Культурам легче найти общий язык, потому что между ними нет противоречий, нет спора. Когда в арабских странах решили перевести новое для них слово «глобализация», то для этого понятия употребили такую же грамматическую форму, как и для слова «перевод». Глобализация и есть перевод одной культуры в другую или перевод нескольких культур. Это и есть, видимо, подходящая схема, которую надо активно пропагандировать и внедрять в просветительской деятельности.

Именно диалог культур мы — учреждения культуры, музеи, различные фонды и общественные организации — пытаемся противопоставить узкому пониманию глобализации.

Приведу пример из моей специальности. Мусульманская культура в разных странах очень различна и вместе с тем содержит единые черты, благодаря которым всегда можно понять, что та или иная вещь сделана в мусульманском культурном кругу. Это есть и во всех других культурах. Поэтому диалог, о котором я говорю, может привести к созданию многомерных культур. Отдельный человек может жить в нескольких культурах. Из нашей истории мы знаем примеры, когда люди дву- или триязычны, читают литературу на этих языках и могут жить, перемещаясь из одной культуры в другую или находясь в поликультурном пространстве. Зачастую это навязано обстоятельствами, но это еще и громадное удовольствие. Нет ничего более комфортного для человека, чем умение нормально жить в нескольких культурах, считать их своими. Думаю, что в этом и есть смысл пропаганды наших больших культур.

В настоящее время мы много делаем для того, чтобы русский язык сохранял свою традиционно важную роль в мире, хотя совершенно ясно, что он уже утратил функцию связующего. Все говорят по-английски, и сейчас можно контактировать, не зная русского языка. Но он является основой одного из культурных кустов, которые существуют в мире. Есть англосаксонский культурный куст, есть франко-романский, семитский, персидский, тюркский, индийский, японо-китайский. И есть русский, приобщившись к которому можно получать не только пользу, но и огромную радость. Человек, который читает Достоевского в подлиннике, духовно значительно богаче, и жить ему намного интереснее, чем человеку, который этого не умеет. То же относится и ко всем другим вещам.

Проблема диалога этих кустов и осваивания разных культур — вот то, чем мы занимаемся на практике. И в связи с этим встает вопрос о правах культуры. Дмитрий Сергеевич оставил нам свою «Декларацию прав культуры», и сейчас она становится безумно актуальной.

Что такое права культуры, как я их понимаю? К примеру, идет война. Отряд должен взять высоту, на которой стоит церковь с колокольней, и по ней координируют огонь. Возможны два решения: разрушить церковь либо поднять отряд и взять высоту, не уничтожая храм. В разных армиях бывает по-разному, во Второй мировой войне случалось и так, и этак. Подобные вопросы и должна регулировать Декларация.

Более того, сейчас взаимодействие различных культур и их аспектов привело к дискуссии о правах человека, культуры, нации, религии, определенных общин и т. д. Все эти права, разумеется, не совпадают, и открытый диалог может и должен привести к пониманию этого. Каждый раз нужно делать выбор. Как его делать — это уже другой вопрос. Будет ли тот или иной выбор правильным — судить потомкам. Но задача представителей гуманитарных сфер деятельности — правильное сочетание проповеди и научного исследования, потому что проповедь без изучения бессмысленна, даже если основана на очень хороших моральных постулатах. И при этом необходима борьба за то, чтобы эти идеи понимались, осваивались и руководили обществом.

Это и есть тот главный урок, который нам оставил академик Лихачев. Он дал блестящие примеры стратегии и тактики борьбы за права и влияние культуры, за внедрение правильного понимания, что такое культура, что такое разница между людьми и национальное единство. И мы должны продолжать его дело. Если мы будем действовать так, как действовал он, то, может быть, добьемся положительных результатов.

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ¹

Дорогие коллеги, для меня большая честь сегодня выступать на этом заседании и начинать разговор о диалоге культур, поскольку это такая большая тема, завещанная Дмитрием Сергеевичем. Это продолжение уже совершенно в новых условиях того, что делал Дмитрий Сергеевич. Думаю, моя задача сегодня — кратко коснуться некоторых вопросов и, может быть, произнести несколько провокационных тезисов, связанных с проблемой диалога культур.

По роду своей деятельности я как бы с двух сторон участвую в диалоге культур: с одной стороны, я востоковед-арабист, а с другой — руководитель такого универсального музея, как Эрмитаж, который является центром настоящего диалога культур. По сути, это главная задача подобных культурных учреждений.

О диалоге культур говорят много, у нас проходит много конференций, посвященных данной проблеме, и сам термин у всех на слуху. Казалось бы, уже достаточно... Но на самом деле нужно еще больше и больше говорить об этом, потому что диалог культур — очень важная часть нашей сегодняшней жизни и некая возможность компенсации многих худых вещей,

¹ Доклад представлен на VII Международные Лихачевские научные чтения (2007 г.).

происходящих в ней. Так, например, главная проблема современности — глобализация во многих своих аспектах (политических, экономических, культурных и др.) — связана с неумением наладить диалог культур.

Это то, что весь мир проклинает. Изменить и компенсировать тот вред, который наносит глобализация (она, конечно, его наносит), мог бы правильно построенный диалог культур, потому что таким образом защищаются особенности культур и появляется возможность уравнивания, гармонизации.

Думаю, что диалог этот уже прошел несколько разных стадий, причем параллельно диалогу культур идет диалог религий, и обнаруживается очень много схожих особенностей. Прошел этап, когда казалось, что все легко — есть некий набор общих ценностей, который мы все разделяем, и нужно лишь пообщаться, чтобы договориться, и тогда мы будем думать и говорить примерно одно и то же, и всем будет хорошо... Но так не будет никогда.

Сегодняшний диалог в разных своих формах строится на четком понимании, что есть вещи, которые разные культуры никогда не согласятся воспринять, а есть вещи, которые можно принимать или соглашаться с ними, или хотя бы терпеть, потому что всем нужно жить вместе, мирно.

Параллельно в разных сферах — и в культурной, и в религиозной, и в других — идет процесс воспитания людей: культурно-религиозные институты во многом сейчас выполняют одну и ту же цель воспитания народов и заложения общих основ для будущих поколений. Становится понятно, что от догматов никуда отходить нельзя, но нужно четко и ясно говорить о том, в чем мы различны. Думаю, что достигнутое недавно по очень принципиальным позициям соглашение между Русской православной церковью и Русской православной церковью за рубежом — пример несомненного успеха в таком религиозном диалоге.

Глобализм имеет целый ряд символов или примет, наиболее известный и самый яркий, наверное, — это «Макдоналдс». Поэтому так называемые антиглобалисты разрушают и даже взрывают эти кафе быстрого питания по всему миру. Еще один хорошо знакомый символ глобализма — суши-бары, которые также возникают по всему миру. Это также ответ-вторжение другой цивилизации, противопоставляющей свою культуру остальным, и прежде всего западной. Однако ни у кого не вызывает никаких возражений и протестов подобное распространение восточной культуры и образа жизни. Интересно, почему? Есть разные ответы на эти вопросы, и было бы интересно поговорить об этом.

Мне кажется, сейчас пришло то время, когда необходимо говорить о диалогах культур применительно, в первую очередь, к России. Потому что есть сложившаяся российская традиция, российский рецепт мирного сосуществования различных культур в одной многонациональной стране, который может быть полезен всему миру.

Культурный диалог — это прежде всего сохранение культурного наследия, и русская традиция может подсказать, на чем должно строиться единство и разнообразие стран мира и что должно быть стимулом для развития поколений.

Известно, что протестантская этика — основа развития капитализма, который без нее нигде не развивается, а поскольку ее нет в большей части

света, то и, так сказать, неудачи капиталистического развития там очевидны. Думаю, что вместо протестантской этики таким стимулом развития может служить, во всяком случае в России, наше культурное наследие, которое вполне способно стать основой воспитания людей с помощью культуры и некоторого улучшения нашего общества.

Даже враждебный культурный диалог может быть полезен. Коснемся, например, близкой мне и многим здесь присутствующим темы так называемого исламского фактора. Не секрет, что это весьма болезненная для нас тема, однако насколько теперь мир стал больше знать об исламе в результате все этих ужасов и разговоров об исламской угрозе...

Совсем недавно, еще до того как он был выбран президентом, Николя Саркози упрекали в том, что он в каком-то интервью запутался и не мог ответить на вопрос, является ли «Аль-Каида» суннитской или шиитской организацией. Ну, зато теперь уже все знают, что есть такие сунниты и шииты. Правда, не все знают, что никакой «Аль-Каиды» нет, но это уже другой разговор.

Кроме того, необычайно важны качественные, адекватные переводы важных культурных терминов, разделяющих цивилизации. Так, всем известен знаменитый термин «джихад» в его, так сказать, военном варианте, но его общекультурный смысл остался неизвестным большинству европейцев. Поэтому сегодня слово «джихад» ассоциируется лишь с «крестовым походом» за веру, а не в его самом широком употреблении — как борьба за доброе дело ради своих идеалов. Если сопоставить данные определения, то становится ясно, что и при различиях разным культурам есть о чем говорить.

Я постоянно пытаюсь проповедовать, хотя многие с этим не согласятся, что слово «ислам» нужно переводить словом «смирение», и с этой позиции, даже при большой разнице христианства и ислама, в них можно найти схожие вещи.

Русский рецепт подобных сложных взаимоотношений, мне кажется, достаточно хорошо проявился именно на мусульманско-православных отношениях в России. Тут можно много говорить и о периоде существования Золотой Орды, когда рядом с этой великой тогда державой существовали мелкие, обособленные русские княжества, которые в военном и невоенном общении с ней выросли в огромное, единое русское государство, в которое потом влилась и сама Золотая Орда.

В Российской империи есть разные примеры культурно-религиозных взаимоотношений. Когда отмечалось тысячелетие Казани, наш Санкт-Петербург хотел подарить этому городу памятник Петру I, а наши казанские друзья сказали: «Знаете, нам памятник Петру I не хочется. Вот Екатерине — да! А Петра I мы не хотим, потому что он заставлял людей обращаться в православие».

Надо сказать, мы тогда очень обиделись и, открывая филиал Эрмитажа в Казани, памятник Петру I как основателю нашего города там все же поставили. Но если внимательно посмотреть документы Петровской эпохи и сравнить их с теми, которые описывают то, происходило при Екатерине, то действительно можно заметить большую разницу. Так, при Петре запрещали строить мечети, заставляли принимать христианство помещиков-мусульман, у которых к тому же были крепостными христиане, православные. При

Екатерине же возникла та система управления, которая просуществовала почти до сегодняшнего дня: целая система разных юридических актов, которые позволяли сосуществовать — хотя и не идеально, но довольно сносно — в рамках единой культуры в России разным конфессиям, в данном случае — исламу и христианству.

Есть еще один очень, мне кажется, важный пример, который мы не должны забывать, — это наше отечественное востоковедение. В России почти всегда было как бы три категории людей, занимающихся восточными исследованиями. Одни из них были практики, которые занимались своей научной деятельностью исходя из интересов Министерства иностранных дел и драгоманства, если говорить языком XIX века. Было в России и востоковедное миссионерство. Так, в Казани существовала целая школа таких миссионеров, где издавалось большое количество книг, посвященных анализу ислама. Подчеркнуто пропагандистские, они в значительной мере были направлены против ислама. Надо сказать, что в целом это были интересные книги. Только что вышел целый том разных подборок таких исследований — «Ислам в трудах русских богословов», хотя на самом деле это работы в большей степени не богословов, а пропагандистов.

И третья часть — это академическое востоковедение. Это наши замечательные петербургские востоковеды и академики, которые не жалели сил на то, чтобы рецензиями откликаться на все слишком пропагандистские и научно необоснованные материалы об исламе; они же, впрочем, порой писали работы, направленные против ислама, причем в очень резкой форме, которая казалась удивительной для таких людей, как Бартольд, Розен и Крачковский. Все это — тоже очень важная традиция, которую мы не забываем: у нас по-прежнему существуют три сферы развития востоковедения.

Еще один важный вопрос, связанный с диалогом культур, — это все расширяющееся преподавание религиозных предметов в школе. Об этом до сих пор ведется много разных споров. Я помню, несколько лет назад Католикос всех армян, когда он был в Петербурге, рассказал с радостью, что в армянских школах ввели новый предмет. Именно — историю.

Так вот мне кажется, что большая половина споров на эту тему — из-за терминов, но не о том, надо ли преподавать историю. Можно все преподавать, введя в название предмета слово «история», которое снимает много разногласий. Это хороший пример компромисса в диалоге культур.

Например, православному ребенку не обязательно знать основы шариата, а ребенку из мусульманской или атеистической семьи не нужно, наверное, знать основы православия. Но и тем, и другим обязательно нужно изучать основные вехи исторического, и в том числе религиозного, развития разных народов. Так, каждый должен знать, что такое Халкидонский или Стоглавый соборы, кто такие Мухаммед и Иисус Христос и т. д. Есть целый ряд важнейших событий в истории всех религий, которые мы должны знать, если живем в стране, где эти религии существуют. Думаю, что такой взгляд на проблему был бы очень полезен.

Наверное, главный критик ислама сегодня — Папа Бенедикт XVI. Но недавно я прочитал замечательную статью в журнале «Нью-Йоркер», где при разборе его выступлений говорится, что на самом деле Папа Бенедикт хочет не с исламом бороться, а чтобы католичество имело такую же силу, как

ислам, и было бы организовано так же. И действительно, весь пафос его жизни — это задача подчинения светского государства религиозным идеям и восстановление, по сути, средневекового института папства.

В этом смысле очень часто восточная культура с ее набором ценностей, где религия играет большую роль, подсознательно воспринимается многими на Западе идеалом того, что должно бы на самом деле быть, чтобы всем было хорошо.

Еще один важный аспект диалога культур — это то, как разные цивилизации смотрят друг на друга, какие эмоциональные мотивы при этом движут людьми. Есть два примера, два человека, олицетворяющих два взгляда — Запада на Восток и Востока на Запад. У нас — это некая система разбитых и кривых зеркал, в которых кто-то кого-то как-то видит. Но есть две знаковые в этом смысле фигуры нашего времени, написавшие книги по данной проблеме. Одна из них — Ариана Фаллачи, знаменитая журналистка, когда-то левого толка, которая перед своей смертью издала три грозные книги против арабов и ислама, рассказывающие о том, как Европа превращается в Еврабию, какой это ужас и как с этим надо бороться, причем с оружием в руках. Противоположна ей не менее знаменитая и очень интеллигентная книга «Востоковедение» Эдварда Саида — палестинца, который критически изучал востоковедение; в ней изложены взгляды Запада на Восток, которые автор критикует за то, что они очень искажены, неправильны и т. п. Однако и в той, и в другой позиции существует указание на страх. Так, Эдвард Саид, объясняя, почему все востоковеды Запада искажают суть культуры Востока, говорит: «А потому, что они очень боятся — все время боялись и боятся того, что мусульманский Восток придет в Европу. Из этого страха рождается противодействие». Практически та же мысль присутствует и у Арианы Фаллачи.

На самом деле совершенно ясно, хотя разъяснять, наверно, все-таки надо, что никаких серьезных оснований для страхов нет. То есть они ничуть не больше, чем были, когда турки подходили к Вене. Надо с этими ложными страхами что-то делать, ибо все идеологии и споры должны строиться не на страхе, а на истине. Бояться нечего — Бог разберется, кто победит в драках, а человеческие отношения должны основываться на чем угодно, только не на страхе.

И еще одно важно: диалог культур не должен основываться на провокациях и на раздувании подобных страхов. В какой-то мере это можно назвать грехом интеллигенции, которая немного способна сделать в мире, но вполне в силах подобными «подливаниями масла в огонь» превращать небольшие конфликты в глобальные, как это много раз уже случилось в нашей истории.

Нам всем надо научиться жить без страха и провокаций и для этого создать систему диалога культур, которая поможет людям будущего жить дальше — вместе и мирно.

Я очень надеюсь, что наши непрекращающиеся разговоры и попытки рассматривать, чем отличаются и чем сродни друг другу разные культуры, — очень полезное дело, работающее на будущие поколения. Восточная поговорка «Сколько ни говори "халва", во рту слаще не станет», на мой взгляд, неправильна. Я убежден, что применительно к диалогу культур

и цивилизаций, если много и долго говорить «халва», то «во рту мира» когда-нибудь да станет сладко. Таким образом, только от нас самих в значительной мере зависит, станет ли наша жизнь сладкой или горькой в мире, где существуют разные культуры, претендующие на избранность или, как минимум, на превосходство.

Абдулвахаб М. Аль-Раухани¹

ГУМАНИТАРНОЕ ПАРТНЕРСТВО В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР²

Различные цивилизации в истории человечества никогда не были причиной вражды и войн, потому что любая цивилизация — это, по сути, новая, современная развитая культура, сменившая старую.

Цивилизация — это образ жизни людей, который формируется на культурной, социальной и экономической основе, определяемой культурными, нравственными и религиозными ценностями, и противостоит анархии и непродуманности. Цивилизация считается противоположностью кочевой жизни. Для кочевников характерны преданность своему племени и крепкие родственные связи, что рассматривается как отсталость и еще больше осложняет жизнь людей, и без того полную трудностей и лишений.

Цивилизация может пониматься и как та или иная ступень развития общества. Исходя из такого понимания, мы можем сказать, что все цивилизации дали людям нравственные ценности, которые на протяжении веков пытаются сформулировать человеческая мысль — чтобы помочь народам в мирном сосуществовании и совместном труде. Люди должны объединиться, чтобы вместе решать проблемы и преодолевать противоречия, от которых они страдали в течение многих столетий.

Религиозно-культурный диалог на примере ислама

Мы не можем утверждать, что культурные разногласия появились в настоящее время как основной двигатель борьбы между цивилизациями. Также нельзя сказать, что религия, которая является важной частью всех культур и цивилизаций, представляет собой источник конфликтов. Основа всех религиозных учений — не подталкивание к борьбе, распространение нетерпимости или призывы к убийству, а побуждение распространять благо, призыв к взаимопониманию, прощению, любви и миру. Эти идеи содержатся во всех священных текстах.

Об исламе говорят, что эта религия отличается особой жестокостью и является собой основную угрозу Западу, так как постоянно пополняет свои ряды

¹ Глава Центра стратегических исследований (Республика Йемен), доктор, Посол Йемена в РФ (2003 – 2007). Автор научных работ: «Становление и развитие демократических институтов Республики Йемен в период объединения», «Эволюция традиционных форм институтов власти в Йемене», а также ряда публикаций по политическим, социальным и культурным проблемам.

² Доклад представлен на IX Международные Лихачевские научные чтения (2009 г.).

молодыми людьми. Это не просто подстрекательство против ислама и мусульман. Такие высказывания не основываются на научных доказательствах и являются несправедливыми утверждениями; те, кто их произносит, преследуют одну цель: склонить общественное мнение на свою сторону. Рост населения любой страны во все времена сопровождается бедностью, в том числе и сегодня, в век высоких технологий и космических войн, — хотя бы поэтому ислам не может быть угрозой для остального мира. Сила и прогресс невозможны в нужде и лишениях, когда на долю людей выпадают тяжелые испытания. Но они могут присутствовать там, где есть возможность построить центры для обучения детей, иметь военные арсеналы и оружие широкого спектра действия, которое использовала израильская армия в последней из жестоких войн в секторе Газа. Это высокотехнологичное оружие, убивающее мирных граждан — стариков, женщин, детей. Уже более семи лет с ним сталкивается арабская молодежь в Афганистане и Ираке, в 2006 году — в Ливане. Современное оружие — мощная ударная сила, которая разрушает жизни людей и представляет серьезную опасность, для этого оно не обязательно должно быть в руках мусульманина.

Те, кто призывают к борьбе цивилизаций, напрасно утверждают, что ислам и мусульманская молодежь представляют собой основную угрозу для западной цивилизации. В те времена, когда исламский мир был очень силен, он не уничтожил остальные цивилизации, не враждовал с ними, а явил собой удивительный опыт служения человечеству. Известны достижения мусульманских ученых во многих сферах — медицине, изучении космоса, математике, философии, биологии, геологии, технике и т. д. Многие восточные ученые и мыслители получили признание на Западе раньше, чем на Востоке. Западные университеты изучали их научные открытия и до сих пор продолжают изучать их труды и биографии. Вот лишь несколько имен. Это философ Ибн Рушд, создавший теорию связи между религией и философией «Шариат и философия»; Абу Бакр Аль-Рази — врач, астролог и алхимик, труды которого изучают в Европе на протяжении многих веков; Ибн-ан-Нафис, впервые рассмотревший легочное кровообращение; Аль-Беруни, которого западные ученые назвали величайшим умом в истории человечества; химик Джабир ибн Хайян; врач и математик Аль-Хаваризми; астроном, философ и врач Ибн Сина (Авиценна) и еще многие другие ученые-мусульмане, которые представили исламскую цивилизацию как цивилизацию на службе у людей и внесли немалый вклад в развитие современной научной мысли. Как и христианство, ислам пришел в этот мир, чтобы нести в него любовь и добрые отношения между людьми.

Посланник Аллаха Иисус (мир ему) учил людей ценностям прощения и взаимопонимания, что известно по его высказыванию: «Кто из вас без греха, первый брось в нее камень». Посланник Аллаха и его пророк Мухаммед (да благословит его Allah и да приветствует) пришел к людям для того, чтобы утвердить то же понятие — в тот момент, когда он сказал: «Все вы ошибаетесь, но лучший из вас тот, кто, ошибаясь, молит о прощении».

Таким образом, мы понимаем, что религии, которые являются частью культур всех народов, вышли из одного источника. Каждая из них дополняет другую и служит идеальным примером правил, которыми следует руководствоваться в жизни. Поэтому нельзя сказать, что одна религия проповедует

любовь и мир, а другая распространяет нетерпимость и ненависть. Все религии от Бога. Они тесно связаны с духовными и моральными ценностями, и лишь те, кто выходит за пределы этих ценностей, удаляются от верного пути той или иной религии. Это зависит от самих людей (ошибающихся), но не от религии.

Божественные религии утвердились в качестве культурных и социальных путей, в том числе и в виде поклонения тем или иным святым. Это можно осознать, наблюдая их сосуществование на протяжении веков. В исламском государстве Омейядов в Андалусии (Испания) мирно уживались три религии — ислам, христианство и иудаизм, что стало удивительным примером диалога и взаимопонимания.

Как говорит профессор Принстонского университета доктор Марк Коэн, евреи и христиане, которые жили в исламском мире, имели законное разрешение на отправление религиозных потребностей, на них распространялось действие закона Ахль аз-зима («Люди под защитой»). Они имели религиозные книги, ниспосланные Богом, и те же привилегии, которыми пользовались индусы и персы (ислам определяет их как носителей религиозных ценностей).

Ислам защищает права и свободы тех, кто исповедует другие религии, и считает, что каждый волен выбирать, какому культу поклоняться. «Нет принуждения в религии, вам ваша религия, а нам наша», — говорится в Коране.

Посланник Аллаха призвал уважать носителей других религий и запретил причинять им вред, сказав: «Кто заденет иудея или христианина, тот заденет меня». «Находящийся под защитой» у арабов означает «тот, кто имеет право на проживание в обществе под защитой его прав и свобод в общем и в частности».

Первый халиф Умар бин аль-Хаттаб (да будет доволен им Аллах), живший 1400 лет назад, то есть за 1100 лет до рождения философа свободы Вольтера, также защищал свободу и честь человека. Он говорил: «Как вы можете делать из людей рабов, тогда как их матери родили их свободными?» Эти великие гуманные слова, олицетворяющие понятие справедливости, показывают, что такое право, свобода, милость в лучшем проявлении.

Эти понятия не были собственно кораническими, но люди руководствовались ими в век расцвета ислама, так как, по словам доктора Коэна, в Исламском государстве было введено полное единение между представителями различных конфессий, они жили вместе в золотой век и позднее.

В тот момент, когда ислам озаботился свободой, эта мысль продвинула человеческий разум далеко вперед. Ислам призвал к свободе от косности и ограниченности и таким образом открыл путь к научной деятельности во всех сферах, а также указал на важность постижения разумом явлений природы и повседневной жизни.

Диалог и мирная совместная жизнь народов на планете — разумный путь, который был определен религиями. И это считается одной из самых важных ценностей, к которой они призывают, потому что религия — это мысль души, которая совершенствует нашу суть, живет и в душе, и в уме. На эту важную способность указывает один из аятов Корана: «Поистине мы вас создали разными племенами и народами, чтобы вы познакомились между

собой, поистине наиболее желанный перед Аллахом тот из вас, кто обладает большей верой».

Смысл общения людей — узнать и понять другого, вступить в диалог с ним, познакомиться с обычаями его страны, экономическими условиями, общественным устройством и, конечно, политикой. В результате может быть достигнуто понимание, уважение друг к другу целых народов, новый взгляд на другую культуру и религию.

Ислам предписывает эти положения словами Посланников: «Люди равны, как зубья расчески. Араб или иностранец, белый или черный — нет разницы между ними, кроме как в силе веры».

Сила веры — это богобоязненность в словах и действиях, отвержение неприязни других, отстранение от крайностей и насмешек над другими. Различие людей — только в степени выраженности этих качеств.

Все эти моральные и правовые ценности ислама противоречат тому, что говорят некоторые западные мыслители, и среди них американский мыслитель Сэмюэль Хантингтон, который смотрит на ислам как на религию, которая жестока или призывает к ожесточению, и отвергает разницу между религией и политикой.

Ислам — одна из наиболее крупных и важных религий. Его исповедуют более полутора миллиардов человек по всему миру. Ислам представляет собой совокупность человеческих, цивилизационных и культурных ценностей и является частью мировой цивилизации. Исламская цивилизация в свое время была самой развитой и являлась мировым достижением, которое послужило современной цивилизации. Примеры из текстов, а также положения, о которых мы говорили, свидетельствуют о том, что суть ислама противоположна тому, что утверждают сторонники теории борьбы цивилизаций. Ценности ислама служат развитию гуманизма, но ни в коем случае не его разрушению.

Возрождение культуры. Причины и стимулы

Тем не менее мы согласны, что противостояние существует. Но его причина не в религии, так как религия — важная составляющая культур и цивилизаций. Причины противостояния коренятся в межрасовых предрассудках, политических и экономических интересах определенных кругов. Подобные интересы были основой старой колонизации мира и являются причиной современной колонизации разных стран.

Политики могут использовать религию с целью получить стратегические возможности, удовлетворить непомерные аппетиты властей предрассудков. Сама религия не может быть источником злобы и противоречий. Религия, как говорит Генри Танк, — это топливо для двигателя борьбы. В большинстве случаев противостояние имеет либо националистический, либо политический оттенок.

Никто не отрицает возрождения и оживления культуры (народной или религиозной) в исламских странах, равно как и во всех других. Это возрождение имеет естественный характер, оно вполне логично и даже неизбежно. А тот, кого охватывает страх от исламской культуры, должен ответить себе на жизненно важный вопрос: какие причины и стимулы для возрождения

народной и религиозной культуры есть в исламских сообществах? Оно необходимо для развития или является ответом на суровые обстоятельства, и мусульмане не желают этого?

Мы уверены, что причины возрождения исламской религиозной культуры можно обнаружить при трактовке словосочетания «жизненность культуры» в исламских и арабских сообществах. Мусульмане не живут изолированно от мира, они являются его частью, подвергаются воздействию различных событий — как положительному, так и отрицательному. Наверное, самым удачным объяснением будет следующее. Невероятный научный и технологический прогресс, происходящий в настоящий момент в мире, и сознание своего бессилия и угнетенного положения наводят на мысли о желательных переменах. Разница в экономическом положении между народами северных и южных регионов породила ощущение несправедливости не только в образованных кругах, но и у всех людей. Получается, что существует первый мир, на Севере, где люди живут в хороших, комфортных условиях, и второй мир, на Юге, где жизнь совершенно другая, полная трудностей и проблем, и где человек совершенно бесправен. Народ хочет иметь нормальную экономику и культуру. Мусульмане лишены законных прав на святые места исламского мира, главное из которых — мечеть Аль-Акса (первое направление в молитве и третья святыня мусульман), ныне принадлежащая Израилю.

Предпринимаются попытки уничтожения признаков ислама, еврейзация Иерусалима, сокрытие исламских памятников — все это неприкрытый вызов исламскому наследию и всему исламскому миру. Арабские народы в разных странах испытывают чувство унижения, происходит оскорбление их чести, убийства невинных граждан, в частности в Палестине, Ливане, Ираке, Афганистане, Сомали и Балканских странах. Палестинский народ не имеет возможности создать свободное и автономное государство на своей земле. Все это происходит при поддержке Соединенных Штатов Америки и стран Западной Европы. Государства Запада преследуют свои цели и проводят соответствующую политику в мире. При содействии их официальных организаций распространяются «свободные» нравы и анархия.

Из всего перечисленного становится ясно, что оживление народной и религиозной культуры в исламском мире обусловлено религиозными, экономическими и культурными нуждами. К тому же необходимо изменить обстоятельства, ведущие к бедности и лишениям. Это попытка борьбы с несправедливостью, которую испытывают арабские народы. Таким образом, проблемы исламского мира представляют опасность для западной цивилизации, но пока они не разрешатся, различные агрессивные течения не будут обузданы, а, напротив, станут сильнее — за счет поддержки народных масс. Это выразится в еще большем обострении противоречий, и не только на уровне отдельных организаций, а во всем исламском мире. Все это превращается в борьбу с исламской культурой, основанной на диалоге и взаимопонимании. Слухи, распространяемые вокруг нее, вызывают ненависть, которую не одолеет никакой диалог, и этот путь не воспринимает никакая логика.

Диалог культур — единственный способ мирного сосуществования

Диалог между культурами — единственное цивилизованное решение, по-настоящему гуманное, позволяющее различным народам жить вместе на одной планете. Диалог культур должен быть основан на двух основных принципах:

- признание существования другого как его неотъемлемого права;
- понимание другого как необходимая культурная составляющая.

Что касается признания существования другого, то это означает принятие всех народов как одну общечеловеческую истину. Люди взаимодействуют на основе общих духовных и нравственных ценностей, и в отношениях между собой руководствуются ими. Также они несут ответственность за защиту окружающего мира и его развитие. Это возможно при наличии свободы, справедливости и равенства.

Что касается понимания другого, то это подразумевает понимание одних народов другими — их ментальной, культурной, научной и религиозной составляющей, изучение их экономического и социального положения — для более легкого обнаружения параллелей, на основе которых мы должны вести диалог культур.

Многие ученые, занимающиеся вопросами цивилизаций, говорят о том, что понимание различных народов требует знания пяти основных составляющих:

- природных условий в их странах;
- экономического положения;
- видов социальных связей;
- организации управления;
- образовательных, творческих и культурных организаций.

Чтобы понять ту или иную цивилизацию, требуется интенсивное и глубокое изучение. Это касается не только религии, но и условий жизни народов, социальной, экономической и политической систем.

Важнейшие вопросы диалога культур

В настоящее время многие народы страдают от экономической отсталости, плохих условий жизни, несправедливой общественной и политической организации, дискриминации и отсутствия справедливости, невежества, всеобщих и личных свобод. Все это является причиной ненависти и вражды, приводит к организации религиозных обществ, не имеющих понятия о границах дозволенного, шовинистских и расистских групп. Идеиные и прочие противоречия имеют место не только в исламском мире, но и во всех странах третьего мира в Азии, Африке, Латинской Америке. Все это также привело к развитию террористических организаций.

Эти вопросы, на мой взгляд, необходимо рассматривать в рамках диалога культур, на который делают ставку силы, стремящиеся к миру во всем мире. И сегодня мы принимаем участие в международной конференции, где обсуждаются различные стороны этого диалога.

Проблемы культуры и образования

Эти проблемы — важнейшие для общества, поэтому в списке вопросов, обсуждаемых в рамках диалога культур, их следует поставить на одно из первых мест. Любые общественные проблемы так или иначе касаются культуры и образования. Все государства мира должны обратить особое внимание на проблему образования, в том числе религиозного, и пытаться решать ее в соответствии с принципами толерантности, так как в последнее время появились новые опасные теории и движения, в том числе террористические, которые не делают различий между религией и тем, что религией не является, между молитвой и убийством.

В мире постепенно формируется единая культура всех народов. В настоящее время люди не ограничены рамками местных культур и не изолированы от культур других стран. Более того, культуры стали смешанными, и в конечном счете возможно их объединение — в случае достижения равенства и справедливости в жизни общества.

Западный мир навязывает жесткие, неприемлемые условия странам, где уровень жизни населения очень низок. Необходим серьезный диалог о развитии экономики южных регионов, чтобы преодолеть проблемы бедности, невежества, эпидемий. Государства с развитой экономикой должны принять меры для организации предприятий, где могли бы работать граждане бедных стран, это принесло бы пользу всем. Требуется заключение международных договоров о мире и урегулировании разногласий между странами, о сотрудничестве на основе взаимоуважения между народами.

Диалог культур должен основываться на гуманистических началах. Необходимо избегать ненависти, шовинизма, отрицания прав других, принятия решений, направленных против тех или иных национальных или расовых сообществ.

Мы уверены, что наш культурный форум, который рассматривает большое количество научных рабочих документов по диалогу культур, станет важным шагом в направлении культурного сотрудничества, к которому стремятся все люди. Такое сотрудничество опровергнет тезис о «столкновении цивилизаций» в пользу «диалога о соучастии», который будет предложен. Эта встреча может дать положительные результаты за счет того, что послужит началом множества подобных диалогов по вопросам мира и конфликтов и приведет к преодолению разногласий между странами и заключению договора о мире, основанного на взаимоуважении в соответствии с международными соглашениями.

Проблема демократии и справедливого правления

Отсутствие демократического правления, равенства и политических свобод, попрание прав граждан в странах третьего мира представляет собой опасность в будущем, поскольку ведет к несправедливости и отсталости. Демократические преобразования, над которыми работают западные страны, не помогут решить эти проблемы. Ведь голодный ищет то, что спасет его от смерти, — у него нет времени, чтобы разбираться в вопросах политических свобод. Этим пользуются экстремисты, организующие различные движения.

Среди важнейших задач демократических институтов — социальное и демократическое развитие разных стран, и эту проблему необходимо обсуждать именно в связи с экономическими, социальными и культурными вопросами. Это важное дело может быть осуществлено только посредством организации диалога культур.

Борьба за мир и преодоление разногласий

Установление мира и преодоление противоречий в государствах со сложной политической и экономической ситуацией — важная гуманитарная миссия. Этими вопросами должна озаботиться и Российская Федерация как великая страна, чему, безусловно, помогут Международные Лихачевские чтения.

Культурный диалог с целью преодоления разногласий должен привести к важнейшему результату — безопасности и спокойствию в регионах, где сегодня вспыхивают конфликты. С помощью диалога можно будет достичь мирного урегулирования. Эти расхождения и конфликты стали одной из причин возникновения понятия «столкновения цивилизаций», на котором акцентируют внимание многие западные ученые и организации.

Весь мир ответствен за налаживание диалога культур и конструктивного партнерства для разрешения политических, религиозных и национальных противоречий. И не только в Дарфуре, потому что западные политические силы выступают против этой страны, но и в Сомали, и в районе Великих Африканских озер (Демократическая Республика Конго, Бурунди, Руанда и т. д.). Кроме того, разрешение проблемы израильской оккупации палестинских территорий считается вопросом вопросов в арабских странах с 1961 года. До сих пор палестинцы не перестают страдать от самой несправедливой оккупации, которую когда-либо знал мир. Поэтому необходимо, чтобы в диалоге культур положительно рассматривался вопрос о палестинских территориях. Палестинцы — единственный на данный момент народ в мире, против которого совершаются ужасные бесчинства, вплоть до бесчеловечного вырезания целых деревень на глазах у всего мира и международных гуманитарных организаций.

Заключение

Гуманизация стала такой же потребностью людей, как вода и пища. Это связано с тем, что некоторые западные мыслители, например Сэмюэль Хантингтон, пытаются убедить Запад в неизбежности «столкновения цивилизаций», необходимости «сохранения и развития военных арсеналов». Между тем цивилизация предполагает гуманный диалог, а не борьбу. Кто верит в диалог, тот верит в жизнь и мирное сосуществование, в право общества и каждой личности на свободу и независимость и отрицает несправедливость и дискриминацию.

Диалог — это гуманитарная ценность, которую проповедают все божественные религии. Диалог означает согласие и признание морали, на основе которой Бог создал людей с самого их рождения. Религия, которой опасается Сэмюэль Хантингтон (а она является основой многих цивилизаций),

не может быть враждебной. Ни одна ветвь ни одной из религий не призывает к ненависти и конфликтам. Хантингтон называет ислам захватнической религией, проповедующей злобу и вражду, но Всевышний Аллах в Коране говорит, что с представителями других религий надо поступать наилучшим образом, призывать к пути Господа своего с мудростью и хорошим увещанием.

Имам Аль-Шафии, исламский ученый, основатель одной из четырех теологических суннитских школ, говорит: «Мои слова — правда, но могут быть ошибочными; слова другого — ошибка, но могут быть правдой».

Итак, диалог культур должен строиться на взаимопонимании, доброжелательном участии народов в жизни друг друга, на основе признания другого, понимания его культуры, обычаев, менталитета, религии — правильном, не ошибочном понимании. Диалог должен проявляться в гуманном взаимодействии, согласии, отсутствии опасности для его участников.

Диалог религий имеет свои особенности. Религии могут вести его в целях распространения любви и преодоления ненависти и враждебности, запрета несправедливого отношения к религиозным символам. Но это вовсе не означает, что надо соединять мечети, церкви и синагоги для совместной молитвы. Религии могут добиваться запрета плохого обращения с религиозными памятниками, такими как божественные или небесные книги, но нельзя вести диалог о принятии или отвержении Бога или посланника Бога. В этих вопросах сотрудничество невозможно. «Вам — ваша вера, мне же — моя вера!» — гласит одна из сур Корана. Диалог может осуществляться в гуманистическом сотрудничестве, а не в установленных религией вопросах. Во взаимодействии будут достигаться решения общих и частных вопросов. Поэтому люди должны начать свой путь, в рамках которого осуществлять работу по следующим направлениям.

1. Культурное, экономическое и социальное развитие. Это одна из самых важных проблем в диалоге культур, которую должны решить богатые и развитые страны в отношении бедных и отсталых. Необходимо помочь им в эволюции для достижения процветания. Будущие поколения заплатят за это тем, что будут заняты созидательным трудом и творчеством, и у них не будет времени даже помыслить об участии в террористических организациях.

2. Диалог в общекультурных вопросах (коих достаточное количество) для достижения взаимопонимания, мирного сосуществования и сотрудничества разных народов; борьба с распространением ненависти, вражды, дискриминации, шовинизма.

3. Диалог между двумя религиями, исламом и иудаизмом, который позволит укрепить мир на Ближнем Востоке, обеспечит народу Палестины право на независимость, спокойную жизнь и безопасность в суверенном государстве, обладающем автономным правлением. Мы уверены, что Россия, как величайшая страна в мире, может взять на себя эту миссию — инициировать и организовывать встречи, которые помогут добиться положительных результатов в данной сфере.

4. Международный диалог, необходимый для достижения запрета на распространение оружия, на владение стратегическим оружием массового поражения и перехода к разоружению, причем не только на Ближнем Востоке,

но и во всем мире. Накопленное оружие угрожает безопасности всей Земли и представляет самую большую угрозу цивилизации и жизни на планете.

5. Заключение международных договоров о мире и урегулировании разногласий на основе взаимоуважения между народами.

Мы уверены, что научный форум, в котором мы сегодня участвуем, станет важным шагом к достижению мирных соглашений и сотрудничеству, которое опровергнет тезис о борьбе цивилизаций в пользу диалога о соучастии. Шагом на пути установления всеобщего мира и формирования культурного и цивилизационного взаимодействия между странами с разными религиями и традициями.

В. С. Степин¹

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР И ПОИСК НОВЫХ СТРАТЕГИЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ²

Великие достижения цивилизации часто возникали при взаимодействии различных культурных традиций. Греческое «чудо» было обусловлено встречей античных традиций и восточных культур. Греческая математика возникла как результат синтеза античной философии и логики с достижениями математики Египта и Вавилона. Грандиозные трансформации европейской культуры в эпоху Ренессанса были вызваны пересечением достижений христианской культуры и открываемой заново в эту эпоху культурой Античного мира.

В наше время глобализации создаются новые перспективы взаимодействия культур. И от того, как будут осуществляться эти взаимодействия, зависят судьбы цивилизации.

Изменения оснований культуры, ее базисных ценностей означают смену стратегий цивилизационного развития. В современную эпоху это обстоятельство приобретает особый смысл. Ускоренные социальные изменения остро ставят проблему выбора путей развития современной цивилизации. И если этот выбор будет связан с новыми стратегиями развития, то неизбежно возникает вопрос о базисных ценностях современной цивилизации и радикальных трансформациях ее культуры. Такого рода трансформации могут привести к новому типу цивилизационного развития.

Типы цивилизационного развития и их базисные ценности

В истории человечества после того, как оно перешло от периода варварства к эпохе цивилизации, можно выделить два типа цивилизационного развития — исторически первый *традиционалистский тип* и второй, который

¹ Руководитель Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, заведующий кафедрой философии науки и философии культуры МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП.

² Доклад представлен на IX Международные Лихачевские научные чтения (2009 г.).

часто называют *западным* по региону возникновения. В настоящее время последний тип представлен не только странами Запада. Я называю эту цивилизацию *техногенной*, поскольку в ее развитии решающую роль играют постоянный поиск и применение новых технологий, причем не только производственных, обеспечивающих экономический рост, но и технологий социального управления и социальных коммуникаций. Большинство тех цивилизаций, которые в свое время выделил и описал А. Тойнби, принадлежало к традиционалистскому типу.

В последние годы я подробно анализировал и писал о различии этих двух типов цивилизационного развития, поэтому ограничусь лишь тезисным изложением своей концепции. При стандартном цивилизационном подходе акцент сделан на различии цивилизаций. Конечно, традиционные культуры Китая, Индии, Античности, европейского Средневековья имеют ярко выраженную специфику. И все же в них можно выделить инвариантные черты, характеризующие традиционалистский тип развития. Точно так же можно выделить общие признаки различных цивилизаций техногенного типа.

Техногенная цивилизация начала формироваться в европейском регионе примерно в XIV — XVI столетиях. В эпоху Ренессанса, Реформации и Просвещения сложилось ядро ее системы ценностей. Оно включало особое понимание человека и его места в мире. Это прежде всего представление о человеке как деятельностном существе, противостоящем природе, предназначение которого состоит в преобразовании природы и подчинении ее своей власти. С таким пониманием человека органично связано осознание деятельности как процесса, направленного на преобразование объектов и их подчинение человеку.

Можно констатировать, что ценность преобразующей, креативной деятельности характерна только для техногенной цивилизации, но ее не было в традиционных культурах. Последним было присуще иное понимание, выраженное в знаменитом принципе древнекитайской культуры У-Вэй, который провозглашал идеал минимального действия, основанного на чувстве резонанса ритмов мира. Этот принцип был альтернативен идеалу преобразующего действия, основанному на активном вмешательстве в протекание природных и социальных процессов. Он ориентировал не на преобразование внешней среды, а на адаптацию к ней. Традиционные культуры никогда не ставили своей целью преобразование мира, обеспечение власти человека над природой. А в техногенных культурах такое понимание доминирует. Оно распространяется не только на природные, но и на социальные объекты, которые становятся предметами социальных технологий.

При характеристике базисных ценностей техногенных культур можно выделить понимание природы как неорганического мира, который представляет особое, закономерно упорядоченное поле объектов, выступающих материалом и ресурсами для человеческой деятельности. Предполагалось, что эти ресурсы безграничны и человек имеет возможность черпать их из природы неограниченно. Противоположностью этим установкам было традиционалистское понимание природы как живого организма, малой частью которой является человек.

В системе доминирующих жизненных смыслов техногенной цивилизации особое место занимает ценность инноваций и прогресса, что тоже отсутствует в традиционных обществах. Здесь уместно напомнить древнее китайское изречение, которое в современном прочтении звучит примерно так: «Самая тяжелая участь — это жить в эпоху перемен». А для нашей цивилизации изменение и прогресс становятся самоценностью. Современная цивилизация подобна двухколесному велосипеду, который устойчив лишь в том случае, когда движется, а как только остановится — упадет. Инновации здесь — главная ценность, чего не было в традиционных культурах, где новшества всегда ограничивались традицией и маскировались под традицию.

Идея прогресса тесно связана с особым представлением о времени и его переживанием. В традиционных культурах доминирует представление о циклическом времени («все возвращается на круги своя»). Золотой век там всегда в прошлом, в эту эпоху жили герои, спасители, мудрецы, оставившие священные книги и заповеди, по которым должна строиться справедливая жизнь. В техногенной культуре доминирует иное понимание: время необратимо, и стрела времени направлена из прошлого к будущему. Причем в соответствии с идеей прогресса будущее представляется как лучшая, по сравнению с настоящим, жизнь. Золотой век — в будущем (кстати, в русле именно этого понимания формировалась идея коммунизма как подлинно гуманистического этапа человеческой истории).

Успех преобразующей деятельности, приводящей к позитивным для человека результатам и социальному прогрессу, рассматривается в техногенной культуре как обусловленный знанием законов изменения объектов. Такое понимание органично связано с приоритетной ценностью науки, которая дает знание об этих законах. Научная рациональность в этом типе культуры выступает в системе человеческого знания доминантой, оказывает активное воздействие на все другие его формы.

Необходимо также сказать о ценности активной суверенной личности. В традиционалистских культурах личность определяется прежде всего через ее включенность в строго определенные (и часто заданные от рождения) семейно-клановые, кастовые и сословные отношения. Здесь являться личностью означает быть частью клана, касты, сословия. В техногенной цивилизации доминирует иное понимание: в качестве ценностного приоритета утверждается идеал свободной индивидуальности, автономной личности, которая может включаться в различные социальные общности и обладает равными правами с другими. Именно в контексте этого понимания формируется идея прав человека.

Наконец, среди ценностных приоритетов техногенной культуры можно выделить особое понимание власти и силы. Власть здесь рассматривается как господство человека не только над человеком (это есть и в традиционных обществах), но и прежде всего над объектами. Причем последними выступают как природные, так и социальные объекты, на которые направлено силовое воздействие с целью господства над ними. Они становятся объектами властного манипулирования.

Из этой системы ценностей «вырастают» многие другие особенности культуры техногенной цивилизации. Эти ценности выступают своеобразным

геномом техногенной цивилизации, ее культурно-генетическим кодом, в соответствии с которым она воспроизводится и развивается.

Техногенные общества после возникновения начинают воздействовать на традиционные цивилизации, заставляя их видоизменяться. Иногда эти изменения становились результатом военного захвата, колонизации, но чаще — итогом процессов «догоняющей» модернизации, которую были вынуждены осуществлять традиционные общества под давлением техногенной цивилизации. Например, Япония после реформ Мэйдзи встала на путь техногенного развития. Таково было и направление развития России, которая испытала несколько модернизационных эпох, основанных на «трансплантации» западного опыта. Наиболее крупные из них — реформы Петра I и Александра II. Преобразования в нашей стране после Октябрьской революции также можно рассматривать как особый вид «догоняющей» модернизации. Она была ответом на исторический вызов — провести ускоренную индустриализацию страны.

Советский социализм и западный капитализм более полувека конкурировали как два различных варианта, две стратегии развития техногенной цивилизации. Их противостояние не исключало взаимного влияния. Изменение капитализма во второй половине XX века и создание в Европе и Северной Америке социальных государств в определенной степени были связаны с влиянием советского опыта повышения уровня жизни за счет роста общественных фондов потребления (бесплатных образования и медицины, предоставления общественного жилья и т. п.). Объединив высокий уровень индивидуальной оплаты труда с увеличением потребления из общественных фондов, Запад получил, наряду с другими выгодами, также преимущества в идеологическом соперничестве.

Техногенная цивилизация пережила несколько этапов своей эволюции — доиндустриальный, индустриальный — и в конце XX века вышла на новый этап — постиндустриального развития. На этом этапе техногенная цивилизация начала новый цикл своей экспансии в различные страны и регионы планеты. Техногенный тип развития в значительно большей степени, чем традиционалистский, унифицирует общественную жизнь. И то, что мы называем сегодня процессом глобализации, является продуктом экспансии именно техногенной цивилизации. Она внедряется в различные регионы мира, прежде всего через технико-технологическую экспансию, вызывая целые эпохи модернизации традиционных обществ, переводя их на рельсы техногенного развития. Модернизация перерастает в современные процессы глобализации.

Локальные модернизации начались в преддверии индустриальной эпохи и затем интенсивно протекали на этапе индустриализации. Они всегда начинались с заимствования технологических достижений (промышленных и военных технологий). В свою очередь это сопровождалось «трансплантацией» ряда других ценностей техногенной культуры, прежде всего науки и новой системы образования. Под их влиянием происходило изменение традиционной культуры, возникали новые образцы городской жизни и стереотипы поведения. Все эти трансформации не сразу меняли традиционные общества. В них длительное время сохранялись пласты традиционной культуры и архетипы традиционалистского сознания, регулирующие социаль-

ную жизнь. Так развертывались процессы модернизации в Японии, Индии, Китае, странах Латинской Америки. Эти процессы отчетливо прослеживаются и в истории России.

Столкновение двух типов культур — западных трансплантаций и традиционных образцов — сопровождалось взаимной адаптацией, которая определяла развитие российской культуры. Я напомним высказывание А. Герцена, что на реформы Петра I Россия ответила более чем через столетие гением А. Пушкина. Н. Бердяев отмечал, что «золотой век» русской культуры, как и Серебряный, были ответом России на реформы Петра I.

В процессах модернизации, которые осуществлялись в прединдустриальную и индустриальную эпохи, культура техногенных обществ позиционировала себя в соответствии с идеалом прогресса — как символ более высокой степени развития по сравнению с традиционными культурами.

До второй половины XX века сама идея прогресса и ее жесткая связь с ценностями техногенной цивилизации не ставились под сомнение. Эта цивилизация дала человеку много достижений: науку и новые технологии, улучшение качества жизни, продление жизни, образование, развивающиеся креативные способности личности. Но она «породила» и две мировые войны, орудие массового уничтожения, обозначившие реальную возможность гибели человечества, привела к глобальным кризисам.

Проблема новых ценностей и современный диалог культур

Глобальные кризисы остро ставят вопрос о стратегиях цивилизационного развития. Большое количество сценариев будущего человеческой цивилизации можно распределить между двумя полярными стратегиями. Первая из них основана на пролонгации техногенного типа развития без кардинального изменения его базисных ценностей. Вторая предполагает радикальную трансформацию этих ценностей. Здесь речь идет уже о переходе к новому типу цивилизационного развития, третьему по отношению к традиционалистскому и техногенному.

Соответственно по-разному интерпретируются постиндустриальная эпоха и современные процессы глобализации. В рамках первого подхода постиндустриальное общество рассматривается как очередная ступень техногенной цивилизации. В рамках второго — как переходный период к новому типу цивилизационного развития.

Глобализация с позиций первого подхода выступает как процесс распространения ценностей техногенной культуры на все страны и регионы планеты. С позиций второго подхода современный тип глобальных процессов, связанных с формированием планетарной системы экономических, социально-политических и культурных взаимодействий разных стран, должен измениться, поскольку будут проблематизироваться ценности техногенной цивилизации. Диалог культур, о котором сегодня все говорят, приобретает особый смысл — поиска новых ценностей.

В настоящее время в процессах глобализации доминирует первая тенденция. Она направляет глобализацию в русло сценария «золотого миллиарда». На этот сценарий «работают»: а) современная организация мирового рынка; б) политические и военно-политические факторы, связанные

с доминирующей ролью США; в) агрессивная «трансплантация» массовой культуры в различные страны и регионы планеты.

Массовая культура укоренялась в техногенных обществах в связи с преобразованиями повседневной жизни, вызванными урбанизацией, разрушением традиционалистских общинных отношений, распространением массовых форм образования. Стандартизация производства и потребления, возникновение индустрии детского воспитания, медицинского обслуживания, досуга и развлечений превратили массовую культуру в реальный регулятор повседневной жизни масс населения. Массовая культура вытесняет и трансформирует народную культуру, которая была основой социальной жизни в традиционных обществах.

Во второй половине XX века массовая культура стала не только выразителем, но и своего рода пропагандистом идеалов потребительского общества. Ее внедрение в культуру обществ, сохранявших самобытные традиции, создает угрозу утраты этой самобытности. Глобальная трансляция массовой культуры сегодня выступает особым средством утверждения ценностей техногенной цивилизации в западном варианте. Эти ценности связаны с образом жизни западного потребительского общества.

Идеалы демократии, прав человека, правового государства имеют общецивилизационный смысл. В них есть инвариантное содержание, которое репрезентирует особые технологии социальной регуляции. В плане этого содержания демократия, правовое общество, права человека выступают как цивилизационные завоевания, аналогичные цивилизационным достижениям освоения природы, таким как технологическое освоение электричества, лазерные и ядерные технологии и т. п. Но когда это общецивилизационное содержание соединяется с образцами жизнедеятельности, характерными для современного западного общества потребления, то оно может выполнять положительные регулятивные функции лишь в обществах со столь же высоким уровнем жизни.

Однако в современную эпоху к ним принадлежат только страны «золотого миллиарда». Так, 3 % населения Земли, проживающего в США, потребляют (по разным подсчетам) от 42 до 45 % мировой энергии и вместе с транснациональными корпорациями производят более 2/3 «грязных» выбросов в атмосферу, засоряющих окружающую среду (при этом большинство загрязняющих производств этих корпораций размещены в странах третьего мира). В этих условиях пропаганда западной демократии и прав человека под лозунгом «Делайте, как мы, и вы будете жить, как мы» — это просто лукавство. Когда указанные идеалы, интерпретированные в сочетании с образцами потребительского образа жизни Запада, внедряются в общества иного уровня, то они дестабилизируют их и встречают сопротивление, часто выражающегося в имитацию демократии.

В целом следует учитывать принципиально новое отношение к ценностям техногенной цивилизации, возникшее на современном этапе в ситуации обострения глобальных кризисов. Эти ценности проблематизируются и нуждаются в видоизменениях, что отмечается многими интеллектуалами Запада и Востока. Возникают новые аспекты взаимодействия культур. Важным становится нахождение точек соприкосновения, роста новых ценностей, порождающих мировоззренческие смыслы, которые могут быть вос-

приняты различными культурами, в том числе сохранившими стереотипы традиционалистских ментальностей.

Принципиально важно обнаружить эти точки роста в различных сферах техногенной культуры: в политическом и правовом сознании, искусстве, религии, нравственности и главное — в характере научной и технологической рациональности. Главное, потому что научно-технологическое развитие выступает сердцевинной техногенной цивилизации, основой ее изменения и формирования новых состояний социальной жизни. Именно в научно-технологическом развитии тесно переплелись связи фундаментальных ценностей техногенной культуры: креативной деятельности, научной рациональности, отношения к природе как ресурсу для деятельности и основной сфере ее преобразующего влияния, понимания власти как контроля над природными и социальными объектами.

В современных философских и социальных исследованиях неоднократно высказывалась мысль о необходимости изменить стратегию нашего отношения к природе. Эти идеи разрабатывались еще в исследованиях Римского клуба. Известны также разработки экологической этики, в рамках которой наиболее радикальные направления провозглашают отказ от идеала господства человека над природой. Выдвигается альтернативный идеал, согласно которому мы не должны относиться с чувством превосходства к животным и растениям, видеть в них только средство нашего жизнеобеспечения. Эти мысли о новой этике имеют немало сторонников. Среди западных исследований я выделил бы работы Б. Калликота, Л. Уайта, Р. Аттфильда. В качестве первоисточника справедливо упомянуть об идеях А. Швейцера о благоговении перед жизнью.

В настоящее время предпринимаются попытки расширить понимание категорического императива, применить его не только в сфере нравственных отношений людей, но и в отношении человека к живой природе. Рассуждения о новом отношении к природе у большинства исследователей и интеллектуалов, отстаивающих идеи новой этики, сопровождаются ссылками на опыт традиционных восточных культур, бережное отношение к природе, свойственное традиционным обществам.

Но каковы возможности укоренения системы новых мировоззренческих образов и этических регулятивов в массовом сознании? Ведь они во многом ориентируют на созерцательное отношение к природе, свойственное скорее традиционным, чем техногенным культурам. Однако возврат к традиционалистскому типу развития невозможен. Он смог обеспечить жизненными благами лишь небольшую часть населения Земли. В эпоху Ренессанса, когда закладывались основы развития техногенной цивилизации, на планете жили примерно 500 млн человек, а сейчас — более 6 млрд. Без современных технологий невозможно даже минимальное жизнеобеспечение населения планеты. Кроме того, не следует забывать, что бережное отношение к природе, благоговение перед ней в традиционных культурах сопрягались с определенным пренебрежением к человеку, жизнедеятельность которого по шкале ценностных приоритетов была на втором месте. Поэтому когда мы говорим о возможностях, потенциале восточных культур, отношение к нему должно быть избирательным, а свойственная западной цивилизации приоритетная ценность человека, его духа и его деятельности,

судя по тенденциям постиндустриального развития, должна сохраниться, обретя новые измерения.

Я полагаю, что в будущем отношение человека к природе не будет сводиться к созерцанию и адаптации к ней. Человек по-прежнему будет видоизменять природу. Вероятно, преодоление экологического кризиса будет связано не с сохранением дикой природы в планетарном масштабе (что уже сегодня невозможно без резкого, в десятки раз, сокращения населения Земли), а с расширяющимся окультуриванием природной среды. В этом процессе важную роль будут играть не только природоохранные меры, направленные на сохранение тех или иных естественных локальных экосистем, но и созидание новых биогеоценозов, обеспечивающее необходимый уровень их разнообразия как условия устойчивости биосферы. Вполне возможно, что в этом благоприятном для человечества сценарии окружающая нас природная среда станет похожа на искусственно созданный парк или сад, который не сможет воспроизводиться без целенаправленной деятельности человека. И в этом будет состоять предназначение человека, который так изменил облик планеты, что стал реальной силой, определяющей сохранение биосферы. Эти идеи высказывали русские философы-космисты, в частности они были развиты в работах В. И. Вернадского.

В системе ценностей и мировоззренческих образов техногенной (западной) культуры вектор человеческой активности направлен вовне, на преобразование мира. Восточная традиционалистская система ценностей полагает человека включенным в организм природы, как бы растворенным в ней. В ней вектор человеческой активности ориентирован не столько вовне, сколько вовнутрь, на самовоспитание, самоограничение, включение в традицию.

Я думаю, что синтез этих двух противоположных представлений будет связан с корреляцией, взаимной зависимостью двух векторов. Это будет не западная и не восточная система ценностей, а нечто третье, синтезирующее достижения современной техногенной культуры и некоторых идей традиционных культур, обретающих сегодня новое звучание.

Предпосылки такого синтеза возникают не только в связи с осознанием опасности экологической и антропологической катастрофы, угрозы грядущего апокалипсиса, стимулирующей поиск новых ценностей и этических регулятивов. Эти предпосылки порождаются также и современными тенденциями научно-технического развития.

В настоящее время на переднем крае науки и технологической деятельности формируется новый тип рациональности. Он связан с интенсивным научным и технологическим освоением принципиально новых типов объектов, представляющих собой сложные саморазвивающиеся системы. Этот тип системных объектов характеризуется развитием, в ходе которого происходит переход от одного вида саморегуляции к другому. Саморазвивающимся системам присуща иерархия уровневой организации элементов, способность порождать в процессе развития новые уровни. Причем каждый новый уровень оказывает обратное воздействие на ранее сложившиеся, перестраивает их, в результате чего система обретает новую целостность. С появлением новых уровней организации система дифференцируется, в ней формируются новые, относительно самостоятельные подсистемы. Вместе с тем пе-

рестраивается блок управления, возникают новые параметры порядка, новые типы прямых и обратных связей.

На каждом этапе своей исторической эволюции саморазвивающаяся система сохраняет открытость, обмен веществом, энергией и информацией с внешней средой. Но характер этой открытости модифицируется со сменой типа самоорганизации, адаптирующей систему к окружающей среде. Изменения типа самоорганизации — это качественные трансформации системы. Они предполагают фазовые переходы. На этих этапах прежняя организованность нарушается, рвутся внутренние связи системы, и она вступает в полосу динамического хаоса.

На этапах фазовых переходов в состоянии динамического хаоса возникает спектр возможных направлений развития системы. В некоторых из них возможны упрощение системы, ее разрушение и гибель в качестве сложной самоорганизации. Но вероятны и сценарии возникновения новых уровней организации, переводящие систему в качественно новое состояние саморазвития. Из динамического хаоса возникает новый порядок (И. Пригожин).

К саморазвивающимся системам относятся: биологические объекты, рассматриваемые в аспекте не только их функционирования, но и развития; объекты современных нано- и биотехнологий, прежде всего генетической инженерии; системы современного проектирования, когда учитывается не только та или иная технико-технологическая система, но и более сложный развивающийся комплекс: человек — технико-технологическая система, плюс экологическая система, плюс культурная среда, принимающая новую технологию, и весь этот комплекс рассматривается в развитии. К саморазвивающимся системам относятся современные сложные компьютерные сети, предполагающие диалог «человек — компьютер», Интернет. Наконец, все социальные объекты, рассмотренные с учетом их исторического развития, принадлежат к типу сложных саморазвивающихся систем.

К исследованию таких систем во второй половине XX века вплотную подошла и физика. Долгое время она исключала из своего познавательного арсенала идею исторической эволюции. Но во второй половине XX века возникла иная ситуация. С одной стороны, развитие современной космологии (концепция Большого взрыва и инфляционная теория развития Вселенной) привело к идее становления различных типов физических объектов и взаимодействий. Появилось представление о возникающих в процессе эволюции различных видах элементарных частиц и их взаимодействиях как результата расщепления некоторого исходного взаимодействия и последующей его дифференциации. С другой стороны, в разработку идеи эволюционных объектов внесли свой вклад термодинамика неравновесных процессов (И. Пригожин) и синергетика. Взаимовлияние всех этих направлений исследования постепенно инкорпорирует в систему физического знания представления о самоорганизации и развитии.

Среди исторически развивающихся систем современной науки особое место занимают природные комплексы, в которые в качестве компонента включен сам человек. Примерами таких «человекообразных» комплексов могут служить медико-биологические объекты, объекты экологии, включая биосферу в целом (глобальная экология), объекты биотехнологии (в первую

очередь генетической инженерии), системы «человек — машина» (включая сложные информационные комплексы и системы искусственного интеллекта) и т. д.

При изучении «человекообразных» объектов поиск истины связан с определением возможных направлений преобразования такого объекта, что непосредственно затрагивает гуманистические ценности. С системами такого типа нельзя свободно экспериментировать. В процессе их исследования и практического освоения особую роль играет знание запретов на некоторые стратегии взаимодействия, потенциально содержащие катастрофические последствия.

В связи с этим трансформируется идеал ценностно-нейтрального исследования. Объективно истинное объяснение и описание применительно к «человекообразным» объектам не только допускает, но и предполагает включение аксиологических факторов в состав объясняющих положений. Возникает необходимость экспликации связей фундаментальных внутринаучных (поиск истины, рост знаний) и вненаучных ценностей общесоциального характера. В современных программно ориентированных исследованиях эта экспликация осуществляется в ходе социально-этической экспертизы программ. При изучении «человекообразных» систем исследователю приходится решать ряд проблем этического характера, определяя границы возможного вмешательства в объект. Внутренняя этика науки, стимулирующая поиск истины и ориентацию на приращение нового знания, в этих условиях постоянно соотносится с общегуманистическими принципами и ценностями.

Требование экспликации ценностей в этой ситуации не только не противоречит традиционной установке на получение объективно-истинных знаний о мире, но и выступает предпосылкой ее реализации. Стратегия деятельности с саморазвивающимися системами неожиданным образом порождает переключку между культурой западной цивилизации и традиционными восточными культурами. Здесь можно выделить три основных момента¹.

Во-первых, восточные культуры (как и большинство традиционалистских культур) всегда исходили из того, что природный мир, в котором живет человек, — это живой организм, а не обезличенное неорганическое поле, которое можно перепахивать и переделывать. Долгое время новоевропейская наука относилась к подобным идеям как к пережиткам мифа и мистики. Но после развития современных представлений о биосфере как глобальной экосистеме выяснилось, что окружающая нас среда действительно представляет собой целостный организм, в который включен человек. Эти представления в определенном смысле начинают резонировать с организмическими образами природы, свойственным и древним культурам.

Во-вторых, объекты, которые представляют собой развивающиеся «человекообразные» системы, требуют особых стратегий деятельности. Эти системы наделены синергетическими характеристиками, в них важную роль играют несиловые взаимодействия, основанные на кооперативных эффектах. В точках бифуркации незначительное воздействие может радикально изменить состояние системы, порождая новые возможные траектории ее развития.

¹ Подробнее см.: *Stepin V. Theoretical Knowledge // Synthese Library. Dordrecht, 2005. Vol. 326. P. 357 — 369.*

Установка на активное силовое преобразование объектов при взаимодействии с такими системами не всегда является эффективной. При простом увеличении внешнего силового давления система может воспроизводить один и тот же набор структур и не порождать новых структур и уровней организации. Но в состоянии неустойчивости небольшое воздействие в точках бифуркации — «укол» в определенном пространственно-временном локусе — часто способно порождать (в силу кооперативных эффектов) новые структуры и уровни организации¹. Этот способ воздействия напоминает стратегии ненасилия, которые были развиты в индийской культурной традиции, а также деяния в соответствии с древнекитайским принципом У-Вэй².

В-третьих, в стратегиях деятельности со сложными, «человекообразными» системами возникает новый тип интеграции истины и нравственности, целерационального и ценностно-рационального действия. В западной культурной традиции рациональное обоснование полагалось основой этики. Когда Сократа спросили, как жить добродетельно, он отвечал, что сначала надо понять, что такое добродетель. Иначе говоря, истинное знание о добродетели задает ориентиры нравственного поведения.

Принципиально иной подход характерен для восточной культурной традиции. Там истина не отделялась от нравственности, и нравственное совершенствование полагалось условием и основанием для постижения истины. Иероглиф «дао» в древнекитайской культуре обозначал закон, истину и нравственный жизненный путь. Когда ученики Конфуция спрашивали у него, как понимать *дао*, то он давал разные ответы, поскольку каждый из его учеников прошел разный путь нравственного совершенствования.

Новый тип рациональности, который в настоящее время утверждается в науке и технологической деятельности и имманентно включает рефлексию над ценностями в процессы научного поиска, резонирует с представлениями о связи истинности и нравственности, свойственной традиционным восточным культурам.

Сказанное, конечно, не означает, что тем самым принижается ценность рациональности, которая всегда имела приоритетный статус в западной культуре. Сегодня изменяется тип научной рациональности, но она остается необходимой для понимания и диалога различных культур, который невозможен вне рефлексивного отношения к их базисным ценностям. Рациональное понимание делает возможной позицию равноправия всех «систем отсчета» (базовых ценностей) и открытости различных культурных миров для диалога. В этом смысле развитые в лоне западной культурной традиции представления об особой ценности научной рациональности остаются важной опорой в поиске новых мировоззренческих ориентиров, хотя сама рациональность в современном развитии обретает новые модификации. Сегодня во многом теряет смысл ее жесткое противопоставление многим идеям традиционных культур.

Таким образом, на переднем крае научно-технологического развития в связи с освоением сложных саморазвивающихся систем возникают

¹ Курдюмов С. П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М., 1990. С. 6–7.

² Древнекитайская притча о «мудреце», который, пытаясь ускорить рост злаков, начал тянуть их за верхушки и в итоге вытащил из земли, наглядно иллюстрирует, к чему может привести нарушение принципа У-Вэй.

точки соприкосновения, роста новых ценностей и мировоззренческих ориентаций, которые открывают новые перспективы для диалога культур. Этот диалог необходим для выработки новых стратегий жизнедеятельности глобализирующегося человечества, для выхода из глобальных кризисов, порожденных современной техногенной цивилизацией.

В. А. Тишков¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И НОВЫЕ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ²

В современной России вокруг так называемого национального вопроса видут острые идеологические дебаты и сталкиваются разные политические стратегии. Сегодня в стране существуют две неразумно конфликтующие между собой позиции. Одну можно назвать «русским проектом», за которым стоят часть политического класса, интеллигенции и довольно широкие слои населения, включая часть молодежи. Нынешний русский проект основан на концепте «трагедии великого народа», который подвергся расчленению и унижению при распаде СССР, пребывает в состоянии вымирания и лишен должного статуса в государственном устройстве и представительства в управлении страной и ее ресурсами. Сторонники русского проекта выступают за фиксацию в Конституции страны этнических русских, которые составляют 80 % населения, за предоставление русским статуса государствообразующей нации, за объявление России национальным государством русского народа. Одним из простеньких аргументов в пользу этого проекта выступает трактовка, что «мы все — русские», ибо во внешнем мире нас все равно всех называют русскими. В разных своих вариантах проект русского этнонационализма конкретизируется как в форме нациестроительства на «монокультурной» (то есть русской) основе, так и в форме возрождения империи с «русской властью» и воссоединением ныне разделенного русского народа. Ирредентизм свойствен не только имперскому, но и либерально-консервативному варианту русского проекта. М. Реми-

¹ Академик-секретарь Отделения историко-филологических наук и член Президиума РАН, директор Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор свыше 400 научных и научно-публицистических работ, в т. ч. монографий: «Освободительное движение в колониальной Канаде», «История Канады», «Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии», «Очерки теории и политики этничности в России», «Политическая антропология», «Общество в вооруженном конфликте», «Опыт этнологического мониторинга», «Наука и жизнь. Разговоры с этнографами», «Устойчивость и подвижность этнокультурных границ», «Российский народ: история и смысл национального самосознания» и др. Член редакционных коллегий журналов «Этнографическое обозрение», «Федерализм», "Ethnic and Racial Studies" и др. Член Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям, научных советов при Совете безопасности и министре иностранных дел РФ, совета Российского гуманитарного научного фонда. Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники. Награжден орденом Почета, медалью «За трудовую доблесть», орденом Святого благоверного князя Даниила Московского III степени Русской православной церкви.

² Доклад представлен на XIV Международные Лихачевские научные чтения (2014 г.).

зов, например, продвигает лозунг «Стран много — народ один» в противовес лозунгу социальной рекламы Минрегиона России «Народов много — страна одна».

Второй проект мы называем российским. Он основан на признании исторически сложившейся этнической и конфессиональной сложности населения страны и российского народа как полиэтничной гражданской нации. Этот проект поддерживает этнокультурное развитие российских этнонаций и ставит своей целью утверждение общероссийской идентичности и обеспечение единства российской нации. У этого проекта также есть различающиеся варианты: один из них предлагает считать Российскую Федерацию состоявшимся государством-нацией¹, другой разрабатывает цивилизационный подход, согласно которому Россия — не национальное государство, а государство-цивилизация. Что касается того, как нас называют во внешнем мире, то если в названии страны Russian Federation первое слово значит не русская, а российская, то это означает как минимум что и как существование его можно и даже следует переводить как «россиянин». Таков историко-идеологический бэкграунд этнополитической ситуации в России. В какой мере он соотносится с социальной реальностью?

Этнокультурный облик россиян

Население Российской Федерации, как и других крупных стран мира, имеет сложный этнический состав, который существует с момента возникновения русского государства и который стал еще более сложным за последние 20 лет, несмотря на утрату значительной территории и почти половину населения бывшего СССР. Эта сложность была зафиксирована в результатах всероссийских переписей населения 2002 и 2010 годов, когда в стране был отмечен существенный рост числа этнических групп (народов, национальностей): 158 — в 2002 году (по сравнению со 128 в 1989 г.) и 193 — в 2010-м. Последняя перепись населения 2010 года интересна не только общим числом проживающих в России народов, но и внутренней динамикой самых крупных национальностей, на которые приходится более 96 % всего населения. И конечно, наиболее актуальный вопрос — это численность этнических русских как доминирующего не только демографически, но и в культурно-языковом отношении народа.

Заметим, что при фиксации численности крупных народов в ходе проведения переписи населения произошла драматическая ошибка, заложенная поправками к закону о переписи населения, которые были приняты незадолго до переписи. Чтобы облегчить работу переписчиков, удешевить проведение опроса, подготовить и провести перепись в год, который заканчивается нулем (такова рекомендация ООН для облегчения глобальных демографических обзоров), подправленный закон в этот раз официально позволял получать данные не только в результате прямого опроса, но и с использованием данных из административных источников. Эта поправка снизила стремление организаторов переписи «дойти до каждого», произвести предварительные и контрольные обходы населения, что всегда делалось в предыдущие переписи.

¹ Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М. : Наука, 2013.

В итоге получилось, что примерно 5,6 млн человек (по сравнению с 1,5 млн в 2002 г.) переписали по данным паспортных столов и другим источникам без обхода населения. Но административные данные ныне не содержат сведений о национальной принадлежности и о родном языке (как и некоторые другие важные для переписи данные, как, например, источники дохода). Разница между двумя переписями о числе лиц без указания национальности составила почти 4 млн, а это почти 3 % от всего переписанного населения. Из этих 4 млн более чем вероятно, что 80 % составляют русские, то есть число неподсчитанных русских составило не менее 3 млн человек. В этом случае общая численность русских в России не 111 млн, а 114 млн, то есть убыль по сравнению с прошлой переписью составит менее 2 млн человек за восьмилетний межпереписной период.

Точно так же небольшие, но существенные для динамики численности прибавки могут быть сделаны к другим крупным народам, где данная погрешность при проведении переписи выражается в значимых цифрах. Но только нужно учесть, что готовность и мобилизация на участие в переписи и на запись своей национальности среди нерусских народов (пожалуй, кроме украинцев, белорусов и евреев) заметно выше, и предложенная нами операция «прибавки» является скорее всего излишней. Тем не менее ее можно сделать, кроме русских, также для других более урбанизированных групп, проживающих вне республик.

Итак, перепись 2010 года показала, что первая «двадцатка» самых многочисленных российских национальностей почти не изменилась (см. табл. 1). По-прежнему 80 % населения составляют русские, и нет особых оснований утверждать, что в России идет некий (а тем более спланированный властью) процесс замещения русских представителями других национальностей. Это распространенное среди русских националистов утверждение опирается или на бытовую мифологию, или на оценки демографической ситуации первой половины 1990-х годов, когда имело место сильное сокращение населения по разным причинам (снижение рождаемости в период «шоковой терапии», двойная смертность алкоголиков после отмены антиалкогольной кампании и госмонополии на производство и продажу алкоголя, эмиграция русских за рубеж, снижение масштабов русификации из-за роста этнического самосознания среди нерусского населения).

Таблица 1

**Численность населения России
по наиболее многочисленным этническим категориям**

Все население	Млн человек		В % к указавшим национальную принадлежность	
	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.
	145,17	142,86		
в том числе с указанием национальности	143,71	137,23	100	100
русские	115,89	111,02	80,64	80,90
татары	5,55	5,31	3,87	3,87
украинцы	2,94	1,93	2,05	1,41

Окончание табл. 1

Все население	Млн человек		В % к указавшим национальную принадлежность	
	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.
башкиры	1,67	1,58	1,16	1,15
чувашаи	1,64	1,44	1,14	1,05
чеченцы	1,36	1,43	0,95	1,04
армяне	1,13	1,18	0,79	0,86
аварцы	0,81	0,91	0,57	0,66
мордва	0,84	0,74	0,59	0,54
казахи	0,65	0,65	0,46	0,47
азербайджанцы	0,62	0,60	0,43	0,44
даргинцы	0,51	0,59	0,35	0,43
удмурты	0,64	0,55	0,44	0,40
марийцы	0,60	0,55	0,42	0,40
осетины	0,51	0,53	0,36	0,39
белорусы	0,81	0,52	0,56	0,38
кабардинцы	0,52	0,52	0,36	0,38
кумыки	0,42	0,50	0,29	0,37
якуты	0,44	0,48	0,31	0,35
лезгины	0,41	0,47	0,29	0,35
буряты	0,45	0,46	0,31	0,34
ингуши	0,41	0,44	0,29	0,32
другие национальности	4,85	4,81	3,40	3,51
Учтены без национальной принадлежности по сведениям из административных источников	1,46	5,63	—	—

В 2000-е годы часть этих факторов снизила свое воздействие, но сохранились проблемы алкоголизации, мужской сверхсмертности, низкой рождаемости, а также добавился фактор сниженной иммиграции русских в Россию (государственная программа содействия переселению соотечественников пока не обеспечила тот приток русских, который был в предыдущий межпереписной период). Таким образом, мы оцениваем демографическую ситуацию среди русских как кризисную (но не катастрофическую!) с умеренно оптимистичной перспективой. На наш взгляд, снижение сверхсмертности от алкоголизации, наркотиков, табакокурения, ДТП и пренебрежения здоровьем вполне возможно при относительно небольших затратах и в достаточно короткие сроки. Пополнение русского населения за счет других источников также возможно, а именно за счет увеличения рождаемости, поощрения переселения в Россию желающих переехать, добровольной ассимиляции через выбор русской национальности потомками смешанных браков. Последнее, конечно, идет в ущерб численности других этнических общностей, но речь идет о добровольном выборе, который делается чаще в пользу доминирующей культуры. Таковой исторически была ситуация в России и таковой она является и в других странах.

В следующей за русскими первой десятке первые пять народов сохранили свой порядок, несмотря на то что российские украинцы сократились почти на 1 млн человек (!) без какого-либо заметного переселения на Украину. А следующая пятерка изменилась: аварцы (самая крупная группа в Дагестане) поменялись местами с мордвой в свою пользу, казахи поднялись с последней позиции, потеснив белорусов, белорусы выбыли из десятки, уступив место азербайджанцам. *Общая тенденция среди основной части нерусского населения такова: возрастает численность и доля тех, кто относится к, условно говоря, тюркско-исламской культурной традиции, и сокращается численность и доля тех, кто принадлежит к славянско-финно-угорской, христианской культурной традиции.* Все остальные этнические группы в составе русского народа составляют 3,5 % и на демографическую ситуацию в целом фактически не влияют.

Каждый из основных регионов России имеет свою специфику с точки зрения этнического состава населения. Есть так называемые русские регионы, где этнические русские составляют подавляющее большинство населения (90 – 95 % населения в некоторых областях Центральной России и Урала). Есть регионы, где исторически проживают совместно представители крупных российских народов (например, русские, татары, башкиры, чуваша, мордва в Поволжье). Есть регионы с чрезвычайно разнообразным этническим составом, как, например, Северный Кавказ, где проживает более 40 автохтонных народов разной численности: от миллиона человек (аварцы и чеченцы) до нескольких сот человек (малые горские народы Дагестана). Можно сказать, что в России нет моноэтнических регионов, но зато есть регионы преимущественного проживания представителей той или иной национальности. Это касается населения почти всех российских республик, то есть большинство российских якутов, чувашей, татар, башкир, удмуртов, калмыков, бурят, осетин, чеченцев, ингушей, кабардинцев и других проживают в соответствующих республиках. Но это не означает, что так называемые титульные (эпонимные, то есть давшие название) группы составляют большинство населения в «своих» республиках. Таких республик с титульным большинством только десять: Чувашия, Тыва, Татарстан, Калмыкия, Дагестан, Чечня, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Карачаево-Черкесия. В остальных большинство населения составляют русские вместе с представителями других «нетитульных» национальностей.

Общей демографической тенденцией для этнотерриториальных автономий России является преимущественный рост титульного населения или как минимум возрастание его доли. Наиболее тревожной тенденцией с точки зрения общероссийских интересов и интересов модернизационного развития республик является сокращение общей численности и доли русского населения в республиках. Это вызвано как более низкой рождаемостью, так и отъездом русского населения из республик по причинам нестабильности, недостаточной безопасности, местного национализма и косвенной дискриминации. Заметный отъезд русских был из республик Северного Кавказа, которые все более становятся моноэтническими.

Другая общая тенденция этнической демографии — это рост иммигрантов из зарубежных стран, особенно из стран бывшего СССР, Китая и Вьетнама. За 20 лет Россия приняла не менее 10 млн мигрантов на постоянной ос-

нове, и в стране ежегодно находится около 10 млн из числа так называемых гастарбайтеров, то есть временных трудовых мигрантов. Последняя цифра, на наш взгляд, завышена почти в два раза, но точной миграционной статистики в стране не существует. Это обстоятельство, а также бытовые фобии и политические расчеты порождают мифы о миграции, о засилье мигрантов в крупных российских городах, о повышенном уровне преступности среди мигрантов, о занятии ими рынка труда в ущерб местному населению. Нет сомнений, что мигрантофобия стала частью массового сознания россиян, элементом политической стратегии и необходимой составляющей выгодного использования рабочей силы от отдельного работодателя до государственных и частных производственных структур.

Нет сомнений, что массовая иммиграция в Россию, которая носит фактически неконтролируемый характер и сопровождается огромной коррупцией бюрократии и сверхнаживой работодателей, заключает в себе определенные риски, в том числе и риски изменения исторически сложившихся пропорций населения и уклада его жизни. Многие мигранты оседают в России, привозят свои семьи и становятся российскими гражданами. Безусловно, часть мигрантов порождает конкуренцию на рынке труда и в сфере предпринимательства. Но в целом эти риски явно преувеличены, намеренно артикулируются политиками, особенно в период избирательных кампаний, поддерживаются теми, кто использует труд мигрантов и подвергает их сверхэксплуатации или прямому обману.

Что касается фактического изменения этнического состава населения страны под воздействием иммиграции из других стран, то можно отметить только перемещение в число 23 самых крупных народов России армян и азербайджанцев, это исторически исконное население нашей страны, и в СССР они также были в составе самых крупных народов. Выросшие за последние 20 лет представители Центральной Азии, а также китайцы и вьетнамцы или впервые появившиеся небольшие группы выходцев из стран Африки занимают в составе населения России не более 2 %. В последние годы этот рост замедлился по причине более жесткого миграционного контроля и снижения общей экономической активности в стране.

И все же наш главный вывод итогов этнодемографического развития России после распада СССР заключается в том, что этнические русские сохранили не только место доминирующей нации, но после присоединения Крыма их доля среди россиян даже немного увеличилась (80,6 % в 1989 г. и 80,9 % в 2014-м). Никаких оснований принимать прогноз о радикальном (в десятки миллионов) сокращении русских или их замещении представителями других российских национальностей не существует. Отметим, что этот миф о вымирании России, созданный как отечественными, так и зарубежными экспертами и политиками, нанес существенный ущерб ее образу как страны. И это притом, что после распада СССР 8 из 15 постсоветских государств потеряли пропорционально, а Украина и в общем численном выражении населения существенно больше, чем Россия. Вот только о «вымирании» этих стран почему-то никто особенно не голосил, видимо, оберегая их международный престиж или по какой-то другой причине. В любом случае для России это урок неосторожного и неквалифицированного обращения с демографией, включая ее этнические параметры. *В создание позитивных стратегий*

национального развития России необходимо внести более адекватные представления о развитии страны и ее будущем как одном из самых крупных государств мира по численности своего населения и по богатству ее этнического состава. И у России есть возможности по этому показателю сохранять позицию в первой десятке государств мира.

Динамика постсоветской идентичности

За последние годы изменились коллективные идентичности россиян. В 1990-е годы население негативно воспринимало новую Россию как свою Родину и центр как воплощение высшей власти. Эта «негативная идентичность» была зафиксирована многими социологическими исследованиями того времени¹. В 2000-е годы произошел заметный поворот от советской к общероссийской идентичности, и конкурирующими уже стали регионально-этническая и общероссийская формы коллективного самосознания. Этот переход зависел от многих факторов, среди которых были отступление советского поколения из коллективной памяти уже нового поколения граждан, ослабление радикальных форм этнического национализма, целенаправленные усилия части экспертного сообщества и высших властей по утверждению представления о гражданской российской нации². Ниже мы приведем некоторые результаты исследований российского самосознания, которые подтверждают вывод о существенном сдвиге в пользу «российскости» по сравнению с другими коллективными идентичностями среди россиян. Однако эти результаты не являются слишком оптимистичными, хотя они подвижны и данные опроса молодежи осенью 2013 года, а также последние опросы после присоединения Крыма говорят о росте общероссийского патриотизма среди населения во всех регионах страны.

В 2010 году в ходе общероссийского опроса нами был задан вопрос: «Что для вас означает понятие "родина"?». Ответ на этот вопрос во многом отражает, насколько близким может быть для респондента чувство принадлежности к российской нации. Результаты оказались далеко не однозначными. На этот пункт анкеты можно было дать несколько вариантов ответов. Наиболее часто встречались ответы: «Родина — это страна Россия» (49 %) и «Родина — это место моего рождения» (46 %). В них проявилась полярность мнений и дополняющие друг друга суждения. Оба ответа одновременно дали только около 18 % респондентов. Те, кто считает родиной конкретную местность, а не страну, составляют почти треть опрошенных.

По регионам картина выглядит еще менее однозначно. Выделяются регионы, где опрошенные считают родиной именно место своего рождения. Об этом заявила почти половина респондентов в Грозном (48 %) и похожая доля опрошенных в Якутске (43 %). В этих городах учтено наименьшее количество тех, кто считает, что его родина — Россия: в Грозном — 14,3 %, в Якутске — 17,1 %. Более детальный анализ ответов респондентов — жителей Грозного показывает, что считают своей родиной Россию в основном

¹ См., например: Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: НЛО, 2004.

² См. обзор советской этнополитики в кн.: Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции Российского государства / отв. ред. Т. Ю. Красовицкая, В. А. Тишков. М.: Новый хронограф, 2012. С. 380–444.

местные русские и часть ингушей, тогда как среди чеченцев таковых только 11 %. Такое распределение ответов в значительной мере объясняется произошедшим в республике военным конфликтом. Примечательна ситуация в Якутске. В этом городе лишь 23 % русских и 15 % якутов назвали Россию своей родиной, тогда как для большинства оказалось, что родина — это прежде всего место, где они родились. Здесь следует учесть, что для якутян, как и для магаданцев и жителей Дальнего Востока, понятия «Россия», «материк» часто означают всего лишь центральные районы страны, которые расположены далеко и живут по-другому и в других условиях. Кстати, аналогичное видение «Америки» имеется среди аляскинцев, гавайцев и даже жителей Калифорнии.

Вторая группа регионов характеризуется тем, что примерно треть опрошенных считают своей родиной место рождения, а не Россию, и менее половины респондентов назвали своей родиной всю страну. Это города Горно-Алтайск, Балаково, Омск, Сыктывкар, Сургут, Екатеринбург, Архангельск. Причем, если показатель ответов «Родина — Россия» в данной группе превышает 40 %, то по Сургуту он отличается еще и своей заметно пониженной величиной (32 %).

Третью группу составляют регионы, в которых доля респондентов, не признающих в качестве родины государство, не превышает четверти, а тех, кто считает своей родиной Россию, — больше половины. Такие результаты были получены при опросе жителей Оренбурга, Тулы, Пятигорска, Москвы. Промежуточное положение между второй и третьей группами занимает Хабаровск, в котором невысока доля тех, кто считает родиной исключительно место рождения (26 %), а те, кто назвал родиной Россию, не превышают половины опрошенных (49,5 %) (см. табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос о понятии «родина» (%)

Место опроса	Родина — только местность рождения	Родина — Россия (вместе с другими возможными ответами)
Москва	24,3	51,9
Тула	23,3	52,8
Архангельск	30,4	49,9
Сыктывкар	31,9	44,3
Пятигорск	22,3	52,6
Грозный	48,4	14,3
Оренбург	25,9	56,5
Балаково	35,1	41,6
Екатеринбург	30,8	47,4
Сургут	30,9	32,2
Омск	34,8	44,1
Горно-Алтайск	35,3	46,4
Якутск	43,4	17,1
Хабаровск	26,2	49,5

Таким образом, в некоторых регионах у населения преобладают чувства регионализма над чувствами принадлежности к государству. Но таких регионов меньшинство. Вместе с тем распространена ситуация, когда наряду с доминированием идеи о принадлежности к России большое количество людей в регионе с этой идеей не согласны (треть опрошенных). В этой ситуации необходима стратегия, которая исходит из того, что *местная (региональная) идентичность не противоречит и не ослабляет российскую идентичность, что любовь к малой родине не отрицает наличия любви к большой Родине. Наоборот, местный патриотизм и идентичность сопровождают и даже усиливают российскую идентичность.*

Представление о родине связано с тем, в какой мере россияне ощущают свою принадлежность к России. Это более прямой вопрос о приверженности респондентов к своему государству. На вопрос: «В какой мере вы ощущаете принадлежность к России?» 45 % заявили, что ощущают ее в сильной степени. Но 12 % ответили, что такого чувства у них вообще нет, 13 % не дали определенного ответа, а у прочих (30 %) оно возникает «только в некоторых ситуациях». Три последние категории в совокупности составляют более половины респондентов, что свидетельствует о довольно низком уровне гражданского самосознания (см. табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос об ощущении принадлежности России (%)

Место опроса	Ощущаю принадлежность в сильной степени	Чувство принадлежности возникает в некоторых ситуациях	Не ощущаю принадлежности	Затрудняюсь ответить
Пятигорск	53	32	6	9
Оренбург	51	32	5	12
Тула	48	34	6	12
Архангельск	47	37	6	10
Сыктывкар	47	29	9	15
Москва	46	27	14	12
Екатеринбург	45	36	6	13
Сургут	45	37	8	11
Хабаровск	44	29	8	18
Горно-Алтайск	44	32	10	15
Омск	42	34	7	17
Балаково	40	32	13	15
Якутск	24	40	20	16
Грозный	21	39	17	24
В целом	45	30	12	13

Сравним региональные данные. Наибольшее количество респондентов, заявивших, что испытывают чувство принадлежности к России в сильной степени, зафиксировано в Пятигорске (53 %) и Оренбурге (51 %), там же отмечена наименьшая доля тех, кто не ощущает такой принадлежности. Су-

щественно отличается ситуация в Якутске и Грозном. В этих городах менее четверти опрошенных заявили, что ощущают принадлежность к России в сильной степени, и чуть меньшая доля — что подобного чувства не испытывают.

Интерес представляют данные по Москве, в которой немногим выше среднероссийского уровня оказалась доля респондентов, заявивших об устойчивом ощущении принадлежности к России. Ниже среднего выявилась доля тех, кто указал на ситуативное чувство принадлежности к стране, и выше среднего — доля тех, кто не ощущает принадлежности к России. При этом среди опрошенных москвичей очень маленькая доля лиц, не являющихся гражданами Российской Федерации. Полученное распределение ответов по Москве отчасти объясняется мотивами социального протеста. Среди тех москвичей, кто не ощущает принадлежности к своему государству, оказалось много людей пожилого возраста.

Предваряя возможное неверное истолкование, заметим, что полученные результаты не отражают картину лояльности или нелояльности граждан к своему государству. Однако приведенные ответы дают представление о готовности населения вести общественную дискуссию по поводу принадлежности к российской нации. Если принять во внимание, что 75 % опрошенных считают себя в той или иной степени причастными к России, то это означает, что они готовы участвовать в упомянутой дискуссии. Кстати, *миллионные аудитории российских спортивных болельщиков в ходе сочинской Олимпиады продемонстрировали свои ощущения принадлежности к России лучше и ярче, чем любые социологические опросы.*

Стратегия вместо концепции

По данным осуществляемого Институтом этнологии и антропологии РАН этнологического мониторинга, в России с 2008 года наблюдалось некоторое повышение уровня конфликтности, хотя до этого в течение ряда лет ситуация была лучше. Этот уровень конфликтности сохранялся до 2013 года. Напряженность и конфликты возникали там, где неблагоприятная социально-экономическая обстановка соединяется с плохим управлением и когда политики и общественные активисты используют этнический и религиозный факторы для достижения власти и собственного благополучия. Все это побудило российские власти внести изменения в действовавшую с 1996 года концепцию государственной национальной политики. В день вступления в должность 7 мая 2012 года Президент России Владимир Путин подписал указ «Об обеспечении межнационального согласия», призванный гармонизировать межнациональные отношения, укрепить единство многонационального народа Российской Федерации и обеспечить условия для его полноправного развития. В рамках созданного Путиным Совета по межнациональным отношениям была разработана и принята президентским указом в декабре 2012 года Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года.

В Стратегии заложена идея формирования единой политической нации и сохранения этнокультурного разнообразия российских национальностей. Это отражено в формулировке целей государственной национальной

политики: а) упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (русской нации); б) сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России; в) гармонизация национальных и межнациональных (межэтнических) отношений; г) обеспечение равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии и других обстоятельств; д) социальная и культурная адаптация, интеграция мигрантов.

Эффективность национальной политики зависит не только от того, насколько власть и в целом общество заинтересованы в сохранении этнической идентичности и защите интересов населяющих страну народов, но также от того, насколько плодотворными будут меры по укреплению единства многонационального народа. То есть насколько эффективно российская идентичность будет сочетаться с этнической «русскостью», «татарскостью», «башкирскостью», «якутскостью» и т. д. Данные последних исследований свидетельствуют, что идея общероссийской гражданской нации не навязывается сверху, а отражает массовые представления. Если еще в 2004 году признание российской идентичности уступало этнической самоидентификации и сильную связь с гражданами России ощущал лишь 31 % респондентов, то к 2011 году российская идентичность у большинства населения стала самой распространенной и ощущение связи со страной в целом — более сильным¹.

В 2000-е годы люди стали привыкать к новым очертаниям страны и ее месту в мировом сообществе. На смену критике советского прошлого, а затем «лихих 90-х» начало приходить понимание необходимости трезвой оценки прошлого и формирования взвешенных подходов к исторической памяти. Сегодня большинство населения — это люди, которые считают себя гражданами России и не теряют свою этническую идентичность. Вместе с тем обсуждение в медийном пространстве показывает, что не всеми предложенная стратегия воспринимается спокойно. Нередко понятию «российская нация» придается иное значение, иной смысл: то ее сравнивают с советским народом, то считают, что она призвана заменить этнокультурную общность. Примерно половина опрошенных в 2010 году россиян считали, что «в условиях России единая нация возникнуть не может» (38 %) или для этого должны пройти десятилетия (см. табл. 4).

Таблица 4

Ответы на вопрос: «Граждане Российской Федерации — это российская нация?» (%)

Место опроса	Да	Потребуется несколько лет	Потребуется десятилетия	Единая нация не может возникнуть	Затрудняюсь ответить
Сыктывкар	31	7	8	36	19
Екатеринбург	29	6	12	40	13
Оренбург	26	8	13	39	14

¹ См.: Дробижина Л. М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М. : Новый хронограф, 2013.

Окончание табл. 4

Место опроса	Да	Потребуется несколько лет	Потребуется десятилетия	Единая нация не может возникнуть	Затрудняюсь ответить
Балаково	26	5	11	36	22
Тула	26	5	16	40	14
Горно-Алтайск	25	4	9	45	17
Архангельск	24	17	15	30	13
Сургут	23	6	12	32	27
Омск	23	6	12	40	18
Москва	22	9	16	38	16
Хабаровск	22	6	14	34	24
Пятигорск	16	11	17	41	15
Якутск	11	9	25	37	18
Грозный	10	9	13	41	26
В целом	23	8	15	38	17

Социологические исследования демонстрируют, что значительная часть населения (24 – 41 %) отмечает обострение межнациональных отношений из года в год (в 2010 г. — 32 %). Нарастание напряженности в межэтнических отношениях отмечают представители всех возрастных групп, чаще его замечают люди с высшим образованием (36 %). Острота восприятия нарастает с увеличением размера населенного пункта, достигая пика в Москве и Санкт-Петербурге, где обострение фиксируют 53 %¹. *Общий вывод состоит в том, что растущая российская идентичность, устойчиво совмещаема с этнической идентичностью, интегрирует людей, но это не снимает раздражения, а в некоторых случаях враждебности к представителям других национальностей, что часто есть следствие недовольства существующей системой распределения ресурсов, солидаризации против несправедливости, неравенства, коррупции, беззакония.* Нужны усилия и общества, и власти, направленные на достижение того, чтобы в повседневной практике граждане ощущали, что Россия их общий дом.

¹ Тишков В. А. Указ. соч. С. 642.

П. П. Толочко¹

О ПРОБЛЕМЕ ВНУТРИКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА²

На Лихачевских чтениях 2009 года я выступил с докладом «Диалог или монолог культур и цивилизаций», в котором пришел к выводу, что на всех этапах истории человечества культурное развитие было похоже на монолог, а если и диалог, то отнюдь не равноправный, а часто и не мирный. Разумеется, это не означало, что не было взаимовлияний и взаимообогащений, но все в конечном счете сводилось к экспансии одной культурной традиции по отношению к другой. В этих столкновениях далеко не всегда выживала объективно более развитая культура, чаще та, носители которой обладали большими военными и людскими ресурсами.

Казалось бы, процессы, характеризующие межкультурные отношения, не должны иметь места во внутрикультурном развитии. Однако оказывается, что динамическая ситуация и здесь принципиально не отличается от межкультурной. Фактически нигде в мире нет политических сообществ (государств), которые бы представляли собой монокультурные образования, не отягченные внутренними противоречиями. Чаще всего они состоят из нескольких субкультурных общностей, оспаривающих одна у другой право на высшую истину.

Примеров сказанному в мировой истории немало. Среди них и украинский, демонстрирующий всю противоречивость процессов становления нашей суверенной государственности и национальной общности. Даже и после двадцатилетнего независимого существования говорить о единой духовно-культурной идентичности украинского народа невозможно. Фактически он продолжает быть разделенным на три основных субэтноса: центрально-северо-украинский, западно-украинский и юго-восточно-украинский³. Сформировались они исторически и в условиях длительного раздельного существования обрели весьма заметные отличия. Причем не только культурно-исторические, но и ментальные.

Центрально-северо-украинский субэтнос со времен Переяславской Рады (1654) развивался на православной культурной и духовной традиции в тесном единении с этнически родственным русским народом. Историческим мифом для этого региона является героика казацкого прошлого, с которым ассоциируется в народе защита его национальной и вероисповедальной идентичности. Стержневым событием в этой борьбе является Национально-освободительная война украинского народа под водительством Богдана Хмельницкого.

Западно-украинский субэтнос, начало формирования которого положила Брестская уния (1596), был интегрирован в западно-католический цивилизационный мир и вплоть до Второй мировой войны пребывал в составе различных европейских государств: Речи Посполитой, Польши, Австро-Венгрии

¹ Директор Института археологии Национальной академии наук Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор исторических наук, профессор.

² Доклад представлен на X Международные Лихачевские научные чтения (2010 г.).

³ На Украине имеются и другие этнокультурные сообщества, но поскольку они принадлежат к иным культурным традициям, их анализ в данной статье не предусмотрен.

и др. Содержанием его национально-патриотического мифа является убеждение в своем мессианстве, в исключительных заслугах по сохранению чистоты украинской нации и достижению ее государственной независимости. Одним из главных символов этого мифа является националистическое движение сопротивления времен Второй мировой войны.

Третий субэтнос, проживающий преимущественно на юге и востоке страны, своим образованием в качестве украинского целиком обязан территориальному формированию Украины советского времени. Согласно правительственным декретам в ее состав были включены земли, преимущественно заселенные русскими — Донбасс, Новороссия, Крым. Историческим мифом здесь выступает память об освоении этого края Российской империей в конце XVIII — первой половине XIX века, а также убеждение в том, что он является естественной частью русского мира. Свидетельством того, что он живет в ментальности нынешних насельников региона, является наличие здесь политических партий, в названиях которых присутствует определение «русские», а также движений за восстановление (или сохранение) символов российского имперского прошлого, коими являются, в частности, памятники Екатерине II, Потемкину, Ришелье и др.

Если сравнивать степень взаимной культурно-исторической близости, то большей она, несомненно, окажется между центрально-украинским и юго-восточно-украинским субэтносам. И не только потому, что их формирование происходило в сходных исторических условиях, но и потому, что они в большей мере, чем западно-украинский субэтнос, сохранили память о своем едином киево-русском прошлом. Об этом свидетельствуют в том числе и памятники князьям — Святославу, Владимиру Святому, Ярославу Мудрому и другие, установленные в Киеве, Чернигове, Переяславле, Новгороде-Северске, Запорожье, Харькове, Севастополе. Ничего подобного в западно-украинском регионе, конечно, нет. Там глубина исторической памяти не простирается дальше так называемой Галицко-Волынской державы второй половины XIII века и Даниила Галицкого, который именуется не князем, но королем.

Можно было ожидать, что объединенные в собственном и независимом государстве вышеназванные субкультурные образования обнаружат тенденции к консолидации. Но этого не произошло. Принципиально никто не против политической и культурной интеграции, но каждая сторона хотела бы, чтобы свершилась она на основе ее культурных традиций. Это не всегда декларируется, но неизменно присутствует в региональных поведенческих стереотипах.

Наиболее пассионарным является западно-украинский (галицкий) субэтнос, позже других осознавший свою украинскость, но почему-то только себе присвоивший право считаться единственным носителем и выразителем высшей украинской истины. Он знает, что такое украинский патриотизм, какой должна быть Украина, а какой не должна — ни при каких обстоятельствах, куда ей необходимо интегрироваться, на каком языке разговаривать и даже думать. С приходом к власти националистов улицы и площади городов Украины украсились в том числе и лозунгами «Любите Украину», «Я горд, что родился украинцем», «Думай по-украински!»

Не меньшая этнорегиональная агрессивность была внесена и в сферу образования. По существу, за «оранжевое» пятилетие предпринята попытка тотальной замены центральной и восточно-украинской культурно-исторической традиции единой западно-украинской. В качестве более приемлемой альтернативы отрекомендована история Западной Украины, общая с европейскими соседями, что нашло отражение в учебниках истории для средней и высшей школы. Общая история Украины с Россией на всем ее протяжении объявлена не нашей и предана анафеме.

Стоит ли доказывать, что столь агрессивное утверждение своей истины одним из субэтнотосов невозможно без отрицания таких же истин других. Центрально-северо-украинский субэтнос объявлен русифицированным, а русско-украинский — юго-восточный и вовсе обозван пятой колонной России. Причем родимым грехом обоих западно-украинские этноидеологи считают их приверженность к русской культуре. При этом совершенно не считаются с тем, что по меньшей мере для 8,5 млн украинских граждан она является родной по рождению, а для остальных русскоязычных — родной по ее созиданию.

По грамматике украинца Мелетия Смотрицкого московские студенты учились вплоть до конца XVIII века. В Ростове Великом жил и творил киевлянин Дмитрий Ростовский (Туптало). В Славяно-греко-латинской академии в Москве в течение XVIII века преподавали около ста профессоров из Киево-Могилянской академии. Киевлянин Феофан Прокопович был идеологом формирования Российской империи, а также инициатором основания Императорской академии наук в Петербурге. Многие выходцы из Украины стали выдающимися русскими музыкантами (М. Березовский, Д. Бортнянский, С. Гулак-Артемовский), художниками (Д. Левицкий, В. Боровиковский, И. Мартос), историками (Д. Бантыш-Каменский, Ю. Венелин, Д. Бодянский), литераторами (Н. Гоголь, В. Короленко). Процесс интеграции украинских интеллектуалов в русскую культуру продолжался и в советское время (Н. Островский, К. Паустовский, И. Козловский, С. Бондарчук и др.).

Следовательно, украинцы имеют все основания утверждать, что являются сотворцами великой русской культуры. Только полной потерей чувства реальности и ответственности перед памятью своих же соотечественников можно объяснить объявление русского языка (и литературы) в Украине иностранным. По существу, в годы правления националистов его вообще лишили прав гражданства, запретив употребление в сфере образования и культуры целым рядом актов исполнительной власти. По своему содержанию они оказались намного более жесткими, чем печально известный Валуевский указ. Его языковые ограничения относились только к общественно-политической литературе, тогда как акты «оранжевой» власти запрещали пользование русским языком в сфере культуры, образования и даже быта.

Конечно, будь русский язык для украинцев чужим, колониально-имперским, как уверяют националисты, в таком тотальном на него наступлении не было бы никакой необходимости. Он ушел бы из суверенной украинской жизни естественным образом. А не происходит этого потому, что для большинства населения страны он такой же родной, как и украинский. И никакие запретительные меры не в состоянии изменить такое его положение.

Поразительно, но борьба с русским языком продолжилась в Украине и борьбой с литературным украинским. Он объявлен этноидеологами не вполне украинским, русифицированным, не выражающим лингвистической полноты западно-украинского и диаспорно-украинского диалектов. Исправлять ситуацию принялись через коренное реформирование правописания, которое было принято еще в советское время и уже поэтому будто бы является не вполне национальным. Заменить его новым не удалось, но внести в литературный язык орфографическую и лексическую неразбериху — вполне получилось. Теперь в Украине фактически два литературных языка: традиционный — центрально-украинский, развившийся на киево-полтавском диалекте, и новый — западно-украинский, основанный на галицком диалекте. Удивительно, но это никого особо и не волнует.

Еще одной сферой субкультурного противостояния является вероисповедальная. Придавать этому явлению слишком большое значение, учитывая секулярность большей части украинского общества, возможно и не следует, однако и абстрагироваться от него тоже нельзя. Со времен Брестской унии на Украине было положено начало не только вероисповедальному, но и цивилизационному разлому, в результате которого жители Западной Украины, исповедовавшие со времен Владимира Святого православие, были обращены в католицизм. Ныне Украинская греко-католическая церковь, находящаяся в каноническом и административном единстве с римским престолом, из региональной превратилась во всеукраинскую. Ее сакральный центр перенесен из Львова в Киев.

Учитывая историческую соревновательность православия и католицизма, такое стремительное продвижение последнего на традиционную каноническую территорию первого не может не вызывать противоречий в украинском обществе. Тем более что «оранжевыми» этноидеологами подводится под это распространение и научная основа. Она будто бы в большей привлекательности католической веры, демонстрирующей свои преимущества в том числе и экономической успешностью западного мира. Некоторые даже сожалеют, что Владимир Святославич не принял христианство от Рима, а то Украина уже была бы частью западного мира.

К сожалению, вирус регионализации поразил и Украинскую православную церковь, от которой откололись в суверенное время две конфессии. Они не признаны вселенским православием, но агрессивно позиционируют себя как единственно национальные. От высших иерархов этих конфессий нередко можно услышать весьма сомнительные призывы к созданию в независимой Украине единой самостоятельной православной церкви, которую они именуют то национальной, то поместной. Правда, самостоятельность эта понимается ими весьма своеобразно. Только по отношению к Русской православной церкви. А вот быть зависимыми, к примеру, от Константинопольской они не против. И даже предпринимали конкретные шаги в этом направлении. Много на этом поприще потрудился и бывший президент В. А. Ющенко, правда, без особого успеха. Его настойчивые просьбы к Константинопольскому патриарху Варфоломею взять под свой омофор Украинскую православную церковь остались без ответа.

Не удивительно, что в условиях столь конфронтационного противостояния христианские конфессии оказались неспособными ни консолидировать

украинское общество, ни предложить ему единые этические нормы общезначимости и смыслообразующие истины.

В принципе субкультурная соревновательность не должна вызывать особого беспокойства. Это естественный процесс, характерный для всех времен и народов. Но это тогда, когда он не осложняется административными предпочтениями, когда власть не подавляет другие субкультуры в угоду одной, по ее мнению, истинно украинской. Так как это имело место в «оранжевое» пятилетие. В таких условиях мирное сосуществование становится невозможным. Ведь за традиционными субкультурными явлениями стоят конкретные сообщества, которые не готовы расстаться со своими ценностями. Жесткая конфронтация между ними неизбежна. Что мы и наблюдаем в нынешней Украине. Объективно процессы, подчиненные исключительно идее монокультурной чистоты украинской жизни, несмотря на, казалось бы, патриотические помыслы их вдохновителей, ведут к ее обеднению и примитивизации. По существу, ослабляют созидательные силы общества, делают его неконкурентоспособным в современном мире.

Имеются ли возможности для консолидации поликультурного украинского общества? На том пути, по которому до сих пор шла независимая Украина, достичь этого практически невозможно. Нужно принципиально иное отношение к историческому прошлому, а равно и к организации общественной жизни страны в настоящем.

Первое, что необходимо сделать, — это вернуть украинскому народу историческое достоинство, отобранное у него «оранжевыми» этноидеологами. Он был не народом-жертвой, но полноценным субъектом исторического процесса, в том числе и государственно-политического в России и Советском Союзе. Напомню, что правой рукой императрицы Елизаветы Петровны был украинец Алексей Разумовский. Его брат Кирилл почти два десятилетия возглавлял Петербургскую академию наук. Сын Кирилла Алексей Разумовский стал сенатором и министром образования России. Князь Александр Безбородько занимал должность канцлера в правительстве Павла I и Александра I. Князь В. Кочубей был председателем Государственного Совета и Комитета министров при Николае I... В советское время выходцы с Украины были не только вторыми, но и первыми руководителями страны — Н. С. Хрущев, Л. И. Брежнев.

Турки аль-Фейсал¹

ДИАЛОГ, ВЕДУЩИЙ К СОСУЩЕСТВОВАНИЮ ВСЕХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ КУЛЬТУР²

То, чему мы, вероятно, свидетели, — не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления.

Ф. Фукуяма

В 1989 году американский политолог Фрэнсис Фукуяма (род. в 1952 г.) написал спорную статью «Конец истории?», в которой утверждал, что западная либеральная демократия являет собой конечное проявление социокультурной эволюции человечества и универсальный идеал, к которому должны стремиться все прочие цивилизации.

Главный довод, высказанный Фукуямой, — что развитые страны, несущие идеалы западной либеральной демократии, очень редко (почти никогда) не воюют друг с другом. Другими словами, Фукуяма придерживается мнения, что дух конфликтов и войн покинул западные страны, но нашел прибежище в недемократических регионах, в частности в Африке и Азии (и, вероятно, Южной Америке), и что конфликты и войны прекратятся, когда западная либеральная демократия победит.

Отмечая признаки западного самовосхваления и безоговорочной поддержки капитализма в рассуждениях Фукуямы, французский философ алжирского происхождения Жак Деррида в своей книге «Призраки Маркса», изданной в 1993 году, развенчал постулат Фукуямы как политически мотивированную антимарксистскую пропаганду, показавшую невежество и безразличие Запада к повсеместному экономическому угнетению. Деррида пишет: *«Ведь теперь, когда кое-кто осмеливается проповедовать новое Евангелие во имя идеала либеральной демократии, наконец-то пришедшей к самой себе как к идеалу человеческой истории, надо кричать: никогда в истории человечества насилие, неравенство, социальное исклечение, голод, а следовательно, экономическое угнетение до такой степени не затрагивали людей. Вместо того чтобы в восторге перед концом истории воспевать пришествие идеала либеральной демократии и капиталистического рынка; вместо того чтобы торжествовать по поводу "конца идеологий" и конца великих освободительных дискурсов, не будем пренебрегать этими подавляющими данными, составленными из бесчисленных индивидуальных страданий: никакой прогресс не позволяет игнорировать того, что — в абсолютных цифрах — никогда на Земле такое большое число*

¹ Его Королевское Высочество, принц (Саудовская Аравия). Возглавляет Центр исследований и изучения ислама. Советник Саудовского королевского суда (1973–1977). Глава Директората внешней разведки Саудовской Аравии (1977–2001). Посол Саудовской Аравии в Великобритании (2001–2005) и США (2005–2007).

² Доклад представлен на XIII Международные Лихачевские научные чтения (2013 г.).

мужчин, женщин и детей не находилось в рабском положении, не голодало и не истреблялось».

Деррида подчеркивает один важный факт: Запад должен прекратить выставлять напоказ (в евангелическом смысле) то, что он считает успешной моделью демократии и социоэкономического развития; а вместо этого должен принимать участие, например, в решении проблем, связанных с насилием, неравенством, неравноправием, голодом, которые оказывают негативное воздействие на регионы, находящиеся вне сферы влияния западной либеральной демократии. В ответ американский политолог С. Хантингтон в 1992 году выступил с лекцией, в которой предположил, что в будущем на международной арене мы станем свидетелями крупных и жестоких войн и конфликтов, происходящих между различными цивилизациями, в основном между западной цивилизацией, включая Америку, Центральную и Западную Европу, Австралию и Океанию, и мусульманской, охватывающей большую часть Ближнего Востока, Северо-Западную Африку, Албанию, Бангладеш, Индонезию, Малайзию, Пакистан и мусульманское население Индии.

Хантингтон утверждает, что между цивилизациями существуют фундаментальные различия, касающиеся религии. В будущем религия заменит национальную самобытность и традиции, границы наций расширятся и различные национальные группы объединятся в одну цивилизацию с единым религиозным самосознанием. Более того, в будущем конфликты будут происходить из-за культурных различий, так как, по мнению Хантингтона, культурные характеристики более устойчивы, а следовательно, их труднее изменить и устранить по сравнению с политическими и экономическими. К сожалению, в предполагаемом будущем Хантингтон не только рисует туманную картину международного сотрудничества, но и ошибочно изображает человеческую цивилизацию как совокупность групп с отчетливыми культурными границами. Как указывал Эдвард Саид, теоретик литературы палестино-американского происхождения, в работе «Столкновение цивилизаций» опрометчиво утверждается существование таких огромных и сложных элементов, как Запад и ислам. Вместо этого Саид представляет свою концепцию в работе «Столкновение невежества», утверждая, что невежество обуславливает рассмотрение цивилизаций и наций как закрытых, недоступных и изолированных единств, неизменных и гомогенных. Саид заявляет, что на самом деле эти единства открыты для обмена, взаимного обогащения и диалога: «Хантингтон — идеолог, пытающийся представить "цивилизации" и "идентичности" тем, чем они не являются, — закрытыми, замкнутыми системами, которых не коснулись мириады различных противотоков, оживлявших историю человечества, тех, что на протяжении веков сделали историю не только состоящей из религиозных войн и империалистических завоеваний, но и из взаимного обмена, обогащения и участия. Эта гораздо менее заметная история игнорируется в стремлении выделить нелепо ограниченную и узкую борьбу, которая выдается "Столкновением цивилизаций" за подлинную реальность».

Следовательно, Саид подчеркивает необходимость продолжения открытого обмена между мусульманами и немусульманами, теми, кто географически принадлежит западной цивилизации, и теми, кто географически

проживает на Востоке. Обмен идеями должен быть обусловлен ориентацией на диалог, обсуждение различий с целью установления общих черт и нахождения общего языка. Диалог должен возникать не только в верхних эшелонах власти, но и между научными центрами, религиозными институтами, образовательными учреждениями, воспитывающими молодое поколение. Для того чтобы обеспечить результативность и успех, инициатива диалога должна быть всеобъемлющей, а политический оппортунизм или региональное позерство не должны препятствовать встречам и обмену, следовательно, в диалог должны быть включены все слои общества (политические и иные).

Зачастую под диалогом неверно понимают политическое и религиозное единство. В различиях между культурами и религиями нет ничего постыдного, и не надо скрывать основания противоречий. Напротив, главная цель, *suntum bonum* (высшее благо) диалога — это взаимное уважение, обеспечивающее мир, который соблюдается везде, где люди сосуществуют и поддерживают дружеские отношения независимо от религиозных, культурных и этнических различий. В древности, например, во времена пророка Мухаммеда, в городе Медина, где он жил в позднюю пору своей жизни, в мире и гармонии сосуществовали мусульмане, евреи, христиане и язычники. Сам Мухаммед написал всеобщую декларацию, известную историкам как Мединская конституция, в которой люди различных вероисповеданий или не принадлежащие ни к одной из религий рассматривались как равноправные граждане, обладающие гарантированными правами. Следовательно, посредством диалога, а не войны Мухаммед положил конец обостренному соперничеству и религиозным конфликтам между мусульманами, евреями, христианами и язычниками. В итоге были обеспечены мирное сосуществование, экономическое процветание и безопасность. Когда вмешивается политика, гармоничные отношения между людьми нарушаются.

Сегодня диалог должен выйти за рамки формального обмена любезностями. Настало время прекратить предоставлять платформу для политических оппортунистов и лицемерных сторонников мирного сосуществования. Необходимо привлечь ученых, активистов, политиков, религиозных деятелей и всех, кто старается обеспечить мир и счастье всему человечеству. Безусловно, любая вера — это личное дело каждого, нас прежде всего отличают человечность, сострадание и забота по отношению к другим людям, желание сделать других счастливыми и отказ от причинения вреда и боли другим. Говоря словами сподвижника пророка Али ибн Абу Талиба, *«пусть он и не брат тебе по вере, он такой же человек, как и ты»*.

Саудовская Аравия выступает за межконфессиональный и межкультурный диалог, направленный на поддержание мирного сосуществования между людьми. Например, 24 апреля 1974 года кардинал Пиньедоли, председатель Секретариата по делам нехристиан, нанес официальный визит королю Фейсалу. Шесть месяцев спустя Папа Римский Павел VI принял в Ватикане официальную делегацию ученых из Саудовской Аравии, возглавляемых министром юстиции. Это послужило поводом к диалогу между христианами и мусульманами по вопросу культурных прав человека в исламе. В результате продолжающихся встреч и диалога король Абдалла посетил Папу Римского Бенедикта XVI в Ватикане в ноябре 2007 года. Это была первая встреча гла-

вы Римской католической церкви и саудовского монарха. В марте 2008 года король Абдалла призвал к «братскому и откровенному диалогу между верующими всех религий». В июне 2008 года в Мекке он организовал конференцию с целью призвать мусульманских лидеров к поиску общего языка с главами других религий. В июле 2008 года король Абдалла созвал историческую конференцию в Мадриде, в которой участвовали лидеры разных мировых конфессий. Кроме мусульман, христиан и евреев, в диалоге приняли участие такие религии, как буддизм, индуизм и синтоизм. Благодаря его усилиям был основан Международный центр межконфессионального и межкультурного диалога им. короля Абдаллы ибн Абдель Азиза, спонсируемый правительствами Австрии, Испании и Саудовской Аравии.

В заключение приведу стих из Корана, который представляет исламскую концепцию сосуществования: «Те, которые уверовали ...и иудеи, и христиане, и... сабей, и те, кто... уверовал в Аллаха Всевышнего, и в Последний день — день Суда — ...и творили благо... — нет над ними страха, и не будут они печальны!»

III. ЭКОНОМИКА И ПРАВО В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

О. Т. Богомолов¹

ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРА²

Представляется интересным рассмотреть, как экономика, культура, наука, образование и нравственность взаимодействуют и влияют друг на друга. Можно было бы поставить вопрос достаточно просто: служат ли культура, наука, образование, нравственность прогрессу экономики — и получить, безусловно, утвердительный ответ. Но в реальной жизни их связь и взаимовлияние не столь очевидны. И наши реформаторы, ввергая страну в шоковый переход к рынку, отнюдь не оглядывались на состояние культуры и образования, более того, не учитывали, как со своей стороны наука, культура, образование, нравственность могут повлиять на успех или неуспех рыночных преобразований.

Известно утверждение, что экономика есть материальный базис, а политика, идеология, культура — надстройка. Иначе говоря, материальное бытие определяет общественное сознание во всех его проявлениях. Факты как будто это подтверждают: чем богаче и мощнее народное хозяйство, тем благоприятнее условия для развития науки и культуры, эффективнее политика и идеология. Однако в сегодняшнем мире мы сталкиваемся с обратной зависимостью, когда идеология и политика приобретают первенство над экономикой, становятся определяющим фактором ее развития. Разве не политический выбор и воля правящей элиты определили характер преобразований в российской экономике?

Всякая политика опирается на определенные идейные установки, или, другими словами, имеет идеологическую составляющую. Известно, что идеология формируется на основе тех или иных теоретических концепций, предлагаемых наукой. Пропагандируемая и насаждаемая государством, она способна управлять сознанием и поведением значительных масс людей, определять политику и формировать экономику.

¹ Академик РАН, советник РАН, доктор экономических наук, профессор. Директор Института международных экономических и политических исследований РАН (1969 – 1998). Избран депутатом Съезда народных депутатов СССР (1989) и Государственной Думы РФ (1993). Автор свыше 600 публикаций, в т. ч. книг: «Реформы глазами американских и российских ученых», «Реформы в зеркале международных сравнений», «Моя летопись переходного времени», «Раздумья о былом и насущном», «Мировая экономика в век глобализации», «Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние» и др. Почетный президент Международной ассоциации экономических наук; почетный профессор Будапештского экономического университета и Нанькайского университета (КНР). Награжден орденами Октябрьской Революции, Красного Знамени (дважды), «Знак Почета», «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени.

² Доклад представлен на V Международные Лихачевские научные чтения (2005 г.).

Познание законов природы помогает человеку воздействовать на нее, но не может даже на время отменить эти законы. Объект исследования находится вне нашего сознания, существует и развивается независимо от него. В обществе дело обстоит иначе. Законы общественного развития, формулируемые учеными даже тогда, когда их знание ложно, могут быть взяты на вооружение государственной политикой, растиражированы СМИ, стать официальной идеологией, подчинить себе поведение миллионов людей и изменить саму природу общества — по крайней мере на какое-то время. Создается видимость правильности теории, поскольку само общественное устройство подогнано под теоретическую модель.

Джон Мейнард Кейнс писал, что идеи экономистов и политологов, независимо от того, истинны они или ошибочны, более влиятельны, чем обычно думают. Едва ли, отмечал он, миром правит что-то другое. Влияние интересов собственников, по его мнению, сильно преувеличивается по сравнению с идеями, обретающими власть над умами.

История знает немало общественных деформаций, вызванных несостоятельными идеями. Думаю, что и сегодня, как после 1917 года, российское общество оказалось их жертвой. Но рано или поздно ошибочность господствующего общественного мышления и поведения проявляет себя — нередко через кризисы, катаклизмы, революционные взрывы, и научная истина, остававшаяся непризнанной или непознанной, берет верх. Такая судьба, скорее всего, ждет и российский либеральный фундаментализм, лежащий в основе политики президента и правительства. Он все больше обнаруживает свою несостоятельность. В массовом сознании зреет понимание того, что политический курс нуждается в пересмотре. И чем раньше это произойдет, тем меньше риск крупных потрясений.

Говоря о культуре, обычно имеют в виду искусство, литературу, науку, просвещение, религию. По достижениям в этих областях обычно судят о духовном и интеллектуальном потенциале нации. Но в понятие культуры, наряду с высшими ее проявлениями, входят и бытовая, и поведенческая культура населения, а также состояние общественной морали. Конечно, культура, олицетворяемая ее лучшими представителями, влияет на уровень массовой культуры, задает нравственные и цивилизационные ориентиры всему обществу. На экономике это тоже сказывается, ибо сегодня она более чем когда-либо раньше движима знаниями и интеллектуальным творчеством. Что касается культуры поведения и общения людей, их быта, духовных потребностей, то здесь взаимосвязь с экономическим развитием еще сильнее.

Отсутствие элементарного чувства солидарности, неприкрытый эгоизм, стремление к выгоде, к любому преимуществу в ущерб окружающим и даже во вред всему обществу — такова типичная картина поведения многих. Что это: проявление безнравственности или бескультурия? В принципе, культура предполагает не только законопослушание, но и соблюдение нравственных норм. Если в странах Запада партнеры, договаривающиеся о сделке, не сомневаются, что она взаимовыгодна, то российский бизнесмен, как правило, предпочитает обмануть партнера, руководствуясь лишь получением собственной прибыли за самый короткий срок. Неумная жажда наживы взвинчивает цены, толкает к разного рода махинациям, что в конечном сче-

те снижает спрос и потребление населения, урезает доход бюджета и замедляет пульс экономической жизни.

Право не может быть всеохватывающим, оно имеет пробелы, оставляя вне своего регулирования те или иные стороны хозяйственной деятельности или виды человеческих отношений. Этим можно воспользоваться в корыстных целях в ущерб интересам всего общества. Нелишне напомнить и о случаях, когда сами законы или президентские указы принимались у нас в интересах влиятельных лиц или групп, а отдельные аспекты рыночных отношений к их выгоде сознательно выводились из сферы правового регулирования.

Когда происходит присвоение чужого имущества в результате кражи, грабежа, мошенничества и тому подобного, каждому ясно, что это уголовно наказуемое преступление. Специфика современных рыночных механизмов, особенно финансовых и биржевых, такова, что позволяет, используя пробелы и несовершенство законов, присваивать чужое, уклоняться от налогов, обирать население на «законных» основаниях. К сожалению, даже разоблачения в СМИ остаются без последствий. Совершивших аморальные поступки не подвергают остракизму, впрочем, и привлечение к судебной ответственности — отнюдь не правило, а скорее исключение. Сталкиваясь ежедневно с вопиющими фактами беззакония и произвола, люди утрачивают остроту восприятия, постепенно проникаются равнодушием и безразличием к происходящему. Но надолго ли?

Нарушения общественной морали, норм социальной справедливости, представлений о гражданской чести и ответственности встречаются у нас на каждом шагу. Приватизация общенародной собственности без ее реальной оценки и согласия общества, финансовые пирамиды типа ГКО, искусственные банкротства предприятий, схемы «оптимизации» налогообложения и тому подобное позволяли отдельным лицам создавать огромные состояния. К скрытым и аморальным, но не всегда противоправным способам обогащения относятся у нас разводнение акционерного капитала, монополизация рынка и картельные соглашения, использование служебной информации для личного обогащения и многое другое. Такого рода практика воспринимается как вызов нравственным представлениям людей и потому в США и других странах преследуется по закону. Если ей не противодействовать, то в экономике и обществе будет накапливаться недовольство и нарастать напряжение.

Государство, средства массовой информации, церкви, различные институты гражданского общества должны взять на себя ответственность за состояние нравственности и соблюдение общих интересов, создавать заслоны рыночному эгоизму и корыстолюбию. Их долг — всемерно способствовать утверждению нравственных критериев и стандартов, как в политике, так и в экономике, а также в быту людей. Ложь и обман несут с собой не только моральный, но и экономический ущерб. Мошенничество, корыстный сговор, вымогательство, подкуп, не говоря уже о более серьезных преступлениях, придают рынку извращенный характер, лишают его преимуществ свободной конкуренции. Конкурентоспособность и производительность падают, в частности, и потому, что бизнес и его владельцы вынуждены обзаводиться частными охранниками и телохранителями, армия которых в России

уже насчитывает несколько сотен тысяч человек. К «накладным расходам» следует добавить так называемые «откаты» чиновникам и рэкетирам, составляющие, по имеющимся оценкам, не менее 4 млрд долларов в год. Все эти «издержки», связанные с криминализацией экономики, безнравственностью значительной части правящей элиты и бизнеса, перекадываются на плечи простых граждан.

Пора осознать, что в России нравственное воспитание, духовное возрождение — вопрос выживания нации и одна из необходимых предпосылок оздоровления экономики. Уповать здесь только на стихийные силы самосохранения не приходится. Наиболее действенными возможностями и средствами влияния могло бы располагать государство, если бы оно само стало примером нравственной политики и дел, заботливого отношения к культурному наследию, науке и искусству, лучшим представителям интеллигенции. Власть обязана задавать стандарты нравственного поведения, не допуская прямой лжи, недомолвок и демагогии. Безнаказанность властей за допущенные серьезные ошибки, и даже преступления, их пренебрежение к законам чести и нравственности, столь распространенные в современной России, имеют разрушительные последствия. Они проявляются не сразу, но от этого не становятся менее опасными. Как расценить, например, поведение некоторых производителей и продавцов лекарств, которые наводняют рынок фальшивыми медикаментами, в лучшем случае бесполезными, а нередко и опасными для здоровья людей. Таких препаратов в аптеках, по имеющимся оценкам, от 20 до 30 %¹. Подобные злоупотребления, ставящие под угрозу здоровье населения, в странах Запада уголовно наказуемы и сведены к минимуму. В России уголовная ответственность, как и моральная, в сущности, отсутствует. Прибыли аптекарского бизнеса растут, а больных за их же деньги лишают необходимой помощи.

Среди нравственных понятий особое место занимает социальная справедливость. В марксистских учебниках политической экономии о ней не упоминалось, поскольку категория «справедливость» из области морали и к экономическим законам и политике не имеет прямого отношения. Так думал и Адам Смит, считавший эгоизм предпринимателей общественно полезным. Еще определеннее говорит о том же один из апологетов либерализма Фридрих фон Хайек: «Имеет ли какой бы то ни было смысл понятие социальной справедливости в экономической системе, основанной на свободном рынке? Категорически нет»². Современные российские либералы в этом отношении остаются марксистами и одновременно последователями Хайека. Между тем реальная экономика развивается не только по чисто экономическим законам, на нее влияет господствующее в обществе представление о социальной справедливости. Едва ли надо доказывать, что и в России, и в странах Запада дело обстоит именно так. Соблюдение справедливости, несомненно, является одним из факторов успешного экономического развития. От ее обеспечения зависит отношение людей к труду, средствам производства, зависит не только деловая, но и политическая активность населения, консолидация общества. Поэтому чрезвычайно важно осуществлять справедливое в глазах большинства населения распределение созданного

¹ Трибуна. 2004. 18 нояб. С. 4.

² Hayek F. A. Low, *Legislation and Liberty*. Routledge, 1982. Vol. 2. P. 68.

трудом живущих и прошлых поколений богатства, предотвращать недопустимую социальную поляризацию. Не менее существенно платить справедливую с точки зрения работников заработную плату, которая обеспечивала бы сохранение и воспроизводство их способности к труду, совершенствование в профессии, содержание и воспитание детей. Оба названных нравственных императива беззастенчиво попираются в России.

Социальная дифференциация в российском обществе усиливается в последние годы в результате того, что рост реальных доходов населения, чем так гордятся власти, приходится в подавляющей части на верхнюю прослойку буржуазии, а большинство населения не испытывает никакого заметного улучшения. В отличие от России, разрыв между богатыми и бедными в Европе не только значительно меньше, но и имеет тенденцию к сокращению.

Еще античный поэт восклицал: «Где нравственности нет, что пользы принесут напрасные законы». Уже стало распространенной практикой решение проблем не по законам, а по понятиям либо чиновников, либо толстосумов. Бездна наказаний мелких и крупных правонарушений — привычное явление. Неотвратимость наказания за аморальные или противоправные поступки давно перешла в область прекраснотушных пожеланий, стала свидетельством бессилия государства.

К поведенческой культуре относятся законопослушание и элементарная людская солидарность. Их отсутствие наглядно проявляется на российских дорогах в поведении многомиллионной армии водителей автомобилей. Уважительного отношения друг к другу и пешеходам, равенства участников движения перед общими для всех правилами и законами нет и в помине. Чем мощнее и роскошнее автомобиль, тем больше у его водителя прав. Он может обгонять «слабых», игнорируя дорожные знаки, выезжать при заторах на встречную полосу, парковать автомобиль где попало, затрудняя движение другим, отказывать в помощи попавшим в беду водителям и пешеходам и т. д. Нечего и говорить о езде в нетрезвом виде. Все это ведет к росту числа дорожно-транспортных происшествий, по показателям которых Россия далеко впереди европейских стран, удорожает и замедляет работу транспорта. Наши дороги — зеркало состояния бытовой культуры нации, как, впрочем, и отношение к природе, которую нещадно загрязняют, уродуют безвкусной застройкой дач и особняков, вырубкой лесов. Мусорить на улицах, в общественных местах, оставлять где попало пустые бутылки стало привычным делом. И досаднее всего, что власти и общественность смирились с этим как с неизбежностью, не пытаясь активно бороться.

В местах скопления людей, в общественном транспорте стало редкостью уважительное отношение к себе подобным, элементарная вежливость, забота об инвалидах и стариках. Непонятно, зачем продолжают отводить для них места в метро и автобусах, если никто с этим не считается и не следит за соблюдением порядка. Хамство, грубость, озлобленность, с которыми люди сталкиваются дома и вне дома, способны надолго испортить настроение, отравляют социальную атмосферу, отражаются на качестве и производительности труда. Пока нравственные нормы и принципы не станут частью общей культуры, надо принуждать граждан к законопослушанию, к соблюдению правил общежития, используя авторитет власти, печати,

телевидения. Велика роль в воспитании культуры и нравственности всей системы образования. Но, кажется, это не заботит авторов намечаемых реформ в данной сфере. Правилам вежливости, бытовой гигиены, поведения в общественных местах и многому другому детей в школах практически не учат ни за партой, ни примером учителей. Далеко не всякая семья этот недостаток может восполнить.

Можно серьезно улучшить экономическое положение, сосредоточив усилия государства и общественных институтов на подъеме образованности, поведенческой культуры и нравственного уровня основной массы населения.

Преступность и коррупция в России и ряде других постсоветских стран процветают не только из-за слабости государства и правоохранительных институтов, обнищания значительных масс населения, но и из-за того, что в ходе поспешных и непродуманных реформ оказались подорванными духовные устои общества, обесценена культура и ее носители. Телевидение и печать потакают самым низменным вкусам и интересам, превращая насилие, бандитизм, секс в преобладающую тему книг и передач. Средства массовой информации пропагандируют роскошную жизнь людей высшего класса и западные стандарты потребления, недоступные большинству жителей России. Честный труженик, едва сводящий концы с концами и обремененный многочисленными житейскими проблемами, ощущает себя униженным. Он перестал интересоваться кино, телевидением и литературой. Рынок не требует от них создания образа положительного героя, показа нравственного идеала, с которого молодежи, миллионам простых людей стоит брать пример. Общество обрекало и продолжают обречать на духовную опустошенность.

В споре о том, благоприятствуют ли рыночные свободы развитию культуры или действуют противоположным образом, верх пока берут пессимисты. Примеров антагонизма рынка и нравственности, рынка и культуры более чем достаточно. Противопоставить им можно немногие положительные факты. Поэтому все громче слышатся призывы сдерживать рыночный эгоизм, безудержную погоню за наживой, требовать от предпринимателей социальной ответственности. Другими словами, государство и общество ждут от них заботы не только о личном, но и об общественном благе. А это в значительной мере вопрос морального долга, хотя и государственное принуждение тут вполне уместно.

Мораль и культура формируются в итоге длительного исторического развития. Их состояние — результат многих превратностей общественного бытия. В одночасье положение в данной сфере невозможно исправить — нужны годы настойчивых усилий по моральному и культурному воспитанию граждан. Пренебрегать задачами развития культуры, образования и науки, экономить за их счет бюджетные средства могут только временщики, которым важнее превратить власть в капитал, чем обеспечить будущее процветание страны.

Н. С. Бондарь¹

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ГЛОБАЛИСТСКОГО МИРА²

Современная эпоха ознаменована конституционными преобразованиями, отразившими всю глубину, противоречивость, а порой и национально-исторический трагизм геополитических изменений современного мира и отдельных стран. Это в полной мере касается России и других стран, возникших после распада СССР, что находит свое отражение в том числе в зарождении новой политической философии, новой конституционной идеологии и соответственно в разработке принципиально новых подходов к пониманию и обоснованию ценностей современного конституционализма в условиях глобалистского мира.

1. Правовая глобализация — результат партнерства и (или?) противостояния современных правовых систем.

Пожалуй, одними из наиболее значимых, воздействующих как позитивно, так и отрицательно на состояние и развитие современного конституционализма, являются процессы глобализации. Одновременно именно глобализационные процессы современной эпохи представляют собой определенную духовную (нередко, впрочем, и бездуховную) результат диалога, взаимодействия и противостояния цивилизационных культур, включая правовую культуру современной цивилизации. В этом плане правовая культура представляет собой, если говорить в обобщенно-мировоззренческом, гносеологическом аспекте, процесс приобщения личности, общества, цивилизации к сущности, основам человеческого бытия посредством (и на основе) ценностей права, с помощью (и в условиях) действия (взаимодействия) национальных правовых систем, а также общепризнанных принципов и норм современного международного права.

Соответственно всеобъемлющий, универсально-культурологический характер процессов глобализации, оцениваемой в том числе с позиций юридического мировоззрения и правовой культуры, включает гуманистические, философско-мировоззренческие, натуралистические (отношения человека с природой), нравственно-этические, социально-политические,

¹ Судья Конституционного Суда РФ, заведующий кафедрой муниципального права и природоохранного законодательства Южного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. книг: «Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации», «Конституционализация социально-экономического развития российской государственности (в контексте решений Конституционного Суда РФ)», «Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России», «Конституционная ценность избирательных прав граждан России», «Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия», «Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия» и др. Автор-учредитель постоянно действующей серии изданий «Библиотека судебного конституционализма». Награжден орденом Почета, медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, Почетной грамотой Президента РФ, ведомственными и региональными государственными наградами.

² Доклад представлен на X Международные Лихачевские научные чтения (2010 г.).

юридико-правовые и многие другие координаты своего измерения. Поэтому вполне оправданным является выделение наряду с экономическим, политическим и иными способами проявления глобализационных процессов правовых форм. При этом очевидным представляется тот факт, что правовые аспекты глобализации не сводятся к воздействию соответствующих процессов экономической, политической глобализации на правовые системы современных государств мирового сообщества. Важно учитывать, что понятие «*правовая глобализация*» не тождественно глобализации в правовой сфере.

Правовая глобализация отражает современную динамику качественных характеристик правовой интернационализации социальной действительности. В центре ее внимания — нарастание общего, универсального в нормативно-правовых стандартах современной цивилизации. В свете этих процессов представляется важным подчеркнуть (без подробного обоснования), что в настоящее время более важное значение приобретает сохранение и развитие всего богатства национально-культурных особенностей российской государственности и ее правовой системы, чем рецепция либеральных ценностей западной культуры¹. Но это, естественно, ни в коей мере не должно привести к противопоставлению национальных и универсальных демократических ценностей правовых систем современной цивилизации.

Правовая глобализация отражает прежде всего качественные характеристики интернационализации, интервенции, в том числе взаимной, ведущих правовых систем современности и на этой основе — нарастание общего в нормативно-правовой жизни современной цивилизации. Для нас, пожалуй, наиболее важное, революционное значение имеет в этом отношении проникновение в нашу национальную правовую систему (как и в континентальную систему права в целом) прецедентных начал. Достаточно вспомнить о приобретающих прецедентное значение для нашей правоприменительной практики решениях Европейского суда по правам человека, а также о юридической природе решений органов конституционного контроля государств континентальной Европы.

Таким образом, процессы правовой универсализации объективно нуждаются в конституционных оценках на уровне национальных государственно-правовых систем и одновременно в диалоге, взаимодействии национальных правовых систем. Соответственно современные ценности правовой культуры естественным образом — не только в силу глобальных последствий, но и по своей природе, в силу единых общедемократических начал — выходят далеко за пределы собственно национальных конституционно-правовых систем.

2. Конституционные ценности — универсальный «язык» диалога современных правовых культур.

Основу глобальной юридизации общественных отношений в современных демократических государствах составляют прежде всего процессы правовой модернизации на основе всеобщего признания и утверждения универсальных конституционных ценностей. В свою очередь универсализация

¹ В этом плане нельзя не согласиться с основными идеями, представленными в кн.: *Величко А. М. Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур*. СПб., 1999.

конституционных ценностей сопровождается их трансформацией из мифологизированных политико-идеологических категорий в действующие нормативно-правовые императивы должного.

Важное значение в этом плане имеет определение ценностных критериев и ориентиров, лежащих в основе правовой глобализации и соответственно правового прогресса демократических государств. Имеется в виду признание в качестве своего рода аксиомы современного правового глобализма, что эти процессы должны развиваться в направлении *юридизации свободы, власти, собственности* — основополагающих компонентов современных социально-политических и экономических систем. В их числе — ценности свободы и прав человека, социальной справедливости и равенства всех перед законом, правового социального государства, разделения властей, политического, идеологического и экономического плюрализма и др.

Недавно основой интернационализации, сближения правовых систем, в том числе в направлении формирования единого правового пространства в Европе, безоговорочно признавались права человека. Благодаря имманентно присущей им ценностно-интегративной функции права человека приобрели наднациональный, интернациональный характер. Их признание на международном уровне и закрепление в нормах международного права лишь усилило всеобщность и обязательность заложенных в них требований в масштабах всего мирового сообщества.

В современном мире главным является установление баланса между ценностями публичного характера, с одной стороны, и личными, частными ценностями — с другой. В формализованном, нормативно-правовом выражении это проблема соотношения суверенной государственной власти (на характеристике власти как «суверенной» делаю акцент) и свободы, которая прямо или косвенно пронизывает всю систему конституционного регулирования, «присутствует» в каждом конституционном институте, каждой норме и статье Конституции. В этом смысле нахождение баланса власти и свободы составляет главное содержание теории и практики современного конституционализма¹.

Уже поэтому весьма острой является *проблема конкуренции конституционных ценностей*, лежащих в основе современных процессов глобализации и правового прогресса. В частности, игнорирование мультикультурной природы современных правовых систем, их национальных и исторических особенностей может привести в правоглобализационном процессе (и нередко приводит) к политической, идеологической, правовой экспансии экономически, военно-политически господствующих стран и блоков, в основе которой лежит не сила права, а право силы и соответственно отказ от фундаментальных конституционных идей демократии и государственного суверенитета.

Глобализация непосредственно влияет на конституционные системы современных государств, предопределяет новые ценностные критерии их развития, модернизации и защиты. В условиях современного мира процессы модернизации являются неотъемлемым элементом универсальной тенденции глобализации, в рамках которой происходит взаимное переплетение,

¹ См.: Бондарь Н. С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. М., 2005.

диффузия внутригосударственных и международных кризисов, конфликтов и противоречий, а преобразование жизнедеятельности конкретного общества и государства обусловливается системой универсальных принципов развития всего человечества. Правовые факторы глобализационной модернизации наиболее зримо материализуются в усиливающейся тенденции сближения англосаксонской и европейской континентальной правовых систем, их конвергенции.

Конституционализм, представляя собой важную сферу реализации современных процессов правовой глобализации, одновременно характеризуется и как основа правового диалога цивилизационных культур.

3. Конституционализм — основа правового диалога культур в условиях глобализации.

Известно, что конституционализм — комплексная политико-правовая категория, которая в современных условиях правовой глобализации и противоречивых процессов демократического развития российской государственности дополняется новыми качественными характеристиками. Структурно она включает: во-первых, конституционную доктрину, философско-правовую теорию развития общества и государства, их взаимоотношений с личностью; во-вторых, конституционализм — это сама практика, конституционно-правовая онтология конституционной государственности в самом широком проявлении ее законотворческого, правоприменительного и, естественно, судебного бытия; в-третьих, нормативно-правовой компонент (систему конституционного законодательства во главе с Конституцией РФ), имеющий прежде всего аксиологическую ориентацию; наконец, в-четвертых, конституционализм — это одна из форм общественного сознания, характеризующаяся единством конституционной психологии и конституционной идеологии, на основе которых становится возможным формирование в нашем обществе (хочется надеяться) нового типа юридического, конституционного, мировоззрения.

Понимание сущности Конституции как документа, «впитавшего» все многообразие социальных противоречий и в концентрированном виде выразившего вариативный набор возможных моделей развития общества, а также призванного конституционно-правовыми средствами способствовать (как реально действующий, работающий акт) разрешению таких противоречий, выбору наиболее оптимальных путей цивилизационного развития общества и государства, означает, что *Конституция по своей сути выступает предпосылкой, идеальным итогом и институциональной основой правовой глобализации.*

Конституционная доктрина развития государственности, ее модернизации применительно к условиям глобализирующегося мира не являются абстрактно-умозрительной конструкцией; она имеет в своей основе фактические конституционные отношения и их формально-юридическое выражение, что в своем единстве предопределяет конституционно допустимые, нормативно определенные модели развития общества и государства.

Анализ закономерностей развития современного конституционализма свидетельствует, что в сферу конституционного воздействия все в большей степени вовлекаются экономические и социально-культурные отношения — как путем их прямого конституционно-правового регулирования, так и по-

средством осуществления конституционного контроля в области рыночного (экономического) и социально-культурного законодательства.

Какими бы ни были концептуальные подходы к пониманию природы права, его соотношению с экономикой и социально-культурной сферой, очевидно, что и современные тенденции массивного нормативно-правового наступления на социально-экономическую сферу, «гиперрегулирование» соответствующих отношений нуждается (не в меньшей, если не в большей степени, чем прежде) в конституционных ориентирах. Будучи «встроенным» в систему конституционных координат, правовое регулирование экономических отношений должно подчиняться аксиологическим критериям современного конституционализма, базирующегося на всеобщем признании универсальных конституционных ценностей, таких как свобода, права человека, социальная справедливость, равенство всех перед законом, правовое социальное государство, разделение властей, идеологический и экономический плюрализм, как общего достояния человеческой цивилизации.

Таковы основные линии системных взаимосвязей между глобализацией, правовым прогрессом и конституционализацией правопорядка, что в общем виде выражается в интернационализации современного конституционализма, с одной стороны, и конституционализации процессов социальной действительности — с другой.

4. Конституционное правосудие — институционный «язык» диалога современных национально-правовых культур.

Особую роль в утверждении правовых принципов межкультурно-общения и установлении на этой основе точных конституционно-правовых координат международного сотрудничества государств и народов играют органы конституционного правосудия. Как это выражается на практике? Речь идет об универсализации и интенсификации воздействия конституционных ценностей на отрасли и институты различных правовых систем, что существенным образом способствует их сближению посредством конституционализации социального и правового пространства, в том числе в его транснациональном восприятии.

По природе, сущностным характеристикам и результатам деятельность органов конституционного правосудия как универсального института разрешения социальных противоречий не исчерпывается правоприменением. Она имеет более сложный характер: получая институционное оформление прежде всего как правоприменительный юрисдикционный процесс, конституционное правосудие (и это становится все более очевидным для современной юриспруденции) в итоговых правовых характеристиках сближается с нормативно-установительной юридической практикой, правотворчеством. Это квазиправотворческий орган.

Природа решений Конституционного Суда РФ, их *нормативность проявляется в единстве с доктринальным значением*, что, в свою очередь, значительно усиливает их потенциал как актов по выявлению, конституционной оценке и разрешению социально-политических противоречий. Нормативность и доктринальность — это не две самостоятельные характеристики решений суда. Они существуют в единстве, что создает некое новое, интегральное качество данного вида актов — их нормативно-доктринальную природу.

Именно в этом кроются глубинные характеристики конституционно-правосудия как фактора юридизации (конституционализации) межцивилизационного диалога и партнерства, истоки *генерирования и развития посредством конституционного правосудия конституционной идеологии*, что не противоречит требованиям ч. 2 ст. 13 Конституции РФ: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной».

Правовые позиции Конституционного Суда есть результат не только итогового вывода о конституционности проверяемого акта, но и прежде всего истолкования конкретных положений законодательства, выявления конституционного смысла рассматриваемых положений в пределах компетенции Конституционного Суда.

Анализ практики деятельности не только Конституционного Суда РФ, но и органов конституционного контроля других стран свидетельствует о весьма активном влиянии конституционных судов на процессы, связанные с внедрением в национальные правовые системы и практику универсальных ценностей современной демократии, разрешением социальных противоречий (в том числе достаточно глубокие, по сути, цивилизационного характера), утверждением и развитием правовых стандартов для комфортного существования и эффективного диалога различных правовых культур.

При этом в *методологическом плане* для разрешения конкретных дел чрезвычайно важно учитывать, что *демократические ценности и принципы государственно-правового строительства и развития должны соотноситься с национальной культурой и традициями*, применяться на основе ответственности перед нынешним и будущими поколениями (Преамбула Конституции РФ).

Опираясь на конституционные подходы к формированию демократического устройства государства и общества, Конституционный Суд РФ в своей практике исходит из необходимости учета социокультурных особенностей национального развития как одного из принципов интерпретации конституционных положений, выступающего одновременно и критерием для оценки конституционности проверяемых нормативных правовых актов. Так, согласно Постановлению Конституционного Суда РФ от 17 ноября 1998 года № 26-П законодатель, *исходя из исторически обусловленных особенностей России как федеративного государства, специфики ее территориального устройства и крайне неравномерного размещения населения в различных субъектах Российской Федерации*, с тем чтобы не поставить под угрозу основы конституционного строя и его стабильность, мог в соответствии со ст. 55 (ч. 3) Конституции РФ предусмотреть в данном законе норму, устанавливающую отклонения от единой нормы представительства, поскольку целью такого решения служит обеспечение парламентского представительства территориальных единиц с малочисленным населением¹.

В другом постановлении по вопросам партийного строительства Конституционный Суд РФ пришел к выводу о том, что *в современных условиях*, ког-

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 17 ноября 1998 года № 26-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона РФ от 21 июня 1995 года № 90-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 48. Ст. 5969.

да российское общество еще не приобрело прочный опыт демократического существования, имеют место серьезные вызовы со стороны сепаратистских, националистических, террористических сил, создание региональных политических партий (поскольку они стремились бы к отстаиванию преимущественно своих, сугубо региональных и местных интересов) могло бы привести к нарушению государственной целостности и единства системы государственной власти как основ федеративного устройства России, а потому федеральный законодатель вполне обоснованно ввел запрет на такую форму партийной организации¹.

В целом же Конституционный Суд РФ полагает, что особенности проявления конституционных целей и соотношения конституционно защищаемых ценностей и общенациональных интересов Российской Федерации на каждом этапе развития национальной государственности могут служить основанием для корректировки федеральными законодателями государственно-правового механизма, в том числе в части, касающейся обеспечения единства системы государственной власти и разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Федерации. Для самого Конституционного Суда РФ это означает, что его правовые позиции, сформулированные в результате интерпретации, истолкования тех или иных положений Конституции РФ, могут уточняться либо изменяться, с тем чтобы адекватно выявить смысл тех или иных конституционных норм, их букву и дух, с учетом конкретных социально-правовых условий их реализации, включая изменения в системе правового регулирования².

Следует заметить, что эти позиции Конституционного Суда РФ находятся в известной корреляции с прецедентной практикой Европейского суда по правам человека, который в своих решениях неоднократно обращал внимание, в частности, на то, что существует множество способов организации избирательных систем и обеспечения их функционирования и множество различий, *inter alia*, в историческом развитии, культурных особенностях и политических взглядах европейских государств, в силу чего каждая договаривающаяся сторона вправе сама формировать свое видение демократии (постановления от 6 октября 2005 г.³, 16 марта 2006 г.⁴, 19 июля 2007 г.⁵).

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 1 февраля 2005 года № 1-П по делу о проверке конституционности абзацев второго и третьего п. 2 ст. 3 и п. 6 ст. 47 Федерального закона РФ от 11 июля 2001 года № 95-ФЗ «О политических партиях» в связи с жалобой общественно-политической организации «Балтийская республиканская партия» // СЗ РФ. 2005. № 6. Ст. 491.

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2005 года № 13-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона РФ от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобами ряда граждан // СЗ РФ. 2006. № 3. Ст. 336.

³ См.: Постановление Европейского суда по правам человека от 6 октября 2005 года по делу «Херст против Соединенного Королевства» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Постановление Европейского суда по правам человека от 16 марта 2006 года по делу «Жданок против Латвии» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Постановление Европейского суда по правам человека от 19 июля 2007 года по делу «Краснов и Скуратов против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2008. № 4. С. 115 – 132.

Таким образом, участие России в диалоге конституционно-правовых культур, ее сотрудничество с другими цивилизационными носителями современного конституционализма должно опираться на универсальные демократические ценности и принципы и одновременно учитывать социокультурные особенности многонационального российского народа, чтобы такое сотрудничество и партнерство обеспечивали реализацию национальных интересов России как суверенного демократического правового государства.

**Шломо Вебер¹,
Виктор Гинзбург²**

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ, КУЛЬТУРА И ЭКОНОМИКА³

Если ты говоришь с человеком на языке, который он понимает, — обращаешься к разуму. Если ты говоришь с человеком на его родном языке — обращаешься к сердцу.

Приписывается Н. Мангеле

Моя родина — это мой родной язык.

*Фернандо Пессоа,
португальский писатель*

Языки

Люди далеко не безразличны к тем языкам, на которых они говорят. И их весьма беспокоит, когда у них отнимают это право. Убедительный пример такого отношения встречается в пьесе гениального Уильяма Шекспира «Ричард II». Томас Моубрей, изгнанный королем Ричардом в Венецию,

¹ Научный руководитель Лаборатории исследования социальных отношений и многообразия общества Российской экономической школы, профессор экономики Южного методистского университета (Даллас, США), доктор философии. Автор более 100 научных публикаций по экономике и политологии, экономической теории, экономике общественного сектора, политической экономике, в т. ч.: «Чтого ждать России от следующего президента США», «Котел или мозаика: как решить в России национальный вопрос», «The Oxford Handbook of the Russian Economy» (соредактор) и др. Соавтор монографии «Economics of Linguistic Diversity». Руководил кафедрой экономики и Центром экономических исследований им. Джонсона в Южном методистском университете (1994 – 2004), являлся академическим директором-организатором Международной экономической школы (Тбилиси, Грузия, 2007 – 2008).

² Профессор экономики Европейского центра перспективных экономических исследований при Брюссельском свободном университете, заведующий кафедрой французского языка Льежского университета (Бельгия). Автор 185 научных публикаций, в т. ч.: «Сколько языков нам нужно: экономика лингвистического разнообразия» (в соавт.), «Структура прикладных моделей общего равновесия» (в соавт.), «Справочник по экономике искусства и культуры» (в соавт.), «Экономика и языки» (в соавт.), «Мнение и награда эксперта: свидетельства музыкальной конкуренции» (в соавт.), «Отсутствие покупателей на торгах и аномалия понижения цен», «Принцип минимальной дифференциации продукции в условиях значительной гетерогенности» (в соавт.) и др.

³ Доклад представлен на XIII Международные Лихачевские научные чтения (2013 г.).

сожалеет не о потере земель, богатства или положения в обществе. Больше всего его огорчает невозможность говорить на родном языке, находясь в изгнании.

Суровый приговор, мой государь <...>
 Я заслужил из рук державных ваших.
 Ту речь, которой сорок лет учился, —
 Родную речь, — оставить должен я.
 Мне с этих пор от языка нет пользы <...>
 Я слишком стар, чтоб мне ласкаться к няньке;
 Я слишком зрел, чтоб стать учеником.
 Что приговор твой как не смерть немая?
 Речь отнята у языка родная.

(пер. А. И. Курошевой)

Горе сорокалетнего Моубрея настолько велико, что вскоре после приезда в Венецию он умирает.

Кенийский писатель Нгуги ва Тхионго, почетный профессор английского языка и сравнительного литературоведения Университета штата Калифорния, объясняет в своей книге «Освобождение от колониального мышления» (1986), почему язык — это неотъемлемая составляющая культуры и самоидентификации: «Самое страшное оружие, которым ежедневно и беспредельно пользуется империализм в борьбе с самосознанием народа, — это уничтожение культуры. В результате люди утрачивают веру в свои имена, в свой язык, в свою культурную среду, в то наследие, за которое они боролись, в свою общность, в свои возможности и в конце концов в самих себя... Они начинают идентифицировать себя с тем, что им абсолютно чуждо, например с чужим языком, забывая свой родной. Африканские страны, которые были колониями и остаются неокониями, теперь различаются (и сами себя определяют) в соответствии с определенным европейским языком: англоговорящие, франкоговорящие, португалоговорящие африканские страны».

Вскоре после этого заявления Нгуги ва Тхионго перестал писать по-английски. Пьесы, романы и короткие рассказы он теперь пишет на кикуюю и суахили — тех языках, на которых говорят в его родной Кении.

Но подобные печальные размышления и сетования типичны для жителей всех континентов, будь то Северная или Латинская Америка, Австралия, Азия. Даже Европа переходит на единый язык, так называемый ломаный английский.

История Томаса Моубрея и трагедия уничтожения языкового разнообразия в Африке — звенья одной цепи. Дэвид Лейтин, американский ученый-политолог из Стэнфордского университета, назвал африканский континент «основной жертвой гнева Божия, ниспосланного на тех, кто строил Вавилонскую башню» (1994). Другим примером является затяжная война в Шри-Ланке, основной причиной которой стала языковая политика сингалезского большинства. В послеколониальный период они значительно ограничили права тамильского меньшинства на использование родного языка. Языковая политика зачастую была направлена на изоляцию отдельных групп людей, чьи культурные, общественные и исторические ценности и верования тем самым оказывались под угрозой. Такая ситуация, когда права

на использование языка ущемлены или игнорируются, получила название «языковое отчуждение».

Почему человек так трепетно относится к родному языку? Что заставляет современных лингвистов, таких, например, как француз Клод Ажеж, заявлять, что «языки — это знамена побежденных» или «борьба за французский язык — это борьба за разум»? Почему политолог Генри Бреттон говорит: «Очевидно, что страх лишиться коммуникативных привычек поднимает политические страсти на новый уровень»?

Мысль о том, что язык — нечто большее, чем просто средство общения, была впервые высказана в начале XIX века Вильгельмом фон Гумбольдом (1836). Позднее она была поддержана и развита антропологом Францем Боасом (1940), лингвистами Эдвардом Сепиром (1949) и Бенджамином Уорфом (1956). Мысль эта оформилась в так называемой гипотезе Сепира — Уорфа: язык и культура тесно взаимосвязаны, и структура языка, используемого в качестве родного, влияет на особенности мышления и поведение человека. Из этой же гипотезы следует предположение, высказанное в 1998 году К. Крамш. Несмотря на возможность перевода с одного языка на другой, «всегда непереуведенным будет оставаться некий не поддающийся измерению, но непереуведенный дух культуры, связанный с лингвистическими особенностями того или иного языка».

Языковое разнообразие и экономика

Большинство стран мира многоязычны (исключение составляют Северная Корея и Исландия). Действительно, альманах «Этнолог» за 2009 год фиксирует 6909 живых языков, на которых сегодня говорят в мире. Учитывая тот факт, что количество общностей, включающих нации, государственности и другие образования, составляет 271, вопрос языкового разнообразия актуален практически всюду. Необходимо также отметить, что, хотя большинство языков из почти 7 тыс. используется в отдаленных, изолированных от мира языковых коллективах, языковая неоднородность присуща не только странам третьего мира. Примером может служить Западная Европа, где вопреки сложившейся традиции мононациональных государств большинство стран являются многоязычными. В Европе существует множество отдельных региональных языков, таких как валлийский в Великобритании, каталанский, баскский, галисийский в Испании, провансальский, бретонский и окситанский во Франции, фризский в Нидерландах. Особенно многоязычна Африка: например в Папуа Новой Гвинее 857 живых языков.

Чрезвычайно важной и насущной задачей являются сохранение лингвистического разнообразия и уважение к культурному наследию всех членов общества. Однако, разрабатывая политику и принимая конкретные решения по сохранению разнообразия, необходимо учитывать два немаловажных фактора.

Разнообразие всегда обходится недешево. Поддержание высокого уровня разнородности общества требует существенных денежных затрат, это дорогостоящее мероприятие, так как необходимо создать образовательную среду, наладить взаимодействие и координацию между отдельными группами. Эти расходы, так же как и трудности, возникающие в процессе взаимо-

действия, негативно влияют на общество, становятся тяжким бременем, затрудняющим работу различных организаций. Стоимость поддержания разнообразия в обществе не поддается точной оценке, тем не менее это существенные суммы и их нельзя игнорировать. Как пишет экономист из Гарвардского университета Мартин Витцман (1992): «Зачастую мы сталкиваемся со скрытым запретом на сохранение разнообразия. Разнообразие ценно для общества, но деньги оказываются важнее. К понятию "разнообразие" применимы законы экономики. Невозможно сохранить все, ибо это слишком дорого. Ресурсы наши ограничены, сохранение разнообразия зачастую возможно лишь за счет сокращения расходов на другие сферы жизни, что ухудшает благосостояние людей и приводит к утрате разнообразия где-то в другом месте системы».

Как бы не переборщить? Многие из нас не могут есть пищу без соли. Однако, увеличивая количество соли, мы рискуем сделать прежде безвкусную еду вовсе несъедобной. Количество соли должно быть оптимально, не много и не мало. А сколько ложек сахара мы кладем в чай или кофе по утрам? Кто-то вообще не кладет сахара, а русские любят положить в чай три-четыре ложки сахара и пить его, не вынимая ложку из чашки, а постоянно помешивая получившийся напиток. Опять же, оптимальное количество — между полным отсутствием сахара в чае и четырьмя ложками, и его надо найти. Некоторые любители искусства не любят черно-белые картины, считая их скучными, однако, добавив в картину слишком много красок, мы не обязательно сделаем ее более привлекательной. Именно оптимальное количество соли разнообразит еду, делая ее более вкусной, оптимальное количество сахара делает приятным кофе, оптимальное количество цвета делает картину приятной глазу. Исследования неоднородных обществ показывают, что существует предел разнородности, гарантирующий устойчивое и стабильное состояние. Если перейти эту грань, то общество перестанет развиваться, потому что невозможно будет выработать такую политику, которая устраивала бы большинство населения. В таком случае под угрозу ставятся сами основы существования общества. Соблазн осчастливить всех или сделать всех послушными очень велик, однако же развал таких империй, как Римская, Оттоманская, Монгольская или империя Александра Македонского, — наглядный пример неспособности правителей удержать разнородные и зачастую удаленные части государства под одним началом. Можно также вспомнить СССР или Китай (ситуация с Тибетом). Расширение Европейского Союза за счет вступления в него Украины и Турции вызывает много сомнений, ясно одно — Евросоюз станет более разнородным, и искать компромиссные решения его членам станет еще труднее.

Недавние исследования в области экономики свидетельствуют о повышении интереса экономистов к влиянию языкового разнообразия на экономические проблемы, будь то гражданские войны или распределение доходов, инвестирование в производство товаров или экономический рост. Мауро (1995) указывает, что «этнолингвистическая раздробленность отрицательно сказывается на эффективности работы государственных учреждений, политической стабильности и коррупции». Алесина, Бакир и Истерли (1999) пишут, что в США обособленные общины убыточны экономически и мало тратят на образование. Аннетт (2001) заявляет, что этнолингвистическое

дробление приводит к необходимости расширения государственного аппарата, что замедляет экономический рост. Десмет, Ортуно-Ортин и Вебер (2009) наглядно показывают, что излишняя раздробленность снижает уровень вторичного распределения благ и «солидарности» внутри страны. Истерли и Левин (1997) подробно описывают ситуацию в африканских странах, расположенных к югу от Сахары, сложившуюся в период с 1960 по 1990 год. Они называют те разрушительные последствия, которые принесли с собой экономический рост, образование, политическая стабильность и согласие по основным вопросам жизнеустройства, «трагедией Африки».

Стандартизация

Проблемы, связанные с лингвистическим разнообразием, привели многие общества к разобщению и соответственно к необходимости введения некоего стандарта. Понятие стандартизации взято из знаменитой теории рационализации Макса Вебера, изложенной в виде эссе в 1914 году и переведенной на английский язык в 1968-м. Стандартизация на государственном уровне предполагает единую валюту, единую судебную систему и единый язык, на котором осуществляется управление.

Способы введения единых стандартов отличаются в разных странах и в разные исторические эпохи. Самой страшной и кровавой оказалась политика так называемых «этнических чисток», которая, к сожалению, нередко использовалась. Менее радикальный и гораздо более щадящий способ стандартизации — введение единого языка повсеместно или введение языка межнационального общения наряду с родным языком. В дополнение к этой мере власти могут отменить образование на тех языках, которые они не одобряют. Например, в 1539 году, когда король Франции Франциск I объявил о введении единого французского языка на всей территории страны, этот язык был родным только для 3 млн человек. Население Франции составляло тогда 28 млн, и почти все провинции были двуязычными. В 1972 году президент Франции Жорж Помпиду заявил, что «Франция избавилась от региональных языков, так как ей предстоит сыграть главную роль в Европе». В 1975 году был принят закон, предписывающий использовать французский язык при ведении торговли, в средствах массовой информации, в общественных местах. Согласно закону Тубона от 1994 года французский язык стал обязательным при общении с покупателями, устройстве на работу, проведении во Франции различных конгрессов, а также в системе образования. Однако необходимо отметить, что во Франции до сих пор существует семь языков, число носителей которых превышает полмиллиона человек. Это эльзасский, баскский, бретонский, итальянский, португальский, алжирский диалект арабского и берберский.

Другим примером может служить русификация территорий Российской империи. Подавив восстания поляков и литовцев в 1860-х годах и всерьез обеспокоившись возрастающим влиянием католической церкви и угрозой колонизации, правительство России объявило русский язык единым государственным языком. Польский и литовский языки потеряли свою значимость, они были запрещены сначала в государственных учреждениях, затем в школах и общественных местах. Михаил Муравьев, генерал-губернатор

Литвы, заявлял, что «то, что не удалось русскому оружию, сделает русская школа». Всем предписывалось изучать русский язык, без знания которого преуспеть в жизни стало невозможно.

Стандартизация языка в Китае, предпринятая после революции 1911 года, была проведена по такой же схеме. Национальным языком был объявлен разговорный вариант китайского языка, основанный на мандаринском наречии. Через несколько лет стандартным произношением был признан вариант, принятый в Пекине. Затем последовала реформа 1958 года, предпринятая китайским правительством с целью упростить письменный вариант китайского языка и ввести «общеупотребительный язык» — путунхуа. Однако подобная реформа, проведенная в Сингапуре с целью заставить местное языковое сообщество принять мандаринский диалект в качестве основного языка, не возымела должного эффекта. Согласно данным переписи населения 2002 года лишь 45 % китайских семей в Сингапуре используют мандаринский диалект китайского языка в бытовом общении, остальные же говорят на различных диалектах китайского и на английском. Этот интересный факт отмечен в исследовании Спольски (2004).

Попытка ввести единый государственный язык в Шри-Ланке (бывший Цейлон) привела к катастрофическим последствиям. Это яркий пример того, насколько болезненна тема выбора национального языка и к каким опасным последствиям может привести такой выбор. На Цейлоне в течение 2 тыс. лет мирно сосуществовали две основные этнические и языковые общины: сингальское большинство, в основном исповедующее буддизм, и тамильское меньшинство, большей частью исповедующее индуизм. При общей численности населения 21 млн человек они составляли 74 и 18 % соответственно. Остров получил независимость в 1948 году, после того как закончилось британское правление, продолжавшееся 250 лет. В северных районах, где жили преимущественно тамилы, сложилась превосходная система преподавания английского языка, что позволило тамильскому меньшинству занять намного больше мест как в сфере высшего образования, так и в государственном секторе. Подобные успехи образованных тамиллов, а также желание получить больше благ от государства привели к тому, что многие сингальцы начали поддерживать движение "Sinhala Only" («только сингальский язык»). Это движение возглавляют буддистские монахи, которые утверждают, что не только сингальский язык, но и буддизм подвергается опасности, если подобная ситуация «паритета» между сингальским и тамильским языком сохранится. Высокоразвитая культура и богатая литературная традиция тамиллов также вызывает у сингальцев страх оказаться на вторых ролях. В 1956 году был принят закон о статусе сингальского языка как единственного государственного, который лидеры тамиллов расценили как своего рода апартеид. Массовые акции протеста переросли в полномасштабную войну, унесшую за 26 лет десятки тысяч человеческих жизней.

Стандартизация языка не всегда заключается во введении единого языка, иногда она лишь ограничивает число языков, используемых в государственном секторе, судебной или образовательной системе. Примером такой языковой политики может служить так называемая формула трех языков, принятая в Индии примерно 50 лет назад. Ее целью было сбалансировать

вопросы управления, экономического благосостояния, национального самосознания в стране, где проживает огромное число языковых общин. Инициаторами введения «формулы трех языков» на национальном уровне стали южные штаты Индии. В этих штатах проживают в основном тамилы, которые не говорят на хинди. Использование хинди в качестве основного языка государственных учреждений ущемляет их права, так как им приходится изучать и английский язык, и язык хинди, в то время как те, для кого хинди является родным, изучают только английский. «Формула трех языков» используется во всех штатах Индии с небольшими вариациями. Согласно этой формуле дети в штатах, где основным языком является хинди, изучают три языка: хинди, английский и еще один из южных диалектов, а дети в штатах, где хинди не является родным, изучают хинди, английский и свой родной язык. «Формула трех языков» представляет собой пример продуманного и взвешенного подхода к вопросам национальной идентичности, сохранения родных языков (посредством высокого уровня преподавания местных языков), национальной гордости и единства нации (посредством повсеместного преподавания хинди), эффективности государственных учреждений и технологического прогресса (посредством усвоения английского языка). Однако результаты введения этой формулы не вполне оправдались. Недостаточное финансирование, нехватка учителей, слабая поддержка со стороны местных властей, нежелание учащихся и их семей изучать языки, на которых говорят в других регионах, не позволили достичь ожидаемых успехов. В регионах, говорящих на хинди, изучению английского языка не уделялось достаточно внимания, не говоря уже про третий язык. В тех штатах, где проживают тамилы, изучаются английский и тамильский, а хинди практически игнорируется.

«Формула трех языков» была принята и в Нигерии, наиболее густонаселенной стране Африки. На территории Нигерии проживает 141 млн человек, они говорят на 527 языках и составляют 250 этнических групп. Как и во многих других африканских странах, английский язык признан в Нигерии государственным, это язык учреждений и школ. «Формула трех языков» включает язык хауса (север страны — 18,5 млн носителей), язык игбо (юго-восток страны — 18 млн носителей) и язык йоруба (юго-запад — 19 млн носителей). Эта формула разрабатывалась как средство объединения этой очень разрозненной страны, однако, как и в Индии, ее применение было осложнено отсутствием квалифицированных учителей и сопротивлением языковых коллективов, не желавших изучать язык другой этнической группы.

Языковая стандартизация неизбежно ограничивает использование тех языков, которые не включены в перечень официальных языков, но это не самое страшное. Ограничивается доступ к информации, а те группы людей, чьи культурные, общественные и исторические ценности и убеждения не представлены на официальных языках, оказываются в изоляции. Создается ситуация языкового отчуждения (см. Гинзбург и Вебер, 2011).

Выводы

Стандартизация вызывает языковое отчуждение. Как сбалансировать последствия стандартизации и отчуждения? Сохранить единство разнородно-

го общества — непростая задача. Англо-американский поэт У. Х. Оден заметил: «Цивилизации нужно оценивать по тому, какой уровень разнообразия достигнут и какой уровень единообразия остался». На стене храма Хигаши Хонганьи в Киото, древней столице Японии, можно увидеть две фразы: «Жить вместе в разнообразии. Учиться принимать различия». Это очень сложная задача, а вместе с тем это обязательное условие достижения успеха для любого общества. Глобализация будет продолжаться, основным языком глобализации останется английский язык, однако сохранение и поддержание «малых» языков и культур остается в центре внимания во многих странах мира. Любые вопросы и решения, связанные с языком, всегда вызывают эмоциональный отклик. Идентификация по языковому принципу — важный аспект, обуславливающий участие различных групп в экономической деятельности. Общество, нацеленное на устойчивое развитие и продвижение вперед, не может «оставлять за бортом» часть населения, ведь это не только несправедливо, но и неоправданно в экономическом плане. Холодный экономический расчет требует мобилизации всех ресурсов для того, чтобы достичь успеха в мире, где так высока конкуренция.

Литература

1. *Alesina A.* Political jurisdictions in heterogeneous communities / A. Alesina, R. Baqir, C. Hoxby // *Journal of Political Economy*. — 2004. — № 112. — P. 349–396.
2. *Annett A.* Social fractionalization, political instability, and the size of the government / A. Annett // *IMF Staff Papers*. — 2001. — № 46 (3). — P. 561–592.
3. *Boas F.* *Race, Language and Culture* / F. Boas. — Chicago, IL : University of Chicago Press, 1940.
4. *Bretton H.* *Political Science, Language, and Politics* // *Language and Politics* / W. M. O'Barr, J. F. O'Barr (eds.). — The Hague : Mouton, 1976.
5. *Desmet K.* Linguistic diversity and redistribution / K. Desmet, I. Ortucó-Ort'in, S. Weber // *Journal of the European Economic Association*. — 2009. — № 7. — P. 1291–1318.
6. *Ethnologue. Languages of the World* / ed. by M. P. Lewis. — Dallas, TX : SIL International, 2009.
7. *Easterly W.* Africa's growth tragedy: policies and ethnic divisions, *Quarterly* / W. Easterly, R. Levine // *Journal of Economics*. — 1997. — № 112. — P. 1203–1250.
8. *Ginsburgh V.* How Many Languages Do We Need? The Economics of Linguistic Diversity / V. Ginsburgh, S. Weber. — Princeton, N. J. : Princeton University Press, 2011.
9. *Hagege C.* *Le souffle de la langue* / C. Hagege. — P. : Odile Jacob, 2000.
10. *Humboldt W. von.* *The Diversity of Human Language-Structure and its Influence on the Mental Development of Mankind* / W. von Humboldt. — Cambridge, UK : Cambridge University Press, 1988 [1836].
11. *Kramsch C.* *Language and Culture* / C. Kramsch. — Oxford : Oxford University Press, 1998.
12. *Laitin D.* The Tower of Babel as a coordination game: political linguistics in Ghana / D. Laitin // *American Political Science Review*. — 1994. — № 88. — P. 622–634.
13. *Thiong'o Ngugi wa.* *Decolonizing the Mind. The Politics of Language in African Literature* / Ngugi wa Thiong'o. — Oxford : James Currey, 1986.
14. *Sapir E.* *Selected Writings of Edward Sapir in Language, Culture, and Personality* / E. Sapir. — Berkeley, CA : University of California Press, 1949.
15. *Spolsky B.* *Language Policy* / B. Spolsky. — Cambridge : Cambridge University Press, 2004.
16. *Weber M.* *Economy and Society* / M. Weber. — Berkeley, CA : University of California Press, 1968.
17. *Weitzman M.* On diversity / M. Weitzman // *Quarterly Journal of Economics*. — 1992. — № 7. — P. 363–405.
18. *Whorf B.* *Language, Thought and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf* / B. Whorf. — Cambridge, MA : MIT Press, 1956.

Г. А. Гаджиев¹

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР²

1. Многовековой опыт человечества свидетельствует о том, что диалог культур базируется на объективной основе — человеческих ценностях. Культуры разных народов объединяет нечто общее. И общего в культурах гораздо больше, чем различий. Используя математические понятия, можно сказать, что это общий корень в виде выстраданной человечеством мудрости — передаваемых из поколения в поколение представлений о том, каких правил надо придерживаться в жизни.

Эти правила постепенно приобретают характер обязательности, высшим проявлением которой является нормативность. Эта мысль выражена Дмитрием Быковым в виде афоризма: «Культура — знак смирения». Смирение перед сложнейшими требованиями выработанных веками ритуалов, ненужных на первый взгляд условностей... Получается, что культурный человек — это человек, соблюдающий множество табу: не внешних, в виде юридических норм, а внутренних.

2. В мире, в котором мы существуем, имеются особые сегменты, представленные в виде правовой действительности. О ней известно только тем, кто изучает право. На юридических факультетах студентам как бы надевают специальные очки, и они начинают распознавать таких субъектов, как юридические лица (которых не видят обычные люди). В правовой действительности не только функционируют особые персонажи, но и лексика приобретает особый юридический смысл. Слово «сделка» по-разному понимается обывателем и юристом. Огромный дом, который кажется дорогим обывателю, представляется ничтожным юристу, узнавшему, что он самовольно построен и не зарегистрирован в реестре недвижимости.

В правовой действительности существуют определенные ценности, прежде всего конституционные.

3. Тема Лихачевских чтений — «Диалог культур и партнерство цивилизаций» — не исключает возможности участия в обсуждении представителей юридической науки, поскольку правовая культура существует как часть общей культуры. Можно говорить о европейской правовой культуре, национальных правовых культурах как частях целого. Какие проблемы обсуждаются учеными-юристами применительно к тематике Чтений?

¹ Судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ. Автор свыше 200 научных работ, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Защита основных экономических прав и свобод предпринимателей за рубежом и в Российской Федерации: опыт сравнительного анализа», «Предприниматель — налогоплательщик — государство: правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации», «Конституционные принципы рыночной экономики», «Конституционная экономика» и др. Председатель редакционного совета журнала «Сравнительное конституционное обозрение», член редакционных коллегий пяти научных журналов. Член Совета при Президенте РФ по совершенствованию гражданского законодательства. Награжден Почетной грамотой Президента РФ. Почетный доктор СПбГУП.

² Доклад представлен на IX Международные Лихачевские научные чтения (2009 г.).

Прежде всего тематика диалога правовых культур дискутируется представителями науки — конституционного и международного права. Также следует отметить, что в рамках теории конституционного права формируется новое научное направление — правовая аксиология. Что является ее предметом?

В любой национальной конституции, находящейся на вершине иерархически устроенной системы нормативных актов, имеется определенный набор конституционных ценностей. Например, в ст. 2 Конституции РФ провозглашается, что человек, его права и свободы являются высшей конституционной ценностью. Не публичные интересы, интересы государства, а именно человек, его права и свободы.

В качестве конституционных ценностей наряду с конституционными правами человека обычно рассматриваются конституционные принципы, которые в российской Конституции сгруппированы в главе первой. Это такие общие юридические понятия, как верховенство прав, достоинство личности, демократия, экономическая свобода.

К сожалению, четкого разграничения понятий «конституционные ценности» и «конституционные принципы» пока не существует.

Конституционные ценности в известной степени универсальны, то есть часто воплощают общепринятые в современном мире ценности и идеи. Таким образом, их включение в конституционный текст позволяет сделать общечеловеческие или европейские правовые ценности внутренней частью национальной Конституции.

Возникает удивительный феномен: несмотря на то что государства суверенны, в их Конституциях имеется, пользуясь математическими терминами, общий корень.

Конституционные принципы играют важную роль в процессе осуществления конституционной политики, которой занимаются политические органы и Конституционный Суд РФ. Например, чтобы принять закон об антимонопольной деятельности, законодатель должен составить *представление* о том, что означают конституционные понятия «монополизация» и «недобросовестная конкуренция». Новые представления появляются в процессе *толкования* текста Конституции. Участие в выработке конституционной политики принимает и Конституционный Суд, когда проверяет конституционность принятых законов.

4. Что необходимо делать, если возникает конфликт при реализации двух равноценных конституционных прав, например права свободно выражать свое мнение и права на свободные выборы? Первое право, если его понимать как абсолютное, не допускающее ограничений, требует свободного выражения различных политических идей в любой форме. Представим, что во время избирательной кампании все политические конкуренты могут свободно излагать ложные сведения друг о друге. В такой ситуации кому избиратель должен отдать предпочтение, может ли он свободно (без воздействия распространителей ложной информации) реализовать свою волю?

И как быть суду, который вынужден рассматривать споры, возникающие конфликты между равновеликими правовыми ценностями? Может ли суд рассматривать в качестве источника разрешения спора неюридические ценности, например моральные или религиозные, или право и правовая

действительность должны обладать собственным автономным комплексом ценностей? Как быть, если подлежит оценить конституционность закона, разрешающего эвтаназию, в то время как религиозная традиция противится этому?

Но ведь право, противоречащее общественной морали, будет неисполнимым и неэффективным. Итак, чему отдать предпочтение — глобализованным космополитичным конституционным ценностям или традиционным социальным?

Многочисленные вопросы свидетельствуют о том, что пока не сложились теоретические и судебные доктрины, которые предложили бы методологию толкования конституционных норм о коллидирующих между собой конституционных правах с опорой на внеправовые (социальные) ценности. Правовой либерализм основывается на дозволении при разрешении особо сложных юридических споров полагаться на моральные принципы (Р. Дворкин). Но возникает вопрос: чьи это моральные принципы — общества или самих судей? Как констатирует Андраш Шайо, судья Европейского суда по правам человека, прозрачной правовой методологии пока не создано.

5. Ясно одно, что в диалоге европейской и национальной правовых культур особую роль — роль переводчика — будут играть конституционные принципы.

Существуют принципиальные различия между статьями Конституции Российской Федерации, содержащими конституционные принципы и более конкретные юридические нормы (например, о сроке полномочий Президента России).

Первые характеризуются наивысшей степенью нормативной обобщенности, неконкретным юридическим содержанием и в силу этого высоким потенциалом разностороннего развития посредством формирования развивающихся представлений о них. К таким принципам можно отнести признание государством достоинства человека, экономическую свободу, правовое государство, социальное государство и т. д.

Вторые более конкретны и понятны. К ним относятся, например, конституционные нормы, регулирующие состав, порядок образования, полномочия органов государства. Конституционные принципы, являясь разновидностью правовых принципов, представляют собой базовые мировоззренческие юридические предписания, пребывающие в «свернутом виде». Не будучи до конца распознанными, они реальны, но вместе с тем представляют собой некое таинство и потому, подобно притчам в священных текстах, обладают мистическим содержанием.

Социальная ценность конституционных норм-принципов заключается, конечно, не в их таинственности, а в системных связях с другими юридическими нормами. Прежде всего они определяют конкретное содержание других конституционных норм. Не случайно согласно Конституции никакие другие ее положения не могут противоречить конституционным принципам, составляющим основы конституционного строя (ст. 16 ч. 2).

Кроме того, конституционные принципы преобразуются в отраслевые принципы права, выступая в качестве «общих начал» отраслевого законодательства (например, ст. 6 п. 2 Гражданского кодекса РФ). Правовые принципы как нечто неизменное, отражающее объективные закономерности

сти развития правового регулирования, предопределяют содержание норм не только действующего законодательства, но и того законодательства, которое в процессе обновления неизбежно появится в будущем. В этом заключается особая функция конституционных принципов в механизме правового регулирования.

Онтологический аспект конституционных принципов предполагает поиск ответа на вопрос, для чего существует идея конституционных принципов в особом сегменте бытия — в юридической действительности. С этой точки зрения предназначение конституционных принципов — программирование, выбор общих ориентиров, иначе говоря — исполнение функций маяка.

Неизменность конституционных принципов, их метафизичность — это только неизменность текста Конституции. Содержащиеся в Основном законе особые положения о конституционных поправках и пересмотре Конституции (гл. 9) существенно затрудняют изменение текста, но не препятствуют диалектическому изменению представлений о конституционных принципах. Представления создаются в интересах эффективного правового регулирования и правоприменения судьями. Герменевтика, учение о толковании текстов (священных книг, литературных, юридических текстов), всегда предполагает участие человека, а значит, и определенный субъективизм при появлении представлений.

В результате интерпретационной деятельности судей появляются официальные представления о конституционных принципах. Конституционные нормы-принципы в большей степени, чем конкретные конституционные нормы, подвержены трансформации в процессе истолкования, что обеспечивает динамизм в развитии конституционного права.

Представления о конституционных принципах достаточно гибкие, однако их нельзя сравнивать с флюгером, который меняет направление в зависимости от направления ветра. Устойчивость в представлениях о конституционных принципах должна обеспечиваться, в частности, при помощи выявления объективной природы каждого из них. Конституционное право не имеет столь длительной истории, как гражданское, содержащее значительное количество правовых принципов, которые отражают объективные закономерности развития имущественных отношений и с которыми должен считаться законодатель любой страны. Однако и конституционное право с помощью норм-принципов демонстрирует объективные закономерности функционирования общества.

Изменение представлений о конституционных принципах — результат конституционной политики, осуществляемой всеми высшими органами государства.

Рассматривая вопросы о проверке конституционности юридических норм, воплощающих результаты важных экономических, социальных, политических решений, Конституционный Суд должен давать им оценку с учетом прежде всего конституционных принципов, порой уточняя или даже изменяя представления о них. Таким образом, Конституционный Суд оказывается не просто причастным к конституционной политике, но и ее активным деятелем.

Итак, конституционные принципы относятся к разряду важнейших правовых ценностей, характеризующих достигнутый уровень правовой культуры общества.

Анализ правовых актов, разделяемый корпорацией юристов, правовых принципов, уровень правовой культуры общества позволяют судить не только о правовой культуре, но и о культуре общества в целом. Утверждая, что в праве есть свои ценности, нельзя забывать о том, что само право выступает как эффективный способ повышения уровня культуры общества, является социальной ценностью. Оперируя понятием «правовая культура», можно дать общую оценку качества правовой действительности определенного общества. Поскольку конституционное право занимает лидирующее положение в системе законодательства, его влияние на повышение культуры общества особенно заметно. Конституционное право любой страны — это в некотором смысле юридический язык эсперанто, с помощью которого в правовой сфере ведется диалог разных наций.

Именно с помощью конституционного права в правовом пространстве России происходит ретранслирование интернациональных правовых идей, содержащихся обычно в международных договорах и соглашениях. Конституция РФ устанавливает, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы (ст. 15 Конституции РФ).

О ЮРИДИЧЕСКОМ И ФИЛОСОФСКОМ СМЫСЛЕ УТВЕРЖДЕНИЯ «ЗАПАД ЕСТЬ ЗАПАД, ВОСТОК ЕСТЬ ВОСТОК»¹

1. Известное утверждение Редьярда Киплинга служит хорошим поводом для обсуждения важных в настоящее время вопросов: «Что такое национальные традиции? Является ли национальной правовой традицией России активная позиция государств и социального начала, которое ослабляет индивидуальную автономию человека?». Рассуждая об этом, неизбежно оказываешься в том сегменте науки конституционного права, который я называю конституционной этикой и который является пограничным не только для права, но и для этики и социальной философии, поскольку приходится оценивать соотношение патернализма государства, иногда порождающего иждивенчество и ослабление индивидуальной автономии с ее самостоятельностью и инициативой.

Здесь полезно вспомнить высказывание Оскара Уайльда, сравнившего сознание человека с магнитной стрелкой, которая постоянно находится в поле тяготения мощных магнитов. Одним из них, возможно, являются национальные традиции. Поэтому, оценивая их, не следует забывать о ценности автономии личности, ее независимости от разных полей тяготения, -измов, будь то либерализм или консерватизм. Особенно независимость мышления необходима ученым, для которых когнитивная независимость

¹ Доклад представлен на XV Международные Лихачевские научные чтения (2015 г.).

является условием их профессиональной деятельности. Поэтому защищаемая нашей Конституцией академическая свобода является важнейшим профессиональным конституционным правом, как и право на свободу экономической деятельности для предпринимателей.

2. Полагаю, что утверждение Киплинга является верным, если исходить из того, что в мире сложились две разные точки зрения на то, как должны разрешаться основные социальные конфликты. Одним из главных является конфликт между экономически преуспевающими слоями общества и теми, кто нуждается в помощи общества. Эта помощь может предоставляться за счет того, что у экономически активных граждан изымается часть их доходов, которая путем перераспределительных операций поступает несамодостаточным членам общества в виде пенсий, пособий, льгот, компенсаций. Суть проблемы проста: должно ли государство исполнять некий моральный долг в отношении тех, кто в этом нуждается, и в каком объеме? Моральные категории по-разному трансформируются в экономическую и социальную политику на Западе и Востоке.

Восток славится своим трепетным отношением к старшему поколению. На Дальнем Востоке, в Китае, даже нет пенсионной системы, так как обязанность детей по содержанию родителей исключает институт социального признания. Идея социального государства популярна в Европе, России, Латинской Америке. Запад относится более настороженно ко всему социальному, хотя программы Обамы по развитию медицины в США делают антитезу «Запад – Восток» менее контрастной. На Западе высказывается ряд идей, препятствующих тому, чтобы утверждать, что Киплинг был неправ. В отличие от традиции восточных обществ, западные общества более эгоистичные и персонцентристские. В них на первый план выдвигаются индивидуальная автономия и детерминируемая ею *нейтральность* государства.

В Венгрии был принят закон, по которому (исходя из западной идеи индивидуальной автономии) людям старше 35 лет или имеющим троих и более биологических детей предписывается добровольная стерилизация. Конституционный суд страны признал эту норму неконституционной. Суд посчитал, что если у человека есть право на здоровье, то у государства возникает некий долг по защите тела человека, несмотря на то что он сознательно принял решение о стерилизации. Каковы при этом границы сферы индивидуальной автономии, то есть самоопределения? Какая этика лучше — этика социального или этика себялюбия и персонцентризма? Этот вопрос исследовал еще Кант, именно ему принадлежит оценка эгоистического образа мысли человека как *этики себялюбия*. В XIX веке эти слова были «модернизированы», и стали рассуждать о «разумном эгоизме». Многие американские конституционалисты, к числу которых не относится профессор конституционного права Барак Обама, считают главной конституционной ценностью индивидуальную автономию.

Государства, которые, подобно Венгрии, не допускают добровольную стерилизацию, аборт, право на эвтаназию и так далее, не считаются нейтральными. Запад использует мощный аргумент: «Те, кто думает не так, как мы, — против нас».

Раскол по линии «Запад – Восток», который отчетливо прослеживается в разделении Римской империи на Восточную и Западную, не исчез и вряд ли исчезнет. Люди еще долго будут давать разные ответы на обсуждаемые вопросы — это и есть главный вызов (если вспомнить тематику Лихачевских чтений). Те, кто живет в разных странах, еще долго будут по-разному трактовать конституционный принцип, запрещающий обязательную или государственную идеологию. (Этот принцип, кстати, имеет отношение к идее нейтрального государства, которое должно быть равноудалено как от тех или иных предпринимательских структур, так и от тех или иных -измов.)

3. В прошлом году вышел сборник избранных работ Дмитрия Сергеевича Лихачева «Заметки о русском». На его последних страницах я нашел то, что давно искал, — в эссе «О русском и чужестранном» приводятся следующие строки: «У всякого народа есть свои достоинства и свои недостатки. На свои надо обращать внимание больше, чем на чужие». Простая истина. Попытаюсь воспроизвести ту же мысль, используя понятия права и философии.

Если в рассуждениях остановиться на констатации, которая вынесена в название («Запад есть Запад, Восток есть Восток»), то это непродуктивно и малорационально. Главное — из утверждения Киплинга следует сделать прагматичный вывод. Как нерациональный и конфронтационный я воспринимаю вывод о том, что в мире надо отстаивать приоритет национальных традиций. Разные взгляды на решение основных социальных проблем могут быть у китайцев, американцев, индусов, бразильцев, у каждого народа свои национальные традиции. Нельзя навязывать другим свои национальные правовые традиции. Но это не означает, что, гордясь некоторыми из них (как, например, сформировавшейся в XX в. традицией общественного здравоохранения), мы не можем их пропагандировать. Как нельзя кичиться скромностью, так нельзя извлекать из национальных традиций конфликтный потенциал.

Народы, населяющие Землю, имеют разные традиции, но это не отменяет идею братства. Она закреплена в преамбуле российской Конституции: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, сознавая себя частью мирового сообщества...»

Диалог о национальных традициях полезен, если отказаться от категоричности суждений и не верить в свою непогрешимость. Надо признать, что человечество выработало разные формы человечности и, как следствие, разные точки зрения на устройство социальной жизни.

Человечество путем долгой культурной эволюции завоевало естественное право на самобытность каждого народа. Некий рационализм – прагматизм – индивидуализм западного общества не должен восприниматься враждебно, поскольку это результат их самобытной истории, социальной детерминации западной модели культуры.

Но это не означает, что мы должны старательно ее копировать. Из школьного курса по русской литературе мы помним, насколько вредно «слепое, рабское, тупое подражание».

«Конституционная этика Востока хуже, чем конституционная этика Запада?» — тот, кто задает такой вопрос, уже поступает аморально.

С. Ю. Глазьев¹

ЕВРАЗИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ²

В условиях структурных изменений в мировой экономической системе создание Таможенного союза и переход к повестке углубления интеграции в рамках Единого экономического пространства — своевременный и экономически мотивированный шаг, позволяющий преодолеть тенденции искусственной (в силу сложившихся после распада СССР политических реалий) дезинтеграции и создать условия для совместного экономического развития на новой технологической основе без барьеров и чиновничьих препон. По сути, заработавший без изъятий Таможенный союз с гармонизированной системой регулирования внешнеэкономической деятельности стал мощным объединением государств, претендующих не только на повышение социально-экономических стандартов жизни своих граждан, но и на беспспорное региональное лидерство. Преодоление тенденций экономической разобщенности и уверенный выход на траекторию экономической интеграции сулит ощутимые выгоды как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. Экономике объединившихся в Таможенный союз государств Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) органично дополняют друг друга и фактически объединены множеством единых воспроизводственных контуров. Только в стоимости готовой белорусской продукции около половины приходится на комплектующие и материалы из России. Такими же многочисленными кооперационными нитями соединены экономики России и Казахстана.

Распад СССР повлек за собой разрушение выстроенных десятилетиями кооперационных связей между предприятиями. Являя собой части единой кооперационной цепи, порознь они оказались неспособными локализовать у себя весь производственный цикл — от разработки до серийного выпуска готовых изделий. Резкое свертывание взаимных поставок материалов и комплектующих, прекращение обмена квалифицированными кадрами обескровило многие промышленные предприятия и лишило их возможности сохранить накопленный потенциал, не говоря уже о развитии. По

¹ Советник Президента РФ В. В. Путина по вопросам региональной экономической интеграции, заместитель Генерального секретаря Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), ответственный секретарь Таможенной комиссии Таможенного союза Белоруссии, Казахстана, Киргизии и России, академик РАН, доктор экономических наук, профессор. Автор более 200 научных работ, в т. ч.: «Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике», «Нравственные начала в экономическом поведении и развитии: важнейший ресурс возрождения России», «Конкурентные преимущества национальной культуры хозяйствования: возможности и проблемы реализации», «Я просто выполняю свой долг», «Выбор будущего», «Белая книга. Экономические реформы в России 1991 — 2001 гг.» (в соавт.), «Благосостояние и справедливость: как победить бедность в богатой стране», «Почему мы самые богатые, а живем так бедно?», «Стратегия экономического роста на пороге XXI века и экономическая безопасность России» (в соавт.), «Длинные волны НТП и социально-экономическое развитие», «Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса», «Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на экономическое чудо». Награжден орденом Дружбы. Удостоен Национальной премии «Человек года — 2013».

² Доклад представлен на XII Международные Лихачевские научные чтения (2012 г.).

различным оценкам, из двукратного в среднем по постсоветскому пространству падения производства от четверти до половины приходится на разрыв кооперационных связей вследствие распада единой страны. При этом наиболее болезненным этот фактор был для машиностроения и других высокотехнологических отраслей экономики, в которых в общем научно-производственном цикле изготовления продукции были задействованы тысячи предприятий и организаций. Сегодня, когда Россия и другие государства ЕврАзЭС стремятся перейти на инновационный путь развития, вырваться из зависимого положения доноров сырьевых ресурсов, вернуться в мир развитых стран с высокотехнологическими производствами и диверсифицированной экономикой, восстановление единого экономического пространства и устранение пограничных барьеров на пути развития кооперации и специализации производства стало объективной необходимостью.

Расхожим аргументом критиков формирования Таможенного союза и ЕЭП в рамках ЕврАзЭС является, как некоторым кажется, скорость интеграционных процессов. Часто приходится слышать ссылки на опыт ЕС, который к настоящему времени является единственным успешным примером формирования регионального экономического союза. Этот процесс занял у европейцев почти полвека, при этом от момента создания Таможенного союза до построения ЕЭП прошло более полутора десятилетий. На этом основании делается вывод об излишней поспешности формирования Таможенного союза и ЕЭП в рамках ЕврАзЭС. В действительности между ЕС и ЕврАзЭС есть принципиальные объективные исторические и экономические различия, которые не позволяют использовать опыт Евросоюза в качестве шаблона для интеграции постсоветского экономического пространства. Самое существенное и очевидное из них заключается в том, что, в отличие от ЕС, экономика ЕврАзЭС формировалась как единый народно-хозяйственный комплекс в рамках одного государства. Если европейские государства веками конкурировали и воевали друг с другом, то экономики государств ЕврАзЭС в течение последних двух столетий дополняли и поддерживали друг друга, а в советский период развивались как единое целое.

В отношении ЕврАзЭС правильнее говорить не о формировании, а о восстановлении ЕЭП, хотя и на совершенно новых принципах рыночной экономики. Соответственно и скорость этого процесса может быть намного выше, так как преодолеваемые препятствия носят не столько объективный, сколько субъективный характер. Главными из них являются интересы части национальной бюрократии лишаящихся суверенной самостоятельности ведомств и монополий, стремящихся к ограничению конкуренции. Поэтому достаточно было политической воли глав государств, чтобы процесс интеграции был сдвинут с мертвой точки и запущен с резким ускорением.

Создание Таможенного союза Белоруссии, России и Казахстана означает существенное снижение издержек, расширение масштабов производства и повышение конкурентоспособности объединяющихся в единую таможенную территорию национальных экономик.

По расчетам ученых Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН, суммарный интеграционный эффект, измеряемый дополнительным производством валового внутреннего продукта, в 10-летней

перспективе составит примерно 400 млрд долларов. То есть государства — участники Таможенного союза за счет интеграционного фактора получат в этом временном отрезке дополнительно около 15 % прироста ВВП¹. Эти расчеты делались до глобального экономического кризиса. По отношению к нынешнему уровню ВВП его прирост в результате интеграционных процессов будет еще больше.

При этом другие оценки, которые делают наши коллеги, скажем, в экономических институтах в Киеве, Минске, дают примерно сходные результаты. Речь идет о возможностях повышения в среднесрочной перспективе темпов экономического роста в 1,5 — 2 раза за счет восстановления кооперационных связей и общего экономического пространства.

Кроме всего прочего, результаты вариантных расчетов макроэкономической межотраслевой модели показали, что страновая ориентация внешне-торговой политики России оказывает существенное влияние на динамику российской экономики. Усиление направленности экономической политики России на всемерное развитие экономической интеграции со странами СНГ является важным дополнительным фактором экономического роста и создает значительные дополнительные возможности для преодоления сложившейся топливно-сырьевой направленности российской экономики. Ускорение развития обрабатывающих отраслей промышленности России, продукция которых, как правило, неконкурентоспособна на западных рынках, возможно лишь при условиях форсированного создания общего внутреннего рынка на постсоветском пространстве.

Прогнозировавшаяся еще до глобального финансового кризиса высокая эффективность создания ТС и ЕЭП была подтверждена на практике первыми тремя годами функционирования Единой таможенной территории.

Суммарный объем *внешней* торговли государств — членов Таможенного союза с третьими странами в первом полугодии 2011 года составил 430,8 млрд долларов США, в том числе экспорт товаров — 280,8 млрд долларов, импорт — 150 млрд долларов. Объемы внешней торговли государств — членов Таможенного союза в 2011 году значительно превысили аналогичные показатели 2009 года и, что особенно важно, докризисного 2008-го.

По сравнению с аналогичным периодом 2010 года товарооборот увеличился на 34,9 %, экспорт — на 30,9 %, импорт — на 43,1 %.

При этом прирост стоимостного объема внешней торговли в большей степени обусловлен наращиванием стоимостного объема экспорта товаров. Величина положительного сальдо внешней торговли по Таможенному союзу в целом превысила показатель первого полугодия 2010 года на 20,8 млрд долларов, по сравнению со вторым полугодием 2010 года она увеличилась на 50,8 млрд долларов и составила за шесть месяцев 2011 года 130,8 млрд долларов.

Объем *взаимной* торговли в рамках Таможенного союза, исчисленный как арифметическая сумма объемов взаимной торговли государств — членов Таможенного союза (соответствует подходам Статкомитета СНГ), в первом полугодии 2011 года составил 58,1 млрд долларов США и увеличился

¹ Глазьев С., Клоцвог Ф. Перспективы экономического развития СНГ при интеграционном и инерционном сценариях взаимодействия стран-участниц // Российский экономический журнал. 2008. № 7/8. С. 24 — 34.

по сравнению с первым полугодием 2010 года на 40,7 %, по сравнению со вторым полугодием 2010 года — на 15,7 %. Объем взаимной торговли между государствами — членами Таможенного союза, исчисленный как сумма объемов экспорта каждой из стран (соответствует подходам Евростата и исключает двойной счет одних и тех же потоков товаров), за шесть месяцев 2011 года достиг 29,1 млрд долларов, что на 39,9 % выше уровня первого полугодия 2010 года и на 20,7 % превышает показатель за второе полугодие 2010 года. При этом буквально взрывной рост взаимной торговли наблюдается в приграничных территориях.

Таким образом, во многом успешное завершение создания ТС в установленные сроки способствовало смягчению последствий кризисного сокращения международной торговли в период глобального кризиса и существенно улучшило условия посткризисного восстановления экономики.

После нескольких неудачных попыток создания многосторонних интеграционных объединений в 1990-х годах эти три государства образовали ядро интеграционного процесса, сформировав первый в постсоветской истории наднациональный орган — Комиссию Таможенного союза (КТС), которому были делегированы полномочия по принятию согласованных решений в области торговой политики и таможенному регулированию. При этом исполнение этих решений осуществлялось на всей единой таможенной территории автоматически без необходимости принятия национальных законодательных актов.

Сконцентрировав полномочия по регулированию внешней торговли в КТС и сняв таможенный контроль на своих межгосударственных границах, государства — члены ТС быстро двинулись по пути интеграции, унифицируя все виды пограничного контроля движения товаров. Вслед за таможенным на межгосударственных границах был упразднен санитарный, ветеринарный, фитосанитарный и транспортный контроль, введены единые нормы технического регулирования. Сразу же после завершения формирования единой таможенной территории эти государства приступили к созданию Единого экономического пространства, введя с 1 января 2012 года базовый пакет соглашений, устанавливающий нормы регулирования общего рынка не только товаров, но и услуг, труда и капитала. Одновременно было объявлено о формировании Евразийского экономического союза.

Создание ТС тремя ведущими государствами СНГ дало мощный импульс активизации интеграционных процессов на всем постсоветском пространстве. О желании присоединиться к ТС заявило руководство Киргизии. В октябре 2011 года было наконец подписано многостороннее соглашение о создании зоны свободной торговли в СНГ. В дополнение к нему государства — члены ТС установили отношения свободной торговли с Сербией и Черногорией. Перед историческим выбором встала Украина, намерения руководства которой перейти к отношениям свободной торговли с ЕС вошли в конфликт с объективной ориентацией ее экономики на интеграцию с ТС.

Под знаком произошедших положительных изменений в государствах — членах Таможенного союза несколько усилились интеграционные тенденции и в других странах — членах СНГ, где объемы взаимной торговли в общем объеме их внешнеторгового оборота, несмотря на кризисные явления

2008 — 2009 годов, в целом поддерживались на высоком уровне, а их доля лишь в отдельных странах понизилась незначительно.

Согласно уже принятым и внедренным на всей единой таможенной территории решениям были устранены таможенные и технические барьеры во взаимной торговле, а также иные ограничительные меры экономического характера, включая экспортные пошлины, защитные и эквивалентные им меры. Тем самым был сформирован *общий рынок товаров*.

Формирование *общего рынка услуг* предусматривает предоставление национального режима предприятиям — резидентам Сторон в оказании услуг, унификацию требований к ним, взаимное признание лицензий в лицензируемых видах деятельности, устранение организационных монополий и гармонизацию национального законодательства.

На первом этапе эту работу предполагается выполнить для услуг в области оптовой и розничной торговли, транспортных и экспедиторских услуг, финансовых, страховых и банковских услуг, информационных услуг (связь и телекоммуникации). На следующем этапе — для образовательных, инжиниринговых, юридических, строительных, жилищно-коммунальных, медицинских и услуг геологоразведки. По отношению ко всем остальным видам услуг, за исключением услуг в сфере обеспечения национальной безопасности и государственных услуг, эта работа будет закончена позже.

Необходимым условием эффективного функционирования общего рынка товаров и услуг является гармонизация норм, правил и механизмов проведения *антимонопольной* политики, включая вопросы регулирования естественных монополий, обеспечение свободного движения прав *интеллектуальной собственности*.

Формирование *общего рынка труда* предусматривает свободное передвижение рабочей силы в зоне ЕЭП, урегулирование правового статуса граждан одного государства, постоянно проживающих на территории другого государства — участника ЕЭП, обеспечение свободного доступа к получению образования, признание дипломов высшего и среднего образования, единообразного применения правил и требований к трудовым ресурсам и режиму доступа на рынок труда.

Формирование *общего рынка капитала* наряду с обеспечением взаимного доступа на рынок финансовых, банковских и страховых услуг предусматривает гармонизацию норм валютного регулирования, создание условий для перехода на расчеты в национальных валютах, создание единой платежно-расчетной системы и формирование общего валютного рынка. Реализация перечисленных выше направлений формирования ЕЭП позволит создать общий рынок товаров, услуг, труда и капитала. Для завершения формирования ЕЭП потребуются обеспечение гармонизации, вплоть до унификации, *норм регулирования экономики*, а также формирование институтов проведения *единой экономической политики*.

Для достижения поставленных целей предполагается сформировать процедуры стратегического планирования и прогнозирования социально-экономического развития государств, предусматривающие выбор и реализацию общих приоритетов, разработку и реализацию межгосударственных целевых программ. При этом процедуры разработки этих программ и контроля за их выполнением должны быть максимально упрощены. Планируемый

переход к согласованной макроэкономической политике предусматривает установление общих ориентиров по основным макроэкономическим показателям, включая уровень инфляции, ставку рефинансирования, дефицит бюджета.

Осуществление вышеуказанных планов предъявляет повышенные требования к институциональному обеспечению интеграционных процессов. Пришедшая на смену Комиссии Таможенного союза, успешно и в срок реализовавшей все намеченные национальными правительствами планы, Евразийская экономическая комиссия должна получить полномочия по инициированию и принятию решений без обязательного согласования с национальными правительствами. Из этого следует целесообразность передачи на наднациональный уровень и ответственности за исполнение этих функций, что предполагает формирование институтов Евразийского экономического союза (ЕЭС) по регулированию следующих ключевых сфер деятельности:

- таможенно-тарифного и нетарифного регулирования;
- таможенного администрирования;
- технического регулирования, санитарных, ветеринарных и фитосанитарных мер;
- зачисления и распределения ввозных таможенных пошлин;
- установления торговых режимов в отношениях с третьими странами;
- статистики внешней и взаимной торговли;
- конкурентной политики;
- промышленных и сельскохозяйственных субсидий;
- энергетической политики;
- естественных монополий;
- государственных и (или) муниципальных закупок;
- взаимной торговли услугами и инвестиций;
- транспорта и перевозок;
- трудовой миграции;
- финансовых рынков (банковская сфера, страхование, валютный рынок, рынок ценных бумаг).

Несмотря на наличие прочного ядра интеграции, состоящего из трех входящих в объединение государств — Белоруссии, России и Казахстана, ТС и ЕЭП остаются открытыми для присоединения других государств, прежде всего членов ЕвразЭС. Последние (Киргизия и Таджикистан) имеют для этого необходимые правовые основания, зафиксированные в основополагающих договорах ЕвразЭС и ТС. Нынешнее руководство Киргизии официально обратилось в Высший орган ТС с заявлением о присоединении. Объективно в участии в ТС и ЕЭП жизненно заинтересована Украина, экономика которой связана с ними тысячами кооперационных связей и наиболее важными рынками.

Так, согласно результатам имеющихся макроэкономических исследований, участие Украины в Таможенном союзе и ЕЭП даст полуторакратное увеличение макроэкономического эффекта его создания и качественное расширение возможностей развития высокотехнологических отраслей промышленности, создававшихся в рамках единого народно-хозяйственного комплекса РСФСР и УССР. Украине это участие даст около трети прироста

ВВП в 10-летней перспективе, обеспечит выживание и развитие критически зависимых от российского рынка машиностроительного, агропромышленного и химико-металлургического комплексов, составляющих основу украинской экономики.

Экономика Украины остается в кризисном состоянии, чреватом социальным взрывом. Нынешнее состояние платежного баланса и государственного бюджета обрекает украинское население на дальнейшее падение уровня жизни, а правительство — на наращивание государственного долга. При этом внутренние возможности экономического роста крайне ограничены, а имеющийся инвестиционный потенциал явно недостаточен для модернизации и повышения конкурентоспособности экономики. Это вынуждает украинское руководство активно искать внешние источники для поддержания и развития экономики. В отличие от ЕС, Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана может их предоставить немедленно, открыв доступ на свои рынки, а также обеспечив необходимые для балансировки бюджета займы. Присоединение Украины к Таможенному союзу обеспечит ей улучшение условий торговли на 7–8 млрд долларов в год, а также создаст возможности запуска крупномасштабных совместных проектов в авиационной, ракетно-космической, атомной промышленности, химико-металлургическом и агропромышленном комплексах, что даст мощный импульс для экономического роста. Доступ к российским энергетическому и сырьевому рынкам позволит привести ценовые пропорции к нормальному для украинской экономики уровню. И наоборот, сохранение экспортных пошлин и контрактных цен на газ на нынешнем уровне, а также существующих торговых барьеров обрекает основные отрасли украинской экономики на банкротство, значительную часть населения — на безработицу и нищету, а политическое руководство — на неизбежную утрату власти.

Украина, оставшаяся в стороне от интеграционных процессов, оказалась наиболее пострадавшей европейской страной, одним из мировых лидеров по глубине падения объемов ВВП и промышленного производства. До сих пор, в отличие от государств — членов ТС, она так и не вышла на достигнутый в советское время уровень этих показателей. И наоборот, имеющая более уязвимую структуру экономики Белоруссия, активно и полномасштабно участвуя во всех интеграционных процессах, к настоящему времени превзошла этот уровень почти вдвое.

Последние исследования экономической эффективности интеграционных процессов на постсоветском пространстве, сделанные на основе посткризисных статистических данных, подтверждают указанные выводы. Из этого следует объективная целесообразность углубления и расширения ядра единого евразийского экономического пространства, создаваемого на базе Таможенного союза Белоруссии, Казахстана и России.

Р. С. Гринберг¹

НЕВЫУЧЕННЫЕ УРОКИ²

Чтобы верно оценить ход рыночных реформ в России, нельзя не учитывать культурные предпосылки ее социально-экономической динамики. При этом культура рассматривается в широком понимании, не сводимом к функционированию отрасли и системе культурно-досуговых учреждений. Речь идет о культурных традициях, ценностных ориентирах и нравственных установках, принятых в обществе. Очевидно, что именно они оказывают существенное воздействие на поведение человека в процессе хозяйственной деятельности и в конечном счете на функционирование самой экономической системы. Механическое заимствование норм и законов, сложившихся в иной культурной среде и других условиях, может оказаться не только неэффективным, но и опасным с точки зрения социальной стабильности. Без особого риска преувеличения можно утверждать, что огромная социальная цена российской трансформации во многом обусловлена игнорированием культурного компонента в разработке и реализации социально-экономических программ.

Россия все еще находится в суровых условиях системной трансформации. И, судя по всему, окончание перехода состоится не завтра и даже не послезавтра. К тому же это переход к «нормальности», которой не было. Тем не менее шансы на движение страны к гражданскому обществу, плюралистической демократии и социальному рыночному хозяйству — при всех задержках и даже откатах — сохраняются. Главное — уметь извлекать уроки из недавнего прошлого и не делать новых ошибок. К сожалению, говорить о такой опасности приходится. Но прежде попытаюсь охарактеризовать промежуточные итоги «русской трансформации».

Чего хотели и что получилось?

Надо признать целый ряд положительных итогов состоявшихся рыночных преобразований. Их очевидная позитивная сторона в том, что преодолена изолированность страны от внешнего мира и демонтированы механизмы командной экономики и внешнеторговой монополии. В результате исчез униженный дефицит товаров и услуг, значительно расширился их ассортимент. С прекращением идеологической войны с «вещизмом» восстановлено право людей на «уют». Особенно отрадно, что раскрепощена ранее скованная личная инициатива. Происходит становление предпринимательского

¹ Директор Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Экономическая социодинамика» (в соавт.), «Индивидуум & государство: экономическая дилемма» (в соавт.) и др.; статей: «Экономика современной России: состояние, вызовы, перспективы», «Восстановить доверие в треугольнике Запад, Украина, Россия», «Интеллектуальная катастрофа России», «О новой концепции внешней политики Российской Федерации» и др. Президент Новой экономической ассоциации. Лауреат премии им. М. В. Ломоносова за научные работы II степени. Награжден орденом Дружбы, почетной грамотой Президиума РАН, Почетным знаком Института экономики РАН.

² Доклад представлен на IX Международные Лихачевские научные чтения (2009 г.).

класса, призванного сформировать основу благополучия страны. Население стремительно изживает исторически приобретенные иждивенческие комплексы. Вопреки разного рода предсказаниям, россияне быстро усвоили «рыночный» образ мысли и действия. Устранена типичная для советского строя уравнильность в личных доходах, и виден ощутимый прогресс в дисциплине и этике труда: есть смысл зарабатывать деньги, раз появилась возможность беспрепятственно обменивать их на ранее недоступные товары и услуги. Наконец, нельзя не отметить, что после 70 лет принципиально иной экономической системы в стране достаточно быстро были созданы и, худо ли бедно, но начали функционировать формальные институты рыночной экономики — коммерческие банки, товарные и фондовые рынки, валютные биржи, качественно новые налоговые механизмы, правила антимонопольного регулирования и т. д.

И все же результаты рыночных преобразований с отрицательным знаком более зримы и очевидны. Они явно преобладают над успехами. И дело здесь не только в том, что за годы реформ страна утратила половину своего экономического потенциала. Хуже то, что в ней пока никак не удается приостановить процессы примитивизации производства, деинтеллектуализации труда и деградации социальной сферы. Сюда же надо добавить появление массовой бедности, которая за годы радикальных перемен стремительно расширялась за счет размывания сложившегося в СССР, пусть не слишком богатого по западным критериям, но все-таки среднего класса. В 1990-е годы Россия явно отдалась от желаемых социально-экономических стандартов евроатлантических наций и приблизилась к усредненным характеристикам типичной страны третьего мира с огромной поляризацией личных доходов. Разного рода подсчеты и исследования материальных возможностей российских домохозяйств свидетельствуют о том, что реально плодами проведенных преобразований пользуются не больше четверти населения страны, а половина ее жителей ведет еще более суровую борьбу за существование, чем в советские времена.

Конечно, на результативность отечественных реформ продолжают влиять мощные объективные факторы, делающие системную трансформацию в России намного более трудной, чем у наших партнеров по бывшему СЭВ. Если в странах Центральной и Восточной Европы социалистическое бытие длилось 40 лет и в большинстве случаев было навязано извне, то в России социализм господствовал более 70 лет и был, так сказать, целиком отечественным, а не «импортированным продуктом». Далее надо иметь в виду, что, в отличие от стран ЦВЕ, перед российскими реформаторами стояла задача продолжить системную трансформацию при стремительном, правда, ими же и инициированном, распаде ранее единого государства. Полиэтничность населения бывшего СССР в условиях демократизации общественной жизни существенно облегчила реализацию своего рода национально-хозяйственного шовинизма, который часто игнорирует соображения экономической целесообразности. Каковы бы ни были намерения лидеров новых независимых государств (избавимся от «грабительского» центра, и легче будет проводить реформы), действительность показала, что разрыв единого экономического пространства затруднил, а не облегчил переход к рыночной экономике каждой суверенной республики бывшего СССР, и Россия не стала

исключением. Наконец, на старте реформ серьезным испытанием для перестройки экономики России оказалось огромное бремя военного производства.

Тем не менее без особого риска преувеличения можно утверждать, что разочаровывающие итоги системной трансформации в России преимущественно рукотворны и только во вторую очередь предопределены специфическими неблагоприятными стартовыми условиями. Во всяком случае, чрезвычайно высокая социальная цена реформ стала главной причиной того, что в российском общественном сознании сами понятия демократии, рынка и свободы оказались в значительной мере дискредитированы.

Утрата социальной солидарности, социальное разобщение — еще один плачевный итог трансформации российского общества. Среди составляющих той непомерной социальной цены, которую пришлось заплатить за радикальные экономические реформы в России, — пренебрежение нравственно-психологическим миром человека. Интенсивное искоренение морально-этического компонента из социального бытия деформирует повседневную жизнь. Демографические исследования показывают, что более двух третей причин депопуляции России связано с такими возникшими в постсоветский период социально-психологическими феноменами, как социальная депрессия, апатия и агрессия. Резкий поворот массового сознания к обогащению любой ценой оказался для значительной части населения России тяжелой психологической травмой, источником как личных трагедий, так и различного рода общественных патологий.

Хуже всех пришлось представителям прежнего среднего класса, который к началу реформ был весьма многочисленным (профессионалы с высшим образованием, руководители среднего звена, служащие, высококвалифицированные рабочие). Их жизненный уровень по сравнению с другими группами населения упал особенно резко.

Начиная с конца 1950-х годов в СССР стали зарождаться если не элементы, то определенные предпосылки гражданского общества: появился широкий слой преподавательской, технической и научной интеллигенции, управленческого персонала среднего звена, деятелей культуры. Характерными чертами многих представителей этого класса были не только общественный статус, высокий уровень образования и денежных доходов, но и самостоятельность мышления, высокая самооценка, умение противостоять политическому манипулированию, чувство собственного достоинства, то есть все те признаки классового сознания, которые отличают средний класс от среднего потребительского слоя. Представители этого класса были особенно заметны в крупных промышленных центрах. Россия располагала такими ареалами концентрации научно-технической и творческой интеллигенции, как Москва, Ленинград, Новосибирск, Свердловск, Горький, Казань, Томск и другие, наличие которых выдвигало ее на первые позиции в мировой иерархии интеллектуальных стран.

Однако инновационный кадровый потенциал не был задействован реформаторами в строительстве новой России. Более того, именно представители среднего класса в наибольшей мере испытали экономическую и социальную депривацию в ходе проведения реформ. Российские реформаторы постарались как можно быстрее избавиться от этой социальной группы. Большин-

ство ее представителей было выброшено на обочину жизни, многие эмигрировали. Таким образом, один из главных факторов успешного перехода к либеральному рынку и демократическому государству — творческий ресурс населения, вместо того чтобы быть использованным, оказался в значительной степени разрушенным. Резкое ослабление научно-технического и человеческого потенциала — невосполнимая и с экономической, и с социальной точки зрения потеря, которую понесла Россия за эти 15 лет.

Следует указать и на такое важное социальное последствие российских реформ, как растущая пропасть между властью и народом. Отчуждение населения от государственного аппарата, характерное для тоталитарного режима, не только не исчезло, но в итоге трансформации в 1990-е годы даже усилилось. Фактически государство превратилось в замкнутую самодостаточную корпорацию, а значительная часть населения, в первую очередь бюджетники, наемные работники, пенсионеры, дети и инвалиды, — в обузу для членов этой корпорации.

Таков перечень основных составляющих той социальной цены, которую платит страна за радикальные рыночные реформы. Теперь об их политических итогах.

В России, в отличие от других европейских государств, либеральные идеи традиционно не имели широкой социальной базы. Обращение к либеральным ценностям характерно лишь для отдельных периодов российской истории XIX — XX веков. Именно таким периодом оказалось десятилетие, охватывающее вторую половину 1980-х и первую 1990-х годов. Вряд ли можно отрицать, что тогда в российском обществе стремительно возростала популярность идей свободы личности и частной инициативы. К началу 1990-х годов они захватили значительную, если не большую, часть населения, причем самую продуктивную его часть. Словом, возникла широкая социальная и психологическая основа для практической реализации либеральных и демократических идей. А государственной власти был предоставлен хороший шанс для развития демократических процессов, формирования гражданского общества, создания цивилизованной свободной рыночной экономической системы.

Но российские реформаторы не только не воспользовались этой уникальной возможностью; фактически они сделали все, чтобы опорочить ценности свободы в глазах населения. Происходившее в России в 1990-е годы вызывало в общественном мнении нарастающее негативное и даже враждебное отношение и к ценностям свободы, и к самому понятию «демократия». Оно стало синонимом воровства и коррупции, а либеральная идея оказалась настолько скомпрометированной, что уже к концу 1990-х годов масштаб агрессивного неприятия либеральных и демократических ценностей создал реальные предпосылки для возврата к авторитарному режиму. Дискредитация демократии и создание предпосылок авторитаризма — главный общественно-политический итог деятельности российских реформаторов в 1990-е годы. Сейчас общество пожинает посеянные ими плоды. С грустью приходится констатировать, что нынешняя политическая надстройка логически безупречно венчает созданный в годы реформ экономический базис.

«Магическое мышление», или Почему они «такие»?

Есть, по-видимому, веские основания полагать, что появление на российской политической сцене радикальных реформаторов — результат традиционного и, как всегда, не оправданного нетерпения западнического крыла российской интеллектуальной элиты, волею судеб оказавшейся у власти в стране в начале 1990-х годов. Сегодня это важно подчеркнуть, потому что в наши дни, по прошествии периода «бури и натиска», стало хорошим тоном если не демонизировать состав первой бригады «шоко-терапевтов», то по крайней мере отрещиваться от них. На самом деле и интеллигенция, и так называемые простые люди в подавляющем большинстве просто обожали молодых энергичных реформаторов, а если уж быть совсем точным — их патрона, первого президента России, обещавшего в короткие сроки «осчастливить» народ. Ведь это только сегодня трудно обнаружить людей, голосовавших за Ельцина и безоговорочно поддержавших его юных соратников. А в решающем 1991 году все было иначе. И если «глас народа — глас божий», то их не в чем упрекнуть. В ловушку очередной, на этот раз нелиберальной, утопии угодила мыслящая часть народа, к сожалению, сыгравшая решающую роль в формировании и распространении новых социальных иллюзий.

Нелепо также осуждать радикальных реформаторов за то, что они якобы положили начало разбалансированности экономики страны. К 1992 году она в своей подавляющей части уже была разбалансирована в результате губительного для всех противоборства российских властей и союзного центра. Несомненно, правы те из реформаторов, кто утверждает, что ко времени их вхождения во власть управляемость экономикой — советской вообще и российской в частности — уже в значительной мере была утрачена, а товарно-денежное неравновесие достигло огромных размеров. Правда, им придется признать, что тем и другим страна главным образом обязана их покровителям и им самим.

Некорректна, на мой взгляд, и весьма распространенная в обществе огульная критика так называемой шоко-терапии, под которой обычно понимается состоявшаяся 2 января 1992 года одномоментная либерализация цен. Для сторонников рыночной экономики в принципе не должно быть сомнений в том, что большинство цен нужно было отпускать, иначе просто не был бы запущен механизм рыночного саморегулирования. Можно, правда, спорить о соотношении твердых и свободных цен в тогдашних российских условиях. Но это тема для особого разговора. Как бы то ни было, явно несостоятелен упрек реформаторам в том, что они не учли монополистическую природу советской экономики. Многие и сейчас считают, что сначала будто бы нужно было сформировать конкурентную среду и лишь после ее образования отпустить цены. Такое представление насквозь утопично, так как в принципе невозможно создать конкурентные отношения при фиксированных ценах.

Что касается не мнимых, а действительных ошибок «действующих лиц и исполнителей» российских реформ, то здесь, казалось бы, уже так много сказано и написано, что трудно добавить что-то новое. И все же имеет смысл обратить особое внимание на мировоззренческую природу просчетов и упущений в политике реформ, как, впрочем, и в экономической политике в целом. Вопрос этот, к сожалению, так и не утратил своей актуальности.

Начну с ярко выраженной склонности как вчерашних, так и сегодняшних реформаторов к «магическому мышлению», представляющему собой смесь неоправданных надежд и распространенных заблуждений, иллюзий и мифов. Среди иллюзий я отметил бы прежде всего принятие в качестве руководства к действию текущих мировоззренческих императивов Запада, оправдывающих погоню за его экономическими и социальными стандартами, а также абсолютизацию так называемых универсальных экономических закономерностей, не учитывающих требования «места и времени». Сюда же следует отнести убежденность в необходимости максимально высокой скорости перемен как решающего фактора их необратимости, что реформаторы имели обыкновение объяснять опасениями коммунистического рванша. Кроме того, в разряд иллюзий уместно включить наивно-благостное отношение к порядкам в современном мировом хозяйстве, где будто бы царят только отношения дружбы и взаимопомощи. С самого начала радикальных реформ верным считался тезис: быстрая открытость экономики России благотворна, постепенная и дозированная — вредна.

Теперь о мифах. Во-первых, это стойкое представление, что в современном мире благоденствуют нации, которым удалось до минимума свести государственное участие в экономике. Речь идет об антиэтатистском синдроме, пронизывающем «основное русло» современной экономической мысли, но имеющем мало общего с действительностью. Во-вторых, сюда же следует отнести возведение в ранг безусловной закономерности тезиса об органической слабости государства в «транзитных» странах, и особенно в России. Из этого тезиса вытекал вывод, что здесь вмешательство государства в хозяйственную жизнь должно быть еще более ограниченным, чем в зрелых рыночных экономиках. И, наконец, в-третьих, в качестве мифа следует рассматривать приверженность реформаторов теории «обузы», согласно которой Россия быстрее волеется в лоно цветущего Запада без слабых сателлитов в лице постсоветских республик. При этом почему-то господствовало представление, что новые суверенные государства, бывшие республики СССР, не смогут выжить без новой России.

Здесь как будто бы напрашивается возражение, что все это уже в прошлом, что в постдефолтной России экономическая политика утратила свою сугубо идеологическую направленность и приобрела исключительно прагматический характер. Этого и хотелось бы, — но что-то мешает так думать.

Трудно избавиться от ощущения, что экономическая философия, положенная в основу конкретной политики, сегодня никак не изменилась по сравнению с началом 1990-х годов. Установка на разгосударствление экономики по всем линиям продолжается, хотя и создаются мощные холдинги, о которых разговор особый. Попытки «маркетизации» всей российской жизни продолжаются, несмотря на, казалось бы, богатейший печальный опыт «либерализма без берегов», из которого давно пора бы извлечь хоть какие-нибудь полезные уроки.

С упорством, достойным лучшего применения...

В соответствии с представлением, все еще очень живучим и у нас, и на Западе, сформированный в начале 1990-х годов неолиберальный план

трансформации командной экономики в рыночную в России провалился только потому, что разные «непредвиденные» обстоятельства не давали его осуществить, — хотя сам-то план был безукоризненный. Разные обстоятельства — это «плохие» коммунисты, всегда жаждущие реванша, популистский левоориентированный парламент и, наконец, инертное, в патернализме воспитанное население, которое еще не утратило надежду выжить после проведенных реформ.

Примечательно, что даже после событий 1998 года официальная оценка Международным валютным фондом причин провала российских реформ оставалась неизменной. Руководители МВФ нехотя признавали отдельные ошибки в советах, дававшихся российским реформаторам, — например, просчетом считается согласие на жесткий «валютный коридор». В целом же, «если бы русские (здесь я почти буквально цитирую Фишера, Сми и Камдессю) полностью выполняли рекомендации, которые они сами для себя выработали с нашей помощью, реформы были бы успешны». А рекомендации эти, как известно, были предельно просты: максимальная приватизация, минимальный уровень инфляции, максимальная открытость внешнему миру и минимум государственного интервенционизма.

Сейчас все указывает на то, что на страну накатывается новая волна лудоедского, по сути, либерализма. Особенно заметна нацеленность экономических ведомств на дальнейшее сокращение бюджетных расходов в социальном секторе, которые и так снизились до недопустимого для нашей страны уровня. В 1990-е годы еще были какие-то иллюзии спонтанного роста внебюджетной поддержки отраслей социальной сферы, наивные надежды, что часть бюджетной ноши перехватят новоиспеченные частные хозяйствующие субъекты. Теперь же совершенно отчетливо просматривается стратегическая установка на сокращение числа организаций, деятельность которых требует постоянного, я подчеркиваю, бесперебойного государственного финансирования. Абсолютно игнорируется объективный характер убыточности подавляющей массы организаций социальной сферы при любой степени зрелости рыночной экономики. Именно из факта врожденной убыточности этой сферы, собственно, и вытекают конституционные гарантии и бюджетные обязательства современного государства по систематической поддержке учреждений здравоохранения, фундаментальной науки, культуры и образования. Здесь замечу, что такая поддержка осуществляется на регулярной основе во всех зрелых рыночных экономиках и относительно успешных постсоциалистических странах.

Но наше правительство, скорее всего не только из идеологических, но и из фискальных соображений, этого делать не хочет и ведет, судя по всему, дело к тому, чтобы избавиться от конституционных гарантий «социального» государства (это ли не насмешка над писаной конституцией?) и перейти к договорным отношениям, которые по природе своей носят преходящий характер. Итог такой политики более или менее очевиден и не заставит себя долго ждать: деградация социальной сферы стремительно приблизит ее к коллапсу, а намерения построить новую экономику, основанную на знаниях (knowledge-base economy), останутся лишь прекраснотушными мечтами.

Вообще говоря, все мы должны считаться с одним любопытным глобальным интеллектуальным феноменом наших дней. Я имею в виду огромное

влияние, если не сказать, тотальный «террор» идеологической составляющей основного русла современной экономической мысли. А содержание этой составляющей, коротко говоря, сводится к следующей максиме: «Ошибки государства всегда хуже ошибок рынка». Отсюда следует, что лучше «переборщить» с дерегулированием, чем с чрезмерным распространением государственных интервенций с их неизбежными бюрократическими извращениями.

В то же время существует колоссальный разрыв между идеологической составляющей и реальной практикой самых «рыночных» западных стран. Достаточно сказать, что сейчас через совокупный государственный бюджет стран ОЭСР, то есть самых богатых государств мира, перераспределяется половина ВВП, в то время как сто лет назад этот показатель нигде не превышал 10 %. Уместно заметить, что сто лет назад никакого среднего класса не существовало, а появился он лишь во второй половине прошлого века, то есть именно тогда, когда участие государства в экономической жизни общества достигло своего апогея как в количественном, так и в качественном отношении.

Совершенно очевидно, что начавшаяся на Западе четверть века назад «демонизация» государства как такового связана исключительно с «пересоциализацией» зрелых рыночных экономик, то есть с определенной гипертрофией социальных функций государства. Тем не менее ограничение там государственного интервенционизма, причем чаще всего мнимое или очень незначительное, нужно рассматривать лишь как коррекцию «государства всеобщего благосостояния», но отнюдь не как его демонтаж.

Но нашим реформаторам реальная, а не выдуманная жизнь «эталонных» стран, как видно, не особенно интересна. Им подавай идеологически чистые режимы свободного рынка, где государство низведено до роли «ночного сторожа» образца XVIII века. Создается впечатление, что для них любая государственная активность порочна за исключением обеспечения «единства правил игры для всех» и принуждения к их соблюдению. Правда, все это легко сочетается с причитаниями по поводу «слабого» государства и желанием укрепления авторитаризма власти. Словом, в России антиэтатистская риторика — не просто риторика. Она по-прежнему — руководство к действию. И в этом я вижу большую опасность.

Сказанное не означает, что социальная политика не требует обновления. Но в ее основу должно быть положено принципиально иное мировоззренческое представление, в соответствии с которым именно развитие социальной сферы в ее широком значении определяет перспективы устойчивого экономического роста, а не наоборот, как это сегодня принято считать у федеральной и региональной элит. При оптимизации социальной политики, разработке ее параметров предстоит решительно отмежеваться от широко распространенного мнения, что расходы на социальные цели — всегда вычет из национального богатства и препятствие для экономического роста.

Опыт Запада и успешных постсоциалистических стран однозначно подтверждает правоту следующего тезиса: правильно выстроенные приоритеты и институты социальной политики не только не препятствуют экономической активности, а, наоборот, стимулируют ее, обеспечивая к тому же

необходимую политическую поддержку реформам. Так что, как бы банально это ни звучало, основное требование сегодняшнего дня — прекратить разрушение человеческого потенциала и создать условия для его возрождения и всестороннего развития, имея в виду квалификационно-образовательные характеристики человека, его культурный уровень, реальный доступ к эффективному здравоохранению и достойному социальному обеспечению.

Наука имеет значение

Насколько мне известно, нигде в мире ни либералы, ни интервенционисты не ставят под сомнение отмеченную выше действовавшую на протяжении всего XX века тенденцию поступательного расширения участия государства в экономической жизни любого социума. Есть, разумеется, различия по странам: где-то государственная квота, то есть отношение национального бюджета к ВВП, больше, где-то меньше. Но факт ее роста на протяжении большей части прошлого века в мировом научном сообществе не оспаривается. Споры начинаются при интерпретации самого факта «разросшегося» государства. Одни считают, что это плохо, другие — хорошо, третьи же — к ним я причисляю и себя — призывают относиться к систематической государственной активности как к некоей объективной закономерности, имея в виду, что здесь так же закономерны свои приливы и отливы.

Здесь я хотел бы несколько подробнее остановиться на вопросе о роли экономической науки в социально-экономическом развитии вообще и о соотношении теоретического знания и практической политики в частности. Ведь это только на первый поверхностный взгляд кажется, что академические споры не имеют отношения к конкретной экономической политике. На самом же деле практикующие политики, их советники и консультанты всегда вольно или невольно руководствуются в своих действиях и рекомендациях более или менее целостной теоретической конструкцией. Она оказывает мощное воздействие на принимаемые решения, которые в зависимости от ее содержания и восприятия могут быть благотворными или не очень.

Сегодня стало особенно очевидно, что увлечение ложно понятой концепцией экономической свободы способно порождать эффекты, прямо противоположные ожидаемым, и тем самым серьезно противодействовать оздоровлению ситуации в стране.

Если, скажем, исходить из справедливости предположения, что «чем меньше государства, тем лучше для экономики», или, как писал Мизес, любая государственная деятельность есть зло, навязываемое одними о «правильных» или «неправильных» государственных интервенциях. Иначе говоря, раз они все вредны в принципе, надо просто от них избавляться. Я считаю, что отнюдь не случайно в России большие проблемы с более или менее консолидированной влиятельной силой, способной выявлять и реализовывать интересы общества как такового.

Сама категория «общественный интерес» оказалась здесь в значительной мере дискредитированной, что, в общем-то, вполне можно понять. Трудно было ожидать чего-то иного после длительного притеснения ин-

дивидуума государством в условиях коммунистической диктатуры. Но понять — не значит принять. Совсем не обязательно было вместе с грязной водой выплескивать и ребенка. А случилось именно так. И в результате место лицемерного «раньше думай о родине, а потом о себе» заняло не менее лицемерное «эгоизм каждого — благо для всех». Причем неизвестно, что в этой формулировке преобладает: установка на необузданную свободу по чисто мировоззренческим мотивам или вынужденная преданность ей в силу якобы закономерной слабости власти в условиях радикальной системной трансформации.

Вообще мне кажется, что непропорционально большое влияние радикального либерализма в «обслуживании» конкретной экономической политики в сегодняшней России связано в первую очередь с устаревшим и потому явно неадекватным пониманием современного основного потока в экономической теории. Судя по всему, фаза упрощенного неолиберализма либо завершена, либо близка к исчерпанию. Новейшие теоретические изыскания макроэкономического характера и на Западе, и на Востоке прямо признают наличие некоего особого общественного интереса, который далеко не всегда сводится к интересам частных хозяйствующих субъектов. В связи с этим новую интерпретацию получает участие государства в современной экономике. Оно уже не вмешивается в экономическую жизнь социума, а действует в нем в качестве равноправного рыночного игрока, стремясь реализовать этот особый общественный интерес. А раз государство становится рыночным игроком, его деятельность должна подчиняться правилам рационального поведения. Иначе говоря, в каждый данный момент времени максимизация того или иного общественного интереса достигается при строго ограниченных ресурсах. Отсюда вытекает новый, более широкий взгляд на формирование рыночного равновесия, предполагающий включение в число самостоятельных субъектов рынка государства, стремящегося максимизировать собственную функцию социальной полезности. Все это составляет некую целостную концепцию, которую мы (совместно с профессором А. Я. Рубинштейном) излагаем в недавно вышедшей монографии «Экономическая социодинамика».

Как бы то ни было, если общественный интерес воспринимается только как сумма личных интересов и никак иначе, государство с его разнообразной экономической активностью неминуемо должно быть оттеснено на обочину социального устройства. Но черт, как известно, прячется в деталях. И некоторые из них особенно отчетливо высвечивают разницу между либерально-прагматическим и либерально-идеологическим подходами к экономической политике. Попытаюсь кратко обозначить, что я имею в виду.

Проклятье или благодать?

На протяжении последних лет на Россию неожиданно пролился золотой дождь нефтедолларов, что вызвало в рядах влиятельных «чистых» либералов если не панику, то по крайней мере что-то на нее похожее. Чего только по этому поводу не приходится слышать! Стремительное увеличение экспортных доходов ведет будто бы и к консервации теперешней

структуры хозяйства, и к ускорению инфляции, и к параличу творческой энергии народа и т. д. и т. п. Возникало даже впечатление, что при высоких ценах на нефть и другое топливо и сырье лучше все это импортировать, чем экспортировать. В общем, внушалась мысль, что «деньги — зло» или уж совсем что-то сюрреалистическое типа «доходы скоро кончатся, потому что сейчас их слишком много». С точки зрения здравого смысла «невежество» такого рода понять очень трудно. Вроде в стране столько нерешенных проблем и сфер, где можно было бы с пользой потратить, как говорят англосаксы, «прибыль, принесенную ветром» (windfall profit). Взять хотя бы сокращение огромного внешнего долга, обновление предельно изношенной городской инфраструктуры, обустройство границ с новыми независимыми государствами; не говорю уже о правительственных расходах на какие-то инвестиционные нужды или на восстановление социального сектора экономики.

Но не тут-то было. Для доктринерского либерализма все это лишено смысла. И дело здесь не в том, что его адепты неверно оценивают последствия внезапного улучшения платежного баланса: при его хроническом активе действительно возникают побочные эффекты, включая так называемую импортируемую инфляцию и рост реального курса национальной валюты, чреватый увеличением импорта и снижением экспорта. Может быть, найдутся даже какие-то основания (я, правда, их не вижу) для рассуждений об опасности пресловутой «голландской» болезни. Но мы не первые испытываем такого рода проблемы. Мир сталкивается с ними давным-давно и применяет для их решения весьма надежный набор инструментов. При этом я что-то не припомню, чтобы где-нибудь так же сильно, как у нас, переживали по поводу мощного притока свободно конвертируемой валюты. При рациональном, а не идеологическом отношении к делу ему, как правило, радуются, не забывая при этом изымать у хозяйствующих субъектов сверхдоходы и направлять их на разнообразные общественные нужды. Сошлюсь здесь только на известный мне опыт Великобритании и Норвегии. Мы же, судя по всему, упускаем такую возможность, причем вполне сознательно. Ведь доктринерский либерализм априори исходит из того, что индивидуумы всегда эффективнее потратят денежные средства, чем «бюрократическое» государство.

Что впереди?

Судя по всему, и президент, и правительство отдадут себе в этом отчет, понимая, что фактически Россия стоит перед дилеммой: останется ли она и впредь экспортером преимущественно топлива и сырья или все же сможет занять достойное место в постиндустриальной глобальной экономике. С высоких трибун постоянно говорится, что в последние годы зависимость страны от экспорта энергоносителей и сырья достигла критического уровня, и это уже представляет угрозу для ее национальной безопасности. Утверждается также, что, не снижая объемов поставок сырья, необходимо целенаправленно, год за годом изменять структуру российского промышленного производства и экспорта в пользу готовых изделий, прежде всего в пользу наукоемкой продукции. Но какие же средства предполагается задействовать для достижения данной цели?

В кругу лиц, ответственных за экономический блок в правительстве, по-прежнему принято считать, что модернизация российской экономики наступит сама собой, в результате активизации рыночных сил саморегулирования. А чтобы эти силы «работали» без помех, правительство сосредоточит свое внимание на завершении формирования законодательства, адекватного цивилизованной рыночной экономике, и позаботится о пресечении так называемых неформальных, неправовых экономических отношений и соответственно о создании условий для равного применения правовых норм ко всем физическим и юридическим лицам. Справедливо говорят в связи с этим о повышении эффективности антимонопольного регулирования, соблюдении прав собственности и контрактного права, а также о существенном ограничении сформировавшейся в 1990-е годы «экономики льгот и привилегий». Наконец, предусматривается сделать особый акцент на мероприятиях по снижению налогового бремени инвесторов в сочетании с курсом на последовательную индивидуализацию и приватизацию социальной сферы (так называемые структурные реформы).

Если конкретная политика будет ограничиваться только этими задачами (а они разумны за исключением антисоциальной направленности «социальной» политики) и если считать, что, помимо резкого повышения мировых цен на нефть, в долгожданный экономический рост страны вносят вклад независимые от этих неожиданных стимулов факторы, вряд ли удастся радикально изменить социально-экономическую ситуацию в стране. Российская экономика и впредь будет структурироваться чисто стихийно, во-первых, отчасти в соответствии с интересами транснациональных корпораций, во-вторых, если, конечно, сохранится теперешняя (беспрецедентно высокая) степень ее открытости.

Спонтанность формирования хозяйственной структуры в России в принципе не имеет ограничителей, ибо, в отличие от стран ЦВЕ, ей не «грозит» принятие институциональных норм Европейского Союза хотя бы потому, что она не станет его членом даже в долгосрочной перспективе. Нужно понимать, что ее хозяйство, как, впрочем, и экономика других государств постсоветского пространства, становится объектом других, более мощных экономических игроков без каких-либо шансов на укоренение здесь еэсовского институционально-правового каркаса. Тенденция утраты субъектности, а следовательно, и примитивизации российского хозяйства при таких условиях становится необратимой независимо от того, удастся или не удастся добиться прорыва в соблюдении законов и стабилизации условий ведения бизнеса. Даже при сохранении положительной экономической динамики решающий вклад в нее будут вносить энергосырьевые отрасли промышленности, обладающие экспортным потенциалом, в то время как значительная часть обрабатывающей промышленности утратит какие бы то ни было перспективы для развития.

Изложенному варианту развития событий все еще сохраняется реальная альтернатива, которая заключается в активизации имеющегося научно-производственного потенциала в целях достижения и поддержания приемлемого международного уровня конкурентоспособности отобранных отраслей и секторов российской экономики. Но данная альтернатива не может реализоваться спонтанно, без соответствующего рационального поведения

государства. А это предполагает разработку и проведение соответствующей государственной структурной и инновационной политики. Кстати, только тогда появляется шанс для сознательного структурирования постсоветского пространства или, по крайней мере, его большей части. И только тогда здесь начнут формироваться и развиваться собственные конкурентоспособные ТНК, способные участвовать в глобализации мировой экономики в качестве субъектов, а не объектов процесса.

Не допустить другой крайности!

В теперешних российских условиях приходится считаться с другой крайностью, а именно с вполне вероятным разрастанием государственного экспансионизма, грозящего прийти на смену безбрежному либерализму 1990-х годов.

А опасность такая есть, так как в российском социуме явно зреет идея инициировать выполнение некой величественной мобилизационной программы, осуществление которой якобы вернет стране статус великой державы. Должен заметить, что у меня есть большие сомнения по поводу желания нашего народа приступить к выполнению величественной мобилизационной программы, какую бы благородную цель она ни преследовала. Так что очередная попытка «принуждения народа к счастью» скорее всего провалится.

Конечно, в теперешнем российском обществе широко распространены ностальгические чувства и общее раздражение в связи с плачевными результатами реформ и распадом великой державы. Но это скорее месть за собственные иллюзии и эйфорию конца 1980-х — начала 1990-х годов. Тогда «народ и партия» были, как уже отмечалось, едины. Страна хотела прежде всего не хлеба, а свободы, хлеба должно было прибавиться как бы автоматически. Думали, что к преимуществам социалистического общежития добавятся прелести рынка и демократии, и мы все довольно быстро устроимся на солнечной стороне жизни, где уже обитает так называемый «золотой миллиард».

Наступившее сегодня разочарование в идеалах рынка и демократии (будем надеяться, временное) совсем не обязательно означает, что в обществе есть тоска по реваншу или коллективная готовность включиться в строительство чего-либо величественного. Скорее надо согласиться с теми социологами, которые утверждают, что освоение россиянами индивидуалистических ценностей состоялось. Правда, связано это не с развитием сознания в духе протестантской этики, а с, так сказать, атомизацией социума, а проще говоря, с разобщением людей, в своем большинстве занятых чистым выживанием.

Насколько мне известно, реализация всех великих «телеологических» государственных проектов в России, независимо от того, были ли они утопичны или реализуемы, как правило, сопровождалась ужасающим угнетением личных свобод. И наоборот, как только в стране раскрепощалась личная инициатива и человек получал право на выбор, государство как таковое начинало стремительно утрачивать свое величие и подчас даже суверенитет. Совсем не обязательно, что и сегодня перед нами та же фатальная дилемма.

У истории нет сослагательного наклонения, но всегда есть альтернативы. Практическое заключение из сказанного для России очевидно: укреплять государство, не жертвуя демократическими ценностями. Звучит почти как банальность. Но, как точно заметил Фридрих Ницше, «дороже всего нам приходится платить за пренебрежение банальностями». Добавлю только, что так же дорого нам обходятся невыученные уроки.

Сквозь призму культуры

Будущее России связывают с инновационной экономикой, необходимостью скорейшего перехода к «инновационному социально-ориентированному типу развития» (в терминах Концепции – 2020). При этом пристальное внимание уделяется исключительно приоритетному развитию науки и образования. Однако качество человеческого потенциала как движущей силы инновационной экономики зависит не только от уровня образования, опыта и профессионализма, но также от духовности и ментальности человека, его психологических и поведенческих характеристик, за что во все времена отвечала культура. Культура формирует духовно-нравственную ориентацию развития личности, а в инновационной экономике резко возрастает не только личная, но и социальная ответственность человека как генератора новых знаний. Принцип «не навреди» должен быть положен в основу процессов производства и трансляции новых знаний и информации, а также внедрения инноваций в репродуктивную сферу.

Действительность же демонстрирует невостребованность потенциала культуры, в том числе в системе общественного жизнеустройства. Культура не попала в перечень приоритетных национальных проектов. Упоминание о культуре впервые появилось в Послании Президента РФ Федеральному собранию только в 2007 году. С одной стороны, на словах культура позиционируется как важнейший ресурс развития, с другой — расходы на нее до сих пор не являются защищенной статьей бюджета, а в условиях проведения антикризисных мероприятий именно эта часть бюджетных расходов одной из первых попала в разряд подлежащих секвестированию.

Между тем урегулирование многих проблем общественного жизнеустройства, решение которых традиционными методами зашло в тупик, в принципе возможно только в культурном ключе. Так, в свете культуры получают принципиально иной алгоритм решения проблемы национальной безопасности, а также бюрократии и коррупции, которыми проникнута вся вертикаль власти в России.

Традиционно решение проблем национальной безопасности связывают с военным присутствием, мощью единиц боевой техники, взятой на вооружение, силовым воздействием и т. п. Однако реальность такова, что внешние и внутренние угрозы выходят за рамки чисто экономических или политических противостояний, все чаще возникая по причине ценностных противоречий, что напрямую затрагивает социокультурное пространство человека. Ксенофобия, национализм, шовинизм, религиозный сепаратизм — звенья одной цепи, преодоление которых требует «перековать мечи на орала», так как насилие порождает только насилие. Разделяет людей лишь внешняя обрядовость, в то время как культура в своем истинном значении содержит

в себе широчайшие возможности по объединению людей, вскормленных различной культурной средой, и сглаживанию противоречий между ними на основе непротиворечивых ценностей жизни, устремленности в будущее и здорового оптимизма.

В России на сегодняшний день одними из самых опасных внутренних угроз, изнутри подтачивающих основы государственности, являются бюрократия и коррупция. Решение проблемы бюрократизации всей системы управления через призму культуры связано с духовной основой труда. Не занятость и трудоустройство любой ценой ради получения заработка, не занятие «доходного места», а творческая реализация личности, профессия по зову сердца в соответствии со своими возможностями и способностями. Труд как ценность, а не как обреченность. Такой подход к труду позволит избежать иллюзии деятельности, многократного дублирования функций и сложностей документооборота, а также процесса согласовательных процедур во всех сферах общественного жизнеустройства.

Решение проблемы бюрократизации автоматически повлечет за собой решение проблемы коррупции. В свете культуры устранение коррупции нуждается не в применении наказания и других насильственных или запретительных мер, а в такой утраченной в обществе ценности, как доверие. Ведь социологические опросы фиксируют чудовищные факты: на вопрос «Можно ли в целом доверять людям или следует быть осторожным, имея дело с другими людьми?» только четверть опрошенных ответили утвердительно¹. На вопрос «Какие чувства проявились, окрепли у окружающих вас людей за последний год?» 25 % опрошенных отметили усталость и безразличие, 5 % — страх, 10 % — растерянность, 14 % — озлобленность и агрессивность². Разве с таким отношением к жизни, к себе и другим людям возможен «переход к инновационному, социально-ориентированному типу развития»? Искоренение коррупции станет возможным только тогда, когда будут задействованы социокультурные механизмы устранения причин ее возникновения.

Среди внутренних угроз также следует отметить высокую смертность населения, существенно опережающую рождаемость. При этом неотъемлемой частью современной российской действительности является смертность по причине сердечно-сосудистных заболеваний, суицида, алкоголизма и наркомании, усиления психических расстройств, а также роста преступности. Решение этих проблем соответственно медицинским или силовым путем — это лишь верхушка айсберга, борьба со следствием, но не с устранением причин. Причина же одна — игнорирование ключевой роли культуры в качестве движущей силы личностной и общественной саморегуляции, духовное неблагополучие российского общества.

Каким же образом задействовать социокультурные механизмы, способные противостоять деструктивным процессам в обществе? Единственно верное решение проблемы заключается в насущной необходимости культурного просвещения, причем не столько ради приобщения к культурным ценностям широких слоев населения, что, безусловно, важно само по себе, сколько с целью предотвращения дегуманизации общества, нивелирования

¹ Пресс-выпуск Аналитического центра Юрия Левады (Левада-Центра) от 11.06.2008.

² Общественное мнение — 2007. С. 6.

духовного начала в жизни людей. И здесь без разработки наднациональной идеи не обойтись (Россия как многонациональное и разноконфессиональное государство не может позволить себе разработку национальной идеи на основе культурных ценностей титульной нации). Безусловно, само понятие идеологии дискредитировало себя в советский период тесной связкой с марксистско-ленинской пропагандой. Но, например, в Японии в 1960-х годах в рамках реализации концепции культурного государства этот процесс назывался «производство ценностей». Совершенно очевидно, что в основу наднациональной идеи должны быть положены непротиворечивые ценности жизни, например такие, как семья и детство. Основным ориентиром культурного просвещения должны стать дети, подрастающее поколение, потому что будущее страны во многом зависит от той системы ценностей, которая положена в основу их воспитания и образования. Через культурное просвещение детей и подростков это будущее можно и должно создавать уже сейчас (если не сказать, еще вчера).

Большая ответственность по актуализации и активизации культурного просвещения лежит на интеллигенции. В России, к сожалению, понятие элиты в настоящее время дискредитировано своими ассоциациями с миром роскоши, денег, гламура и пр. В неискаженной действительности неотъемлемым атрибутом элиты является ориентация на высокие стандарты поведения человека и его образа жизни. Поэтому поднятие авторитета и усиление влияния деятелей науки, образования, культуры (творцов в подлинном смысле этого слова), значимости интеллектуального труда в обществе, в том числе через возрождение системы публичных лекций, используя весь имеющийся арсенал Интернета и новых информационно-коммуникационных технологий, позволит запустить механизмы культурного просвещения.

Следует также отметить, что нынешнее российское общество расколото на две части, причем демаркационная линия проходит именно в идеологическом плане. На одной чаше весов миллионы людей, своими корнями сросшихся с советским прошлым с его антиличностной социальной установкой, где коллектив подавлял личность, а государство — общество, на другой — миллионы людей среднего возраста, молодежи, вскормленные «лихими девяностыми» с верховенством индивидуализма как движущей силы рыночной экономики. Причем речь идет не о противоречии мировоззренческих позиций «отцов и детей», что, кстати сказать, абсолютно нормальный и естественный процесс, а о разрыве преемственности поколений. Сплочение общества, преодоление его резкой поляризации в направлении синтеза, разумного сочетания личного и общественного в человеке возможно только через культурное просвещение.

Причем идеологический разрыв преемственности поколений породил коллапс самой системы передачи информации, так как в большинстве своем разрушена связь «учитель — ученик», причем это касается не только образования и науки, но и всей системы передачи опыта от одного поколения к другому. Это чревато попытками «заново изобретать велосипед», вместо того чтобы встраивать новое знание в структуру духовных и ментальных накоплений с целью ускорения процесса внедрения инноваций в репродуктивную сферу и совершенствования человеческого потенциала общества в целом.

В свете культуры по-иному высвечивается проблема гендерных отношений в направлении большей включенности женщин в систему принятия важных государственных решений. Если в странах с развитой рыночной экономикой за последние десятилетия отмечена тенденция к усилению влияния женщин во всех сферах общественного жизнеустройства¹, то в России до сих пор ощущается негласный запрет на участие женщин в управленческой вертикали². В рамках темы усиления влияния женщин речь идет не о таких крайностях, как эмансипация и феминизм, когда женщина противопоставляет себя мужчине и берет на себя не свойственные ей функции, а исключительно о целесообразности прохождения законотворческих инициатив через призму материнского сознания как залога успешной реализации политики разумного существования.

Если на рубеже XX – XXI веков речь шла о необходимости социального императива социально-экономического развития, то на исходе первой декады XXI века следует задуматься о культурном императиве, который составляет сердцевину политики разумного существования. Как говорил устами своего героя Пушкин: «...лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений»³.

¹ «Например, в США женщинам принадлежит более 50 % денежных средств, обращающихся в стране, на них выписаны 65 % счетов, в их руках сосредоточены 57 % ценных бумаг, 74 % домов, на них приходится 88 % общей покупательной способности. <...> В более сопоставимых с Россией странах Центральной и Восточной Европы женщины владеют более чем 30 % бизнеса, нанимают 25 % рабочей силы, составляют 55 % обучающихся, около 25 % зарабатывают больше мужей в семьях с двумя работающими. Доля женщин на министерских постах только за последнее десятилетие удвоилась — с 3,4 до 6,8 %». (Цит. по: Хохлова Т. П. Выявление гендерных аспектов менеджмента — фактор повышения эффективности управления // Менеджмент в России и за рубежом. 2001. № 2.)

² «Если в низших и средних звеньях доля женщин в аппарате управления бывает значительна и это ни у кого не вызывает удивления, то представительство женщин на высшем уровне управления крайне мало. Так, на рубеже 1990-х гг. женщины в составе директорского корпуса составляли всего 6–7 %. Ныне доля женщин, достигших заметных успехов в карьере, по-прежнему невелика — различие с мужчинами составляет почти 4 раза при более высоком уровне образования. В высшем органе законодательной власти — Государственной Думе — женщины составляют около 10 % депутатов». (Там же.)

³ Пушкин А. С. Капитанская дочка // Пушкин А. С. Сочинения : в 3 т. М., 1986. Т. 3. С. 267.

М. И. Клеандров¹

ПРАВОСУДИЕ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ КУЛЬТУРЫ²

В названии статьи нет ошибки — здесь правосудие и справедливость выступают как двуединое составное понятие. Подразумевается, что правосудие только тогда является правосудием («правым судом»), когда оно по сути своей справедливо, а когда оно несправедливо — это не правосудие, у него масса иных негативных наименований. И это не семантика, это вообще не филологический изыск, здесь мы имеем дело с фундаментальной сущностью права.

Вместе с тем неоспоримо утверждение: правовая культура есть составная часть общей культуры человечества. На разных этапах развития человеческой цивилизации общая культура также развивалась наверняка в своей базовой основе, сохраняя приверженность некоторым фундаментальным опорам, соответственно не оставалась неизменной и правовая культура. Но исторический изыск здесь также не проводится — речь пойдет о ситуации сегодняшнего дня, ее проблемах и путях их решений с ориентацией на день завтрашний.

В свою очередь понятие правовой культуры также многокомпонентно и состоит как минимум из культуры законотворчества, правоотношений, работы государственных, в том числе правоохранительных, органов, правоприменения, правосознания (включая подготовку юридических кадров), правового поведения и т. д. Дифференциация в рамках этого понятия может быть осуществлена по множеству критериев, но, без сомнения, основным из них будет носитель правовой культуры, то есть правоприменитель. Конечно, весьма важной является культура правотворчества, но ведь даже идеальная норма права обычно содержит несколько пластов смыслов, лежащих для различных правоприменителей на разных глубинах, и это — не о хронологиях правовой информации (даже не правового института, правовой отрасли).

Соответственно в плане разделения властей можно говорить о правовой культуре лиц, непосредственно осуществляющих законодательную, исполнительную и судебную власть; относительно специалистов в рамках юридической профессии можно говорить о юридической культуре участковых уполномоченных, работников уголовного розыска, дознавателей, следователей и так далее; можно говорить и о правовой культуре государственных (федеральных и субъектов РФ) и муниципальных служащих и т. д.

Но ведь правоприменитель — это не только работники правоохранительных и судебных органов, в непосредственные функции которых входят

¹ Судья Конституционного Суда РФ, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 450 научных работ, в т. ч. монографий: «Институт юридической службы в предпринимательстве», «Ответственность судьи», «Статус судьи: правовой и смежные компоненты», «Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее», «Судебные системы государств — участников СНГ». Член редколлегии журналов «Судья», «Предпринимательское право», «Энергетическое право» и др. Лауреат Международной премии им. Гуго Гроция. Награжден орденом Дружбы.

² Доклад представлен на XIII Международные Лихачевские научные чтения (2013 г.).

охрана и защита прав и законных интересов граждан и иных лиц. Это и органы власти и управления, и хозяйствующие субъекты, и работники образования, культуры, искусства, СМИ, то есть, по сути, все, кто применяет (исполняет) право, кто находится в правовом поле, то есть в сфере воздействия правового регулирования. И исключений здесь нет.

Но ядром правоприменительной практики является судебная практика. Именно она корректирует поведение правоприменителей, и именно судьи владеют инсайдерской информацией относительно «кухни» принятия судебных решений, создающих в совокупности судебную практику. И если правовая культура — культура правоприменения — должна базироваться на принципах справедливости, то для культуры судебной практики, культуры правосудия это просто естественная база, ее органический фундамент.

Каждый судья должен быть культурным, в идеале — глубоко культурным человеком. Если определенный некультурный проступок совершает иной правоприменитель — обычно это проступок в сфере этики, морали, нравственности. Но если некультурный проступок совершит судья (например, в процессе, обращаясь к одной стороне, судья говорит: «Уважаемый, вы, наверное, хотите сказать...», обращаясь ко второй стороне: «Говорите громче, что вы там бормочете, не похмелились с утра, что ли?»), это уже и нарушение конституционного принципа равенства всех перед судом, и очевидное нарушение базового для судебного процесса принципа непредвзятости, что может (даже должно) повлечь отмену судебного акта, вынесенного этим судьей. Потому что, безусловно, такой судебный акт не будет справедливым.

Вместе с тем очевидно: внешние проявления культуры у того или иного судьи — еще не основание полагать, что выносимые им судебные акты безоговорочно справедливы. Также не факт, что все наши судьи высококультурны в обыденном смысле слова (сам организационно-правовой механизм отбора кандидатов в судьи и наделяния их судейскими полномочиями весьма несовершенен, а фактор уровня общей культуры здесь просто не определяется), но это не означает, что невысококультурные — внешне — судьи не выносят справедливые судебные акты, корреляция здесь намного глубже и сложнее. Главное — российские судьи чувствуют фундаментальную ценность культуры правосудия и осознают необходимость повышения ее уровня как безусловного основания справедливого правосудия.

Именно поэтому в Постановлении VIII Всероссийского съезда судей «О состоянии судебной системы Российской Федерации и основных направлениях ее развития» от 19 декабря 2012 года прямо сказано (преамбула, последний абзац): «Все более настоятельной потребностью становится необходимость разработки государственного проекта стратегических преобразований организационно-правового механизма отечественного правосудия, конечной целью которых стало бы построение справедливого суда, отвечающего чаяниям российского общества. К отысканию путей решения этой задачи целесообразно привлечение потенциала высших судов страны, соответствующих государственных органов, научных учреждений, органов судейского сообщества и общественных формирований».

И по закону, и фактически Всероссийский съезд судей, созываемый один раз в четыре года, является высшим органом судейского сообщества России, выражает волю всего корпуса действующих судей страны. Это означает, что названное положение постановления съезда, принятое (единогласно) 730 делегатами съезда, — это мнение 3298 действующих судей (24 145 судей системы общей юрисдикции, 3790 судей арбитражных судов и т. д.). Более того, можно уверенно заявить: перед российским обществом высказано консолидированное мнение всех судей страны — непосредственных носителей судебной власти, ежедневно и профессионально реализующих на практике категорию справедливого правосудия, во всяком случае стремящихся к этому.

И с неизбежностью, говоря о необходимости построения в России справедливого суда, можно (а может быть) и нужно задать естественный, сам собой напрашивающийся вопрос: а у нас сегодня суд разве не справедливый? И тут дело даже не в подтексте: если суд у нас справедливый, зачем затевать его модернизацию, когда и так все хорошо. Дело — в определении точки отсчета.

Практически любой судья, вынося судебное решение, уверен: это решение справедливое. Естественно, за редкими исключениями — как в отношении отдельных судей, так и в отношении отдельных судебных решений. Но разговор идет в целом, за минусом этих редких исключений. И тогда получается: в целом судебные решения у нас справедливые, соответственно — судьи наши справедливы (поэтому можно даже уверовать в то, что наши судебные решения эталонны и могут служить образцом и для наших будущих судей, и в качестве примера в учебном процессе для студентов-юристов всего мира), значит, правосудие у нас справедливое, следовательно, механизм нашей судебной власти безупречен. Ведь главное в деятельности судебной власти любого государства — обеспечить справедливое правосудие, и если все судебные решения в этом государстве справедливые, значит, механизм судебной власти в этом государстве, обеспечивающий прекрасные результаты, безупречен, и уж точно в модернизации не нуждается.

Но это если вердикт — справедливо ли или нет судебное решение — выносит судья, принимающий решение. Равно как если этот вердикт — уже относительно всех судебных решений — выносит судейский корпус, сама судебная власть. Однако если учесть, что в любом государстве судья общества, а не наоборот, то необходима иная точка отсчета. Вердикт — принципиальный — должно выносить общество.

Можно, разумеется, предположить, что общество (в лице его самых активных и принципиальных представителей) не в состоянии объективно оценить справедливость того или иного судебного решения, так как не знает всех обстоятельств и материалов дела, которые знает (и оценил по справедливости) судья, вынесший это решение. И вынося неверный вердикт о несправедливости этого решения, общество (его представители) находится под влиянием ангажированных СМИ (либо — шире — тех кругов, которые старательно доказывают ущербность и незрелость устоев Российского государства, прежде всего его федеральных органов государственной власти, в том числе органов судебной власти), стремящихся (или под влиянием момента) дискредитировать конкретного судью, конкретный судебный орган,

отдельную судебную систему либо целиком судебную власть. Соответственно данное суждение распространяется и на определенную группу судебных актов, и на них в совокупности, в том числе взятых за длительный временной период.

Но ведь это не так. Общество наше не столь наивно, чтобы безоговорочно в своем вердикте опираться только на эти СМИ. К тому же, если бы это было так, достаточно было бы организовать и провести крупномасштабную контрпропагандистскую акцию с целью «открыть глаза» обществу.

Вместе с тем считать, что в законодательной и исполнительной ветвях государственной власти есть некоторая доля несправедливости в форме недостатков, ошибочных решений и нерешенных проблем и эти ветви власти (их органы) надо совершенствовать и улучшать, а в судебной ветви государственной власти все справедливо и нет в ней ни недостатков, ни ошибочных решений, ни нерешенных проблем, объективных оснований нет. К тому же надо учесть, что всякое дело совершается (или делается плохо, или не делается совсем) людьми, они и создают очаги несправедливости, а людей в законодательной и исполнительной ветвях государственной власти, в потенциале способных принять несправедливое решение, в совокупности в десятки, если не в сотни раз меньше, чем в судебной ветви государственной власти.

Немногим лучше сегодня положение с оценкой обществом российской судебной власти в ситуации, когда — гипотетически — каждый из участников каждого из судебных процессов на практике убеждается: в его конкретном деле судья провел процесс справедливо и вынес справедливое решение. Таким образом, гипотетически несколько десятков миллионов россиян в год воочию убеждаются: судебная власть в стране справедлива — на примере своего судебного дела. Но одновременно эти же десятки миллионов россиян находятся под массивным воздействием ангажированных СМИ, неуклонно и постоянно внушающих всем россиянам — наши суды, судьи и их решения несправедливы по определению.

В результате наши десятки миллионов граждан — участников справедливых (в их восприятии) конкретных судебных процессов — оказываются в положении Л. И. Брежнева — из анекдота, который дружно, дополняя друг друга, вспомнили 18 декабря 2012 года на VIII Всероссийском съезде судей Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин и Президент РФ В. В. Путин. В этом анекдоте Л. И. Брежнев, обращаясь к зарубежной даме, говорит: «Уважаемая госпожа Маргарет Тэтчер!» Тут ему помощник подсказывает: «Это Индира Ганди!» И Л. И. Брежнев ему в ответ: «Сам вижу, что это Индира Ганди! Но ведь здесь написано: Маргарет Тэтчер!»

И каждый из названных десятков миллионов россиян, много лет упорно обрабатываемый СМИ по поводу отрицания справедливого правосудия в России и не встречающий контрдоводов в этом вопросе, для себя решает эту дилемму так: да, я встретил справедливого судью, мне просто повезло, но это исключение, а все остальные судьи в России, раз так «написано» (то есть утверждается СМИ и никем не опровергается), несправедливы.

А остальные россияне, которые не были участниками справедливых, с их точки зрения, судебных процессов, даже и с этими исключениями не сталкивались, поэтому в еще большей мере оказываются под воздействием огульной дискредитации судебной власти в России.

Таким образом, даже если каждый из 32 тыс. российских судей будет всегда выносить исключительно справедливые судебные решения (что, конечно, идеал, который даже с философской точки зрения недостижим), российское общество узнать об этом в сегодняшней системе координат не сможет, и общественное мнение по-прежнему будет считать судебный корпус в значительной мере несправедливым, поскольку будет ориентироваться, как в приведенном анекдоте, на то, что «написано». А десятки миллионов россиян, ежегодно воочию убеждающиеся в справедливости суда, где они были участниками судебного процесса, будут считать, что они «видели» — каждый из них — свое исключение, общее правило не меняющее.

Автору данной работы не довелось встретить результаты ни одного объективного, заведомо не ангажированного социологического исследования, посвященного оценке обществом судебного корпуса, осуществляющего в России правосудие, организованного и проведенного самим судебным сообществом либо по его заказу. Не смог помочь в этом и специальный, целенаправленный и широкоохватный поиск. Публикуемые же результаты социологических опросов, проведенных «извне» судебного сообщества, побуждают отнестись к ним скептически — или это заведомо ангажированный подход, изначально нацеленный на необъективное освещение ситуации, или это опрос непрофессиональный, не позволяющий считать его результаты репрезентативными и т. д.

Каков может быть ответ на вопрос (утрированный, конечно) типа: «Согласны ли вы с тем, что Земля круглая, вода мокрая, а суды наши могли бы быть и посправедливее?» Любой из ста, тысячи, миллионов разумных людей (включая, кстати, наверняка всех судей) категорически ответил бы, естественно, «да». Но ангажированные исследователи сделали бы такое обобщение: раз опрашиваемые согласились с тем, что суды могут быть и посправедливее, значит, они считают их сейчас «совсем не справедливыми» или в лучшем случае — «недостаточно справедливыми». А в качестве результата проведенного ими соцопроса провозгласили бы вывод: «Сто процентов опрошенных считают российских судей несправедливыми».

Вместе с тем у вопроса: а разве наш суд несправедлив, со стороны отдельных (и немало числа) судей есть и изнанка — они считают, что суд (в любой стране) объективно не может быть ко всем одновременно справедлив. И в качестве довода указывается: в судебном процессе почти всегда так или иначе есть две стороны, и выигравшая сторона посчитает суд справедливым, проигравшая же сторона всегда будет недовольна. К этому можно добавить, что решением по гражданско-правовому спору, удовлетворившим иск наполовину, обычно недовольны обе стороны; а по делам, где всего одна сторона, например при установлении факта, имеющего юридическое значение, при отказе суда в удовлетворении заявленного требования довольных нет вообще.

Но дело в том, что недовольство судом, судьей, судебным решением по конкретному делу и ощущение у участника этого конкретного процесса несправедливости суда, судьи, судебного решения по этому делу — далеко не совпадающие величины. Ведь если процесс по делу судьей проведен безукоризненно, все участники процесса ни в малейшей мере не ощущали со стороны судьи на всем протяжении процесса предвзятости, наоборот,

они видели, слышали, что называется, «кожей» ощущали стремление судьи выявить все обстоятельства по делу и чувствовали, что судья делает это профессионально, а, получив решение суда по делу, не найдут в нем изъяснов ни с фактической, ни с процессуально-процедурной и иных сторон, проигравшая сторона будет, естественно, недовольна исходом дела, но чувства несправедливости по отношению к суду, судье, судебному решению испытывать не будет. Если, разумеется, потерпевшая сторона — человек (люди) вменяемый и адекватный. Кстати, и обжаловать такое решение весьма трудно — по сути дела не за что «зацепиться». Это идеальное, в том числе с позиции справедливости, судебное решение, и, безусловно, вынесено оно высококультурным судьей.

И наоборот, воспринимая всеми органами чувств, что судья предвзят, аргументы и доводы сторон воспринимает избирательно, ведет процесс с очевидными нарушениями закрепленных в законе процедур, профессионализмом не отличается, а судебное решение нелогично, противоречиво, слабо мотивировано и далеко от норм элементарной грамотности, даже выигравшая процесс сторона не воспримет этот суд, этого судью, это судебное решение как справедливые. Если, опять же, представители сторон в процессе вменяемы и адекватны. Такого судью, безусловно, и культурным назвать нельзя.

Но что такое категория «справедливости» как явление? Врожденное чувство? Результат умственной деятельности? Инстинкт, свойственный не только людям, но и животным? Или наоборот — ощущение справедливости свойственно только избранным, наиболее развитым людям? Можно ли «научить» справедливости, например, студентов-юристов? А воспитать? Обнаружить зачатки и воспитанием их усилить? Либо ее наличие или отсутствие (как и «фифти-фифти») предопределено генетикой? Оно у всех людей одинаково либо различается географически, гендерно, в зависимости от возраста, классовых предпочтений, этнических, конфессиональных, этических, социальных, политических и иных факторов, и т. д. и т. п.? Поделить один пирог между двумя голодными людьми поровну — это справедливо? А если первый весит 40 кг, а второй — 140 кг, и второму, чтобы элементарно не умереть с голоду, требуется в несколько раз больше пищи, чем первому, значит «пирог пополам» — будет несправедливо? Справедливой ли является равная оплата за различный по результатам труд (так называемая уравниловка) либо справедливой будет оплата труда в зависимости от количественных и качественных показателей? Или при оплате труда должно также учитываться количество иждивенцев в семье работника, средний уровень дохода на душу в семье и т. п.? Но, может быть, категория справедливости столь же — объективно — неопишуема и даже непознаваема, как, например, любовь, добро, счастье, радость?

Даже поверхностный поиск ответов на эти вопросы вызывает удивление двойного рода. С одной стороны, относительная слабость понятийного аппарата. Так, в словаре русского языка С. И. Ожегова понятие «справедливый» характеризуется как: 1. Действующий беспристрастно, в соответствии с истиной. С. судья. С. поступок. С-ое решение. Справедливо (нареч.) оценить. 2. Направленный на осуществление правильных, насущных задач. С-ая на-

родная война. 3. Истинный, правильный. Полученные сведения оказались справедливыми (сущ. справедливость, -и, ж.)¹.

В Большом толковом словаре русского языка, составленном Институтом лингвистических исследований РАН, сказано: справедливый, -ая, -ое; -лив, -а, -о — это: 1. Действующий беспристрастно, в соответствии с истиной. С. судья. С. начальник, командир. Справедлив ли ты к сыну? Очень с. Быть, оказаться справедливым. С. судья. Основанный на беспристрастном соблюдении истины, правильном отношении к кому-, чему-л. С. суд. С-ое решение. С. приговор. С-ая оценка. 2. Основанный на требованиях справедливости (3 зн.); соответствующий моральным и правовым нормам. С-ое дело. С-ое устройство государства. С-ые законы. С-ое требование. 3. Соответствующий истине, действительности; правильный, верный. С-ые слухи. С-ые познания. Полученные сведения оказались справедливыми².

В авторском (Н. М. Добрынина, доктора юридических наук, профессора, специалиста в области конституционного права) Универсальном энциклопедическом словаре содержится такое определение: справедливость — справедливое отношение к кому-либо, беспристрастие; справедливый: 1) действующий беспристрастно; соответствующий истине; 2) осуществляемый на законных и честных основаниях; 3) истинный, правильный³. А в Большой юридической энциклопедии⁴ понятие «справедливость» вообще не упоминается.

Естественно, понятие «справедливость» — в привязке к судебным актам — рассматривалось учеными многократно, в том числе в диссертационных исследованиях⁵, иных научных жанрах. Так, И. Михайловская, соотнося принципы независимости, беспристрастности и справедливости правосудия, схему этого соответствия представляет следующим образом: чем действеннее гарантии независимости, тем выше вероятность его беспристрастности; в свою очередь, чем выше уровень гарантии беспристрастного судебного разбирательства, тем больше шансов принятия справедливого судебного решения. Другими словами, указывает она: законодательные и иные предпосылки, непосредственно влияющие на независимость суда, опосредованно воздействуют и на характер судебных решений, их беспристрастность и справедливость; все факторы, которые непосредственно влияют на беспристрастность суда, опосредованно повышают или снижают вероятность вынесения справедливых решений⁶.

Все вышесказанное верно, но уяснению понимания, что такое справедливость, помогает мало. Вместе с тем понятие «справедливость» широко используется в отечественном законодательстве (например, ст. 6 УК РФ именуется «Принцип справедливости»), в актах международного права (ст. 6

¹ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. Л. И. Скворцова. 26-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 607.

² Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2008. С. 1252.

³ Добрынин Н. М. Универсальный энциклопедический словарь для всех и каждого. Современная версия новейшей истории государства. Новосибирск, 2012. С. 485.

⁴ Большая юридическая энциклопедия. М., 2005.

⁵ См., например: Алексеева Л. Б. Право на справедливое судебное разбирательство: реализация в УПК РФ общепризнанных принципов и норм международного права : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003.

⁶ Михайловская И. Соотношение категорий «независимость», «беспристрастность» и «справедливость» суда // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2 (63). С. 101.

Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод называется право на справедливое судебное разбирательство) и т. д. А ведь это понятие для судей — при вынесении судебных актов — не абстрактное теоретизирование. Однако официальное «раскрытие» содержания понятия «справедливость» в этих и иных актах оставляет желать лучшего. Например, ст. 297 Уголовно-процессуального кодекса РФ, именуемая «Законность, обоснованность и справедливость приговора», раскрывается в своей ч. 2 так: «Приговор признается законным, обоснованным и справедливым, если он постановлен в соответствии с требованиями настоящего Кодекса и основан на правильном применении уголовного закона». То есть получается: если приговор законен, то он справедлив. Но это верно лишь при условии, что сам закон (причем именно уголовный) справедлив. А это не так, хотя бы потому, что иначе не было бы необходимости постоянно изменять законы: две трети принимаемых федеральных законов — это изменения законов.

Видимо, некоторая слабость, аморфность, неполнота цитируемых определений, обусловленная филологическим инструментарием сопоставления разных величин (справедливость = беспристрастность, истинность, правильность, верность и пр.), являются показателями объективной невозможности выразить языком то, что «ощущается сердцем». Недаром известный философ Н. А. Бердяев говорил об идеях, где «правда-истина будет соединена с правдой-справедливостью».

Вряд ли кто безошибочно и однозначно ответит на вопросы: «Справедливость чувствуется, осознается или ощущается?» (Это вопрос психологии, морали или даже, может быть, метафизики.) «Само восприятие справедливости/несправедливости базируется на невербальном постижении соответствующих ориентиров или здесь специфический ментальный модус и это постижение достигается на неопознанных и неотрефлексированных измерениях сущностей?»

С другой же стороны, практически любой человек (тем паче любой судья) обычно без долгих раздумий, что называется, «влёт» отличит — при тех или иных общественных проявлениях — справедливость от несправедливости. Причем для нашего, российского, общества любое проявление несправедливости, которое каждый человек «чувствует сердцем», является сильнейшим раздражителем. Директор Института социологии РАН академик М. К. Горшков отмечает: «Наше общество идею "справедливости" возводит во главу угла (мы это видим в ходе наших опросов уже не первый десяток лет)»¹.

Нужно подчеркнуть: на Руси издревле справедливость была понятием базовым, сакральным; ради нее, «страдаая за правду», шли и на дыбу, и на эшафот. Невозможность «добиться справедливости» нередко приводила к «уходу в запой», но подчас и «брались за вилы».

Может быть, поэтому сегодняшний российский судья вряд ли примет решение, аналогичное судебному акту эстонского судьи о продаже трехкомнатной квартиры гражданки Эстонии Г. за 3200 евро с целью взыскания с нее штрафа за безбилетный проезд и нарушение правил дорожного движения (с набежавшими за несколько лет пени, что в совокупности составило 3200 евро), причем это решение эстонского судьи было приведено в ис-

¹ Российская газета. 2013. 27 февр.

полнение¹. Равным образом вряд ли современный российский судья вынесет приговор о лишении свободы, исчисляемый секундами: именно такой приговор — о лишении свободы сроком на 30 секунд премьер-министра Пакистана за неуважение к суду вынес Верховный суд этого государства².

Справедливы ли наше общество и его государственные устои сегодня? Отнюдь нет, если быть объективным. Можно ли у нас сегодня «найти справедливость», если она попорана, — в конкретном проявлении? В принципе и теоретически, и практически обычно можно, но по факту — не всегда, не во всем и не всеми. Но ощущать несправедливость и искать защиту от нее — не исключительный удел индивидуума. Подчас от несправедливости страдают и безуспешно ищут защиту целые коллективные образования. А осознание более или менее широкими слоями общества подчас принципиальной невозможности торжества справедливости, невозможности ее восстановления при поправии неизбежно приводит к деструктивным проявлениям, направленным прежде всего против центральной власти, которая — в общественном сознании — и виновна в сложившемся положении дел, в том, что в возглавляемом ею государстве «нельзя найти правду».

Осознание сегодня наличия названной в цитируемом положении Постановления VIII Всероссийского съезда судей стратегической проблемы (как обязательный первый шаг на длительном и тернистом пути ее решения) опирается на уверенность в том, что ее решение по значимости для современного гражданского общества сопоставимо, в рамках российской истории, например, с отменой крепостного права Александром II. Именно тогда, во второй половине XIX века, Россия созрела для такого масштабного прорыва к справедливости. Можно сопоставить ее и с судебной реформой: как известно, в первой половине XIX века попытки графа И. М. Сперанского провести судебную реформу в России не увенчались успехом именно из-за неготовности общества это принять. Но уже к 1864 году общество к радикальной судебной реформе было готово, и она была успешно осуществлена. Тем более оно готово к решению проблемы торжества справедливости сейчас. Сегодня, в принципе, по значимости и масштабам ее решение можно сопоставить — в рамках отечественной истории — с ядерным и космическим проектами. А ведь в науковедческой литературе отмечается, что за последние двадцать с лишним лет государство вообще не поставило перед наукой и экономикой ни одной масштабной задачи, сопоставимой, например, с созданием ядерного оружия или ядерной энергетики, атомного, подводного и ледокольного флота, освоением космического пространства³. Вопрос о направлениях, принципах, алгоритмах и динамике реализации проекта — второй; главное и необходимо принципиальное — политическое решение о его разработке.

Механизм восстановления порушенной справедливости многопланов, разнообразен и многозвенен. Но сегодня в демократическом правовом государстве, коим является Россия, ядром этого механизма служит специально для этого созданная, являющаяся самостоятельной ветвью государственной власти судебная власть. Точнее — должна служить.

¹ Российская газета. 2011. 15 сент.

² Российская газета. 2012. 27 апр.

³ См.: Саркисов А. А. Российская академия наук: какой ей быть? // Вестник Российской академии наук. 2012. Дек. Т. 82, № 12. С. 1109.

Известные писатели-фантасты братья Стругацкие в начальный период своей творческой деятельности, в 1960-е годы, в нескольких своих произведениях создали — очень образно и выпукло — мир Полудня (впервые в романе «Полдень, XXII век»), в литературоведении позже охарактеризованный как мир, в котором хочется жить и работать. В условиях сегодняшнего дня мир, в котором хочется жить и работать, — это прежде всего мир государства, в котором высокая общая культура, соответственно высокая правовая культура и, естественно, высококультурное справедливое правосудие.

Г. Б. Клейнер¹

**А. СМИТ, Т. ВЕБЛЕН, В. ВЕРНАДСКИЙ, Д. ЛИХАЧЕВ:
ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ЗЕРКАЛЕ ЭКОНОМИКИ²**

Вопрос о взаимосвязях и соотношениях между культурой и экономикой, вставший особенно остро в России в период постсоциалистической трансформации, имеет первостепенное значение как для экономической теории и политики, так и для культурологии и культурной политики государства. По сути дела, это вопрос общественного мировоззрения. На сегодняшний день можно считать отброшенными теории, согласно которым культура детерминируется экономикой (теория «базис — надстройка»)³. Теории, где культура однозначно определяет экономику, также не получают подтверждения и общественного признания. Гораздо более релевантными представляются концепции, в которых взаимоотношения экономики и культуры исследуются как взаимоотношения двух относительно самостоятельных и взаимосвязанных систем. При таком подходе возникает возможность

¹ Заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук. Заведующий кафедрой экономики Государственного академического университета гуманитарных наук, заведующий кафедрой институциональной экономики Государственного университета управления, заведующий кафедрой системного анализа и моделирования экономических процессов Финансового университета при Правительстве РФ, профессор экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, Московской школы экономики МГУ. Главный редактор журнала «Экономическая наука современной России», заместитель главного редактора «Российского журнала менеджмента». Автор более 650 научных публикаций, в т. ч.: «Инновационные программы подготовки современных менеджеров», «Россия на пути к современной, динамичной и эффективной экономике», «Какая экономика нужна России: анализ на основе системного моделирования», «Системная экономика как платформа развития современной экономической теории», «Какая мезоэкономика нужна России? Региональный разрез в свете системной экономической теории», «Системные принципы современного управления», «Институциональное управление, институты управления, управление институтами. Институциональная экономика: развитие, преподавание, применение», «Системная экономика и системно-ориентированное моделирование» и др. Награжден медалями ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степени. Лауреат премии РАН им. В. С. Немчинова.

² Доклад представлен на XIV Международные Лихачевские научные чтения (2014 г.).

³ *Запесоцкий А. С.* Экономика и культура: к вопросу о характере взаимосвязей // Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры : X Междунар. Лихачевские науч. чтения, 13–14 мая 2010 г. СПб. : СПбГУП, 2010.

проанализировать различные аспекты связей, равно как и различные уровни их реализации. Существенную определенность здесь вносит позиция А. С. Запесоцкого: «Для культурологии наиболее широкое понимание культуры — это представление о ней как обо всем, что создано руками и разумом человека. <...> Культура понимается как макросистема, в которой экономика является одной из подсистем... В повестке дня — попытка осмысления экономической сферы человеческой деятельности как большого культурного комплекса в рамках культуры как системной целостности»¹. К этому можно добавить, что культура в узком смысле — как комплекс ценностей, образцов поведения, коммуникационных традиций и тому подобного — может, в свою очередь, рассматриваться как одна из подсистем экономики на разных уровнях управления, от государства до отдельного предприятия. Такая «бинарная» концепция открывает широкие возможности для диалектического анализа взаимосвязей культуры и экономики.

В данной работе на этой основе мы пытаемся условно маркировать «верстовые столбы» движения общественной мысли, направленной на осмысление взаимосвязи культуры и экономики на протяжении трех предшествующих столетий. В качестве создателей и выразителей узловых концепций фигурируют перечисленные в заголовке статьи четыре крупнейших мыслителя, двое из которых — А. Смит и Т. Веблен — являлись «чистыми» экономистами, а двое — В. И. Вернадский и Д. С. Лихачев, не обходя вниманием и собственно экономику, максимально расширили границы предметной области, мировоззренчески охватывали едва ли не все многообразие культуры и природы. То обстоятельство, что первые принадлежали к западной цивилизации, а последние — к российской, позволяет думать об определенной представительности данной группы мыслителей.

По нашему мнению, каждую из этих фигур можно рассматривать как символическую для определенного этапа в развитии двух взаимосвязанных систем — культуры и экономики. Культурная мировоззренческая квинтэссенция этапа, отражаясь в зеркале экономики, характеризует восприятие экономического пространства — времени и приобретает форму экономической идеологии. Определить стадии движения и проанализировать связи между культурными ценностными установками и типом экономики на каждом этапе — основная задача, рассматриваемая в данной работе.

Согласно концепциям новой теории социально-экономических систем существуют четыре системных архетипа, исчерпывающих в определенном смысле многообразие типов социально-экономических систем². Это системы *объектного типа*, в которых основную роль играют *объекты* — локализованные в пространстве подсистемы с нефиксированным сроком жизненного цикла; системы *процессного типа*, основанные на взаимодействии *процессов* — пространственно нелокализованных систем с фиксированным жизненным циклом; системы *проектного типа*, базирующиеся на инициации и реализации *проектов* — локализованных во времени и в пространстве систем; системы *средового типа*, в которых главными движущими силами выступают социальные, экономические, технологические, информационные

¹ Запесоцкий А. С. Указ. соч. С. 450.

² Системная экономика как платформа развития современной экономической теории // Вопросы экономики. 2013. № 6. С. 4–28.

и иные *среды* — системы с неограниченным пространственным радиусом и нефиксированным жизненным циклом. Каждая страна и мировая экономика в целом проходят в своем развитии стадии, соответствующие указанным системным архетипам. В практическом плане это выражается в ориентации экономической политики государств и соответственно национальных экономик на развитие и поддержку систем того или иного архетипа. В теоретическом плане это выражается в появлении мыслителей, в концепциях которых отражается «дух» соответствующей эпохи (стадии).

Именно эту роль играли, по нашему мнению, А. Смит, Т. Веблен, В. И. Вернадский и Д. С. Лихачев. В систематизированном виде краткая характеристика их концепций в интересующем нас ракурсе выглядит следующим образом.

1. Адам Смит провозгласил принцип «невидимой руки рынка», трансформирующий экономическую активность каждого хозяйствующего субъекта в целях его личной выгоды в прирост общественного благосостояния. В свою очередь общественное развитие трансформируется в рост благосостояния каждого субъекта. Тем самым в концепции А. Смита устанавливалась связь между интересами субъекта и интересами общества. В основе этой связи лежала, говоря сегодняшним языком, совокупность бизнес-проектов отдельных экономических субъектов в собственных интересах. Характерной чертой учения А. Смита была уверенность в ведущей роли бизнес-проектов микроэкономического уровня. Фокусом экономического анализа должна стать, таким образом, деловая активность экономических субъектов. В центре экономического мировоззрения как проекции общекультурного мировоззрения лежит в данном случае понятие деятельности субъекта, складывающейся из последовательности актов по производству, реализации, потреблению и обмену продукции промышленности или сельского хозяйства. Основной единицей анализа становится акт экономической деятельности. Экономика в целом носит архетипические черты системы проектного типа.

2. Т. Веблен в своей «вечнозеленой» статье 1898 года «Почему экономика не является эволюционной наукой?»¹ обратил внимание на отсутствие в современной ему экономической науке, в отличие от биологии, антропологии и других естественно-научных дисциплин, эволюционной компоненты, отражающей протекание некоторых объективных саморазвивающихся процессов генетического характера. Веблен ставил вопрос о необходимости перехода от «таксономической» экономики, в основе которой лежит представление о взаимодействии таксонов в сфере группировок отдельных видов экономической активности, к экономике генетических процессов, то есть эволюционной экономике. Центральным предметом анализа в этом случае должны стать экономические процессы, отражающие распространение экономических благ в популяции экономических агентов.

3. Учение В. И. Вернадского предлагало принципиально иное восприятие мира. Единство геосферы, техносферы, биосферы и ноосферы, их взаимное влияние друг на друга как компонентов единого пространственно-временного континуума создавали представление о системах средового типа как

¹ Почему экономика не является эволюционной наукой? // Экономический вестник Ростовского гос. ун-та. 2006. Т. 4, № 2. С. 99 – 111.

основных компонентах бытия. В экономической сфере это соответствует представлению о нераздельности (синкретичности) экономики, в частности о единстве спроса и предложения. В глобальном плане и в стратегической перспективе спрос и предложение представляются не в виде разных характеристик экономики, как это имеет место в неоклассической экономической теории, а в виде единого явления. По сути учение Вернадского могло бы стать мировоззренческой основой так называемой средовой экономики — направления экономической теории, трактующего взаимодействие социально-экономических сред и экономических субъектов между собой. В средовой экономике принадлежность агента к определенной среде (в частности, к определенному социальному институту) выступает как основной источник фундаментальной мотивации поведения агента. В то же время действия агентов находят свое финальное выражение не в конкретных транзакциях, а в диспергированном воздействии на состав и свойства пространственно-временной среды. Такая экономика в теоретическом плане изучена недостаточно. Наиболее изученной частью на сегодняшний день остается институциональная экономическая теория, трактующая взаимодействие агентов и институциональной компоненты пространственно-временной среды.

4. Концепция Д. С. Лихачева возвращает нас к гуманитарному измерению экономики. В центре мировоззрения Лихачева и его последователей находится фигура человека. Однако, в отличие от предельно упрощенной схемы «экономического человека» А. Смита, «социальный человек» Д. С. Лихачева обретает плоть и кровь, становится живым и многогранным, концентрирует в себе влияние проектных, процессных и средовых факторов, рассматривавшихся в концепциях Смита, Веблена и Вернадского. Интегрируя стремление к собственной выгоде, влияние популяционных генетических процессов и воздействие разнообразных сред, человек в концепции Д. С. Лихачева добавляет к этому в качестве ведущего элемента нравственное начало. «Совесьть — не только ангел-хранитель человеческой чести, это рулевой его свободы, она заботится о том, чтобы свобода не превращалась в произвол, но указывала человеку его настоящую дорогу в запутанных обстоятельствах жизни, особенно современной»¹.

Здесь совесть представляет собой концентрированное и комплексное выражение лучших нравственных человеческих качеств. Заметим, что в словах Лихачева содержится не одна, а две важные идеи. Во-первых, идея *свободы* человека, то есть наличия некоторого «пространства выбора» вокруг субъекта. Во-вторых, идея совести, причем не просто как ограничения на выбор субъекта, а как драйвера его деятельности. Это означает, что социально-экономическая концепция Лихачева ставит в центр рассмотрения фигуру относительно свободного и нравственно ориентированного субъекта. Таким образом, экономика в данной концепции предстает в виде архетипа системы объектного типа (не должно возникать недоразумений в связи с переключкой терминов «экономический субъект» и «экономический объект»: каждый хозяйствующий субъект объективно является экономическим объектом, а каждый экономический объект, имеющий субъектность, считается хозяйствующим субъектом).

¹ Лихачев Д. С. О русской интеллигенции // Новый мир. 1993. № 2. С. 3–9.

На каждом историческом этапе движущей силой экономики служит ценностная установка, формирующаяся в культурном пространстве общества. Такая установка определяет ценностные ориентиры хозяйствующих субъектов и структурирует их отношения с внешним и внутренним миром. В разных культурах она различна, но наиболее известные установки, сформулированные в трудах крупнейших мыслителей, приведены в таблице.

Таблица

Типология состояний экономики

Символическое наименование экономики данного этапа	Центральная единица экономического анализа	Типологическая характеристика экономики	Превалирующая культурно-ценностная установка	Автор ключевой социально-экономической концепции
Экономика предпринимательских инициатив	Предпринимательский проект	Проектная экономика	Извлечение максимальной выгоды	А. Смит
Экономика генетических развивающихся процессов	Циклический или эволюционный процесс	Процессная экономика	Развитие, согласованное с основными социально-экономическими процессами	Т. Веблен
Экономика взаимодействующих сред	Социально-экономическая или природная среда	Средовая экономика	Достижение гармонии с основными видами социально-экономических и природных сред	В. Вернадский
Экономика нравственного выбора	Нравственно ориентированный субъект	Объектная экономика	Достижение гармонии с собой	Д. Лихачев

В таблице представлены главным образом теоретические концепции культурных ценностей и соответствующих характеристик экономики, результаты осмысления взаимосвязи культуры и экономики в трудах крупнейших ученых своего времени. Вопрос о хронологической датировке столь крупных стадий развития общества представляет собой отдельную проблему. Позиция автора в этом вопросе кратко может быть выражена следующим образом.

С точки зрения реального экономического мировоззрения XIX век соответствовал характеристикам, приведенным в первой строке таблицы. Экономическая идеология первой половины XX века под влиянием открытий в физике, генетике и других науках может характеризоваться как процессная. В конце XX века стало ощущаться влияние средового экономического мировоззрения, усилившееся в результате глобализации. В XXI веке это давление возросло, о чем свидетельствует кризис 2008 – 2010 годов. Что же касается экономики нравственного выбора (последняя строка таблицы), то, несмотря на возрастание роли концепций социальной экономики и социальной ответственности бизнеса, ее время еще не настало.

В итоге мы видим следующую последовательность этапов синхронного развития культуры и экономики: система проектного типа — система про-

цессного типа — система средового типа — система объектного типа. Эта последовательность является лишь повторяющимся фрагментом неограниченного цикла развития общества.

Для каждой стадии характерна, как видим, своя ценностная установка, кристаллизирующаяся в сфере культуры (в широком смысле слова) и служащая драйвером функционирования и развития экономики. В то же время в силу диалектической зависимости между членами связки «система — подсистема», отражающей взаимосвязь культуры и экономики, критериальные установки экономических субъектов порождают внутриэкономические, в частности внутрипроизводственные, особенности организационной культуры (в узком смысле слова). Культура отношений между экономическими субъектами проецируется на отношения между участниками хозяйственной деятельности внутри таких субъектов. В целом культурно-ценностные установки охватывают всю толщу общественных отношений.

Матрица «стадия — характеристики стадии», представленная в таблице, позволяет выявить два вида взаимодействия (диалога) культур. Во-первых, имеет место своеобразная переключка между ценностями общекультурного характера и установками экономического характера. Здесь в пределах каждой хронологической стадии разворачивается диалог между системой (культурой) и подсистемой (экономикой). Во-вторых, идет переключка между различными культурно-ценностными установками, относящимися к разным стадиям в рамках хронологического цикла «проект — процесс — среда — объект». Доминирование на каждой стадии экономических подсистем какого-то одного типа позволяет говорить о проектной, процессной, средовой и объектной культуре общества. В каждой конкретной стадии взаимоотношения между доминирующим и остальными типами культуры носят непростой, а иногда и конкурентный характер. Грядущая культурно-экономическая парадигма постепенно вытесняет доминирующую, порой пользуясь поддержкой остальных существующих парадигм. Мониторинг реального состояния «профиля» экономики с точки зрения пропорций распространения тех или иных вариантов культурно-экономических идеологических установок, перечисленных в таблице, и прогноз динамики этих пропорций необходимы для обеспечения устойчивого развития экономики под эгидой культуры. Организация цивилизованного «неразрушающего» диалога между ними — актуальная задача социально-экономической политики государства.

А. Г. Лисицын-Светланов¹

РОЛЬ ПРАВА В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР²

Любой диалог — это своего рода форма общения, определенные правила и культура поведения. Все эти характеристики, присущие диалогу, реализуются в праве. Диалог мировых культур — это форма реализации международных отношений, выражающаяся в определенных правилах и отличающаяся определенной культурой поведения участников этих отношений.

Диалог культур, как и любой диалог, основывается на неких постулатах, которые по-разному могут оцениваться современниками, но со временем видятся потомками в более компромиссных тонах. Соответственно и правовое регулирование в своем историческом развитии основано на различных ценностях.

Применительно к правовому регулированию международных отношений, в широком смысле этого слова, пройден долгий исторический путь от *De Jure Belli ac Pacis* — Права Войны и Мира, как это описано у Гуго Гроция, до права Мира и Мирного сосуществования, что легло в основу учредительных документов ООН.

Диалог культур, выступающий в качестве формы международных отношений, реализуется на двух уровнях — это диалог людей как носителей культуры и диалог государств как представителей культуры.

В праве международный диалог людей выражается через частные имущественные и личные неимущественные отношения. Возникая в рамках одного государства и регулируясь его правом, они требуют признания и в других государствах, имеющих собственные правовые порядки. Отличие правовых порядков обусловлено различиями культур стран и народов.

За свою долгую историю человечество выработало механизмы взаимодействия правовых систем для регулирования данной сферы отношений. Центральное место в этом механизме занимают международное частное право и международный гражданский процесс, призванные обеспечивать как признание легитимности правоотношений, возникающих в зарубеж-

¹ Директор Института государства и права РАН, академик РАН, заведующий кафедрой частного и публичного права Государственного академического университета гуманитарных наук, доктор юридических наук, профессор. Автор свыше 100 научных работ, в т. ч.: «Порядок рассмотрения споров в связи с охраной и передачей прав на изобретения, ноу-хау и товарные знаки», «Арбитраж при осуществлении промышленного и научно-технического сотрудничества», «Правовые вопросы научно-технической и производственной кооперации», «Международная передача технологий: правовое регулирование» (в соавт.), «Законодательство США», «Международное частное право: современные проблемы» (в соавт.), «Правовое регулирование иностранных инвестиций в России», «Международное частное право: современная практика» (в соавт.), «Международный гражданский процесс: современные тенденции», «Права человека и современное государственно-правовое развитие», «Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу РФ» (в соавт.), «Новые вызовы и международное право», «Роль права в модернизации экономики России (на примере нефтегазового сектора)». Председатель редакционного совета журнала «Государство и право» и редколлегии «Трудов Института государства и права РАН». Член Бюро Отделения общественных наук РАН, Совета при Президенте РФ по науке, технологиям и образованию. Награжден орденами Дружбы, Леопольда II (Бельгия) и преподобного Сергия Радонежского.

² Доклад представлен на X Международные Лихачевские научные чтения (2010 г.).

ных странах, так и осуществление судебной защиты прав участников этих отношений.

Отдельные сферы правового регулирования, например правовой статус иностранцев, их процессуальные права в суде демонстрируют эффективное взаимодействие правовых систем. В этих вопросах доминирующим является принцип предоставления иностранцу национального режима. Столь же оптимистичную оценку можно дать сфере коммерческих отношений или сфере интеллектуальной деятельности, в частности признанию и защите авторских прав.

Вместе с тем в отношении других областей правового регулирования, несмотря на их многовековую историю, говорить об их совершенстве было бы ошибочным. Достаточно обратиться к такой сфере отношений, как семейные. Именно здесь наиболее полно и тонко проявляется культурное многообразие. И в то же время, как показывает практика, именно здесь наиболее остры проблемы взаимодействия правовых систем и усилий государств по созданию взаимоприемлемого унифицированного регулирования. Применительно к российской практике можно отметить конфликты смешанных браков, проблемы прав родителей по отношению к детям, проблемы усыновления.

Анализируя проблемы, существующие в этой области правового регулирования, следует отметить, что возникают они не только в контексте «диалога значительно взаимно удаленных культур», но и там, где смешанные браки — достаточно обыденное явление.

Примечательным является европейский опыт. Подготовка Гаагскими конференциями ряда конвенций по вопросам семьи и брака не сделала правовое регулирование универсальным. Возможно, решение проблем в этой сфере диалога культур следует искать не столько в выработке и принятии статутных правил, сколько в правоприменительной практике, где существенную роль в поиске компромиссов может играть судебское усмотрение.

Диалог государств как субъектов международного публичного права — явление многоплановое. Оно охватывает различные сферы их сотрудничества. Однако современное международное право как форма международного диалога культур имеет единый подход: международное право — это продукт согласования воли государств. Только благодаря согласованию воли различных государств после Второй мировой войны удалось сформулировать общепризнанные принципы международного права, которые легли в основу послевоенного мироустройства. Эти принципы и по сей день являются основой для развития международных отношений и самого международного права.

Особое место международно-правового регулирования, обеспечивающего диалог культур, принадлежит международно-правовой защите прав человека. История наглядно показывает, что государства — члены ООН, единодушно признавая основные принципы международного права, в том числе принцип уважения прав человека, по-разному реализуют его в своем национальном праве и, тем более, в правоприменительной практике. При чем было бы ошибкой считать существующие различия преднамеренными нарушениями со стороны одних государств и эталонными действиями других.

Часто такая «эталонность» приписывается европейской цивилизации и ее правовым институтам в области прав человека. Безусловно, признавая ее гуманистический характер, нельзя не заметить, что европейская культура — это только сегмент в мировом культурном многообразии. А современный мир находится перед лицом очередного импульса развития древних цивилизаций, составляющих большую часть населения планеты. В этом контексте представляется более реалистичным межрегиональный диалог, нежели стремления и усилия по установлению общемирового правопонимания.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ¹

Рассмотрение права как элемента культуры неразрывно связано с такими категориями, как «национальное» или «цивилизационное». Обе категории предполагают определенную множественность и многообразие проявлений, по крайней мере с учетом их исторического развития. Рассмотреть становление национальных правовых систем, составивших «правовые цивилизации», наиболее наглядно на примере Европы. При всем многообразии существующих взглядов исследователей всемирной истории права представляется справедливым, что подлинное становление самостоятельных национальных правовых систем связано с распадом Римской империи и возникновением на европейском континенте независимых государств, способных заключать договоры с империей. Именно тогда возникает принцип "*Par in parem non habet imperium*" («Равный над равным не имеет власти»).

Международный договор — это результат согласования воли государств, закрепленный в правовой форме. Принимая во внимание уровень правовой культуры Римской империи, ее контрагентом в равноправных или относительно равноправных отношениях могло быть государство, жизнь в котором строилась на правилах (возможно, и обычаях), которые могут быть оценены как правовые. Дальнейшее становление государств в Европе привело к формированию различных правовых систем. Это различие проявляется не только в делении на право континентальное и англосаксонское. На континенте также складываются самостоятельные правовые системы. Позже, в колониальную и постколониальную эпохи, они оказали существенное влияние на формирование права в колониях.

Сложившиеся различия неоднородны по своему характеру, а их существование производно от тех обстоятельств, которые формируют культуру народов, их нравы и социальное поведение. Исторический опыт дает примеры, когда одни государства «заимствовали» отдельные источники права у других государств. Однако рецепция иностранной нормы не означает восприятия иностранного права как такового. Прямым свидетельством тому служит то, что практика применения заимствованных источников не повто-

¹ Доклад представлен на XV Международные Лихачевские научные чтения (2015 г.).

рялась в судебных решениях. Классическими в связи с этим стали примеры принятия в Бельгии французского Кодекса Наполеона, а в Турции — закона об обязательствах Швейцарии. В обоих случаях правоприменение отражает национальные особенности. В странах «общего права» прецеденты носят более национальный характер. Однако не только рецепция норм права, но и иные попытки восприятия чужих доктрин не создают «правовых клонов». Так, после Второй мировой войны Конституция Японии разрабатывалась под сильным американским влиянием, однако как роль Основного закона, так и дальнейшее развитие права в США и Японии сегодня вряд ли можно назвать родственными явлениями.

Различия правовых систем зависят и от сферы регулирования. Особенно это проявляется в сфере публичного права, на содержание которого оказывают влияние не только культурная и как ее часть — правовая традиции, но и политическая обстановка в стране. Например, установление в 1930-е годы фашистской диктатуры в таких государствах, как Италия и Германия, не соответствовало правовым традициям этих государств, однако приход к власти политических сил того времени установил в них бесчеловечный правопорядок.

Вместе с тем исторический опыт указывает на то, что значительные социальные изменения, происходящие в государствах, могут породить политические, экономические и идеологические изменения, находящие закрепление в праве, и одновременно сохранять действие правовых институтов, традиционных для этих государств. Возникновение СССР и в последующем стран народной демократии установило в них практически новый правопорядок в сфере регулирования экономики. Однако наряду со сложившимся новым хозяйственным правом, основанным главным образом на правительственных постановлениях, в этих государствах продолжало действовать гражданское законодательство, традиционное для континентальной системы права.

После окончания Второй мировой войны начался новый этап формирования правовых систем, причем как на национальном, так и на международном уровне. Наряду с формированием правопорядка, обеспечивающего мир народам, в качестве высшей ценности провозглашаются права человека. Ключевым принципом развития правовых систем стали не столько национальные особенности и традиции, сколько складывающаяся bipolarность мира, в основе которой лежала идеология, в первую очередь коммунистическая. Она распространилась на страны с населением, превышающим 1,5 млрд человек.

Элементом противостояния двух систем стали различия в подходах к трактовке самого понятия «права человека». Распад социалистического лагеря, казалось, мог бы обеспечить единое понимание прав человека и соответственно единый подход к правоприменению. Более того, европейское понимание прав человека могло бы претендовать на мировое лидерство, особенно принимая во внимание, что сложившееся в этой сфере регулирование основано как на материально-правовом регулировании — Всеобщей декларации прав человека, так и на процессуальной практике Европейского суда по правам человека. Но события последних десятилетий свидетельствуют об ином — западноевропейский подход не стал образцом для остального мира.

С исторических позиций видно, что нормы и ценности европейской цивилизации, получившие развитие в XVIII – XIX веках, не приобрели иммунитета от тоталитаризма, поразившего Европу в XX веке. Правовая политика и законодательство многих государств на этапе режима тоталитаризма рядились в одежды нравственности, провозглашая насилие, обеспечивающее их интересы, проявлением «высшей нравственности», хотя, по сути дела, распространяли безнравственность.

В чем же заключается значение декларации? Возможно, в том, что она, отражая исторический опыт человечества, прямо провозгласила в качестве высших ценностей права человека, соблюдение которых способно уберечь человечество от войн и массовых нарушений основных прав и свобод.

Положения декларации исходят из универсального понимания прав человека, отражающего такие категории, как равенство, совесть, справедливость, относя их ко всем странам и народам, то есть из универсального понимания гуманизма. Эти ценности на Земле назовут «всяк сущий язык». Однако народы стран, входящих в ООН, даже в условиях глобализирующего мира неизбежно вкладывают в них содержание, отражающее особенности как национальных традиций, так и более общие — цивилизационные. Эти особые морально-нравственные установки, существуя в сознании, неизбежно переносятся в принимаемое законодательство и, что особенно важно, в правоприменительную практику.

Как в политике, так и в области права вопросы морали и нравственности имеют разную шкалу ценностей. Представляется, что ситуация со Всеобщей декларацией прав человека имеет те же корни. Различия в национальном законодательстве, касающемся прав человека, могут быть порождены целенаправленной политикой режима, действующего вопреки букве и духу декларации. Однако различия в национальных стандартах защиты прав человека, толковании положений декларации могут быть обусловлены не злым умыслом властей, обвиняемых в тех или иных акциях или установлении правил, ограничивающих свободу поступков человека. Причины в данном случае могут быть обусловлены и стремлением обеспечить общественное благо. Вопрос в том, где проходит грань, которая позволяет создать гармонию, баланс прав и интересов.

С точки зрения права здесь возникает извечная дилемма между реализацией человеком его права и публичным порядком, выраженным в представлениях о национальных интересах и национальной безопасности, экономических возможностях государства, общественной нравственности и т. д.

Согласно ч. 2 ст. 29 декларации права человека могут подвергаться ограничениям в установленном законом порядке «исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе».

Эта достаточно общая и мягкая формула на практике приобретает определенные правовые формы. Реальная жизнь в различных государствах мира изобилует примерами ограничений прав, провозглашенных в декларации. Эти ограничения касаются и свободы слова, и права на свободное передвижение, и права на невмешательство в личную жизнь, и права на неприкосновенность личности. Лукавит тот, кто претендует на некую эталонность в этих вопросах.

Перечисленная группа ограничений по сути интернациональна, и обращение к ним сопряжено главным образом с особыми или чрезвычайными ситуациями, в том числе международного характера, например в контексте борьбы с терроризмом. Однако принятие этих ограничений (хотя и объяснимо) должно иметь четкие правовые основания в национальном законодательстве, а не носить произвольный характер, основанный лишь на политических и административных усмотрениях. Как следует из приведенной ч. 2 ст. 29 декларации, любые ограничения должны быть обоснованными, что налагает на власть особую ответственность.

Кроме того, гарантией от подавления прав могут и должны быть не только демократические институты государства и права, но и развитые институты гражданского общества.

Сложный баланс универсализма гуманных ценностей, цивилизационных особенностей, формирующих публичный порядок в праве, и, наконец, влияние внешних факторов в любом случае не должны служить поводом для ущемления прав человека. Правовая политика государства — члена ООН не может строиться вне правового поля, где следование общепризнанным нормам и принципам международного права является непременным условием членства в ООН и самого существования мирового сообщества. В связи с этим Всеобщая декларация прав человека является концептуальной основой развития двух ветвей права — международной и национальной. Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

Закрепленный в Конституции РФ примат международного права является нормой для современных демократических государств. Вместе с тем само международное право есть продукт согласования воли государств, где исключено чье-либо доминирование. Сложность процесса согласования воли государств нашла отражение в структуре международно-правового регулирования в области прав человека. Современное международно-правовое регулирование основано как на универсальных документах, составляющих наряду со Всеобщей декларацией прав человека Международный билль о правах человека, так и на региональном регулировании. К нему относятся европейская система защиты прав человека, Межамериканская конвенция по правам человека и Африканская хартия прав человека и прав народов. Следует отметить, что содержание, круг региональных участников, а главное — эффективность действия Межамериканской конвенции и Африканской хартии существенно отличаются от европейской системы защиты прав человека.

Различия в регулировании защиты прав человека на универсальном и региональном уровнях стимулировали идею принятия максимально универсальных стандартов. При этом подчас игнорировался тот факт, что выработка единых стандартов всегда сопряжена с необходимостью коррекции национальных правопорядков. В условиях глобализации, когда преодоление противостояния биполярного мира, аргументы в пользу единообразного

понимания прав человека усилились. Однако в настоящее время идеологическая, культурно-нравственная, этнорелигиозная и правовая карты мира иные, чем во времена создания Международного билля о правах человека. Современный мир определяется как многополярный, в котором единые процессы глобализма (в основном в сфере экономики, информатики, науки) встречаются с усиливающимися тенденциями сохранения национальных и цивилизационных ценностей в сфере морали, нравственности, права.

В современных условиях, когда голоса многих государств, в первую очередь стран Азии, приобрели иное, чем в 1940-х годах, звучание, процесс выработки единых стандартов прав человека и механизмов их обеспечения представляется более сложным, требующим учета особенностей цивилизационного развития всех государств мирового сообщества.

Д. С. Львов¹

ЭКОНОМИКА И ЖИЗНЕННЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА²

Россия, рамки ее реальности и контуры будущего

В свое время мы с академиком Н. Н. Моисеевым часто обсуждали проблему будущего России, какое место она займет в нынешнем противоречивом и трудном мире. Вспоминали отца Филофея с его мыслями о Третьем Риме, пытались сформулировать контуры «Русской идеи». К сожалению, за всем этим не оказалось серьезных оснований.

А вот то, что действительно составляет для нас объективную реальность и чем следовало бы заняться в первую очередь, — это Россия в ее современных границах, Россия, занимающая самую холодную и неудобную часть нашей планеты.

Достаточно вспомнить, что самый крупный северный город Канады Эдмонтон лежит на широте Курска, а у нас практически вся страна находится в районах с более суровым климатом. И если в Канаде на этих широтах плотность населения не превышает два человека на квадратный километр, то у нас в подобных условиях живут не меньше двадцати.

В Западной Европе, США и Японии для обеспечения принятых там стандартов жизни расходуют от 3,5 до 6 т условного нефтяного эквивалента на человека в год. Нам для обеспечения стандартов, которые естественны для

¹ Академик РАН, доктор экономических наук, профессор. Академик-секретарь Отделения экономики РАН (1996 – 2002). Специалист в области теории эффективности капитальных вложений, хозяйственного управления инвестиционными процессами, прогнозирования социально-экономического развития переходной экономики. Автор 14 монографий, 2 учебников для вузов, более 300 статей, брошюр, научных докладов, в т. ч.: «Развитие экономики России и задачи экономической науки», «Экономическая модель XXI века», «Экономический манифест — будущее российской экономики», «Свободная экономика России: взгляд в XXI век» и др. Награжден орденами Почета, Дружбы, Преподобного Сергия Радонежского и Святого благоверного князя Даниила Московского.

² Доклад представлен на VI Международные Лихачевские научные чтения (2006 г.).

США, необходимо 18 т. Сегодня Россия добывает около 8 т условного топлива на человека в год. Сопоставление этих цифр показывает, что в обозримом будущем обеспечить американские жизненные стандарты мы не сможем.

Да так ли это и необходимо?

Для нас более важной является реализация тех возможностей, которые позволят России подняться с колен и снова занять лидирующее место в мире. Таких возможностей у нас, по существу, три.

Первая — опора на творческий, созидательный слой нации.

Весь опыт последнего пятидесятилетия подтверждает, что на роль лидеров в социально-экономическом развитии всегда претендовали страны, имеющие наиболее высокий уровень образования, науки, здравоохранения, культуры и, конечно же, духовности. Поддержание и умножение этого потенциала обходится ныне крайне дорого, требует от общества огромных ресурсов. Но без него нет и не может быть инновационного общества, независимого государства, способного к быстрому саморазвитию в современной весьма сложной геополитической и экономической обстановке. Можно сравнительно легко восполнить потерю части экономического потенциала. Но нельзя рассчитывать на регенерацию, когда речь идет о фундаментальной науке, системе общего и профессионального образования, системе воспроизводства интеллектуальной элиты и высококвалифицированных кадров, об их социальном статусе.

В этом суть дела. Либо мы оседаем творческий фактор, для чего пока еще не утратили возможностей, либо окажемся одним из главных фигурантов мирового подполья, деструктивного геопояса, угрожающего существованию как самой России, так и всего мира.

Вот почему весь экономический механизм нам необходимо развернуть на поддержку и развитие опорного слоя нации. Наши приоритеты в этом отношении должны быть четко обозначены. Это — наука, образование и здоровье населения.

Вторая — повышение эффективности использования природно-ресурсного потенциала России.

Природный потенциал России оценивается в сотни триллионов долларов. Ежегодный доход от использования наших сырьевых ресурсов превышает 50 млрд долларов.

Но разителен контраст между огромными доходами, получаемыми страной, и недопустимо низким уровнем жизни нашего населения. Сегодня по душевому ВВП Россия отстает от США в 5 раз, от безресурсной Японии — в 4 раза, от стран Западной Европы — в 3,5–4 раза.

Указанное несоответствие сложилось не сегодня. Оно было характерно и для советского периода, когда мы проиграли экономическое соревнование с ведущими странами Запада. И тогда во всех наших «грехах» мы обвинили социализм. Парадокс же нынешней ситуации состоит в том, что, реформировав «зрелый социализм» в «переходный капитализм», мы еще в большей степени стали проигрывать «зрелому капитализму». По-видимому, реальная причина состоит в порочности как старой, так и новой экономических систем.

Если мы хотим видеть Россию сильной и процветающей страной, то должны коренным образом изменить механизм распределения рентного дохода,

направить поток чистой прибыли от нефти и газа, использования других природных ресурсов страны на подъем жизненного уровня народа, развитие науки, образования, резкое улучшение медицинского обслуживания населения, решение жилищной и других важнейших социальных проблем.

При этом мы не должны забывать, что Россия является крупнейшей экологической кладовой планеты.

Природная экосистема России в 2,2 раза превышает природные экосистемы таких стран, как США, Канада, Австралия, Бразилия. В то время как экологический потенциал России вносит положительный вклад в мировое экологическое равновесие (+3,3%), вклад США отрицательный (–4,5%).

Без России сегодня невозможно найти удовлетворительное решение проблемы глобального экологического равновесия.

Третья — эффективное использование геостратегических преимуществ территориального пространства России.

Россия — это мост между двумя центрами экономической силы: Европой и Азией.

Основой для построения такого моста является земля, природные богатства, которыми так щедро наградила природа Россию. Народу нужна была Земля, нужна была Воля, которая одна только и могла дать проявиться ему как русскому.

Русские обрели второй океан. Окно в первый прорубил Петр, а второй подарил «мужик». Россия стала страной двух океанов — вот в чем ее истинное евразийство! Нация двух океанов — это уже совсем иное осознание народа, на протяжении тысячелетия защищавшего Европейский полуостров от натиска Великой степи и обуздавшего ее. Пока Европа мельтешилась в своих междоусобицах, русские создали великую страну с собственным Востоком и собственным Западом, связанными чувством единства, которое теперь, в новых геополитических условиях, имеет шанс возродиться и стать одной из важнейших опор, способных обеспечить будущее страны.

Обустройство инфраструктуры географического пространства России, как предлагал академик Н. Н. Моисеев, могло бы стать аналогом плана ГОЭЛРО — 2.

Создание транспортной инфраструктуры, способной обеспечить товарные потоки, связывающие два самых быстро развивающихся региона планеты — Западную Европу и страны Тихоокеанского региона, — вот достойный проект, реализация которого всколыхнула бы всю страну от края и до края, создала бы мощные основания для нашего развития.

Решением этой задачи уже вовсю занимаются. Но, увы, без нас, в обход России. И мы можем опоздать. Это будет тем более обидно, что основа транспортной инфраструктуры уже существует в нашей стране. Прежде всего это Транссибирская железнодорожная магистраль. Но еще более важное значение имеет для нас Великий полярный морской путь. Это самая короткая дорога, соединяющая два океана; самый ближний выход в Европу, к западным провинциям Канады и США; наконец, морские перевозки во много раз дешевле сухопутных. Это откроет путь к неиспользуемым кладовым минеральных ресурсов, которые скрыты огромными непроходимыми пространствами. Так, шаг за шагом, будет формироваться новое индустриальное лицо России, заработают простаивающие мощности предприятий, окажется вос-

требуемым научный потенциал страны, всколыхнется жизнь на ныне замирающих территориях и в отраслях промышленности.

Новое общество

В последние годы мы теряем себя, осмысленный образ своего прошлого, настоящего и будущего, и уже давно пришла пора говорить о реалистических целях, способных объединить Россию, вдохнуть в ее народ ту энергию, которая необходима для выхода из смутного времени.

Заглядывая в будущее, мы неизбежно возвращаемся к фундаментальным проблемам социального мира и справедливости. Социалистические идеалы, втоптаные в грязь недальновидными политиками и конъюнктурщиками от науки, вновь оживают.

Люди хотят знать, что там впереди. Был советский социализм, он оказался разрушенным. Теперь куда — на рысях к капитализму? Ответ на этот вопрос не может быть прямолинейным в терминах «да — нет».

В распространяемых сейчас суждениях о социализме ему отведена роль пугала, от которого следует всячески отрешиваться. Такой образ предназначен для масс, чтобы они, упаси бог, не вернулись к прежним идолам. При этом не делается никакого разграничения между социализмом как Идеей и социализмом как Системой, выстроенной на потребу правящей элиты, своего рода «практической философией» компромисса, которая сохраняет за ней свободу лавирования в политико-экономическом пространстве между максимумом контроля и минимумом ответственности.

Социализм как Идея — это один из глубинных символов эпохи, ее мироисторических настроений, взыскуемая жизнью возможность. Не политико-экономическая формула (в духе «советская власть плюс электрификация всей страны» или переход к так называемой «шведской модели») и не механическое следствие экономических, моральных или каких-то еще факторов, а социализм как Идея, данная в своей непосредственной достоверности, трагической масштабности и напряженности.

Эта идея оживает перед зримо ощутимой угрозой потери будущего в прямом (биологическом, экологическом, политическом) смысле или угрозой распада упорядоченной картины будущего как достояния любого человека данной культуры. Социализм — это Идея, воплощающая заботу о будущем как тотальную проблему, выходящую за рамки обыденной предусмотрительности или лично-семейных притязаний.

Разве эта идея не выступала на первый план, с неумолимостью судьбы подчиняя своей силе настроения и действия как масс, так и политических и культурных элит всегда, когда угроза будущему достигала предельных отметок? Идея социализма призвала к жизни новый курс Рузвельта. Не просто сказалось давление обстоятельств — воодушевляющая Идея явилась в нужный момент достойным ее людям (Рузвельту и Кейнсу) и сыграла роль своего рода мембраны, гигантски усилившей импульсы решимости и воли отдельных людей, оказавшихся в полном смысле на своем месте в истории США, да и всего мира.

Идея социализма, как справедливо отмечал в свое время один из классиков экономической теории В. Г. Гребенников, есть восстание против

омертвения социальной жизни — будь оно связано с «остыванием» клонящейся к закату культуры или с органическими нарушениями и разрывами социальной ткани общества вследствие внешних угроз или крутой ломки устоявшихся традиций и форм жизни.

Социалистические идеалы — это не проблема рассудка, расчетливо оценивающего шансы и выбирающего между теми или другими благами существования. Это вопрос высших ценностей жизни и воли, вбирающих в себя стремительно нарастающий потенциал глобального конфликта между жизнью и имитирующей жизнь смертью. В этом смысле социализм как Идея смыкается с нравственными принципами христианской этики. Они генетически закреплены в сознании народа. Никакие революции и глобальные потрясения не способны изменить этой первоосновы человеческого самосознания. Силой складывающихся обстоятельств можно, и то лишь на время, отвернуть человека от его самосознания, притупить восприятие истины. И тогда человек начинает терять реальные ориентиры в жизни, второстепенное и наносное принимает за основное и главное. Происходит как бы переоценка ценностей, и вместо созидания духовных ценностей идет их разрушение. Наступает духовное перерождение. Но возникающие в результате этого глубокие противоречия начинают разъедать Систему изнутри. Наиболее рельефно это проявилось в противоречии между Мыслью, Словом и Делом: «думаю одно, говорю другое, делаю третье». Народ переступил запретную черту, за которой последовало нарушение нормального хода жизни, перерождение общественного уклада, смена устоявшейся в сознании людей системы ценностей. Краткосрочные интересы текущей выгоды стали превалировать над долгосрочными целями возрождения и развития страны. Шоковая пересадка в души людей новых ценностей не могла не вызвать их бурного отторжения.

Для наших либерал-реформаторов так и остался непонятым исходный тезис подлинных реформ — в ходе их осуществления надлежит не только перестроить саму реальность — экономику, но и скорректировать субъективное отношение людей к этой реальности, то есть трансформировать образ социального мира, который превалирует в сознании наших сограждан.

Может быть, лучшим напоминанием об этом являются слова выдающегося немецкого экономиста и социального мыслителя XIX века Фридриха Листа: «Мир богатства не существует! Только представление о духовном или живом может быть соединено с понятием о мире... Разве возможно говорить, например, о мире минералов? Устраните духовное начало, и все, что называется богатством, превратится лишь в мертвую материю. Что случилось с сокровищами Тира и Карфагена, с богатством венецианских дворцов, когда дух отлетел от этих каменных масс?»

Образ духовного и живого всегда связывался в сознании нашего народа с образом Совести. Этот образ проходит красной нитью через всю историю России. Какова суть этого образа? В нем два собирательных начала. Это прежде всего весть — благая весть. Известие для души об истинах, которые как бы сами собой выстраиваются в понятный и неоспоримый принцип праведного поведения человека. Благая весть переполняет человека, и поэтому он невольно ищет соучастия других. Отсюда и появилась приставка «со» — от сокращения слова «соучастие». Соучастие в общем деле, объединяющем всех.

Дух западноевропейской идеологии — индивидуальная избранность к спасению — несовместим с духовным наследием нашего народа — спасутся все или никто. Он всегда отстаивал равенство всех перед Богом!

Таким образом, ключевым моментом в понимании духовных начал российского общества, его скрепляющим стержнем является глубоко личный, индивидуально избираемый путь к общности. Так мы понимаем российский коллективизм — общее для всех дело. Конечно, речь идет не о том «коллективизме», который был канонизирован в СССР и выхолощен государственной доктриной. Как в свое время историческая русская община, он был превращен в орган круговой поруки, облегчающий контроль со стороны полицейского государства.

Российский коллективизм, если он получит благоприятные условия для своего развития, сыграет роль не только в судьбе нашей страны, но и в решении фундаментальной задачи, которая стоит сегодня перед всем человечеством: сохранить жизненный мир человека в борьбе с глобальной экспансией технократических систем. О трагических последствиях их тотальных наступлений говорят ведущие представители мировой гуманистической мысли.

Поэтому нашим голосам не следует присоединяться к хору анафемствующих коллективистские начала жизни, в том числе и в экономике. Наоборот, эти начала надо сделать опорой реформ. Для этого мы должны четко заявить, что целью для нас должна быть экономика, основная движущая сила которой будет принципиально иной по сравнению с рыночным обществом массового потребления.

Вместо стремления к богатству и его символическим выражениям стремление к высокому качеству жизни. А этого качества невозможно достичь индивидуально, не повышая одновременно качество жизни окружающих. Здесь должен работать принцип: «лучший способ помочь себе — это помочь слабому». Речь не идет о создании общества, состоящего из альтруистов. Речь идет о правилах игры, при которых, как в командной гонке велосипедистов, зачет ведется по последнему. Иными словами, качество жизни общества должно определяться разнообразием жизненных благ, которые могут быть гарантированы каждому его члену.

Было бы уместно провести аналогию с законом развития биологических систем. Если в живом организме нарушается механизм оптимального распределения полезных веществ по отдельным клеточным структурам, то возникают сбои в жизнедеятельности системы в целом. Общеизвестный в экономике принцип Парето-оптимальности является достаточно универсальным и применительно к клеточным структурам. Развитие одних структур за счет других неизбежно приводит к их вырождению. Возникает раковая опухоль, которая губит близлежащие клетки, а затем и весь организм.

Один из наших ведущих генетиков академик Е. Д. Свердлов пишет, что выживет то общество, где действуют центростремительные силы, где интересы индивида подчинены интересам общества, если они, конечно, не доводятся до абсурда. Человек в процессе эволюционного развития выжил только потому, что существовал в обществе себе подобных... Генетика — это то, что обеспечивает реальную передачу частички индивидуальности

и уникальности человека, впитавшей в себя историческое наследие своего прошлого... Каждый из нас — маленький атом, который смертен. Лишь генфонд в целом бессмертен. Он меняется, но живет.

Советская власть за годы своего господства над государством, экономикой, культурой выстроила гигантский мавзолей, подчинивший жизнь миллионов людей ритуалу поклонения трупу. Труп великой Идеи — солидарной заботы о будущем. Умертвляя ее, Система присвоила себе ее имя. Но взамен она ничего не смогла предложить, кроме коллективной аскезы для всех и сохранения командных высот для руководящего меньшинства.

Но нам нет нужды особенно беспокоиться за будущее социалистической доктрины, ратующей за идеалы социальной солидарности и справедливости, за использование политической силы государства для решения экономических, политических и экологических проблем, защиты слабых в обществе, разьедаемом тысячами болезней. В сравнении с доктриной минимального вмешательства государства в частную жизнь людей социалистическая доктрина не хуже (а с точки зрения этических идеалов масс даже лучше) и не менее жизнеспособна как политическое течение. Вместе с СССР пала не мировая доктрина, а мировая Система социализма, имевшая к моменту своей гибели мало общего с исходным социалистическим Замыслом.

С уходом социализма с политической карты мира, долгое время выступавшего мощным противовесом Западу, системный мировой кризис стал ускоряться. Противоречия внутри капиталистической системы резко усилились.

В этой ситуации нам нельзя довольствоваться очередной ролью козла отпущения за мировой грех индустриальной и постиндустриальной цивилизации, смиренно ожидать очередных испытаний судьбы, пока историческое провидение нащупывает новый глобальный баланс, продлевающий существование мира. Как минимум, мы должны собственными действиями у себя дома и во внешней политике не усугублять мировой кризис, а добиваться глобального перераспределения рисков, связанных со спорадически возникающими обострениями этого кризиса.

И в этом поиске новой самоидентификации ничто — включая институты плановой экономики — не может быть заведомо отброшено в угоду «чистоте» антисоциалистической доктрины, как ничто — включая западные методы государственного прессинга экономики — не может быть принято только потому, что фактически применяется в рамках системы, альтернативной социализму.

Новая экономика

Человек в современном мире оказывается заложником созданной им индустриальной системы, машинообразных монстров современной технологии власти и массмедиа. Не устранены причины резкого расслоения общества на богатых и бедных, не созданы условия для раскрытия духовного потенциала личности. Несмотря на фантастически развитую экономику, западное общество потребления зашло в тупик. Потребительская цивилизация постепенно подводит нашу планету к гибели.

И так будет до тех пор, пока экономика не сменит ложные аксиоматические принципы на новые, отражающие приоритет духовного и живого над материальным и мертвым.

Новая аксиоматика нужна нам как воздух. Нравственные аксиомы должны выступать в новой экономике в виде своеобразных ограничений, сдерживающих общество и власть от нарушения заповедей Бога нашего Иисуса Христа.

Надо иметь в виду, что каков бы ни был по своему генезису правящий режим, в его же интересах помнить и реализовывать важнейший идеологический и в то же время практический принцип — «относись к другим так, как ты бы хотел, чтобы к тебе относились другие...»

К сожалению, эта аксиома была выброшена «за ненадобностью» нашими либералами. В результате произошло разрушение всей системы духовно-нравственных ценностей. И прежде всего связанных со взаимодействием человека и природы.

Люди в обмен на право пользоваться землей должны были бы вести себя этически и духовно безукоризненно, бережно сохранять и приумножать дарованные им свыше Создателем природные блага на пользу всем. Все верования, имеющие свои духовные основы, признают священные начала Природы. Они представляют собой базис для развития принципов справедливости, согласно которым люди должны делиться между собой теми благами, которые дарованы им Природой. Это естественное право стоит на первом месте, имеет нравственный приоритет перед созданными человеком законами, оскорбительно ставящими на первое место материальную сторону жизни.

К сожалению, развитие земной цивилизации пошло по пути постоянного искажения и отступничества от основ Священного соглашения человека с Богом. Право частного присвоения дохода, не являющегося «делом рук человеческих», становится господствующим. И неудивительно в связи с этим, что ни одна из общественных формаций, за исключением социализма (и то в чисто формальном аспекте), не посягала на святая святых — частную собственность на землю. Это право является священной короной капитализма.

А ведь отсюда и проистекают постоянно усиливающиеся противоречия в современном мире между богатыми и бедными странами, между богатыми и бедными слоями населения внутри отдельно взятой страны.

Остановить разрушающее воздействие нынешней системы глобализации на внутренний мир человека возможно лишь при выработке и поэтапной реализации всеми странами мира новой экологической доктрины. Главный ее принцип должен состоять в том, что природная среда, природные ресурсы дарованы человеку Создателем, а поэтому и должны принадлежать всему человеческому сообществу. Частное присвоение того, что от Бога, является преступлением перед человечеством, разрушающим социальный мир. Мешают осознанию этих истин стереотипы господствующей либеральной доктрины Вашингтонского консенсуса. Главный ее порок — отсутствие взаимосвязи экономического развития с определяющими ее инвариантами, и прежде всего с окружающей нас природной средой.

И не случайно, что граждане России, во всяком случае их большая часть, при проведении либеральных реформ, по существу, не отождествляли интересы своей самореализации с соблюдением законов России, сохранением ее территориальной целостности, ростом авторитета среди других стран, то есть с ростом общего, а не только личного, группового и этнического благосостояния.

Чтобы исправить эту историческую традицию, нужно сделать так, чтобы общество на деле стало владельцем тех ресурсов, на которых основывается жизнедеятельность всех его членов. Только общество способно быть истинным владельцем территории, ее земельных, водных и прочих природных богатств, включая полезные ископаемые, воздушное пространство и ландшафтно-рекреационные ресурсы.

Материальной реализацией верховных владельческих прав общества на национальное имущество могло бы стать обращение рент от использования всех видов природных ресурсов в общественные доходы. Это сумма рентных доходов, образуемая после оплаты услуг всех остальных факторов производства, составляет чистый доход общества, в котором все его члены имели бы равную долю. Она может стать материальной основой их гражданского статуса, тем, что получило название социального дивиденда.

Социальный дивиденд мыслится нами не как дополнительный доход, получаемый всеми и каждым в качестве индивидуальных собственников природных ресурсов и расходуемый по личному усмотрению в частном порядке (как, например, это устроено в американском штате Аляска). Социальный дивиденд мы рассматриваем как главный источник социально-стратегической компоненты общественных расходов, то есть расходов, не только направленных на развитие человеческого потенциала, но и осуществляемых общественно-организованным способом. Это прежде всего сферы бесплатного здравоохранения и образования, ресурсной поддержки фундаментальной науки, развития культуры и искусства.

Определяющая роль в системе национального имущества отводится механизмам обеспечения социальных стандартов для всех — минимального уровня гарантированной оплаты труда (не ниже 3 долларов в час), пенсии — не ниже 2/3 от минимально гарантированной заработной платы, необлагаемого минимума жилой площади, приусадебного участка, в общем, всего того, что создает минимальный комфорт для нормальной жизнедеятельности человека.

Только в этом случае может быть обеспечено, и не на словах, а на деле, право равного доступа каждого гражданина России, будь то русский, якут, чеченец и любой другой, к природно-ресурсному потенциалу страны. Ее институциональное оформление создало бы неограниченный простор для проявления индивидуальных способностей каждого.

Признание за обществом права на верховное владение природными ресурсами и, как следствие, на присвоение чистого дохода от них меняет его отношения с государством. Они переводятся на правовую основу, и государство становится тем, чем ему надлежит быть — агентом, действующим от имени и по поручению общества. Точно так же члены общества из фактического состояния подданных государства переходят в состояние его реальных граждан, волю которых как членов общества государство как

агент последнего обязано исполнять. Соответственно и в системе государственной власти можно будет произвести разумные изменения, превращающие ее в систему общественного управления, а не властвования над гражданами.

Вот тогда мы на деле, а не на словах получили бы подлинно гражданское, демократическое общество, сумели бы выстроить на этой основе новую экономику, в которой нравственные принципы станут основой хозяйственного поведения субъектов рынка.

А. Д. Некипелов¹

ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ²

Обычно экономика и культура рассматриваются как самостоятельные сферы общественной жизни, развитие которых происходит в соответствии с их внутренней природой. Конечно, взаимное влияние этих сфер друг на друга признается всеми, но при этом импульсы, идущие от одной области социума, рассматриваются как чисто внешние для другой. Ясно, например, что изменение культурного уровня населения не может не сказываться на эффективности его производственной деятельности. Точно так же не подлежит сомнению, что масштаб финансовых ресурсов, выделяемых на развитие культурной сферы, в существенной степени определяет ее состояние. Имеют место и попытки «иерархизировать» отношения экономики и культуры. Известно, что марксистская социология относит экономические отношения к «базису», а все остальные сегменты общества, включая культуру, — к «надстройке». Встречаются и в некотором смысле противоположные устремления противопоставить «высокую» сферу культуры «низменной» экономической. Общее для всех этих подходов состоит в том, что речь идет о взаимодействиях на границах двух самостоятельных сфер, а не о их взаимопроникновении.

Было бы, конечно, ошибкой утверждать, что тенденция к целостному анализу экономики и культуры отсутствует вовсе: давно укоренившееся в гуманитарной науке понятие «материальной культуры» говорит само за себя. И все же эта тенденция не стала господствующей, определяющей сам подход к исследованию в различных научных дисциплинах. Иллюстрации этого утверждения, а также формулированию некоторых вытекающих из него задач применительно к экономической теории и посвящена настоящая статья.

Экономическая наука, как известно, исследует процессы, связанные с использованием ограниченных ресурсов, пригодных для удовлетворения потребностей как отдельных людей, так и общества в целом. При этом

¹ Директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор. Директор Института международных экономических и политических исследований РАН (1998 – 2001), вице-президент РАН (2001 – 2013).

² Доклад представлен на IX Международные Лихачевские научные чтения (2009 г.).

«экономическая наука» — собирательное понятие, поскольку оно охватывает большое количество дисциплин, относящихся к двум крупным, качественно различным группам наук. А. Пигу, известный английский экономист первой трети XX века, характеризовал их следующим образом: «...чистая экономическая теория должна изучать равновесие и его нарушения среди групп лиц, деятельность которых вызвана любым множеством мотивов x . В ее рамки наряду с многочисленными другими подразделами попадут и политическая экономия Адама Смита, в которой x придается значение мотивов, приписываемых экономическому — или нормальному — человеку, и несмитовская политическая экономия, соответствующая геометрии Лобачевского, в которой x состоит из трудолюбия и ненависти к доходам. Противоположное положение этой чистой науке занимает реалистическая экономика, чей интерес сосредоточен на мире, известном из опыта, и ни в коей мере не простирается до изучения коммерческих деяний общины ангелов»¹.

В современной экономической науке, в отличие от концепции А. Пигу, так называемая «чистая теория» не противопоставляется реалистическим экономическим дисциплинам. Более или менее признано, что «чистая теория», построенная на аксиоматических основах, является абсолютно необходимой для содержательной интерпретации функциональных зависимостей, выявляемых в результате исследования конкретного экономического объекта. Поэтому в приведенной цитате интерес сегодня представляет не снисходительное отношение автора к «чистой теории», а его понимание, что последняя строится на фундаменте исходных предположений о природе человеческих устремлений. При этом А. Пигу явно солидаризируется со смитовской концепцией «экономического человека» и иронизирует над представлением о людях как членах «общины ангелов».

Концепция «экономического человека» базируется на утверждении, в соответствии с которым член общества безразличен ко всему, что не входит в состав его собственного потребления. Эта отправная точка позволила построить логически стройную модель рыночной экономики (то есть экономики, основанной на частной собственности как на предметы потребления, так и на факторы производства и на личной свободе членов общества), в том числе определить сферы возможных «провалов рынка». Более того, из теории, построенной на основе аксиомы об «экономическом человеке», вытекает очень важный, хотя не всегда осознаваемый вывод: сам рыночный механизм способен выявлять исключительно «эгоистическую» компоненту человеческих потребностей.

Очень важно обратить внимание на то, что концепция «экономического человека» предполагает наличие у хозяйствующего субъекта определенной ценностной установки: ведь стремление к максимизации собственного потребления — это, несомненно, разновидность ценностной установки. В этом смысле культурная составляющая интегрирована в самое сердце экономической теории. Не случайно для общества, члены которого являются «экономическими людьми», присуще собственное определение коллективного (общественного) блага. Последнее будет достигаться тогда, когда экономическая система оказывается в состоянии общего равновесия.

¹ *Pigou A. C. The Economics of Welfare. Macmillan and Co. 4th. ed. L., 1932. Ch. 1.*

Хорошо известна крылатая фраза А. Смита о «невидимой руке рынка», благодаря которой действия индивидов, направленные на повышение собственного благосостояния, приводят в условиях конкурентной экономики к реализации *общественного блага*. Именно так трактует этот вопрос и раздел современной микроэкономической теории «экономика благосостояния». При этом равновесная рыночная цена отождествляется с величиной *«общественной полезности»* соответствующего блага и *«общественными издержками»* его производства. «Смитовскому» пониманию общественно-го блага соответствует и содержание фундаментального для экономической теории понятия «эффективности, по Парето». Последняя обеспечивается тогда, когда нельзя, перегруппировав ресурсы, улучшить положение кого-либо из членов общества, одновременно не ухудшив положения кого-то иного. Такая нормативная установка должна устраивать всех, кто признает незыблемость частной собственности и принципа индивидуальной свободы; при этом важно, что «эффективность по Парето» свойственна как раз состоянию общего равновесия.

Известно, что при одном и том же совокупном объеме ресурсов параметры общего равновесия (цены, структура производства, факторные доходы) могут быть самыми разными, так как они прямо зависят от исходного распределения факторов производства между членами общества, или, что то же, — от конфигурации имущественных отношений. В этом одно из отличий от модели благосостояния отдельного человека (потребителя): ведь точка максимизации функции полезности последнего зависит от структуры его предпочтений и общего объема располагаемых им ресурсов. Поэтому естественной представляется идея говорить не о *самостоятельной системе предпочтений группы* (общества), а о *согласовании интересов* ее членов¹.

Но нередко общественное благосостояние в условиях рыночной системы определяется через значение того или иного макроэкономического показателя, чаще всего — валового внутреннего продукта. По принципу: чем больше ВВП, тем выше общественное благосостояние. Несложно заметить, что такой подход качественно отличен от подхода, ориентирующегося в поисках «коллективного счастья» на общее равновесие. Ведь в ценностном макроэкономическом показателе, каковым является ВВП, исчезают «детали», касающиеся структурных характеристик экономической системы. В этом смысле «скалярный подход», реализуемый в макроэкономических исследованиях, связан с существенными упрощениями, которые, с одной стороны, заметно облегчают его применение, а с другой — придают его результатам не более чем ориентировочный характер.

Как бы то ни было, традиционно основные усилия экономической науки были направлены на исследование рыночной экономики с ее «экономическими людьми». В результате сама экономика начала зачастую отождествляться с рынком, а экономические науки — с науками о рыночной экономике. Именно отсюда проистекает нередкое противопоставление экономических и неэкономических (политических, социальных, культурных) факторов развития общества. Это, часто неосознанно, имеет место

¹ См.: Некипелов А. Становление и функционирование экономических институтов: от «робинзонады» до экономики, основанной на индивидуальном производстве. М., 2006. С. 254 – 272.

тогда, когда ставится вопрос о необходимости учета при принятии решений не только экономических, но и политических, социальных, нравственных соображений.

Такая узкая трактовка предмета экономической теории свойственна значительной части экономистов. Именно поэтому столь укорененным оказалось отношение к государству как по сути своей неэкономическому институту и, в этом смысле, «необходимому злу», с существованием которого экономистам приходится считаться. Точно так же «внешними» по отношению к задачам экономических исследований оказываются вопросы, связанные с учетом ценностных установок, отличающихся от тех, которые присущи «экономическому человеку». На этой основе в экономической теории утвердилось известное разграничение «позитивного» и «нормативного» анализа.

Но если такая позиция является господствующей в экономической науке, стоит ли удивляться тому, что представители других общественных и гуманитарных дисциплин утверждают во мнении, что вне поля внимания экономистов, претендующих на анализ ключевых условий общественного развития, остаются его важнейшие факторы? Вполне естественно, что выдающийся культуролог академик Д. С. Лихачев, понимая, что реальный человек гораздо богаче, чем «экономический человек» А. Смита, не проявлял особого интереса к экономическим исследованиям¹.

Вытекает ли из этого, что гипотеза «экономического человека» завела экономическую теорию в тупик и перед теми, кто работает в этой области, стоит задача ее воссоздания с «чистого листа»?

Убежден, что ответ должен быть отрицательным. Современная экономическая наука доказала свою способность давать точные оценки многих сторон хозяйственного развития. И это не случайно, ведь люди в большей или меньшей степени обладают качествами «экономического человека» и им отнюдь не чуждо стремление к максимизации уровня собственного благосостояния.

В то же время природа человека не сводится исключительно к инстинкту потребления. В систему предпочтений каждого из нас входит то или иное отношение к состоянию различных сторон окружающего мира, и мы нередко готовы пожертвовать частью индивидуального потребления ради таких «неэкономических» целей, как, скажем, справедливость распределения доходов в обществе. В этом смысле «эффективность по Парето» отнюдь не является идеалом для многих из нас.

Нужно, следовательно, включить в индивидуальные функции благосостояния их «неэгоистическую» составляющую и на этой основе надстроить над современным «мейнстримом» (а не построить на его месте) дополнительный «этаж». Это очень большая и сложная работа, но некоторые ее особенности ясны уже сейчас. Например, нет сомнений в том, что на этом «втором этаже» государство и многие институты гражданского общества будут не «незваными гостями», а полноправными участниками экономического процесса, корректирующими «неполноту» рынка как механизма выявления и согласования индивидуальных интересов.

¹ См.: *Запесоцкий А. С.* Экономические воззрения академика Д. С. Лихачева (послесловие к празднованию 100-летия) // Труд и социальные отношения. 2007. № 4.

Близкие к этому идеи возникали и раньше. Сошлюсь здесь на работы выдающегося американского экономиста Дж. К. Гэлбрейта и прежде всего на одну из его последних книг «Общество благоденствия. Гуманитарная повестка дня»¹. Но, увы, сломать жесткие рамки «мейнстрима» они пока не смогли.

Между тем актуальность именно такого пути развития экономической теории, на мой взгляд, особенно очевидна в условиях обострения (а возможно, и вступления в кризисную стадию) ряда глобальных процессов, регулирование которых на сугубо рыночной основе просто невозможно. Речь идет о вызванных человеческой деятельностью разрушениях экологических систем и климатических изменениях, о невозможности энергетического обеспечения нынешней траектории развития мировой экономики, о преодолении ужасающей бедности огромного количества людей, помимо всего прочего провоцирующей и подпитывающей такие экстремальные процессы, как терроризм.

И наконец, последнее. Было бы ошибкой полагать, что предлагаемое направление развития экономической теории направлено на поглощение ею других обществоведческих и гуманитарных дисциплин. Это и невозможно, и не нужно. Что важно, так это сломать искусственную стену между экономической и другими общественно-гуманитарными науками, возникшую в связи со ставшей уже традиционной апелляцией экономистов почти исключительно к корыстным сторонам человеческой природы. И тогда экономическая теория получит возможность органично опираться в своих построениях, так или иначе ориентированных на решение проблемы размещения ограниченных ресурсов, на фундаментальные достижения философов, культурологов, психологов, социологов, политологов.

В более широком смысле речь идет об изменении глубоко укоренившейся привычки рассматривать социум как совокупность обособленных, взаимодействующих лишь «на стыках» подсистем — политической, экономической и культурной. В новой парадигме отличие между отдельными гуманитарно-общественными дисциплинами должно заключаться не в том, что они исследуют «разные части» общества, а в том, что они рассматривают один и тот же объект — общество — под разными углами зрения.

¹ Galbraith J. K. The Good Society. The Humane Agenda. Boston ; N. Y., 1996.

Г. М. Резник¹

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ДОСТОИНСТВО ЛИЧНОСТИ — ОСНОВА МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ²

В мире существует несколько крупных, устоявшихся за долгие века и доживших до наших дней цивилизаций. Наиболее точной представляется их классификация на средиземноморскую и индийско-тихоокеанскую (Г. С. Померанц). Средиземноморская группа в начале нашей эры была представлена двумя ветвями христианства: западной и восточной. Западный (европейский) архетип, философские корни которого уходили в Афины к Платону и Аристотелю, а религиозно-моральные — к Ветхому Завету, за последние 500 лет пространственно расширился и охватил США, Канаду и Австралию. На месте рухнувшей Византии постепенно утвердился ислам. В Индийско-Тихоокеанском регионе сложились две цивилизации: индийская и китайская. При всем отличии ислама от христианства оно меньше, чем разница между исламом и индийской или китайской цивилизацией, размещившимися вместе с ним в Азии.

Монотеизм ислама рожден Ветхим Заветом, что позволяет расценить воинственный фундаментализм как раковую опухоль на теле религии. В то же время нельзя не признать, что мусульманство наиболее подходит для радикальных интерпретаций.

В каждой субглобальной цивилизации присутствует примерно один и тот же набор ценностей: личность с ее благами и свободой, общество, нация, государство. «Физиономию» цивилизации определяет порядок их расположения, поэтому только западную цивилизацию можно расценить как персонцентристскую, основанную на идее свободы человека и личной ответственности за свои поступки. Для остальных субглобальных цивилизаций характерен системоцентризм (А. В. Оболонский), когда человек — не высшая точка, «мерило всех вещей», но нечто вспомогательное, способное принести большую или меньшую пользу для достижения неких надличностных целей, государственных или национальных интересов. Так, особый тип индусской цивилизации определило господство индуизма в стране с вековой экономической и национальной раздробленностью, замкнутостью общин. И хотя сейчас Индия вследствие векового влияния Великобритании являет собой пример страны с приверженностью элиты общества демократическим принципам и действительно независимой судебной властью, масштабные

¹ Вице-президент Федеральной палаты адвокатов, профессор кафедры адвокатуры и нотариата Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, заслуженный юрист России. Президент Адвокатской палаты г. Москвы (2002 — февраль 2015 г.). Автор более 300 публикаций по проблемам теории права, уголовного права и процесса, криминологии, в т. ч. монографий: «Внутреннее убеждение при оценке доказательств», «Когда наступает ответственность», «Конституционное право на защиту», «Честь. Достоинство. Деловая репутация: споры с участием СМИ» и др. Член Общественной палаты РФ. Вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов. Член Совета по вопросам совершенствования правосудия при Президенте РФ. Награжден Золотой медалью им. Ф. Н. Плевако, знаком общественного признания «Символ Свободы» Союза журналистов России. Почетный доктор СПбГУП.

² Доклад представлен на VI Международные Лихачевские научные чтения (2006 г.).

проблемы межобщинной напряженности, бедности и неграмотности продолжают детерминировать обезличенность человека, безусловную власть над ним общины, касты.

Что касается России, то ее нельзя отнести ни к какому определенному типу культуры. Страна развивалась на перекрестке субглобальных цивилизаций и испытала глубокое влияние по крайней мере трех. Одно влияние ломало другое, но не могло его совсем сломать, в результате «возник своего рода пирог из разных сортов теста» (Г. С. Померанц).

Выдающиеся сыны России (Чаадаев, Достоевский, Толстой, Бердяев, Свияжский) отмечали, что у нас так и не выработалась устойчивая национальная культурная форма. В то же время, как замечательно сформулировал Свияжский: «Россия — страна святого духа, способного наполнить любую форму».

Тенденция глобализации зародилась в мире давно. Этот процесс сложно развивается в разных измерениях: духовном, торгово-экономическом, финансовом. Резкое ускорение процессу глобализации на нынешнем этапе придают научно-технические достижения: формируется единое информационное и рыночное пространство, складываются предпосылки к созданию открытого мирового сообщества с универсальными ценностями.

Важнейшая сторона глобализации — правовая. Западная цивилизация формировалась не только на учениях Античности и заповедях христианства, но и на идее римского права — единого права для всех. Именно эта идея объединила усилия народов по созданию Организации Объединенных Наций, одной из целей которой стало осуществление международного сотрудничества «в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии».

Через международно-правовые акты — Хартию прав человека ООН, Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, Американскую конвенцию о правах человека, Африканскую хартию прав человека и народов и другие — основные права человека приобрели универсальность, они не даруются государством индивиду, а признаются в качестве естественных, принадлежащих каждому в силу рождения. Именно на основе таких ценностей, как права человека, и государства, основанного на праве, сегодня начинается происходить стирание границ между субглобальными цивилизациями. С переменным успехом вестернизация распространяется на некоторые страны Латинской Америки и Африки, адаптируются к ценностям европейской цивилизации традиционные восточные общества (Япония, Южная Корея, Индонезия, Индия, Китай).

Хочется верить, что современная Россия — страна с вековыми системоцентристскими, антиперсоналистическими традициями, оказавшись на развалинах тоталитарного режима, окончательно сделала свой выбор. Принята либеральная конституция, основанная на идее естественных и неотчуждаемых прав человека, провозгласившая Россию правовым государством. Россия вошла в Совет Европы, ратифицировала Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, признала в качестве источника отечественного права решения Европейского суда по правам человека. Магистральное движение России — вместе с передовыми странами Запада, а не поиски особого русского (евразийского) пути.

Основные права человека универсальны. Они суть нормативная форма взаимодействия индивида и власти в правовом государстве. Исторический опыт неумолим: отрицание универсальности прав человека во имя классовых, национальных, религиозных, самобытно-культурных интересов всегда до основания разрушало право, приводя в итоге к деспотии и репрессиям. Нельзя смешивать сферы права и морали, ставить необходимость защищать права конкретного человека в зависимость от нравственной оценки его поведения. Принципы универсальности прав человека, равенства людей в своем достоинстве не ведут к отрицанию национальной самобытности, культурно-цивилизационного многообразия мира (лучший пример тому — Япония). Опасность для нашей страны в другом: эксплуатация мифа об СССР как могучей, процветающей державе, «где так вольно дышит человек», погубленной вражескими происками, имперская ностальгия, параноидальная убежденность в том, что окружающий мир и прежде всего Запад жаждет распада России.

Нельзя требовать от права больше, чем оно может дать. Право не в состоянии гарантировать ни преобладания в обществе добрых нравов, ни успешности либеральных реформ. Но именно право, закрепляя свободу личности в неразрывной связи с ответственностью за свои поступки, создает основу для воспитания молодого поколения и формирования властной элиты.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: УРОКИ КОМПАРАТИВНОСТИ¹

Вступив в Совет Европы и ратифицировав Конвенцию о защите прав человека и основных свобод 30 марта 1998 года, Россия признала юрисдикцию Европейского суда по правам человека (далее — Суд) обязательной по вопросам толкования и правоприменения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения этих договорных актов. За 15 лет, прошедших с момента первого рассмотренного в публичном слушании дела «Калашников против России» (18 марта 2001 г.), Суд принял порядка 2 тыс. постановлений по российским делам, большей частью признавая нарушения Российской Федерацией разного рода норм европейского права.

Некоторые решения Суда вызывали обостренную реакцию со стороны российских властей: в них усматривалась политизированность (дело Илашку 2006 г.; Кононова — 2010 г.) либо превышение своей компетенции (дело Маркина 2007 г.). В частности, председатель Конституционного Суда В. Зорькин и Президент РФ Д. Медведев заявляли, что Россия не передавала Суду часть своего суверенитета, позволяющую принимать решения по изменению российского законодательства.

В последнее время на фоне обострения международной обстановки в связи с украинскими событиями критика Суда усилилась. Зазвучали призывы покинуть Совет Европы и выйти из-под юрисдикции Суда. Довод об ослаблении суверенитета подкрепляется социокультурной аргументацией — навя-

¹ Доклад представлен на XV Международные Лихачевские научные чтения (2015 г.).

званием России чуждых ей западных ценностей. И вот уже норма Конституции о приоритете международного права над национальным объявляется руководителем Следственного комитета А. Бастрыкиным диверсией правового регулирования.

Межгосударственные распри и ура-патриотическая риторика праву, конечно, не союзники. Но положительный момент в политической турбулентности все же есть: повышается общественный интерес к вопросам обеспечения мирового и внутригосударственного порядка, в массовом сознании и прессе расширяется спрос на профессиональные знания ученых-юристов и культурологов, им предоставляется шанс содействовать хотя бы частично переводу разоженных оголтелой пропагандой эмоций в рациональное, опирающееся на факты обсуждение.

Соотношение международного права и государственного суверенитета — проблема давняя, перманентно актуальная. Европейская конвенция была принята в 1950 году вслед за Всеобщей декларацией прав человека ООН 1948 года и содержит те же основополагающие нормы о гражданских и политических правах и свободах. Оба эти акта преследуют общую цель — обеспечить всеобщее признание и осуществление провозглашенных в них прав, но имеют существенное отличие — в эффективности контроля за их соблюдением. Декларация, согласно Уставу ООН, носит лишь рекомендательный характер, и юридическую силу ее положения получили значительно позже в двух договорах — Пакте о гражданских и политических правах и Пакте об экономических, социальных и культурных правах, вступивших в силу только в 1976 году. При этом так и не были преодолены сложности с их имплементацией.

Реализации международных обязательств на внутригосударственном уровне препятствовала как раз абсолютизация СССР и его восточноевропейскими сателлитами, а также рядом стран азиатского региона принципа государственного суверенитета. В итоге Факультативный протокол к Пакту о гражданских и политических правах, наделяющий специальный Комитет по правам человека компетенцией принимать и рассматривать сообщения от лиц, которые утверждают, что являются жертвами нарушения какого-либо из прав, изложенных в Пакте, СССР и странами, входящими в социалистический лагерь, не был ратифицирован. За таким решением стояло нежелание тоталитарного режима соблюдать политические права на свободу мысли и слова, совести и религии, собраний и ассоциаций, передвижения. Но Протокол не предусматривал никаких санкций за нарушение прав человека. Единственная неприятность для государства-нарушителя, ставшего участником Протокола, — попадание в ежегодный доклад Комитета для Генеральной Ассамблеи ООН. СССР, не ратифицировавший Протокол, и от этой неприятности был избавлен.

Европейская конвенция отличается ото всех других международных актов о правах человека введением действенной гарантии защиты нарушенных прав — Суда, рассматривающего индивидуальные жалобы на нарушения Конвенции и полномочного накладывать санкции на государство-нарушителя в виде компенсации за причиненный пострадавшему вред. Закономерно, что столь решительный рывок к системе обеспечения верховенства права, плюралистической демократии, прав человека сделала послевоенная

Европа. Но, как справедливо замечает Петер Лепрехт, интернационализация прав человека обязана «не столько заслугам и успехам Европы, сколько ее ошибкам и падениям, чудовищным преступлениям, явленным миру при тоталитарных, фашистских и нацистских режимах, взрыву варварства, разразившемуся в самом сердце так уверенного в своей цивилизованности европейского континента».

Руководствуясь доводом «Больше никогда!», творцы Конвенции из 12 европейских стран в то же время осознавали сложности создания наднациональной юрисдикции, ее столкновения с вековыми традициями государственного суверенитета. В своей первоначальной редакции Конвенция образовывала два органа — не только Суд, но и своего рода фильтр — Европейскую комиссию по правам человека, которая первой принимает жалобы неправительственных организаций и отдельных лиц на нарушение их прав государствами — членами Совета Европы и решает, следует ли их передать на рассмотрение Суда. На первых порах активность Суда была крайне низкой. Так, первое дело по индивидуальной жалобе он рассмотрел только в 1968 году.

Тем не менее идея транснационального правосудия в области основных прав и свобод человека усваивалась в западноевропейском пространстве длительное время. Первоначально против предоставления индивиду права на подачу жалобы в комиссию и против обязательной юрисдикции Суда возражало большинство государств. В 1953 году Конвенцию ратифицировали всего восемь стран, и только в 1975-м ее участниками стали все члены Совета Европы. Осознание того, что защита и развитие прав человека являются действенным средством достижения единства между европейскими странами, и возросший авторитет Суда обусловили принятие в 1994 году Протокола № 11 к Конвенции, который повысил уровень наднациональной защиты прав человека, упразднив Европейскую комиссию и открыв индивиду, неправительственным организациям и группам лиц прямой доступ со своими жалобами в Суд, а государства-участники обязались не препятствовать эффективному осуществлению этого права.

Чем объясняется удовлетворение Судом большинства жалоб, признанных им приемлемыми, от граждан всех без исключения европейских государств — правда, с учетом того, что более 90 % обращений отбраковываются как не подлежащие рассмотрению? Ведь права и свободы, изложенные в Конвенции, закреплены в национальном законодательстве каждой страны — члена Совета Европы. Механизм защиты, установленный Конвенцией, имеет дополнительный характер по отношению к национальным системам гарантий прав человека и запускается только путем искового производства после исчерпания внутренних средств правовой защиты. Никуда не делись в Конвенции и публичные интересы, ограждаемые национальными законами: государственная безопасность, территориальная целостность, общественное спокойствие, здоровье и нравственность, борьба с беспорядками и преступностью. В своих постановлениях Суд ориентирует национальную юстицию на поиск справедливого баланса между защитой прав человека и требованиями обеспечить общие интересы. Практика Суда показывает, что этот баланс нередко нарушается. Причина тому — сформированные за длительное время этатистские традиции, в свете которых даже при демо-

кратическом режиме права человека и публичные интересы в лучшем случае считают равновеликими ценностями.

Но естественно-правовая доктрина, положенная в основу Конвенции, утверждает иное. Права и свободы человека — это принцип, а публичные интересы — его ограничение. Поэтому приоритет этих интересов *ad hoc* должен базироваться на двух критериях — не только предусматриваться законом, но и быть необходимым в демократическом обществе. Такую необходимость Суд толкует как настоятельную потребность во вмешательстве государства для того, чтобы предотвратить злоупотребление индивидом своими правами. Именно об этот критерий постоянно спотыкаются национальные власти. Достоинство постановлений Суда, признающих выдвинутые государством условия или наложенные санкции недопустимыми либо явно непропорциональными, состоит в разработке конкретных ориентиров для национального правоприменения.

В качестве примера можно привести практику Суда по жалобам на ст. 10 Конвенции о праве на выражение своего мнения. В постановлении по делу «Линген против Австрии» Суд указал на необходимость разграничивать утверждения о фактах и оценочные суждения — последние не подлежат проверке на истинность, посему нельзя требовать доказательств их соответствия действительности. В последующих своих постановлениях Суд разъяснял, что при рассмотрении дел данной категории в отношении прессы национальным судам следует учитывать следующие обстоятельства:

- наличие или отсутствие общественного интереса — освещение вопроса, важного для демократического общества;
- статус диффамируемого лица: публичным фигурам (политическим деятелям, звездам спорта и шоу-бизнеса, известным журналистам) предоставляется меньшая защита от критики в СМИ, чем рядовым гражданам;
- срочность освещения вопроса: новости — скоропортящийся товар;
- добросовестность журналиста: он должен был предпринять попытки проверить надежность информации;
- выступление в СМИ — ответ на выдвинутые в ходе политической дискуссии обвинения;
- недопустимость предъявлять к точности высказываний политиков, общественных деятелей и журналистов о правонарушениях те же требования, что и к актам правоохранительных органов и судов.

Такого рода разъяснения содержатся и в постановлениях Суда по применению других статей Конвенции: о справедливом публичном разбирательстве дела независимым и беспристрастным судом; об уважении частной и семейной жизни; о праве на свободу совести и религии; о праве на свободу мирных собраний и свободу ассоциаций.

При этом Суд постоянно подчеркивает, что в его функции не входит оценка *in abstracto* соответствия законодательных или конституционных норм требованиям Конвенции, неоднократно признавая право внутрисударственных органов на свободу усмотрения в особо острых случаях конфликта интересов, в частности свободы самовыражения и оскорбления чувств верующих, свободы мнений и коммерческой рекламы.

В тех случаях, когда Суд сталкивается с тем, что нарушения прав человека вызываются одной и той же дисфункцией на национальном уровне,

он может выбрать одну или несколько из повторяющихся жалоб, приоритетно их рассмотреть и принять так называемое пилотное постановление. Отличие пилотной процедуры состоит в том, что Суд может «заморозить» на некоторое время рассмотрение однотипных дел при условии, что будут незамедлительно приняты меры по исправлению системной проблемы. Каким образом — решает само правительство под надзором Комитета министров Совета Европы. Если проблема оперативно не решается, Суд возобновляет рассмотрение приостановленных дел.

Пилотные постановления Суд выносил по делам против 13 государств, в том числе Германии, Греции и Великобритании. Интересно развитие событий после вынесения двух пилотных постановлений по делам против России. По делу Бурдова (15 января 2009 г.) была выявлена структурная проблема: неисполнение судебных решений о взыскании денежных средств по более чем 200 жалобам, рассмотренным Судом с 2002 года. Суд предписал в течение шести месяцев создать эффективное внутреннее средство правовой защиты или комбинацию таких средств, которые обеспечили бы адекватное и достаточное возмещение за неисполнение или несвоевременное исполнение национальных судебных решений.

Следуя данному пилотному постановлению, в Российской Федерации через год были приняты законы № 68-ФЗ и 69-ФЗ, которые предусматривают право направить в российский суд жалобу, содержащую требование о компенсации за задержку исполнения судебного решения, вынесенного против государства, или за чрезмерную длительность рассмотрения дела в суде. В двух своих решениях о неприемлемости жалоб против России от 24 сентября 2010 года (Наговицын и Нальчиев, Фахретдинов) Суд указал, что заявители должны были исчерпать новые внутренние средства правовой защиты, а также отметил, что он может пересмотреть свою позицию в будущем в зависимости от последовательной практики российских судов по данному вопросу.

Значительно сложнее оказалось решать системную проблему, на которую указал Суд в деле Ананьева (10 января 2012 г.): ненадлежащие условия содержания под стражей (острая нехватка личного пространства в камерах, нехватка спальных мест, ограниченный доступ к свету и свежему воздуху, отсутствие приватности при пользовании санузлом). Суд в более чем 80 своих постановлений, вынесенных с 2002 года, квалифицировал такое положение как нарушение ст. 3 и 13 Конвенции (право не подвергаться бесчеловечному или унижающему достоинство обращению и право на эффективное средство правовой защиты). Еще более 250 аналогичных дел находились на рассмотрении Суда.

Выяснилось, что в стране практически отсутствуют СИЗО, соответствующие международным стандартам. Чему есть простое объяснение — за 70 лет советской власти не было построено ни одного следственного изолятора, росли одни колонии для осужденных — стройкам коммунизма требовалась дешевая рабсила. Прецедент Ананьева содействовал продвижению Федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы», предполагающей строительство к 2016 году 12 СИЗО, удовлетворяющих современным требованиям.

Данное пилотное постановление имело еще один положительный эффект: в Государственной Думе и Верховном Суде наконец-то прислушались к доводам правозащитников об избыточности применения в качестве меры пресечения содержания под стражей. Сажать до суда стали меньше, расширилось применение залога и подписки о невыезде. Однако в силу фундаментального характера права на защиту от бесчеловечного или унижающего человеческого достоинство обращений Суд решил не откладывать рассмотрение поступивших к нему аналогичных жалоб.

Озаботился Суд и справедливостью определения суммы компенсации за нанесенный нарушением Конвенции моральный вред. Все страны разделены на четыре зоны в зависимости от уровня экономического развития: 100, 80, 60 и 40 %. Сто процентов компенсации с государства получают жители Западной Европы. Россия помещена в 60-процентную зону, а Молдавия и Грузия, например, — в 40-процентную. То есть за одинаковое нарушение россиянину присудят почти вдвое меньше, чем, скажем, англичанину.

Недовольство Судом время от времени выражают разные страны, в том числе пионеры Совета Европы — Франция, Голландия, Швеция. Лидирует Великобритания, периодически грозящая выходом из-под юрисдикции Суда. Антистрасбургские настроения вызывали постановления о защите прав военнослужащих, мигрантов и беженцев, а также пассивного избирательного права у осужденных. Нет оснований усматривать здесь влияние каких-то глубинных национальных традиций. У всех стран европейского континента общая судьба: каждая переживала территориальную раздробленность, видела костры инквизиции, изощрялась в формах смертной казни, переходила от религиозного к светскому государству, от сельского к городскому образу жизни, участвовала в войнах и политических блоках. У многих с таким трудом обретенный национальный суверенитет подчас рождает болезненную реакцию на критику наднациональным органом устоявшейся управленческой практики. Понятны и амбиции Британии, обоснованно считающей себя первопроходцем на пути развития свободы и прав человека — Великая хартия вольностей (1215), Habeas Corpus Act (1689).

Россия была избавлена от всех сложностей принятия юрисдикции Суда. За пять лет до вхождения в Совет Европы Конституция Российской Федерации установила, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» (ст. 2), «признаются и гарантируются... согласно общепризнанным принципам и нормам международного права» (ст. 17). Ссылка на международное право имеет здесь чисто политическое значение, поскольку все без исключения международные принципы и нормы о правах человека закреплены в нашей Конституции. Как сказано в ст. 15, «являются составной частью ее правовой системы». Вот почему критика гуманитарных норм международного права есть на самом деле отрицание основы конституционного строя Российской Федерации.

С сожалением приходится отмечать, что в последние годы в государственной политике и жизни нашей страны наблюдается движение вспять. Цель консолидации граждан вокруг власти, особенно усилившаяся после присоединения к Российской Федерации Крыма, очевидное стремление церкви взять реванш за 70 лет гонений породили ряд законов — о запрете усыновления российских детей иностранцами, об иностранных агентах, об уголовной

ответственности за оскорбление религиозных чувств, за организацию и участие в несанкционированных митингах — умаляющих, ограничивающих политические права на свободу слова, собраний и ассоциаций. История с постановкой оперы Вагнера «Тангейзер» поражает всплеском мракобесия. Законопроект о введении в уголовный процесс категории истины с возложением обязанности ее устанавливать на суд уничтожает конституционные принципы презумпции невиновности и состязательности, возвращает неоквизиционное советское судопроизводство.

Не «духовные скрепы», не культурные традиции, не национальные особенности, а политическая конъюнктура и особенности развития мысли в отдельных национальных властных головах — вот истинные причины шельмования либеральных ценностей, ставки на архаику и невежество, призывов покинуть Совет Европы, выйти из-под юрисдикции Суда. И это в то время, когда идея наднациональных гуманитарных судов завоевывает мир: созданы Межамериканский и Африканский суды по правам человека, прорабатывается вопрос о создании Исламского и Азиатского судов. Россия — многоконфессиональная страна, но уже свыше тысячелетия принадлежит европейской цивилизации. Европейский суд — ее выдающееся достижение, он создан для защиты простых людей от посягательств государства, под влиянием его решений совершенствуются внутреннее законодательство и судебная практика. Не нужно забывать, что каждое постановление Суда против государства принимается в пользу гражданина этого государства. Правовое государство должно приветствовать повышение уровня защиты прав и свобод своих граждан.

Т. Я. Хабриева¹

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА²

Между Сциллой Запада и Харибдой Востока

Современная российская модель правового государства призвана отражать не только правовую и социальную действительность, но и традиции, обусловившие менталитет российского населения, его отношение к праву, государственным и общественным институтам.

В целом исторически сложившаяся российская модель правового государства может быть охарактеризована как оригинальный государственно-правовой тип, приближающий ее одновременно и к Западу, и к Востоку, что не случайно, поскольку Россия географически соединяет эти две части света.

На протяжении своей долгой истории российское государство и общество оказывались в орбите притяжения многих цивилизаций и культур — Скандинавии и Византии, Золотой Орды и Польши, Франции и Германии и т. д.

Однако ход отечественного государственного и правового развития определялся в основном объективными факторами природного и исторического порядка. Во-первых, затратное производство с чрезвычайно небольшим прибавочным продуктом в районах критического земледелия предопределяло укоренение централизованной административной системы управления. Во-вторых, на границах государства практически постоянно присутствовало жесткое противостояние с другими народами. В частности, с 1368 по 1893 год (в течение 525 лет) было 329 лет войны, то есть на два года войны в среднем приходился только один год мира. К этому необходимо добавить несчетные внутренние смуты, бунты, восстания, перераставшие, как крестьянское движение 1773 — 1775 годов, в настоящие войны³. Очевидно, что такое наследие не могло не отразиться на экономической, социальной и политической жизни России. Милитаризация, мобилизованность, экстраординарность, форс-мажорность, сложившиеся под влиянием исторических

¹ Директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, вице-президент РАН, академик РАН, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ. Профессор кафедры конституционного права МГИМО (У) МИД России, приглашенный профессор Университета Париж I — Пантеон Сорбонна (Франция). Автор свыше 170 научных работ, в т. ч. 18 монографий: «Конституционный контроль», «Правовая охрана Конституции», «Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика», «Национально-культурная автономия в Российской Федерации»; «Теория современной конституции» (в соавт.); «Миграционное право России: теория и практика», «Современные проблемы самоопределения этносов» и др. Член Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции; Комиссии при Президенте РФ по вопросам реформирования и развития государственной службы; Комиссии Правительства РФ по законопроектной деятельности. Заместитель председателя Международного союза юристов; член Президиума Ассоциации юристов России. Главный редактор «Журнала российского права», «Журнала зарубежного законодательства и сравнительного правоведения»; член редколлегии журнала «Государство и право»; член редакционного совета журнала «Конституционное и муниципальное право».

² Доклад представлен на XII Международные Лихачевские научные чтения (2012 г.).

³ См.: Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. М., 1991. С. 277.

условий, становятся чертами национальной жизни и правовой культуры в том числе. В-третьих, расширение границ государства предопределяло в целях налаживания оперативного управления страной использование жестких управленческих технологий. Просвещенная императрица Екатерина II в заметках в защиту конституционалиста Монтескье писала: «Столь великая империя, как Россия, погибла бы, если бы в ней установлен был иной образ, чем деспотия, потому что только она может с необходимой скоростью пособить в нуждах отдаленных губерний»¹. Такие условия требовали поиска собственных правовых решений, часто в противовес образцам правового развития других государств.

С другой стороны, по мере расширения границ Российского государства, включения в его состав новых народов, усиливается их влияние на развитие права. В нем появляется сплав разных решений, отражающих особенности правовой культуры народов, входивших в состав России². Так, по мере продвижения России на восток укореняются такие сугобо восточные элементы государственно-социальной жизни, как «верховное право правителя на землю», ограничивающее частную земельную собственность. Усиливаются авторитарные формы организации власти, в то время как достаточно развитые формы самоуправления — вечевые собрания, земские соборы и так далее — предаются забвению. Этот перелом произошел в правление Ивана Грозного, в момент стремительного расширения России на восток. В это время создается новая концепция самодержавной, ничем не ограниченной власти царя³.

Отзвуки восточных традиций можно обнаружить и в более поздней российской истории⁴. В то время, когда в Европе шел активный распад традиционных институтов и формировался новый облик общества и государства (рыночные отношения, права человека, парламентаризм), в России проводилась политика консервации прежних устоев (общинное ведение крестьянского хозяйства, социальная закрепощенность, бесправие, авторитарные методы управления).

Следует признать, что указанная тенденция сохранялась на протяжении большей части российской истории, в том числе после свержения царизма. Так, в резолюции VII съезда Российской партии большевиков утверждалось, что она посредством диктатуры «уничтожает отрицательные стороны парламентаризма, особенно разделение законодательной и исполнительной властей»⁵. В дальнейшем так же уничтожались «отрицательные стороны» законности, что позволило в правление Сталина осуществить массовые репрессии, унесшие многие миллионы жизней⁶.

Вместе с тем на развитие российского государства определенное влияние оказывали западные традиции. Оно заметно усиливается к началу XVIII века — в царствование Петра Великого. Западные институты воспри-

¹ Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 686.

² См.: Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 212–213.

³ См.: Лурье Я. С. Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли Древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 214–249.

⁴ См.: Библиер В. С. На гранях логики культур. М., 1997.

⁵ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, пленумов ЦК. М., 1962. Ч. 1. С. 415.

⁶ См.: Пихоя Р. СССР. История великой империи. Под знаком Сталина. СПб., 2009. С. 256.

нимаются как инструмент преодоления вековой отсталости российского общества. Вводится новая административно-управленческая система: Боярская Дума заменяется Сенатом (1711), ликвидируются приказы, учреждаются министерские коллегии, Тайная канцелярия, Синод¹. Позднее осуществляется переход к губернскому принципу деления страны, подворная подать заменяется подушной, развиваются школьное и университетское образование, учреждается Академия наук. Но эти институты, внешне схожие с западными, нередко имели особое содержание. Они воспринимались как порождение государства, контролировались государством и не утрачивали связи с ним. Такое огосударствление придавало соответствующим институтам явный «восточный оттенок».

Заметим, что при выборе между Сциллой Запада и Харибдой Востока вопрос не ставился в гуманитарной плоскости: социальной ценой как «азиатских» реформ Ивана IV, так и «западнических» реформ Петра I стало резкое сокращение населения страны (в эпоху Петра — на 20 %). При этом воспроизводилась одна закономерность: успешное развитие государства часто достигалось ценой резкого падения уровня жизни народа².

Таким образом, истоки российской модели правового государства формировались под воздействием разнонаправленных идеологических факторов. В таких условиях идеальным было бы сочетание прагматизма и духовности: «тело» Запада, а «душа» России. Но в жизни редко удается найти идеальное сочетание разнонаправленных идеологий.

Как следствие, возникали постоянные противоречия и конфликты по линиям разлома, разделявшим государство и гражданское общество, власть и личность, рыночные и директивные формы управления экономикой, право и бесправие.

Вместе с тем, как отмечал М. Сперанский еще в начале XIX века, «странно было бы желать, чтобы народы, в образе жизни, в привычках их, степени просвещения и промышленности различные, покорялись с равной удобностью единому образу правления»³.

К вопросу об основных чертах российской модели правового государства

Модель правового государства отражает определенное мировоззрение и уровень правового сознания, особенности социального, политического и правового развития общества. При этом она не остается статичной⁴, а постоянно развивается под воздействием различных факторов — геополитических, экономических, социальных, политических, духовных и иных, предопределяющих только ей присущие особенности⁵.

¹ См.: Павленко Н. И. Петр I. 4-е изд. М., 2003. С. 428.

² Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. СПб., 1903. С. 212.

³ См.: Сперанский М. М. Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России (1803 г.) // Сперанский М. М. План государственного преобразования (введение к уложению государственных законов 1809 г.). М., 1905. С. 164.

⁴ См., например: Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб., 1999. С. 38.

⁵ Kriegel B. The State and the Rule of Law. Princeton, 1995; Тихомиров Ю. А. Правовое государство: модели и реальность // Журнал российского права. 2011. № 12. С. 5–20; Хабриева Т. Я. Стабильность Конституции Российской Федерации и реформы: докл. на науч.-практ. конф.,

Для российской модели правового государства характерно стремление к «высшей» справедливости, правовому идеалу, к его обоснованию в религиозных верованиях и этических ценностях. Заметной отличительной чертой российской модели правового государства до сих пор остается преобладание коллективных интересов, проявляемых на разных уровнях (общенациональном, региональном, местном) и в разных общественных отношениях (в том числе в отношениях собственности). Для российской модели правового государства характерен «силовой» перевес в отношениях государства и личности. На протяжении длительного времени в правовом развитии преобладало стремление к ограничению свободы, к закреплению максимально унифицированного порядка пользования политическими, социальными и даже гражданскими правами граждан.

Своеобразие российской модели правового государства обусловлено также «патерналистской» идеологией государственного управления, прививающей уважение к авторитету власти, персонифицированной главным образом в лице руководителей того или иного уровня. Следствием ее реализации стало то, что основная масса российского населения не была приучена соизмерять свои действия и значение вызываемых ими социальных последствий. Именно это объясняет, почему в истории России было так много бунтов, мятежей и революционных взрывов.

В российской модели правового государства отличается и правосознание. Право воспринимается в ряду таких явлений, как власть, государство, правительство¹. Исторически это связано с неразвитостью прав и свобод личности, в том числе частной собственности, а также с преобладанием общинных форм ведения хозяйства как одной из главных опор государства. Эти факторы не способствовали укреплению гражданских начал жизни. Во многом она строилась по законам «силовой иерархии», а не на правовых процедурах, обеспечивающих равенство сторон.

С принятием Конституции 1993 года все более отчетливо проявляются импульсы к демократизации, защите прав и свобод личности, национальному единству. Утверждение этих ценностей идет через преодоление многих болезненных проблем, накопленных в предшествующие столетия. Постепенно выстраивается новый каркас правового государства, в котором сила должна соединиться с правом, обеспечивая «власть права и право власти на всем пространстве действия Конституции РФ»².

Контуры новой российской модели правового государства определены. Какой она станет, покажет будущее.

посвящ. 15-летию Конституции РФ, Москва, Кремль, 12 декабря 2008 г. // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2008. № 4. С. 10 – 14.

¹ См. интервью Т. Я. Хабриевой «Российской газете» (Юридическая неделя). 2010. 3 июня. № 120 (5199) ; Самарин Ю. Ф. Избранные произведения. М., 1996. С. 507.

² Зорькин В. Д. Современный мир, право и Конституция. М., 2010. С. 113.

**Ю. С. Шемшученко¹,
А. В. Кресин²**

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ И РОЛЬ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ³

Сравнительное правоведение, как справедливо отмечается в наиболее экономически, политически и культурно развитых странах мира, имеет чрезвычайно высокий потенциал. И не только для развития собственно юридических наук, но и с точки зрения влияния на интенсификацию международного политического сотрудничества и международных экономических связей, реформирования политической и правовой жизни, социогуманитарного образования, формирования демократического, плюралистического мировоззрения молодого поколения.

Сравнительное правоведение — методологически насыщенная наука, которая способна содействовать обновлению, преодолению методологического кризиса в правоведении и социогуманитарных науках в целом. Систематические и поддерживаемые на государственном уровне сравнительно-правовые исследования являются признаком зрелости государства, его готовности занимать активную позицию на международной арене, осуществлять продуманную и успешную внешнюю политику, потому что сравнительное правоведение — одна из ключевых дисциплин при подготовке дипломатов, специалистов по международным отношениям и международной экономике — дает не просто знание, а понимание иностранного, международного и европейского права. Развитие сравнительно-правовых исследований и образования является залогом эффективной защиты экономических интересов государства и хозяйствующих субъектов на двустороннем и многостороннем уровнях, успешного представления интересов государства, юридических лиц и граждан в международных судах.

¹ Директор Института государства и права им. В. М. Корецкого Национальной академии наук Украины (Киев), академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины. Автор свыше 800 научных работ, в т. ч. книг: «Местные Советы и обеспечение законности», «Человек, природа, закон», «Академическая юридическая мысль», «Государственный и общественный контроль в области охраны окружающей среды», «Правовые проблемы экологии», «Природа и закон», «Правовой статус Академіи наук України»; научных статей: «Экологическая конституция земли: концептуальные подходы», «Современная система энергетического законодательства Украины и основные направления ее совершенствования», «Проблемы развития аграрного права в Украине» и др. Академик-секретарь Отделения экологического и аграрного права Академии правовых наук Украины. Главный редактор ежегодника научных работ «Правовое государство». Лауреат премии НАН Украины им. М. П. Василенка, Государственной премии Украины в области науки и техники.

² Ученый секретарь, старший научный сотрудник Института государства и права им. В. М. Корецкого НАН Украины (Киев), кандидат юридических наук, доцент. Автор ряда научных публикаций по сравнительному правоведению, в т. ч.: «Сравнительное правоведение на постсоветском пространстве: современное состояние и перспективы развития» (в соавт.), «Теоретико-методологические основы сравнительного правоведения в трудах Ж.-Л.-Э. Лерминье», «Генезис сравнительного правоведения как учебной дисциплины в немецких университетах в первой половине XIX в.» и др.

³ Доклад представлен на X Международные Лихачевские научные чтения (2010 г.).

Осуществление эффективных политических и правовых реформ невозможно на основе только национального опыта или простого ознакомления с законодательством определенных стран, что мы и могли наблюдать на протяжении двух последних десятилетий. Это требует систематизированного научного знания об общемировых и региональных тенденциях правового развития, которое аккумулируется прежде всего сравнительным правоведением. Последнее является единственно возможным социогуманитарным аналогом эксперимента, лабораторного опыта или испытания в точных и естественных науках, и потому его ценность для правовых реформ трудно переоценить.

Внедрение сравнительного правоведения и производных от него дисциплин при разработке проекта Концепции развития юридического образования в Украине было признано одним из ключевых направлений реформирования последнего: ведь только познание национального права в общемировом и региональном контекстах может дать будущему специалисту понимание настоящего значения норм национального права, недостатков, системных проблем и возможных путей его реформирования.

Однако не менее важным является ценностный потенциал сравнительного правоведения, который проявляется в уже упомянутом влиянии на формирование демократического, плюралистического мировоззрения молодого поколения. Признано, что оно содействует преодолению таких негативных явлений, как изоляционизм, крайние проявления национализма и радикализма, шовинизм и другие формы чувства превосходства и нетерпимости. Сравнительное правоведение дает понимание многоликости и плюральности в мировом развитии, равноценности политико-правового и культурного опыта разных народов, формирует мировоззренческие основы для диалога цивилизаций.

В развитых западных странах сравнительное правоведение является высокоинституционализированной сферой научных исследований, образования и практической деятельности. То, что в 2010 году исполняется 200 лет сравнительному правоведению, является хорошим поводом для всесторонней оценки его научного и ценностного потенциала, обобщения его достижений и формирования системы мероприятий, направленных на обеспечение его дальнейшего развития в постсоветских странах.

Сравнительное правоведение изучается уже по крайней мере 140 лет¹, а в специализированный предмет исследования превратилось уже более столетия назад². Несмотря на достаточно широкий спектр взглядов на этот предмет, по нашему мнению, можно выделить характерные позиции исследователей относительно времени возникновения, основных факторов и периодов в развитии сравнительного правоведения. Конечно, с учетом характера основного привлеченного исследователями материала речь может идти лишь о взглядах на западную — европейскую и американскую — юридическую компаративистику.

¹ Ренненкамф Н. К. О современной обработке сравнительного правоведения // Порівняльне правознавство : антологія української компаративістики XIX – XX століть / ред. О. В. Кресіна. Київ, 2008.

² Pollock F. The History of Comparative Jurisprudence // Journal of Society of Comparative Legislation. New series. 1903. Vol. 5.

Прежде всего практически все ученые соглашались в том, что в XIX веке в сравнительно-правовых исследованиях произошли кардинальные качественные изменения, от которых ведется отсчет современного сравнительного правоведения. Период до XIX века характеризуется следующими особенностями: 1) бессистемность, фрагментарность исследований, которые были делом отдельных немногочисленных ученых; 2) отсутствие определенной и последовательно применяемой методологии исследований; 3) господство естественно-правового направления юридической мысли, логико-спекулятивного изучения права; 4) несформированность объектов сравнения — национальных правовых систем; вместо этого сравнение осуществлялось между наднациональными и партикулярными правовыми массивами, которые одновременно применялись в фрагментированном праве определенного региона, — так называемое «внутреннее сравнительное право».

Формирование сравнительного правоведения значительная часть ученых видит в развитии юридической мысли, а также в появлении исторической и историко-философских (гегельянской и неокантианской) школ в Германии в 1810 — 1820-х годах и полемике между ними. Методологические подходы именно этих школ, по мнению большинства ученых, составили идейное содержание определенного периода развития сравнительного правоведения (до 1860-х гг.). Вместе с тем часть ученых считает роль исторической школы права в формировании сравнительного правоведения противоречивой — как положительной, так и отрицательной (Л.-Ж. Константинеско) или откровенно отрицательной (Г. К. Гаттеридж, У. Эвальд).

Другим проявлением становления сравнительного правоведения в этот период стали, по мнению ученых, позитивистские по своему характеру, компаративистские исследования первой половины XIX века (К. И. А. Миттермайера, Г. А. Цахарие, Ж. Л. Э. Лерминье, Ж. Ж. Г. Феликса и ученых, которые входили в их круг). Некоторые исследователи указывают и на первые проявления институционализации сравнительного правоведения в то время — появление первых специализированных кафедр и журналов. Вместе с тем начало XIX века как дата появления юридической компаративистики обосновывается и другими, ненаучными по своему характеру факторами, такими как кризис революционного движения в Европе и завершение в результате кодификации права оформления ряда национальных правовых систем.

Среди характерных для этого периода особенностей сравнительного правоведения ученые отмечают: 1) перенесение внимания ученых с внутреннего на внешнее сравнение с целью поиска удачных правовых решений различных проблем; 2) неотделенность юридической компаративистики от изучения зарубежного права, неопределенность ее сущности и предмета; 3) осуществление сравнения прежде всего между правовыми системами континентальной Европы; 4) лидерство в компаративистских исследованиях немецких ученых.

Исходя из этого, по нашему мнению, наиболее точно сущность периода, который длился с начала XIX века до 1860-х годов, определил Р. Б. Шлезингер: сравнительное правоведение стало специализированной сферой юридических исследований. Вместе с тем с точки зрения становления отдельной юридической дисциплины этот период, вслед за У. Хугом, следует признать «эмбриональным».

Следующий период в развитии сравнительного правоведения, по мнению части ученых, связан с распространением социологически-позитивистского (эволюционного) направления в 1860-х годах, учреждением Общества сравнительного законодательства во Франции и кафедры исторического и сравнительного правоведения в Оксфордском университете в 1869 году, а также специализированных журналов. Некоторые ученые также указывают на движение за обновление немецкого частного права, которое привело к принятию Германского гражданского уложения (У. Эвальд), и появление этнологического направления (А. Х. Саидов).

Характерными особенностями периода, который длился с 1860-х до 1910-х годов (то есть до начала XX в.), как отмечают исследователи, стали: 1) представление об однолинейности, стадийности, закономерности всемирного правового развития, понимание сравнительного правоведения как сравнительной (общей, универсальной) истории права; 2) стремление отыскать для каждой конкретной ситуации единственно правильное правовое решение, наилучшую правовую норму среди разных национальных правовых систем, которая может быть принята и применена в любой стране, идея об «общем законодательном праве», обоснование и обслуживание унификационных проектов; 3) сравнительное правоведение существовало прежде всего в форме сравнительного законодательства, в котором предметом исследования были преимущественно законодательные нормы; 4) начало его теоретического осмысления, хотя оно еще не отделилось от сравнительно-правового метода.

По мнению значительной части авторов проанализированных нами работ, именно в это время сравнительное правоведение превращается в отдельную отрасль юридической науки / область исследований / научную дисциплину. Некоторые ученые считают, что оно и возникло именно в 1869 году (например, У. Хуг, Р. Хайленд), а некоторые — что это был лишь его «эмбриональный» период (например, Р. Сакко).

Новый период в развитии сравнительного правоведения, как отмечает часть ученых, начался на рубеже XIX – XX веков, а отправным моментом при этом стал Международный конгресс сравнительного права в Париже в 1900 году. Также некоторые исследователи считают 1900 год датой возникновения юридической компаративистики. Другие ученые считают, что этот период начался в 1910 – 1920-е годы.

Разные подходы исследователей к периодизации обусловлены прежде всего разными критериями. Парижский конгресс, безусловно, был выдающимся событием, которое удостоверило признание существования сравнительного правоведения и определенной «корпорации» компаративистов. Также он стал поводом для ученых системно изложить свои взгляды на природу, предмет и объект этой научной дисциплины. Но исследователи истории сравнительного правоведения не указывают на какие-то другие существенные изменения: внутренние — теоретико-методологические; в характере и направлениях сравнительно-правовых исследований; во внешних условиях развития юридической компаративистики — ее правовом, политическом или другом контекстах.

Итак, Парижский конгресс 1900 года, как и затененные им и незаслуженно забытые ежегодные конгрессы Международной ассоциации за про-

гресс общественных наук (с 1862 г.) и Всемирный конгресс юристов и судей в Сент-Луисе 1904 года, не означал начала новой эпохи в развитии сравнительного правоведения, хотя и существенно повлиял на его интенсификацию. По нашему мнению, началом следующего этапа следует считать 1910–1920-е годы.

Новый период связывается, с одной стороны, с доминированием в сравнительном правоведении юридического позитивизма и с его практико-прикладной ориентацией, а с другой — с распространением функционального подхода. Одним из важных событий, которые означили его появление, стало окончание Первой мировой войны. В частности, как отмечает В. Н. Денисов, в это время распространился скептицизм относительно возможности создания мирового права, а унификационные проекты в дальнейшем охватывали лишь сферу частного права.

Характерными особенностями этого периода, который (условно) длился до 1945 года, по мнению ученых, стали: 1) идея о том, что сравнительное правоведение не является наукой или отраслью знаний, а лишь методом; 2) новая доктрина сравнительного права вместо сравнительного законодательства, которая предусматривала расширение предмета исследования, в который вошли разные источники права, его доктрина и историческая эволюция; 3) активные исследования континентальными европейскими юристами общего права; 4) изменение отношения к сравнительному правоведению с инструменталистского (прежде всего как к средству унификации права) на ценностное (средство недопущения правового изоляционизма и т. п.).

Следующий этап в развитии сравнительного правоведения начался после Второй мировой войны. В это время, с одной стороны, принципиально расширился предмет исследования — сформировался ряд постколониальных государств, существенно трансформировались правовые системы стран, которые стали на социалистический путь развития, началась религиозная фундаментализация многих правовых систем. Это все выявило несоответствие уровня юридической компаративистики задачам, которые перед ней стояли. С другой стороны, это был период доминирования и кризиса функционалистского подхода, а также «критической теории компаративизма».

Этот период, который, по мнению части исследователей, длился до 1980–1990-х годов, имел такие характерные особенности: 1) начало исследований социалистического, постколониального и религиозного права; 2) с разработкой доктрины правовых семей к сравнительному правоведению пришла системология, а с ней — признание равноценности «незападного» права; 3) развитие «теории отличий»: формирование плюралистической ментальности компаративистов, обоснование правового многообразия, понимание разноисточничковости и многофакторности развития права; 4) распространение сравнительных исследований публичного и процессуального права, взаимодействия правовых систем; 5) значительно интенсифицировались институционализация сравнительного правоведения, его внедрение в юридическое образование.

Новейший, современный этап сравнительного правоведения, по мнению ученых (в частности, А. Х. Саидова и Х. Н. Бехруза), начался в 1980–1990-х годах. Он обусловлен дискуссией относительно сущности и задач юридической

компаративистики в условиях развития и осознания процессов глобализации, распада СССР и кардинальных изменений в постсоветских правовых системах, усиления европейской интеграции, которая привела к формированию новой наднациональной правовой системы ЕС, появления ряда новых национальных правовых систем в результате распада федеративных государств и т. п. Как отмечает А. Х. Саидов, характерными особенностями современного периода являются кризис и разрыв преемственности поколений ученых.

Отличия во взглядах ученых на периодизацию развития сравнительного правоведения, по нашему мнению, обусловлены прежде всего такими факторами: 1) разные взгляды на природу сравнительного правоведения — как на науку или метод. Например, те, кто считает его наукой, склонны делать акцент на его институционализации как элементе интеллектуальной легитимизации; 2) страны происхождения ученых и знание ими языков. Исследователи оперируют достаточно разным известным им материалом, который влияет на их подход к периодизации. Вклад своей страны тем или другим автором преимущественно гиперболизируется, а знание зарубежных традиций компаративистики оказывается недостаточным. Поэтому, например, абсолютно разными являются утверждения ученых о том, кто и когда впервые употребил термин «сравнительное правоведение» / «сравнительное право». Кроме того, часто не учитывается материал вне Западной Европы и США. Например, ознакомление с работами восточноевропейских ученых — сторонников исторической школы права (так называемая школа славянского права) могло бы снять любые сомнения относительно весомости вклада, который сделало это направление в развитие сравнительного правоведения. Кроме того, особенностью соответствующих советских, а также современных украинских и русских исследований является отдельное от мирового (реально — западного) рассмотрение национальной или восточноевропейской традиции компаративистики. Есть, конечно, и другие отличия, обусловленные разным правопониманием и другими особенностями исследователей.

По нашему мнению, предложенная нами пятичленная периодизация сравнительного правоведения, которая не является результатом простого собирания вместе разных взглядов, а построена на их сравнении и критическом переосмыслении, учитывает и в определенной степени способна примирить основные позиции ученых.

Что касается идеи плюрализма правового развития, которая является фундаментом для диалога культур и партнерства цивилизаций, следует сказать, что первым направлением в сравнительном правоведении, которое концептуализировало региональные особенности в праве еще в начале XIX века, стала историческая школа права. Но долгое время методологический арсенал сравнительного правоведения давал возможность осуществлять исследования прежде всего в рамках романо-германского или англо-американского права, которые существенно отличаются системой источников права, а сравнение с правом других стран практически не осуществлялось из-за неготовности учесть внеправовые факторы, которые в значительной степени определяют развитие права. В целом можно утверждать, что право вне близкой по основным параметрам группы правовых систем не только плохо зна-

ли, но и не желали знать, а сравнительное правоведеление фактически использовалось как инструмент всемирной унификации права на основе «общего права цивилизованных народов».

С 1920-х годов на основе идей функционалистской школы круг исследуемых источников права был расширен, благодаря чему удалось преодолеть формальные отличия между континентальным и общим правом; они стали предметом систематического сравнительного исследования. В рамках доминирующего на протяжении долгого времени функционалистского подхода в сравнительном правоведелении были признаны полноценными незападные и смешанные (в первую очередь — бывшие колониальные) правовые системы. В то же время функционализм, который фактически игнорировал влияние культуры на право и все то, что составляет отличия национальных правовых систем, не создал инструментария познания и понимания незападного права как самоценного, для которого в том числе характерно особое отношение к праву и другим социальным нормам.

Подход, способный открыть для сравнительного познания карту мира, был сформулирован в 1960-х годах Рене Давидом, предложившим плюралистический (довольно эклектичный) критерий сравнения и классификации правовых систем в правовые семьи, который учитывал не только юридико-технические особенности, но и влияние религии, идеологии, культуры на право. До Давида отдельные элементы такого подхода уже разрабатывались В. Дильтеем, М. Вебером, Р. Паундом, Ж. Гурвичем и др. Этот подход стал основой для переосмысления правовой карты мира, осознания равноценности незападного права и ценности отличий в праве, а вместе с этим — неуниверсальности европейского/западного правового наследия, его регионального характера.

Далее можно говорить про развитие аксиологической школы в сравнительном правоведелении, которая опирается на цивилизационные идеи, и про соответствующую данной школе идею о существовании наднациональных «традиций права». Давид одним из первых писал о западной традиции права, позднее ее наиболее совершенное видение представлено Гарольдом Берманом. За несколько последних десятилетий сформировалось достаточно всестороннее видение мусульманской, африканской, индуистской, иудейской, китайской правовых традиций. Отличается остротой и полярностью подходов, а также политизированностью и соответственно недостаточной научностью спор о существовании отдельной восточноевропейской или даже евразийской традиции права.

Аксиологическая школа способна во многом поломать сложившиеся устои сравнительного правоведеления, провозглашая практическую несравнимость традиций права, которая исходит из их несопоставимости, феноменологического восприятия, интуитивистского подхода при определении отличительных черт и фактического отказа от их системно-функционального исследования. Поэтому в сравнительном правоведелении продолжают споры функционалистов и неофункционалистов с цивилизационистами, а тем временем в практической деятельности юристов практически безальтернативно господствует позитивизм. И в то же время именно подходы аксиологической школы в сравнительном правоведелении существенно влияют на развитие международного и становление европейского права, распространение

и постепенную концептуализацию идеи диалога культур и партнерства цивилизаций.

В Украине сравнительно-правовые исследования имеют свои давние традиции. Следует отметить, что работа Н. Иванишева «О плате за убийство в древнем русском и других славянских законодательствах в сравнении с германской вирой» (1840) стала первой сравнительно-правовой диссертацией и монографией в Российской империи.

Важнейшим для развития сравнительно-правовых исследований в Украине событием стало создание в 1949 году Сектора государства и права Академии наук УССР (ныне — Институт государства и права НАН Украины), среди направлений научно-исследовательской работы которого указывалось изучение государственного права стран народной демократии. В последующем это направление в Институте было расширено. Можно говорить о фундаментальных исследованиях учеными этого сектора — института конституционного права стран Африки и Азии (А. Ганусец, Я. Плясун, В. Пеньковский, В. Денисов, В. Шаповал), Западной Европы и США (Г. Александренко, В. Евинтов, В. Забигайло, Н. Козюбра, М. Михайловский, В. Селиванов, О. Зайчук, Е. Кубко, Ю. Ныпорко), европейских социалистических стран (А. Таранов, В. Погорилко, Е. Тихонова, Г. Чангули, Л. Кривенко). Среди них отдельно следует отметить монографии Г. Александренко «Буржуазный федерализм» (1962) и В. Денисова «Системы права развивающихся стран. Становление и развитие национальных систем права стран Африки, освободившихся от британского колониализма» (1978).

В то же время сейчас следует в принципе открыто ставить вопросы о методологической отсталости постсоветского сравнительного правоведения и о несоответствии методологического инструментария отраслевых сравнительно-правовых исследований современным потребностям не только узнать, но и понять и применить знания о современном праве и наднациональных тенденциях его развития. В Украине и России в сравнительно-правовых исследованиях продолжает практически безраздельно доминировать примитивизированный вариант позитивистского подхода — простое сопоставление норм законодательства, иногда с привлечением текстов решений конституционных судов.

Для содействия обновлению теории и методологии сравнительного правоведения ученые Института государства и права им. В. М. Корецкого НАН Украины совместно с представителями других научно-исследовательских организаций и вузов разрабатывают и издают: серию научных изданий «Энциклопедия сравнительного правоведения» (монографии, справочники, в том числе и библиографические, антологии, словари; с 2002 г.); серию научно-методических изданий «Академия сравнительного правоведения» (открытые лекции ведущих компаративистов разных стран; с 2007 г.); международный научный журнал «Порівняльно-правові дослідження» («Сравнительно-правовые исследования»; с 2005 г.), а также учебники и учебные пособия по сравнительному правоведению, сборники статей. В 2006 году учреждена Украинская ассоциация сравнительного правоведения, которая проводит ежегодные международные научные форумы компаративистов. Ставится вопрос о восстановлении ликвидированных в последние годы научных и научно-экспертных центров сравнительного правоведения в системе

Национальной академии наук, Академии правовых наук, Министерства юстиции Украины, о признании сравнительного правоведения отдельной специальностью для защиты кандидатских и докторских диссертаций по юридическим наукам.

Последовательное научное и институциональное развитие сравнительного правоведения в постсоветских странах должно стать основой выполнения присущих ему функций — формирования открытого и плюралистического мировоззрения, содействия развитию диалога культур и партнерства цивилизаций.

Е. Г. ЯСИН¹

КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ²

Большая ответственность ложится на меня в связи с тем, что эти Чтения посвящены Дмитрию Сергеевичу Лихачеву. Я здесь не первый раз, и это связано с тем, что для меня Дмитрий Сергеевич — высший моральный авторитет. И не только для меня, но и для большинства граждан нашей страны и всех людей, которые хоть что-то о нем знают.

Самые важные персоны, которыми гордятся граждане страны, — это военачальники, политические деятели и так далее, но мне кажется, что сейчас наступают времена, которые делают для нас наиболее важными тех, кто способен играть роль морального авторитета, олицетворяет высокие нравственные начала, заставляет каждого человека думать об ответственности.

Известный американский ученый индийского происхождения Дипак Лал анализировал историю цивилизаций и обратил внимание на то, что в основе каждой из них, как ни покажется странным на первый взгляд, лежат категории стыда и вины. Это то, что склеивает человеческое общество, позволяет людям жить вместе и, более того, каким-то образом помогать друг другу улучшать свое благосостояние.

Я хотел бы обратить внимание на то, как складываются в настоящее время взаимоотношения между культурами в мире. Мы переживаем турбулентную эпоху, период тектонических сдвигов в мировой экономике, во взаимоотношениях между нациями и государствами, цивилизациями, крупными культурами. И это связано с объективными обстоятельствами. Всего 100 — 120 лет назад все узловые точки мировых противоречий концентрировались в так называемом «концерте европейских держав». Потом к ним присоединились Соединенные Штаты, Япония, и это всегда приводило к столкновению их национальных интересов.

¹ Научный руководитель Государственного университета — Высшей школы экономики, доктор экономических наук, профессор. Автор книг «Хозяйственные системы и радикальная реформа», «Как поднять экономику России», «Малое предпринимательство в России: прошлое, настоящее и будущее», «Приживется ли демократия в России», «Российская экономика: истоки и панорама рыночных реформ» (учеб. пособие) и др.

² Доклад представлен на VIII Международные Лихачевские научные чтения (2008 г.).

Во что это обошлось человечеству в XX веке, мы хорошо знаем. Но теперь, если мы посмотрим на европейский континент, то увидим, что он выглядит совершенно иначе. Вообще говоря, эти великие державы прошлого кажутся второстепенными игроками, хотя на них приходится значительная доля мирового валового внутреннего продукта и торговли. Все-таки основными игроками на мировой арене оказываются совершенно другие единицы. Во-первых, это Соединенные Штаты Америки и Европа в целом, во-вторых, Китай, далее Индия, исламский мир и, возможно, Латинская Америка. Каждая из этих единиц включает примерно по миллиарду человек населения или даже больше. Это совершенно другие единицы.

Что еще важно: если в Европе столкновения были между национальными государствами одной культуры, то здесь мы действительно имеем дело со взаимоотношениями разных культур. Картина, которую мы сейчас наблюдаем, выглядит примерно следующим образом: западный мир теряет долю в мировом населении и долю в мировом объеме производства. Многие по этому поводу расстраиваются. И я полагаю, что господин Хантингтон, когда выступил со своей книгой о столкновении цивилизаций, имел в виду это обстоятельство. Я напому еще одну, более давнюю книгу — «Закат Европы» Освальда Шпенглера.

Хантингтон предупреждал, что Западу надо бояться остальной части мира, потому что хотя на Западе и живет 13 % населения планеты, и они пока еще производят 40 % ВВП, неизвестно, что будет дальше. Подсчеты, скажем, компании «Голдман Сакс» говорят о том, что очень скоро страны БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай) будут выпускать продукции больше, чем все страны «большой семерки». По этому поводу возникают многочисленные тревоги. Действительно, экономика Китая растет примерно на 10 % в год; Индия, которая имеет гораздо более низкие показатели сбережений, демонстрирует в последние годы 9 % и очень быстро поднимается, в том числе и по своим позициям в мировом рейтинге. Россия в настоящее время имеет неплохие результаты по сравнению с другими странами. Но даже если взять только Индию и Китай, то это 2,5 млрд человек населения — в 4 раза больше, чем население Европы по любым оценкам.

Возникает вопрос: что будет, когда центры мировых экономических решений переместятся в Пекин, в Дели? С моей точки зрения, опасения преувеличены, и здесь тоже есть определенные противоречия. Я предпочел бы, чтобы мы поняли, о чем идет речь, когда мы слышим, что какие-то злобные силы изобретают всякого рода угрозы во взаимоотношениях между народами или что надо решать все проблемы мирным путем. А речь идет вот о чем: в настоящее время Китай и Индия проходят фазу поздней индустриализации, они опираются на свои сильные конкурентные преимущества, прежде всего — на дешевую рабочую силу, причем, если брать Китай, довольно высокого качества, дисциплинированную, легко обучаемую. И они имеют возможность использовать западные технологии, которые массовым образом внедряют, причем в Китае — даже не заботясь о правах интеллектуальной собственности.

Значит, работу по подъему Китая, кроме самих китайцев, делают западные транснациональные корпорации, которые приходят туда потому, что это огромный рынок и дешевая рабочая сила. 2/3 китайского экспорта в Со-

единенные Штаты — это продукция предприятий, построенных с участием американского капитала, которые пользуются американскими лицензиями. И те же самые транснациональные корпорации являются лоббистами китайских товаров на американском рынке. Вот такая ситуация складывается. Тем, кто полагает, что развитые государства эксплуатируют развивающиеся страны, я должен сказать: посмотрите на современный мир. Вы наблюдаете ситуацию, когда крупнейшие развивающиеся страны поднимаются благодаря развитым.

Есть одно обстоятельство, которое до сих пор действовало в пользу Запада. С тех пор как в Европе началось Новое время и родился капитализм, приведший к современному экономическому росту, экономика была и остается инновационной. Капитализм — это инновационная экономика. Сейчас мы, россияне, говорим об инновационной экономике и полагаем, что это некое новое явление. В действительности оно не совсем новое, оно существует уже несколько веков. Вспомним хотя бы время промышленной революции в Англии. Это был поток инноваций, который коренным образом изменил ситуацию. Но это стало возможно только при одном условии — инновации оказались основаны на вовлечении в хозяйственный оборот огромных запасов полезных ископаемых, первичных ресурсов земли. А до того существовала аграрная цивилизация, которая базировалась на воспроизводимых ресурсах. Проблема заключается в следующем: сегодня у Запада нет тех преимуществ, которые он использовал раньше. Нет больше дешевой рабочей силы, нет возможности побивать по производительности индийских ткачей.

Но одно преимущество у Запада еще есть. Западная цивилизация, включая и Соединенные Штаты Америки, и Россию, обладает одним важным свойством — она способна производить инновации. Инновация — это не отдельные случаи изобретений, например атомной энергетики или космических ракет. Это означает, что в составе внутреннего валового продукта должно быть по крайней мере 10 — 15 % продукции, которая является инновационной для рынка, которую заимствуют в других странах.

Мы должны понять следующее: европейская цивилизация серьезно изменилась за последние десятилетия. Практически все страны этой цивилизации относятся к числу демократических. Я присоединяюсь к тому, о чем говорил Олег Тимофеевич Богомолов, и считаю это исключительно важным. Демократия — это не просто благие пожелания. Это для нас жизненная необходимость — потому что инновационные каноны, инновационное общество становятся для России единственной гарантией экономического роста. Нефть уже не является источником экономического роста. Начиная с 2004 — 2005 годов добыча нефти в России не увеличивается. Растет стоимость добываемой нефти, но не добыча. Это относится и к газу. Есть другие источники, в частности рыночные реформы 1990-х годов, целый ряд иных факторов, которые нам благоприятствуют. В том числе и деньги, которые поступают из-за рубежа. Но это либо временные факторы, либо невозпроизводимые ресурсы. Их надо заменить. Мы — европейская цивилизация, для нас важно производить инновации. Тем более что свободных трудовых ресурсов не будет.

А для того чтобы производить инновации, нужны определенные условия, в том числе и прежде всего — демократическая система, позволяющая

избавиться от коррупции и воспитывать свободных людей, у которых голова свободна для творчества и мысль не обременена никакими привходящими ограничениями. Мировая практика показывает, что это именно так. Вот ведь поразительные факты: среди лауреатов Нобелевской премии на сегодняшний день всего 9 китайцев — и те либо родились в Соединенных Штатах, либо получили там образование и прожили не менее 10 — 12 лет. Та же самая картина в Индии; правда, индийцы получают британское образование. Один индийский парламентарий в свое время обращался к Индире Ганди: «Госпожа премьер-министр, почему индийцы так успешно строят свою карьеру за границей и не могут сделать это в нашей стране?» Объяснение простое: Индира Ганди не виновата — это вопрос того, какие институты и какая культура сформированы в стране. И для России на сегодняшний день культура является первостепенным фактором развития, в том числе развития экономики. Перед нами культурный барьер — и в политической области, и в экономической, и в социальной. Нельзя с этими вопросами обращаться только к правительству. Мы должны обращаться к каждому, к самим себе. Это чрезвычайно важная задача для нас. И если бы мы решили эту задачу, Дмитрий Сергеевич Лихачев был бы счастлив.

IV. ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ И КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ

Ф. М. Бурлацкий¹

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ²

1. Наше поколение шестидесятников вступило в жизнь в эпоху господства сталинизма, идеологии противостояния политических культур СССР и западных стран. Н. С. Хрущев на XX съезде КПСС нанес удар по культуре личности Сталина, вероятно, не понимая глубины ядерного взрыва в сфере политической культуры, который за этим последует.

2. Мне повезло: я приобщился к политической культуре стран Запада достаточно рано. Решающую роль в этом сыграли два обстоятельства. Первое: еще в годы обучения в аспирантуре, при жизни Сталина, я познакомился со стенограммами съездов партии 1920 – 1930-х годов. Особенно мне запомнилась речь Л. Б. Каменева на партийной конференции 1927 года, где он говорил о том, что складывается культ личности и это может иметь трагические последствия для страны. Второе: в 1956 году я в составе пятисот журналистов на теплоходе «Победа» совершил поездку вокруг Европы и посетил 11 стран. Я был потрясен великими ценностями европейской цивилизации, которые увидел в Риме, Париже, Афинах, Гааге, Стокгольме. Это окончательно перевернуло мое мировоззрение: я понял, что Россия должна вернуться на путь западной цивилизации, вновь обрести в ней достойное место, вносить свой вклад в ее дальнейшее развитие.

3. С той поры я с пугающей меня сейчас настойчивостью крота, прорывающего выход из подземелья, боролся за признание важнейших элементов демократической культуры: в 1958 году выдвинул идею замены диктатуры пролетариата на общенародное государство (в учебнике «Основы марксизма-ленинизма» под редакцией О. В. Куусинена); затем включил этот тезис в проект программ КПСС; предложил в записке на имя Н. С. Хрущева (накануне его отставки) учредить институт президента и двухпалатного

¹ Политолог, публицист, доктор философских наук, кандидат юридических наук, профессор. Автор книг: «Загадка Макиавелли», «Никита Хрущев», «Мао Цзэдун, Цзян Цин и Советник Дэн», а также публицистических работ: «Планирование всеобщего мира: утопия или реальность», «Нас называли "соловьями перестройки"», «Новое мышление», «Глоток свободы» и др. Работал обозревателем газеты «Правда», главным редактором «Литературной газеты». Избирался в Верховный Совет СССР. Преподавал в МГУ, МГИМО, Гарвардском, Хайдельбергском, Оксфордском и других университетах.

² Доклад представлен на IX Международные Лихачевские научные чтения (2009 г.).

парламента. Хрущев одобрил идею, и по его указанию мы начали работу над проектом новой Конституции, что было прекращено после его смещения со всех постов.

4. Во времена М. С. Горбачева (за один год до выборов Съезда народных депутатов) я выступил в «Литературной газете» с предложением учредить президентско-парламентскую республику со всенародно избираемым президентом, вице-президентом, двухпалатным парламентом, Конституционным Судом и судом присяжных, о котором я писал в журнале «Коммунист» еще в 1957 году. Однако М. С. Горбачев принял проект А. И. Лукьянова о возрождении двухъярусного «полупарламента» (аналогичного парламенту 1924 г.). После отстранения от власти М. С. Горбачева на Конституционном совещании РФ, созданном Б. Н. Ельциным, удалось отстоять модель президентской республики и создание суда присяжных.

5. В 1998 году в статье «Нужна ли новая Конституция?», которую удалось опубликовать только в «Вечерней Москве», выступил с предложениями ограничить полномочия президента, его злоупотребления указным правом и произвольной раздачей государственной собственности почти безвозмездно своим сторонникам.

6. Несмотря на то что я находился в оппозиции, решил принять участие в работе Конституционного совещания, на котором отстаивал вышеизложенные идеи. Выступил против сильного «перекоса» высшей власти в пользу президента в ущерб парламенту и фактического отказа от третьей, судебной власти, которая сохранилась почти без изменений со сталинско-хрущевских времен. Суд присяжных начал функционировать только при президенте В. В. Путине, но пока с оглядкой на прошлое.

(В скобках должен заметить, что мои вторжения в сферу полномочий высшей власти не проходили для меня незамеченными: меня трижды снимали с занимаемых постов решениями вначале политбюро, а затем Б. Ельцина и его окружения. Правда, перед самой кончиной Б. Н. Ельцин признал свою историческую ошибку, сказав, что рассчитывал осуществить переход страны к рыночной экономике за 2–3 года, а на это необходимо 20 или даже 30–40 лет. Об этом неоднократно говорили ему я и другие специалисты, из-за этого мы ушли в оппозицию.)

Я вспоминаю об этом не для того, чтобы рассказать о своей смелости (или наивности), а для того, чтобы отметить, что до сих пор анализ и критика деятельности и устройства и функционирования существующих институтов высшей власти остаются закрытой (или полузакрытой) сферой.

7. По понятным причинам труднее всего анализировать политическую культуру и практику в новое время, наступившее после ухода в отставку Б. Н. Ельцина. Несомненно, имеются позитивные достижения: закончилась «вакханалия» с раздачей государственной собственности; наблюдается определенная стабилизация политической системы, в значительной степени экономики; внешне соблюдаются процедуры выборности высшей и местной власти; стабилизировался бюджет и др.

Однако наступивший мировой кризис показал всю неустойчивость рыночной системы, а также низкую эффективность и коррупцию государственного аппарата.

Назову некоторые требующие решения проблемы:

1) разработка программы стабилизации экономики с учетом прогнозируемых (с той или иной точностью) изменений в ходе мирового экономического кризиса;

2) изменение банковской системы и ее обязательств перед государством и обществом — не путем передачи из одних групп в другие, а в соответствии с интересами вкладчиков, банкиров и государства;

3) решительная борьба с использованием всех государственных возможностей против воровства, коррупции, попытки спекулятивно нажиться на имеющихся трудностях;

4) использование крупного олигархического капитала в качестве эффективной помощи государства и общества по преодолению кризиса;

5) снижение налогов на низкую зарплату и мелкую собственность и значительное повышение прогрессивного налога на крупный капитал, как это принято во всех западных странах;

6) ужесточение до крайних пределов борьбы с взяточничеством и коррупцией в государственном аппарате; кризис — это генеральная проверка добросовестности и честности бизнесменов и работников государственного управления;

7) существенное расширение объема общественных работ на тщательно отобранных полезных объектах, как это было во время Великой депрессии в США в 1930-х годах;

8) ликвидация на телевидении активности дураков, проходимцев, балаганщиков и порнографов; разумное объяснение властями и экспертами, рядовыми тружениками кризисных проблем; информирование о положении с личными вкладами граждан в банках; общественный контроль.

В тяжелые времена власть должна быть абсолютно честна с народом, предостерегать людей от неверных шагов и полностью гарантировать им свою поддержку и заботу.

Г. А. Гаджиев¹

РУССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ КАК ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ²

Понятие «государственность» выражает потребность в процессе философско-правовой рефлексии выйти за пределы чисто юридического, кельзеновского понимания природы государства. При таком подходе к государству, который характерен для русской философии права, оно рассматривается в исторической перспективе как законный наследник иных государств, их государственных традиций. Если характеризовать научные

¹ Судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП.

² Доклад представлен на XIII Международные Лихачевские научные чтения (2013 г.).

методы, с помощью которых обосновывается русская государственность, то можно утверждать, что тут преобладает некий синкретический подход, не чуждый интуиции и даже мистики.

Ясно, что это противоположность аутопойетической теории, когда право, государство рассматриваются как создающие самих себя¹.

Основа для такого «наследственного» подхода имеется. Русская государственность — это форма политической организации одного из самых многочисленных народов на земле, и ее история, включая принцип континуитета, — «длиннейшая в европейской истории государственности»².

Русская государственность объективно существует как часть бытия, поэтому, отражая ее, сложилась специфическая русская модель философии государства, созданная К. Кавелиным, Б. Чичериным, Вл. Соловьевым, Н. Бердяевым, В. В. Библихиным и многими другими.

В. В. Библихин был убежден, что как характер человека, так и черты государства более стабильны, чем это может показаться, причем на протяжении веков³.

Так, В. В. Библихин кратко формулирует в русской государственности то, что мы считаем принципом континуитета. Вслед за английским историком Арнольдом Тойнби В. В. Библихин убежден, что многие черты российской государственности унаследовала от Византии. А. Тойнби писал о том, что это только кажется, что советская власть распрощалась с прошлым. Не так-то просто отрешиться от собственного наследия. «Когда мы пытаемся отбросить прошлое, оно исподволь возвращается к нам в завуалированной форме», — писал Гораций. А Расул Гамзатов говорил, что если выстрелить в прошлое из пистолета, будущее выстрелит в тебя из пушки.

Россия вестернизировалась при Петре, при Ленине и в 1990-е годы, но не приблизилась к западной цивилизации, а осталась тем, чем была почти тысячу лет, и принадлежит к совершенно другой цивилизации, византийской. Вестернизация проходит не для того, чтобы слиться с Западом, а, наоборот, чтобы обособиться от него⁴.

По словам А. Тойнби, «после захвата Константинополя турками в 1453 году и исчезновения последних остатков Восточной Римской империи Московское княжество, которое к тому времени стало оплотом борьбы русского православного христианства и против мусульман, и против католиков, застенчиво и без лишнего шума приняло на себя византийское наследие»⁵.

Последний шаг к захвату всего византийского наследия, как пишет В. В. Библихин, был сделан, когда старец псковского Трехсвятительского скита Елизарова монастыря в послании к великому князю написал: «Церковь Древнего Рима пала из-за своей ереси; врата Второго Рима — Константинополя — были изрублены топорами неверных турок; но церковь Московии — Нового Рима — блистает ярче, чем Солнце во всей Вселенной... Два Рима пали, но Третий стоит крепко, а четвертому не бывать».

¹ См.: *Tenbner G. Laws as an Autopoietic System. Oxford, 1993.*

² *Розанов В. В. Русская государственность и общество // Политические институты, избирательное право и процесс в трудах российских мыслителей XIX — XX веков. М., 2009. С. 610.*

³ *Библихин В. В. Введение в философию права. М., 2005. С. 175.*

⁴ Там же.

⁵ *Тойнби А. Византийское наследие России // Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М.; СПб., 1996. С. 107.*

При Иване III, в его долгое и успешное правление с 1462 по 1505 год, идеология Московского государства как Третьего Рима означала одновременно принятие наследства византийской государственности и размежевание с греховным Римом, с Западом, который впал в ересь, исказив Символ Веры, включив туда неканоническое *filioque*. Спустя 200 лет, «прорубая окно в Европу», Петр I говорил: «Мы возьмем от них все, что надо, а потом повернемся к ним (к Западу. — Г. Г.) задом». Предлагая вместо революционной войны мир с Западом, Ленин, спустя еще 200 лет, говорил: «Как только мы наскребем достаточно денег, чтобы купить у них веревку, мы на этой веревке их повесим»¹.

Идеологическое противостояние русской государственности западному миру, таким образом, — это наследие Византии. Второй частью этого наследства А. Тойнби считал заимствованный у Запада тоталитаризм русской государственности. В. В. Бибихин подверг идею Тойнби тонкой «рихтовке». По его мнению, эту черту русской государственности надо квалифицировать иначе, а именно как идеологическое государство или государство единодушия, политической симфонии — так это называлось в Византии. Тем самым исключается разделение властей. Симфония идет далеко, до единодушия, до «морально-политического» единства граждан². Подмеченная В. В. Бибихиным закономерность действительно присутствовала в русской государственности на протяжении веков. Б. Чичерин, очевидно, вслед за русскими историками объяснял необходимость в централизации власти огромными просторами России и постоянными набегами с Востока³.

Как заметил Анджей Валицкий, К. Кавелин и Б. Чичерин были основателями так называемой государственной школы российской историографии. Они поддерживали воззрение, что государство в России было более автономным и сильными в своих отношениях с обществом, чем это было на Западе⁴. Тем не менее, признавая своеобразие исторического развития русской государственности, Б. Чичерин считал этот фактор достаточно относительным и поэтому рассматривал русскую историю как вариант именно европейской модели исторического развития⁵. Благодаря своим ранним трудам Чичерин был известен как убежденный защитник сильной и централизованной государственной власти. Причиной этого он называл не врожденные качества русского характера, а географические и исторические факторы⁶.

Философия русской государственности у В. Бибихина — это не привычный для юристов отвлеченный структурный анализ любого позитивного права, который проделал Г. Кельзен в «Чистом учении о праве», а сугубо русская философия права как результат философского синтеза, интеграции исторических знаний, филологических и искусствоведческих методов анализа, и это синкретический подход к русскому праву.

¹ Бибихин В. В. Указ. соч. С. 190.

² Там же.

³ Последователем этих взглядов Б. Чичерина в современном государствоведении, безусловно, может по праву считаться В. Д. Зорькин, постоянно и последовательно проповедующий в своих трудах идею сильной президентской власти в России.

⁴ Валицкий А. Философия права русского либерализма. М., 2012. С. 150.

⁵ См.: Зорькин В. Д. Из истории буржуазно-либеральной политической мысли России второй половины XIX — начала XX века (Б. Н. Чичерин). М., 1975. С. 89–96.

⁶ Чичерин Б. Н. Курс государственной науки : в 3 ч. М., 1898. Ч. 3 : Политика. С. 403.

Использованный Библихиным метод познания, как мне кажется, сформировался под влиянием онтологии М. Хайдеггера. Совсем не случайно весьма интересные озарения о природе русского права и власти в России пришли в голову нашему автору — переводчику и интерпретатору Хайдеггера. Это ведь хайдеггеровский совет — уметь присмотреться к вещи, увидеть вещь в себе, ее скрытые возможности. До Хайдеггера классическая онтология, восходящая генеалогически к Платону, исходила из того, что любая вещь является лишь копией вечной и неизменной идеи, которая и определяет вещь *per se*.

В. В. Библихин решил «повернуть взгляд» на мир юридических вещей и проанализировать такое понятие, как «русское право», в качестве коррелята человеческого присутствия в мире сущего. В таком случае вещь должна рассматриваться и не как материальный объект, и не как идея этого предмета. Вещи, по Хайдеггеру, собирают мир, и в этом их подлинная суть, они вызывают всеобщую взаимосвязь. И если право (или вещь) рассматривать с такой, онтологической, точки зрения, то неизбежно приходится обнаружить связь между современными российскими правом и властью и предшествующими им генетически правом и властью. В орбиту исследования, таким образом, попадают и римское, и византийское право.

В общем-то такой подход к онтологии права вполне допустим. Ведь не случайно в преамбуле Конституции РФ есть очень важные для понимания ее своеобразия слова: «Принимая Конституцию, мы, многонациональный народ России, чтим память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость». Эти слова не просто возвышенная фраза, патетика, они обладают глубоким юридическим смыслом, это один из инструментов, используемых при толковании Конституции РФ. Что такое «память предков»? Передали ли они нам что-либо, кроме любви и уважения к Отечеству? Есть ли в переданном наследстве *mores*, или речь идет только об этической, а не юридической субстанции? Можно ли вообразить, что с помощью этих важных слов из преамбулы Конституции РФ обозначаются генетические связи права и власти с историческим прошлым страны, которые в силу этого обладают своеобразной силой инерции, постоянно присутствуя в правовом сознании? Не является ли Конституция РФ кодификацией важнейших юридических норм о власти, об устройстве гражданского общества, многие из которых рецептированы из западного конституционного права, а также кодификацией невидимого права, переданного нам прежними поколениями россиян?

Развивая эту гипотезу, можно предположить, что существуют самостоятельные философско-правовые понятия — «правовая реальность» как часть объективного бытия и «реальность права», включая и реальность государства, охватывающие всю совокупность позитивных юридических норм. При этом реальность права (включая нормы государственного права) — это очень грубая модель правовой реальности, редуцированная юриспруденцией. Область правовой реальности — это, помимо юридических, действительных норм, и традиции, и обычаи, то есть то, что может быть названо биюридическими компонентами правовой реальности (плюралистические правовые системы).

Объективная реальность определяет юриспруденцию; последняя частично создает правовую реальность. Объективность правовой реальности сопоставима с окружающей нас природой, вещным миром. Ее объективность исторически выражается в идее естественного права, которое в этом смысле никогда не окажется на свалке идей. Естественное право представляет собой объективную потребность уйти от описанного Гоббсом хаоса и создать государство, порядок. Это и некие ритмы, существующие в природе, которые могут задавать ритмы праву, о которых писал Эрих Фехнер¹. Поэтому то как понятие «правовая реальность», так и понятие «естественное право» не относятся к числу чисто юридических понятий².

Государственность в России постоянно находится под сильным воздействием общественных настроений, формируемых интеллигенцией, часто — очень критических, нередко — незаслуженно критических. Действительно, а почему в русском обществе традиционно присутствует отрицательное отношение ко всему государственному? Почему в среде русской интеллигенции считается за доблесть постоянно противопоставлять себя государству? Или это странное желание проповедовать любовь к Родине «враждебным словом отрицанья» (Некрасов)? На это поразительное явление общественного сознания в России обратил внимание В. В. Розанов в статье «Русская государственность и общество». Первая Государственная дума, замечал В. В. Розанов, не пошла по государственному пути, не выразила в себе государственного духа. Как в чаду, она накинута на русскую государственность.

Н. Н. Алексеев вспоминал, что Рождество 1908 года он праздновал в Ясной Поляне, будучи воспитателем внука Льва Николаевича Толстого. Сидя с ним за одним столом, Толстой вдруг громко и строго спросил: «Николай Николаевич! Сидели ли Вы в тюрьме?» Вопрос этот привел молодого правоведа-гувернера в большое замешательство. Некоторое время он не знал, что ответить, но затем так же громко сказал: «Сидел, Лев Николаевич, в Бутырской тюрьме шесть месяцев». «Вот видите, — заключил Лев Николаевич, — у нас в России все порядочные люди сидели, а я не сидел — нехорошо!»

И почему именно Россия оказалась родиной знаменитых анархистов и марксистов, которые были очень близки в своем маниакальном стремлении уничтожить государственность?

Постоянным, определяющим настроением народа является убежденность в том, что российская политическая действительность хуже европейской, что наши политические «газоны» не так хороши.

У М. К. Мамардашвили в его «Эстетике мышления» содержится глубокая мысль о «ситуации, когда уже поздно». Эта социально-политическая метафора означает, что для россиян «слишком поздно и нельзя быть гражданами демократического устройства, захотеть и быть ими»³. Поздно стать членами современного демократического общества, то есть просто захотеть и быть ими. Поздно, если уже не были. В этом, говорит Мамардашвили, вся дилемма. Гражданами демократического общества являются не граждане Европы,

¹ Фехнер Э. Философия права // Российский ежегодник теории права. 2010. № 3.

² См.: Слободнюк С. Л. Правовая реальность, правосознание и мнимость понятийных смыслов // Российский юридический журнал. 2013. № 1.

³ Мамардашвили М. К. Эстетика мышления. М., 2000. С. 65.

которые уже добрую тысячу лет являются таковыми. В отличие от нас, они уже в традиции. Это не ответ на вопрос о том, что делать и чего не делать. Но это элемент бытия, правовой действительности, объективной и безжалостной.

Общественное сознание россиян зафиксировало некую ущербность российской государственности. А В. В. Биbihин описывал такую закономерность как «теснящую близость нездешнего рая». Это о факторе соседства с цивилизованной европейской государственностью. Биbihин пишет о том, что нас теснит присутствие того, от чего мы бесконечно далеки. В уверенности, что мы опоздали к сотворению мира, наша основная опора. Мы твердо знаем, что то, чем мы всегда обделены, нас не подведет.

Эта «теснящая близость нездешнего рая» — не религиозное рассуждение, поскольку разговор об онтологии права. Речь, с моей точки зрения, идет о взаимоотношениях со сложившимся со времен римского права европейским правопорядком, о потребности в рецепции европейских конституционно-правовых ценностей и в постоянном их отбрасывании. Силы притяжения и отталкивания, как в физическом мире, постоянно находятся в состоянии равновесия.

Российское государство стремится быть вместе с Европой и вместе с тем учитывает, что европейский рай пока еще недостижим.

Вот что такое «теснящая близость нездешнего рая»!

Может, это происходит потому, что Россия, в отличие от Византии, смогла справиться с восточной стихией, а потому является наследницей не только Византии, но и Золотой Орды. Это стало возможным, как считает В. В. Биbihин, из-за «интимности» сложившихся у Москвы отношений с восточной силой: Москва вобрала ее в себя, присвоила себе ее приемы. По формуле Н. Бердяева, Москва — это христианизированное татарское царство.

В завершение попытаемся сформулировать краткие обобщающие тезисы, проецируя их на современное Российское государство, и назвать основные вызовы.

1. Идеи Н. Н. Алексеева о необходимости гармоничного соотношения двух моментов в жизни каждого государства — постоянного и подвижного, о необходимости постоянных целей и принципов государственной деятельности¹ способны помочь в решении проблемы гибкости или жесткости конституционной основы государства в России. Можно ли часто менять Конституцию? На мой взгляд, должен состояться гносеологический выбор: либо мы признаем, что есть некие непоколебимые истины в устройстве государственности, и тогда необходимо защищать эти «вечные истины, вечно настоящие, обязательные для всех времен»²; либо делаем выбор в пользу ветренности эллинов и действуем исходя из того, что ничего вечного в политике и государственности нет³.

2. Насколько важен фактор культурного, исторического релятивизма? Действительно ли Россия самобытна или это «вечнозеленый миф»? Существуют ли какие-то универсальные представления о правах человека и на-

¹ См.: Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 13.

² См.: Спекторский Е. В. Что такое конституция? М., 1917. С. 10.

³ О ветреном духе, присущем афинянам, см.: *Вантель Э. ге.* Право народов или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М., 1960. С. 53.

лагаемых ими ограничениях на суверенную государственную власть? Если да, то признание их было бы сильным аргументом против крайних форм проявления культурного релятивизма. Или же мы в России, развивая свою государственность, должны учитывать устойчивый социокультурный тип отношений государства и личности, сложившийся в России, устойчивую национальную политическую культуру? Это одна из основных мировоззренческих проблем, отражающая одно из главных противоречий в развитии русской государственности: то ли мы признаем наличие мирового права и, как сказано в преамбуле нашей Конституции, «сознаем себя частью мирового сообщества», то ли мы будем отстаивать приоритет культурного релятивизма («чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость» — это тоже из преамбулы Конституции!).

3. Верно ли убеждение Н. Н. Алексеева о том, что «царь более обязан, чем все его подданные»? Действительно ли в России должно быть государство «политической симфонии» и по-прежнему надо полагаться на то, что небеса будут благосклонны к России и царь, василевс, окажется на уровне предъявляемых к нему высоких нравственных требований? Или же надо укреплять все институты государства равномерно?

4. Одним из самых сложных вызовов современному русскому государству является стихия частной собственности, вырвавшаяся из-под контроля. После приватизации государственной собственности появилась экономическая власть, которая испытывает на прочность государственные институты. Надо ли придерживаться лозунга «Государство должно обеспечивать неприкосновенность награбленной частной собственности» или же необходимо искать способы ее легитимации?

5. Один из самых трудных вызовов современному государству в России — это потребность в укреплении доверия к нему. Эта цель означает серьезную корректировку философии государства, особенно в его имущественных отношениях с частными лицами.

ИСТОРИЧЕСКИ СОСТОЯВШИЙСЯ ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК ОСНОВА ПРАВА РОССИЙСКОГО НАРОДА БЫТЬ САМИМ СОБОЙ¹

1

Среди 84 слов, из которых состоит преамбула Конституции России, есть слова патетические, политически страстные. Собственно, начинается Конституция с первого утверждения о том, что мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединены общей судьбой на своей земле.

Конечно, можно предположить, что составители конституционного текста в преамбуле проявили склонность к простой риторике. Но юристы считают, что каждое слово в таких важных текстах, как тексты основных законов, обладает признаками нормативных понятий. Часто эти юридические

¹ Доклад представлен на XIV Международные Лихачевские научные чтения (2014 г.).

понятия являются спецификацией философских понятий. Таким, на наш взгляд, является понятие «общая судьба» как то, чем характеризуется народ, являющийся конституционным законодателем.

Понятие «общая судьба» не разрабатывалось в доктрине конституционного права. Между тем драматические политические события последнего времени выдвигают его в эпицентр юридических и философско-правовых дискуссий.

Общая судьба на своей земле в течение тысячелетия, совместное проживание множества народов (некоторые из них исчезли, ассимилировались) имеют своим результатом как генетически единое целое, так и социальное единство, обладающее духовной общностью. Эта общность имеет волю, реализующуюся в появлении политической формы — российской государственности, зарождение которой можно связывать или с Рюриковичами, или же, как в концепции Н. Трубецкого, с империей Чингисхана.

Общая судьба как понятие отражает не только генетические связи, но и отношения общей культурной принадлежности. Академик В. С. Степин точно подметил, что в России исторически сложились сильные традиции толерантности между многочисленными народами, населяющими ее территорию. Традицией русской государственности является бережное отношение к национальным культурам. У нас не было унификации культур в том смысле, как это происходило в Европе в эпоху становления национальных государств, когда многие этносы и этнические культуры исчезли. В России этнические анклавы исторически всегда сохранялись, но как плата за такое сохранение возникло противоречивое соединение культурных образцов и обычаев.

Конечно, это обстоятельство делает наш путь к идеалу верховенства права более длительным и извилистым. Это должны понять наши оппоненты на Западе. Они же пока придерживаются маркузианского лозунга «Будьте реалистами — требуйте невозможного».

В этой особенности исторического пути культурного развития многонационального народа России кроются причины сложности модернизации.

Диалог культур при создании российской политической нации явился важным фактором, позволяющим объяснить особенности конституционной судьбы, предопределяющей контуры конституционного облика России. Сквозь призму конституционного понятия «общая судьба на своей земле» можно найти твердую почву для нового направления в развитии конституционного права — культурологического. Конституция России в таком случае должна рассматриваться не только формально-юридически, но и под углом зрения исторически сложившихся традиций понимания свободы и справедливости.

Общая судьба как объективная данность — это следование современного поколения россиян в русле определенной, сложившейся на протяжении веков культурной традиции. Понимая это, мы можем по-иному представить себе онтологико-правовой статус Конституции: она не является просто кодификацией важнейших юридических принципов, множество из которых заимствованы, рецептированы из права других стран. Одновременно сквозь призму понятия «общая судьба», ответственности между поколениями Конституция является своеобразной кодификацией отношений с прошлым. Это

идея немецкого философа права Й. Изензее о необходимости учета исторического процесса, своего рода идея историзма в доктрине конституционного права. Новая конституция всегда является новой лишь отчасти, поскольку с неизбежностью должна воспринимать какие-то элементы прежней жизни. «Здесь пролегает граница политических возможностей, — пишет Изензее, — за которую вопреки любым постулатам о суверенности власти не способен выйти ни один создатель конституции. Он в состоянии придавать новые черты лишь отдельным сторонам жизни народа, но не преобразовать всю ее разом, потому что нельзя оторвать народ от его истории и хотя бы на мгновение остановить течение жизни.

Теория, связывающая современную конституцию с прошлым, позволяет увидеть без прикрас картину государства, соответствующую конституции. Конституционный закон — не только результат кодификации основополагающих правовых норм, но и как бы кодификация их связей с прошлым, которые придают этим нормам смысл, содержание, форму и действенность»¹.

Взятое в его философском смысле понятие «общая судьба» представляет собой реальность неуниверсализированного бытия сообщества людей, считающих себя одним народом. Это идея единства, лежащая в основе принципа федерализма. (В ч. 3 ст. 5 Конституции РФ не случайно утверждается, что федеративное устройство Российской Федерации основано на ее государственной целостности.)

Общая судьба как свойство, принадлежность сообщества людей предполагает и энергию сопротивления тем силам, которые требуют от людей этого сообщества подчинения универсализации, превышающей разумный минимум общности. Тут очень важно не допустить крайностей.

Согласно преамбуле Конституции мы, многонациональный народ России, сознаем себя частью мирового общества. Но это именно мировое общество, а не отдельные его части. Правильно понятая идея общей судьбы с точки зрения идеологии должна помочь избежать крайностей национализма, который всегда основывается на культе избранности, эксклюзивности и всегда опасно экспансивен. В речи Фихте к немецкой нации, в которой он соревнуется с глашатаями французского национализма, хорошо видны эти отрицательные черты национализма. Для того чтобы идея общей судьбы стала идеологически полезной как часть идеологии патриотизма, надо отсечь от нее все лишнее, а это намеки на особые способности, на мессианство и другие вечнозеленые мифы исключительности того или иного народа.

Общая судьба порождает прежде всего культурную идентичность, одним из проявлений которой являются традиции, *mores* — традиции патриотизма, солидаризма, поддержка семьи и т. д. Возможно, видимо, признать онтологичность традиций русской государственности. В таком случае появляется целая исследовательская программа: можно ли их рассматривать как надконституционную ценность; в чем сила и слабость традиций государственности; можно ли построить систему (градацию) таких традиций; есть ли возможность оценить силу торможения, присущую каким-то из этих традиций, с тем чтобы научиться управлять ею подобно тому, как человек научился управлять торможением автомобиля (от чего сила торможения в целом не исчезла).

¹ Государственное право Германии : в 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 12.

2

Как сугубо юридическое понятие «общая судьба» связано с естественным коллективным правом на идентичность, самобытность, сохранение культурных традиций всех народов Российской Федерации? Россия в сообществе мировых наций имеет право на культурный релятивизм. Проявления этого конституционного права можно наблюдать в общественных дискуссиях современной общественной жизни. Когда принимается решение об установлении ограничительной квоты на показ американских кинофильмов на экранах российских кинотеатров, то это тоже реализация права народа на неуниверсализированное бытие.

Идея об общей судьбе ставит совершенно новый для конституционного права вопрос о реальности конституционного права будущих поколений россиян. Можно ли сейчас признать правосубъектность будущего поколения российского народа? Это далеко не праздный вопрос: от ответа на него, в частности, зависят темпы выкачивания нефти, газа из недр, состояние экологии в стране. Но самое главное, что Конституция России закрепляет ряд важных культурных прав будущих поколений. Государство, в частности, должно заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры для будущих поколений (ст. 44 Конституции РФ). Несмотря на то что государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский, республики вправе устанавливать свои государственные языки. Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создавая условия для его изучения и развития.

Итак, идея общей судьбы содержит идею идентичности и свободы. Германн Люббе писал, что это не только та свобода, которая делает частных лиц равными друг другу. Свобода быть разными в мире — это своеобразное проявление юридического принципа равноправия. Требование признания такого права в международном праве вполне легитимно, поскольку речь идет о свободе нашего бытия в контингентной исторической идентичности¹.

Традиции государственности, конечно, отличаются от тех традиций, которые составляют предметную сферу этнографии, хотя и те и другие имеют исторические корни и объективируются только в коллективном сознании людей. Ближе всего можем к понятию архетипов сознания, введенному в научный оборот К. Юнгом.

В процессе модернизации общества происходит столкновение архитрадиций с нормами новой, чаще всего заимствуемой культуры.

Если они укоренены в обществе, тогда необходимо искать механизмы их согласования с нормами модерна. Тот тип культуры, когда модернизация, особенно в экономической и научно-технической сферах, осуществляется без отказа от архитрадиций, возник не только в России, но и во многих других государствах².

¹ Люббе Г. Право оставаться иным. К философии регионализма // Политическая философия в Германии : сб. ст. М., 2005.

² Степин В. С. Ценность права и проблемы формирования правового общества в России // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики. М., 2010. С. 18.

Понятие «общая судьба на своей земле» вплетено в систему идей, предназначенных для разумного балансирования между ценностями архитрадиций и модернизации.

3

Как юридическое понятие, право народа быть самим собой может быть охарактеризовано с точки зрения его содержания, то есть юридических возможностей, и его гарантий. Как правовое понятие, данное право народов является базовым для формирования той или иной системы мирового порядка.

Содержание этого права определенным образом форматируется концепцией справедливости. В частности, из идеи справедливости можно почерпнуть правомочие каждого народа настаивать на равенстве в отстаивании своих прав на идентичность наравне с другими народами.

При конструировании юридического понятия права народа быть самим собой предпочтительнее ориентироваться на философскую традицию номинализма, а не на традицию реализма. Как известно, спор между этими двумя философскими традициями является по существу выбором морального мировоззрения, который всегда происходил, происходит и будет происходить. Напомним, что реалисты, то есть сторонники традиции реализма, исповедовали гносеологический и метафизический примат, онтологическое превосходство общего и идеального над частным и эмпирическим, разнообразным. Сторонники традиции номинализма склоняются к тому, чтобы признать единственной реальностью мир фактов, эмпирический мир. Реализм и номинализм — это два разных типа научной мысли, встречающиеся во всех видах знания. Вот пример, как мыслят сторонники реалистической традиции: если им нужно оценить президента, судью, профессора, то они желают видеть в них прежде всего идеального, созданного их воображением президента, судью, профессора — некий архетип, который в реальности, как правило, не встречается.

Когда же они встречают президента, судью, профессора, имеющих, как и всякий эмпирический человек, свои достоинства и недостатки, когда они обнаруживают, что президенты, судьи, профессора чаще всего не представляют собой ту идеальную фигуру, которую построило их сознание, они разочаровываются. Это явление выражает турецкая пословица: «Я думал, паша — это паша, а оказалось, что паша — это человек!». Номиналистически мыслящий человек обычно не поддается обаянию идеальных понятий. Такие люди обычно лучше разбираются в других и не допускают ошибок самообмана. Увлечение традицией реализма, абстрактными понятиями в очень чувствительной сфере цивилизационных различий между народами приводит к трагическим последствиям. В качестве примера можно указать на Дж. Роулза с его понятием рационально мыслящего сообщества народов, которым он пользуется в своей книге «Право народов». Рационально мыслящее сообщество народов состоит у Роулза из либеральных и иерархических обществ.

Идеалистическое понятие либерального общества у него определяется как общество, имеющее правопорядок, пронизанный концепцией общего блага, гарантирующей, что в обществе соблюдаются права человека. При

этом совершенно не учитывается, что абсолютизация прав некоторых меньшинств, таких как сторонники однополой любви, несет в себе серьезные риски раскола общества. Позволим себе напомнить, как в книге М. Твена «Принц и нищий» последний с помощью государственной печати колот орехи. Используя это сравнение, я хочу показать, что предельно абстрактная категория прав человека в неумелых (или, наоборот, изощренных) руках может обладать разрушительной силой.

Увлечение реалистической традицией мышления опасно тем, что в нем запрограммированы предвзятость к другим цивилизациям и культурам и даже откровенный снобизм. Западная традиция индивидуализма рассматривается как очевидно самая совершенная, как аксиома, не требующая доказательств, несмотря на то что в большинстве стран мира есть традиция рассматривать человека как члена сообщества, общины, трудового коллектива.

Свобода личного самоопределения и самовыражения в ее конституционном понимании не может простираться столь широко, чтобы при этом игнорировались лежащие в основе организации общественной жизнедеятельности и получившие свое конституционное признание ценностные предпочтения демократического большинства. Тем самым ставилось под сомнение историческое и культурное самоопределение народа, его развитие в условиях гражданского мира и согласия на основе осознания своих исторических, культурных и иных национальных традиций, а также ответственности перед будущими поколениями.

Инерционное мышление — вот чем оборачивается увлечение реализмом в ущерб номинализму. Без особых доказательств Дж. Роулз предлагает считать кульминацией цивилизационного развития такую систему мирового устройства, когда суверенитет государства обязательно должен быть ограничен с помощью прав человека, стандарты которых создаются в одной мастерской, в одной части мира, которая заведомо всегда права, потому что является хранилищем разума. Если же представления какого-либо народа о правах человека вступают в противоречие с этими стандартами, то такой народ можно причислить к числу тех, которые нуждаются в принудительном исправлении.

К сожалению, Дж. Роулз искажает идею Канта, который писал о том, что первой политической обязанностью человека является обязанность оставить естественное состояние и подчиниться нормам рационального и справедливого права. Не думаю, что Кант пришел бы в восторг, если бы узнал, что, оказываясь, если в каком-то обществе не уважают права человека в соответствии с унифицированными стандартами, не учитывающими цивилизационные различия, то либеральный авангард сообщества либеральных государств вправе начать бомбить такое государство.

По поводу книги Дж. Роулза возникла дискуссия между ним и Ю. Хабермасом. В своем докладе на Всемирном философском конгрессе в Стамбуле Ю. Хабермас показал, что ему не по душе мышление в традиции реализма Дж. Роулза. Он заявил, что защита целостности жизненных форм и привычного образа жизни организованной в государство общности людей, если речь не идет о геноциде и преступлениях против человечности, имеет преимущество перед осуществлением абстрактных принципов справедливости в масштабах всего мира.

Рамки выступления не позволяют детализировать мою аргументацию. Ограничусь лишь выводом о том, что традиция реализма таит в себе риски появления опасных когнитивных установок в тех случаях, когда теория является основой политики, то есть курса действий государств. Когнитивная установка, ориентация на абстрактные понятия либерального общества, иерархического общества совсем небезобидна.

Роулз доказывает с помощью абстрактного понятия справедливости право цивилизованных наций вести «справедливые войны». Ю. Хабермас прав, утверждая, что критерии оценки, является ли война справедливой, нельзя перевести на язык права, их применение государствами не поддается проверке международными судами.

К тому же тут слишком много релятивизма: кто может определять на надгосударственном уровне, действительно ли западные правовые ценности заслуживают всеобщего признания?

Итак, право народа быть самим собой — это право иметь историческую память, являющуюся частью исторического наследия, право обладать национальным духом, в случае с российским народом — это дух непобежденных, в конце концов право на цивилизационную идентичность.

4

Вот почему необходимо настаивать на собственном понимании своих конституционных ценностей, и это стремление является частью права народа быть самим собой. Мы не можем принять предлагаемые нам западные рецепты нейтралитета государства по проблеме пропаганды однополый любви. Свобода проповедовать однополую любовь ассоциируется в нашем обществе с публичной непристойностью, осуждаемой многонациональным российским народом. Демонстрация геев может завершиться побоями, беспорядками. Мы не можем принять также рекомендацию о полном раскрепощении (либерализации) и пропаганде человеческих инстинктов, направленную на разрушение морального авторитета Русской православной церкви.

Наши оппоненты на Западе не могут не знать, что предлагаемые ими сугубо западные правовые ценности внесут раскол в российское общество. Между тем социальная ценность конституционного права состоит в том, чтобы разумно сочетать защиту прав меньшинств с принципом, согласно которому осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.

Д. А. Гранин¹

ВЫДЕРЖИТ ЛИ РОССИЯ ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ?²

Я все чаще задумываюсь над вопросом: выдержит ли Россия вызовы времени?

Сегодня Россия находится в трудном положении — и материальном, и нравственном, и духовном. Она лишилась идеи жизни, своих кумиров, героев, которым поклонялась. Мы никого не любим. Живем на развалинах бывших кумиров. Говорят, что только искусство может создавать героев, любимых народом. Не совсем так. Америка создала Форда. Он долгое время был героем. Тем, кто придумал разумную промышленную систему, помог процветанию производства. Где у нас миллиардер, богач, про которого мы знаем, что он сделал полезное для народа, для техники? У нас мало возможностей разбогатеть честным путем — что-то изобрести, придумать, организовать. Может, кому-то удастся, но мы о нем не знаем, да и не поверим. Никто из наших миллиардеров не предстал перед нами со своей историей, с рассказом, как он обрел свои капиталы. Темно, скрыто, и, как правило, считается, что пути наших миллиардеров — пути бесчестные. Они не подают обществу надежды, что мы живем в стране, где можно добиться успеха честным образом. Казалось бы, мы приобрели свободы, возможности, а в то же время мы потеряли всякие примеры, которые могут нас воодушевлять. Мы потеряли даже то, что было в царской России, где был Ломоносов. Сын крестьянина, рыбака, который послужил для тысяч русских примером того, что из народа можно выйти в академики. Где такие примеры сегодня?

Даже советская система поощрений — медали, значки, грамоты, все, что хранится у старых людей только как воспоминание, — была важной душевной поддержкой человеку. Получали мало, зарплата была жалкая, несообразная трудовым усилиям, но была моральная компенсация. Ее сейчас нет. Все стало измеряться лишь рублем. А эта система ядовитая, отравляющая нравственное состояние человека. Сегодня в цене не человеческие качества, а толщина кошелька. Конечно, наши люди за предыдущие десятилетия бедноты стосковались по благоустроенной личной жизни. Всем хочется иметь квартиру, машину, дачу, хочется поехать в путешествие. В этом нет ничего плохого. Это естественное желание. Но есть грань между жизнью скромной и роскошной. Границу эту наносит духовность человека. Чем меньше культуры, тем больше интерес к ресторанам, нарядам, машинам.

В нашей стране не хватает нравственных примеров, не к кому прислониться душой. От этого неоправданная убогость понятия о красивой жизни.

В советские времена низкий этический уровень можно было оправдывать страхами, идеологией, цензурой. В нынешнем человеке мы, очевидно, имеем дело с принципиально другим отношением к культуре и совести. Появились новые требования к ним, новые, куда более заниженные уровни стыда и совести, и они считаются нормальными.

¹ Писатель, Герой Социалистического Труда, соучредитель Конгресса петербургской интеллигенции, почетный гражданин Санкт-Петербурга, Почетный доктор СПбГУП.

² Доклад представлен на IX Международные Лихачевские научные чтения (2009 г.).

Взятки берут не для духовного обогащения. Воруют для разгульной жизни, творят беспредел, идет поголовное бесстыдство чиновников, для которых любые законы определяются степенью взяточности. Вот олигархи, которые захватили народные достояния лесов, недр, земель, жилья и получили миллиарды — за что? Они ничего не изобрели, не открыли ни в науке, ни в экономике, ни в производстве, ничего не дали обществу, тем не менее стали владельцами огромных состояний, в основном по праву захватчиков, «оккупантов».

Депутаты всех уровней добиваются своих мандатов с помощью пустых обещаний, лжи и обмана. В стране повсеместно воцарилась культ денег и воровство.

Телевидение на всех каналах заботится не столько о просвещении и воспитании, сколько о рекламе, то есть о рейтингах ради своих доходов. Иногда кажется, что наше телевидение — это заговор с целью превратить народ в зомбированную массу, у которой никаких других интересов, кроме детективов, секса и жратвы. Я не люблю слово «заговор», но слишком уж единодушны все телевизионные каналы, слишком единодушны газеты. Все время одно и то же: кто с кем, когда, сколько раз.

В последние годы своей жизни Дмитрий Сергеевич Лихачев упорно возвращался к проблеме совести. Он с печалью видел, как она перестает быть мерилем нравственности, как Россия становится страной без стыда и совести.

После замечательного русского философа Владимира Соловьева Лихачев, пожалуй, единственный, кто так настойчиво занимался категорией совести. Соловьев считал, что совесть есть развитие стыда. Должен быть стыд. Нет стыда? Тогда совесть молчит.

Стыд был первым человеческим чувством, которое отличало человека от животных. Можно считать, что человек — животное «стыдящееся». Господь обнаружил первородный грех Адама и Евы по тому, как они устыдились своей наготы. И изгнал их из рая. Человек постепенно начинал понимать, что «должно по отношению к людям и к богам», и тогда инстинкт стыда стал превращаться в голос совести, то есть Адам и Ева устыдились совершенного ими, и этот стыд, который заставил их прикрыть себя фиговыми листьями, и был первым голосом совести.

Лихачев сумел развить это положение, дополняя его ролью памяти. Он показывал, как память формирует совесть. Без памяти нет совести, память сохраняет наши грехи, память семейная, культурная, народная питает совесть, требует от нее уважительного отношения к старшим, к друзьям, к родным. Вспоминает, правильно ли мы жили, хорошо ли обращались со своими родными. Позднее наше раскаяние — это работа памяти, которая тревожит совесть. Память — историческая категория. Побывав в Гамбурге на кладбище русских солдат, жертв Первой мировой войны, я вдруг сообразил, что у нас в России не видел и не знаю ни одного кладбища, где сохранялся бы прах русских солдат, погибших в ту, Первую мировую, войну.

А что такое действия вандалов на наших кладбищах или то, что они творят в Летнем саду? Это что? Это свидетельства жизни без памяти.

Лихачев обращал наше внимание на некоторые особенности совести.

Совість протистоіт давлєніям ізвне, она зашчіцаєт чєловєка от вєнєшнїх вєздєіствїй. І в самєм дєлє, к чєловєку порєй мєжєт дєстучатєся тєлькє совєстє, внєтрєннїй єго гєлєс, он кудє дєіствєннєє, чєм бєскєнєчнє прїзвїы, прєпагадє учїтєлєй, вєспїтатєлєй, дєжє рєдїтєлєй. Поступєк, сєвєршєннїй цєлїкєм по совєстї, — єтє свєбєднїй поступєк.

Увєрєн, нєс сплєтїт і спєсєт опєрє на куьтуру, нрєвствєннє цєннєстї, мїлєсєрдїє.

Важно, чтобы и власть в нашей стране дорожила культурой, любила ее и опиралась на нее.

Недавно в петербургской филармонии я был на концерте Баварского симфонического оркестра, которым дирижировал мой хороший знакомый Марис Янсонс. Этот человек входит в первую пятерку дирижеров мира. Я бывал на его концертах в Австрии. Что на них поражало? Люди приезжали из Китая, Японии, среди гостей была канцлер Германии госпожа Меркель, был канцлер Австрии, министры, ученые. Что творилось и в нашей филармонии (Янсонс долгое время работал в ней дирижером) — трудно описать. Питерцы любят музыку, понимают, ценят, и меломаны города рвались на концерт. Это был праздник. Но было и другое. Меня огорчило, что на таком историческом событии в культурной жизни города не было никого из наших властей, никто не пришел, не поинтересовался. Интересная особенность нынешнего времени. Наши власти не нуждаются в культуре, не нужна она, среди них почти нет людей, которые просто, не по службе любят музыку, любят живопись, любят театр. Это грустно. Это сказывается на положении дел с российской культурой. Среди приоритетов, которые выдвинуты правительственной политикой, есть сельское хозяйство, медицина, ЖКХ, оборона. А вот культуры нет. Культура может подождать. Не срочно. Но культура такая материя, которая ждать не может. Если человек прерывает свои отношения с искусством на годы, считайте, что он расстался с культурой, расстался с литературой, чтением, театром, музыкой. Наша власть — цивилизованные, образованные, воспитанные люди, знающие языки. Тем обиднее, что они, все понимая, почему-то так мало делают для культуры страны. Все меньше библиотек, концертных залов, симфонических оркестров.

Когда бываешь в школах, клубах, на собраниях интеллигенции, особенно в провинции, на свои вопросы и сетования слышишь один ответ, всюду, во всех регионах одна и та же фраза — «От меня ничего не зависит. От нас ничего не зависит». С этим убеждением живет значительная, подавляющая часть россиян — «От нас ничего не зависит». Усталость, безнадежность... Что же соединяет нашу Россию? Что скрепляет ее? Этот вопрос сегодня встает все острее и тревожнее. Как сохранить Россию?

Что же будет держать и держит нашего человека в России? Держала во многом и может держать нашего человека культура, ощущение той великой культуры, в которой мы все формируемся и растем, — поэзия, театр, музыка, все то, что составляет и составляло прелесть и душу русского народа. И если эта культура становится второстепенной, мало поддерживаемой и мало нужной, то спрашивается: чем мы можем сохранить Россию?

Что понимать под словом «культура»? Для меня, например, уничтожение деревни, деревенской жизни является катастрофой русской культуры. Деревня несла в себе огромную культуру: традиции взаимоотношений

с людьми, милосердия, правил поведения, вежливости. Деревня содержала блаженных, нищих. Деревня не запирала избы, там не было воровства. Там сохранялся фольклор, частушки, народное творчество. Все это закончилось. И потери эти невосполнимы или частично возмещаемы культурой книжной, театральной, музыкальной.

Р. С. Гринберг¹

«УСКОЛЬЗАЮЩИЙ» МИР И РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА²

Несколько лет назад известный британский социолог Энтони Гидденс заметил, что мы живем в «ускользающем» мире, и это очень точное утверждение. В результате глобализации мир стал более взаимосвязан и однороден, но именно это качество делает его все более неустойчивым и хрупким. В экономическом устройстве происходят серьезные изменения: инновационная экономика постепенно вытесняется моделью финансовой экономики с упором на финансовые рынки, а не на инновации как главный фактор повышения конкурентоспособности и прибыли. Происходит перераспределение силы и влияния в глобальном экономическом сообществе, формируются новые полюса экономического развития — страны БРИКС, например. Традиционные механизмы регулирования и саморегулирования все чаще дают сбой, что и подтвердил глобальный экономический кризис 2008 — 2009 годов.

Перспективы окончательного выхода из кризиса туманны, но первая его волна была погашена массивными финансовыми вливаниями, активной государственной антикризисной политикой практически во всех странах мира. Есть ощущение, что мы станем свидетелями радикальных изменений в современном экономическом устройстве, смены экономических моделей развития и, может быть, даже возвращения на новых витках диалектической спирали знакомых смыслов и понятий, ценностей и норм. Уже сегодня можно очертить некоторые ее наиболее значимые элементы. Сначала о том, что прояснилось в ходе кризиса.

Первое: возвращение циклов. Отсутствие каких-либо серьезных потрясений в странах — лидерах мировой экономики за последние 15 — 20 лет дали основания считать, что циклический характер экономической динамики преодолен. Как полагали многие, посредством самокоррекции рынок обеспечивает поступательное социально-экономическое развитие, а разнообразные финансовые инструменты (новоиспеченные финансовые инновации типа деривативов) позволяют так диверсифицировать и распределять риски по финансовой системе, что это в целом укрепляет устойчивость и безопасность экономики.

¹ Директор Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор.

² Доклад представлен на XV Международные Лихачевские научные чтения (2015 г.).

Но циклы, судя по всему, вернулись. Пока мы мало что можем сказать об их периодичности, границы циклов во многом были смазаны и факторами регулирования, и колоссальным расширением рынков в связи с геополитическими и геоэкономическими изменениями в мире. Но теперь мы точно знаем, что антициклическое регулирование, применявшееся в 1950—1980-х годах, опять нуждается в актуализации. Очевидно и то, что в условиях глобализации требуются новые механизмы антициклической политики.

Второе: переосмысление роли и места крупных организационно-экономических и организационно-правовых форм в современной экономике, корпоративного капитала, в том числе ТНК. Предположения о том, что компьютерная эра приведет к повышению эффективности малых форм, что малый и средний бизнес выйдет на первые роли в обеспечении экономического роста и структурных сдвигов мировой экономики, в целом не подтвердились. На самом деле везде продолжается волна слияний и поглощений, изменяется качественный состав лидеров гонки глобальной конкуренции, но именно крупные корпорации остаются локомотивами национальных экономик. И эта тенденция прослеживается во всех странах и регионах мира. По-иному выстраивается и антимонопольная политика, которая ориентируется не столько на масштабы корпораций и доли занимаемых ими рынков, сколько на конкретные проявления монопольного (антиконкурентного) поведения, факты нарушения антимонопольного законодательства.

Третье: реабилитация роли реального сектора экономики, материальной экономики вообще. Происходит пересмотр самого понятия постиндустриализма. Есть некая ирония в том, что о нем более чем уместно говорить применительно к постсоциалистическим странам, которые начали свои реформы с разрушения национальной промышленности, примитивизации структуры экономики. И в этом смысле промышленность, освобождая место некоему постиндустриальному обществу, уходит не как некий отживший исторический экономический феномен. Ее временные и пространственные перемещения, то есть массовое закрытие промышленных предприятий, есть результат чрезмерного упования в ходе системной трансформации на силы саморегулирования, а также следствие резко усилившейся глобальной конкуренции. Собственно, только в этом смысле мы можем говорить об очевидном постиндустриальном тренде.

Для указанных стран, которые оказались не в силах сохранить национальные сегменты современной промышленности, такой тренд — суровая реальность, но для государств — лидеров глобальной экономики это не совсем так или совсем не так. Здесь, мне кажется, уместно заметить, что наименее болезненно преодолевают кризис именно те страны (ФРГ и КНР), которые не поддаются соблазнам модного постиндустриализма и остаются верны традиционным промышленным секторам экономики. Для Германии это так называемые инвестиционные товары (машины и оборудование), для Китая — изделия потребительского назначения.

Кроме того, сокращаются зоны экспорта производительного капитала, где еще вчера низкая цена рабочей силы и слабая социальная защищенность наемных работников обеспечивали ТНК сверхприбылями. Кризис расставляет все точки над *i*, и одной из актуальных тем политико-экономической повестки дня становится репатриация промышленных производств, созда-

ние новых рабочих мест в экономически развитых странах по обе стороны Атлантики.

Четвертое: возвращение государства в экономику, значительное повышение его роли в регулировании хозяйственных процессов, появление ряда новых функций с точки зрения обеспечения экономической безопасности, реализации национальных интересов, а также поддержки инновационных секторов и долгосрочного развития социальной инфраструктуры общества. Но очевидно и другое. Не везде идеология *рыночного фундаментализма*, правившего бал последние 30 лет в качестве «руководства к действию», сдает свои позиции. К сожалению, именно применительно к России можно сказать без особого риска преувеличения, что «рыночный фундаментализм умер, но дело его живет». Попробую показать это «без гнева и пристрастия».

На первый взгляд текущее положение отечественной экономики не так уж и плачевно. Цены на нефть уже более или менее стабильны или по крайней мере не снижаются так стремительно, как раньше. Рубль, как нам говорят власти с едва скрываемым облегчением, якобы нащупал свой «равновесный» уровень и даже начинает неожиданно укрепляться, вызывая растущую панику у ревнителей радикального импортозамещения. Только что начавшаяся рецессия идет к своему завершению, да и потребительская инфляция обещает снизиться к концу текущего года до однозначной величины. Так, может, пора расслабиться и перестать пугать друг друга надвигающимся коллапсом? Правительство, похоже, этим и занимается, демонстрируя спокойствие и оптимизм.

Однако что-то мешает разделить его радужные ожидания. Почему? Во-первых, нет никаких твердых оснований надеяться на сколько-нибудь продолжительную устойчивость сегодняшних цен на нефть, не говоря уже об их возможном росте до предновогоднего уровня. Наоборот, множатся признаки, указывающие на весьма вероятное удешевление углеводородного сырья на мировом рынке. Так что, скорее всего, ценопонижительный тренд окажется здесь сильнее ценоповышательного. И тогда наша рецессия, как, впрочем, и инфляция (в результате нового девальвационного толчка), получат очередное ускорение. Во-вторых, даже если правительственные предположения окажутся более или менее точными, нам не придется радоваться этому хотя бы потому, что ни антикризисный план правительства, ни денежно-кредитная политика Центробанка не нацелены на изменение индустриального ландшафта страны и структуры экспортных доходов. А ведь без этого страна рано или поздно (скорее рано) вновь окажется беззащитной перед очередным провалом нефтяных цен со всеми хорошо известными последствиями для госбюджета, курса рубля, величины инфляции и динамики реальных доходов населения.

Нельзя сказать, что власти совсем уж игнорируют подобную перспективу. Время от времени первые лица государства публично заявляют об исчерпанности прежней модели не только экономики, но и экономической политики. Говорится даже о необходимости новой парадигмы в управлении народным хозяйством. Все это, конечно, не может не радовать. Но вот дальше начинаются вопросы. Ключевой из них: что же конкретно намеревается предпринять наш правящий дом, чтобы хотя бы в среднесрочной

перспективе прекратить столь унижительную зависимость отечественной экономики от растущей неустойчивости мировых цен на нефть?

К сожалению, приходится констатировать, что декларируемые сегодня установки и представления правительственных чиновников и экспертов о путях решения этой задачи не только не внушают оптимизма, но и вызывают дополнительную тревогу, если учесть, что время не на нашей стороне, и, следовательно, сползание страны в «технологическое захолустье» может оказаться необратимым. «Снизить государственное присутствие в экономике», «провести структурные реформы», «повысить эффективность госрасходов», «сократить административные издержки и налоговое бремя для бизнеса» — вот основные правительственные идеи, реализация которых должна вывести страну на траекторию устойчивого цивилизованного развития.

Что здесь скажешь? Во-первых, все это уже было и почему-то не дало желаемых результатов. Примитивизация экономики продолжалась и в «тучные», и в «тощие» годы, несмотря на периодические ритуальные заклинания о ее вреде для позиционирования страны в суровом глобальном мире. Вот и сегодня нельзя избавиться от ощущения, что правительство не знает никаких других способов избавления от пресловутой «нефтяной иглы», кроме совершенствования инвестиционного климата, снижения инфляции до 4 % и выпуска в пожарном порядке федеральных целевых программ по принципу «всем сестрам по серьгам». Но ведь не может же оно не знать, что даже при идеальном инвестклимате и нулевой инфляции желаемые структурные преобразования в экономике нигде в мире не осуществлялись без мощной систематической государственной поддержки в виде промышленной политики. Правда, у нас уже есть закон о промышленной политике, но уж больно он декларативный. Очень бы не хотелось, чтобы и на этот раз был упущен великолепный шанс модернизировать индустриальный ландшафт страны. Великолепный в том смысле, «что нет худа без добра»: неожиданный девальвационный протекционизм в сочетании с западными санкциями буквально толкает экономику к диверсификации ее структуры.

Во-вторых, требуется, наконец, внести ясность по поводу так называемых структурных реформ, о необходимости которых постоянно говорят как высшие правительственные чиновники, так и экономисты, называющие себя либералами. Надо заметить, что и те и другие как-то неохотно раскрывают содержание таких реформ, и это не случайно. Ведь речь идет об исключительно непопулярных реформах, а это означает, что вам говорят примерно следующее: «Мы хотим, чтобы всем было лучше, и это когда-то произойдет, но во время реформ будет хуже, и это надо принять как должное». Граждане от этого не в восторге. Вот реформаторам и приходится заявлять о необходимости «распространения рыночных принципов на общественный сектор», «отказа от патернализма и повышения самоответственности граждан», «оптимизации государственных расходов» и т. д. А на самом деле ставится конкретная задача: значительно сократить социальные обязательства государства, то есть перевести на максимально возможную самоокупаемость здравоохранение, образование, культуру и науку. На человеческом языке это призыв к гражданам за все платить самим — от роддома до могилы. Столкнувшись с подобной рода ситуацией, а она такова, что больше половины россиян имеют месячный доход ниже 18 тыс. рублей, а 38 % — ниже 14 тыс.

рублей, моя бабушка сказала бы: «Сначала мы были бедными, а потом нас обокрали».

Словом, проведя структурные реформы описанного содержания, страна гарантированно получит плутократическое элитарное асоциальное государство с примитивной монокультурной экономикой. Нам всем не повезло, что наша трансформация совпала по времени с модой на демонизацию государственной активности. Государство рассматривалось как зло, которого должно быть как можно меньше. Это была западная мода. Мы вообще склонны заимствовать все у Запада без учета места и времени, независимо от того, дружим ли мы с ним (как в начале 1990-х) или ссоримся (как сегодня). Но, в отличие от нас, на Западе к доктринам относятся не так слепо, а с некоторыми оговорками, поправками на реальную жизнь. У нас же есть генетическая склонность к внедрению «единственно верных» экономических теорий, будь то марксизм или свободный рынок. При этом мы легко меняем одну утопию на другую.

В результате сегодня мы переживаем кризис рыночной, но уж очень архаичной экономики. Конечно, мы создали капитализм, но не с человеческим лицом. Примитивная производственная структура плюс скандальное неравенство доходов бедных и богатых людей — такая экономика всегда уязвима. Ведь в сущности благополучие страны основывается на высоких ценах на нефть. В нулевые годы на нас, как известно, пролился золотой дождь, по тогдашнему курсу около 9 трлн рублей, но львиная доля этих денег пошла в кубышку, а остальные распределялись очень неравномерно и несправедливо. Добавьте к этому повсеместное господство крупного капитала, едва заметное присутствие малого и среднего бизнеса, а также очень мощное государственное давление на частных предпринимателей, и вы поймете, насколько мы уязвимы перед экономическими потрясениями.

Говорят, что мы «встаем с колен». Это означает, что мы вроде бы чувствуем себя ровней другим великим державам и всему совокупному Западу. Но наш потенциал сегодня намного слабее, чем в советские годы. Такое вставание — очень рискованная вещь. Особенно когда вдруг возникает задача «собираения земель». И мы пытаемся это делать, хотя никто из тех, кто вышел, особенно не хочет «собираться». Кроме того, для нас собирание сопряжено с гигантскими затратами, которые вообще могут подорвать существование нас самих. Крымская история только начинается, но она уже потребовала порядка двух десятков миллиардов долларов. Даже не вникая, правильно или неправильно мы присоединили этот благословенный полуостров, он становится обузой.

Словом, нам надо задуматься о целеполагании того, что мы делаем с точки зрения экономических перспектив. Речь не идет о восстановлении директивного планирования. Оно, как выяснилось опытным путем, просто противоречит человеческой натуре. Но ни одна страна мира не добивалась благоденствия, если не планировала желаемой цели и путей ее достижения.

В связи с этим упомяну один проект, вокруг которого не перестают кипеть идеологические страсти, хотя время не играет на нас. «Восточный полигон» — это название комплексного, прежде всего железнодорожного, проекта. Речь идет о расширении узких мест Транссиба и БАМа или — шире — о модернизации двух этих магистралей. Вот цифры. Потребность

в инвестициях на развитие БАМа и Транссиба оценивается в 562,5 млрд рублей. Прежде всего это государственные инвестиции. За счет Фонда национального благосостояния выделяется 150 млрд рублей, из федерального бюджета должно поступить 110,2 млрд рублей. Столько же — 260 млрд рублей — РЖД привлечет за счет государственно-частного партнерства. Кто эти частные партнеры, понятно: «Мечел», «СУЭК», «Норникель», «Евраз Холдинг». Только за прошлый год они вывезли с месторождений региона свыше 57,9 млн тонн ископаемых. А после реконструкции дорог, к 2020 году, они смогут вывезти до 113,2 млн тонн. Заинтересованность налицо. Остальное — инвестиции РЖД.

Инвестиции — это именно то, в чем сегодня острее всего нуждается российская экономика. Тем более что, по известным расчетам российских специалистов, каждый рубль инвестиций в железнодорожную инфраструктуру дает 1,46 рубля мультипликативного эффекта для ВВП страны. То есть инвестиции в железную дорогу «будят» не только новые инвестиции в смежных отраслях, но и новый спрос.

Есть традиционное возражение со стороны либеральных экономистов: госинвестиции неэффективны, очередная «стройка века» обогатит не столько страну, сколько чиновников. Я не хочу вдаваться в тему «откатов» и вообще уходить в сферу прокуратуры. Я рассуждаю как экономист. А здесь все достаточно прозрачно. Там, где государство или его госкомпании берутся за проект, который может реализовать частник, они действительно при прочих равных условиях (которых, как правило, никогда не бывает) должны уступать по эффективности частнику — мотивация, когда ты работаешь на себя или на государство, очевидно разная. Но с «Восточным полигоном» ситуация принципиально иная. За такой проект частник просто не может взяться. Непреодолимый для него ограничитель в том, что инвестиции будут некупаемы (в горизонте до 85 лет), если учитывать только прямые эффекты, а мультипликативный эффект может учесть государство, но никак не частник.

Так что же, если окупаемость «не видна», то и за проект браться не стоит? Есть те, кто именно так и отвечает. Но, во-первых, без таких масштабных проектов нам не решить стоящие инфраструктурные проблемы, а без их решения не добиться расширения частных инвестиций. Для частного инвестора развитая и эффективная инфраструктура значит не меньше, а сегодня даже больше, чем хороший инвестиционный климат. Во-вторых, подобные проекты по своему масштабу именно государственные еще и потому, что без них не произойдет ускорения развития территорий, а это государственная задача. В-третьих, в условиях наступающего кризиса крупный инвестиционный проект — это важная антикризисная мера. Как написал в одной из своих статей министр экономического развития Алексей Улюкаев, «сейчас риски госинвестиций существенно ниже рисков отсутствия инвестиций». Очень красноречивое и неожиданное признание.

Но вернемся на «Восточный полигон». Это не только «полигон» в том смысле, что Транссиб и БАМ имеют безусловное военно-стратегическое значение. Не менее важно другое: Транссиб в определенном смысле создал Россию, связав ее воедино, и эта связь остро необходима. Но, по расчетам РЖД, на большинстве участков трассы Восточной Сибири и Дальнего Востока ко-

эффициенты использования мощности перешагнули предельные значения. Значит, альтернативы модернизации Транссиба и БАМа просто нет.

Давайте вспомним Столыпина: «Деньги ходят по дорогам». Для экономики деньги — это жизнь. Нам давно пора активно развивать Восточную Сибирь и Дальний Восток. Почему, понятно и без многословных обоснований. Модернизация Транссиба и БАМа важна не только сама по себе. Это шаг сначала к новому современному инфраструктурному стержню, который, в свою очередь, должен стать основой для развития, прежде всего в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, новых производств, появления новых рабочих мест, если угодно, новых городов.

«Восточный полигон» должен научить не только успешно реализовывать крупные инфраструктурные проекты, выстраивать не на бумаге государственно-частное партнерство, эффективно противостоять кризису, но и буквально строить новую жизнь.

Владимир Путин и Дмитрий Медведев не устают говорить о том, что нам нужна новая модель экономики. Самое время прокладывать для нее новые рельсы.

Ю. В. Зобнин¹

«КОГДА НАРОДЫ, РАСПРИ ПОЗАБЫВ...»: «РУССКИЙ ПРОЛОГ» К ФИЛОСОФИИ ГЛОБАЛИЗМА (Предварительные заметки)²

Позитивный пафос идеи глобализации — стремление человечества к устроению *общего* бытия на единых, разумных, справедливых и мирных нравственных, политических и экономических основаниях — не был чужд российской литературно-общественной мысли начиная с XVIII века, когда, по словам протоиерея В. В. Зеньковского, здесь окончательно утвердился порожденный петровскими реформами «секулярный национализм, соединенный с гуманизмом»³. «Уже не “святая Русь”, а “Великая Русь”, — пишет Зеньковский о «первых значительных русских поэтах XVIII века», Ломоносове и Державине, — вдохновляет их; национальный эпос, упоение величием России относятся всецело к эмпирическому бытию России вне всякого историософского обоснования»⁴.

Упомянутый В. В. Зеньковским отказ «петербургской» интеллектуальной и творческой элиты от «московской» историософской мессианистской мистики («Два Рима пали, третий — Москва — стоит, а четвертому не быть»),

¹ Заведующий кафедрой литературы и русского языка СПбГУП (1993 – 2008, 2010 – 2011), доктор филологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 100 научных трудов, в т. ч. монографий: «Николай Гумилев — поэт Православия», «Казнь Николая Гумилева. Разгадка трагедии», «Д. С. Мережковский: жизнь и деяния», «Поэзия белой эмиграции» и др.

² Доклад представлен на XI Международные Лихачевские научные чтения (2011 г.).

³ Зеньковский В. В. История русской философии. Л., 1991. Т. 1, ч. 1. С. 94.

⁴ Там же.

восприятие постпетровской России как субъекта *политического*, а не провиденциального действия вовсе не означало отказа от мессианизма как такового. По крайней мере, «петербуржцы» никогда не мыслили свою «Великую Русь» отчужденно от европейской и — шире — мировой цивилизации. Напротив, эта новая Россия виделась им созданной волею Петра Великого *сверхдержавой* и в таком качестве не могла выстраивать свою идеологию иначе, как в «глобальных» категориях. Характерно, что уже в ранних стихах В. К. Тредиаковского формируется особый взгляд на Россию, «чрез страны дальны»:

Начну на флейте стихи печальны,
Зря на Россию чрез страны дальны...

(«Стихи похвальные России»)

Величие страны, ее «сила» и «обильность» осознаются поэтом в *сопоставлении со странами «старой» Европы*. На этом фоне выявляется и ключевой для стихотворения образ «*России-надежды*»:

Виват, Россия! Виват, драгая!
Виват, надежда! Виват, благая!

Таким образом, Европа в глазах Тредиаковского (и его современников) «богата прошлым», тогда как Россия «богата будущим», она несет старым цивилизациям нечто «новое», что позволяет *надеяться* на нее...

В Екатерининскую эпоху огромную роль в кругах отечественной творческой элиты играли европейские социальные утопии, основанные на отвлеченной от национального бытия *идее «общего блага»*. «...В журнале Новикова "Утренний свет" <...> был помещен перевод утопической сказки о Троглодитах из "Персидских писем" Монтескье. Историк и публицист Екатерининского времени Щербатов <...> написал собственную утопию — "Путешествие в Офирскую землю", где он изобразил свой идеал будущего России <...> вдохновлявшийся Фенелоном, утопиями Морелли ("Базилиада"), Мерсье ("2440-й год") <...> Наконец, с утопической сказкой встречаемся мы и в "Путешествии" Радищева...»¹ К этому следует добавить и масонский миф об ожидающем человечество «золотом веке», популярный среди русских просветителей — того же Н. И. Новикова и И. Г. Шварца.

Утопическая социальная «мечтательность» сохранялась и в кругах литературной петербургской молодежи декабристской эпохи. Так, А. С. Пушкин, вернувшись в 1826 году из Михайловской ссылки, беседовал среди своих столичных друзей с Адамом Мицкевичем «*о временах грядущих*»:

Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.

(«Он между нами жил...»)

Ранее, в 1821 году, сам Пушкин, откликаясь на известие о кончине Наполеона, завершает стихотворение парадоксальным до невероятности (тем более в устах автора «Воспоминаний в Царском Селе» и «Вольности») утверждением:

¹ Зеньковский В. В. Указ. соч. С. 90.

Хвала!.. Он русскому народу
Высокий жребий указал
И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал.

(«Наполеон»)

Достоевский в своей знаменитой речи 1880 года недаром говорил о «двух главных мыслях», соединенных в Пушкине и заключающих в себе «прообраз всего будущего назначения и всей будущей цели России»: «Первая мысль — *всемирность* России, ее отзывчивость и действительное, бесспорное и глубочайшее родство ее гения с гениями всех времен и народов мира. <...> Другая мысль Пушкина — это поворот его к народу и упование единственно на силу его, завет того, что лишь в народе и в одном только народе обретем мы всецело весь наш русский гений и сознание назначения его»¹.

Следует добавить, что и для самого автора пушкинской речи «нравственный идеал <...> есть одновременно и идеал общественный: ничем иным и быть не может стремление "ко всемирному, ко всечеловечески-братскому единению". Всемирность и всечеловечность мыслятся как естественная для нации форма ее общественного бытия»².

В пушкинскую эпоху русская историософская мысль переходит от эклектики к попытке создания оригинальной религиозно-философской системы — в творчестве П. Я. Чаадаева. «*Глобалистический мотив*» *здесь настолько силен, что недостаточное понимание его ведет к полному искажению пафоса «Философических писем»*. Именно это и случилось после публикации первого «Письма» в «Телескопе» в 1836 году: автора единодушно признали «руссофобом» с самыми печальными последствиями как для него самого, так и для редактора журнала Н. И. Надеждина. Между тем, по справедливому замечанию Д. В. Философова, П. Чаадаев «любит Россию *будущего*, а не настоящего и прошлого. <...> Чаадаев стоял за единую общечеловеческую культуру. Это единство он видел в христианстве, не славянофильском, национальном, а *вселенском*»³. «Чаадаев, — пишет Н. О. Лосский, — пришел к выводу, что бесплодность исторического прошлого России является в известном смысле благом. Русский народ, не будучи скованным окаменелыми формами жизни, обладает свободой духа для выполнения великих задач грядущего. Православная церковь сохранила сущность христианства во всей его первоначальной чистоте. Поэтому православие может оживить тело католической церкви, которое слишком сильно механизировано. Призвание России состоит в осуществлении окончательного религиозного синтеза. Россия станет центром интеллектуальной жизни в Европе в том случае, если она усвоит все, что есть ценного в Европе, и начнет осуществлять свою Богом предназначенную миссию»⁴.

¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 25. С. 199–200.

² Волгин И. Последний год Достоевского: Исторические записки. М., 1991. С. 253.

³ Философов Д. В. Апология сумасшедшего // Петр Чаадаев: pro et contra. СПб., 1998. С. 323. (Русский путь).

⁴ Лосский Н. О. История русской философии. М., 1991. С. 71–72. (Б-ка философа). Именно эта футурология Чаадаева и принималась Н. И. Надеждиным (сосланным за публикацию «антипатриотического» первого «Письма» в Усть-Сысольск и отчаянно пытавшимся оправдаться): «Да! Мы существуем для того, чтобы преподать великий урок миру! Наше назначение — не быть эхом этой дряхлой, издыхающей цивилизации...» и т. д. (См.: Надеждин Н. И. <Два ответа Чаадаеву> // Петр Чаадаев: pro et contra. С. 93).

Идеи П. Чаадаева были широко востребованы как «западниками», так и «славянофилами». «Поставив вопрос об отношении России к абсолюту и попытавшись решить его, опираясь на силу собственного мышления, Чаадаев предложил тем самым философию русской истории, стал первым русским философом. В этом смысле о нем можно говорить так же, как об А. С. Пушкине: Чаадаев есть *все* нашей мысли, нашей историософии, а через нее — антропологии и социальной философии. Поэтому и поныне длящиеся споры о теоретическом содержании и социальном статусе русской философии: является ли она, по образцу европейской мысли, особого рода знанием или же по преимуществу выражением национального самосознания — это споры также о Чаадаеве — подлинном представителе русской мысли, предложившем в своих сочинениях образец нераздельно-неслиянного единства этих двух природ философии»¹.

С легкой руки П. Чаадаева как в славянофильской, так и в западнической мысли русского XIX века образ России всегда связывался с неким грядущим глобальным действием, лежащим на грани политики и эсхатологии, — действием, результатом которого и будет в конце концов новая эпоха:

Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.

Сущность этого «сверхдействия» России в мировой истории мыслилась славянофилами и западниками по-разному. Крайние точки зрения полнее всего были выражены, соответственно, Ф. И. Тютчевым и В. С. Печериным, так же как и П. Чаадаевым, сочетавшими литературное дарование с выдающимися интеллектуальными способностями.

Крайний славянофил Ф. Тютчев видел «русский путь» как диалектическое преодоление грубой политической воли и прагматического рационализма, самым ярким воплощением которых в европейской политике второй половины XIX столетия стал политический курс Отто фон Бисмарка:

«Единство, — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью —
А там увидим, что прочней...

(«Два единства»)

Российская империя, таким образом, должна, подобно империи Германской, создаваемой Бисмарком «железом и кровью», также совершить «бросок в Европу», однако, в отличие от германской имперской агрессии, *агрессия русская (шире — славянская) чудесным образом превратится в триумф мира и любви, переводящий цивилизацию в качественно новое состояние.*

Западник-радикал Печерин видел залогом спасения человечества разрушение России, уход ее в политическое небытие:

Как сладостно отчизну ненавидеть
И жадно ждать ее уничтоженья!
И в разрушении отчизны видеть
Всемирного денницу возрожденья!

(«Как сладостно отчизну ненавидеть...»)

¹ Ермичев А., Златопольская А. П. Я. Чаадаев в истории русской мысли // Петр Чаадаев: pro et contra. СПб., 1998. С. 9–10.

Здесь высшей «русской ценностью» в мировой истории оказывается не бытие, а не-бытие: Российская империя должна освободить мир от своего присутствия, открыв этим актом уничтожения (или самоуничтожения¹) дорогу всему остальному человечеству к качественно новому, разумному и счастливому существованию.

Разумеется, и у славянофилов, и у западников, действовавших в доиндустриальную эпоху, глобальные мотивы предстают как интуиции или даже как пророчества. Объективных исторических предпосылок для процессов глобализации еще не было и в помине, так что даже образ «вселенского» в реальных географических масштабах в этих трудах либо ограничивался Европой и некоторыми регионами Ближнего Востока и Центральной Азии, либо вообще «сжимался» до славянских территорий, лежащих в зоне непосредственных геополитических интересов Российской империи.

Тем поразительнее, что обе указанные интуиции нашли историческое подтверждение в XX веке, когда глобальные тенденции в постиндустриальном мире стали набирать силу.

Так, поход Красной армии в Европу в ходе Второй мировой войны 1939—1945 годов, планировавшийся изначально как агрессивный «экспорт» коммунистической революции, стремящейся утвердиться в мировом масштабе, в реальных обстоятельствах превратился в войну за освобождение Европы от фашизма, которую СССР осуществлял в коалиции с Великобританией и США. В конечном счете этот поход объективно привел к организации ООН и возникновению в странах Западной Европы и США предпосылок к установлению принципиально новой политической и экономической системы глобальных союзнических взаимоотношений.

А удивившая весь мир мгновенная «самоликвидация» СССР в 1991 году дала «зеленый свет» к созданию единой Европы, в которой добровольно «растворяются» части бывшей советской империи. Думаю, что у любого трезвого футуролога нет никаких сомнений в том, что и Россия в ближайшем историческом будущем растворится в «евростандарте» общечеловеческих ценностей, существенно приблизив тем самым чаемый день.

Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.

Однако, возвращаясь к русским мыслителям, необходимо отметить, что в канун научно-технической революции, когда глобализация из интуитивно воспринимаемой абстракции стала превращаться в конкретную историческую перспективу, новое их поколение — В. С. Соловьев, Д. С. Мережковский, Вяч. И. Иванов и другие — вдруг резко поменяли приоритеты в своих размышлениях о грядущей «великой семье» народов и стали весьма убедительно говорить об *опасностях*, подстерегающих человечество в новом, «едином» качестве...

Впрочем, это уже тема для другого доклада.

¹ С. С. Печериным неожиданно перекликается В. С. Соловьев, высказавший в известной статье «Русская идея» мысль о том, что призвание России в истории — добровольная и сознательная жертва собственной духовной самобытностью с целью присоединения к Риму, восстановления единства христианской церкви и превращения ее в подлинно вселенскую.

А. А. Кокошин¹

О «БРЕНДЕ» РОССИИ В «ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР» В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА²

На одних из прошлых Лихачевских чтений мне уже довелось выступить на тему «Культура и национально-цивилизационная идентичность современной великой державы». Сохранив основную логику такого подхода, я попытался развить эту тему в специальном исследовании, оформление которого вылилось в монографию «Культура и вопросы цивилизационной идентичности России как современной великой державы».

Хотел бы повторить, что в современных условиях практически невозможно быть великой державой, не обладая культурно-цивилизационной идентичностью. Агрессивное наступление высококоммерциализированной «массовой культуры» в условиях глобализации, развитие свойственного ей феномена постмодерна создают явную угрозу культурно-цивилизационной идентичности многих стран, в том числе и России.

Необходимо понимать, что огромная сила массовой культуры во многом заключается в том, что она для сотен миллионов, если не миллиардов, людей ассоциируется с комфортностью современной жизни, различными благами постиндустриальной цивилизации. И этого нельзя не учитывать, размышляя о ее роли в современном обществе, о соотношении культуры массовой и культуры высокой, многогранным и ярким выразителем которой был Д. С. Лихачев.

Высокая культура всегда была доступна (в истинном восприятии) сравнительно небольшой части общества, обладающей должным уровнем образованности и воспитанности, развитым эстетическим чувством. Но мы не можем не размышлять о том, как сделать высокую культуру достоянием значительно большей части населения нашей страны, многих других стран. С массовым развитием высшего образования появляется шанс существенно расширить ареал высокой культуры.

¹ Академик РАН, академик-секретарь Отделения общественных наук РАН, член Президиума РАН, руководитель Центра исследований военно-политических проблем России Института социально-политических исследований РАН, декан факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор. Автор свыше 200 трудов по проблемам национальной и международной безопасности, научно-промышленной политики, государственного управления, в т. ч.: «Армия и политика. Советская военно-политическая и военно-стратегическая мысль (1918 – 1991)», «Стратегическое управление: Теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России», «Политология и социология военной стратегии», «Реальный суверенитет в современной мирополитической системе», «Формирование политики "асимметричного ответа" на СОИ», «О системном и ментальном подходах к мирополитическим исследованиям», «Технократия, технократы и неотехнократы», «О системе неядерного (предъядерного) сдерживания в оборонной политике России», «Политико-военные и военно-стратегические проблемы национальной безопасности России и международной безопасности», «Вопросы долгосрочного развития Восточной Сибири и российского Дальнего Востока в контексте глобальной политической и экономической динамики» и др. Член Совета по внешней и оборонной политике, Российского совета по международным делам. Награжден орденами «Знак Почета», Почета, Дружбы, «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени и др.

² Доклад представлен на IX Международные Лихачевские научные чтения (2009 г.).

В Советском Союзе были предприняты огромные усилия по внедрению в массы высокой культуры — классической литературы, живописи, музыки... Делалось это, разумеется, в рамках определенных идеологических установок, в некоторые периоды весьма жестких, с огромными цензурными ограничениями. Одновременно в СССР прилагались большие усилия по развитию грамотности, среднего и высшего образования, музыкального образования, эстетического воспитания. Многие из этого опыта представляется вполне применимым и в современных российских условиях ради сохранения, отстаивания нашего культурно-цивилизационного бренда.

Не могу не отметить, что исчезновение с политической карты мира Советского Союза как одной из двух сверхдержав системы мировой политики имело не только многочисленные геополитические последствия. Оно оказало и будет еще оказывать огромное культурно-цивилизационное воздействие негативного плана, перестав представлять альтернативу массовому распространению того же гламура как составной части постмодерна.

В условиях постмодерна особенно важным представляется тезис Д. С. Лихачева о «прогрессивном консерватизме» культуры. Ученый писал, что «традиция тогда традиция, когда она сама передвигается во времени». Эта формула Дмитрия Сергеевича, как представляется, еще нуждается в самом серьезном осмыслении и развитии. Рассматривая постмодерн как масштабный социальный и культурный феномен, нельзя не сказать о том, что мы подразумеваем под модерном, или историческим периодом модерна.

Под модерном обычно понимают состояние общества в период между эпохой Просвещения XVII века и серединой XX века, для которого характерен рациональный взгляд на социальные проблемы и стремление строить «социальные конструкции», следуя законам логики на основе научного знания¹.

В художественной же культуре выделяется как определенный стиль модерн, или ар-нуво (югендстиль — в Германии), появившийся на рубеже XIX — XX веков. При всем различии поэтик и творческих установок модернистские течения в искусстве, возникшие в конце XIX — начале XX века, исходили из одного мировоззренческого корня и имели много общих черт. В живописи в числе его отличительных особенностей отмечают ставку на более естественные, «природные» линии, нежели на использование углов, интерес к новым технологиям (в особенности в архитектуре), расцвет прикладного искусства, сочетание художественных и утилитарных функций создаваемых произведений.

С модерном в культуре тесно связан русский Серебряный век. Н. Бердяев называл это явление «русским культурным ренессансом» (или «русским духовным ренессансом»). Он писал: «Никогда еще русская культура не достигала такой утонченности, как в то время»².

Многие авторы небезосновательно обращают внимание на то, что постмодерну свойственно максимальное снижение моральных порогов, деформация моральных устоев, на которых зиждились общественные отношения

¹ См.: Лоусон Т., Рэррод Дж. Социология: А — Я : словарь-справочник. М., 2000. С. 231.

² См.: Бражникова Я., Бражников И. Православие и постмодерн: иллюзии и перспективы // Правая.RU. 2006. 22 июня.

на протяжении столетий и более длительного периода истории. В эстетическом отношении постмодерн характеризуется ярко выраженным эклектизмом¹.

Если говорить о постмодернизме как о подходе в социологии, то он выделяется среди большинства других социологических теорий тем, что им отвергается постулат о возможности постижения и усовершенствования общества через рациональное мышление — в силу того, что общества подвержены постоянным изменениям².

Постмодерн подвергает чрезмерному сомнению основательность научных знаний о природе и обществе. Носителей идей и практики постмодерна можно считать фактически «институционными оппонентами» неотехнократии, играющей значительную роль во многих развитых и развивающихся обществах. Неотехнократия — это неотъемлемая часть современного «информационного общества» и «общества, основанного на знаниях». Особенностью современной высококвалифицированной неотехнократии является сочетание естественно-научных, инженерных и экологических знаний, с одной стороны, и понимание закономерностей развития социума — с другой. Это, в свою очередь, предполагает деидеологизированный подход к общественным наукам, особенно к политологии и социологии, применение общей логики науки к построению общественно-научного знания. Неотехнократ любые решения, связанные с развитием тех или иных наукоемких производств, может и должен соизмерять с потенциальными экологическими, климатическими и медико-биологическими последствиями — хотя бы в силу гигантских размеров и суперсложности созданной человеком техносферы. Такого рода неотехнократии свойственно понимание закономерностей техноэволюции, особенно информационно-коммуникационных систем и средств, развитие различных «информационных полей» в мировой экономике, социальной сфере, мировой политике и военно-стратегических отношениях.

Составной частью постмодерна как социального феномена можно считать такое явление, как гламур, получившее широкое распространение в определенных слоях нашего общества и широко освещаемое средствами массовой информации — можно даже сказать, лелеемое последними. Гламур — это стиль жизни. Как отмечает декан Высшей школы телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова В. Т. Третьяков, «гламур» — это характерная черта современной журналистики, симптоматичная тенденция, демонстрирующая все большее доминирование брендовой системы ценностей современного читателя и апофеоза общества потребителей.

* * *

Рельефно выраженная национальная идентичность становится все более редкой, а тем самым и более ценной в глобализирующемся и унифицирующемся мире. За свою культурно-цивилизационную идентичность борются и государства среднего уровня, и малые страны, что, впрочем, во многих случаях дается им с огромным трудом.

¹ См., например: *Эпштейн М. Н.* Постмодерн в русской литературе. М., 2005. С. 83–84.

² *Лоусон Т., Рэррод Дж.* Указ. соч. С. 334.

Для того чтобы говорить о нашей национальной культуре, необходимо еще раз обратиться к тому, что мы сегодня вкладываем в понятие «российская нация».

подавляющее большинство современных наций — это многоэтнические образования при лидирующей роли, как правило, одного этноса. Россию мы можем считать в современных условиях многоэтнической нацией с ведущей, опорной ролью великорусского этноса, имеющего тысячелетнюю историю. Соответствующим образом следует определить и роль великорусской культуры, которая среди культур других этносов России является единственной мировой культурой.

Интерпретация понятия нации начиная с конца XVIII века приобретает все более политический и социальный, нежели этнический характер. В современной трактовке нация — это прежде всего сформировавшееся в определенных границах гражданское общество и политическая общность (гражданская нация), имеющие общую историю, традиции, высокую степень культурной совместимости образующих нацию этносов.

Как правило, современные нации имеют определенную языковую и культурную доминанту. Ослабление такой доминанты рассматривается как угроза утраты национально-культурной идентичности.

Для нас такой доминантой является русский язык, особенно русский литературный язык, язык «высокого стиля», сформировавшийся в основном к середине XIX века. Язык, в свою очередь, по Д. С. Лихачеву, — это одно из главных проявлений культуры; это не просто средство коммуникации, но и прежде всего творец, созидатель. Нет нужды слишком много говорить о важности богатства языка, его способности отражать многоликую картину мира и формировать все более многообразный мир, следуя в то же время определенным моральным и этическим нормам, сформировавшимся на протяжении всего периода существования человеческой цивилизации. Сегодня появилась насущная потребность относиться к русскому языку как к важнейшей составляющей российской нации, важнейшему системообразующему фактору нашей культуры, связывающему все и вся.

Можно, как мне кажется, согласиться с Ю. М. Лотманом, который называл искусство высшим воплощением культуры. Олжас Сулейменов отнес к культуре (высокоцивилизованного общества) только интеллектуальное искусство (при этом он рассматривает культуру как синтез такого искусства, а также науки, религии, соответствующей морали).

В обеспечении национальной идентичности большую роль играет как внешнее по отношению к нации восприятие ее художественной культуры, так и внутреннее восприятие — самими индивидуумами, общественными слоями. Разница между внутренним и внешним восприятием может быть весьма значительной, но внешнее восприятие культуры той или иной страны почти всегда возвращается, в том числе в деформированном виде, в саму эту страну. В 1920-е годы одной из характерных черт нашей культурно-национальной идентичности стал авангард в живописи (в несколько меньшей мере в театре), а также в литературе, что наиболее отчетливо проявилось в поэзии В. В. Маяковского.

Я выделил семь компонентов искусства, художественной культуры для определения культурно-цивилизационной идентичности России, которые можно считать брендом России.

Сразу же стоит отметить, что конкретные имена, коллективы, группы, объединения — необходимый атрибут идентичности культуры.

1. Великая русская литература XIX века, получившая развитие в Серебряном веке, а затем в советской литературе.

Высокая литература сохраняет и развивает язык; значение художественных текстов в этом плане не уменьшается с развитием кинематографа, театрального искусства, телевидения, Интернета. Через литературу, через художественный язык человеку наиболее рельефно, как мне кажется, передаются нравственные и эстетические представления.

2. Классическая музыка. В российском культурном бренде, в его музыкальном измерении, как наиболее обозримая вершина в мировой культуре высятся П. И. Чайковский, в одном ряду с ним М. И. Глинка, Н. А. Римский-Корсаков, М. П. Мусоргский, А. П. Бородин, затем А. Н. Скрябин, И. Ф. Стравинский, С. В. Рахманинов, С. С. Прокофьев, Д. Д. Шостакович, Э. В. Денисов, А. Г. Шнитке и другие; исполнители классической музыки — Д. Ф. Ойстрах, Э. Г. Гилельс, М. Л. Ростропович, В. А. Гергиев, В. Т. Спиваков, Ю. А. Башмет и др.

3. Классический балет — это прежде всего такие имена, как М. И. Петипа, А. П. Павлова, С. П. Дягилев, Г. С. Уланова, Р. Х. Нуриев, М. М. Плисецкая; это Большой театр, Мариинский театр, Пермский театр оперы и балета и др. Не могу не вспомнить размышления Д. С. Лихачева о русском классическом современном балете, которые полны очарования и утонченности.

4. Живопись и скульптура — здесь блещут «передвижники», «мирискутники», конструктивисты, супрематисты, «ахрровцы», «остовцы» и др.

Художники проделали огромную работу по формированию нашего исторического самосознания. Это полотна А. А. Иванова, В. И. Сурикова, И. Е. Репина, В. М. Васнецова и др. Художественная интерпретация пейзажей Российской империи, затем Советского Союза — А. К. Саврасов, И. И. Левитан, И. К. Айвазовский, А. И. Куинджи, В. Д. Поленов и др.

Произведения с рельефно выраженным национально-идентификационным характером появились в отечественной скульптуре несколько позднее, чем в живописи. На первом месте, безусловно, С. Т. Коненков, соизмеримый с И. Е. Репиным в живописи, Л. Н. Толстым в литературе, П. И. Чайковским в музыке. Рядом — А. С. Голубкина, С. Д. Эрзя (Нефедев), И. Д. Шадр... Говоря о наших современниках, нельзя не сказать о таком выдающемся скульпторе, как А. И. Рукавишников.

Советский период в живописи, скульптуре, графике дал целое созвездие школ, имен — Г. Г. Нисский, А. А. Дейнека, А. А. Лабас, Ю. И. Пименов, А. И. Кравченко, Ф. Ф. Платов, В. Ф. Стожаров, П. П. Кончаловский, К. Ф. Юон, А. Н. Самохвалов, М. Б. Греков, отец и сын Ю. П. и М. Ю. Кугачи, К. Н. Бритов, Ю. М. Непринцев, Т. Т. Салахов и др. То, что сегодня именуют, например, «советским импрессионизмом», все больше рассматривается за рубежом как одна из культурно-цивилизационных особенностей нашей страны.

5. Архитектура и городские архитектурные ландшафты, в том числе малых городов или великих малых городов, по Д. Лихачеву. В их число он включил и Новгород Великий. Я же предпочитаю говорить о значительно меньших городах — Ростове Великом, Тарусе, Боровске, Тобольске, Переяс-

лавле-Залесском, о тех же Торжке, Суздале, о которых тоже идет речь у Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Ярко выраженный русский стиль в архитектуре сложился ко второй половине XVII века прежде всего в церковной архитектуре. Для меня один из ярких примеров четко идентифицируемой русской архитектуры — небольшая церковь Михаила Архангела в Архангельском Красногорского района Московской области.

6. Русское театральное драматическое искусство. Эта часть российского культурного бренда связана с чеховским МХАТом, К. С. Станиславским, в 1960 — 1990-е годы — с Театром на Таганке, «Современником», Театром им. Ленинского комсомола, товстоноговским театром, именами В. И. Немировича-Данченко, В. Э. Мейерхольда, Н. П. Охлопкова, а затем Г. А. Товстоногова, К. Ю. Лаврова, О. Н. Ефремова, О. П. Табакова, Л. А. Додина, Н. В. Фоменко.

7. Кинематограф. Среди великих, знаковых для России фигур здесь можно назвать такие имена, как В. И. Пудовкин, С. М. Эйзенштейн, М. И. Ромм, Г. Н. Чухрай, С. А. Герасимов, А. А. Тарковский, С. Ф. Бондарчук, А. С. Кончаловский, К. Г. Шахназаров, С. С. Говорухин, Н. С. Михалков, Ф. С. Бондарчук, А. Ю. Герман и др.

* * *

Возвращаясь к вопросу о роли гламура, можно отметить, что уровень его влияния нельзя рассматривать исключительно сквозь призму огромной чисто коммерческой значимости, но последняя имеет едва ли не решающее значение. За последние 30 — 35 лет гламур триумфальным маршем прошел практически по всем регионам мира, встречая сравнительно незначительное сопротивление в различных культурно-цивилизационных сообществах. Очевидно, что сила гламура (в том числе в такой его части, как гиперсексуальность) коренится во многих компонентах «природы человека», его психики. Истоки гламура и гламурного поведения можно обнаружить даже в первобытных обществах. Тем более мы можем увидеть «протогламур» (и «протопостмодерн») в ряде высокоразвитых цивилизаций прошлых эпох — и не только в поздней Римской империи в период упадка, за которым последовала ее гибель, но и, например, в Китае при Танской династии (618 — 907). Но тогда не было тех СМИ, которые мы имеем сегодня, не было такой страшной мультипликативной и поработочающей силы, как подавляющая часть телевидения, к которому добавился и Интернет.

Некоторые авторы еще до нынешнего мирового финансово-экономического кризиса стали говорить о том, что «цивилизации гламура приходит конец»¹. Так ли это? Однозначный ответ давать пока преждевременно, особенно применительно к России, где гламур к моменту кризиса только набирал силу, в том числе и политическую. Для огромного числа девушек в Российской Федерации сильнейшее стремление «выйти замуж за богатого» (желательно за мультимиллионера) и предаться гламурной жизни стало чуть ли не «национальной идеей», предельно деформировав все морально-этические представления об отношениях между мужчиной и женщиной, формировавшиеся столетиями, если не тысячелетиями.

¹ См., например: <http://www.pravaya.ru/look/10208>

Гламур, будучи прежде всего порождением европейско-атлантической цивилизации, родившегося и развивавшегося главным образом на Западе постмодерна, в том числе весьма заметно проник и в самую древнюю из ныне существующих цивилизаций — китайскую. Нет никаких сомнений в том, что идеология гламура и его огромные «операционные возможности» трансформировали (и деформировали) культурно-цивилизационный бренд практически любой страны, любой нации — нации в том ее понимании, о котором я говорил выше.

Во многих странах, в том числе и в России, гламур и постмодерн в целом часто практически полностью отождествляются с современной американской культурой, а вернее сказать, с ее масскультурой. Гламур присутствует во всех странах, на всех уровнях американского социума (и имеет свою цену для каждой из этих групп) с различиями по ценам, посещаемым магазинам, «акциям» для «среднего класса», «среднего среднего класса» и «высшего среднего класса» и т. д. Для России, где «средний класс» (вместе с его «подклассами») занимает все еще незначительное место, это выглядит несколько по-иному — можно сказать, менее структурировано и более уродливо.

В самих США очень значительной частью общества и гламур, и постмодерн в целом воспринимаются отрицательно, а часто и весьма негативно как явления, разрушающие традиционные американские ценности с самыми опасными последствиями для США как многоэтнической нации, цивилизации единственной сверхдержавы, оставшейся в системе мировой политики после распада СССР в 1991 году.

Рассматривая сегодня постмодерн и гламур как глобальный феномен в преломлении к России и нашему культурно-цивилизационному бренду, мы не должны упускать из виду то, что происходит в США и других западных странах, породивших эти явления. Не менее внимательно надо относиться и к тому, как эти феномены «ведут себя» в Китае и Индии, не забывая при этом и многоликий мусульманский мир. Поиск своей идентичности, своего культурного лица в условиях глобализации, постмодерна, гламура продолжается во многих странах.

* * *

Лихачевский «прогрессивный консерватизм» культуры сегодня как никогда необходим для развития компенсаторных механизмов в отношении разрушительного воздействия гламура, постмодерна... Он крайне важен для синтеза художественной культуры прошлого, проверенной временем, многими поколениями, и всего достойного нового, которое можно найти даже в произведениях искусства эпохи постмодерна. Иначе нас ждут еще более «неприятные сюжеты» в будущем.

А. П. Марков¹

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ КАК СМЫСЛ И СУДЬБА «РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»²

Понимание сущности и специфики национальной идеи «русской цивилизации» обретает сегодня особую значимость. Во-первых, социологические исследования показывают всевозрастающую ориентацию российского общества на самобытное, «исключительно собственное развитие, которое основано на специфике исторического пути России, особенностях русской культуры, национального менталитета» (Ж. Т. Тощенко). Во-вторых, острота проблематики понимания смысла национального существования связана с усиливающимся кризисом идентичности, который проявляется в утрате чувства духовной самобытности и разрушении национально-культурного образа «мы» во всех временных ипостасях: прошлом, настоящем и будущем. В-третьих, ключевой проблемой общественного сознания является глубинный раскол, который провоцирует всплески социальной напряженности: сегодня в мировоззренческом пространстве «русской цивилизации» сталкиваются разные стратегии, в основе которых свое видение прошлого, настоящего и будущего, обнаруживаются существенные различия в сценариях выживаемости и развития, которые блокируют и разрушают друг друга. В-четвертых, современный мир стремительно меняется, и перспективы даже ближайшего будущего становятся весьма неопределенными. В этом контексте понимание духовной специфики «русской цивилизации», осознание ее миссии в общемировом процессе следует рассматривать в качестве предпосылки минимизации острейших проблем современного этапа развития — как России, так и мира в целом.

Проблема понимания и осознания национальной идеи — это не только поиск ответа на вопрос, как эффективно выстраивать экономику и успешно конкурировать на геополитическом пространстве. Это ответ на вопрос о том, зачем существует Россия как культурно-историческое образование и сможет ли она существовать дальше. Грядущая (гипотетическая) трагедия России — утрата идеи ее существования, утрата «великой культуры с ее вселенской миссией нахождения "мостов" между конфессиями и культурами, духовного объединения во имя спасения всех», «коллективного поиска выхода» из цивилизационных тупиков (В. М. Межуев).

Смысл национальной идеи

Смысл является универсальным способом самопонимания субъекта культуры, глубинным условием идентичности и солидарности общности «мы», он

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ. Автор свыше 130 публикаций, в т. ч.: «Отечественная культура как предмет культурологии», «Духовный опыт России как ресурс национально-культурной идентичности (аксиологические и антропологические аспекты)», «Основы социокультурного проектирования», «Проектирование маркетинговых коммуникаций: Рекламные технологии. Связи с общественностью. Спонсорская деятельность», «Становление культурологической парадигмы», «Культуроцентристская модель высшего образования» (в соавт.) и др.

² Доклад представлен на XV Международные Лихачевские научные чтения (2015 г.).

одухотворяет бытие, «освящает» его цели и высвечивает главные достижения. Разрушение смысловой сферы культуры представляет чрезвычайную опасность для жизнедеятельности общества: утрата объединяющих духовное поле культуры смысловых матриц понижает уровень сложности культурной системы, способствует дезорганизации, деструкции и примитивизации социально-культурной жизни общества и дезадаптации личности и в конечном счете грозит энтропией социально-культурного организма. В ситуации дефицита смыслов в массовом сознании расширяется пространство особого типа мировосприятия — «деградирующего», «кризисного», в пределе — катастрофического (С. С. Хоружий). Такое сознание, с одной стороны, свидетельствует о психологической и духовной усталости народа, с другой — носит демобилизирующий характер, лишая смысла человеческую жизнь и девальвируя базовые ценности — труд, семью, счастье, любовь¹.

Пространством генерирования смыслов является национальная культура, которая «онтологически есть не что иное, как внесение в мир смысла» (М. М. Бахтин). Создаваемые в пространстве культурного творчества смыслы являются «душой» культуры — ее связующим элементом, стягивающим все ее многообразие в духовную целостность. Смысл — это осознанная *идея* чего-то, результат понимания глубинных характеристик феноменов и явлений. Важно подчеркнуть творческий, онтологический характер смысла, который становится *замыслом* фундаментальных конструкций культурной системы, мировоззренческой рамкой объяснения ее прошлого, идеей настоящего и проектом будущего.

В этом качестве национальную идею (которая в отечественной гуманитарной мысли получила название «русской идеи») можно трактовать как процесс и результат осознания институтами гуманитарной культуры *смысла бытия «русской цивилизации»*. Эта идея есть «концентрированное выражение смысла бытия нации», она «открывается сознанию этого существа как его верховный долг». Идея нации есть «не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности», поэтому она есть «такая же роковая необходимость, как и законы физического мира, — эта идея действует во всех случаях как реальная мощь, она определяет во всех случаях бытие морального существа, но делает это она двумя противоположными способами: она проявляется как закон жизни, когда долг выполнен, и как закон смерти, когда это не имело места. Ни человек, ни нация как моральное существо не могут освободиться от власти идеи, являющейся выражением смысла их бытия, но от них зависит носить ее в сердце своем и в судьбах своих как благословение или как проклятие»².

Для русской цивилизации национальная идея — это не просто стержень национальной идеологии, но и эсхатологическое учение, заполняющее отсутствующие звенья истории и связывающее ее «начала и концы»; это спо-

¹ Именно с разрушением смыслового пространства отечественной культуры, вызванным деградацией основных культурных институтов смыслополагания, связаны пессимистические настроения и прогнозы относительно будущего: невиданный размах потребительской идеологии разрушает мировоззренческую основу солидарности и социальной справедливости — важнейших экзистенциальных ценностей, поддерживающих мотивацию жертвовать личным во имя общего; эгоистический императив и гедонистический разгул вытесняют жизненные стратегии духовности, нестяжательства и честного труда, обрекая проекты модернизации на провал.

² Соловьев В. С. Русская идея // Русская идея. М.: Республика, 1992. С. 187.

соб анализа эмпирических фактов истории и «вычисление» из этой суммы исторической миссии России, особого пути ее развития и роли в мировом историческом процессе; это не только «отгадка, откровение или предвидение будущего, но и целеполагание, воление, проект будущего, реализованный или оставшийся в качестве «"запасного хода" истории» (*Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская*). Идея русского народа «заключает в себе такую великую силу», которая «повлияет на всю дальнейшую историю нашу», а так как эта идея уникальна, то и «история наша не может быть похожею на историю других европейских народов, тем более ее рабской копией». Непонимание этой истины и стремление «переделаться в Европу без всякой особенности» может кончиться национальной бедой (*Ф. М. Достоевский*).

«Всечеловеческая» миссия «русской идеи»

Попытки понять и концептуализировать национальную идею подобны интеллектуальным усилиям по выявлению основы генотипа — в обоих случаях надо постичь «некую скрытую сущность, которая воспроизводится во времени через внешние признаки» (*С. Г. Кара-Мурза*). В то же время «русская идея» — в значительной мере состоявшийся проект, детально и глубоко исследованный русской философско-гуманитарной мыслью. Отечественная гуманитарная культура уже содержит в себе «сценарии» предназначения и миссии России в мире, выполненные с учетом духовных подвигов народа и поражений, она зафиксировала «образы будущего», выстраданные верой и выведенные любящим сердцем отечественных мыслителей. Поэтому национальную идею сегодня не надо изобретать — ее необходимо вспомнить коллективной «духовной памятью». В условиях естественного развития общества будущее народа, замысел и смысл его культуры становятся продолжением и развитием тех пиковых эпох исторического прошлого, подвиги и трагедии которых максимально полно выражали сущность и призвание России. Критерием подлинности русской идеи является не «сиюминутное общественное мнение», а путь нации, засвидетельствованный совестью и религиозным опытом народа, указанный важнейшими событиями и личностями его истории (*Вл. Соловьев*).

В отечественной гуманитарной мысли последних десятилетий разброс мнений по проблематике русской идеи значителен — от отрицания ее социально-культурного смысла, признания исторической и философско-культурологической исчерпанности ее концепта до утверждения национальной идеи как мировоззренческой матрицы «русской цивилизации», выражающей ее уникальную миссию во всемирной истории.

Воплощение русской идеи в различные исторические периоды (в рамках национальной идеологии и государственной политики) показывает, что ее смысловые акценты всегда зависели как от внутреннего, так и от внешнего «контекста» (особый нравственный накал русская идея получала в критические для Российского государства и общества моменты: русско-турецкая война, Балканский кризис, Первая мировая война, революция и последующие беды российского народа, сегодняшняя ситуация, связанная с распадом «социалистического мира» и капиталистическим обвалом). Интерес общества и его интеллектуальной элиты к поиску национальной идеи

возникает в ситуации кризиса самосознания, при этом гиперболоизация национальной идеи выступает компенсаторным механизмом, позволяющим «снять» чувство национальной неполноценности, обрести национально-культурную идентичность (преимущественно путем солидарности общности «мы» в границах «виртуального» величия и самобытности), а также в условиях цивилизационных вызовов. Духовно-нравственная напряженность («воинственность») и патриотический нерв национальной идеологии в таком случае определяются остротой и значимостью задач обеспечения национальной безопасности.

Базовой характеристикой «русской идеи» является ее наднациональный («всечеловеческий», всемирный), универсалистский характер, который определялся православием как религией всемирной и выросал на ментальной почве русского человека. Духовную основу всемирной устремленности русской идеи определяет нравственная доминанта русской души: «Гений народа русского» — его всемирность и всечеловечность, способность «из всех народов вместить в себе идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия»¹. Поэтому «истинная русская идея» заключается не в том, «что сделает Россия «через себя и для себя», а в том, что «что она должна сделать во имя христианского начала, признаваемого ею и во благо всего христианского мира, частью которого она предполагается» (Вл. Соловьев).

Мировоззренческие доминанты национальной идеи в XXI веке

Учитывая духовные истоки «русской цивилизации», позитивный и негативный опыт воплощения русской идеи, можно предположить, что в перспективе мировоззренческие ориентиры русской идеи будут складываться из «кирпичиков» нескольких проектов (которые одновременно можно рассматривать в качестве «строительного материала» для национальной идеологии и геополитических стратегий).

1. Традиционный (и судьбоносный) для русской культуры и истории вариант русской идеи «Москва — Третий Рим», восходящий к XV веку, когда впервые осознается и формулируется историческая миссия Руси. Эта идея, обеспеченная авторитетом православной церкви, со временем приобрела государственный, национально-политический характер и успешно выполняла объединительные и экспансионистские задачи. Ее основные составляющие: государственность как форма сохранения национальной самобытности и территориальной целостности; ценности православия, органично и глубоко вошедшие в «ткань» русской культуры; понимание национально-культурной уникальности и духовной самобытности России, ее специфической судьбы в христианских цивилизациях.

2. Не исключено, что «классические» контуры русской идеи будут скорректированы и содержательно дополнены «социалистической аксиологией», которая для значительной части населения не потеряла актуальности. Трудно не согласиться с тем, что принцип справедливости есть норма отношений,

¹ Достоевский Ф. М. Пушкин // Русская идея. М., 1992. С. 145, 146.

отражающая «онтологический закон гармонических соотношений частей в единстве целого», а социализм, понимаемый как форма осуществления социальной справедливости, «имеет полное основание рассматриваться и с гуманистической, и даже с религиозной точки зрения имеющим на себе некоторое историческое благословение» (С. А. Аскольгов).

3. Новое звучание получает *евразийская концепция русской цивилизации* (преимущественно в геополитическом пространстве «Россия—Восток»), характеризующая Россию как особый культурно-исторический мир, синтезирующий в себе восточную и западную культуры, как уникальный и самодостаточный духовный центр евразийского континента¹. Основные идеи евразийства, определившие специфику этой концепции: отказ от культурно-исторического «европоцентризма»; отрицание «универсалистского восприятия культуры», которое господствует в европейском самосознании и следствием которого является классификация народов на «культурные» и «дикие»; понимание России как особого культурного и духовного единства, географической и этнографической целостности — Евразии и утверждение особых путей ее развития; обоснование органичной связи культуры народов России с православием как «вселенской» религией и одновременно обусловленность русской культуры «пространством» (то есть влиянием «восточного» элемента); представление о нации как о «симфонической личности» — коллективном носителе культурных ценностей.

4. Геополитический пласт русской идеи (в координатах «Россия—Юг») представлен в *мессианской парадигме России как всемирного лидера народов-изгоев* (А. С. Панарин). Ее исходным принципом является утверждение, что по критериям могущества, успеха и богатства России уже не быть сверхдержавой, поэтому соревноваться с геополитическими лидерами по данным критериям — глобальная ошибка, которая может привести к окончательному истощению ресурсов, в том числе и духовных. Следовательно, Россия может и должна стать сверхдержавой неперспективных, достойных человеческой жалости и сострадания, должна стать «сверхдержавой людей неуспеха», уберегающей мир от либерального геноцида «золотого миллиарда».

Реализация данного проекта предполагает отказ от традиционной геополитической борьбы за пространство (с надеждой на успех здесь могут бороться равновеликие) и переход в плоскость социально-психологической, духовной борьбы — за судьбы неприкаянных и нуждающихся в «социальной реабилитации». Россия должна подняться над национальным эгоизмом, над моралью успеха, стать империей, открытой сердцем для всех «нищих духом». Как только все «второсортное» население мира поймет, что, кроме России, у него нет надежды, заказ на ее роль сверхдержавы будет сформирован. Успех этого проекта — в его мистической, религиозной энергетике.

В свое время христианство совершило чудо — оно возлюбило тех, кому носители светской морали отказали в сочувствии, возлюбило безнадежных (слабых, больных, бедных), которые стали носителями новой человеческой

¹ Зародившаяся в начале 1920-х годов в трудах философов и культурологов Трубецкого, Флоровского, Бицилли, Савицкого, Сувчинского, эта концепция нашла продолжение и развитие в работах Н. Рериха, Н. Гумилева, а в последние годы начинает оказывать существенное влияние на формирование идеологии национальной солидарности и геополитические приоритеты России.

надежды. Сегодня требуется аналогичный поворот всемирного масштаба: возложить миссию спасения на народы неадаптированные, «неперспективные» по критерию успеха, силы, славы и богатства. Проблемно-цивилизационный контекст «нового мессианизма» — ограниченность ресурсов природы, которой долго не выдержать активности «эффективных» и «успешных», поэтому залог выживания человечества состоит в том, чтобы на арену цивилизации вышли культуры и народы, согласные довольствоваться малым, переставшие мерить смысл жизни критерием успеха. Для таких культур Россия может стать образом надежды, особым метафизическим пространством, «обетованной землей бедных», что очень важно для внутреннего самочувствия загоняемого в «социальные резервации» большинства мира. В контексте данного проекта русская идея — это идея всемирной империи «новых бедняков», отлученных «либеральной церковью», новых изгоев сегодняшнего мира. Такая держава появляется в надматериальном, метафизическом пространстве (в отличие от идеи большевизма, в которой изначально доминировал критерий «политического успеха»). «Ментальный капитал» проекта — солидарность, сострадательность, эмпатия русского человека, а его культурным, нравственным ресурсом являются духовность и аскетизм. Дух русской культуры, отмечает А. С. Панарин, всегда был обращен к неудачникам, он дарил человеку достоинство независимо от его социального статуса и экономического успеха.

5. Адаптированной к современным реалиям разновидностью мессианской идеи может стать проект *«Россия как центр гармонии цивилизаций»* (пространство консолидации народов и государств на принципах сотрудничества и развития, площадка для совместного выхода цивилизации из глобального кризиса). Концепция строительства мира на основе «цивилизационной гармонии», во-первых, сможет «облагородить» проект глобализации, который модифицируется в новый этап развития «единого живого организма человеческой цивилизации во всем многообразии ее цивилизованных типов и планеты как среды обитания», цель которого — не унификация, а сохранение культуры каждого народа, расширение общего поля развития человеческой цивилизации. Консолидирующая парадигма мира станет альтернативой сегодняшней глобальной идеологии, основанной на конкуренции, угнетении и эксплуатации слабых, она позволит обеспечить «переход от взаимоподавления и противоборства цивилизаций к сотрудничеству и взаимоподдержке», когда благополучие и успех каждой станет определяться развитием и поддержкой со стороны всех других (Л. И. Ивашов). Эта вселенская по радиусу устремленности идея, с одной стороны, вытекает из духовных глубин, исторических традиций и ценностей «русского мира», с другой — не противоречит чаяниям других народов, каждый из которых стремится максимально полно воплотить свое предназначение в истории. «Русскому миру» есть что предложить в качестве альтернативы тупиковому процессу глобальной унификации и конкуренции. Духовную основу проекта «гармонизации цивилизаций» должны составить традиционные ценности: семья, счастье, справедливость, нестяжательство, солидарность и «всечеловечность»¹.

¹ Эти преимущества были не только отрефлексированы отечественной гуманитарной мыслью, но и отмечены европейскими мыслителями. В частности, Вальтер Шубарт считал русских носителями «нового солидаризма», «нового идеала личности и свободы», который может «ос-

Во-вторых, идея «спасения цивилизации» должна стать значимым поводом для уважения России со стороны других народов мира (при соответствующей имиджевой поддержке), основанием возрождения национального самосознания (и прежде всего чувства гордости за прошлое, настоящее и будущее своего народа), она будет работать на повышение «индекса оптимизма» и веры в будущее, без которой нация теряет смысл бытия и энергию созидания. В процессе продвижения «духовного капитала» русской идеи на международные площадки активное участие должны принимать СМИ, искусство, реклама и *Public Relations*, которые обязаны активно использовать национальную символику, референтные образы исторических деятелей, пропагандировать значимые для мира события (в том числе обеспечившие спасение западной цивилизации от нашествия «восточных варваров», а также сил зла, родившихся в недрах собственной культуры), ключевую роль в которых сыграла Россия. Необходимо целенаправленно восстанавливать (и в значительной степени реабилитировать) имидж России, пропагандируя традиционные ценности русской культуры и ментальную привлекательность народа. Даже частичная реализация этого проекта станет чрезвычайно важным условием возрождения национальной идеи во всех ее смыслах, средством утверждения достойного геополитического статуса России и духовно-нравственной миссии культуры.

Перечисленные выше модификации (границы, аспекты) национальной идеи не противоречат, а скорее дополняют друг друга, фиксируя ее государственно-собирательную, геополитическую и социально-культурную функции, подчеркивая религиозно-духовные и миссионерские смыслы. Востребованность цивилизационных и культурно-идентификационных ресурсов русской идеи предполагает вменяемую политику в области образования и культуры, адекватность в позиционировании России на международной арене. Она требует немалых интеллектуальных усилий и духовных напряжений общества, на общекультурном уровне предполагает активную работу национального самосознания, а в масштабах индивидуальной биографии — свободный и ответственный выбор каждого из нас.

вободить человечество от индивидуализма сверхчеловека и коллективизма массового человека», противопоставив «автономной личности, идеалу Ренессанса» «душу, связанную с Богом и со Вселенной, а насильственному объединению людей — свободное сообщество таких душ. ...Россия — единственная страна, которая способна спасти Европу... Как раз из глубины своих беспримерных страданий она будет черпать столь же глубокое познание людей и смысла жизни, чтобы возвестить о нем народам Земли. Русский обладает для этого теми душевными предпосылками, которых сегодня нет ни у кого из европейских народов». См.: *Шубарт В.* Европа и душа Востока // ОНС. 1993. № 4. С. 171, 176.

В. И. Матвиенко¹

ПЕТЕРБУРГ В МИРОВОЙ КУЛЬТУРЕ²

Идея глобального мира утверждалась многие столетия. Но в XX веке, когда появилась возможность охватить жизнь людей единым взглядом в масштабе тысячелетий и в пространстве всей планеты, общность исторического движения стала очевидной. Тенденции универсальности этого процесса можно увидеть в межгосударственных и международных экономических и политических взаимодействиях, свободном движении в области достижений технической цивилизации, в информационных связях всех точек Земли на основе новейших средств коммуникации и т. д. С легкостью пользуясь шенгенской визой и общеевропейской валютой, мы ощущаем на себе реалии этого процесса.

Глобализация охватывает и область культуры, более того, проявляется даже в такой сложной сфере, как искусство. Вместе с тем в достаточно распространенных сегодня представлениях о новом мировом порядке, в котором могут укорениться единая для всех система образования, общая философия, религия и искусство, таится не только прекраснородушная наивность, но и потенциальная опасность. Недаром Пушкин, определяя лицо каждой нации, выделил три важнейших обстоятельства: климат, вера и образ правления. Утрата национальных особенностей, сформированных тысячелетиями, чревата серьезными потерями.

Общий мир для всего человечества, несомненно, предполагает единство культуры, но не единственность некоей универсальной ее модели, главенства которой можно достичь только насильственно. Разная природная среда с присущими только ей цветовой гаммой, звуками и запахами, несходные климатические условия, особые традиции жизненного уклада и менталитета определяют культурное многообразие. Существенный признак культуры — не только национальные, но и региональные особенности. Мировая культура принадлежит человечеству, как русская, французская, японская культуры. Или как культуры римская, флорентийская, венецианская, московская, петербургская, владимирская...

Мировая культура — не самоочевидный факт наличия культур разных стран и народов. Главное — это взаимообмен и взаимовлияние, поскольку мировая культура — не суммарный итог, но живой процесс развития, предполагающий со стороны всех его участников толерантность и взаимодоверие.

Открытость Петербурга чужой культуре — одно из важнейших условий его становления, декларированное еще Петром I. Архитектурный облик города немислим без творений Растрелли, Росси, Кваренги, Трезини, Монферрана. Основу петербургского балета составили сценические сочинения француза Петипа. Многие немецкие актеры своими регулярными представлениями в Северной столице способствовали зарождению российской театральной публики. С оперой Петербург познакомился с подачи итальянцев,

¹ Председатель Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации (с 2011 г.). Губернатор Санкт-Петербурга (2003 – 2011), Чрезвычайный и Полномочный Посол.

² Доклад представлен на X Международные Лихачевские научные чтения (2010 г.).

гастролировавших на берегах Невы еще во времена Анны Иоанновны. Петербургская культура, как губка, впитывала европейское искусство, исподволь обретая собственное неповторимое лицо.

Нужно ли говорить о роли петербургской культуры в мировой культуре? Достаточно упомянуть прозу Достоевского, музыку Мусоргского, Чайковского, Стравинского, Шостаковича, наши музеи и всемирно известные пригородные парки. Несомненно, они стали достоянием мировой культуры, так как миллионы туристов приходят в восторг от того, что видят в нашем городе.

На свете немного городов, место которых в мировой культуре определяется целостностью образа, — Париж, Лондон, Рим... В этом ряду по праву занимает свое место Петербург. Еще в 1922 году была издана книга Николая Анциферова с замечательным названием — «Душа Петербурга». Уникальный архитектурный облик города породил эту метафору, которая распространилась и на поиски метафизических характеристик Петербурга как средоточия духовных исканий.

Город — сложная система, включающая не только памятники и театры, но и производство, торговлю, социальную организацию, природный ландшафт, рядовые жилые дома... Здесь живут петербуржцы. Культуру города нельзя сводить к понятию «среда» (даже с уточнением «культурная»). Культура — целый *жизненный мир*. Понимаемая таким образом, она не просто соотносится с человеком — он является ее *органической частью*.

Наши всемирно знаменитые белые ночи — это природное или культурное явление? Вопрос не праздный: в Петрозаводске ночи такие же белые, а в Мурманске они еще белее. Петербургские белые ночи неотделимы от пушкинского «Медного всадника», «Белых ночей» Достоевского, четких профилей шпилей Адмиралтейства и Петропавловского собора, словно тутью начертанных на ночном небе. Знаменитые строки С. Я. Маршака:

Давно стихами говорит Нева,
Страницей Гоголя ложится Невский,
Весь Летний сад — «Онегина» глава,
О Блоке вспоминают Острова,
А по Разъезжей бродит Достоевский.

тяготеют к буквальному смыслу, а не к метафоре. Это городская реальность, *бытийные* характеристики Петербурга.

XX век породил новые характеристики. Мужество ленинградцев, выдержавших 900-дневную блокаду, — этот великий духовный символ города тоже феномен мировой культуры. Седьмая симфония Шостаковича, для ленинградской премьеры которой отзывали музыкантов с фронта, прозвучала в США в сезоне 1942 — 1943 годов свыше 60 раз — поединно духовное явление далеко не только на уровне нотного текста. Однако таким же символом человеческого духа и достоинства является невероятный факт сохранения семенной коллекции Института растениеводства: изможденные голодом сотрудники института сохранили тонны зерна. Две сотни зажигательных бомб, сброшенных на Публичную библиотеку, были погашены едва державшимися на ногах хрупкими женщинами, спасшими 20 млн книг, которые мы читаем сегодня.

Образ города немислим вне этих фактов (а их бесчисленное множество!). В истории Петербурга — Петрограда — Ленинграда — вновь Петербурга значимо каждое звено. Блокаду выстояли ленинградцы, и «Ленинградскую» симфонию Шостаковича нельзя переименовать в «Петербургскую». Сам факт возвращения городу его прежнего имени — знаменательнейшее событие в истории нашей страны.

В культуре города прошлое — его будущее. Этот парадокс воплощен в сегодняшнем дне Санкт-Петербурга. Множество музыкальных фестивалей, рожденных на нашей земле, связаны с прекрасной архитектурой нашего города: «Дворцы Санкт-Петербурга», «Музыкальный Эрмитаж», «Музыка Большого Эрмитажа», «Площадь искусств», а также с именами выдающихся композиторов-классиков: «Гаврилинский фестиваль», конкурс им. С. С. Прокофьева, фестиваль им. А. П. Петрова. Интересны и фестивали, проводимые консерваторией, и уже вошедшие в историю фестивали Мариинского театра. Это та коренная связь с культурой прошлого, которая обеспечивает продуктивное развитие музыки и музыкального театра в настоящее время.

То, что Петербург — город музыкальный, знает любой школьник: концертных организаций, музыкальных театров, инструментальных, хоровых коллективов здесь немало. В последнее время в лидеры стали выходить фестивали, посвященные развитию одного музыкального инструмента: исполнительский конкурс «Золотая арфа», карильонный фестиваль, конкурсы органистов и контрабасистов, объединяющие усилия музыкантов всей планеты, предоставляют возможность для развития музыкального искусства, обмена творческой энергией между талантливыми исполнителями. Проведенные в Петербурге, они способствуют насыщению ауры творчества, которая окружала наш город с самого его рождения.

Петербургское культурное пространство действительно распахнуто. В это «окно в Европу» веет ветер не только европейский, но и мировой. Судите сами: фестивали «Японская весна в Санкт-Петербурге», швейцарского короткометражного кино, «Новое польское кино», «Окно в Нидерланды», Неделя Германии в Санкт-Петербурге, «Балканское театральное пространство», Дни Кракова, Индии, корейской культуры, Недели кино Финляндии и Бразилии, Дании, мероприятия в рамках празднования 30-летия партнерских отношений с Осакой (Япония) и множество других встреч с мировой культурой и искусством насыщают воздух нашего города особенной атмосферой, прочерчивают духовные силовые линии. От них исходит новая животворная энергия, свежий ветер новых форм и идей.

Празднуя свое 230-летие, Санкт-Петербургская государственная академия театрального искусства (которая является старейшим в Европе государственным театральным вузом!) впервые вышла на улицы Санкт-Петербурга: с огромных рекламных щитов на горожан в течение нескольких месяцев смотрели знакомые всем лица — Сергея Юрского, Нины Ургант, Андрея Толубеева, Игоря Владимирова, Алисы Фрейндлих... Горожане с приятным удивлением обнаруживали свою сопричастность этим замечательным актерам, потому что смотрели фильмы и спектакли с их участием и запомнили их на всю жизнь. А когда студенты Академии театрального искусства вышли на Невский проспект в карнавальном шествии, их принадлежность горо-

ду и его жителям уже не вызвала никакого сомнения: они — часть общего культурного пространства Петербурга, только самая молодая, непредсказуемая и потому многообещающая. Забавная подробность: в шумном разноцветном театральном шествии вместе со студентами бодро несли плакаты «Театр жив!» ректоры многих театральных вузов Европы, прибывшие в Петербург на симпозиум, посвященный проблемам мирового театрального образования.

Петербургские театры победно шагают по городам Европы в рамках проекта «Петербургский театральный сезон» — Прага, Берлин, Хельсинки рукоплескали петербургским актерам, восхищаясь их талантом и мощной театральной школой.

Для того чтобы связь времен, культурных традиций не нарушалась, необходимо протянуть руку молодежи и вовлечь ее в процессы культурного строительства, в область постижения искусства как одного из средств общения и самопознания современного человека. Международный Брянцевский фестиваль детских театральных коллективов, ежегодно проводимый Театром юных зрителей им. А. А. Брянцева, объединяет детские театральные коллективы: «Рождественские встречи на Моховой», придуманный Академией театрального искусства фестиваль художественного творчества детей-сирот стран СНГ «Кастальский ключ» и многое другое. Они кропотливо и настойчиво работают с детьми во имя будущего России. Ибо духовность возможно взрастить с помощью непреходящих ценностей культуры и искусства, постигаемых в атмосфере подлинного творчества.

Петербург активно участвует в европейских проектах. Интересный эксперимент под названием «Ночь музеев» стал важной приметой майской жизни Санкт-Петербурга. Тысячи людей, пересекая город на бесплатных автобусах, в одну из белых ночей могут посетить три, четыре, пять музеев, соревнуясь друг с другом. Спортивный азарт у части ночных посетителей музеев перерастает в устойчивый интерес к живописи, графике, скульптуре, в осознание того, что искусство способно взволновать и дать пищу для ума и сердца.

Важнейшая особенность жизни культуры — принципиальная неразделимость прошлого, настоящего, будущего. Эту черту культуры глубоко чувствовал, переживал как факт собственной жизни Дмитрий Сергеевич Лихачев — первый почетный гражданин Санкт-Петербурга. Самое далекое прошлое благодарно переживалось им как настоящее, но настоящее и будущее составляли для него предмет постоянных размышлений, душевной боли и гражданского пафоса, никогда не покидавшего этого тихо говорящего человека, казалось бы, всем своим обликом подчеркивающего приватность своей жизни. Невозможно не процитировать его слова из книги, обращенной к молодежи: «...память — это не сохранение прошлого, это — забота о вечности.

Память в одинаковой мере стремится к сохранению прошлого для вечности и будущего для будущего, чтобы оно тоже, в свою очередь, не ушло и служило вечности.

Память — это форма воплощения вечности и преодоления времени»¹.

Эти слова — хороший повод для раздумий и одновременно вектор практического существования человека в культуре.

¹ Лихачев Д. С. Раздумья. М., 1991. С. 146.

В заключение следует сказать о проблемах, которые тревожат. Их решение далеко не всегда зависит от городских властей. В статье уже говорилось о состоянии культуры города, реальных достижениях в этой области: музыкальные и театральные фестивали, премьеры, художественные выставки, творческие конкурсы, многочисленные и разнообразные мероприятия для детей. Но культуру могут характеризовать и другие показатели: преступность среди молодежи, коррупция, которая вышла на первое место в правовой сфере, в области медицины и образования, то есть именно там, где профессия по своей природе неотделима от миссии нравственного служения людям. Студенты вузов, в том числе и гуманитарных, многие петербургские юноши и девушки ни разу в жизни не были в театре. Не стоит обращаться к социологическим данным для доказательства очевидного факта: совокупный культурный потенциал населения города стал ниже.

Всеобщая декларация прав человека гласит: «Каждый человек имеет право свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, участвовать в научном прогрессе, пользоваться его благами». А если нет потребности в этом участии? Если нет финансовых возможностей? Крупные капиталистические города характеризуются постоянно усиливающимся разрывом между культурным уровнем разных групп населения. Может ли город что-либо сделать, пытаясь сгладить драматическое противоречие между правами человека и возможностями их реализации? У мегаполисов немало общих проблем, и мэры этих городов регулярно встречаются для их решения.

Существуют вопросы, которые нуждаются в культурологическом осмыслении. Как соотносится Петербург с городом, давно переросшим его границы? Может быть, этих пределов нет, просто Петербург обретает некое новое качество? Могут ли сохраниться устойчивые составляющие понятия «петербургская культура» при неизбежно нарастающем разнообразии городской среды? Не избавила ли город его пресловутая провинциальность от неизбежной столичной суетности? Подобных вопросов много, возможно, на X Лихачевских научных чтениях какие-то из них получают ответы, сразу породив новые вопросы.

А. Д. Некипелов¹

АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК²

Якоротко остановлюсь на том, как в руководстве Российской академии наук рассматривается ситуация с фундаментальной наукой и какое будущее нас может ожидать. Мне кажется, это может представлять интерес в связи с той достаточно острой дискуссией, которая продолжается в обществе в течение многих лет, то усиливаясь, то несколько ослабевая. Наша по-

¹ Вице-президент РАН (2001 – 2013). Директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор. Почетный доктор СПбГУП.

² Доклад представлен на XI Международные Лихачевские научные чтения (2011 г.).

зиция такова. Академия наук — это организация, которая прежде всего призвана заниматься фундаментальными исследованиями, хотя, конечно, все прекрасно понимают, что никакой непреодолимой стены между фундаментальными и прикладными исследованиями нет. Главный вопрос, на который не Академия наук, а все общество должно дать ответ: какая фундаментальная наука нужна нашей стране? Комплексно развитая фундаментальная наука — это недешевая сфера деятельности, а если разобраться, так очень дорогая. Поэтому в мире почти нет стран, где есть комплексная фундаментальная наука. Между тем ее наличие дает стране большие преимущества. Нам комплексная фундаментальная наука досталась по наследству. Хотя 1990-е годы нанесли сильный удар по этой части нашего научного потенциала, она все еще сохраняется на достаточно хорошем уровне. Это показывают многочисленные исследования.

Сейчас мы находимся в точке бифуркации: нам предстоит решить, стоит ли прилагать усилия, чтобы эту науку поддерживать — разумеется, не в таких масштабах, как в Советском Союзе, но все-таки сохранять основные направления исследований, по крайней мере для того чтобы ориентироваться в мировой конъюнктуре. Или надо отказаться от этих усилий, считая, что такая цель нереальна. Мы совершенно убеждены, что этот вопрос должна решать не Российская академия наук, а все общество. Очень печально, что столько времени оно не может это сделать. В результате — деградация, которая выражается в первую очередь в том, что мы имеем все еще довольно приличный научный потенциал по фундаментальным исследованиям, но с очень неблагоприятной демографической структурой.

В последние годы благодаря ряду мер доля молодежи до 35 лет в науке начала расти. Полный провал, или почти полный, — в среднем возрасте. И одновременно растет доля старшего поколения — за 60–70 лет и т. д. Это происходит в основном из-за того, что не решена проблема пенсионного обеспечения. А в итоге не хватает ставок. Любой разумный человек понимает, что система не может работать только «на вход». Она должна обеспечивать воспроизводство научных кадров, которое предполагает в том числе и выход людей на пенсию. Сегодня эта часть не работает.

Далее, в дискуссиях часто речь идет о том, что Российская академия наук по своей организации является чуть ли не наследием сталинизма и потому было бы разумно расстаться с ней, перевести исследования в вузы, кардинально изменить финансирование науки и сделать его на основе грантов. Но у Российской академии наук достаточно длительная история, выходящая далеко за рамки сталинского периода. И на всех этапах, даже в годы сталинизма, хоть и в искаженном виде, но сохранялись действенные механизмы самоуправления научного сообщества. Основные решения, касающиеся распределения ресурсов, — как текущего финансирования, так и недвижимости, земель, которые государство предоставляло Академии наук, — принимало само академическое сообщество, формулируя основные направления исследований, которые, с его точки зрения, являлись на тот или иной момент наиболее насущными. Деятельность Академии наук на всех этапах основывалась на принципах самоуправления. Таким образом, здесь реализовывался принцип финансирования «на расстоянии вытянутой

руки», когда государство определяет, в каких масштабах ему нужна наука, выделяет средства, но не вмешивается в механизм их распределения.

Я еще раз подчеркиваю, что говорю именно о фундаментальных исследованиях, а не о прикладных или даже ориентированных фундаментальных исследованиях. Идеально ли работает этот механизм? Нет. Многие элементы самоуправления «заржавели», и произошло это не случайно, а прежде всего из-за тех тягот, которые обрушились на науку в 1990-е годы. Удивительно, что академия вообще сохранилась после того периода. Многие ученые уехали из страны, другие перешли в бизнес и т. д. Тем не менее, как ни странно, Академия жива и по-прежнему ведет свою деятельность на достаточно приличном уровне. Упомянутую «ржавчину» надо снимать, и это задача научного сообщества. В условиях, когда у людей не было денег, естественно, им давали полную свободу. Они стали зарабатывать где и как могли, и их нельзя в этом винить. Но когда ситуация с оплатой труда стала улучшаться, выяснилось, что переломить эту тенденцию очень сложно. Не секрет, что руководство Академии наук сегодня сталкивается с потерей заинтересованного отношения сотрудников к делам Академии. И нас это сильно беспокоит.

Такое отношение проявляется, например, в том (многие из коллег могут это подтвердить), как резко изменился характер наших заседаний на уровне отделений. Пропала заинтересованность людей: все где-то заняты, работают в десяти местах, чтобы кормить семьи. Их можно понять, но, разумеется, для академической системы это неблагоприятная ситуация, с которой может справиться только научное сообщество. Сказывается и то, что, немного улучшив положение в ходе пилотного проекта по оплате труда, мы выпустили из виду проблему с обеспечением оборудованием, реактивами, материалами для исследований. Не может нормально существовать наука, в которой 70 % средств идет на зарплаты. Это в большей степени напоминает собес. Нам говорят, что такая система финансирования неэффективна в принципе, потому что действует произвол распределения. Да ничего подобного! Это конкурентная система. На всех ее уровнях идет борьба за ресурсы. На уровне института — при включении тех или иных тем в планы исследований, при формировании и закрытии лабораторий. На уровне отделений — при создании и ликвидации тех или иных институтов. Это не значит, что в борьбе за ресурсы все обстоит замечательно; здесь тоже много формализма. Но вопрос в том, хотим ли мы бороться с головной болью при помощи гильотины или будем стараться освободиться от тех наносных вещей, той ржавчины, которая возникла. У нас ведутся споры о результатах деятельности каждого научного сотрудника, научного коллектива.

Вообще все серьезные исследования, в том числе те, которые проводятся в Центральном экономико-математическом институте, свидетельствуют, что по всем показателям ничего близкого к Академии наук в стране нет — ни в плане зарубежных публикаций, ни тем более в плане внутренних публикаций. С точки зрения отдачи на единицу затрат мы пока еще достаточно хорошо выглядим даже на международном уровне. Но, к сожалению, долго так продолжаться не может. У нас неплохие показатели потому, что затраты на Академию в стране очень маленькие, а не потому, что результаты большие.

Сегодня, как я уже говорил, вокруг Академии идет достаточно серьезная борьба. Некоторое время назад обозначилось ее новое направление. Наши критики стали переносить центр тяжести на гуманитарные и общественные науки, так как математиков, физиков, химиков более или менее ценят в мире, а общественные науки, в частности экономические и гуманитарные, якобы никуда не годятся. Это все, дескать, наследие старого времени: везде перековавшиеся марксисты. Журналы не содержат ничего нового, публикации в основном осуществляются внутри страны, зарубежных публикаций мало и т. д. Проводится мысль, что в академии нужно оставить только естественные науки, а обществоведов и гуманитариев отделить и поместить в некое «гетто». Интересно, что появилось новое явление: выпускники наших вузов, поехавшие получать образование на Запад, стали играть очень активную роль в этом деле. Вопрос о «возврате мозгов» в Россию поднимают не выдающиеся российские ученые, работающие за рубежом, а именно люди, не блещущие реальными успехами. Результатов нет, а амбиции непомерны.

Но в Российской академии наук нормальное отношение к таким людям. Мы понимаем причины, по которым они уехали, и рады, если они получили неплохое образование. Но стремление в агрессивной манере, далеко выходящей за рамки научной этики, настаивать на том, что все оставшиеся в стране люди представляют собой сплошной хлам, в то время как они, в общем, не занявшие высоких позиций на Западе, представляют будущее, — с этим согласиться сложно. Кстати, недавно вышел доклад Александра Муравьева, привлечший пристальное внимание. Муравьев работает в Санкт-Петербургском университете, в Высшей школе менеджмента, но главное его место работы сейчас в Германии. Он написал о состоянии экономической науки в России — следует признать, достаточно интеллигентно, без оскорблений, с привлечением обширного материала, подчас очень интересного. Но вот что интересно. Люди, как бы интегрировавшись в научную среду европейских стран, автоматически ставят вопрос так: в какой степени то, что существует в России, чему-то соответствует или не соответствует. Доходит до смешного, когда сопоставляется средний размер статьи в российских экономических журналах и в западных. При этом средний размер статьи рассматривается независимо от формата издания. Автор говорит, что в принципе, конечно, надо бы в печатных листах считать, но у него нет такой возможности. Тем не менее это не мешает делать ему далекоидущие выводы: качество статей, определяемое в том числе и на основе этого показателя, является низким. Подобные действия не имеют отношения к научной жизни и вызывают сожаление.

Есть еще одна очень беспокоящая нас тенденция, и важно сказать о ней здесь, в этом Университете, успешно взаимодействующем с академической наукой. В последнее время наблюдаются попытки вбить клин между учеными из вузов и учеными из Академии наук. Это делается разными способами, начиная с утверждений, что наука в вузах — это перспективно, соответствует мировым тенденциям, и заканчивая финансовыми решениями. Мне кажется, будет очень плохо, если это стремление расколоть научно-образовательное сообщество окажется успешным. Объективно это приведет, учитывая нынешние реалии, к потере основной части еще остающегося

научного потенциала в стране. С учетом всего этого я хотел бы сказать, что такого рода конференции, как Лихачевские чтения, имеют очень большое значение для консолидации научного корпуса и для того чтобы научно-образовательное сообщество выступало с единых позиций, потому что цели и задачи у нас с вами одни.

Ю. С. Осипов¹

РОССИЙСКАЯ НАУКА КАК ДИАЛОГ КУЛЬТУР²

Наука — важнейший, во многом решающий фактор современной цивилизации, качественно преобразующий ее лик, оказывающий радикальное воздействие на все стороны жизни современного общества, обеспечивающий социальный, экономический, технический и духовный прогресс человечества. Наука сегодня — органический контекст человеческого бытия, важнейшая предпосылка человеческого мышления и поведения, фактор повседневной жизни личности, который всесторонне воздействует на мировоззрение человека, глубоко трансформируя его мироощущение, мироощущение. Полноценная, эффективно развивающаяся наука — мощный фактор возрастания силы и потенций государства и общества. Наука, научное мышление становятся своеобразной парадигмой современной культуры и современного сознания. Научно-техническая, а затем информационная, компьютерная революции радикально меняют облик современного мира, превращают науку в решающий фактор социокультурного развития.

Наука — та область культуры, которая связана с качественно определенной деятельностью по построению системы знаний о природе, человеке и обществе. Современное научное знание — это гигантская вселенная направлений, школ, дисциплин, различных отраслей знания, каждая из которых выделяет отдельный сектор, сегмент реальности, какую-то часть целостного, универсального жизненного мира человека. Сущность науки, ее сила — в том, что научное знание стремится к объективности, общезначимости; опирается, с одной стороны, на эксперимент, а с другой — на теоретические модели; взыскует логической обоснованности и доказательности. Наука стремится познать мир таким, каков он есть, существует сам по себе во всем богатстве своих определений. Не случайно наука как социальный институт и фактор культуры возникла в Новое время, в эпоху кризиса религиозного мировоззрения, и развивалась по мере возрастания потребности общества

¹ Президент Российской академии наук (1991 — 2013), академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор. Автор более 170 научных работ и монографий. Член Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ. Главный редактор журналов «Вестник Российской академии наук» (2002 — 2013), «Вычислительная математика и математическая физика»; председатель, член ряда правительственных, научных и общественных советов. Почетный член и доктор многих иностранных и национальных академий наук. Полный кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством».

² Доклад представлен на IX Международные Лихачевские научные чтения (2009 г.).

в объективном, доказательном, общезначимом знании, которое может быть применено на практике.

Наука — специфический тип сознания и деятельности, особый способ отношения к реальности. Многие стороны жизни науки и научного знания могут поэтому быть поняты как диалог в культуре или диалог культур.

Понятие диалога занимает важное место в современном мышлении. Диалог в каком-то смысле — внутреннее, глубинное свойство современного сознания, поведения, общения. Можно даже говорить о «диалоговом характере» современной цивилизации. Не случайно идея диалога представлена в различных областях знания: философии (А. Ф. Лосев, М. М. Бахтин, М. С. Каган), истории культуры (Д. С. Лихачев, В. С. Библер), семиотике (Ю. М. Лотман), педагогике (А. В. Сухомлинский, А. О. Курганов), психологии (Д. Б. Эльконин). Диалог, и прежде всего диалог культур, — это взаимодействие, взаимопритяжение и взаимоотталкивание двух субъектов, полюсов, интеллектуальных феноменов, двух менталитетов с целью достижения взаимопонимания, взаимопроникновения, образования некоего единого проблемного поля.

В каком смысле можно говорить о науке в контексте проблемы диалога культур?

Прежде всего, наука сама может рассматриваться как важнейшая форма диалога ученого с миром реальности, «собеседование» с ней с целью познания и постижения, «выпытывания» ее секретов. Ученым движет жажда раскрыть тайну мироздания.

Первым русским государственным деятелем, осознавшим решающую роль науки, ее незаменимое место в культуре, был Петр I. Не случайно венцом его грандиозной преобразовательной деятельности стал Указ Правительствующего Сената от 8 февраля 1724 года об учреждении Академии наук и художеств. Прилагая титанические усилия, чтобы вырвать Россию из плена отсталости, Петр гениальным чутьем осознал исключительное значение науки в просвещении народа, повышении его цивилизованности, укреплении Российского государства, освоении огромных территорий и несметных богатств, модернизации армии и флота, развитии промышленности и торговли. Познать тайны природы и поставить их на службу россиянам — вот чего жаждал Петр I. Причем он ориентировал науку не только на прикладные, непосредственно практически приложимые знания, но прежде всего на знания фундаментальные, теоретические, чего, кстати говоря, не поняли многие его современники и даже сподвижники.

С первых своих шагов российская наука являлась не робким «учеником» мировой науки, а ее органической частью, равноправным участником всемирного диалога познания. Радикально изменился мир за последние три столетия. Трансформировались общественные уклады, менялись политические режимы, идеологии, формы правления. Но сохранялась и развивалась русская наука и ее признанный лидер — Академия наук. В самые тяжелые времена продолжалась деятельность выдающихся ученых в самых различных областях знания. При этом российская наука всегда развивалась в контексте мировой, в живом соучастии с ее проблемами и тенденциями. Особую роль диалог отечественной и мировой науки приобретает сегодня, в условиях экономической, экологической, информационной и культурной глобализации социальных процессов в современном человечестве.

Российская наука — это всегда напряженное взаимодействие, диалог естественно-научного и социогуманитарного знания. Как известно, в российской науке XX века получили блестящее развитие математика, механика, физика химия, биология, науки о Земле, техническое знание. Неоценима роль научно-технического и естественно-научного знания в постижении природы, использовании ее сил на благо человека. Но российская наука всегда понимала исключительное значение гуманитарного знания, важнейшего элемента духовной культуры. Вопреки всем бедам и трагедиям, которых слишком много выпало на XX век, гуманитарные и общественные науки в России продолжали развиваться, существовать, образуя напряженное духовно-интеллектуальное поле культуры, вновь и вновь возрождая и поддерживая идеи человечности и гуманизма. При всем понимании значения науки в целом, несомненно, что именно гуманитарные знания играют решающую роль в формировании духовного мира личности, поддерживают и преемственно передают фундаментальные основы национального самосознания народа, осуществляют эмоционально-нравственное воспитание.

Для российской науки характерно именно сотрудничество, обоюдоважный диалог гуманитарных и естественных наук (не говоря уже о том, что противоположность их сегодня во многом начинает приобретать относительный характер). Энциклопедичность, стремление к «цельному знанию», жажда охватить мир с различных сторон, с точки зрения разных наук, навести мосты между ними — все это характеризует русскую науку. Вполне закономерно поэтому, что отечественная наука органически включает многие имена ученых, отличавшихся широкоохватным подходом к мирозданию, энциклопедичностью и профессиональной многосторонностью, сделавших выдающиеся открытия в самых различных областях. Родоначалник тут, конечно, гениальный Михаил Васильевич Ломоносов. Недалом другой российский гений — Александр Сергеевич Пушкин — назвал его «первым русским университетом». Механика, физика, химия, минералогия, астрономия, история, филология, поэзия... И все эти области знания не были для Ломоносова разрозненными фрагментами. Они сливались у него в единую картину мироздания, пронизанную стройностью и гармонией, внутренне связанную, рождавшую восторг и удивление перед совершенством мира.

Всесторонне энциклопедичен был Павел Флоренский — мыслитель, ученый, погибший в сталинских лагерях. Он занимался физикой, космологией, почвоведением, был специалистом по диэлектрикам, являлся одним из разработчиков плана электрификации России. И одновременно — философия, богословие, искусство. При этом проблемы и государственности, и науки, и художественного творчества соединялись у него в едином универсальном мировоззрении, органически сочетавшим природное, антропологическое, культурное, а также естественно-научное и гуманитарное. Все это многообразие, пронизанное идеями жизни и творчества, сливалось с верой в единую основу всего сущего, наличие в нем универсального истока. Важно подчеркнуть, что художественная картина мира выступала в качестве другой ипостаси, другого воплощения образа реальности, создаваемой наукой и техникой.

Вспоминается В. И. Вернадский — биохимик, астрофизик, антрополог-космист, мыслитель. Вернадский развивал учение о биосфере и ноосфере. Живое начало понималось ученым как планетарно-космическая сила, результат жизнедеятельности всех организмов, присутствующих на Земле. При этом единство естественно-научного и гуманитарного виделось как сущностная общность живого и неживого. Принципиально иное начало вносит в мир, по В. И. Вернадскому, появление человека. Новую форму, высшую стадию развития биосферы, при которой человеческая деятельность обретает планетарный масштаб, Вернадский назвал ноосферой. Для ноосферы характерны прежде всего рост научного знания, его универсализация, развитие средств связи и на этой основе социальное и духовное объединение и преобразование человечества.

Охватывая единым взором научную мысль России, можно назвать десятки имен ученых, умевших не замыкаться в узких рамках одной специальности, способных к широким обобщениям, к диалогу с самыми различными областями знания, стремившихся при анализе тех или иных проблем выходить на широкий простор теоретических обобщений, во все многоаспектное пространство человеческого бытия. Это создатель культурно-исторической теории человеческой психики Л. С. Выготский, историк античной, возрожденческой и русской эстетики А. Ф. Лосев, автор концепции диалоговой природы сознания и культуры М. М. Бахтин, исследователь западноевропейского Средневековья А. Я. Гуревич, основоположник тартусской семиотической школы Ю. М. Лотман, биолог, историк и теоретик науки, ученый-энциклопедист А. А. Любищев. И этот список может быть многократно дополнен.

Важнейшей частью понимания науки как диалога является диалог в ней традиции и новаторства. Подлинная наука всегда динамична, питается энергиями творчества, смелого поиска. Но одновременно она и традиционна, сильна преемственностью концепций, школ, поколений. Ее сила на всех этапах жизни России была именно в передаче научной эстафеты от корифеев науки, мастеров научного знания, к молодым одаренным. Наука живет полнокровной, полноценной жизнью, только когда эта связь сохраняется. Являясь носителем традиции, старшее поколение осуществляет живое взаимодействие прошлого с будущим.

Проблема традиций и новаторства в науке выходит на более широкую проблему устойчивости и изменчивости в культуре. Прошлое культуры — это ее корни, ее основы, хранилище базовых принципов. В прошлом таятся многие ответы на проблемы сегодняшнего дня. Не случайно один из сборников работ Дмитрия Сергеевича Лихачева так и называется: «Прошлое — будущему». Почему так обострился этот вопрос?

Мы живем в переломное время, время выбора. Мир на распутье. Подвергаются сомнению и пересмотру не какие-либо частности — под вопросом общие направления развития человечества, его геополитические, экономические, национально-культурные стратегии. Мир становится многополярным. Иллюзия того, что либерально-демократический, западный путь цивилизации — единственный, опрокидывается специфической геополитической и культурной динамикой других регионов мира (Латинская Америка, Япония, Китай, арабский мир). Подобная проблема встает и перед Россией.

Вопрос, видимо, стоит так: удастся нам вписаться в общемировой порядок, в планетарные информационные, экономические, политические структуры, не пожертвовав при этом своим своеобразием, традициями и особенностями, или мы будем слепо и бездумно подгонять себя под общезападные стандарты, без разбора заимствуя «свое» и «чужое». Это в полной мере относится и к науке, и к сфере образования.

Реформы 1990-х годов выявили всю сложность, противоречивость исторического развития, неоднозначность, а порой и трагичность судеб культуры, стала ясна бесперспективность некритического перенесения чужого опыта, механического заимствования западной модели. Особенно болезненно ударило это по культуре. Рельефно высветилась «обратная сторона» свободного рынка с его принципом «все на продажу» и культом прибыли: катастрофичность лозунга «самодовлеющей свободы», разрушение и обесценивание смысла и значения неутилитарного, непрагматического отношения к миру. Для сознания интеллигенции, конкретнее — научной интеллигенции, наиболее острыми оказались культурные тупики: выход на авансцену самодовлеющей ценности потребления; замена принципа самореализации личности принципами комфорта и удовольствия; прагматизм и исключительная ориентация на успех; засилье «массовой псевдокультуры», «гламура»; обесценивание духовного начала в человеке, вытеснение его на обочину жизненной практики. Интересы и вкусы некоторой влиятельной части современного общества, отказавшейся от извечных гуманистических идеалов и традиций России, объективно растлевают и российскую науку, делают проблематичной ее нужность, ее корневую связь с Отечеством, ставят под сомнение саму способность ученых к вдохновенному и самоотверженному труду.

На карту поставлена национальная безопасность России, многонациональной страны с особым, во многом уникальным геополитическим положением, огромной территорией, глубокими и давними историческими традициями.

Культурная традиция — это диалог с прошлым. При всей важности и насущности экономических, экологических, социальных, национально-государственных вопросов проблема культуры имеет исключительное значение как духовная проблема, ибо культура — это идеальный духовно-смысловой компонент человеческого бытия.

Попытаемся суммарно выделить некоторые важные ценности российской культуры, имеющие прямое отношение и к науке, которые необходимо либо сохранить, либо восстановить в своих правах.

1. Целостность истолкования мира. Для российской мысли всегда было характерно понимание недостаточности, узости, односторонности только лишь «дифференцирующего» подхода к знанию, односторонности абсолютизации «предметного разделения». Типично стремление мыслить об универсуме, постигать целое, удерживать в сознании общую картину. Особенно характерно это для человековедческого знания. В качестве незримой предпосылки русской науки всегда витал образ Человека, целостный, всесторонний, увиденный с позиций действенного гуманизма. При этом использовались ресурсы не только научного, но художественного, философского, нравственного опыта.

2. Специфическая гуманитарность русской мысли при всем понимании огромной роли науки, технологии — отвержение технократически-позитивистского взгляда на цели и задачи человека, его миссию в современном мире. Сосредоточение внимания на «внутреннем человеке», прежде всего его духовно-нравственной составляющей. Именно в этом русская мысль видела определяющую сторону человеческого бытия.

3. Подчеркивание сущностной роли культуры в жизни общества, понимание того факта, что наука, техника, цивилизация вне культуры лишаются всякого смысла, более того, превращаются для человечества в источник опасностей и угроз. При этом характерно истолкование самой культуры прежде всего в качестве духовной сущности, идеально-смыслового измерения жизни социума. Поэтому так важна для русской мысли творческая составляющая человека, а для традиций отечественного образования типично понимание его как личностного созидания, «самостроительства», «умного делания».

4. Наконец, можно выделить изначальную экзистенциальность русской мысли, сочувственное понимание человеческой личности, ее болей и радостей, удач и неудач, не просто познание, а сопереживание человеку, глубинное видение его проблем. Поэтому для русской науки всегда был характерен тип ученого, находящегося в живом контакте с миром, человека высокой духовности и нравственности, ощущающего органическую связь с реальностью, природой, другими людьми.

Российская наука — живой соучастник диалога человеческого бытия.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР¹

Тема нынешних, юбилейных, Международных Лихачевских научных чтений «Диалог культур и партнерство цивилизаций» побуждает осмыслить феномен Российской академии наук в историко-культурологическом ключе.

Наука, как известно, — явление вненациональное. Законы природы и общества действуют «поверх» национальных границ, и научное знание, добытое одними учеными, становится в короткий срок достоянием других ученых и шире — источником развития общества и цивилизации. Однако наука — это одновременно и постоянный диалог. Диалог ученых и научных школ. Диалог общества, государства и науки. В этом плане роль Российской академии наук (РАН), или, как ее часто называют, «штаба российской науки», как раз и состоит в том, чтобы этот диалог был постоянным, наполнялся новым содержанием, чтобы наука не просто развивалась, но и обеспечивала приоритетное положение страны в мире. Эта функция Академии носит исторически устойчивый характер.

Датой основания Российской академии наук принято считать 8 февраля (по новому стилю) 1724 года, когда Сенат одобрил проект Петра I об учреждении в Санкт-Петербурге Академии наук и художеств. В проекте, в частности,

¹ Доклад представлен на X Международные Лихачевские научные чтения (2010 г.).

говорилось: «...надлежит такое здание учинить, через которое бы не токмо слава сего для государства для размножения наук нынешним временем распространилась, но и через обучение и расположение оных польза в народе впредь была».

Но еще до того, как предложить Сенату проект Академии наук и художеств, Петр I преопределил ее роль в диалоге цивилизаций, стран и поколений. Он последовал совету германского мыслителя Лейбница создать Академию как единый организм наук и обучения, как лабораторию и высшее учебное заведение одновременно. Лейбниц также обратил внимание Петра I на ту пользу, которую могла бы извлечь европейская наука из сведений, поставляемых из России, а Россия — из сведений европейских ученых. Прислушавшись к совету великого философа, Петр I пригласил в Петербург иностранных ученых, имена которых вошли в историю российской науки: математики Николай и Даниил Бернулли, Христиан Гольдбах, физик Георг Крафт, астроном и географ Жозеф Делиль и др.

А уже через пару десятилетий в Академии появились первые отечественные академики: Ломоносов, Тредиаковский, Крашенинников, немного позднее — Попов, Котельников, Протасов, Румовский и др.

Многие факты истории побуждают к размышлению, свидетельствуя о диалогическом характере РАН в контексте научного знания и шире — истории России.

Как известно, Библиотека Академии наук старше на 10 лет самой Академии наук и называлась по-разному: Императорской Санкт-Петербургской, Российской, Академии наук СССР и снова Российской академии — БАН. Ее начали собирать по высочайшему указу Петра Великого с 1714 года. Она стала первой государственной, национальной и академической библиотекой. Позднее были открыты Императорская Публичная библиотека (1716), Королевская библиотека в Париже, позже переименованная в Национальную (1735), Библиотека Британского музея в Лондоне (1753), Библиотека Конгресса США в Вашингтоне (1880).

Масштаб БАН поистине космический: 63 млн единиц хранения. В здании на Биржевой линии и в академических институтах Петербурга — 21 млн. Остальные сосредоточены в академических библиотеках Москвы, Екатеринбурга, Новосибирска, Владивостока, Красноярска. БАН — самая крупная академическая библиотека в мире. Ее даже не с чем сравнивать, потому что, в отличие от других великих библиотек мира, она еще и государственная. БАН — это своего рода память науки, потому что здесь хранятся все академические публикации, выходившие с 1728 года в академической типографии — почти два миллиона. Здесь как великую ценность хранят библиотеку Петра I. И в БАН каждый день продолжают поступать новые издания со всего мира.

При Петре I БАН была бесплатно открыта для каждого, ее читателей после осмотра коллекции угощали рюмкой вина, «цукербродом» и фруктами по сезону. С 1716 года библиотека не только выставляла свои коллекции, но и выдавала их читателям. Прийти сюда и работать мог любой.

С 1721 года БАН ведет международный обмен. Сегодня у нее около 2 тыс. партнеров в 75 странах мира. Она — постоянный член Международной федерации библиотечных ассоциаций и учреждений и Международной ассо-

циации библиофилов, что дает ей возможность общаться с коллегами напрямую, получать все новые документы и обмениваться опытом.

История РАН свидетельствует не только о том, что здесь закладывались основы привычного нам сегодня обмена учеными разных стран и диалога наук между Россией и Европой. Тогда же Петр I высказал идею «триединой композиции»: Академия наук — Академический университет — гимназия. Это своего рода диалог культур между поколениями.

Академический университет должен был стать частью Академии и готовить для нее, как сказали бы сегодня, новые высококвалифицированные кадры. Эта цель приблизилась, когда Академическим университетом стал руководить М. В. Ломоносов (1750 — 1760-е гг.). После его смерти Академический университет в Петербурге стал угасать и вскоре был закрыт. Но идея «триединой композиции» не исчезла. Вскоре она воплотилась в создании Московского университета.

Именно РАН принадлежит заслуга организации диалога между наукой и образованием на системной основе. Российские ученые не только создавали новые учебные заведения, но и писали для них учебники, преподавали, переводили научные труды, издавали научно-популярные журналы. Для учебных заведений страны члены Академии написали и издали около 30 учебных пособий на русском языке. В их числе — первый русский учебник по естествознанию «Начертание естественной истории», два учебника по географии — «Краткое землеописание Российского государства» и «Пространное описание Российского государства». Деятели Академии участвовали в реорганизации школьного образования в России. Академик Ф. У. Т. Эпинус, например, составил «План об организации в России низшего и среднего образования», который стал основой школьной реформы. Участие Академии в ее проведении выразилось также в подготовке более 400 учителей, открытии первой в России учительской семинарии.

Так, благодаря Академии наук в России начала складываться государственная система школьного образования. Ее результатом стал рост грамотного населения в стране: с 6,9 % в 1797 году до 42,8 % в 1917 году. Усвоив лучшие национальные и западные традиции, Россия, по словам академика Д. С. Лихачева, стала «страной высоких педагогов и высоких школ. Школ с большой буквы».

Примером тому может служить петербургская школа Карла Мая — сына прусского подданного и шведки. Организованная в петровском духе: «приготовить юношу к труду, полезному для общества», она дала России 12 академиков Российской академии наук, 7 членов Академии художеств, 3 академиков архитектуры. Среди выпускников этой школы был и академик Д. С. Лихачев. Он писал: «Мне повезло. Я учился в очень хорошей школе. Школе Карла Ивановича Мая, такого великого гуманиста, педагога-гуманиста. И там у нас этого (имущественного различия. — *Peg.*) не было принято. У нас учился и сын швейцара, и внук Мечникова, и сын банкира Митьки Рубинштейна, который давал в долг Николаю II».

Спустя почти три века идея «триединой композиции» была продолжена в Санкт-Петербурге. В 1999 году был открыт Научно-образовательный центр Физико-технического института им. А. Ф. Иоффе, который позднее стал Санкт-Петербургским физико-технологическим научно-образователь-

ным центром РАН, а в 2009 году — Санкт-Петербургским академическим университетом — научно-образовательным центром нанотехнологий РАН.

Этот университет объединил буквально под одной крышей и школьников, и студентов, и ученых. А именно — учащихся лица «Физико-техническая школа», студентов и аспирантов физико-технического факультета Политехнического университета (6 кафедр), самого Академического университета и кафедры оптоэлектроники ЛЭТИ. В этом университете работают научные академические лаборатории. Здесь читают лекции научные сотрудники Физико-технического института им. А. Ф. Иоффе РАН, Петербургского института ядерной физики РАН и других научных организаций Санкт-Петербурга.

Наука и образование находятся в постоянном движении. Развиваться им помогает диалог с вечной всемирной субстанцией — культурой.

Петровские принципы создания Академии наук придали Санкт-Петербургу новое столичное качество — профессионализм. Об этом много писал Д. С. Лихачев. Он считал, что профессионализм Петербурга выражается, среди прочего, в тесной связи наук и искусств с обучением. В своей лекции, прочитанной в 1993 году в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов при посвящении его в почетные доктора, он отметил, что Петербургский университет всегда являлся не только учебным, но и научным заведением. Что Военно-медицинская академия всегда была одновременно научным, лечебным и образовательным учреждением. И Академия художеств также объединяла в себе науку, образование и музейное дело. Императорская певческая капелла тоже была не только концертной, но и учебной, и исследовательской организацией.

В триединстве «наука — образование — культура» на первом месте с первого дня зарождения Академии стояла задача исследования мира. В первые десятилетия научная работа Академии велась по трем основным направлениям: математическому, физическому и гуманитарному. Одновременно академики включились и в изучение культурного богатства страны. В свое распоряжение они получили богатейшие коллекции Кунсткамеры. Были созданы Анатомический театр, Географический департамент, Астрономическая обсерватория, Физический и Минералогический кабинеты, Ботанический сад. Благодаря исследованиям академических ученых закладывались основы горного дела, металлургии и других отраслей промышленности России. Велась работа по геодезии и картографии. В 1745 году была создана генеральная карта страны — «Атлас Российский». По инициативе Академии и при ее участии проведены комплексные экспедиции, которые раскрыли природные ресурсы России, показали миру самобытную культуру ее народов, дали новые знания о ее животном и растительном мире, представили историю ее регионов. В начале 1740-х годов были опубликованы несколько томов каталога Кунсткамеры.

Академия стала хранительницей памятников отечественной и мировой науки. В 1770-х годах она приобретает рукописи Кеплера, которые и сейчас составляют гордость академического архива и использовались Баварской академией наук при издании полного собрания его сочинений.

Академия стала поддерживать постоянный диалог с европейскими научными учреждениями и журналами. Ее собственный журнал «Коммен-

тарии Петербургской академии наук» (на латинском языке) приобрел популярность и авторитет в научном мире, стал одним из ведущих изданий Европы. Это было в 1728 году. Чуть позже Академия организует собственную типографию, которой поручается издание всей литературы в стране. Потом появились «Академические известия», «Описание земли Камчатки», «Календари». Ее членами становятся знаменитые русские писатели и поэты — Фонвизин, Державин, Пушкин. Академия занимает ключевое место в развитии отечественной культуры. Это позволяет ей занять почетное место среди крупнейших научных учреждений Европы. О чем сообщает один французский физик того времени (1736): «Петербургская академия со времени своего рождения поднялась на выдающуюся высоту науки, до которой академии Парижская и Лондонская добрались только за 60 лет упорного труда».

В XVIII веке почетными членами Академии становятся более 160 иностранных ученых, в их числе Вольтер, Дидро, Д'Аламбер, Линней, Франклин. В свою очередь почетными членами зарубежных академий становятся Эйлер, Ломоносов, Лепехин, Паллас и др.

Так закладывался высокий диалог наук, который сегодня по-деловому называется «международными связями Академии». В 1820 — 1830-х годах, когда для Академии было выстроено специальное здание, начался новый этап ее деятельности. На базе коллекций Кунсткамеры были организованы Ботанический, Зоологический, Этнографический, Минералогический, Азиатский, Египетский и Нумизматический музеи. Позже часть из них вошла в состав Эрмитажа. Выдающимся событием стало открытие в 1820 году Антарктиды (М. П. Лазарев, Ф. Ф. Беллинсгаузен) и в 1839 году — Пулковской обсерватории (В. Я. Струве). Это способствовало развитию российских и зарубежных географов и астрономов. Свои научные вершины стали занимать российские математики (П. Л. Чебышев), исследователи аэродинамики (Р. Е. Жуковский), биологии (К. М. Бэр), физики (Э. Х. Ленц), медицины (И. И. Мечников), физиологии (И. П. Павлов), геохимии, радиохимии, радиогеологии (В. И. Вернадский) и сотни других ученых. Это — лишь нарисованный пунктиром путь российской науки тех лет.

А потом был 1917 год. Академия активно включилась в решение новых социально-экономических и культурных проблем страны и вскоре была провозглашена «высшим всесоюзным научным учреждением» — Академией наук СССР. Могло показаться, что исторические, революционные события заставят провести революцию и в петровских принципах работы Академии. Но нет. В Академию избираются ученые, работающие вне ее системы — в вузах, отраслевых институтах, других организациях. Это позволяет объединить в ее составе выдающихся деятелей науки и продолжать их диалог.

Создаются отделения и филиалы АН СССР в национальных республиках и крупных регионах страны — на Украине и Дальнем Востоке, в Белоруссии, Сибири, Пушино, Черноголовке, Троицке.

Фундаментальные результаты практически во всех областях знаний вывели российскую науку на исключительный уровень. Даже дискриминация в условиях мирового противостояния двух социально-экономических систем не могла воспрепятствовать мировому признанию отечественной науки. Характерно, что после первого русского лауреата Нобелевской премии

Ивана Петровича Павлова эту высшую научную награду получают: Н. Н. Семенов (1956), П. А. Черенков, И. М. Франк, И. Е. Тамм (1958), Л. Д. Ландау (1962), Н. Г. Басов и А. М. Прохоров (1964), П. Л. Капица (1978), Ж. И. Алферов (2000), В. Л. Гинзбург (2003).

Говоря о достижениях Академии наук в XX веке, следует начать с физики и мирного атома. Фундаментальные результаты были получены математиками. Созданы многопроцессорные вычислительные системы. Расширены представления о Вселенной. Созданы лазеры. Построены установки для исследования термоядерного синтеза. А еще — биология, медицина, химия, нейрофизиология и исследование мозга человека, гуманитарные и общественные науки, экономика и те, которые развиваются на «стыке» классических наук. Особая гордость науки XX века — космос.

Эти достижения позволили АН СССР, позже — РАН вести новый диалог с миром. Именно ученые стояли у истоков крупнейших международных соглашений — Договора о запрещении ядерных испытаний в трех средах мировой программы мирного использования атомной энергии. Именно в Академии наук была разработана концепция нового диалога цивилизаций — современного этапа международных отношений как формирующейся многополюсной глобальной системы взаимосвязей, отражающей многообразие и целостность интересов гражданина, общества, государства и мирового сообщества.

В последнее время Академия также сохраняет и развивает традиционные направления деятельности и свои исторически сложившиеся, проверенные временем принципы. С учетом новых реалий времени они, конечно, приобретают новые формы, но остаются прежними по содержанию.

Например, прочно вошла в практику такая форма диалога, как двусторонние соглашения о сотрудничестве с научными учреждениями разных стран. В их числе — национальные научные центры Франции, Англии, Германии, США, Словакии, Румынии, Республики Корея, Индии, Италии, Польши, Финляндии, Швеции, Нидерландов, Норвегии, Израиля, Китая, Японии, Монголии и других стран. Подписанные РАН соглашения с зарубежными партнерами предусматривают обмен учеными, позволяют получать ценную информацию о зарубежных проектах, программах по изучению, например, Мирового океана, космоса, климата, экологии, термоядерной энергии, биологии человека и многим другим важным проблемам.

РАН, ее институты и другие научные учреждения являются членами международных научных организаций, действующих практически во всех областях теоретической и прикладной науки, сотрудничают с авторитетными неправительственными организациями.

РАН является членом около 230 международных неправительственных организаций, профессиональных союзов и ассоциаций. В их числе — Международный математический союз, Международный совет научных союзов (ICSU), Международный совет социальных наук, Всемирный союз охраны природы, международные союзы по теоретической и прикладной физике, химии, биохимии и молекулярной биологии, биофизике, астрономии, географии, геодезии и геофизике, геологическим наукам.

Ученые РАН достойно представлены в академиях разных стран, в которых объединена элита научного мира и с которыми РАН имеет постоянные

связи. Это, в частности, Европейская академия в Лондоне, Европейская академия наук и искусств в Зальцбурге, Всемирная академия наук и искусств в США и др.

Исторически, начиная с Петра I, поддерживая интеграционные процессы российской и европейской науки, РАН участвует в Ассамблее европейских академий и совместно с более чем 50 академиями — ее членами — осуществляет научное сотрудничество на общеевропейском пространстве.

В 2000 году РАН приняла участие в создании Межакадемического совета, в руководящий орган которого вошли президенты 15 ведущих академий наук мира.

Ведущие ученые РАН активно работают в Международной лаборатории сильных магнитных полей и низких температур во Вроцлаве, Международном институте прикладного системного анализа в Лаксенбурге (Австрия), созданном по инициативе ученых России и США, в Европейском центре ядерных исследований — ЦЕРНе.

За последние 10 лет более десяти тысяч научных сотрудников РАН стали участниками международных конгрессов, ассамблей и симпозиумов. Вот некоторые из них: 28-я Генеральная ассамблея Международного союза биологических наук; 6-я Генеральная ассамблея Европейской федерации национальных академий естественных и гуманитарных наук; 29-й конгресс Федерации европейских биохимических обществ — ФЕБО; Европейский конгресс математиков; 27-е Консультативное совещание по Антарктиде; 32-й Международный геологический конгресс; 38-й Международный конгресс по полимерам; 35-я научная сессия Комитета по исследованию космического пространства — КОСПАР; Международный полярный год и др.

За последние годы РАН провела у себя дома около 800 конгрессов, симпозиумов и конференций, в которых участвовали около 18 тыс. зарубежных ученых и специалистов.

Иногда раздаются голоса (в основном со стороны прессы), что РАН стала замкнутой организацией и даже клубом ветеранов от науки, предлагают то поставить над ней наблюдательный совет из чиновников, а то и полностью реформировать. С этим трудно согласиться. Академия наук, с одной стороны, это сообщество ученых, членов Академии наук. А с другой — это большая организация, множество институтов, в которых, кроме членов самой Академии, работают тысячи ученых, и все они заняты общим делом. Жизнь Академии регламентируется законом «О науке» и Уставом РАН и определяется реальными потребностями государства, как это было всегда, начиная со времен Петра I.

В XXI веке значительно интенсифицировался диалог науки с властью. Власть придает все большее значение роли науки в возрождении России.

Великое будущее России неразрывно связано с величием отечественной науки, с будущим Российской академии наук.

Символично, что академическая печать 1735 года сделана по проекту выдающегося математика, конференц-секретаря Академии Христиана Гольдбаха. В ее центре на фоне двуглавого орла — символа России — можно увидеть щит. На щите изображена богиня мудрости Минерва. Сверху — надпись: "Nis tuta perennat" — «Здесь она в безопасности на долгие годы». Это очень емкая в политическом, культурологическом, смысловом отношении

символика. Российская академия наук сохраняет свои традиции и исполняет свою уникальную миссию в диалоге наук и цивилизаций. Это служит не только залогом развития и процветания российской науки, но и фактором обогащения научного знания в мировом масштабе.

А. М. Панченко¹

РУССКИЙ ГОРОД И РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ: РЕЛИГИОЗНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ²

Россия, на протяжении жизни одного поколения (!) превратившаяся из аграрной страны в городскую, пережила это как тяжелейшую катастрофу, в сравнении с которой обе смуты XX века кажутся мелкими. «Народная вера» была попорана, что породило неустойчивость и болезненность национальной психологии. «Народная вера» не умозрительна, она предметна. Повседневный мир не постоянно, как предлагает и предписывает православие, а прерывисто контактирует с миром священным. Этот контакт осуществляется через места — перекрестки дорог, священные колодцы, камни, деревья, также и храмы (обычай ставить церкви на высоких холмах), и через времена, «праздники».

Чтобы приоткрылась дверь в сакральное (она всегда отворяется «с той стороны»), надлежит соблюдать «заветы», или «обеты». Крестьянин приносит в часовню, к лесному поклонному кресту и тому подобному «обетные» свечу, монету, полотенце, часть одежды — и там оставляет. Это не жертва, а знак присутствия: он здесь был, просто приходил поклониться, либо у него что-то случилось. Временные «обеты» (это может быть праздник, учрежденный деревней, реже — несколькими деревнями в память об избавлении от какой-нибудь нахожей повальной болезни) предусматривают непременно праздность — не поголовное пьянство, как теперь ведется, а отдохновение души и благочестивое созерцание. Еще в XVI веке митрополит Даниил наставлял: «И аще хочещи прохладитися, изыди на преддверие храмины твоя, и виждь небо, солнце, луну, звезды, облака <...> и в сих прохладяйся». «Прохлад» — это синоним «досуга», притом синоним удачный: Господь заповедал Адаму и всем нам, его потомкам, трудиться в поте лица своего, но предусмотрел и праздники. Природа — видимый мир, созданный Богом. Через природу мы его познаем. Существовали запреты на работу в праздники (ср. поговорку «Мужик-проказник работает и в праздник»). Каждому

¹ Академик РАН, исследователь русской литературы и культуры, доктор филологических наук, профессор. Автор более 350 научных публикаций, в т. ч.: «Чешско-русские литературные связи XVII века», «Русская стихотворная культура XVII века», ««Смеховой мир» Древней Руси», «Смех в Древней Руси» (в соавт.), «Русская литература в канун Петровских реформ», «Чтобы свеча не погасла» (в соавт.), «О русской истории и культуре», «Я эмигрировал в Древнюю Русь» и др. Автор историко-литературных фильмов и телепередач. Лауреат Государственной премии России.

² Доклад представлен на Международную научно-практическую конференцию «Гуманитарная культура как фактор преобразования России» (1997 г.).

ясно, каким надругательством над «народной верой» были хотя бы советские «воскресники».

Сельский житель был частью биоценоза, он «произрастал» из матери — сырой земли (это словосочетание — не метафора, а реальное переживание, в чем легко убедиться по текстам православной покаянной дисциплины). Сетования на «нерешенность земельного вопроса», которые начались сразу после 19 февраля 1861 года и продолжают до сих пор, не учитывают многовековой религиозной инерции. Л. Н. Толстой, который учился в университете и вообще был гений, не принял «хуторов и отрубов». «Несправедливость состоит в том, что как не может существовать право одного человека владеть другим (рабство), так не может существовать права одного, какого бы то ни было человека, богатого или бедного, царя или крестьянина, владеть землею как собственностью. Земля есть достояние всех, и все люди имеют право пользоваться ею. Признается это или нет теперь, будет ли или не будет это установлено в близком будущем, всякий человек знает, чувствует, что земля не должна, не может быть собственностью отдельных людей, точно так же, как когда было рабство, несмотря на всю древность этого установления, на законы, ограждавшие рабство, все знали, что этого не должно быть» (из письма П. А. Столыпину от 26 июля 1907 г.).

Голос Толстого — поистине «глас народа», которому жуткими и кощунственными должны были представляться лозунги тургеневского Базарова и псевдотворца Мичурина: «Природа — не храм, а мастерская, и человек в ней работник»; «Нам нельзя ждать милостей от природы. Взять их у нее — наша задача». Но социальная практика и религиозность обычно конфликтуют. Воплотить в реальность идеи Толстого были способны разве что дети, испокон веку лазавшие за яблоками в чужие сады. Впрочем, религиозная инерция, повторяю, чрезвычайно сильна. Ее учет необходим при рассуждениях о «великом переломе» («И все вокруг колхозное, и все вокруг мое» — чем не Толстой?), о сельской общине и «мирском» сознании.

Отношения русского города и русской деревни в петербургский период складывались по-разному. Была и относительная близость — в XVIII веке, была и конфликтность, обозначившаяся при Николае I. Ее нельзя списывать на «политику» либо «эксплуатацию». Главный фактор — распространение европейской техники. Некрасовская «Железная дорога» — если не диагноз болезни, то ее симптом. «А по бокам-то все косточки русские...» Покопайте! — не устаю призывать. — Нет там скопления костей! (как думала княгиня Е. Р. Дашкова и сейчас думает А. И. Солженицын). Покопайте!.. Но так думал народ, уверенный в обязательности «строительной жертвы». Кстати, при большевиках эта уверенность воплотилась: Беломорско-Балтийский канал, дорога Котлас — Воркута и другие «великие стройки коммунизма» — те действительно на костях, безо всяких кавычек. Некрасов выразил крестьянский ужас перед вражеским вторжением техники. Это можно сравнить с погибельным действием алкоголя, завезенного «цивилизованными» колонистами индейцам, эскимосам, чукчам. У этих народов, как и у других, была в обычае бытовая наркомания. Они что-то готовили из поганых грибов (потребление тоже регулировалось религиозными предписаниями), но никто не становился наркоманом.

Другое следствие конфликта — «изъятие» крестьянина из привычного ландшафта (он слагался из одного-двух десятков деревень). Культура крестьянина универсальна, культура горожанина должна быть профессиональной. Именно их несовместимость породила, с одной стороны, кризис деревни, а с другой — уничтожение Аральского моря и строительство БАМа, по которому никто не ездит и ничего не возит. Что до наших перспектив — о них разговор особый.

Б. Д. Парыгин¹

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНОЙ ЭВОЛЮЦИИ РОССИИ²

В качестве одной из наиболее актуальных социально-психологических проблем на пути духовной эволюции современной России, как нам представляется, можно выделить необходимость преодоления тех барьеров, которые связаны с огромной силой инерции прежних парадигм во взаимодействии духовно-нравственных и социокультурных ориентиров и ценностей, с одной стороны, и идеологических и политических акцентов и императивов — с другой.

Иными словами, встает вопрос о том, насколько стратегия демократизации, деполитизации и деидеологизации как некая альтернатива тоталитарной системы может адекватно отразиться на судьбах культуры, образования и общественных наук как важнейших составляющих процесса духовной эволюции российского социума.

Ответ на этот вопрос нам не представляется однозначным в силу все более очевидных социально-психологических барьеров на пути развертывания вышеназванной тенденции, которая идет вразрез с достаточно укорененной традицией привязки духовной сферы жизнедеятельности (в том числе образования и гуманитарных наук) к политическим и идеологическим институтам в истории России задолго до октября 1917 года.

Нельзя не согласиться с известным историком А. Ф. Замалеевым, который отмечает то существенное обстоятельство, что «в отношении к русской философии преобладающей тенденцией всегда остается идеологизм. Историко-философский процесс в России сводился либо к эволюции «по пути к марксизму», либо к идиллической встрече философии и православия. В результате русская философия превращалась в подмости для идеологических декораций, которые менялись в зависимости от политической конъюнктуры» (Замалеев А. Ф. Лекции по истории русской философии. М., 1995).

¹ Заведующий кафедрой социальной психологии СПбГУП (1992–2004), доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Почетный заведующий кафедрой социальной психологии СПбГУП (2008–2012). Автор более 400 научных публикаций, в т. ч.: «Социальная психология: истоки и перспективы», «Анатомия общения», «Социальная психология: проблемы методологии, истории и теории», «Социальная психология» и др. Награжден орденом Почета.

² Доклад представлен на Международную научно-практическую конференцию «Гуманитарная культура как фактор преобразования России» (1998 г.).

На наш взгляд, данная тенденция уходит своими корнями в глубинные основы архетипа российского менталитета и характера народа с присущей ему доминантой идеологически окрашенных ценностей — веры (в том числе и прежде всего религиозной), искания смысла бытия, чувств соборности, равенства, справедливости, совести и т. д. Недаром Достоевский говорил об отличии ценностей русского народа, который живет «духом», а не «рамой», как человек Запада. А «неистовый» Виссарион Белинский восклицал: «Социальность, социальность — или смерть», подчеркивая характерный для россиянина взгляд на все через призму социальности.

Есть все основания говорить о том, что и сегодня идеи социальной справедливости и особой значимости духовных ценностей вновь приобретают все большее значение. Последнее связано прежде всего с интенсивным процессом роста социальной дифференциации населения по уровню жизни. С наименьшей силой духовные ценности стимулируются и тенденциями регионализации и территориальной автономизации, несущими в себе угрозу распада России как целостного государственного образования. В качестве противовеса этим разрушительным тенденциям все более популярными становятся не только идеи, но и в целом самосознание значимости духовно-психологического единства россиян, необходимости подкрепления последнего средствами идеологической интеграции.

В современной ситуации глобального кризиса, переживаемого российским социумом, становится особенно ощутимой и болезненной для его судьбы полная утрата многих прежних политических и идеологических скреп и опор, цементирующих (хотя заодно и подавляющих многие инновации в сфере науки, культуры и гуманитарного образования) его фундамент. В результате этого возникает известный вакуум там, где на месте старых должны были бы возникнуть новые идеологические ценности и опоры, способные интегрировать общество и государство. В этом качестве должна была бы выступить новая концепция жизни и перспектив развития российского общества, способная аргументированно ответить на традиционные вопросы: «Кто виноват?» и «Что делать?», равно как и «В каком обществе мы живем?» и «Какое строим?». Без ответа на эти вопросы не может быть обеспечено развитие российского самосознания, культуры, науки и гуманитарного образования. Вот почему попытки дискредитации идеологии как таковой встречают достаточно сильное сопротивление с ее стороны. И в этом парадоксальность складывающейся ситуации. Ведь стратегия развития гуманитарного образования нуждается в прочных идеологических опорах, а опереться можно лишь на то, что не поддается давлению, а сопротивляется ему.

Но задача концептуального и идеологического обеспечения видения перспектив развития гуманитарного образования и науки наталкивается (кроме вышеназванного) еще и на другой социально-психологический барьер. Последний связан с характерной для российского менталитета в целом и для интеллигенции в частности способностью легко увлекаться яркой идеей и отсутствием склонности к скрупулезному анализу «фактов», разработке строгой и выверенной концепции своего развития.

Выступая весной 1918 года в Петрограде с публичными лекциями «Об уме вообще и русском в частности», великий русский ученый, академик

И. П. Павлов упрекал «прогрессивную» русскую мысль в том, что она заболела не столько «о просвещении и культивировании народа, сколько о его революционизировании», что «русский ум не привязан к фактам», что идеей диктатуры пролетариата мы «мозг, голову поставили вниз, а ноги вверх. То, что составляет культуру, умственную силу нации, то обесценено, а то, что пока является еще грубой силой, которую можно заменить и машиной, то выдвинули на первый план». В аналогичном ключе рассуждал и М. Горький в «Несвоевременных мыслях», предупреждавший русскую интеллигенцию о преждевременности социалистической революции в неподготовленной к ней крестьянской стихии, когда этой революции не предшествовал период культурного строительства. Да и саму интеллигенцию М. Горький упрекал за неспособность противопоставить социальному произволу и бесправии личности ничего вразумительного, кроме брюзжания.

Сегодняшняя ситуация не составляет исключения из этого правила. Благородный порыв к радикальному обновлению, выстраданный российской интеллигенцией уже в 1960-х годах, но не подкрепленный сколько-нибудь фундаментальной концепцией или, что то же самое, предвидением хода реальных перемен, ныне обернулся глобальным и разрушительным кризисом всего общества.

Драматический парадокс этого положения состоит в том, что отсутствие необходимой концепции общественного развития является скорее результатом невостребованности, чем показателем реального творческого потенциала российской интеллигенции, скорее ее недостаточной психологической готовностью к диалогу со своими оппонентами и другими субъектами социального действия, чем неспособностью найти конструктивную альтернативу нынешнему кризису.

Однако вернемся к исходному тезису относительно деидеологизации и деполитизации как условий свободного и независимого развития гуманитарного образования и науки. Можно ли совместить его со всем тем, о чем только что говорилось выше как о совершенно противоположной и столь же обоснованной тенденции?

Если исходный тезис о необходимости освобождения гуманитарного образования и науки от давления идеологических и политических структур оставить в силе, то вопрос этот можно сформулировать и иначе: есть ли альтернатива прежнему наследию подчиненности духовной жизни общества (в том числе науки, культуры и образования) политическому и идеологическому диктату?

На наш взгляд, есть все основания для того, чтобы такую альтернативу предложить. Она, по нашему глубокому убеждению, состоит в смене парадигм, характеризующих взаимосвязь и взаимозависимость политико-идеологических духовно-нравственных структур и приоритетов в системе распределения социальных ценностей и доминант российского социума.

Прежняя парадигма взаимосвязи и соподчинения этих структур может быть представлена такой моделью, у которой в вершине в качестве цели выступают политика и идеология, а в качестве средств, обеспечивающих ее доминирующую и приоритетную роль, равно как и подчиненных первым, — духовно-нравственные ценности, представленные национальной культурой, национальным самосознанием и общественным настроением, наукой и гуманитарным образованием (см. рис. 1).

Политика и идеология Духовно-нравственные ценности (национальная культура, самосознание и настроение, наука и гуманитарное образование)
--

Рис. 1. Старая парадигма

Нам представляется назревшей и правомерной тенденцией, отвечающей социальному заказу и духу времени, необходимость смены старой парадигмы на новую, построенную по альтернативному принципу доминирования духовно-нравственных ценностей над идеологическими (см. рис. 2).

Старая парадигма		Новая парадигма	
политика и идеология	цель	духовно- нравственные ценности	цель
духовно- нравственные ценности	средство	политика и идеология	средство

Рис. 2. Смена парадигм

Идея такой перестановки акцентов и представлений о приоритетных и доминирующих ценностях в структуре традиционной модели социума, конечно, нуждается в дальнейшем анализе с точки зрения того, насколько она может быть воплощена в реальный алгоритм жизнедеятельности.

Н. Я. Петраков¹

ОПОРА НА ИНТЕЛЛИГЕНЦИЮ — ЗАЛОГ ВЫХОДА РОССИИ ИЗ КРИЗИСА²

Все знают, что Дмитрий Сергеевич Лихачев был человеком необычайно образованным и очень ценил образованность в людях. В некоторых своих заметках он прямо говорит о том, что образованность — это одна из черт интеллигенции. Но я бы все-таки считал, что образованность — как говорят математики, условие необходимое, но недостаточное для того, чтобы считать человека интеллигентным, а многознание еще не есть ум. Знания необходимы, чтобы создавать новые знания, новую информацию в обществе,

¹ Академик РАН, экономист, политолог, доктор экономических наук, профессор. Директор Института проблем рынка РАН (1990 — 2014). Автор более 300 научных публикаций (включая 20 монографий), в т. ч.: «Развитие процессов модернизации в России» (в соавт.), «Трансформация отношений собственности в России и модернизация подходов к инвестиционной политике» (в соавт.), «Развитие отношений собственности в России», «Модернизация и экономическая безопасность России» (в соавт.) и др. Награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» IV степени, Почета и «Знак Почета».

² Доклад представлен на Международные Лихачевские научные чтения «Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева» (2001 г.).

потому что общество — это саморазвивающаяся система (никакие самые лучшие швейцарские часы не обладают свойством саморазвития). А для развития общества и осуществления социального прогресса необходимо возникновение новой информации. Творцом новой информации является истинная интеллигенция; не тот передовой ее отряд, который пресмыкается перед всякой властью, а действительно творческая интеллигенция.

К сожалению, XX век был для России веком глумления над интеллигенцией. Дело в том, что, обобщив, национализировав «железки» — заводы, фабрики — и землю, большевики национализировали и интеллектуальную собственность — они отобрали плоды труда у интеллигентов. И что бы человек ни изобрел, что бы он ни сделал — все сразу становилось собственностью государства в лице того государственного научно-исследовательского института, в котором получал зарплату данный сотрудник. Примерно такая же ситуация сложилась и в культуре, и в других сферах творческой деятельности. В то время считалось, что гегемон общества — тот, кто стоит у станка. Он, оказывается, важнее того, кто изобрел этот станок, того, кто его совершенствовал. И такая система унижения творцов в конечном счете и привела к тому, что наша интеллигенция вступила в конфликт с коммунистической властью и коммунистическая власть пала. Кто говорил «крамольные» вещи на кухнях, правда, иногда положив подушку на телефон? Интеллигенты. Кем были диссиденты, которые подвергались гонениям в те годы? Почти все интеллигенты. Кто ходил на демонстрации 1989 — 1991 годов, призывая к демократическому развитию? Это практически поголовно интеллигенты. Кто приветствовал гласность, свободу выезда за границу, свободу слова? Все это интеллигенция.

Но после того как интеллигенты помогли новой власти прийти в кремлевские кресла, они оказались и этой власти совершенно не нужны. Началась в буквальном смысле слова экономическая война этой власти против интеллигенции — врачей, научных работников, работников культуры. И я думаю, что подобная политика наших властей самоубийственна, потому что важнейшей производительной силой современного общества является творческая интеллигенция.

Из той ямы, из той пропасти, в которую попала Россия, ее не выведут ни армия, ни банкиры, ни рабочие и крестьяне, ни люмпены, ни криминал. Вывести Россию из кризиса может только тот лидер или та группа, стоящая у власти, которая поймет, что нужно опираться на творческую интеллигенцию. И здесь нет никакого ее противопоставления с рабочим классом — с теми высококвалифицированными людьми, которые должны стоять у новых станков. Но, как говорил Ежи Ленц, «если водитель трамвая начнет искать новые пути, то трамвай сойдет с рельс». У каждого своя функция в обществе, и я думаю, что если все это поймут, то тем самым спасут нашу страну.

Н. А. Платэ¹

АКАДЕМИЯ НАУК И РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА²

Российская академия наук (РАН) ведет свою историю с 1724 года, когда Сенат одобрил петровский «Проект положения об учреждении Академии наук и художеств», «в которой бы языкам учились, также прочим наукам и знатым художествам и переводили книги»³. На протяжении более чем 280-летней истории РАН объединяла в своих рядах выдающихся исследователей, крупнейших специалистов по всем ведущим направлениям естественных, технических и гуманитарных наук. Без фундаментальных исследований, выходящих за пределы институтов РАН российскими учеными, находившимися на передовых рубежах научных знаний о мире, природе и технике, о человеке и обществе, сегодня невозможно представить ни прошлое отечественной и мировой науки, ни ее современное состояние и перспективы развития. В ряду выдающихся ученых — членов Академии почетное место занимает академик Д. С. Лихачев, который оставил нам богатое научное и духовное наследие. Важное место в его творчестве отведено размышлениям о природе культуры. Для него «культура — это огромное целостное явление, которое делает людей, населяющих определенное пространство, из простого населения — народом, нацией. В понятие культуры должны входить и всегда входили религия, наука, образование, нравственные и моральные нормы поведения людей в государстве»⁴.

Д. С. Лихачев отвергал бытующие трактовки науки как явления внешне по отношению к культуре. Он считал, что наука как система знаний, их производства, распространения и применения принадлежит культуре, что научное творчество, открытие нового, ранее неизвестного, и есть творчество культуры.

Интересно, что подобных взглядов придерживался и академик В. И. Вернадский, который считал, что в культуру нации входят «общественные организации народа, уклад его жизни, его творчество в области литературы, музыки, искусства, философии, религии, техники, политической жизни. Наряду с ними в культуру народа входит и его творчество в научной области». Таким образом, научное творчество является лишь одним из элементов культуры, но истории известно немало примеров существования стран с богатой в целом культурой, но с низким уровнем развития сознательного научного творчества. «Область культуры много шире области научной творческой

¹ Вице-президент (2001 – 2007) и академик РАН, доктор химических наук, профессор. Директор Института нефтехимического синтеза им. А. В. Топчиева РАН (1985 – 2007). Автор более 600 научных публикаций, включая 8 монографий и учебных пособий, в т. ч.: «Макромолекулярные реакции» (в соавт.), «Гребнеобразные полимеры и жидкие кристаллы» (в соавт.), «Физиологически активные полимеры», «Основы химии и технологии мономеров» (в соавт.), «Альтернативные источники органического топлива» и др. Получил 150 патентов, зарегистрированных как в России, так и за рубежом. Награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» II, III и IV степени, Дружбы народов, «Знак Почета», Командорским крестом ордена Заслуг (Польша), орденом Почетного легиона (Франция). Лауреат Государственной премии СССР, Государственной премии РФ в области науки и техники. Почетный доктор СПбГУП.

² Доклад представлен на V Международные Лихачевские научные чтения (2005 г.).

³ Летопись Российской академии наук. СПб., 2000. Т. 1: 1724 – 1802. С. 31.

⁴ Лихачев Д. С. Культура как целостная система // Новый мир. 1994. № 8. С. 3 – 8.

работы», — делает вывод В. И. Вернадский в «Очерках по истории естествознания в России в XVIII столетии»¹.

Вопрос о месте и значении науки в истории цивилизации занимал умы не только философов и историков, но и ученых в области естественных наук. Так, академик Карл Бэр (его имя вошло в историю мировой науки) в декабре 1835 года выступил на собрании Академии с докладом «Взгляд на развитие науки», значительная часть которого была посвящена роли науки в истории человечества. Рассматривая ее как «проекцию» всей культуры, Бэр сделал неожиданный для того времени вывод, что возникновение и существование науки не связано напрямую с той пользой, которую она может сразу и ощутимо принести человечеству. Нет науки у народов, живущих в суровых условиях и едва поддерживающих свое существование, хотя для них польза наук была бы всего очевиднее: «Наука столь же мало есть плод нужды, сколько и любостязания».

Наука обнаруживается там, где есть искусство, зодчество, политическая и общественная жизнь, — словом, стремление к возвышенному. Очень современно, на наш взгляд, гармонируя с темой этой конференции, звучит вывод К. Бэра: «Наука... не знает пределов совершенства и беспрестанно стремится вперед; переходя от одного народа к другому, становится общим достоянием. Она связывает между собой тесными узами все образованные народы и некогда, может быть, соединит их в один общий государственный союз»².

Различные компоненты культуры в жизни народов развиваются чаще всего неравномерно. По сравнению с другими сторонами культурной жизни народа сознательное научное творчество может появиться как элемент культуры значительно позже, спустя известный промежуток времени, уже после того, как возникли другие элементы культуры. Как считал В. И. Вернадский, «Московская Русь до Петра, конечно, не была некультурной страной — мы видим в ней своеобразную, пожалуй, богатую культурную жизнь, сложившуюся веками, но научная творческая работа не входила в ее состав, и русское общество впервые вошло в мировую научную работу с реформой Петра»³.

Создание Академии наук было важным элементом, выражаясь современным языком, глобального проекта вхождения России в культурное пространство Европы. Первое поколение российских академиков, а все они были, как известно, европейскими учеными, позволило Академии наук органично войти в международное научное сообщество с первых лет ее работы. Петр I хорошо понимал, что без науки немислимо духовное и экономическое развитие страны. Он считал, что наука нужна для того, чтобы граждане его страны могли больше знать, дальше и шире видеть, более полно ощущать и впитывать богатства мировой культуры, чтобы общество чувствовало себя уверенным в своих силах, а люди гордились своей страной.

Создание Академии наук является началом формирования в России *научной культуры*, не только направленной на организацию научной деятельности, но и оказывающей большое влияние на все стороны интеллектуаль-

¹ См.: <http://www.trypillya.kiev.ua/vernadskiy/estest.htm>

² Бэр К. М. Взгляд на развитие наук // Избранные произведения русских естествоиспытателей первой половины XIX в. М., 1959.

³ См.: <http://www.trypillya.kiev.ua/vernadskiy/estest.htm>

ной жизни общества. Деятельность ученых способствовала его духовному и цивилизованному развитию; фундаментальные научные знания стали основой всей системы образования; возросло влияние науки на формирование общественного сознания и мировоззрения, основанного на понимании научной картины мира. Фундаментальные научные открытия послужили источником таких изобретений, которые либо непосредственно повлияли на ту или иную область культуры, либо вызвали переворот во всей системе культуры.

В истории мировой культуры трудно найти другой пример такого быстрого и эффективного, по выражению С. И. Вавилова, «выращивания науки», как это было в России после основания Петербургской академии наук. Этот научный центр не только организовал изучение естественных богатств страны, но и объединил в себе одновременно научные и учебные функции, оказал мощное воздействие на всю русскую культуру.

Петербургская академия наук с самого начала стала центром научно-исследовательской, профессиональной, то есть оплачиваемой, работы ученых. При ней были организованы физический кабинет, астрономическая обсерватория, анатомический театр и ряд мастерских: граверная, механическая, оптическая, а также обширная библиотека.

Огромную роль сыграла Академия наук в издании книг, газет, журналов, служивших делу распространения просвещения в России. Здесь следует оговориться, что книги издавались на Руси и в допетровское время, но, как заметил академик А. М. Панченко, «древнерусский человек состоял с книгой в особых отношениях. Книга — не вещь, это своего рода неотчуждаемое имущество (конечно, в идеале, потому что в житейской практике книги продавались и покупались). Не столько человек владел книгой, сколько книга владеет человеком, "врачуется" его... Книга подобна иконе: это духовный авторитет и духовный руководитель»¹. Таким образом, на традиционной грамотности русского человека нельзя было развивать европейское просвещение.

Создатели Академии понимали, что без издательской деятельности она не сможет выполнять возложенные на нее функции. Поэтому уже через два года после ее учреждения была открыта лучшая по тем временам типография, а через год (в 1728-м) в свет вышло первое научное издание.

В том же году была выпущена первая газета на русском языке «Санкт-петербургские ведомости».

Академическая типография выпускала научную литературу, а также учебники, словари, карты и атласы, уставы и художественные произведения. Кроме того, Академии был поручен выпуск всей светской литературы. В первые годы это было составление большого числа календарей или месяцевловов разнообразного содержания и их выпуск значительными для того времени тиражами. В них публиковались исторические, географические, дорожные, экономические и другие статьи, посвященные вопросам мореплавания, географии, астрономии, физики, метеорологии, химии, медицины, истории, причем написанные доступным наибольшему числу читателей языком. Эти издания вызвали живой интерес читателей и быстро расходились. В 1750 году в академической типографии было напечатано 10 020 календарей, из них 7610 — на русском языке².

¹ Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984. С. 167.

² См.: Лазаревич Э. А. С веком наравне. М., 1984. С. 23.

В Академии издавалось несколько научно-популярных журналов, рассчитанных на широкий круг читателей. Для распространения научных знаний стали выпускать «Примечания на "Ведомости"» (месячные исторические, генеалогические и географические примечания в «Ведомостях»), которые начали выходить в 1728 году на русском языке в виде приложений к первой русской газете «Санктпетербургские ведомости». Всего за неполных 14 лет (1728 – 1736, 1738 – 1742) было выпущено более 1240 частей. Основную часть объема журнала занимали статьи по естественным наукам, написанные сотрудниками Академии, в том числе Л. Эйлером, Ф. Х. Майером, Г. Ф. Миллером, Я. Я. Штелиным, И. Г. Гмелиным, Г. В. Рихманом и др. Инициатором издания и первым редактором «Примечаний» был академик Г. Ф. Миллер.

Большим разнообразием содержания отличался выходивший в 1786 – 1796 годах научно-популярный и литературный журнал «Новые ежемесячные сочинения». В его первом номере были определены задачи журнала: «Во всех почти государствах, где о расположении человеческих знаний прилежно пекутся, сделалось действительно непрременным обыкновением, чтоб помесечно издавать такие сочинения, которые бы для всякого рода читателей были понятны и привлекали бы к себе их то пользой своего содержания, то остротой мыслей или отменным их изображением».

Наряду с этим продолжалось издание научных трудов и монографий. Впервые было издано полное собрание сочинений М. В. Ломоносова в 6 томах (1784 – 1787). В 1768 году при Академии было организовано «Собрание старающихся о переводе иностранных книг на российский язык», усилиями членов которого за период с 1768 по 1783 год было переведено 112 сочинений в 173 томах¹. Переводы осуществлялись с древнегреческого, латинского, французского, немецкого, английского, итальянского и китайского языков. Из 110 переводчиков, принимавших участие в этой работе, многие были членами или сотрудниками Академии.

Весьма крупной по масштабу того времени явилась работа по переводу и изданию большого 10-томного труда с 480 гравюрами под названием «Зрелище природы и художеств» (1784 – 1790). Это издание явилось первой популярной энциклопедией по естествознанию и технике, изданной в России для юношества. Успех книги был значительным, и она разошлась довольно быстро.

Во второй половине XVIII века была создана книга, которая явилась вершиной научно-популярной литературы. Речь идет о знаменитых «Письмах к немецкой принцессе» Л. Эйлера. Написанные по-французски, они вышли в свет в 1768 – 1772 годах. Почти одновременно с оригиналом в Петербурге выходит перевод писем, сделанный одним из учеников Л. Эйлера, академиком С. Я. Румовским. Публикация этого трехтомного труда Эйлера (полное название: «Письма о разных физических и философских материях, писанные к некоторой немецкой принцессе») стала знаменательным событием в истории науки и просвещения. Это была уникальная энциклопедия физических и философских знаний, изложенных популярно и потому доступных самому широкому кругу читателей. Успех книги был удивительным, и ин-

¹ См.: Семенников В. П. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II. СПб., 1913.

терес к ней не угасал ни во времена Эйлера, ни после. В течение XVIII века «Письма» переиздавались в России четырежды (1768 – 1774; 1785; 1790 – 1791; 1796) и были переведены на многие языки, в том числе на английский, немецкий, итальянский, испанский, голландский и шведский; выдержали только в свое время более 30 изданий. В 2002 году после более чем 200-летнего перерыва «Письма» были вновь выпущены на русском языке и вызвали большой интерес у современного читателя.

Издательские традиции были сохранены и приумножены в течение всей истории Академии. Эта деятельность внесла существенный вклад в развитие культуры России. Подсчитано, что за 275 лет Академией было издано более 160 тыс. книг и журналов общим объемом свыше 2,4 млн учетно-издательских листов и суммарным тиражом почти 2,5 млрд экземпляров. Активная издательская деятельность продолжается и в наши дни. Несмотря на известные финансовые проблемы, в 2004 году в Академии наук издано около 9 тыс. книг общим объемом 121 тыс. учетно-издательских листов, 175 научных и 5 научно-популярных журналов¹.

Большое внимание Академия уделяла развитию русского языка и русской литературы — как отмечала директор Академии Екатерина Дашкова, «дабы российское слово вычищалось и процветало». По ее инициативе в 1783 году была создана Российская академия наук, которую она и возглавила. Академия всего за шесть лет подготовила и издала многотомный словарь русского языка. «Карамзин справедливо удивляется такому подвигу, — писал Пушкин. — Полный словарь, изданный Академией, принадлежит к числу тех феноменов, коими Россия удивляет внимательных иноземцев: наша, без сомнения, счастливая судьба во всех отношениях есть какая-то необыкновенная скорость: мы зреем не веками, а десятилетиями»².

Большим событием в истории мировой лексикографии и этнографии стал Толковый словарь живого великорусского языка члена-корреспондента В. И. Даля (1863 – 1866), который, как чуткий ценитель и заботливый собиратель русской речи в самых многообразных формах ее проявления, создал литературный памятник народному речевому творчеству.

Наряду с крупными лингвистами членами Академии становились известные писатели — С. Т. Аксаков, П. А. Вяземский, И. А. Гончаров, Ф. М. Достоевский, В. А. Жуковский, И. А. Крылов, А. Н. Майков, В. И. Панаев, П. А. Плетнев, А. Н. Островский, А. К. Толстой, И. С. Тургенев, Ф. И. Тютчев, А. А. Фет, А. С. Хомяков и другие, без произведений которых трудно представить историю отечественной литературы. В 1899 году был учрежден Разряд изящной словесности, почетными академиками которого уже во время первых выборов стали «властители дум» России — Л. Н. Толстой, А. Ф. Кони, А. М. Жемчужников, В. Г. Короленко, А. П. Чехов, А. М. Горький, И. А. Бунин, В. С. Соловьев, В. В. Стасов и др. Деятели культуры высоко ценили такое избрание, рассматривая его как акт общенародного признания.

В 1905 году Академия наук организовала Пушкинский Дом, который стал признанным мировым литературоведческим научным центром.

С первых лет своего существования и до наших дней Академия ведет огромную по масштабам и важную по значению работу по изучению, сохранению и приумножению культурного богатства страны.

¹ Отчет о деятельности Российской академии наук в 2004 году. Важнейшие итоги. М., 2005. С. 4.

² Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. М., 1978. Т. VII. С. 251.

Материалы, собранные в ходе многочисленных комплексных экспедиций, пополняли собрания научных кабинетов, лабораторий, музеев, библиотек, служили делу развития науки и образования. Многие отечественные музеи, особенно в период их организации и становления, возглавили видные ученые — члены Петербургской академии.

Первым русским естественно-научным музеем стала Кунсткамера, которой руководил академик, математик, автор первого русского учебника по механике С. К. Котельников, а после его смерти — академик Н. Я. Озерецковский. С ростом коллекций Кунсткамеры к работе с ними привлекаются авторитетные знатоки разных областей знаний. В 1804 году руководство Минералогическим кабинетом (музеем) поручается академику В. М. Севергину. В 1912 году этот музей становится Геологическим и минералогическим музеем Петра Великого, центром многообразной научной работы, которой руководил академик В. И. Вернадский.

В 1818 году из коллекций Кунсткамеры был выделен Восточный кабинет — собрание всевозможных материалов, привезенных из экспедиций на Восток (рукописей, книг и т. п.). Кабинет вскоре стал известен под названием Азиатского музея, постоянно пополнявшего свои фонды путем дарения и закупок. Со дня основания до 1842 года им руководил известный востоковед академик Х. Д. Френ. На этом посту его сменил академик Б. А. Дорн.

В 1930 году на базе Музея и других родственных учреждений был создан Институт востоковедения АН СССР. Им руководили и в нем работали крупнейшие ученые — члены Академии С. Ф. Ольденбург, В. В. Бартольд, И. Ю. Крачковский и др.

Кунсткамера также дала начало Зоологическому музею, ставшему в 1882 году самостоятельным учреждением Академии. Организатором и его первым директором стал академик Ф. Ф. Брандт, известный своими трудами по систематике, анатомии и палеонтологии млекопитающих. В 1931 году на базе Музея был создан Зоологический институт АН СССР.

В Академии работают 56 музеев, среди которых 28 музеев естественно-научного профиля, 11 — гуманитарного и 17 — мемориальных, посвященных выдающимся российским ученым. При этом нужно учесть, что некоторые ценные коллекции и экспонаты, собранные учеными в разное время, были переданы в другие музеи.

Мировую известность приобрела Библиотека Академии наук (БАН), которая была создана Петром I в основном за счет его личной библиотеки. Ко времени создания Академии наук, в чье ведение она была передана, Библиотека имела уже солидные по тем временам книжные фонды (4,5 тыс. экземпляров).

В 2002 году РАН насчитывала 342 библиотеки, в которых работало более 2,5 тыс. сотрудников. Общий библиотечный фонд, собранный в этих библиотеках, превысил 60 млн изданий.

Наиболее крупными академическими библиотеками являются:

— Библиотека Академии наук в Санкт-Петербурге с фондом свыше 11 млн экз.;

— Фундаментальная библиотека по общественным наукам (ИНИОН) в Москве с фондом 10,9 млн экз.;

- Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения РАН в Новосибирске с фондом 9,9 млн экз.;
- Библиотека по естественным наукам в Москве с фондом 1,2 млн экз.;
- Центральная научная библиотека Уральского отделения РАН в Екатеринбурге с фондом 0,86 млн экз.;
- Центральная научная библиотека Дальневосточного отделения РАН во Владивостоке с фондом 0,83 млн экз.

Дату создания Академии наук можно считать и началом российского светского высшего образования. Тогда в Санкт-Петербурге впервые в мировой практике была выдвинута и реализована идея единого учреждения, под общим руководством, с общим штатом и бюджетом Академии наук как исследовательского учреждения, университета и гимназии — образовательных учреждений. Так была основана традиция взаимодействия науки и высшей школы в России.

В ходе празднования 275-летнего юбилея РАН освещению этого взаимодействия был посвящен специальный доклад¹. В нем и в других публикациях на эту тему подчеркивалось, что Академия на протяжении всей своей истории вносила и вносит сегодня свой вклад в развитие школьного и высшего образования, подготовку научных кадров. Это и инициатива М. В. Ломоносова совместно с И. И. Шуваловым по созданию в Москве первого университета, первым куратором которого, правда короткое время, был первый Президент Академии наук Л. Я. Блюментрост. Здесь уместно вспомнить и инициативы академиков по созданию в Новосибирске Академгородка и университета, Московского физико-технического института, Санкт-Петербургского физико-технического научно-образовательного центра РАН и ряда других учебных и научно-образовательных организаций.

Мы находимся на пороге новых, кардинальных преобразований в сфере образования. И здесь важно не потерять то ценное, что было создано за многие годы и столетия.

Академик Д. С. Лихачев считал, что *культура — это святыня народа, святыня нации*. Сюда входят тысячелетние культурные ценности, включающие ценности всего человечества, а не только народов России. Эти ценности также «вошли в ткань отечественной культуры, стали составной частью ее развития... Они не могут быть растеряны, проданы, поруганы, забыты, разбазарены... Культурными ценностями не может распоряжаться не только правительство, парламент, но и вообще ныне живущее поколение, ибо культурные ценности не принадлежат одному поколению, они принадлежат и поколениям будущим»².

Завершая этот далеко не полный обзор, можно сделать вывод, что ученые Академии наук внесли неоценимый вклад в развитие русской культуры. Нынешнее поколение ученых Академии продолжает и, я уверен, будет в дальнейшем продолжать эти славные и благородные традиции.

¹ Платэ Н. А. Академия наук и развитие образования в России. Российская академия наук. 1724 — 1999 : материалы юбилейных торжеств. М., 1999. С. 137 — 168.

² Лихачев Д. С. Указ. соч.

Е. М. Примаков¹

РОССИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ²

Мне хотелось бы поделиться некоторыми идеями, мыслями в связи с разворачивающимся кризисом, а также сказать, что я думаю о том, в какой мир вступила Россия и что нам следует делать сейчас в этом мире.

Сначала о кризисе. Если кто-то говорит, что он предсказывал, что кризис будет именно таким и что кризис охватит быстро весь мир, — не верьте ему. Никто не ожидал этого. Сейчас задним числом очень многие храбрятцы или саморекламщики, как хотите, начинают говорить о том, что они уже знали несколько лет или год назад, что мы вступим в такую полосу, — нет, не было этого. Этот кризис системный. Но не верьте и тем, кто говорит, что этот кризис свидетельствует о полном крахе капитализма и крахе доллара. Действительно, это кризис той модели капитализма, которая существовала и развивалась в Соединенных Штатах. По Марксу, триединая формула, характерная для капитализма: деньги — товар — деньги. В Соединенных Штатах эта формула переросла в другую: деньги — деньги — деньги. Не материальное производство, развитие которого раньше обогащало капиталиста, а деньги — деньги — деньги. И это, в общем-то, создало совершенно новый фон развития рыночных отношений, который предопределил безграничную свободу займа, свободу операций денежными средствами, спекулятивные операции денежными средствами без контроля государства. Все то, чем и занимались банки. Это привело к образованию и вздутию финансовых пузырей, которые лопнули, и образовалась раковая опухоль, метастазами проронившая из США в другие страны.

Не осталась в стороне и Россия. У нас некоторые говорили, что мы останемся островом стабильности в бушующем кризисном море, — не получилось. Кризисное море захлестнуло и нас. Произошло это потому, что Россия углубилась в процессы, которые определяют развитие мировой экономики. Но не только это. Обратите внимание, что в документе, направленном премьер-министром Владимиром Владимировичем Путиным в Государственную Думу по поводу антикризисной программы, говорится, что кризис в России имеет свои специфические характеристики. Они связаны с тем, как развивалась у нас обстановка в докризисный период, когда образовался ряд дисбалансов, и об этом надо сказать в открытую. Один из дисбалансов заключался в том, что 40 % валового внутреннего продукта у нас создается за счет экспорта сырья. Сейчас некоторые говорят: «Положение в Китае лучше, чем у нас. Они сейчас много делают для более быстрого выхода из кри-

¹ Академик РАН, президент Торгово-промышленной палаты РФ (2001 — 2011), доктор экономических наук, профессор. Занимал посты директора Службы внешней разведки РФ (1991 — 1996), министра иностранных дел РФ (1996 — 1998), председателя Правительства РФ (1998 — 1999). Автор научных трудов: «Страны Аравии и колониализм», «Ближний Восток: пять путей к миру», «Восток после краха колониальной системы», «Очерки истории российской внешней разведки», «Война, которой могло не быть», «Мир после 11 сентября и вторжения в Ирак», «Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами», «Мир без России? К чему ведет политическая близорукость» и др. Лауреат Государственной премии СССР, премий им. Насера, им. Авиценны, им. Джорджа Кенана и др.

² Доклад представлен на IX Международные Лихачевские научные чтения (2009 г.).

зиса». Действительно, это так. Но китайский опыт нам не удастся повторить. Почему? Потому что хотя китайский валовый внутренний продукт, так же как у нас, в значительной части создан за счет экспорта, однако не сырья, а готовой продукции. А у нас экспортируется сырье. В условиях резкого сокращения экспорта в Китае решили направить нереализованную его часть на внутренний рынок, поднять платежеспособность населения, стимулировать инвестиции — и таким образом выйти из кризисной ситуации. Мы такой маневр совершить не можем, потому что у нас не изменена структура экономики. Она осталась сырьевой. Мы не можем сейчас развернуть сырьевой поток, который не находит потребителя за рубежом, на внутренний рынок. А если поднять одновременно платежеспособный спрос населения, то тем самым импорт только увеличится. Так что у нас маневренные возможности далеко не такие, как у Китая, — это нужно просто понять. И это — результат той диспропорции, которая образовалась в докризисный период.

И еще одна диспропорция: в России задолго до кризиса создалось положение, при котором главный источник финансирования развития нашей экономики был зарубежным. Более дешевые кредиты получали за рубежом. Я помню заседание Совета по конкуренции, который существует при председателе Правительства. Тогда председателем Правительства был Зубков. И, в общем-то, шел разговор такого порядка. Мы 90 млрд долларов выплатили в качестве покрытия тех зарубежных кредитов и займов, которые получили Советский Союз и Россия. Это было сделано достаточно легко за счет накопленных средств от высоких цен на нефть и на газ. Хорошо, очень хорошо, что нам удалось это сделать. Но одновременно до 500 млрд поднялась корпоративная задолженность перед зарубежными кредитными организациями. Наши компании, наши банки были вынуждены кредитоваться за рубежом. Объективно так получилось. Я не считаю, что это во всем было правильно, потому что многие из полученных средств были вложены в небольшие пакеты акционерного капитала различных компаний и не вернулись в Россию. Но я сейчас этот вопрос не рассматриваю. Я просто хочу сказать о том, что в условиях, когда полученные средства за счет высоких цен на нефть и газ не были вложены в нашу кредитно-банковскую систему, чтобы поднять ее капитализацию, наши банки и компании были вынуждены брать кредиты за рубежом. Вне зависимости от причин и мотивов, по которым они брали, появился огромный новый долг. Причем этот долг равносителен государственному долгу. Почему? Потому что, во-первых, кредиты и займы за рубежом брали в основном государственные компании, а во-вторых, брали под государственные гарантии. И вот этот долг сейчас висит на нас. Так мы вступили в кризис. Это очень серьезная часть нашей кризисной ситуации, которая должна быть учтена руководством. Нужно сделать все для того, чтобы компании-заемщики сами расплачивались. Государство не может за них расплачиваться полностью. Ничего страшного, если за долги изымут часть их активов, я, естественно, не имею в виду стратегические компании.

Несколько слов об антикризисных мерах правительства. Я считаю, что Владимир Владимирович Путин поступил правильно, когда первым делом поддержал кредитно-банковскую систему. Потому что средства в кредитно-банковскую систему необходимо было отчислить, чтобы она не «зашаталась». Если бы кредитно-банковская система «зашаталась», это бы обвали-

ло всю экономику, и не только экономику. Население держит свои средства в банках. Представляете, если бы повторилась ситуация десятилетней давности, при которой были заморожены банковские вклады населения? Этого, конечно, нельзя было допустить. Поэтому финансовые средства были направлены в банки для того, чтобы их укрепить. Но при этом еще другая функция должна была быть у этих средств, которые пошли в банки, средств из бюджета, средств из Резервного фонда. Вторая функция заключалась в том, что банки должны были часть этих средств переадресовать реальному сектору экономики в виде кредитов. Банки этого не сделали. Начались скупка валюты, переводы за рубеж. Причем просто осудить за это банки невозможно. Они пытались увеличить ликвидность, свою капитализацию, пытались сделаться прочнее для того, чтобы пережить кризис. Но в то же время мы сейчас, через несколько месяцев, начинаем делать то, что должны были, как мне кажется, сделать с самого начала. Дело в том, что когда банки оперируют средствами, спущенными им из бюджета, они теряют характер коммерческой организации и становятся агентами правительства, бюджета, государства — как хотите. Им даются средства под определенный процент. В данном случае под 8 %. Далее можно было бы продиктовать им: несколько процентов оставить в виде собственной прибыли, а все остальное под такой-то процент дать реальному сектору экономики. К этому сейчас пришли. В настоящий момент это может облегчить положение, которое сложилось в реальном секторе экономики. В то же время большое значение имеет открытие, как выразился Владимир Владимирович Путин, «второго фронта» непосредственно в реальном секторе экономики — это и госзакупки, и налоговые льготы, и государственное кредитование, и т. д.

Если говорить о формуле выхода из кризиса, какой она должна быть? Мне кажется, что это совокупность трех задач, которые следует решить. Хочу подчеркнуть, что они взаимосвязаны. Первая задача заключается в том, чтобы минимизировать те потери, которые неизбежны в кризисных условиях для экономики и социальной жизни страны. Для этого многое делается. Вторая задача заключается в необходимости определить точки роста, создать их иерархию и найти оптимальный путь к подъему экономики. И наконец, третья задача, вытекающая из той правительственной программы, которая представлена в Государственную Думу — создание новой модели экономики России. Она не должна повторять ту модель, что существовала раньше, до кризиса. Новую модель нужно создавать уже сегодня, и базироваться она должна на инновационном развитии России. Здесь есть о чем подумать. У нас только 10 % предприятий занимаются инновациями. На рынке наукоемкой продукции России принадлежит меньше 1 %, в то время как около 7 % — Китаю, 37 % — США. Нам есть над чем подумать. Многие из вас знают, наверное, имя Н. Д. Кондратьева. Это выдающийся экономист (он, к сожалению, повторил судьбу многих — в 1938 году скончался в тюрьме). Кондратьев — автор теории длинных волн. Он говорил, что при рыночном хозяйстве в течение 40 — 50 лет сначала наблюдается волна восходящая, потом волна убывающая, потом снова восходящая. Причем при новой восходящей волне происходит выход на новый технико-технологический уровень. Эту систему многие понимают. И мы должны это понять, преломить это в нашем сознании. В Соединенных Штатах, например, в 2009 году на 3,2 % увели-

чили финансирование науки, а у нас оно, к сожалению, сокращается. Хотя выделяется из бюджета чуть больше, чем в прошлом году, но если сопоставить с инфляцией, получается сокращение. Конечно, сейчас нужно больше думать об инновациях, развитии науки.

Кризис еще раз подчеркнул, что нет однополярного мироустройства. Потому что не может руководство всем миром осуществляться из одного центра. Вопрос об однополярном мироустройстве стоял теоретически. Не стоит думать, что я сравниваю фашистскую Германию с Советским Союзом, я далек от этого. Но однополярное мироустройство могло быть по Гитлеру, когда он хотел завоевать весь мир, и по Советскому Союзу — когда идеологически мы хотели объединить весь мир. После окончания холодной войны, после того как перестал существовать Советский Союз, Соединенные Штаты решили, что, оставаясь самыми сильными в экономическом, военном отношении, по политическому влиянию, они образуют однополярное мироустройство, и стали действовать так, как будто действительно мир однополярен. Объективные процессы показывают, что этот вывод не имеет ничего общего с действительностью. Китай развивается в шесть раз быстрее, чем Соединенные Штаты, Объединенная Европа — в полтора раза быстрее, чем США. Индия очень быстро развивается. Многополярность растет на глазах. Я думаю, что самая главная, если хотите, беда американского руководства состояла в том, что они посчитали — раз США самые сильные на данном этапе в мире, то это является показателем однополярного мироустройства. И они не только теоретически поставили знак равенства, но и стали действовать на практике через доктрину так называемого унилатерализма.

В чем заключается эта доктрина? США сами, без всякого решения Совета Безопасности ООН, даже без своих союзников, решают, куда им двинуть свою военную машину, где провести военную операцию, какой режим свергнуть. Именно так поступили Соединенные Штаты в Ираке. В результате Ирак оказался плацдармом, который показал, насколько доктрина унилатерализма противоречит прогрессу человечества. При всей справедливости критики Саддама Хусейна Ирак при нем был светским государством. Сейчас все политические партии Ирака, представленные в парламенте, религиозные. В Ираке не было столкновения между суннитами и шиитами на религиозной почве (это две ветви в исламе). А после американской оккупации между ними началась настоящая война. В Ираке не было присутствия «Аль-Каиды» — главной международной террористической организации, а после американской оккупации она перебазировалась в Ирак. Соединенные Штаты кое-как решили вопрос с «Аль-Каидой», предоставив оружие и денежные средства племенам в «суннитском треугольнике», но она не прекратила своего существования в Ираке. Наконец, что очень важно, операция Соединенных Штатов в Ираке объективно нарушила баланс, который существовал на Ближнем Востоке. Исчез контрбаланс для Ирана. И Иран стал крупным региональным государством. Сейчас без Ирана нельзя решить настоящего ни одной проблемы на Ближнем Востоке.

Это еще не полный анализ. К нему можно добавить и отношения между курдами и арабами. Я недавно посетил Курдистан. В молодости я был корреспондентом «Правды» на Ближнем Востоке и пять лет находился в Егип-

те и Ливане. В те годы, работая в «Правде», я многократно бывал на севере Ирака, выполняя специальные задания. Мы пытались и сделали кое-что для того, чтобы примирить Багдад с курдами. Тогда у меня сложились очень хорошие отношения с руководителем Курдского освободительного движения Мулой Мустафой Барзани. До этого, после окончания Второй мировой войны, Барзани в течение 12 лет находился в Советском Союзе и немного говорил по-русски. Я впервые попал к нему в сопровождении двух иракских офицеров в 1966 году. Несмотря на неутраченные военные действия, курды пропустили меня к себе в горы. Один из офицеров прекрасно говорил по-русски. Он это скрывал, но когда сопровождавший меня советский переводчик рассказал мне по-русски какой-то анекдот, он залился смехом, таким образом разоблачив себя. Я передал Барзани, что один из иракских офицеров знает русский язык, а второй офицер — родной брат министра обороны. И Барзани, будучи очень хитрым, в присутствии этих двоих людей говорит мне по-русски, что в Багдаде все министры (за исключением министра обороны) — «жуликаны» и «воровщики».

И вот, когда я был в Курдистане, естественно, встретился с сыном Барзани (ныне — президентом Курдского автономного района). Во время моего пребывания на севере Ирака, когда еще был жив его отец, я познакомился с Масудом, которому тогда было 17 лет и он руководил радиостанцией. Во время откровенного разговора Масуд Барзани сказал мне, что, хотя и существует тенденция сепаратизма, курды не собираются отделяться от Ирака, не хотят. Почему? Масуд объяснил это так же, как в свое время его отец: если мы уйдем из Ирака, то против нас объединятся и Иран, и Турция, и Сирия, и Ирак. В этих условиях курды хотят сохранить свою автономию внутри Ирака, но влиять на его политику через Багдад. Однако в скором времени будут определяться границы Курдской автономии. Курды претендуют на район Киркука. В этих условиях уже начинаются столкновения между ними и багдадским правительством.

Я хочу сказать, что Соединенные Штаты уходят из Ирака, не умиротворив Ирак, а, наоборот, погрузив его в хаос, в долгие, долговременно развивающиеся противоречия, которые дадут о себе знать еще через много лет...

Другой пример — Афганистан. Может быть, вы читали, что из числа бывших государственных деятелей создана российско-американская «Группа мудрецов», в составе которой со стороны Соединенных Штатов — бывшие государственные секретари Киссинджер и Шульц, бывший министр обороны и министр финансов, а также Сэм Нанн — известный сенатор. Мне было поручено возглавлять группу с нашей стороны. Во время обсуждения я задал моим американским коллегам вопрос: какие цели США преследуют сейчас в Афганистане, какие задачи хотят там решить? Задачу ликвидации терроризма? Тогда объясните, почему нет крупных воинских операций в зоне племен, где расположен штаб «Аль-Каиды». Борьбу с наркотрафиком? Тогда почему именно после того, как американские и натовские войска вошли в Афганистан, в два раза увеличилось посевы мака и намного увеличилось производство героина? Так получилось, потому что американцы не ведут с этим борьбу, боясь настроить против себя крестьянство. А крестьянство этим живет... И я сказал: «Может быть, вы сейчас увеличиваете состав сво-

их вооруженных сил для того, чтобы потом уйти, сохранив лицо?» Мои собеседники, у нас был дружественный обмен мнениями, улыбнулись. Но так или иначе, в Афганистане ситуация непонятная.

Иран — огромная проблема, Пакистан — огромная проблема. В Пакистане президент Мушарраф (это был диктатор) держал под контролем ситуацию. А сейчас в Пакистане, стране с ядерным оружием, всем правит военная разведка, которая в свое время создала афганских талибов. Исламская оппозиция устраивает демонстрации, протесты. Это очень опасная ситуация. Ядерное оружие может попасть в руки террористических групп.

Перед всем миром сейчас стоит очень много проблем, не только выше-названные. Поэтому я хочу подчеркнуть, что когда новый президент Соединенных Штатов Барак Обама посылает какие-то позитивные сигналы, нужно к этому относиться серьезно. Для меня, например, критерием является то, что Обама к себе в окружение не взял неоконсерваторов, которые породили доктрину унилатерализма, — тех людей, которые стояли во главе идеологии прежней администрации. Риторика должна быть погашена, мне кажется, с двух сторон. Не должно быть провокаций. Когда, например, у нас по телевидению говорят, что Обама принадлежит к ложе масонов, я считаю, что это наносит вред. Если даже это правда, не то время, когда нужно заражать такими эмоциями общество.

Если говорить о тех проблемах, которые мы могли бы решить совместно с США, я расскажу только о ситуации на Ближнем Востоке. Ближневосточное урегулирование — эта проблема всех очень волнует. Почему? Ближний Восток — инкубатор терроризма. Если будет урегулирован арабо-израильский конфликт, это во многом ослабит международный терроризм и ту тенденцию, которая подталкивает к противопоставлению двух цивилизаций — исламской и западной. Если произойдет ближневосточное урегулирование, будет во многом обеспечена стабильность на Ближнем Востоке, включая Иран. У Буша-младшего был разговор с президентом Путиным по поводу того, что США в Аннаполисе хотят провести встречу и таким образом начать движение в сторону мирного урегулирования на Ближнем Востоке. И меня направили на Ближний Восток с конкретным заданием — помочь, чтобы встреча в Аннаполисе состоялась. Мы помогали американцам сознательно, потому что стремились к урегулированию на Ближнем Востоке. Причем, я думаю, Россия сыграла здесь не последнюю роль. Я, конечно, не был главным участником этого дела. Главными были президент Путин, министр иностранных дел Лавров и его заместитель Салтанов. Но я был направлен на Ближний Восток, где встречался и с руководством Израиля — Ольмертом, министром обороны Бараком, и с Махмудом Аббасом, руководителем палестинцев, и с египетским президентом Мубаракком, и с сирийским президентом Асадом, и с руководителем Лиги арабских стран Мусой. По предложению американцев следующая после Аннаполиса встреча должна была состояться в Москве. Это способствовало бы непрерывности процесса урегулирования, а такая непрерывность необходима. В конце концов многие поехали в Аннаполис, все прошло нормально. Но московской встречи не было. Нам Соединенные Штаты говорили, что Израиль не хочет, израильтяне — что США не хотят. Так или иначе, но эта

встреча в Москве до сих пор так и не состоялась. В результате и наработки в Аннаполисе повисли в воздухе...

Я хочу сказать, что если президент Обама будет действовать вместе с Россией и Европой, можно добиться определенных результатов. Однако сейчас возникло очередное препятствие — новое правительство Израиля. Кстати говоря, министр иностранных дел этого правительства, который, в общем-то, и тормозит решение вопроса, — выходец из Молдавии Либерман, прекрасно говорящий по-русски. Недавно Либерман заявил, что Израиль не должен допускать изменения демографического состава населения страны — речь идет даже не об оккупированной территории, а о самом Израиле, где палестинцы — такие же граждане, как и другие. Он заявил, что израильское правительство не допустит изменения соотношения между евреями и арабами, населяющими Израиль. Каким образом не допустит?

Многие проблемы нужно решать сознательно, имея в виду необходимость сотрудничества со всеми государствами, которые хотят добиться стабильности и мира.

Александр Пар¹

РОССИЯ — ЕВРОПА, НО НЕ ЗАПАД²

На Западе отказываются понимать, что среднестатистический россиянин чувствует себя в путинском государстве действительно защищенным. Чтобы вспомнить времена, когда в России дела обстояли еще лучше, надо обратиться к давней истории. Большинство россиян приняло государственный капитализм как экономическую модель развития страны. То, что контроль над полезными ископаемыми отобрали у олигархов и передали в руки государственной власти, также получило одобрение общества. Запад не понял того, что Путин вернул многим русским чувство собственного достоинства. Россию снова стали уважать, а не жалеть, как нищенку. Различие между русским и западным европейцем, как написал один блогер, заключается в том, что у любого жителя Западной Европы на первом месте стоит его благополучие, а у русского — гордость за свою Родину.

«Россия такая, какая она есть», — поучал президент Дмитрий Медведев Запад в Давосе, не позволяя, однако, другим поучать себя. Ответ Запада: «Если Россия считает себя частью Европы, то она должна соблюдать европейские правила игры». Новый имидж европейцев основывается не на гео-

¹ Директор Центра им. Бертольда Бейца при Германском совете по внешней политике (DGAP, 1995–2012), журналист, политолог, почетный профессор МГИМО и Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Автор биографий В. В. Путина («Владимир Путин: "немец" в Кремле»), М. С. Горбачева («Gorbatschow — der neue Mann»), книг «Россия жмет на газ» и «Путин после Путина. Капиталистическая Россия на пороге нового мирового порядка», «Куда пойдет Путин? Россия между Китаем и Европой». Член Совета директоров Yalta European Strategy (YES), член Валдайского клуба. За вклад в развитие немецко-российских отношений награжден крестом «За заслуги перед ФРГ».

² Доклад представлен на XII Международные Лихачевские научные чтения (2012 г.).

графии, как в прошлые века, а на гуманистических и правовых ценностях, таких как демократия, социальная рыночная экономика, принцип правового государства, плюрализм, защита прав меньшинств, свобода вероисповедания и свобода слова. Эти ценности завоевывались европейскими нациями в течение столетий. Они — составная часть *Acquis communautaire* и для европейского гражданина означают гораздо больше, чем владение территорией.

Россия чувствует дискриминацию по отношению к себе, так как Запад идеологически оккупировал европейский континент своими ценностями. После краха коммунизма Россия была вынуждена создавать свою идентичность заново. Так как были утрачены воспоминания об историческом периоде до 1917 года, поиск идентичности привел Россию к ее византийскому наследию. Западная Европа, по русскому толкованию, живет ценностями римской правовой культуры, а Россия, как отпрыск исчезнувшей в 1453 году Византийской империи, имеет другие европейские корни. На Западе во главу угла ставится буква закона, а в России на первом месте стоит справедливость (субъективно воспринимаемая). Когда закон не давал ясности, принимал решения не суд, а справедливый царь.

Западный демократ сегодня не может себе представить недемократическую Россию в роли союзницы Запада. Западная политология ощущает себя исключительно как наука о демократии. Это также результат победы Запада в холодной войне. Раньше исследователи Востока должны были изучать внутреннюю жизнь России, чтобы дать необходимые политические рекомендации. Тогда весь мир смотрел на Россию, которая, в конечном счете, контролировала половину Европы. После распада Советского Союза Восток стал неинтересен, исчезла угроза, а с ней и необходимость заниматься этой страной. В 1990-х у Запада был интерес к преобразованиям в Восточной Европе. Но по мере их замедления появилось нечто вроде усталости от России.

Современная наука о демократии оценивает Россию исключительно с собственной, западной точки зрения. По этому принципу действуют многие субъекты европейского ценностного порядка, а также представители гражданского общества — неправительственные организации (НПО). Под ними подразумеваются не "Greenpeace", "Amnesty International", «Хлеб для мира» или Красный Крест, которые пытаются сделать мир более гуманным, а американские и немецкие фонды и «фабрики мысли», чье влияние на вопросы внешней политики нельзя недооценивать.

Рост влияния НПО на западную внешнюю политику порождает одну проблему. Европейская внешняя политика со времен холодной войны имеет ценностные ориентиры; распространение этих ценностей укрепляет мир и благополучие также вне Европы. В течение последних лет западная ценностная политика приняла псевдовоинствующий характер. Американский сенатор Джон Маккейн заявил на Мюнхенской конференции по безопасности, что ориентированная на ценности внешняя политика — это не миссионерская деятельность, а составная часть политики безопасности. Европейский комиссар по вопросам расширения ЕС Фуде считает, что ЕС в будущем направит свою партнерскую политику напрямую на обычных людей в партнерских странах и не будет больше работать с представителями власти.

Молодежь Восточной Европы и арабских государств уже не устраивает только виртуальная свобода в Интернете, она хочет получить ее в реальной жизни. По мнению Запада, права человека — универсальное достояние. Тому, кто их нарушит и будет попирает гуманистические принципы, грозят санкции и суровое наказание. Именно для этого и были основаны неправительственные организации, чтобы донести до других сообществ преимущества либеральной модели. В странах, переходящих к демократическому строю, активисты НПО предстают этакими фундаменталистами в доспехах старинных рыцарей-крестоносцев (по выражению Путина). Вместо креста и меча они воюют против зла с помощью современного оружия свободного информационного общества — *Facebook* и *Twitter*. В XX веке Советский Союз пытался перенести коммунистическую революцию на другие континенты. В Северной Корее, Вьетнаме, на Кубе, в Никарагуа и Анголе социалистическая революция одержала победу. В XXI столетии революции экспортирует Запад — это он теперь поощряет демократические революции в мире. Во времена холодной войны международное движение за мир было направлено против США, считавшихся империалистическим государством. Советский Союз притягивал симпатии левых движений. И вот через 20 лет защитником демократии вдруг предстает Америка, а бывшие непримиримые пацифисты, немецкие «зеленые», требуют проведения военных операций против диктаторов. Авторитарная Россия заклеена позором как страна, где нарушаются права человека.

Репутация России в международной прессе основательно испорчена. В отношении нее Запад не испытывает никаких положительных эмоций. Малочисленные позитивные репортажи теряются в потоке медийной информации и мало до кого доходят, так как никого не интересуют и противоречат общему представлению западных читателей о России. В Германии люди ожидают от СМИ не только объективной подачи информации, но и нравственной позиции. Так как политическая и общественная жизнь России часто не соответствует западным стандартам, журналисты открыто возмущаются, размахивая дубинкой морали. Внешняя политика является частью нашей развлекательной индустрии, постоянно требующей новых впечатлений. В освещении России западная пресса поймана в паутину противоречивых стереотипов: с одной стороны, злое государство, лишаящее своих граждан свободы, с другой — сибирские просторы и вызывающие жалость бабушки в деревянных избушках.

Хотя Россия больше не вызывает у широкой немецкой общественности такого интереса, как раньше, ясной целью ЕС и представителей его гражданского общества на годы вперед останется стремление привить этой стране демократические ценности, перенести на нее западную либеральную модель. Европейцы убеждены, что распространение демократии на ближайших соседей служит целям их собственной защиты. Считается, что демократические системы не воюют между собой. В отличие от Китая, Россия считается частью европейского континента, поэтому в вопросах демократии Запад требует от Москвы гораздо большего, чем от Пекина. Перенос ценностей, однако, не должен переродиться в политику двойных стандартов, так как и на Западе существует политический цинизм, признающий эти ценности лишь до тех пор, пока они не противоречат чьим-либо инте-

ресам, или скрывающий под благопристойным обликом продвижение собственных интересов.

Советский Союз практиковал политику двойных стандартов *par excellence*. Двудличие советских дипломатов стало притчей во языцех. Что было позволено одному, было запрещено другому — решающим было то, на чьей стороне право на толкование и реальная сила. Сегодня Запад относится к России с высокомерием. У него лучшая система ценностей и он может гарантировать своим гражданам более комфортную и достойную жизнь. Запад презирает Россию, потому что она одной ногой увязла в социализме, а другой — в таком же неприемлемом «диком» капитализме.

Запад забыл, насколько тернистым был его собственный путь к демократии и как невообразимо трудно дался России тройной переход от империи, планового хозяйства и тоталитарной системы к демократии и рыночной экономике. Если бы Евросоюз на собственной шкуре испытал такую экономическую катастрофу, какую испытала Россия в 1990-х, то и в его демократической системе произошли бы сбои.

Россия всего 20 лет живет без коммунизма. Демократия должна здесь прижиться. Через 20 лет после поражения Германии во Второй мировой войне в ФРГ тоже еще не сформировалось настоящее гражданское общество. «Дело Шпигеля» продемонстрировало посягательство государства на свободу печати; на вершине власти незыблемо стояла одна партия, правительство пыталось ввести закон о чрезвычайном положении, борясь против студенческих протестов, во время стычек между полицией и демонстрантами были жертвы, вплоть до 1963 года в Бонне власть находилась в руках бессменного канцлера, а Баварией бессменно управляет Христианско-социальный союз (ХСС).

Самым ярким примером политики двойных стандартов стал конфликт из-за Косово. Признание Западом независимости Косово Москва осудила как нарушение международного права, которое ставит территориальную целостность государства выше права народа на самоопределение. Почему Косово получило право на самостоятельность, а стремящиеся к независимости республики Грузии — Абхазия и Южная Осетия — нет?

Разумеется, Россия тоже использует двойные стандарты, особенно по отношению к своим слабым соседям. С одной стороны, за махинации в процессе приватизации в 1990-е годы Кремль наказал Михаила Ходорковского, с другой — оставил безнаказанными других олигархов, действовавших по тому же принципу. Россия провозглашает ценности и убеждения, которые зачастую носят лишь декларативный характер. И, естественно, Россия действует сугубо в собственных интересах.

Еще одной проблемой, разделяющей Россию и Запад, является разное прочтение европейской истории. Историк Ричард Пайпс выдвинул аргумент: авторитарным мышлением Россия обязана длительному влиянию татаро-монгольского ига, что и выработало у нее иммунитет против западной демократии. Три дня продолжалась дискуссия, еще раз показавшая, насколько эмоционально переживалась Россией история XX столетия. Она должна была вызывать гордость и быть одним из формирующих факторов новой идентичности россиян в XXI веке.

Все же очевидно, что историю можно использовать в качестве оружия. Некоторые постсоветские республики не упускали случая выставить себя в трагической роли жертвы и, играя на жалости, получить от Запада признание и гарантии защиты. Русские чувствовали, что некоторые европейские государства хотят присвоить себе их победу над гитлеровской Германией во Второй мировой войне. Как известно, благодаря достигнутым успехам СССР стал второй сверхдержавой, имеющей постоянное место в Совете Безопасности ООН. Россия до сих пор отождествляет себя с этим советским наследием. Большинство россиян уверены, что СССР победил Гитлера без поддержки союзников. Эта победа, по мнению социолога Льва Гудкова, «навечно» узаконила советскую власть. Во времена перестройки милитаристский пафос исчез, Россия стала рассчитывать на интеграцию с Западом. После тяжелых 1990-х в массовом сознании возродилось стремление к восстановлению потерянной империи. При этом каждый реально мыслящий русский должен бы отдавать себе отчет в том, что, кроме победы во Второй мировой войне и полета Юрия Гагарина в космос, Россия вряд ли может записать что-либо еще в перечень достижений страны в XX столетии.

Почему Россия не просит прощения за 45-летнюю оккупацию Восточной Европы и не признает, что потерпела поражение в холодной войне, как нацистская Германия во Второй мировой? Не звучит из уст российских лидеров и признание вины в насильственном внедрении коммунистического режима в государствах Варшавского договора, так как это может повлечь за собой требования компенсации и в конце концов привести к отождествлению национал-социализма с коммунизмом, что, в свою очередь, умалит значение победы России во Второй мировой войне. Между тем Ленин и Октябрьская революция забыты, и Россия уже считает себя жертвой досадного коммунистического эксперимента в истории человечества.

С другой стороны (и это не может не беспокоить), Россия не покончила со сталинизмом. До сегодняшнего дня для половины россиян Сталин — позитивная фигура в российской истории. О его заслугах ведутся бесконечные дискуссии, зато о жертвах советского ГУЛАГа, кроме организаций по защите прав человека, никто не говорит. То, что Сталин подверг репрессиям и приказал уничтожить в массовом порядке сначала старую интеллигенцию, дворянство, духовенство, зажиточных крестьян, а после них и новую советскую элиту, лучших военных и ученых, и даже вернувшихся живыми военнопленных, было стерто из памяти. Ведь Сталину удалось всего за 30 лет из отсталой аграрной страны, пахавшей с плугом, создать сверхдержаву с ядерным оружием.

Скорее всего не самой личностью Сталина так очарованы русские, а мифом о всемогуществе этого тирана. Только незначительная часть россиян сегодня готова к покаянию и национальному примирению. Основная же масса отклоняет саму мысль активного переосмысления прошлого по примеру послевоенной Германии.

Немецкий историк Кристиан Майер может согласиться с таким отношением. В человеческой истории не память, а забвение часто становилось лучшим лекарством. Так было и в Испании после диктатуры Франко. Переосмысление прошлого вызывало чувство мести, вновь порождающее месть. Майер считает, что одновременно с заключением мира необходимо «пропи-

сать» забвение и прощение. Германия после 1945 года выбрала, хотя и не без труда, путь искупления и незабвения гитлеровских преступлений. Возможно, требовать от России активного вспоминания прошлого после того, как она совсем недавно освободилась от тоталитаризма, — это слишком. Несмотря на это, правозащитный центр «Мемориал» призывает Кремль как можно скорее воздвигнуть памятник миллионам жертв сталинского террора. Такой жест мог бы вызвать уважение за границей. Медведев выразил обеспокоенность по поводу того, что 90 % российской молодежи не могут назвать ни одного имени из тех мужественных людей, которые в советские времена восставали против репрессий.

По мнению журналиста Андрея Золотова, российское общество все еще находится в состоянии «холодной гражданской войны». Трудно найти консенсус в вопросе обращения с тяжелым наследием прошлого. Сотням тысяч потомков жертв сталинизма противостоит такое же число людей, чьи предки во времена Сталина исполняли роль палачей. Так же тяжело дается преодоление прошлого Путину и Медведеву. Оба принадлежат к так называемой «красной аристократии»: дед Путина работал в аппарате Сталина, а дед Медведева, будучи партийным активистом, участвовал в насильственной коллективизации крестьян.

«Мастерская будущего» — постоянно действующая рабочая группа российско-немецкого дискуссионного форума «Петербургский диалог». В течение нескольких лет сменяющие друг друга участники поочередно встречаются в каком-нибудь интересном месте — в одной из немецких земель или удаленной российской провинции. Эти мероприятия, как и многие другие гражданско-общественные форумы в Германии, служат укреплению взаимопонимания между народами. Там знакомятся представители передовой молодежи обеих стран, ведутся горячие дискуссии о будущем Европы. Те, кто завтра возьмет на себя ответственность за будущее, сейчас лучше узнают друг друга, чтобы через 20 — 30 лет уметь избегать конфликтов. Хочется надеяться, что к тому времени последние стереотипы исчезнут на свалке истории. Незабываемые конференции — короткими летними ночами в Новосибирске, на романтических водопадах Алтая, во время водных экскурсий в Гамбурге, на границе между Россией и ЕС — в Пскове и его окрестностях, на Балтийском побережье в Калининграде, на Рождественском рынке в Дрездене или в «свободном треугольнике» Германия — Польша — Чехия — показывают молодым людям разные перспективы создания общего дома — Европы. На горячие дискуссии также приглашаются гости из Украины, стран Балтии и Польши.

Доминирующей темой этих дебатов стало «разоружение истории». Россия считается страной с непредсказуемым прошлым. Ее история переписывалась на усмотрение очередного властителя. Таким образом закладывались мины, которые могут взорваться в будущем. Немецкие коллеги пригласили представителей российской передовой молодежи на совещание в Оберзальцберге в Баварии, где Адольф Гитлер планировал нападение на Советский Союз. Участники совместно посетили музейный комплекс Третьего рейха и во время долгих прогулок по лесу дискутировали о том, способна ли Россия на подобное переосмысление истории. К примеру, можно было бы переоборудовать одну из сталинских дач под Москвой в музей ужасов сталинизма.

Молодые россияне предостерегали западных коллег от навязывания России политики десталинизации — страна должна сама освободиться от «менталитета раба». Ответ немцев: Россия, не отрекшаяся от сталинизма, никоим образом не может стать частью будущей Европы. Во всяком случае в России стала возможной открытая дискуссия на острые исторические темы. А значит, был предложен путь, по которому Россия должна войти в объединенную Европу подобно Западной Германии в 1945 году и Восточной Европе в 1989-м, ставших частями общей Европы.

Россия сегодня находится на очень сложном этапе. Либеральные круги на Западе и в России убеждены, что церковь — институт XVIII или XIX века и должна стоять в стороне от происходящих в обществе процессов. Возможно, это утверждение справедливо для западной культуры, но в России это не так. После 80 лет коммунизма Россия ищет свои корни в дореволюционной империи, в русских традициях, в том числе в христианстве. Религиозность была утрачена в коммунистической России, и вернуться к прежним традициям очень важно. Без возрождения религии и Православной церкви в том числе стране сложно было бы найти свой путь. Институт церкви в России играет значительно более важную роль, чем в западных обществах. Современную Россию невозможно представить без Церкви, несмотря на трудности, с которыми сталкивается православие на пути своего возрождения.

Сегодня наш мир меняется на глазах. Многие считают, что религия уже отжила свое, что мир переходит в постхристианскую эру, где церковь только мешает развитию будущего человечества. И в этой ситуации Россия становится оплотом абсолютно другой точки зрения, напоминая о том, как важно все-таки не забывать связи времен, всего развития человечества. Мир настолько быстро и динамично развивается, что возникает очень много тенденций и вопросов, на которые церковь не может однозначно ответить. Существуют проблемы, которые возникают в определенное время и быстро исчезают. В то же время есть вопросы, которые действительно определяют будущее развитие человечества. Ответ на них требует основательного размышления. Церковь не должна вмешиваться в ежедневную политику, не должна становиться одним из игроков на политическом поле, но в России, я думаю, этого и не произойдет. Приходится наблюдать и обратный процесс, когда политики начинают появляться в церкви, чтобы заслужить поддержку электората. Кстати, на Западе политтехнологи тоже пользуются такими приемами. Ведь если политик признается, что стал верующим и воцерковленным, это хорошо? Главное, чтобы вера не превращалась в политтехнологический прием для телекамер.

Российское общество было достаточно покалечено во времена Сталина, при Брежневе в стране царил цинизм, и кто, если не церковь, будет проповедовать нравственные ценности в безнравственном XXI веке?

Сегодня на Западе многие улыбаются, когда в Россию привозят пояс Богородицы, его встречает Владимир Путин и множество людей приходит помолиться перед святыней. Пусть улыбаются. Ведь на наших глазах возрождаются традиции Византийской империи, которая тысячу лет была хранительницей православия. Где еще в мире можно увидеть что-то подобное? В любых переменах внутри Церкви православие всегда руководствуется ува-

жением к преданию, традиции. Православная церковь не должна терять связи с прошлым, как это сделали в свое время протестанты. Главный вызов нашего века — устремленность в будущее, которая заставляет немедленно забыть все, что было в прошлом.

Э. А. Рязанов¹

ИНТЕЛЛИГЕНТ НЕ МОЖЕТ НАПИСАТЬ ДОНОС²

Нет ничего более увлекательного и бесперспективного одновременно, чем спор о том, что такое интеллигенция и кто такой интеллигент. У каждого из нас свое представление об этом. У меня тоже.

Интеллигент — человек, естественно, образованный. Но при этом интеллигент должен обладать чувством собственного достоинства и никогда не позволит себе совершить неudelикатность по отношению к другому. Это для меня главный критерий интеллигента.

Услышав, что какие-то писатели писали пасквилы, доносы на Пастернака и при этом были интеллигентами, я поразился. Это для меня нонсенс. Значит, ученые, которые писали разгромные письма о Сахарове, тоже были интеллигентными людьми? Интеллигент не может написать донос! Это тот самый оселок! Человек может иметь восемь образований, знать 16 языков, но при этом никогда не будет интеллигентом, если он способен на подлость.

Некоторые считали Андропова интеллигентным человеком. С моей точки зрения, политик, особенно в нашей стране, да и в любой другой, не может быть интеллигентным человеком. Вообще, лидер в нашей стране не может быть интеллигентом. Горбачев это или Ельцин — он обязан в силу положения совершать подлости. Человек, который совершает подлости, не может называться интеллигентом. Для меня эта граница абсолютна, естественна и понятна.

Когда в 1937 году люди шли на казнь и на смерть, но не подписывали писем, не выдавали и не предавали, у них был выбор: они могли сохранить жизнь. Но некоторые предпочитали не переходить эту грань. Такие люди для меня — интеллигенты.

¹ Российский кинорежиссер, сценарист. Народный артист СССР. В качестве режиссера снял 28 художественных и 8 документальных фильмов. Как сценарист принял участие в съемках 23 картин. Самые известные режиссерские работы: «Карнавальная ночь», «Гусарская баллада», «Берегись автомобиля», «Зигзаг удачи», «Невероятные приключения итальянцев в России», «Ирония судьбы, или С легким паром», «Служебный роман», «Гараж», «О бедном гусаре замолвите слово» и др. Автор книг: «Грустное лицо комедии», «Неподведенные итоги», «Пять вечеров с Владимиром Высоцким», «Ностальгия» (сборник стихов) и др. Награжден орденами Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, «За заслуги перед Отечеством» II и III степени, орденами Почетного легиона и Искусств и литературы (Франция), орденом Чести (Грузия). Лауреат Государственной премии СССР и Государственной премии РСФСР им. братьев Васильевых. Почетный доктор СПбГУП.

² Доклад представлен на Международные Лихачевские научные чтения «Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева» (2001 г.).

Конечно, легко рассуждать об этом сейчас. Неизвестно, как бы повел себя каждый из нас, если бы к нему приставили раскаленные клещи и стали пытаться. Легко разглагольствовать, когда тебе ничего не угрожает.

А что касается упреков по поводу моего мнения о Кирилле и Мефодии и славянской письменности, то я понимал, что получу отпор. Это меня только радует. Как тут ни вспомнить строки Тютчева: «Умом Россию не понять, / Аршином общим не измерить». Они, видимо, заложены в глубине сознания русских людей. Но есть и другие стихи: «Давно пора, тара-ра-ра мать, умом Россию понимать. / А что в Россию можно верить, так то давно пора похерить».

Я пишу и говорю на родном языке, люблю русский язык, можно сказать, считаю себя грамотным человеком. Но когда говорят, что для России существует единственный и неповторимый путь, — я сомневаюсь. Это спесивая позиция. Почему мы должны прокладывать собственную дорогу, идти в стороне от цивилизации? Может, надо вести себя умнее и оставить гордыню глупым?

А. А. Собчак¹

НОВАЯ РОССИЙСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ — ПРАВОВАЯ ОСНОВА ПОСТРОЕНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА²

С 1917 по 1991 год Российского государства не существовало. Россия была административно-территориальным образованием в составе СССР, и ни фактически, ни юридически о ее государственном существовании говорить нет оснований.

После крушения коммунистического режима и возникновения новой демократической России возникла проблема юридического оформления новой российской государственности, проблема разработки и принятия новой Конституции России. Известно, в какой острой политической борьбе проходил процесс принятия новой российской Конституции.

В Конституции России, принятой на общенародном референдуме в декабре 1993 года, зафиксировано существование России как демократического федеративного правового и социального государства, которое по своей форме является республикой.

¹ Российский политический деятель, мэр Санкт-Петербурга (1991 — 1996), доктор юридических наук, профессор. Автор большого количества научных и публицистических работ, в т. ч.: «Организация оплаты труда, материального и морального стимулирования», «Правовые проблемы хозрасчета», «Правовое регулирование хозяйственной деятельности», «Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве» (в соавт.), «Сталин. Личное дело», «Из Ленинграда в Петербург: путешествие во времени и пространстве», «Дюжина ножей в спину. Поучительная история о российских политических нравах», «Хождение во власть» и др. Награжден орденом РПЦ Святого благоверного князя Даниила Московского I степени, Серебряным олимпийским орденом Международного олимпийского комитета.

² Доклад представлен на Международную научно-практическую конференцию «Гуманитарная культура как фактор преобразования России» (1995 г.).

Какое государство можно назвать демократическим? Демократия — это такая система организации общества, в котором отдельный человек, отдельная личность защищены от произвола со стороны государства, то есть человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Не человек должен служить государству, а государство обязано стоять на защите прав и свобод человека. В демократическом государстве реально действуют народовластие, многопартийность, разделение властей и местное самоуправление.

Перестройка в Советском Союзе была начата Михаилом Горбачевым под лозунгом создания правового государства, то есть государства, в котором все, включая и должностных лиц, подчиняются одним и тем же законам государства, в котором права отдельной личности противопоставляются правам государства и других лиц как независимые и равнозначные. В правовом государстве авторитет закона, его неуклонное соблюдение всеми являются залогом существования и защиты прав человека.

Раздел о правах человека в новой Конституции России является наиболее значимым и современным. Нам удалось записать в этом разделе два чрезвычайно важных положения. Во-первых, положение о том, что права человека являются принадлежащими ему с рождения, неотъемлемыми от него и не могут быть ни отменены, ни уменьшены в объеме по решению каких-либо государственных органов, кроме случаев, предусмотренных законом. Во-вторых, придать положениям Конституции о правах человека прямое действие. Это значит, что любой гражданин России может предъявить судебный иск государству или отдельным должностным лицам государства, или общественным организациям, или отдельным гражданам о защите своих прав, непосредственно основывая такое обращение на положениях статей Конституции.

Конечно, до полной реализации положений Конституции о правах человека, до создания подлинно правового государства нам еще предстоит пройти большой путь. Но главное сделано — важно то, что мы это записали в Конституции. Это стало высшим законом и обязательным правилом для всех. Дело теперь за воспитанием уважения к закону и Конституции, за применением мер наказания к тем, кто нарушает наши законы, за таким построением всех структур государства, чтобы они в своей деятельности строго соблюдали законы.

Новая Конституция также определила принципиально новый подход к переходу от унитарного государства, каким был Советский Союз, к подлинной Федерации, какой является сегодня Россия. Для всех субъектов Федерации в новой Конституции зафиксирован широкий круг полномочий по самостоятельному решению всех основных сторон жизни данного субъекта. Мы также записали, что все субъекты Федерации (как национальные образования — автономные республики, автономные области, так и территориальные образования — края, области) равны между собой и во взаимоотношениях с федеральными структурами. Мы также записали недопустимость выхода субъектов из ее состава, то есть обозначили приоритет единства и целостности Российского государства по отношению ко всякого рода сепаратизму.

Благодаря новой Конституции нам удалось ликвидировать двоевластие и противостояние между исполнительной и представительной структурами власти. С принятием новой Конституции были созданы необходимые условия для политической структуризации общества и переноса политической борьбы с улиц в парламент, то есть для создания нормально работающей и подлинно многопартийной системы.

Значение новой российской Конституции велико и будет определять государственно-правовое развитие России на многие десятилетия вперед. Нам предстоит на базе новой Конституции разработать и принять десятки основополагающих законов, регулирующих все стороны жизни общества. Но главное сделано. Мы получили твердую правовую основу для новой российской государственности, а также компас для ее развития на будущее.

Новая российская Конституция свидетельствует также о новом уроке правовой культуры нашей страны, с которой мы вступаем в XXI век.

ПЕТЕРБУРГ — КУЛЬТУРНЫЙ И ДУХОВНЫЙ ЦЕНТР РОССИИ И ЕВРОПЫ¹

Санкт-Петербург занимает особое место в России и Европе. Изначально задуманный как «окно в Европу», он был и остается самым европейским городом России. Значение Петербурга как города, открывающего движение не только из России на Запад, но и с Запада в Россию, сегодня возросло неизмеримо.

С самого начала Петербург стал местом совместного проживания людей разных национальностей. В городе, построенном в рекордные сроки, свою новую родину обрели многие немцы, голландцы, шотландцы, французы, а также и наиболее мастеровые русские люди, которые приезжали сюда со всех концов России, — новый город требовал новых сил. Потому и собрались на берегах Невы все самые талантливые и работающие. Здесь никогда не было того, что называется автохтонным населением. С самого момента своего возникновения в Петербурге сложилась совершенно особая атмосфера жизни, основанная на веротерпимости и уважении к людям другой национальности.

Достаточно сказать, что в дореволюционном Петербурге более 70 % населения (среди дворянства) были рождены в совместных браках с жителями других государств, а также с представителями различных национальностей, проживающих в России.

В Северной Пальмире — как уже тогда называли наш город — происходило взаимопроникновение, взаимодействие и взаимообогащение различных культур. Наш город создавался гением не только русского народа. Здесь трудились лучшие архитекторы Италии, Голландии, Франции, Германии, Швеции. Практически нет ни одной европейской страны, выходцы из которой не работали бы в Петербурге.

¹ Доклад представлен на Международную научно-практическую конференцию «Гуманитарная культура как фактор преобразования России» (1996 г.).

Судите сами: самая крупная мечеть в Европе построена в Петербурге. Самый крупный в Европе буддийский храм также находится в Петербурге. Я уже не говорю о десятках храмов, которые принадлежат к самым различным ветвям христианской религии.

В силу своего менталитета наш город более склонен к спокойной жизни. Я подразумеваю под этим разумный, вдумчивый подход к окружающей действительности. И для нас продолжение этих исконных традиций является неотъемлемой частью общего плана возрождения Петербурга как главного культурного и духовного центра России и Европы. И залог этого — сами петербуржцы, высокий интеллектуальный и нравственный потенциал которых общеизвестен.

Надо сказать, что наш город всегда был в оппозиции к существовавшему коммунистическому режиму. Разумеется, это была глухая, тайная оппозиция. Но номенклатура это всегда чувствовала. Именно поэтому Ленинград в коммунистической системе был цитаделью ортодоксального марксизма. Эта политика проводилась упорно и настойчиво. Велось массивное наступление на сам «дух» города, на духовно-просветительскую атмосферу. Например, здесь нельзя было ставить спектакли или смотреть фильмы, которые шли в Москве или других городах Советского Союза.

Верховные власти всячески стремились принизить значение Петербурга, и в советское время низвели его до города с областной судьбой. Но убить можно все, только не мысль. Нельзя уничтожить духовное начало, которое всегда определяло жизнь города. И этому способствовали сами петербуржцы. Я иногда думаю: почему всемирно известный балет родился именно здесь, в Петербурге? Быть может, классическая строгость его архитектурных линий сродни искусству балета? Я убежден: город воспитывает своих жителей. Его дворцы, парки, архитектурные ансамбли способствуют возникновению чувства красоты. «Красота спасет мир», — писал великий Достоевский. Конечно же, писатель имел в виду красоту человеческой души.

Европейцу легко и уютно в Петербурге. Его здесь понимают и принимают. Город, являясь символом высокой духовности и изысканной красоты, открыт для всего мира. Именно поэтому у нас не бывает месяца, чтобы не проходили фестивали, симпозиумы, концерты.

А в пору белых ночей город и вовсе становится своеобразной Меккой искусств. Уже ставшие традиционными для этой поры международные фестивали «Звезды белых ночей», «Свинг в белые ночи», кинофестивали «Послание к человеку», «Фестиваль фестивалей» пополняются все новыми праздниками искусств.

По решению Совета Европейского сообщества в июне 1996 года в Петербурге будет проходить месячник европейской культуры. Думаю, выбор вполне закономерен. Петербург все больше и больше становится духовным домом Европы. Этому, кстати, способствует и ваш Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов. Я хотел бы вспомнить о двух начинаниях, которые родились здесь.

1 сентября 1995 года в День знаний ваш Университет представил петербургской общественности проект «Декларации прав культуры». Разработанный академиком Д. С. Лихачевым, он стал своеобразным символом

духовности России. В нем выдвинуто выстраданное всей историей человечества положение о том, что культура представляет главный смысл и главную ценность существования как народов, так и государств. Вне культуры их существование лишается смысла.

Сегодня, когда мы задумываемся о месте культуры в жизни общества, об общественных ценностях, мы понимаем, что необходимо добавить к «Декларации прав культуры» статью об объявлении преступлением всякого посягательства на объекты культуры даже в период войн и столкновений.

Право каждого гражданина России на доступ к ценностям культуры специально оговорено в новой Конституции. Но для того, чтобы это право стало общим для всего человечества, на пути распространения достижений культуры всех народов и стран нельзя ставить барьеры: таможенные, экономические, политические.

Я полностью поддерживаю идею принятия «Декларации прав культуры» и думаю, что она может стать одним из двигателей прогресса, одной из фундаментальных идей создания общечеловеческого дома и развития человечества в XXI веке.

«Декларация прав культуры» имеет право называться петербургской не только «по месту жительства», не только потому, что создана петербургским академиком, но и потому, что по глубинному своему опыту «петербургское» означает «общечеловеческое».

И еще об одном крупном событии, которое придаст новый импульс Санкт-Петербургу как мировому городу, хотелось бы здесь сказать. Речь идет о решении Правительства Санкт-Петербурга выдвинуть кандидатуру города на проведение XXVIII Олимпийских игр 2004 года. Ваш Университет был одним из первых, кто поддержал идею Олимпиады, издал специальный сборник «Санкт-Петербург приглашает Олимпиаду – 2004», организовал презентацию Олимпиады в муниципальном культурном центре.

Город, где проходят Олимпийские игры, получает мировую известность, огромные инвестиции крупнейших компаний, становится центром культурной и деловой жизни мирового сообщества.

Нужды Олимпиады совпадают с нуждами Петербурга. Поэтому строительство дорог, портов, жилья и скоростной железнодорожной магистрали будет развернуто, не дожидаясь вердикта экспертов Международного олимпийского комитета. Даже сама регистрация города сулит немало. Претендентам будет предоставлено бесплатное эфирное время на телеканалах всех государств для пятиминутного рекламного ролика. В обычных условиях это обошлось бы в 25 млн долларов. Даже если Олимпиада изберет для себя другую столицу, Петербург получит колоссальную рекламу.

Олимпиада существенно обогатит петербуржцев не только духовно, но и физически. Мы ведь собираемся не только строить и реконструировать спортивные объекты, но и всерьез заняться развитием массового спорта. Сама идея подготовки к Олимпийским играм заключается в том, чтобы все крупные спортивные объекты строить в новых жилых районах. Тогда в дальнейшем горожане получат доступ к современным спортивным сооружениям. Здесь и велоцентр, и гребной канал, и новый универсальный спортивный зал. Сейчас мы в каждом районе принципиально меняем работу спортивных комитетов, привлекаем к ней наших известных спортсменов, особенно

олимпийцев, тех, кто по возрасту уже не выступает в соревнованиях, но знает спорт изнутри и может принести очень большую пользу.

Мы приняли старт в забеге на труднейшую олимпийскую дистанцию с такими серьезными соперниками, как Стокгольм, Пекин, Рим, Кейптаун и др.

Уже создан клуб «2004». Его цель — помочь осуществлению наиболее важных для города экономических, культурных и социальных программ, которые могли бы положительно повлиять на выбор Международного олимпийского комитета. Клуб станет местом деловых встреч ведущих деятелей культуры, спорта, науки, финансистов и предпринимателей, других людей, увлеченных идеей проведения летних Олимпийских игр на берегах Невы.

Как известно, при определении олимпийского города МОК учитывает и мнение жителей. Предварительные социологические опросы, проведенные в Петербурге, уже сегодня выявили, что 65 — 75 % горожан считают проведение Олимпиады делом нужным и даже необходимым. Я надеюсь, что ваш Университет продолжит просветительскую деятельность по пропаганде Олимпиады и предстоящий общегородской референдум покажет единство петербуржцев в этом вопросе.

И последнее. Опыт мировой истории свидетельствует: чем больше открыто общество, тем больше оно процветает. И я очень хочу, чтобы наш великий город был как можно глубже интегрирован в мировое культурное сообщество, духовно обогащался сам и обогащал других, ибо только во взаимодействии разнообразных культур — залог развития и процветания цивилизации.

Ж. Т. Тощенко¹

ФЕНОМЕН «СОВЕТСКОЕ» В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА²

Обычно, когда употребляют слова «советский», «советская», «советское», имеют в виду, во-первых, СССР (Советский Союз), его историю, возникновение и существование, его противоречивый, сложный и трагический путь. Во-вторых, с этими словами ассоциировалась социалистическая (коммунистическая) идеология, которая в большинстве случаев или отрицалась, или изображалась в крайне негативном смысле. В-третьих, понятие «советское» часто отождествлялось с представлением о советском человеке, которого пренебрежительно и унижающе называли «совком». И наконец, в-четвертых, этот термин представлялся как некий «выкидыш» истории, недостойное и мерзкое явление в человеческой цивилизации, от которого надо решительно и безоговорочно отказываться и даже стыдиться, потому

¹ Заведующий кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии РАН, главный редактор журнала РАН «Социологические исследования», член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор.

² Доклад представлен на VII Международные Лихачевские научные чтения (2007 г.).

что носители таких обвинений считали себя частично порочными только за то, что родились, жили и работали в этой стране.

Таким образом, уже почти два десятилетия смешиваются понятия «Союз Советских Социалистических Республик», «советское», «социалистическое», которые близки по звучанию, но представляют собой совершенно разные, неоднозначные сущности. Остановимся на этом подробнее.

Во-первых, постоянно смешиваются рассуждения об СССР, с одной стороны, как об империи, с другой — как о безвременно утраченной ценности. Что касается первой точки зрения, то империей СССР был больше по форме, чем по содержанию: где, в какой империи, известной всему миру, «имперский» народ — русские или в более широком смысле россияне, все население РСФСР — жил хуже и беднее всех входящих в ее состав «порабощенных» народов и республик. Что касается второй точки зрения, то она исходит из позиций неоправданного развала СССР, игнорируя тот факт, что он стал не только экономически, но и идеологически слабее, чем окружающий мир, и поэтому не мог выдержать испытаний, выпавших на его долю. Правда, остается открытым вопрос «Что ускорило процесс развала Союза — только ли некоторые объективные обстоятельства, или субъективные тоже?» Тем более что есть данные Института системных исследований РАН, который исследовал факторы падения всех известных миру империй — Британской, Французской, Римской, Оттоманской и других, о том, что Советский Союз мог бы просуществовать еще примерно два с половиной века. Но при всем этом очевидно, что в целом это образование не выдержало испытания историей и не стоит ни в какой мере пытаться реанимировать прошлое.

Во-вторых, в политической и околонучной лексике появилось огромное количество «новаторских» выражений вроде «совка». Этим уничижительным термином пытались обозвать весь народ, который не только одержал победу в великом противостоянии с фашизмом, но и создал вторую по мощности и величии державу в мире. Конечно, в этом термине пытались собрать все негативные черты, которые присущи части людей и вполне реально отражают их изломанный, примитивный образ жизни. Но зачем совокупность этих отрицательных черт распространять на весь народ? Глубоко убежден, что этот термин могли придумать только негодяи, которым ненавистен свой народ и которые называют свою страну «эта страна».

В-третьих, понятие «социализм» идентифицировали с самыми отрицательными моментами в жизни страны. Напомню, в начале 1990-х годов на выборах в первую Думу КПРФ и другие социалистические партии получили от одной четверти до одной трети голосов в различных регионах России. В то время самым расхожим утверждением было такое: «Это наследие старого мировоззрения, изжившей себя социалистической идеологии, которой придерживается старшее поколение. Потерпите, скоро оно уйдет в Лету и все нормализуется — о социализме перестанут мечтать». Но уже прошло немало лет после этих событий, и хотя ежегодно почти по два миллиона людей, в основном пенсионного и предпенсионного возраста, уходили в мир иной, число сторонников социализма не уменьшается, а кое-где даже растет. Более того, в 2006 году мы стали свидетелями того, что одна из партий — «Справедливая Россия», беспрекословно поддерживающая официальный путь, — сделала своим девизом социалистические идеи.

И, наконец, не избежала оплевывания и советская культура. Причем нападение шло на самые чувствительные места, которые могли быть основанием для утверждения, что советская культура — это тоже дутая величина, сплошной обман, это те же совковость и примитив. Сдобренный издевательскими комментариями, негативными красками, поруганием всего того, что было создано советской культурой, шквал атак был направлен на вычеркивание всего, что связано с советским этапом жизни страны. Для этого использовалось все: что, мол, не Шолохов написал «Тихий Дон» (подразумевался бывший белый офицер, представитель «истинно» русской дореволюционной культуры), что Есенин и Маяковский были убиты (наряду с трагедиями известных деятелей культуры, как О. Мандельштам и др.), что Горький предал русскую интеллигенцию (ретивые даже переименовали в Москве не только улицу, но и станцию метро, узел которой в советское время знаменовал единство русской литературы: «Пушкинская» — «Чеховская» — «Горьковская»). К этому присоединялись рассуждения о Золотом и Серебряном веках русской культуры, которые, по мнению не помнящих родства, и были последним «истинным» словом русской литературы.

Но в этих баталиях и прениях, дискуссиях о недавнем советском прошлом забывают об одном — какое достояние в сфере духовности, самобытности народа осталось от советской культуры, насколько оно ценно, значительно. Правда, в последнее время все начинают говорить о том, что кое-что, дескать, было создано и в советское время. Показательными стали демонстрации кинолент, произведений искусства и архитектуры.

В настоящих тезисах я хотел бы предложить ряд идей, еще не принятых, но назревающих тенденций по оценке того достояния, которое нам досталось от советской культуры.

Смею утверждать, что советское, прежде всего в виде советской культуры, ее художественных произведений, искусства и архитектуры, является одним из величайших феноменов в истории человечества, так же как от эпохи Римской империи нам осталась латынь, римское право, до сих пор вызывающие восхищение произведения науки, философии, искусства.

И в самом деле, до сих пор поражает мир русский авангард, который стал не только порождением русской культуры, но и предтечей этого художественного течения во всем мире. Да и оплеванные некоторыми деятелями произведения так называемого социалистического реализма представляют образцы высокого творчества — начиная от плакатной живописи 1920-х годов до батальных и жанровых сцен 1950 — 1980-х.

Не меньшее впечатление оставляет и советская архитектура. И это не только конструктивизм. Разве можно представить себе Москву без «сталинских» высоток? Что бы ни говорили о них, какие бы домыслы (особенно идеологические и политические) о них и истории их возникновения ни распространяли, это, несомненно, весомая часть советской культуры, ценность которой останется в веках и в истории человечества. А что бы ни говорили о советском балете и как бы ни высмеивали его участие в жизни нашей страны (телетрансляция «Лебединого озера» в августе 1991-го), но факт остается фактом — в искусстве балета мы были впереди планеты всей.

А достояния советского кино, начиная от «Броненосца "Потемкина"» Эйзенштейна и заканчивая многими замечательными произведениями

1950 — 1980-х годов, воспевающими добро, порядочность, нравственность и уважение к другим людям.

В этом ряду не следует забывать (или умалчивать) о достижениях советской науки — освоении космоса, когда именно наши ракеты, спутники и люди первыми проникли в космос. Этого никогда не вычеркнешь из истории человечества. Даже автомат Калашникова — это не только оружие, но и достояние научной и инженерно-технической мысли, признанной во всем мире, хотя он используется далеко не всегда для благовидных целей.

До сих пор нас согревает песенное творчество, которое побуждает к самому светлому, возвышенному, героическому в обыденной жизни и, я уверен, не потеряет своей ценности в веках.

И, наконец, не могут не восхищать многие достижения советской литературы, творчество не только ранее упомянутых Горького и Шолохова, но и Твардовского, Платонова, Симонова и многих других.

Все это, конечно, ни в коей мере не оправдывает ужасных и страшных событий в истории и жизни нашей страны. Мы никогда не должны забывать террора 1930 — 1940-х годов, преследования инакомыслящих. Но и в истории Рима были неблагоприятные дела — и массовое истребление других народов, и самодурство правителей (чего стоит, например, сожжение Рима Нероном), и кровопролитные войны. И то, что Римская империя рухнула, — это не только дерзость и нападения варваров, это и внутренние пороки, которые подточили ее могущество.

Поэтому исследование феномена «советское» представляет собой не только художественную ценность — это изучение уникального явления, которое останется важнейшей вехой в истории не только нашей страны, но и всего человечества.

Н. П. Шмелев¹

QUO VADIS, РОССИЯ?²

Перелом, который сегодня переживает Россия, — далеко не первый в ее многовековой истории. Российский народ, скорее всего, преодолеет в конечном счете и нынешний кризис, как уже не раз это было в прошлом. После периода разброда и всеобщего замешательства в России всегда наступала эпоха солидарности, нового подъема духовных и мате-

¹ Академик РАН, доктор экономических наук, профессор. Директор Института Европы РАН (1999 — 2014). Автор более 70 научных публикаций, в т. ч. книг: «Авансы и долги. Вчера и завтра российских экономических реформ», «Европа вчера, сегодня, завтра», «Европа и Россия. Опыт экономических преобразований», «Европа и Россия: проблемы южного направления. Средиземноморье — Черноморье — Каспий», «Международные отношения», «Угрозы и прогнозы (к вопросу об их адекватности)», «Россия в многообразии цивилизаций» и др. Автор романов «Сильвестр», «В пути я занемог», сборников рассказов и повестей «Последний этаж», «Спектакль в честь господина первого министра», «Пушкинская площадь», «Ночные голоса» и др. Многие произведения переведены на иностранные языки. Был членом Экономического совета при Правительстве РФ, членом Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации.

² Доклад представлен на X Международные Лихачевские научные чтения (2010 г.).

риальных сил страны. И сегодня, нисколько не преуменьшая трудностей, стоящих перед современной Россией, все же нет оснований считать, что испытания, связанные с переходом к новой общественной системе, лишили российского человека главного — естественного чувства самосохранения, жизненной энергии, стремления обеспечить надежное будущее себе и своим потомкам.

Как бы ни складывалась геополитическая картина мира в прошлом и какие бы перемены ни ожидали мир в будущем, Россия была и всегда будет Европой. Но особой Европой: беспокойной, непредсказуемой, во многих отношениях отсталой, с огромным, но пока еще слабо используемым природным и интеллектуальным потенциалом, со своими специфическими, подчас самодовлеющими интересами на периферии евро-азиатского континента и в других регионах мира — и все-таки Европой.

Россия — неотъемлемая, органичная часть европейской культуры, европейской цивилизации. Однако часть настолько своеобразная, что не раз в новейшие времена ее западные соседи приходили к выводу: лучше бы этой страны и вовсе не было на карте. Ибо, по распространенному на Западе мнению, ничего конструктивного, кроме постоянного беспокойства и стремления диктовать свою волю другим, от нее в истории не исходило, особенно в XX веке. К сожалению, этот взгляд и сегодня все еще диктует многое в политике Запада по отношению к уже другой — новой, демократической, рыночной и неконфронтационной России.

Да и относительно всего исторического прошлого России подобное мнение никак нельзя признать справедливым. За свою тысячелетнюю историю Россия являла пример не только ложных устремлений. Россия преградила путь в Европу всесокрушающему натиску татаро-монгольских орд, она в конечном счете поставила пределы османской экспансии, о нее разбились бредовые мечты Наполеона и Гитлера о всемирной гегемонии, включая, между прочим, и такое воистину дьявольское порождение тоталитарной идеологии, как Холокост.

Определенная обособленность России от остальной Европы является, конечно, следствием не только длительной разнонаправленной игры политических сил. Эта обособленность объективна, и сомнительно, что она может быть в близкой перспективе полностью преодолена. Причины тому — самые разные. Конечно, играют свою роль необъятные размеры страны, суровость климатических условий, историческое наследие. Но главное, что имеет значение сегодня: у России и у остальной Европы — разные задачи. То, что предстоит сделать России, если она окончательно не утратит инстинкты самосохранения, остальная Европа уже в основном сделала, а именно: освоила свои территории, построила высокоэффективную рыночную экономику, добилась достойного человека уровня жизни и создала гражданское, правовое общество.

Необходимость решения этих базовых цивилизационных задач определяет сегодня основное русло национального развития России в XXI веке, ее главный национальный интерес. Сколько времени понадобится новой России, чтобы решить подобные задачи, предсказать не возьмется, наверное, никто. Ясно, что в любом случае это потребует не лет и не десятилетий, а поколений. При благоприятном развитии событий можно, однако,

с высокой степенью уверенности ожидать, что барьеры, отделяющие пока Россию от остальной Европы, будут и дальше постепенно устраняться, открытость ее по отношению и к европейским соседям, и ко всему миру будет возрастать, а взаимопроникновение и взаимопереплетение экономических, научно-технических, культурных и прочих факторов на пространстве от Атлантики до Владивостока будет лишь усиливаться.

Если не говорить о некоторых присущих любому обществу крайностях, то именно на этой конструктивной основе преодолевается сегодня в России длительный исторический спор между западниками и славянофилами. Жизнь убедительно доказала бесплодность этого спора: попытки России идти против течения, против основного потока современной цивилизации ни к чему хорошему не привели. Грандиозный по своим масштабам и жестокости эксперимент, направленный на искусственное создание какого-то иного, отличного от всего остального мира человека, оказался полностью несостоятельным. Стремление к материальному благополучию, как выяснилось, присуще российскому человеку в той же мере, как и любому другому. И российский менталитет — по природе своей тоже европейский, христианский. Основу российских духовных ценностей составляют те же самые десять библейских заповедей и Нагорная проповедь, которые определяют и определяют мировоззрение европейского человека, всей европейской цивилизации, где бы территориально на Земле она сегодня ни располагалась.

Конечно, российскому менталитету присущи определенные особенности, объясняемые просторами и малонаселенностью страны, постоянным внешним давлением и изначальным господством в России византийской версии христианства, в которой основной упор всегда делался не на ответственность индивида, а на соборную, коллективную ответственность людей перед Богом. Отсюда еще сохранившиеся в России, прежде всего в деревне, остатки общинного мировоззрения, общинной психологии, выражающиеся, например, в недоверии к частной собственности на землю и стремлении все же сохранить давно уже обанкротившиеся коллективные формы хозяйства (преимущественно как своего рода социальную страховку). Этим же объясняется и стойкая приверженность российского общества к повышенной ответственности государства за социальное положение самых различных слоев населения.

Драматическая история России в XX веке породила к тому же новые психологические комплексы, в частности не только внешнее, за рубежом, но — что особенно печально — и внутреннее, собственное отношение к российскому человеку как к плохому, ленивому работнику, равнодушному, вороватому, лживому, зачастую спившемуся. Подобное отношение в высшей степени несправедливо: нельзя забывать, что уже четыре поколения россиян работают за нищенскую зарплату, в десятки, а то и в сотни раз меньшую, чем люди той же квалификации в нормальных цивилизованных странах. Неудивительно, что между российским человеком и российским работодателем в лице государства, а теперь и в лице предпринимателя давно уже сложился своеобразный конкордат: как вы нам платите, так мы вам и работаем. Истекшее столетие приучило также российского человека ни в чем не верить ни государству, ни бизнесу, ни общественным организациям, ни жизни во-

обще. И новые времена для «человека с улицы», к сожалению, пока еще мало чем отличаются от прежних, советских: такие «демократические» акции, как повальная конфискация всех сбережений населения в 1992 году, или скоропалительная дармовая приватизация и по существу криминальный раздел общенародной собственности между узким кругом лиц, или государственный грабеж в результате дефолта 17 августа 1998 года, по сути, вполне были в духе того, что творили большевики начиная с октября 1917 года.

Показательно, однако: как только российский человек попадает в более или менее нормальную обстановку, скажем, перебравшись на постоянное место жительства в одну из западных стран, он, как правило, мгновенно превращается в самого добропорядочного гражданина, трезвого, бережливо-го, доброго семьянина, надежного соседа, старательного, изобретательного работника, законопослушного налогоплательщика и т. д. Дело, следовательно, не в особой природе, не в особом менталитете российского человека: он не хуже, не глупее и не ленивее других. Дело в тех условиях, в которых его вынуждает жить окружающая среда.

Нельзя также не видеть, что за годы реформ российский человек впервые распробовал вкус свободы, что выросло уже целое дееспособное поколение, которое никаких других условий, кроме условий свободы, даже и не знает в своей жизни. Звучит, конечно, несколько цинично, но старшие поколения, выросшие в условиях несвободы и привыкшие больше полагаться на партию, государство, вождя, а не на самих себя, скоро вымрут. А у идущих за ними поколений уже сложился или складывается преимущественно иной менталитет — европейский менталитет свободного человека, индивида, который сам выбирает свою дорогу и самостоятельно строит свое счастье. Вполне вероятно, что через 30 — 40 лет, если в мире не произойдет ничего воистину катастрофического, «российский менталитет» станет в основном таким же, как во всех других цивилизованных странах. Только не исключено, что более молодым, более энергичным и устремленным в будущее, чем там, где европейская цивилизация уже успела несколько одряхлеть.

Конечно, образовавшийся сегодня духовный и нравственный вакуум, всеобщая растерянность, потеря жизненных ориентиров — это трагедия нынешних поколений россиян. Но и это, надо надеяться, тоже дело поправимое: не может народ великой и, по сути, столь еще молодой страны долгое время жить в состоянии растерянности: что-то жизнеспособное он непременно найдет — если угодно, найдет свою национальную идею, свой национальный идеал. Но это, конечно, не может быть национальная идея, сконструированная искусственно откуда-то сверху. Все, что можно изобрести искусственно, Россия уже давно изобрела и, более того, испробовала на практике. Были в ее истории и идея державности, и идея безудержной территориальной экспансии, и идея «соборности», и поиски какой-то «высшей духовности», и попытки построить какое-то новое, выдуманное кучкой безжалостных теоретиков общество, и идея силой перекроить и перестроить под себя весь остальной мир — все было, все она уже проходила. До конца, кажется, использован и фактор возможного врага: вряд ли можно сплотить сегодняшнюю Россию всерьез и надолго на основе антиамериканизма, или антиевропеизма (включая традиционное недоверие к Германии), или

«желтой опасности», или угрозы «исламского фундаментализма», или борьбы против какого-то очередного внутреннего врага. Российский народ просто устал от кровавых трагедий невероятных масштабов и насилия, которые ему довелось испытать в XX веке... Конечно, и сегодня российский человек готов защищаться от врага (последняя чеченская война это показала). Но такая защита, очевидно, — это не то, на чем можно построить процветающее государство и нормальную человеческую жизнь.

Одного пока Россия не пробовала всерьез за свою историю: осуществить идею конструктивности, созидания, строительства, заботливого, бережного обустройства повседневной жизни как одного человека, так и общества в целом. Вернее, даже это она пробовала. Но все это почти сразу же выродилось в «египетские пирамиды», «стройки коммунизма», ГУЛАГ, загубленные реки, изуродованные земли, многочисленные промышленные монстры, не производившие ничего, кроме гигантских завалов бесполезного оружия. Все это делалось не для людей и, естественно, воспринималось ими не как личная цель и интерес каждого, а как нечто чуждое, враждебное ему.

Не поверит уже российский человек никакому новому «мессии». А вот во что-нибудь простое, человеческое, обращенное к нему и его семье поверит. Что-нибудь вроде: «Мой дом — лучший на улице, моя улица — лучшая в городе, мой город — лучший в стране, моя страна — лучшая в мире». Подобные настроения по многим признакам начинают все шире распространяться в стране. Пора наконец строить свой дом, сажать цветы, растить детей, мостить дороги, строить школы и больницы. И пора наконец всерьез осваивать те огромные богатства и бескрайние просторы, какими Россию наделила судьба. Этого ей хватит по меньшей мере на несколько столетий, а дальше видно будет, что и как.

Говоря же о том, куда, к какому обществу движется современная Россия, было бы, вероятно, оправданным исходить из того, что с учетом ее прошлого и традиций ей все-таки ближе социал-демократическая модель в европейском варианте, естественно, со всеми поправками на конкретные российские условия. В политике — это законность, демократия, гражданское общество, неукоснительное соблюдение прав и свобод человека при высочайшем авторитете государственной власти. В экономике — господство рынка и частной собственности при активной регулирующей роли государства, социальная направленность экономических решений, максимальный простор для частной инициативы и одновременно строжайшее выполнение общеустановленных правил игры. В социальной сфере — повышение благосостояния всего общества, смягчение социальной поляризации, активная политика занятости, сочетание рыночных и вне рыночных методов социальной защиты, гарантированная государством система обеспечения личной и имущественной безопасности граждан. В культуре, науке, образовании, духовной жизни — свобода творческих сил и возможностей человека при максимальной государственной поддержке соответствующих нужд и устремлений общества. Наконец, во внешней сфере — это регулируемая открытость, стремление использовать благотворные силы международной конкуренции и трансграничного движения капиталов, политика мира и укрепление международной безопасности для всех.

Невозможно согласиться с распространенными на Западе утверждениями, что Россия сама сегодня не знает, чего она хочет и что ей нужно делать. Похоже, что в реальности в российском обществе уже достигнута высокая степень согласия в отношении общих контуров социально-экономической стратегии страны на перспективу ближайших десятилетий. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что в своих основных положениях нынешние программы наиболее влиятельных общественных партий и движений — и левых, и центристских, и правых — во многом похожи друг на друга (за исключением, разумеется, самых крайних, маргинальных). Исходная мысль всех этих программ в сущности одна и та же: России предстоит строить «социально ориентированное рыночное хозяйство». Ограничители причем те же самые, что и в современной Европе: рыночному хозяйству — да, рыночному обществу — нет.

Выдвижение на первый план идеи строительства, созидания побуждает и к изменениям в отношении внешней политики. Было бы, вероятно, оправданно, если бы Россия перешла на позиции здорового, умеренного, конструктивного изоляционизма. Кроме активных коммерческих и культурных связей, у нее за пределами бывшего Советского Союза не должно быть никаких чрезмерных интересов и обязательств. Пусть мир живет как хочет: перед Россией стоят слишком серьезные внутренние проблемы, чтобы отвлекать свое внимание и ресурсы на что-либо иное. Но поскольку нынешний мир, судя по всему, так же жесток, своекорыстен и беспокоен, как и в прошлые времена, главной гарантией России от всяких неожиданностей должно быть сохранение на достаточно высоком уровне ее оборонного потенциала. Если Россия не допустит в перспективе значительного ослабления ракетно-ядерных сил сдерживания и сохранит компактные мобильные вооруженные силы, способные противостоять любой региональной или локальной угрозе, в системе ее внешнеполитических приоритетов неизбежно выдвинутся на первый план экономические интересы, оттеснив проблему политического влияния в различных регионах (разумеется, за исключением традиционных российских интересов на постсоветском пространстве).

Было уже в истории России весьма плодотворное, но, к сожалению, недолгое время, когда именно такая политика определяла поведение страны на международной арене. Имеется в виду эпоха царствования Александра III. Россия в это время не вмешивалась во внешние конфликты, не принимала участия в дележе мира, имела практически открытую экономику и почти открытые границы, строила Транссибирскую магистраль и много чего другого, в высшей степени нужного для страны.

Критерий пользы, выгоды, конкретного интереса должен быть по этой логике именно тем, что необходимо будет стоять во главе угла всей российской внешней политики. «Открываться?» — Да, конечно, «открываться». Но в таком ритме и в таких пределах, чтобы процесс шел в соответствии с древним принципом «не навреди», чтобы это было по силам стране и, безусловно, шло на пользу ее стабильности и перспективам ее дальнейшего прогресса на пути демократии и рынка.

Но этот призыв к определенной умеренности и сдержанности по отношению к внешнему миру отнюдь не означает возврата к психологии

«осажденной крепости». Вызов, брошенный международным терроризмом всему цивилизованному миру, нарастающая агрессия исламского фундаментализма, события 11 сентября 2001 года в США, октябрьская трагедия 2002 года в Москве и другие столь же кровавые деяния мирового человеконенавистнического подполья поставили в международную повестку дня задачу объединения всех сил и возможностей цивилизованных стран в борьбе против новых глобальных опасностей. В складывающемся сегодня всемирном антитеррористическом союзе Россия, несомненно, займет подобающее ей место. Не будет, наверное, преувеличением сказать, что Россия и Запад, все миролюбивые силы современности связаны отныне общей судьбой: им предстоит или вместе погибнуть, или устроить, наконец, на Земле жизнь, достойную Человека.

Более двадцати лет назад Россия стронулась с места и, видимо, никогда уже не вернется в прежнее состояние. При всех ее бедах: падении производства, обнищании населения, разгуле криминала и коррупции, ослаблении власти и других — не следует считать, что российское общество утратило жизнеспособность. Конечно, оно нуждается в определенной передышке: те конвульсии и судороги, в которые его вогнал бездумный азарт реформаторства, оказались слишком болезненными для большинства населения, его терпение сегодня, похоже, уже на пределе. Основная задача российского руководства теперь — внести успокоение в умы и души людей, в окружающую обстановку, вернуть их доверие к государству и веру в будущее страны.

Для этого России не нужна никакая идеология. Ей нужен обыкновенный здравый смысл. И, кажется, есть основания надеяться, что здравый смысл возобладает.

РОССИЯ: ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ БУДУЩЕГО¹

Ибо, когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба...

*Первое послание к Фессалоникийцам
святого апостола Павла, 5: 3*

О духовности, духовном богатстве русского человека, наверное, все уже сказано. О его всемирной отзывчивости, его метаниях от крайности к крайности — тоже. Думается, что сейчас, после наших трагедий и потрясений, настало, наконец, время рассуждать не в рамках «Бог — общество — человек», а искать ответ на вполне конкретный вопрос: «Как?» Что делать, мы уже, похоже, все знаем. А вот «как?» — нет, не знаем.

Печальный эпиграф выбран мною не случайно. Думается, он в сжатой форме отражает то настроение, в каком российский человек в массе своей жил и живет вот уже более пяти поколений подряд, с начала XX века и по сегодняшний день. Вряд ли какой еще народ в истории пережил всего

¹ Доклад представлен на XI Международные Лихачевские научные чтения (2011 г.).

за сто лет столько кровавых войн и не менее кровавых революций, не говоря уже о массовом, тотальном голоде. Только полномасштабных войн было восемь: японская, Первая мировая, Гражданская, польская, финская, Великая Отечественная, афганская и последняя, кавказская, конца которой не видно и сегодня. И революции: 1905 года, Февральская 1917 года, Октябрьская 1917 года, невероятная по своим губительным последствиям коллективизация 1929 — 1933 годов и столь же губительный «революционный» террор 1937 — 1938 годов, наконец нынешняя «демократическая» революция. По своей «социальной цене» она тоже вполне сопоставима с теми, что были до нее. Естественно, что при подобных, скажем так, наследственных настроениях из двух главных возможных сценариев развития России в ближайшие 50 лет — пессимистического и оптимистического — первым в голову приходит именно пессимистический, пронизанный ожиданием грядущей катастрофы и «конца истории» России. К такому выводу подталкивают многие признаки, причем из самых разных и зачастую даже не связанных между собой (на поверхностный взгляд) сторон нашего бытия.

Прежде всего нельзя не признать определенной обоснованности утверждений тех, кто говорит сегодня, что российский народ просто «выдохся», надорвался; что ему уже никогда не восполнить тот чудовищный генетический ущерб, который нанесли ему за XX век все эти войны и безжалостные эксперименты разномастных революционеров; что в соответствии с теориями таких мыслителей, как О. Шпенглер, А. Тойнби, Л. Н. Гумилев и другие, он уже прошел пик своей «пассионарности», и ему осталось только медленно, потихоньку (и хорошо бы безболезненно) вырождаться, растворяясь в более мощных, более жизнеспособных цивилизациях. Неоткуда, дескать, больше ему взять внутренней динамики: последнее, что у него оставалось из того, что было накоплено веками, истрачено в годы большевистского террора и кровавой мясорубки Второй мировой войны. XX век сломал России хребет: доказательством этого стал самопроизвольный (как говорится, «на ровном месте») распад в 1991 году великой сверхдержавы на множество едва ли исторически жизнеспособных осколков и территориально все еще огромный, но внутренне аморфный, желеобразный массив собственно России, единственной гарантией существования которой является ее сохранившийся пока от прежних времен ракетно-ядерный потенциал. Но и он — надолго ли?

Наиболее серьезным международным фактором в перспективе представляются вызревающие уже сегодня конфликт и борьба за общемировое влияние двух ведущих мировых центров силы — США и Китая. При сохранении нынешней динамики — причем и в военно-политической, и в экономической, и даже в научно-технологических сферах — вполне вероятно, что к середине XXI века США вынуждены будут уступить первенство на мировой арене Китаю (особенно если ему удастся без большой войны воссоединиться с Тайванем). Если разнообразное влияние Китая в Южной и Юго-Восточной Азии будет возрастать нынешними темпами (а судя по всему, так оно и будет) и если ему удастся установить некие похожие на союзнические отношения с другим азиатским гигантом — Индией, то можно будет, наверное, говорить (пользуясь критериями этой самой «пассионарности») уже не только о «закате Европы», но о начинающемся закате всей евроатлантической цивилизации.

Другой важнейший и, вероятно, долговременный фактор современной международной ситуации — всплеск исламского фундаментализма и международного терроризма, ставшего его органическим порождением. Трудно не согласиться с теми, кто утверждает, что новая, третья, мировая война началась — война без границ и без правил, и неизвестно, когда, где и как эта война закончится.

Одно, похоже, ясно: при любом повороте событий Россию ожидает многолетняя, упорная и дорогостоящая борьба с исламским экстремизмом и международным терроризмом, во-первых, на ее границах с Центральной Азией и Кавказом и, во-вторых, внутри страны, где многовековой межконфессиональный мир тоже может оказаться достаточно хрупким. Все это, естественно, потребует серьезнейшего напряжения как политических, так и экономических сил страны и, несомненно, как минимум, сильно затруднит ее выход из нынешнего системного кризиса.

Разумеется, список внешних угроз, ведущих в предстоящие десятилетия в целом не к усилению, а скорее к ослаблению России, далеко не исчерпывается перечисленными. В грядущий мировой хаос не могут не внести свой вклад и такие острейшие проблемы XXI века, как безудержная и безжалостная глобализация в пользу «золотого миллиарда», оставляющая в стороне от своих достижений большинство населения планеты; многомиллионные потоки стихийной миграции, меняющие этническое и цивилизационное лицо современного мира, в первую очередь стран, составляющих ядро евро-атлантической цивилизации; кровавые региональные и межэтнические конфликты почти на всех континентах; наркотрафик и трансграничная преступность; экологические опасности, природные и техногенные катастрофы, эпидемии, болезни, голод, неграмотность многомиллионных масс и пр.

Но, как представляется, приближающийся конец «самостоятельной истории» России (в традиционном ее облике) связан не столько даже с внешними факторами, сколько с нынешним внутренним состоянием страны. Россия больна изнутри, больна наследственно, и примененная к ней после 1991 года «революционная терапия» лишь усугубила те болезненные процессы, которые начали складываться в ее недрах еще в советские времена.

И первыми в длинном списке болезней современной России следует, по видимому, назвать резко ускорившийся процесс депопуляции страны, углубляющийся демографический кризис и запустение огромных ее территорий, заметные сдвиги в этнической структуре, отток населения из восточных районов на запад, а не наоборот (как это было до Октябрьского переворота), сократившуюся под влиянием прежде всего искусственных, политико-административных причин иммиграцию в ее пределы и одновременно возросшую эмиграцию, причем наиболее активной, дееспособной и образованной части населения. Все это порождает весьма обоснованные опасения, что в предстоящие полстолетия Россия не сможет удержать в своем составе по меньшей мере Восточную Сибирь и Дальний Восток, а возможно, и пояса прикавказских автономий. Где будет пролегать восточная граница России в середине XXI века — по Лене, Енисею, а может быть, и по Оби или даже по Уралу — предсказать сегодня не возьмется, конечно, никто.

Нет никакой уверенности и в том, что в предстоящие полстолетия (то есть статистически — за время смены двух поколений) Россия сумеет преодолеть последствия тех жесточайших структурных изменений в экономике, которые ей пришлось претерпеть в последние пятнадцать-двадцать лет. За исключением энергосырьевого сектора и отчасти военно-промышленного комплекса, старый, создававшийся десятилетиями экономический потенциал страны разрушен или почти разрушен: традиционное тяжелое машиностроение и приборостроение, авиационная и автомобильная промышленность, железнодорожное строительство, судостроение, весь комплекс потребительских отраслей, аграрный сектор и т. д. По всем этим направлениям сложившиеся ныне условия в стране никак не способствуют особому оптимизму (если исключить, конечно, издревле присущую российскому человеку надежду на чудо).

Прежде всего никогда, наверное, ни одна страна в истории не попадала в такую нелепую, абсурдную с точки зрения обыкновенного здравого смысла ситуацию, когда деньги (инвестиционные и прочие средства) ей на деле оказались не нужны. И это при той колоссальной неудовлетворенной и неудовлетворяемой потребности в деньгах для решения самых неотложных инвестиционных, социальных, общекультурных задач, которые стоят сегодня перед страной! В последние полтора десятка лет, по разным оценкам, от 300 млрд до 1 трлн долларов частных капиталов «сбежало» из страны. Такого массового экономического «кровопускания» не было в истории нигде и никогда. Но и этого оказалось мало. В последние годы государство само вывело за рубеж порядка 500 млрд долларов, которые оно аккумулировало в виде валютных резервов Центробанка и накоплений Стабилизационного фонда и которые оно «влило» на самых льготных условиях в экономику Запада, а не в собственное народное хозяйство. В это же время политику России стал почти официально определять абсолютно невероятный для нормальных людей лозунг «Чем меньше денег в стране, тем лучше». И если смотреть на вещи трезво, то теперь уже вряд ли когда эти эмигрировавшие деньги в массовом порядке вернуться обратно: в основной части экономика Запада уже успела впитать их и переварить.

Но и деньги нашего бизнеса тоже не могут пока быть гарантией решения проблемы накопления. В первую очередь они и сейчас стремятся уйти за рубеж, а того, что остается внутри страны, явно недостаточно для решения ее основных структурных задач. Энергосырьевой сектор, торговля, гражданское строительство, спиртовое производство, финансовые спекуляции, криминальный оборот, ну и отчасти телекоммуникации — вот, собственно, и все, где оседают сегодня внутренние накопления нашего бизнеса.

Остается еще один потенциально значительный источник средств — иностранные инвестиции. Но для них особого интереса Россия как производитель высокотехнологичной продукции (то есть потенциальный мощный конкурент) не представляет. Россия привлекательна только как богатейший энергосырьевой придаток передовых стран (США, Евросоюз, стремительно набирающий силу Китай). И еще, конечно, как значительный и недостаточно пока освоенный рынок для всего спектра потребительской продукции — от колготок до автомобилей и самолетов. Думается, что России в этом контексте еще предстоят серьезнейшие испытания с непредсказуемым пока

исходом, особенно в связи с ее вступлением в ВТО и неизбежным резким усилением иностранной конкуренции на ее внутренних товарных и финансовых рынках.

В сфере частного капиталообразования и автоматического, рыночного перелива капитала из отрасли в отрасль (прежде всего из менее перспективных в более перспективные высокотехнологичные, инновационные отрасли) России, видимо, еще очень долго придется расплачиваться за те фундаментальные ошибки, которые были совершены в 90-х годах прошлого столетия. Нет сегодня такого автоматического рыночного механизма, и никто не решится сказать, когда он у нас будет. Это историческая плата, во-первых, за дармовую, организованную сверху приватизацию огромных государственных активов, в одночасье превращавшую всякого рода нахрапистых проходимцев в мультимиллионеров и миллиардеров, и, во-вторых, за государственные же авантюры вроде выпуска пресловутых государственных краткосрочных облигаций с доходностью до 200 — 300 % годовых, полностью развративших, растливших российский деловой мир, который и сегодня, что называется, «не нагнется», если ему не светит прибыль меньше 100 % годовых (притом что весь мир работает за 5 — 15 % и считает это нормой). А такой, поистине «заоблачный», уровень прибыльности ныне возможен у нас только в энергосырьевых отраслях, спиртовом производстве, кое-где в торговле, в криминальном обороте, но никак не в высокотехнологичных, инновационных отраслях (особенно на первых порах).

И, конечно, не внушает сегодня оптимизма и такой важнейший фактор, определяющий перспективы инновационного «прорыва» страны, как нынешнее состояние российских «мозгов». Все последние двадцать лет близорукая политика высшего руководства если не на словах, то на деле исходила из того, что фундаментальные и прикладные исследования, образование, система здравоохранения, культура в тех масштабах, которых они достигли в советские времена, есть излишество для страны, непозволительная роскошь, непосильное бремя, от которого чем быстрее она избавится, тем лучше. Сокращение расходов на науку в 10 раз и на образование в 5 раз, доведение государственных ассигнований на исследовательские цели до абсурдных 0,3 % ВВП (во всех высокоразвитых странах сегодня — 2 — 4% ВВП), нарочито нищенский, ниже даже среднего по стране, уровень зарплаты ученых, конструкторов, преподавателей, работников здравоохранения и культуры принудительно вытолкнули (и продолжают выталкивать) наиболее талантливую, активную часть нашей интеллигенции за рубеж или в сферу бизнеса.

Большую тревогу вызывает и общее социальное состояние страны.

Ни о каком «прорыве», ни о каком взлете энтузиазма и творческой энергии трудящегося российского человека нельзя, по-видимому, и мечтать, пока не будут решены основные социальные задачи страны, а именно: во-первых, ликвидирован глубочайший разрыв в средней зарплате между той, которая была и остается характерной для жизни вот уже, по крайней мере, четырех поколений россиян, и той, что получают за такой же труд работники в высокоразвитых странах: он, этот разрыв, достигает сегодня величины 6 — 10 и более раз; во-вторых, уменьшена до социально безопасного уровня разница в доходах между верхними и нижними по доходам 10 % насе-

ния, составляющая у нас сегодня уже 15:1 (а неофициально даже 60:1) при 5–6:1 во всех странах, принадлежащих к евроатлантической цивилизации; в-третьих, будет, наконец, построено подлинное «социальное рыночное хозяйство», гармонично сочетающее рыночные и вне рыночные (включая натуральные) формы удовлетворения общественных потребностей, прежде всего в социальном обеспечении, здравоохранении, образовании, жилищно-коммунальной сфере.

Одним словом, с реальной угрозой прекращения «самостоятельной истории» России или ее превращения в историю уже другого государства, безусловно европейского и безусловно регионально очень значимого, но ограниченного теми пределами, в которых Московское царство находилось в эпоху царя Федора Иоанновича (конец XVI в.), следует, несомненно, считаться. Однако почти с той же степенью вероятности можно представить себе и другой сценарий будущего России к середине XXI века — гораздо более оптимистический.

Прежде всего, исходя из прошлого России, весьма сомнительными кажутся все эти утверждения о том, что российский народ окончательно выдохся, устал, исчерпал запасы своей творческой энергии. Гибельные иностранные нашествия, периодическое разорение, всевозможные кровавые смуты и революции с удручающим постоянством сопровождали практически всю тысячелетнюю историю страны. Не раз уже возрождалась Россия, по существу, из небытия. Но возрождалась она неизменно отнюдь не ослабевшей, а, напротив, еще более могущественной.

Революция 1917 года, Гражданская война, коллективизация и сталинский террор, страшные потери во Второй мировой войне в совокупности — если говорить о крови и разрушении генофонда страны — стоили России много больше, чем затянувшийся современный системный кризис. Нынешняя Россия расплачивается в основном еще по тем, старым, счетам. Некоторые современные генетики имеют, видимо, основания утверждать, что потери в генофонде страны за период 1917–1953 годов будут естественным порядком восстановлены лишь примерно через пять поколений. Но это как раз и будет середина XXI века! И это значит, что лицо и динамику России к этому времени будут, вероятно, определять люди, так сказать, первого сорта, а вовсе не то посредственное, худшее или даже наихудшее по качеству, что осталось в целости после всех трагических событий и передряг XX века.

Распространено также мнение: для того чтобы вдохнуть новую жизнь в страну, в ее народ, нужна новая всеохватывающая национальная идея, которая объединила бы Россию. Причем эта идея должна быть обязательно духоподъемной, равной по силе и замаху, скажем, идее духовного христианского спасения, или великодержавной (вплоть до панславизма и даже еще дальше), или идеей избавления всего человечества (не меньше) от всяческого всемирного зла и несправедливости. Все это долгая российская история знает отнюдь не понаслышке. Думается, однако, что возможности возникновения подобного рода тоталитарных идей исчерпаны в России если не окончательно, то на весьма и весьма длительную перспективу.

Не следует ждать появления какой-то спасительной новой идеи, мобилизующей на подвиги весь российский народ, — ей просто неоткуда взяться. В перспективе по меньшей мере двух ближайших поколений (а вероятно,

и много дальше) спасительной может быть только одна, в высшей степени простая идея, вернее, общее умонастроение, общая цель всего российского общества — сохранение и благополучие народа, созидание, строительство, дальнейшее освоение и обустройство страны, достойная, надежная жизнь каждого человека. Как моральной основы этого, представляется, вполне достаточно не только для выхода страны из ее нынешнего системного кризиса, но и для дальнейшего рывка, «прорыва» России и в политической, и в социально-экономической, и в культурной областях. Для современного мира такой стремительный подъем за жизнь одного-двух поколений вовсе не диковина. Примеры известны — Германия и Япония после поражения во Второй мировой войне, «азиатские тигры», некоторые арабские страны, Бразилия, Индия и, конечно, Китай. И нет никаких объективных оснований считать, что российский человек в массе своей глупее, или ленивее, или нравственно слабее кого бы то ни было.

Отнюдь не обязательно неблагоприятным для России может быть и будущее развитие международной обстановки. Так, можно, видимо, вполне обоснованно ожидать, что отношения России с двумя пока ведущими центрами силы — США и Евросоюзом — будут все более приближаться к отношениям прочного стратегического партнерства, основанного на взаимном доверии и интересе. После стольких десятилетий балансирования на грани взаимоуничтожения ни Соединенные Штаты, ни Россия не являются сегодня и, похоже, не будут и в перспективе реальной угрозой друг для друга. По существу, главной проблемой для США на будущее представляется возможный тесный союз России с их основным стратегическим соперником — Китаем. Но такое развитие событий тоже, по-видимому, отнюдь не обязательно должно стать реальностью. В то же время в борьбе против новой мировой опасности — международного терроризма — США и Россия объективно уже стали союзниками, и в дальнейшем России, судя по всему, предстоит обеспечивать «северный фронт» против агрессии исламского фундаментализма, происходящей в первую очередь из Центральной Азии и, возможно, Кавказа. В отношении же весьма сомнительной нынешней линии США на противодействие укреплению СНГ и поддержку всякого рода «цветных революций» перспективы сегодня далеко еще не ясны. Взять на свое содержание (причем на неопределенное время) энное число внутренне слабых новообразованных государств США вряд ли когда решатся. А с опорой только на собственные силы эти государства имеют весьма малые шансы войти на равных в международную политическую и, главное, экономическую жизнь.

Ничем чрезмерно опасным не грозит России и перспектива ее взаимоотношений с Евросоюзом, даже если он станет расширяться и дальше. Во всяком случае, с этой стороны конца «самостоятельной истории» России ожидать не приходится. Военное столкновение между Россией и Евросоюзом невозможно, поглощение России европейским интеграционным процессом нереально: присоединение Турции, Балкан, Украины, да еще и России — это было бы не усиление, а на деле развал всего исторического проекта «Единая Европа». Все имеющиеся сегодня разногласия между сторонами могут и, вероятно, будут со временем разрешены на основе взаимных компромиссов в обычном договорном порядке.

Конечно, Россия не только европейская, но и евроазиатская страна, и с этим нельзя не считаться. Будущее России (особенно ее восточных регионов) в значительной мере зависит от того, как ей удастся выстроить отношения с лидером восточноазиатского сообщества — Китаем.

История много чему учит: она, между прочим, учит и тому, что за одним, по существу, исключением (Индокитай) Срединная империя за долгие тысячелетия своего существования никогда не отличалась стремлением к территориальной экспансии. Не территории интересуют Китай, а, во-первых, возможности укрепления его энергосырьевой и водной базы, включая активное участие в разработке ресурсов таких соседей, как Россия и Казахстан; во-вторых, новые рынки для его традиционной, а теперь и высокотехнологичной продукции; в-третьих, облегчение условий, причем повсюду в мире, для миграции наиболее подвижной (но всегда лишь маргинальной) части своего населения в поисках занятости и сфер приложения своих капиталов.

Отнюдь не мрачными можно представить себе и будущие отношения России со странами СНГ, остающимися традиционной сферой российского влияния даже после выхода Грузии из Содружества и столкновения с ней. Конечно, прежний Советский Союз никогда, вероятно, уже не будет восстановлен. Но создание и утверждение в грядущие столетия своего рода свободной конфедерации независимых постсоветских государств, косяк которой составят Россия, Белоруссия и Казахстан и присоединиться к которой, не исключено, может и ряд других постсоветских стран, — это вполне, по-видимому, реальная перспектива, тем более после пережитого кризиса в отношениях с Украиной. Слишком многое и слишком долго связывало эти страны во всех областях жизни их народов, чтобы полностью отказаться от оценки так называемого «постсоветского развода» как исторически кратковременного замешательства. Сами по себе эти новообразованные государства по большому счету не нужны сегодня в мире никому, а самостоятельно, вне тесной связи друг с другом и с Россией, их реальный экономический потенциал при нынешних масштабах международной конкуренции вряд ли жизнеспособен.

В целом в обнадеживающем, думается, направлении развивается и внутривосточное устройство России. Страна всерьез приступила (по сути, впервые в своей истории) к строительству демократического общества, и теперь, похоже, ничто, кроме угрозы вторжения извне, не может свернуть ее с этого пути. Будет ли у нас, учитывая российские традиции, своего рода «демократический цезаризм», или классическая парламентская демократия, или федерация с обширными полномочиями регионов, аналогичных, скажем, правам американских штатов, или канадских провинций, или даже швейцарских кантонов — на предстоящие столетия не это представляется главным. Основная задача по крайней мере для двух ближайших поколений — создание прочного фундамента под всем зданием российской демократии, а именно — действенной системы местного самоуправления. На это, между прочим, ведущие демократические страны потратили целые столетия. Дважды делала попытки и Россия: в середине XVI века (в первой половине царствования Ивана Грозного) и во второй половине XIX — начале XX века (земство). К сожалению, терпения, как говорится, не хватило. Сегодня же мы вновь лишь в начале пути. Но без выборной, ответственной

и в финансовом смысле самостоятельной системы местного самоуправления Россия вряд ли может рассчитывать на истинный подъем творческих сил народа, на утверждение законности и порядка сверху донизу и если не на искоренение, то, по крайней мере, на обуздание разъедающих ее изнутри коррупции и преступности. А с мелкими локальными конфликтами, возникающими по самым разным причинам то тут, то там, ей, по-видимому, придется уживаться еще долго. Показательны в этом отношении примеры многодесятилетней борьбы Великобритании с североирландскими сепаратистами или Испании с движением басков.

Не следует, думается, недооценивать и реальные возможности заметного ускорения социально-экономического развития России. Даже самая болезненная в смысле перспектив проблема страны — демографическая — при соответствующей целенаправленной политике может быть, по-видимому, так или иначе решена. Конечно, это потребует колоссальных усилий не только со стороны государства, но и от всего российского общества. Во-первых, в самом близком времени государство должно изыскать необходимые средства (а они у него есть) для всемерной поддержки семьи, поощрения рождаемости, создания разветвленной системы льгот, в первую очередь жилищных, для молодых семей, ликвидации национального позора страны — бездомности, беспризорности, заброшенности миллионов людей, от детей-сирот до беспомощных стариков и инвалидов. Во-вторых, необходимо возродить прежнюю переселенческую политику России, благодаря которой за исторически короткие сроки ей удалось хотя бы отчасти освоить и заселить Сибирь и Дальний Восток. В-третьих, нужно устранить все административные и, что, может быть, даже еще важнее, массово-психологические препятствия перед иммиграцией на территорию России не только русских и русскоязычных, но и всех других граждан из бывших советских республик. Вполне возможно, в частности, что именно такая иммиграция станет одним из главных способов заселения пустующей российской деревни и малых городов. В-четвертых, не будет ничего удивительного, если в предстоящие полстолетия российское руководство обратится вновь к политике, которую наиболее масштабно и успешно начала проводить еще Екатерина II, организовавшая массовое переселение в Россию иммигрантов из других европейских стран.

Вера в лучшее будущее России позволяет надеяться и на то, что в не столь уж отдаленной перспективе в ней сложится экономическая система, в которой исчезнет, наконец, во многом искусственный конфликт между государством и рынком, государственной и частной собственностью, государственным регулированием и свободой предпринимательства. Уже сегодня просматриваются некоторые признаки того, что российское общество готово признать основные результаты пусть и скоропалительной, но ставшей уже непреложным фактом приватизации: новый передел собственности (неважно, в пользу ли государства или же других частных лиц) обойдется, что называется, себе дороже, резко нарушив только-только возникающее в стране состояние стабильности.

Государство, особенно в наших конкретных условиях, должно сосредоточиться на нескольких важнейших экономических функциях, которые еще длительное время будет просто некому выполнять, помимо него.

Это, во-первых, дальнейшее развитие основной части инфраструктуры страны: дорог, коммуникаций, трубопроводов, электроэнергетики, водохранилищ, мелиоративных сооружений, крупных портов, общественных зданий и сооружений, школ, больниц, природоохранных систем и т. д. Во-вторых, еще долго (если не всегда) будет существовать необходимость в казенных заводах, прежде всего оборонного назначения. В-третьих, государственные средства, помимо прямой инвестиционной функции, должны стать фундаментом всей кредитной системы страны, тем кредитором и страхователем «последней инстанции», каким государство является во всех благополучных странах. В-четвертых, без государственной помощи — в виде налоговых послаблений, льготных кредитов, защиты от бюрократического и криминального рэкета — малый и средний бизнес, давно уже ставший во всем мире основным двигателем экономического прогресса и источником инноваций, никогда у нас не окрепнет и не выйдет из «тени», где сегодня создается, по различным оценкам, свыше 40 % ВВП страны.

Столь же необходима государственная помощь и аграрному сектору, будь то индивидуальное фермерство, или нарождающиеся фермерские кооперативы, или агропромышленные компании: без прямой бюджетной поддержки этого сектора нигде в мире не обходятся — ни в развитых, ни в развивающихся странах. И наконец, в-пятых, нигде, даже в самых «рыночных» экономиках, наука, образование, здравоохранение и культура не существуют без решающего участия государства в их содержании и финансировании. И вряд ли российский бизнес, даже при благоприятнейших условиях, когда-либо сможет взять эту функцию целиком на себя.

Представляется, что сегодня в регулирующей деятельности Российского государства наибольшее значение приобретают:

- создание самых твердых гарантий неприкосновенности частной индивидуальной и корпоративной собственности, принуждение к соблюдению бизнесом общепринятых норм деловой этики, борьба против всех квазизаконных и вовсе незаконных способов захвата чужой собственности, против коррупции, организованной преступности и криминального оборота;

- восстановление (путем намного более существенных, чем сегодня, государственных гарантий) подорванного доверия внутренних и внешних инвесторов к российской кредитно-финансовой системе;

- отказ от абсурдной по своей сути политики бюджетного профицита или чрезмерного ограничения его дефицита, противоречащей всей веками устоявшейся мировой практике и резко ограничивающей бюджетные расходы как раз тогда, когда сокращать их нельзя ни под каким предлогом;

- проведение самой жесткой антимонопольной политики, поскольку в сложившихся у нас условиях не только и даже не столько денежный фактор, сколько безответственная деятельность естественных и рукотворных монополий является основной причиной все еще не затухающей инфляции.

Определенный оптимизм внушает также и то, что российский дикий рынок 1990-х годов понемногу, похоже, нормализуется. Эпоха «баронов-разбойников» в силу естественных причин приближается, кажется, к своему закономерному концу, и уже видится приход на смену им новых поколений деловых людей, привыкших или привыкающих соблюдать общепринятые в мире «правила игры». Остается все меньше и меньше сфер бизнеса, где

сохраняется возможность работать не с нормальной, а с заоблачно высокой прибылью, нормальной становится привычная миру психология «клиент всегда прав», все шире распространяется практика решения хозяйственных споров в обычном судебном порядке, сама собой постепенно исчезает, казалось бы, неистребимая многомиллионная армия «челноков», все больше появляется признаков, что социальная ответственность не так уж и чужда российскому бизнесу, особенно если он уже вышел из стадии «первоначального накопления». Как говорил когда-то Л. Н. Толстой, в конце концов «все образуется»: российский бизнес только-только начал выходить из стадии бурного, но все-таки детства, и те 5–6 % населения, которые во всем мире составляют слой предприимчивых людей, как обнаружилось, сохранились и у нас, несмотря на все трагедии XX века. От государства этим людям нужно одно: не мешать им, а помогать, и не менять слишком часто «правила игры».

Два поколения — достаточный срок и для того, чтобы избавиться от еще одного наследственного порока России: недопустимо заниженной и до сих пор занижаемой платы за человеческий труд. Доля зарплаты в ВВП страны сегодня составляет 30–32 %, во всех экономически передовых странах — 50–70 %. Нечего и говорить, как это неблагоприятно сказывается на трудовой активности российского человека, на его творческой отдаче и его морали. Вынужденное безделье, преступность, алкоголизм, наркомания, неустойчивость семьи — это все в первую очередь порождение бедности, а не его, человека, греховной природы.

Таким образом, при благожелательном и по возможности непредвзятом взгляде на вещи баланс между пессимистическим и оптимистическим прогнозами развития России в ближайшие полвека складывается примерно в соотношении 49:51 в пользу последнего. Разумеется, еще более важную роль, чем логика, в подобных оценках играет вера: кто-то верит в катастрофу, кто-то — в лучшее будущее — так оно было и так будет всегда. Но даже если руководствоваться одной чистой логикой, нельзя ни понять, ни тем более оправдать упорное отрицание нынешними российскими верхами необходимости иметь ясный для всех — и для властей, и для бизнеса, и для самой широкой общественности, и для наших зарубежных партнеров тоже — стратегический, долгосрочный план развития страны, который, среди прочего, включал бы и долгосрочную структурную (промышленную) политику. «Авось куда-нибудь кривая сама вывезет» — этот известный принцип для многих, конечно, удобен. Но он никак не удобен для страны, внезапно вдруг потерявшей прежнюю цель и не обретшей до сих пор вместо нее ничего, что отвечало бы уверенному продолжению ее от века «самостоятельной истории».

А в качестве своеобразного итога этой самонадеянной попытки заглянуть куда-то в середину нынешнего века не вредно было бы, думается, вспомнить мысль, высказанную как-то нашим крупнейшим математиком и футурологом академиком Н. Н. Моисеевым (однажды всполошившим, между прочим, весь мир своим прогнозом «ядерной зимы»): нет смысла загадывать и прогнозировать дальше, чем на 15–20 лет вперед, ибо за это время в мире обязательно произойдет что-нибудь такое, что перевернет все с ног на голову. Кто-нибудь мог, к примеру, предсказать даже не за 20, а всего лишь за 5 лет такое всемирно-историческое событие, как внезапный самораспад Советского Союза? Или трагедию 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке? Или, скажем, кто знает, как отреагирует мировое сообщество, если в предстоящие

полвека на Землю вдруг все же опустится долгожданный корабль каких-нибудь инопланетян?

В отношении же места России, будь то в дихотомии «Восток — Запад» или «Север — Юг», можно с достаточной уверенностью сказать, пожалуй, лишь одно: через 15 — 20 лет Россия не станет ассоциироваться и не сможет идентифицировать себя ни с одним из этих миров. Но, скорее всего, она наконец расплатится по всем своим и старым, и новым историческим и человеческим счетам. А что дальше будет, это знает, вероятно, лишь один Верховный Судья.

В. Л. Янин¹

ИНТЕЛЛИГЕНТ — ЭТО КУЛЬТУРНЫЙ ГЕНОФОНД НАЦИИ²

Поскольку каждый по-своему понимает, что такое интеллигент, я хотел бы обнаружить, как я понимаю этот феномен.

Отвлечемся от критериев «порядочности» и «непорядочности»: порядочный человек может быть не интеллигентом. Я всегда представлял себе, что интеллигенция — это культурный генофонд нации. У меня было два замечательных учителя.

Один из них — Артемий Владимирович Арциховский, который очень любил повторять, что в XIX столетии культурные люди образовывали настолько тонкую пленку на поверхности русского общества, что практически все были знакомы друг с другом. Поэтому все друг на друга воздействовали, взаимно обогащаясь.

Другой мой учитель — Александр Александрович Сиверс — заведовал отделом нумизматики в Московском историческом музее. Ему было 86 лет, когда мне довелось беседовать с ним. В молодые годы он был знаком с Александром Михайловичем Горчаковым. Когда я здоровался с Александром Александровичем за руку, я всякий раз замирал: Боже мой, он же этой рукой касался руки лицейского товарища Пушкина! Всего два рукопожатия до Пушкина! Три рукопожатия до Державина! Эти рукопожатия через поколения — живой символ передачи традиции. Традицию, которую несет русская интеллигенция, необходимо беречь и, обогащая, развивать. И тот, кто этому следует, наверно, и является интеллигентом.

¹ Академик РАН, заведующий кафедрой археологии исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор. Автор более 700 научных и научно-популярных книг и статей, в т. ч.: «Новгородские посадники», «Очерки комплексного источниковедения», «Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование)», «Новгородские акты XII — XV вв. Хронологический комментарий», «Некрополь Новгородского Софийского собора», «У истоков новгородской государственности», «Очерки истории средневекового Новгорода», «Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода» и др. Награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Дружбы народов. Лауреат Государственной премии СССР, Государственной премии РФ, Ломоносовской, Ленинской и Демидовской премий, премии «Триумф», литературной премии Александра Солженицына. Почетный гражданин Великого Новгорода. Почетный доктор СПбГУП.

² Доклад представлен на Международные Лихачевские научные чтения «Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева» (2001 г.).

V. ГУМАНИТАРНАЯ КУЛЬТУРА, НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ

Реза Давари Ардакани¹

ЧТО МОЖЕТ ФИЛОСОФИЯ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ?²

Нынешние времена повсеместно характеризуются несоразмерностью в делах и сумятицей в умах. Даже так называемые развитые страны задаются вопросом, что делать и куда идти. Люди в остальной части мира, в свою очередь, делают нерешительные шаги, не осознавая того, что следуют примеру предшественников, и не задумываются о своей судьбе. Современный мир отличается от прежних времен двумя основными аспектами: теперь целью науки и практики является человек и именно человек строит свой мир, опираясь на науку и технологии. Результатом интенсивных духовных, психических, политических и этических изменений в эпоху Возрождения стало то, что западный мир порвал свои связи со Средними веками и в XVII и XVIII веках провозгласил мир, который должен был строиться благодаря усилиям, надежде и рациональности. В течение двух веков такой мир формировался и развивался должным образом, достаточно сбалансированно.

Тем не менее развитие и стабильность не были столь стремительны и последовательны, как это ожидалось в начале XVIII века. В конце XIX века Маркс утверждал, что в основе капитализма лежит хаос. Однако некоторые русские писатели усматривали в нем нигилизм, который поселился в среде современного модернистского общества. Даже Достоевский хорошо опознал и описал в своих трудах террористическое лицо нигилизма. Такое открытие послужило основой для стойкого противостояния России Западу. Постепенно с конца XIX века кризис модернизма стал проявляться еще более интенсивно. Вместе с тем какие-либо препятствия на пути современного развития в начале XX века отсутствовали — по крайней мере, их не было до начала Первой мировой войны. Как мы знаем, Европа и США не пали перед тенью коммунизма, которая, по словам Маркса, «окутала Европу».

Две мировые войны сняли покровы с внутренних конфликтов в развитии всемирной истории. В то время как техническая власть Европы и США продолжала увеличиваться, их внутренний союз и надежда ослабевали.

¹ Президент Академии наук Исламской Республики Иран, доктор философии, профессор. Автор более 40 книг и 500 статей, включая: «Постмодернистский образ мысли», «Западное мышление и цивилизация», «Современная иранская философия», «Традиции и современность», «Философия в цепях идеологии», «О науке», «О Западе», «Политика, история, мышление», «Наука и политика в сфере образования и исследований», «Философия и завтрашний день» и др.

² Доклад представлен на XV Международные Лихачевские научные чтения (2015 г.).

Мировые войны были признаками слабости и только усилили слабые места. Характерным для обеих мировых войн было отсутствие победителей; обе стороны были проигравшими и ничего не получили. Однако верно, что Европа избавилась от злокачественной опухоли нацизма, СССР увеличил силу своего влияния в Восточной Европе и других регионах, а США стали лелеять мысли о вмешательстве в дела стран по всему миру. Все же нацизм не был единственной проблемой для Европы, а расширение влияния СССР и учреждение так называемых республик в Восточной Европе не привели к разрешению мировой дилеммы. В конце концов, нацизм был просто знаком. Германия проиграла Вторую мировую войну. Однако великие державы Европы также не насладились трофеями, а столпы их колониализма были поколеблены или уничтожены.

Последствием стало возникновение двух полюсов — Востока и Запада. Западная сторона находилась под предводительством США. Когда они вступили на авансцену мировой политики, то превратились в сверхдержаву западного мира, подчиняя все страны своей военной и политической власти. Конечно, за этим просматривалось желание представлять *povus ordo seclurum* (новый порядок веков). Однако данная идея не увенчалась успехом из-за конфликтов во внутренней и внешней политике в других местах мира, особенно на Дальнем Востоке. Были случаи, когда США игнорировали фундаментальные принципы демократии до такой степени, что некоторые американские государственные деятели заявляли об оправданности и даже необходимости пыток как средства в борьбе против терроризма.

При таком течении событий новый мировой порядок в его двухсотлетней истории обрел новую форму и претерпел реформу. Когда США отвергли Доктрину Монро (доктрину невмешательства), они были вовлечены в войны и локальные восстания, особенно в Восточной Азии и Латинской Америке. В то же время увеличение военной силы и политического авторитета России оказало прямое или косвенное влияние на антиколониальные движения, хотя эти действия и не достигли тогда поставленных целей. Национальные движения были побеждены, и вновь возникла тень холодной войны. Эта война длилась в течение сорока лет, когда же она закончилась, некоторые политики, в особенности американские, были переполнены радостью, полагая, что началась эра правления непревзойденной либеральной демократии.

Очевидно, что в холодной войне, как и в двух мировых, не было победителей. Американцы, говорившие о конце идеологии и истории, очень скоро убедились, что, несмотря на свою состоявшуюся структуру, социализм был побежден и дискредитирован. Но при этом либеральная демократия также не могла спасти свою репутацию. Более того, нынешняя проблема не имеет отношения ни к социализму, ни к капитализму, ни к либерализму; скорее она похожа на проблему темнеющего горизонта будущего. Каким может быть будущее у мира, в котором 90 % населения живут в неразвитых или развивающихся странах и регионах? Будущее развивающихся стран фактически совпало бы с прошлой или настоящей ситуацией развитого мира. Другими словами, развивающиеся страны хотели бы достичь положения, которого развитый мир уже достиг. Жаль, что для развивающихся стран это нелегкая задача. Следует заметить, что в большинстве стран мира процесс развития

происходит нерегулярно и в низком темпе. В случае если неразвитый мир не сможет достичь стадии развитого, его существующие конфликты в мире усилятся; если же он достигнет такой цели, то предстанет перед той же проблемой, что и мир развитый. Иными словами, он не видит горизонта перед собой и не знает, куда ему следует идти.

Основатели представлений о модернизме говорили о нем как о чем-то универсальном, но модернизм стал региональным понятием. Легко жить в воображаемом «теперь» и заявлять, что нам не следует волноваться по поводу завтрашних проблем и трудностей и что «мы будем думать о завтра, когда оно настанет». Но проблемы существуют в настоящем времени. Правильнее сказать, что перед всеми людьми, живущими в развивающихся странах, стоят большие проблемы, которые обнажили их внутренние конфликты более чем когда-либо и привели к экстремизму, терроризму, опустошению и разным видам коррупции. Люди развитого мира всегда заняты производством и воспроизводством новых технологических продуктов, заставляя трудиться людей остального мира. В случае если они не увидят себя отчужденными и лишенными надежд в их нигилистическом мире, что им делать с экономическим кризисом, распространением моральной и этической коррупции и опасностей, вытекающих из разработки военных технологий и истощения энергетических ресурсов?

Те, кто может хоть немного уловить биение пульса жизни и времени в развитых или развивающихся странах, могут спросить себя: откуда люди XVIII века черпали надежду и почему она в XXI веке превратилась в безнадежность? Поставить этот вопрос означает вступить в область философии, которая спрашивает, почему полный надежд мир потерял свою надежду. Дошел ли он до конца своего пути или стал безнадежным, не достигнув цели? Наступило время для философов, а также политиков, социологов и учителей этики поразмышлять над этими вопросами. Такие вопросы не порождены деятельностью философов. Так что мы не можем сказать: дескать, не будь в мире философов, не было бы никаких философских вопросов.

Эти вопросы действительно существуют в мире и формулируются некоторыми людьми именно по причине их существования. Философские проблемы не подделываются философами, и сама философия не возникла из-за какого-то случайного совпадения: это не просто продукт вкусовых предпочтений личностей, таких как Сократ, Авиценна, Декарт или Гегель. Сократ сказал, что философы прислушивались к словам времени, чтобы стать философами. Авиценна за свою относительно короткую жизнь попытался сформулировать проблемы мира в философской форме мышления, чтобы показать пути мудрости.

Будет справедливо отметить, что философия пришла в мир ислама к мусульманам-шиитам, которые не воспринимают мир без помощи имама и проводника, кто способен обеспечить ответы на поставленные вопросы. До сих пор мы не проводили детального исследования статуса философии в исламском мире и того, почему она была оставлена на произвол судьбы. Мало известно о воздействии философии на богословие, в особенности на религиозную науку, вероятно, на герменевтику и, наконец, на образ жизни людей, этику и политику. Тем не менее нельзя недооценивать, что философия и наука в Греции представляли интерес для мусульман в целом и иранского

народа в частности, который приветствовал греческую науку и философию и следовал за ее образом мыслей и мудростью, так что впоследствии даже сами европейцы получили выгоды от его достижений.

В наше время отношения между философией и политикой замутнены. Усилия Фараби не нашли отражения в истории исламской философии. Поскольку мы оперируем трудами Декарта и Канта, для нас такие отношения ясны и очевидны. Декарт описывает мироустройство способом, при котором человек находится в его фокусе, имея полномочия использовать иначе отчужденную природу, а также научное господство. Но со второй половины XIX века души людей стали наполняться ощущением умственного надрыва и беспокойства, что нашло отражение в поэзии и мыслях. На сегодняшний день воображаемая в XVIII веке картина земного рая поблекла и почти исчезла. Никто не знает, какова судьба мира.

В нынешнем мире порядком современности стал порядок доминирования. Но некоторые люди все еще живут в предмодернистскую эпоху. Все еще есть такие, кто лелеет мысли о модернизме и удовлетворен этим. Таким образом, их сердца восхищены и их умы заняты чем-то другим; у них нет верховодящей руки. Ни одна из этих двух групп не имеет связи со временем и историей модернизма.

Эпоха модернизма имеет различные лица и проявления и разделена на развитые, неразвитые или развивающиеся эпохи. Неразвитая эпоха — это не период времени, размещенный до предмодернизма и модернизма, это даже не переходный период, так как неразвитая эпоха не является ни частью эпохи модернизма, ни предшествующей ей. Возможно, она призрак времени. Следовательно, люди этой эры думают, что прилагают усилия, чтобы достигнуть желательного будущего, хотя они повторяют некую форму приостановленного «теперь», которая осталась от прошлого и не связана с будущим. Это «теперь» неразвитой эры, знаки которой находят повсюду, особенно в формальных, наполовину политических и наполовину культурологических выступлениях. Это неисторическое или внеисторическое «теперь» является не чем иным, как псевдовременем неразвитого мира.

Три эти формы синхронны между собой. В случае если бы люди предмодернистской эпохи жили в нынешнем календарном времени, они были бы современниками людей развивающегося и развитого миров. Удивительно, но есть случаи, когда их можно найти живущими в одном доме, поскольку с помощью Интернета можно предложить курс о трактате Клавдия Птолемея «Альмагест» для студентов, которые принадлежат эпохе между традицией и модернизмом. Такие люди, которые отрезаны от старой истории и еще должны присоединиться к современности, не принадлежат любой из этих эпох. Если они заинтересованы присоединиться к ходу истории и жить в будущем, они должны думать о своем времени или своей вневременности. Например, иранский мусульманин теперь должен задумываться о времени и веке, в котором он живет, — в XXI веке от Рождества Христова или в XV веке по исламскому календарю. Возможно, он не принадлежит ни одной из этих эпох.

Возможно, он родился в день календаря, прожил десятилетия в XX и XXI веках. Жизнь в XXI веке требует специфического склада ума, литературы, науки, образования, экономики и политики. У человека может не быть ха-

рактистик, соответствующих требованиям XXI века, равно как и соответствующих требованиям XIV и XV веков по исламскому календарю. При таких обстоятельствах, если он изучает исламскую философию, его учителя не Мулла Садра и не Мулла Хади Сабзевари. Но в той же мере он не может поразмышлять над Ницше или Кантом. Он не вполне понимает, какое отношение он имеет к Мулле Садре или Канту. (Поскольку мы ничего не знаем об этом или наши знания малы, есть лишь немногие люди, кто мог бы хоть как-то это прояснить.)

В наше время постижение философии проходит двумя способами. Первый — это систематическое образование, в ходе которого мы узнаем о Мулле Садре и Мулле Хади Сабзевари, к примеру. Также мы кратко узнаем о взглядах Канта и Ницше. Мы думаем об этих людях как о мужчинах, у которых были собственные особые взгляды, и мы, в свою очередь, согласны с некоторыми их взглядами и не согласны с другими. В этом случае можно спутать время Муллы Садры со временем Канта или проигнорировать их релевантность со временем (однако их работы и символы принадлежат определенному времени, и склад их ума отмечен этим временем; таким образом, трудно будет проигнорировать отношение их взглядов ко времени творчества каждого из них). Другой способ постижения не предполагает ни изучения системной философии, ни обучения ей: это, скорее, размышления над отношением ко времени каждого из этих философов.

В последние десятилетия часто говорили о двух или трех эпохах. Мы неоднократно читаем и слышим о предмодернистской и модернистской эпохах, как будто бы у истории есть только два времени или две исторические эпохи: одна принадлежит предмодернизму, а другая является временем и формальной истории модернизма. Однако знаем ли мы, какое отношение ко времени имеет философ? Теперь, когда мы каждый день читаем Муллу Садру и Декарта, какое отношение у нас к ним возникает и с кем мы разделяем общее для нас время? Если мы не принадлежим времени Муллы Садры, то как и когда мы отрезали нашу связь с тем временем; и к какому времени мы присоединились после этого? Маловероятно, что мы присоединились к эпохе Декарта и Канта, поскольку в их время формировался мир. Мы должны лично убедиться, достигли ли мы стадии формирования живущих существ. И если это произошло, формируем ли мы мир таким же образом, как предложили Кант, Гегель и Маркс? Это и станет нашим принятием модернизма на невербальном, подсознательном уровне.

Теперь наша проблема в том, что мы не порвали нашу связь со временем Муллы Садры, и при этом мы недостаточно искренны, чтобы порвать ее. Также мы не можем проигнорировать и Новое время. Может быть, найдутся и те, кто принадлежит двум эпохам. Если это когда-нибудь произойдет, то в будущем они могут послужить проводниками. Однако жизнь, культурные, социальные и политические системы не могут принадлежать двум эпохам, а если такое случается, то на практике возникают смута, бедствия, непонимание и неспособность к действию. Каждый раз порядок возрождается, когда он представлен и находит обсуждение в искусстве, религии, мудрости и философии.

Это может быть понято так, что ничему нельзя научиться у философии прошлого. В этом случае мы должны проигнорировать исторические

горизонты Муллы Садры и Сухраварди и ради целей развития порвать нашу связь с ними и присоединиться к современному времени и модернизму. Люди каждого времени и каждой эпохи принадлежат собственному времени и истории. Но обычно они этого не знают, как и о различии их собственного времени и других времен. О времени может рассуждать только философ. Знание того, что Мулла Садра принадлежал миру, отличающемуся от мира Декарта — современного ему философа в Европе, не означает, что мы должны принять одного и отвергнуть другого. Можно принадлежать новому миру и в то же время ценить время Муллы Садры. Найдутся те, кто скажет, сделал бы Мулла Садра то, что сделал Декарт, то и в Иране появилась и развилась бы новая философия. Но Мулла Садра принадлежал другому времени, и по этой причине он последовал примеру своих предшественников и достиг конца того пути. Тогда как западная философия шла своим путем, призывала к другим средствам и имела различные результаты и последствия.

Сегодня основные проблемы мира связаны с вопросами развития и модернизма. Развитие осуществлялось тремя путями. Во-первых, так называемое внутреннее порождающее развитие, как это произошло более или менее органичным образом в развитых странах в соответствии с их естественной тенденцией; во-вторых, сознательное, основанное на подражании просчитанное планирование; и в-третьих, чистое подражательное развитие. Первый путь — естественный и оригинальный способ истории модернизма. Второй путь — это всесторонняя и относительно скоординированная имитация, чтобы избавиться от отсталости. Конечно, конец этого пути неясен. Это путь, который испытали на себе некоторые латиноамериканские и азиатские страны.

Наконец, третьим путем является частичная и позиционная имитация без учета ее пригодности статусу и месту действия. На ум может прийти еще одна идея (конечно, ее иллюзорная форма очень распространена, но здесь обсуждаются взгляды и суждения). Речь идет о том, не являются ли развитие и модернизм в умах людей тождественными понятиями, не предполагает ли модернизм сам по себе степени развитости и нет ли возможности подумать еще о каком-то жизненном плане. Здесь мы не собираемся концентрироваться на марксизме, пролетарской революции, коммунизме и бесклассовом обществе, поскольку у коммунизма не было плана превзойти модернизм, но был замысел спасти современный мир. Так, лозунг «От каждого по способности, каждому по потребности» можно расценить как специфическую интерпретацию принципов модернизма.

Вопрос, что такое модернизм, и особенно возражения ему, вовсе не новы и обсуждаются последние десятилетия, пусть и имея время от времени идеологическую подоплеку. По крайней мере, в своей идеологической форме эта идея не достигла состояния неудовлетворенности со стороны приверженцев модернизма и его злостных противников. Эта идея не вошла в область размышлений и по-прежнему не имеет никакого отношения к постмодернистским взглядам. (Изучение сущности модернизма для русской литературы явление новое и пока серьезно не рассматривалось.) Тем не менее теперь не существует иного пути, кроме как путь развития. Если в этом суть дела, то сойти с пути развития в данный момент просто невозможно.

Однако как следует пойти по этому пути? Слепое следование по этому маршруту и путешествие в никуда ни в коем случае не приведут к порядку, координации и умеренности, поскольку ни на каком этапе развития баланс никогда не достигался. Незрелый мир работает меньше и более занят борьбой. Даже его официальные административные организации не управляются на основе рациональной бюрократии и, как следствие, рассредоточены и разбросаны; они, скорее, создают видимость работы, чем исполняют свои основные обязанности. В "Le Spleen de Paris" Шарль Бодлер оценивает современный город как «город сплина, мрачного настроения». Он с уважением относится к парижскому сплину. Но если Париж был для него городом сплина, то сплин незрелого мира был бы для него более горьким и болезненным, чем тот, что в модернизме.

К сожалению, люди незрелого мира проводят свои дни и ночи в скуке и мрачном настроении, даже не зная об этом. Есть лишь немного людей, которые могли бы задуматься над причиной своего сплина, над его постоянством или даже усилением в некоторых случаях. Незрелый мир не спрашивает себя, почему он не получает от своей упорной борьбы того, чего заслуживает. Люди действуют на основе своего представления о невидимых манипуляциях в полном страданий материальном мире, другом мире, их статусе и месте. Развитие нового мира было осознано одновременно с появлением *трансцендентного эго* в новой философии, литературе и политике под воздействием определенных духовных и культурных обстоятельств. Действительно ли возможно для людей, которые живут в различных исторических и культурных условиях, легко развить и приобрести к истории модернизма, поддерживая при этом свою идентичность и оригинальность?

Этот вопрос стоит перед нами в числе других серьезных психологических и научных вопросов и проблем. Что такое исторические и культурные условия и в каких пропорциях соотносятся социально-экономическое развитие и особый менталитет и дух? Что подразумевают оригинальность, религиозное, радикальное и национальное самосознание? Принес ли модернизм за последние 200 – 300 лет нечто большее, чем ряд образцов поведения, обычаев и предметов? Японцы могли бы не испытывать таких проблем. Нет никакой необходимости озадачивать людей такими вопросами в других местах. Но когда путь к развитию и модернизму оборачивается трудным маршрутом, должны быть люди, которые размышляли бы над этими вопросами и искали бы их корни.

Главная часть этих проблем происходит из духовного статуса и здравого смысла людей, склонных развиваться. Проблемы всегда и везде существовали в той или иной мере. Если трудность выбранного пути еще не оценили, то это потому, что считалось, что у развития есть только западный путь, который надо пройти, не рассмотрев универсальность модернизма, его культурный, научный и политический статус, и без осознания того, что двери могут закрыться за первооткрывателями и другим предстоит открыть их заново, даже если у них есть некоторая информация от пионеров. Иными словами, чтобы еще раз пройти по западному пути модернизма, потребуются мудрость и сила. Если бы это было не так, развивающийся мир не стоял бы у истоков после 100 лет усилий и борьбы. Развивающийся мир должен с полной

тщательностью изучить глубину истории новой Европы, если он действительно хочет приобщиться к достижениям европейцев. Но ни в коем случае нельзя забывать о различиях между собой и европейцами. Каковы эти различия и в чем они заключены? Различия очевидны. Но неясно, как их можно сгладить и почему они легко не сглаживаются. В прошлом люди не настаивали на том, чтобы сглаживать различия. Они все еще пытаются поддержать свои различия в определенных вопросах. Но если речь идет о науке, технике и образе жизни, все это представляет для них интерес, и западные примеры служат для подражания.

Мы знаем, что не все люди разделяют мнение, что современная наука и технологии являются феноменом Запада. Они считают, что польза, получаемая прежде всего от науки и технологий и от мира потребления в целом, — это шаг к продвижению и естественному историческому развитию, которое принадлежит всем людям мира. Если дело обстоит таким образом, то нужно размышлять об удаленности и различиях, которые существовали в начале новой эры и заставляли считаться с собой на протяжении времени. Этот вопрос можно поставить следующим образом: если новая наука произошла из науки старой, то почему же получилось так, что мы, будучи пионерами в науке, философии и искусстве, не имели таких личностей, как Галилей, Коперник и Декарт, и даже не ценили их науку, пока не оказались вынуждены принять ее? Почему наш путь не пересекся с путем модернизма? Мулла Садр был современником Декарта, но первый стоял в высшей точке развития исламской философии, тогда как второй стал философом современного мира. Почему это произошло? Этот вопрос следует обсуждать в другом месте. Следует, однако, здесь упомянуть, что прежде чем встать на путь к будущему, следует подготовиться, обращаясь к истории и изучая мысли и культуру прошлого.

Даже для достижения модернизма у нас нет выбора, кроме как обращаться к искусству и мыслям прошлого. Тогда у нас может быть достаточное самосознание для выбора будущего пути. Философия и исламское богословие не только обладают глубиной и кредитом доверия, но также и являются проявлениями духа 1400-летней истории Ирана. Обращаясь к этим годам и глядя в зеркало философии, богословия, поэзии и литературы, мы узнаем о наших возможностях и существовании в прошлом.

В заключение отмечу, возможно, организаторы дали этой конференции имя Лихачева, чтобы подчеркнуть именно это ее предназначение. Д. С. Лихачев — один из великих представителей истории, литературы и культуры России. Для меня большое удовольствие посетить это мероприятие.

Ю. Н. Афанасьев¹

О ГУМАНИЗАЦИИ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ²

Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов становится все более заметным центром в общем пространстве образования и культуры, местом, где совершенно очевидно биение общего пульса неравнодушных людей, которые на протяжении ряда лет заинтересованно стараются осмыслить, что же происходит с развитием гуманитарного знания, и в более широком контексте пытаются подойти к вопросу о том, что же такое гуманитарное знание. Ответ на этот вопрос неоднозначен.

Сам факт появления таких учебных заведений в российском образовании, в нашей культуре хочется всячески приветствовать и поддерживать. Все еще помнят те времена, когда общее образовательное и культурное пространство Советского Союза, России представляло собой бескрайнюю равнину, на которой заметно возвышались несколько официально воздвигнутых вершин. Они устанавливались в различных областях по единому принципу, строго по ранжиру. Если речь шла об университетах, то вершина неизменно называлась Московским университетом на Ленинских горах. В области кино была соответствующая иерархия Союза кинематографистов с назначаемыми «выдающимися деятелями», Союз писателей строил свою вершину и т. д.

С начала 1990-х годов все это пространство стало трансформироваться во что-то непонятное. Спонтанно начали возникать новые учебные заведения, и оказалось, что наиболее ощутимо новая, живая мысль, не отягощенная прежними догмами, пробивается там, где это вроде бы и не планировалось свыше. Особенно явно это наблюдалось в гуманитарной сфере, хотя и не только в ней.

Мне кажется, что в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов тоже происходит непредусмотренное, но заметное оживление в сфере гуманитарного знания и образования. Так часто бывает. Например, один из самых выдающихся историков XX века Марк Блок, говоря о призвании историка, выразился весьма образно: «Историк по сути своей напоминает сказочного людоеда, и где пахнет человечиною, он знает, там его ждет добыча». Это высказывание можно отнести ко всем гуманитариям. Кстати, сами слова «гуманитарный», «гуманитарии» в последнее время становятся такими словами-символами, откликаясь на которые, очень многие люди (и не только те, кто работают в университетах, не только исследовате-

¹ Ректор Московского государственного историко-архивного института (1986 – 1991), основатель, ректор и президент (1991 – 2006) Российского государственного гуманитарного университета, доктор исторических наук, профессор. Автор большого числа научных и публицистических работ, в т. ч.: «Средства массовой информации и демократия. Исторические и культурные предпосылки», «Власть и собственность в истории России», «Новая историография о советском периоде», «Историзм против эклектики: французская историческая школа "Анналов" в современной буржуазной историографии», «Другая война: 1939 – 1945», «Опасная Россия» и др. Кавалер ордена Почетного легиона (Франция), командор ордена Великого князя Литовского Гядиминаса (Литва), офицер ордена Трех звезд IV степени (Латвия), командор I класса ордена Полярной звезды (Швеция), офицер ордена Заслуг перед Республикой Польша.

² Доклад представлен на Международную научно-практическую конференцию «Гуманитарная культура как фактор преобразования России» (1999 г.).

ли-теоретики, но и так называемые практикующие гуманитарии) — артисты, музыканты, художники, писатели — объединяются в надежде, что именно на этом поприще возможен прорыв в лучшее будущее.

Мы в Российском государственном гуманитарном университете озабочены теми же проблемами и отчасти свою озабоченность реализовали в проведении общеуниверситетских научно-практических методических конференций, посвященных поиску ответа на вопрос, что есть гуманитарное знание. Таких конференций прошло уже восемь. Кроме того, я руковожу постоянно действующим семинаром по этой проблематике, который не так давно собирался уже, по-моему, в 42-й раз. Итогом работы семинаров и конференций стали многие публикации РГГУ; некоторые изданы книгами, одну из них я взял с собой (несколько экземпляров ее представлены на конференции). Она называется «Об универсальном знании и новой образовательной среде». Я еще вернусь к этой книге, но хочу прежде закончить свою мысль по поводу проблемы так называемого горообразования на равнине нашего культурного и образовательного пространства и позволю себе продолжить развитие образа.

Да, равнина заколебалась под воздействием различных глубинных процессов, да, многие вершины появились непредсказуемо, это стихийное горообразование может быть опять взято под контроль. В природе это невозможно, а в человеческом сообществе, как мы хорошо знаем, еще как возможно. Вновь появилась тенденция назначать «главных» и «ведущих».

Однако очень многие «вершинные» назначения, узаконивания и достижения, на мой взгляд, органично существуют только в жанре «сильбо гомера». В лексиконе латиноамериканских индейцев этим выражением обозначается не что иное, как художественный свист. В жанре «сильбо гомера» сегодня работают и коммунисты, и монархисты, и демократы. Например, в кинематографии это Никита Сергеевич Михалков. Он становится «главным киношником» России, но претендует не только на это «звание», но и на хранителя национальной идеи, как, впрочем, многие «главные». И среди художников уже наметился «главный художник всея Руси», — Илья Глазунов, и среди архитекторов — Зураб Церетели. Я все-таки позволю себе более резкие слова: на мой взгляд, этот «главный архитектор» испохабил внешний вид очень многих городов России и, к несчастью, не только ее. Ему был дан карт-бланш, так же как дается карт-бланш всем узаконенным главным «вершинам». В образовании эта вершина по-прежнему зовется МГУ, а персонифицировано — господин Садовничий.

Естественный «беспорядок», если так можно выразиться, в развитии образования, культуры очень многим не по душе. Имею в виду тех, кто привык к прежней упорядоченности, кому хочется снова организовать все так, как и было, с несколькими начальственными вершинами, заметными на всю Россию. Однако мне все-таки кажется, что будущее России — именно за той непродуманной холмистостью, за неровностями, которые будут возникать, исчезать, объединяться в ту же вершину. Кстати, будущее — и за вершинами мигрирующими.

Это лирическое отступление кажется мне важным в контексте нашего главного разговора, к которому я возвращаюсь, отталкиваясь от содержа-

ния уже упомянутой книги «Об универсальном знании и новой образовательной среде».

Вот эту книжечку, а в ней 50 с лишним страниц, я попытался ужать до трех страничек и под заявленным названием — «О гуманизации гуманитарного знания» — вам представить.

В настоящее время гуманитарное знание большинством работающих в университетах и гуманитарных интеллектуалов воспринимается как система гуманитарных предметов, связанных с познанием закономерности бытия человека как в его общественных проявлениях, так и в разнообразии индивидуальном. Пытаясь построить систематическую логику этой предметной области, Джон Стюарт Милль назвал ее *the moral sciences*, что одним из немецких мыслителей было переведено как *Geisteswissenschaften*, а это буквально означает «науки о духе». Другими же, при сохранении этого термина, оно было воспринято как «науки о культуре», а русский дореволюционный перевод этого понятия — «нравственность науки» — ныне полностью вытеснен иным представлением о науках гуманитарных. Таким образом, стремление Милля построить гуманитарную науку по образу и подобию именно науки, естественно, не вызвало сопротивления и стало явлением европейской культуры и цивилизации, закрепив соответствующий наукоцентризм и в образовании. Однако являются ли науки, или системы знаний о чем-то, например о природе, о человеке, об обществе и так далее (организованные в духе научной революции, начавшейся в XVII веке и продолжающейся по сей день), науками для человека?

Я хотел бы обратить ваше внимание вот на что: именно в XVII веке одновременно с научной революцией произошли очень важные, существенные изменения в знании. В ходе этой научной революции (которая, подчеркиваю, продолжается) наряду с колоссальными приобретениями очень многое было утрачено из общечеловеческой культуры, которая пришла к нам из Античности и Средневековья.

Итак, являются ли (или могут быть) науки и системы знаний о чем-то науками и для человека? Нетрудно заметить, так как об этом свидетельствует весь современный опыт цивилизованного строительства, что так устроены знания, ориентированные на человека только одного типа — человека-мастера, человека-профессионала, человека-специалиста или собирательно — на *homo faber*.

Это утверждение носит общий характер, не зависит от предметной области; оно одинаково справедливо и для специалистов-технарей, и для специалистов-гуманитариев, но своим происхождением обязано доминированию только одного типа знания, направленного на внешнюю деятельность, приводящего к осязаемым результатам и лежащего в основе современной западной цивилизации, то есть знания — силы (Бэкон). Люди типа *homo faber*, вообще говоря, весьма удобны: они являются подходящим материалом для уже действующих социальных машин, это люди-винтики с очень узкой областью самостоятельности мышления, как правило, ограниченные сферой профессиональной компетентности, поэтому сознанием таких людей легко манипулировать. Здесь-то и возникают вопросы, связанные со свободой такого человека. Причем, когда я говорю о сознании, которым легко манипулировать, я отнюдь не имею в виду только, скажем, советского человека,

потому что и сознанием американца, сформированным таким образом, можно манипулировать. Нетрудно привести бесконечное количество примеров, когда подобным сознанием манипулировали и продолжают манипулировать на наших глазах. По-видимому, в этом случае свобода человека становится синонимом абсолютной невостребованности. Однако в обществе с выборными механизмами формирования властных структур и широко представленными избирательными правами не так-то уж и много совершенно невостребованных людей, и в этом смысле забавно выглядят рекламные уверения западных демократий о якобы наличествующем у них действительно гражданском обществе, основанном на разуме большинства граждан.

Таким образом, ориентация в любых предметных областях наряду с материально-техническим прогрессом непрерывно воссоздает условия для деградации человечества, увеличивая опасность исчезновения людей, мыслящих самостоятельно и универсально, способных различать и осмысливать многочисленные проявления бытия целостного мира, организуя свою и чужую деятельность на основе целостного, а не фрагментарного видения, — людей, которых с полным основанием можно назвать *homo sapiens* — человек понимающий.

Цивилизация европейского типа достаточно давно вступила на путь деградации, на что указывает уже само понятие *science*, восходящее к латинскому слову *scientia*, которое еще в латыни использовалось для обозначения знаний совершенно разного типа, то есть одно обозначало многое. Вообще, отсутствие языковых средств для различения знаний разного типа характерно для всех языков действующей европейской речевой среды, что достаточно определенно свидетельствует о равнодушии к тонкостям познавательного процесса в соответствующих культурах. Но так дело уже обстояло в латинской культуре, которая утратила развитое в древнегреческой культуре весьма изысканное различие знаний по их назначению, способам овладения, достоверности и в итоге — по их значимости.

В самом деле, какие знания, какая наука нужна для образования человека типа *homo sapiens*? Очевидно, что назначением такого знания является не выполнение какой-либо работы, а организация средствами рассудка сознания, души человека, «космоса души», как говорил Платон. Именно такое знание делает человека не машиной для выполнения той или иной функции, а человеком понимающим. Обретение знания интенсивно развивает способности к самостоятельному мышлению. Именно такое знание является по настоящему гуманным. Так вот, говоря о гуманизации гуманитарного знания, я как раз и имею в виду вышеназванное и охарактеризованное знание, ибо без него человеку не удастся быть свободным.

Знания такого типа греки называли «эпистемэ», знания же, направленные на ту или иную деятельность, они называли «тэхне». Более того, истинная тэхне, по Сократу и Платону, отличается от ремесленничества именно овладением соответствующим эпистемэ. Такая направленность на человека, на организацию его сознания приведет или приводит к новому представлению о гуманитарности и гуманитаризации. В частности, становится ясной причина провала всех без исключения попыток гуманитаризации естественно-научных предметов, ибо они обычно преподавались гуманитариями примитивно, тогда как требуется, напротив, существенная фундаментализация

этих предметов, которой, увы, не владеют очень часто и сами авторы, и преподаватели.

Таким образом, истинный смысл гуманитаризации любой, подчеркиваю, предметной области мы усматриваем в отыскании *эпистемэ*, сущностного видения каждого предмета. Именно в этом представляется нам назначение образовательной науки, которой тоже, надо констатировать, пока что не существует, а также в организации сценариев, в самостоятельной деятельности студентов в образовательной среде с целью *самостоятельного* обретения ими этого видения. Причем сказанное в равной степени относится ко всем образовательным предметам, и в первую очередь, конечно, к гуманитарным. В этом новом смысле гуманитарность следует понимать не как науки о духе, а как познание духа, сущности наук, в том числе и духа наук о духе. Задача это непростая, ибо такие знания трудно найти в готовом виде, так как обретение сущности эпистемного знания наука никогда не считала своей задачей и ориентировалась главным образом на получение результатов, значимость которых придавалась бы теми или иными научными школами.

Из сказанного выше вовсе не следует, что появление *homo sapiens* невозможно только потому, что на это не настроена система образования. Ситуация становится не столь безнадежной, если имеются иные образовательные инструменты. Например, известно, что в СССР студентами элитарных учебных заведений (МГУ, МФТИ, МИФИ и пр.), готовивших специалистов в области точных наук, становились, как правило, выпускники спецшкол (с физико-математическим уклоном), где учились прошедшие специальный отбор дети, для поиска которых, главным образом в провинции, существовала целая система.

Сравнительно небольшая часть выпускников общеобразовательных школ, становившихся студентами элитарных технических вузов, формировалась не по школьным учебникам. Школа играла важную роль зарождения начального интереса, который в СССР легко мог быть развит, поскольку государство специально создавало внешкольную образовательную среду. На это целенаправленно и квалифицированно работали крупнейшие издательства («Физматлит», «Мир», «Знание», «Прогресс» и др.), а развитая инфраструктура Союзкниги (в меньшей степени «Академкниги»), библиотечных коллекторов и такие средства формирования этой среды, как обязательный ассортиментный минимум, система предварительных заказов, невысокие цены и принципы комплектования библиотек, делали продукцию этих издательств доступной в самых отдаленных уголках страны. Случалось, что издания из ассортиментного минимума лежали годами невостребованными на книжных полках магазинов и библиотек, создавая тем самым возможность удовлетворения потенциального спроса, и, по большей части, находили своего потребителя. Система букинистической торговли, развитая в крупных городах, делала доступной литературу прошлого, иногда довольно далекого. Нерыночный характер такой деятельности государства очевиден.

Наличие этой среды зачастую превращало в «позитив» несуразницы в канонических учебных материалах, ибо их самостоятельное опознание и прояснение порождали сопротивляемость к догматическому восприятию

любого предмета — качество, совершенно необходимое для формирования самостоятельности мышления. В такой ситуации образовательная среда превращалась в довольно-таки богатый мир учебных материалов, контакты с которым (даже хаотические, не организованные специальным образом) давали ощутимый качественный эффект. Богатство и доступность этого мира, конечно, определялись политикой издательств, а также другими, указанными выше факторами. Содержательное наполнение такой образовательной среды было очень неравномерным: богатым и относительно разнообразным в естественно-научной сфере и весьма бедным и однообразным в гуманитарной, что, конечно же, диктовалось идеологическими причинами.

В настоящее время в России оказались разрушенными практически все инфраструктурные инструменты формирования такой образовательной среды, поскольку они носили характер инвестиций в будущее (в соответствующем понимании, конечно), а элементарные «квазирыночные» механизмы ее поддержания разработаны не были. Степень разрушения такова, что восстановление прежней интеллектуально-информационной инфраструктуры немислимо в России конца XX века. Поэтому сейчас и в ближайшем будущем речь может идти только о формировании новой образовательной среды с помощью иных инфраструктурных инструментов, где решающую роль, скорее всего, будут играть современные информационные технологии хранения, поиска и предоставления информации. Это обстоятельство, с нашей точки зрения, очень важно для понимания как особенностей нынешней ситуации, так и современной образовательной проблематики вообще.

Более того, современные технологии в принципе позволяют сделать эту среду не только избыточной с точки зрения подготовки *homo faber*, но и одновременно предоставляющей возможность для самостоятельного построения — нахождения ответов на сущностные вопросы, то есть овладения эпистемным знанием. Для этого необходимо развитие специальной образовательной науки, целью которой будет построение такого знания, разработка способов его информационного «консервирования» и сценариев овладения им. Если бы это произошло, то у России XXI века появились бы шансы для опережающего развития. Достаточно вспомнить, какую роль в промышленном и научном развитии Российской империи сыграла Комиссия по организации домашнего чтения, действовавшая с 1960-х годов вплоть до ее крушения; вспомнить ее роль в том, что Россия стала тогда самой динамично развивающейся страной, грозившей стать мировым лидером в XX веке. Даже в сильно ущемленном виде инерция этого процесса вывела-таки СССР в сверхдержавы.

Все вышесказанное дает нам возможность утверждать, что шансы для опережающего развития у России есть.

А. С. Запесоцкий¹

ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУРЫ: ПРОИЗВОДСТВО СМЫСЛОВ И УПРАВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫМИ ПОТОКАМИ²

1. Кризис культуры, кризис человека

Культура США, Евросоюза и в особенности России переживает трагедию катастрофического надлома, конкретные черты которого фиксируются массой разноплановых исследований. Новые поколения, вступившие в детство и юность в последние десятилетия, радикально отличаются от своих отцов и дедов. Различия фундаментальны: они произрастают из систем ценностей, санкционирующих цели деятельности, коренятся в смыслах базисных мировоззренческих универсалий, понимании добра и зла, видении картины мира. Нового человека формируют общественная практика новой эпохи, новая культура, которую по отношению к предшествующей можно характеризовать как культуру деградации и упадка. Решающим фактором трансформации культуры стали информационные потоки, разрушившие процесс культурной преемственности поколений и конструирующие иную, весьма самобытную культурную систему. Ее, к сожалению, трудно считать магистральным путем развития мировой цивилизации.

2. «Информационное общество» как новое варварство

Научная мысль XX века поставила на фундамент относительности ценность научно-технического прогресса, идею победы человека над природой. Стали очевидными опасности истощения природных ресурсов, многообразных загрязнений природной среды, уничтожения природы как таковой.

В наше время становятся очевидными и пагубные тенденции очередного витка этого прогресса, связанные с развитием информационно-коммуникационных технологий, формированием «информационного общества». Казалось бы, рыночная экономика в сочетании с политической демократией, свободой слова и доступа к информации открывает совершенно восхитительные возможности для развития человека и культуры, обнаруживает потрясающие воображение перспективы новых взлетов гуманизма и духовности.

На практике же происходит противоположное. В глобальной политике уничтожается с огромным трудом созданная система международного права, на смену ей снова приходит право силы. Новая дикость, неоварварство творятся якобы в защиту истинных ценностей, выстрадавших человечеством в ходе тысячелетий его исторического развития. На самом же деле эти ценности бессовестно попираются. Стимулирование извне

¹ Ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Заместитель председателя Совета ректоров Санкт-Петербурга. Председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции.

² Доклад представлен на XIII Международные Лихачевские научные чтения (2013 г.).

этноконфессиональных противоречий в Югославии стало там толчком для геноцида, а прямое военное вмешательство НАТО с бомбардировками мирного населения привело к распаду этой страны. Безосновательная оккупация Ирака сопровождалась уничтожением сокровищ мировой цивилизации, уникальных культурных ценностей человечества и погрузила страну в межконфессиональную войну, приносящую каждый день гибель десяткам и сотням мирных граждан. Уничтожение внешним вмешательством Ливии и Сирии сопровождается десятками тысяч жертв среди мирных жителей. Захват глав независимых государств и передача их в руки враждебных племен для зверских расправ, похищения граждан других стран по всему миру, пытки в Гуантанамо, присвоение чужих средств на счетах своих банков — эти и им подобные действия совершаются под контролем законных правительств и парламентов, органов юстиции стран Запада, но главное — вызывают массовое одобрение граждан этих стран.

Еще 40 – 50 лет назад подобное было невозможно. Реакцией на эволюцию Запада в духе «общества потребления» в конце 1960-х годов стала тогда «молодежная революция», а события войны во Вьетнаме отправили в политическое небытие целый слой властвующей элиты США. Теперь же оправдание и одобрение преступлений против человечества, сопоставимых по масштабам и сути со зверствами фашистских концлагерей, стали нормой жизни для миллионов граждан «передовых» стран Запада.

«Как такое оказалось возможным сегодня?» — вот вопрос, который стоило бы осмыслить участникам Международных Лихачевских научных чтений. На мой взгляд, это не риторический вопрос. Он относится к радикальным переменам в сфере глобального общественного производства, фундаментальным сдвигам в развитии глобальной и национальных культур. Всего несколько десятилетий назад общественное мнение в мире формировалось выдающимися интеллектуалами — учеными, писателями, мыслителями, университетскими профессорами. Теперь оно фабрикуется владельцами информационных корпораций, «денежными мешками», тесно связанными с бюрократами. Сотни миллионов людей по всему миру снова превращаются в марионеток в руках кукловодов. Эти фундаментальные перемены и сдвиги должны быть выявлены и осмыслены.

3. Надлом российской культуры

Не меньший материал для размышлений в связи с этим дает и развитие событий в нашей стране, в России. Неоварварство торжествует у нас едва ли не во всем. Идет ли речь о выборе места для строительства новой сцены Мариинского театра или введении ЕГЭ в школах; об исключении из школьных программ великой русской литературы или торговле в аптеках фальшивыми лекарствами; о замене при ремонте Большого театра бронзовых элементов декора на пластмассовые или объявлении вузов коммерческими организациями. Асфальт при прокладке дорог заменяется на его имитацию. Вовлечение детей в занятия физкультурой заменяется на поощрение фанатских движений. В воспитании осуществляется переход от культивирования человека-творца к формированию «квалифицированного потребителя». Во множестве сфер деловой и общественной жизни совесть заменяется страхом.

Учителями жизни становятся не родители и педагоги, не Лев Толстой и Дмитрий Лихачев, а Счетная палата и Следственный комитет.

Следует признать, что, стремясь к «западным ценностям», Россия оказалась сегодня в авангарде неоварварства, разрушив собственную систему культурной преемственности. Рядом со старой, великой российской культурой, отмирающей по мере ухода с исторической арены воспитанных в советское время поколений, создана совершенно иная, не имеющая ничего общего с прежней. Это культура гниения и распада, разрушения традиционных культурных ценностей.

Недавно объектом глумления государственного телевидения России стала победительница одного из конкурсов красоты, жена знаменитого футболиста и, по всей видимости, неплохая мать своих детей. Она не знала, что Земля вращается вокруг Солнца. Но ее незнание — норма для российских граждан. Этого не знает треть современного населения страны. Существенная часть населения не знает также, почему нельзя сбивать детей на пешеходных переходах, садиться пьяными за штурвалы самолетов, жарить прохожих на Вечном огне. А для новоявленных «столпов общества» шедеврами человеческого духа теперь являются: изображение группой «Война» мужского полового органа на мосту через Неву, претендовавшее на соискание премии Министерства культуры РФ; телесериал «Школа», получивший высшую премию российской телеакадемии; «панк-молебен» группы «Пусси Райот», выдвинутый на все возможные премии на свете нашими доморощенными «либералами».

Как такое стало возможным в стране Пушкина и Шолохова, Чайковского и Прокофьева, Эйзенштейна и Козинцева? Ведь нам достаточно сравнить сериал «Школа» с фильмом «Доживем до понедельника», чтобы понять огромную пропасть, созданную за последние 20–25 лет между великой российской культурой и тем, что теперь навязывается обществу. За два десятилетия произошла тотальная смена шкалы ценностей, осуществляется воспроизводство нового типа личности, стоящего на лестнице гуманитарной эволюции намного ниже типичного человека советской эпохи.

История в нашей стране снова пошла по какому-то порочному пути случайно, или в основе протекающих процессов лежат некие фундаментальные закономерности? Что происходит с ценностями и смыслами, шире — с культурой в современных обществах западного типа, развивающихся на духовно-нравственной платформе христианства? Ясно уже, что наиболее развитая часть христианского мира вошла в глубочайший кризис. И Россия вошла в него, по всей видимости, особенно глубоко. Но в чем суть и причины этого кризиса? Это — другой вопрос, ответ на который участникам Лихачевских чтений стоит поискать совместно.

Между тем сегодня мы видим, что сбылось мрачное пророчество Хантингтона о войне цивилизаций. Страны Азии воздвигают барьеры на пути влияния Запада в области культуры и искусства, которое они считают тлетворным. С крайней осторожностью эти страны относятся к идеологии Запада и основанным на ней формам уклада общественной и семейной жизни. С горечью приходится констатировать, что в Китае созданы научно-исследовательские институты, изучающие ошибки Советского Союза и современной России с целью их предотвращения в собственном развитии. Таково

отношение к западному пути, западным ценностям в странах, исповедующих буддистскую и конфуцианскую философию.

Мусульманская же часть человечества, как известно, объявила Западу настоящую войну, причина которой — неприятие базисных ценностей в их современной западной интерпретации. Уничтожительной критике в мусульманском мире подвергаются западная пропаганда однополюх сексуальных отношений, современное понимание женщины и семьи, наркомания, алкоголизм, социальная несправедливость, распространение продукции массовой культуры и безудержное загрязнение окружающей среды, экономическая эксплуатация народов, не входящих в «золотой миллиард».

Запад становится во всем мире синонимом лжи и обмана, спекуляции на традиционных ценностях. Показательно, что даже Латинская Америка (страны христианского мира) не хочет двигаться в фарватере США и Евросоюза, быть зоной их влияния.

4. Ценности и смыслы

Спор между Западом и всем остальным миром фокусируется не столько на ценностях как таковых, сколько на иерархиях ценностей, системах ценностей, смыслах, которые вкладываются в понимание тех или иных ценностей в контексте различных культур.

В каждый конкретный момент истории культура любого социума содержит специфический набор и иерархию ценностей. Их система выступает в качестве наиболее высокого уровня социальной регуляции. Слом существующей и формирование иной социально-экономической формации (очередным рубежом этих процессов в России стал 1991 г.) предполагают существенное изменение системы ценностей. Однако это не может быть сделано в одночасье. Система ценностей прочно существует в том или ином виде в сознании любого члена общества. Она составляет основу его мировоззрения, картины мира. Система ценностей является основой для выработки целей деятельности человека. Вся повседневная деятельность людей соотносится ими с системой ценностей. Собственные поступки и поступки других людей человек оценивает с точки зрения соответствия его представлениям о добре и зле, истинном и ложном, красоте и безобразии, справедливом и несправедливом, возможном и запретном.

Ценности подвержены влиянию социальных отношений. В индивидуальном восприятии реальности они выступают как свойства предметов и явлений, однако даны не от природы, не в силу внутренних объективных свойств объектов, а вследствие их вовлеченности в сферу общественно-го бытия людей.

5. Ценности и смыслы производятся как продукты

Ценности и смыслы в наше время производятся как продукты, только это происходит не в материальном мире, а в сознании людей. Более того, этот вид в структуре общественного производства постепенно занимает все большее место по сравнению с созданием индустриальной продукции.

Стремительно расширяются возможности информационных систем. В связи с этим в развитии глобальной, национальных, локальных и индиви-

дуальных культур наряду с процессом создания культурных ценностей (социальные, технические, художественные и другие инновации) все большее значение приобретают создание, конструирование и регулирование информационных процессов, способов подключения к ним человека.

Современная ситуация характеризуется не только увеличением объемов информационных потоков, циркулирующих в обществе, и повышением мощности информационных систем. Происходят и иные перемены. На смену раннему буржуазному обществу свободной конкуренции с его стихийной принудительностью экономических механизмов, рыночной реализацией частных интересов независимых субъектов хозяйственной деятельности приходит «информационное общество» — государственно-монополистическая организация производства, охватывающая не только материальную сферу, но и сознание людей. Производство смыслов, формирующихся в человеческом сознании, превращается в самостоятельную отрасль экономики и пронизывает все традиционные сферы производства. Образуется индустрия смыслов. Философские основы понимания происходящего заложил Мераб Мамардашвили, описавший изменения в соотношении между действием общественных экономических законов и механизмами сознания людей в нашу эпоху [1].

К концу XX века демократические способы организации жизни общества все больше начинают испытывать деформации и уступать место скрытым формам регулирования экономического развития и социально-культурных процессов со стороны властвующих элит. Информационные потоки выступают важнейшими инструментами такого регулирования. Известно, что от 90 до 95 % мировых новостей производятся тремя корпорациями США, находящимися де-факто под контролем властей этой страны. В Китае властные структуры официально признают свой контроль над распространением информации. СМИ играют решающую роль среди различных институтов, оперирующих информационными потоками. По сравнению с другими социальными институтами влияние СМИ на умы людей и общее состояние культуры наций неуклонно растет и достигло к настоящему времени беспрецедентных масштабов. В ряде отношений это влияние уже перевешивает воздействие всех прочих факторов, вместе взятых.

6. Переход от воспроизводства творцов к производству потребителей

Россия сегодня завершает переход от культурных парадигм прошлого к новым информационным укладам. Минувшее столетие, несмотря на масштабный геноцид в отношении интеллектуальной и культурной элиты, прошло под знаком величайшего взлета творческой, научной и философской мысли.

Именно минувший век воспитал и закалил плеяду замечательных ученых, деятелей науки и искусства, гуманистические идеалы и труд которых вывели отечественную науку и культуру на новый уровень. В ту эпоху идеалы гуманизма и просвещения стали ориентирами культуры масс, а их создатели — властителями дум российского общества. Несколько поколений россиян выросли в обществе, где реально ценились знания, яркость мысли,

концепции и интеллект. Выросли поколения творцов. Эти люди, обеспечившие величие русской науки, образования, культуры, по сути представляли собой живую связь с фундаментом великой русской культуры. Через все трудности, связанные с влиянием командно-административной системы, они пронесли стремление к творческому осмыслению информации в контексте окружающей реальности. Именно благодаря их усилиям и в постсоветский период отечественные гуманитарные науки совершили следующий шаг вперед.

Известно, что становление культуры и цивилизации XX столетия в СССР во многом прошло под знаком информационной ограниченности, примата идеологии над свободой творчества, тотального контроля над деятельностью системы массовых коммуникаций. Но в условиях мощной государственной поддержки науки, культуры и образования это привело и к укреплению, развитию образовательной и культурной самодостаточности, энциклопедизма научных знаний ученых, универсальности творческой подготовки специалистов, порой при серьезном дефиците информации. Деятели культуры должны были иметь фундаментальные и едва ли не всеобъемлющие знания для того, чтобы успешно действовать, творить. Присутствие таких людей в обществе само по себе являлось фактом величайших достижений духа.

Наше время выдвинуло на авансцену новый тип личности: человека малообразованного, плывущего по волнам информационных потоков под влиянием складывающихся трендов. Более того, целый слой невежественных людей оказался вовлечен во власть, начал оказывать существенное, а иногда и решающее влияние на принятие судьбоносных для страны решений.

При поддержке государства СМИ оттеснили, а во многом и заменили в России систему образования. Итогом последних десятилетий стало воспитание нового поколения, ориентированного не на творчество, а на потребление. Для миллионов молодых людей великие достижения русской культуры теперь уже незнакомы. Не прочитаны важнейшие книги, не прочувствованы важнейшие духовные смыслы, не сформирована система мировоззрения. Будучи во многом продуктами современной системы средств массовой коммуникации, эти люди не способны самостоятельно принимать решения, создавать новое, жить и действовать в сфере культуры. Они жадно ждут от СМИ все новых рецептов и подсказок, алгоритмов действий, способов восприятия и интерпретации окружающей социальной действительности. Они не способны сформулировать в своем мышлении целостную картину мира. Их мышление носит клиповый характер.

Современное информационное общество принесло в жертву рынку идеалы просвещения и духовные ориентиры прошлого. Теперь оказалось выгодно с помощью социальных технологий навязывать и тиражировать для массового потребления образцы низкосортной культуры. Сегодняшний информационный рынок способен платить лишь за низкопробную культурную продукцию. Основной задачей современного «информационного общества» становится увеличение скорости принятия решений не только в сфере потребления, но и в социальной жизни. И в современных условиях система СМИ не просто все чаще прибегает к манипулятивным социокультурным технологиям в сфере духовного производства — она становится в основном манипулятивной.

СМИ научились эффективно конструировать информационные приоритеты и обеспечивать успешное восприятие информации в интерпретации, необходимой для власти. Одним из результатов этого стало возрастание роли институтов государства и бизнеса. Теперь при принятии законов, сложных государственных решений, при реализации масштабных экономических проектов подконтрольная власти система массовых коммуникаций быстро и эффективно формирует общественное мнение нужным образом. Применение современных технологий позволяет транслировать не только информацию, но и когнитивные алгоритмы ее обработки, не столько внедряет прямым насилием конечный вывод, сколько инсценирует алгоритм выбора и усмотрение целевого решения. Людям навязываются интерпретации реальности, смыслы происходящего.

Для власти оказывается невыгодно воспитание умного, интеллигентного, компетентного в различных сферах деятельности человека. По той причине, что такой человек подвергает сомнению формирование общественных приоритетов и целей, в которых заинтересована власть. Ничего не принимая на веру, осмысливая и изыскивая собственные решения, образованный человек стал даже вреден: слишком много времени и средств нужно тратить на то, чтобы его проинформировать и убедить; слишком большие запросы предъявляет он к продукции массмедиа; слишком склонен к самостоятельному производству смыслов.

Электронные СМИ дают почти безграничные возможности для массового формирования индивидуального сознания с учетом новых технологий, автоматизирующих использование общедоступной информации. И эта ситуация таит в себе немало опасностей, предоставляя владельцам капиталов возможность мгновенной покупки многомиллионной аудитории, предлагая поддержку бездарным политикам и нечистым на руку бизнесменам.

7. Особая роль телевидения

Известно, что в настоящее время свыше 30 % россиян не принимают личного участия в культурной жизни страны [2]. У одних нет территориального доступа в повседневной жизни к библиотекам, театрам, музеям, концертным и выставочным залам. У других не хватает денег. Стоимость посещения ряда музеев, к примеру, за последние 15 лет выросла в 10 раз. У третьих не хватает времени и сил на активную деятельность в сфере досуга. Только около 8 % жителей страны ходят в кино, на концерты — 4 %, в библиотеки — 3 %, музеи, выставки, вернисажи посещают 2 %, в клубах по интересам, творческих кружках занимается порядка 1 %. Вместе с тем около 60 % свободного времени россияне проводят у телевизора. По данным фирмы «Видео Интернешнл», величина среднесуточной аудитории телевидения колеблется в интервале 75–80 % населения страны [3].

Таким образом, в России федеральные каналы телевидения с 1990-х годов превратились в ключевой, системообразующий элемент не только информационного поля, но и всего духовно-нравственного пространства страны. Формирование картины мира и системы ценностей человека, багажа знаний, отношения к жизни и отдельным ее явлениям, структуры интересов, мотивации к той или иной деятельности, культуры речи и бытового

поведения и тому подобного — все то, чем раньше занимались родители, педагоги, профессора, деятели культуры и искусства, выдающиеся писатели, — берет на себя телевидение. Оно «фактически контролирует всю нашу культуру, пропуская ее через свои фильтры... Оно выделяет отдельные элементы из общей массы культурных явлений и придает им особый вес, повышает ценность одной идеи, обесценивает другую, поляризует таким образом все поле культуры. То, что не попало в каналы массовой коммуникации, в наше время почти не оказывает влияния на развитие общества» [4]. Эти слова были сказаны западным исследователем о западном телевидении около 40 лет тому назад, но сегодня они еще более актуальны по отношению к современным российским СМИ.

Известно, что телевидение не информирует зрителя о реальности, а дает ее собственную интерпретацию, более того, создает иную «реальность» в сознании аудитории: «Телевидение — это производство, фабрика смыслов. Цензура реальности, в которой существует масса разнообразных симуляторов, пустотелых, иллюзорных и других построек. Формат есть то, посредством чего мы осознаем реальность. Это всегда не "сырое" событие. На телевидении сырых событий нет, даже если вы ведете прямую трансляцию с места события» [5].

Якобы идя навстречу запросам населения, СМИ удовлетворяют тот спрос, который сами и формируют. Реализуется формула К. Маркса, согласно которой потребности производятся так же, как и продукты [6]. СМИ направляют значительнейшие ресурсы на то, чтобы объяснить своей аудитории, когда и какую именно информационную продукцию следует потреблять. В этом смысле их деятельность ничем не отличается от рекламы кофе, шампуней, прокладок и т. д. Закономерно, к примеру, что лидерами проката в стране являются фильмы, в рекламу которых телеканалы вложили десятки миллионов долларов. Специалисты отмечают, что ожидания и поведение людей формируются, определяются, делаются.

Академик В. С. Степин обращает внимание на особую роль неявных знаний в культуре: «...этот вид неотрефлексированного знания играет важную роль в воспроизводстве и развитии даже такого рационального способа постижения мира, как наука. Неявное знание — это прежде всего образцы деятельности. Их зачастую даже трудно описать в виде инструкций, но они усваиваются и понимаются через подражание. В повседневной жизни образцы деятельности, поведения и общения выступают необходимым компонентом воспроизводства того или иного образа жизни. Подражая, люди как бы считывают друг с друга программы поведения и деятельности. Во всех этих ситуациях человек, осуществляющий действия и поведенческие акты, которые другими людьми используются в качестве образца, функционирует как своего рода семиотическая система» [7]. Неявные знания, транслируемые телевидением, трансформируют российскую культуру.

Практически все научные исследования качественных характеристик населения, проводящиеся в стране в последние годы, констатируют стремительный регресс по основным параметрам [8]. И там, где в задачи исследователей включается оценка факторов регресса, на первое место выходит влияние ведущих каналов федерального телевидения. Телевидение задает направление развития общества и навязывает населению определенные модели поведения, которые затем реализуются.

8. Реклама как идеология общества потребления

Особое значение имеет влияние на телезрителя содержания рекламы. С формальной точки зрения реклама — это способ информирования населения о продуктах и услугах, предлагаемых продавцом. Другие аспекты влияния рекламы на население, как правило, остаются в тени. Между тем в нашей стране с начала 1990-х годов реклама заняла в массовом сознании нишу идеологии, осуществляя демонтаж и реконструкцию фундаментальных мировоззренческих ценностей населения. Во многом благодаря ей в это время происходит коренная переориентация предпочтений молодежи от нематериальных ценностей к материальным. Зарплата утверждается на первом месте в мотивах труда, оттеснив такие ценности, как содержание труда, самоопределение в труде, возможность реализации своих знаний и способностей через труд. Под воздействием рекламы понятие «уметь жить» начинает сводиться для молодежи к формуле «иметь»: носить модную одежду, посещать дорогие клубы и дискотеки, не утруждать себя тяжелой работой. Меняются понятия счастья, смысла жизни. Оказывается, что для ребенка реклама — прежде всего самая простая модель знакомства с обществом. Это то, с чем он сталкивается ежедневно, что его развлекает, очаровывает, играет с ним. Современная реклама в России меняет представления о приемлемом социальном поведении.

Пропаганда определенных образцов ведет к принятию их за эталон. Дети, наблюдающие за поведением пропагандируемых личностей, берут их жесты, артикуляцию, внешний облик, высказывания за образец. Предлагая то или иное поведение в социуме, реклама ориентирует на социальную сопричастность и референтность. Детская психика специфична. Ребенок не всегда способен критически оценивать культурные элементы, ценности, выдвигаемые СМИ, чаще он лишь усваивает их, копирует навязываемые образцы. Активность масс в России искусственно направляется в сферу потребления, и наше общество превращается в «общество потребления». Реклама становится идеологией потребления и своего рода институтом социализации, проектирующим и формирующим нужного ей человека — «человека потребляющего».

Особенно трагична ситуация с молодежью, которой навязан на этой основе радикальный культурный разрыв с предшествующими поколениями. Подобная ситуация существовала в теории, но никогда и нигде ранее не воплотилась на практике в подобной степени.

9. Аморальность — сущностная черта новой культуры

Российские СМИ на протяжении примерно 20 последних лет исполняют роль главного архитектора новой национальной культуры. Строго говоря, она не вырастает из старой, не создается путем модернизации того, что было, а строится путем отрицания или игнорирования прошлого. Точками роста выступают не базовые ценности российского общества, коренящиеся в толще веков отечественной культуры, а субкультурные образования типа гламура — субкультуры «новых русских».

Образно говоря, новая культура строится СМИ не на фундаменте старой, а в стороне от нее, на груде обломков культурных элементов, ранее уже

доказавших свою несостоятельность и отвергнутых человечеством. СМИ отбирают существующие в культуре элементы для последующей обработки, упаковки и сбыта населению. Наиболее близкий аналог результата — Древний Рим эпохи деградации и упадка, фактически принятый за образец московской «элитой» в начале 1990-х. Впервые за тысячу лет Россия перестала быть христианским государством, стремительно скатившись в язычество. В 1990-е годы власть вывела заботу о нравственности в стране за рамки функций государства, и даже твердая личная поддержка принципов морали В. В. Путиным не изменила в целом сложившуюся ситуацию: Российское государство в наше время основывается только «на букве закона» и абсолютно игнорирует мораль. Аморальность стала лейтмотивом жизни современного российского общества и его культуры. И СМИ сыграли в формировании данной ситуации роль главного инструмента. Другая сторона этого же процесса — замена народной культуры на массовую, так называемую поп-культуру [9; 10]. В итоге Россия лишилась великой национальной культуры как магистрального пути своего развития.

Общее падение культуры сопровождается понижением интеллектуального уровня населения страны. Культурная деградация становится настоящей катастрофой для экономики. Ректоры и профессора вузов практически повсеместно бьют тревогу: уровень общекультурной подготовки абитуриентов не позволяет готовить специалистов на прежнем уровне. Работодатели столь же повсеместно сетуют на недостаток квалифицированных кадров. Данные социологических исследований последних лет фиксируют рост иждивенческих настроений молодежи, массовую потерю мотивации к учебе, труду, саморазвитию.

Можно констатировать, что деформации системы массового воздействия на население в России привели к тому, что «общество потребления» — метафора, применяемая западными интеллектуалами для обозначения всего лишь одной из тенденций развития современного западного общества, — стала у нас полномасштабной характеристикой сложившейся ситуации. В стране создано общество, которое научилось потреблять, но все хуже умеет производить.

Формальное игнорирование российской властью воспитательной функции СМИ привело в последние годы к возникновению феномена, который специалисты называют «понижающей селекцией», — своего рода воспитания со знаком «минус», когда в человеке возвращается, культивируется все низменное, антигуманное. Систематическая апелляция к первобытным животным инстинктам, задействование обычно подавляемых культурой дремучих механизмов подсознания деструктивно влияют на личность.

Отметим, что советская система стремилась создать человека-творца, высоконравственную личность творческого типа. Переход к воспроизводству аморальной личности, «человека потребляющего» не оставляет России возможности реализовывать в экономике, сфере производства даже модель «догоняющего» развития, не говоря уже о развитии инновационном. В целом же формируемый тип деградирующей культуры имеет своим основным содержанием проедание ресурсов.

Сложившейся в России системе деятельности СМИ уже около 20 лет, и ее плоды уже отчетливо сказались на общекультурном состоянии нации.

22 декабря 2008 года Общее собрание Российской академии образования приняло обращение к руководству страны по вопросам деятельности СМИ. В нем отмечалась необходимость масштабных изменений всего духовно-нравственного пространства страны, системообразующим элементом которого в настоящее время являются СМИ, и в первую очередь — основные федеральные телеканалы. Констатировалось, что происходящее духовно-нравственное перерождение страны создает угрозу ее будущему. Аналогичен и смысл обращений к власти многих выдающихся представителей отечественной интеллигенции. Реакция на эти обращения прослеживается в недавних выступлениях руководства государства, но каких-либо практических шагов за этим не последовало.

Литература

1. *Мамардашвили М. К.* Интеллигенция в современном обществе / М. К. Мамардашвили // Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. — М., 1992.
2. *Ивлиев Г. П.* Перспективы развития электронных библиотек в Российской Федерации : интернет-интервью с председателем Комитета Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации по культуре от 25 июня 2010 г. / Г. П. Ивлиев [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://www.garant.ru/action/interview/251298> (дата обращения: 28.10.2010).
3. *Полуэхтова И. А.* Социокультурная динамика российской аудитории телевидения : автореф. дис. ... д-ра социол. наук / И. А. Полуэхтова. — М., 2008 [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://dibase.ru/article/22092008poluekhtovaia>.
4. *Моль А.* Социодинамика культуры : пер. с фр. / А. Моль. — М. : Прогресс, 1973.
5. *Дондурей Д. Б.* Российское телевидение: не нравится, но смотрю. Телевизионные рейтинги как инструмент конструирования реальности : стенограмма лекции, прочитанной 30 января 2009 г. в Фонде им. Д. С. Лихачева. — СПб., 2009.
6. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857 — 1859 годов (первоначальный вариант «Капитала») / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. — 2-е изд. — М. : Политиздат, 1968. — Т. 46, ч. 1.
7. Куда идет российская культура? : круглый стол, 27 — 28 июня 2009 г. / науч. ред. В. С. Степин, А. С. Запесоцкий. — СПб. : СПбГУП, 2010.
8. Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние : науч. и публицист. заметки обществоведов / науч. ред. О. Т. Богомолов. — М., 2010.
9. *Миронов В. В.* Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии / В. В. Миронов // Вопросы философии. — 2006. — № 2.
10. *Миронов В. В.* Поп-культура: симуляция культуры и философии / В. В. Миронов // Философия общества. — СПб., 2007. — Вып. 2.

М. С. Каган¹

О ПОНЯТИИ «ГУМАНИТАРНАЯ КУЛЬТУРА» И РОЛИ ГУМАНИТАРНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА²

1. В истории культурологической мысли сложились две существенно различные позиции в понимании культуры: этим понятием обозначают либо всю полноту человеческой деятельности в ее духовных, материальных и художественных формах, либо только ценностные проявления духовной активности людей, теоретической, практической и художественной (близко к смыслу английского понятия "humanities"). Именно отсюда — категориальное противопоставление «культура — цивилизация», широко распространенное в культурологической мысли XX века. Тем самым, однако, разрываются сферы человеческой деятельности, которые в действительности органически взаимосвязаны и друг друга опосредуют. Понятие «гуманитарная культура» позволяет преодолеть такой разрыв, рассматривая гуманитарную сферу культуры и в ее относительной самостоятельности, и в ее связях с негуманитарными областями культуры, и в ее исторически меняющемся удельном весе, роли, авторитете в целостной жизни культуры.

Под «гуманитарной культурой» понимается, следовательно, тот массив способов и плодов деятельности людей, который ориентирован экзистенциально, то есть направлен на воплощение, утверждение и развитие человеческой духовности, в отличие от тех форм деятельности, которые, подобно науке и технике, экономике и способам социальной организации, имеют собственную логику существования и развития, независимую от того, благоприятны или враждебны человеку их достижения.

2. Исторические судьбы гуманитарной культуры определяются изменением господствующих ориентаций культуры. Могут быть выделены три основные эпохи (при наличии переходных форм между ними): теоцентризм, натуроцентризм и антропоцентризм. Первая охватывает всю доренессансную историю человечества, на протяжении которой сменялись формы мифологического сознания, но сохранялось оно само как мировоззренческая основа культуры. Вторая сложилась в Европе в XVI — XX веках на основе рационалистического и сциентистского сознания, которое рассматривало и природу, и общество, и самого человека как объективную данность, подлежащую познанию и преобразованию. Третья начала формироваться в середине прошлого века, но и поныне мы имеем дело скорее с переходной ситуацией, нежели с уже определившимся новым типом культуры.

¹ Философ, культуролог, специалист в области философии и истории культуры. Доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Профессор кафедры культурологии СПбГУП (2000 — 2006). Автор более 600 научных трудов, монографий, учебников, эссе, в т. ч.: «Морфология искусства», «Человеческая деятельность (опыт системного анализа)», «Мир общения: проблема межсубъектных отношений», «Философия культуры», «Град Петров в истории русской культуры», «История культуры Петербурга», «Философская теория ценности», «Эстетика как философская наука», «Искусствознание и художественная критика», «Се человек: рождение, жизнь и смерть в "волшебном зеркале" изобразительного искусства» и др.

² Доклад представлен на Международную научно-практическую конференцию «Гуманитарная культура как фактор преобразования России» (1996 г.).

Хотя человеческая доминанта не раз провозглашалась в истории культуры — от известной формулы античного мыслителя «человек есть мера всех вещей» и библейского тезиса «не человек для субботы, а суббота для человека» до современного лозунга «все в человеке, все для человека» и идеи «человеческого фактора», принципы эти не могли быть последовательно реализованы: на первых двух этапах истории культуры ее гуманитарный потенциал был безусловно подчинен внешним для человека силам, ибо в нем видели либо «Божью тварь», «раба Божьего», либо «дитя природы», «мыслящее животное». Современная социобиология, как и позитивизм прошлого века, оставляет человека в зависимости от посторонних для него биологических или космических сил, не отличаясь в этом отношении от мифологически-религиозного сознания, которое подчиняет человека власти того или иного божества. Что же касается апелляций к ценности человека в советское время, то они были всего лишь лицемерно-демагогической ширмой его тоталитаристского порабощения. Только в наше время стало возможным и исторически необходимым становление антропоцентристского типа культуры, выявляющего истинную сущность человека как носителя свободы и субъекта творческой самодеятельности — культурных качеств, которые снимают и его природно-физические, и его психологические, и его социальные свойства.

3. Если культура Востока находится еще в процессе перехода от теоцентризма к натуроцентризму, то культура Запада движется от натуроцентризма к антропоцентризму.

Россия идет по тому же пути, хотя ее «восточное начало» порождает ностальгию по культуре теоцентристской, якобы имманентной русской ментальности и будто бы не противоречащей свободному самостоянию личности. Однако человечеству, народу, как и отдельному индивиду, не дано возвращаться в собственное детство; преодоление индивидуалистического искривления гуманистического идеала возможно на иной основе — органичного для антропоцентризма нравственно-эстетического понимания духовности, которое противопоставляет опасению Достоевского «если Бога нет, то все дозволено» убеждение «все дозволено, если не ценишь и не любишь другого как самого себя». Именно отсюда — получившая такое распространение в XX веке идея диалога как фундаментального принципа человеческого бытия, ибо диалог и является по своей сути проявлением нравственного и эстетического отношения человека к человеку, а затем и человека к природе...

Значение гуманитарной культуры состоит в том, что она всеми доступными ей средствами — теоретическими, практически-педагогическими и художественными — утверждает и формирует в сознании общества идею высшей ценности Человека, понимаемого в диалектически противоречивом единстве индивидуального и общечеловеческого.

В единстве, реализующемся в общении, в диалогических связях «Я» и «Ты» как свободных и потому уникальных, но и необходимых друг другу личностей. Именно в этом состоит историческая миссия гуманизма как системного свойства антропоцентристского типа культуры. То есть такого, которое соотносит с интересами свободного развития целостного Человека все содержание культуры — и его взаимоотношения

с природой, и формы организации общественной жизни, и отношение людей друг к другу.

4. Особое место в гуманитарной культуре занимает искусство в многообразии способов художественного освоения человеком мира. Место это определяется тем, что искусство является единственным инструментом культуры, с помощью которого человек воспроизводит самого себя, в реальной целостности своего уникального — природно-социально-культурного — существования, и тем самым расширяет свое жизненное пространство, дополняя свой реальный жизненный опыт иллюзорным опытом жизни в художественной реальности. Потому искусство гуманитарно по своей природе, ибо непосредственно участвует в процессе «очеловечивания человека» — и в филогенезе, и в онтогенезе.

Отсюда следует, что гуманитарный потенциал формирующегося ныне антропоцентристского типа культуры требует радикального изменения отношения к искусству, характерного для былых типов культуры — и вульгарно-идеологического, и узкогносеологического, и примитивно-гедонистического.

ПРИНЦИПЫ ГУМАНИТАРНОСТИ В КУЛЬТУРЕ XXI ВЕКА¹

Сегодня в мире и в России немало философов, которые считают, что будущее непредсказуемо и научному изучению не подлежит. Вместе с тем человечество не может существовать сколько-нибудь осознанно, не зная, куда ему идти, что делать. Сегодня, в начале XXI века, не только Россия, но и все человечество ощущает грандиозный перелом — начало не только новой формации, но даже новой эры в истории человечества. Понять, что происходит сегодня в мире, можно, только рассматривая современность как этап той большой истории, которая началась со становления человеческого рода и продолжается в наше время в соответствии с логикой исторического процесса.

Я выделяю три аспекта логики исторического развития. Первый — гносеологический. Поскольку гуманитарность считается результатом познания человека, нужно понять, насколько сегодня возможно такое познание и в какой мере оно необходимо. С этой точки зрения история науки представляет необыкновенно интересную серию изменения лидеров научной мысли. История науки еще в Древнем Египте, а потом и в Древней Греции началась со становления математики, по-видимому, потому, что математика в ее простейших геометрических и арифметических закономерностях является наиболее простым способом познания объективных законов бытия. Но уже в Греции на авансцену научной мысли выдвигается физика — наука, которая переходит к качественному осмыслению бытия. Не случайно Аристотель философию называет метафизикой. В даль-

¹ Доклад представлен на Международную научно-практическую конференцию «Гуманитарная культура как фактор преобразования России» (2000 г.).

нейшем на передний край науки выходит химия, которая как бы «снимает» все знания, которые поставляет физика, но погружается на более глубокий уровень существования материи. В конце XIX — начале XX века при всех грандиозных открытиях, которые были сделаны и в физике, и в химии, начинается расцвет биологии. Об этом свидетельствует появление генетики, которая дала возможность проникнуть в тайную тайных — наследственные закономерности жизни человека. Конец XX века отмечен приоритетом самого сложного объекта познания — человека, который объединяет в своем сложнейшем бытии и биологические, и социологические законы, и специфические законы духовной жизни, которые только ему свойственны. Поэтому утверждение, что XXI век — век господства гуманитарного, антропологического знания, основывается не на наших благих пожеланиях или самовлюбленности, а на том, что человеческая мысль поднялась до возможности познания самого сложного объекта из всех существующих в мире — познания самого себя.

Второй аспект логики исторического развития на философском языке можно назвать онтологическим. Он отражает роль в бытии, в жизни разных форм человеческого существования. История человечества начинается с активности человека как животного в биологической жизни, с культуры силы, который господствует в первобытности, обеспечения элементарных благ, необходимых для физического существования и сохранения рода. История показывает, что основную роль в человеческом бытии со временем начинают играть социальные законы. Люди объединяются в большие группы, и история определяется взаимоотношениями сословий — в феодальном обществе, классов — в капиталистическом. Представление об истории как борьбе классов придумано не Марксом, а отвечало действительной логике развития.

Сегодня мы подходим к такому уровню развития культуры, на котором активнейшую роль начинает играть человеческая личность. Понимание того, что представляет собой личность, не сводящаяся только к некоей биологической врожденной данности, но и к своему социальному лицу, личность в ее уникальности как реальная форма современного бытия, определяет направленность гуманитарного знания.

Наконец, третий аспект исторического развития на философском языке можно назвать аксиологическим — ценностным. Если рассматривать человеческие ценности как отношение людей к тому, какую реальную роль они играют в жизни, то можно увидеть, как в истории человечества менялись представления о ценности человеческого бытия. Они изначально выражались в обожествлении способности женщины к воспроизводству рода, затем изменение ценностного отношения к человеку определялось сословным разделением общества — ценностью дворянства, высшего представителя во дворянстве, царя, императора, а ценность в классовом обществе — в различии уровней богатства, образования, участия в организации производства.

В XXI веке появится возможность высшей ценностью признать ценность человеческой личности в ее свободной деятельности (свободной в отличие от произвольной), которая позволяет личности свою уникальность, творческие возможности рассматривать как инструмент развития человечества.

В XXI веке человечество впервые в истории приближается к осознанию своего единства, обладает возможностью понять, что только своей целостностью может разрешить назревший конфликт с природой. Таким образом, соотношение личности и человечества оказывается основной формой ценностного сознания нашего времени.

При таком взгляде на современность как на ступень в истории человеческого рода и понимании того, перед какими проблемами ставит XXI век все человечество и Россию в контексте человечества, можно определить значение гуманитарности в наступающей эпохе.

С. П. Капица¹

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ²

Российскую национальную идею, по-видимому, нельзя выделить по велению сверху, поскольку такие понятия формируются как результат истории. Быть может, политический деятель крупного масштаба, уловив дух времени, как бы дает такую идею и часто именно так входит в память страны, а идея — в общественное сознание. Однако здесь имеет смысл обратить внимание на один из факторов, способствующий выражению и даже формированию национальной идеи, а именно на язык: язык как инструмент культуры, как основа объединения людей, как явление, непосредственно связанное с национальным характером, что должно сегодня рассматриваться и как мощный политический фактор. Особое значение он приобретает в эпоху распада империй. Для нас может быть поучителен опыт англоязычных стран и всего того, что Франция и французы связывают с франкофонией. К сожалению, в России крайне мало делается не только для защиты языка, его пропаганды, но и для того, чтобы на такой основе строить отношения в среде и русскоязычной культуры.

Государство и культура ныне находятся в разводе, и нет ни понимания, ни тем более политики в этой области. То же можно сказать и в отношении науки, в первую очередь фундаментальной, которую следует рассматривать как часть современной культуры.

¹ Ученый-физик, просветитель, доктор физико-математических наук, профессор. Автор и бессменный ведущий научно-популярной телепрограммы «Очевидное — невероятное». Автор большого числа научных и публицистических работ, в т. ч.: «Оптимальные размеры проб при гамма-активационном анализе», «Синергетика и прогнозы будущего», «Глобальная демографическая революция и будущее человечества», «Об ускорении исторического времени», «Асимптотические методы и их странная интерпретация», «Глобальная демографическая революция», «Демографическая революция и Россия», «Жизнь науки», «Медицина XXI века: этические проблемы» и др. Лауреат Государственной премии СССР. Награжден орденами Почета, «За заслуги перед Отечеством» IV степени, золотой медалью РАН и др.

² Доклад представлен на Международную научно-практическую конференцию «Гуманитарная культура как фактор преобразования России» (1997 г.).

Особо следует сказать об ответственности интеллигенции в то сложное и интересное время, которое мы переживаем. Многое из того, что происходит, несомненно, связано с неполным пониманием роли, и в первую очередь ответственности, как гражданской, так и профессиональной, нашей интеллигенции или тех, кто себя к ней относит.

В. В. Кожин¹

О ПРОТИВОРЕЧИИ ЖИЗНИ И СОВРЕМЕННОЙ ПЕДАГОГИКИ²

На мой взгляд, одним из главных (а может быть, даже главным) изъяном педагогики в целом, то есть всей системы преподавания и воспитания, является ложное представление о самой сущности человеческой жизни, человеческого бытия, — представление, которое или выражается в педагогической практике непосредственно и открыто, или (а это с определенной точки зрения еще хуже) постоянно подразумевается. Речь идет о представлении об истинном человеческом бытии как о чем-то в основе своей мирном, благополучном, в конце концов, идиллическом. Я вовсе не хочу сказать, что педагогика закрывает глаза на жестокую борьбу, страдания, несчастья, которыми исполнена жизнь. Но все это так или иначе истолковывается в качестве отступлений от некоей «нормы», которые и должно, и возможно преодолеть. Ранее это представление диктовалось утопией о грядущем земном рае, сегодня — либеральным мифом о нормальном обществе, которое якобы создано на Земле. Однако суть дела даже не в том, что жизнь оценивают с точки зрения искусственного идеала, а в том, что сам этот идеал несостоятелен; он, например, опровергается всей литературой. Вспомним Пушкина:

Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...

или Тютчева:

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые...

¹ Писатель, литературовед, историк, публицист. Кандидат филологических наук. Автор более 30 книг, посвященных вопросам теории литературы, русской литературе XIX века, современному литературному процессу (в первую очередь поэзии), истории России, в т. ч.: «Происхождение романа», «Книга о русской лирической поэзии XIX века», «Многообразие стилей советской литературы. Вопросы типологии», «Тютчев», «Размышления о русской литературе», «Загадочные страницы истории XX века», «Судьба России: вчера, сегодня, завтра», «История Руси и русского слова», «О русском национальном сознании. Избранные статьи о наиболее актуальных вопросах Российского государства» и др.

² Доклад представлен на Международную научно-практическую конференцию «Гуманитарная культура как фактор преобразования России» (1996 г.).

В творчестве Достоевского и Толстого подлинное, прекрасное человеческое бытие предстает как глубоко драматическая и даже откровенно трагедийная стихия. И тот факт, что в массе литературоведческих сочинений предприняты попытки «объяснить» эти атрибуты человеческого бытия несовершенством, ненормальностью тогдашнего общественного устройства, гнетом, эксплуатацией и тому подобным, говорит только о несовершенстве миросозерцания тех, кто рассуждает подобным образом.

Человеческое бытие не может не быть трагедийным хотя бы уже потому, что каждого из людей ожидает смерть, и каждый из них знает об этом. Но, как навсегда сказал Тютчев:

Пускай олимпийцы завистливым оком
Глядят на борьбу непреклонных сердец.
Кто, ратуя, пал, побежденный лишь Роком,
Тот вырвал из рук их победный венец.

Можно бы сказать о том, что господствующее в педагогике представление о сущности человеческого бытия несовместимо с религией, но я не буду касаться этой проблемы, поскольку она требует специального знания богословия, которым я не обладаю. И должен признаться, что меня часто коробит, когда в наши дни многие авторы, еще вчера совершенно чуждые богословским вопросам, легко и попросту их обсуждают. А для моей темы вполне достаточно основываться на сокровищнице отечественной культуры — творчестве крупнейших писателей России, в том числе и тех, которые творили в самые трагические годы XX века. Есенин незадолго до гибели писал:

...Радуясь, свирепствуя и мучась,
Хорошо живет на Руси.

И в романе «Тихий Дон», сотканном вроде бы из одних бедствий и страданий, предстает все же полноценное человеческое бытие, которое, повторяю еще раз, немислимо без драматизма и трагедийности.

Внушаемое в школе представление о «норме» человеческого бытия как о некоем идиллическом существовании, на мой взгляд, наносит тяжелейший вред. При прямом столкновении с драматической и трагической реальностью юные души охватывает жестокое разочарование и в конечном счете — цинизм и опустошенность.

Истинное представление о сущности человеческого бытия, которое так мощно воплотилось и в русской, и в равной мере, хотя и по-своему, в других великих литературах мира — и в гомеровских поэмах, и в шекспировских драмах, и в принадлежащих уже нашему времени художественных мирах Фолкнера или Гарсия Маркеса — это представление может и должно стать одной из основ педагогической практики преподавателей не только литературы, но и всех общественных дисциплин, а в известном отношении даже, например, физики, — ибо разве не ясно, что в «реализации» физической науки есть свой острейший драматизм и трагедийность?

Без этого условия педагогика едва ли способна действительно готовить юные умы и души к жизни, к человеческому бытию в подлинном значении слова.

ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФУНДАМЕНТ БУДУЩЕЙ КУЛЬТУРЫ¹

Я с юных лет люблю полемику. Очень хочется оспорить высказанный мрачный прогноз о будущем России. Вовсе не являясь «розовым оптимистом», я все-таки думаю, что та логика, которая лежит в основе мрачных прогнозов, к России просто неприменима. Давно и не нами сказано, что в Россию можно только верить.

Естественно, каждого из присутствующих волнует, что разрушается система образования и уничтожается культурное пространство. Это действительно так. Но можно доказать, что из кризисного положения есть выход. Вспомните: после октября 1917 года в течение нескольких лет разруха была более значительной, чем сейчас. Миллионы людей умирали от голода, где уж там, казалось бы, заниматься образованием. А если разобраться, именно в то время были заложены основы для расцвета науки и образования. Именно тогда получили образование люди, которые осуществляли нашу ядерную программу, строили ракетную технику. Ваш Университет выпустил книгу о Питириме Сорокине, а ведь он учился именно в те годы. А крупнейший экономист мира Василий Леонтьев? Он был совсем юным человеком во время революции. Эти факты опровергают мрачные пророчества пессимистов.

Сейчас тоже разруха, но, третий раз оказываясь на торжествах в вашем Университете, я должен сказать, что мне очевидна его эволюция. Не собираюсь говорить комплименты гостеприимным хозяевам, но все же замечу, что очень много действительно полезного и нужного делается в Гуманитарном университете. А для более объективной оценки необходимо прослушать лекции, познакомиться с выпускниками, посмотреть, как складываются их судьбы.

В январе 1999 года Московский государственный университет организовал очередное шоу — вручение дипломов почетным выпускникам университета. Я тоже удостоился этой чести. Там были и действительно достойные люди, и одиозные фигуры, как, например, Жириновский. Впервые за многие годы я был в университете, который давно окончил, и поразила его упадку. Это чувствовалось во всем: в коридорах, в выражениях лиц, настроении многих приглашенных. И, напротив, в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов заметен подъем, развитие. И это удивительно. Я, например, совершенно не понимаю, каким образом заново возникшее учебное заведение находит возможность развиваться.

Первый человек, от которого я получил уроки, глубоко запавшие в душу, — филолог и изумительный человек Сергей Михайлович Бондарь. Ровно пятьдесят лет назад я слушал его лекции, и мне навсегда врезались в память слова о том, что во многих научных сочинениях теория выдвигается «до теории». Он имел в виду, что существует какая-то теория, в которой ученый даже не отдает себе отчета, она как бы автоматически привита.

¹ Доклад представлен на Международную научно-практическую конференцию «Гуманитарная культура как фактор преобразования России» (1999 г.).

Можно привести просто разительные примеры «теории до теории». Ну, допустим, противопоставление: гражданин мира — интернационалист или космополит? До начала XX века это понятие не несло в себе негативный смысл, он появился позднее. А, между прочим, замечательный мыслитель Н. С. Трубецкой еще в 1920-е годы показал лживость такого противопоставления.

Когда начинаешь разбираться, кто такой «гражданин мира», оказывается, что это... западноевропейец. Все остальные — национально ограничены. И получается, что «гражданин мира» еще более страшный националист, потому что это понятие отрицает равноценность цивилизаций, национальных культур. Тем не менее принято утверждать, что для достижения цивилизованности нужно превратиться в западноевропейца. Можно очень долго рассуждать, почему так получилось, но факт остается фактом.

Считается, что там, на Западе, свобода, а у нас ее нет. Позвольте не согласиться. Здесь, под Петербургом, в 1811 году был создан Царскосельский лицей, который должен был готовить надежнейших и культурнейших людей для государственной службы. А на деле что оказалось? Большинство выпускников лицея стали декабристами, то есть людьми, которые готовили военный государственный переворот и собирались уничтожить царскую семью. Другие оказались вольнодумцами, которых нельзя было использовать на государственной службе. Только очень незначительная часть лицеистов действительно стали служаками. В 1817 году один из французских историков написал о России: «В этой стране еще явится Пугачев с университетским образованием». Если бы он добавил «полученным экстерном», я бы поверил в мистику, потому что Владимир Ильич, как известно, образование получил экстерном.

Такого рода факты можно приводить в бесчисленном количестве. И после этого говорить о том, что у нас нет свободы? Помилуйте, под боком у царя создается кузница государственных кадров, из которой выходят сплошь вольнодумцы, — какая еще свобода нужна? Где на Западе есть что-то подобное?

Сейчас в высшей степени модно уничтожать и декабристов, и тем более Ленина. Но если бы не было ни декабристов, ни Ленина, если бы не было всей цепи либеральных, радикальных, революционных выступлений, то вообще ничего бы не было, потому что русский народ просто был бы раздавлен государством. А то, что государство всегда авторитарно или тоталитарно — абсолютная неизбежность. Авторитарность государства необходима по многим причинам, начиная с самых глобальных, геополитических и заканчивая бытовыми. В частности, в России, например, люди всегда получали жалованье, а не зарплату. Когда была введена зарплата, она тем более стала жалованьем, а не заработанными деньгами. Гавриил Попов в свое время очень точно определил, что зарплата у нас была незначительной частью дохода отдельной семьи, потому что люди получали гигантские средства за счет почти бесплатных курортов, больниц, железных дорог, связи. Сейчас выясняется, что, например, в Америке 4/5 так называемой зарплаты идет на оплату того, что у нас было бесплатным до 1991 года.

Гуманитарное образование — это фундамент создания будущей культуры. Сейчас во многих учебных заведениях считают, что нужно учиться

по американской системе. Это происходит от невежества. Надо понимать, что во второй половине 1950-х годов Америка восприняла нашу систему образования, потому что, когда у нас была построена первая в мире атомная электростанция и мы первые вышли в космос (одновременно с этим в Америке прошли триумфальные гастроли балетной труппы Большого театра и великолепного ансамбля И. Моисеева), американцы были абсолютно раздавлены. Они поняли, насколько отстают, и сообразили, что даже те люди, которые создавали и американскую водородную бомбу, и танцевальную культуру Америки, были выходцами из других стран, в том числе и из России. Что касается американских скрипачей, они все приехали отсюда, окончив петербургскую консерваторию или знаменитую одесскую школу.

Каждому человеку, каждой стране надо искать свой путь. А для этого нужно отбросить некоторые теории и в том числе крайне мрачные прогнозы. В начале века, в 1917 году, огромное количество людей (причем людей умных, наиболее прозорливых) считали, что история России окончена. Такое уже бывало не раз. Например, в 1612 году было написано слово о конечном разорении, погублении Московского государства.

А в 1917 году, кстати, еще до событий Октября, писатель А. М. Ремизов создал еще одно «Слово о погублении Земли Русской». То есть фактически повторил то, что было сказано в XVII веке. А почти через 30 лет эта «погибшая» страна разгромила самую мощную в истории военную машину.

Кстати, недавно у нас было опубликовано мнение министра экономики ФРГ, которого спросили: «Если бы Германия оказалась в том положении, какое сложилось в современной России, что бы вы сделали?» «Необходимо было бы немедленно ввести карточную систему и перестать выпускать белый хлеб», — сказал он. И, наверное, относительно Германии он прав. Но к России чужие рекомендации неприменимы.

Несмотря ни на что, жизнь в России идет своим чередом. Я вовсе не склонен к комплиментам, но то, что происходит сейчас в Гуманитарном университете профсоюзов, где мы собрались, — это тоже некоторым образом русское чудо. На фоне всеобщего разорения складывается впечатление, что университет благоденствует и развивается.

И. С. Кон¹

ГУМАНИТАРНАЯ КУЛЬТУРА: ИННОВАЦИИ И ТРАДИЦИИ²

XXI век — время колоссального социального и культурного обновления. На наших глазах меняется буквально все — техника, быт, искусство, наука. В России, развитие которой искусственно задерживалось советской властью, изменения особенно заметны. Эти инновации многомерны, многогранны и часто болезненны. Напуганные ими люди хотели бы остановить ход истории и даже вернуться назад. Нам то и дело в разных формах навязывают мысль, что хорошо и правильно только старое, традиционное (оно же — национальное), а все то, что этому не соответствует, опасно, чужеродно и нежелательно.

Но традиции, как и инновации, бывают разными. Фетишизация исторического прошлого неизбежно оборачивается непониманием настоящего и будущего.

Развитие культуры народа, как и отдельного индивида, предполагает взаимодействие двух видов памяти: оперативной (краткосрочной) и долговременной. Первая включает в себя то, что сегодня находится на виду и на слуху — о чем говорят, спорят, без чего невозможно ориентироваться в современной быстротечной жизни. Оперативная память общества, как и отдельного индивида, имеет ограниченную емкость, ее содержание изменяется очень быстро. С появлением новых элементов что-то старое обязательно забывается, и нам кажется, что оно умирает. Однако оно сохраняется в долговременной памяти, которая в известном смысле и есть культура. Долговременная память содержит все то, что было когда-то человечеством создано, даже если оно вытеснено из сознания и отчасти позабыто.

В юности на меня сильно повлияла многолетняя дружба-ученичество с четтой Люблинских: Александрой Дмитриевной, выдающимся медиевистом, и Владимиром Сергеевичем, историком книги и хранителем библиотеки Вольтера. Я научился у них очень многому, однако, слушая их разговоры, я иногда приходил в отчаяние: сколько бы я ни учился, я никогда не стану таким образованным! Но точно такое же чувство оба они испытывали по отношению к своей учительнице — О. А. Добиаш-Рождественской.

Став старше, я понял, что в истории культуры все время происходит неутомимый естественный отбор. Открываю Пушкина и читаю:

Кастальский ключ волною вдохновенья
В степи мирской изгнанника поит.

¹ Социолог, антрополог, философ, сексолог. Доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор, академик Российской академии образования (1989). Автор большого количества научных и научно-популярных публикаций, в т. ч.: «В поисках себя. Личность и ее самосознание», «Психология ранней юности», «Социологическая психология», «Введение в сексологию», «Ребенок и общество», «Сексология», «Междисциплинарные исследования. Социология. Психология. Сексология. Антропология», «80 лет одиночества», «Мужчина в меняющемся мире» и др. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Почетный профессор Корнельского университета и Университета Суррея.

² Доклад представлен на IV Международные Лихачевские научные чтения (2004 г.).

А что такое Кастальский ключ?.. Образованной элите пушкинских времен эта метафора была понятна. Сегодня ее знает разве что филолог-классик. Всем остальным, чтобы понять Пушкина, нужно открыть мифологический словарь. Часто ли мы это делаем? То же самое происходит в изобразительном искусстве, философии и т. д.

Это касается не только отдельных метафор, но и целых жанров искусства. Вот уже много десятилетий всеми уважаемые люди, одни с ужасом, другие с восторгом, уверяют нас, что опера, художественная литература, театр и многие другие художественные жанры, стили и ценности отмирают. За этим стоят серьезные и реальные проблемы, но меняется скорее соотношение разных форм художественного производства и потребления, чем их сущность. Люди пушкинской эпохи не знали многого, что было известно эрудитам XVIII века, зато они знали и умели многое другое. То же самое можно сказать и о нас. Мне жаль, что мои студенты не читали тех книг, которыми когда-то увлекался я сам (иногда они их просто не знают, а иногда те произведения им не интересны). Но наши художественные вкусы также зачастую не совпадали со вкусами наших учителей, а сейчас выбор стал гораздо шире.

Долговременная память культуры имеет свои хранилища — архивы, музеи, библиотеки. Особую роль в ее поддержании играет гуманитарное образование как важнейший институт межпоколенной трансмиссии культуры. Приобщая молодых людей к современной культуре, гуманитарное образование одновременно способствует обновлению и переосмыслению культуры традиционной.

Это имеет свои институциональные, функциональные и символические аспекты, преломляющиеся в разных метафорах образования. Средневековый университет был, прежде всего, церковным институтом, его уставы напоминали монастырские. По мере секуляризации образования университет стал называться «храмом науки». Технизация и омассовление высшего образования превратили бывший храм в «кузницу кадров»; хотя эта формула звучит неопозитично, она довольно точно описывает суть процесса. Какой метафорой описать современный гуманитарный вуз, я не знаю.

Межпоколенная трансмиссия культуры неотделима от ее переосмысления и обновления. Так было, есть и будет всегда. Для профессионального историка слово «модернизация» звучит плохо, как «искажение». Человека, воспитанного на классических образцах, эстетика модернизма, особенно когда она проецируется на старое искусство, часто шокирует. Но разве старые мастера не одевали библейских героев в костюмы современных им людей? Вряд ли они делали это просто по незнанию истории. Современная форма позволяет мастеру вернее донести до аудитории выходящее за рамки конкретной эпохи и в этом ограниченном смысле слова — вневременное содержание культуры.

Историки, филологи и прочие гуманитарии не просто хранят культурное наследие, но и интерпретируют, переосмысливают его. Умение прочитать старый текст новыми глазами и найти в нем красоту и ценность для современного человека требует таланта. Так было всегда. Известны имена искусствоведов и литературных критиков, которые выносили из мрака забвения, переводя в оперативную память культуры, творчество великих художников,

будь то Рубенс или Эль Греко. Но призыв возродить нечто забытое может быть услышан только, если это нечто действительно созвучно современной эпохе, а сам призыв сформулирован адекватными ей средствами. Навязать молодежи то, что ей неинтересно, только потому, что оно «традиционно», невозможно. Чаще всего это вызывает эффект бумеранга, хорошо знакомый нам с советских времен, в том числе и по печальному опыту преподавания русской литературы в школе.

Традиционализм, как и его прообраз — религиозный фундаментализм, изображает себя защитником непреходящих вечных ценностей, но фактически является могильщиком культуры. Отрыв традиций от обновления и развития не только превращает живые культурные ценности в мертвые музейные экспонаты, но и призывает людей жить по законам идеализированного, воображаемого, никогда не существовавшего прошлого. Его первый непосредственный эффект — углубление и расширение рва между поколениями, который в условиях быстрых социальных перемен и так достаточно глубок. В политическом плане традиционализм/фундаментализм представляет собой очередную реакционную утопию, попытка реализации которой неизбежно оборачивается непредсказуемыми (хотя бы потому, что смотрели не вперед, а назад) катастрофами и нежелательными социальными последствиями. Можно по-разному относиться к трудам и деятельности графа С. С. Уварова, но формула «Православие, самодержавие и народность», которая справедливо считалась реакционной уже в первой трети XIX века, никак не может быть руководящим ориентиром для образования XXI столетия.

В то же время сохранение и поддержание культурных традиций не может быть пущено на самотек. В отличие от сорняков, выживающих практически везде, культурные растения требуют заботы и внимания. Дикое первоначальное накопление капитала и коммерциализация жизни сопровождаются не просто изменением, а снижением уровня стандартов массовой культуры. Это может иметь долгосрочные исторические последствия. Подростки, которые не приобщились к высокой культуре в детстве, вряд ли сделают это позже. Финансирование культуры и образования по остаточному принципу усугубляет и без того сильное социальное неравенство, тем более что новая российская правящая элита отнюдь не является носителем культурных и нравственных ценностей. Это угрожает таким же снижением культурного потенциала страны, какой в свое время произвело осуществление большевистской радикальной утопии. Тогда это было связано с физическим уничтожением части культурного слоя, а теперь — с массовой бедностью и утечкой мозгов. Чтобы избежать этого, необходима планомерная забота о развитии культуры и образования.

Водораздел должен проходить не между традиционным и новым, что заведомо усугубляет конфликт поколений, а между высокой и массовой культурой. И действовать нужно не столько запретами, сколько положительным примером.

В. М. Межуев¹

ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ²

Вопрос о ценностях и смыслах культуры возник в результате открытия множества культур, каждая из которых обладает своим неповторимым лицом. Данное открытие довольно позднего происхождения (XIX в.), ему предшествовала концепция культурного европоцентризма, наделявшая правом называться культурой только европейскую. Историко-научной базой идеи множественности культуры послужило то, что Клод Леви-Стросс назвал «тремя гуманизмами» — итальянский Ренессанс, заново открывший для средневекового человека культуру Античности, востоковедческая наука, сделавшая предметом всеобщего интереса культуры великих цивилизаций Востока, этнография (или этнология, научная антропология), давшая начало изучению культур первобытных народов. В итоге то, что называют культурой, охватило собой весь видимый исторический горизонт, хотя ни одна из известных науке культур не служит для нее преимущественным эталоном, не является культурой более, чем другие. Культура, следовательно, обладает множеством ценностей и смыслов, не сводимых друг к другу. Но что следует называть ценностями и смыслами?

Этот вопрос вплотную подводит нас к другому вопросу: если у каждой культуры свое лицо, то как его можно представить на теоретическом уровне? Тот же вопрос формулируется как вопрос о методе исторического познания, в отличие от метода естественных наук. В истории философии Нового времени известны две основные версии его решения. Первая принадлежит Баденской школе неокантианства (Г. Риккерт), попытавшейся обосновать логику «наук о культуре» в отличие от логики «наук о природе», так называемую индивидуализирующую логику, методом которой является «отнесение к ценностям». Ценность здесь — логическое понятие, позволяющее отличить одну культуру от другой, но одновременно выражающее то общее, что объединяет всех представителей каждой из них. Подобное обобщение является специфическим именно для исторической науки.

С этой точки зрения «науки о культуре» отличаются от «наук о природе» по методу, но не по предмету. Любое явление может быть представлено и как природное (тогда мы подводим его под общий закон), и как культурное (тогда мы обнаруживаем заключенную в нем ценность, другими словами, его значение для определенной группы людей). Граница между природой и культурой имеет в этом случае характер логической (методологической), но не онтологической границы. Но если культура дана нам как следствие определенной логической операции, то что отличает культуру от природы за пределами логики? Можно ли посредством одной лишь логики (пусть аксиологической) уловить то, что отличает жизнь людей в культуре от существования мертвых тел и живых организмов?

Альтернативной по отношению к теории ценностей (аксиологии) версией исторического познания стала *герменевтика*, которая была объявлена

¹ Главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор.

² Доклад представлен на XIII Международные Лихачевские научные чтения (2013 г.).

В. Дильтеем универсальным методом всех исторических наук (или так называемых «наук о духе»). Герменевтика — не логическая, а психологическая процедура, называемая также «искусством понимания», в отличие от логики объяснения. Предметом герменевтики является не любая реальность, а только та, которая содержит определенные *смыслы*, то есть реальность не физическая, а психическая. Дильтей обозначил эту реальность термином «дух». Что у неокантианцев было «культурой», у него стало «духом». Соответственно исторические науки, будучи нацелены на постижение «жизни духа», отличаются от остальных наук не только методологически, но и онтологически. Духовные порождения не просто что-то значат для человека, то есть имеют определенную ценность, но носят осмысленный характер, что постигается посредством не логической операции, а психологического вживания в них.

Не будем здесь подробно вдаваться в вопрос о различии между логикой и герменевтикой (на этот счет существует огромная литература). Важно, что ценность и смысл существуют не в одном ряду понятий, а являются следствием совершенно разных процедур в постижении культуры — логической (аксиологической) и герменевтической. Какая из них предпочтительнее — пусть каждый решает для себя сам, но их нельзя смешивать, выдавать за нечто единое.

Дальнейшее размышление о природе ценностей ведет, на мой взгляд, к социологии знания, пытающейся за любой системой ценностей выявить определенную систему общественных связей и отношений. Почему одна группа ценит одно, а другая — совсем другое? Можно ли одну систему ценностей ставить выше другой? Или они равны, эквивалентны друг другу? На знаменитом симпозиуме в Тбилиси по проблеме ценностей в 1965 году группа молодых московских философов, куда входили О. Дробницкий, Н. Мотрошилова, И. Балакина и я, выступила с критикой аксиологии именно с позиции социологии знания. В попытке аксиологизации философии мы тогда увидели опасность ее полной релятивизации. О. Г. Дробницкий чуть позже опубликовал на эту тему книгу «Мир оживших предметов», о которой, конечно, у нас забыли (у нас вообще принято обо всем забывать). А в современном разговоре о ценностях неплохо бы вспомнить о том, о чем говорили на том симпозиуме философы из Ленинграда (В. П. Тугаринов, М. С. Каган), Тбилиси и других городов и почему с ними спорили философы из Москвы (тот же Дробницкий). Ведь к тому времени и на Западе аксиология была подвергнута критике со стороны герменевтики, феноменологии, символической и экзистенциальной философии и пр.

Проблема смысла имеет продолжение: она ставит вопрос о роли интерпретации в процессе взаимодействия и диалога культур, о способности культуры порождать новые смыслы, что М. Бахтин назвал творческой герменевтикой. Сама способность к смыслопорождению является определяющим признаком культуры. На этой теме я хотел бы остановиться более подробно. Приведу простой пример. Современный режиссер, ставящий на сцене классическую пьесу, решает двойную задачу: он должен понять, что хотел сказать этой пьесой ее автор, так сказать, проникнуть в его замысел (это и есть герменевтическая процедура понимания), и одновременно решить, чем эта пьеса может быть интересна современному зрителю. Тем самым

режиссер создает определенную интерпретацию данной пьесы, извлекает из нее новый — более современный — смысл, который сам автор, возможно, и не имел в виду. Он видит в пьесе нечто такое, чего не предполагал даже ее автор. Интерпретация всегда шире и богаче авторского замысла. Это и есть творческая герменевтика.

Способность того или иного произведения рождать новые смыслы и есть главное свидетельство его принадлежности к культуре. Классика бессмертна потому, что содержит в себе фактически неисчерпаемый смысл. Но если возможности интерпретации исчерпаны, то это означает, что произведение как бы выпало из культурной жизни, сохранив в лучшем случае чисто антикварную ценность, интересную только специалистам. Ценности можно хранить в музее, смыслы пребывают в реальной жизни. Ценности не отличаются «живую» культуру от «мертвой», смыслы присущи только живому. Честно говоря, в мертвом я не вижу никакого смысла.

Отсюда следует, что ценности изучаются, а смыслы творятся, создаются живыми людьми. У ценностей нет конкретного автора, они передаются от поколения к поколению часто в неизменном виде, в то время как каждое поколение по-новому переосмысливает свою жизнь. Эту мысль можно выразить иначе: есть вечные ценности, но нет вечных смыслов. В смыслах, как не в чем ином, ощущается присутствие времени, меняющейся жизни, того, что принято называть историчностью. Я могу вместе с другими разделять некоторые ценности, идущие из прошлого, но не могу жить с теми же смыслами, что и мои предки. Ценности, как правило, наследуются, передаются по традиции, смыслы всегда современны (своевременны). Хотя ценности отличают одну культуру от другой, они как бы индифферентны по отношению ко времени. (Говоря, например, о ценностях русской культуры, какое время мы имеем в виду?) Смысл же непосредственно зависит от времени, в котором мы живем.

Существуют две болезни, которые могут поразить любую культуру. Во-первых, потеря связи человека с ценностями своей культуры. Об этой болезни европейской культуры впервые упомянул Ф. Ницше. Он назвал ее нигилизмом. Объявив устами своего Заратустры, что Бог умер, он тем самым возвестил о кризисе всех сверхчувственных ценностей — как ценностей античного рационализма, так и моральных ценностей христианства. Согласно Ницше, надо научиться жить без опоры на эти ценности, полагаясь исключительно на собственную волю. После Ницше тема кризиса европейской культуры уже не сходит с философской повестки дня. С Ницше начинается поворот от «философии разума» к «философии жизни». Теперь уже не в научном и моральном разуме, а в самой жизни ищут смысл культуры, который должен возместить утрату ценностей. Культура при этом, как и все живое, обретает историчность, то есть временность, конечность своего существования. Она в своем движении, как и любая другая форма жизни, проходит фазы рождения, цветения, зрелости и смерти. Кризис ценностей обернулся утратой связи культуры с вечностью — как в ее религиозном, так и метафизическом истолковании. Культура, по словам Зигмунта Баумана, должна научиться жить на совершенно новой территории, на которой нет никакой вечности, где все бренно и тленно.

Чуть позже обнаружилась и другая болезнь, поразившая европейскую культуру, — потеря связи человека со временем, ставшая причиной своеобразного обесмысливания человеческой жизни. Не случайно примерно в то же время (первая половина XX в.) родилась так называемая третья школа психоанализа — логотерапия (или смыслотерапия), пытающаяся лечить от потери смысла жизни. Эта болезнь связана уже с тем, что М. Фуко назвал «смертью человека» — смертью, конечно, не физической, а эпистемологической, то есть как некоторой исходной диспозиции в научном дискурсе. Не будем перечислять все причины, приведшие к этому кризису, — массовизация общества и культуры, консюмеризм, технологизация и сциентизация социальных структур и мышления — они достаточно обстоятельно проанализированы в философской и научной литературе. Но может ли культура существовать вообще без человека, или ей на смену приходит нечто совершенно другое?

Я думаю, вопрос о будущем культуры может быть решен не путем абсолютизации какой-то одной из уже сложившихся культур (каждая в своей обособленности от других рано или поздно оказывается в ситуации кризиса), а посредством восстановления связи человека со всеми культурами. Эта связь, однако, должна строиться не на основе принудительного навязывания человеку какой-то одной культуры, а на основе его собственных культурных предпочтений и свободного выбора. Уже сейчас многие пытаются сочетать в своем культурном «рационе» духовные продукты, изготовленные по разным культурным рецептам. Любой индивид должен иметь право сам избирать свою культурную нишу (или культурную идентичность), пользуясь плодами любой культуры, имея к ним неограниченный доступ. Я называю это правом на культуру, которое, возможно, является самым главным из всех остальных человеческих прав. Ценности любой культуры получают при этом шанс стать ценностями моей культуры, а смыслом такой культуры, как и всей человеческой жизни, являются свободный выбор этих ценностей, их творческая трансформация в какой-то новый культурный синтез. Время такой жизни называется свободным, а человек, живущий в нем, — свободной индивидуальностью. И никакого иного выхода из кризиса культуры я не вижу.

Н. Д. Никандров¹

ИДЕИ И МИФЫ КАК СРЕДСТВА ВОСПИТАНИЯ²

Как сказал когда-то К. С. Станиславский, театр начинается с вешалки. В этом же смысле верно утверждение, что нас воспитывает все, что нас окружает. Нас воспитывает то, что специально создано человеком для этой цели. Такова, например, школа как институт воспитания. Нас воспитывает и все то, что создано человеком для совсем других целей, но целенаправленно может быть использовано в воспитательных целях. Например, произведения искусства во всем их многообразии.

Идеи и мифы, о которых пойдет речь ниже, создаются человеком для разных целей. Но практически всегда явно или скрыто и в этом процессе, и в результатах, то есть в самих идеях и мифах, присутствуют желание и намерение изменить что-то конкретное мнение, понимание, а иногда и мировоззрение. А это значит, что идеи и мифы воспитывают, являются средствами воспитания или — шире — социализации («воспитания жизнью»).

Процесс создания и использования идей и мифов интересен, но он и практически важен. Понимание этой важности обостряется во времена перемен, эволюционных и — особенно — революционных, во времена гражданских и межгосударственных горячих войн, а также войн холодных, идеологических. Ведь в пропаганде, в идеологических спорах всегда так или иначе соперники создают свои мифы, которые, конечно же, мифами не называют, а также развенчивают, уничтожают мифы (конечно же, мифы!) противника; иногда и творцов этих мифов («нет человека — нет проблемы», как бы отвратительно это ни звучало). Это дает возможность представить себя, своих близких, своих союзников, свою партию, свою страну в выгодном свете. Не «своих» — в совсем ином. И поскольку всякое воспитание есть воспитание ценностей, здесь нет места полной нейтральности и беспристрастности. Казалось бы, еще К. Скотт, редактор английской газеты «Манчестер гардиан», в 1930 году написал верную и афористически остроумную фразу, что факты священны, их толкование свободно. Но и до этого, и позднее многим было ясно, что уже сам отбор (подбор) фактов без всякого их искажения может создать совершенно различное понимание того или иного события или явления. Гораздо сильнее оказывается преднамеренная фальсификация исторических событий или «черный» пиар, специально используемый для очернения соперников, противников. Причем не только идеологических, но и в области имущественных и иных отношений. Кстати, специально зайдя в Интернет с поиском «черный пиар», автор предсказуемо нашел в пер-

¹ Президент Российской академии образования (1997 – 2013), академик РАО, доктор педагогических наук, профессор. Автор более 300 научных работ, в т. ч. монографий: «Россия: социализация и воспитание на рубеже тысячелетий», «Воспитание ценностей: российский вариант», «Перспективы развития образования в России», «Воспитание и социализация в современной России: риски и возможности»; учебных изданий: «Общие основы педагогики», «История педагогики», «Педагогика высшей школы», «Организация учебно-воспитательного процесса в педагогическом институте», «Введение в специальность». Член Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО. Лауреат премий Президента РФ и Правительства РФ в области образования. Награжден орденами Почета, «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени.

² Доклад представлен на XI Международные Лихачевские научные чтения (2011 г.).

вой же ссылке по адресу turbocontext.ru, а всего нашлось, как сообщил мне Яндекс, 5 млн ответов (!) — вполне откровенный призыв использовать сие средство: «Нестандартные решения. Эффективные инструменты. Конфиденциальность. Звоните».

О том, как «черный» пиар используется в сфере образования, мне уже приходилось писать¹. Не возвращаясь к теме, напомним лишь, что уже и в этой краткой брошюре были приведены примеры использования «черного» пиара в давней (включая древнегреческую) истории и, понятно, в современности.

Весьма широкую область использования идей и мифов ограничим только тем, что касается воспитания, еще уже — идеологического и патриотического воспитания. Подробно разобрать отличия того и другого было бы интересно, но это не входит в наши задачи.

Об идеологии, идеологическом воспитании в России стали вновь говорить после довольно длительного перерыва «лихих девяностых» примерно после прихода к президентской власти В. В. Путина. Этот перерыв не был абсолютен. Так, еще в середине 1990-х в ряде работ мне приходилось высказывать, на мой взгляд, совершенно бесспорную мысль о том, что идеология — это не только идейно-политическое воспитание в марксистско-ленинском понимании, но любая система идей, разделяемая на любом уровне любой социальной группой². Вместе с тем любая идеология имеет и воспитательный аспект, хотя масштабы весьма различны: от небольшой группы людей до государства. При этом, конечно, приходится помнить, что согласно нашей Конституции (ст. 13) никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.

Именно это последнее обстоятельство заставляло многих, фактически говоря об идеологии, использовать иные термины, иную фразеологию. В этом смысле чрезвычайно важным является выступление Президента РФ Д. А. Медведева 22 апреля 2010 года на заседании Госсовета, посвященного развитию творчества молодежи. Среди прочего президент отметил, что необходимо также заняться идеологическим воспитанием, которого после распада Советского Союза фактически не было. Развивая свою мысль, Д. А. Медведев подчеркнул, что именно по этой причине, по причине отсутствия идеологического воспитания, для многих наших молодых людей идеалом являются герои американских боевиков.

Действительно, идеал не лучший. Поскольку эти боевики в разные годы смотрели все, легко вспомнить, каковы эти герои. Как правило, это супермены. «Супер» относится к физической силе, силе характера, привлекательной внешности. Часто он «борец за правое дело», избавляет от опасности то целый мир, то свою страну, то своих близких. Часто это «хороший» или «бывший» полицейский, которому приходится бороться и с преступниками, и с «плохими» полицейскими. Очень часто это герой-одиночка, что дает возможность подчеркнуть все его «суперкачества».

Уже не раз отмечалось, что практически любое изображение насилия на экране будит агрессивные качества людей, особенно подростков, даже если это насилие и направлено, как часто бывает, на борьбу со злом. За это

¹ Никандров Н. Д. Черный пиар : пособие для журналистов, читателей и слушателей. М. : Сайтекс, 2007.

² Никандров Н. Д. Воспитание ценностей: российский вариант. М. : Магистр, 1996.

американские и иные триллеры часто ругали, отмечали, что в последние годы мы в этой области «впереди планеты всей» и по частоте эпизодов, и по натуралистичности насилия. Вместе с тем нельзя не отметить, что американские боевики, американские триллеры выполняли в США и весьма полезную роль, которую постепенно начинают выполнять и некоторые наши произведения этого жанра. Они воспитывали гражданское мужество и патриотизм, защищали и пропагандировали американский образ жизни, заодно показывая непривлекательность других «образов жизни».

Поскольку кино — относительно недавнее искусство, то в прошлом это были досоветская Россия, Советский Союз, его союзники на всех континентах. Теперь — те страны, включая современную Россию, которые либо вообще не принимают американский образ жизни, либо недостаточно быстро и активно это делают. Но в эпоху «до кино» ситуация в принципиальном отношении была такая же, просто соответствующие идеи проводились в жизнь иными средствами. И обобщенно можно сказать, что при всем разнообразии этих средств основное — это идея, превращенная в миф или подкрепленная им. Путешествуя во времени и пространстве, идеи и мифы видоизменялись, заимствовались у друзей и врагов, украшались или уродовались, но выполняли свою функцию. При всех вариациях они показывали авторов (отдельных людей, их группы, народы, страны) в положительном свете, «других» (опять-таки отдельных людей, их группы, народы, страны) — в отрицательном. Понятно, что далеко не всегда это делалось примитивно, в черно-белом варианте. «Мы» могли быть не во всем, но «в основном» положительными. «Они» могли быть не абсолютно, но «прежде всего» отрицательными. Это добавляло правдоподобности, усиливало пропагандистское воздействие мифов. Но и сейчас давайте вспомним, как часто, прежде чем дать какую-либо положительную оценку какому-либо политическому деятелю, оценивающий в качестве преамбулы говорит примерно такие фразы: «Можно по-разному относиться к...», или «Конечно, можно поспорить с...», или «Конечно, нельзя во всем согласиться с...» Форма различна, смысл один.

В древние времена, на которые в краткой статье времени нет, мифы создавались прежде всего для объяснения иначе не объяснимого, например, явлений природы. Но уже и тогда понимали ценность идей вообще, ценность идеи патриотизма. Симонид Кеосский (Греция, 556 — 468 до н. э.) считал, что для полного счастья человеку необходимо иметь славное Отечество. И подобные мысли можно найти в Древних Китае и Индии, хотя они, как, впрочем, и Греция, были разделены на разные области (страны, города-государства) с разными названиями и разными правителями. Другой пример по времени ближе к нам. При создании Федеративной Республики Германия определенную трудность вызвал гимн. Созданный за много десятилетий до возникновения фашизма, причем музыка — раньше (Й. Гайдн), слова — на 40 лет позднее (А. Хоффманн), этот гимн воспринимался после Второй мировой войны как чисто фашистский. Особенно за слова первой строфы:

Deutschland, Deutschland ueber alles,
Ueber alles in der Welt
(Германия, Германия превыше всего,
превыше всего в мире).

Воспринимался, пока Президент ФРГ Хейсс и канцлер Аденауэр публичным обменом письмами не согласились, что гимн должен начинаться с третьей строфы первоначального текста:

Einigkeit und Recht und Freiheit
Fuer das deutsche Vaterland
(Единство, право и свобода
для немецкого Отечества).

Ведь смысл этого текста — действительно борьба за единое немецкое отечество, за объединение многочисленных княжеств, графств, баронств в единую Германию. Если вспомнить Симонида Кеосского — в «славное» (единое, большое, сильное) Отечество. Будто и не прошло с тех пор 25 веков!

Любовь к Отечеству, патриотизм — одна из идей, которая так или иначе проходит в истории всех стран, больших и малых. Именно поэтому для ее проведения в жизнь, для того чтобы она не только была известна населению, жителям, обывателям, но принималась ими эмоционально, была руководящей в их поступках, выходящих за пределы просто быта, требовалась особая работа. Соответственно именно вокруг этой идеи, имеющей понятное воспитательное значение, формировалось немало производных от нее идей, поддерживающих ее.

Формировалось — не только как-то складывалось, но и целенаправленно формировалось — и немало мифов. Правильнее сказать, не просто немало, а огромное количество, если помнить, что в мире много стран, которые имеют и двусторонние, и многосторонние отношения. И при всей соблазнительности идей дружбы народов конкуренция стран, обществ, государств никогда не исчезала. Тем более сейчас, когда она идеологически и на всех уровнях подается как идея конкурентоспособности. А конкуренция, естественно, бывает разная — жесткая и более мягкая, цивилизованная или мало отличающаяся от бандитизма, в хозяйственной жизни и в науке, в космосе и на полях сражений, везде и во всем. И мифология всегда привлекалась и привлекается как эффективное средство воспитания человека и народа для конкурентной борьбы, для успешного ведения самой этой борьбы.

Попытка дать даже краткий обзор различных мифов разных стран и народов в истории и современности — интереснейшая и практически важная задача, требующая для своего решения и немало времени, и немало специалистов, и немало места на бумаге или в электронном носителе. Но, ограничив ее рамками России, можно сослаться на уже выполненные интересные работы. Отметим прежде всего книги В. Р. Мединского (2010 — 2011)¹. Я намеренно привожу такой длинный список публикаций этого автора, потому

¹ *Мединский В. Р.* О жестокости русской истории и народном долготерпении. М. : Олма, 2010 ; *Он же.* О русской грязи и вековой технической отсталости. М. : Олма, 2010 ; *Он же.* О русской угрозе и секретном плане Петра I. М. : Олма, 2010 ; *Он же.* О русском воровстве, особом пути и долготерпении. М. : Олма, 2010 ; *Он же.* О русском рабстве, грязи и «тюрьме народов». М. : Олма, 2010 ; *Он же.* Особенности национального пиара. Правдивая история Руси от Рюрика до Петра. М. : Олма, 2010 ; *Он же.* Скелеты из шкафа русской истории. М. : Олма, 2010 ; *Он же.* О том, кто и когда сочинял мифы о России. М. : Олма, 2010 ; *Он же.* О тяге русских к «сильной руке» и неспособности к демократии. М. : Олма, 2010 ; *Он же.* Об «особом пути» и загадочной русской душе. М. : Олма, 2010 ; *Он же.* Негодяи и гении PR. От Рюрика до Ивана IV Грозного. СПб. : Питер, 2011 ; *Он же.* О России — «тюрьме народов». М. : Олма, 2011.

что сами названия вполне отражают те мифы, которые в разное время сочинялись и использовались и за рубежом, и в самой России для целей идеологической борьбы, холодных и горячих войн. Это мифы о русском пьянстве, лени и жестокости; о русском воровстве, особом пути и долготерпении; о русском рабстве, грязи и «тюрьме народов»; о тяге русских к сильной руке и неспособности к демократии; о русской грязи и вековой технической отсталости; о русской угрозе и секретном плане Петра I; об особом пути и загадочной русской душе; о жестокости русской истории и народном долготерпении. Другие книги из перечисленных ниже помогают понять, кто, когда и с какой целью сочинял, как распространял эти мифы.

Мифология в целях идеологического воспитания и идеологической борьбы есть частный случай манипуляции сознанием (Кара-Мурза, 2002). Рассчитывать на то, что строгое и логичное, беспристрастное изложение фактов при столь же беспристрастном их отборе достигнет этих целей, вряд ли возможно. Вспомним приведенный выше и опровергнутый жизнью афоризм К. Скотта. Есть еще и другой афоризм, приписываемый разным авторам: «Я знаю, что Вы беспристрастны. Но к кому Вы более беспристрастны?» Соответственно нужны эмоции, значит, нужны и мифы. В информативной книге С. Г. Кара-Мурзы есть и глава с показательным названием: «Мифы общественного сознания: большие проекты манипуляции».

Задолго до появления этой книги, еще в 1950-х годах, мне пришлось на личном опыте проследить, что это за «проекты». Как студент, изучавший иностранные языки, я слушал зарубежное радио. Никаких идеологических целей при этом не преследовал, был вполне обычным советским патриотически настроенным человеком. Не думал о манипуляции сознанием, не воспринимал эти радиопередачи как некий «проект». Но постепенно передачи различных радиостанций из разных стран и на разных языках привели к совершенно однозначному выводу: если и нет в мировом масштабе некоего единого агитпропа, своего рода идеологического отдела — а такое предположить трудно, в мировое правительство я и сейчас не верю, — то есть некоторая его, мирового агитпропа, замена. Не может не быть, если оценки значимых событий в СССР, странах социализма на мировой арене в целом практически совпадают и по знаку, и по приводимым примерам. И это «что-то» — веками (не годами и десятилетиями, а веками!) складывавшаяся система мифов, хорошо укрепленная средствами самоцензуры.

Примеры того, что было тогда для меня лишь попутной информацией к основному — изучению языков, легко найти в интересных и популярно написанных книгах В. Р. Мединского. Например, миф о том, что русскую армию всегда били. Начиная с истоков этого мифа в русском Средневековье и по сейчас он не теряет своей актуальности, перелагаясь в сотнях вариантов и за рубежом, и на родной почве. Если русская армия терпела поражение, что, конечно же, бывало, — это усиливалось красочными деталями и частым повторением. Если, что бывало чаще и в более крупном масштабе, русская армия достигала победы, то это было «не благодаря, а вопреки», огромными жертвами, с помощью «генерала Мороза» при бездействии и некомпетентности реальных генералов.

Другой пример — «Завещание» Петра Великого. Его никто не видел в оригинале, о его копиях достоверных сведений тоже нет. Но как только нужно

«идти на Россию», например, Наполеону Бонапарту, то миф вспоминается для объяснения этой агрессии. В те годы объяснения не очень-то и требовались, в начале XIX века война была вполне привычным способом решения территориальных и экономических проблем. Но почему нет — хороший дополнительный аргумент. Прошло 100 с лишним лет — и гитлеровская пропаганда вновь извлекает этот миф на свет Божий. Прошло еще полсотни лет. Президент В. В. Путин вскоре после своего избрания повесил в кабинете портрет Петра I. И опять западная пресса вспомнила этот миф. Правда, это было еще до «перезагрузки»...

А исконная недемократичность России, неспособность русских (точнее, россиян, жителей России вообще) усваивать демократические образцы жизни? Новгородское вече, которое было до европейских парламентов, забывается. Забывается и то, что в США рабство было отменено на шесть лет позднее, чем в России — крепостное право. Статистика не подтверждает и тезис о более многочисленных казнях в России, чем в странах Западной Европы, о свирепости и жестокости русских.

О дикости и дремучести русских за границей писали еще в допетровскую эпоху Алексея Михайловича. Но миф о России как Верхней Вольте с ракетами гораздо моложе, пьяные русские космонавты на борту космического корабля, устраняющие неисправности с помощью кувалды — из фильма «Армагеддон» 1998 года.

Других примеров приводить не буду — еще раз рекомендую читателю книги В. Р. Мединского. А далее действует то, что советовал Гитлер в своих застольных беседах: как можно чаще повторять то, что хочешь внушить массам, которые глупы и наивны. Но одну деталь со ссылкой на цитату из В. Р. Мединского приведу, поскольку она касается не частного примера, а важного вывода общего характера, с которым не могу не согласиться: «...после реформ Петра Великого в самой России появляется немало людей с психологией "исторических подкидышей". Они с восторгом воспринимают черные мифы о России и сами создают новые»¹. Примеры легко найти у многих наших авторов эпохи перестройки и «лихих девяностых». Можно и не искать — достаточно посмотреть сериал «Школа». Лучший пример черного мифа из области образования найти трудно, а ведь создан он В. Г. А. Германикой в «этой стране» — так нашу Родину называют некоторые ее жители. Да, миф вполне современный, хотя и сделан по рецептам, знакомым с древности: набрать недостатков, которые все возможны и встречаются в разных местах, сконцентрировать их в одном месте (например, под крышей одной школы) и провести мысль о ее типичности.

Итак, мифы служат идеологическим и воспитательным целям как средство. Результат применения этого средства — создание определенного представления о некотором предмете, человеке, стране, обществе. И теперь можно вернуться от мифов обратно к идеям, к тому обобщенному представлению о России, которое создается с помощью мифологии. Как уже отмечалось², многие печатные издания, радио и телевидение, система рекламы создают далекий от позитива образ России, связывая с ним столь же далекие от позитива идеи.

¹ Мединский В. Р. О русском пьянстве, лени и жестокости. М. : Олма, 2008. С. 257.

² Никандров Н. Д. Идеология и идеологическое воспитание: есть ли они, нужны ли они сегодня? // Родная Ладога. 2010. № 3. С. 59 — 68.

1. Негатив и зло в мире преобладают над добром.
 2. Наш мир есть мир насилия (физического, военного, сексуального, психологического), противостояния и соперничества, что надо считать естественным.
 3. Основной (сексуальный) инстинкт — действительно основа всего. Здесь трудно определиться с «нормой доступности», но, по многим данным, мы сейчас в этом отношении практически «впереди планеты всей».
 4. Культ «красивой жизни», богатства вообще и денег в частности естествен и необходим, «воспитание разумных потребностей» — пережиток коммунистических времен, высшие (духовные) потребности — либо от скудости, либо от глупости.
 5. Рынок правит миром, причем не только в экономике, но во всех взаимоотношениях людей.
 6. Конкуренция и соревнование за выгоды и ресурсы естественны, взаимопомощь и тем более альтруизм — исключение, удел оригиналов и святых («бери от жизни все»).
- Эти идеи глобального плана; некоторые же касаются прежде всего России.
7. Российские власти всех уровней не заботятся о народе и в высокой степени коррумпированы. Они были лучше в 1990-е годы (когда соглашались на все, что требовали США. — *Н. Н.*).
 8. Российская армия, милиция, вообще все органы правопорядка антинародны, жестоки и коррумпированы.
 9. Гражданский патриотизм в России если и был возможен (например, во время Великой Отечественной войны), то сейчас характер отношений народа и власти делают его реально невозможным.
 10. Права и свободы человека в России не защищены и сознательно нарушаются властью и людьми по отношению друг к другу; это происходит чаще, чем в «цивилизованных» странах.
 11. Высшие иерархи православной церкви в России запятнали себя в давнем прошлом сотрудничеством с КГБ, в последние годы — бессовестным использованием рыночных механизмов для получения прибыли, при этом государство односторонне поддерживает именно православную церковь, нарушая тем самым Конституцию.
 12. Уровень развития России крайне низок.
 13. Между странами СНГ имеются непреодолимые противоречия, обусловленные историей Российской и советской империй, имперскими «завязками» современной России.
 14. Российская власть неэффективна еще и потому, что расколота. Имеются непреодолимые противоречия между Центром и регионами, между ветвями власти, а также в тандеме «Медведев — Путин».
- Разумеется, в подтверждение каждого тезиса опытный пропагандист, агитатор или пиарщик (они часто совпадают в одном лице) что-нибудь найдет. А далее действует закон, открытый еще в Древнем Риме — *calumniare audacter, semper aliquid haeret*, то есть «клеветы дерзко, что-нибудь всегда прилепится». При частом повторении «прилепится» всегда немало.
- Некоторые особенно «вредоносные» идеи и мифы, то есть, уточним, такие, которые мешают патриотическому воспитанию граждан России, требу-

ют и особенного внимания. Это прежде всего такие мифы, которые касаются близкой к нам истории, хотя могут иметь и достаточно давнее происхождение. Сюда относятся мифы об истории национальных отношений в России, включая историю вхождения различных регионов в состав Российской империи. В антироссийских кампаниях используются также соответствующие интерпретации «гладомора» на Украине, предьстории Великой Отечественной войны, характер ее начала, роли СССР и союзных держав в обеспечении победы над фашизмом, пересмотра итогов войны, освещения деятельности террористического подполья и коллаборационистов в годы войны («лесные братья», бандеровцы, РОА), новых вызовов и рисков России и т. д. Эти периоды и материалы дают особенно благоприятные возможности для антироссийской пропаганды, что и объясняет создание Указом Президента РФ Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России¹.

Путешествуя во времени и пространстве, идеи (и соответствующие им мифы) видоизменяются, иногда превращаясь в свою противоположность. Эти превращения обычно обусловлены сложившимися культурными, например, религиозными традициями. Так, весьма серьезные различия есть в отношениях к иноверцам даже в рамках авраамических религий. В Ветхом Завете, сложившемся в иудейской традиции, уже содержалось требование любви к ближнему, хотя многие связывают его лишь с христианством. Но под «ближним» понимался единоверец, на представителей других верований это требование не распространялось. «Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего, но люби ближнего твоего, как себя самого» (Лев. 19:18). Заметим — народа твоего! В раннем мусульманстве идея иноверца-врага сохраняется. В 8 суре Корана «Добыча» мы читаем: «О те, которые уверовали! Когда вы встретите тех, кто не уверовал, то не обращайтесь к ним тыл. А кто обратит к ним в тот день тыл, если не для поворота к битве или для присоединения к отряду, тот навлечет на себя гнев Аллаха... Не вы их убивали, но Аллах убивал их». Как можно было обращаться с иноверцами в католичестве, легко понять, вспомнив крестовые походы.

Совсем иначе рассматривается вопрос в православии. Из истории мы знаем, что православие, укрепившись в Московии, не распространялось на юг и восток огнем и мечом. В XVIII веке, когда на Руси уже не было патриаршества, церковь была в высокой степени зависима от государства, которое действительно ставило задачу русификации, появилась очень интересная инструкция Святейшего правительствующего синода о том, как учить новокрещенных детей (например чувашей). Их требовалось обучать русской грамоте, алфавиту, десятиловию, часослову, псалтыри, катехизису, скорописи и «при этом за ними смотреть, чтобы они своих природных языков не позабывали». Кроме школьных часов им «велено было все время говорить на родных наречиях». Это — XVIII век. Но еще гораздо раньше (XI в.) Феодосий Печерский, один из первых игуменов Киево-Печерского монастыря (впоследствии Лавры), в одном из своих посланий писал так: «Милостынею же милуй не только свою веру, но и чужую: аще же видишь нагого, голодного, зимою ли, бедою одержима, аще то будет жидовин ли, сорочин ли, болгарин

¹ О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России : указ Президента РФ от 15 мая 2009 года.

ли, еретик ли, латинин ли, от поганых ли — всякого помилуй, и от беды избави, яко же можеш!»¹. Различия вполне понятны, и обусловлены они культурными, точнее, религиозно-культурными факторами.

Надо сказать, что Россия всегда отличалась терпимостью к представителям других культур и религий. Конечно, как во всех странах, был бытовой антисемитизм, были и еврейские погромы. Но масштабы были несравненно меньшими, чем во многих других странах. Поэтому и сейчас у нас есть все основания надеяться на постепенное мирное разрешение тех национальных проблем, которые частично объясняются не всегда удачными реформами, частично и вполне сознательно привносятся извне. Поэтому, к счастью, Россия далека от того, о чем на рубеже 2010 — 2011 годов говорили в своих странах А. Меркель, Н. Саркози, Д. Кэмерон. Слова были разные, но все в духе первого высказывания А. Меркель: политика мультикультурализма, мультикультури (да, так, и по-немецки это звучит так же уничижительно, как по-русски! — *Н. Н.*) полностью и окончательно провалилась.

Вместе с тем надо помнить, что мирные решения этого рода на российской земле не придут сами собою. Не забывая мирных традиций, будем учитывать, что идеи, как писал классик, становятся материальной силой, когда овладевают массами, и эта сила может быть использована для решения совсем не мирных задач. Будем учитывать, что идеи создаются нередко специально для целей борьбы, часто подкрепляются умело разработанной мифологией и используются как непосредственно в политике, так и опосредованно через воспитание тех, кто в ней участвует. А в политике участвуют в конечном счете все, поскольку, как было остроумно сказано, если ты не занимаешься политикой, она займется тобой.

Б. Д. Парыгин²

ГОТОВА ЛИ ЛИЧНОСТЬ К САМОИДЕНТИФИКАЦИИ?³

В предшествующих выступлениях очевиден акцент на возрастающей значимости идентичности, идентификации, будь то глобальная среда или локальная. Не случайно и то, что все более модной становится проблема парадоксальности личности как знак переживания кризиса во взгляде на человека в современном мире. Откуда это осознание кризисности?

Оно возникает потому, что идентификация и идентичность была вечным инструментом самозащиты личности перед лицом любых перемен, любых сложностей. Принадлежность к чему-то глобальному как бы гарантировала «защищенность». Применительно к нашей истории: ощущение кризиса связано с распадом нашей глобальности государственного масштаба. Конечно,

¹ Дьякова Е. А. Перед праздником. М.: Космополис, 1994. С. 117.

² Заведующий кафедрой социальной психологии СПбГУП (1992 — 2004), доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Почетный заведующий кафедрой социальной психологии СПбГУП (2008 — 2012).

³ Доклад представлен на VIII Международные Лихачевские научные чтения (2008 г.).

это было колоссальным социально-психологическим потрясением. И произошла компенсация поисков себя в других вариантах и жанрах идентичности более скромного масштаба. Мне кажется, надо задуматься о том, почему же человек так парадоксален.

С одной стороны, он готов понимать, чувствовать и демонстрировать свою особую значимость и величие. Вспомним наши «марши энтузиастов»: «Нам нет преград ни в море, ни на суше». Вот такое ощущение. С другой — человек может легко утратить уверенность в себе, в завтрашнем дне, когда пребывает в ситуации радикальных перемен и утраты привычной идентичности. В чем дело? А в том, что наше общество и человек как личность, да и гуманитарная наука тоже, оказались психологически не готовы к столь радикальным переменам. Мы привыкли и понимать и внушать себе и другим, что человек — это продукт, объект, прежде всего, всяческих детерминант — социальных и биологических, внешних по отношению к нему. Все психологические парадигмы, которые мы просматриваем, работают главным образом в одном направлении: внушении того, что человек — продукт — объект — результат внешних детерминант. А субъект — эта сторона человека как личности, как уникальной, неповторимой индивидуальности, — где она? Оказывается, она все-таки есть. Но о ней имеют право говорить преимущественно выдающиеся ученые.

Н. А. Бердяев, например, в воспоминаниях и переживаниях своей жизни говорит и выступает с позиции саморефлексии. А где у нас саморефлексия как инструмент постижения себя как уникальной индивидуальности, как субъекта, как личности? Ее нет, она выкинута из науки как ненаучный метод. На смену ей пришли бихевиоризм и другие подходы, которые перевели восприятие и понимание человека из поисков себя внутри себя вовне, с позиций изучения поведения под влиянием факторов внешней среды. А с точки зрения самозащиты личности, душевного и физического комфорта идентификация, как и многие другие инструменты защиты, — самый надежный инструмент, который позволяет эту роскошь обеспечить. Поэтому глобализация, идентификация — это все инструменты адаптации и самозащиты человека, заданные извне. Когда меняется среда, они ставят человека в тупик, в ситуацию драмы. Он не знает, с какой все более многомерной и альтернативной средой идентифицировать себя. Он, оказывается, не способен искать себя в себе, а не во внешних рамках, гарантирующих его защищенность с позиций, понятных нам по этой системе, патриархального отношения власти к отдельно взятому индивиду, который есть вообще маленькая клеточка, почти ноль, если так можно выразиться.

Готов ли человек сегодня к внутренней перестройке, к переходу на позиции самоидентификации, что предполагает готовность к высокому уровню такой саморефлексии, образцы которой нам показывают на своем примере такие корифеи мысли, как Паскаль, Шопенгауэр или Бердяев?

Но, повторяю, не случайно роскошь позиции саморефлексии без идентификации мог позволить себе Н. А. Бердяев. Он начинает свои воспоминания с признания того, что даже родители не были для него примером для подражания или тем более идентификации. А что же он такое? Он отвечает: «Тайна. Непостижимая тайна личности». Об этом же говорили и другие. И. П. Павлов признавал, что чужая душа — потемки, сколько мы ни изучаем

человека как личность. В чем же эта тайна, каков внешний признак ее парадоксальности?

Сейчас модно говорить о парадоксальности человека. Мы описываем различные виды идентификации. Этого хлеба хватит надолго: можно без конца описывать все виды возможных идентификаций — и глобальных, и локальных, каких угодно. Не меньший простор открывается для поиска ответов на сегодняшние вопросы и квалификации различных видов парадоксальности человека. Человек парадоксален в быту, в политике, в экономике — куда ни глянь, он везде парадоксален. Он везде необъяснимо, как-то противоречиво и даже бессмысленно выглядит, этот человек. С одной стороны, он великий, с другой — ничтожество перед лицом простых, казалось бы, вопросов, которые необходимо решать. Это тоже драма. Парадоксальна фиксация этой таинственной драмы, загадочность скрытой сущности души, непостижимой, непонятной для сегодняшней науки. А понять необходимо! Иначе не будет предмета для разговоров о личности. Ортега-и-Гассет, известный мыслитель, обратил внимание на то, что в периоды глобальных кризисов, когда власть или элита не видит способов решения проблем, растущих все быстрее, в массах может возникнуть ощущение самодостаточности, то есть чувство способности к власти. И тогда возникает феномен тирании масс, когда массы чувствуют в себе колоссальную силу и ищут того или другого лидера, который бы выразил их ощущения. Личность как уникальная индивидуальность беззащитна перед лицом таких испытаний, ориентированных на смену предмета идентификации. Она способна легко находить себя при смене ее предметной идентификации на идентификацию по предметному состоянию. В состоянии ажиотажа, энтузиазма, подъема, страсти (как болельщики на футбольном матче) массы успешно реализуют свой энергетический потенциал, потребность в действии. Эта идентификация очень нужна человеку. Потому что в условиях кризиса предметной идентификации по целям или идеалам идентификация по ситуативному, временному состоянию важнее, чем идентификация по отдельным предметам, средам или сферам жизнедеятельности. Состояние здесь важнее!

В этих условиях проблема личности как уникального индивида снимается либо возникает как проблема суперличности, которая впитывает колоссальную силу массовых настроений и реализует ожидания масс. И вместе с этим личность — это микрокосм, потрясающая глубина, бездна непознанного, не осмысленного пока наукой. Детерминация, как биологическая, так и социальная, — конечно, важный фактор формирования личности в качестве прежде всего объекта, а не субъекта, продукта, а не уникальной, неповторимой индивидуальности. Но сегодня мы не можем ограничиваться этим взглядом на человека. Перед лицом испытания временем требуется другой подход. И даже популярность многообразных рассуждений об идентичности человека с факторами его формирования не открывает выхода к решению этой проблемы, как и многочисленные описания различных видов парадоксальности.

Почва богата, потому что везде мы выглядим парадоксально. А почему? Потому что не привыкли глубоко погружаться в свои безграничные возможности. В этом тайна человека. Возможности наши безграничны, но у нас нет навыков погружения в них, и наука нас не ориентировала на это.

Б. В. Раушенбах¹

ГУМАНИТАРНАЯ КУЛЬТУРА НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ²

XX век прошел под знаком впечатляющего развития естественно-научного знания и связанного с ним технического прогресса. Достаточно привести простое перечисление: наше столетие оставляет человечеству автомобильный транспорт, авиацию, радиосвязь, телевидение, опыт освоения космоса... Жизнь человека в начале века и в его конце разительно отличны. Неудивительно, что это породило чувство безграничной мощности человеческого общества, корни которого лежат в естественно-научном знании. Именно поэтому в середине века поэт Борис Слуцкий написал:

Что-то физики в почете,
Что-то лирики в загоне.

Убежденность во всеисилии естественно-научного знания, его очевидные для всех успехи породили даже такое понятие, как «научное мировоззрение». Оно должно было прийти на смену патриархальным представлениям о добре, зле и смысле человеческой жизни, а в его основе лежат те самые впечатляющие, совершенные естественно-научные знания.

Постепенно стало выясняться, что «научное мировоззрение» существовать не может, что человек получает информацию, определяющую его поведение, не только на пути естественно-научного знания, основанного на формальной логике, но и на некоторых внелогических путях. Что его мировоззрение должно быть «целостным», где естественно-научная часть составляет лишь половину, а другой половиной является нечто внелогическое, чем пытались раньше наивно пренебречь.

Красота, любовь, дружба не подчиняются законам формальной логики и лежат вне естественно-научного знания. А без них человеческая жизнь перестает быть истинно человеческой. Более того, внелогические импульсы оказались и в логическом знании. Даже математика, логическая сущность которой очевидна, знает такое внелогическое понятие, как «красивое доказательство». В человеческой деятельности логическое и внелогическое тесно переплетены, и поэтому в передовых высших учебных заведениях физико-математического профиля стали читать курсы подчеркнуто внелогического характера, такие, например, как эстетика. Это помогает, как оказалось, усваивать и дисциплины математического характера.

В силу сказанного видится очевидным, что гуманитарные знания, гуманитарная культура становятся чем-то очень нужным и для тех, чья профессия лежит далеко от этой сферы. И эта тяга к гуманитарной культуре будет,

¹ Физик-механик, один из основоположников советской космонавтики, академик РАН, Герой Социалистического Труда. Автор большого количества научных и публицистических работ, в т. ч.: «Вибрационное горение», «Управление ориентацией космических аппаратов», «Пространственные построения в живописи», «Передача троичного догмата в иконах», «Лекции по механике космического полета» (в соавт.), «С. П. Королев. Энциклопедия жизни и творчества», «Постскриптум» и др. Лауреат Ленинской премии. Награжден орденом Ленина.

² Доклад представлен на Международную научно-практическую конференцию «Гуманитарная культура как фактор преобразования России» (1996 г.).

скорее всего, увеличиваться по мере того, как набирает силу материальное могущество людей, основанное на растущем естественно-научном знании. С ростом этого могущества человечеству придется решать все более сложные этические проблемы, и часто решающее слово будет принадлежать не тем, кто аргументирует расчетами, а тем, кто основывает свое мнение на вечно юном опыте тысячелетней гуманитарной культуры.

Н. Н. Скатов¹

УНИВЕРСИТЕТ И КУЛЬТУРА²

Слово «культура» часто понимают в расхожем значении, ставя его в один ряд с такими понятиями, как «наука», «образованность», «творчество», «искусство», вообще духовное производство, и часто придавая ему явно этицированный смысл.

Между тем в последние годы обществоведение все более стремится осмыслить феномен культуры в строго теоретическом плане.

Согласно современным представлениям, культура — это универсальный механизм, который осуществляет самоорганизацию человеческой жизни.

Универсальный характер человеческой культуры как всеобщей технологии человеческой деятельности давно нашел емкую форму для своего выражения, осуществления и актуализации — университет. Изучение истории становления и развития университетов в связи с глобальными процессами развития культуры было бы поучительным с этой точки зрения. Видимо, не только общность терминов говорит о связи универсального целостного характера культуры с университетом как особым типом человеческого образования, наиболее удачно такому характеру отвечающего. Потому их и нужно рассматривать в тесной связи.

Отсюда и особенности университета, заключающиеся в его общем статусе и в процессе его жизнедеятельности. Именно начала универсальности определили место университета как уникального явления, как особого феномена в ряду вузов.

Реализация такой универсальности и ее обязательное условие выглядят как двойная функция этого учреждения. Однако университет — не просто учебное заведение плюс школа, но заведение особого типа, то есть сама его школьная функция становится более широкой, более универсальной. Сое-

¹ Директор Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (1987 – 2005). Советник РАН, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. книг: «Кольцов», «Некрасов», «Я лиру посвятил народу своему: о творчестве Н. А. Некрасова», «Пушкин. Русский гений», «Современники и продолжатели». Автор сборников историко-литературных статей «Поэты некрасовской школы», «Далекое и близкое», «Литературные очерки», «О культуре». Президент Пушкинского фонда «Классика». Председатель Пушкинской комиссии РАН. Награжден орденами Почета, Дружбы, Святого благоверного князя Даниила Московского II и III степени Русской православной церкви.

² Доклад представлен на Международную научно-практическую конференцию «Гуманитарная культура как фактор преобразования России» (1998 г.).

динение учебного процесса и науки — функция двуединая, ибо надлежащим образом обеспечить учебный процесс может только учебное заведение. Профессор университета (по точному смыслу «проповедник мысли») невозможен без доктора (как мыслителя). В силу этого обстоятельства именно университет призван в максимальной степени реализовать такую особенность культуры, как ее динамический, «процессуальный» характер. Ведь и сама наука не есть просто упорядоченная система определенных положений, но процесс. Кстати, именно в университете в силу многих причин (достаточно сказать, что здесь объединено самое «молодое» и самое «старое» хотя бы только в возрастном отношении) особенно наглядна и поучительна жизнь культурной традиции на фоне борьбы новаторства и консерватизма, подчас даже ритуально подчеркнутого. Университет — инструмент, который, возможно, упорнее всего ведет традицию вперед и, возможно, поэтому упорнее всего ее удерживает. По той же причине так велико значение лекции как ведущей формы университетского преподавания. Это тем более следует подчеркнуть, поскольку некоторые тенденции в развитии культуры, на первый взгляд внешнего характера, ведут к изменениям в представлениях о характере вузовского, то есть прежде всего университетского преподавания. Такое явление всегда имело место. Может быть, важнейшим рубежом здесь было книгопечатание с его массовым и в этом смысле демократизирующимся характером. Недаром уже на рубеже XVIII — XIX веков в Германии, в стране, так сказать, классического университетского преподавания, появились сомнения в необходимости его извечной классической формы — лекции, считавшейся, например, Р. Шлейермахером (Мысли об университетах в немецком смысле. 1808) явно устаревшей.

Нельзя не видеть, что в последние годы с новой силой почти повсеместно возобновились настроения, отрицающие или как-то преуменьшающие значение лекции, ограничивающие ее. Причины тому разные, но одна из них, безусловно, во всемирном развитии телевидения, в частности и учебного, а точнее, в широком использовании компьютеров и базирующихся на них информационных технологий. Между тем как в прошлом, так и в нынешнее время лекция продолжает занимать большое место во всех учебных планах всех университетов (иное дело — обязательность посещений). Дело не в такой самой по себе частной вещи, как лекция, а в том, что в силу ряда причин лекция, так сказать, изменяет сама себе, то есть изменяет своему «идеальному» назначению. Одно дело — учебно-догматическое изложение знаний, другое — научно-критическое добывание их. Одно дело — обучение ряду истин, другое дело — поиск истины. Лекция не может быть только внедрением научных знаний, но должна быть приобщением к научному, то есть динамичному, типу мышления. Собственно, это и определяет тип университетского преподавания. Но дуалистическое воззрение на университет даже при верном соотношении учебы и учености еще не выражает суть дела. Более того, обычное плюралистическое применение не вполне открывает такую суть. Университет в области образования является неким общим органом культуры не просто потому, что он разрабатывает во множественности определенные области знания, что естественно. Дело в том, что здесь действительно, по точному термину *universitas literarem*, рождается новое качество, некое совокупное знание. Университет есть та форма, которая в единстве

обеспечивает начало специализации и интеграции, разрешая это противоречие и давая особый тип целостного знания. Университет в этом смысле может существовать только как коллегия мыслителей и ученых. Наряду с теоретическим достоинством — соединением и обобщением многих наук, в частности, и благодаря постоянным контактам представителей разных наук, которые предупреждают провинциальную узость горизонта и профессиональную замкнутость, налицо и преимущества практического характера: полнота и всесторонность библиотек, справочных служб и т. п.

Таким образом, думается, что даваемое ныне наукой теоретическое определение культуры как целостного, универсального и динамичного социального феномена позволяет прогнозировать целостное культурное строительство и в этих рамках верно определять место такого института социальной жизни, как университет, намечая пути его дальнейшего существования.

ПРЕОДОЛЕНИЕ КРИЗИСА КУЛЬТУРЫ — РЕШАЮЩИЙ ФАКТОР ВЫЖИВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА¹

Тема, заявленная на данное пленарное заседание, — «Диалог культур и партнерство цивилизаций». Но если вводятся понятия диалога, партнерства, то, следовательно, должно быть обнаружено и основание для такого диалога и партнерства. Партнерство возникает, если возникает некий общий интерес. Диалог начинается тогда, когда появляется тема, интересующая всех его участников.

Тематика данного заседания глобальная: речь идет о «цивилизациях», то есть о масштабах, присущих бытию всего человечества в целом. Так есть ли основания для «партнерства» одной части человечества с другой, для диалога всех составляющих понятие человечества в данный момент его истории?

Как мне кажется, такое основание есть. Это общие угрозы, встающие перед всем человечеством в наши дни и, прежде всего, угроза ядерной и экологической катастрофы. С этими двумя «внешними» угрозами тесно связана и третья, «внутренняя»: кризис культуры, также приобретающий сейчас «общечеловеческий», «общецивилизационный» характер. Не потому ли человечество предпринимает теперь судорожные, но не бессмысленные и не бесполезные усилия по спасению себя через спасение культуры, которое, вероятно, и явится решающим фактором выживания человечества?

Культура — это универсальный механизм, который осуществляет самоорганизацию человеческой жизни. Разлаживается этот «механизм» — разлаживается и «жизнь», вне зависимости от масштаба ее проявления — на личностном, семейном, этническом или субэтническом уровне. Что такое культура? Культ, иерархия, система позитивных ценностей. И эта выстроенная тысячелетиями творческих усилий грандиозная «пирамида» беспрерывно рушится не только в России, но и в Западной Европе, и в Аме-

¹ Доклад представлен на VIII Международные Лихачевские научные чтения (2008 г.).

рике, даже на консервативном Востоке на протяжении предшествующего столетия и продолжает разрушаться сейчас. Существуют глубинные фундаментальные основы культуры, на которых и зиждутся меняющиеся экономические формации, и культурные традиции, которые проходят через столетия. Именно они «базисны», они определяют духовное здоровье или духовное нездоровье как отдельного человека, так и этноса, и всего человечества в целом. Игнорирование этого постулата равносильно нарушению законов природы.

Дело в том, что убывание культуры как в человеке, так и в человечестве предполагает умножение «бескультурия», а это умножение разрушительно. Можно сказать, что мера воли к творчеству как для человека, так и для этноса — мера его культуры. Но можно сказать и обратное: мера воли к разрушению — это мера бескультурия. И нет «абсолютно» культурных людей и народов, как нет людей и народов абсолютно «бескультурных». Это два полярных, все время борющихся друг с другом начала, как космос и хаос, добро и зло, жизнь и смерть. Победа «культуры» может быть временной — и культурный (относительно) человек, и культурный (относительно) народ могут утратить свои культурные ценности, «духовно одичать». И такой человек, и такой народ становятся опасными как для окружающих, так и для самих себя: на место воли к созиданию приходит воля к разрушению. Середины здесь нет. На освободившееся от «культуры» место тут же приходит «антикультура».

Массовая, не народная, а именно «антинародная культура», «антикультура» — неизменная составляющая любого общества, но она еще никогда не была столь агрессивной, повторю — никогда еще в такой степени не претендовала на общекультурное представительство «в мировом масштабе». На мой взгляд, глобальное «духовное одичание» человечества и породило в XX — XXI веках глобальные же угрозы человечеству — ядерного взаимоничтожения и самоубийственной экологической безответственности.

Вот и повод как для «диалога», так и для «партнерства» любых «цивилизаций». Я думаю, что сейчас подобный диалог должен стать своего рода «обменом опытом» по сохранению культуры в собственной стране. При чем надо помнить, что это далеко не «отвлеченные» рассуждения «о высоком»: настоящая культура дорого стоит. Меценатство не случайно и не вчера возникло. Культуру содержат: система фондов, дотаций, побуждающая помогать культуре система налогообложения. Для поддержания должного культурного уровня необходима мощная общественно-государственная культурная программа — комплексная, сбалансированная, составленная с привлечением лучших и разнообразных сил страны. Необходима мобилизация всего духовного потенциала народа, его интеллигенции.

Что в таком диалоге могла бы сказать современная Россия — страна, где все три главных угрозы человечеству (ядерная и экологическая катастрофы и кризис культуры) сосредоточились и проявились на рубеже XX — XXI веков с особой силой?

Во-первых, хочу повторить то, что я уже неоднократно говорил с этой трибуны. Говоря о «сохранении культуры» (или даже о «спасении культуры»), необходимо ясно понимать «тактику» подобного действия относительно каждого конкретного «этнического случая». У каждой нации есть свои,

так сказать, «столпы» культуры, свои «несущие конструкции», которые поддерживают все здание. Если разрушить эти «столпы» — рухнет вся «кровля». Поэтому дело «сохранения культуры» можно рассматривать прежде всего как дело сохранения своих «столпов культуры», дело своего «культурного самоопределения».

Что касается нас, русских, то наши «столпы культуры» — это наша классическая литература. Мы — литератуuroобразующая нация и не существуем без литературы. Русской классической литературе свойственно целостное восприятие бытия, формируемое на одном из самых великих явлений мирового искусства. Наша литературная классика — это наше прошлое. Великое, достойное, прекрасное, но прошлое, воспоминание. Однако это воспоминание о будущем. Отменяя или даже тесня русскую классику, мы лишаем доверенное нам молодое поколение не только прошлого, мы лишаем его и будущего. А что касается настоящего, то, конечно, наша классика вступает с ним в решительное противостояние. Она провозглашает: «Не убий», «Не укради», «Не прелюбодействуй», а слишком многое в нашей жизни и в литературе учит обратному, славит содом, порой уже в гомерических масштабах. Вот где сейчас «русский фронт» в общем для человечества деле защиты культуры: в защите русской классической литературы, в популяризации ее традиций и ценностей.

Во-вторых, Россия должна сказать свое слово в современной педагогике. Последний и главный оплот культуры — это школа. Я думаю, что сейчас ни в одной стране так называемого «цивилизованного мира» нет более важного министерства, чем министерство образования, именно здесь все решается, и все будет зависеть от того, как пойдут достаточно сложные процессы в этой структуре. Вопрос о школе — это сейчас большой вопрос не только для нас, но и для всей Европы. А мы в последние десятилетия были в этом школьном деле, как и в других бесчисленных, только плохими копиистами чужой работы, учениками, списывающими у соседа. В тему, которую Европа задала своей школе, мы должны вдуматься самостоятельно, чтобы суметь сколько-нибудь успешно разрешить эту проблему. И хочу напомнить мудрые слова Д. И. Менделеева, о том, что «работу о подъеме нашего среднего образования начинать надо не с программ, а с подготовки надлежащих учителей». Какие бы хорошие «программы» не были у нас в наличии, вопрос в педагогике решает личность учителя. Нельзя иначе возвысить уровень учительского сословия, как создав лучшие условия для его существования, то есть притянув все активное, сильное, что до сих пор избегало этих должностей, боясь нищеты и неуважения.

И, наконец, в-третьих, следует помнить, что универсальный характер человеческой культуры как всеобщей технологии человеческой деятельности давно нашел емкую форму для своего выражения, осуществления и актуализации — университет. Именно университет призван в максимальной степени реализовать такую особенность культуры, как ее динамический, «процессуальный» характер. Ведь и сама наука не есть просто упорядоченная система определенных положений, но процесс. Одно дело учебно-догматическое изложение знаний, другое — научно-критическое добывание их. Одно дело — обучение ряду истин, другое — поиск истины. Изучение истории становления и развития университетов в свя-

зи с глобальными процессами развития культуры было бы поучительным с этой точки зрения.

В завершение хотелось бы обратить внимание на то, что данный многолетний форум, посвященный вопросам современной культуры, проходит в стенах российского Университета, который стал воплощением и символом современного отечественного педагогического «модернизма» — в самом лучшем смысле этого слова, — Гуманитарного университета профсоюзов. Здесь отечественные культурные традиции, российская университетская педагогика и наука наполняются новым, современным содержанием. На пожелании успехов хозяевам форума в деле сохранения и преумножения культуры я и хочу закончить свое выступление.

В. С. Степин¹

ФИЛОСОФИЯ И УНИВЕРСАЛИИ КУЛЬТУРЫ²

1. С позиций деятельностного и семиотического подходов культуру можно рассматривать как сложную систему надбиологических программ человеческой жизнедеятельности, которые представлены образцами действий и поступков, знаниями, предписаниями, верованиями, идеалами, нормами, мировоззренческими ориентациями и т. д. Они составляют то, что называют накопленным социально-историческим опытом, усваивая который человек социализируется, становится личностью. Этот опыт фиксируется в различных вариантах социокода, где в качестве кодирующих систем могут выступать человеческие поступки и действия, обретающие символическое значение, предметы окружающей человека среды, естественный язык, различные виды искусственных языков (язык науки, языки различных видов искусства и так далее). Способы кодирования и система кодов, закрепляющих программы поведения и деятельности, развиваются по мере накопления нового социально-исторического опыта.

Все эти культурные феномены функционируют как целостная развивающаяся система. Системообразующими элементами, которые объединяют различные явления и сферы культурного творчества, выступают универсалии (категории) культуры. Они и являются ее основаниями.

Посредством универсалий культуры оценивается и сортируется жизненный опыт, благодаря чему он и попадает в поток культурной трансляции.

2. Можно выделить категории культуры, которые выражают отношение человека к окружающему его предметному миру как объекту деятельности. Это «природа», «пространство», «время», «вещь», «свойство», «отношение», «причинность», «необходимость», «случайность» и т. п. Но не менее важна и другая категориальная структура, характеризующая отношение человека

¹ Руководитель Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, заведующий кафедрой философии науки и философии культуры МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП.

² Доклад представлен на Международную научно-практическую конференцию «Гуманитарная культура как фактор преобразования России» (1998 г.).

к человеку как субъекту деятельности и общения, которая аккумулирует опыт включения людей в социальные связи, их отношение к обществу и человеческому духу. Это «свобода», «судьба», «я», «другие», «человек», «страх», «долг», «совесть», «честь», «труд», «справедливость» и т. п.

В культуре обе категориальные структуры образуют определенную целостность, так что представления о человеке, добре и зле, свободе и справедливости скоррелированы с пониманием природы, причинности, пространства и времени. Сцепление и взаимосвязь универсалий культуры создают обобщенную картину жизненного мира, вводя систему предельно общих представлений о природе, обществе и сознании. Эта картина и есть то, что называют мировоззрением соответствующей исторической эпохи. Она выступает своеобразным генотипом социальной жизни, его базисным культурно-генетическим кодом. Благодаря ей человек не только понимает и осмысливает мир; он оценивает его события и переживает их соответственно системе ценностей, которая выражена в универсалиях культуры. Различие в ценностях во многом определяет различие культур.

3. В развитии общества периодически возникают состояния, когда традиционные жизненные смыслы не позволяют найти ответ на новые исторические вызовы, когда поиск новых путей цивилизационного развития требует пересмотра прежней системы ценностей.

В такие эпохи расколов и ломок, когда разрушается система мировоззренческих образов, обеспечивающих отбор и трансляцию социального опыта, и поэтому неясно, что отбросить и что сохранить из опыта предыдущих поколений («распалась связь времен»), тогда и возникают, казалось бы, простые вопросы, ответ на которые люди пытаются найти, чтобы обрести понимание себя и мира: что такое совесть, что такое справедливость, в чем ценность человеческого труда, что такое добродетельная или недобродетельная жизнь? С поиска ответов на них и начинается философия.

Чтобы получить ответы, познающий разум должен стать в особую позицию по отношению к универсалиям культуры, сделать их предметом исследований, особыми объектами, на которые направлена мысль. А поскольку разум в любые эпохи развивается в соответствии с доминирующими смыслами категорий культуры, то это означает, что он анализирует и оценивает свои собственные основания.

Способность осознавать себя является одной из главных характеристик человеческого мышления. Но рефлексия может быть разной глубины. Обыденное сознание, как правило, не осуществляет рефлексии над своими глубинными основаниями. Человек в повседневной жизни понимает, что такое пространство, время, добро, зло, справедливость и тому подобное, и соответственно этому пониманию оценивает конкретные события, поступки и действия других людей. Но он обычно не задумывается над смыслами этих категорий, и если речь пойдет об их определении, о выявлении их связей и отношений, то обыденное мышление не может решить этих задач. Их решает философия. Она осуществляет рефлекссию над универсалиями культуры, выносит их на суд разума, превращает в особые идеальные объекты, с которыми философ затем оперирует так же, как математик с числами и геометрическими фигурами, изучая их свойства и отношения.

4. Универсалии культуры, становясь объектами философского дискурса, переплавляются в философские категории. В них акцентируются понятийно-смысловые аспекты, связанные с эмоциональным переживанием мира. Тем самым философские категории предстают как схематизация и упрощение категорий культуры (мировоззренческих универсалий). Но за счет такого упрощения открываются возможности оперировать категориями как особыми сущностями, ставить теоретические проблемы и выработать новые определения категорий. А эти определения уже могут выходить за пределы того понимания мира, которое выражено в универсалиях культуры данной эпохи.

Философия не ограничивается осмыслением и рационализацией сложившихся и укорененных в культуре мировоззренческих ориентаций, а вырабатывает новые понимания мира, адресованные будущему, предлагая человечеству модели возможных миров его жизнедеятельности. Причем философия осуществляет эту работу не только в эпохи мировоззренческих кризисов, но и постоянно, систематически генерируя новые идеи и представления по мере движения в поле своих теоретических проблем.

5. Историческое развитие философии постоянно вносит мутации в культуру, формируя новые варианты, потенциально возможные линии ее исторического развития. Выработанные философией новые идеи могут длительное время трансформироваться в культуре как своего рода «дрейфующие гены», которые только в определенных социальных условиях могут получить мировоззренческую актуализацию. Но когда такие условия возникают, то эти идеи начинают активно обсуждаться и развиваться не только в философии, но и в публицистике, литературной критике, искусстве, политическом сознании, религиозных и нравственных учениях и т. п. Таким путем философские категории трансформируются в мировоззренческие универсалии, которые могут стать основаниями нового типа культуры.

В. А. Черешнев¹

ДОЛГ УЧЕНОГО И ГРАЖДАНСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ²

Я всегда буду благодарен судьбе за то, что в Академии наук мне посчастливилось встречаться с таким удивительным человеком, каким был Дмитрий Сергеевич Лихачев, и слышать его выступления — нечастые, но всегда возвышающие и заставляющие размышлять. Это действительно был человек-энциклопедия, выдающийся гражданин и ученый. В его размышлениях о государстве, науке, глобализме мы находим много такого, что созвучно настоящему времени, хотя Дмитрия Сергеевича уже несколько лет нет с нами.

¹ Председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям, директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП.

² Доклад представлен на VI Международные Лихачевские научные чтения (2006 г.).

Известно, что Лихачев многие годы проработал в Пушкинском Доме, и по его статьям и выступлениям видно, что он разделял многие мысли А. С. Пушкина и часто обращался к нему.

Здесь уместно вспомнить произведение А. С. Пушкина «Путешествие из Москвы в Санкт-Петербург», в котором он полемизирует с А. Н. Радищевым. Пушкин пишет: «Вижу улучшение нравов только из-за того, что образование и просвещение входят в жизнь». И еще: «Не дай Бог нам этих революционных изменений, политических, опасных, катастрофических».

Мысли А. С. Пушкина перекликаются с работами Д. С. Лихачева, в частности со статьей «Репрессированная наука». Он прекрасно понимал, что эта «репрессированная наука» во многом помогла перелому в Великой Отечественной войне; благодаря науке быстро шло послевоенное восстановление страны, были реализованы космическая программа и атомный проект, которые выдвинули нашу страну в число «супернаучных» держав. Судьба академика Лихачева, непростая и во многом трагическая, созвучна эпохе, в которую он жил. Другой знаменитый ленинградец, академик А. А. Ухтомский, образно сформулировал мысль, которая в полной мере относится к Д. С. Лихачеву. Он сказал, что все действительно ценное в мире зарабатывается трудом и болением сердца — такова диалектика жизни и бытия. Действительно, широкий гладкий путь и распахнутые ворота ведут к падению и смерти того лучшего, что есть в человечестве. Узкий, тернистый путь и тесные ворота — к проявлению настоящего добра между людьми.

Рассуждения Дмитрия Сергеевича о глобализме привели к тому, что сейчас появился новый термин «глокализм» — глобальные проблемы в применении к локальным государствам.

Что мы сегодня имеем? В мире насчитывается около 250 государств, из которых только 50 — 60, то есть примерно 20 %, развивают фундаментальную науку. Среди них особенно интенсивно в данном направлении работают всего 11 стран: Россия, Соединенные Штаты, Англия, Германия, Франция, Италия, Китай, Япония, Южная Корея, Индия и Израиль. Получается, что весь мир пользуется благами того, что делают эти одиннадцать плюс пятьдесят по отдельным направлениям. Вот к чему привела глобализация. При этом следует подчеркнуть, что в последние триста лет Россия всегда была (и продолжает быть) в десятке научных лидеров. Однако если рассматривать Россию как члена «большой восьмерки», то необходимо отметить, что страны бывшей «семерки» в сумме тратят на науку 550 млрд долларов, а Россия — 2,5 млрд. И тем не менее российские ученые лидируют по многим фундаментальным направлениям — благодаря подвижничеству и героическому труду таких людей, как Дмитрий Сергеевич Лихачев.

Свое выступление я хочу закончить словами, прозвучавшими здесь, в Санкт-Петербурге, 17 апреля 1832 года, на первом вручении Демидовских премий. Это была высшая награда Российской академии наук, учрежденная Петербургской императорской академией наук и уральским меценатом, золотопромышленником, заводчиком Павлом Николаевичем Демидовым. Демидовская премия и сегодня от имени Академии наук вручается выдающимся российским ученым. Граф Сергей Семенович Уваров, заканчивая свою приветственную речь, сказал: «Честь и хвала тем, которые посвящают себя постоянным усилиям и скромной славе учености». Честь и хвала Дмитрию Сергеевичу Лихачеву.

VI. ИСКУССТВО И ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

М. К. Аникушин¹

ЦЕННОСТИ ПЕРЕОЦЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ, ЕСЛИ ОНИ ПОДЛИННЫЕ²

Главная тема творчества каждого истинного художника — человек, его красота, гуманность, благородство.

Мое творческое кредо — показать каждого человека таким, какой он есть. Не я хочу награждать его какими-то чертами, что-то придумывать, а он сам должен выразиться. Хочу быть объективным по отношению к каждому персонажу, его характеру. И тогда он сам о себе расскажет. Это очень трудно — ждать, порой десятилетия, когда твой замысел воплотится в жизнь: на памятник Пушкину у меня ушло более десяти лет, памятник Чехову для Москвы ждет своего часа уже лет двадцать (пока не получается то, чего хочу). Но получится, обязательно получится — «надо только выучиться ждать», как поется в одной известной песне.

Будучи реалистом по природе, приветствовал и буду приветствовать все яркое, самобытное, вне зависимости от стиля. Меня уже много раз пытались расспрашивать о творчестве Михаила Шемякина, порой толкая на весьма некорректный ответ. И я всегда подчеркивал, что — согласен я или не согласен с его манерой — Шемякина уважаю и поддерживаю: он художник и поддерживающий человек. Просто у него свой почерк — и слава Богу.

Каждая эпоха, каждое поколение творцов рождает свое, в чем-то не похожее на предшествующие, видение художественных образов. Вот, например, Петр Первый. Мы привыкли в скульптуре к двум-трем его «типажам» — созданиям Фальконе, Растрелли, Антокольского. Но все эти работы мало связаны с «конструкцией» самого Петра. Ведь его рост был 2 метра 4 сантиметра! Надо обязательно учитывать, как люди такого роста двигаются, как

¹ Российский скульптор, академик Академии художеств СССР, народный художник СССР, Герой Социалистического Труда. Наиболее известные работы: памятник А. С. Пушкину на площади Искусств в Санкт-Петербурге, портрет В. М. Бехтерева, памятник В. И. Ленину на Московской площади в Санкт-Петербурге, памятник В. И. Ленину в г. Турку (Финляндия), мемориал «Героическим защитникам Ленинграда», портрет артиста Н. К. Черкасова (некрополь Александров-Невской лавры), памятники А. С. Пушкину (ст. метро «Пушкинская» и «Черная речка» в Санкт-Петербурге), композиция «Мир» в парке Мира (Нагасаки) и др. Лауреат Ленинской премии и Государственной премии РСФСР им. И. Е. Репина. Награжден двумя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Отечественной войны II степени, Трудового Красного Знамени, Дружбы народов. Почетный доктор СПбГУП.

² Доклад представлен на Международную научно-практическую конференцию «Гуманитарная культура как фактор преобразования России» (1997 г.).

они «переживают» этот рост. Но у наших классиков это немаловажное обстоятельство отброшено. Там на коне — порывистый, державный полет — Медный всадник! Или торжественно едущий царь-император у Растрелли. А Михаил Шемякин подошел к раскрытию этого образа, используя растреллиевскую конструкцию с ее фигурой. Он в своем образе воплотил рост Петра Великого, даже нелепицу его движений. К тому же Петр Первый носил парик, а Шемякин снял его и оставил голый череп. Может быть, поэтому подобная фигура несколько шокирует зрителей. Однако самому автору отказать в оригинальности и оправданности замысла и органичности его воплощения нельзя. Это Петр глазами большого художника, отделенного от него тремя веками российской истории и всем тем, что эти столетия в себя вобрали. Вот что главное.

Особое мое внимание привлекает новое в творчестве, в его разных областях — науке, искусстве, педагогике. И здесь показателен пример Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов. За пять лет, начав «с чистого листа», коллектив Университета под руководством профессора А. С. Запесоцкого сумел создать не просто дееспособное, а весьма преуспевающее учебное заведение, имеющее прочную материальную основу и замечательный интеллектуальный потенциал. В этом плане меня, естественно, в первую очередь волнует судьба факультета искусств. И я рад, что наряду с традиционными для вузов кафедрами театрального, хореографического и музыкального искусства активно развивается и растет профессионально близкая мне кафедра искусствоведения. Здесь руководству Университета удалось собрать блестящих специалистов, некоторых из них (профессоров О. Ф. Петрову, А. А. Гозенпуда) я знаю по несколько десятилетий. Это мастера классической отечественной школы, и они способны шаг за шагом, на основе непреходящих ценностей отечественной и мировой культуры подготовить искусствоведов XXI века.

Несмотря на все беды и тревоги сегодняшнего дня, я остаюсь оптимистом. Россия всегда была страной великих мастеров — таковой и останется.

Н. П. Бехтерева¹

НАУКА О МОЗГЕ ЧЕЛОВЕКА К КОНЦУ XX СТОЛЕТИЯ И ВОСПИТАНИЕ НРАВСТВЕННОГО ЧЕЛОВЕКА²

Последняя декада XX столетия по праву определена как Декада мозга. Новые технологические решения сделали возможным те исследования мозга человека, о которых раньше было трудно мечтать. Сейчас в развитых странах идет буквально поток исследований того, как в пространстве целого мозга организовано обеспечение самых различных высших функций человека. Эти исследования существенно дополняют и развивают результаты, полученные начиная с 1960-х годов при изучении мозговой организации мышления в условиях лечебно-диагностического прямого точечного контакта с мозгом человека (так называемые инвазивные исследования). Обозначив полученные в них результаты как первый прорыв в изучении мозга человека в XX веке, можно определить то, что происходит сейчас на основе технологической революции (так называемые неинвазивные исследования) как второй прорыв.

В результате этих двух прорывов не только получено огромное количество фактов, но и сформулированы концепции о принципах функционирования здорового и больного мозга человека.

Некоторые механизмы мозга проявлялись в ходе подтверждения исходных гипотез. А на некоторые, причем весьма значимые механизмы, исследователи буквально наталкивались. Именно так вошел в наши знания мозговой механизм, который в научной литературе описывается как наличие у некоторых мозговых систем звеньев разной степени жесткости и который по существу свидетельствовал о возможности — и реальности — осуществления одной и той же деятельности и не обязательно одной и той же. Этот важнейший мозговой механизм, открытый нами в 1966 году, далее постоянно подтверждался. Исследования последних лет вновь утвердили эти данные и показали, сколь существенно могут различаться мозговые системы, конечный результат деятельности которых один и тот же, исходное руководство к действию — идентично.

Это один из важнейших механизмов надежности мозга, возможности правильного конечного результата мыслительной деятельности относительно независимо от внутренних и внешних помех. Разрушение (болезнь, травма) многих гибких мозговых звеньев систем организации сложной

¹ Академик РАН. Научный руководитель Центра «Мозг» АН СССР (с 1990 г.), Института мозга человека РАН (с 1992 г.), доктор медицинских наук, кандидат биологических наук, профессор. Автор большого количества научных и научно-популярных работ, в т. ч.: «Биопотенциалы больших полушарий головного мозга при супратенториальных опухолях», «Физиология и патофизиология глубоких структур мозга человека», «Нейрофизиологические аспекты психической деятельности человека», «Мозговые коды психической деятельности», «Здоровый и больной мозг человека», «Магия мозга и лабиринты жизни» и др. Лауреат Государственной премии СССР. Награждена орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени, Дружбы народов. Почетный доктор СПбГУП.

² Доклад представлен на Международную научно-практическую конференцию «Гуманитарная культура как фактор преобразования России» (1998 г.).

деятельности чаще всего первоначально вполне восполнимо, но постепенно лишает мозг богатства его возможностей. Очень важно для клиники, что по крайней мере некоторые, казалось бы, не обязательные, но значимые звенья системы обеспечения, например, речевой функции могут при необходимости взять на себя ведущую роль, определить возможность восстановления функции при необратимой гибели главного звена соответствующей системы — в частности зоны Брока.

В обеспечении разных видов деятельности, и в том числе мыслительной, мозг обладает еще целым рядом механизмов надежности, увеличения его возможностей. Речь здесь идет о явной или латентной полифункциональности очень многих нейронных популяций, которая может присутствовать исходно (явная) или проявляться при изменении химических модуляционных влияний (латентная). Не ставя перед собой задачу перечисления всех механизмов надежности работы мозга, упомянем как привлекавший сейчас большое внимание механизм детекции ошибок.

Детектор ошибок активизируется при рассогласовании деятельности с ее планом, точнее — хранящейся в мозгу матрицей. Понятно, что вряд ли он активизируется при ошибках в деятельности творческой.

Исследование мозговой организации мыслительной деятельности обнаружило множество интересных механизмов и свойств в этой работе мозга. Так, например, в динамике сверхмедленных процессов проявились защитные механизмы мозга. Они характеризовались разнонаправленными сдвигами этих базисных физиологических показателей и особенно значимы как превентивный механизм, препятствующий распространению в мозгу эмоционально детерминированных сдвигов сверхмедленных физиологических процессов, в свою очередь определяющих нежелательное развитие патологических эмоций.

Тема механизмов мозга неисчерпаема. Скажем и еще об одном механизме — адаптивном по своей природе — возможности формирования устойчивых состояний, отличных от состояния здоровья, — в частности устойчивого патологического состояния, играющего существенную роль в механизме хронических заболеваний человека (и, вероятно, «хронических болезней» общества). Именно этот вопрос рассмотрен мною в одной из глав книги 1994 года как позволяющий понять, где мы были и где мы сейчас в науке о Мозге Человека.

Сегодняшние возможности в изучении мозга таковы, что реально не только изучать мозговое обеспечение какой-то конкретной мыслительной деятельности, но и (пока еще, естественно, это мечта) как в мозгу человека проявляется то, что можно соотнести даже с такой категорией, как нравственность. Конечно, это станет возможным, как только — и если — психологи помогут с проблемой батареи соответствующих тестов и будет накоплен первоначальный базис — эталон. Это, однако, проблема, хотя может быть и недалекого, но все же будущего.

Что же из результатов первого и второго прорывов в наших знаниях о функционировании мозга может быть использовано как ориентиры, базовые принципы воспитания нравственного человека уже сейчас?

Познавая мир, растущий человек постоянно удовлетворяет «жажду» мозга к деятельности, причем все время новой. И одновременно в мозгу и в ор-

ганизме непрерывно идет автоматизация повторяющейся деятельности с формированием соответствующих матриц памяти, далее поддерживающих приобретенные полные или полуавтоматизмы. Эти два экстремума в деятельности мозга — стремление к познанию разнообразного мира и автоматизация — оптимально формируют функциональный мозг человека, где базовая стереотипная деятельность освобождает территории мозга для нестереотипной деятельности, а нестереотипная использует стереотипную как фундамент. Наглядным примером этого может служить соотношение двигательной активности, у взрослого человека в основном матрично обеспеченной, и собственно мыслительной деятельности; в мыслительной деятельности — автоматизация простейших математических операций — таблицы умножения и дальнейшего познания части или всего математического мира, автоматизацию чтения и познание содержания читаемого и т. п.

Принципиально по такому пути шло на протяжении многовековой истории большей части человечества формирование нравственности человека, когда в процессе воспитания и обучения основные нравственные догмы буквально вписывались постоянным повторением в мозг и охраняли очень многих людей от выхода за пределы матрицы их памяти, на которой было высечено «не убий», «не укради» и т. д. В поддержании по крайней мере некоторых нравственных норм имеют значение уже упоминавшиеся собственные защитные механизмы мозга, способствующие сдерживанию отрицательных эмоций за счет создания в сбалансированном мозгу препятствия для распространения по мозгу «волны» отрицательных эмоций. Конечно, такого рода базис «охранял от греха» далеко не всех и не всегда. В любом обществе существовали и существуют группы людей, агрессивные потенции которых превышают необходимые любому индивидууму для реализации честолюбивых замыслов, часто очень полезных обществу. Эти люди, как бы в связи со своей генетической предопределенностью, ломают стереотипы в бытовом, групповом, общественном или даже глобальном масштабе. Их действия должно ограничить и корригировать общество — если общество здорово само, если большая его часть прочно базируется на фундаменте нравственных норм. Если же общество нестабильно, оно легко модифицируется, и не всегда — к лучшему.

Как в мозгу поддерживается деятельность, базирующаяся на сформированной в течение жизни матрицы памяти? Здесь придется сослаться на уже упоминавшийся выше механизм мозга, играющий роль поддержания деятельности в соответствии с планом во многих жизненных поведенческих ситуациях — речь идет о детекторе ошибок. Каждая сформированная матрица работает под контролем детектора ошибок, зон мозга, реагирующих исключительно на поведенческое отклонение от заданных матрицей границ.

Итак, формирование основных нравственных стереотипов является первым и основным базисом формирования здорового общества. Кстати, феномен раскаяния, глубочайшего сожаления о своих действиях, принесших вред себе или своим близким (один из самых субъективно тяжелых переживаний, свойственных людям с активным нравственным настроением), может быть понят на основе функционирования, и в данном случае — доминирования детектора ошибок, его взаимодействия с матрицей соответствующего поведения.

Однако, и это очень важно подчеркнуть, создавая базисные нравственные стереотипы, исключительно важно не просто сохранить, но и развить способность творчества — основной драгоценности мозга человека. Если стереотипы служат прежде всего стабилизации и сохранению индивидуумов и общества, творческие способности человека, выполняя те же задачи, одновременно являются естественным и единственным залогом развития и процветания нашей планеты. Таким образом, эта вторая позиция — развитие творческих возможностей — безусловно, не менее важна, чем первая. Именно творческие способности вместе со стереотипными базисными формируют противостояние человека разрушающей среде.

Творческие потенции в той или иной мере присущи большинству популяции. В варианте, который определяется обычно словом «талант» или, более того, «гениальность» (возможность принятия правильных решений на основе минимума выведенных в сознании факторов, ординат), они встречаются гораздо реже. Следует вспомнить легендарного мальчика, спросившего после смерти Пушкина, «кого теперь поставят писать стихи». Пушкиным надо родиться, хотя я не думаю, что лицей помешал ему.

Для благосостояния общества подлежат выявлению и развитию творческие способности, присущие популяции в целом. Именно их развитие помогает ежечасно и ежедневно находить в нестереотипной ситуации нравственно и биологически оптимальное решение, принципиально согласующееся с базисной моралью. А что касается особо одаренных личностей, именно их заслугой, как известно, является продвижение в отдельных областях и в обществе в целом к новым уровням жизни, в свою очередь, создающим новые, лучшие предпосылки для гармонического развития людей.

Известно, что государство — это не только совокупность отдельных личностей, оно не может рассматриваться как простая сумма людей. Государство обладает по отношению к сумме людей новыми свойствами, новыми возможностями, облегчающими или осложняющими жизнь индивидуумов. Нравственность личности — фундамент нравственного государства, однако именно стабильно развивающееся нравственное государство создает условия для развития устойчиво нравственной и в то же время творческой личности.

А. А. Вознесенский¹

СТРАНА ПРЕОДОЛЕЕТ КРИЗИС, КОГДА ПРОЧТЕТ «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»²

Для меня Дмитрий Сергеевич Лихачев остается живым человеком. **Д**XX век закончился — и что от него осталось? Что отличает его от других веков? Дмитрий Сергеевич это понимал — остался авангард, которого не было ни в XIX, ни в XVIII, ни в XIV веках. Но именно Дмитрий Сергеевич Лихачев понимал значение всего этого, потому что не был замшелым академиком, не был ретроградом. Я помню, когда мы были в Италии, он сказал гениальную фразу о том, что Аввакум был первым русским авангардистом, — и за это ему огромное спасибо. И еще. Когда-то я заболел вирусным гриппом, температура была страшная, и об этом узнал Дмитрий Сергеевич Лихачев. Он сказал: «Передайте Вознесенскому, чтобы он не принимал никаких таблеток, а перечитал "Слово о полку Игореве"». Я так и сделал. И действительно, я поправился. Вот если бы наша страна, которая сейчас больна, прочитала бы «Слово о полку Игореве», у нее дела были бы лучше.

Сейчас у меня вышли два первых тома из собрания сочинений в шести томах. Я хочу подарить их Университету в память о Дмитрие Сергеевиче Лихачеве, тем более что единственная мантия, которая у него была, вручалась ему здесь. Я сегодня написал стихи и хотел бы их сейчас прочесть. Когда я виделся с Дмитрием Сергеевичем, всегда читал ему новые стихи.

Это было в Туле или в Обнинске.
Крики телефонные равны нулю.
«Баба резанулась! Вы что там, стебнулись?!
Неотложную!»

Скульптор Неизвестный, бинтуй свой мебиус.
Женщина нетрезвая качнет права.
Вспомните про Фурцеву. Ванная — как лобно.
Неотложку, Господи! Еще жива!

Все равно косуле, какой в ней резус.
Так самоубийственно живет трава.
Спишь в хрустальной маске, царевна
Зарезанная. Еще жива...

¹ Поэт, автор поэм «Мастера», «Лонжюмо», «Авось», «Ров», «Россия воскресе» и др., поэтических сборников «Антимиры», «Ахиллесово сердце», «Тень звука», «Дубовый лист виолончельный», «Витражных дел мастер», «Соблазн», «Аксиома самоиска», «Возвратитесь в цветы!», «СтиХХI» и др., мемуарной прозы и публицистики, в т. ч. книги «Прорабы духа». На стихи А. А. Вознесенского написано большое количество песен, рок-опера «Юнона и Авось» (композитор А. Л. Рыбников). Почетный член десяти академий мира, в т. ч. Российской академии образования, Американской академии искусств и литературы, Баварской академии искусств, Парижской академии братьев Гонкур, Европейской академии поэзии и др. Лауреат Государственной премии СССР и премии Правительства РФ. Награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» II и III степени, Трудового Красного Знамени, золотым почетным знаком «Общественное признание». Почетный доктор СПбГУП.

² Доклад представлен на Международные Лихачевские научные чтения «Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева» (2001 г.).

Паводком в Якутске прорвало плотину.
Лена вскрыла вены.
Речь ненормативная, жизнь ненормативная —
Необыкновенная.

Лена вскрыла ленность
Наших джентльменов.
Лена вскрыла вены.
Все имеет финиш,
Только смерть нетленна.
Лена вскрыла вены.
Мы в беде по крышу
Или по колено.
Вену вскрыла Лена.

Ежедневно Дума кричит о ролпуске.
Тише, разговорчивая братва!
Разметав протоки и рукава,
Россия вскрыла вены. Неотложку, Господи!
Если неотложка еще жива.

Д. А. Гранин¹

РАЗМЫШЛЕНИЯ²

Мне симпатична идея Карла Поппера о том, что ход человеческой истории в значительной степени зависит от роста человеческого знания. Знания, открытия непредсказуемы, поэтому непредсказуем ход истории. Непредсказуемой была эпоха информатики. Она создала коммуникативность мира, глобализацию. Историю движет не так идеология, не так религия, как наука и техника. Остановить это развитие невозможно, оно сопровождает человечество с момента появления мышления. Какова тут роль культуры? Гуманитарных наук? Без них был бы человек творцом? Можем ли мы жить без идеи, без богов, без музыки? Усмирение наук — необходимость? Как все же повлиял, допустим, Интернет на ход новейшей истории? Или освоение космоса? Мобильники? Телевидение и т. п.? Мир стал коммуникативен, он живет в режиме онлайн... И что все это может определять? Жизнь все меньше воспринимается чувствами, виртуальная реальность заменяет непосредственные эмоции, искусство живет без слез, восторгов, потрясений?

Я считаю, что самая большая ценность человеческой жизни, что придает ей какой-то смысл (ведь жизнь кажется совершенно бессмысленной; и сколько бы ни было попыток найти облегчающий смысл нашей жизни, облегчающий перед лицом смерти, полного исчезновения, ничего из этого не выходило), так вот, единственное, что как-то освещает и освящает человеческую жизнь, — это любовь. Один сделал научное открытие, другой на-

¹ Писатель, Герой Социалистического Труда, соучредитель Конгресса петербургской интеллигенции, почетный гражданин Санкт-Петербурга, Почетный доктор СПбГУП.

² Доклад представлен на VIII Международные Лихачевские научные чтения (2008 г.).

писал книгу, третий снял фильм, сочинил пьесу — все это не поглощает человека. Единственное, что его поглощает полностью, — это чувство любви. В любви человек раскрывается наиболее полно. Все искусство рождалось и выростало из любви, причем любви самой разной — любви и восхищении перед женщиной, перед природой, перед чудом жизни. Любовь к этому миру и любовь к Богу — для многих одно и то же. Если чувство любви не посетило человека, у такого человека, мягко говоря, — неполная жизнь. Я не знаю, может быть, любовь — это дар свыше, а может быть, это способность человека, которая есть у каждого, но далеко не каждый может ее реализовать. Потому что есть много всяких заменителей, всякой фальши. Есть секс вместо любви, есть другие ценности, которые нам кажутся более существенными. Все они приносят быстрые разочарования. Но что характерно: из чего возникла поэзия? Из любви. Из чего возникла проза? Из любви. Из чего возникла живопись, скульптура? Мировая культура? Из любви. В основе лучших образцов культуры и искусства — любовь.

Новейшие авангардные течения, где отрицаются реальность, нравственные основы, любовь, сюжет, отвергается нормальный язык, свергаются кумиры, меня не интересуют. Такое всегда было и, наверное, всегда будет. У меня есть твердые ценности, которые мне помогают, которыми я восхищен, они помогают мне верить в искусство, в его силу.

Приведу пример с Шолоховым. В течение многих лет идут яростные споры о том, является ли Шолохов автором «Тихого Дона» или нет, как он мог написать такое многоплановое произведение в столь юном возрасте: мол, для этого у него не было ни жизненного опыта, ни знаний. Были и компьютерные исследования по поводу его авторства, вышло много книг на эту тему. Меня много раз про это спрашивали — мне это не интересно. То есть, конечно, любопытно, так же, как любопытно, кем был Шекспир на самом деле. Но Шекспир есть, мы читаем его пьесы. Есть «Тихий Дон», это громадное, великолепное произведение — лучшая книга о любви. Где еще так страстно и трагически рассказано о любви, как у Шолохова — о любви Григория и Аксиньи? Какая еще книга в русской литературе в этом смысле может сравниться с «Тихим Доном»? Даже романы наших гигантов Толстого и Достоевского не могут сравниться с шолоховским изображением любви. Меня очень трогает эта книга. Вот что дорого. А исследования, касающиеся того, кто написал эту книгу, меня не интересуют. Есть в культуре ценность — «Тихий Дон», от которой я не желаю отказываться, независимо от того, кто автор.

То же самое Шекспир. Человеческая история создала незыблемые ценности искусства, так же как и наука создала законы, положенные в основу развития человечества. Эти законы могут расширяться, дополняться, но есть среди них основополагающие — закон сохранения энергии в науке, закон любви в искусстве. И никакой авангард меня не заставит от них отказаться. Литература — это не электрический ток, который должен непрерывно работать. Великую литературу заносит песком чтива, нет сегодня гениев в нашей русской литературе — появятся завтра. Например, достижения советской культуры кажутся не такими значительными, какими они казались для своего времени. Сегодня судить о них сложно. Надо понимать, что значили, допустим, Тендряков, или Твардовский, или Товстоногов в то время, когда они творили. Ныне же остается только текст или воспоминание.

Нынешний текст Евтушенко «Бабий Яр» не может так поразить читателя, как это было в 1970-е годы. Однако трагедию Софокла «Царь Эдип» можно смотреть сегодня, сопереживая сильно, чуть ли не до слез. И читать стихи Пастернака, такие как «В больнице». Значит, есть в произведениях временная составляющая, а есть вечная, а какая из них важнее и нужнее — вопрос бессмысленный.

Человек со времен Архимеда и Диогена не изменился. Нет никакой разницы между человеком современным и прошлых веков. Человек не становится умнее, мудрее. И 200, и 400 лет назад общество имело разумные традиции, мораль, свои правила и чести, и взаимоотношений.

Если нам интересно читать то, что написано Еврипидом или Софоклом, значит, никакой разницы между людьми того времени и нашего времени нет. В Древнем мире еще до Рождества Христова было много мудрейших и умнейших людей, великолепных художников, скульпторов. Мы по-прежнему любим их творениями. Никакие безобразия, которые случаются в современном искусстве, не могут умалить красоты Венеры. Художник должен быть свободным человеком, вне моды, вне течений, вне манифестов. Ему дан талант, неповторимый голос, который заменить никто не может. Он должен осуществлять себя, а не моду.

Возьмите список нобелевских лауреатов за 100 лет: там много фамилий, которые сегодня совершенно никому не известны, но там много фамилий и замечательных писателей, которые остались для нас по-прежнему украшением мировой литературы.

Художник должен иметь собственное мнение. Так, «Собственное мнение», назывался один из моих рассказов, который не понравился Молотову. У художника всегда сложные отношения с миром и властью. Я не знаю художника, который бы относился хорошо к власти. Художники старались как-то гуманизировать ее. Такое стремление было, допустим, у Державина, да и у Пушкина. Гёте был тайным советником в Веймаре, при маленьком дворе. У Эккермана в «Разговорах с Гёте» есть замечательная сцена: идут Гёте и Бетховен, беседуют. Навстречу им императорская фамилия. Гёте отошел в сторону и поклонился, а Бетховен двинулся в самую гущу сановной толпы. Поведение Бетховена мне всегда было симпатичнее. Но у Гёте была своя правда. Он старался что-то сделать и многого добился. «Чтобы что-то создать, надо чем-то быть», — говорил Гёте.

Наверное, в разные эпохи, разные исторические моменты страна получает разную власть. Когда-то власть более справедлива, когда-то — менее. Когда-то она совершает больше ошибок, когда-то — меньше. Но «эра милосердия» пока остается лишь утопией. А это означает, что перед каждым новым поколением порядочных людей и перед каждым порядочным человеком в отдельности снова и снова будут вставать те же вопросы, примерные решения которых дал своей жизнью Дмитрий Сергеевич Лихачев.

«Даже в случаях тупиковых, — говорил Дмитрий Сергеевич, — когда все глухо, когда вас не слышат, будьте добры высказывать свое мнение. Не от малчивайтесь, выступайте. Я заставляю себя выступать, чтобы прозвучал хоть один голос». Лихачев создал образ защитника культуры.

Все устроено, выстроено в этой Вселенной для человека, все физические постоянные приспособлены для существования человека, а он сам для чего?

Ответа нет и не предвидится. Драма отсутствия общей идеи жизни. Например, Чехов не скрывал своего незнания этой идеи. «Не знаю», — признавался он, отказываясь от поверхностных ответов. После операции, которую мне делали, я спросил хирурга: «А что такое сердце? Вы столько сердец держали в руках! Что же такое сердце?» Он мне сказал: «Сердце — это насос, и больше ничего. Насос, клапаны». Я говорю: «А откуда же выражение "сердечный человек", "бессердечный"?» Он говорит: «Это все ваша литература». Для врачей сердце — табу. Сердце — насос, и они обращаются с ним, как с насосом. И в этом их правда и сила. Им не надо все остальное, так как оно будет им мешать. «Сколько ни вскрывали, — говорят врачи, — никогда не видели, чтобы из человека вылетала душа». Есть вещи запредельные. Большой художник проникает дальше, чем обычные люди. Он видит такие вещи, каких мы не видим. Это его преимущество, свойство гения, его отличие от таланта. Гений видит неоткрытые звезды. Искусству не надо бояться изображать безвыходные, ужасные ситуации, которых напрасно избегает литература, а жизнь то и дело упирается в них.

Школьников, студентов надо обучать искусству на его высочайших образцах. Для процесса образования из всей нашей литературы я бы выделил четыре наиболее значимых произведения — «Станционный смотритель» Пушкина, «Шинель» Гоголя, «Тамань» Лермонтова, «Студент» Чехова. В них сосредоточены и сила, и глубина русской литературы. Они выделяются неразгаданностью, любовью к человеку, красотой, чудом языка и тайной многозначности.

Проходить в школе «Войну и мир» невозможно, проходить «Идиота» невозможно. Проанализировать в школе можно маленькую вещь, чтобы ее почувствовать, понять, какие в ней тайны. Что такое «Студент»? Это рассказ на три страницы. И Чехов считал его лучшим своим рассказом. А что там? В чем его очарование, ведь там ничего особенного не происходит. Студент рассказывает бабам-крестьянкам историю того, как трижды апостол Петр отрекся от Христа, не устоял, отрекся и заплакал. Слушая студента, растроганные бабы тоже заплакали, потому что то, что происходило в душе апостола Петра, им было близко. Студент пошел дальше, думая о том, как прошлое связано с настоящим непрерывной цепью событий: дотронешься до одного конца — дрогнет другой. Это очень интересно.

Я думаю, что школьника и любого человека иногда надо ставить в тупик, чтобы он понял, что человек — это тайна. Мы сами не знаем, почему мы поступаем так или иначе. Многие в этом мире находятся вне логики, вне разума. Мы слишком преклоняемся перед рациональным, научным, научно объяснимым, мы не оставляем места чуду. Жизнь — это чудо, и надо, чтобы человек ощущал это чудо.

«Просвещение без нравственности идеала несет в себе отраву», — говорил Н. Новиков. В связи с этим я должен сказать, что Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов — один из немногих, который соответствует самому названию «университет». Ленинградским (или петербургским) и многим московским университетам не хватает одного важного качества. Университет — это сообщество, сообщество от слова «общение». Ну что за университет наш Санкт-Петербургский, так сказать «большой», университет? Он очень хороший по качеству своих преподавателей,

но факультеты там не имеют возможности общаться. А ведь университеты создавались исторически как возможность взаимодействия наук, научно-го общения. Это элементарно, это все знали, а получилось так, что нынешние университеты (Университет культуры, «большой» университет, ЛИТМО и пр.) не имеют возможности общения. В СПбГУП эта возможность есть, и она прекрасно реализуется. А это, по-моему, и есть очень важное качество для университета.

Высокопреосвященнейший **Иоанн**¹

О РОЛИ ЦЕРКВИ В ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ НАРОДА²

1. Помним ли, знаем ли мы, что означает быть русским? Что для этого надо? Достаточно ли иметь соответствующую запись в паспорте, или требуется нечто еще? Если требуется, то что именно? Ответить на эти вопросы — значит обрести точку опоры в восстановлении национально-религиозного самосознания, опомниться после десятилетий атеистического космополитического забвения, осознать себя — свой путь, свой долг, свою цель. Для этого надо прежде всего вернуть народу его историческую память. Только вспомнив, «откуда есть пошла русская земля», где, в какой почве окрепли благодатные корни, в течение десяти веков питавшие народную жизнь, можно правильно ответить на эти вопросы, а если не ответить, то не жить нам дальше, а догнивать. На этом пути не обойтись нам без Православной церкви, древнейшего хранилища живой веры и нравственной чистоты. Без ее любовно-отеческого кормления запутаемся и заблудимся, утонем в пучине противоречивых стремлений, честолюбивых амбиций, лукавых советов.

2. Евангельское учение Церковь вложила в душу народа как совершеннейший образец, по которому каждый в меру сил должен строить жизнь личную, а все вместе — общественную и государственную. Именно Церковь стала центром святоотеческой государственности — не насилующей народ, не создающей рабство, следящей за духовным возрастанием и нравственным самосовершенствованием каждого. Церковная идея служения легла в основу сословного строя России, основанного на разделении общих обязанностей, а не на иерархии прав, как это было на Западе. Здесь берет начало весь уклад русской жизни, как бы ни изменялись его формы с течением времени. Православность — неперемнное качество всего русского в его историческом развитии.

¹ Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский (1990 – 1995). Постоянный член Священного Синода, публицист, один из основателей Петровской академии наук и искусств и историк церкви. Автор большого количества публикаций на темы религии и церкви, в т. ч. книг: «Русские православные иерархи периода с 992 по 1892 г.», «Русские православные иерархи периода с 1966 по 1975 г.», «Русские православные иерархи периода с 1976 по 1985 г.», «Стояние в вере. Очерки церковной смуты», «Пастырь добрый. Труды митрополита Иоанна», «Самодержавие духа», «Дай мне твое сердце: Письма духовным чадам» и др.

² Доклад представлен на Международную научно-практическую конференцию «Гуманитарная культура как фактор преобразования России» (1995 г.).

3. Именно Церковь сообщила нашему народу свойство соборности, бесценное качество, безумно растрачиваемое нами ныне в погоне за дьявольскими миражами грядущего якобы «общества всеобщего изобилия». Русская соборность — это сознание духовной общности народа, коренящейся в общем служении, общем долге. Смысл этой общности — в служении высшей правде, той Истине, которая возгласила о Себе словами Евангелия: «Я есмь путь, и истина, и жизнь» (Ин. 14: 6). Это — осмысленность жизни как служения и самопожертвования, имеющих конкретную цель — по-сильно приблизиться к Богу и воплотить в себе нравственный идеал Православия.

4. С соборностью народа неразрывно связано его второе драгоценное качество — державность. Воплощение нравственного идеала требует соответствующей социальной организации. Такая организация немыслима без державного сознания, формирующего в человеке чувства долга, ответственности и патриотизма. «Любите врагов своих, сокрушайте врагов Отечества, гнушайтесь врагами Божиими» — вот державный глас народа, выраженный чеканным слогом митрополита Московского Филарета, одного из величайших русских святителей прошлого века. Державность — это осознание каждым ответственности за всех, ответственности отдельной личности за нравственное здоровье общества и крепость государства. Не принудительной ответственности «за страх», а добровольного религиозного служения «за совесть». Державность — это государственное самосознание народа, принявшего на себя церковное послушание «удерживающего» (по слову апостола Павла, см. 2 Сол. 2: 7), стоящего насмерть на пути рвущегося в мир сатанинского зла.

5. Державность и соборность неизбежно проявились в третьем народном качестве — в открытости, «всечеловечности» русского характера. Открытость эта — отрицание фальшивой национальной спеси, отрицание самоценности национальной принадлежности. Это готовность бескорыстно соединиться с каждым, приемлющим святости и нравственные устои народной жизни.

6. Понимание русской судьбы — истории России с ее взлетами и падениями, благодатными прозрениями и соблазнами богоборчества — возможно лишь в рамках исторического осмысления извечной борьбы, ведущейся падшим духом против человеческого рода. Оторвать душу человека от спасительной церковной благодати, исказить евангельские истины, уничтожить Православную церковь и ее ограду — русскую государственность — эти богоборческие порывы сатаны были теми внутренними толчками, которые на поверхности русской жизни отражались войнами и смутами, революциями и «перестройками».

7. Русская история — лишь часть общей истории человечества, начавшаяся с момента грехопадения первых людей и изгнания их из рая. Концом ее станет второе славное пришествие Христово с последующим Страшным судом и преображением мира. Главное событие истории — воплощение Иисуса Христа, Сына Божия, «нас ради человек и нашего ради спасения шедшаго с небес и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы и вочеловечшася», основавшего на земле с целью усвоения людьми дарованного Им спасения «единую святую соборную и апостольскую Церковь».

8. Отношение людей и народов к дару спасения (принятие или отвержение) в конечном счете определяет судьбу как отдельного человека, так и целого народа. В своем отношении к Церкви, хранящей дар спасения, человек свободен. Свобода заключается в выборе между добром и злом, добродетелью и страстью, законом Божиим и беззаконием, христианским долгом служения и своеволием, произволом. «Поток истории» есть лишь реализация этого нравственно-религиозного выбора в событиях и поступках.

9. Народы, как и люди, неповторимы. Дарования Божии каждому из них определяют его роль и место в истории человечества. Русскому народу определено Богом особенное служение, составляющее смысл русской жизни во всех ее проявлениях. Это служение заключается в обязанности народа хранить в чистоте и неповрежденности нравственное и догматическое вероучение, принесенное на землю Господом Иисусом Христом. Этим русский народ призван послужить и всем другим народам земли, давая им возможность вплоть до последних мгновений истории обратиться к спасительному, неискаженному христианскому вероучению.

10. Понятие «русский» в этом смысле не является исключительно этнической характеристикой. Соучастие в служении русского народа может принять каждый, признающий Богоустановленность этого служения, отождествляющий себя с русским народом по духу, цели и смыслу существования, независимо от национального происхождения.

11. История русского народа есть история его призвания к этому служению, история осознания и добровольного вступления в служение, история борьбы народа с искушениями, соблазнами и гонениями, грозившими извратить идею служения или воспрепятствовать ему. Нашу историю можно разделить на три периода.

Первый этап — становление русского самосознания, охватывает период со времени Крещения Руси до эпохи Иоанна IV. В это время оформилась и закрепились религиозная основа национального самосознания. Приняли окончательную форму понятия о смысле существования народа, его идеалах в жизни личной, общественной и государственной.

Второй этап — период борьбы русского самосознания с многочисленными богоборческими, материалистическими и антинациональными соблазнами. Его хронологическими рамками являются Смута XVII века, с одной стороны, а с другой — революция 1917 года и ее последствия. Временной точкой, завершающей этот этап русской жизни, можно (с известной долей условности) признать 1988 год — дату тысячелетия Крещения Руси.

Третий этап — время возрождения русского самосознания во всей его религиозной и исторической полноте. Свидетелями и современниками этого процесса являемся все мы, независимо от того, признаем его или отвергаем...

Только осознав свое место в истории нашего народа, определив в связи с этим понятия своих нравственных обязанностей, своего религиозного долга, мы сможем существовать осмысленно и полноценно. Сможем достойно, преемственно продолжить исповедническое служение, которое русский народ не прекращал даже в самые лютые времена, чему свидетели перед престолом Божиим сонмы новомучеников Российских, за веру Христову и Русь Святую от богоборцев мученический конец приявших. И главное — существование наше будет приведено в соответствие с Божиим смирением о нас, о России, о русском народе.

З. Я. Корогодский¹

ВОСПИТАНИЕ ПРОФЕССИЕЙ²

Выбор профессии многое определяет во всей жизни человека. Работа, труд вбирают в себя суть и смысл жизни, оценку прожитого, наполненного чувствами радости удач, горечи поражений и тревогами поиска.

Выбор профессии — ответственнейший шаг в жизни каждого из нас. Но сложность в решении этой жизненно важной задачи в том, что сама задача — со многими неизвестными. Первое неизвестное: каждая профессия предъявляет свои требования: шофер, например, должен различать цвета (нельзя быть дальтоником), иметь быструю реакцию и так далее; педагогу необходимы такие качества, как чуткость, наблюдательность, выдержка и многое другое.

Профессия потребует определенных навыков, а овладеть ими без соответствующих качеств характера бывает подчас сложно либо вовсе невозможно. Нельзя полагаться только на желание быть кем-то, надо еще осознать, можешь ли ты овладеть той профессией, которую хочешь избрать. Утверждения «все могут всё», «не боги горшки обжигают» уязвимы.

Второе неизвестное: сама трудовая деятельность. Юноши и девушки, оканчивающие школу, имеют весьма расплывчатые представления собственнно о работе. Часто приходится слышать даже от молодых специалистов: «я не думал, что надо будет делать это», «я к этому не готов», «это делать я не должен» и т. д. Даже получив специальное образование, человек не готов к труду, к работе по выбранной им профессии.

Третье неизвестное: незнание самого себя, своих способностей и возможностей, склонностей и стремлений. Выбор профессии без учета того, что человек хочет, может, и того, что сегодня востребовано, приводит к серьезным конфликтам из-за несоответствия между возможностями и притязаниями.

Возможности человека велики и даже неограниченны, если им руководит «одной лишь думы власть, одна, но пламенная страсть». Велико счастье человека, который способен так жить. И как безжалостна бывает жизнь к людям, не познавшим этого воодушевления. Вот тогда необоснованность их претензий и требований глубоко ранит их самих и доставляет много неприятностей окружающим.

Известно, что третья часть сознательной жизни проходит в труде. Как же важно не ошибиться, выбирая профессию, ведь проверить «ответ» в решении этой задачи можно только через годы, а позднее осознание ошибки подчас делает жизнь неудавшейся.

¹ Театральный режиссер, педагог, художественный руководитель Ленинградского ТЮЗа (1962 — 1986), заведующий кафедрой режиссуры и актерского искусства СПбГУП (1993 — 2004), профессор, народный артист РСФСР. Автор книг: «Режиссер и актер», «Первый год. Начало», «Первый год. Продолжение», «Возвращение», «Этюд и школа», «Репетиция, репетиция, репетиция» и др. Среди учеников — Николай Буров, Юрий Каморный, Татьяна Кудрявцева, Георгий Тараторкин, Михаил Уржумцев, Александр Хочинский, Сергей Шнуров, Антонина Шуранова и др. Лауреат премии им. К. С. Станиславского.

² Доклад представлен на II Международные Лихачевские научные чтения (2002 г.).

При наборе в театральный класс было подано более 700 заявлений, а принято 25 человек. Почти 2/3 абитуриентов отсеивались на консультациях и после первого тура. Многие на вопрос: «Почему вы идете в театр?» отвечают не напрямую, но скрытый смысл ясен — «Хочу быть знаменитым». Эти «любители славы» ничего не знают о профессии артиста, о труде столь тяжелом и не всегда благодарном, о непрерывной, изнуряющей работе, поиске, ошибках, неудачах. «Сначала шипы, а потом розы» — это не фраза, а правда о труде вообще и труде артиста в частности.

Несомненно, интерес к работе возникает в процессе самой работы, но моральная, физическая и психологическая готовность к трудностям, стремление их преодолеть, не бояться ошибки связаны с сознательностью выбора профессии, то есть со знанием самого себя, своих наклонностей и требований самой профессии. Уверен, что нет легкой работы, а есть легкомысленное отношение к ней. Воспитание через профессию опирается на осознанность выбора, и чем выше нравственные мотивы выбора, тем результативнее и плодотворнее овладение профессией.

Мне кажется, что на примере актерского труда, как бы специфичен он ни был, можно увидеть общие тенденции в воспитании через профессию в любом направлении деятельности. Конечно, все люди разные — энергичные, общительные или замкнутые, волевые или инертные и так далее, но отношение к труду, отношения людей между собой в трудовом процессе являются всеобщими. Эти отношения — начало и фундамент в формировании этических норм. Убежден, что нельзя по-настоящему научить делу, не воспитав нравственного отношения к нему.

К. С. Станиславский говорил, что только тот человек может быть в искусстве, который не требует от него, а отдает себя ему целиком — «любите искусство в себе, а не себя в искусстве».

Нередко мы становимся очевидцами того, как хорошие природные задатки, способности не развиваются, глоснут из-за сомнительных целей выбора профессии — престижа, моды, выгоды: подняться по служебной лестнице, заработать больше или попробовать на авось — «чем черт не шутит». Возможно, каждый из этих или подобных мотивов и не выглядел бы безнравственно (дело житейское), если бы не был главным, основным. Без высоты задач в труде утрачивается смысл жизни, смысл серьезного овладения профессией, будь ты инженер, учитель, токарь. Уровень профессионального сознания человека важнее и выше профессионального умения. Именно сознание создает и творит мастера.

Трудно поверить, что человек, живущий по принципу «своя рубашка ближе к телу» или «и без меня обойдутся», может овладеть настоящим мастерством. В профессии нами руководят чувства ответственности и понимания значения порученного дела, будь то выполнение уникального заказа или изготовление обойных гвоздей. Небрежное отношение к незначительной по масштабам работе снижает класс профессионального умения и, главное, формирует обывательское отношение к труду, отчего снижается уровень самосознания и личной ответственности в профессии.

В искусстве это выражается с наибольшей полнотой, потому что только нравственная ответственность, причастность ко всему, что происходит в мире, дают творцу моральное право на высказывание. Сегодня актер ин-

интересен зрителю не только тем, как действует на сцене, а прежде всего тем, как он мыслит, что воодушевляет его на творчество, чем он живет.

Великий мыслитель-гуманист Альберт Швейцер говорил, что необходимо сделать собственную жизнь своим аргументом, что человек должен защищать то, во что верит, в терминах жизни, которой живет, и работы, которую выполняет. Человек должен попытаться сделать так, чтобы его жизнь и работа говорили о том, во что он верит. Эти слова могут быть девизом любой профессии, а в актерском деле они выражают самую ее суть.

Уже в годы учебы закладываются основы не только профессионального умения, но прежде всего профессионального сознания — духовное содержание профессии. И очень важно, чтобы умение было пропитано живым, современным, опережающим сознанием.

Жизнь, наполненная и переполненная воодушевляющим трудом, настоящему полноценна. В напряженных, критических ситуациях самоотверженность выражается ярче и острее — наступает звездный час. Но как в буднях сохранить ту меру требовательности к себе, которая защитит нас от цинизма — «знаем, видели, бывало», от равнодушия — «что, мне больше всех надо?», от лени — «работа не волк...».

В труде человек не только производит материальные ценности, но и творит самого себя. Поэтому в поисках репертуара, на чем воспитываются студенты и уже профессиональные актеры, мы останавливаемся на таком материале, который давал бы духовную пищу не только зрителю, но и актеру, обогащал его гражданский опыт. Труд освещает и просвечивает человека. Как бы ни был одарен артист, но если он нравственно незрел или циничен, он не может стать истинным сотворцом спектакля, соучастником коллективного театрального действия.

Как научные открытия — плод коллективного труда, так и произведение театрального искусства, как правило, — результат коллективного творчества. Найти себя в коллективе, не потерять индивидуальности, а выразить ее с максимальной полнотой — одна из важнейших задач воспитания в профессии.

Артист должен получить профессию вместе с моральным правом обращаться к тысячному залу зрителей. Оно завоевывается в работе и только работой, как бы трудна или неблагоприятна она ни была.

Любое время, а то, в котором мы живем, — особенно, диктует и требует определенных качеств личности. На мой взгляд, сегодня, как никогда прежде, важно воспитание творческой самостоятельности, инициативы, профессиональной активности, то есть выживаемости.

При современном социальном и моральном климате, рыночных страстях, напряжении новых отношений, ритме жизни и темпах развития нельзя позволить себе завтра работать так же, как вчера. Надо развивать в себе способность искать и рисковать. Осознанные ошибки закаляют и учат. Создание условий для выявления и выражения инициативы является одним из путей воспитания профессией.

Из всех проблем воспитания профессией наитруднейшая — умение жить в профессии. Как-то выпускница одного из институтов в разговоре сказала: «Делу меня научили, а как жить — не научили». Я подумал об актерской профессии: «Можно ли сочетать умение делать искусство

с умением жить в искусстве?» Считаю, что, не научившись жить в искусстве, беззаветно любить профессию, уважать тех, с кем ею связан, нельзя научиться его делать.

Если врач, инженер, портной, сапожник, токарь не будут самозабвенно любить свое дело — они останутся на уровне ремесленников. Недаром говорят про любого мастера: «Он артист своего дела», то есть человек, способный привнести в труд искру творчества, одухотворить его. Профессия тем и отличается от увлечения, хобби, что она требует от человека затраты всех сил, безраздельного служения ей. Возможности творческого роста в профессии прямо пропорциональны духовному росту личности, требуют широты интересов, социальной активности.

Воспитание в профессии — это непрерывный процесс, так как нет и не может быть предела в развитии личности и овладении секретами мастерства.

А. Б. Куделин¹

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ЗАПАДА И ВОСТОКА В XIX ВЕКЕ И ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ «МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА»²

Тема литературных взаимосвязей издавна отмечена повышенным вниманием мировой компаративистики, то есть специалистов по сравнительному изучению литературы. Отдавая приоритет в своих научных поисках решения поставленных проблем, конкретных вопросов то вектору Восток — Запад, то вектору Запад — Восток, ученые не сразу осознали, что в оппозиции Восток — Запад важны оба вектора. И что только при равном исследовательском интересе к обоим векторам, то есть при интерпретации связей как взаимосвязей и взаимодействия Востока и Запада, можно получить адекватные представления о мировом литературном процессе в ту или иную эпоху. Напомню в связи с этим слова академика Николая Иосифовича Конрада, сказанные более полувека назад, в 1959 году. Отметив тот факт, что литературоведы стран Востока превосходно понимают значение проникновения в их страны в XVII — XIX веках литератур Запада, он настаивал: «Связи были обоюдными, а в работах западных литературоведов этот факт не учтен в надлежащей мере при анализе процесса развития литературы в указанные века. "Западно-восточный диван" Гёте известен и изучен, но оценен ли в достаточной мере сам факт обращения немецкого поэта к Востоку не только в очень серьезный момент его собственной творческой биогра-

¹ Директор Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, академик РАН, член Президиума РАН, профессор кафедры арабской филологии Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор филологических наук.

² Доклад представлен на XII Международные Лихачевские научные чтения (2012 г.).

фии, но и в крайне важный момент всей истории новой европейской литературы — момент перехода от литературы эпохи Просвещения к литературе капиталистической эпохи?»¹

Отсылка в этом высказывании Конрада к Иоганну Вольфгангу фон Гёте (1749 — 1832) весьма знаменательна, потому что именно великий немецкий поэт в начале XIX века, как никто прежде, стремился на примере своего творчества показать значимость литературного наследия Востока для Запада. В мае 1815 года он писал одному из своих корреспондентов: «Я давно уже занимался в тиши *восточной литературой* (курсив мой. — А. К.) и, чтобы глубже познакомиться с нею, сочинил многое в духе Востока. Мое намерение заключается в том, чтобы непринужденным образом соединить Запад и Восток, прошлое и настоящее, персидское и немецкое, так, чтобы нравы и способы мыслить проникали друг в друга»². Почему я об этом говорю? Дело в том, что в нашем сознании достаточно часто всплывают слова Редьярда Киплинга, а именно: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут, пока не предстанет Небо с Землей на Страшный господень суд». Гётевские слова прямо противоречат тому, что говорил Киплинг. И мне думается, что нам ближе все-таки позиция Гёте...

Итак, в 1815 году Гёте говорил о том, что хотел бы многое сочинить в духе Востока. Рецензент «Западно-восточного дивана», первое издание которого вышло в свет в 1819 году, знаменитый Людвиг Козегартен — очень хороший востоковед, уточняет: «"Диван" содержит в первой своей части, по преимуществу относящейся к мусульманскому Востоку, западно-восточные поэтические создания, т. е. отчасти излагающие восточный материал в западных формах, отчасти же западный материал в формах восточной поэзии»³.

Обращение Гёте к Востоку не было неожиданным, поскольку основания для этого были заложены и в практическом, и в теоретическом философском плане задолго до времени жизни поэта. Известный российский исследователь, специалист по немецкой литературе Сергей Васильевич Тураев говорил: «Идеи Гёте падали на подготовленную почву: процесс их формирования начался еще в XVIII веке и в какой-то мере наметился даже раньше, в конце XVII века»⁴. И здесь прежде всего следует напомнить о выдающейся роли Иоганна Гердера (1744 — 1803), в трудах которого дается философское осмысление непреходящей идейно-эстетической ценности культуры Востока, разрабатываются концептуальные основы понятия «мировая литература», в частности положение о литературной автономии и равенстве, самостоятельности развития литератур при их взаимодействии друг с другом. Сказанное, впрочем, нисколько не умаляет заслуг современника и последователя идей Гердера — Гёте, приложившего немало стараний для освоения пропаганды наследия Востока в западноевропейской литера-

¹ Конрад Н. И. Проблемы современного сравнительного литературоведения (1959) // Конрад Н. И. Запад и Восток : ст. 2-е изд., испр. и доп. М., 1972. С. 301 — 302.

² Цит. по: Михайлов А. В. «Западно-восточный диван» Гёте: смысл и форма // Гёте И. В. Западно-восточный диван. М., 1988. С. 713.

³ Козегартен И. Г. Л. Рецензия «Западно-восточного дивана» Гёте // Гёте И. В. Западно-восточный диван. С. 502. (Рецензия опубликована в 1819 г.)

⁴ Тураев С. В. Гёте и формирование концепции мировой литературы. М., 1989. С. 5.

турной практике и сформулировавшего позднее само понятие «мировая литература»¹.

В 1827 году, опираясь на опыт работы над «Западно-восточным диваном», Гёте дает толкование условиям, которые, по его мнению, необходимы для возникновения данного понятия. Цитирую Гёте: «То, что я именую всемирной литературой, возникает по преимуществу тогда, когда отличительные признаки одной нации будут выравнены через посредство ознакомления с другими народами и суждения о них»².

В работах многочисленных исследователей определены этапы становления гётевской концепции мировой литературы, ее основные положения и непростая судьба в истории мировой культуры³. Понятие «мировая литература» впервые встречается в разговоре Гёте с И. П. Эккерманом, его секретарем, 31 января 1827 года. Есть даже специальный труд Эккермана «Разговоры с Гёте в последние годы его жизни». А четыремя днями ранее Гёте писал в Берлин советнику Штепфусу: «Я убежден, что формируется мировая литература, и что все нации тяготеют к этому и поэтому предпримут дружеские акции». В подборке высказываний Гёте 20 раз встречается понятие «мировая литература»⁴. Однако труд Эккермана был опубликован через четыре года после смерти Гёте, поэтому потребовалось значительное время, чтобы его концепция мировой литературы стала достоянием мирового литературоведения.

Я хотел бы уточнить, что понимается в настоящее время под термином «мировая литература». Например, словацкий специалист Д. Дюришин видит три значения этого термина. Первое — совокупность истории отдельных национальных литератур, второе — избранное всего самого значительного, что создано в недрах национальных литератур, и третье — общность взаимосвязанных или аналогичных для всех литератур творений⁵. Последнее — гётевское понимание.

Известно, что интерес к Востоку, восточной литературе, прежде всего арабской и персидской, появился у Гёте задолго до выхода в свет «Дивана» и подогревался общей филоориенталистической атмосферой того времени, то есть атмосферой любви к Востоку. Увлечение Гёте Востоком было столь велико, что распространялось даже на арабскую каллиграфию. В «восточных бумагах Гёте» содержится характерная запись, относящаяся к 1817 году. Цитирую: «Поскольку же искусство письма столь значимо на Востоке, то едва ли кто сочтет странным, что, не особенно занимаясь языками, я весьма прилежал каллиграфии, в шутку и всерьез воспроизводя со всем тщанием восточные манускрипты из числа доступных мне»⁶.

¹ Подробнее см.: *Брагинский И. С.* Западно-восточный синтез в «Диване» Гёте // Гёте И. В. Западно-восточный диван. С. 572–573; *Тураев С. В.* Указ. соч. С. 51–53.

² Цит. по: *Михайлов А. В.* Указ. соч. С. 668. Подробнее об этом см.: *Тураев С. В.* Указ. соч. С. 4.

³ Укажем лишь некоторые работы отечественных ученых: *Кессель Л. М.* Гёте и «Западно-восточный диван». М., 1973; *Брагинский И. С.* Указ. соч.; *Михайлов А. В.* Гёте и поэзия Востока // Восток — Запад. М., 1985. Сб. II; *Он же.* «Западно-восточный диван» Гёте...; *Тураев С. В.* Указ. соч. В них же можно найти библиографические отсылки к трудам зарубежных ученых.

⁴ *Тураев С. В.* Указ. соч. С. 4.

⁵ *Дюришин Д.* Теория сравнительного изучения литературы. М., 1979. С. 83.

⁶ *Гёте И. В.* Западно-восточный диван. Из восточных бумаг Гёте. С. 450. Известно, что некоторые восточные рукописи Гёте выписывал из Веймарской библиотеки (Там же. Примечания).

Вообще же арабское искусство письма, к которому Гёте относился со всей серьезностью, во многом отразилось в «Западно-восточном диване». Так, еще 23 января 1815 года Гёте писал Фридриху Кристофу Шлоссеру об арабской культуре: «Наверное, ни в одном языке дух, слово и письмо не складываются столь изначально в единое тело»¹. Данное представление немецкий поэт попытался реализовать во время первого издания «Дивана» в 1819 году.

Впрочем, здесь следует сказать, что к филоориентализму Гёте в значительной мере склоняли авторитетные предшественники. В связи с этим среди многих имен одним из первых необходимо назвать востоковеда Йозефа фон Хаммера (1774 – 1856). Его 6-томный фундаментальный труд «Сокровищницы Востока» (Вена, 1809 – 1818), полный перевод «Дивана» Хафиза (1813), «История изящных риторических искусств Персии» (1818) и прочие труды по истории литературы Востока в тот период оказали большое влияние на автора «Западно-восточного дивана»².

Так, известно, эпиграф Й. Хаммера к «Сокровищницам», заимствованный из Корана, определил очень многое в произведении Гёте, после чего стал его лейтмотивом, ибо оказался совершенно созвучен умонастроению немецкого поэта в тот период. На обложку труда Й. Хаммера прямо вынесена цитата из Корана: "Sag: Gottes ist der Orient, und Gottes ist der Occident; Er leitet, wen er will, den wahren Pfad" (в переводе с немецкого: «Скажи: "Бо́гов — Восток, и Бо́гов — Запад; кого хочет, он ведет правой стезею"»³).

Воздействие Й. Хаммера сказалось и на внешнем оформлении сочинения Гёте. Упомянутый выше труд австрийского ученого, помимо немецкого названия "Fundgruben des Orients" («Сокровищницы Востока») на титульном листе, имел на отдельном листе и пышный арабский титул, составленный в духе классической восточной традиции, с использованием рифмованной, ритмизованной прозы:

«Махзан ал-кунўз ал-машрикиййа
ва-ма'дин ар-румўз ал-аджнабиййа»⁴.
(«Хранилище восточных сокровищ
и кладезь чужеземных символов».)

ния. С. 851). Стихи (айаты) Корана, переписанные Гёте, и другие его опыты в арабской графике приводятся в различных изданиях «Дивана».

¹ Гёте И. В. Западно-восточный диван. С. 649. Позднее данная идея Гёте получила развитие в мировой науке (подробнее см.: Михайлов А. В. «Западно-восточный диван» Гёте... С. 650; Кугелин А. Б. Средневековая арабская графическая культура: от изобразительных фигур к рисуночному письму // Арабская литература: Поэтика. Стилистика. Типология. Взаимосвязи. М., 2003).

² Статью и заметки Гёте о Хаммере, а также содержательный комментарий А. В. Михайлова см.: Гёте И. В. Западно-восточный диван. С. 321 – 324; Там же. Из восточных бумаг Гёте. С. 462 – 464; Там же. Примечания. С. 804 – 805, 851 и др. А. В. Михайлов, в частности, замечает, что «История изящных риторических искусств Персии» дала «решающий импульс к завершению» «Западно-восточного дивана» (Там же. С. 851).

³ Перевод А. В. Михайлова (Гёте И. В. Западно-восточный диван. Примечания. С. 727); ср. с современным переводом с араб. (Коран, 2: 142): «Скажи: "Аллаху принадлежит и восток и запад, Он ведет, кого хочет, к прямому пути!"» (Коран / пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. 2-е изд. М., 1986). Важные замечания в связи с этим см.: Брагинский И. С. Указ. соч. С. 581, 584.

⁴ Наша разбивка названия на две строки соответствует арабскому титулу труда Й. Хаммера. Жирным шрифтом выделены рифмовые клаузулы в арабском названии, составляющие один из двух конститутивных элементов (наряду с изометричностью строк текста) поэтики рифмованной, ритмизованной прозы (садж'а).

Гёте последовал этому примеру и также дал своему сочинению два титула — немецкий "West-oestlicher (по изданию 1819 г., позднее — östlicher) Divan" («Западно-восточный диван») и арабский:

«Ад-Диван аш-шаркий
ли-л-му'аллиф ал-гарбий»¹.
(«Восточный диван // западного сочинителя».)

Итак, у «Западно-восточного дивана» Гёте в издании 1819 года было два титула, причем, с его точки зрения, равноценные, и два начала. Вы знаете, что арабская книга открывается не так, как европейская: письмо по-арабски идет справа налево, а не слева направо, поэтому есть и другой титул, которым книга открывается как бы «с конца».

Итак, у труда Гёте был арабский титул: «Восточный диван западного сочинителя». Не трудно заметить, что ни в первом, ни во втором случае арабский титул не тождествен немецкому. То есть ни у Хаммера, ни у Гёте нет тождества в двух названиях. Причем Хаммер прекрасно знал арабский и персидский, и он сознательно выбирал такой титул, Гёте знал арабский несколько хуже, но тем не менее консультировался с востоковедами. Вы знаете, что когда происходит адаптация иностранных произведений, то названия могут изменяться. От наблюдения, что титулы не совпадают, как от исходной точки, хочется двинуться дальше и задаться вопросом: «Каковы были вообще возможные пределы и качественные характеристики взаимного перелома, точнее говоря, взаимодействия литературных традиций Запада и Востока во времена Гёте?»

Здесь необходимо рассмотреть выдвинутое в свое время Иосифом Самойловичем Брагинским положение, согласно которому «публикация в 1819 году "Западно-восточного дивана" Гёте свидетельствовала о формировании в Новое время интереснейшего в мировой культуре явления западно-восточного литературного синтеза»². В рамках такого понимания и в самом строгом смысле слова «синтез» Гёте, согласно ученому, выступает в «Западно-восточном диване» «уже не сторонним наблюдателем, а творческим продолжателем высших достижений восточной, и прежде всего фарсиязычной, поэтики»³. С этим мнением во многом солидарен превосходный знаток творчества Гёте и один из издателей русского перевода «Дивана» (совместно с И. С. Брагинским) Александр Викторович Михайлов: «Очень правильно говорить о "синтезе" западного и восточного начал в гётевском "Диване" (И. С. Брагинский), о неповторимом соположении немецкой и персидской поэзии и взаимопроникновении, слиянии их принципов»⁴.

Высказанное И. С. Брагинским положение возвращает нас к необходимости изучения взаимосвязей, взаимодействия литератур Запады и Востока

¹ И в данном случае разбивка названия на две строки соответствует арабскому титулу труда Гёте.

² Брагинский И. С. Указ. соч. С. 572. Впервые мнение было высказано ранее, до русского издания «Дивана».

³ Там же. С. 574.

⁴ Михайлов А. В. Гёте и поэзия Востока. С. 85. Эта мысль с разными оттенками неоднократно повторяется в данной работе (с. 116, 118 и др.). В содержательной статье в русском издании «Дивана» А. В. Михайлов предпочитает, однако, говорить несколько иначе: «Гётевский "Восток" — это "эксперимент", «аналитическими приемами достигнутый творческий синтез» (Михайлов А. В. «Западно-восточный диван» Гёте... С. 613).

ка, при равноценном внимании к обоим векторам: Восток — Запад, Запад — Восток.

Посмотрим, насколько положение о западно-восточном литературном синтезе в указанном выше толковании соответствует имеющимся в нашем распоряжении фактам.

Благодаря трудам востоковедов его времени, в сфере внимания Гёте в «Западно-восточном диване» оказались арабские авторы (в алфавитном порядке): Амр ибн Кульсум (VI в.), Антара (вторая половина VI в.), ал-Аша (ум. ок. 629 г.), Джамил (ум. ок. 701 г.), Зухайр ибн Аби Сульма (VI в.), Имруулькайс (VI в.), Лабид (ум. в 661 г.), Лукман¹, Маджнун (Кайс ибн аль-Мулаввах) (VII в.), аль-Мутанабби (915–965), Таабата Шарран (VI–VII вв.)², Тарафа (VI в.), аль-Харис ибн Хиллиза (VI в.), Хатим ат-Таи (вторая половина VI в.), а также «семь основных», по характеристике И. Г. Л. Козегартена, фарсиязычных поэтов³: Фирдоуси (ок. 940 — ок. 1020), Анвари (ум. ок. 1190 г.), Низами (ок. 1140–1209), Руми (1207–1273), Сади (Саади) (ок. 1213–1219 — 1292), Хафиз (ок. 1317–1326 — ок. 1389–1390), Джами (1414–1492), к которым необходимо добавить также Унсури (ум. в 1039 г.) и Хакани (ок. 1106–1199).

Из данного списка явствует, что от самого раннего из перечисленных авторов создателя «Западно-восточного дивана» отделяли более 1200 лет, а самого позднего — добрых 300 лет. То есть Гёте, создавая подражание восточной поэзии, опирается на лучших представителей арабской и персидской поэзии классического периода. И другие европейские писатели, поэты той эпохи любви к Востоку также обращались к восточным авторам, отстоявшим от них на не менее солидную временную дистанцию. Востоковед В. Фрейтаг (1788–1861) перевел на латинский язык знаменитую поэму (касыду) Таабата Шаррана, поэт Ф. Рюккерт (1788–1866) издал в переводе на немецкий макамы («плутовские» новеллы) ал-Харири (1054–1122). А. Ламартин (1790–1869) в своем «Путешествии на Восток» (1835) с восторгом отзывается о средневековом народном романе «Жизнеописание Антара» (доисламского поэта). И позднее И. Тэн (1828–1893) в «Философии искусства» (1865–1869) восхищается этим же героем⁴. И подобные примеры можно было бы продолжать достаточно долго.

Здесь необходимо особо подчеркнуть, что в то же время европейцы-прагматики, не причастные к сфере художественного творчества, напротив, испытывали неподдельный интерес к современному им Востоку и его представителям. Интерес этот был настолько велик, что нам не покажутся преувеличением слова француза Клот-бея, личного врача Мухаммеда Али — человека, возглавившего Египет в начале XIX века, после экспедиции Бонапарта: «Никогда сочинение о Египте не могло быть так своевременно, как

¹ Легендарный древний мудрец, который упоминается в Коране. Лукману приписываются изречения, поговорки и басни (подробнее см.: *Мудрость Хикара и басни Лукмана* / предисл. И. Ю. Крачковского. СПб., 1920. С. 5–13; *Пиотровский М. Б. Лукман* // *Ислам: энцикл. словарь*. М., 1991. С. 147–148).

² В начале XIX века в Европе уже было известно, что самое известное его произведение, о котором говорится в «Диване», приписывали и другому автору — поэту и знатоку (*рави*) древней поэзии Халафу ал-Ахмару (ум. ок. 796 г.) (*Козегартен И. Г. Л. Указ. соч.* С. 511).

³ Там же. С. 514.

⁴ Подробнее см.: *Крымский А. Е. История новой арабской литературы (XIX — начало XX в.)*. М., 1971. С. 51, 59–61.

теперь, когда и нынешнее состояние Египта, и его будущность составляют предмет ежедневных разговоров и обращают на себя внимание целой Европы»¹.

Итак, можно констатировать, что европейские писатели вплоть до середины XIX века, когда искали вдохновения на Востоке, обращались прежде всего исключительно к литературным шедеврам восточного Средневековья. Широкое распространение ориентальных мотивов в их художественном творчестве было обязано главным образом формировавшемуся в тот период в европейских странах романтизму. «Деловая» Европа в тот же период испытывала практический интерес к Востоку, стимулировавшийся во многом нуждами колониализма, колониальной экспансии, и поэтому желала быть непосредственным свидетелем и участником наиболее значительных событий Нового и Новейшего времени.

Но вернемся к идее западно-восточного литературного синтеза и зададимся вопросами: «Адекватно ли понимались европейцами в начале XIX века классические литературные произведения Востока? Возможно ли было в ту пору верное изложение европейскими авторами "восточного материала в западных формах"?» Я, естественно, не собираюсь здесь кого-то разоблачать и говорить, что Гёте не понимал Востока, не в этом дело. Всем понятно, что Гёте — это гений мировой литературы, чьи произведения есть вклад в мировую сокровищницу. Речь сейчас о другом: насколько Гёте понимал Восток, думая, что он понимает его? Причем здесь нет ничего обидного для Гёте и нет желания как-то принизить немецкого автора. Напомним, что Гёте сам думал, что сочиняет «в духе Востока» с намерением «соединить Запад и Восток, прошлое и настоящее <...> чтобы нравы и способы мыслить проникали друг в друга». То есть практически осуществлял «выравнивание отличительных признаков одной нации <...> через посредство ознакомления их с другими народами» и тем самым способствовал созданию условий для формирования «мировой литературы»².

Конечно же, отношение к Востоку у Гёте во многом обуславливалось уровнем востоковедных штудий его времени³. Гёте, хотя и изучал арабский, но, естественно, не мог читать очень сложные произведения средневековой арабской и тем более персидской литературы в оригинале. Поэтому он опирался на труды своих современников-востоковедов. Надо сказать, что и немецкая, и английская востоковедные школы в то время, так же как и русская, были одними из лучших в мире, и у них были замечательные достижения. К примеру, 6-томный труд Хаммера, о котором я говорил, явился как раз достижением западноевропейского востоковедения и открыл европейцам глаза на восточную литературу. Работа Гёте опиралась на востоковедные штудии, соответственно его уровень представлений о Востоке определялся

¹ *Клот-бей А.* Египет в прежнем и нынешнем состоянии : в 2 ч. СПб., 1842. Ч. 1. С. IV.

² С. С. Аверинцев дал, как нам представляется, хороший импульс для продолжения поисков в этом направлении. Вслед за немецким поэтом исследователь определил два полюса, в сфере воздействия силовых линий которых находится концептуальная основа гётевского понимания «мировой литературы»: при высшем возможном для его эпохи уровне чуткости к разнообразию цивилизаций немецкий поэт одновременно сохраняет непосредственное ощущение нерелятивизируемого единства человечества (подробнее см.: *Аверинцев С. С.* Гёте и Пушкин // *Аверинцев С. С.* Собр. соч. Связь времен. Киев, 2005. С. 271, 275 и др. Первая публикация — 1999).

³ Подробнее о востоковедных исследованиях, с которыми был знаком Гёте, см.: *Гёте И. В.* Западно-восточный диван. Примечания. С. 766 — 767.

во многом ими¹. Это были историко-культурные штудии, собственно филологические, литературоведческие и литературные. Из них Гёте черпал фактический материал для исторической части «Западно-восточного дивана». Там есть как бы исторические экскурсы в культуру, историю, литературу народов Востока — не только арабов, персов, но и китайцев, и древних евреев и прочих, переводы, биографические сведения и т. д.

Как и в случае с историко-культурными исследованиями, автор «Дивана» обязан востоковедам своего времени не только значительными достоинствами, но и определенной исторически обусловленной ограниченностью своего сочинения. О достоинствах произведения хорошо известно. Главный же из признаков ограниченности очевиден: стадийные типологические расхождения и даже несовместимость средневековой литературы Востока и европейской литературы начала XIX века, не осознававшие себя провозвестниками европейского романтизма. Действительно, когда Гёте пишет в «духе Востока» и опирается на восточные произведения, отделенные от него дистанцией в тысячу и более лет, то, сами понимаете, здесь может быть неполное понимание этих произведений. Арабские, персидские образцы, к которым апеллировал Гёте, создавались в лоне иного типа художественного сознания, подчинялись иным поэтологическим требованиям², следовали иным философским системам и, как следствие, зачастую имели иную смысловую интерпретацию, чем та, которую им предлагал, опираясь на современные ему востоковедные труды, автор «Дивана». Сказанное, конечно же, никоим образом не принижает значение гётевских шедевров из «Западно-восточного дивана», а только заставляет лишний раз подумать о том, что их «восточность» имеет вполне определенную «европейскость». Это европейские произведения, в отношении которых во многих случаях было бы вернее говорить не о синтезе литературных традиций Востока и Запада, а об ориентальных элементах, играющих по большей части роль восточного флера.

Приведу несколько примеров. В «Западно-восточном диване» у Гёте очень много говорится о любви у арабов и персов. Естественно, он опирается на средневековые произведения и соответственно пытается воспроизвести их «дух» на европейской почве. Средневековые арабские и персидские

¹ Гёте в частных деталях истории и культуры Востока не всегда был на уровне современного ему востоковедения, что вызывало критические отзывы специалистов (см.: Михайлов А. В. «Западно-восточный диван» Гёте... С. 642 — 645). Иногда, впрочем, в ряде важных вопросов он оказывался дезориентирован, быть может, именно профессиональными востоковедами. Не отсюда ли, например, ведет свое происхождение известная непоследовательность Гёте в интерпретации роли Мухаммеда. В «Диване» можно найти и достаточно взвешенную позицию по отношению к мусульманскому пророку (Гёте И. В. Западно-восточный диван. Магомет. С. 163 — 168), и плохо сочетаемые с ней слова о Магомете, который «набросил <...> мрачные покровы религии на жизнь арабов и сумел скрыть от них всякую перспективу более чистого развития» (Гёте И. В. Западно-восточный диван. С. 143 — 144). Попутно заметим в связи с этим, что и современные востоковедные штудии не всегда дают безошибочные оценки и сведения: некоторые из них стали источником ряда фактических неточностей, досадных недочетов и противоречий в комментариях к русскому изданию «Дивана» (1989).

² Трудов на данную тему опубликовано великое множество. Считаем возможным ограничиться отсылкой читателя к неустаревшим и по сей день книгам: Типология и взаимосвязи литератур Древнего мира. М., 1971; Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М., 1974; Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994.

произведения, на которые он опирается, основываются на так называемом кодексе узритской, возвышенной любви, и есть круг авторов, писавших в рамках этого кодекса в арабской и персидской поэзии. Самый кодекс и даже упоминание арабского племени бану узра не встречается у Гёте, хотя узриты как таковые были известны в его эпоху¹. У Гёте из перечисленных выше арабских авторов к поэтам-узритам принадлежат Маджнун и Джамил, которые в сочинении немецкого поэта рассматриваются наряду с другими парами восточных влюбленных, являющими собой «образцы безграничной любви»²: Рустам — Рудоба, Юсуф — Зулейха, Ферхад — Ширин, Меджнун (Маджнун) — Лейла (Лайла), Джемил (Джамил) — Ботейна (Бусайна), Соломон — царица Савская³. В средневековой арабской традиции Маджнун, Джамил и два других поэта, не упоминаемые Гёте, Кайс ибн Зарих (ок. 626 — 689) с возлюбленной Лубной и Кусаййир (ок. 660 — 723) с возлюбленной Аззой составляют ядро узритской газели, основой которой является воспевание возвышенной, целомудренной любви.

Теоретическое обоснование узритской любви принадлежит теологу Ибн Дауду ал-Исфахани (ок. 868 — 910), создавшему в «Книге цветка» «первую поэтическую систему платонической любви». Ибн Фарадж ал-Джаййани (ум. в 976 г.) написал в подражание «Книге цветка» свой труд «Книга садов». Особую известность получило сочинение знаменитого арабского ученого и литератора Ибн Хазма (994 — 1064) «Ожерелье голубки», содержащее подробное изложение представлений об узритской любви⁴.

Произведения узритской лирики рисуют образ влюбленного, неукоснительно следующего в своем поведении кодексу возвышенной любви. Этот кодекс, согласно Ибн Хазму, гласит: любовь — это обессиливающий, но желанный недуг, любовь — это радость и страдание, любовь — это рабство, любовь — это жизнь. Поэтому влюбленный должен быть рабски покорным своей возлюбленной, беззаветно преданным обету любви даже в том случае,

¹ Козегартен говорит о них как о племени, заслужившем «среди арабов, преимущественно перед всеми, имени сынов любви» (*Козегартен И. Г. Л. Указ. соч. С. 506*). Позднее узриты стали широко известны в Европе благодаря относительно позднему стихотворению Гейне "Der Asra" (1846), не выходящему, впрочем, за пределы более ранних европейских представлений. Произведение завершается такими строками:

Und der Sklave sprach: Ich heiße
Mohamet, ich bin aus Yemmen,
Und mein Stamm sind jene Asra,
Welche sterben, wenn sie lieben.

И ответил раб: «Зовусь я
Мохаммед. Моя отчизна —
Йемен. Я из рода Азров —
Тех, кто гибнет, если любит».

Перевод В. Левика

² Гёте И. В. Западно-восточный диван. Из восточных бумаг Гёте. С. 448.

³ Подробнее см.: *Козегартен И. Г. Л. Указ. соч. С. 505 — 507*. Написание восточных имен в европейских трудах со времени Гёте сильно изменилось. Имя возлюбленной Маджнуна (Меджнуна) разнится в зависимости от принадлежности к арабской (Лайла/Лейла) или фарсиязычной (Лайли/Лейли) традиции.

⁴ Теория платонической любви у арабов и ее распространение в мире ислама рассматриваются в работах западноевропейских исследователей (подробнее см.: *Кугелин А. Б. Классическая арабо-испанская поэзия (конец X — середина XII в.). М., 1973. С. 80 — 83 и др.*). Произведение Ибн Хазма переведено на русский: *Ибн Хазм. Ожерелье голубки / пер. с араб. М. А. Салье; под ред. И. Ю. Крачковского; предисл. Е. Э. Бертельса. М., 1957.*

если возлюбленная нарушила его, довольствоваться даже самыми незначительными знаками внимания со стороны возлюбленной, сохранять тайну любви, пренебрегать наветами клеветников и завистников, старающихся опорочить его возлюбленную, проявлять стойкость и долготерпение в естественных бедах, выпадающих на долю в разлуке с любимой¹.

У фарсиязычных поэтов узритский кодекс любви сравнительно рано переосмысливается в свете положений суфийской доктрины и приобретает новые по сравнению с узритами обертоны, что существенно усложняет интерпретацию их произведений. Знакомство с «Диваном» показывает, что Гёте, как и его современники-востоковеды, в начале XIX века еще не имел достаточно определенных представлений о кодексе узритской любви, суфийской доктрине и их отражении в произведениях арабских и персидских поэтов.

В связи с этим рассмотрим пример из «Дивана» Гёте — стихотворение "Geheimstes" («Самое сокровенное»), включенное в «Эшк-наме» («Книгу любви») (Usch [1819; позднее исправлено: Uschk] Nameh. Buch der Liebe). Оно завершается четверостишием:

Darum war's der höchste Jammer
Als einst Medschnun sterbend wollte
Daß vor Leila seinen Namen
Man forthin nicht nennen sollte.

Был предсмертный крик Меджнуна
Криком боли нестерпимой:
«Вы мое забудьте имя
Пред Лейли, моей любимой»².

Перевод В. В. Левика

Я не буду повторять исследователей, которые это гениальное произведение Гёте расшифровали, выяснили, кто и что имеется там в виду, — это особая специальная проблема, которой занимаются биографы³. Обращу внимание лишь на одну деталь в приведенном четверостишии, выявляющую тем не менее существенные расхождения в понимании восточной любви немецким поэтом и таким образцовым для Гёте фарсиязычным поэтом, как Низами. Гёте знал поэзию Низами, называл его среди лучших фарсиязычных поэтов, но произведения Низами тогда еще не были переведены, и Гёте, конечно, не знал того отрывка, который я вам сейчас прочту. Приведу для сопоставления отрывок из поэмы Низами, в которой Маджнун совершает прямо противоположное тому, что следовало бы делать, согласно логике европейского Маджнуна и «Западно-восточного дивана».

Я даю построчный и поэтому очень точный перевод:

Однажды из тех степей, прибежища напастей,
Он пришел в края, где жила подруга.
Увидел сотворенное каламом верности —
«Лайли Маджнун» написано вместе.
Он вонзил ноготь и поскреб тот листок,

¹ Куделин А. Б. Классическая арабо-испанская поэзия. С. 81 — 82.

² Гёте И. В. Западно-восточный диван. С. 36.

³ Содержательный комментарий А. В. Михайлова к стихотворению см.: Гёте И. В. Западно-восточный диван. Примечания. С. 737 — 739.

тот, кого упомянула бы она сама»¹. Это абсолютно вопреки кодексу узритской любви, согласно которому влюбленные должны сохранять втайне имена своих избранников. В противном случае они немедленно лишаются возможности встречаться. Так, например, и произошло в истории Маджнуна и Лейли. Из-за сильной страсти влюбленные не могут скрывать своих чувств друг к другу, и их разлучают. Лейли насильно выдают замуж за другого, все заканчивается гибелью влюбленных.

В суфийской интерпретации (это мистическое направление в исламе) в литературе на языке фарси эта история и вовсе приобретает мистический оттенок. В поэме Джами (которого Гёте относит к числу величайших фарсиязычных поэтов) «Лейли и Маджнун», написанной в 1484 году, привлекает внимание следующий эпизод. Я прочитаю его в изложении прекрасного ученого Евгения Эдуардовича Бертельса: «Однажды Маджнун встречает Лейли на дороге и падает без чувств. Она кладет его голову себе на колени и приводит его в сознание. Прощаясь с ним, она обещает, что на обратном пути поедет той же дорогой. Когда много времени спустя она снова попадает на место их встречи, оказывается, что Маджнун с тех пор стоит там настолько неподвижно, что птица свила себе гнездо у него на голове. Лейли заговаривает с ним, но он не узнает ее. Когда ей наконец удается растолковать ему, кто она, Маджнун гонит ее от себя, ибо любовь так его поглотила, что внешний облик возлюбленной ему более не нужен»².

Вы представляете, что было бы с Гёте и его интерпретацией этой восточной любви в «Западно-восточном диване», если бы он знал эту вещь? Это сломало бы все представление о той восточной любви, которую он изображает. Причем, я хочу сказать, что здесь мы вовсе не собираемся как-то принизить Гёте или приуменьшить его значение. Едва ли имеется необходимость говорить, что суфийская трактовка, будь она известна в начале XIX века, не могла бы устроить Гёте и западного читателя в эпоху становления романтизма. Вместе с тем восточная традиция, к которой апеллирует немецкий поэт, предоставляет в наше распоряжение, в силу своей многомерности, еще одну интерпретацию истории любви Маджнуна и Лейли, и тоже совсем не романтическую. В свое время еще академик И. Ю. Крачковский обнаружил в средневековых арабских источниках примечательное противоречие между узритской историей любви Маджнуна и Лейли и народным о ней представлением.

В труде Ибн Кутайбы (ум. в 889 г.) говорится, что «у Маджнуна имеется потомство в Неджде». Другие авторы приводят стих, также снижающий высокий пафос арабской легенды о безвременно погибших от несчастной любви Маджнуне и Лейли: «Выросли дети у Лайлы, и выросли дети ее сына, а привязанность к Лайле в моем сердце все такова же»³.

¹ Гёте И. В. Западно-восточный диван. Примечания. С. 738. Здесь мы, естественно, отвлекаемся от конкретных биографических моментов, также понуждавших Гёте к подобной интерпретации восточных представлений о любви (подробнее см.: Там же).

² Гёте И. В. Западно-восточный диван. С. 284.

³ Ибн Кутайба. Китаб аш-ши'р ва аш-шу'ра' (Книга поэзии и поэтов). Бейрут, 1969. С. 476; Ал-'Аскари. Диван ал-ма'ани (Диван поэтических мотивов) : в 2 т. Каир, 1933. Т. 1. С. 281; Ал-Валиби. Диван Маджнун Лайла (Диван Маджнуна Лайлы). Каир, 1939. С. 90; Крачковский И. Ю. Ранняя история повести о Маджнуне и Лейле в арабской литературе // Крачковский И. Ю. Избр. соч. М. ; Л., 1956. Т. II. С. 615. Цитаты из трудов Ибн Кутайбы и ал-Валиби приводятся в переводе И. Ю. Крачковского.

Так или иначе средневековые арабская и иранская традиции очевидным образом расходятся в рассмотренном примере с представлением о них у Гёте и современного ему европейского востоковедения.

Думается, что из сказанного можно сделать и более широкие обобщения. Отдавая должное Гёте и другим энтузиастам изучения, освоения культуры Востока, следует тем не менее быть крайне осторожным в оценке результатов их деятельности в плане адекватности передачи ими духа средневекового Востока. При том объеме и качестве знаний о Востоке, которыми располагала Европа в начале XIX века, едва ли было бы правомерно говорить о возможности полноценного синтеза литературных традиций Запада начала XIX века и средневекового Востока в творчестве великого немецкого поэта и его современников. Тем более невозможно говорить о прямом контакте европейской литературы начала XIX века с современной ей литературой Востока, поскольку среди восточных авторов, к которым апеллирует Гёте, нет ни одного, кто отстоял бы от него менее, чем на 300 лет.

Последнее рассуждение требует рассмотрения проблемы и в другом аспекте. Зададимся вопросами: «Воспринимались ли классические средневековые произведения арабских и фарсиязычных авторов как вполне адекватно передающие восточный дух и отвечающие на актуальные вопросы времени на самом Востоке в начале XIX века? Возможно ли было в тот период создавать новые произведения, оставаясь в пределах средневековой традиции без ее переосмысления в свете новых требований?»

Обратимся теперь к вектору Восток — Запад в тот же период первой половины XIX века с преимущественным вниманием к тому региону, который представлял особый интерес для Гёте, — Ближнему Востоку.

Повышение интереса Востока к Западу, в частности арабских стран к Европе, в первой половине XIX века справедливо объясняется в первую очередь политическими и социально-экономическими причинами. Столкновение с динамично развивавшимся Западом, например такое важное событие, как экспедиция Бонапарта в Египет в 1796 — 1801 годах, имело для Востока важнейшие последствия, ускорив процессы, проходившие или только намечавшиеся в недрах восточного общества, создало новые условия, в которых осуществлялись культурные и литературные контакты двух регионов.

К началу XIX века отставание в темпах развития было очевидно таким дальновидным политическим деятелям мусульманского Востока, как турецкий султан Махмуд II (1826 — 1839), египетский паша Мухаммед Али (1805 — 1849), алжирский эмир Абд ал-Кадир (1832 — 1847) и др. Однако это отставание еще не было, по их представлениям, труднопреодолимым. Еще существовала уверенность в возможности догнать динамически развивавшиеся западные страны с помощью внедрения передовых технологий. Отсюда — стремление перенять прежде всего технический опыт Европы и меньший интерес к ее духовной культуре, внимание к достижениям буржуазной цивилизации и только затем осознание того, что она зиждется на иных идеологических основаниях. Для многих восточных стран характерно желание отделить одно от другого: принять технизм Европы и сохранить в неприкосновенности традиционную идеологическую надстройку. Более того, идеологи Востока противопоставляли собственную традиционную идеологию «прокам» за-

падного образа жизни. В этом им, надо сказать, невольно помогали западные романтики, осуждавшие прагматический рационализм Европы и воспевавшие восточную духовность¹. Данными обстоятельствами в известной мере объясняется непоследовательность и противоречивость «западнических» устремлений восточных идеологов и литераторов.

Так, даже для наиболее развитых восточных литератур первой половины XIX века характерно сохранение в целом средневековой жанровой системы и средневековых принципов творчества². Впрочем, в этот же период в них начинают проявляться более или менее выраженные просветительские тенденции. Одним из основных стимулов восточного просветительства было осознание необходимости противостоять Европе, что нередко было связано с антиколониалистскими настроениями. Однако антифеодалная острота европейского Просвещения у восточных просветителей нередко притуплялась, а сами просветительские идеалы получали своеобразную окраску. В пропаганде этих идеалов непосредственное участие иногда принимали и традиционалисты, а позднее и религиозные реформаторы, осознавшие необходимость перемен в восточном обществе. Поэтому даже у самых последовательных просветителей на Ближнем и Среднем Востоке нельзя, как правило, найти сколько-нибудь заметных антиклерикальных идей: идеи свободы и равенства, пропаганда принципов передового общественного и политического устройства по европейскому образцу уживались с идеями мусульманского реформаторства, так же как восхищение идеями французского Просвещения — с сатирами на галломанию.

В качестве иллюстрации приведем пример самой мощной и динамичной арабской страны первой половины XIX века — Египта. Ключевая фигура в его новой истории — уже упоминавшийся Мухаммед Али. В оценке его деятельности, как правило, преобладает акцент на стремлении к обновлению страны, ее техническому переоснащению. Действительно, за время его правления была налажена внешняя торговля, построены текстильные фабрики, крупные мастерские, организовано печатное дело, сооружены ирригационные каналы и дороги, реорганизована армия, выстроены арсеналы и т. д.

Вместе с тем необходимо сказать, что трактовка Мухаммеда Али как «западника» нуждается в существенном уточнении. Проводя свои радикальные экономические и административные мероприятия, правитель Египта вовсе не собирался превращать его в страну западного типа. Встав на путь реформ раньше Турции, Мухаммед Али отказался поддержать ее правителей в проведении так называемых танзиматских (*танзимат* — преобразование. — А. К.) реформ, эпоха которых началась в Турции в правление Махмуда II (1808 — 1839) и была продолжена Абдул Меджидом (1839 — 1861). Мухаммед

¹ Если быть точным, то истоки подобных западно-восточных «отношений» надо искать намного раньше. Еще Монтескье (1689 — 1755) в «Персидских письмах» (1721) выдвинул «фигуру идеализированного мусульманина в роли критика европейских предрассудков». У Вольтера (1694 — 1778) этот прием повторяется в статьях карманного «Философского словаря» (1764) (подробнее см.: Аверинцев С. С. Указ. соч. С. 274). Позднее этот же прием (со смысловой инверсией) используют арабские авторы: иностранный путешественник будет удивляться и недоумевать по поводу тех несообразностей, которые он увидит — естественно, глазами восточных просветителей — в арабских странах.

² Подробнее об этом см.: Тертерян И. А., Рифтин Б. Л. Введение // История всемирной литературы : в 8 т. М., 1989. Т. 6. С. 9 — 10.

Али отвергал многие турецкие нововведения, видя в них лишь навязывание мусульманам христианских обычаев и порядков, вредное подражание буржуазным установлениям Европы. Насаждая интерес к европейским техническим достижениям, Мухаммед Али придерживался охранительной тенденции, когда речь заходила о европейской философии, художественной литературе и т. п.¹

Четко осознавая отставание Востока от Запада по темпам технического и научного прогресса, Мухаммед Али способствовал расширению контактов с европейцами: многие египтяне направлялись за границу для учебы и совершенствования знаний. Один из них, шейх Рифаа Рафи ат-Тахтави (1801 – 1873), был отправлен Мухаммедом Али в 1826 году во Францию во главе одной из учебных групп. Еще во Франции, где ат-Тахтави находился до 1831 года, он начал составление записок «Описание Парижа»² (опубликованы в Египте в 1834 г.). Отличительной особенностью «Описания» исследователи единодушно признают стремление способствовать прогрессу Египта и других восточных стран всеми доступными методами, в том числе и посредством пропаганды идей французских просветителей (Вольтера, Руссо, Монтескье)³. Это направление своей деятельности ат-Тахтави продолжил и по возвращении в Египет, где в 1837 году возглавил «Школу языков», занимавшуюся в числе прочего и переводами европейской исторической литературы.

Анализируя арабские переводы «Истории Карла XII» Вольтера и «Истории Петра Великого» (опубликованы соответственно в 1841 и 1850 гг.), выполненные под эгидой этой «Школы», И. Ю. Крачковский показывает, «как много труда и энергии» требовала пропаганда философских взглядов французского просветителя в первой половине XIX века⁴. Доминантой отношения к произведениям французских просветителей оставался прагматический интерес как к сиюминутно полезным вещам, наподобие изобретений европейского научно-технического прогресса. Переводчик «Истории Карла XII» в своем предисловии «делает основное ударение на военных сюжетах труда»⁵, зная о том, сколь велик интерес к этому аспекту европейской цивилизации среди египтян. Другой переводчик (из той же «Школы языков») «Истории Карла V» (перевод опубликован в 1842 г.) известного английского историка В. Робертсона (1721 – 1793) прагматическую ценность труда заявляет в его заглавии (перевод вышел в двух частях под разными названиями): «Подарок умным царям о прогрессе общественного строя в странах Европы»

¹ Противопоставляя Египет Турции, сын Мухаммеда Али Ибрахим выступил против распоряжения турецкого султана Махмуда II о ношении европейского костюма его подчиненными: «Вместо того чтобы начинать с одежды, Порты должна была бы постараться просветить умы» (подробнее см.: Левин З. И. Развитие основных течений общественно-политической мысли в Сирии и Египте // Новое время. М., 1972. С. 19).

² Приводим краткое, принятое в науке наименование этого значительного памятника, с которым читатель может теперь ознакомиться и в полном русском переводе: *Рифаа Рафи ат-Тахтави. Извлечение чистого золота из краткого описания Парижа, или Драгоценный диван сведений о Париже* / подгот. В. Н. Кирпиченко. М., 2009.

³ Левин З. И. Указ. соч. С. 28 – 29.

⁴ Подробнее см.: Крачковский И. Ю. Арабский перевод «Истории Петра Великого» и «Истории Карла XII, короля Швеции» Вольтера // Крачковский И. Ю. Избр. соч. Т. 3. С. 374 и др.

⁵ Крачковский И. Ю. Арабский перевод «Истории Петра Великого» и «Истории Карла XII, короля Швеции» Вольтера. С. 373.

и «Подарок царям времени по истории императора Карла (V)»¹. По этой же причине ат-Тахтави наряду с переводами книг по военному и горному делу и тому подобным изучает трагедии Расина, подготавливает перевод «Приключений Телемака» Фенелона (1651 – 1715). Обращаясь к французской духовной культуре XVII – XVIII веков, в которой он не без основания видел один из истоков прогресса Европы в конце XVIII — начале XIX века, ат-Тахтави остается равнодушен (даже не упоминает в «Описании Парижа») к Ламартину и Гюго (1802 – 1885), своим современникам, о которых он не мог не слышать, находясь в Париже.

С большой долей вероятности можно предположить, что Гюго, Ламартин и другие европейские романтики первой половины XIX столетия не воспринимались египетским шейхом как объекты просветительски-прагматического интереса, а в художественно-идеологическом аспекте и вовсе были чужды его сознанию. Вместе с тем ат-Тахтави ясно осознавал необходимость возобновления диалога с европейской культурой, прерванного в позднем Средневековье.

В первой половине XIX века художественная практика Запада и Востока характеризуется существенными стадийными типологическими расхождениями, особенно заметными на фоне «явственной тенденции к синхронизации литературного процесса», «распространения мировых идейно-художественных феноменов» в странах Западной Европы, России, Америки в первой половине XIX века². Поэтому диалог двух больших регионов, завязавшийся в начале XIX века, когда европейские писатели искали вдохновения в художественных достижениях восточного Средневековья, в то время как восточные литераторы, находившиеся практически полностью в лоне поздней средневековой традиции, обращались к творчеству европейских просветителей, отличался своеобразием по отношению к взаимосвязям литератур Востока и Запада в Древности и Средневековье³. Последние происходили по классической схеме взаимовлияния литератур, которые можно было бы определить словами академика В. М. Жирмунского. Говоря о том, что «влияние не есть случайный, механический толчок извне», он подчеркивает: «Чтобы явление стало возможным, должна существовать потребность в таком идеологическом импорте, необходимо существование аналогичных тенденций развития, более или менее оформленных, в данном обществе, в данной литературе»⁴.

В первой половине XIX века «тенденции развития» литератур Запада и Востока нельзя охарактеризовать как «аналогичные». В тот период в обоих векторах (Запад – Восток, Восток – Запад) вступавшие в контакт литературные явления были отделены друг от друга значительной временной дистанцией. И именно поэтому в данном случае, вероятно, вернее было бы говорить о новом виде взаимоотношений. Я ввожу для их характеристики понятие «*асинхронные литературные связи*». Новизна их состояла в том,

¹ Крачковский И. Ю. Арабский перевод «Истории Петра Великого» и «Истории Карла XII, короля Швеции» Вольтера. С. 372.

² Тертерян И. А., Рифтин Б. Л. Указ. соч. С. 11 – 12.

³ Считаю возможным сослаться на неустаревшие и по сей день труды на эту тему: «Типология и взаимосвязи литератур Древнего мира», «Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада».

⁴ Жирмунский В. М. Проблемы сравнительно-исторического изучения литератур // Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение. Л., 1979. С. 74.

что осуществлялись они не на синхронном срезе соответствующих литератур Востока и Запада, а через посредников, в роли которых выступали анахронические, стадильно-типологические «субституты» самих контактировавших литератур. Тем не менее важно подчеркнуть, что движение в первой половине XIX века шло одновременно с Запада на Восток и с Востока на Запад.

Историческая заслуга Гёте и других просвещенных европейских умов состоит в том, что наследие Востока вновь становится активным компонентом мировой культуры. Благодаря же наиболее дальновидным восточным мыслителям, литературы Ближнего и Среднего Востока начинают приобретать наряду с внутрорегиональными и межрегиональные связи, появляются признаки постепенного преодоления их былой обособленности от магистральных направлений мирового литературного процесса, возникают предпосылки для устранения стадильно-типологических различий между ними и западными литературами в будущем. Синхронизация литературного процесса в странах Запада и Востока приобретет зримые очертания в начале XX века.

К. Ю. Лавров¹

ПОИСК ДУХОВНОЙ ИСТИНЫ²

Всю свою актерскую жизнь я встречаю на разных ступенях государственной лестницы людей, для которых все нематериальное, все, что нельзя выразить в отчетах и цифрах, уже по одному этому — явление второго сорта, так, на обочине, не заслуживающие внимания пустяки! Искусство для них — в лучшем случае один из видов пропагандистского обслуживания очередной «народнохозяйственной кампании». Только оптимисты, угоревшие от гласности, могут думать, что такое отношение ко всему духовному ушло. Оно существует, оно живет... Для этих людей театр, мастерская художника, творческий союз — это предприятие, к которому надо подходить с теми же мерками, как к заводу, фабрике, любому другому учреждению. Печальный парадокс — государство вроде бы за культуру, а люди, представляющие государство, не только не видят, они не чувствуют особого положения, ее крайней и естественной необходимости! Пусть разрушаются памятники старины, исходит трещинами и проваливается Ленинская библиотека —

¹ Актер и режиссер театра и кино, художественный руководитель Большого драматического театра им. Г. А. Товстоногова (1989 – 2007), народный артист СССР, Герой Социалистического Труда. Награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» II, III и IV степени, Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны II степени, «Знак Почета», святого Александра Невского «За труды и Отечество». Лауреат Ленинской премии, Государственной премии СССР и РСФСР им. братьев Васильевых, премии Президента России в области литературы и искусства, Международной премии им. К. С. Станиславского, Международной премии Андрея Первозванного «За веру и верность». Почетный доктор СПбГУП.

² Доклад представлен на Международную научно-практическую конференцию «Гуманитарная культура как фактор преобразования России» (1998 г.).

нет ассигнований, нет в плане текущего и будущего квартала! Вот когда будет юбилей — другое дело. Под юбилей дадим!

За долгие годы мы вырастили многочисленный слой людей бесчувственных, глухих к понятиям духовности и культуры. Я не отрицаю необходимости создания новых структур и управлений, их надо создавать и совершенствовать, но прежде всего необходимо вывести из государственных функций обязанность управлять искусством по существу. Государство должно заботиться о материальных условиях существования искусства, поддерживать творческие союзы, ибо вся их деятельность направлена на развитие искусства, на поддержку таланта, становление художественной личности, без которой не может быть искусства.

Личность... Это слово заставляет задуматься вот о чем. Начиная с 1917 года мы всегда утверждали примат коллектива над личностью, большинства над меньшинством. Индивидуальность, непохожесть были подозрительны — мало ли, куда ее занесет, личность! Коллектив должен вовремя поправить, пресечь... А в результате — дьявольская жажда усреднения, выравнивания. Стрижка газона человеческого. Мы избавлялись от Шаляпина, потому что он не так жил, от Бердяева — потому что не так думал, от Ростроповича — потому что поступал не так, как все...

Нет большего богатства у народа, у страны, чем ее таланты. Ими нельзя распоряжаться никому, ни президенту, ни парламенту, ни митингу — никому! Мы станем цивилизованным обществом, когда на практике поймем, что талант неповторим, неприкосновенен. Я где-то читал, что когда президенту Франции генералу де Голлю предложили арестовать Сартра, который возбуждал студенческие волнения, генерал ответил: «Вольтеров не арестовывают!» Когда русскому царю Николаю II предложили «смутьяна и безбожника» Льва Толстого выслать на Соловки, он сказал: «Мне еще не хватает сделать из него мученика!» А наши правители при одобрении толпы травили и выслали Солженицына, Сахарова, Пастернака, Ростроповича.

Я не хочу сыпать соль на язвы нашей народной души. Хочу только сказать: пока во все клетки нашего общественного сознания, нашего государственного устройства не проникнет мысль, что талант — это гордость народа, его родившего, его богатство, что никто не может присвоить себе право распоряжаться судьбой таланта и его творениями, нам не обрести духовного здоровья. И надо денно и ночно перевоспитывать народ, возвращая его уважение к таланту.

Индивидуальность, творческое начало воплощаются не только в художниках, но в людях любых профессий. Нивелируя духовность, борясь с ней в области мысли, художественного творчества, мы изничтожили индивидуальность и в области повседневного.

В моем детстве, например, высоким уважением пользовалось слово «краснодеревщик». Это был столяр высочайшего уровня, мастер, художник в своем деле. А плотники? Те, что вырезали наличники для окон, коньки для крыш, клаи срубы, избы ставили... Ну, а городские портные? А печники?

Это были люди, глубоко уважающие свой труд, а уважение и любовь к нему — это процесс духовный. И напротив, обесценивание, нивелирование труда и его результата есть, по-моему, страшный процесс обесчеловечивания человека, лишения его духовности.

Мы боролись с «частными» мастерами, мы уравнивали зарплаты независимо от качества труда. И мы хотим, чтобы человек, работающий на ничьем станке, на ничьем заводе и выпускающий ничей продукт и получающий за это не свою, а усредненную зарплату, был человеком нравственным, человеком духовным? Да никогда этого не будет!

Меня как художественного руководителя театра мучает еще один вопрос. Почему во времена «оттепели» возникали очаги высокой театральной культуры? «Современник», «Таганка», «Малая Бронная», наш «товстоноговский» БДТ... Каждый сезон выходили спектакли, которые становились событием в культурном мире. На сцену хлынула замечательная новая драматургия. Каждый год появлялись пьесы А. Арбузова, В. Розова, А. Штейна, М. Рощина, появились и заблистали А. Володин, А. Вампилов, А. Гельман, А. Соколова, Л. Разумовская, новые пьесы Э. Радзинского. Театры ставили этих авторов и других, открывали новые имена, но теперь... Мы наивно верили, что с перестройкой, с освобождением от цензуры драматургии, воодушевленные полной свободой, «закидают» нас новыми талантливыми пьесами. Увы, этого не произошло, не происходит и поныне.

Я не берусь дать ответ, почему. Может быть потому, что от проблем сугубо общественных, «острых» театр должен отойти и целиком сосредоточиться на внутреннем мире человека как такового? Должен родиться новый герой, новый Гамлет, новый князь Мышкин. А пьес пишут много. Пишут о раздробленном сознании, увлекаются сексом, «чернухой», крушением идеалов, но... театр сегодня уступает место сиюминутного, актуального, духовного лидера публицистике, собственно политике. Сегодня театр должен заняться человеком, его глубинным исследованием и обобщением и стремиться к высокой художественности. Тут театр никто и ничто не заменит!

Театр ведет поиск. Сотни театральных студий, конкурируя между собой, неустанно ищут духовную истину. Ищут ее и традиционные репертуарные театры. И я все-таки верю, что появятся и новые пьесы, и новые спектакли, исполненные высокого содержания и высокого духа.

Я верю в возрождение духовности... Убежден, что в народе потенциал есть, жив. Есть в людях стремление к нравственности, к очищению. Важно работать и искать, не бояться сложностей. Важен толчок, стимул!

А. П. Петров¹

УЧИТЬСЯ У КЛАССИКОВ²

Раздумывая о воспитании молодых композиторов, я считаю, что образовательная система призвана прежде всего *научить учиться у классиков*. Желая понять, в чем сила и величие больших художников XX века — Стравинского, Прокофьева, Бартока, я всегда обнаруживаю для себя, что чем крупнее композитор, тем (при всем его новаторстве) сильнее его связи с классическими традициями. Я нахожу у них глубокое переосмысление того, что накопило музыкальное искусство предшествующих эпох. Претворить это в собственном творчестве на новой основе — сложнейшая задача: ведь композитор должен извлечь из всего этого богатейшего арсенала не просто технические приемы, а живительные соки для собственного творчества.

Конечно, учебный процесс, занятия с педагогом должны помочь овладению гармонией, полифонией, оркестровкой, формой. Но мы знаем немало примеров, когда музыкант, окончив консерваторию, способен грамотно, по всем правилам оркестровать, а его собственная партитура лишена «дыхания», фантазии. Наверное, молодой композитор, учась на классических образцах, должен не просто овладевать техническим мастерством, но видеть в музыке классиков великолепные примеры использования художественных средств для воплощения сегодня уже иных, современных задач.

Не могу не вспомнить в связи с этим Стравинского: он обладал удивительным умением; брать для своих новаторских сочинений какие-то приемы, элементы из старых стилей и форм музыкального искусства, по-новому переосмысливая их для воплощения своих замыслов. Думается, что при всей разнице творческих индивидуальностей музыка прошлого должна быть для нас своеобразным «мостом в XXI век», искусство которого явится результатом всего предшествующего художественного развития человечества.

Сегодня одна из глобальных проблем в музыкальном искусстве — это существование огромного разрыва между так называемой серьезной и так называемой легкой музыкой. Разрыв этот проявляется в совершенно разных «музыкальных языках у композиторов», в совершенно различных слушательских аудиториях. Конечно, людей, предпочитающих песню, романс, танцевальную музыку, эстраду, всегда было (и, наверное, всегда будет) гораздо больше, чем тех, кто получает наслаждение от симфонической или оперной музыки. Но в последнее время этот разрыв между ними увеличился. Наверное, отчасти по той причине, что язык, например, современной

¹ Композитор, народный артист СССР. Председатель правления Ленинградского отделения Союза композиторов РСФСР (1964 — 1991), директор международного фестиваля «Петербургская музыкальная весна» (1965 — 2005). Автор опер, балетов, симфоний, инструментальных концертов, песен, романсов, музыки к более чем 80 кинофильмам, в т. ч.: «Путь к причалу», «Я шагаю по Москве», «Осенний марафон» (реж. Г. Н. Данелия), «Берегись автомобиля», «Служебный роман», «Жестокий романс» (реж. Э. А. Рязанов), «Укрощение огня» (реж. Д. Я. Храбровицкий) и др. Награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени, Ленина, Трудового Красного Знамени. Почетный доктор СПбГУП.

² Доклад представлен на Международную научно-практическую конференцию «Гуманитарная культура как фактор преобразования России» (1997 г.).

музыки очень усложнился и уже очень мало кто его понимает. В то же время на другом полюсе широчайшее распространение получила поп- и рок-музыка, очень часто отличающаяся упрощенным и ограниченным кругом художественных средств. В этих эстрадных жанрах мы часто встречаемся с обращением к таким темам, к которым легкая музыка ранее никогда не обращалась, которые были гораздо более закономерными для академических жанров серьезной музыки: для оперы, оратории, симфонии. Ныне же появились рок-оратории, рок-оперы. И их авторы часто обращаются к значительным философским, этическим и социальным темам. Вспомним рок-оперу «Иисус Христос — суперзвезда», моно-рок-оперу «Гамлет». Конечно, подобное расширение, обогащение диапазона эстрадного жанра — явление плодотворное. Это раздвигает его стилистические рамки, открывает новые художественные возможности. Но вместе с тем, как это часто бывает, у этого явления есть и обратная, теневая сторона.

Дело в том, что всеядность современной легкой музыки, ее чрезмерная художественная самоуверенность и амбициозность привели к тому, что миллионы ее поклонников стали довольствоваться лишь подобным искусством, уверовав, что ему подвластны все самые большие и сложные житейские и философские темы; что стилистикой, выразительными средствами рок-музыки можно отразить любые темы, образы и характеры.

Но палитры этих средств и приемов современной легкой музыки (как бы они ни обогащались за счет завоеваний большого классического искусства), конечно же, недостаточно для адекватного музыкального воплощения трагедий Шекспира, романов Толстого, Достоевского. И у поклонников рок-музыки создается ложное впечатление, что через обращения их кумиров к подобным темам они приобщаются к самому высокому и философски значительному. А по существу происходит отторжение от «высоких» жанров, утверждается ложная и наивная уверенность, что рок-музыке подвластно все. И для миллионов молодых людей огромный, прекрасный и богатейший мир музыки — оперной, симфонической, хоровой, народной — заменяется гораздо меньшим и ограниченным (хотя во многом и замечательным) миром рока.

В то же время в современной симфонической, оперной музыке происходят, по-видимому, разумные и необходимые процессы на пути демократизации, доступности серьезной музыки, своего рода шаги навстречу рок-музыке. Многие композиторы в своих оперных, балетных, симфонических партитурах широко используют принципы песенного мелодизма, ритмы современной танцевальной музыки, стремясь быть более понятными и доступными для публики. Может быть, наиболее ярко эти тенденции проявились в американской музыке (Гершвин, Бернстайн), в отдельных произведениях мы встречаемся с ними и у отечественных композиторов (Щедрин, Канчели, Эшпай).

Эта проблема всегда занимала и меня, так как я постоянно работаю в разных жанрах. И в музыке балета «Сотворение мира», и в операх «Петр I», «Маяковский начинается» есть очень многое из моего опыта работы в жанре песни, эстрадной музыки и, наверное, особенно в жанре музыки для кино. Основной путь взаимопроникновения различных жанров музыки, как мне кажется, пролегает через песню и танец, потому что в конце концов пес-

ня и танец — это те виды музыкального искусства, самые древние и вечные, из которых практически родилась вся мировая культура. Но в своих композиторских поисках я использовал не только технологические приемы из опыта работы в демократических жанрах музыки. Я старался разнообразить и способы эмоционального воздействия на публику, привлечь ее слушательское внимание путем более динамичной и «театральной» драматургии произведения, применения более лаконичных и эффективных музыкальных форм и построений.

Сейчас, на исходе столетия, многие задумываются: какая музыка будет в XXI веке? Вряд ли это возможно более или менее точно предсказать. Но, исходя из сегодняшней ситуации в мировой музыке, когда наличествуют классическая и современная академическая музыка, рок- и компьютерная музыка, традиционный и (мало еще известный) «экзотический» фольклор, можно предположить, что и дальше будет происходить сближение различных направлений, стилей, жанров музыкального искусства, их взаимообогащение и некий синтез.

М. М. Плисецкая¹

ПУТЬ К ПРАВДЕ ТВОРЧЕСТВА, ПРАВДЕ ЖИЗНИ²

Что вынесла я за прожитую жизнь, какую философию? Самую простую. Простую, как кружка воды, как глоток воздуха. Люди не делятся на классы, расы, государственные системы. Люди делятся на плохих и хороших. На очень хороших и очень плохих. Только так. Кровожадные революционеры, иступленно клявшиеся, что на смену плохим людям наконец-то придут одни хорошие, ввали. Плохих во все века было больше. Хорошие — всегда исключение, подарок Неба. Столько умного, очевидного было произнесено в веках — с Христа, Будды, Конфуция, Аввакума... Разве услышали, вняли? Вот и льется кровь, губятся жизни, коверкаются судьбы, надежды. Так будет и впредь, нет в том, увы, сомнений. Человеческая биология такова. Зависть, алчность, вероломство, ложь, предательство, жестокость, неблагодарность... Разве устоят против — отзывчивость, сердоболые, участливость, доброта, самопожертвование?... Неравный бой. Но в каждом поколении, в каждом уголке земли, в забытых Богом пространствах рождаются и несут свой крест

¹ Прима-балерина Большого театра СССР (до 1990 г.), народная артистка СССР, Герой Социалистического Труда. Автор книг «Я, Майя Плисецкая», «Тринадцать лет спустя», «Читая жизнь свою». Полный кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством». Награждена тремя орденами Ленина, орденами Почетного легиона, Искусств и литературы (Франция), «За заслуги перед Литвой», Великого князя Литовского Гядиминаса, Барборы Радвилайте (Литва), Изабеллы Католической (Испания), Восходящего солнца III степени (Япония) и др. Лауреат Ленинской премии, премии Анны Павловой Парижской академии танца, почетной премии РАО «За вклад в развитие науки, культуры и искусства». Почетный доктор университета Сорбонны, почетный профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, почетный гражданин Испании.

² Доклад представлен на Международную научно-практическую конференцию «Гуманитарная культура как фактор преобразования России» (1998 г.).

Хорошие люди. На них только и покоится наша земля. По-русски сказано очень точно: не стоит село без праведника.

Сводить свои тяготы и борения к одной лишь проклятой советской системе — легкомыслие. Было все это, было. Гадко, тошно было. Но как мешала мне и обыденная пошлая зависть, амбиции, надутые самомнения, клевета, нелепые слухи. Один наш музыкант, живущий теперь на Западе, в горьких сердцах воскликнул: «У примадонны Икс муж — директор банка. Это страшнее, чем секретарь райкома...»

Труднее всего давалась мне *независимость*. Вот что уж роскошь. Суетные люди без конца стремились затиснуть меня в свои группировочки, группировки, загнать под ничтожные знамена, упечь в свои ряды. Чем и грешна была, но не этим. Произнесу: я была *независима*. Усердно старалась быть таковой.

Никаких привилегий от власть имущих, ни пайков, ни государственных квартир, ни дач мы с Щедриным никогда не имели. Все заработали своим потом, своим трудом. Бредни западного журналиста (даже мимоходом ни разу ни меня, ни Щедрина вблизи не видевшего), накатавшего пухлую книжицу о невеселой советской жизни и с чьей-то грязной завидующей клеветнической подачи наболтавшего, что мы питаемся кремлевскими пайками и яствами, — клевета. Плисецкая и Щедрин даже адреса этого райского учреждения не ведали.

Сказать завистнику, сальеришке, что Плисецкая плохо танцует, а Щедрин музыку плохо пишет, — ненадежно: посмотрят, послушают — еще разувоятся, поймут, что это мелкая клевета. А про пайки услышат, про истеблишмент — наострят свои заполитизированные ушки, на черно-белое вмиг все разделят, на семь пар чистых, семь пар нечистых — все так хорошо, удобно, складно по двум полочкам и раскладывается... Я, леди и джентльмены, известный советолог, специалист по России (а сам провел в России несколько месяцев, по-русски ни слова не говорит, что надули в уши у клеветника на дому — между борщом и котлетами по-киевски, в книжицу свою и тиснет). Презираю и тех, и других — и клеветников, и лжеэрудитов...

Все «шестидесятники» в России шли к правде творчества, к правде жизни извилистыми путями... И каждый шел к цели своей дорогой. Судьбы нашего поколения не миновал компромисс — система была жестока. Надо было выжить, не дать «наступить на горло» своей песне, «вырулить» (этот глагол был у «шестидесятников» в ходу) и притом остаться порядочным человеком. «Шестидесятники» наивно тщились изменить мир, разрушить систему, растормошить людей, воззвать к их совести. И сегодня мы видим, как наивны они были. Донкихоты шестидесятых годов!..

У нас теперь, кстати говоря, как-то внезапно обнаружилось, что полстраны в диссидентах были. А те, кто на заштатный вопрос интервьюера: «Ваша настольная книга?» отвечали: «Сочинения Ленина», — теперь только одно твердят в унисон: «Библия»... Хамелеоны!.. Но это только пока. Пока сие модно, пока на этой стороне сила. Впрочем, это так... Наблюдение.

Есть на свете несколько простых, веселых сказок гениальных творцов, написанных человечеству в назидание. Сказки эти куда глубиннее своемудрых томов философов. «Сказка о рыбаке и рыбке», «О попе и работнике его Балде» Пушкина. Андерсеновская — «Новое платье короля». Что-то схожее

с историей о новом платье происходит и теперь. Но на музыкальный лад. Или мне мерещится?..

Я печалюсь, что сегодня кто-то намеренно спутал правду с ложью. Что сместились в иных головах акценты истины. Через поколение или два, в том сомнений не может быть, все разложится по своим полочкам, как кому было Богом отпущено. По мере таланта, не по мере политики.

Открыть хотя б один бы глаз,
Взглянуть хотя б один бы раз,
Что станет после нас...
Какие платья будут шить,
Кому в ладоши будут бить?..

М. Л. Ростропович¹

КРАСОТА ДЕЙСТВИТЕЛЬНО СПАСЕТ МИР²

После моего возвращения в Россию мне неоднократно приходилось высказываться по поводу разных аспектов нашей современной действительности, перспектив дальнейшего развития общества. В основных чертах эта позиция остается неизменной.

Полагаю, что только воспитание реальной демократической культуры сможет изменить облик России. Семьдесят лет кровавых иллюзий не в состоянии изжить за несколько мгновений ни одна страна в мире. А чтобы воспитать «непоротое» и «непуганое» поколение, нужно время. Именно поэтому сейчас я поддерживаю существующий в России режим, прекрасно понимая его несовершенство, видя те «родимые пятна», которые достались ему в наследство и от большевистской диктатуры, и от некритически воспринимаемого «дикого» капитализма.

В создании демократического гражданского общества исключительно велика роль гуманитарной культуры, гуманитарного образования, ибо, по моему глубочайшему убеждению, лишь оно способно воспитать в человеке человека. Будучи верующим, я убежден, что гуманитарное образование должно остаться светским, как во всех цивилизованных странах. Вера — личное, внутреннее дело каждого человека, ей категорически противопоказано навязывание кому бы то ни было, даже с самыми благими намерениями, а уж

¹ Виолончелист, пианист, дирижер, народный артист СССР. Награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» I и II степени, Почетного легиона, Искусств и литературы (Франция), Заслуг, Адольфа де Ниссау (Люксембург), Литературы и искусств (Швеция), «За заслуги перед Итальянской Республикой», Изабеллы Католической, Карлоса III (Испания), Британской империи, Заслуг (Германия), Леопольда I (Бельгия), Св. Карла, Заслуг в области культуры (Монако), Нидерландского льва, «За заслуги» (Эквадор), Свободы (Аргентина), Великого князя Литовского Гядиминаса, Заслуг (Польша), «Слава», «Независимость», Гейдара Алиева (Азербайджан), Заслуг (Венгрия), Восходящего солнца II степени (Япония), Сантьяго (Португалия), Феникса (Греция), Льва (Финляндия). Лауреат Сталинской премии, Ленинской премии, Государственной премии РСФСР и РФ. Пятикратный лауреат премии Грэмми. Почетный доктор СПбГУП.

² Доклад представлен на Международную научно-практическую конференцию «Гуманитарная культура как фактор преобразования России» (1995 г.).

тем паче использование ее в политических целях. Эта опасность, к сожалению, в последнее время отчетливо прослеживается. Далее, гуманитарное образование должно быть многоуровневым и многовариантным, с учетом интересов и возрастных, и социальных, и т. д. Нельзя всех «стричь под одну гребенку», как то было в советской школе, но не следует отказываться от реальных достижений, которых — каковы бы ни были их причины — мы достигли в советский период, свидетельством чему является, например, уровень отечественного музыкального исполнительства. В первую очередь речь идет о системе государственной поддержки и поощрения искусств, ныне в значительной степени разрушенной.

Убежденный сторонник и защитник частной собственности как основы общественного мира и благополучия, уверен, что одна только частная инициатива не в состоянии обеспечить полноценную, постоянно развивающуюся духовную культуру. Да, личная заинтересованность нужна, полезна, благотворна. Однако без разумной государственной политики прекрасное не рождается. Ведь даже в США Вашингтонский симфонический оркестр, которым мне довелось без малого 20 лет руководить, коллектив весьма благополучный, имеющий множество спонсоров с миллиардными и миллионными состояниями, — и тот не смог бы нормально существовать без поддержки на штатном и федеральном уровнях.

Поэтому мне близки идеи конвергенции, которые проповедовал великий наш соотечественник Андрей Дмитриевич Сахаров. Эти идеи отнюдь не устарели, и их реализация могла бы принести России вполне конкретные плоды, в том числе в сфере культуры и искусства и их взаимоотношений с государственными институтами. Особенно привлекательна в данном аспекте работа негосударственных учебных заведений — школ, гимназий, колледжей, вузов. Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов — один из таких вузов, насколько мне известно, успешно практикующий новые формы и методы воспитания подрастающего поколения; чрезвычайно ценной представляется опора его на художественное творчество, реализованная в структуре факультета искусств.

Оставаясь русским патриотом, твердым сторонником единой неделимой России и в то же время «человеком мира», уверен, что красота, которой поклонялась и которую лелеяла вся тысячелетняя история русского искусства, — по-прежнему суть и залог спасения российской цивилизации, равно открытой Западу и Востоку, открытой Миру и Вечности.

Г. В. Свиридов¹

ОСНОВА РУССКОЙ МУЗЫКИ — ГЛУБОЧАЙШЕЕ ПРАВСТВЕННОЕ НАЧАЛО²

Есть простота факта, которая всегда находится под рукой. Есть простота символа, которая появляется в результате колоссального отбора. Это обманчивая простота. Я против простоты первой попавшейся. Но чем серьезнее, сложнее содержание искусства, тем проще должна быть его речь.

Превосходная, возвышенная музыка, в сущности, всегда доступна. Что может быть более глубоким, изощренным с точки зрения тонкости работы, чем «Реквием» Моцарта? Однако, когда его исполняют, зал всегда полон. Мысли и чувства Моцарта, связанные с вопросами бытия, делают его «Реквием» общедоступным.

Естественно, искусство наше претерпело в течение веков многочисленные изменения, оно подвергалось многочисленным влияниям, но, мне кажется, сущность его сохранилась: это — не искусство индивидуализма, а искусство соборное, выражающее народное сознание, народное чувствование мира.

Культура не может не двигаться. Застой в ней губителен, но нельзя механически использовать чужой опыт. Чуждое надо иметь смелость отвергнуть. Художник должен двигаться вперед с идеей движения собственной культуры. Это изначально. Тем более что именно наша культура высока, человечна, направлена к человеку, а не против него... В основе русского искусства лежит глубочайшее нравственное начало. Мне кажется, что современного слушателя именно оно привлекает в русской музыке. Ее необыкновенная чистота, возвышенность помыслов, отсутствие низменного, суетного. Это искусство, возвышающее человека, и в этом его огромная сила.

Мы свою музыку не мыслим в отрыве от мирового музыкального творчества. Но, я думаю, надо смелее вносить в него свой голос. Ибо процесс интересен лишь тогда, когда интересны все составляющие его элементы.

Искусство помогает тому, чтобы человек не жил только сегодняшним днем. Ведь мы, слушая произведения композитора, который жил, например, двести лет назад, понимаем его сейчас, слышим его душу. А любовь к прошлому неразрывно связана с любовью к будущему. У Александра Блока есть замечательные слова: «Прошлое страстно глядится в грядущее». Мы должны мысленно ощущать этот поистине необозримый круг прошлого и будущего.

¹ Композитор, народный артист СССР, Герой Социалистического Труда. Автор симфонической и хоровой музыки, романсов, музыки к 13 кинофильмам, в т. ч.: «Метель», «Время, вперед» и др. Автор книги «Музыка как судьба». Награжден четырьмя орденами Ленина, орденами «За заслуги перед Отечеством» II степени, Свободы II степени (Албания). Лауреат Сталинской премии, Ленинской премии, Государственной премии РФ. Дважды лауреат Государственной премии СССР. Почетный доктор СПбГУП.

² Доклад представлен на Международную научно-практическую конференцию «Гуманитарная культура как фактор преобразования России» (1996 г.).

О НАЗНАЧЕНИИ ИСКУССТВА В РОССИИ¹

Искусство несет в себе божественную тревогу. Правда, что оно обречено на непонимание (или недостаточное понимание) в обществе. В том беда и искусства, и общества. Но искусство «обречено» и на сердечную любовь множества людей, миллионов отдельных личностей, сливающихся в представление о целом народе.

У великого народа и любовь к искусству великая, интуитивная, испытующая. В глубине этого чувства — страстное желание постичь смысл жизни через постижение божественной природы человеческого существа.

Искусство великое все-таки стоит неколебимо: Леонардо да Винчи, Толстой, Пушкин... В чем же вечная ценность искусства? Как найти слова?..

Ценность искусства совсем не в денежном или в каком-то ином эквиваленте. Когда мы говорим: «из золота» — не обязательно, чтобы речь шла о золотой вилке или солонке, хотя бы и сделал эту вилку или солонку сам Бенвенуто Челлини и она очень красивая. Дело не только в самой красоте и, конечно, не в одной красоте. Есенин, конечно же, не «ситцевый». Его поэзия — из золота, и она костична!.. Подлинное искусство — обязательно из драгоценного материала. Оно должно научить человека хорошему.

Воспитательная роль искусства весьма велика. Из «дидактического» поучения вышли божественные книги, без которых, в свою очередь, не могла бы сложиться жизнь искусства, возникнуть художественное творчество. Ты смотришь на создание художника, слушаешь музыку — ты воспринимаешь искусство во времени или пространстве, ты восторгаешься им. Это еще не само содержание искусства. Содержание (трудно объяснить словами) лежит где-то на дне искусства, и надо проникнуть в его глубины, нужно стараться как-то его постичь. И здесь нам необходима культура. Поучение часто лежит на самом дне искусства. Ты сам для себя смекаешь, в чем может быть тут польза для человека и в чем поэзия...

Александру Блоку принадлежит простая, но глубокая мысль: для того чтобы создавать искусство, надо *уметь* это делать. Дело художника — создание самого искусства, создание шедевра. Качество созданного, долговременность воздействия — вот единственное мерило ценности искусства. Оно вечно. Оно едино.

Роль искусства в России, его художественная и нравственная функция немного иные, чем в других мировых пространствах. Мы склонны придавать искусству совершенно особенное значение. Мы верим в его духовное предназначение, возвышающую и преобразующую силу. Влияние России на мир ощущается многими прежде всего как нравственное, культурное, художественное влияние — влияние возвышающее. Воздействие мира на Россию — всегда испытание.

Судьбы искусства, всей культуры, судьба российского интеллигента в новый, определенный период времени складываются весьма драматически. Идет сложный процесс в умах, душах людей, в их повседневной жизни. Процесс этот бывает окрашен в трагические тона. При всей непонятности, таинственности, я бы сказал, происходящего вокруг одно неопровержимо: созидает

¹ Доклад представлен на Международную научно-практическую конференцию «Гуманитарная культура как фактор преобразования России» (1997 г.).

ется будущее России, которой предстоит жить и творить в новой мировой ситуации.

Я русский человек, и для меня Россия — некое таинственное образование, некая, как говорил Блок, лирическая величина. Я пишу музыку, повинаясь внутренней идее и пытаюсь ощутить и выразить ту божественную тревогу, которую всегда несет в себе искусство.

Б. Я. Эйфман¹

ПЕТЕРБУРГСКИЙ БАЛЕТ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР²

Выступления на конференциях и симпозиумах — жанр, далекий от моей повседневной работы. Я вообще с большой осторожностью отношусь к словам и больше доверяю языку танца. Мое понимание жизни, человеческой судьбы, искусства, творчества выражено в спектаклях нашего театра. Насколько это удалось — не мне судить, но могу сказать со всей определенностью, что никогда не мыслил балет как искусство красивых движений. Всю жизнь, со студенческих лет, с неизбежными ошибками, а иногда и свершениями строю свой театр как художественную форму общения с миром, ищу способы и возможности выражения и познания с помощью языка тела жизни человеческой души, стихии страстей.

Сложная, таинственная, метафизически глубокая и противоречивая культурная целостность Петербурга, чувственно схватываемая, вполне конкретно переживаемая, но трудно поддающаяся теоретическому определению, неотделима от балета. Как и балет неотделим от нее. Природа, архитектура, художественная жизнь и образы искусства, социальный статус имперской столицы образуют сложные связи, взаимопереходы материального в духовное и наоборот. Белые ночи тоже не только природное явление. В Мурманске и Петрозаводске день еще длиннее, но белые ночи связаны именно с Петербургом, они неотделимы от Пушкина и Достоевского, от удивительного графического рисунка архитектурных линий, особое изящество которых читается на фоне белесого ночного неба.

Исследуя в одной из своих работ явление контрапункта стилей в искусстве, Дмитрий Сергеевич Лихачев строит свой анализ, в значительной степени опираясь на деятельность петербургского балетмейстера Мариуса Петипа. На трех страницах не только профессионально точно оцениваются место

¹ Художественный руководитель Санкт-Петербургского государственного академического театра балета, балетмейстер, народный артист России. Автор более 40 балетов, в т. ч.: «Анна Каренина», «Дон Кихот, или Фантазии безумца», «Карамазовы», «Красная Жизель», «Кто есть кто», «Мастер и Маргарита», «Мой Иерусалим», «Мусагет», «Онегин», «Поединок», «Реквием», «Русский Гамлет», «Чайковский» и др. Создал ряд телевизионных фильмов-балетов. Лауреат Государственной премии РФ, премий «Триумф», «Золотая маска», «Золотой софит». Лауреат премии Правительства Санкт-Петербурга в области литературы, искусства и архитектуры. Награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» II, III и IV степени, «Мира и согласия» (Россия), Командорским крестом ордена Заслуг (Польша), кавалер ордена Искусств и литературы (Франция). Почетный доктор СПбГУП.

² Доклад представлен на XI Международные Лихачевские научные чтения (2011 г.).

и роль выдающегося хореографа в развитии русского балета во второй половине XIX века, но и прослеживается воздействие этой сферы петербургского искусства на музыку, живопись, литературу, театральную режиссуру. Эти страницы вполне могут быть развернуты в интересный теоретический трактат.

Петербургскому балету и хореографическому образованию в России почти 300 лет. На протяжении всего XVIII и значительной части XIX века определяющую роль в балете играют иностранцы (и балетмейстеры, и танцовщицы). Приглашенный в 1785 году ученик великого Новерра француз Шарль Ле Пик не только танцевал ведущие партии, знакомил петербургскую публику с балетами своего учителя, но и инициировал издание в России знаменитого теоретического труда Новерра «Письма о танце и балетах». Позднее в русском балете появляются Шарль Дидло, Жиль Перро. Именно их усилиями в Петербурге сформировалась одна из самых профессиональных трупп Европы. Уже в конце XVIII века русский балет стал оказывать влияние на европейскую хореографию (балетмейстеры переносили на европейскую сцену спектакли, поставленные в Петербурге, русские танцовщики гастролировали за рубежом). Была подготовлена почва для феноменального прорыва танцевального искусства. Этот период называют «эпохой Петипа».

Невозможно отделить процессы, происходящие на балетной сцене, от великой музыки Чайковского и Глазунова, во многом определившей «симфонизацию» балета. Именно с этой музыкой связана и демократизация аудитории. Конечно, театр оставался увлечением аристократии, но на каждом спектакле присутствовали интеллигенция и студенты.

Я хотел бы акцентировать одно обстоятельство, особенно актуальное сегодня. Расцвет петербургского балета, начавшийся в XVIII веке, тогда, а особенно во второй половине XIX века был бы невозможен без колоссального финансового вклада и патронажа царской семьи. Выдающемуся американскому хореографу Джорджу Баланчину положение Петипа представлялось идеальным: балетмейстера привлекала включенность в «императорскую службу», и в то же время он чувствовал полную внутреннюю свободу творчества. В конечном счете деньги тратились не на развлечение элиты, а на развитие отечественной культуры, предполагавшее демократизацию публики.

В конце XIX века, вобрав все лучшее из мировой хореографии, петербургский балет стал мировым лидером в этой области. Не премьером, а именно лидером, ибо он возглавил дальнейшее развитие мирового искусства, выйдя за пределы России.

В 2008 году Россия и Франция (а вместе с ними и весь мир) отмечали столетие дягилевских Русских сезонов. Художественные идеи Дягилева сформировались в Петербурге. Здесь в 1898 году был основан один из первых художественных журналов — «Мир искусства» — блестящие статьи, великолепный подбор иллюстраций, кажется, невозможное для XIX века качество печати. Журнал собрал художников, композиторов, критиков, поддерживался меценатами. Дягилев был необыкновенным менеджером, финансистом. Бенуа однажды сказал со смешанным чувством радости и досады: «Эх, если бы Дягилев был министром финансов...»

В Петербурге появилась великая балетная музыка Стравинского. Она была «петербургской» музыкой, как ранее — музыка Чайковского. Баланчин настаивал на этом, основываясь не на биографических фактах жизни композитора (здесь учился, умер), а на внутренних свойствах его личности, выраженных музыкой: сдержанность, соразмерность, благородство, «европейскость» и «имперский дух».

В 1909 году Париж увидел русские балеты «Жизель», «Половецкие пляски», «Шахерезаду», «Жар-птицу», был ошеломлен искусством Павловой, Карсавиной, Иды Рубинштейн, Нижинского, Фокина. Миру открывается новая хореография Мясина, Нижинского, Лифаря, Баланчина, Фокина.

Дягилев распространил русское искусство за пределы России. Алексей Толстой точно определил реакцию Европы по поводу встречи с русской культурой: «Такого изысканного и совершенного искусства западный мир еще не видел».

В докладе нет возможности и необходимости назвать всех поименно, перечислить все пришедшие из России произведения, во многом определившие пути мирового художественного развития. Джордж Баланчин — один из блистательных деятелей мировой хореографии — был сформирован петербургской культурой и Императорским театральным училищем. Еще одно великое имя — Морис Бежар. Он с гордостью называет себя учеником русских педагогов — бывших солистов императорских театров, не забывая сказать при этом, что русские педагоги советского периода сформировали поколения танцовщиков в Японии, Корее, Китае, на Кубе. А сколько танцовщиков, балетмейстеров, педагогов, работающих на территории бывшего Советского Союза и во всех регионах планеты, подготовлены и продолжают формироваться в стенах Академии русского балета им. А. Я. Вагановой (до 1991 г. — Ленинградского государственного академического хореографического училища) и Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова!

Прерванное двумя войнами движение российского балета в мировом художественном пространстве в 1950-е годы (время «оттепели») снова оказалось «прорывным». Гастроли Большого театра явили Европе и Америке настоящее чудо — Галину Уланову и Майю Плисецкую. Позже, в 1960–1970-е годы, новая волна гастролей открыла для западного зрителя Наталью Макарову, Владимира Васильева, Рудольфа Нуреева, Михаила Барышникову. Наш балет, к сожалению, не мог продемонстрировать хореографические новации, но мощь и очарование классического танца покоряли и завораживали.

Нынешняя ситуация в петербургском (а во многом в российском и мировом) балете кризисная, тревожная. С одной стороны, безусловные достижения — заслуженное международное признание наших артистов: Ульяны Лопаткиной, Дианы Вишневой, Светланы Захаровой, Игоря Зеленского, Фаруха Рузиматова.

Однако особых оснований для оптимизма нет. Мало новых хореографических идей, за последние двадцать лет практически не появилось новых имен хореографов. Отечественными коллективами активно копируются образцы современной западной хореографии, зачастую уже не актуальные. При этом опрометчиво предается забвению солидное культурное наследие прошлых эпох, игнорируются традиции русского балетного театра.

Существование культуры в условиях рынка вовсе не означает, что сама культура есть часть рынка. Симфонический оркестр не может и не должен конкурировать с популярным эстрадным исполнителем, поэт — с сочинителем детективов и дамских романов. Спонсирование — важная и необходима составляющая финансирования культуры, но лишь в качестве дополнения к обязательному бюджетному ее обеспечению. Зарботная плата Василия Ивановича Качалова равнялась зарботной плате премьеры России. Эти деньги он получал не в конверте, а в кассе Художественного театра. Мариусу Петипа была назначена годовая пенсия 9 тыс. рублей (это огромная сумма). Культурно значим сам факт такой пенсии.

К счастью, сегодня, в отличие от печальной ситуации 1990-х годов, деятели балетного искусства, как правило, не могут пожаловаться на невнимание к себе со стороны властей, отсутствие государевой опеки. По крайней мере я могу однозначно говорить об этом применительно к ситуации с нашим театром (Санкт-Петербургским государственным академическим театром балета). Так, в настоящее время в Петербурге городскими властями реализуется проект Академии танца. В сентябре 2012 года академия должна распахнуть свои двери. В этом образовательном учреждении будут взращиваться новые поколения деятелей балетного искусства. Мы намерены искать талантливых детей по всей России, уделяя особое внимание одаренным сиротам и ребятам из неблагополучных семей.

Однако не все столь безоблачно для хрупкого балетного искусства. Массовое информационное общество, в условиях которого мы существуем, характеризуется безоговорочной гегемонией масскульта. И поэтому сегодня, к сожалению, можно говорить о периферийном, маргинальном существовании серьезного искусства в общем контексте культуры. Поп-культура, конечно, тоже нужна, более того, в той или иной мере с ней связан каждый человек. Речь идет о балансе, соотношении возможностей.

Обо всем этом говорить горько. Значительно приятнее делиться радостью от общения с публикой в нашем городе, России, во всем мире. Думаю, что наш коллектив достойно представляет российскую хореографию по всей планете. Мы конкурируем с труппами, которые имеют в десятки раз больший бюджет и современные сцены в своих странах. Наш театр привлекает зрителя, уставшего от бесконечного повторения нескольких названий классического репертуара и от абстрактного балета, насильно оторванного от театральных традиций, лишённого психологизма и драматургического фундамента.

Для меня искусство танца — уникальная возможность исследовать духовный и психологический мир человека с помощью того ювелирного художественного инструментария, которым является древний язык тела. Часто спрашивают о том, почему большинство моих героев — это персонажи страдающие, метущиеся, погружающиеся в безумие и ирреальность. Ответ очевиден. Меня всегда интересовал мир человеческих страстей, душевных терзаний. Однако едва ли не сильнее меня увлекает возможность обращения к вечным философским проблемам, «проклятым вопросам» — о месте человека в мире, добре и зле, любви и свободе.

Сочинение балетов — это чудесный шанс открыть неизвестное в известном, обратившись к текстам произведений великих русских и зарубежных

авторов или к страницам биографий легендарных исторических персонажей. Именно при прикосновении к сокрытому между строк, к внутренней магии текстов Пушкина, Толстого и Достоевского рождаются новая поэтика и философские смыслы.

Есть *память культуры*, в которой оживает атмосфера спектаклей и продолжают танцевать Павлова, Кшесинская, Спесивцева, потому что в диалоге культур участвуют не только тексты, здания, ритмы и линии, но и люди, каждый из нас. Культура не только среда, но и *жизненный мир*. Нельзя об этом забывать.

Звание почетного доктора СПбГУП, которого была удостоена в 1995 году Наталия Михайловна Дудинская, заняло достойное место в ряду многочисленных отечественных и зарубежных званий и наград великой балерины. А то, что это произошло спустя 32 года после того, как она оставила сцену, — факт, заслуживающий уважения и восхищения. Бытие балета, в отличие от архитектуры или литературы, эфемерно. Закрылся занавес — и ничего нет. Оказывается, есть. И будет столько, сколько в состоянии удержать наша память культуры. Спасибо Университету!

Как необычно сегодня стоит перед нами пушкинский вопрос:

Узрю ли русской Терпсихоры
Душой исполненный полет?

Великий провидец Пушкин вряд ли мог предположить нравственно-смысловую остроту этого вопроса в России начала III тысячелетия. Ответ лежит далеко за границами балета. Будем ли мы жить в диалогическом мире или наше существование станет коллективным монологом? Все зависит от нас.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абалкин Л. И. 331, 334, 337
Авдеев А. А. 338
Азиз Ш. 26
Акаев А. А. 31
Аникушин М. К. 827
Ардакани Реза Давари 764
Афанасьев Ю. Н. 772
Бехтерева Н. П. 829
Богомолов О. Т. 535
Бондарь Н. С. 541
Брутенц К. Н. 38
Бузина Олесь 41
Бурлацкий Ф. М. 647
Бюль-Бюль оглы Полад 46
Валлерстайн Иммануил 343
Вебер Шломо 548
Вознесенский А. А. 833
Вятр Ежи Й. 50
Гаджиев Г. А. 556, 560, 649, 655
Гамильтон Александра 346
Гатилов Г. М. 55
Гинзбург Виктор 548
Глазьев С. Ю. 563
Горшков М. К. 350
Гранин Д. А. 363, 662, 834
Гринберг Р. С. 570, 665
Громько А. А. 62
Гусейнов А. А. 66, 72, 366
Гусман М. С. 79
Дуткевич Петр 84, 96
Запесоцкий А. С. 18, 373, 778
Заславская Т. И. 100, 102
Зобнин Ю. В. 671
Иоанн 838
Каган М. С. 789, 791
Капица С. П. 793
Касавин И. Т. 106, 383
Кёхлер Ганс 109, 389, 396
Клеандров М. И. 587
Клейнер Г. Б. 596
Кожин В. В. 794, 796
Кокошин А. А. 676
Колодко Гжегож В. 118
Кон И. С. 799
Конев В. А. 123, 405
Корогодский З. Я. 841
Костомаров В. Г. 127
Кресин А. В. 635
Куделин А. Б. 409, 844
Лавров К. Ю. 860
Лавров С. В. 134, 419
Лекторский В. А. 140, 425, 428
Ли Цзинцзе 143
Ли Шеньмин 148
Лисицын-Светланов А. Г. 602, 604
Лихачев Д. С. 22
Лукашева Е. А. 152
Львов Д. С. 608
Майкл, принц Кентский 435
Майор Федерико 440, 441
Марк Хуан А. 155
Марков А. П. 683
Матвиенко В. И. 443, 450, 690
Межуев В. М. 161, 802
Миронов В. В. 453
Моисеев Н. Н. 462
Моратинос Мигель А. 172
Наумкин В. В. 178, 185, 467
Некипелов А. Д. 476, 617, 694
Никандров Н. Д. 806
Осипов Ю. С. 698, 703
Панченко А. М. 710
Парыгин Б. Д. 712, 814
Петраков Н. Я. 715
Петров А. П. 863
Пивовар Е. И. 479
Пиотровский М. Б. 487, 489
Платэ Н. А. 717
Плисецкая М. М. 865
Примаков Е. М. 724
Рар Александр 730
Расторгуев В. Н. 300
Аль Раухани Абдулвахаб М. 494
Раушенбах Б. В. 817
Резник Г. М. 622, 624
Ростропович М. Л. 867
Рязанов Э. А. 737
Сала Винсент делла 195
Санаи Мехди 200
Сапир Жак 210
Свиридов Г. В. 869, 870
Скатов Н. Н. 818, 820
Смирнов А. В. 216, 221
Собчак А. А. 738, 740
Солонин Ю. Н. 236
Степин В. С. 240, 503, 823

Сукарнопутри Мегавати 245
Талаль Эль Хасан бин 248
Титаренко М. Л. 255, 265
Тишков В. А. 514
Толочко П. П. 272, 279, 526
Тощенко Ж. Т. 285, 743
Третьяков В. Т. 292
Тюркер Ташансу 294
Аль-Фейсал Турки 531

Хабриева Т. Я. 631
Черешнев В. А. 300, 825
Чубарьян А. О. 304, 313, 314
Шемщученко Ю. С. 635
Шмелев Н. П. 746, 752
Эйфман Б. Я. 871
Яковенко А. В. 316, 323
Янин В. Л. 763
Ясин Е. Г. 643

Научное издание

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЛИХАЧЕВСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Избранные доклады (1995 – 2015)

Ответственный редактор *И. В. Петрова*

Художественное оформление *А. М. Брилль*

Редакторы: *Я. Ф. Афанасьева, В. Г. Даниленко, Т. В. Никифорова*

Технический редактор *Л. В. Климкович*

Корректоры: *О. В. Афанасьева, Т. А. Кошелева, И. Н. Чугунова*

ISBN 978-5-7621-0824-9

Подписано в печать с оригинала-макета 25.11.15
Формат 60х90/8. Гарнитура BalticaС
Усл. печ. л. 55,0. Тираж 1000 экз. Заказ № 51 489
Санкт-Петербургский Гуманитарный университет
профсоюзов
192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15
Отпечатано в типографии ООО «Омега-принт»
192212, Санкт-Петербург,
ул. Белградская, 30, лит. А, пом. 15Н

**СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ
И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ**

XV Международные Лихачевские научные чтения,
14–15 мая 2015 г.

В сборнике опубликованы материалы пленарного заседания и шести секций XV Международных Лихачевских научных чтений, прошедших 14–15 мая 2015 года в СПбГУП в соответствии с Указом Президента РФ В. В. Путина «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева».

В XV Чтениях приняли участие представители более 30 стран мира. Среди 208 авторов сборника — выдающиеся отечественные ученые, члены Российской академии наук: О. Т. Богомолов, Р. С. Гринберг, А. А. Гусейнов, А. С. Запесоцкий, Г. Б. Клейнер, В. А. Лекторский, А. Г. Лисицын-Светланов, А. Д. Некипелов, В. С. Степин, В. А. Тишков, Ж. Т. Тощенко, В. А. Черешнев и др.; руководители академических институтов и научно-исследовательских центров, представители высших учебных заведений, руководители СМИ, видные государственные и общественные деятели, признанные специалисты в области политики, экономики, международного права, представители творческой интеллигенции: заместитель Председателя Государственной Думы РФ А. К. Исаев, судья Конституционного Суда РФ Г. А. Гаджиев, председатель ФНПР М. В. Шмаков, заместитель министра иностранных дел РФ Г. М. Гатилов, Посол РФ в Великобритании А. В. Яковенко, первый заместитель генерального директора Информационного агентства России «ТАСС» М. С. Гусман, вице-президент Федеральной палаты адвокатов Г. М. Резник, декан Высшей школы телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова В. Т. Третьяков.

Среди иностранных авторов сборника — Президент Киргизской Республики (1990–2005), академик А. А. Акаев, премьер-министр Пакистана (2004–2007) Ш. Азиз, вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003), профессор Г. В. Колодко, министр образования Польши (1996–1997) Е. Вятр, министр иностранных дел Испании (2004–2010) М. А. Моратинос; посол Мексики в РФ Р. Герреро, посол Испании в РФ (2008–2011) Х. А. Марк, Генеральный консул в Санкт-Петербурге М. Файетта (Швейцария), член палаты лордов К. Мойнихен (Великобритания), депутат Законодательного собрания Дели А. Ламба (Индия), министр иностранных дел Ганы (2003–2007) Н. Акуфо-Аддо и др.; журналисты, обозреватели, издатели: Ю. С. Голгорский, М. Пападопулос (Великобритания), Т. Кент, В. Тарпли (США); члены зарубежных академий наук: Д. Ардакани (Иран), В. Проданов (Болгария), П. П. Толочко (Украина). Профессора: А. Бассам (Сирия), Т. Бауэр (Германия), А. Беблер (Словения), Ш. Вебер (США), Б. Вольф (Германия), Д. Гэлбрейт (США), П. Дуткевич (Канада), В. Ингимундарсон (Исландия), А. Иравани (США), Г. Кёхлер (Австрия), В. Д. Курганская (Казахстан), А. И. Лученок (Беларусь), Ф. Т. Мамедов (Азербайджан), С. М. Мохажгер Ахмадабади (Иран), Т. Осанг (США), В. дельла Сала (Италия), Ж. Сапир (Франция), Т. Тюркер (Турция), М. Фуджита (Япония), Чжан Дюнь Юн (Китай), Н. эль-Шейх (Египет) и др.

Роль Лихачевских чтений высоко оценивает Президент Российской Федерации В. В. Путин, отмечая, что «конференция приобретает все более широкий международный резонанс, а ее повестка наполняется значимыми и актуальными вопросами современности».

Это и другие издания можно заказать в издательстве
Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов:

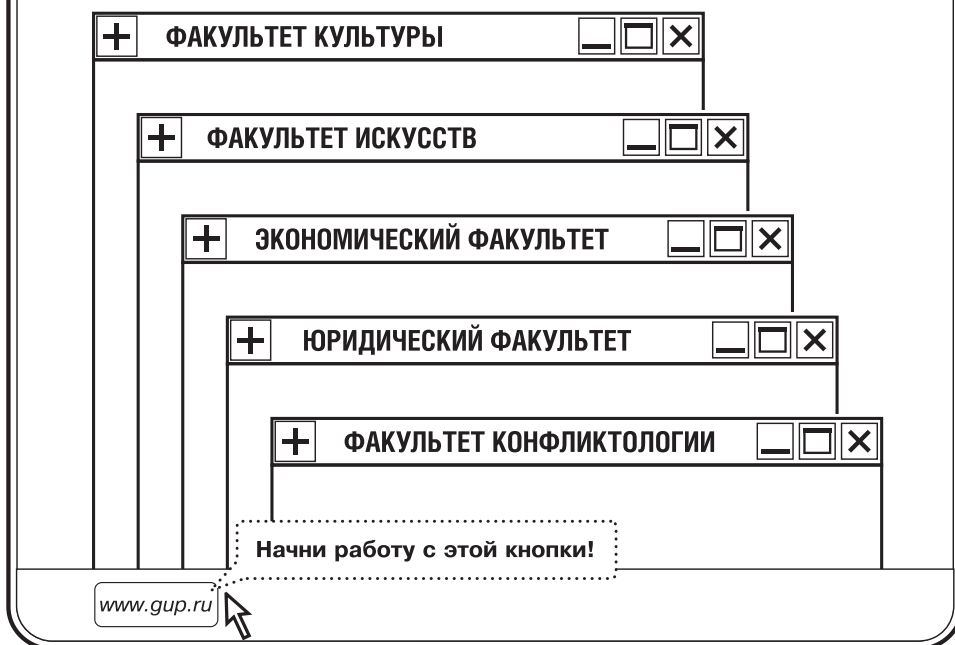
- по адресу: 192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15;
- по телефону: (812) 740-38-87;
- по e-mail: publish@gup.ru;
- на сайте: www.gup.ru

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

www.gup.ru

ОФИЦИАЛЬНЫЙ САЙТ СПБГУП

Предлагаем также посетить сайт «Площадь Лихачева»

www.lihachev.ru

основные рубрики сайта:

Научное наследие
Д. С. Лихачева

Библиография
Лихачева

Международные
Лихачевские чтения

Декларация прав
культуры

и другие материалы